

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Коллективная монография

**Москва
2014**

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Коллективная монография

*Под общей редакцией
члена-корреспондента
Российской Академии наук
В.Н. Кузнецова*

УДК 32
ББК 60.5
Н 94

Рекомендовано к изданию
Московским институтом стратегических исследований
Журналом «Безопасность Евразии»

Составитель В.Н. Кузнецов

Н 94 **Национальная безопасность Российской Федерации в XXI веке:** Коллективная монография / Сост. В.Н. Кузнецов; под общ. ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2014. 664 с.

В коллективной монографии авторы (научная школа Кузнецова) представили итоги исследований состояния и динамики национальной безопасности России в XXI веке.

Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004); *Становление евразийской безопасности* (2005); *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006); *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007); *Смысл Великой Победы* (2010); *Мы – народ: Народ – главный Субъект развития, модернизации, управления Россией* (2011).

Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума. Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это кластерно-сетевые нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру развития, культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога; культуру партнёрства.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни, культуре развития каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2000–2014 годы.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных и социальных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности

УДК 32
ББК 60.5

© Авторы статей, 2014
© Кузнецов В.Н.,
составление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. В.Н. Кузнецов. Национальная безопасность России XXI как новый миропорядок, новое мировоззрение и новый гуманизм	7
<u>Раздел первый</u>	
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ	
Глава 1. В.Н. Кузнецов. Безопасность Человека 2014 как культура компромисса в глобальной игре с итогом, отличающимся от нуля (≠0)	9
Глава 2. Е.В. Никонорова. Социальные и гендерные аспекты устойчивого развития	45
Глава 3. Э.Г. Кочетов. Человек на планете Земля: ставки больше чем жизнь (Статья-эссе первая)	59
Глава 4. М.С. Савин. Актуальные проблемы развития российской экономики: вопросы социологического анализа	84
Глава 5. И.В. Евдокимов. Общество и тюремное население России: возможность участия общественных организаций в профилактике повторной преступности и исправлении осуждённых в местах лишения свободы	93
Глава 6. Д.М. Данкин. Модернизация доверия	109
Глава 7. Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посашков. От идеологии компромисса к философии будущего	124
Глава 8. А.В. Кузнецова. Институт справедливого мироустройства как геокультурное основание формирования умной политики российской безопасности	143

Глава 9. А.Д. Урсул. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ	163
Глава 10. Л.И. Сергеева. Основные принципы функционирования коммуникационного общества	189

Раздел второй

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ И ЗАЩИТЫ РОССИИ 2014–2016

Глава 11. В.Н. Кузнецов. Об участии учёных-обществоведов в реализации «Плана обороны Российской Федерации на период до 2016 года»	197
Глава 12. Свобода и Ответственность: материалы конференции «Формирование военной элиты XXI в России»	259
Глава 13. А.Д. Урсул. Контуры безопасно-устойчивого будущего: размышления после Саммита РИО+20	285
Глава 14. Э.Г. Кочетов. Миропонимание в условиях глобальных фазовых переходов: геоэкономический подход – глобалистика – гуманитарная космология (диалогистический контур)	301
Глава 15. Л.И. Сергеева. Основы современной политики коммуникационной безопасности	331
Глава 16. Д.М. Данкин. Истинные и мнимые варианты доверия	351
Глава 17. О.А. Бельков. Как совладать с многонациональностью?	369
Глава 18. А.И. Неклесса. Трансформация будущего	389
Глава 19. Д.Н. Замятин. Сопространственность, территориальная идентичность и место: к пониманию политик постмодерна	408
Глава 20. Е.В. Сапир. Геоэкономическая картина мира: когнитивный ландшафт	432

Раздел третий

КУЛЬТУРА МИРА КАК КУЛЬТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СЕМЬИ, НАРОДА

Глава 21. О.А. Бельков, О.А. Фельдман. Сопряжение национальной безопасности и образования как объект научного анализа	453
Глава 22. Л.И. Сергеева. Особенности национальной политики безопасности в коммуникационную эру	478
Глава 23. Э.Г. Кочетов. Россия и мир (диалог: большой глобальный разговор в полный голос о судьбах страны и мира – российские инициативы)	498
Глава 24. О.Н. Капелько, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посашков. Надежды и императивы российского образования	517
Глава 25. Е.В. Сапир. Сетевые партнёрства университетов и формирование интернациональных образовательных кластеров	539
Глава 26. А.В. Кузнецова. Справедливый миропорядок как необходимая институциональная среда для безопасности России в XXI веке	551
Глава 27. Р.А. Явчуновская, И.В. Явчуновская. Диалог и ответственность в сферах международной и региональной безопасности	579
Глава 28. В.Н. Кузнецов. О сущности достойной позиции и смысле создающего поступка в контексте Геокультурного Проекта Развития России XXI	589
Послесловие. В.Н. Кузнецов. Сегодня мы отвечаем за безопасность России, за безопасность каждого человека, каждого народа	633

Научный и справочный аппарат книги

Сведения об авторах	635
Аннотации и содержания ранее изданных (2011–2004 гг.) коллективных монографий:	
• <i>Мы – Народ: Народ – главный Субъект развития, модернизации, управления Россией.</i> М., 2011	637
• <i>Смысл Великой Победы.</i> М., 2010	639
• <i>Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок.</i> М., 2007	641
• <i>Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века.</i> М., 2006 ...	642
• <i>Становление евразийской безопасности.</i> М., 2005	643
• <i>Гуманитарный стратегический манёвр.</i> М., 2004	645
Хронология возникновения, становления, функционирования и развития «научной школы Кузнецова» в 1999–2014 годах	646
Аннотация книги	662

ПРЕДИСЛОВИЕ

В.Н.Кузнецов

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ XXI КАК НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК, НОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И НОВЫЙ ГУМАНИЗМ

Весна 2014 года. Тревожное и весьма беспокойное время.

Время, которое побуждает ещё раз спокойно проанализировать происходящее в мире (Египет, Сирия, Украина). Заставляет ещё раз задуматься над проблемами глобальной безопасности, существующем миропорядке, роли и месте России в этом калейдоскопе событий.

Ведь речь, по сути, идёт о самом главном: какую Повестку Дня предлагают России и какие Правила Игры нам предусмотрели наши партнёры.

А самое главное: что является лейтмотивом этой Игры:

- **целенаправленное разрушение** существующих вековых ценностей, веры, морально-этических устоев, исторической памяти;
- **либо** это самый тривиальный просчёт.

Когда кажущаяся сиюминутная победа может обернуться катастрофой, разрушающей мировой порядок, выстроенную систему глобальной безопасности, наработанную систему экологических связей.

Ставит под сомнение принципы партнёрства, доверия.

Причём это делается без учёта контекста событий.

Анализируя весь событийный ряд, его контекст можно предположить и третий вариант.

Кардинальное изменение Правил Игры, сложнейшую комбинацию компромиссов, где главная цель – перестановка и замена самих игроков.

Хотим мы или не хотим, но эти вопросы непосредственно связаны с нами, Россией, и самым непосредственным образом определяют нашу национальную безопасность.

Всё это и определило главный вектор исследований научного коллектива авторов представленной коллективной монографии.

Мы постарались теоретически и методологически осмыслить происходящие события и представить читателям свои соображения по самому главному:

вопросу национальной безопасности России в 2014 году;

высказать свои соображения и обоснования складывающегося нового миропорядка и нового мировоззрения, нового гуманизма.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Глава 1. В.Н. Кузнецов.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА 2014 КАК КУЛЬТУРА КОМПРОМИССА В ГЛОБАЛЬНОЙ ИГРЕ С ИТОГОМ, ОТЛИЧАЮЩИМСЯ ОТ НУЛЯ (≠0)

Статья, представленная читателям в середине марта 2014 года, посвящена итогам моих исследований, итогам работы коллег по «научной школе Кузнецова» в содействии формированию социологии культуры безопасности человека, семьи, народа, общества, России. Основной ракурс – методологические аспекты изучения проблем Мира и Безопасности, Безопасности и Мира.

Особенность наличной ситуации: сложные для людей в России, на Украине, во многих странах мира события. Сложные для судеб российских учёных мартовские дни кануна Общего собрания Российской Академии Наук. В такой ситуации необходимо и важно изложить мою личную позицию как человека, гражданина, учёного (март 2014).

Моя позиция.

1. Полагаю возможным и необходимым утверждение, что в 2003–2014 годах *оформилась культура жизни* граждан России, что проявилось в реальных фактах складывания созидательного единства народов страны. Обозначились *контуры общенациональной цели и общенациональной идеи* – достижение достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, продвижение к справедливости и счастью для всех. Практически впервые за многие годы стали понятны главные доминанты движения, стратегии перемен в стране – куда и зачем мы идём, в чём наши идеалы и ценности, кто мы и как мы существуем в современном мире; что Россия имеет правильный, динамичный курс в направлении достижения позитивного переустройства общества, в достижении устойчивого мирного сотрудничества как между людьми в своей стране, так и с другими странами¹.

И согласных, и несогласных граждан с переменами в российском обществе XXI века дополняют сомневающиеся. Речь идёт о гражданах, которые сомневаются как в позициях согласных, так и несогласных, которые затрудняются определить свою позицию, которые, возможно, безразличны к переменам, которые равнодушны к судьбе России. *Самые предварительные итоги изучения влияния реальных людей на судьбу России в XXI веке (согласные, несогласные, сомневающиеся) позволяют предложить тезис о складывании принципиально новой ситуации в понимании источников воли и энергии, интеллекта и силы на переломном этапе истории.* По моему мнению, впервые за многие годы перемен в России обозначилась *позитивная созидаящая субъектность*: народы, миллионы реальных граждан-творцов, ответственных за прошлое народа и страны и

¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Жить и верить не по лжи: Выступление на Съезде Добровольческого движения Общероссийского народного фронта в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса. Москва, 26 февраля 2012 года // Российская газета: Неделя, 2012, 1–6 марта. С. 2.

созидающих настоящее и будущее страны. Именно они формируют новую элиту: честных нравственных, порядочных граждан, патриотов своей Родины¹.

Главная особенность первого тезиса: настоящее и будущее страны зависят от конкретного участия, деятельности каждого из нас для достижения реального и желаемого уровня и качества жизни, достоинства, благополучия и безопасности, справедливости и счастья. Теперь необходимо сформировать Повестку Дня на 2014–2020 годы Себе – Народу и Гражданину, предложить Послание Самим Себе, чтобы потрудиться для своей безопасности, для безопасности Другого, для безопасности всего Общества, всей России. Полагаю, такой подход диктуется стремительностью конструктивных, созидających, творческих позиций и поступков конкретных наших соотечественников².

2. Считаю исключительно важным для блага Отечества состоявшийся в 2008–2014 годах процесс обретения народами России, её обществом, государством российским трёх духовных и национальных лидеров: Владимира Путина, Патриарха Кирилла, Дмитрия Медведева.

В повседневной реальности 2000–2014 годов оформились Общенациональная Цель и Социальный Идеал (они совпадают в эти годы по смыслу и содержанию): равенство каждого человека перед законом, справедливость, правда и достоинство для всех. Позитивно воспринят идеологический тезис Президента России Владимира Путина (Санкт-Петербург, 2007): *Россия как страна-идея*; а также идеологический тезис Президента России Дмитрия Медведева (Санкт-Петербург, 2010): *Россия как страна-мечта*.

Многими гражданами России, которые ориентированы на светские нравственные и духовные ориентиры, а также многими гражданами нашей страны, которые ориентированы на православие, ислам, буддизм, иудаизм, католичество, позитивно воспринята объединяющая духовная деятельность Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

3. Именно в 2000 и 2010 годах чётко определено, что Народ России является главным носителем суверенитета Российской Федерации и единственным источником власти в России³ (2000, 10 января). В 2010 году Президент России Д. Медведев чётко и понятно отметил, что Российская Федерация управляется и контролируется только её народом⁴.

Таким образом, народ России является Главным Субъектом развития России, модернизации России, управления Россией.

4. **Моя личная позиция для 7 марта 2014 года** может быть уточнена в последовательности нескольких аспектов. *Аспект первый:* сам Народ России публично, словами и действиями обозначил содержание, структуру и смысл главного звена в Правилах Игры для всех сфер жизнеобеспечения народа, всех сфер жизни России. Суть: во-первых, безусловное **равенство каждого человека**, вне любых характеристик – уровня благосостояния, национальности, пола, веры или неверия, заслуг перед народом и властью, **перед Законом**. Во-вторых,

¹ Путин В.В. 2013: Красные линии Владимира Путина. Президент России выступил на Валдайском форуме // Российская газета: Неделя, 2013, № 216. 26 сентября – 3 октября. С. 2–3.

² Медведев Д.А. Время простых решений прошло // Ведомости, 2013, 27 сентября. С. 06–07.

³ Указ Президента Российской Федерации «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации». Москва. Кремль. 10 января 2000 года. № 24 // Социология безопасности: Хрестоматия. М., 2003. С. 38, 39.

⁴ Фаризова С. Россию контролирует российский народ // Известия, 2010, 29 апреля.

гарантированное, исключающее процессуальные деформации закона и механизма правоприменения, **исполнение Закона с обеспечением законного уровня гласности о всех этапах его осуществления.**

Аспект второй: Президент России, Премьер-министр России, все структуры власти обладают всей полнотой легитимности на основе воли всего Народа через Конституцию Российской Федерации. Народ России формирует Повестку Дня – 2014 и Правила Игры – 2014 для осуществления с реальным и достойным участием трёх национальных лидеров: Кирилла, Медведева, Путина.

Аспект третий: Народом России конкретно и убедительно востребованы итоги научных исследований во всех звеньях общественных наук. Важное звено – содействие Народу в обосновании содержания и структуры, смыслов Повестки Дня 2014–2020, Правил Игры – 2014–2020, Общенациональной Цели. Именно эти знания могут содействовать Народу в духовном единении, нравственном оздоровлении, обретении надежды на достойную жизнь по совести, по правде, по справедливости. Особая значимость итогов исследований российских обществоведов в достижении реальной духовной безопасности, обосновании сострадания, соработничества, соучастия как для предотвращения терроризма, естественных катастроф, так и для предотвращения возможной ядерной глобальной войны.

Аспект четвёртый: считаю убедительно оформившейся конструктивно и гуманитарно ориентированную ключевую доминанту Правил Игры XXI – новую Московско-Шанхайскую модель миропорядка (концепция Кузнецова). Её роль актуализировалась на фоне оформления и продвижения евроатлантической модели миропорядка XXI (концепция Буша-младшего и Барака Обамы).

Аспект пятый: предметом обсуждения в гуманитарном научном дискурсе по поводу Повестки Дня 2014, Правил Игры 2014, Общенациональной Цели России могла бы стать инициатива по внесению поправки в Конституцию России. Её смысл – соединить права человека с его обязанностями, свободы человека – с его ответственностью. Правомерно, по мнению автора статьи, преобразовать важнейшие документы ООН: «Всеобщую декларацию прав человека» (1948), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (1966), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966) и Факультативный протокол к нему, «Европейскую Конвенцию по правам человека». Смысл преобразований – конструкторы во всех этих документах: «права человека», «свобода человека», «права и свободы человека» заменить на конструкторы: «права и обязанности человека», «свобода и ответственность человека», «права и обязанности, свобода и ответственность человека». Мотивацией при обсуждении и продвижении такой инициативы России мог бы стать такой аргумент: предлагаемые изменения формируют созидательные, гуманистические по сути Правила Игры XXI, которые в соединении с Повесткой Дня XXI на Саммите по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (2012), с Глобальными целями развития тысячелетия (Саммит 2000, 2010) могут решающим образом помочь людям в оздоровлении духовной и нравственной ситуации с реальными сложными событиями 2014 года (Сирия, Афганистан, Ирак, Ливия, Украина), тревожными прогнозами по поводу глобальных катастроф, по поводу возможной ядерной глобальной войны.

5. В итогах моих исследований, представленных читателям в этой статье, в других моих работах рассматривается широкий спектр позиций:

западное – не западное;

гуманистическое – негуманистическое;

американское – неамериканское;
либеральное – нелиберальное;
консервативное – неконсервативное.

Перечень можно продолжить: суть в том, что концепт «неамериканское» сохраняет полностью смысл полноты концепта «американское». Суть в том, что для меня «неамериканское» это только Другое – английское, китайское, французское, сирийское, норвежское, русское. Другое. И это нормально. Здесь плодотворное поле для дискуссий, для научного дискурса. Предлог «не» обогащает палитру научного дискурса: сохраняет суть, полноту дискуссии. А предлог «анти», «контр» – закрывает дискуссию («антиамериканизм»).

6. Считаю необходимым и важным привести авторские определения основных понятий, концептов, конструктов, категорий, которые «работают» в представленной статье: по сути, это предметная, концептуальная определённость моей научной позиции.

Безопасность – может быть определена как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов надёжно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищённость всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, справедливость, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для Всех.

Геокультура – это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности, стратегического компромисса по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых, вызовов, рисков, опасностей и угроз.

Главное глобальное антагонистическое противоречие XXI века – глобальное, всепроникающее и всеобъемлющее противоречие: «культура безопасности человека» (культура безопасного развития человека, культура жизни человека) – «культура смерти человека» обозначилось как источник динамики всемирной, абсолютной безопасности; как источник мировой динамики гуманитарных перемен. Это противоречие стало главным интеллектуальным, энергетическим, мотивационным и силовым фактором возникновения, оформления и развёртывания новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.

Глобальная (международная) безопасность – может быть определена как сетевая устойчивая совокупность положений международного права, норм и процедур, разработанных международными организациями для обеспечения мира, справедливости, достоинства, благополучия на основе международного (глобального) гуманитарного стратегического компромисса по поводу безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства.

Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века – это процесс и результат изменений содержания и структуры мироустройства XXI века, всего миропорядка, оснований мировоззрения и гуманизма под воздействием слабых связей, слабых влияний, слабых рисков; начало доминирования во всех сферах жизнеобеспечения, во всех видах взаимодействий компромиссного, партнёрского, культурного, гуманитарного.

Глобальный гуманитарный стратегический компромисс – это взаимодействия различных моделей мироустройства XXI века (Проекта Путина, Проекта Буша и других), различных моделей мирового порядка (Московско-Шанхайской модели и других), как реальные продуктивные тенденции к оптимальному разрешению антагонистических и неантагонистических противоречий; как позитивная динамика формирования альянсов цивилизаций; как становление глобальной, региональной, национальной и личной безопасности каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства.

Гуманистическое – это определение состояния, процесса и результата сохранения и утверждения жизни, человеческого в человеке.

Гуманитарная безопасность – это сетевая надёжная и устойчивая совокупность факторов; гуманитарных, социальных, культурных, религиозных взаимодействий эффективно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; человеческое в человеке и достойный смысл его жизни; состояние защищённости человека, семьи, народа; их целей, идеалов, ценностей и

традиций, образа жизни и культуры; необходимое и достаточное поощрение и развитие прав и обязанностей человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Игра с итогом не равным нулю (≠0) – обозначает такой характер взаимодействий субъектов противоречий (в основном, неантагонистических), когда в итоге переговоров, торга может быть заключено соглашение, итоги которого одинаково удовлетворяют каждого субъекта взаимодействия: каждый справедливо определяет себя победителем.

Коммуникационное – это ситуация, состояние, процесс и результат личного и общего в осуществлении деятельности по созданию и учреждению достойного смысла жизни, его означиванию и пониманию; по формированию свойства свободы и ответственности, прав и обязанностей, доверия, справедливости, совести и чести в многообразии участия в личном качестве по производству и движению событий и сообщений.

Компромисс – это процесс и результат осуществления договорённости между людьми, народами, государствами, их объединениями; между культурами и религиями на согласованное время во имя достоинства, благополучия и безопасности человека, семьи, народов, общества, государства и современной цивилизации, справедливости, на основе взаимных политических, экономических, идеологических уступок по поводу целей, идеалов, ценностей, национальных интересов, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего своих народов, стран и регионов, понимания демократии, патриотизма, смыслов жизни и мечты.

Культура – «это огромное целостное явление, которое делает людей из простого населения народом, нацией¹.

Культура безопасности – является процессом сохранения развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; справедливости; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищённостью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнёрской культуры компромисса.

Культура Мира – является: 1) процессом преобразований индивидуального, коллективного и институционального характера. Она складывается из убеждений и действий самих людей и развивается в каждой стране в зависимости от конкретных исторических, социально-культурных и экономических условий. Ключом к культуре мира является превращение жёсткой конкуренции в сотрудничество, основанное на общих ценностях и целях. Культура мира в частности, требует, чтобы конфликтующие стороны сообща стремились к достижению целей, представляющих общий интерес на всех уровнях, включая процесс устойчивого развития, чтобы вместе создавали приемлемые компромиссы; 2) миротворческой концепцией, принятой ООН и ЮНЕСКО в 1990-х с целью содействовать в новом тысячелетии глобальному переходу от культуры насилия и «культуры войны» к культуре ненасилия и мира. Выдвигает на первый план задачу формирования ценностей миролюбия, миротворчества, терпимости, неагрессивного мышления и поведения, отказа от ксенофобии и сформировавшихся за время многовековой истории стереотипов милитаристского духа. Культура мира – это новая культура человечества, с общей системой ценностей и новыми образцами поведения как для отдельных граждан, так и для общностей и государств. В её основе лежат такие универсальные ценности, как уважение жизни, свободы, справедливости, терпимости, прав человека, равноправия мужчин и женщин.

Мир – это: 1) отсутствие войны, состояние отношений между странами на мировой арене, между социальными и национальными группами внутри государств, которое характеризуется их согласным сосуществованием, отсутствием вражды или розни. Мир – необходимое условие благополучия, стабильности и развития человечества в целом и всех составляющих его стран и народов. Он не исключает возможности противоречий, но предполагает их разрешение ненасильственными средствами при уважении интересов, ценностей и идеалов всех взаимодействующих сторон. Важнейшими предпосылками Мира являются: прекращение гонки вооружений и разоружение, прежде всего, ядерное; отпор актам агрессии и международного произвола; ликвидация военных блоков и очагов войны и вооружённых конфликтов; развитие международного сотрудничества; Прочный Мир предполагает не только отсутствие войны (такое состояние иногда называют «негативный мир»), но и широкое разностороннее сотрудничество государств, других субъектов мировой политики, налаживание партнёрских отношений между ними в экономической, политической, культурной и др. областях («позитивный мир»). В XX в. проблемы мира выделились в самостоятельную область социального знания – паксологию. Во многих странах специализированные институты объединились в Международную ассоциацию исследования мира. В существующих концепциях мира, как правило, рассматриваются следующие основные проблемы: природа мира; пространственные, геополитические, геоэкономические, геокультурные границы возможного мира; его социальная и правовая база; пути и средства обеспечения мира и др.; 2) соглашение воюющих сторон о прекращении войны и восстановлении мирных отношений.

¹ Лихачёв Д.С. Культура как целостная среда // Он же. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб, 2006. С. 349.

Мировоззрение – это относительно устойчивая артикулированная совокупность понятий и принятых людьми: картины (образа) мира и конкретного места человека в нём; идеалов и ценностей в соединении со своим смыслом жизни, своими позициями, принципами и поступками; с личным отношением к вопросам веры, знания, к нормам, традициям, запретам, к правилам игры; отношения к национальному, культурному; к языку, к прошлому, настоящему и будущему, к своим убеждениям, свободе и ответственности, к компромиссам и состраданью.

Миропорядок («мировой порядок») – это устоявшаяся сетевая совокупность понятий и принятых людьми, народами и государствами взаимодействиями, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их справедливом и единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.

Народная идеология культуры устойчивого развития и модернизации России (идеология консолидации, национальная идеология, объединяющая идеология, российская идеология 21, «россиянизм») – это формирующаяся относительно устойчивая артикулированная совокупность понятий и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку: в формировании и конструктивном функционировании исторической памяти, российской мечты и смысла жизни на основе уважительного диалога, культуры мира и культуры патриотизма; в достижении им достойного качества и уровня благополучия, надёжной безопасности; в интерпретации прошлого, осмыслении настоящего и в понимании будущего.

Национальная безопасность – ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность их предотвращать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям, закономерностям мирового и национального развития. Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа.

Национальная модель культуры устойчивого развития и модернизации России в XXI веке – это состояние, процесс и результат благоприятных гуманитарных, социальных, экологических перемен, ориентированных на: оптимальный учёт изменений климата, изменений среды обитания человека и народов; созидательные взаимодействия в контексте приемлемых моделей миропорядка и мироустройства; устойчивая ориентация людей и народов на культуру компромисса в решении проблем мира и безопасности.

Национальное, в рабочем плане, можно определить так: это состояние и процесс особенного в жизни людей, групп, населения, этноса, народа, которые сознательно и последовательно учреждают на основе культуры и через культуру свой народ, своё государство, свою нацию в сообществе других народов, других государств, других наций.

Народное – это состояние и процесс особенного в жизни людей, групп, населения, этноса, которые под влиянием культуры осознанно каждый день действуют и осмысливают формирование и функционирование учреждения нового социального и гуманитарного объекта и субъекта в повседневной жизни, в прошлом и будущем – своего уникального народа в сообществе других народов.

Общенациональная Цель России – в 2000–2014 годах понимается как совместное творчество, совместный труд всех Граждан, всех Народов, российского Общества и Государства по достижению Благополучия и Безопасности каждым Человеком, каждой Семьёй, процветанию Отечества; Справедливости и Счастья для Всех.

Повестка Дня для мирового сообщества на XXI век – может быть определена как взаимосвязанная и согласованная с участием всех субъектов взаимодействий: совокупность целей, ценностей, идеалов и интересов; последовательность действий для их достижения и безусловный уровень легитимности, законности используемых средств и процедур в процессе деятельности; определённость времени и пространства, масштаба деятельности каждого актора; чёткая и обозначенная заранее ответственность за риски и ошибки в процессе достижения выбранных ориентиров; гласность и прозрачность при распределении долей (частей, фрагментов, предпочтений и т. д.) полученного результата.

Позиция – это взаимосвязанное сочетание: целей, идеалов и ценностей субъекта; его мировоззрения, ментальности и идентичности; прав, свобод и ответственности; понимание обязанностей и долга; смысла жизни, исторической памяти и образа жизни; национальной культуры и создающей патриотической идеологии; нового (не-Западного) гуманизма XXI века.

Поступок во имя справедливости, во имя правды – согласно М.М. Бахтину, становится взаимодействием, обусловленным творческой процедурой обоснования цели и прием-

лемых средств её достижения; нетехничностью, ответственностью, самобытностью, уникальностью. Методология справедливости наиболее убедительно и конструктивно синтезируется на основе реальных гуманитарных личных поступков субъектов справедливости, которые учреждают справедливость, компромисс своей деятельностью, своим образом жизни, ориентированных на правду, свободу, честность, законность, культуру, достоинство.

Правила Игры при разработке, осуществлении, корректировке Повестки Дня для мирового сообщества в XXI веке – это процесс творческого поиска в сфере социокультурных инноваций конкретных людей и народов на основе эмоциональных переживаний и строгих рациональных правил в соблюдении процедуры участия и ориентированных: на дополнение и трансформацию реальности; на переживание и переосмысление устоявшихся коммуникаций; на восприятие свободы в масштабе приемлемой модели мироустройства и миропонимания с целью конкретного участия и ответственности за надёжное обеспечение достойной жизни каждого человека.

Предотвращение – процесс социологического анализа формирования самых слабых факторов, способствующих возникновению вызовов, рисков, угроз опасностей и страхов жизнеобеспечению людей, семей и народов; их целям, идеалам, ценностям и интересам. Это процесс последующего синтеза интеллектуальных и силовых технологий для своевременного снижения уровня блокирования или полного предотвращения состояния небезопасности (вызовов, угроз, опасностей, рисков и страхов) на основе конструктивного диалога и компромисса, опережающих компромиссов; поступков, основанных на воле и энергии к сохранению мира и безопасности.

Смысл жизни – сущность органичного единства цели, идеала и основных ценностей человека, понятых и принятых им как руководство к деятельности; в его ориентации на достойную, благополучную и безопасную жизнь, на её воспроизводство; на сотрудничество с другими людьми и партнёрство; на единство свободы и ответственности; на справедливость.

Солидарность – может быть, определена как состояние позитивной деятельности людей, социальных групп, семей, ориентированной на консолидацию людей и общества, на поддержание и улучшение гражданского мира; на сотрудничество с учётом общих ценностей и символов, уважения целей, идеалов, интересов других людей и других культур; на достижение справедливости; на постоянный и уважительный диалог и компромисс по поводу созидательных ориентиров деятельности и конструктивного общения.

Справедливость – это процесс и результат создания и передачи энергии и творческой воли поступков людей, с учётом масштаба, времени и пространства, во все сферы гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий между людьми и народами, ориентированных на создание и понимание высшего смысла жизни, высшего идеала и высшей цели на основе правды, нравственности и культуры; на достижение счастья и свободы, благополучия и равенства, достоинства и безопасности каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

Сотрудничество – может быть определено как состояние деятельности людей, семей, народов, государств на достижение гуманитарных целей на основе терпимости и доверия в условиях устойчивого уважительного диалога; на достижение созидательных компромиссов.

Сфера безопасности – это устойчивая в пространстве и времени совокупность гуманитарных взаимодействий, ориентированная на необходимый и достаточный уровень достижения: защищённости каждого человека, каждой семьи и народа, каждого государства, современной цивилизации от неприемлемых вызовов, рисков, угроз и опасностей для их жизни, целей, идеалов, ценностей, интересов; гармонического взаимодействия с внешней и внутренней средой безопасности; формирования мотиваций, умений и навыков своевременно, с учётом личных ресурсов предотвращать на возможно ранней стадии возникновение опасностей для всех структур жизнеобеспечения.

С учётом наличной ситуации повседневной жизни людей, семей, народов России в январе – марте 2014 методологические и концептуальные линии исследования в представленной статье рассмотрены её автором в такой последовательности: безопасность Человека 2014 через его развитие; правильно называть новые феномены; о важности культурного.

Общей доминантой этих трёх разделов статьи является изучение социологического аспекта культуры компромисса, его предотвращающей роли в «строительстве достойного мира и надёжной Безопасности Человека» в контексте мировидения когда МИР 2014 может быть рассмотрен как *Культура – Сеть, Облако*; как *Глобальный Компромисс*, которые функционируют как *Глобальная Игра народов мира с мировой олигархией*, как *Культура Коммуникации*, как *Гуманистический Гуманизм*.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА 2014 ЧЕРЕЗ ЕГО РАЗВИТИЕ

Своеобразный «интеллектуальный запрос» общественным наукам России сформулировал Президент России Владимир Путин 5 июля 2013 года на заседании Совета безопасности Российской Федерации.

Общенаучная научная теория развития и обороны страны, её общегражданские сферы могут ориентироваться на такие содержательные и структурные параметры оборонной сферы: «военная организация, – отметил В. Путин, – должна обладать всеми возможностями для того, чтобы предотвратить потенциальную агрессию против нашей страны, дать решительный ответ на любые попытки силового давления и шантажа, обеспечить гарантированную защиту суверенитета России, безопасность наших граждан. При этом оборонные программы должны быть разумными и не ложиться тяжким бременем на экономику, на социальную сферу страны»¹.

Для новой теории обеспечения мира, безопасности и развития нашей страны решающее значение имеет эффективное взаимодействие всех звеньев Российской Академии наук, учёных и специалистов из научных центров, ВУЗов, лабораторий с конструкторами и технологами всех предприятий.

Речь идёт о новых видах военной, коммуникационной, информационной, технологической борьбы.

Важнейшая новая созидаящая, инновационная идея, которая рассматривается автором статьи в ходе всего исследования, это *конструкт «мир и безопасность»*.

Социология и философия гуманитарных взаимодействий, справедливой жизни понятна и востребована везде: мы все имеем право на достойную жизнь и справедливое мироустройство; мы все несём ответственность за сохранение и укрепление справедливого мира, за своевременное и надёжное предотвращение сползания многих стран и регионов к возможной ядерной войне.

Суть инновационности социологии культуры развития, социологии мира и безопасности для каждого человека, для всех народов в убедительности и конструктивности обоснования для всех народов мира единства судьбы, нового мировоззрения, жизнеутверждающего самосознания, новых Правил Игры с прозрачным контролем самих граждан за формированием, трансформациями, выполнением Повестки Дня.

Логика последовательности рассмотрения значения выдающейся Миссии Социологии в деле сплочения народов и оформлении созидющего Субъекта современной истории; опережающего исследования нового нематериального (в основном) Объекта глобальной безопасности; ускорения и углубления изучения главных тенденций в формировании, динамике и функционировании национальной, региональной и глобальной Институциональной Среды осуществляются в моей представленной работе **Большого Геокультурного Проекта Развития России XXI** в координатах геокультурного подхода, а также институционально-сетевой, облачной методологии.

¹ Приведено по: Мухин В. **От звёздных войн страховки нет**: Технический прогресс создаёт новые военные угрозы, которые втягивают Россию в гонгу вооружений // Независимая газета, 2013, 15 августа. С. 3.

Первым этапом формирования Большого Геокультурного Проекта развития России стало методологическое обоснование для XXI века (2006–2020) единства Общенациональной Цели и Общенациональной Идеи¹ (см. схему 1).

Схема 1

**Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века –
Возрождение России.
Методология Кузнецова.**

Здесь важно ещё раз отметить, что на этапе возрождения России (2014–2020 годы) смысл и содержание Общенациональной Идеи практически полностью совпадают с Общенациональной Целью (позиция 1 на схеме 1);

- практически впервые в истории российских общественных наук «выстраивается» инновационный гуманитарный Проект сохранения и развития России на собственной концептуальной (Московско-Шанхайская модель миропорядка)

¹ Кузнецов В.Н. Общенациональная Цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке. Научный доклад. М., 2004; Кузнецов В.Н. Общенациональная Цель как фундаментальная проблема социологии // Социологические исследования, 2005, № 4.

ка: позиция 2 на схеме 1)¹ и методологической (геокультурная парадигма: позиция 3 на схеме 1)² базе;

- в качестве технологии, методики, механизмов соединения усилий отдельных граждан для блага Отечества, для соединения усилий конкретных людей, партий, конфессий, структур власти, для продуктивного их взаимодействия с Президентом России Владимиром Путиным выступает российский гуманитарный стратегический компромисс по общезначимому для всех основанию – обеспечение безопасности каждого человека, каждой семьи, общества и государства (позиция 4 на схеме 1)³;

- в рамках геокультурного подхода к изучению идеологий были привлечены возможности достижения идеологического компромисса между всеми идеологиями, которые представлены в России (кроме идеологий коррупционности, терроризма и организованной преступности). Позитивный результат, полученный по итогам исследований, позволил мне конкретно обозначить формирующуюся российскую объединяющую государственническую патриотическую идеологию (позиция 5 на схеме 1). Берусь утверждать, на основе итогов исследований, что без такой национальной идеологии практически невозможно позитивно соединить усилия отдельных людей, институтов, общества и власти в работе по достижению Общенациональной Цели и Общенациональной Идеи⁴;

- именно под влиянием формирующейся национальной идеологии может быть востребован и осуществлён стратегический общероссийский, евразийский опережающий и предотвращающий компромисс (позиция 6 на схеме 1), катализатором и творцом которого конкретно может выступить культура идеологического компромисса;

- одной из самых трудоёмких работ конкретного человека, российского общества в нашем Проекте является «создание», «усвоение» и «развитие» нового мировоззрения XXI века (позиция 7 на схеме 1). Исследования становления новой Московско-Шанхайской модели миропорядка (позиция 2), геокультурной парадигмы (позиция 3), Общенациональной Цели (позиция 1) и национальной идеологии (позиция 5) показали, что они могут быть осуществлены только при наличии современного мировоззрения⁵.

Таким образом, можно предположить, что **Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России** реально становится интеллектуальным, информационным и организующим ядром для единения народов России, для единения народов мира на основе стратегической партнёрской культуры компромисса (позиция 8)⁶.

¹ Кузнецов В. Новая Московско-Шанхайская модель миропорядка в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной). Социологический аспект // Безопасность Евразии, 2006, № 2.

² Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть. М.: 2003.

³ Кузнецов В. Культура компромисса: О смыслах Повестки Дня для Президента Страны – 2008 и Каждого Гражданина в России // Безопасность Евразии, 2006, № 4.

⁴ Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2004.

⁵ Яновский Р.Г. Мировоззрение XXI века как фундаментальная научная проблема (Материалы к докладу на заседании «круглого стола») // Безопасность Евразии, 2005, № 2; Кузнецов В.Н. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект // НАВИГУТ, 2006, № 3.

⁶ Цилюрик Д. Совбез ООН достиг шаткого компромисса по Сирии: «Гуманитарная» резолюция принята единогласно, но противоречия остались // Независимая газета, 2014, 24 февраля; Ро-18

Вторым этапом в создании Большого Проекта в 2007–2014 годах стало соединение, обогащение динамики и энергетики *сетевого* Проекта Возрождения России (схема 1) новыми «коммуникационными» и «облачными» возможностями национальной модели теории культуры устойчивого развития и модернизации России в 2014 года (см. схему 2).

Именно второй этап содействовал реальной научной фундированности всей сферы исследований становления, продвижения и функционирования изучения Большого Геокультурного Проекта развития России XXI через включение его в современный специализированный научный дискурс, через определение места этой проблематики в пространстве общественных наук XXI века.

Особенностью ракурса исследования классификационных аспектов культуры устойчивого развития в представленной работе является её преимущественная ориентированность на теорию, методологию, практики, эвристику, институционализацию, операционализацию в пространстве функционирования гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий.

Классификационная определённость теории культуры развития основывается на совокупности тех свойств, которые уже конкретизировались в ходе изучения на протяжении тысячелетий учёными во многих странах мира; в ходе современного (XX и XXI века) общенаучного (все общественные науки), общесоциологического и специализированного социологического научного дискурса, посвящённого состоянию и динамике, содержанию и структуре, значению феномена «культура развития».

В итоге речь идёт о таких важных аспектах теории культуры безопасности: субъект и объект, предметность, свой корпус категорий, формы, интенсивность, характер, становление и функционирование, институты, институциональная среда, правила игры, востребованность, инновационность, процессуальность, динамика, механизмы процедуры. Эти конструкты составляют свой оригинальный корпус категорий формирующейся теории культуры развития, методологии и теории безопасности Человека.

Субъект культуры развития на протяжении столетий и в современный период чётко формулируется как ответ на важнейший вопрос: кто в личном качестве реально в фиксированном времени и пространстве определяет исходный момент в учреждении культуры развития, в её идентификации, в утверждении легитимности культуры развития.

Таким образом, можно утверждать, что *субъект культуры развития, субъект социологии культуры развития* это человек добродетельный (по Платону), высоконравственного поступка (по М. Бахтину); человек жизнелюбивый, компромиссный, самокритичный, играющий, рефлексирующий, сомневающийся, ответственный¹; это народы, ориентированные на культуру Мира, культуру Диалога, культуру Безопасности².

стовский М. Спасите наше Братство! России и Украине срочно требуется помощь Его Величества Компромисса // Московский, комсомолец, 2014, 5 марта.

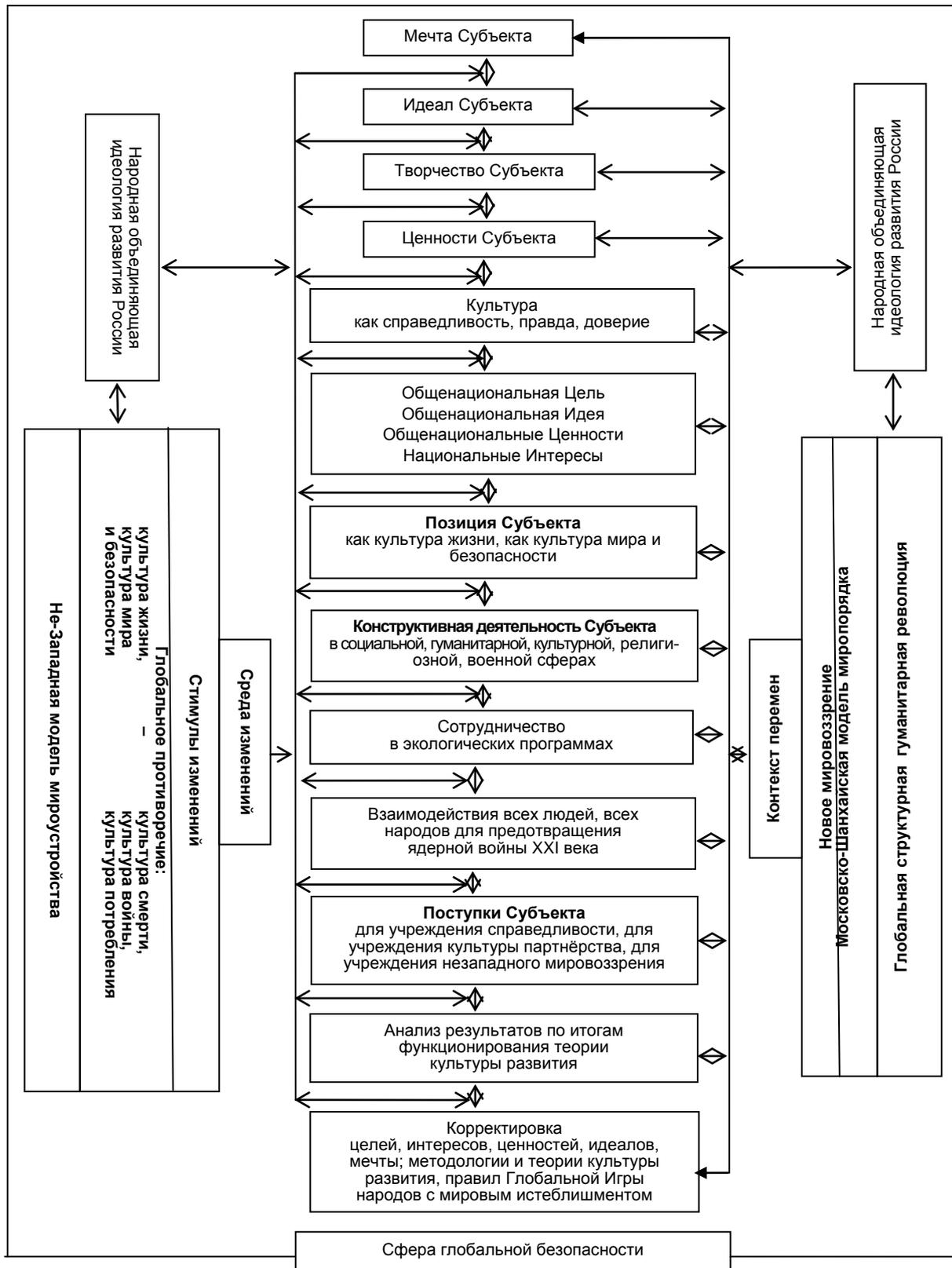
* Далее для *второго этапа* – просто «культура развития» (как «культура устойчивого развития»).

¹ Кузнецов В.Н. Культура компромисса. М., 2007.

² Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности: В 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2008.

Схема 2

Структура формирующейся облачной национальной модели теории культуры устойчивого развития и модернизации России в 2014 году.
 Концепция Кузнецова

Объект культуры развития, объект социологии культуры развития это, прежде всего, феномен человеческой жизни для каждого человека, феномен существования каждого народа, его образа жизни, его территории, его языка и культуры; это сохранение целостности человечества, смысла его социального бытия, стремления к правде и справедливости, процедуры своего понимания¹.

Возрастает значение в качестве объекта культуры развития широкого спектра смыслов гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий, *обеспечивающих безопасность человека, безопасность народов, безопасность стран; регионов, глобального мира*. Речь идёт о тонких, слабых и быстрых связях, об обеспечении сохранности (без искажений) самих смыслов, которое основывается на взаимообусловленности феноменов: справедливость, правда, компромисс, порядочность, честность, безопасность.

Предметность опирается на структурирование гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий в конкретных сферах жизни и жизнеобеспечения человека и народов: культура, мир и война, религия, наука, политика, экономика, право, экология.

Сама структура предметного поля социологии культуры развития ориентирована на учёт перемен в состоянии объекта культуры развития (увеличения удельного веса нематериальной компоненты), в динамике человеческого потенциала, интеллектуального капитала, институциональной среды; на изменения правил игры в ходе осуществления согласованной повестки дня для сфер культуры развития².

Формы культуры развития отличаются значительным разнообразием и обусловлены реальными потребностями общества в нравственной и правовой устойчивости, конструктивности общественного мнения, *обеспокоенности состоянием Мира и возможностью Войны*.

Интенсивность проявления культуры развития выражает конкретную востребованность общества; национальной элиты, если в этом обществе она сложилась, признана народом и достойно функционирует во имя служения Отечеству; широких народных масс в правдивости, истинности гуманитарных взаимодействий, их результатов и последствий в реальном времени и пространстве.

Характер культуры развития определяется степенью ориентированности (слабой, умеренной, сильной) на достойный диалог по поводу актуальных проблем: стадии диалога могут быть – оптимистическими или пессимистическими, неопределёнными; инертными или креативными; развивающимися, стагнирующими или кризисными.

Особенности становления и функционирования культуры развития определяются тремя обстоятельствами: способностью субъекта культуры развития предвидеть развитие событий, для которых свойство справедливого, правдивого, культурного будет актуально; установления факта состоявшегося события; реально-го нравственного поступка субъекта культуры развития по критериям: правдивость, честность, порядочность, солидарность, равенство, соблюдение меры.

Институты культурного оформились в XX и XXI веках как *международные* (организация Объединённых Наций, ЮНЕСКО), *региональные* (Шанхайская организация сотрудничества), *национальные* (государственные – органы социальной защиты, общественные – объединения, фонды, комитеты, ассоциации), *частные* – здесь субъекты культуры развития выступают в частном, личном качестве (Лихачёв, Зиновьев, Солженицын).

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 519–521.

² См. пункт 6 в определении моей позиции: понятия, концепты, конструкты.

Исключительная роль в обеспечении культуры развития принадлежит *Институтам* глобальных гуманитарных взаимодействий: Международный год Культуры Мира (2000 г.), Международный год Диалога между цивилизациями (2001 г.), Движение Альянса Цивилизаций (с 2004 года по настоящее время).

Особенно значима роль Всемирного Института Борьбы за Мир во всём Мире, который оформился во второй половине XX века и действует в настоящее время. Достоянием всего человечества, каждого человека является бесценный капитал: 1) результаты – в XX веке удалось предотвратить ядерную войну; 2) практики нравственных поступков и результаты сохранения и поддержания мира – свидетельство важности и востребованности философии и социологии культуры развития, правды и честности, человеческой солидарности и ответственности.

Востребованность культуры развития убедительно и конкретно представлена на протяжении тысячелетней истории философии, культуры и религии. Особая актуальность востребованности культуры развития в XXI веке обусловлена стремительным ростом неопределённости в понимании главного смысла жизни человека: ему остро важно понять смысл своей жизни, смысл его связи с Другим человеком, со своим народом, с Миром. Человеку, народам мира необходима культура развития.

Инновационность культуры развития обусловлена её исключительными возможностями в создании энергетики и волевых импульсов для всей совокупности гуманитарных взаимодействий с целью обеспечения достоинства, правдивости и безопасности человека, всего Мира.

Процессуальность культуры развития обусловлена особой значительностью взаимодействия субъекта и объекта культуры развития: свойства добродетели и ценности гражданского поступка в наступившей ситуации, события, которые нуждаются в культуре развития, осуществляются в обязательной временной последовательности и пространственной определённости.

Институциональная среда культуры развития сопутствует всем этапам процессуальности культуры развития и наполняет каждое звено процесса становления, функционирования и утраты культуры развития итогами соблюдения и несоблюдения правил игры; взаимодействиями с нелегитимным.

Правила игры для сфер культуры развития, сфер безопасности Человека зависят от компетенции, профессионализма и воли субъекта культуры развития, от полноты знания им особенностей содержания и структуры объекта культуры развития. Именно при соблюдении таких исходных требований правдивость, порядочность, конструктивность способствуют выполнению правил игры, согласованной повестки Дня.

Динамика культуры развития изначально определяется своевременностью и полнотой владения информацией о содержании ситуации, в которой субъект учреждает феномен культуры развития. Энергия и воля субъекта культуры развития на стадии её становления задаёт важный позитивный импульс для утверждения правды и добра, блага.

Механизмы и процедуры культуры развития оформляются и функционируют как устойчивые структуры, обеспечивающие координацию всех гуманитарных взаимодействий для обеспечения безопасности культуры жизни каждого человека, каждого народа.

Выстраивание новой оптики» для методологии и теории культуры развития (категории, концепты, конструкты, смыслы) способствовало формированию **ключевых принципов** теории культуры развития.

Полнота содержания отдельных принципов сложилась в динамичном сочетании важнейших смыслов, определившихся в 2000–2014 годах.

Первый принцип – актуальность и устойчивость главных целей развития тысячелетия сложились из двух аспектов: во-первых, гуманитарные цели в области развития каждого человека, сформулированные на саммите тысячелетия (специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН – сентябрь 2000 г.); во-вторых, достижение международных договорённостей для решения глобальной проблемы изменения климата¹.

Второй принцип – оформление после 8 августа 2008 года устойчивого, понятного и универсального содержания глобальной безопасности: органичное и взаимообусловленное единство мечты, позиции и поступка человека и народов для достижения достоинства, справедливости, правды и доверия на основе гуманитарных взаимодействий.

Третий принцип – достижение культуры мира и безопасности в интересах развёртывания глобального движения по содействию предотвращению возможной ядерной войны XXI века.

Четвёртый принцип – единство прав и обязанностей человека, что выражает новое понимание глобальной безопасности – *своя безопасность через безопасность другого.*

Пятый принцип – ориентация на диалог между людьми, народами, культурами и цивилизациями. Этот принцип объединяет феномены культуры развития, культуры мира и культуры безопасности. Здесь, по моему мнению, есть возможное движение по пути к культуре глобализации.

Шестой принцип – всеохватность, которая обеспечивает согласование деятельности самих граждан, общественных и государственных институтов культуры развития.

Седьмой принцип – равноправие партнёров, что обусловлено единством и неделимостью пространства культуры развития. Этот социологический, по существу, принцип так толкует безопасность человека, которая была сформулирована впервые в документах ООН (1994 г.):

«Безопасность человека:

- это не просто безопасность страны, это безопасность народа;
- **это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;**
- это не просто безопасность государств, это безопасность каждого человека в своем доме и на своем рабочем месте;
- это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

Безопасность человека – это когда ребенок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилюют, бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют»². (Выделено мною. – В.К.).

Восьмой принцип – транспарентность – открытость и прозрачность.

Два важных принципа для культуры развития 2009 года, последующих лет сформулировал Генеральный секретарь ООН ПАН Ги Мун в своей программной статье, опубликованной газетой «Новые известия» в январе 2009 года.

¹ Пан Ги Мун. «Кризис бросит вызов духу глобальной солидарности» // Новые известия, 2009, 14 января. С. 1, 2.

² Цитируется по: Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 15.

Девятый принцип «глобальной солидарности» он связал с необходимостью проведения «*нового зелёного курса*» с тем, чтобы достигнуть договорённости всех государств «относительно решения глобальной проблемы изменения климата»¹.

Десятый принцип Генсек ООН Пан Ги Мун обозначил как «**достижение результатов в обеспечении безопасности**»².

Одиннадцатый принцип – неделимость безопасности: «никто не должен обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности другого». Так можно понять содержание этого ключевого принципа из ряда выступлений руководителей России в 2008–2014 годах³.

Реальное и виртуальное воплощение принципов культуры развития в сферах жизнеобеспечения народов мира по отдельности, в различных сочетаниях осуществляется под воздействием функций культуры развития. Их можно представить в такой последовательности:

– **общеметодологическая**, обусловленная возможностями продвижения институционально-сетевой методологии и широкий класс гуманитарных исследований в сфере жизнеобеспечения народов всего мира, отношений между государствами;

– **теоретическая**, которая ориентирована на стимулирование и сбор эмпирической и теоретической информации о возможных угрозах, вызовах, рисках и опасностях: хорошая теория становится ключевым звеном в повышении эффективности всех систем жизнеобеспечения;

– **предотвращающая**, которая ориентирована на подготовку и осуществление социологического мониторинга условий, влияющих на формирование опасностей, угроз, рисков, вызовов для жизни людей, народов, всей цивилизации. Здесь важнейшая функция – вовремя, со знанием дела реально повлиять на предотвращение опасностей на самой ранней стадии их созревания;

– **прогностическая функция** тесно связана с теоретической и прямо работает на формирование «культуры предотвращения»,

– **эвристическая функция** ориентирована на обработку результатов мониторингов культуры безопасности через культуру развития с целью подготовки населения к действиям в условиях неблагоприятной, небезопасной ситуации;

– **технологическая**, связанная с обоснованием, внедрением и развитием высоких гуманитарных технологий;

– **играционная**, ориентирована на достижение реальной полноты договорённостей, процедур, дополнений: речь идёт о легитимизации обязанностей всех сторон в процессах обеспечения культуры безопасности, вытекающих как из действующих соглашений, хартий, мандатов, так и основанных на результатах Глобальной Игры с её действующими правилами игры и согласованной Повестки Дня на 2014 год;

– **учитывающая эффект и влияние антигражданского общества.** Эта функция призвана легитимизировать сложный и тревожный факт глобальной повседневности: мировой истеблишмент как игрок, субъект в Глобальной Игре XXI века, играет в тесном союзе с глобальным терроризмом и с глобальной организо-

¹ Пан Ги Мун. «Кризис бросит вызов духу глобальной солидарности» // Новые известия, 2009, 14 января. С. 2.

² Там же.

³ Лавров С. В поисках золотого стандарта: Договор о европейской безопасности развеет опасения, что от нас может исходить угроза // НГ Дипкуррьер, 2008, 22 декабря. С. 9, 10.

ванной преступностью. Вместе, как единый субъект Глобальной Игры, они противостоят народам мира. Вместе мировой истеблишмент и антигражданское общество и глобально, и повсеместно негативно влияют на содержание, структуру, функционирование и результативность глобальной культуры развития через глобальную культуру безопасности. Вместе, в сотрудничестве и взаимозависимости, мировой истеблишмент, прежде всего, – евроатлантический, влияет на кризисные перемены в 2014 году, на ход глобальной структурной гуманитарной революции;

– **процессуальная функция** соединяет методологические, теоретические, институциональные особенности культуры безопасности в интеллектуальную наполненность сферы культуры безопасности с тем, чтобы на основе принципов и функций культуры безопасности обосновать оптимальные и эффективные технологии и механизмы культуры развития.

Процессуальность как новая важная сущностная характеристика культуры развития в 2014 году стремительно и конкретно заявила о себе сразу же после 8 августа 2008 года, так и в ходе военных действий руководства Израиля в секторе Газа с убийством сотен жителей Палестины и с тысячами раненых детей, стариков, простых граждан. Особенно заметно и убедительно, важность этой характеристики культуры развития проявилась в ходе газового конфликта Украины с Россией по поводу транзита природного газа из России в страны Европы на рубеже 2008 года и в морозные для многих стран Европы дни января 2009 года.

В представленных итогах моих социологических исследований гуманитарных взаимодействий процессуальность культуры развития изучалась через такие её превращённые формы: *проектность, императивность, аксиоматичность, постулатность и факторность*.

Проектность.

Прежде всего, отмечу Глобальный Проект – Цели в области развития, сформулированные на саммите тысячелетия (Генассамблея ООН, сентябрь 2000 года).

Глобальный (по существу) Проект – Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года.

Императивность.

Четыре императива для развития России и её безопасности:

первый – стратегическая концептуальность;

второй – инновации через культуру;

третий – новая национальная идеология развития человека;

четвёртый – консолидация граждан и народов страны (России) во имя высших приоритетов, целей, идеалов и ценностей развития человека как личности, как Гражданина.

Три императива для раскрытия сущности глобальной безопасности, региональных безопасностей, национальной безопасности России:

– *первый императив* – справедливость как Стратегическая Идея для России и для всего Мира;

– *второй императив* – новый гуманизм;

– *третий императив* – концептуальная компромиссность.

Аксиоматичность.

Эти характеристики справедливости, честности и правды – главное в содержании культуры развития XXI века.

Аксиома 1. Самодостаточность справедливости.

Аксиома 2. Уникальность справедливости.

Аксиома 3. Созидательность справедливости.

Аксиома 4. Энергетичность и волевая ориентированность справедливости.

Аксиома 5. Конструктивность и оптимизм справедливости.

Аксиома 6. Нетехничность и ориентированность на поступок, учреждающий справедливость (по Бахтину).

Постулатность.

Три глобальные характеристики формирующейся культуры развития XXI века я интерпретирую как постулаты Глобальной Игры и Повестки Дня для XXI века, как постулаты культуры развития через культуру компромисса.

Первый постулат – благожелательность и Универсализм для Всех.

Второй постулат – культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса.

Третий постулат – культура развития через культуру предотвращения, через культуру безопасности для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации.

Факторность.

В ходе исследований социологии компромисса (2007–2014 гг.), во всех трёх томах моей работы «Гуманитарные взаимодействия» (2008–2009 гг.) я выделил и обосновал восемнадцать факторов, способствующих, по итогам моих исследований, социологическому предотвращению возможности возникновения глобальной ядерной войны XXI века.

Переход процессуальности культуры развития в её практики происходит при значительном влиянии оформленной и приемлемой для конкретных субъектов культуры развития: научной парадигмы, научного мировоззрения, модели мироустройства и миропорядка, своего образа жизни и культуры, принятой и воспринятой идеологии. Именно эти обстоятельства в решающей степени влияют на конкретные технологии и механизмы осуществления культуры развития, её функционирования, её трансформации.

Технологию определяют как новую ценность, которая способна быть инструментом управления знаниями, человеческим потенциалом. Для выражения нового информационного компьютеризированного общества уже определён свой класс технологий – это высокие технологии.

Полагаю необходимым для адекватного отражения, именно роли технологий в XXI веке, определить новый класс технологий – высокие гуманитарные технологии, облачные технологии, которые соединяют новый гуманитарный синтез с высокими технологиями.

Примером могут служить деятельность в рамках проекта «Культура мира», осуществление «диалога между цивилизациями», движение к «культуре безопасности», к «культуре глобализации», к культуре развития.

Сто лет назад замечательный русский философ Н.Ф. Федоров для своих современников и для нас, как я надеюсь, создал произведение «Философия Общего Дела». Актуально и для XX, и для XXI веков звучат его слова: «В настоящее время дело заключается в том, чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней»¹.

Суть таких поисков для XXI века и состоит в разработке и освоении технологии сопоставления и соединения глобальных целей тысячелетия, общенациональной цели и социального идеала, социологии и политологии общего дела с реальностью нашего бытия. Цель – благополучие и безопасность Человека и

¹ Федоров Н.Ф. Философия Общего Дела. Т. 2. М., 1913. С. 237.

Семьи, возрождение Отечества, движение от выживания к социальному развитию, к культуре развития, к справедливости, правде и достоинству.

Людмила Сергеева обозначила такой способ «как высокие гуманитарные технологии, как сочетание социального, общенационального идеала и реальной истории. В этом понятии, – отмечает она, – мы предлагаем выразить достижение целостного, синергетического по своей сути, эффекта за счет соединения научных достижений и технологий политической социологии, экологии, безопасности, психологии, политологии, экономики, информационных технологий»¹.

Рудольф Яновский, развивая этот подход, предложил такую трактовку: «На рубеже XX и XXI веков все более активно в России, во многих странах мира стали проводиться политико-географические, экономико-географические и социальные исследования. Это вызвано – выделил Р. Яновский, – стремлением осмыслить гуманитарные аспекты высоких технологий (hi-tech), все более широко применяющихся в промышленности, в быту, в военном деле. Динамика, неравномерность и сложность изменений мировой геополитической и геоэкономической ситуаций в контексте глобальных общественных перемен, необходимость рационального использования ресурсов планеты, сохранения окружающей среды в интересах безопасности населения планеты требуют адекватного научного анализа и соответствующей программы действий – **«высоких гуманитарных технологий»** (high humanities technologies: hi-hum-tech)»².

Наш сложный мир на рубеже веков и развитие России в контексте центральных мировых тенденций постоянно находятся в поле зрения российской общественной мысли. Показательно в этом отношении бурное развитие геоэкономики как фундаментальной основы нового миропорядка, теоретической и методологической основы внешнеэкономических связей. Наиболее выпукло общий теоретический и методологический контур российской школы геоэкономики был заложен в работе Эрнеста Кочетова «Геоэкономика и внешнеэкономическая стратегия России» (МЭ и МО. 1994. № 11), где впервые раскрыта суть основных атрибутов и понятий геоэкономики: экономические границы, интернационализированные воспроизводственные ядра, мировой доход, геоэкономический атлас мира, геоэкономические войны, высокие геоэкономические технологии и др. Развитие этого нового научного направления продолжается.

Я понимаю технологизацию пути к культуре развития как культуру предотвращения рисков, опасностей, угроз целям, идеалам, ценностям, интересам человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. Возможно ли это? Да, если мы находимся в пространстве высоких гуманитарных технологий (ВГТ – hht: hi-hum-tech). Да, если мы соединяем институционализацию и сетиализацию в единую институционально-сетевую методологию, в облачную технологию на основе и с помощью высоких гуманитарных технологий. Да, потому что опыт культуры мира, новые вызовы из XXI века потребовали нового уровня и качества диалога между людьми, между народами, между народом и властью о законности, об экологизации, о сотрудничестве, о благополучии, т. е. объединяющей идеологии.

Основной мотив второго этапа становления Большого Проекта – обоснование нового гуманизма XXI века (авторская концепция В.Н. Кузнецова) как условие гуманитарного стратегического манёвра российских и мировых общественных наук, российской социологии для содействия в достижении каждым человеком, каждой

¹ Сергеева Л.И. К вопросу о социологии и политологии общего дела // Третья научная сессия: Человек и Реформы в российском обществе. М., 1995. С. 149.

² Яновский Р. Геополитические проблемы современной России: О необходимости высоких гуманитарных технологий // Безопасность Евразии, 1999, № 1. С. 107.

семьей, каждым народом, каждым государством – справедливости и правды, достоинства, благополучия, безопасности: всей совокупности Целей Человечества, согласованных всеми странами на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Оригинальность методологии исследования проблемы новой социологической теории культуры развития, нового гуманизма в своеобразии предложенной автором научной парадигмы: весь анализ и синтез осуществлены автором статьи в контексте разработанной им геокультурной парадигмы, в которой Мир XXI века может быть рассмотрен как Культура – Сеть, как Глобальная Игра, как Глобальный Компромисс, как Гуманистический Гуманизм, как Культура Коммуникации.

Особенность динамики исследования обусловлена предложенной автором логики развёртывания источника мировой динамики XXI века – её главного противоречия. Автор статьи обосновал ведущую сторону противоречия как культуру жизни, культуру безопасности (это Россия, Китай, Индия, Бразилия, Казахстан – вся Азия). Другая сторона противоречия: культура смерти, культура войны (это США, Англия – практически вся Европа, Европейский Союз, НАТО).

Уникальность ситуации в рассмотрении среды формирования нового гуманизма: в выявлении нового глобального процесса – развёртывании в XXI веке глобальной структурной гуманитарной революции, обусловленной слабыми взаимодействиями, слабыми связями, слабыми рисками, определяющими смысл жизни человека, его мечту, доверие, солидарность, патриотизм.

Обязательным условием конструктивности и созидательности функционирования новой формирующейся теории культуры развития, нового гуманизма автор статьи обусловил «строительство» нового мировоззрения XXI века. Только его развёртывание, его приемлемость и востребованность сотнями миллионов людей могут содействовать реальному утверждению новой теории культуры развития, новой модели миропорядка, новой модели справедливого мироустройства.

Ключевым фактором в развёртывании как нового гуманизма, так и нового мировоззрения, а особенно в их совместном функционировании является, по мнению автора исследования, формирование национальной идеологии России, формирования её новой национальной элиты.

Глобальной высокой гуманитарной технологией, гуманитарным механизмом разработки, обсуждения, конструктивной критики, востребованности и динамики новой теории культуры безопасности, нового гуманизма XXI века может стать, уже становится, общероссийский, азиатский, евразийский, глобальный стратегический гуманитарный компромисс по проблеме достижения безопасности каждого человека.

Главным смыслом новой теории культуры развития, нового гуманизма, ключевым условием их институционализации, по мнению автора, может стать формирующийся Московско-Шанхайский миропорядок XXI века, который обеспечивает гармоничное сочетание прав, свобод, целей, идеалов, ценностей, интересов человека с образом жизни и культурой своих обществ, народов и государств на основе ответственности, обязанностей, исторической памяти человека.

Третий этап (2010–2014 года) дополнил Большой Геокультурный Проект развития России XXI авторской концепцией народной идеологии развития России (2010, первое и второе издания); концепцией глобального устойчивого партнёрства (2011), авторской теорией российского народного (национального) незападного гуманистического мировоззрения (2012).

Смысл третьего этапа может быть интерпретирован как обогащение потенциала Большого Проекта возможностями стремительной эффективной трансформации в Мобилизационный Проект Народов России в ситуации реальной угрозы ядерной войны против Отечества¹.

* * *

Таким образом, три основных этапа формирования и продвижения Большого Геокультурного Проекта развития России в XXI веке позволяют предложить читателям самый предварительный вывод – Созидательный, Конструктивный Проект Развития России XXI существует. Он, а это Мы Все Вместе – работает. Именно здесь основания новой теории сохранения и укрепления Мира и Безопасности.

ПРАВИЛЬНО НАЗЫВАТЬ НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Суть обозначенных автором статьи проблем, возможных способов их решения, предварительных выводов по поводу развития России 2014–2016 выявили главные и общие свойства в деятельности граждан, научных школ, учебных и научных институтов, Российской Академии наук.

Это феномены: жизнь и труд, справедливость, правдивость, честь и честность, мир и безопасность, любовь к России, свобода и ответственность, права и обязанности, долг, доверие, вера, доброта, сотрудничество, компромисс, взаимодействие, коммуникация.

Это гуманистические кластеры: «Дух народа», «Дух Отечества», «Дух закона», «Дух защиты России», «народная идеология развития и обороны России», «народное гуманистическое незападное мировоззрение», «модель Московско-Шанхайского миропорядка», «модель справедливого незападного мироустройства». И опять, речь идёт о компромиссе, о коммуникации; о культуре компромисса, о культуре коммуникации; о культуре Мира и Безопасности; о культуре жизни; о культуре устойчивого развития.

Для сегодняшнего дня, для завтрашнего, для будущего, для понимания прошлого во всё ускоряющемся масштабе востребованы компромиссность, честность, правдивость, совесть, доброта, солидарность и справедливость.

Я надеюсь, что **социология компромисса** сможет предложить новые достойные смыслы на такой запрос. Поэтому я постоянно помню о самой первой строчке, с которой начинается выдающаяся книга Рэндалла Коллинза «Социология философий», которую он издал в 1998 году (на русском языке опубликована в 2002 году).

«Интеллектуальная жизнь – это в первую очередь конфликт и несогласие» утверждает Р. Коллинз в своей великолепной книге объёмом в 1281 страницу, которая имеет подзаголовок: «Глобальная теория интеллектуального изменения»².

Поэтому я надеюсь, что самые предварительные итоги исследования проблемы «безопасность Человека» позволяют высказать предположение: **интеллектуальная жизнь в XXI веке – это, прежде всего, поиск и осуществление прием-**

¹ Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М., 2010; Кузнецов В.Н. Проблема ответственности каждого человека перед народами России, перед Отечеством в ситуации: «если завтра война, если завтра глобальная природная или техногенная катастрофа?» // Безопасность Евразии, 2011, № 1; Кузнецов В.Н. К обоснованию актуальности проведения общероссийской (международной) публичной научной дискуссии по теме: «Культура устойчивого глобального партнёрства как реальная достижимость достойного и эффективного предотвращения весьма возможной третьей мировой войны в 2012–2013 годах». Проект тезисов к научному докладу // Безопасность Евразии, 2011, № 2.

² Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 45.

лемых компромиссов для оптимального разрешения противоречий везде и всегда (в том числе и антагонистических противоречий)».

Это трудная, но достойная, востребованная и остро необходимая задача. Именно компромисс и культура компромисса, правда, честность, доверие и справедливость, ответственность уже стали главными индикаторами движения к культуре развития, к культуре безопасности.

Сегодня, с учётом уже опубликованных (и озвученных) на разных языках итогов исследований причин глобального кризиса 2008–2014 годов; изучения концепций и механизмов, результатов действий по его преодолению и минимизации последствий обозначилась и глобальная востребованность новой концепции достойного развития через культуру компромисса, через культуру коммуникаций.

Состояние и динамика новой реальности применительно к сфере жизнеобеспечения человека, семьи, народов России, её обществу и государству – их развитию и обороне Отечества – обязывает рассматривать в ходе научного исследования два взаимосвязанных кластера событий.

Первый кластер событий, ориентированных на обеспечение национальной безопасности России в 2014 году, рассмотрен в сути уже состоявшихся исследований. В их ходе особое внимание при изучении процесса обеспечения безопасности, национальной безопасности было обращено на внутренние Запросы и Вызовы от человека, народов России.

Второй кластер – это внешние Запросы и Вызовы от зарубежных стран и региональных, международных объединений (ООН, ШОС, БРИКС, НАТО и другие); от других народов, иностранных граждан; от реально действующих и вновь возникающих объективных внешних факторов.

Оба кластера функционируют во времени и пространстве одновременно и формируют *внутренний и внешний Контекст* для протекания, возникновения и угасания событий в сфере национальной безопасности. **Но самое главное – внешний и внутренний контекст, по итогам многочисленных исследований, на 30–70 процентов обуславливает содержание и результативность событий во внутренней и внешней жизни страны; её культуры, образа жизни, безопасности, политики, экономики, экологии.** В итоге: Контекст – это важнейшее и всепроникающее действие, которое в значительной степени влияет на Понимание, Интерпретацию события, на его осмысление, на смысл жизни, на позицию и поступки очень многих людей, семей, общественных организаций, институтов власти.

Во взаимодействии субъектов и объектов безопасности, национальной безопасности с Контекстом формируется и функционирует Повестка Дня народа, человека и семьи, российской власти 2014 года.

Однако и событие из сферы национальной безопасности, и Контекст события одновременно и повсеместно подвержены влиянию внешней и внутренней Среды, Институциональной Среды: то есть речь идёт о Правилах Игры для сферы безопасности, для процесса и результата взаимодействия События и Контекста События; для Повестки Дня России 2014.

Ранее в качестве Контекста можно было говорить о «работающей» модели миропорядка (Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, 2014 года). Применительно к Среде, к Правилам Игры можно говорить о характере западного и незападного мироустройства, о характере самой эпохи (для второй половины XX века и первых годах XXI века – информационная эра, информационная эпоха, информационное общество).

По мнению автора статьи, наступило время для важного вывода, чтобы рассмотреть возможность определения внешней Среды для событий в сфере национальной безопасности России XXI века (с учётом контекста: Московско-Шанхайской модели миропорядка) как коммуникационной. **По сути, речь идёт о гипотезе: вместе с информационной эпохой, Средой; вместе с западной несправедливой, негуманистической моделью мироустройства (евроатлантической: США – ЕС) с 2003 года (ориентировочно) начала функционировать незападная коммуникационная эпоха: справедливая, гуманистическая – с гуманистической, справедливой моделью мироустройства¹.**

Таким образом – для общественных наук здесь значительный урок: движение к коммуникационному обществу как Среде для национальной безопасности России 2014, как Среде для региональной и глобальной гуманистической безопасности, через теорию и методологию коммуникационного общества XXI века.

Прежде всего, важно отметить выдающиеся по оригинальности, фундаментальности и актуальности работы известного философа, политолога и социолога Александра Семёновича Капто. Его нужный и востребованный труд **«Энциклопедия Мира»**, опубликованный в двух томах (Москва, 2013), а также две важные монографии: **«Нацизм и "либеральный антисталинизм"»: Отпор фальсификаторам истории»** (М., 2012), **«Мораль в моделях мироустройства»** (М., 2011) сложили реальную основу коммуникационного подхода к развитию концепций безопасности и мира².

А источником такой работы стало обобщение интересных и важных практик, создание новых институтов и укрепление, развитие уже оправдавших практик, теорий, методологий, институтов для сферы коммуникаций, коммуникационного; для сферы коммуникационной безопасности.

Сама суть коммуникационного, компромиссного, справедливого, культурного, гуманистического, духовного, правдивого предлагает воссоздание великих традиций Просветительства в России. Это в устойчивой традиции учёных Российской Академии наук; учёных, работающих в различных институтах науки, промышленности, обороны, культуры, экологии; учёных, занимающихся самостоятельно творчеством и просвещением народа.

Действительно консолидирующим всё многообразие усилий народов России, её научного и экспертного потенциала по изучению практик и методологий, теорий, институтов, технологий; **просвещения всех граждан по вопросам обеспечения личной, общественной и государственной безопасности стал уникальный исследовательский Проект в 1998–2014 годах «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты».**

Подготовка к этой фундаментальной научной, издательско-просветительской работе началась Международным гуманитарным фондом «Знание» с 1997

¹ Гуманитарный стратегический манёвр / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов Кузнецов В.Н. М., 2004; Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2007; Смысл Великой Победы: Коллективная монография / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2010; *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. Новое доп. изд. М., 2010; *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М., 2011; *Кочетов Э.Г.* Диалог. М., 2011.

² *Капто А.С.* Энциклопедия Мира: в двух томах. М., 2013; *Капто А.С.* Нацизм и «либеральный антисталинизм»: Отпор фальсификаторам истории. М., 2012; *Капто А.С.* Мораль в моделях мироустройства. М., 2011.

года при поддержке Совета Безопасности РФ, Администрации Президента РФ, Российской Академии наук¹.

По существу, этот выдающийся научный Проект, который продолжается в 2014 году, является фундаментальным Уроком по дороге к безопасности России 2014, её национальной безопасности, к культуре национальной безопасности Российской Федерации 2014 года.

По состоянию на март 2014 года подготовлено и опубликовано 39 книг (см. приложение 1). Фактически учёные Российской Академии Наук, всей сферы вузовской науки, отраслевой науки, общественных (негосударственных и некоммерческих) лабораторий, институтов, фондов «сложили», «настроили», «просветили» народ России, народы многих стран по поводу «новой российской реальности 2013».

Для 2014 года полностью правомерно и актуально суждение академика РАН Г.И. Марчука о важности и необходимости Проекта для развития народов России, для всего дела обеспечения мира и безопасности во всём мире. «В этом издании сконцентрированы и обобщены междисциплинарные знания по большинству новейших проблем безопасности и рисков.

По постановке проблем, широте и систематичности рассмотренных вопросов многотомная серия «Безопасность России» не имеет мировых аналогов²

С 2008 года Научным руководителем многотомного издания (по настоящее время) «Безопасность России» является член-корр. РАН Н.А. Махутов.

В рамках «*фундаментального вывода*» исследования в представленной статье необходимо выделить, по моему мнению, три ключевые доминанты, которые осуществляются через все тридцать девять книг, представленных в многотомной серии.

Во-первых, обозначу доминанту «понимания» смысла самого широкого проявления безопасности и национальной безопасности. Ключевые звенья этой доминанты – книги 7, 32 и 37 (см. приложение 1). Речь идёт об изучении и уточнении по ходу исследования в Проекте предметной области изучения безопасности, о смыслах, о содержании категорий, концептов и конструктов.

• В книге 7 «*Словарь терминов и определений*» (М., 1999) была осуществлена задача обеспечения сопоставимого понимания участниками всех книг Проекта XX и XXI веков, а также *содействия целостному пониманию читателями сущности проблем безопасности в основных сферах жизнеобеспечения человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации.*

• В книге 32 «*Геополитические вопросы безопасности. Энциклопедический словарь-справочник*» (М., 2008) практически впервые *проблема понимания вопросов безопасности была поставлена в контекст учёта геополитической парадигмы.*

¹ Махутов Н.А., Светик Ф.Ф. Итоги работы по изданию многотомной серии «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты». (От Редакционного Совета многотомного издания «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты») // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Издательско-просветительский Проект. М., 2008.

² Марчук Г.И. Издательско-просветительский Проект «Безопасность России» как одна из приоритетных программ МГОФ «Знание» им. Академика К.В. Фролова // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. 1998–2008. Издательско-просветительский Проект. М., 2008. Приведено по: Данкин Д.М., Котов И.В., Кузнецова А.В., Сергеева Л.И., Явчуновская И.В. Научный Отчёт. М., 2011. С. 192.

• В книге 37 «Национальная и международная безопасность. Том I. Энциклопедический словарь-справочник» (М., 2012) впервые в российской и мировой научной и просветительской литературе были предложены методологические, концептуальные и логические, культурологические основная для понимания внутренней взаимосвязи и взаимообусловленности безопасности человека, национальной безопасности народа и страны, региональной безопасности (Азия – Россия – Европа, Америка, Африка и т. д.), международной безопасности.

Во-вторых, для перехода от безопасности к национальной безопасности авторы исследования обосновали через все этапы работы, через все книги самого сложного наполнения (математика, физика, кибернетика, технические формулы, биологические и медицинские реальности) – ключевую линию: гуманизм, гуманизацию, культуру, просветительство.

Это нашло своё подтверждение в промежуточном обобщающем тезисе (2008) Н.А. Махутова и Ф.Ф. Светика. **«Важнейшей задачей серии «Безопасность России» является обеспечение широкой образовательной и просветительской работы, формирование культуры безопасности и риска, соответствующей реалиям современного мира, – утверждают они. – Это относится как к деятельности лиц принимающих стратегические государственные решения, так и к повседневной жизни каждого человека.** (Выделено – жирный шрифт – авторами Научного Отчёта)¹.

В-третьих, характерно и важно отметить, что авторы многотомного издания «Безопасность России» сочли необходимым только через 14 лет исследования проблем безопасности, культуры безопасности, культуры рисков (книги 27, 28, 29, 30, 31) приступить к подготовке и публикации шеститомного Тематического блока «Национальная безопасность» (книги 37, 38, 39). И опять же – первым томом стал «Энциклопедический словарь-справочник» (том 37. М., 2012)

* * *

Итоги моих исследований в 2003–2014 годах концептуальных и методологических аспектов социологии компромисса через справедливость² позволили мне сделать два утверждения: *во-первых*, интеллектуальная жизнь в XXI веке – это, прежде всего, поиск и осуществление приемлемых компромиссов для оптимального разрешения противоречий везде и всегда (в том числе и антагонистических противоречий)³, *во-вторых*, именно социология компромисса через свою методологию, концептуальность, свои технологии и механизмы уже сформировала теоретические основания для развёртывания всепроникающей сетевой глобальной повседневной деятельности по развёртыванию эффективного предотвращения уже готовящейся сторонниками «культуры смерти» глобальной ядерной катастрофы XXI века, о чём в начале 2007 года предупредили мировое сообщество 18 нобелевских лауреатов. Усложняющимся и ускоряющимся миром XXI века всё более широко, глубоко, конструктивно и достойно начинают управлять компромиссы⁴.

Методологический аспект социологии безопасности Человека, опираясь на достигнутые итоги исследования методологии компромисса – особенно в понимании роли «института Позиция», предполагает углубление исследований методологии феноменов, институтов «поступок», «гуманитарные взаимодействия»,

¹ Приведено по: Данкин Д.М., Котов И.В., Кузнецова А.В., Сергеева Л.И., Явчуновская И.В. Научный Отчёт. М., 2011. С. 203.

² Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

³ Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007. С. 318.

⁴ Там же. С. 524.

«правда», «истина», «свобода», «честность», «солидарность», «благо», «достоинство», «законность», «труд».

Вместе и рядом с проблемой труда существует проблема бедности. Я имею в виду почти треть населения нашей страны. Я имею в виду ту бедность, которая оскорбляет и унижает миллионы соотечественников, ту бедность, которая питает антисправедливость и несправедливость, «серую» экономику, коррупцию, организованную преступность, международный терроризм. Я имею в виду ту бедность и обнищание, которые уже стали реальностью для миллионов пенсионеров, инвалидов, детей и многих молодых семей.

Полагаю возможным предложить суждение о том, что основные причины бедности и обнищания в России XXI века – интеллектуальные, идеологические. Именно социология может многое сделать для народов России в радикальном преодолении бедности.

Проблема бедности, **несправедливого неравенства** может стать одной из самых понятных и важных национальных целей в 2010–2014 годах. И прежде всего по той причине, что такая общая работа может быть основана на гражданском компромиссе самых различных граждан, конфессий, партий.

По существу, я имею в виду складывающийся социальный и интеллектуальный, идеологический капитал российского общества. Значительная часть такого капитала может пойти на преодоление бедности.

Тем не менее, самым трудным и важным этапом содействия становлению идеологии консолидации является, на мой взгляд, **повседневная деятельность** сотен тысяч граждан России в решении ключевой задачи. Я имею в виду конкретную результативную работу, практики компромиссности и справедливости.

Именно в этом звене осуществления стратегического манёвра создаётся результат, который будучи «присвоенным», обеспечивает устойчивость новых институтов «российская идеология культуры развития», «российская идеология культуры модернизации».

Конкретно, **я говорю о главном: как сделать такую объединяющую идеологию понятной и воспринятой абсолютным большинством граждан России, молодёжью, пенсионерами, военнослужащими, приверженцами различных других идеологий, различных религиозных конфессий.**

Ведь даже самым непримиримым людям можно объяснить, убедить их – во имя высшего смысла – благополучия и безопасности людей, народов и Отечества, – что на строго оговоренных условиях, на строго оговоренный временной период можно и нужно принять основные постулаты идеологии консолидации, идеологии справедливости.

Именно для этой срочной творческой и важнейшей работы нужны ум, эмоции, мудрость и терпение миллионов наших сограждан. Сегодня здесь главное звено.

Научная проблема исследования, итоги которого стали основой этого раздела статьи, может быть представлена так: как может быть оформлена (*или не может?*) теория глобального компромисса в терминах глобальной игры, в итоге которой результат не равен нулю.

Размышления над причинами глобального кризиса, его ходом; возможными контурами мира после кризиса; реальностью (с высокой степенью вероятности) возникновения глобальной войны как способа преодоления кризиса (как было два раза в XX веке); срочная и повсеместная необходимость согласованно действовать миллиардам людей для предотвращения угроз из-за стремитель-

ных изменений климата способствуют созданию эффективной и востребованной концепции компромисса, концепции развития как теории культуры развития через теорию компромисса, культуры компромисса. Таким образом, главным гуманитарным смыслом для Российской Повестки Дня на 2014 год, для Глобальной Повестки Дня, посвящённых 69-летию Великой Победы в войне 1941–1945 годов против фашизма становится ожидаемое всеми народами мира новое созидательное качество Глобальной Игры.

Народы России вместе со всеми народами мира в сложных событиях кризисных перемен 2008–2014 годов создали и предлагают всему миру как главный игрок, субъект Глобальной Игры – Глобальный Проект сохранения и упрочения правды, честности, доверия и справедливости, ответственности на основе новой методологии, концепции, технологии, процессуальности и практики глобальной, созидающей модели культуры развития каждого человека, всех народов мира, всех стран в XXI веке. Стратегия культуры развития России, культуры развития всего мира в XXI веке через культуру развития духовной сферы, через культуру компромиссного становится основанием нового гуманизма, новой модели миропорядка, новой модели мироустройства.

Сегодня это принципиально новый, глобального значения вопрос для всех нас. Нам в считанные дни, месяцы и годы надо понять, оформить и обеспечить общероссийское и мировое (глобальное) согласие по основным аспектам культуры компромисса, культуры развития с учётом **Контекста** (модели Московско-Шанхайского миропорядка); с учётом **Среды** (коммуникационной эпохи, коммуникационного общества). Компромисс, согласие, консенсус как гуманитарная инновация через гуманитарное воспитание становится главным и единственным способом выживания и достойного экологически безопасного развития в контексте стремительного нарастания изменения климата, тревожных изменений среды жизнеобеспечения всех людей и всех народов.

Фактически в общественных науках XXI века доминирует тезис, что именно конфликты и катастрофы; риски, неопределённость и хаос управляют миром.

Позиция автора в представленной статье развёрнута в итогах исследований формирующейся социологической теории гуманитарных взаимодействий, которые определяются категорией «компромисс». По своей сути речь идёт о новых подходах к перспективной, по моему мнению, модели научного знания; к новому пониманию социальной реальности. Предпринята попытка, *во-первых*, социологически «раскрыть» методологический и концептуальный плюрализм, плодотворное разнообразие, смыслом которого является **существование, сотрудничество, сотрудничество** различных парадигмальных, методологических и теоретических подходов, позволяющих наиболее эффективно и в приемлемые сроки осуществить анализ глобальных подвижек, «поворотов», перемен в мире.

Во-вторых, но может быть и в «главных», намерения автора ориентированы на следующий этап (после анализа подвижек, поворотов и перемен) – создание, точнее – строительство, большой Теории и Методологии опережающего и предотвращающего компромисса, позволяющих действовать на опережение ещё на зародышевой стадии формирования напряжений, конфликтов, катастроф, войны, террористических актов, преступлений и коррупции. Я имею в виду теорию, методологию, институты, технологии, процедуры и механизмы опережающих компромиссов как для сферы неантагонистических противоречий, так и для сферы антагонистических противоречий.

Рабочая гипотеза автора статьи – в новом глобальном и ускоряющемся мире, когда достоинство, благополучие и безопасность, справедливость и счастье стали востребованы каждым человеком, **именно компромисс, культура компро-**

мисса, стратегическая партнёрская культура компромисса обладают созидательным, консолидирующим на основе культуры и сетевого подхода облачных методологий потенциалом для достижения и сбережения культуры жизни. Я придаю особое значение в рабочей гипотезе уникальному свойству компромисса – содействовать единению народов России, единению людей и власти в нашей стране; свойству решительно и в сжатые сроки содействовать предотвращению глобальной ядерной войны XXI века, которая уже реально готовится сторонниками культуры смерти¹.

Смысл моей рабочей гипотезы исследований проблем развития России, её обороны может быть сформулирован так: усложняющимся и ускоряющимся миром XXI века всё более широко, глубоко, конструктивно и достойно начинают управлять компромиссы.

Поэтому *целью представленной статьи* является обобщение итогов изучения теории и методологии, процедур и механизмов поиска, «строительства», осуществления опережающего глобального компромисса между народами мира и правящими кланами по поводу глобальных правил игры со смыслами жизни, самой жизнью миллиардов людей в условиях глобальной гуманитарной структурной революции XXI века.

В подтверждение правомерности, фундаментальности и востребованности научной проблемы исследования для обоснованности позиции автора статьи, рабочей гипотезы, цели вывода для общественных наук России 2014 поучительно привести ответ, который предложил Президент России В. Путин в начале июня 2007 года. Конкретным поводом стал вопрос, заданный ему главным редактором немецкого журнала «Шпигель» А. Штефаном в ходе встречи с журналистами из стран-членов «Группы восьми».

«Шпигель». – *Господин Президент, похоже, что Россия больше не слишком-то любит Запад. У нас отношения несколько ухудшились. И можно говорить об ухудшении отношений с Америкой. Мы опять приближаемся к «холодной войне»?*

Путин. – Сегодня **одна из главных сложностей** заключается в том, что некоторые участники международного общения полагают, что их мнение является истиной в конечной инстанции. Это, конечно, не способствует **созданию атмосферы доверия**, что, на мой взгляд, является ключевым для того, чтобы искать не только взаимоприемлемые, но и оптимальные решения. Вместе с тем мы не считаем, что нужно драматизировать события. Если мы высказываем свое мнение откровенно, честно и принципиально, то это не значит, что мы ищем конфронтации. Более того, **я глубоко убежден в том, что если бы нам удалось воссоздать на международной арене практику не просто честного обсуждения, а умение поиска компромисса, то это пошло бы на пользу всем.** И уверен, что некоторых кризисов, с которыми сталкивается международное сообщество, сегодня бы не было, и они не оказывали бы такого удручающего воздействия и на внутривнутриполитическую, обстановку в тех или других странах, в том числе не были бы такой головной болью для Соединенных Штатов, скажем, события в Ираке.

¹ Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения. М., 2012; Он же. Партнёрство. М., 2011; Он же. Теория компромисса. М., 2010; Он же. Мир после кризиса: Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации. М., 2009; Он же. Социология глобального компромисса. М., 2009; Он же. Социология справедливости. М., 2008; Он же. К единению народов России через культуру компромисса. М., 2007; Он же. Социология компромисса. М., 2007.

Это наиболее яркий, наиболее острый пример, но тем не менее. **Я хочу, чтобы вы меня поняли.** А ведь как вы помните, мы возражали против военных действий в Ираке. Мы и сейчас считаем, что можно было бы добиться поставленных на тот период времени перед нами задач другими средствами, и результат был бы, на мой взгляд, все-таки лучше, чем тот, который мы сегодня имеем.

Поэтому мы настроены не на конфронтацию, а **мы настроены на диалог, но диалог равноправный, с учетом интересов друг друга**¹. (Выделено мною. – В.К.).

Да, это движение от диалога к компромиссу через коммуникационное в Среде Коммуникационной Эпохи.

Январь – март 2014 года уже стал и актуальным этапом к подготовке Года Культуры, который объявлен в России на весь 2014 год².

«Основа любой национальной культуры – язык. В нашем случае – русский. Так что Год культуры в России – это по определению год русского языка. Оригинальная национальная культура и национальный язык – такие же гаранты национального суверенитета и национальной безопасности, как, например, армия, – справедливо и своевременно, четко и убедительно констатирует известный российский учёный и журналист Виталий Третьяков. –

<...> Это год культуры России и за ее пределами (и не только на постсоветском пространстве). И в частности, тех, кто русскую культуру за пределами России поддерживает и изучает. Это и год исторически безупречной цивилизаторской миссии русской культуры за пределами собственно России.

Это и год общепризнанных шедевров русской культуры, вошедших в мировую сокровищницу; год вклада России в мировую культуру. По этому вкладу Россия стоит в ряду очень малого числа стран, а именно: Италии, Франции, Германии и Великобритании с ее молодым ответвлением США. Всё! Эти страны и Россия – вот то, на чем держится здание европейской культуры и цивилизации, мировой, по сути, тоже.

Наконец, Год культуры – это год поиска ответов на два вопроса. Первый: может ли отечественная культура вернуть себе лидерские позиции в культуре мировой, как это было в конце XIX – начале XX века? И второй: есть ли сегодня в русской культуре нечто такое, что может служить конструктивной и эффективной альтернативой мировой массовой культуре?»³.

Возможен, по мнению автора статьи, и *третий вопрос* к Году Культуры (2014): насколько фундаментально и повсеместно (в России) российская, русская культура в 2014 году «выстроит» для современной теории и методологии содействия миру, безопасности и развитию России **ключевой, ведущий императив: новый незападный гуманистический гуманизм XXI века.**

О ВАЖНОСТИ КУЛЬТУРНОГО

Особенностью авторского подхода к интерпретации итогов исследований проблем мира, безопасности, развития и обороны России может быть названа тенденция выделения линии культуры, гуманизма (в западной, восточной традиции) как возможной главной характеристики пятого и шестого глобального технологического уклада. Основное внимание автор статьи уделяет в этом разделе работы *проблеме законности, справедливости как исходного условия и*

¹ Владимир Путин: Позицию России готов объяснить Путин детально // Российская газета. Столичный выпуск, 2007, 5 июня. С. 1–2.

² Третьяков В. Год культуры: торг неуместен // Культура, 2013, № 25, 12–18 июля С. 7.

³ Там же.

мотивации, умения понимать человеку своё видение мира и места в нём: здесь речь идёт об обретении, сохранении и защите обретённого смысла жизни. С проблемой понимания тесно увязана линия изучения **обретения человеком своего значения, значимости, востребованности в жизни**. Здесь речь идёт об окультуривании, об омировоззревании человека, народа, нации. Здесь ключевая проблема 2014 года – понимание, предвидение, предотвращение раскультуривания, размировоззревания человека и нации. Здесь речь идёт о понимании, преодолении и предотвращении рассуверенизации страны, разидентификации человека и народа.

Сегодня и завтра в марте 2014 года, и в последующие дни вместе с нашим Президентом России Владимиром Путиным нас ждёт главная работа и забота, главное служение Отечеству – **развернуть Россию к каждому человеку**.

Да, для такой структурной революции нам предстоит продолжить гуманитарный стратегический манёвр, **нам предстоит осуществить общероссийский опережающий гуманитарный стратегический компромисс для объединения интеллекта, таланта, умений и технологий (в условиях уже ощущаемого дефицита времени), во имя достоинства, доверия, безопасности и благополучия, справедливости и счастья для Всех**.

Да, формирующийся Геокультурный Созидающий Российский Проект XXI века – Возрождение России, Развитие России XXI, может стать российской мечтой, может стать глобальной мечтой, может стать Глобальным Проектом как Посланием от народов России народам всех стран.

Да, энергичная и волевая, глобальная и конкретная совместная деятельность миллионов граждан во всех странах мира могут способствовать «гуманитарному развороту мира к каждому человеку» в процессе создания и осуществления глобального стратегического гуманитарного компромисса, культуры развития и культуры партнёрства во имя достойной и безопасной жизни каждого человека по справедливости, по правде¹.

Процессуальность такого «разворота» как «концерта народов всего мира» объективно и субъективно может решительно способствовать созданию справедливой архитектуры миропорядка и мироустройства XXI века; надёжной и понятной структуры глобальной безопасности; необратимому наполнению главных смыслов и результатов кризисных перемен позитивной динамикой, позитивными итогами осуществления всемирной структурной гуманитарной революции XXI века.

Оформление в рамках социологического научного дискурса международной дискуссии о смысле Повестки Дня 2014 дополняет практики функционирования справедливого и безопасного рефлексией по поводу формирования, во-первых, новых Правил Игры при формировании и осуществлении международной повестки дня как 2014 года, так и последующих лет.

Я обозначаю тем самым фундаментальные основания новой глобальной доминанты научного дискурса – власть идей как новая идеология мироустройства XXI века. Таким образом, считаю необходимым отметить, что начальный этап создания и функционирования «не-Западной» культуры партнёрства, политической культуры, социологии политики и политической философии состоялся.

Во-вторых, исходной сущностной характеристикой нового социологического научного дискурса становится дуальная позиция «справедливость – компромиссность».

¹ См.: *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М., 2011.

Важнейшей особенностью моего подхода к становлению нового гуманизма; содержания и структуры, процессуальности и эвристики, технологий и механизмов Повестки Дня 2014, Правил Игры 2014, Глобальных Целей Развития 2014–2015 стало понимание его «ядра». В его структуре – изучение и ориентированность на безусловное формирование позитивного и динамичного отношения к труду; к преодолению бедности и несправедливого социального, экономического, информационного неравенства; к содействию в борьбе против международного терроризма и организованной преступности, коррупции.

В смысловом «ядре» нового гуманизма я особо выделяю духовность. В его основе могут быть выделены: общенациональная цель, социальный идеал, основные ценности, смысл жизни, российская мечта, надежда, вера (доверие), историческая память, патриотизм, культура патриотизма. Отсюда – сохранение и развитие образа жизни, гармоничное соотношение прав и свобод человека и его ответственности, обязанностей, долга. И отсюда – солидарность, терпимость, ориентированность на согласие и сотрудничество.

Именно здесь ключ к нравственному возрождению человека в России, к позитивной самоидентификации, к нравственному самоопределению народов Российской Федерации. *Здесь единство прошлого (исторического сознания – традиций, образа жизни), настоящего (культуры патриотизма, конструктивного доверия, солидарности, ответственности) и будущего (моя безопасность через нашу безопасность, через безопасность Другого); российская мечта; ориентир на консолидацию; совесть, правда и справедливость.*

Социологичность в таком подходе связана, на мой взгляд, с геокультурным подходом, который ориентирован на человека, семью, народ; на их статусы, роли, на их связи и отношения, на культуру коммуникации.

Понятна новая локальная, региональная и глобальная научная проблема. *Речь идёт о стремлении каждого человека в России, в Евразии, во всём мире обрести здесь и сейчас достоинство, справедливость, свободу, благополучие и безопасность.*

Самые предварительные итоги обобщения, изучения состояния теории Большого Проекта позволили расширить мне важный социологический тезис: необходимо представить трактовку современного мира в геокультурной парадигме.

Только имея структуру и смысловую наполненность модели современного мира можно продвигаться дальше – к модели формирования и функционирования национальной модели современного устойчивого развития.

Но логика изменений состояния Мира в условиях кризисных перемен 2008–2014 годов убеждает в необходимости такой модели Мира, которая была бы способна учесть принципиальный переход от Большой Игры (в которой народы мира были объектом изменений) к Глобальной Игре (в которой народы мира – субъект изменений, субъект установления новых правил игры и контроля за ними, субъект глобальной безопасности).

Итак: в логике Геополитической парадигмы Мир трактуется как Мир–Система. Геоэкономическая парадигма интерпретирует Мир как Экономику. Я предлагаю в Геокультурной парадигме понимать Мир XXI века как Культуру–Сеть, как Гуманистический Гуманизм, как Глобальную Игру с итогом отличным от нуля, как Культуру Коммуникации, как Глобальный Компромисс по итогам которого каждый считает себя победителем (см. схему 3). *Это всё вместе – гуманитарная парадигма.*

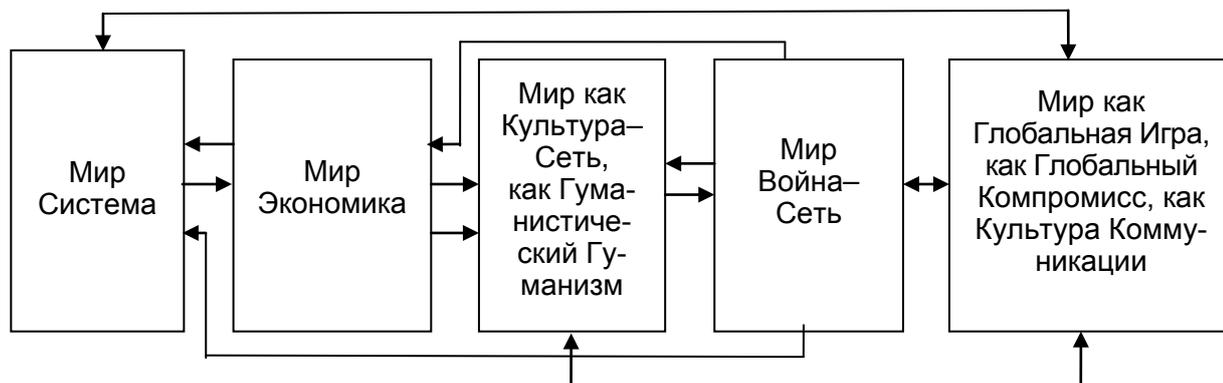
В негуманитарной западной парадигме Мир XXI века трактуется как Война–Сеть.

Мои аргументы в поддержку геокультурной интерпретации современного Мира как Культуры–Сети, как Гуманистического Гуманизма, как Глобальной Иг-

ры, как Культуры Коммуникации, как Глобального Компромисса можно привести в следующей последовательности:

Схема 3

Логика изменений в понимании Субъектов
культуры развития современного Мира

- ключевые элементы культуры, религии, идеологии: цели, идеалы, ценности, патриотизм, сострадание, утешение, спасение, долг, смысл жизни, российская мечта, терпимость, надежда – органично и взаимосогласованно входят в общественное сознание, в мировоззрение конкретного человека, поддерживают семью;

- хаос, неопределённость, риски, страхи, опасности и угрозы, утопии, мифы и фантазии – становятся элементами культуры и сети;

- наполняются новой динамикой и укоренённостью в **Культуре–Сети, Гуманистическом Гуманизме, Глобальной Игре, Глобальном Компромиссе, Культуре Коммуникации** важные феномены XXI века: культура мира, культура безопасности, культура диалога, культура предотвращения, культура компромисса, культура солидарности, гуманистическое, коммуникационное.

Важнейшее фундаментальное основание глобальной безопасности в XXI веке – Субъект глобальной безопасности. Фактически в социологической геокультурной парадигме проблема безопасности может быть определена как обеспечение народами мира достойной жизни человека по справедливости, по правде. Речь идёт о культуре безопасности, о культуре честной игры, о культуре сотрудничества, о культуре солидарности.

Но важнейший Субъект общей глобальной безопасности – Народы различных стран.

Поучительно, по-моему, рассмотреть в геокультурной модели современного мира Глобальную Игру, прежде всего, как мировоззренческий феномен со своими правилами, нормами (формальными и неформальными), как институциональную среду. Именно в таком контексте становится понятна та идеология политики партнёрства, которую предлагал в 2008–2010 годах Европейский Союз для России.

«Не случайно, что идеологическую основу данной политики, – отметил российский политолог Тимофей Бордачёв, – составил лозунг "Объединение всего, кроме институтов", выдвинутый Романо Проди в его бытность председателем Европейской комиссии. Суть доктрины соседства – экономическое, политическое и правовое сближение стран-соседей с Европейским союзом, взаимное открытие рынков и восприятие ими юридических норм ЕС, **за исключением, однако, участия в общих институтах единой Европы** (Еврокомиссия, Совет ЕС, Суд юсти-

ции, Европарламент и рабочие органы), **дающего возможность влиять на процесс выработки и содержание этих норм**¹. (Выделено мною. – В.К.)

* * *

В предыдущих разделах статьи мною были уже рассмотрены некоторые методологические и теоретические подходы, способствующие как смягчению остроты и агрессивности противоречий в сфере обеспечения безопасности человека, так и возможности их эволюционной трансформации в небескомпромиссные ситуации. В такой стадии терпимость, диалог, сотрудничество, солидарность, доверие «работают» на обе стороны более согласованно и продуктивно.

Для дальнейшего исследования возможностей влияния на разрешение антагонистических противоречий через опережающие компромиссы, через взаимодействия выделим один наиболее глубокий и устойчивый, «неподдающийся» аспект Западной модели мироустройства (по Западу). Основанием такого «выделенного» я полагаю возможным предложить феномен *«идеология миропорядка как политическая философия Запада»*.

Необходимо обратить внимание на интересные, глубокие, перспективные суждения о противостоянии «не-Запада» и «Запада» предложенные членом палаты лордов британского парламента, профессором Уорвикского университета Робертом Скидельским. «Только Запад обладает полностью разработанной идеологией миропорядка, – констатирует Р. Скидельский. – Среди её оснований – свободная торговля в экономике, глобальное управление посредством многосторонних институтов в политике, развитие институтов демократии и прав человека во внутренней политике... Итак, именно это отсутствие альтернативного видения миропорядка и позволяет западным лидерам без всякого лицемерия говорить о "международном сообществе"... До тех пор пока "не-Запад" не выработает своей политической философии, западная гегемония сохранится»².

Этот блестящий анализ власти идей в современном мире, осуществлённый Робертом Скидельским, заставляет думать и работать.

Итог: *в противовес полностью разработанной западной идеологии и философии миропорядка, мы предложили полностью разработанную не-западную идеологию и политическую философию новой модели мироустройства (Проекта России).*

Ещё раз рассмотрим особенности человека «играющего».

Во-первых, сложилась целая наука о «человеке играющем», которая позволяет на основе *«игрового габитуса»*... даже в условиях дискретной, нелинейной социальной реальности добиваться вполне прагматических жизненных целей»³.

Во-вторых, человек «играющий» обретает в XXI веке новые методологические, теоретические, эвристические и технологические возможности для влияния на сложнейшие и неразрешимые ранее антагонистические противоречия. Свообразными **«троянскими конями»** для проникновения в пространство «бескомпромиссного», **сферы безопасности** могут стать: опережающий (предотвращающий) компромисс; кентавризм (по Тощенко); фактор среды – глобальная структурная гуманитарная революция XXI века; конвергенция; конформизм как конформность (по Мертону); социология слабых и очень слабых взаи-

¹ Бордачёв Т. Новый стратегический союз: Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М., 2009. С. 226.

² Скидельский Р. Власть идей // Ведомости, 2006, 4 июля. С. А4.

³ Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна а динамически меняющемся мире: Монография. М., 2007. С. 32; Он же. Нелинейная социокультурная динамика: Играизационный подход. М., 2006.

модействий в сфере безопасности; формирование соответствующих Правил Игры с последующей их корректировкой.

По существу, здесь наступает время и пространство значительных и востребованных гуманитарных стратегических инноваций в сфере безопасного, компромиссного, играизационного.

Многие в мире: социологи, политологи, философы, историки, экономисты обратили самое серьёзное внимание на замечание Президента России Владимира Путина, сделанное им на пресс-конференции в Кеннебанкпорте (США) летом 2007 года: «**Карты сданы, можно начинать игру... И очень хотелось бы, чтобы мы играли в одну игру**»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Приложение 1

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ МНОГОТОМНОЙ СЕРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ. ПРАВОВЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ», ИЗДАНЫХ В 1998–2012 гг. (По состоянию на март 2013 года)

№	Название	Руководители авторских коллективов	Год издания	Объём, стр.
1	Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. Сборник материалов Всероссийской конференции	А.А. Агеенков	1998	384
2	Безопасность России. Основопологающие государственные документы. В 2-х частях. Часть 1	А.А. Кокошин (ред, совет)	1998	474
3	Безопасность России. Основопологающие государственные документы. В 2-х частях. Часть 2	А.А. Кокошин (ред, совет)	1998	352
4	Безопасность России. Безопасность и устойчивое развитие городов	Ю.М. Лужков	1998	492
5	Безопасность России. Функционирование сложных технических систем. Раздел 1	К.В. Фролов	1998	448
6	Безопасность России. Функционирование сложных технических систем. Раздел 2	К.В. Фролов	1998	410
7	Безопасность России. Словарь терминов и определений	Н.А. Махутов	1999	368
8	Безопасность России. Медицина катастроф и реабилитация	В.И. Стародубов	1999	736
9	Безопасность России. Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	С.К. Шойгу	1999	592
10	Безопасность России. Региональные проблемы безопасности с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф	В.И. Осипов	1999	650
11	Безопасность России. Экологическая безопасность, устойчивое развитие и природоохранные проблемы	В.И. Данилов-Данильян	1999	704
12	Безопасность России. Экологическая диагностика	В.В. Клюев	2000	496

¹ Приведено по: Лукьянов Ф. Игра в мировой порядок: Начнётся ли стратегический залог между Россией и США // Время новостей, 2007, 4 июля. С. 1.

13	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (ТЭК и государство)	Е.А. Телегина, В.Ю. Алекперов	2000	302
14	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Нефтяной комплекс России)	А.М. Мастепанов, В.Ю. Алекперов	2000	430
15	Безопасность России. Продовольственная безопасность. Раздел 1	А.В. Гордеев	2000	544
16	Безопасность России. Продовольственная безопасность. Раздел 2	А.В. Гордеев	2001	480
17	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Проблемы функционирования и развития электроэнергетики)	В.А. Баринов	2001	480
18	Безопасность России. Региональные проблемы безопасности. Красноярский край	А.И. Лебедь	2001	576
19	Безопасность России. Безопасность промышленного комплекса	В.М. Кульчечев	2002	464
20	Безопасность России. Безопасность трубопроводного транспорта	И.М. Мазур	2002	752
21	Безопасность России. Регулирование ядерной и радиационной безопасности	Ю.Г. Вишневецкий	2003	400
22	Безопасность России. Высокотехнологичный комплекс и безопасность России. Часть 1. Высокотехнологичный комплекс России – основы экономического развития и безопасности	В.Л. Макаров, Б.Н. Кузык, Л.И. Абалкин	2003	576
23	Безопасность России. Высокотехнологичный комплекс и безопасность России. Часть 2. Проблемы обеспечения безопасности оборонно-промышленного комплекса России	В.Л. Макаров, Б.Н. Кузык, Н.В. Абросимов	2003	624
24	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Газовая промышленность России)	А.М. Мастепанов	2005	688
25	Безопасность России. Информационная безопасность	В.А. Садовничий	2005	512
26	Безопасность России. Проблемы экономической безопасности в условиях крупного города	А.Б. Корсак	2005	512
27	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть I. Основы анализа и регулирования безопасности	Н.А. Махутов	2006	639
28	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть II. Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками	Ю.Л. Воробьев, В.И. Осипов	2006	751
29	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть III. Прикладные вопросы анализа рисков критически важных объектов	С.К. Шойгу, М.И. Фалеев	2007	800
30	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть IV. Научно-методическая база анализа риска и безопасности	Н.П. Лавёров	2007	857
31	Безопасность России. Анализ рисков и управление безопасностью. (Методические рекомендации)	Н.А. Махутов, К.Б. Пуликовский, С.К. Шойгу	2008	672
32	Безопасность России. Геополитические вопросы безопасности. Энциклопедический словарь-справочник	В.Л. Манилов, В.А. Баришполец, Н.А. Махутов	2008	528
33	Безопасность России. Человеческий фактор в проблемах безопасности	Н.А. Махутов	2008	704
34	Безопасность России. Биологическая безопасность	М.П. Кирпичников, Н.А. Махутов, А.Н. Панин	2009	912
35	Безопасность России. Основы информационно-психологической безопасности	В.А. Баришполец (общ. ред.)	2012	416

36	Безопасность России. Безопасность строительного комплекса	Н.А. Махутов, О.И. Лобов, К.И. Еремин Руководители авт. колл.	2012	798
37	Безопасность России. Национальная и международная безопасность. Том 1. Энциклопедический словарь-справочник	В.А. Акимов, В.А. Баришполец, Н.А. Махутов, М.И. Фалеев	2012	752
38	Безопасность России. Том 2. Безопасность и защищенность критически важных объектов. Часть I. Научные основы безопасности и защищенности критически важных для национальной безопасности объектов	Н.А. Махутов. Общ. ред.	2012	896
39	Безопасность России. Том 2. Безопасность и защищенность критически важных объектов. Часть II. Обеспечение защищенности критически важных объектов от чрезвычайных ситуаций	Н.А. Махутов. Общ. ред.	2012	588

Источник: Данкин Д.М., Котов И.В., Кузнецова А.В., Сергеева Л.И., Явчуновская И.В. НАУЧНЫЙ ОТЧЁТ о проведении научно-исследовательской работы (НИР'а) по теме: «Тенденции формирования российской политики информационной безопасности в многотомном издании "Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты" (34 тома. Москва: 1998–2009 гг.)». М., 2011. С. 206–207. *Дополнение автора статьи: книги, изданные в 2012 году.*

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

Глава 2. Е.В. НИКОНОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Социальная составляющая как важнейший компонент концепции устойчивого развития развёрнуто и убедительно была впервые раскрыта в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». Этот доклад был подготовлен группой экспертов, в которую входили учёные и специалисты из различных стран мира, под руководством председателя комиссии г-жи Гру Харлем Брунтландт, в то время – премьер-министра Норвегии. В докладе было отмечено, что проблемы народонаселения, включающие вопросы нагрузки на окружающую среду, права человека, связь этих проблем с бедностью, качеством окружающей среды, здоровьем населения и экономическим развитием оказались наиболее трудными из тех, с которыми пришлось столкнуться при его подготовке в силу различия подходов, а также культурных, религиозных и региональных барьеров¹.

Основные идеи и наработки этого доклада стали фундаментом для разработки главного документа Конференции по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро в 1992 г.), «Повестка дня на XXI век», в котором впервые вопросы социального развития были систематизированы в соответствии с ролью основных групп населения и проблемами их участия в устойчивом развитии. В «Повестке дня на XXI век» появился целый раздел (третий), который называется «Усиление роли основных групп населения». Строго говоря, с методологической точки зрения эти группы выделены по разным основаниям, но они представляют собой те реальные социальные силы, место и роль которых в устойчивом развитии очевидна, хотя требует более глубокого анализа в условиях конкретных стран и регионов. Третий раздел открывается параграфом (§24) «Роль женщин в обеспечении устойчивого развития», затем рассматривается роль детей и молодёжи, укрепление роли коренного населения, сотрудничество с неправительственными организациями, роль местных властей, трудящихся и профсоюзов, деловых и промышленных кругов, научных и технических специалистов, усиление роли фермеров². Таким образом, были раскрыты основные приоритеты и проблемы, связанные с включённостью населения, гражданского общества в эти процессы на основе понимания и осознания своей социальной роли.

Импульс, заданный докладом «Наше общее будущее» и «Повесткой дня на XXI век», способствовал активному развитию социальной тематики в последующих мероприятиях Комиссии по окружающей среде и развитию, других международных докладах и направлениях деятельности международных организаций системы ООН, включая ПРООН, ЮНЕП, ЮНИФЕМ, ЮНКТАД, ВОЗ и др.

* * *

Концепция устойчивого развития за прошедшие двадцать с лишним лет стала восприниматься как концепция, отражающая не только экологический характер общественного развития, но и системный подход к развитию социума в рамках социосистемы планеты Земля. В этих условиях ещё более чётко обозначилась роль социальной составляющей развития, как активного разумного движущего начала, способного обеспечить устойчивое развитие социоприродной системы.

¹ Наше общее будущее: Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / Под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. С. 10.

² Программа действий: Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Публикация Центра «За наше общее будущее» / Сост.: Майкл Китинг. Женева, 1993. С. 70.

Значимость социальной составляющей вытекает и из эколого-экономического подхода к устойчивому развитию, а точнее из понимания традиционно сложившейся абсолютизации экономических критериев и их ограниченности для оценки развития. Благодаря распространению идей устойчивого развития произошло смещение акцентов в представлениях о том, какие именно экономические факторы и процессы некорректно оценивать односторонне, т. е. только как экономические, без учёта их многостороннего эффекта и связи с экологической и социальной составляющими.

Эти изменения привели к формированию мировоззрения, основу которого составляет новая концепция человека и его развития. В докладе о развитии человека ПРООН даётся следующее определение развития человека: это процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой, и творческой жизнью, свободы на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивого развития на нашей общей планете. В свете этого определения развитие человека включает три основных компонента:

благополучие: расширение реальных свобод человека необходимых для его процветания;

расширение прав и возможностей, агентность: возможность человека действовать в соответствии с поставленными целями и получать необходимые, представляющие для человека ценность, результаты;

справедливость: повышение социальной справедливости, обеспечение устойчивых результатов во времени, уважение прав человека и других целей общества¹.

Концепция развития человека основывается на праве каждого конструировать свою жизнь и выстраивать собственные целеустремления, на возможностях участия в демократическом процессе, гарантиях быть услышанным и создании условий влияния на происходящие события. Она также помогает понять важную истину, суть которой заключается в том, что *доход не является адекватным критерием измерения всего спектра процветания человека*. В Докладе о развитии человека 2011 года *устойчивое развитие человека рассматривается как нормативное понятие, то есть как стабильность такого состояния, которое расширяет существенные свободы человека, позволяющие вести содержательную жизнь. Поэтому несправедливое развитие никогда не может быть устойчивым*².

Вместе с тем, в условиях глобализации и взаимосвязанного мира все эти компоненты неотделимы от понимания людьми того факта, что развитие как расширение свобод происходит в рамках общей среды обитания с её ограниченными ресурсами биосферы на планете Земля. В основу этих размышлений положены труды известного экономиста, лауреата Нобелевской премии Амартии Сена.

Такая трактовка развития человека способствует главному выводу, который несёт в себе современная эпоха: новый вызов времени – это новое понимание человека, уход от ограниченных представлений о прогрессе как прогрессе экономическом, формирование нового мировоззрения, основанного на необходимости развития и расцвета способностей человека, раскрытии его творческих сил и возможностей, единства с природой.

¹ Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь мир», 2010. С. 22.

² Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 18.

В таком контексте следует признать ограниченной точку зрения, согласно которой население Земли представляет собой некую гомогенную массу, с присущими ей раз и навсегда данными определёнными характеристиками и критериями единобразия. Основу креативного подхода к развитию человека составляют идеи разнообразия культур и культурных практик освоения природы, связей культуры и этноса, традиций и современных коммуникативных подходов к решению проблем: поэтому и пути к прогрессу у всех народов разные. По данным современных исследований, приведённым в докладе, отсутствует значимая корреляция между экономическим ростом и улучшением ситуации в сферах здравоохранения и образования, а экономисты Всемирного банка подтвердили отсутствие взаимосвязи между экономическим ростом и увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Всё больше данных свидетельствуют о том, что развитие человека отличается от экономического роста и, тем более, не сводится к нему.

Годы, прошедшие после конференции в Рио-де-Жанейро (1992), показали, что это стало возможным, благодаря развитию образования, распространению информации и знаний. Обмен идеями, коммуникации – вот современная основа распространения и внедрения многих инноваций, которые раньше были возможны только при условии инвестиций в режиме ноу-хау. Знания и инновации рождаются в головах людей, поэтому вовлечение в процесс развития разнообразных идей, а также моделей природопользования, обмен этими идеями будут способствовать формированию своеобразного банка данных устойчивого развития, выработке общих решений и программ действий.

Вот почему развитие социальной составляющей устойчивого развития, вовлечение в этот процесс различных групп и социальных слоёв, гражданского общества и его институтов является необходимостью – главным импульсом и новым вызовом современности.

Несмотря на определённые продвижения в заданном направлении, решение этой насущной проблемы пока невыполнимо. Это связано с невозможностью включённости всего социального потенциала социосистемы в происходящие процессы.

По мнению экономистов, существует один определяющий фактор, который нивелирует успехи и достижения общественного развития: в экономике, образовании, здравоохранении и др. и способствует неустойчивости социально-экономического и экологического развития – это *социальное неравенство* в распределении материальных и общественных благ.

По мнению А. Сены и Дж. Стиглица¹ из-за возрастающего социального неравенства, поляризации общества, выраженной в наличии сверхбогатых и сверхбедных людей, не может быть использован в качестве показателя развития показатель роста валового внутреннего продукта (ВВП), поскольку в таких условиях средние значения показателя не будут отражать объективную картину при сравнении стран, а также внутри страны на душу населения. Кроме того, сам количественный показатель ВВП не даёт представления о том, какова структура расходования этих средств, в какие социальные программы и приоритетные направления они вкладываются.

На протяжении 20 лет под эгидой ООН выходят ежегодные доклады о развитии человеческого потенциала с расчётами индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) по странам мира. Базовый ИРЧП является агрегатным показателем прогресса и рассчитывается на основе трёх измерений: **здоровье, образование, доход (уровень жизни)** и четырёх индикаторов: *валового национального дохода на душу населения, средней продолжительности обучения, ожидаемой продолжительности обучения и ожидаемой продолжительности жизни*. В докладе

¹ Дж. Стиглиц – известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии.

ПРООН о развитии человеческого потенциала за 2010 год, который называется «Реальное богатство народов: пути к развитию человека» **представлены новаторские статистические показатели:** Индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учётом неравенства, Индекс гендерного неравенства и Индекс многомерной бедности. В докладе обращается внимание на тот факт, что социальная справедливость, устойчивость и индекс развития человеческого потенциала системно взаимосвязаны: в странах, достигающих высокого уровня ИРЧП, как правило, в большей степени проявляется социальная справедливость. Этот результат согласуется с исследованиями, показывающими, как путём сокращения неравенства – среди населения в целом, а также между гендерными и другими группами – можно улучшить общие показатели здоровья, образования и экономического роста¹, и повысить экологическую устойчивость.

Особого внимания заслуживает Индекс многомерной бедности. Совершенно ясно, что аспекты бедности выходят далеко за рамки недостаточности доходов: они включают и неудовлетворительное состояние здоровья, и питания, и низкий уровень образования, квалификации, недостаток средств к существованию, плохие жилищные условия, социальную исключённость и низкое участие в общественной жизни. Индекс многомерной бедности включает 10 показателей и фиксирует их различные комбинации. По оценкам авторов доклада около трети населения в 104 странах или почти 1,75 млрд человек живут в условиях многомерной бедности. С точки зрения измерения бедности по доходам в мире примерно 1,44 млрд человек живут менее, чем на 1,25 долл. США в день и около 2,6 млрд человек живут менее, чем на 2 долл. США в день².

По данным «Доклада о мировом социальном положении за 2010 год: переосмысливая нищету»³ крайняя бедность остаётся чрезвычайно серьёзной проблемой в странах Африки к югу от Сахары и в странах Западной Азии, где соответственно 50,1 и 40,3 процента жителей относятся к категории живущих в нищете людей. Около миллиарда человек в мире страдает от недоедания, во многих странах система социальной защиты остаётся недоступной для бедных людей. Именно в этих странах основными методами получения энергии являются высокоуглеродные источники, являющиеся загрязнителями окружающей среды.

В целом, в глобальном масштабе продолжает возрастать давление на экосистемы, и биологическое разнообразие, утрата которого непосредственно сказывается на бедных людях, так как является ресурсом для обеспечения их средствами существования. По итогам оценки многомерной бедности в 109 странах, в мире не менее 60% людей страдают от одного вида экологической депривации⁴, а 40% – от двух видов и более. Более 90% бедного населения испытывают, по крайней мере, один вид депривации, из них 90% не пользуются современным топливом для приготовления пищи; 80% не имеют надлежащей канализации, 35% испытывают нехватку чистой воды, а 29% страдают от всех трёх видов экологической депривации⁵.

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала. «Реальное богатство народов: пути к развитию человека». ПРООН, 2010. С. 71.

² Доклад о развитии человеческого потенциала. «Реальное богатство народов: пути к развитию человека». ПРООН, 2010. С. 96–97.

³ Report on the World Social Situation 2010: Rethinking Poverty/ Unated Nation Publication.

⁴ *Депривация* – невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищным условиям, медицине, образованию и т. д.

⁵ Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 46.

По мнению экспертов именно эта группа людей особенно уязвима перед угрозой изменения климата, связанного с выбросами парниковых газов и обезлесением, а также деградацией лесов – в целом перед влиянием экологической неустойчивости.

Особого внимания среди уязвимых групп населения заслуживают коренные народы, принадлежащие к малым этническим группам, благосостояние которых зависит от возобновляемых ресурсов и экосистем. По оценкам международных организаций в 70 странах проживает около 300 млн представителей коренных народов, принадлежащих более, чем к 5000 групп, возможности по обеспечению устойчивого развития которых на своей земле ограничиваются экономическими, социальными и историческими факторами. Коренное население оказывается беззащитным перед натиском цивилизации, не может защитить свои земли от экологически опасной деятельности, которую считает неприемлемой в социальном и культурном отношении. С точки зрения развития человеческого потенциала, эта социальная группа характеризуется более низкими доходами, уровнем образования и ожидаемой продолжительности жизни.

Вместе с тем, знаниевый потенциал коренных народов представляет собой общечеловеческую ценность, так как включает многовековые углублённые традиционные знания определённых этносов о местных экосистемах, сложившиеся благодаря многолетнему опыту освоения окружающей природной среды, закреплённому в различных формах общественного сознания и традиционной культуре, передававшемуся от поколения к поколению в устной форме. Они непосредственно используют окружающую среду для получения продовольствия, лекарственных средств, строительных материалов и других продуктов, имеющих исключительное значение для существования (ведение сельского хозяйства, выращивание скота, охота, рыболовство или сбор пищевых продуктов), а также для удовлетворения культурных и духовных потребностей.

Несколько лет назад ЮНЕСКО, совместно с неправительственной организацией Terralingua, провела исследования по изучению культурного и биологического разнообразия в местах проживания коренных народов. Результаты показали наличие корреляционных связей между языковым и культурным разнообразием и биоразнообразием: в районах богатого биоразнообразия, как правило, встречается большое число различных языков, во всяком случае 7 из 9 стран, характеризующихся наибольшим языковым разнообразием, относятся также к 17 основным странам, отличающимся биологическим разнообразием (среди них: Индия, Индонезия, Австралия, Мексика, Папуа-Новая Гвинея и др.)¹. Таким образом, языковое разнообразие является сокровищницей исторически приобретённых знаний, включая знания о том, как сохранять и устойчиво использовать некоторые из наиболее уязвимых и в биологическом отношении наиболее разнообразных сред обитания, которые существуют в мире. Эти знания не зафиксированы в письменных источниках, и от этого их ценность ещё более возрастает. Поэтому содействие сохранению здоровых и жизнеспособных экосистем и содействие развитию здоровых и жизнеспособных человеческих обществ, их культур и языков является общей целью, и очень актуально для России.

Гендерное неравенство остаётся серьёзным препятствием на пути развития человека. Индекс гендерного неравенства включает три основных компонента – репродуктивное здоровье, расширение прав и возможностей, рынок труда – и пять показателей: материнскую смертность, подростковую рождаемость, пар-

¹ Наш общий многоликий мир: Языковое, культурное и биологическое разнообразие планеты / ЮНЕСКО, «Терралингва» и Всемирный фонд природы: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.terralingua.org/wp-content/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf>

ламентское представительство, получение образования (уровень средней школы и выше) и участие в рабочей силе. Гендерное неравенство является сильно варьирующим показателем по странам, а коэффициент, отражающий его колеблется от 0,17 в Нидерландах, Дании, Швеции и Швейцарии до 0,85 (наивысший показатель 1,0) в африканских странах, Афганистане, Саудовской Аравии.

Что такое гендерное неравенство, в чём оно проявляется и как оно связано с устойчивостью развития?

Понятие «гендерный» вошло в отечественный научный лексикон не так давно: на английском, французском, испанском языках «gender» означает «социальный пол». Необходимость введения такого понятия в отличие от известного всем нам понятия пола биологического связана с тем, что в каждой культуре существует определённый набор социальных ролей, которые в процессе воспитания как бы накладываются на половую идентичность, полученную при рождении. Таким образом, каждый социум культивирует «женщину» и «мужчину» в соответствии с имеющимся культурным стереотипом, воспроизводит определённые отношения между полами, которые и называются социально-половыми, полоролевыми или гендерными отношениями.

Гендерный подход является неотъемлемой частью социально-экологического анализа, поскольку разделение человечества на две самые большие группы по половому признаку, является чисто природным фактором. Процесс социализации природы в ходе развития культуры включает, в качестве специфической формы своего выражения, процесс социализации пола. Поэтому экологические отношения, характерные для каждого уровня культуры, включают в себя не только отношения между обществом и природой, но и внутри самого общества – отношения между полами, то есть социально-половые или гендерные отношения. Женщины составляют 53 процента всего населения, более 40 процентов всей рабочей силы, 43 процента работающих в сельском хозяйстве и более половины студентов университетов в мире. Однако, существующее гендерное неравенство, т. е. гендерный диспаритет¹, накладывает отпечаток на всю систему общественных отношений, создавая определённые преференции для представителей одного пола и лишая возможностей или даже создавая определённые препятствия достичь желаемой цели для представителей другого пола.

Следует заметить, что гендерный диспаритет является двусторонним: это означает, что гендерное неравенство распространяется не только на женщин, но и на мужчин, причём в разных странах и культурах имеет свои специфические формы выражения.

В то же время, анализ мировых тенденций, связанных с проблематикой устойчивого развития, свидетельствует о ярко выраженном феминистском аспекте гендерного неравенства, значительном ограничении прав и возможностей женщин в современной жизни. Оно проявляется в неравном доступе к природным, экономическим, финансовым и другим ресурсам, к процессу принятия решений, к услугам репродуктивного здравоохранения, к образованию, а также в увеличении нагрузок по ведению домашнего хозяйства, заботы о семье и деторождения. В результате катастроф и чрезвычайных ситуаций, вызванных природными и техногенными факторами, риски нарушения здоровья детей фактически ложатся на плечи женщин, поскольку именно они, жертвуя работой и положением в обществе, занимаются лечением детей и их адаптацией к социальной жизни в случаях тяжёлых физических и психических повреждений.

¹ *Диспаритет* – неравенство, нарушение принципа эквивалентности, равной выгоды во взаимоотношениях: гендерный диспаритет, финансовый диспаритет и т. д.

Женщины с детьми и стариками становятся наиболее уязвимой группой этно-политических и военных конфликтов, не только разрушающих семейный очаг и уносящих жизни близких людей, в том числе мужчин, но и разрушающих эколого-культурную среду, необходимую для выполнения женщинами своих традиционных обязанностей, в том числе включающих и традиционные навыки управления природной средой в местах, исторически связанных с развитием сельского хозяйства или традиционными формами хозяйства. Разрушение эколого-культурной среды ведёт к утрате духовных корней любой нации и народа, а значит и к потере нравственных и моральных норм, имеющих непреходящее общечеловеческое значение и ценность, ведут к отчуждению людей от природной и культурной среды, от общества, от других людей и к самоотчуждению, создавая в обществе климат социально-психологического дискомфорта.

Проблема гендерного неравенства и её решения получила такое яркое выражение и актуальность, что Всемирный банк в 2012 году подготовил доклад о мировом развитии, который называется «Гендерное равенство и развитие»¹. По мнению авторов доклада, гендерное равенство имеет значительный потенциал для мирового развития, поскольку оно имеет самоценность, так как все люди, живущие на земле – это женщины и мужчины, а каждый человек независимо от половой принадлежности имеет право на развитие.

Дополняя это суждение, следует отметить, что гендерное равенство как позитивная противоположность гендерного неравенства, имеет значительно глубокие корни и более фундаментальный смысл, чем другие виды социального равенства/неравенства. Этот смысл заключается в том, что гендерное неравенство основано на половых различиях между мужчинами и женщинами, на различиях, которые являются биологическими предпосылками становления социально-половых отношений. Половой диморфизм с позиции биологии имеет стратегическое значение в обеспечении изменчивости живых организмов, создавая возможности для разнообразия генофонда и выживаемости популяций и видов, т. е. их устойчивости: он появляется на ранних стадиях эволюции и представляет собой биологически укоренённую, природную инстинктивную программу взаимодействия между разнополыми особями, обеспечивая половое размножение и процесс эволюции живых организмов.

Особый интерес для антропологов и социологов представляет непосредственный переход от полового деморфизма к половым, а затем и социально-половым отношениям у далёких предков человека, изучение которых возможно позволит прояснить особенности социально-половых (гендерных) отношений у современного человека. Во всяком случае, совершенно очевидно, что социализация половых отношений и превращение их в гендерные происходит одновременно с развитием культуры: при этом также как культура оказывает влияние на эти отношения, так и сами эти отношения оказывают влияние на культуру.

Из мировой философии известно, что мужской и женский принципы в мире, во Вселенной и в каждом из нас являются двумя полюсами, которые должны сохранить свои различия, свою противоположность для того, чтобы создать плодотворную динамику, некоторую производительную силу и энергию, которая соответствует этой полярности.

Являясь основанием для первоначальной естественной дифференциации людей (все другие основания возникают позже, а именно: дифференциация по

¹ Доклад о мировом развитии 2012. Обзор. Гендерное равенство и развитие / Всемирный банк. Вашингтон, 2011. Полный текст доклада на сайте Всемирного банка. Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/7786210-1315936222006/Complete-Report.pdf>

формам разделения труда, по формам собственности, по формам распределения и т. д.), естественным путём оказавшиеся в основе социализации первобытного общества, основные характеристики пола формируют две совершенно различные парадигмы общественного развития: по матриархальному принципу и по патриархальному. В этом контексте матриархат и патриархат представляют собой не только определённые этапы становления человеческого общества, но и формируют базисные принципы организации любого общества: матрицентрический и патрицентрический.

Известный немецкий учёный И.Я. Бахофен ещё в XIX веке в своей теории матриархата предположил, что патриархальному обществу предшествовала такая стадия развития человечества, при которой узы, связывавшие человека с матерью, родом, землёй, были высшей формой приобщения к миру как в индивидуальном, так и в социальном плане. При этом Бахофен раскрыл как положительные аспекты матриархальной культуры – утверждение жизни, свободы и равенства, – так и отрицательные, заключающиеся в том, что природные узы, узы крови и земли препятствуют развитию человеческой индивидуальности. Человек остаётся ребёнком и оказывается неспособным к прогрессу. В качестве положительных сторон патриархальной культуры Э. Фромм отмечает разум, дисциплину и индивидуализм, а среди отрицательных – иерархию, неравенство, покорность. Соответственно матрицентрический принцип формирует культуру равенства и партнёрства в отношениях между людьми и природой, а патрицентрический – культуру подчинения власти и иерархии. Понятно, что идеальным сочетанием является единство этих принципов и подходов как в индивидуальной, так и в социальной жизни.

С этих позиций ими рассматривается и развитие религии и, в частности, христианства. Сочетание отцовского (Бог-отец) и материнского (Богоматерь) начал, по мнению Э. Фромма, явилось одним из главных факторов, которому, в частности христианская церковь, обязана своей огромной притягательной силой и влиянием на умы людей.

В жизни современной цивилизации мы также можем выделить оба этих комплекса, несмотря на то, что общее развитие человечества происходит сейчас в рамках патриархальной культуры. Например, в странах западной демократии можно выявить положительное содержание матриархального комплекса в принципах равенства, неприкосновенности жизни, правах человека, в том числе, и на жизнь в чистой окружающей среде. Однако можно выделить и его отрицательные стороны, которые наиболее ярко проявляются в тоталитарных режимах, расизме и национализме.

Суть конфликта между матриархальным и патриархальным укладом в обществе и религии исследуется на основе анализа мифологических сюжетов о сотворении мира и формирования различных архетипов у мужчин и женщин, играющих важную роль в становлении личности обеих полов и их отношения к природе. Имеются данные в современной возрастной психологии, связанные с формированием половой идентичности у детей, отражающие в индивидуальном развитии исторические ценности матриархального и патриархального укладов жизни и формы связи с природой и окружающим миром.

По мнению Э. Фромма, два принципа – женский – материнский и мужской – отцовский – соответствуют не только существованию мужского и женского начал в любом человеке, но и столь свойственной каждому мужчине и каждой женщине потребности в милосердии (женское начало) и справедливости (мужское начало). Самое глубокое желание человека, по-видимому, добиться такого синтеза, в котором два эти полюса (материнство и отцовство, женское и мужское начала, мило-

сердце и справедливость, чувство и разум, природа и культура) не только утратили бы взаимный антагонизм, но и дополняли и оттеняли друг друга.

Следует заметить, что в России социально-половое поведение и, в частности, отношение к женщине опиралось на специфический менталитет, сформированный под влиянием различных факторов, среди которых особенности культуры имеют очень важное значение.

Проблеме пола много внимания уделяли русские философы. В частности, Н. Бердяев, В. Соловьев, В. Розанов, П. Флоренский и др. рассматривали личность как единство мужского и женского начал: т. е. как андрогина (от греческих слов "андрос" – мужчина и "гинес" – женщина) у Н. Бердяева и В. Соловьева или Адамо-Еву у В. Розанова. С наступлением полового созревания целостность разрушается. Девушка, становясь женщиной, отчуждает мужское начало, а юноша, становясь мужчиной, отчуждает женское начало, превращаясь в пол, т. е., буквально превращаясь из целого, в половину, и только брак, основанный на любви, конструирует «искусственную» целостность полов, способную воссоздать другую целостность, нового андрогина, новую человеческую личность.

Такое представление о личности как единстве мужского и женского начал существует практически во всех культурах, но в каждой из них она имеет свои особенности и сопровождается собственными ритуалами.

Так, например, изучение этимологии слова «пол» свидетельствует о том, что только в русском языке, по крайней мере, в сравнении с известными европейскими языками, оно в буквальном смысле слова означает «половину».

Интересно, что даже в период осознания себя персоной какого-то определённого пола под влиянием существующих в культуре стереотипов, каждый человек бессознательно как бы уравновешен архетипом противоположного пола. Как считает К. Юнг, у женщины – это архетип души мужского пола – "анимус", а у мужчины – архетип души женского пола – "анима". Духовный архетип женщины и мужчины в целом формируется по-разному: в основе духовного архетипа женщины лежит связь с природой, космосом, Вселенной, с единым стихийным женским началом; основу мужского архетипа, как можно предположить, составляет страх перед природой, борьба с ней, направленная на обособление общества от природы, формирование независимой от природы социальной общности. Однако мужская составляющая человечества приходит к пониманию единства общества и природы в результате анализа сложившейся экологической ситуации, ярко выраженного отчуждения и через научное, рациональное познание закономерностей развития природы, общества и человека. Женщины же постигают это единство не только осознанно в процессе познания, но и иррационально, интуитивно.

Эти факты подтверждают вывод о том, что в обществе существует ярко выраженная аналогия отношений к природе и к женщине. Истоки этого отношения уходят вглубь веков к истокам зарождения цивилизации и определяются взаимодействием универсальных мужского и женского начал, проявляющихся во взаимодействии природы (женское начало) и патриархальной модели общества (мужское начало) и отражающихся на взаимодействии полов внутри общества.

Таким образом, гендерные (социально-половые или поло-ролевые) отношения являются базисными отношениями системы «общество – природа», так как непосредственно участвуют в формировании этой системы. Отношения между полами существуют в природе и в процессе антропогенеза, а затем по мере развития культуры подвергаются социализации так же, как социализируется вся природа, превращаясь во «вторую природу» – культуру.

Процесс социализации половых отношений и превращения их в социально-половые (гендерные) отношения имеет свои особенности в различных культурах и культурных парадигмах – западноевропейской, восточной, славянской,

складывающихся на основе отражения глубинной взаимосвязи «человек – природа», формирующегося у того или иного народа или этноса образа природы и соответствующей ему программы деятельности.

Нависшая над человечеством угроза экологической катастрофы требует возврата к заботе о выживании человеческого рода, а значит и изменения системы основополагающих общественных ценностей новыми. В соответствии с новыми ценностями необходимы изменения государственных институтов и приоритетов, направлений и форм общественной деятельности. При этом речь идёт не о смене одной системы ценностей на противоположную, а о формировании системы ценностей, отражающей интересы всех групп населения, включая женщин и мужчин, а также «интересы» природы.

Проблема гендерного равенства – это проекция более глубокой проблемы целостности человечества как общественного организма, т. е. социальной целостности и устойчивости развития социозкосистемы. Совершенно очевидно, что решение этой проблемы открывает более широкие возможности для устойчивого развития, поскольку оказывает влияние на все его составляющие: социальную, экологическую и экономическую.

В частности, по мнению авторов «Доклада о мировом развитии 2012», гендерное равенство означает разумный подход к экономике, поэтому оно имеет ценность также в качестве инструмента развития для решения серьёзных проблем, которые раскрываются на трёх основных направлениях.

Во-первых, устранение барьеров, не позволяющих женщинам получить равный с мужчинами доступ к образованию, экономическим возможностям и средствам производства может обеспечить широкомасштабный прирост производительности, который приобретает особое значение на фоне усиления конкуренции и глобализации в мире. Так, например, нерациональное использование навыков и талантов женщин влечёт за собой высокие (и постоянно растущие) экономические издержки. Отрасли, в которых в большей степени используется труд женщин, быстрее растут в странах, где женщины пользуются большей степенью равенства. Взаимосвязь проявляется и по-другому: в странах, имеющих преимущества в производстве, в котором шире используется труд женщин, в большей мере обеспечивается и гендерное равенство.

Во-вторых, повышение статуса женщин в абсолютных и относительных показателях способствует достижению многих других результатов в области развития, в том числе важных для их детей.

В-третьих, соблюдение «единообразных правил игры», в рамках которых женщины и мужчины имеют равные шансы активно участвовать в социальной и политической жизни, принимать решения и определять политику, может со временем привести к появлению более представительных и необходимых институтов и направлений политики и, таким образом, к более благоприятному ходу развития¹. Коллективная способность женщин к действию может выступать в качестве преобразующей общество силы. Она может изменять институты, рынки и социальные нормы, ограничивающие их индивидуальную способность к действию и возможности. Расширение прав и возможностей женщин в политической

¹ Доклад о мировом развитии 2012. Обзор. Гендерное равенство и развитие / Всемирный банк. Вашингтон, 2011. Полный текст доклада на сайте Всемирного банка. Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/7786210-1315936222006/Complete-Report.pdf> С. 3.

и социальной сферах может изменять политический выбор и делать институты выразителями более широкого спектра мнений.

Особенно хотелось бы остановиться на том влиянии, которое оказывает развитие женщин на подрастающее поколение. Усиление контроля женщин над ресурсами домохозяйств увеличивает инвестиции в человеческий капитал детей, а это оказывает динамичное положительное воздействие на экономический рост. Данные по ряду стран, приведённые в Докладе, свидетельствуют о том, что увеличение доли дохода домохозяйств, находящейся под контролем женщин, за счёт либо их денежных заработков, либо за счёт денежных пособий, изменяет структуру расходов в благоприятном для детей направлении и увеличивает продолжительность школьного обучения и мальчиков и девочек. В то же время, сопоставимое увеличение дохода мужчин сокращало показатели выживаемости и образовательной подготовки девочек, не оказывая при этом влияния на мальчиков¹.

Авторы доклада отмечают, что придерживаются эмпирического подхода, применяя анализ, который основан на фактических данных, выделяя причинно-следственную связь там, где это возможно. Кроме того, в докладе предлагается концептуальная основа для объяснения гендерного неравенства и даются рекомендации по поводу мер, которые отдельные страны по мере необходимости могут применять для решения своих конкретных проблем.

Остановимся подробнее на особенностях проявления гендерного неравенства и его влиянии на устойчивое развитие России.

Прежде всего, следует отметить, что те проблемы, которые связаны с гендерным неравенством в мире, не соответствуют полностью проблемам, существующим в этой сфере в России. Это касается, прежде всего, образования женщин. Так, в России по данным за 2008/2009 годы доля девушек среди студентов учебных заведений среднего профессионального образования составляет 50,1%, а среди студентов высшего профессионального образования – 57,8%, и уровень образования мужчин всё больше отстаёт от уровня образования женщин. Гендерная асимметрия проявляется в сегрегации по специальностям обучения, которая, в свою очередь, является основой сложившейся отраслевой и профессиональной сегрегации в сфере занятости и гендерных различий в оплате труда (т. е. существуют «женские» и «мужские» специальности).

При этом оплата труда, в отличие от уровня образования, является одной из главных «женских» проблем в сфере занятости. В настоящее время согласно официальным данным, отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет 65,3%. Начиная с 20-летнего возраста, зарплата у женщин и мужчин почти одинаковая, а затем к 30–34 годам резко возрастает у мужчин, и далее на протяжении всей жизни остаётся на 25–35% больше, чем у женщин. К сожалению, не имеется сравнительных данных по многим странам мира, но в 33 странах, в основном развитых, зарплата женщин в 1998–2002 гг. в среднем составляла 69% от зарплаты мужчин².

Не менее показательным фактором гендерных различий является профессиональная и вертикальная сегрегация, в результате которых женщинам становятся малодоступны хорошо оплачиваемые профессии, должности и рабочие места: при этом вертикальная сегрегация формируется при условиях более высокого профессионального образования у женщин по сравнению с мужчинами³.

¹ Доклад о мировом развитии 2012. Обзор. Гендерное равенство и развитие ... С. 4.

² Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь мир», 2010. С. 77.

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в России 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее / ПРООН. Москва, 2010. С. 56.

Гендерный диспаритет особенно ярко проявляется в представительстве интересов женщин и мужчин при принятии решений на всех уровнях и ветвях власти. Женщины, которых в стране на 11 млн человек больше, чем мужчин, которые представляют практически половину всех профессионально занятых (49,6%) и имеют уровень образования выше, чем у мужчин, оказались «за бортом» сферы деятельности, связанной с принятием решений в том числе и по вопросам, касающимся экологии и устойчивого развития.

По-прежнему остаётся серьёзной проблемой насилие в отношении женщин.

Одной из главных мужских гендерных проблем в России является продолжительность жизни и высокая смертность. Так, ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин составляет 61,8 лет, а у женщин – 74,2, а состояние здоровья, а показатели смертности от внешних причин, включая отравления алкоголем, дорожно-транспортных происшествий, от самоубийств и убийств в 4–8 раз выше, чем у женщин. Следует отметить, что современная государственная политика снижения смертности формулируется как гендерно нейтральная и не ориентирована на снижение гендерных различий в показателе продолжительности жизни до мирового уровня.

Несмотря на то, что в мире 60% людей, живущих в бедности и нищете, это мужчины, а 40%, соответственно, женщины, в России складывается несколько иная ситуация. Динамика общих показателей свидетельствует о том, что к 2009 году в России практически не осталось людей, живущих ниже экстремальной линии бедности, то есть на 1 доллар в день (по паритету покупательной способности)¹. Вторая линия бедности, установленная ООН на уровне 2.15 долл. в день, рекомендуется для стран с холодным климатом и очень актуальна для наших климатических условий. В стране примерно 1% населения живёт в таких условиях, и несмотря на это, отсутствуют специальные программы, гарантирующие защиту от экстремальной бедности, что ведёт к возрождению форм её проявления в условиях кризисов. С точки зрения структуры бедного населения представительство основных социально-демографических групп не меняется на протяжении примерно последних 10 лет. Самой массовой категорией бедных является население в трудоспособном возрасте, среди которого по рискам бедности лидирует молодёжь.

Определённый гендерный диспаритет проявляется и в вопросах здоровья населения, причём проблемы, которые считаются актуальными в мире, не являются первоочередными в России. Например, это касается уровня материнской и младенческой смертности, причём материнская смертность невысока, а младенческая постоянно снижается. В то же время, смертность среди трудоспособного населения и, особенно мужская сверхсмертность, требуют серьёзного внимания. Российские мужчины живут на 5–10 лет меньше, чем мужчины Центральной Азии, и почти на 20 лет меньше, чем в Западной Европе. Возможно, развитие специальных программ, направленных на сокращение потребления алкоголя и табакокурения помогут ликвидировать эти разрывы. Специальных усилий требуют решения вопросов борьбы с туберкулёзом, а также ВИЧ инфекцией и другими социально детерминированными инфекционными заболеваниями, а также наркоманией, являющейся основным источником распространения СПИДА.

Эти проблемы являются в том числе и результатом нерешённости экологических проблем, т. е. экологической неустойчивости, связанной, прежде всего, с углеродоёмкостью энергетической отрасли, загрязнением воздушного бассейна в различных регионах, с неравномерным, а в некоторых регионах – низким качеством жилищного фонда и отсутствием доступа к источникам питьевой воды. К 2020 году предполагается уменьшить количество загрязнённых городов со

¹ В тёплых странах эта линия бедности характеризует крайнюю бедность на уровне голода, а в странах с холодным климатом, к которым относится Россия, – невозможность выживания.

136 до 27, сократив количество населения, проживающих в этих городах с 56 млн до 14 млн человек. В качестве перспективных показателей прогресса для России с целью обеспечения экологической устойчивости предлагается осуществить следующие меры.

1. К 2015 году жилой фонд городов будет обеспечен услугами водопровода и канализации на 95%, а к 2020 году этот показатель будет доведён до 100%. Сейчас эти цифры составляют соответственно 89%. Что касается сельского жилищного фонда, то сейчас этими услугами обеспечено только 46% сельского жилищного фонда, к 2015 году эта цифра соответственно составит 53–54%, а к 2020 – только 61–62%. Это означает, что к 2015 году практически 50 процентов, а к 2020 году практически 60 процентов сельского населения не будет иметь устойчивого доступа к источнику качественной питьевой воды.

2. Предполагается, что к 2020 весь городской жилищный фонд (100%) будет оборудован канализацией, и только около 50% сельского жилищного фонда. Небольшая доля (3,2%) ветхого и аварийного жилого фонда позволяет предположить, что к 2015 году жильё такого рода будет сокращено вдвое (1,5–1,6%), а к 2020 году ликвидировано¹.

* * *

Таким образом, данные, приведённые по России, свидетельствуют о том, что проблемы перехода России на путь устойчивого развития, имеют свои особенности и требуют глубокого заинтересованного изучения. Это касается, в том числе, и социальных, и гендерных аспектов.

В целом, формирование культуры устойчивого развития, ориентация общества на человека, гармонизацию социоприродных отношений и отношений между мужчинами и женщинами требуют серьёзных социальных перемен, которые можно выразить понятием «феминизация культуры». Это предполагает такую трансформацию патриархальных ценностей, при которой нейтрализуется отчуждение мужского (социального) и женского (природного) начал в обществе, сложившееся исторически в процессе развития цивилизации.

Реализация идей устойчивого развития в России с учётом её особенностей и контекста развития мировой культуры требует принятия конкретных практических мер, направленных на достижение указанных перспектив. В этой связи представляется необходимым:

–рассматривать социально-половые (гендерные) отношения как часть социо-природных отношений, включая их исследования, практическую деятельность по регулированию этих отношений во все социально-экологические программы и программы устойчивого развития;

–включать в комплексную программу экологического образования и образования в области устойчивого развития населения гендерную тематику с целью развития знаний в области гендерных отношений в рамках социально-экологических знаний;

–разработать в рамках концепции перехода России к устойчивому развитию блок вопросов, связанных с семейно-гендерными отношениями;

–по аналогии с §24 Повестки дня на XXI век определить меры, направленные на создание возможностей для активного участия женщин и других социальных групп в устойчивом развитии;

–разработать программу социально-экологической защищённости семьи, поскольку именно семья является моделью общественных отношений, в рамках которых происходит воспитание детей и их включение в культуру устойчивого развития.

В такой многонациональной и многоконфессиональной стране как Россия необходимо также учитывать традиционный и религиозный опыт всех националь-

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в российской федерации 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Москва, ПРООН, 2010. С. 115.

ных и этнических образований, населяющих страну, в сфере гендерных и семейно-брачных отношений, исследовать их и обязательно учитывать при разработке всех указанных программ и действий в отдельных субъектах федерации. Важнейшим методологическим принципом разработки этих программ и активных действий является единство традиционного и инновационного подходов, означающего на практике тонкое сочетание опыта традиционных культур с приемлемыми достижениями современной науки и формирование традиционно-инновационного потенциала устойчивого развития на местном и региональном уровнях.

Литература

Будущее, которого мы хотим. Резолюция генеральной Ассамблеи ООН. 11 сентября 2012 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement>.

Бердяев Н.А. Смысл творчества / Приложение к журналу «Вопросы философии». М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 251–580. (Рассматривается единство мужского и женского начал в человеке как основа для целостности личности и творчества).

Доклад о мировом развитии 2012. Обзор. Гендерное равенство и развитие / Всемирный банк. Вашингтон, 2011. Полный текст доклада на сайте Всемирного банка. Электронный ресурс.

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. 244 с.

Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 188 с.

Доклад о развитии человеческого потенциала в России 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее / ПРООН. Москва, 2010. 152 с.

Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию (опыт гендерного подхода): Сборник статей / Под ред. Е.В. Никоноровой. РЭФИА, 1997. 95 с.

Наш общий многоликий мир: Языковое, культурной биологическое разнообразие планеты / ЮНЕСКО, «Терралингва» и Всемирный фонд природы: Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.terralingua.org/wpcontent/uploads/downloads/2011/01/RussianWOD.pdf>.

Наше общее будущее: Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. / Под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.

Программа действий: Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Публикация Центра «За наше общее будущее» / Сост.: Майкл Китинг. Женева, 1993. 70 с.

Фромм Э. Мужчина и женщина / «Мужчина и женщина». М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1998. 512 с. (классики зарубежной психологии). С. 111–126.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1996. 336 с. (Рассматривается проблема души, включая роль коллективного бессознательного, а также архетипов мужского и женского начал в её формировании).

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 1)

Глава 3. Э.Г. Кочетов

ЧЕЛОВЕК НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ: СТАВКИ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ (Статья-эссе первая)

С каких только позиций не рассматривается Мир, нас окружающий! Но ему от этого – ни тепло, ни холодно. Он бредет во тьме веков без цели и сомнения. И только перед рассмотрением с позиции категории «жизнь» Мир остаётся навливающимся как вкопанный!

Ситуация, сложившаяся в мире – запредельная! Жизнь – копейка, перспектива – швах! Речь о судьбе человека, угрозе его существованию на планете Земля, о смертельной опасности, нависшей над ним! Автор со всей решительностью бросает вызов явным и скрытым, затаившимся врагам рода человеческого, врагам, замахнувшимся на жизнь, счастье и свободу человека. В мирное время совершено наглое, подлое нападение на жизнеутверждающие начала! – над миром занесена гигантская гильотина – глобальный военно-промышленный комплекс! Его выпестовала сцепка-синклит мировых ястребов геополитического пошиба с их приспешниками (философствующими идеологами и учёными от милитаризма), мировой военщины, большого мирового «бизнеса на крови» и, под стать им, мировой дипломатии, – **структур со всеми признаками преступных организаций**. Осудить злой умысел! В этой связи автор настаивает на немедленном учреждении новейшего института международного права – **Нюрнбергского трибунала «мирного времени»** и особо выделяет необходимость и важность поступка – принятия Меморандума в защиту жизни на планете, в защиту безопасности: даются тексты **Меморандума** и **Обращения** к мировой общественности и учёным всего мира.

* * *

Мир сорвался с петель! Вновь и вновь следует возвращаться к прояснению опасной ситуации. И мы делаем это – речь пойдёт о реальной угрозе, нависшей над миром, угрозе, для осознания которой требуются такие усилия, которые человечество до сих пор не предпринимало, ибо не могло вырваться из сковавшей его оболочки традиционного, привычного, закоренелого, слежавшегося. Эта оболочка – своеобразный мировой «стальной» панцирь, созданный и поддерживаемый гигантской толпой философствующих идеологов всех мастей – прописных «интеллектуалов» (к этому же приложила руки фундаментальная и прикладная наука), превратив человека в жертву, воспитав палача – изматывающий человека техногенный мир и в качестве его апофеоза – глобальный военно-промышленный комплекс.

Сегодня разговор пойдёт **об опасности**, не той заезженной и замызганной категории «опасность», которую любители щекотать нервы обывателям специально нагнетают и подпитывают посредством поиска всё новых и новых «видов» угроз, вызовов и опасностей. При этом на все лады эксплуатируется и насилуется категория «безопасность»¹. Живое ханжество во плоти!

¹ Здесь упражняется разношёрстная толпа специалистов от категории «опасность–безопасность», специалистов практически всех отраслей современного знания: философов, политологов-международников и просто политологов, культурологов, экономистов, историков, юристов и т. д. Это так называемое гуманитарное крыло науки об «опасности». Эта толпа специалистов обсаживает со всех сторон категорию «опасность». Денно и ночью отработывая хлеб насущный, они трудятся над этой категорией, и каких только «опасностей в мире» они ненапридумывают! Только одно их перечисление занимает целые тома энциклопедий, словарей и справочников. Эти труженики себе на уме! Выполняя тот или иной заказ, они, как правило, не забывают и о себе: защищают пустопорожние кандидатские и докторские диссертации (пока в мире диссертационных советов в университетах и НИИ уйма), создают кафедры, факультеты, различные НИИ и

Нет! Речь пойдёт о сердцевине понятия «опасность», о её грозной, центральной части – опасности **для жизни** человека, угрозе его существованию на планете. **Человек как «ничто», его жизнь, как разменная ломаная монета, ничего не стоит – на жизнеутверждающие начала совершенно наглое, подлое нападение!!**

Речь пойдёт 1) об открыто действующих мировых институтах, обосновывающих никчемность «жизни», 2) об открыто действующей «машине смерти». Имя этой машины – синклит-сцепка мировых ястребов геополитического пошиба, глобального военно-промышленного комплекса (ГВПК), мировой военщины и, под стать им, мировой дипломатии, – **структур со всеми признаками преступных организаций.**

Речь пойдёт об учреждении **Нюрнбергского трибунала «мирного времени»** (НТМВ) – новейшего института международного права, создание которого есть актуальнейшая необходимость в условиях нависшей угрозы жизни человека на планете.

И, наконец, речь пойдёт о поступке высокого ранга – инициативе учреждения новой мирной мировой платформы: документа **«Меморандум! – Воззвание! – Набат!»: движение за мир и безопасность»**¹. Но чтобы понять в какой атмосфере рождается Меморандум, нужно окунуться в сложившуюся глобальную ситуацию. Контурно обозначим её.

ОПАСНОСТЬ НЕЗРИМАЯ, НЕОЩУЩАЕМАЯ, А ПОСЕМУ ЖЕСТОКАЯ

Планета Земля. Всё шло своим чередом. Мир с трудом, с невероятными потерями, от столетия к столетию сводил концы с концами. Мировая рутина стала обычным делом: мир свыкся и с кровавыми разрядами насилия, вспыхивающими то там, то сям, как привыкают к зарницам, и свыкаются с кризисами, как с некой неизбежной, пресловутой «циклическостью». Да к чему только не пообвык наш мир! Интеллект же помалкивал, убаюканный «таким» привычным ходом мировых дел. Это тот случай, когда **«кризис без ощущения кризиса является наихудшим видом кризиса»** (В. Пантин).

И вот, на планете Земля случилась несурезица: мир вошёл в загадочное, опасно **«иное»** состояние, он стал неудобным, все более и более не пригодным для

т. п. Здесь всё просто: любую трудность в мире (а их хоть отбавляй!) они тут же мастерски переводят в категорию «опасность», бесконечно пугают ею себя и других. Другое крыло гуманитариев подхватывает эстафету от первого крыла, где придумываются различные «опасности». Здесь уже упражняются над другой категорией, вытекающей из первой – «безопасностью», и так же успешно кормятся ею, как первые собратья по пиру. Я здесь только коснулся гуманитарной составляющей категории «опасность–безопасность». Если взять естественников, то у них это направление культивируется ещё в больших масштабах, ну, а если копнуть такую сферу как «военная», то здесь особо утруждать себя акцентами не приходится – здесь сама естественная милитаристская форма мышления работает безотказно. Вышеуказанные толпы специалистов хорошо обустроились в мире, они обзавелись многочисленными издательствами, массой журналов, альманахов, вестников. Они каждый год выдают на гора массу «интеллектуального продукта», создавая ядовитую питательную среду, в который выкристаллизовываются мировые силовые структуры с их лидером – глобальным военно-промышленным комплексом (см. далее). По большому счёту в мире можно пересчитать по пальцам структуры, которые серьёзно занимаются проблемами «опасность–безопасность». К ним мир прислушивается, их исследования и достоверность фактов не вызывают сомнения.

¹ Здесь первая ласточка – «Обращение ко всем участникам Бакинского международного гуманитарного форума, а через него – к мировой общественности и учёным всего мира» и проект-инициатива **Меморандум! – Воззвание! – Набат!»: Бакинское движение за мир и безопасность** (см. далее).

жизни: опасно стало жить, думать, вить и обустраивать гнездо (дом), заводить семью и детей, – исчезла перспектива! Иными словами, мир, нас окружающий, стал проблемой. Мы перестали его понимать. Нас застигла турбулентность нагрывших процессов – всё пришло в движение: мировая система, мировое сообщество, природа и человек. Застигла «необъяснимость» этой мировой динамики. В этом бурном движении мы неосознанно почувствовали грандиозные «завалы» и «тупики», через которые и к которым мы движемся. *Наша задача: 1) высветить подноготную этих завалов и тупиков, 2) дать им оценку и 3) приступить к их разборке. Порука тому – жизнеутверждающие начала в человеке!*

Жизнеутверждающие начала в человеке неистребимы, интеллект всегда находит выход из любых ситуаций, угрожающих началам бытия – из глубин сознания человека дают о себе знать «коды самосохранения».

Коды самосохранения человека – это совокупность, жизнеутверждающих начал бытия, поднимающихся из глубин сознания человека в критические моменты его истории. Они принимают форму своего рода ультиматума «или – или», форму новых парадигмальных установок, высвечивающих высокие технологии выхода из удручающих и предельно опасных мировых ситуаций, форму технологии расставания с изнуряющим человека миром. Они высвечивают прорыв в новые координаты развития на базе выверенных антропокосмологических эскизов нового мира. Носители кодов самосохранения – «Новые люди».

НА АВАНСЦЕНУ ИСТОРИИ ВЫХОДЯТ «НОВЫЕ ЛЮДИ»

«Новые люди» заступают на мировую арену в переломные моменты истории. **Новые люди** (The New People) – люди, осенённые космологическим сознанием, люди со спокойным взглядом на вещи, способные к интеллектуальному их «ощупыванию», а значит, близкие к их сущностям; люди, не давшие себя одурачить идеологическими догмами и прочими галлюцинациями, а посему – редкие даже среди свободных; люди, вооружённые новым, объёмно-сетевым методом познания нашего мира, созревшие и подготовленные для того, чтобы организовать и обустроить наш мир – Мироздание нового Ренессанса, – в новых космологических координатах, тем самым обеспечить бытие, достойное своей силы, красоты, жизнелюбия и интеллекта.

«Новые люди» сбрасывают старую парадигмальную оболочку. Они с кровью срывают с себя въевшиеся «маски» и «одежды», одежды традиционного, обветшавшего, полуистлевшего: учения, назидания, идеологии, правила. Они срывают бинты с разума – с туго забинтованных голов. Мир расстаётся со своими иллюзиями и галлюцинациями, наступает время роющего скепсиса, время «жесточкой реальности» – в поле зрения человека попадают вопросы 1000-го ранга. Просветлённое сознание человека неудержимо влечёт его к парадигмальному перевороту. Человек оживает, – он заговорил! Он вырывается из стального панциря несвободы и закабаления «Общественным договором». Просыпается жажда нового знания, тяга к поиску новых смыслов, к новым мотивациям и стимулам – с особой силой заявляет о себе *проблема познания*. И тогда **наступает прояснение и перелом** – выход на поверхность создания первоначальных моделей бытия, ярких, ослепительных в своём проявлении гармонии, здравого смысла, жизни и разума – предренессансное состояние человека. И многое становится ясным.

ЧТО ОТКРЫЛОСЬ ПЕРЕД ВЗОРОМ ЧЕЛОВЕКА И ЧТО СТАЛО ЯСНЫМ?

Итак, наше время. Интеллект, вызвавший к жизни «Новых людей», сходу приступил к прояснению ситуации. И первое, что ему открылось и стало предельно ясным – мы живём среди руин прошлого, отжившего, канувшего в Лету.

Интеллект стал внимательно осматривать руины прошлого, аккуратно ощупывая их и оглядывая мумии парадигм, когда-то «блистательных», а теперь пребывающих в бозе. И здесь осмотрительность особо необходима: как бы обойти стороной и невзначай не потревожить пребывающих в тихом сне «ангелов смерти»: чудовищные парадигмы извращения природы человека. Осторожно обходя их, интеллект «прощупал» нашу мировую реальность и обнажил среди её руин «живые» проблемные блоки (опасные блоки!) бытия.

Их уйма, мы только навскидку перечислим их, но к некоторым из них приглядимся более плотно – они «взяли на себя роль» базовых.

Базовые проблемные блоки бытия

Стало предельно ясно, – мир «въехал» в XXI век с гигантскими *ошибками сознания*.

Ошибки сознания (Faults of consciousness) – 1) искажение реальности и природы человека (умышленное, или неумышленное); 2) умозрительные отображения картины мира на опасно близком «расстоянии» («дистанции») от окружающей природы и природы человека как вмешательство в них в целях «исправления» («улучшения»); 3) результат сознательно или бессознательно спланированной деформации человека и реального мира, формирование ложного знания («мировое невежество»). Здесь на славу потрудились *идеологи*, они добились своего – погрузили мир в пучину *заблуждений*. Дадим их суть.

Идеология (Ideology) – крайняя, предельная форма деформации сознания, паразитирующая на способности природы человека и его мышления к восприятию абстрактно-идеальных форм. **Заблуждение** (Mislead) – атрибут ложного знания, форма ошибок сознания; преднамеренное или непреднамеренное отклонение от жизнеутверждающих критериев бытия и ценности жизни (здорового смысла); в области мировоззрения (мирового зрения) выступает как своего рода «косоглазие» – извращённость «оптики», отсюда мираж, обман зрения, галлюцинации т. е. идеология в различном обличии. Рука об руку с «заблуждением» идёт «ханжество».

Ханжество (Hypocrisy) – ошибка сознания первого ранга: не быть самим собой, казаться благостным при патологической ненависти ко всему здоровому, сильному, нарождающемуся; закрывать глаза на очевидное, поддерживать заблуждения и жить ими; чёрное называть белым, «не узнавать» общеизвестное; прикидываться сведущим при абсолютном невежестве, с ножом за пазухой казаться милосердным; атрофия чести, паралич совести; естественная атмосфера, в которой обитают идеологии и иже с ними геополитики. Зародилось **глобальное ханжество** (Global hypocrisy) – то же ханжество, но только вынесенное на мировые подмостки, на самый высокий уровень международных отношений (об этом пойдёт речь ниже).

Надругательство над человеком

В мире тщательно выпестован («выведен») и строжайше оберегается *носитель «ошибок сознания»*, тип человека с «пластичным сознанием», своего рода **«Опрокинутый человек»** (Inverted human) – антропо-социальный архетип человека, падкий на всевозможные призывы, лозунги (среди них изуверские!), ставящий идеальные схемы (мифологемы, галлюцинации и заблуждения) бытия выше реальности, здравого смысла и жизнеутверждающих начал; человек, не имеющий «близких», реальных горизонтов бытия; человек, ослеплённый, в т. ч. самослеплённый абстрактно идеальным. Человек оградил себя плотным частоколом *запретов, заградительных линий*. Из этих бесчисленных запретов человеком *соткана оболочка бытия*, в которой «варится» человек и мир им «сотво-

рѐнный». Человек боится выйти за пределы своей оболочки. Так курица (да простит меня читатель за такие параллели!) боится переступить очерченный вокруг неё круг – человека постигло **оцепенение**. Над этим поработали идеологи всех мастей вкупе с их приспешниками гуманитарного и философского пошиба – они туго бинтуют голову человека, они погружают его в летаргический сон, они внимательно прислушиваются к его малейшему шевелению и вновь бинтуют его ту же (к этой сцене мы вернёмся ниже). Но не только это!

Мир постигла изматывающая человека «манья развития»

«Манья развития» (Mania of development) – неутолимая нужда технологических революций, «подозрение» ко всему работающему, устойчиво функционирующему. На рубеже XXI столетия остро обнажился синдром неутолимой жажды технологических революций, переворотов, обновления как всеобщая манья развития в ведущих (базовых) машиностроительных отраслях. Это вносит «свой вклад» в дело иррационализации экономики, вталкивая мировую хозяйственную систему и национальные структуры в полосу экономической неоправданности и безэффективности функционирования всё новых и новых экономических ареалов, для поддержания которых человек в бешеном темпе и ритме проживает и без того крайне малый срок своего существования. К изматыванию мирового сообщества милитаризмом добавилось техногенное изматывание. Техногенное изматывание как и изматывание милитаризмом выступает в самых изощрѐнных и опасных формах.

Геополитическое ослепление мира

Но изматывание мира милитаризмом и техногенностью имеет свои истоки и «основания». Они лежат в **геополитическом ослеплении мира** (Danger of geopolitical blindness), в сформировавшемся и окрепшем классе угроз и вызовов мировому сообществу со стороны геополитических воззрений на мировую систему, предопределяющих приоритет силовых, идеологических компонентов в решении мировых проблем в условиях глобальных подвижек; игнорирование приоритета экономической составляющей в развитии мира. Несмотря на то, что реальный мир в своём глобальном развитии предпринял мощную попытку вывести на передовые позиции геоэкономические приоритеты, инерция мировых геополитических доктрин и их глобальные носители старого, «холодного» геополитического закала «ослепили» мир. Им как воздух необходима атмосфера угрозы, вызова, опасности. Это их «жизнь, хлеб, смысл существования». И такую «угрозу» они нашли, и неустанно следят за пребыванием её в «хорошем» и незатухающем состоянии. Здесь все вывернуто наизнанку: в их понимании «самая опасность» и угроза в том, что **человек хочет жить!** [Здесь мы сформулировали их кредо в понимании опасности и угрозы в максимально сжатом виде, а далее (см. ниже) поподробней поговорим о ней]. Но именно это кредо глобального военно-промышленного комплекса его апологеты предпринимая невероятные усилия, чтобы завуалировать, затушевать, скрыть от мировой общественности. Здесь идут на всевозможные ухищрения, и одно из них – *выставление года 2014-го как аналога года 1914-го*.

МИР «ВЪЕХАЛ» В 14-й ГОД: ПОПЫТКИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Не успел новый, 2014 год вступить в свои права как в мире заскрипели перья в поисках аналогов, похожести годов, на столетие отстоящих друг от друга. Что привлекло эти перья к году 1914-му? Здесь все ясно. Это год начала Первой мировой войны. Начали сопоставлять ту ситуацию с нынешней, и каких только аналогов, похожестей, примеров не «отыскалось»!

Поиски аналогов идут по многим линиям и направлениям. Здесь сравниваются и противоречия, и разграничения интересов, и исторические взаимные

претензии игроков на мировой арене, и технологические прорывы, и заявления лидеров и прочее. К чему бы такая активность? Ларец открывается просто – глобальному ВПК и его национальным «квартирам» необходимы ресурсы во всё увеличивающемся масштабе (финансовые, производственные, трудовые, интеллектуальные, людские и т. д.). Но при их относительной ограниченности в мире переливы ресурсов в глобальный ВПК возможны только при урезании их на цели социального развития, развития гражданских отраслей.

Чтобы это осуществить безболезненно, необходимы в глазах населения какие-то веские, неотразимые доводы и причины. И такими доводами для населения служат внешние угрозы, которые «необходимо немедленно парировать», нейтрализовать путём наращивания мускулов и, тем самым, прийти к равновесию. В сознание населения вдалбливается наличие внешних врагов, идёт нагнетание атмосферы страха, ультрапатриотизма, национализма, шовинизма, манипулирование историческими фактами, призыв к «затягиванию поясов» и т. п. И это всё срабатывает! И вот здесь, как нельзя кстати, подвернулся аналог 2014 году в лице 1914-го. Идеологи от войны взялись за своё опробованное и излюбленное дело: мифологизацию сознания масс, используя его пластичность. Итог: психоз в мире усиливается, милитаристский угар во всей красе к радости мировых ястребов и глобального ВПК.

Но есть и другая не менее выпуклая причина и цель поиска аналогов столетней давности. А именно – нанести удар по процессам общности и единения народов, сплочению мирового сообщества, глобализации мирового хозяйства, развернуть вектор мирового развития в сторону замкнутости, автаркии, к психозу суверенизации и ячеистому сознанию национальных элит, к сколачиванию на этой основе альянсов, интеграционных группировок военно-политического (геополитического) характера.

Здесь наносится удар по геоэкономике с её авангардными кластерно-сетевыми моделями, по консолидации мировых ресурсов для целей развития гражданских отраслей. Всё явственней обнажается опасность схватки за мировые ресурсы между мировой коалицией государств с окрепшими мировыми транснациональными корпорациями, которые бросили вызов замкнутым национальным хозяйствам. По сути дела, – ярко обнажается схватка между политической (геополитикой) картой мира и мировым геоэкономическим атласом, ведь только геополитика способна подмять под себя национальные экономики в угоду мировым ястребам и тем самым дать простор для мобилизационных моделей мирового хозяйства в угоду всё тому же глобальному ВПК.

Результат неумной работы апологетов синклита мировых ястребов и глобального ВПК не заставил себя ждать!

И ВОТ РЕЗУЛЬТАТ!

Ситуация накалена до предела. Мир извращён до крайности. Только самые неотвратимые, в глаза бьющие моменты: 1) жизнь человека «не стоит и ломаного гроша»; 2) человек доведён до изнеможения, физического, духовного, нравственного; 3) «меч» и «ножны» разминулись, мир в плену милитаристского угара; 4) запредельное изматывание мира и человека «манией развития» – человек в «стальной клетке» техногенного развития; 5) человек заключил с миром негласный кабальный «Общественный договор»; 6) во все поры жизнедеятельности прокрались «несправедливость» и «ханжество»; 7) в мире процветает рабство в изоциренных формах, от физического до интеллектуального; 8) мир окутан удушливым туманом «современного» средневековья; 9) образование и воспитание человека подменено жесточайшей дрессировкой.

Перед лицом вышеотмеченного человек абсолютно незащищен. И здесь выкристаллизовывается проблема!

ПРОБЛЕМА ПЕРВОГО РАНГА – ЗАЩИТИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

В воздухе разлита угроза жизни на планете Земля – реальная, предельная опасность уничтожения человека, его семьи, его ауры, всего живого на планете в приближающейся ядерной катастрофе. Со всех концов Земли идут тревожные симптомы надвигающейся беды¹.

Глобальные воители геополитического «окраса», глобальный военно-промышленный комплекс и мировая военщина, в услужении которой мировая дипломатия, – эти структуры со всеми признаками преступных организаций – ведут мир к гибели! «Злой умысел» («преступный замысел») в действии – с «бесстрашием», цинизмом и наглостью, с неприкрытыми намерениями и целями день и ночь куётся изуверское оружие смерти, ядерное и «обычное», не прикрыто действует «мировой рынок оружия», в невиданных масштабах процветает легальная торговля им, освящённая «международными правовыми нормами». Мировая юрисдикция должна дать немедленную правовую оценку такой ситуации: на повестке дня учреждение трибунала по типу Нюрнбергского для мирного времени (см. ниже).

* * *

Итак, по большому счёту, обнажаются основные истоки и причины «современного» состояния мира, они лежат в его «опорах», каркасе и др. несущих блоках: они «изъедены» ослаблением человека по всем его статьям, милитаристским угаром и несправедливостью, манией развития и техногенностью, «современным» средневековьем. Опоры Мироздания «осели», потеряли свою несущую силу. Мироздание сверху донизу испещрено трещинами и разломами, старые парадигмальные «скрепы» его уже больше не держат. И Мироздание покачнулось – мир довольствуется его руинами, опасными руинами!

Выше мы только обозначили общую сложившуюся картину подхода к проблеме «опасность–безопасность», картину с её непроглядными туманами и подмалёвками, картину, в которой категория «жизнь» вынесена далеко за багет (раму). Далее мы постараемся углубиться в смысл этой картины, уберём поздние

¹ Так, «...По мнению немецкого политика Хельги Цепп-Ларуш, политика расширения НАТО на Восток может привести к необратимым последствиям. В своей статье для Neue Solidarität она пишет, что миру угрожает Третья мировая война, на этот раз ядерная, в результате которой исчезнет все человечество. Для предотвращения подобного сценария, Западу необходимо не соперничать, а сотрудничать с Россией». На страницах Neue Solidarität немецкий политик Хельга Цепп-Ларуш призывает жителей Германии проснуться. «Ситуация сложилась очень опасная уже безо всяких преувеличений, уверена она, так как сейчас многие историки и журналисты пишут о параллелях с 1914 годом и о том, что мир находится на пороге большой катастрофы. Только на этот раз мировая война была бы ядерной и стерла бы все человечество с лица земли. Российская государственная радиостанция "Голос России", например, продолжает Цепп-Ларуш, предупредила недавно о том, что мир стоит сейчас гораздо ближе к атомной войне, чем даже на пике Холодной войны. Причина, по мнению радиостанции, в том, что сегодня ядерное вооружение есть не только у тех стран, у которых оно было традиционно еще до 1 января 1967 года. Сегодня им владеют также Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея. Кроме того, статуса ядерной державы добиваются 30–40 других государств. Западные историки твердят о возвращении к тактикам Холодной войны... Каждый, кто способен оценить ситуацию на мировой шахматной доске, считает Цепп-Ларуш, должен заметить, что «война на уничтожение человечества подготовлена сегодня гораздо скрупулезней, чем в Первой мировой». Все это, по словам автора статьи, «должно нас всех лишить сна, ведь любая глупая случайность или провокация с третьей стороны может привести к уничтожению всего населения планеты». Тем не менее, автор убежден, что такому ужасному финалу есть и альтернатива...

Источник: <http://news.mail.ru/politics/16372727/?frommail=1> 6 января 2014, Neue Solidarität: **Для спасения планеты Западу нужна дружба с Россией.**

её подмалевки и затуманивающие слои и уже в более подробном ракурсе затронем сюжеты, которые мы обозначили выше только пунктиром.

**МАСКИ СБРОШЕНЫ: МИР ЦЕЛИТСЯ В ЧЕЛОВЕКА, В ЕГО СЕМЬЮ И ЕГО АУРУ –
ОТКРЫТА СТОЛБОВАЯ ДОРОГА К ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ!**

Кто главный заказчик этого? Кто её заказчик? И чьими руками будет вестись «это дело»? Откуда дует смертоносный ветер, и где эпицентр зарождающегося кровавого цунами? Приглядимся к этому повнимательней! И что же мы видим даже невооружённым глазом?

**Сложился глобальный военно-промышленный комплекс
как преступная структура (институт)**

Человечество не заметило, как вкатилось в ядовитую атмосферу, – в мире медленно, исподволь формировалась среда, пронизанная многочисленными институтами, которые окрасили её в ядовитые цвета, подсветки, краски. Здесь идеологам, геополитикам, международникам (и не только старого, «холодного» пошиба!), было дано полное раздолье. Их природу не обманешь – это их сфера работы, их «хлеб» и неусыпная забота и занятие («призвание») – создавать ядовитую среду и отравлять международные отношения. Главенствующая содержательная часть этой среды – «милитаризм» и «ханжество» (об этом чуть ниже).

Ну и что может зародиться и выкристаллизироваться в такой ядовитой среде? За примером далеко не пойдём: вот **глобальный военно-промышленный комплекс (ГВПК)**. Он выкристаллизовался в ядовитой среде милитаризма, реванша, ультранационализма, шовинизма, недоверия, страха, отчаяния. И этот ядовитый кристалл (институт) угрожает человечеству гильотиной, хорошо оточенной в мировых воспроизводственных конвейерах (циклах) «военной экономики».

Глобальный военно-промышленный комплекс (ГВПК) с его близко спаянными, тесно переплетёнными национальными секторами («квартирами») неустанно, день за днём, пожирает гигантские ресурсы планеты (людские, интеллектуальные, финансовые, материальные, трудовые), подрывает физические и духовные силы человека, обрекает народы на нищенское существование и прозябание. Он пускает в мировой торговый оборот горы смертоносного оружия: ядерного и «обычного», тяжёлого и лёгкого, стрелкового, химического, бактериологического, информационного и пр. **Здесь полмира куёт гигантский меч и полмира пускает его в ход.** Военный молох вытесняет на мировую обочину гражданские отрасли, поглощает многие из них. Неуёмная машина смерти подминает под себя экономику, промышленную политику, финансы, культуру, право, социальную сферу человека. На этот смертоносный алтарь брошена фундаментальная и прикладная наука, образование, большая политика (геополитика), дипломатия, идеология.

Сложилась неразрывная связка (симбиоз) мировых ястребов – генералитета, дипломатии и мирового военного промышленного комплекса. Здесь припали к политическим картам мира, к раскрашенным «ячейкам» – государствам, этим пережиткам «старовестфальской» системы членения мира. Здесь беспрестанно рисуют «разделительные» линии и поверхности, стрелы, оси, контуры военно-политических альянсов, тасуют друзей и врагов, ищут новых врагов, находят их и бросают им вызовы.

Глобальный военно-промышленный комплекс, эта мировая структура со всеми признаками преступной организации, с удивительным «бесстрашием», цинизмом и наглостью, с неприкрытыми намерениями и целями день и ночь куёт изуверские орудия смерти человека, его семьи, его ауры. А сколько гордости за успехи выхода на «новые поколения» оружия и за наращивание его объёмов в

мировом экспорте! А ведь, по большому счёту, это улика «злого умысла» и «преступного замысла»! И всё это сходит с рук!

Вне поля правовой оценки, безнаказанно, открыто действуют в мире хорошо отлаженные **«воспроизводственные циклы смерти и убийства»**: от **«преступного умысла (замысла)»** (т. е. научных открытий, обоснований, проектирования новейших и совершенствование «традиционных» видов оружия) – **«преступных деяний»** (финансирование, инвестиции, производство оружия, его испытание и доводка, поставка и продажа на мировом и национальных рынках) – **«преступления»** (пуск оружия в ход: обучение, приказы к применению, само применение). Эту преступную деятельность опосредует масса военных и полувосвоенных организаций, высших учебных заведений, монографий и учебников «по стратегии и тактике убийства», руководства «по применению» и т. д.

Но не только на этом держится глобальный военно-промышленный комплекс. Нужна «среда», своего рода «органика», постоянно его подпитывающая. И такая среда создана усилиями прописных идеологов, философов, международных ошпаренных геополитическим сознанием. В чём её суть?

Существуют две высокоразвитые сферы (опоры), из которых глобальный военно-промышленный комплекс черпает силы и уверенность: *«милитаризм»* и *«ханжество»*. Ранее мы уже соприкасались с ними, оттеним их роль ещё раз.

«Милитаризм» и «ханжество» – два столпа, на которых держится мировая военщина и глобальный военно-промышленный комплекс

Идеологи, геополитики, международники сделали своё дело – мир, попавший в кризис, решил развиваться на базе развития средств уничтожения, убийства, т. е. развития глобального военно-промышленного комплекса. Но для его постоянной подпитки нужна постоянная напряжённость в мире, всё время пополняющийся и обновляемый пакет угроз, вызовов, опасностей, чувства страха. И за этим дело не стало!

Милитаризм

Мир обуял милитаристский угар. Мир наводняется самым изуверским оружием, а сознание заливаается милитаризмом – в воздухе разлит военный психоз. Над миром медленно, незримо, неумолимо заносится меч, своего рода гильотина – человечеству готовится страшная участь – кровавая ночь (мировая война). Подготовка к ней идёт планомерно, в открытую, расчётливо и уже почти без ханжеского прикрытия. Маски сбрасываются – человечество вламывается в опаснейшую зону своей истории. Подняты на высочайший пьедестал почёта учёные-ядерщики, конструкторы, исследователи, производственники и т. д., давшие и дающие миру самые изуверские (т. е., по общепринятому мнению, самые «эффективные и современные») способы уничтожения всего и вся, живого и неживого. И это делается открыто, среди бела дня, без тени смущения, без малейшего угрызания совести. Повсеместно сеется угроза египетскими казнями, ненависть к здравому смыслу и всему здоровому, к счастью, к разуму.

Идёт повсеместное обесценение жизни, тотальное приучение молодого поколения к смерти. С «младых ногтей» людей приучают к ней, дети держат в руках милитаризированные игрушки, убийственные компьютерные игры, школьные учебники на все лады освещают боевые «подвиги» предков, культивируя гибель за идеологии, мифы, галлюцинации, культ насилия заполонил СМИ, смерть прославляется – с экранов TV и кино на нас смотрят герои-убийцы, молодых девушек и женщин, будущих матерей, ставят в строй и учат убивать.

Инстинкт власти породил *милитаризацию* всех сфер жизни (в политике, экономике, морали, этике, эстетике и пр.). Более того, человечество обладает сейчас

новейшим феноменом – милитаризованным сознанием, сознанием, все оправдывающим, в т. ч. и науку по поиску изуверских средств уничтожения людей.

«Сконструирована» пожирающая ресурсы планетарная система – «глобальный военно-промышленный комплекс (ГВПК)»: полмира *натужно* куёт меч, полмира *с лёгкостью* пускает его в ход. Здесь органичное единение идеологов, геополитиков, учёных, производственников и военных.

Милитаризация обусловила парадоксальную ситуацию. Её суть в том, что экономика, обеспечивая гигантское военное производство, растрчивает львиную долю мирового и национальных доходов именно на эти цели. О какой экономике и её рациональности (а рациональность является принципиальной основой экономики) и социальных программах можно вести речь, когда в мирное время содержатся «под ружьём» гигантские армии, безостановочно работают конвейеры по производству вооружения, военного снаряжения; когда страх оказаться не на должном военно-инновационном уровне заставляет снимать с вооружения отобилизованные системы и заменять их новыми; когда другие гражданские отрасли (машиностроение, лёгкая промышленность, сельское хозяйство) во многом подчинены этим гигантским военным машинам.

Для поддержания этих машин нужна напряжённость, постоянное ощущение угроз и опасности. Для поддержания постоянной напряжённости предлагаются всё новые и новые стратегические инициативы, которые «цементируют» милитаристскую «парадигму» на долгие годы, приводя время от времени к мощному разряду этой напряжённости в виде мировых и локальных войн. Ими заканчиваются одни циклы милитаризации и зарождаются новые и т. д. На военную сферу работает первоклассная фундаментальная и отраслевая наука, и правительства тщательно оберегают подобную когорту учёных, готовят молодое поколение к включению в сферу действия этого гигантского мирового молоха, заранее готовят молодые поколения к боине, «с молодых ногтей» вливая яд милитаризма в неокрепшие умы. Здесь раздолье для специалистов от геополитики (идеологов, политологов-международников, философов, социологов, экономистов и пр.).

Ханжество

Мир заполонило ханжество. На тысячах различных форумах, семинарах, конференциях, «круглых столах» идут бесконечные споры, ни на миллиметр не приближающие решение проблем. Диалог превращён в ширму, в прощупывание слабых мест оппонентов – потенциальных противников.

Мировая история – как бесконечная головная боль, которую каждое поколение стремится снять и почему-то не успевает и передаёт её молодым и т. д. Да потому и не успевают, что болезнь искусственно прививается и поддерживается, поддерживается исподволь, «тихой сапой», иными словами – ханжески. Ханжество! Сформировался целый класс носителей этой категории. Это – расплодившиеся до невероятных масштабов современные знахари человеческих душ, увещевателей от идеологий, мифов, выдумок, нравоучений, заклинатели всех мастей. Идеологи живут болезнями общества. Их род лечения – поддержание болезней посредством идеологий в разных вариациях. Для них важен не человек и его самочувствие, а наличие болезни.

Ханжество имеет свои теоретические и методологические корни и начала, выступает в различных формах (оно институционализированно!). Более того, ханжество стало профессией – этому уже учат. Ханжество как отрасль гуманитарного знания! Оно не стоит на месте, развивается и вослед глобализации принимает соответствующие масштабы – становится всемирным, а посему – предельно опасным.

Ханжество на мировом уровне отличается от локального ханжества. Так, ограбление квартиры уголовно наказуемо, для этого есть суд и тюрьмы. А вот ограбить и пустить целый народ по миру, не дать ему развиваться путём санкций, экономических блокад (и всё это в рамках международного права) – это считается нормальным и сходит с рук геополитиков – геэкономического трибунала нет и обратиться жертве геэкономических (тихих!) войн некуда.

Или другой случай: подрались два селянина и один из них (увы!) отправился на тот свет. «Победителю» – суд, срок, а может быть электрический стул – и туда же, вослед товарищу. Но возьмите более высокий, «международный» уровень! Две хорошо обученные, отобилизованные, оснащённые «с иголки» армии на поле боя лишают жизни сотни тысяч людей (как воинов, т. е. «не мирных», так «мирных» жителей тех мест), и одна из армий, с маленьким перевесом остававшихся в живых, объявляется (считается) победителем, а другая побеждённой. И ничего! Слава, награды, почести, триумф одной, укор и чувство реванша (в будущем) – другой. Конечно, с определённых пор главарей – зачинщиков войн (политиков, дипломатов, генералитет) стали судить (показательно, в назидание другим) и лишать жизни. Они отдавали приказы и за это заслуженно понесли наказание. Но тот, кто профессионально убивал на поле боя – тот не считался преступником, тот «исполнял» свой долг, приказ, а это мол уже «в корне меняет дело»: они по существующим юридическим нормам и канонам невиновны – в принципе. Но ведь для погибших от этого не легче – у них отнято самое дорогое – жизнь.

Ханжество разнovidно. Оно въелось во все опоры Мироздания, подточило и переродило их. Идёт атака на новейшие области гуманитарного знания. Но гуманитарная космология вкупе с глобалистикой и геэкономикой вывернули человека «наизнанку» – обнажились его истинные «стратегические» начала; они оказались до смешного просты и неприятзательны: человек хочет жить! У некоторых это вызывает ужас (у геополитиков и властителей всех мастей, например). Все курят фиам «культуре смерти», подготавливая мир к ядерной, «большой» войне. Ядерная катастрофа (если она состоится) всецело лежит на совести геополитиков, дипломатов, – «ястребов в погонах и без»: их ханжество несусветно – они «ведают», что творят, а идеологи их «парят». Такое «спокойное» (ханжеское) отношение к жизни – самому ценному на свете, – обусловило и узаконило многие сферы деятельности и целые отрасли «научного» знания. Ханжество создаёт некий ореол вокруг глобального военно-промышленного комплекса, затушёвывая его преступную сущность, ищет и постоянно находит «неопровержимые» аргументы в его полезности: здесь ход идёт всё, кроме одного – жизнь человека не берётся в расчёт!

Но как же функционирует этот монстр? Для этого только слегка прикоснёмся к нему и, пройдясь по полям глобального военно-промышленного комплекса, зафиксируем несколько картин. Будем ориентироваться при этом на «этическую» сторону дела, если это понятие здесь вообще уместно.

«КАРТИНЫ-СВИДЕТЕЛИ» МИРОВОЙ НЕВЗГОДЫ

Мы очень впечатлительны – картины, нами увиденные, долго не покидают нас. И какое огромное их разнообразие, сколько сцен, сюжетов, драм и трагедий оставляет позади себя человечество. Они различны и по калибру (масштабу) и по влиянию на судьбы человека и мира, но их объединяет одно – это немые свидетельства, символы и назидания. Причём не только погруженные в Лету (мёртвые), но и ещё живые и полуживые (тихо умирающие). Но мы воочию увидим только небольшую, компактную галерею, где представлена самая малая толика **«картин-свидетелей» мировой невзгоды**. Для круглого счёта я привожу только 10 картин-заставок, не обременяя читателей в общем-то хорошо известным.

1. Мы огляделись окрест. Вот там вддали какие-то люди тихо склонились над чем-то и кропотливо, со знанием дела, делают свою работу. Подойдём чуть поближе к ним. Ба! Да это же старые знакомые, идеологи. Они бинтуют человека, особенно усердствуя над его головой. Они погружают его в летаргию, они внимательно вслушаются в его дыхание, ловя малейшие шевеления и желания проснуться, и тут же его забинтовывают туже. Им некогда, они не знают ни сна, ни отдыха за своей удивительной работой. К ним стоит бесконечная очередь, и им надо успевать. Оставим их за их удивительным занятием, и пойдём дальше.

2. Вот потянулись бесконечные поля – погосты. Но что это! Что за толпа прижавшихся друг к другу людей. Их много, они слиты в гигантскую причитающую массу. Это вдовы: матери, невесты, сёстры. Их природу исказили, теперь они ущербны – у них отняты женские инстинкты и начала. Они сами, своими руками, послали (благословили) мужей, сыновей, женихов, братьев на заклание военному молоху. Теперь они одиноки, любят ходить на погосты, они ханжески заламывают руки, имитируют горе, припудривая чуть покрасневшие носы, и, в то же время, зорко высматривают новые жертвы, чтобы снова бросить их на жертвенный алтарь. Отойдём от них подальше, дабы не попасть под чары этих удивительных созданий, на их крючок и не разделить участь погребённых. Им не знакома Лисистрата и судьба их не щадит, их удел – вечное одиночество.

3. Но невдалеке от вдов, тут же, на погосте, устроилась другая, хорошо известная вдовам, компания. Они расстелили карты и, склонившись над ними, рисуют на них маленькие и большие стрелки, стрелы и оси, что-то обводят красными и синими «жирными» карандашами, на чём-то ставят крест, с негодованием время от времени рвут карты, достают новые и на них вновь продолжают те же самые действия. Приглядимся к ним – да это старые знакомые, геополитики, международники и дипломаты. Они в услужении мировых ястребов-силовиков. Те тут же, рядом. Все вместе неустанно плетут интриги. Они раскапывают могилы, достают истлевшие парадигмы прошлого и пытаются их оживить. Они заклинаниями вызывают джинов войны из всех банок и кувшинов.

4. Среди них, но чуть в сторонке, какие-то люди готовят эликсир смерти, это яд – смесь милитаризма, ультрапатриотизма и ультранационализма, которым они отравляют умы молодых, а также приторговывают им из-под полы – подсовывают матерям (жёнам, невестам, сёстрам), которые не прочь его хлебнуть, ну а там за ними дело не станет, – до вдовства рукой подать! Это потом. Ну, а сейчас, хлебнув ядку, запросились на службу в армию. Да и то дело – не только рожать, но и убивать!

А на погосты всё несут и несут всё новых и новых обитателей.

5. Только хотели мы покинуть это бескрайнее место скорби, как на погосты снова понесли новых обитателей, на удивление в маленьких гробах. Их двадцать. Это дети, им не более семи лет,

И здесь мы вдруг вспомнили, что, уже, будучи в пути, нас достигло леденящее кровь известие: вооружённый до зубов юноша методично и хладнокровно расстрелял в школе детей из самого современного стрелкового оружия. Культ «винчестера» в действии. Стрелковое оружие нашло применение. Его собирают взрослые. Дети и юноши свободно покупают и попадают под его смертельное «жало». И это в мирное время, под голубым солнечным небом, в тихом, спокойном, провинциальном городке.

Какие ещё нужны конвенций по запрещению стрелкового оружия, мин и т. д.? Загублены души невинных детей – вечное несмываемое пятно позора на совести

человечества. Но небо не упало на землю: ситуация зашкаливает: папы и мамы, дяди и тети, дедушки и бабушки этих и других детей работают на оружейных заводах – на бесконечных конвейерах, с которых день и ночь сходит стрелковое оружие в самом гигантском ассортименте. С великолепной убойной силой, прекрасно пристреленное, на любой вкус, под любую руку. И всё это поступает в ближайшие магазины, сеть которых покрывает весь мир. И в мире идёт «мирная» бойня. А завтра мамы и папы, тети и дяди, бабушки и дедушки вновь с печальным видом понесут на погосты детей – новые жертвы своего неуёмного ханжества и показной доброты. И такая сценка только что промелькнула перед нашими глазами.

6. Вот стайка генералов, озабоченные, угрюмые лица. Атмосфера уныния и безысходности. Некоторые плачут. Приходилось ли вам когда-либо видеть такое, наблюдать неподдельное горе и неподдельные слёзы? А вот нам выпал такой случай. Мужественные, суровые лица, продубленные солнцем и всеми ветрами и вдруг, на тебе, – слезы. Так что же случилось? А случилось вот что.

Далеко-далеко, два малых народа, воевавший друг с другом в течение десятилетий, вдруг решили помириться, и вот теперь стало некуда сбывать оружие. А оно поставлялось и тем и другим. Нанесён удар по мировому военно-промышленному комплексу, ну, далеко не смертельный, но все же. Теперь сколько рабочих мест будет потеряно, сколько появится обездоленных людей. Да, что рабочих мест? А сколько военных карьер будет загублено!

Генералы с укором смотрят на дипломатов, и на их подручных – на политологов-международников. Неужели нельзя было предвидеть такой печальный исход и нельзя ли поискать что-либо между этими народами, что вернуло бы их на поле боя, а заодно неплохо было бы проучить пацифистов. Это их усилиями подрывается парадигма «устойчивого развития»: где устойчивые конфликты? где стабильные войны? где претензии, противоречия, угрозы и пр. и т. д. Ведь была хорошая, пусть и небольшая, но зато устойчивая война, устойчиво и стабильно работали на военных заводах конвейеры, люди имели хорошую работу и зарплату, их дети учились, ходили в школы и вот пацифисты всё это хотели подорвать, обездолить.

Конечно, дипломаты приняли укор, прижали международников-политологов, ну, а этим ребятам шустрости не занимать – ведь затронута была их профессиональная честь и они тут же положили на стол десятки вариантов с основанием вызовов, угроз, опасностей. Народы спохватились и с новым, небывалым ожесточением набросились друг на друга. Военный молох заработал по-прежнему, недоразумение было снято, слёз на лицах генералов как не бывало, всё стало на свои места. Всё, кроме одного, потрясения от увиденного – жизнь человека «гроша ломанного не стоит!».

Но это как бы всё «снаружи», по-над глобальным ВПК. Ну, а «внутри-то» как? Попробуем заглянуть туда.

7. Вот потянулись бесконечные, хорошо обустроенные предприятия, организации, институты. Их бесчисленное множество. Они везде: в лесах, в степях и пустынях, в горах, на земле и под землёй. Они почему-то за колючей проволокой и хорошо охраняются, охраняются от мировой общественности.

Вот перед нами тихие лаборатории, в них благообразные люди – исследователи с высокими научными степенями (и окладами!) ведут неспешные опыты; вот кабинеты, где руководители принимают итоги работ и поощряют «выдающиеся» открытия в области умерщвления и разрушения всего и вся, иными словами – «нормальная» мирная жизнь. А между тем – *первостатейное ханжество*, преддверие преступлений мирового масштаба, злой умысел и преступный замысел как первая фаза («мирная»!) к уже постепенно разворачивающейся пока локальной, а там поглядишь и глобальной (мировой) бойни!

Но все они не чувствуют угрызания совести: её усыпили идеологи. Здесь случай первого ранга – *ошибка сознания в действии*. Эти исследователи в командировке. Они посланы в «сферу незнания», им предписано командировочным заданием: из этой сферы принести в «мир знания» новые открытия с какими-то параметрами. И они выполняют это командировочное задание. Так, физики-ядерщики хаживали в «сферу незнания» и принесли оттуда атомную, водородную, нейтронную бомбу. Их коллеги – биологи – тоже отличились – они вернулись с биологическим оружием. Не отстали и химики – по своей убойной силе их «интеллектуальный продукт» не менее «эффективен» – они оправдали свои командировки в «сферу незнания» и командировочные расходы. Они прирастили знания, и их ученики теперь идут дальше. А возьмите гениальных механиков и их чудо – стрелковое оружие (штурмовые винтовки, автоматы, пулемёты, гранатометы, гаубицы и пр.) с их потрясающей скорострельностью, убойной силой, изумительной простотой в обращении. Мы уже не говорим о других прославленных талантах в сфере ракетостроения, танкостроения, надводного и подводного военного флота, боевого авиастроения и т. д. А сколько гордости за изобретение пули со смещённым центром тяжести или вакуумной бомбы!!!

Многих отметили высокими наградами и почестями, вплоть до Нобелевских наград, а иных записали в гении (за изобретение наркотика ЛСД, автомата и т. д.).

Похоже, что человеческое сообщество не обуяло чувство чудовищного ужаса и отвращения при виде этих «мирных» сцен – здесь «ошибка сознания» работает во всю силу. Здесь паралич совести, ступор в аранжировке ценностей. И как раз это подпитывает развитие «ханжества» во всей его высокоразвитой, глобальной красе.

8. Вот мимо нас пронеслась необычная стайка. Она выпорхнула из ближайшего исследовательского университета. По виду это учёные. У них, как и полагается настоящим учёным мужам, несколько отрешённый вид, в глазах мягкая рассеянность, на них мантии и знаки высокого научного отличия. Это учёные-ядерщики, и не только ядерщики. Это научная знать. Среди них есть и нобелевские лауреаты. Они отличились особо, как может отличиться только гений, – создали средство невиданной убойной силы – на дипломатическом сленге это «средство сдерживания», у генералов – здесь без словесных выкрутасов – тоже «средство», только «возмездия», ну, а если без обиняков и попросту, «по-научному» – то это «средство массового уничтожения», т. е. то, что и предусматривалось в задании на разработку. Иначе «нобеля» и не видать! Теперь, к радости идеологов, геополитиков и мирового генералитета, можно легко, одним махом, угробить «неприятеля» – половину человечества, а это самое человечество за это их ещё всячески отличает.

У ядерщиков, у некоторых из них, на глазах слезы – крокодиловы: они теперь предупреждают это самое человечество об опасности. Сейчас они голуби, хотя сами эту опасность, что называется, и «сварганили», но, на всякий случай, решили откреститься. Они как быстро появились, так же быстро исчезли. Народ они занятой, штучный, востребованный – получено новое задание – где-то на краю света потянуло «ядерным холодком» – нужно срочно «кое-что» усовершенствовать!

9. Но вот вослед им увязались какие-то странные люди. Они тоже учёные, а посему их снедает жестокая зависть. Они в душе считают себя гениями и не без оснований. Вот старичок, такого благостного вида, похож на сельского учителя или пастора, что-то держит в руках, бережно и с великим тщанием. Это не-

большая коробочка. И что бы вы думали в ней? Да обыкновенная вошь, но не простая вошь. Она способна заразить полмира. И научил её этому этот старичок и в этом его призвание – он биолог.

За ним следом такой же тихий, опрятно одетый пожилой человек. Он гений по определению. Он изобрёл наркотик, но остался на воле, и даже не скрывает этого. И теперь молодёжь спокойно колется, не утруждая себя поиском какой-то там конопки и прочих злаков. Но это только арьергард толпы подобных изобретательных «гениев». В общем-то, они такие же, как и мы, но только природа наделила их изумительными талантами – создавать совершенные средства убийства всего живого. Они преданы своему делу, и им не до телячьих нежностей, они в работе день и ночь на службе молоху: здесь полмира куёт меч, полмира пускает его в ход.

10. Наш взор обратил внимание на ещё более интересных персонажей. Вот упитанные люди, респектабельные, в костюмах с иголки. Это представители бизнеса, большого и очень большого. Они только что покинули зал заседаний. Они играют на поле глобального ВПК, им напора и боевитости не занимать: у каждого синяк под глазом, под левым, видно под правую руку – они только что делили «мировой доход» и это, естественно, отразилось на их лице. Спокойно! Будем осторожны, не будем подходить слишком близко. Нет, нет, они не злые, они как-то даже по-своему добродушны. Просто у них инстинкт и милая привычка обогнуть до нитки первого встречного и пустить его по миру. Мы чудом избежали этого, держа дистанцию. А они деловито двинулись дальше, на следующее заседание. И беспокоиться не надо. На простом языке – это «здоровая конкуренция». У них у каждого в кармане есть примочки. Кстати, малый и средний бизнес тоже с подбитым глазом (иногда с обеими), но синяки у них поменьше.

Бизнесмены стали было наперебой предлагать нам заключить какую-нибудь сделку. Но мы, вежливо поблагодарив, почему-то (сейчас уже не помню причины), отказались, сославшись на занятость и спешные дела.

* * *

Итак, приведённые картины, хотя и в малом их количестве, говорят о многом: они высвечивают ракурс реальной опасности, таинственности скрытой от взора человечества подземной работы, нацеленной на его уничтожение. Они напоминают беспечному человечеству о безжалостной гильотине нависший над ним, над каждым человеком, его семьёй и средой обитания.

Но это только фиксация ситуации. Здесь уже недостаточно увещеваний, ситуационных фотографий, назидания, уговоров и пр. Глобальный ВПК это что крыловский «кот Васька», но он ещё тот «Васька»: он «слушает да ест» – пожирает мир. **Нужны поступки, реальные дела, инициативы в защиту жизни на планете Земля.** И об одной из них я поведаю читателям.

**ОЦЕПЕНЕНИЕ СБРОШЕНО – ИНИЦИАТИВА В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ НА ПЛАНЕТЕ:
«МЕМОРАНДУМ! – ВОЗЗВАНИЕ! – НАБАТ!: БАКИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР
И БЕЗОПАСНОСТЬ»**

Пока мы «увещевали» человечество очнуться и обратить внимание на нависшую над ним реальную смертельную угрозу, – своего рода «гильотину», отточенную и занесённую глобальным военно-промышленным комплексом над миром, на планете Земля случилось яркое событие, событие мирового масштаба – в столице солнечного Азербайджана открылся Международный гуманитарный форум (г. Баку, 4–5 октября 2012 г.)¹. Само по себе это событие необычное, знаковое и по своему масштабу, и по содержанию, месту и времени.

¹ Форум планируется проводить ежегодно. Первый форум состоялся 10–11 октября 2011 году под названием «XXI век: надежды и вызовы», в нём участвовали гости из более 20-ти стран мира.

О Бакинском форуме. Зародилась интеллектуальная площадка высочайшего уровня: «... **Бакинский международный гуманитарный Форум** – это ежегодное мероприятие выдающихся представителей политической, научной и культурной элиты мирового сообщества, включая известных государственных деятелей, лауреатов Нобелевских премий по различным отраслям науки и руководителей влиятельных международных организаций, целью которого является проведение диалогов, обменов мнениями и обсуждений по широкому спектру вопросов глобального характера представляющих интерес для всего человечества.

Сопредседатели форума: Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и Президент Российской Федерации Владимир Путин. Инициаторами форума в 2010 году явились Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и его коллега Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев.

Организаторами и участниками форума являются представители естественных, общественных и гуманитарных наук, а также культурной элиты мира, которые ставят перед собой амбициозную задачу формирования новой гуманитарной повестки дня с целью ее дальнейшего рассмотрения в международном масштабе. На форум приглашаются также "Великие мира сего" – это действующие или бывшие главы государств и основатели транснациональных корпораций. Объединяя представителей всех сфер человеческой деятельности, достигается оптимальное решение для насущных вопросов волнующих все человечество. **Крик души всего человечества есть та позиция форума по общечеловеческим гуманитарным проблемам периода глобализации, которая находит свое отражение в принимаемых Бакинских декларациях.**

Целью форума является построение диалога посредством "круглых столов". Это создание арены для архиактуальных тем волнующих умы от простого обывателя до лидера государства, где все могут слушать и быть услышанными (Э.К. – выдел. автором).

Задача форума – это формирование площадки для конструктивных дебатов и дискуссий, обмена идеями, теоретическими и практическими знаниями.

Результат форума воплощается в рекомендациях и призывах к международным организациям, лидерам стран и каждому отдельно взятому индивидууму...»¹.

Мне выпала высокая честь принять участие в работе Бакинского международного гуманитарного форума (Азербайджан, г. Баку, 4–5 октября 2012 г.). Среди участников форума, число которых превысило 600 человек из 70 стран, в том числе из России, 11 лауреатов Нобелевской премии, 10 бывших глав государств, представители политической, научной и культурной элиты мирового сообщества. Форум открыл новые горизонты сотрудничества, поставил в центр внимания проблемы гуманизма, толерантности, плюрализма, дал новый импульс к диалогу культур, к сохранению красочного разнообразия мира! Всех участников Форума, объединяет единый порыв к диалогу, новому знанию о мире, прорывным новым идеям и новациям.

С высокой трибуны форума автор огласил общий контур идеи выхода мира на новый этап (фазу) развития – *космологизацию* и *гуманитарную космологию* как концептуализацию, научное обоснование и сопровождение этого процесса (доклад «Гуманитарный прорыв в глобальной методологии миропонимания ("фазовые переходы" и их методологическое и теоретическое осмысление)²» на «круглом столе» «Новые методологические подходы к процессам глобализации в XXI веке»).

¹ См. подробнее: «О Форуме»: <http://www.bakuforum.org/ru/about/>

² Доклад опубликован (см.: Безопасность Евразии, 2012, № 2(44). С. 435–444).

Итак, обозначенный Форумом «...Крик души всего человечества есть та позиция форума по общечеловеческим гуманитарным проблемам периода глобализации, которая находит свое отражение в принимаемых Бакинских декларациях...». Какие проникновенные слова, сколько в них боли за состояние человечества и его будущее, сколько душевной искренности и решимости обнажилось в них, решимости встать на пути вызовам, опасностям и угрозам, нависшим над странами, каждым человеком, его семьей и детьми!

Этот призыв обращён не только к участникам Форума, он обращён ко всем людям на планете Земля. И не откликнуться на него невозможно!! И я откликнулся! Откликнулся с *инициативой в защиту жизни на планете*. Имя этой инициативы **«Меморандум! – Воззвание! – Набат!: Бакинское движение за мир и безопасность»**.

Сегодня человечество в опасности: в воздухе разлито дыхание смерти, ядерной катастрофы. Что сейчас главное, животрепещущее, архиактуальное, волнующее умы всего человечества?

Мне представляется, что назрела острейшая необходимость поднять знамя борьбы за мир, за безопасность народов, в защиту жизни на планете. Нам как воздух нужна новая инициатива по образцу «Манифеста Рассела-Эйнштейна: ученые за мир и безопасность». В этой связи Бакинский Форум даёт нам великий шанс учреждения новой платформы с принятием меморандума «Бакинское движение за мир и безопасность». Упустить этот шанс нам не дано! И такая инициатива не заставила себя ждать. Пришла мысль ударить в набат!

Бывают в жизни ситуации, когда отступать некуда. Человек, прижатый к стенке вынужден принимать решение. Здесь сужаются горизонты, сжимается время: «Или – или!». Та же участь постигла человечество! Над миром, над каждым человеком и его семьей медленно, незримо, неумолимо заносится меч, своего рода гильотина, человечеству готовится страшная участь – кровавая ночь. Отступать некуда, середины здесь нет! Вопрос стоит предельно жёстко: либо мировое сообщество очнётся, осознает смертельную опасность милитаристского угара и ядерной катастрофы и предъявит счёт глобальному военному и военно-промышленному молоху (в миру – ГВПК) и его приспешникам! – либо человечество уйдёт в исторический зигзаг и оставит на планете пепелище и воспоминание о человечестве, о когда-то цветущей жизни, об упущенных возможностях.

Как это было. Все мы «въехали» в 2013-й. Я тоже. 1 января Нового года! Почти по Аркадию Гайдару: «... дело к вечеру – вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он – небо ясное, ветер теплый, солнце к ночи за Черные Горы садится. И все бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не медом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов...»¹. И всё что «обступило» меня в этот первый день нового, 2013 года, легло на бумагу. Легло как-то вдруг и вылилось в **«Меморандум! – Воззвание! – Набат!: Бакинское движение за мир и безопасность»** (далее – Меморандум), в **«Обращение ко всем участникам Бакинского международного гуманитарного форума, а через него – к мировой общественности и ученым всего мира»** (далее – Обращение), ну и, конечно, в «подсветку» этих документов – **«Гуманитарный прорыв: диалог обретает научную форму – диалогистику»**.

Свои видения я тут же зафиксировал в Интернете: тексты Обращения и Меморандума были размещены на «Информационно-аналитическом портале VIPERSON в качестве базовой авторской публикации:

<http://viperson.ru/wind.php?ID=657504&soch=1>

Ну а далее «Меморандум» зажил своей жизнью:

¹ <http://lib.ru/GOLIKOW/boy-kib.txt>

1 января 2013 г. «Меморандум» и резолюция к нему подписаны автором.

3 января 2013 г. свою подпись под ними поставил известный российский издатель, философ и физик, главный редактор журнала «Безопасность Евразии» Геннадий Сергеев.

7 января 2013 г. началась рассылка текста «Обращения» и «Меморандума» к участникам Бакинского международного гуманитарного форума, учёным и представителям мировой общественности. Рассылка обоих документов шла за двумя подписями (*Эрнеста Кочетова и Геннадия Сергеева*).

Ниже представлены тексты рассылаемых «Обращения» и «Меморандума» (что касается текста «Гуманитарный прорыв: диалог обретает научную форму – диалогистику», то читатели могут ознакомиться с ним на сайте Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики <http://geoeconomics-academy.ru/Articles/Kochetov/Manifest.pdf>). Тексты даны в базовом авторском варианте на русском и английском языке.

Список участников Бакинского международного гуманитарного форума, первыми поддержавшими инициативу в защиту жизни на планете Земля и возглавившими список подписантов, поставивших свои подписи под резолюцией «Меморандума» приведён в конце «Меморандума».

Обращение

ко всем участникам Бакинского международного гуманитарного форума, а через него – к мировой общественности и учёным всего мира¹

Глубокоуважаемые господа, коллеги, друзья!

Примите самые теплые и искренние поздравления с Новым годом и пожелания здоровья, творческих успехов, светлых, радостных и счастливых дней! Надеемся, что новый, 2013 год порадует нас творческим и дружеским общением на стезе диалога о самых важных и неотложных проблемах нашего мира!

Ушедший год оставил в памяти неизгладимый, яркий след – Бакинский международный гуманитарный форум (*Азербайджан, г. Баку, 4–5 октября 2012 г.*). Это событие мирового масштаба: зародилась мощная интеллектуальная площадка высочайшего уровня! Форум открыл новые горизонты сотрудничества, поставил в центр внимания проблемы гуманизма, толерантности, плюрализма, дал новый импульс к диалогу культур, к сохранению красочного разнообразия мира!

Всех участников Форума объединяет единый порыв к диалогу, новому знанию о мире, новым идеям. Форум дал уникальную возможность представить идею нового мирового фазового перехода – космологизацию как новый этап мирового развития.

Сегодня человечество в опасности: в воздухе разлито дыхание новой ядерной катастрофы, смерти и разрушения, уничтожения всего живого. Миру как воздух нужна новая инициатива по образу «Манифеста Рассела-Эйнштейна: ученые за мир и безопасность».

Мы призываем поднять знамя борьбы за мир, за безопасность народов планеты. В этой связи Бакинский форум дает великий шанс учреждения новой платформы с принятием документа **«Меморандум! – Воззвание! – Набат!»: Бакинское движение за мир и безопасность»** (его проект приведен ниже). Упустить этот шанс нам не дано! И мы надеемся, что эта инициатива попадет в центр Вашего внимания и получит поддержку. Пусть на этом пути нас сопровождают идеи Высокого гуманизма Бакинского международного гуманитарного форума, давшего мощ-

¹ © Кочетов Э.Г., 1 января 2013 г.

ный прилив творческой энергии на путях диалога¹ в его высоком научном статусе – диалогистике, поиска новейших моделей мира, согласия и гармонии.

С надеждами на сотрудничество, мир и спокойствие, с глубоким и искренним уважением.

МЕМОРАНДУМ! – ВОЗЗВАНИЕ! – НАБАТ!:
БАКИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ²
(проект)

Первые секунды нового, 2013-го, года! Мир перешел через мгновение и попал в новое измерение своего бытия. И не важна его точка отсчета (исчисления) – человечество регулярно с великой радостью и, с какой-то затаенной надеждой, встречает его в полноте жизни, в переизбытке своих жизненных сил, страстей и беспечности пьет свою жизненную чашу. Оно «токует» на поляне жизни, а в это время над миром медленно, незримо, неумолимо заносится меч, своего рода гильотина – человечеству готовится страшная участь – кровавая ночь. Кровавая мгла готова поглотить все и вся, отнять жизнь, отнять радость, отнять солнце и голубое небо, беспощадно отправить в небытие беспечное человечество.

Смертельная коса подступает к каждому. Страшная участь готовится молодому поколению. У молодых людей, юношей и девушек, будет отнята молодость, надежды, радости, мечты. Они недолюбят, они недоучатся, они не узнают, что такое зрелые годы, они никогда не увидят своих детей, не познают радость свободы, счастья высокого полета мысли, солнца, голубого неба, шума прибоя и дыхание океана – кровавый смерч их унесет в небытие.

У молодых, юных девочек, еще не познавших счастье жизни, будет отнято будущее. Из их слабых рук будут вырваны любимые парни. Они, эти юные вдовы, понесут на погосты свое счастье, короткое, ослепительное.

Ослепшие от горя женщины, матери и жены, будут вечно обречены на тоску об отнятых у них сыновьях и мужьях. А сколько в мире появится покалеченных, обожженных, изуродованных, отравленных, потерявших разум и рассудок, умирающих с голоду, обреченных на прозябание. Седые старики и деды сойдут в могилы с кипучим, испепеляющим душу чувством беспомощности: они не защитили свои очаги, не уберегли своих сыновей, жен и дочерей, и вечная, неутолимая боль и жажда отмщения не даст им покоя.

Пламя безумия и войны поглотит бесценные исторические свидетельства культур и цивилизаций, тысячелетиями по крупицам собираемые на планете Земля.

Но, беспечное человечество, упоенное жизнью, не хочет поднять глаза и увидеть страшный «дамоклов меч» и спусковые крючки гигантской гильотины, нависшей над ним. Оно опьянено жизнью и не замечает, не хочет замечать их.

Мы призваны развеять этот сон, осознать смертельную опасность. Нас собрал Бакинский международный гуманитарный форум. Таких, как мы, на планете миллионы и миллионы, но нам выпало счастье собраться вместе.

Нам поверило мировое сообщество и доверило нам свои надежды, чаяния, мечты. Нам дан исторический шанс: остановить раздирающее планету безумие, этот надвигающийся апофеоз войны и смерти, встать на пути разъедающего сознание милитаризма, яда национализма и ультрапатриотизма, вли-

¹ **Примечание:** о роли диалога как ключевого инструментария к миропониманию (осознанию) мира и действенного рычага мировых преобразований см. монографию: Кочетов Э.Г. Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. Москва: Экономика, 2011. 733 с. Полный текст книги представлен в Интернете:

<http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=641398&soch=1>

² © Кочетов Э.Г., 1 января 2013 г

ваемого в головы и души молодых поколений. У нас отнят шанс загородиться от надвигающейся смертельной опасности: «не дошли руки!», «не поняли!», «не договорились!», «не прислушались к пульсу планеты!», ... и – пустили под нож все поглощающего молоха миллиарды людей.

Мы создаем: разумом человека, его интеллектом созданы изумительные условия для процветания жизни на планете Земля, но и, вместе с тем, разумом же и интеллектом запущена на полный ход мировая «машина смерти» – глобальный военно-промышленный комплекс с его близко спаянными, тесно переплетенными национальными секторами («квартирами»). Он неустанно, днем за днем, пожирает гигантские ресурсы планеты (интеллектуальные, финансовые, материальные, трудовые). Он пускает в мировой торговый оборот горы смертоносного оружия: ядерного и «обычного», тяжелого и легкого, стрелкового, химического, бактериологического, информационного, климатического и пр. Военный молох вытеснил на мировую обочину гражданские отрасли, поглотил многие из них. Неумная машина смерти подмяла под себя экономику, промышленную политику, финансы, культуру, право, социальную сферу человека. На этот смертоносный алтарь брошена наука, образование, большая политика (геополитика), дипломатия, идеология.

Вне поля правовой оценки, безнаказанно, открыто действуют в мире хорошо отлаженные «воспроизводственные циклы смерти и убийства»: от «преступного замысла» (научных открытий, обоснований и проектирования новейших и совершенствование «традиционных» видов оружия) – «преступных деяний» (финансирование, инвестиции, производство оружия, его испытание и доводка, поставка и продажа на мировом и национальных рынках) – «преступления» (пуск оружия в ход: обучение, приказы к применению, само применение). Эту преступную деятельность опосредует масса военных и полувоенных организаций, высших учебных заведений, монографий и учебников «по стратегии и тактике убийства», руководства «по применению» и т. д.

Сложилась неразрывная связка (симбиоз) мировых ястребов – генералитета, дипломатии и мирового военного промышленного комплекса. Здесь полмира кует гигантский меч и полмира пускает его в ход. Здесь припали к политическим картам мира, к раскрашенным «ячейкам» – государствам, этим пережиткам «старовестфальской» системы членения мира. Здесь беспрестанно рисуют «разделительные» линии и поверхности, стрелы, оси, контуры военно-политических альянсов, тасуют друзей и врагов, ищут новых врагов, находят их и бросают им вызовы.

Идет повсеместное обесценение жизни. С «младых ногтей» людей приучаются к смерти, дети держат в руках милитаризированные игрушки, школьные учебники на все лады освещают боевые «подвиги» предков, культивируя гибель за идеологии, мифы, галлюцинации, культ насилия заполонил СМИ, смерть прославляется – с экранов TV и кино на нас смотрят героини-убийцы, молодых девушек и женщин, будущих матерей, ставят в строй и учат убивать.

Мир заполнило ханжество. На тысячах различных форумах, семинарах, конференциях, «круглых столах» идут бесконечные споры, ни на миллиметр не приближающие решение проблем. Диалог превращен в ширму, в прощупывание слабых мест оппонентов – потенциальных противников.

Мы осознанно намерены положить всему этому конец. Человечеству отступать некуда! Вопрос стоит предельно жестко: либо мировое сообщество очнется и предъявит счет молоху и его приспешникам, либо уйдет в исторический зигзаг и оставит на планете пепелище и воспоминание о человечестве.

РЕЗОЛЮЦИЯ:

Мы призываем участников Бакинского международного гуманитарного форума, а через него мировую общественность и ученых всего мира подписаться под следующей резолюцией:

1. Мы обращаемся к главам государств с призывом осознать личную ответственность за судьбы мира, судьбы каждой страны, каждой семьи и каждого человека.

2. Мы обращаемся к научному мировому сообществу с призывом стать на путь борьбы с милитаризацией сознания, отринуть «командировки» в сферу незнания за прорывными научными идеями и открытиями, направленными на уничтожение всего живого на земле. Здесь свое слово должна сказать «этика нового», высокий статус звания ученого, призванного к сбережению жизни на планете, ее расцвету.

3. Мы обращаемся к профессорско-преподавательскому корпусу планеты с требованиями изъять из своих лекций, учебников и учебных программ явные и завуалированные рецидивы милитаризма, шовинизма, национальной и этнической нетерпимости. На Вас лежит ответственность за деформацию сознания подрастающего поколения.

4. Мы обращаемся к дипломатическому корпусу с требованием прекратить апологетику войны, разорвать связь с мировыми ястребами, не допускать дипломатической игры судьбами миллионов людей на грани жизни и смерти.

5. Мы обращаемся к большому бизнесу с призывом изъять свои капиталы из смертоносного военно-промышленного комплекса. В мире существуют гигантские возможности для применения экономических сил в мирных целях.

6. Мы обращаемся к представителям отраслей гуманитарного знания – философам, историкам, социологам, политологам, культурологам, экономистам, юристам с призывом уйти от открытой и скрытой апологетики идеологических догм, создающих болезненную среду (ауру), в которую тут же врывается и махровым цветом расцветает милитаризм, национализм и шовинизм.

7. Мы обращаемся к правоведам – хранителям в памяти человечества правовых норм возмездия за преступления против человечества – с требованиями пересмотреть принцип ответственности за подобные преступления: в мирное время подготовка к войне, производство и торговля оружием, наращивание военных бюджетов, милитаризация в сфере образования и науки уже есть преступления против жизни и человечества и подлежат правовой оценке.

8. Мы ставим свои подписи под этим документом. По мере присоединения к нему он будет меняться, набирать силу и глубину. И пусть нас будет несколько человек на планете земля, но мы сказали свое слово, свое кредо, подняли свой голос в защиту жизни. И здесь не важны регалии и звания. Нас объединяет добрая воля, нами движет ответственность за будущее человечества.

Подписи¹:

1. **Кочетов Эрнест Георгиевич** – Президент общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, доктор экономических наук, академик Российской академии естественных наук (г. Москва, Россия)

01.01.2013.

2. **Сергеев Геннадий Михайлович** – Главный редактор журнала «Безопасность Евразии» (г. Москва, Россия)

03.01.2013.

¹ Примечание: здесь приводится список лиц, первыми откликнувшихся на инициативу в защиту жизни на планете и поставивших свои подписи под Меморандум и его Резолюцией.

3. Скачко Владимир Сергеевич – Главный редактор газеты «Киевский телеграф»

01.02.2013.

4. Рустамов Эльдар Анверович – Доктор биологических наук, профессор, академик РАЕН (г. Ашхабад, Туркменистан)

04.02.2013.

5. Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – Ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор

05.02.2013.

6. Чумаков Александр Николаевич – Заведующий кафедрой философии Финансовой Академии при Правительстве РФ, первый вице-президент Российского философского общества, доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

08.02.2013.

7. Койчугев Турар Койчугевич – Советник Президиума Национальной Академии Наук Киргизской Республики, академик, доктор экономических наук, профессор

08.02.2013.

8. Лазаревич Анатолий Аркадьевич – Директор Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

12.02.2013.

9. Николай Тельпиз – Председатель Международной Ассоциации «Gagauzlar», Главный редактор народной газеты «Gagauzlar»

18.02.2013.

10. Вейсялли Фахраддин Ядигярович – проф., директор Института Языкознания Национальной Академии наук Азербайджана

22.02.2013.

11. Абдрахманов Толобек Абылович – Ректор Киргизского Государственного Университета имени И. Арабаева, профессор, доктор исторических наук

06.03.2013.

* * *

Поступок! Я преклоняюсь перед мужеством людей, поставивших свои подписи под Меморандумом и его Резолюцией. Подняться над конъюнктурой, взять на себя ответственность за судьбу каждого человека и его семьи, судьбу каждой страны и мира в целом – это дорогого стоит. Такое выпадает редко – один раз в жизни! И в этом, может быть, и состоит самое главное деяние Человека, Человека «нового», ренессансного!

И, действительно, мало осознать смертельную опасность, нависшую над жизнью каждого человека на планете Земля! Нужны реальные дела и инициативы, которые призваны защитить жизнь на планете. И такой инициативой-поступком явилась **«Инициатива в защиту жизни на планете: «Меморандум! – Воззвание! – Набат!»: Бакинское движение за мир и безопасность».**

ОСУДИТЬ ЗЛОЙ УМЫСЕЛ!

Жизнь человека на планете Земля под прицелом глобального ВПК (ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ, ИТОГОВЫЕ АКЦЕНТЫ)

Итак, мир движется в пропасть – «злой умысел» в действии! Нас ведут к гибели геополитики старого, «холодного» закала и выпестованные ими глобальный военно-промышленный комплекс и мировая военщина! Налицо злой умысел (за-

мысел), направленный против жизни человека, жизни на планете Земля. Глобальный военно-промышленный комплекс, в связке с мировыми ястребами, несёт в себе все черты мировой преступной структуры, открыто и скрытно в чудовищных размерах производящей и распространяющей через мировую торговлю (поставку) самые изуверские и смертоносные виды оружия и средства убийства.

Идеологи и геополитики в купе с ними мировой генералитет с приданной к ним наукой десятилетиями опутывают мир бесконечными разборками на межах ячеистого сознания и на межах ячеистой международной карты мира. Это приводит к кровавым войнам по причинам недоговорённости, недопонимания, а, зачастую, просто зашоренности и нежелания понимать другую сторону. Сейчас же ситуация принимает особо тревожные формы – над миром нависла зловещая тень глобального военно-промышленного комплекса, готового «продемонстрировать» свои возможности и оправдать возложенные на него «надежды» мировых ястребов. *Жестокая, опасная реальность стучится в окна.*

Но мир имеет мощные рычаги противодействия нависшей угрозе: мировая прагматика, реалистичный подход к решению острых глобальных и региональных проблем вписывается в общую мировую тенденцию по снятию посредством мирового дискурса огромного накопившегося слоя геополитических, идеологических и цивилизационных проблем, суеты и трескотни вокруг них. Сейчас ситуация в мире такова, что без вынесения этого вопроса на самый высокий пьедестал глобального диалога могут оказаться тщетными усилия мирового сообщества в построении нового равновесного посткризисного мирохозяйственного ландшафта, недостижимыми идеи «мирного» выхода из мирового кризиса. Впервые за последние десятилетия вопрос о войне и мире встаёт в своей чудовищной обнажённости. Человечеству отступать некуда, мир стоит перед реальной угрозой смерти: на карту поставлены судьба человечества и жизнь на планете.

Но коды самосохранения человечества, поднимаясь из глубин сознания, страстно взывают к мировому сообществу дать правовую оценку преступной деятельности глобального военно-промышленного комплекса, его приспешникам и среде, в которой он черпает стимулы и силы к своему безудержному развитию. И мировое сообщество должно немедленно дать правовую оценку этой преступной деятельности – она должна расцениваться как «злой умысел» («преступный замысел») и попадать под юрисдикцию мирового сообщества – **на повестке дня учреждение трибунала по типу Нюрнбергского для мирного времени.**

Введём в оборот **новые категории**:

Глобальный военно-промышленный комплекс как преступная организация – сложившаяся в мире структура (институт) – глобальный военно-промышленный комплекс (ГВПК), – на отлаженных мировых воспроизводственных циклах (конвейерах) которого производятся самые изуверские и смертоносные виды оружия. Оно открыто распространяется через мировую торговлю (поставку). ГВПК есть порождение ядовитой среды милитаризма, реванша, ультранационализма, шовинизма, недоверия, страха и представляет собой прямую угрозу жизни на планете, жизни каждого человека, его семье, его ауре. **Налицо злой умысел (замысел), направленный против человека, против жизни на планете.** Мировое сообщество должно дать правовую оценку преступной деятельности ГВПК и среды, в которой он черпает стимулы и силы к своему безудержному развитию (см. «Нюрнбергский трибунал «мирного времени»).

Нюрнбергский трибунал «мирного времени» (НТМВ) – новейший институт международного права, создание которого есть актуальнейшая необходимость в условиях, когда в мире в ядовитой среде милитаризма, реванша, ультранационализма, шовинизма, недоверия, страха и отчаяния набирает обороты глобальный военно-промышленный комплекс, представляющий собой прямую угрозу жизни на планете, жизни каждого человека, его семье, его ауре. **Мировое сообщество должно дать правовую оценку преступной деятельности, когда в открытую производятся и через мировую торговлю (поставку) распространяются самые изуверские и смертоносные виды оружия.** Над миром неумолимо, зримо заносится гильотина, способная унести человечество в небытие. По своему статусу НТМВ – это международная судебная коллегия, которая бу-

дет признана осуществлять судебную функцию путём рассмотрения дел о «злом умысле» («замысле»), направленном против жизни Человека и человечества в целом. Подобная международная структура должна войти в новый пакет международных организаций.

И не исключено, как мне представляется, что в мировой повестке дня глобального диалога неминуемо будет поставлен вопрос о рассмотрении глобального военно-промышленного комплекса и подпитывающей его среды как преступных структур (институтов) и вопрос об учреждении новейшего института – «Нюрнбергского трибунала мирного времени» – международной судебной коллегии, которая будет признана **осуществлять судебную функцию путём рассмотрения дел о «злом умысле» («замысле»)**, направленном против жизни Человека и человечества в целом. Подобная международная структура должна войти в новый пакет международных организаций.

Здесь уже не до правовых тонкостей и крючков: юридическую оценку открыто готовящемуся преступлению необходимо давать до его свершения!

Мир опутан кровавой сетью-паутиной. Но всей этой паутине, опоясавшей и человека, и мировое сообщество, и мировую систему должен придти конец. Она снимается как снимается паутина в старом, захламлённом доме. И у мира в руках для этого надёжный и мощный инструментарий – *Диалогистика*. Пришло реальное осознание необходимости фундаментального поворота в понимании категории «диалог». Интеллектуальная мысль, выдвинув парадигмальную связку «геоэкономика – глобалистика – гуманитарная космология» в качестве действенного рычага по гармонизации нашего мира, выходит на новый рубеж: **концептуализацию глобальной теории диалога цивилизаций**. Общий контур решения этой проблемы уже просматривается: новая отрасль знания «диалогистика» закладывает теоретические и методологические основы диалога в современном мире на всех его уровнях позиционирования участников-игроков на мировой арене.

Диалог как путеводная звезда сопровождает мир. Он двинулся в неудержимый геоэкономический поход, меняющий мировую ситуацию и глобальную расстановку сил – совместное обустройство ареалов и точек мирового роста как залога стратегического равновесия на почве балансов интересов. Открывая новую страницу глобального диалога, мир тем самым открывает новую страницу своей истории, – мир без силовых разборок, изнуряющих угроз, вызовов.

И в авангард защитников жизни на планете Земля должно встать мировое научное сообщество: учёные (как гуманитарии, так и естественники) в ответе за сложившуюся ситуацию, во многом на их совести лежит пестование мировой военщины и мирового глобального военно-промышленного комплекса, здесь идёт помрачение разума, здесь научная мысль заостряется идеологами и геополитиками на поиски распрей и всё новых и новых средств убийства.

2014-й год! «Часы Судного дня» переводить не стали. Мир от ядерной катастрофы, по мнению постоянных экспертов, состоящих из лауреатов Нобелевской премии, по-прежнему отделяют символические пять минут¹. Человечество пригрело на своей груди военщину! По недомыслию! Позади две мировые! Ее третий укус будет смертельным!

Но еще не поздно! Мировое сообщество должно поставить этому мощный заслон. Для этого имеются все необходимые рычаги в лице международного

¹ Создатели проекта журнала Чикагского университета Bulletin of Atomic Scientists в этом году решили не переводить «Часы Судного дня». Об этом сообщается на сайте журнала. http://top.rbc.ru/politics/15/01/2014/899366.shtml?utm_source=newsmail&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail1

права, и, самое главное, – **воля народов к миру и безопасности!** Мировая во-енщина должна предстать перед судом истории, перед новыми институтами глобальной ответственности! Выразителем этой могучей воли выступает Че-ловек нового «покроя», Человек, обретающий на путях прорыва к новому знанию новое, космологическое сознание, смело заглянувший за горизонты своей судь-бы и ставший на защиту жизнеутверждающих начал бытия!¹.

Вместо послесловия

Только я поставил точку, завершая статью, как меня настигли слова зна-менитого оружейника **М. Калашникова**. Вот они: «Моя душевная боль нестер-пима, один и тот же неразрешимый вопрос: коль мой автомат лишал людей жиз-ни, стало быть и я, Михайло Калашников, девяноста три года от роду, сын кре-стьянки, христианин и православный по вере своей, повинен в смерти людей, пусть даже врага?»².

На вершине своих лет, конструктор прислонил к делу всей своей жизни ги-гантский вопрос – человека постигло сжигающее душу сомнение! Масштаб во-проса под стать содеянному. Нужно быть личностью такого же масштаба, чтобы иметь мужество открыто заявить о своей нестерпимой, сжигающей боли! И как бы теперь не комментировали это событие, высматривая различные его контек-сты, обстоятельства, расшифровывая и взвешивая различные нюансы и сторо-ны этих огненных слов сомнения, – ясно одно: в летопись человечества, его бы-тия вписана страница высочайшей мысли – **Человек и его жизнь являются не сравнимой ни с чем ценностью!**

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

¹ Подробнее см.: Раздел VI «...Я – ЧЕЛОВЕК !..»: образ (доктрина) Человека нового, космо-логического», с. 351–396 книги автора: КОСМОЛОГИЗАЦИЯ. Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии. Научная монография / Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Международные отношения, 2014. 912 с.

² Газета «Известия» в материале «**Перед смертью Калашников написал покаянное письмо патриарху**» пишет: «Михаил Тимофеевич Калашников, скончавшийся 23 декабря 2013 года, за полгода до смерти написал Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу покаянное письмо (есть в распоряжении «Известий»). В нем конструктор делится с главой РПЦ душевными пере-живаниями и сомнениями по поводу своей ответственности за смерти людей, убитых из автома-та, который он создал... Также в письме он делится мыслями о судьбах страны, человечества». <http://izvestia.ru/news/563827>

Глава 4. М.С. САВИН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Развитие российской экономики как свидетельствует практика идёт сложно и противоречиво. Современный кризис обострил многие проблемы. Прошедшие в декабре 2011 года парламентские выборы и президентские выборы (в марте 2012 года) привлекли дополнительное внимание к проблемам развития российской экономики, поскольку от её состояния будет зависеть успех всех общественных преобразований. Всё это делает чрезвычайно актуальной задачу всестороннего анализа развития российской экономики. Эту работу мы ведём с 1990 года. Проведено более 70 экспертных и массовых опросов.

В данной статье проводится анализ результатов социологических опросов, проведённых на трёх представительных форумах:

- Российское научное экономическое собрание «Проблема модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации (Москва, октябрь 2007 г.) – далее опрос 2007 года;
- Первый российский экономический конгресс (Москва, декабрь 2009) – далее опрос 2009 года;
- Общероссийский форум «Разумная экономическая программа» (Москва, ноябрь 2011) – далее опрос 2011 года.

Проведённое в статье сопоставление результатов указанных опросов позволило выявить определённые тенденции по целому ряду проблем развития российской экономики. При анализе результатов опроса 2011 года учитываются оценки основных типологических групп респондентов.

Российская экономика: состояние, риски, проблемы развития

По результатам проведённого опроса 2011 года ситуация в российской экономике выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Как бы Вы оценили ситуацию, сложившуюся сегодня в российской экономике? (В % от числа опрошенных)

0 – как хорошая	30 – напряжённая	32 – катастрофическая
6 – в целом удовлетворительная	30 – кризисная	2 – затрудняюсь ответить

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

По данным таблицы видно, что никто из опрошенных не оценил ситуацию как хорошую. Только 6% респондентов дали, в целом, удовлетворительную оценку. Почти каждый третий из опрошенных (30%) оценили ситуацию как напряжённую или кризисную, а 32% как катастрофическую.

Следовательно, большинство опрошенных (62%) оценили современную ситуацию в российской экономике как кризисную или катастрофическую. Ещё более соответствующие критические оценки были высказаны опрошенными из регионов страны, лицами старше 50 лет (78%), представителями гражданского общества (74%).

Заслуживает внимания сопоставление оценок состояния российской экономики по результатам опросов 2007, 2009, 2011 гг. (см. табл. 2).

Приведённые в таблице сравнительные оценки, прежде всего, свидетельствуют о последовательном возрастании критических оценок состояния российской экономики. Особенно это касается такой оценки состояния российской экономики

как катастрофическая. Если по результатам опроса 2007 года такую оценку дали 9% опрошенных, то по результатам опроса 2011 года почти каждый третий (32%).

Таблица 2

**Как бы Вы оценили ситуацию сложившуюся сегодня
в российской экономике?
(В % от числа опрошенных)**

Социологические опросы	как хорошая	в целом удовлетворительная	напряженная	кризисная	катастрофическая	затрудняюсь ответить
Опрос 2007 года	1	18	48	24	9	0
Опрос 2009 года	0	7	39	39	13	2
Опрос 2011 года	0	6	30	30	32	2

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Важнейшей характеристикой любой экономики является её конкурентоспособность. Практика свидетельствует о серьёзных проблемах российской экономики в этой области. Это получило подтверждение и в ходе опроса 2011 года. Только 2% всех опрошенных считает, что российская экономика стала более конкурентоспособной за последние четыре года. По мнению 22% опрошенных экономика стала конкурентоспособной частично. Напротив, значительное большинство опрошенных – 72% высказало, безусловно, отрицательную оценку. Необходимо отметить, что у ряда типологических групп опрошенных данный показатель оказался ещё более высоким. Так, среди лиц 30–50 лет 78%; среди лиц старше 50 лет это 91%; среди представителей экспертного сообщества 85%; среди опрошенных из регионов 84%; среди представителей бизнеса 78%.

Риски российской экономики

Результаты проведённых опросов подтвердили наличие многочисленных рисков для развития российской экономики. По результатам опроса 2011 года они представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Какие риски в наибольшей степени представляют сегодня опасность
для российской экономики?
(В % от числа опрошенных)**

86 – риски, связанные с коррупцией	32 – мировые экономические 32 – мировые финансовые	23 – инвестиционные
75 – некомпетентность властей	28 – техногенные	22 – финансовые
51 – демографические	27 – кредитные	16 – экологические
47 – социальные		7 – иные
41 – политические	24 – инфляционные	

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Как видно из данных таблицы 3 участники опроса с заметным предпочтением указали на опасность рисков, связанных с коррупцией и некомпетентностью властей. Каждый второй из опрошенных указал на опасность демографических рисков, а более 40% – на опасность социальных и политических рисков.

Заслуживают самого серьёзного внимания сопоставительные оценки опасности различных рисков для развития российской экономики по результатам опросов, проведённых в 2007, 2009, 2011 годах (см. табл. 4).

Приведённые в таблице 4 данные дают основание для некоторых выводов. Так, риски, связанные с коррупцией и некомпетентностью властей во всех опросах представляют наибольшую опасность для российской экономики. Кроме того имеет место возрастание опасности всех рисков, представленных в опросах для оценки.

Таблица 4

Какие риски в наибольшей степени представляют сегодня опасность для российской экономики?
(В % от числа опрошенных)

Риски	Опрос 2007 года	Опрос 2009 года	Опрос 2011 года
Связанные с коррупцией	66	56	86
Некомпетентность властей	61	49	75
Демографические	43	33	51
Социальные	36	21	47
Инвестиционные	21	17	23
Политические	20	18	41
Мировые финансовые	17	12	26
Мировые экономические	17	14	32
Техногенные	14	19	28
Кредитные	12	12	27
Экологические	12	11	16
Финансовые	9	9	22

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Проведённые опросы позволили выявить целый ряд факторов, сдерживающих развитие российской экономики. По результатам опроса 2011 года они представлены в таблице 5.

Таблица 5

Что в наибольшей степени сдерживает сегодня развитие российской экономики?
(В % от числа опрошенных)

81	–	большой масштаб коррупции
65	–	преимущественно сырьевой характер экономики
39	–	низкая эффективность государственных органов по регулированию в сфере экономики
39	–	нехватка качественных трудовых ресурсов
38	–	отсутствие реальной конкуренции
33	–	массовый отток капитала из России
33	–	технологическая отсталость реального сектора экономики
31	–	низкий уровень инновационного развития
30	–	нерациональное использование природных ресурсов
30	–	социально-политическая нестабильность в стране

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Практика свидетельствует, что российская экономика в своём развитии сталкивается с многочисленными факторами. В приведённой выше таблице 5 представлены только 10 наиболее значимых факторов из 23, предложенных респондентам для оценки.

Из данных таблицы 5 следует, что в наибольшей степени сдерживает сегодня развитие российской экономики преимущественно сырьевой её характер и большой масштаб коррупции.

Заслуживают внимания сравнительные оценки некоторых сдерживающих факторов развития российской экономики по результатам опросов в 2007, 2009, 2011 годах (см. табл. 6).

Приведённые в таблице 6 данные свидетельствуют, прежде всего, о том, что два наиболее сдерживающих фактора развития российской экономики – большой масштаб коррупции и преимущественно сырьевой характер экономики – приобрели устойчивый характер.

Таблица 6

**Что в наибольшей степени сдерживает сегодня развитие
российской экономики?**
(В % от числа опрошенных)

Сдерживающие факторы развития	Опрос 2007 года	Опрос 2009 года	Опрос 2011 года
Большой масштаб коррупции	76	71	81
Преимущественно сырьевой характер экономики	75	63	65
Нехватка качественных трудовых ресурсов	44	33	39
Неолиберальный курс	17	30	30
Социально-политическая нестабильность в обществе	11	14	30

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Начиная с 2009 года возросли критические оценки продолжения неолиберального курса. А результаты опроса 2011 года отчётливо показали значимость такого фактора для развития российской экономики, как социально-политическая нестабильность в обществе.

Серьёзным сдерживающим фактором развития российской экономики является низкий уровень её инновационной активности.

По результатам опроса 2011 года практически никто не оценил высоко инновационную активность российской экономики. Напротив, значительное большинство опрошенных (69%) низко оценили этот уровень. Отметим, что ещё более низкие оценки дали участники опроса из регионов (89%); лица в возрасте 30–60 лет (76%); лица старше 50 лет (87%); представители бизнеса (86%); экспертного сообщества (78%).

О том, что ситуация в этой сфере не улучшается, свидетельствует сопоставление результатов опросов, проведённых в 2007 и 2011 годах (см. табл. 7).

Таблица 7

**Считаете ли Вы, что в инновационной сфере
происходят положительные изменения?**
(В % от числа опрошенных)

Опросы	Да, значительные	Да, но незначительные	Нет	Затрудняюсь ответить
Опрос 2007 года	3	56	33	8
Опрос 2011 года	4	44	43	9

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Из приведённых данных (табл. 7) видно, что продолжает оставаться минимальным число тех, кто отмечает значительные изменения в инновационной сфере. Напротив, заметно возросло число тех, кто не видит положительных изменений в инновационной сфере.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ:
СОСТОЯНИЕ, ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Успешное развитие российской экономики будет в значительной степени зависеть от эффективности государственного регулирования. Современный финансово-экономический кризис, который принимает перманентный характер, делает эту проблему ещё более актуальной. Отсюда актуальной становится задача по всестороннему анализу состояния государственного регулирования и путей повышения его эффективности. Многие аспекты этой сложной и многоплановой проблемы удалось выявить в ходе проведённых социологических опросов.

Прежде всего, вызывает серьёзную озабоченность процесс экономических преобразований в России. По результатам опроса 2011 года никто из опрошен-

ных не считает, что процесс экономических преобразований идёт успешно. По мнению каждого пятого респондента (19%) он идёт недостаточно успешно. Вместе с тем значительное большинство опрошенных (71%) считает, что процесс экономических преобразований в России идёт неудовлетворительно. Ещё более критической позиции в данном случае придерживаются из числа опрошенных лица старше 50 лет (89%), из регионов страны (84%), представители бизнеса (83%), экспертного сообщества (81%).

Заслуживает внимания сравнительное сопоставление оценок процесса экономических преобразований по результатам опроса 2007 и 2011 годов (см. табл. 8).

Таблица 8

Как на Ваш взгляд, идёт процесс экономических преобразований в России?
(В % от числа опрошенных)

Опросы	Успешно	Недостаточно успешно	Неудовлетворительно	Затрудняюсь ответить
Опрос 2007 года	4	44	52	0
Опрос 2011 года	0	19	71	10

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Приведённые в таблице 8 данные, прежде всего, свидетельствуют о значительном росте критических оценок процесса экономических преобразований.

**ВАЖНЕЙШИМ ПОКАЗАТЕЛЕМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

По результатам проведённых опросов деятельность Правительства РФ в целом оценивается критически. Так, по результатам опроса 2011 года только 2% респондентов оценили деятельность Правительства достаточно высоко, а 27% – недостаточно высоко.

Одновременно значительное большинство опрошенных (67%) дали критическую оценку деятельности Правительства. Ещё более критические оценки были высказаны участниками опроса из регионов страны (89%), лицами 30–50 лет (78%), старше 50 лет (82%), представителями экспертного сообщества (78%). К этому следует добавить, что по результатам опроса 2009 года критическую оценку экономической политики правительства высказали только 44% опрошенных.

Заслуживает самого серьёзного внимания оценка различных направлений экономической политики Правительства РФ. По результатам опроса 2011 года они представлены в таблице 9.

Представленные в таблице 9 данные, прежде всего, свидетельствуют о критических оценках различных направлений экономической политики Правительства. Следует подчеркнуть, что все направления экономической политики имеют по оценкам участников опроса отрицательный индекс (превышение отрицательной оценки над положительной).

Среди 15 направлений экономической политики Правительства, предложенных респондентам для оценки, наиболее критически были оценены 6 направлений экономической политики Правительства (в % от числа опрошенных) (см. табл. 10).

В среднем каждый второй из опрошенных критически оценил инвестиционную, денежно-кредитную, налоговую, структурную, энергетическую политику, политику в сфере ВПК.

Относительно менее критически были оценены: политика в сфере занятости, бюджетная политика, политика валютного регулирования, внешнеэкономическая политика.

Таблица 9

**Как Вы оцениваете различные направления экономической политики
Правительства РФ?**
(В % от числа опрошенных)

	Достаточно высоко	Недостаточно высоко	Критически	Затрудняюсь ответить
Промышленную политику	1	19	71	9
Сельскохозяйственную политику	4	15	69	12
Научно-техническую политику	4	21	65	10
Социальную политику	1	25	59	15
Политику в сфере инноваций	4	20	59	17
Демографическую политику	7	22	58	13
Инвестиционную политику	2	24	50	24
Политику в сфере ВПК	4	21	50	25
Денежно-кредитную политику	6	32	49	13
Структурную политику	5	18	47	30
Налоговую политику	7	27	48	18
Энергетическую политику	5	32	46	17
Политику в сфере занятости	3	27	42	28
Бюджетную политику	4	38	39	19
Политику валютного регулирования	6	32	33	29
Внешнеэкономическую политику	8	29	33	30

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Таблица 10

Самые дискуссионные направления

71 – промышленная политика	59 – социальная политика
69 – сельскохозяйственная политика	59 – политика в области инноваций
65 – научно-техническая политика	58 – демографическая политика

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Наконец, отметим, что критические оценки ряда направлений экономической политики по результатам опроса 2011 года, заметно, возросли по сравнению с результатами опроса 2009 года. Так, например, критические оценки социальной политики возросли с 38% до 59%; промышленной политики с 61% до 71%; энергетической политики с 36% до 46%; налоговой политики с 39% до 48%.

**ПРЕДМЕТОМ БОЛЬШОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ВНИМАНИЯ В РОССИИ
КАК И В ДРУГИХ СТРАНАХ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИНИМАЕМЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ.
ОЦЕНКИ, КАК ПРАВИЛО, НОСЯТ ДАЛЕКО НЕОДНОЗНАЧНЫЙ ХАРАКТЕР**

По результатам опроса 2011 года принимаемые Правительством РФ меры оцениваются достаточно критически. Только 4% опрошенных достаточно высоко оценили антикризисные меры Правительства, а 31% – недостаточно высоко. Вместе с тем, почти каждый второй из опрошенных (45%) критически оценил антикризисные меры. Наиболее критические оценки были высказаны представителями экспертного сообщества (54%); лицами 30–50 лет (54%); старше 50 лет (58%); опрошенными из регионов страны (63%).

Сравнение результатов опросов 2009 и 2011 годов свидетельствует о росте критических оценок принимаемых Правительством антикризисных мер с 31% до 45%. Данное обстоятельство приобретает особое значение в связи с новым обострением финансово-экономического кризиса в России и в мире.

Ещё одно обстоятельство требует к себе серьезного внимания. Оно связано с тем, что по результатам проводимых опросов значительное число респондентов затрудняется оценить принимаемые правительством антикризисные меры. Так, среди опрошенных участников Первого российского, экономического конгресса в 2009 году таких оказалось 38%. Среди опрошенных участников Общероссийского форума «Разумная экономическая программа» в 2011 году число

затруднившихся оказалось меньше – 20%. Тем не менее, среди опрошенных представителей бизнеса затруднился в оценке почти каждый третий (31%). Следовательно, правительству следует принять необходимые меры для информирования общества о принимаемых антикризисных мерах.

Критические оценки существующей экономической политики Правительства РФ в целом и её конкретных направлений делает актуальной проблему повышения роли государственного регулирования в развитии российской экономики.

Современная оценка роли государства в развитии экономики по результатам опроса 2011 года представлена в таблице 11.

Таблица 11

Как Вы оцениваете сегодня роль в развитии экономики?
(В % от числа опрошенных)

	Высоко	Средне	Низко	Затрудняюсь ответить
Государства	12	18	53	17
Бизнеса	13	44	24	19
Гражданского общества	8	11	69	12

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Приведённые в таблице 11 данные свидетельствуют о достаточно низких оценках роли государства в развитии экономики. Такого мнения придерживаются более половины всех опрошенных (53%). А среди опрошенных лиц в возрасте старше 50 лет данный показатель составляет 82%, среди опрошенных из регионов (74%), среди представителей гражданского общества (71%), среди представителей экспертного сообщества (68%).

Приведённые в таблице 11 данные одновременно свидетельствуют о достаточно низких оценках роли бизнеса и гражданского общества в развитии экономики. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является важным аргументом в пользу возрастания роли не только государства, но и бизнеса и гражданского общества в развитии экономики.

Отвечая на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сегодня усиление государственного регулирования в развитии российской экономики?» 80% опрошенных участников опроса 2011 года высказались в целом положительно (42% – безусловно, 38% – в определённой степени). Только 13% опрошенных высказали отрицательную точку зрения.

Считаем важным отметить, что сопоставление результатов опросов 2009 и 2011 годов показало возрастание экспертных оценок в сторону усиления государственного регулирования в развитии российской экономики с 70% до 80%.

Усиление роли государства в развитии экономики неразрывно связано с разработкой эффективного механизма стратегического планирования в области экономики. Здесь существует много нерешённых проблем. Ярким примером этого является разработка «Стратегии 2020». Первоначальный вариант содержал серьёзные просчёты от чего встал вопрос о разработке нового варианта «Стратегии 2020». Но говорить о быстром завершении данной работы пока преждевременно.

По результатам опроса на Общенациональном форуме «Разумная экономическая программа» в 2011 году только 15% респондентов положительно оценили новый вариант «Стратегии 2020». Каждый второй из опрошенных высказал отрицательную оценку. А более чем каждый третий вообще затруднился дать оценку новому варианту «Стратегии 2020».

Сегодня необходимо серьёзное участие государства в совершенствовании бюджетного процесса. По результатам опроса 2011 года практически никто из опрошенных не согласился с проектом федерального бюджета на 2012 год и на

плановый период 2013–2014 гг. Частичное согласие с ним выразили 39% опрошенных. Одновременно более чем каждый третий из опрошенных (35%) дал отрицательную оценку проекту федерального бюджета. А среди опрошенных лиц 30–50 лет отрицательную оценку высказало 46%, среди представителей бизнеса 52%, а среди опрошенных из регионов страны 57%.

Зафиксированная по результатам опросов значительная дифференциация в оценках различных направлений экономической политики правительства явилась ещё одним свидетельством значительной рассогласованности в действиях различных органов власти. Для преодоления этого высказываются различные предложения, в том числе о создании в стране некоего координирующего механизма для различных направлений экономической политики.

По результатам опроса 2011 большинство респондентов (57%) положительно отнеслось к данной идее. В наибольшей степени за это высказались лица в возрасте старше 50 лет (69%), представители гражданского общества (65%), участники опроса из регионов страны (63%).

Довольно активный интерес в обществе вызвала идея Президента РФ Д.А. Медведева о «большом расширенном правительстве». Несомненно, это было продиктовано его стремлением повысить эффективность деятельности правительства.

Но реализовать эту идею на практике будет не просто. По мнению каждого второго из участников опроса 2011 года данная идея президента страны не является перспективной. Только 7% опрошенных высказали безусловное одобрение, а 23% – в определённой степени.

Несомненным показателем роли государства в развитии экономики является состояние нормативно-правового регулирования экономических процессов. Тем не менее, практика даёт немало примеров, свидетельствующих об отсутствии в обществе эффективной и стабильной нормативно-правовой базы. По результатам опроса 2011 года никто из респондентов не высказал удовлетворения современным состоянием правового регулирования экономического развития. Напротив, большинство опрошенных (63%) высказали свою неудовлетворённость. При этом большинство опрошенных (53%), отвечая на открытый вопрос, высказали разнообразные предложения по законодательному обеспечению различных аспектов экономического развития.

Активная роль государства, несомненно, должна проявляться при проведении внешнеэкономической политики. По результатам проведённых опросов, внешнеэкономическая политика правительства получила относительно более высокие оценки по сравнению с оценками других направлений экономической политики.

Тем не менее, возможности государства на этом направлении используются далеко не в полной мере и недостаточно активно. По результатам опроса 2011 года, 49% опрошенных участников Общероссийского форума «Разумная экономическая программа» считают, что интеграция России в мировые экономические процессы идёт с серьёзными негативными последствиями; 62% опрошенных высказались против вступления России в ВТО; 30% опрошенных не считают реальным создание в Москве Международного финансового центра, а у 35% опрошенных есть на этот счёт сомнения; 45% опрошенных оценивают экономическое взаимодействие России со странами СНГ средне, а 42% – низко.

Принципиальное значение в оценке роли государства в развитии российской экономики имеет степень научной обоснованности государственных решений по актуальным социально-экономическим проблемам страны.

По результатам опроса 2011 каждый второй респондент низко оценил степень научной обоснованности государственных решений по актуальным социально-экономическим проблемам страны. А среди опрошенных из регионов

страны данный показатель составляет 79%, среди экспертного сообщества 73%, среди представителей гражданского общества 61%, среди лиц в возрасте 30–50 лет 57%. О серьезности этой проблемы свидетельствует сопоставление результатов опросов 2009 и 2011 годов (см. табл.12).

Таблица 12

Как Вы оцениваете уровень научной обоснованности правительственных решений по актуальным социально-экономическим проблемам страны?
(В % от числа опрошенных)

Опросы	Высоко	Недостаточно высоко	Низко	Затрудняюсь ответить
Опрос 2009 года	2	44	47	7
Опрос 2011 года	0	33	50	17

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Приведённые в таблице 12 данные свидетельствуют, в целом, не только о низком уровне научной обоснованности правительственных решений, но и об отсутствии позитивной тенденции.

* * *

В заключение ещё раз отметим важность социологического анализа актуальных проблем экономического развития российского общества.

Представленные в данной статье результаты социологических опросов, проведённых в 2007, 2009, 2011 гг. на представительных экономических форумах, убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии многочисленных проблем в развитии российской экономики. Их нерешённость будет негативно сказываться на её перспективах.

Не случайно, по результатам проведённых опросов эти перспективы оцениваются достаточно критически. Так, среди опрошенных участников Общественного форума «Разумная экономическая программа» только 14% оценили перспективы развития российской экономики как высокие. Напротив, почти каждый третий из опрошенных (31%) никаких перспектив не видит. А среди опрошенных представителей гражданского общества этот показатель составляет 52%, лиц старше 50 лет – 47%, представителей бизнеса – 45%.

Наконец, особо подчеркнём, что по результатам проведённых опросов в 2007, 2009, 2011 гг. наблюдается рост критических оценок перспектив развития российской экономики (см. табл.13).

Таблица 13

Как Вы оцениваете перспективы развития российской экономики?
(В % от числа опрошенных)

Опросы	Высоко	Недостаточно высоко	Низко	Затрудняюсь ответить
Опрос 2007 года	24	54	13	9
Опрос 2009 года	13	63	17	7
Опрос 2011 года	14	43	31	12

Источник: сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Из приведённых в таблице 13 данных видно, что по результатам опросов 2009 и 2011 годов оценки респондентов вышли на отрицательный индекс (превышение отрицательной оценки над положительной).

Считаем, что данное обстоятельство следует рассматривать в числе важнейших аргументов для выработки принципиально нового курса развития российской экономики

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 2)

Глава 5. И.В. Евдокимов

ОБЩЕСТВО И ТЮРЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПОВТОРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ИСПРАВЛЕНИИ ОСУЖДЁННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Гражданское общество во всём мире является оборотной стороной государства. Государство – не только политическая машина, это такая форма организации жизни, которая основана на государственной власти и опирается на закон, отмечал Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев¹.

А гражданское общество – это человеческое измерение любого государства. Оно хотя и действует внутри законодательного поля, но по собственным, людским законам, которые не всегда, кстати, носят юридическую форму. И сейчас уже есть понимание, что гражданское общество – это неотъемлемый институт любого государства. Институт обратной связи. Организации людей, находящихся вне постов, но активно участвующих в жизни страны.

Общественная палата Российской Федерации, стремясь оправдать своё предназначение в глазах российских граждан и государственных властных структур, активно обсуждает необходимые предпосылки для компромисса, консолидации (но отнюдь не единства) различных слоёв гражданского общества, пытается стимулировать диалог по проблемам формирования стратегии позитивного развития, совершенствования взаимодействия общества и власти.

Одной из граней диалога является проблема сосуществования законопослушной части гражданского общества с той своей частью, которая находится в местах лишения свободы. Представители его противопоставили себя обществу, нарушили закон, совершили преступления, за что осуждены судом российского государства и временно изолированы с целью исполнения наказания и исправления.

Как на этой стадии складываются взаимоотношения гражданского общества и реально существующего сообщества осуждённых преступников, изолированных в местах лишения свободы, так называемого – «тюремного населения»?

Кто же из членов гражданского общества в настоящее время по решению суда находится в местах лишения свободы? Состав осуждённых зеркально отражает сложившуюся структуру общества. Практически все слои населения – по социальному, национальному, гражданскому, политическому и религиозному составу, по сферам экономической занятости – представлены в «тюремном населении»².

При этом их семьи, близкое окружение – родители, дети, близкие родственники, друзья, коллеги по работе, по бизнесу, поделщики по преступлению, оставшиеся на свободе, продолжают оставаться частью законопослушного общества, но уже иначе относятся к осуждённым (эффект «стокгольмского синдрома») и оказывают своё изменённое специфическое влияние (правовой нигилизм, вседозволенность) на общественное мнение.

Это отдельная тема исследования проблемы общественного диалога, направленного на позитивное развитие отношений гражданского общества и государственной власти.

* * *

¹ Приведено по кн. *Кузнецов В.Н.* Гуманизм XXI. О смысле жизни Человека в 2013 году: Социологический геокультурный аспект. М.: 2013. С. 206–207.

² *Евдокимов И.В.* Гражданское общество и проблема предотвращения деятельности организованной преступности. В колл. монографии *Смысл Великой Победы* / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2010. С. 839–840.

В результате проводимой гуманизации уголовной политики в российском законодательстве в последние годы сократилось количество составов уголовных преступлений, за которые может быть назначено судом исполнение наказания в местах лишения свободы. В связи с этим численность «тюремного населения» за последние 15 лет значительно снизилась. С одной стороны, это позволило во многом решить одну из самых серьёзных проблем, непосредственно влияющую на соблюдение прав человека – обеспечение осуждённых и подследственных жилыми площадями в соответствии с нормами, определёнными действующим законодательством. С другой, более криминализированным и сложным стал состав «тюремного населения» (см. вставку 1).

Вставка 1

На 1 февраля 2014 года в учреждениях УИС содержится 674,1 тыс. осуждённых. В том числе, отбывало наказание в 735 исправительных колониях, 8 тюрьмах, 127 колониях-поселениях и 45 воспитательных колониях 601,4 тыс. осуждённых. В 230 следственных изоляторах, в 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, ждали своей участи 113,4 тыс. задержанных, подозреваемых, подследственных.

В учреждениях содержится 55,1 тыс. женщин, в том числе 45,3 тыс. осуждённых содержащихся в ИУ, ЛИУ и 9,7 тыс., содержащихся в СИЗО и ПФРСИ. При женских колониях имеется 13 домов ребёнка, в которых проживает 656 детей в возрасте до трёх лет¹.

По возрасту во время совершения преступления, осуждённые распределялись следующим образом: от 14 до 18 лет включительно – 0,3%; от 18 до 25 лет включительно – 21,1%; от 25 до 55 лет включительно – 72,2%; старше 55 лет – 6,4%.

По срокам заключения (наказания) осуждённые распределялись следующим образом: до 1 года включительно – 2,9%; от 1 до 3 лет – 19,0%; от 3 до 5 лет – 22,8%; от 5 до 10 лет – 38,4%; от 10 до 15 лет – 11,0%; свыше 15 лет – 5,9%.

Впервые осуждённые преступники – 45%, осуждённые второй раз – 23,9%, осуждённые 3 и более раз – 31,1%.

В том числе: осуждены за убийство – по ст. 105 УК Российской Федерации – 26,7%; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – по ст. 111 – 5,4%; грабёж, разбой – по ст. 161, 162 – 17,1%; преступления, связанные с наркотиками – по ст. 228–234 – 21,3%; изнасилование, насильственные действия сексуального характера – по ст. 131 – 2,5%; кража по ст. 158 – 16,6%; вымогательство – по ст. 163 – 0,6%; хулиганство по ст. 213 – 0,24%.

Сложившаяся за полтора столетия политика организации и исполнения наказания в России была направлена, прежде всего, на обеспечение изоляции преступника от общества в тюрьмах или направление его в ссылку, предпочтительно в удалении от больших городов.

В период индустриализации народного хозяйства 30-х годов прошлого столетия, когда потребовалось использование мобильной и сравнительно недорогой рабочей силы осуждённых, вместо тюрем и ссылки стали использоваться – «исправительно-трудовые лагеря», а затем – «исправительно-трудовые колонии» (далее – ИТК), имеющие более развитую инфраструктуру и всё, что минимально необходимо для длительного проживания больших масс людей². Основным показателем деятельности ИТК стало выполнение производственного плана, что потребовало создание больших по наполняемости осуждённых учреждений, распределённых на отряды по 85–120 человек. Что породило строительство барачных помещений для проживания членов отряда в общежитиях «камерного» типа по 50–100 и более человек с двух-трёхъярусными койками для сна.

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы на 01.02.2014. Официальный сайт ФСИН.

² Филимонов О.В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России / Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступности в современной России. М.: СГУ, 2013. С. 89.

Такое размещение контингента затруднило управление колониями. Усложнилось осуществление постоянного надзора за осуждёнными, особенно в ночное время, что привело к ослаблению воспитательного воздействия и снижению эффективности профилактической работы сотрудников по предупреждению правонарушений. Осуждённые, проживающие в таких общежитиях, оказались беззащитными от террористических посягательств на их жизнь и здоровье со стороны отрицательной части осуждённых¹.

Соответственно основными задачами сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний является регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осуждённых, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осуждённым помощи в социальной адаптации и ресоциализации (см. вставку 2).

Вставка 2

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года² (далее Концепция) определены цели реформирования УИС, в том числе:

– повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осуждёнными и потребностей общественного развития;

– сокращение рецидива преступлений, совершённых лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счёт повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

– гуманизация условий содержания лиц, заключённых под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в апреле 2013 г. провёл специальное заседание на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». В принятых рекомендациях отмечалось, что ход реализации Концепции, вызывает серьёзную тревогу правозащитников, экспертов и гражданского общества в целом. Два с половиной года проведения реформы свидетельствуют о том, что основные цели, которые общество ожидало от неё, так и не были достигнуты.

Усилия ФСИН России реализовать указанные положения Концепции отвлекают на решение заведомо невыполнимой задачи и без того небольшие ресурсные возможности УИС, что, в свою очередь, порождает развитие кризисных явлений в уголовно-судебной политике и практике исполнения уголовных наказаний. В частности, попытки переложить на осуждённых и их родственников затраты на улучшение условий отбывания наказания в колониях привели к серьёзным нарушениям прав человека. Особенно наглядно это продемонстрировали события в ИК № 6 Копейска Челябинской области в ноябре 2012 года, ставшие предметом общественного расследования членов Совета при Президенте РФ.

Сохраняются проблемы в обеспечении занятости осуждённых трудом, нарушаются права осуждённых на справедливую оплату и благоприятные условия труда, буксует развитие пенитенциарного производства. Несмотря на то, что труд осуждённых признаётся одним из основных средств исправления, большая часть осуждённых не работает. Оплата труда значительного числа осуждённых остаётся недопустимо низкой. Это негативно сказывается и на процессе возме-

¹ *Фефелов В.А.* Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений Российской Федерации (Социально-правовое обоснование уголовно-исполнительной цивилизации исправительных учреждений): Монография. Рязань, 1992. С. 16–18.

² Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Официальный сайт ФСИН России.

щения материального ущерба, нанесённого преступлением, ущемляет законные интересы потерпевших¹.

В условиях острого социально-экономического кризиса конца прошлого века акцент в очередной попытке реформирования УИС был сделан не на оптимизацию ИУ, а на обеспечение прав, свобод и законных интересов осуждённых, в соответствии с новой Конституцией РФ и обновлённого уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. При этом процесс реформирования носил односторонний характер, будучи направлен на совершенствование правового положения осуждённых и условий отбывания наказаний, не затрагивая персонал ИУ.

Социальная защищённость сотрудников значительно снизилась, что привело к оттоку квалифицированных кадров, породило неблагоприятную социально-психологическую обстановку в УИС, создало условия для коррупционных и иных правонарушений в отношении осуждённых.

В результате с 2005 года в местах лишения свободы стало возрастать число коллективных выступлений и массовых неповиновений осуждённых, носящих ярко выраженный протестный характер (групповой отказ от приёма пищи, групповые членовредительства, не опасные для здоровья). При этом осуждённые заранее извещали о готовящихся акциях своих родственников, знакомых, правозащитные организации, ориентированных на защиту представителей криминального сообщества, средства массовой информации для придания своим действиям определённый общественный резонанс. СМИ в свою очередь пытались привлечь к таким сообщениям международное внимание. Всё это вызывало естественную обеспокоенность общественности, порождало ощущение общего неблагополучия дел в УИС².

Современное общество озабочено, с одной стороны, ограждением законопослушных граждан от преступников, причём у части населения бытует мнение – «посадили, значит навсегда», а с другой стороны – довольно беспечно воспринимает проблемы, связанные с обеспечением возврата правонарушителей в общество без ущерба для окружающих лиц.

Временная изоляция осуждённых граждан завершается возвращением их в общество по истечении срока наказания, возможного условно-досрочного освобождения или амнистии, а также, иногда, путём совершения побега из мест «не столь отдалённых». Какие здесь выстраиваются взаимоотношения освобождённых с представителями гражданского общества?

Проводимая реформа уголовно-исполнительной системы в духе новой редакции Европейских тюремных правил³ ориентирована на переход от задач «исправления» к задачам «сохранения и развития личности». Оказание осуждённым помощи в социальной адаптации, как в ходе исполнения наказания, так и после освобождения, теперь является приоритетной задачей всей уголовно-исполнительной системы России. Соответственно должны перестраиваться основы взаимоотношения гражданского общества и правоохранительных структур власти.

При этом, как отмечал начальник ГУФСИН России по Республике Башкортостан генерал-лейтенант внутренней службы Виктор Шалыгин в беседе с жите-

¹ Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы». Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации.

² Филимонов О.В. Там же. С. 95–96.

³ Пояснительная записка к Европейским пенитенциарным правилам. В сб. Защита прав человека в местах лишения свободы. М.: Юриспруденция, 2003. С. 111–114.

лями Республики: «У наших людей есть определенный менталитет, стереотип мышления. В тот момент, когда совершается преступление, люди готовы растерзать преступника. И упаси Бог, им в этом будут мешать органы власти, полиция. Но как только совершивший преступление попадает в сферу правоохранительных органов или судебной системы, он сразу становится страдальцем. И, что характерно – абсолютно забывается тот человек, который пострадал»¹.

В общественном мнении на первый план уже выходит не исполнение наказания, назначенному судом преступнику, не его изоляция от общества с целью защиты общественного спокойствия и предупреждения новых преступлений, а забота о комфортном содержании осуждённого преступника, защита его прав и законных интересов в местах лишения свободы. С наивной верой, что это, обеспечит его духовное законопослушное исправление, приведёт к отказу от участия в дальнейшей криминальной деятельности.

За последние 10 лет из исправительных учреждений УИС (далее – ИУ) освобождено почти 2,5 млн осуждённых. В среднем, ежегодно возвращалось к прежней жизни примерно 260 тысяч человек. При этом все они несли с собой груз новых понятий, установок «тюремного сообщества», поддерживая сложившиеся связи, контакты, зависимости, а также передавая своё отношение, «тюремную идеологию» семьям, детям, родственникам, друзьям и знакомым. Можно согласиться с мнением ряда российских аналитиков, что «тюремная субкультура» активно поддерживается почти пятой частью населения страны. Мы видим подтверждение этому в «сленге» на эстраде, в СМИ, на ТВ, в Интернете. Даже в официальных выступлениях ряда российских руководителей верхних эшелонов власти иногда присутствует риторика криминальных структур и ОПГ.

В то же время, значительная часть общества встречает своих освобождённых граждан, надеясь на их исправление, веря, что они «хлебнув тюремной баланды», уже не совершат нового преступления. При этом не учитываются изменившиеся взгляды, интересы людей, прошедших тюремную изоляцию, не оказывается необходимое содействие в процессе их адаптации и ресоциализации в законопослушном обществе.

Учение о целях наказания – одно из наиболее дискуссионных как в истории, так и в современной теории уголовного права. Достижение конечной цели наказания зависит от успешного решения конкретных задач по использованию наказания в определённых социальных условиях, обеспечению его неотвратимости и строгой индивидуализации². Определяя цель наказания – исправление осуждённого – как конечный социальный результат, законодатель исходит из того, что её достижение предполагает многогранную функциональную деятельность государственных органов по осуществлению и достижению целей наказания.

Осуществить же эти превращения в облике преступника, перевоспитать, сформировать его убеждённости в необходимости законопослушного поведения, по мнению большинства членов общества, должны сотрудники системы исполнения наказаний. При этом, довольно значительная часть населения, с подачи «правозащитников» и ряда СМИ убеждена, что все «тюремщики» (как они называют сотрудников УИС) только измываются и калечат осуждённых.

В соответствии с идеалами и ожиданиями общества российским законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) установ-

¹ Эл. ресурс. http://xn--h1akkl.xn--p1ai/news/index.php?ELEMENT_ID=70545

² Зубкова В.И. Исправление осуждённых: реальность и ожидание перемен / Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. С. 119–120

лена цель исправления, но при этом определения понятия «исправление осуждённого» Кодекс не даёт¹. Оно раскрыто в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ): «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование право послушного поведения»².

Для действительного исправления осуждённого, прежде всего, необходима перестройка нравственных параметров, выявление и воздействие на те, психологические черты личности, совокупность которых ранее обусловили совершение преступления и которые вновь могут проявить себя.

История российского уголовного законодательства показывает, что устанавливая виды наказания, их характеристику и содержание государство всегда устанавливало цели и задачи уголовного наказания с учётом мнения общества. Государственная политика всегда была направлена на достижение положительного результата: избавить провинившихся граждан от негативных взглядов, привычек; приучить их к позитивным правилам поведения в обществе, выработать у них убеждения и взгляды, достойные законопослушных членов общества. При этом оградить остальное гражданское общество от преступных элементов и пресечь в дальнейшем возможность совершения повторных преступлений.

Привлечение общественности к деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы соответствует требованиям международно-правовых документов. Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными определяют, что «в обращении с заключёнными следует подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство, что они продолжают оставаться его членами, общественные организации следует привлекать всюду там, где это возможно, к сотрудничеству с персоналом заведения в целях возвращения заключённых к жизни в обществе»³.

В Европейских пенитенциарных правилах подчёркивается, что следует поощрять сотрудничество с внешними социальными службами и, насколько возможно, участие гражданского общества в жизни заключённых.

В УИК РФ определено, что к основным средствам исправления осуждённых относится общественное воздействие на осуждённого (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Законодательно закреплена возможность участия общественных объединений в исправлении осуждённых, в содействии учреждениям и органам, исполняющим наказания, в контроле за их деятельностью (ч. 1,2 ст. 23, ст. 24 УИК РФ, ст. 38 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, Федеральный закон № ФЗ–76 "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания"»).

В УИК РФ названы лишь некоторые субъекты общественного контроля: общественные наблюдательные комиссии (ст. ст. 23, 24, 91 УИК РФ), попечительские советы и родительские комитеты (ст. 142 УИК РФ), средства массовой информации (ст. 24 УИК РФ).

Законодатель не даёт чёткого определения понятия общественного воздействия как средства исправления осуждённых, но анализ многочисленных

¹ Ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации.

² Ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

³ Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными. Защита прав человека в местах лишения свободы (сборник нормативных актов и официальных документов). М.: Юриспруденция, 2003. С. 38–55.

научных источников по проблеме позволяет делать вывод о том, что общественное воздействие как средство исправления осуждённых представляет собой педагогический процесс добровольного, безвозмездного влияния благотворительных, общественных и религиозных организаций на осуждённых в целях их исправления. В частности, Концепция развития УИС предусматривает ряд мер по совершенствованию сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществлению контроля за деятельностью системы (см. вставку 3).

Вставка 3

В п. 6 Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года предусмотрено:

обеспечение прозрачности в деятельности уголовно-исполнительной системы на основе широкого привлечения институтов гражданского общества к процессу исполнения уголовных наказаний, осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы;

расширение сотрудничества с неправительственными организациями;

принятие мер по содействию ОНК, в том числе их участию в обеспечении деятельности институтов условно-досрочного освобождения, подготовке рекомендаций об изменении условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения в качестве мер поощрения или взыскания, применяемых к осуждённому;

повышение роли общественных советов при Федеральной службе исполнения наказаний и её территориальных органах как координаторов взаимодействия с институтами гражданского общества;

активное включение в воспитательный процесс деятелей культуры и искусства, известных спортсменов, представителей молодёжных движений и организаций, зарегистрированных в установленном порядке;

содействие реализации общественно-гуманитарных проектов, в рамках которых создаются дополнительные стимулы к законопослушному поведению осуждённых и их ресоциализации, в частности, за счёт участия общественности в устройстве судьбы осуждённого, освобождающегося из мест лишения свободы;

привлечение общественных организаций к работе по повышению уровня правосознания и правовой грамотности осуждённых и работников уголовно-исполнительной системы;

использование потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осуждённых и работников уголовно-исполнительной системы, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

развитие благотворительности, попечительства, создание в каждом территориальном органе уголовно-исполнительной системы, а также при исправительных учреждениях попечительских советов¹.

В современных условиях законодательно закреплёнными основными средствами достижения исправления осуждённых в местах лишения свободы являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Выполнение этой задачи обеспечивают 307,1 тыс. сотрудников УИС, в том числе 217,2 аттестованных². Если судить по этим цифрам, то на каждого сотрудника в среднем приходится по четыре осуждённых преступника которых, в соответствии с ожиданиями общества, необходимо исправить, обеспечив при этом «сохранение и развитие личности».

На первый взгляд, при таком сочетании изолированных от общества осуждённых, и охраняющим их персоналом, вполне возможно оправдание надежд общества на то, что каждый сотрудник ИУ сможет лично внести вклад в исправление и развитие личности осуждённого преступника, убедить его в необходимости правопослушного поведения и этим предотвратить возвращение в криминальную среду и совершение повторных преступлений.

¹ П. 6 Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года.

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы на 01.02.2014. Официальный сайт ФСИН.

Эти задачи предусматривают служебные обязанности сотрудников УИС, в соответствии с которыми они призваны, прежде всего, обеспечить изоляцию преступников от общества, способствовать их исправлению и возвращению в общество законопослушными гражданами (см. вставку 4).

Вставка 4

В соответствии с Кодексом этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы¹, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами, призваны:

б) исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание их деятельности;

з) проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами;

и) проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию.

Представители общественных объединений, правозащитных организаций, а также ряда конфессий ставящих своей задачей защиту прав и свобод социально-уязвимых категорий граждан, в том числе, находящихся в местах лишения свободы, также считают каждого из сотрудников ИУ ответственным за положение дел внутри учреждений. При этом обеспокоенные, по их оценкам, низким уровнем исправления освобождающихся преступников, они ищут возможные формы и методы своего участия в воспитательном процессе, осуществляемом сотрудниками исправительных учреждений. В связи с этим они стремятся получить объективную информацию, доступ к осуществлению общественного контроля за соблюдением прав и законных свобод осуждённых в ИУ, а часть из них проявляют готовность содействовать сотрудникам в воспитательном процессе исправления осуждённых и профилактике повторной преступности.

Для того чтобы определить реальную возможность взаимодействия представителей общественности и сотрудников уголовно-исполнительной системы в воспитательном воздействии на осуждённых необходимо представлять весь процесс пребывания осуждённого в ИУ. Место и роль различных категорий сотрудников, обеспечивающих содержание осуждённых, режимные требования по исполнению наказания, формы и методы осуществляемого воздействия с целью воспитания, исправления личности, формирования у неё предпосылок законопослушного поведения и предупреждения повторных преступлений.

Прежде всего, представляется рациональным выстраивание схемы «вертикали управления» Федеральной службы исполнения наказаний, определяющей возможности воздействия «сотрудник – осуждённый»:

Таблица 1

Директор ФСИН России
Начальник территориального управления ФСИН России
Начальник исправительного учреждения ФСИН России
Начальник отряда осуждённых
Осуждённые

¹ Приказ ФСИН России от 11.01.2012 № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы».

Воспитательное воздействие на осуждённых непосредственно осуществляется на уровне ИУ, где отбывают наказание осуждённые. Всю деятельность ИУ по исполнению наказания осуждёнными: документирование и учёт, поддержание соответствующих условий проживания и быта, материальное снабжение, режим, медицинское обслуживание, психологическое сопровождение, обеспечение личной безопасности осуждённых и сотрудников, воспитательное воздействие, обучение, освоение профессиональных навыков, организация трудовой деятельности, культурно-массовой и спортивной работы, контакты с общественностью – проводятся под контролем начальника ИУ, в том числе он сам регулярно проводит приём осуждённых по личным вопросам.

Значительная часть сотрудников, обеспечивающих охрану, внешнюю безопасность режимного периметра тюрем, исправительных колоний, колоний-поселений, воспитательных колоний, следственных изоляторов не соприкасаются с самими осуждёнными, и лишь косвенно участвуют в воспитательном процессе. Их задача предупредить возможность побега, передачу запрещённых предметов, обеспечить защиту осуждённых и сотрудников от внутренних и внешних угроз.

На внутренней территории ИУ, где содержатся осуждённые, сотрудники, обеспечивающие исполнение режима, оперативного надзора, личной безопасности охраняемых и персонала, в большей мере взаимодействуют с осуждёнными. Основной формой их исправительного воздействия на осуждённых является осуществление чёткого и бескомпромиссного контроля за исполнением режимных требований, поддержанием дисциплины и порядка исполнения наказания, обеспечение безопасности и предупреждения преступлений. Основной формой воздействия является довольно широкий спектр взысканий¹.

Необходимость соблюдения порядка и режима исполнения наказания воспринимается частью криминально настроенных осуждённых, как ограничение, контроль за их личной жизнью. Попытки нарушения законных норм исполнения наказаний чаще всего используются при провоцировании конфликтов (см. вставку 5), организации актов неповиновения, массовых выступлений с целью дестабилизировать деятельность ИУ, с целью привлечь внимание и получить поддержку от определённой группы негативно настроенной к системе исполнения наказания общественности.

Эта сфера взаимоотношения представителей государственной власти – сотрудников отделов и служб режима, надзора, личной безопасности исправительных учреждений и осуждённых, подлежит общественному контролю в соответствии с УИК РФ и Федеральным законом ФЗ-76.

Вставка 5

О том, что это весьма напряжённая, ответственная и в значительной степени опасная сфера деятельности персонала ИУ можно судить по следующим данным. Так в 2012 году, в структуре злостных нарушений, совершённых осуждёнными, значительную долю занимали деяния, связанные с изготовлением и хранением запрещённых предметов (более 30% от общего количества), употреблением спиртных напитков и наркотиков. Количество изъятий запрещённых предметов у осуждённых увеличилось за год практически в половине регионов, что свидетельствует не только об эффективности режимных требований, но и о наличии каналов их поступления извне, а также имеющих-ся возможностях у осуждённых для их изготовления и использования внутри ИУ.

В результате ухудшилось состояние дисциплины среди осуждённых. Вырос уровень их побеговой активности, ухудшилась криминогенная ситуация в учреждениях УИС. Отмечено на 53% увеличение количества допущенных убийств в учреждениях, на 11% увеличение случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 12% возросло количество суицидов и на 18% возросло число нападения на сотрудников².

¹ Ч. 3 ст. 119 УИК Российской Федерации.

² Посмаков П.Н. Сепарация системы наказаний // Независимая газета, 05.03.2013.

Следующая группа сотрудников, непосредственно соприкасающаяся с осуждёнными в учреждении, это – незначительная по численности служба тыла ИУ, включающая медперсонал, работников столовой, магазина, банно-прачечного комплекса, производственных цехов, мастерских. Сотрудники заботятся о материально-техническом обеспечении условий содержания, быта, состоянии здоровья осуждённых. Организуют производственную деятельность, ищут заказы на выпускаемую продукцию с целью обеспечения трудовой занятости контингента, возможности погашения ими назначенных по суду материальных исков, а также для удовлетворения дополнительных потребностей осуждённых: продуктов, товаров в магазине, оплаты телефонных разговоров, подписки на газеты и журналы и т. д. При всём их добросовестном отношении к службе, надеяться на то, что именно они сумеют внести существенный вклад в исправление личности осуждённого и формирование его право послушного поведения после освобождения, довольно сложно.

Но именно в этой сфере очень полезной может быть поддержка общественности: содействие налаживанию связей администрации ИУ с производственными предприятиями и организациями различной формы собственности, имеющим возможность разместить заказы на производстве в учреждении, организация дополнительной профессиональной подготовки осуждённых, готовящихся к освобождению, с последующим содействием в трудоустройстве.

Представители общественных организации, благотворительных фондов, религиозных конфессий, имеющих значительный позитивный опыт взаимодействия с ИУ, больше надежд, в деле духовного исправления осуждённых, возлагают на работающих в исправительных колониях учителей 319 вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений и 549 учебно-консультационных пунктов, преподавателей 333 профессионально-технических училищ, библиотекарей, директоров клубов.

Эта категория персонала ИУ обеспечивает возможность осуждённым любого возраста получить основное общее и среднее (полное) общее образование, консультирует осуждённых, получающих дистанционное (заочное) среднее и высшее образование, помогает получить профессиональную подготовку по специальностям, востребованным на местном рынке труда, оказывает благотворное влияние на формирование общей культуры личности осуждённого.

Как часть гражданского общества этот, в основном, вольнонаёмный персонал, осуществляющий свою деятельность внутри ИУ, вносит свой посильный вклад в воспитание и исправление осуждённых, особенно весомый в условиях воспитательных колоний (далее – ВК), где содержатся лица, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте. Кроме проведения основных занятий в школе или в производственных мастерских ВК, многие из них проводят дополнительные групповые и индивидуальные кружковые занятия по интересам, руководят спортивными секциями. Все контакты с осуждёнными проходят в соответствии с расписанием занятий в помещении школы, производственных мастерских, клуба и спортивного зала. Поэтому мало времени остаётся на индивидуальную воспитательную работу учителей с осуждёнными, для «разговора по душам».

Привлечение общественных организаций возможно в помощь этой категории персонала ИУ в сфере проведения кружковой работы, проведения художественных конкурсов и спортивных олимпиад, организации выступлений представителей творческой интеллигенции и руководству художественной самодеятельностью осуждённых.

Представителям общественности не надо забывать, что весь персонал ИУ и ВК, осуществляет свою деятельность в непосредственном контакте с осуждёнными.

ными, в том числе, за бандитизм, убийство, насилие, терроризм, находятся на режимной территории без оружия, без индивидуальных средств самозащиты. Их единственное оружие – слово и убеждённость в правоте своего дела.

Непосредственно принимают участие в процессе исправления осуждённых, формировании основ их законопослушного поведения в период исполнения наказания и подготовки к освобождению сотрудники отделов воспитательной работы ИУ: начальники отрядов и воспитатели, специалисты по социальной работе, психологи, составляющие менее 2,5% численности сотрудников системы. То есть, на одного начальника отряда, реально имеющего возможность осуществлять воспитательно-исправительное воздействие на личность осуждённого, приходится более 100 человек, на одного специалиста по социальной работе – более 400, на одного психолога – от 300 до 600 человек.

Фактически именно они, как представители государственной власти, являются тем постоянно действующим связующим звеном между всем законопослушным гражданским обществом и осуждённой частью криминального сообщества, которая временно находится в местах лишения свободы. Именно в общении этих сотрудников и осуждённых происходит постоянное достижение компромисса или обострение конфликтов, противостояния интересов, борьба идеологий законопослушного гражданского общества и идеологий правового нигилизма, индивидуализма, вседозволенности криминального сообщества.

От знаний, умения, личного отношения к работе сотрудников воспитательных отделов учреждения зависит возможность воздействия на процесс исправления личности осуждённых, на их выбор духовных идеалов, жизненных ориентиров, а в итоге на определение гражданской позиции освобождающихся, на возможность их отказа от совершения повторного преступления.

При этом необходимо учитывать, что психолог и социальный работник, проводят свою работу только по запросам осуждённых, с теми, кому практически нужна их помощь и сопровождение. Социальные работники помогают в оформлении паспортов, пенсионных дел, запросов о сохранности жилья, возможностях трудоустройства после освобождения и т. д.

Психологи по согласованию с осуждённым, оказывают им необходимую помощь в преодолении имеющихся наркотических и алкогольных зависимостей, способствуют адаптации к жизни в условиях временной изоляции.

Деятельность начальника отряда носит комплексный характер и направлена на решение разнообразных задач: организационных, хозяйственных, административных и других. Основной же функциональной обязанностью его является организация и проведение воспитательной работы с осуждёнными. То есть, его деятельность в первую очередь направлена на решение сложной задачи – исправление человека, нарушившего закон и содержащегося в местах лишения свободы.

Начальник отряда как дирижёр оркестра направляет и координирует воспитательное, исправительное воздействие на членов своего отряда, постоянно корректирует его, добиваясь позитивного индивидуального, необходимого конкретному осуждённому результата. Только в таком комплексном воздействии можно добиться изменения личностных ориентиров осуждённого, признания им необходимости жить и действовать по законам гражданского общества, заложить основы успешной ресоциализации и социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы.

В исправительных учреждениях строгого, общего режима, колониях-поселениях формирование отрядов в большей степени определяется наличием спальных помещений для размещения осуждённых, а также комплектованием состава с учётом возможного использования их в процессе производства (цех,

бригада). В соответствии с законодательством, количество осуждённых в отряде от 50 до 100 человек, но фактически, в большинстве ИУ, численность осуждённых в отряде больше.

Распределение вновь прибывших осуждённых по отрядам и отделениям осуществляется комиссией ИУ по принципу педагогической целесообразности, производственной необходимости и др.

Более запущенные в нравственном и педагогическом отношении лица направляются в отряды, где имеются сложившиеся коллективы с установившимися положительными традициями.

Начальник отряда в современных условиях, фактически один организует и обеспечивает все контакты членов отряда – осуждённых преступников – с администрацией и службами ИУ, с представителями государственных и муниципальных структур, контролирующими деятельность исправительных учреждений, а также с представителями гражданского общества: родственниками, близкими, общественными организациями. При этом ему регулярно приходится брать на себя функции начальника другого отряда, подменяя друг друга в период его отсутствия (отдых, выходной, исполнение поручений руководства ИУ).

Роль и функции начальника отряда ИУ определены уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами¹. Чтобы лучше представить его обязанности и возможности воспитательно-исправительного воздействия на осуждённых, познакомимся с фотографией его рабочего дня (см. вставку 6).

Вставка 6

Рабочий день начальника отряда начинается с подъёма осуждённых, проведения физической зарядки по-отрядно. Проверяется 100% участие осуждённых, внешний вид каждого, нарушения формы одежды, отклонения во внешнем физическом состоянии. Затем три раза в сутки вывод отряда в столовую, развод на занятия в школу или профессиональное училище, вывод на производство, а также по заявкам в медсанчасть, в баню, к психологам, в магазин, к адвокату по апелляциям на решения суда, к родственникам на свидание.

Подготовка документов: аттестационных листов на каждого осуждённого на комиссию учреждения по оценке поведения, определения степени исправления и условий отбывания наказаний; в суд для рассмотрения ходатайства осуждённого об условно-досрочном освобождении. Подготовка рапортов о взысканиях по фактам нарушений осуждёнными установленного порядка отбывания наказания, о постановке на профилактический учёт, а также о мерах поощрения для тех, кто активно участвует в жизни отряда, вносит позитивный вклад в культурно-массовую работу, отличился в школе или на производстве.

Подготовка заседаний совета воспитателей отряда (далее – СВО), проведение регулярных общих собраний отряда. Организация групповых мероприятий культурно-массовых и спортивных мероприятий, проведение групповых и индивидуальных бесед.

Организация индивидуально-воспитательной и профилактической работы начальником отряда осуществляется дифференцированно, с учётом индивидуальных особенностей каждого осуждённого. С вновь прибывшим в отряд осуждённым проводится ознакомительная беседа с целью составления наиболее полного и непредвзятого представления о вновь прибывшем. Результаты беседы и личные впечатления записываются подробно в тетрадь индивидуально-воспитательной работы.

¹ Приказ Минюста РФ от 30.12.2005 № 259 «Об утверждении Положения об отряде осуждённых исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний» (в ред. приказов Минюста РФ от 06.06.2006 № 206 и от 23.08.2012 № 165).

Уже на этой стадии возможно привлечение общественных организаций к исправительному воздействию на осуждённых, показать, что он не забыт обществом. Особенно ценно такое сопровождение, если осуждённый прибыл из отдалённых районов или других субъектов страны. Такой опыт есть в деятельности Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края (далее – БВК)¹.

Так, областная общественная организация «Молодёжный Центр развития личности», имеет своих представителей во всех районах Краснодарского края, откуда поступают в БВК несовершеннолетние осуждённые. По запросу социального работника БВК представители Центра посещают организации, куда направлены письма из колонии и способствуют более быстрому получению ответов, дополняют информацию о личности осуждённого, его увлечениях и возможностях, о его отношениях в семье, о друзьях и окружении, о причинах совершения преступления, высказывают свои предложения по организации с ним воспитательной работы. Представители Центра из всех районов края ежемесячно проводят встречи с воспитанниками БВК, на которых в личных беседах информируют о событиях в районе, возможностях трудоустройства, принимают просьбы о решении с администрацией возникших у ребят проблем, навещают их семьи.

Через месяц начальник отряда проводит повторную беседу и анкетирование, а по итогам информирует психологов учреждения об осуждённых, трудно адаптирующихся в отряде, замкнутых, подавленных, находящихся в депрессивном состоянии.

Успешное осуществление воспитательной работы с осуждёнными в отряде, её результаты во многом зависят от уровня взаимодействия начальника отряда с сотрудниками отделов и служб ИУ, а также с учителями вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений, преподавателями и мастерами профессиональных училищ, действующих на территории ИУ и ВК. Одной из организационных форм воспитательной работы с осуждёнными в отряде является совет воспитателей отряда (далее – СВО). Начальник отряда, как председатель СВО организует его работу, осуществляет распределение обязанностей между его членами, даёт отдельные поручения по вопросам проведения воспитательной работы в отряде, подводит итоги деятельности и вносит предложения по совершенствованию работы СВО.

Через 6 месяцев с момента прибытия осуждённого в отряд члены СВО на вновь прибывшего осуждённого дают оценку за период адаптации для аттестационной комиссии (для первичной аттестации). Они высказывают своё мнение о данном осуждённом за время его пребывания в отряде, дают оценку степени исправления осуждённого. Если признана положительная степень исправления, то наставничество прекращается, если сделан вывод, что осуждённый не стремится к исправлению, то работа членов СВО с конкретным осуждённым продолжается до следующей аттестации.

Чтобы оценить степень исправления осуждённых, проводится ежегодная аттестация по системе «социальных лифтов». На этом этапе исполнения наказания, приглашённые члены ОНК, Общественного совета, представители уполномоченного по правам человека и по правам ребёнка субъекта РФ, общественных объединений, принимают участие в работе административных комиссий ИУ, ВК с правом совещательного голоса, совместно с начальником отряда определяют степень исправления осуждённого. В 2013 г. члены ОНК более полутора

¹ Актуальные вопросы работы с несовершеннолетними осуждёнными [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции. Аксаково, 18–20 июня 2013 г. М., 2013.

тысячи раз участвовали в заседаниях комиссий. В то же время, учитывая численность осуждённых в местах лишения свободы, графики прохождения ими аттестации по системе «социальных лифтов», возможности участия в заседаниях комиссий представителей общественности весьма ограничены.

Оценка исправления отражается в характеристике осуждённого, направляемой с суд для решения вопросов изменения условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

При работе с различными категориями осуждённых (положительно характеризующимися, отрицательно характеризующимися), начальник отряда определяет для каждого из них своё, индивидуальное направление работы. Здесь и привлечение к общественно-полезному труду, и участие в культурно-массовых (спортивных) мероприятиях, проведение лекционной пропаганды, индивидуальная работа.

К осуждённым, зарекомендовавшим себя с положительной стороны, применяются меры стимулирования правопослушного поведения. Для их поощрения в ИУ и ВК создаются отряды с облегчёнными условиями содержания: маломестные комнаты для проживания с одноярусными деревянными кроватями, холодильниками, телевизорами.

Начальник отряда, хорошо зная проблемы каждого осуждённого, ориентирует деятельность сотрудников учреждения, прежде всего, социального работника, психолога, врача, на оказание конкретной помощи членам отряда, усиливая этой заботой воспитательное воздействие предпринимаемых мер. Сложнее всего, по мнению членов ОНК и ОС, обеспечить права наиболее незащищённых категорий подсудимых и осуждённых, а именно несовершеннолетних, инвалидов, женщин с детьми и лиц, страдающих психическими расстройствами.

Поэтому начальник отряда курирует деятельность социального работника по привлечению представителей общественных формирований к активизации переписки с родителями и родственниками осуждённых, содействию проведению родительских дней в учреждении (оказание помощи родителям при осуществлении поездки из других регионов в учреждение), содействию в направлении посылок и передач для осуждённых – сирот и лицам до 18 лет, лишённым родительского обеспечения¹.

Начальник отряда, совместно с администрацией ИУ, может в установленном законом порядке приглашать к участию в процессе проводимой воспитательной работы с осуждёнными родителей, близких родственников, представителей общественных организаций, постоянно взаимодействующих с администрацией ИУ, в том числе:

- общественного совета, созданного по приказу начальника территориального органа ФСИН России;
- попечительского совета при ВК или ИУ, созданного по решению руководителей субъекта Российской Федерации и территориального органа ФСИН России;
- общественной наблюдательной комиссии субъекта Российской Федерации, действующей на основе Федерального закона ФЗ-76;
- священнослужителей религиозных конфессий (см. вставку 7);
- ветеранских общественных организаций;
- родительского комитета при ВК или совета родственников при ИУ, созданного по приказу начальника ВК, ИУ.

¹ Аналитические материалы работы по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры. М., 2013.

Вставка 7

В настоящее время более 750 членов 80 ОНК осуществляют общественный контроль за обеспечением законных прав и свобод лиц, находящихся в местах лишения свободы, участвуют в работе административных комиссий ИУ, ВК по оценке поведения осуждённых, информируют общественность о результатах осуществления контроля, содействуют взаимодействию администраций мест принудительного содержания с органами государственной власти, структурами местного самоуправления и общественными объединениями субъектов РФ.

Общественные советы при территориальных органах ФСИН России (далее – ОС) созданы в 80 субъектах Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам», приказом ФСИН России от 26.01.2007 г. № 32 и ведомственными приказами начальников территориальных органов УИС.

В настоящее время численность членов ОС при территориальных органах ФСИН России составляет более 1000 человек. В их числе: представители местной администрации, коммерческих структур, образовательных, спортивных и культурно-просветительских учреждений, а также местных отделений общероссийских и межрегиональных общественных объединений, республиканских и областных организаций, правозащитных центров, творческих организаций, различных конфессий.

Попечительские советы при ВК (далее – ПС) созданы на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 13.10.1997 г. № 1295. Среди членов ПС руководство местной администрации, коммерческих структур, образовательных, спортивных и культурно-просветительских учреждений, а также благотворительных фондов, творческих организаций, основных религиозных конфессий.

За 25 лет в учреждениях УИС построено 581 храм, из них 517 православных церквей, 51 исламская мечеть, 7 буддийских дацанов, 4 костёла Римско-Католической Церкви. Продолжается строительство ещё 37 православных храмов. Функционирует 702 молельные комнаты.

Взаимодействие администрации учреждений с общественными объединениями и религиозными конфессиями осуществляется на основе заключённых соглашений, договоров, совместных программ сотрудничества по вопросам защиты прав и законных интересов осуждённых и сотрудников УИС, содействия социальной адаптации и ресоциализации осуждённых, оказанию им морального и материального содействия в улучшении условий содержания, их духовно-нравственного сопровождения. За 2012 год членами ОНК было привлечено более 150 общественных объединений, организаций и коммерческих структур для оказания духовной и материальной помощи лицам, содержащимся в учреждениях УИС. Всего в 2012 году общественными организациями была оказана материальная помощь исправительным учреждениям ФСИН России в сумме свыше 15 миллионов 800 тысяч рублей.

* * *

Активизация деятельности общественных организаций особенно важна на стадии подготовки к освобождению из учреждения по концу срока исполнения наказания или по моменту получения права на условно-досрочное освобождение. На этой стадии начальник отряда совместно с социальным работником и общественным советом активизирует взаимодействие с общественными объединениями и религиозными конфессиями по вопросам трудоустройства и содействия освобождающимся.

Представители общественности ряда субъектов РФ активно помогают администрации учреждения в решении задач по подготовке осуждённого к освобождению, закреплению результатов исправления, ресоциализации личности. Проводимые ими в рамках «Школы подготовки к освобождению» встречи, бесе-

ды направлены на решение различных социальных проблем, возникающих у осуждённых: где жить, работать, учиться, получать медицинскую помощь, как зарегистрироваться по месту жительства и т. д.

Социальные работники, подготавливая несовершеннолетних осуждённых к освобождению, направляют запросы о возможности возвращения в семью, трудоустройства, подключая к этому членов общественных организаций, а также родительских комитетов. Подобная деятельность общественности позволяет закрепить достигнутые результаты исправления в ходе исполнения наказания и морально поддержать освободившегося в первые недели возвращения в гражданское общество.

Во многих субъектах РФ налажено конструктивное взаимодействие с общественными и религиозными организациями, центрами социальной реабилитации по оказанию помощи освободившимся из мест лишения свободы. В настоящее время функционирует порядка 90 таких центров, но этого катастрофически недостаточно.

По инициативе общественных организаций регионов, ОНК при поддержке региональных общественных палат, общественных объединений, совместно с органами власти субъектов Российской Федерации разработаны и действуют более 200 региональных нормативных правовых документов, регулирующих вопросы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, их трудоустройства, квотирования рабочих мест, обеспечения жильём, оказания им медицинской или иной помощи.

Проблемы диалога освободившегося «тюремного населения», ресоциализации его в гражданском обществе – тема отдельного исследования.

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются необходимость и возможность модернизации доверия под воздействием объективных и субъективных факторов на новом этапе социально-экономического развития России. Достоверность социологических показателей, анализ реальных параметров доверия в пространстве и времени выдвигаются в качестве неотъемлемых условий целенаправленного обновления доверительных отношений.

Ключевые слова: социально-психологическое пространство, процесс доверия, реальные акторы, достоверность информации.

Проблема взаимосвязи процессов модернизации и доверия не теряет своей актуальности. Экономические и политические кризисные явления последних лет не снимают эту проблему, а лишь высвечивают её новые грани¹.

Появляются важные *инновации* в подходах к проблеме доверия в условиях начинающейся модернизации. Это – признание целесообразности программно-целевых способов развития социального доверия и его поступательная институционализация, закрепление нравственных норм в законодательстве.

Существенное значение доверия для модернизации российского общества признают и акцентируют, хотя и с разной степенью позитивных и негативных оценок, все участники политического процесса. Президент России В.В. Путин неустанно агитирует за сохранение доверия общества к власти в целом. 2 октября 2012 года на инвестфоруме «Россия зовёт!» он говорил о том, что и мировая, и российская экономика нуждается в доверии, призывая, в частности, «укреплять» и «завоёвывать» доверие граждан к финансовым и государственным институтам².

Председатель Государственной Думы Российской Федерации Е. Нарышкин выдвинул конструктивную идею создания общенациональной стратегической программы модернизации культуры, в т. ч. для формирования «привычки» к цивилизованному, основанному на взаимном доверии, диалогу общества и власти. Владелец и редактор «Независимой газеты» К.В. Ремчуков выступил на радио «Эхо Москвы» с «диагнозом улетающего доверия» и предложением «создать программу поэтапных мер по возрождению доверия общества к власти»³.

В Общественной палате И.Е. Дискин и М.В. Островский подготовили законопроект об общественном контроле, базовые положения которого: «Рост доверия к государству – императив. Без него растёт уклонение от норм закона, коррупция. Доверие невозможно без участия граждан»⁴.

В то же время, по утверждению оппонентов режима, в т. ч. авторов Центра стратегических разработок, обостряется дефицит доверия к политическим институтам, включая правительство, официальное телевидение и церковь. Эксперты ЦСР убеждают (прежде всего, видимо, заказчиков – Комитет гражданских инициа-

¹ См., например, доклады на секции «Доверие как стратегический ресурс развития общества» / Материалы Всероссийской научной конференции: Человек в экономических и социальных отношениях. Москва. 4–5 октября 2012. С. 220–263; Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М., 2012. С. 34–39, 185–191; С. 6–16; Дискин И.Е. Модернизация России: Сохранится ли после 2012 года? М., 2011. С. 91, 105, 121, 133–134; Moelling G. Process Views of Trusting and Crises // Social Science Research Network. 13. July 2012.

² www.президент.рф

³ www.echo.msk.ru

⁴ www.oprf.ru

тив А.Л. Кудрина), что «тенденция к падению доверия набрала инерцию и стала необратимой»; «в ближайшей перспективе властям придется волей-неволей смириться с дискомфортом от неуклонного падения доверия населения»¹.

Однако декларации типа «модернизация невозможна без доверия» малопродуктивны как для аналитической, так и для практической работы. Следует рассмотреть более детально рабочую гипотезу: **Для того чтобы доверие в современной России действительно стало ресурсом модернизации, требуется соответствующее обновление как самого феномена, так и методов его изучения и измерений.** Предпосылками предварительного анализа выдвинутой гипотезы могли бы стать следующие отправные точки.

Пункт первый. Доверие поддается модернизации, поскольку это – динамический, протяжённый во времени феномен – процесс, изменения которого можно также рассматривать в иных координатах социально-психологического пространства (например, рациональность, духовность, активность)².

Необходимость и возможность обновления доверия определяются вступлением российского общества в **новый этап развития** после завершения постсоветских реформ и восстановительного периода. Если происходят существенные перемены в социокультурном и экономическом контексте³, то современное общество под воздействием объективных факторов воспроизводит **новый тип доверия**. «Этот новый тип отношений основан на рациональном восприятии действий других в отличие от культурно-детерминированного доверия в традиционных обществах»⁴.

Пункт второй. Доверие возможно модернизировать целенаправленными усилиями государства и общества, – в ходе реализации программы развития культуры доверия⁵, которая может быть построена с использованием конвертации, коррекции, блокирования и иных способов регулирования параметров доверия в пределах его сопряжения с родственными, но не идентичными феноменами веры, уверенности, надежды⁶.

Пункт третий. Принципиальную значимость для обновления доверия приобретает точная адресность, конкретизация реальных субъектов, акторов доверительных отношений. Это означает, прежде всего, отказ от привычной, по сути, не научной, а публицистической редукции отношений реальных социальных групп и конкретных институтов к произвольной абстракции «Народ vs Власть»⁷.

Пункт четвёртый. Необходимо учитывать особенности доверия «порусски», которое в результате социокультурной травмы 1990-х годов утратило многие позитивные черты, сохранив в основном патерналистские и инерционные варианты феномена и вследствие этого уже почти не выполняет свойственных

¹ Коммерсант, 2012, 14 сентября.

² Данкин Д.М. Высокие гуманитарные технологии: доверие в 3-D пространстве // Новые технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. Сборник трудов XIX международного конгресса. М., 2009. С. 483–487.

³ Данкин Д.М. Доверие. Ожидания. Эволюция // Безопасность Евразии, 2011, № 2. С. 235–260.

⁴ Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. М., 2011. С. 11. Возможно, противопоставление рациональных и «культурно-детерминированных» компонент доверия не столь однозначно и требует дополнительной дискуссии.

⁵ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge. 1999. P. 132–138; Данкин Д.М. Доверие к субъекту перемен // Безопасность Евразии, 2010, № 2. С. 87–106; Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии, 2009, № 1 С. 203–218.

⁶ Данкин Д.М. Доверие как фактор стабильности // Учёные записки ИМЭИ, 2012, т. 2, № 1. С. 7–23.

⁷ Шкаратан О.М. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 63–72.

ему социально-психологических функций: интеграции, сплочения, прогнозирования, стабилизации, сокращения транзакционных издержек¹.

Прежде чем перейти к более развёрнутому изложению аргументов обратимся к основным положениям той концепции доверия, которую я исповедую.

ВИДОВЫЕ ЧЕРТЫ ФЕНОМЕНА «ДОВЕРИЕ»

Из довольно многообразного рода социально-психологических отношений доверие выделяется специфическими *видовыми* параметрами. Уместно напомнить некоторые из важнейших черт доверия, которые более глубоко исследованы отечественными и зарубежными учёными уже в XXI веке.

Во-первых, это – степень свободы выбора целесообразной стратегии деятельности (модели поведения), то, что в западной «трастологии» называют «агенсу». Во-вторых, это – принципиально не устранимая до конца неопределённость реакции партнёра. Если контекст вариантов выбора модели поведения жёстко минимизирован экономическими, политическими, духовными ограничениями, или патологией психики, человек может *верить* предначертаниям свыше, *надеяться* на благотворительность, быть *апатичным или агрессивным*. Но у него практически нет возможности *доверять*. Если же человек заранее знает на 100% (что случается крайне редко), чем ответит на его действия партнёр или контрагент, значит, он абсолютно *уверен*, и тогда отпадает необходимость рисковать, действовать отчасти «на авось», становиться уязвимым, зависимым, то *есть* – *доверять*.

Итак, предпосылками доверия, без которых оно теряет сущностные свойства, переходит в разряд других, пусть и родственных, феноменов, являются: а) свобода выбора актором модели своего поведения, т. н. «агенсу» и б) неопределённость, непредсказуемость до конца ответной реакции (второго) других участников доверительных отношений.

Вычленив собственно исследуемый феномен на практике в естественном конгломерате родственных явлений не просто, даже если учёным удастся когда-нибудь достигнуть консенсуса по таким видовым критериям личности, как наличие ситуации выбора, риска, уязвимости доверителя, неопределённости ожиданий, диктующей т. н. «скачок веры» – «leap of faith» и соответствующие «уловки мышления» на грани **рационального и бессознательного**².

Видовые характеристики социального доверия формируются исторически, в ходе эволюции человечества, обществ и общностей³. Механизм доверия включает в себя фазы складывания аттитюда, предрасположенности индивида к доверительным отношениям (противоположность этому – мизантропия, недоверие ко всем и каждому).

Затем следует (может наступить) фаза интерпретации (идентификации) и, – через «скачок веры», – фаза непосредственного позитивного ожидания. Алгоритм доверия может реализоваться в соответствии с *темпом социализации личности* и с решением *актуальных*, ситуационных задач.

Исследователи всё больше склоняются к динамической концепции доверия, рассматривают его как процесс, формирующийся или деградирующий во времени или в других координатах социально-психологического пространства⁴.

¹ *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М., 2010.

² *Moellering G.* Trust: Reason, Routine, Reflexivity. Oxford. 2006.

³ *Welzel Cr., Inglehart R.* Agency, Values and Well – Being: A Human Development Model. Springerlink.com. 18 February 2010; *Данкин Д.М.* Доверие. Ожидания. Эволюция // Безопасность Евразии, 2011, № 2. С. 235–260.

⁴ *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство личности. М., 2012; *Moellering G.* Process Views of Trusting and Crises // Social Science Research Network/ 13. July 2012.

Полезным может быть, в частности, объёмное, трёхмерное представление о доверии в сфере, намеченной векторами а) рационального знания, б) веры, духовности и в) воли, деятельности.

Соотношение отрефлексированных, институализированных компонент доверия с бессознательными и деятельностью характеризует многочисленные разновидности доверия и пороговые границы с родственными феноменами, в т. ч. – с апатией или с недоверием.

ДОВЕРИЕ КАК ПРОЦЕСС

Модернизация доверия не просто необходима, но и возможна, в частности, потому что доверие – это процесс. Динамичность, протяжённость во времени является принципиальной характеристикой этого феномена, у которого как частные случаи могут быть зафиксированы отдельные статические состояния. Иными словами, мы нередко встречаем рутинные, привычные проявления доверия с «нулевой скоростью» развития; но это вовсе не означает, что всегда и все разновидности данного феномена статичны, неподвижны.

Процесс доверия развивается гетерохронно, т. е. по меньшей мере, тремя различными социальными темпами, которые я бы обозначил как:

- 1) культурно-цивилизационный (десятки поколений, века, тысячелетия);
- 2) ценностно-трансформационный (несколько поколений, десятилетия);
- 3) возрастной (в течение жизни и социализации индивида);
- 4) актуальный (соизмеримый с повседневной практикой личности или (общности).

Вряд ли мы (наше поколение, учёные, политики, эксперты) можем заметно повлиять на цивилизационные, «тектонические сдвиги» в свойствах доверия. Но они есть, происходят, становясь современными, модернизируясь соответственно ходу истории.

Сравните документированные оценки доверия среди руссов – русских во времена первых Рюриковичей и 5 столетий спустя, при Василии Тёмном. Арабский географ ибн Русте упоминал в X веке: «Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное»¹. А Карамзин писал о доверительном сплочении москвичей в ситуации XV века, когда ордынцы взяли великого князя Василия в плен, а бояре разбежались. «Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища, Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия и Москву из пепла»². Несложно вспомнить различия т. н. «всеобщей большевистской бдительности» 30-х годов прошлого века и доверчивости к либералам-реформаторам конца столетия.

Можно привести и другой пример перемен в характере доверия, обусловленных исторической конкретикой: как верил, а не веровал Иван Грозный князю Курбскому (XVI век), почему безоглядно доверял Павел I фон Палену (XVIII век), чем закончилось «исключительное доверие» Николая II П.А. Столыпину и как оправдывались, стремились Молотов и Жуков вернуть утраченное доверие Сталина к ним (XX век)³.

¹ Цит. по: Пчелов Е.В. Рюрик. ЖЗЛ. М., 2012. С. 198.

² Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1987. С. 404–405.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград, 1979. С. 38–39, 148–149; Струков Д.Б. Столыпин. На пути к великой России. М., 2012. С. 212–238; Пихоя Р.Г. Сорок лет после войны. М., 2006. С. 172; Политический класс, 2005, № 6. С. 125.

Ныне динамические концепции доверия становятся мейнстримом изучения данного феномена. «Показать, как и почему изменяется доверие в ходе исторического развития... понять процессуальную природу доверия» – такую задачу ставит известный петербургский специалист по этой проблематике Юрий Витальевич Веселов, подчёркивая, что «нельзя считать доверие неизменным явлением, доверие – это процесс, если развивается общество, то меняются природа и формы проявления доверия»¹.

В недавней своей работе "Process Views of Trusting and Crises" ведущий западный исследователь данного феномена, ныне профессор Бременского университета, Гвидо Мёллеринг развивает заявленную им ранее тему изменений доверия во времени, сущностно и методологически отличающуюся от статики, от подхода к доверию как результату, «выходу»². Он не только настойчиво призывает изучать доверие как процесс, нарочито употребляя глагольную, деепричастную (т. е. выражающую действие, деяние) форму термина «доверие» – «trusting», но и детализирует основные формы проявления, механизмы, так сказать, «ипостаси» этого процесса. К таковым, по Мёллерингу, относятся 1) длительность, непрерывность (continuing), 2) обработка информации (processing), 3) взаимное обучение (learning), 4) становление личности (becoming), 5) структурирование институтов, организаций, правил игры (constituting).

Терминологию динамической концепции доверия очень трудно перевести на русский. «Trusting» – как «доверение» звучит коряво, не намного лучше и «оказание доверия». Но надо найти лингвистическое решение для выражения смысла доверия как действия, акта, процесса. Важен именно процессуальный взгляд на этот феномен, в частности, для разработки путей его модернизации.

Мёллеринг не случайно подчёркивает: «Недостаточно сказать, что кризис сократил доверие, или дефицит доверия стал причиной кризиса. Надо обязательно включить анализ того, как изменился процесс «доверения», в каких аспектах он стал сложнее»³.

Трудно согласиться с Ю.В. Веселовым в том, что в современном обществе уже повсеместно господствует рациональный тип доверия, что «современный тип доверия не вырастает из досовременного, это скорее противоположности» Однако питерский социолог прав в главном: нужна динамическая концепция доверия. «Можно соглашаться или нет с предложенной трактовкой социально-исторических форм доверия, но совершенно очевидно, что вне динамики и развития нельзя понять и процессуальную природу доверия, его социальные функции»⁴.

Новый этап – новые явления

Определение нового этапа развития нашей страны как периода, когда постсоветские реформы завершены и исчерпаны, связанные с ними социокультурные травмы залечены, и пришла пора целеустремлённой модернизации экономики и общественной жизни, могло бы стать, но пока не стало, осью сплочения различных политических сил. Национальное единение на основе общих целей должно «обеспечить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят единый, живой, постоянно развивающийся, и одновременно – устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм. Способный, безусловно,

¹ Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М., 2011. С. 30.

² Moellering G. Trust: Reason, Routine, Reflexivity.. 2006. P. 77–103.

³ Moellering G. Process Views of Trusting and Crises // Social Science Research Network / 13. July 2012.

⁴ Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. М., 2011. С. 14–15.

гарантировать суверенитет России и процветание граждан нашей великой державы на десятилетия вперед. Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду и доверие в отношениях государства и общества»¹. По выражению Патриарха Кирилла, мы «должны раз и навсегда подвести черту, за которой останутся годы национального унижения, паралича народной воли, нравственного одичания и социального хаоса»². Такой социально-исторический контекст, в котором на фоне неустойчивой экономики и неуправляемой стратификации общества происходит критический сдвиг духовно-нравственных ценностей, смена с трудом понимающих друг друга поколений, очевидно, характеризуется достаточно крутыми переменами в социально-психологическом пространстве личности, прежде всего – в базовых отношениях доверия³.

Сопоставимую периодизацию постсоветского развития российского общества предлагают авторитетные отечественные учёные. Руководитель центра социокультурных изменений Института философии РАН Николай Иванович Лапин полагает, что российское общество, в частности, иерархия базовых ценностей его основных кластеров, трансформируется поэтапно. По мнению Н.И. Лапина, основанном на результатах почти двадцатилетнего мониторинга, завершены этапы радикальных социально-экономических реформ (90-е годы XX века) и стабилизации новых структур и процессов (1999–2008 годы), и мы находимся на развилке исторических путей: стагнации или модернизации возникших структур и процессов⁴. Если избирается стратегия модернизации, то соответствующим образом, программно-целенаправленно следует добиваться «возобновления», обновления, т. е. модернизации самого доверия. «Без доверия не будет эффективных модернизационных действий». Предлагается непременно учесть это обстоятельство при разработке и осуществлении программы модернизации, регулирующей современные институты власти и поведение экономических субъектов, таким образом, чтобы «из стартового взаимопонимания при осмыслении программы выросло **взаимное доверие между ключевыми субъектами**»⁵.

«Долгосрочный результат рыночного взаимодействия будет зависеть от начальных условий: если уровень взаимного доверия изначально достаточно высок, то социальная динамика имеет хорошие шансы прийти в хорошее равновесие с высоким уровнем доверия и низкими транзакционными издержками; если же этот уровень изначально низок, то рыночное взаимодействие закрепляет его и выбраться из ямы недоверия можно только вследствие большого, революционного шока»⁶.

¹ Выступление В.В. Путина на съезде партии «Единая Россия» 27 ноября 2011 г. www.eg.ru; Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия, 2012. 16 января.

² Выступление Патриарха Кирилла при открытии XVI Всемирного русского народного собора. Октябрь 2012. www.patriarhia.ru

³ Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М., 2012. С. 34–39, 185–191; Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. М., 2011. С. 6–16; Дискин И.Е. Модернизация России: Сохранится ли после 2012 года? М., 2011. С. 91, 105, 121, 133–134, 157–160.

⁴ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс, 2011, С. 3–18.

⁵ Там же. С. 15; см. также: Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. М., 2010. С. 51–53, 62–67, 81, 93, 132.

⁶ Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. С. 93. См. также: Появление нового в современном российском обществе. «Круглый стол» Полит.ру. 12 ноября 2012; участники «круглого стола» признали сложности в осмыслении нового, в том числе, отсутствие соответствующего языка, устарелость категориального аппарата.

Новизна трансформационного этапа – одна из предпосылок необходимой и назревшей модернизации доверия.

Но не пора ли окончательно признать, что российское общество «исчерпало лимит» на сокрушительные революционные перевороты и «шоковую терапию».

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ – ФУНКЦИИ НЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ

Вряд ли можно согласиться с нередко звучащими утверждениями о «тотальном недоверии», о полном исчезновении доверия в современном российском обществе. Доверие и личностное, и институциональное по определению не может исчезнуть совершенно. Оно, так или иначе, сохраняется в своих многочисленных разновидностях, между разнообразными и всё более дифференцирующимися акторами, реальными социальными группами, более или менее массовыми кластерами единомышленников, граждан равного социального статуса, приверженцев сходных ценностных систем.

Вместе с тем нельзя отрицать кризисного состояния новых и прежних типов доверия в нашей стране, сохранения его на опасно низком уровне интенсивности – около 10% от потенциальных возможностей. Неоспоримы факты невыполнения социальным доверием тех функций, которые общество могло бы осуществлять, опираясь на доверие.

Так, традиционная для увеличения социального капитала задача *сокращения трансакционных издержек* не решается, в частности, потому что вследствие дефицита доверия хозяйствующим субъектам приходится содержать дорогостоящую охрану. По некоторым данным число сотрудников ЧОП превышает личный состав регулярной армии и правоохранительных органов.

Консолидация нации не происходит, о чём свидетельствуют индикаторы протестных настроений и не снижающиеся волны эмиграции, утечки мозгов и капиталов. По данным общероссийского опроса, проведённым ВЦИОМ осенью 2012 года, более половины россиян (56%) не ощущают себя единой нацией. Прежде всего, это противники действующей власти (65%), сторонники КПРФ и непарламентских партий (67–69%), жители средних городов и селяне (61–62%). Считает народное единство реальностью почти каждый четвёртый (23%). Как правило, это одобряющие деятельность Путина (27%), сторонники партии «Единая Россия» (29%) и жители крупных городов (37%).

В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА И ДОСТОВЕРНОСТИ

Надо признать, что российские обществоведы активизировали в последние годы усилия по исследованию психологических, ценностно-культурологических, социально-экономических граней доверия. Об этом свидетельствует появление новых содержательных публикаций, на ряд которых я ссылаюсь в настоящей статье. Доверие становится лейтмотивом научных конференций и семинаров.

Таблица 1

Ослабление консолидирующей функции доверия

Если Вы считаете, что в России нет единения народа, то почему? (открытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто считает, что в России нет единения народа)	
	2012 г.
Каждый сам за себя, думают только о себе	39
Нет единой цели, идеи, патриотизма	14
Народ живёт в нищете, большая разница между богатыми и бедными	12
Люди стали более озлобленными	7
Многонациональное общество	6
Государство постаралось расколоть людей	4
Другое	2
Затрудняюсь ответить	21

Источник: Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 2157. 02.11.2012.

В рамках Всероссийской научной конференции «Человек в экономических и социальных отношениях», организованной в октябре 2012 года рядом академических и отраслевых институтов при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, работала специальная секция «Доверие как стратегический ресурс развития общества». Психологи, экономисты, политологи оживлённо и содержательно обсуждали многообразные перспективы доверия в современной России как *реального* социально-психологического феномена и регулятора жизнедеятельности человека, как элемента социального капитала, как явления духовной культуры этносов и как потенциального резерва политики модернизации и формирования социальной базы гражданского общества. Несмотря на определённую «цеховую» специализацию представители различных дисциплин сошлись во мнении, что доверие вовсе не «исчезает совсем», оно может быть целенаправленно усовершенствовано в направлении роста качественных и динамичных характеристик и послужить прагматическим ресурсом развития страны. С учётом особенностей России, её масштабов, полиментальности, меняющейся системы ценностей неприемлемы усреднённые показатели, абстрактные конструкции субъект-объектных отношений, не адаптированные к российским условиям методики соцопросов. Необходимо по-новому проводить оценку доверия конкретных акторов, рассчитывая отдельные индексы доверия по наиболее типичным и релевантным для модернизации категориям граждан¹.

Важную роль в развитии междисциплинарных и кросскультурных исследований доверия может сыграть продолжение российско-японского проекта «Социальное доверие в современном мире», которым руководят профессора токийского университета М. Сасаки и А. Ишикава и профессор МГА Н.И. Дряхлов.

В октябре 2012 г. в институте стран Азии и Африки проведена дискуссия, посвящённая подготовке очередного тома сравнительных исследований «Социальное доверие: проблемы, противоречия развития и функционирование в современной России». В ней приняли участие социологи Ж.Т. Тощенко и В.К. Левашов, психологи Т.П. Скрипкина, А.Б. Купрейченко, И.В. Антоненко, специалист по теории социального капитала О.А. Александрова и по экософии К.И. Шилин, а также другие эксперты. Был представлен и журнал «Безопасность Евразии». Дискуссия показала, каких усилий и толерантности требует от исследователей доверия (подчас скованных научно-отраслевыми углами зрения и страновой спецификой) выработка совместно приемлемых описаний предметного поля социального, ментального, межличностного и иных видов доверия, понятийно-категориального аппарата.

Трудности нахождения консенсуса очевидны. Многие коллеги придерживаются относящихся ещё к прошлому веку представлений о сущности и формах проявления доверия. Устаревшие концепции не в полной мере учитывают специфические, видовые характеристики доверия, которые отличают именно его в роду сопредельных феноменов. Ведь вера, надежда, уверенность возникают и функционируют по иным, чем доверие, закономерностям и траекториям социально-психологического пространства. Немало упреков прозвучало в адрес центров изучения общественного мнения, базы данных которых несопоставимы и в силу ряда обстоятельств не могут служить достоверной исходной информацией. Всё чаще задаётся вопрос: «Замеряют ли социологи действительно *доверие реальных групп* граждан?».

Традиционные социологические замеры доверия не дают адекватных показателей многих нарастающих перемен. Например, таких как отток капита-

¹ Человек в экономических и социальных отношениях. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 4–5 октября 2012. С. 220–245.

лов или настроения уехать из страны навсегда. По данным ФОМ, – треть молодых россиян, а по данным «Ромир-мониторинг», каждый третий горожанин – намерены эмигрировать¹. Однако тренд роста «выездных» настроений не имеет корреляции с данными о доверии правительству. Отсутствие подобной корреляции говорит о том, что методы измерения доверия устарели (см. табл. 1–3).

Ослаблена и прогностическая функция доверия. «Мониторинги», «Омнибусы», другие базы социометрических данных о доверии к институтам государства и общества годами сообщают усреднённые по стране показатели, которые колеблются в пределах статистической погрешности и не передают своевременно тревожных индикаторов общественных настроений. Из года в год повторяется констатация известных формул: «В России существует пять государственных и общественных институтов, которые пользуются наибольшим доверием граждан: это президент, глава правительства, церковь, армия и органы госбезопасности»². Как будто перемены «в верхах», нападки на РПЦ, реформы и коррупция в Вооружённых Силах совершенно не задевают общественное сознание.

Весьма затруднительно сравнение приведённых в таблице цифр с данными опроса «ФОМнибус», проведённого Фондом «Общественное мнение» 3–4 ноября 2012 года. Во-первых, потому что вопросы респондентам у Левада-центра и ФОМа несколько отличаются по формулировкам. Разумеется, модальность (хотеть или мочь доверять) – отдельная, можно сказать, философская тема. Но если, по мнению 29% опрошенных (ЛЦ), правительство «вполне заслуживает доверия» и ещё 41% – «не вполне заслуживает», то почему доверяют ему 35% (ФОМ)? Госдума «заслуживает» – 20% и «не вполне» – 48, а «доверяют» ей – 26%? Причём т. н. «индекс доверия» (ФОМ) для Думы последние годы колебался практически лишь в пределах статистической погрешности и вовсе не отражал волны протеста зимой 2011–2012 года.

Почему же реальные колебания общественных настроений, вызванные неуклюжими или репрессивными реформами, военными конфликтами, авариями, терактами не заметны на плавной и практически горизонтальной линии данных социологических центров о доверии Путину или Медведеву с начала века?

Во-первых, на мой взгляд, доверие само «устаревает», становится беднее по содержанию, по составу типов и разновидностей. Из него уходят, «вымываются» активные, пассионарные составляющие. А сохраняются главным образом рутинные, безальтернативные, верноподданнические и патерналистские компоненты, которые во многом связаны с апатией, пассивностью, эгоизмом.

Во-вторых, становится всё более очевидна назревшая необходимость модернизировать методы и концепции социологических опросов³.

Таблица 2

Доверие институтам власти

	Вполне заслуживает						Не вполне заслуживает						Совсем не заслуживает					
	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012
1. ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ	66	67	53	50	49	51	24	23	32	34	31	32	5	4	12	9	13	12
2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА	70	67	55	52	42	40	20	23	29	21	32	39	5	4	12	9	15	15

¹ www.fom.ru; www.romir.ru

² Граждане России верят в церковь, армию и спецслужбы // Коммерсант, 2012, 2 ноября.

³ Общественное мнение 2011. Ежегодник Левада-Центра. М., 2012. С. 89–90.

Продолжение таблицы 2

3. ЦЕРКОВЬ, РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	50	55	49	49	49	50	20	23	23	25	25	29	11	5	18	10	9	10
4. АРМИЯ	38	38	34	37	41	39	32	32	36	36	30	38	17	16	17	13	15	15
5. ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ	30	34	28	30	30	29	39	39	43	45	37	41	16	14	23	17	17	22
6. ПЕЧАТЬ, РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ	26	27	25	30	25	26	47	50	47	47	48	50	18	16	21	16	17	16
7. ОБЛАСТНЫЕ (КРАЕВЫЕ, РЕСПУБЛИКАНСКИЕ) ОРГАНЫ ВЛАСТИ	22	21	22	28	22	21	40	43	40	40	37	44	22	24	28	22	25	24
8. ОРГАНЫ ГОС-БЕЗОПАСНОСТИ	34	33	27	26	30	33	33	31	35	37	32	38	10	12	15	16	15	14
9. РОССИЙСКИЕ БАНКИ	17	24	20	24	22	27	43	42	43	44	41	43	24	21	25	18	21	19
10. МЕСТНЫЕ (ГОРОДСКИЕ, РАЙОННЫЕ) ОРГАНЫ ВЛАСТИ	21	17	19	23	22	19	37	44	41	41	36	45	32	31	33	26	29	27
11. МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС	16	22	19	23	22	24	39	37	40	39	38	44	23	21	23	18	17	18
12. СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ РФ	21	21	20	22	21	21	38	38	40	44	38	41	16	15	22	17	18	21
13. ПРОКУРАТУРА	20	20	19	22	21	23	39	37	41	37	39	42	21	18	23	21	21	21
14. ГОСДУМА РФ	20	21	21	21	20	20	47	46	41	47	42	48	21	21	29	22	23	24
15. ПОЛИЦИЯ (ранее) МИЛИЦИЯ	19	16	17	20	18	20	39	41	43	40	42	44	32	33	30	29	31	29
16. СУД	22	18	20	19	21	23	37	39	44	43	39	42	24	24	24	22	24	24
17. ПРОФСОЮЗЫ	15	13	12	16	17	19	25	28	29	31	27	33	29	36	32	26	24	26
18. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	7	10	9	10	11	13	39	40	39	44	41	48	34	33	37	30	31	28
19. КРУПНЫЙ БИЗНЕС, ДЕЛОВЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРУГИ	8	12	11	16	14	16	33	35		37	36	44	32	32	38	26	25	24

Источник: Пресс-выпуск Левада-Центра. 02.11.2012.

Таблица 3

Каким институтам Вы доверяете?

(% от числа опрошенных, ноябрь 2011 г., 1600 представителей «среднего» класса; анкеты и фокус группы)

	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	Затруднились ответить
Сбербанк	14	56	18	8	4
Президент РФ	10	49	26	10	5
Центральный банк России	8	48	23	10	11
Телевидение	8	45	36	9	2
Правительство	6	40	34	14	6
Полиция	5	40	36	14	5
Суды	7	37	35	13	8
Парламент	4	35	36	15	10
Другие банки	3	30	40	15	12
Фед. Служба по фин. рынкам	3	25	30	13	29
Агентство по страхованию вкладов	3	24	34	17	22
Страховые компании	3	24	37	20	16
Паевые фонды	1	12	33	24	39
Кредитные кооперативы	2	11	35	29	23
Негосударственные пенсионные фонды	2	13	35	30	20

Источник: Московские новости, 2011, 14 декабря.

В ОЖИДАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Повседневная практика показывает, что названные в данной статье видо-вые особенности доверия зачастую не учитываются при сборе и трактовке социологических индикаторов данного феномена. Политики, экспертное сообщество, журналисты рассуждают на уровне обыденного сознания («мол, о каком доверии вообще можно говорить в наше время всеобщего обмана и скептицизма?») или вынуждены оперировать данными, полученными на основе концепций и методик, устаревших ещё в прошлом веке (см. табл. 4).

Таблица 4

С каким из двух суждений Вы бы скорее согласились?

	1989	1991	1998	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Людам можно доверять	52	34	23	22	26	26	26	27	30
С людьми надо быть осторожным	41	42	74	76	72	68	69	66	66

Источник: Левада-Центр. Ежегодник «Общественное мнение» 2010. Табл. 3.5.2. С. 33.

Доклады Центра стратегических разработок (М.Э. Дмитриев, С.А. Белановский) выгодно отличаются междисциплинарным подходом к наблюдению за изменяющимся доверием, применением современных методик, не только социологического, но и социально-психологического характера (фокус-группы, глубокие интервью, нарративы, метод семантического дифференциала, прожективные рисуночные тесты и др.)¹. Однако выводы и рекомендации этих докладов, с моей точки зрения, не могут считаться полностью убедительными и достоверными. В материалах ЦСР не преодолена укоренившаяся в подходах отечественных гуманитариев методологическая инерция, прежде всего – в оценках субъектности акторов процессов доверия. Даже если оставить за скобками критического анализа достаточно произвольное обращение названных экспертов с самим предметом разработок, которым в докладе становится то именно доверие, то – недоверие, то – неверие, а порой – надежда, отчуждение, уверенность и другие родственные, но не адекватные (или оппозиционные) феномены. И всё же главным, существенным недостатком докладов ЦСР является по-прежнему неоправданная абстракция в постановке и ответе на вопрос «Кто именно кому доверяет или не доверяет?». М.Э. Дмитриев и С.А. Белановский описывают доверие «народа», «населения», «сегментов населения» к «власти» (см. табл. 5). Но такой уровень обобщения даже не требует опросов или иных методик. Априори известно, что абстрактный «народ» никогда не доверяет абстрактной «власти». Более того, ведущие социологи признали отсутствие консенсуса и ясности относительно данных терминов². В российских условиях сведение конкретного многообразия участников социально-политических отношений к размытым категориям «народ» и «власть» не просто диктует искажённый результат, но нередко чревато трагическими конфликтами, как показывает печальный исторический опыт увлечения лозунгами «народ – богоносец», «враги народа» и т. п.³ Не слу-

¹ См.: Общество и власть в условиях политического кризиса // Новая газета, 2012, 25 мая; Риск – неподъёмное дело // Коммерсантъ, 2012, 14 сентября; Изменения политических настроений россиян после президентских выборов // www.csr.ru, 23 октября 2012.

² См.: Валлерстайн И. Выступление на секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта». Мировой политический форум. Ярославль, 9 сентября 2010 года; *Hardie R. Liberal Distrust; Representative Democracy and Trust // Trust. Cambridge. 2006. P. 135–179.*

³ См. подробнее: Данкин Д.М. Доверие к субъекту перемен // Безопасность Евразии, 2010, № 2. С. 87–106; Данкин Д.М. Доверие. Ожидания. Эволюция // Безопасность Евразии, 2011, № 2.

чайно подобные материалы трактуются как предсказания революции, «вымирания нации» или пророчество новой Смуты¹. Если вопрос изначально формулируется с заданным ответом, и при этом не учитывается психологическое состояние респондента (текущая фаза развития доверия), то закономерно ожидаемое распределение данных. «На выборах президента Путин получил достаточно много голосов, а сейчас, согласно социологическим опросам, доверие к нему падает. Как вы думаете, почему?». На такой вопрос от 57% респондентов получены ожидаемые ответы: «Нет положительных сдвигов в стране – 33%», «Путин не оправдал доверие, разочаровал – 27%», «Наш народ глупый – 5%»².

Таблица 5

Цели российской власти

Цели власти	Ответы
Власть не может объяснить свои цели народу	29%
Цель власти – личное обогащение	26%
Власть не хочет объяснять свои цели народу	22%
Власть хочет построить сильное авторитарное государство	15%
Власть хочет построить сильное демократическое государство с либеральными ценностями	12%

Источник: Изменения политических настроений россиян после президентских выборов // www.caf.ru. 23 октября 2012.

Многие ответы на вопросы «Измеряем ли мы на самом деле доверие?» или «Почему данные социологических опросов о "доверии" не адекватно отражают перепады общественных настроений?» можно обнаружить в капитальной и довольно искренней статье Л.Д. Гудкова – директора Аналитического центра Юрия Левады³. Авторитетный учёный откровенно признаёт целый ряд слабостей современной отечественной социологии и видимо не случайно чаще употребляет этот термин в кавычках. Со знанием дела говорится о «массе недоразумений и ошибок в интерпретации социального поведения при анализе экономических явлений, электоральных процессов, политики, национальных конфликтов»⁴. Догоняющий характер российской модернизации, по мнению Л.Д. Гудкова, определяет финансовую и организационную зависимость социологии от государственной бюрократии, имеет следствием «эпигонство», «утрированное копирование» модных зарубежных образцов. В частности, справедливо указывается, что «экономизированная трактовка доверия как рационального расчёта ... не имеет смысла». Признаётся также непрояснённая для организаторов эмпирических опросов тема: «является ли недоверие социологической сущностью особого рода, независимым от доверия социальным феноменом?». Мне представляется, что серьёзными помехами для роста достоверности баз данных о доверии являются некоторые методологические установки, «применяемые длительный период наблюдений», такие как редукция распределения разных видов доверия в социальных сферах к «противоположным по образу жизни – в мегаполисах и в себе»⁵. Бесспорно, урбанизация играет существенную роль в формировании или деградации доверия. Тем не менее, параметры субъектов довери-

С. 235–259; Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии, 2009, № 1. С. 203–218.

¹ ЦСР представил три сценария смены власти // Ведомости, 2012, 24 октября.

² Общество и власть в условиях политического кризиса... С. 17.

³ Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения, 2012, № 2(112). С. 8–47.

⁴ Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура... С. 10.

⁵ Там же. С. 17.

тельных отношений – это не только размер поселений и степень информированности респондентов. Реальные акторы в противоположность статистическим (номинальным) группам, выделенным по какому-то отдельно взятому признаку, – это социальная целостность с общностью условий деятельности, социальными нормами и ценностями, стилем жизни. Реальные, гомогенные группы характеризуются такими важнейшими индикаторами, как 1) возможность распоряжаться всеми видами капиталов; 2) объём и характер собственности; 3) престиж, влияние, т. е. возможность распоряжаться символическим капиталом; а также доступ к культурному и социальному капиталам¹. Л.Д. Гудков вновь говорит о власти вообще, о причинах её «незавершённой десакрализации»². Но без ответа в теории и практике остаётся вопрос об «эквивалентности» доверия абстрактной «власти» к столь же абстрактному «народу», о доверии либо недоверии внутри властных элит, между кланами и группировками. Многообещающей кажется постановка вопроса об изучении «барьеров между модальными сферами доверия, семантических или социальных границ, отделяющих пространства недоверия, а также указывающих силу или значимость, интенсивность доверия»³. К сожалению, при этом вовсе не рассматриваются не менее существенные границы, в пределах которых доверие остаётся самим собой, не трансформируясь в родственные феномены веры, надежды, уверенности. А ведь именно Ю.А. Левада первым из отечественных социологов отметил, что «термин *доверие* обозначает пучок неоднородных отношений и установок»⁴. Не удаётся преодолеть одномерный (низкий или высокий уровень) взгляд на доверие, которое динамично развивается в социально-психологическом *пространстве*. В итоге руководитель авторитетного социологического центра приходит к разочаровывающим выводам. Во-первых, «композиция доверия» в изложенном виде «стабильна и слабо реагирует на актуальные изменения»⁵. Во-вторых, по мнению Л.Д. Гудкова, «возникает замкнутый круг», когда институционализация новых, современных отношений (т. е. модернизация) невозможна без повышения доверия, а доверие невозможно без эффективных социальных институтов. «Выход из этого тупика» вряд ли найдётся даже с появлением «отдельных анклавов с собственным, современным типом социального капитала»⁶. Таковы пессимистические прогнозы.

Выход следовало бы искать в объединении усилий сторонников модернизации на *конструктивной* основе создания и реализации программы обновления методов исследования и развития доверительных отношений.

ВНОВЬ О ПРОГРАММЕ ДОВЕРИЯ

Мне уже не раз доводилось раскрывать основные моменты разработки национальной программы формирования культуры доверия⁷, которая может быть создана по естественной логике: анализ – преобразование – синтез. Сегодня, когда ряд авторитетных экспертов (см. выше ссылки на С.Е. Нарышкина, Н.И. Лапина, К.В. Ремчукова) наконец-то предлагают аналогичные решения, стоит напомнить некоторые элементы предложенного мной алгоритма.

I стадия разработки программы – анализ исходного состояния доверительных отношений в российском политическом пространстве. Уточнение фоновых зна-

¹ См.: Шкаратан О.И. Социальное неравенство. С. 87–88.

² Гудков Л.Д. «Доверие» в России... С. 38–40.

³ Гудков Л.Д. «Доверие» в России... С. 21.

⁴ Левада Ю.А. Ищем человека. М., 2006. С. 177.

⁵ Гудков Л.Д. «Доверие» в России... С. 13.

⁶ Там же; С. 42.

⁷ Данкин Д.М. Доверие к субъекту перемен // Безопасность Евразии, 2010, № 2. С. 87–106.

чений *межличностного доверия* в ближнем окружении и к отдалённым партнёрам. Выявление разновидностей *институционального доверия* ключевых акторов, т. е. реальных кластеров и групп в генеральной совокупности «народ».

II стадия – целесообразное, этически и политически допустимое воздействие на программные характеристики ключевых звеньев (повышение компетентности элементов гражданского общества, гуманизация институтов, стимулирование инновационных моделей поведения и другие меры). Выявление доминантных разновидностей доверия в каждом звене, их корректировка и конвертация (блокирование агрессии и апатии, мотивация творчества и патриотизма).

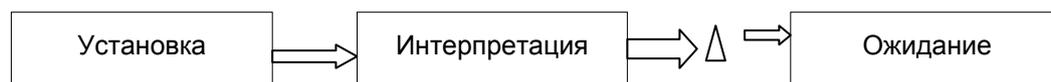
III стадия – синтез промежуточных результатов возрождения доверия в ключевых звеньях. Дальнейшая модернизация нравственных и правовых институтов и норм. Оценка нового состояния доверительных отношений, зрелости гражданского общества, степени приближения к согласованным целям модернизации. Продолжение итерационных циклов формирования культуры доверия.

Однако уже на первой стадии программы мы сталкиваемся с труднопреодолимыми препонами. Для анализа исходного, нынешнего уровня межличностного и институционального доверия мы располагаем главным образом базами данных и текущими показателями, которые готовят известные социологические центры. Приходится вновь обратить внимание на неприемлемые недостатки этих индикаторов.

Итак, *первая проблема* достоверности социологических опросов в российских условиях заключается в отсутствии учёта названных выше динамических характеристик. Лонгитюдные исследования или еженедельные мониторинги годами и десятилетиями проводятся по неизменным вопросникам, не рассчитанным на понимание интервьюером разновидностей и фаз доверия респондентов в конкретный момент однозначного вопроса – ответа.

Рисунок 1

Основные фазы механизма доверия

Достоверность опросных цифр, в частности, зависит от того, в какой фазе процесса пребывает доверие респондента в момент, когда ему задаётся вопрос. Имеются в виду, как минимум, фазы *аттитюда* (установки) – интерпретации – ожидания см. рис. 1). Во-первых, человек может вообще не задумываться, не рефлексировать об интересующей интервьюера проблеме. Надо учесть и то, сохранилась ли у него склонность доверять людям. В другой фазе – интерпретации, респондент идентифицирует себя как подданного, гражданина, налогоплательщика или работодателя; задумывается над тем, может ли партнёр помочь ему в решении насущных задач. Между фазами интерпретации и ожидания происходит т. н. «скачок веры» из-за неустранимой неполноты информации о партнёре. В противном случае мы имеем дело не с доверием, а с одним из сопредельных феноменов. Таким образом, для целостного и неискажённого представления об уровне и качестве доверия респондента надо бы проводить, по меньшей мере, 3–4 замера с открытыми или адаптированными к российской специфике закрытыми вопросами. Методика не может не учитывать, как именно к моменту опроса происходит «слияние потоков социального времени», сложение темпов формирования феномена (от цивилизационного до сиюминутного), воспроизводя ту или иную фазу процесса доверия. Первый замер призван выяснить

наличие предрасположенности, аттитюда к доверию. Если таковых нет, то дальнейшие расспросы бесполезны, и оценки будут искажены в интересах респондента или интервьюера. Второй комплекс вопросов – об идентификации акторов, интерпретации контекста доверительных отношений. Третий – об ожиданиях доверяющего от акта доверия. Каждый блок вопросов предполагает выяснение наличия принципиальных предпосылок доверия: степени свободы выбора модели поведения, общности целей акторов и возможности их конструктивного взаимодействия. В соответствии с 3-D представлением, полагается уточнить качественное соотношение рационалистической и духовно-нравственной компонент, готовности акторов действовать.

Вторая проблема достоверности соцопросов состоит в чрезмерной абстракции акторов доверительных отношений. Категории «народ», «власть», «гражданское общество» и даже «класс – правящий, креативный, средний» слишком расширительны, расплывчаты. Высказывания типа «народ потерял доверие к власти» лишь приблизительно отражают некую обобщённую тенденцию, но не могут стать базой содержательных рекомендаций.

Необходимо конкретное наблюдение и измерение степени доверия между реальными социальными группами, внутри них, к государственным институтам, между фрагментами и кланами политической элиты, а также наличия либо отсутствия доверия правящей группировки к ключевым социальным группам. Прежде всего, требуют внимания реальные группы, обладающие модернизационным потенциалом: высококвалифицированные специалисты, рабочая аристократия, патриотически ориентированные элиты, предприниматели в инновационных отраслях, студенчество и молодые учёные. Не менее важно получить открытую информацию о доверительных процессах в социальных кластерах, способных надолго затормозить модернизацию: коррумпированная часть чиновничества, «офисный планктон», консерваторы в силовых структурах, криминальные сообщества.

* * *

Конечно, обновление, назревшая перестройка системы сбора и интерпретации социологической информации – дело очень затратное. Нужны ресурсы для разработки и адаптации современных методик, повышения квалификации и переподготовки полевых сотрудников, интервьюеров. Могут возникнуть сложности, связанные с привычной кооперацией с Всемирным обследованием ценностей (NNS) под руководством Р. Инглхарта и европейскими «Барометрами».

Но если сознательно делать ставку на повышение роли доверия в модернизации всех сфер жизни общества, всё же рано или поздно (желательно – не слишком поздно!) придётся пересматривать концептуальные и методические подходы к анализу доверия, изучать его как феномен, меняющийся в пространстве и во времени, имеющий совершенно конкретных носителей и сам поддающийся запрограммированной модернизации при согласованном взаимодействии институтов государства и гражданского общества.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 2)

**Глава 7. Т.С. АХРОМЕЕВА
Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ
С.А. ПОСАШКОВ**

**ОТ ИДЕОЛОГИИ КОМПРОМИССА
К ФИЛОСОФИИ БУДУЩЕГО***

Аннотация: Представлен междисциплинарный взгляд на современное социологическое знание, опирающийся на теорию самоорганизации или синергетику, а также на теорию управления рисками. Показано, что решение ключевых проблем российского развития требует расширения проблемного поля социологических исследований. Возможности общества, личности и государства сейчас во всё большей мере определяются их положением в образовательном, культурном, технологическом пространствах, в поле смыслов, ценностей и проектов будущего. Ответы на вызовы российских субъектов и объектов социального управления требуют развития прогнозной функции социологии, что возможно только при широком использовании методов естественных наук, математического моделирования, результатов и подходов ряда гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: мировая динамика, стратегические проблемы России, междисциплинарные подходы, управление социальными рисками, расширение проблемного поля, социальный прогноз, синергетика, идеология безопасности, смыслы, ценности и культурные коды, геокультура, проектирование будущего.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РАВНОВЕСИЮ

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

Л.Кэрролл

В известной русской сказке, чтобы оживить богатыря, разрубленного врагами на куски, нужны были мёртвая и живая вода. Мёртвая – для того, чтобы разрубленные куски срослись воедино, живая – чтобы вдохнуть жизнь в богатырское тело.

Пользуясь этой аналогией, можно сказать, что в течение двадцати лет новой России с первой задачей удалось справиться. Обретено равновесие в экономической, социальной, управленческой сферах, в пространстве международных отношений. По многим ключевым позициям, по натуральным показателям, откат закончился [1]. Пришла пора двигаться дальше.

Очень важным представляется возникающее в обществе согласие по нескольким ключевым проблемам и доверие ряду социальных институтов. Научным обоснованием государственной политики, направленной на достижение такого согласия, на противостояние экстремизму, стали разработанные член-корр. РАН В.Н. Кузнецовым и его научной школой *идеология компромисса и социология безопасности*.

Свидетельством высокого уровня доверия ряду ключевых институтов стали результаты ряда социологических опросов, проведённых в связи с реализацией проекта ликвидации Российской академии наук сотрудниками Института социально-политических проблем РАН (ИСПИРАН) в крупных городах России в июле 2013 года. В соответствии с ними значительная доля граждан России «скорее доверяет» РАН (67%), Российской православной церкви (РПЦ) – 66% и Президенту РФ (63%). По уровню «абсолютного доверия» лидирует РПЦ (24%). Президент РФ (16%), РАН (15%). При этом 7 из 10 граждан России считают ре-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-03-00387) и РФФИ (12-06-00402).

форму Академии ошибкой, однако 44% опрошенных плохо знакомы с деятельностью этой организации [2]. Ноябрьские замеры, проведённые после ликвидации РАН (передачи более 400 её научных институтов Федеральному агентству научных организаций (ФАНО)), дали близкие показатели.

И если доверие к науке соответствует высокому престижу исследователей в Советском Союзе и во многом пришло из прошлого («Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна учёных!»), то декларируемый гражданами высокий авторитет православной церкви – новый элемент в общественной жизни России.

Большую роль в «настройке» и согласовании интересов российских элит, учёных, экспертов, межнациональном и межконфессиональном диалоге сыграла многолетняя деятельность журнала «Безопасность Евразии».

Перемены в политике, в экономике, изменение вектора развития общества, прежде всего, закладываются в смыслах и ценностях, доминирующих в обществе. В этом контексте принципиальным является Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12.12.2012. В соответствии с диагнозом, поставленным В.В. Путиным, с начала XXI века Россия столкнулась с *демографической и ценностной катастрофой*. Выход из неё он видит в становлении или утверждении следующих ценностей:

- *национальная и духовная идентичность;*
- *гражданская активность;*
- *ответственность перед будущим;*
- *гражданская солидарность;*
- *справедливость;*
- *нравственность;*
- *работа, творчество, компетентность;*
- *милосердие, сочувствие, взаимопомощь.*

В значительной мере это традиционные ценности мира России, противостоящие выбору Запада. Поэтому заявленный Президентом курс на утверждение и защиту традиционных, консервативных ценностей представляется закономерным и естественным шагом в этом контексте.

Обратим внимание на отлично осознаваемый мировыми лидерами принципиальный характер этих различий. Это ещё раз подчеркнула дискуссия Владимира Путина и Барака Обамы. По мнению последнего, американский народ в силу своих принципов и пройденного исторического пути, а также высокого уровня развития экономики страны имеет и особые обязанности, и права в современном мире. Такой взгляд – основа концепции «многоэтажного мира», в котором каждой стране, народу и региону априорно отводится своя роль в мироустройстве, и попытка изменить это место вполне может пресекаться «на законных основаниях» (Югославия, Ливия, Ирак, Сирия, сама концепция реформирования Большого Ближнего Востока дают примеры такого подхода к международным делам).

Возражая ему, Владимир Путин отстаивает фундаментальный христианский тезис, в дальнейшем принятый и либеральной, и коммунистической идеологией, о принципиальном равенстве людей, недопустимости утверждать приоритет любой социальной группы на основе ее принадлежности и какому-либо государству, народу или конфессии. «Очень опасно вдохновлять людей на то, чтобы они считали себя исключительными, какая бы мотивация ни была. Есть большие страны и малые страны, богатые и бедные, с глубокими демократическими традициями и ещё ищущими свой путь к демократии. И их политика различается тоже. Мы все разные, но когда мы просим благословения у Господа, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными» [11].

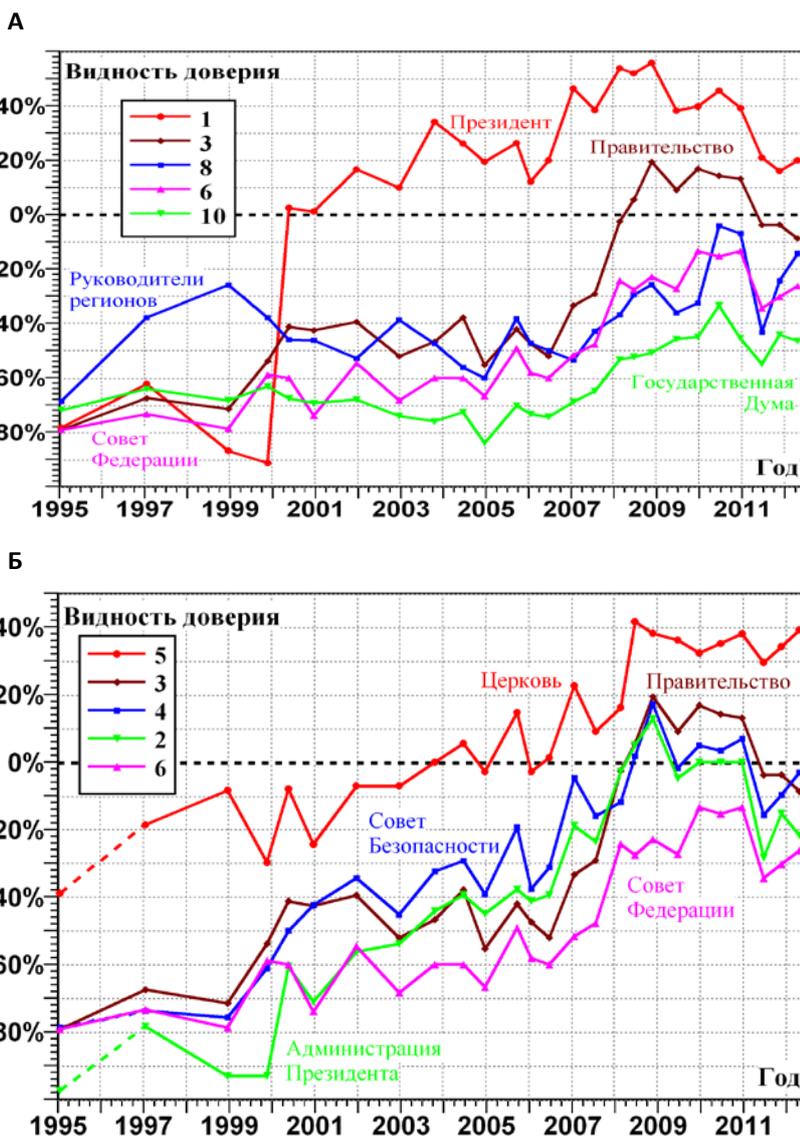
Корни этого спора очень глубоки и восходят к разделению христианской церкви на православную и католическую, а позже и к рождению протестантства. Речь идёт о целостном восприятии мира, о ценностях и смыслах более высоких, чем жизнь отдельного человека. Или, тем более, его материальные успехи. По сути, речь идёт о выборе в пользу атомизации общества, как норме, либо в пользу соборности, самоорганизации, духовности [3].

Возрастание доверия к ряду социальных институтов обнадёживает. Мировой опыт показывает, что трудно надеяться на перемены к лучшему, на успех реформ, когда более половины граждан не доверяют социальному институту, который выступает их проводником. Проведённые ИСПИРАН опросы в рамках проекта «Как живёшь Россия?» показывает, что с приходом В.В. Путина таковым стал институт Президента РФ, а в последние годы число таких институтов растёт (см. рис. 1).

Рисунок 1

Доверие к социальным институтам России

До 2000 года не было ни одного социального института, которому доверяло бы более половины граждан. В силу этого трудно было надеяться на успех каких-либо реформ. С 2000 года таким институтом стал институт Президента РФ. В настоящее время количество поддерживаемых гражданами институтов увеличилось, что свидетельствует об определённом согласии в обществе.

Это можно рассматривать как кредит доверия правящей элите и социальный ресурс для решения наиболее важных задач ближайшего двадцатилетия.

Обратим внимание на эти задачи, в совокупности представляющие собой Новую повестку дня, которая в различных контекстах уже обсуждалась на страницах «Безопасности Евразии».

– *Освоение возможностей VI технологического уклада.* Именно этот уклад, по мнению ведущих экспертов, обеспечит развитие стран-лидеров до 2050 года. Его локомотивные отрасли – биотехнологии, робототехника, нанотехнологии, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, новое природопользование, полномасштабные технологии виртуальной реальности. Владение этим набором технологий определит обороноспособность страны, качество жизни её граждан и социальную стабильность.

– *Целеполагание и создание нового государственного аппарата.* Одним из факторов риска современной России является отсутствие понятого и принятого населением и элитами образа будущего, желаемого типа жизнеустройства, ясно сформулированных национальных интересов и большого проекта. Государственный аппарат России постоянно растёт (почти в 1,5 раза с 2000 по 2010 год), оставаясь неэффективным. По различным оценкам экспертов в настоящее время выполняется от 5 до 30% решений Президента РФ, что представляется неудовлетворительным. Возвращение государством себе функции целеполагания облегчит создание нового госаппарата – под конкретные задачи нужны определённые специалисты.

– *Декриминализация страны.* Одним из проявлений высокого уровня коррупции и слабости правоохранительных органов является вывоз капитала из страны. Экономисты оценивают интегральный вывоз капитала в первое 20-летие Новой России в объёме от 1 до 7 трлн долларов (в последнем случае речь идёт о вывозе примерно 1 млрд долларов ежедневно в течение 20 лет). Курс на возврат капиталов высших чиновников страны в Россию и уменьшение влияния «оффшорной аристократии» был обозначен президентом. Теперь его осталось провести в жизнь.

– *Экономический рост. Новая индустриализация России.* Проводившаяся в течение 20 лет экономическая политика оказалась неудовлетворительной – были уничтожены целые отрасли промышленности, упали технологическая культура и производительность труда. Несмотря на заявленный Президентом в 2001 году курс на построение «экономики знаний» почти половина доходов бюджета России по-прежнему приходится на нефтегазовый сектор. Этот ресурс невелик. Эксперты ряда международных организаций оценивают запасы нефти в России в 9 млрд тонн; при добыче примерно в 500 млн тонн/год этого хватит на 18 лет... Технологии и месторождения таковы, что на каждую тонну добытой нефти приходится поднимать на поверхность 6 тонн воды. Уязвимость сырьевой экономики России показал кризис 2008–2009 года, в ходе которого валовой внутренний продукт (ВВП) упал на 8,2%, в отличие от Бразилии, Индии (+6%) и Китая (+8%), ВВП которых возрос. Всё это требует новой индустриализации России и экономического роста не менее 5% год. Масштаб задачи, показывает рис. 2, иллюстрирующий объём того, что предстоит «отыграть». Поскольку 2/3 нынешней России находится в зоне вечной мерзлоты, ключевое значение для страны имеют высокие технологии, умение производить то, чего не умеют делать другие, уникальные ресурсы. Иная продукция будет в мире производиться в других местах.

– *Освоение Евразии.* Население России за Уралом очень невелико. Экономика имеет ярко выраженную сырьевую направленность. Если в Москве или Самаре год, в которой смерть мужчины наиболее вероятна – 57 лет, то в Сургуте 46. Чтобы страна успешно развивалась, в каждом её уголке у людей должны быть возможность жить долго и успешно.

– Сохранение суверенитета военными средствами до 2050 года. Население России составляет около до 2% от населения мира, вклад страны в валовой глобальный продукт – 2,9%, а территория – 1/7 часть суши. Кроме того, по оценкам экспертов, без учёта ядерного оружия отношение военного потенциала России к соответствующему показателю для стран НАТО составляет 1/60. Защита страны в этих условиях представляет очень нелёгкую задачу, которую вновь следует решать, опираясь на высокие технологии и нетрадиционные подходы.

Решение сформулированных и достаточно понятных и обществу, и учёным проблем требует сверхусилий и мобилизации имеющихся для этого ресурсов. Готово ли к этому российское общество?

Рисунок 2

Рубежи новой индустриализации

Сравнение показателей СССР и новой России является ориентиром для экономического роста нашей страны, который должен осуществляться на новой технологической основе.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ

Войны выигрывает приходской священник
и школьный учитель.

Ото фон Бисмарк

Надо научиться прощать людям их талант.

А.Н. Колмогоров

Выдающийся математик, механик, организатор науки, «главный теоретик космонавтики», первый директор Института прикладной математики (ныне ИПМ им. М.В. Келдыша РАН) Мстислав Всеволодович Келдыш считал, что для того, чтобы страна обладала реальным, а не «бумажным» суверенитетом в XX веке, она должна иметь *ядерное оружие, космические системы и надёжные шифры*. Третий директор ИПМ, один из основоположников теории самоорганизации, член-корр. РАН С.П. Курдюмов полагал, что в XXI веке к ним добавятся *технологии проектирования будущего* (анализ и реализация тех малых управляющих воздействий в настоящее время, которые могут кардинально изменить траектории развития стран, регионов, цивилизаций через 10–20 лет), *высокие гуманитарные технологии и технологии сборки и уничтожения социальных субъектов*. Черeda «оранжевых революций» XXI века, возможность решать стратегические задачи, используя социальные нестабильности атакуемых обществ или организационное оружие, подтвердили прозорливость такой оценки.

Данные социологии могут сыграть очень важную роль в защите общества от многих серьёзных угроз. Работа Научного совета «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», созданного Отделением общественных наук РАН в 2010 г. (председатель член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко), показала, что двигаться можно по многим важным направлениям [4]. Множество интересных альтернатив рассматривалось в последние годы в журнале «Безопасность Евразии».

В теории самоорганизации показывается, что в сложных системах, как правило, выделяются *параметры порядка* – ведущие переменные или процессы, которые с течением времени «подчиняют» остальные степени свободы [5, 6]. Что же является таким параметром порядка для современного российского общества?

По-видимому, ответ на этот вопрос даёт теория транзакционных взаимодействий, предложенная выдающимся американским психологом Эриком Берном [7]. В соответствии с ней в структуре каждой личности и в процессе взаимодействия людей можно выделить три сущности – ребёнок, родитель и взрослый.

Ребёнок считает, что есть старший, которого надо слушаться, который «знает как надо». Если плохо себя вести, он накажет, но при необходимости непременно защитит. Эту роль может играть президент, директор организации, жена или муж и т. д.

Родитель думает, что надо следовать традиции, что его долг – дать своим детям то, что сам он получил от родителей.

Взрослые полагают, что в сфере своей компетенции именно они решают, отвечают за происходящее и несут ответственность, если выбор был неверным, либо получают преимущества, если их действия были правильными и соответствовали поставленным целям.

Анализ августовской контрреволюции 1991 года в России, украинского «майдана» в 2014 году, множества «оранжевых революций» показывают, что их действующей силой оказывались «дети», подверженные эмоциям, «выбирающие сердцем» (слоган из предвыборного ролика Б.Н. Ельцина), подверженные манипуляциям общественным сознанием, не умеющие и не желающие просчитывать последствия своих действий, хотя бы на несколько ходов вперёд.

Иными словами, чем больше «взрослых» в обществе, тем в большей степени оно способно к разумным, рациональным действиям, к осознанию и защите своих интересов. Путь к устойчивому развитию общества связан с увеличением в нём доли «взрослых» и к повышению их роли в происходящем. Как этого добиться?

Взрослого отличает от ребёнка иной, *более высокий уровень рефлексии, полноценное образование*, позволяющее адекватно оценивать происходящее, и субъективность – готовность принимать ответственные решения. Поэтому ключевое значение для формирования взрослых людей имеют система образования и деятельность средств массовой информации (СМИ), существенно влияющих на нашу картину реальности. Поэтому социология образования становится важнейшим проблемным полем всей социологической науки в России.

Итоги двадцатилетнего реформирования отечественного образования можно сформулировать кратко: ложные ориентиры, негодные средства, плачевные результаты.

Советник президента по вопросам образования и науки А.А. Фурсенко чётко обозначил вектор проводимых образовательных реформ как поворот от подготовки творцов, создателей, на что было нацелено советское образование, к подготовке квалифицированных пользователей, потребителей (того, что создано другими). Этот курс несовместим с теми стратегическими задачами, которые предстоит решать России в ближайшие десятилетия.

В этом контексте показательна задача, которую решает Министерство образования и науки (Минобр) – введение пяти российских вузов в первую сотню некоего западного рейтинга. Естественно было бы ориентировать отечественную систему образования на задачи, которые предстоит решать нашей цивилизации, а не на то, что нравится зарубежным экспертам. К сожалению, императив «казаться, а не быть» стал нормой для нашего Минобра. Например, профессорам и преподавателям Московского физико-технического института (МФТИ) поручено в течение года организовать «50 лабораторий мирового уровня» с иностранными исследователями во главе. В МГТУ им. Н.Э. Баумана преподавателям рекомендовано готовиться к чтению лекций на английском языке. В Национальном исследовательском ядерном университете (бывшем МИФИ) создана кафедра теологии...

Средняя школа оказалась в большой степени развалена – более половины российских школьников пользуются услугами репетиторов. В качестве катализатора развала был использован единый государственный экзамен (ЕГЭ), изуродовавший систему подготовки и многократно увеличивший коррупцию в системе среднего образования. ЕГЭ поставил многие вузы в безвыходное положение, при котором они вынуждены брать абитуриентов, не владеющих элементарными знаниями, из которых невозможно вырастить полноценных специалистов. В отличие от большинства развитых стран значительная часть российского высшего образования является платной (более 70% студентов платят за обучение), что сплошь и рядом снижает и без того невысокое качество образования. Многие школьники и студенты считают, что «за оценку уже заплачено». Почему именно ЕГЭ – проект реализуемый по инициативе нынешних ректоров Высшей школы экономики (Я.И. Кузьминов) и Российского университета дружбы народов (В.М. Филиппов) с 2001 года – оказался наиболее разрушительным среди других «перлов» Минобра?

В классификации, принятой в кибернетике, образование – сложная целеустремленная система. Она работает на результат. Этот результат сейчас – не знания, умения, навыки, способность искать, думать, ошибаться, отстаивать найденное решение, готовность к самоорганизации и коллективным усилиям, а ... всего лишь бумажка с заветным баллом. Для школьников это показатель их успешности. Для родителей – индикатор заботы о своём чаде, которое не мыть-

ём так катаньем надо протолкнуть в вуз. И за этот индикатор многие из них готовы платить деньги. Балл непосредственно определяет зарплату учителей. Получение денег вузами также определяется средним баллом выпускников, подавших в него заявления. До недавнего времени ЕГЭ повязали и губернаторов регионов, рассматривая его как показатель их работы...

И система, в конце концов, несмотря на сопротивление родителей, педагогов, преподавателей, учёных, начала работать на этот показатель. Она стала вместо передачи знаний дрессировать и натаскивать учащихся на этот результат.

Информация о ЕГЭ в СМИ напоминает захватывающий детектив – коррупция, мобильные телефоны, сотни тысяч списавших из интернета, спецслужбы, заявления премьера. Общество втянулось в разрушительную игру «полицейские и воры», где симпатии общества на стороне ловких, умных «воров», а не на стороне туповатых недалёких «полицейских». Это подрывает авторитет власти и Президента и представляется недопустимым.

Индикатором, наглядно показывающим, кого же готовит отечественное образование, может быть статистика поисковой системы Google, в части, относящаяся к рациональному сегменту (не включающему развлечения, эротику, и т. д.).

Данные за 2011 год (10 лет после начала «эксперимента» по введению ЕГЭ) представляются следующими:

По миру в целом (по убыванию числа запросов): *математика, Луна, клетка, Википедия, ДНК, химия, математические игры, физика, большой взрыв, химия (испанский сегмент)*. Можно сказать, что происходит взрыв интереса к науке. Число запросов «занимательная математика» за год выросло на 2800%.

Запросы в США: *математика, Луна, наука, математические игры, занимательная математика, Земля, калькулятор, занимательные математические игры, химия, периодическая таблица*.

Примерно так же дело обстоит с запросами, вызывающими наибольший интерес во Франции, Великобритании, Канаде, Израиле, Австралии, Китае, Индии, Бразилии.

В России картина совершенно иная. Лидирующие запросы: *единый государственный экзамен (ЕГЭ), готовые домашние задания (ГДЗ), решебник, ответы, результаты ЕГЭ, википедия, ЕГЭ по русскому, ЕГЭ 2011, алгебра, ГДЗ по алгебре*. И здесь также происходят революционные изменения. Спрос на готовые домашние задания за год вырос на 5000%.

Другими словами, мы столкнулись с известным социологам «эффектом потерянного поколения». Выросла молодёжь, которая хочет списывать, а не решать, отчитываться, а не разбираться. Казаться, а не быть. О том же свидетельствует обвальное падение тиражей научно-популярных журналов за прошедшие десятилетия. Тираж «Науки и жизни» с 3 миллионов уменьшился до 30 тысяч, «Знание-сила» сократил выпуск с 700 тысяч примерно до 5. Особенно показателен журнал «Квант», ориентированный на школьников и первокурсников, интересующихся физикой и математикой. Именно они, казалось бы, должны создавать новую экономику России, развивая и воплощая в реальность технологическую платформу Socio Cognito Bio Info Nano (SCBIN). Но их просто нет – интерес к созидательному, творческому труду, к знанию стремительно падает... тираж журнала упал с 350000 до несколько тысяч.

Огромный вред нанесён и ещё нанесёт разгром Российской академии наук, созданной в 1724 году Петром I по совету выдающегося физика, математика, историка, юриста и языковеда Г.В. Лейбница. Решением Государственной Думы 18.09.2013 сообщество академиков и член-корреспондентов оказалось отделено от 400 с лишним научных институтов... Более 1000 институтов Российской академии

медицинских наук, Российской академии сельскохозяйственных наук и, собственно, Российской академии наук были подчинены Федеральному агентству научных организаций – новому органу, цели, задачи и смысл деятельности которого остался неясным. Научное сообщество России потерпело сокрушительное поражение от отечественного чиновничества. Нелепость произошедшего настолько очевидна, что, скорее всего, всё вернётся на круги свои. Однако время – важнейший невосполнимый ресурс для развития высокотехнологического сектора российской промышленности, для построения экономики знаний – будет упущено...

Российское общество должно повернуться лицом к науке, знанию, высоким технологиям. Одним из ключевых инструментов для этого является изменение стратегии и политики в области средств массовой информации (СМИ).

По сути дела, речь идёт о новой политике в области СМИ и, прежде всего, телевидения, фактически контролирующего всё культурное поле. Особую роль играют федеральные каналы центрального телевидения (ТВ). В научной литературе СМИ рассматривается как институты, обладающие развлекательной, просветительской, воспитательной, социализирующей, управляющей и другими функциями.

Вместе с тем действующий в настоящее время Закон РФ «О средствах массовой информации» с поправками и дополнениями, сделанными в последующие годы, трактует их как коммерческое предприятие, осуществляющее распространение информации, которая рассматривается как товар. Исходя из этого, «либерального взгляда», провозглашается и проводится в жизнь постулат «Рейтинг – наш единственный критерий». Однако очевидна совсем другая причинно-следственная связь – телепроизводство играет не пассивную, обслуживающую, а активную роль – оно удовлетворяет спрос, который само и формирует. Реализуется формула Маркса, в соответствии с которой потребности производятся так же, как и продукты.

Рассматривая этот круг проблем, российский социолог член-корр. А.С. Запесоцкий приходит к следующему выводу:

«Что же собой по существу представляют телевизионные рейтинги? В квартирах граждан, проживающих в крупных городах России, существует не менее 3000 телевизоров, которые включаются с помощью специального прибора. С его помощью определяется, когда и на каком канале включен телевизор. Установленная включенность на том или ином канале провозглашается критерием качества, транслируемой по нему телепрограммы. Между тем независимые исследования показывают, что приблизительно в 70% случаев люди включают телеприемник как свет в комнате, сразу же при входе в дом. При этом он зачастую остается включенным до самой ночи, даже если телепрограммы никто не смотрит.

Сложившийся в России механизм финансирования СМИ (по крайней мере, телевидения) за счет рекламы и на основе рейтингов следует признать порочным с точки зрения экономической. Попросту говоря, на деньги населения, не соответствующие реальной стоимости продукта, создается суррогат, навязываемый под видом творческих шедевров» [9].

Поскольку в роли главного критерия выступает рейтинг, принципиальным становится, кто и как его определяет. В России, на телевидении, как это ни парадоксально единственным институтом, занимающимся этой работой, является служба Гэллопа.

Если рассматривать СМИ, как четвертую власть, (а для этого, как показывают «оранжевые революции», есть все основания), то эта власть в России в критической степени зависит от деятельности *одной* зарубежной организации, на основе данных которой решается, какие телепрограммы «казнить», а какие «миловать».

Если в экономике необходимость антимонопольных мер и соответствующего законодательства считается очевидной, то в важнейшей сфере, касающей-

ся общественного сознания, делается странное исключение. Известно классическое выражение о том, что СМИ не смогут внушить *что* следует думать, но могут объяснить о *чём* следует думать. Они являются важнейшим инструментом социальной рефлексии и не могут быть отданы на откуп рекламодателям и зарубежной организации, определяющей рейтинг и работающей в режиме «чёрного ящика». Должна быть создана отечественная альтернатива, деятельность которой должна быть прозрачна для общества и государства.

Более, чем неблагоприятной представляется ситуация с образовательными передачами, которые просто теряются среди битв экстрасенсов, пастырских проповедей, фильмов-ужасов и ток-шоу. Редакторы обычно призывают «облегчать передачи», «рассчитывать на средний уровень», «употреблять меньше сложных слов».

Есть исключения. Например, на канале ТВЦ в течение 2013 года шла передача «Мозговой штурм». В отличие от других программ здесь предлагался не «единственно правильный» взгляд на научные проблемы, а достаточно острые дискуссии. При этом зрителей знакомят со статистикой, относящейся к обсуждаемой проблеме, подготовленной Научно-образовательным центром Института прикладной математики им М.В. Келдыша РАН (ИПМ) – одного из ведущих «мозговых центров» Российской академии наук, – чтобы у них появился свой взгляд на обсуждаемые вопросы. Поскольку «нет пророка в своем отечестве», то как обстоит дело в обсуждаемой области в США, рассказывал корреспондент этой программы в Нью-Йорке. И это многое ставило с головы на ноги. Ярko и наглядно рассказывается об этой передаче в книге [10], а сами вышедшие в эфир передачи представлены на сайте mozgovoyshтурm.ru. Но эта передача, которая выстраивает мировоззрение и помогает человеку сориентироваться в пространстве знания, информации, проектов будущего, идёт после часу ночи по московскому времени и в ограниченном числе регионов страны. Поэтому её влияние на массовое сознание оказывается очень небольшим.

Нынешняя политика в области образования, науки и СМИ ставит под угрозу две важнейшие программы России. Первая – развитие высокотехнологического сектора экономики и создание в нём 25 миллионов рабочих мест. Заметим, что выполнение этой задачи требует изменения отношения к производительному труду, к работе инженера, конструктора, исследователя, рабочего. Если в 1990-е годы на вопрос о желаемой профессии школьники отвечали, отдавая приоритет валютным проституткам, киллерам, бойцам «бригад», то сейчас вне конкуренции оказалась профессия государственного служащего. Это совсем не то, что нужно для новой индустриализации России и технологического прорыва.

Вторая – укрепление обороноспособности и построение современной эффективной армии и оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В своё время, лет 20 назад, создатель зенитно-ракетного комплекса С-300 академик В.П. Ефремов на мой вопрос, каковы главные проблемы его коллектива, ответил: «Проблема одна – седые и лысые. Нету молодёжи. Непонятно, кто дальше работать будет». Сейчас проблема усугубилась в связи со стремительным развитием технологий и появлением новых поколений военной техники. Стране остро нужна образованная, активная, творческая молодёжь, готовая работать в научно-технической сфере и обладающая оборонным сознанием ...

Изменение общества к образованию и науке требует кардинального пересмотра политики, относящейся и к этим сферам, и к области СМИ. Нужны новые люди и отказ от доминирования в этих областях представителей Высшей школы экономики (ВШЭ), которые, продолжая в течение 20 лет гайдаровский курс («Наука подождёт»), завели образование в тупик, а из научной сверхдержавы

превратили Россию в страну, имеющую «науку второго десятка». Двадцатилетний опыт показал полную несостоятельность предлагавшихся ими и, к сожалению, реализованных реформ.

Изменение отношения общества к образованию и науке требует кардинальных, системных, научно обоснованных перемен. Однако две меры следует принять безотлагательно.

Это отмена ЕГЭ как способа поступления в высшие учебные заведения. Приём в вузы следует возложить на сами высшие учебные заведения, которые должны готовить будущих специалистов и нести полную ответственность за качество этой подготовки. Это сразу оздоровит ситуацию в образовательной сфере страны, а также улучшит отношение населения страны к федеральной власти. Кроме того, ЕГЭ блокирует профессиональную ориентацию и вкуче с увеличением приёма в МГУ и другие столичные вузы обескровливает провинцию. Работает гигантский насос – молодёжь покидает свои регионы и более не возвращается. Часть её становится столичным «офисным планктоном», часть уезжает за границу, часть начинает работать на местах, имеющих мало общего с полученной специальностью.

Вторая мера не так очевидна, но не менее необходима. Это так называемый «образовательный налог» на СМИ – 13% всего времени теле- и радиовещания на несколько ближайших лет должно быть отдано под образовательные программы, не прерываемые «рекламными паузами». Будущее за образованными, культурными странами, обладающими ключевым набором высоких технологий, в которых живут счастливые, уверенные в себе, «взрослые» (по терминологии Э. Берна) люди. Россия должна стать такой страной. И времени на это нам отпущено немного.

СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО

Вы, Сергей Артамонович, являетесь главным стратегом битвы, которую нам предстоит выиграть. И достойны самого высокого полководческого ордена. Но слишком большой разрыв между истинными и мнимыми цифрами выявляется с помощью современных математических средств.

А.А. Проханов «Время золотое»

Традиционный путь для развития научной дисциплины связан с прохождением цепочки: *описание – классификация – построение теории – прогноз – решение задач управления.* Эту последовательность социология прошла очень быстро благодаря огромной роли в решении задач управления обществом, а также в силу огромного объёма количественных данных, требующих обработки и объяснения.

В своё время один из основоположников, К.Г. Юнг (1875–1961), основатель аналитической психологии обратил внимание на феномен *синхронистичности* – множество странных совпадений, происходящих в обществе. Мы случайно встречаем людей, о которых подумали, находим неожиданную информацию, проливающую свет на происходящие события и т. д. Это наводит на мысль о том, что социальное пространство оказывается устроено совершенно не так, как обычное физическое, – оно оказывается гораздо более «тесным», чем кажется на первый взгляд (отсюда и поговорки о том, что «тесен круг этих людей», «тонок слой» и т. д.).

Свидетельством необычности социального пространства стал открытый американским социологом С. Милгрэмом (1933–1984) «закон шести рукопожатий». Если следовать логике физики, то случайная повторная встреча двух наперёд вы-

бренных молекул в газе или людей в мегаполисе ничтожно мала. Будем говорить, что люди связаны рукопожатием, если они лично знакомы друг с другом. С. Милгрэм установил, что в обществе, которое он исследовал, все связаны не более, чем через 6 рукопожатий. Этот результат, который, по мнению многих исследователей, имеет место и для всего человечества, парадоксален. Несмотря на огромное количество людей на планете, дотянуться до каждого можно очень быстро через 6 рукопожатий! Мы живём в «малом» или «тесном» мире.

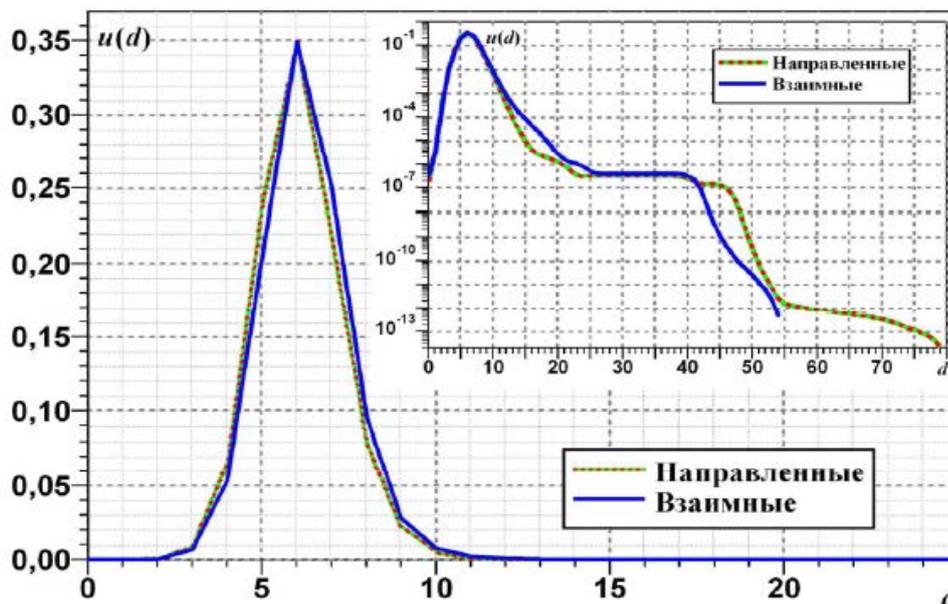
Интернет заставил самым активным образом исследовать социологию социальных сетей, связывающих друг с другом сотни миллионов людей с разных континентов, большинство из которых никогда не общались друг с другом «лично» и не пожимали друг другу руки в реальном, а не виртуальном пространстве. И являются ли такие сети, как и обычное общество, «малым миром»?

Исследование популярной российской социальной сети «Живой журнал» (ЖЖ), приведённое в ИПМ им. М.В. Келдыша РАН [12] подтверждает эту гипотезу. В ЖЖ более 7,8 млн участников и более 284 млн связей между ними. Распределение числа расстояний от участников сети до данного – $u(k)$ имеет острый максимум при $k=6$ см. рис.3. И с этой точки зрения социальная сеть является «малым миром» и наследует это замечательное свойство от реальных сообществ.

Рисунок 3

Распределение расстояний от данного участника социальной сети «Живой журнал» до остальных

Видно, что здесь мы имеем дело также с «Законом шести рукопожатий», что эта социальная сеть является «малым миром».

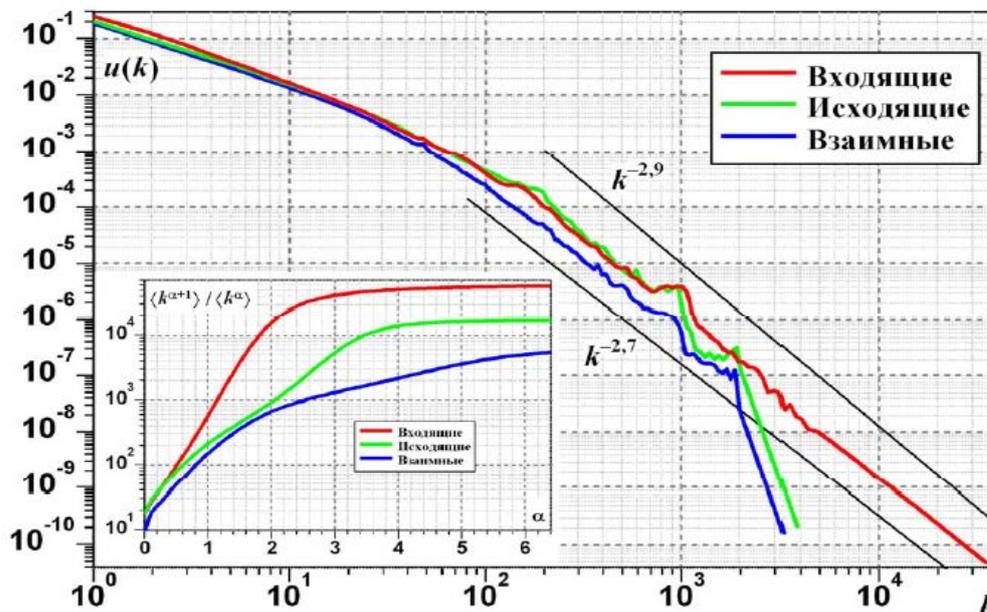
Однако в некоторых отношениях социальные сети отличаются кардинально. По данным психологии, человек в состоянии активно, творчески, содержательно взаимодействовать не более чем с 5–7 людьми. Число знакомых, с которыми поддерживаются отношения составляют несколько десятков. Иными словами, и там, и здесь есть характерный масштаб для соответствующей социальной группы. Однако *социальные сети характеризуются отсутствием такого масштаба* (см. рис. 4). В них распределение пользователей по числу связей определяется степенной функцией, не имеющей характерного масштаба $u(k) \sim k^{-\alpha}$ (поэтому иногда такие объекты называют безмасштабными сетями). Это означает, что в этой социальной сети есть огромная доля участников, имеющая много

сотен «друзей», с которыми они обмениваются сообщениями. С другой стороны, психологи обратили внимание ещё на один предел, называемый числом Данбара. Это количество постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать. Это число зависит от индивидуальных черт человека, его интеллекта и социального положения. Как правило, оно лежит в диапазоне от 100 до 230: чаще всего его принимают равным 150. Тем не менее, социальная сеть даёт гораздо большее число контактов, у рекорсменов оно достигает 2000–10000.

Рисунок 4

Распределение количества связей у разных элементов социальной сети

Рисунок показывает отсутствие характерного масштаба, а также то, что значительная доля участников имеет от 100 до 1000 связей с социальной сети.

Развитие социальных сетей, интернет-телевидения, блогов очень существенно меняет социальную среду – несёт новые риски и даёт новые возможности.

Известный футуролог Элвин Тоффлер обратил внимание на очень важный процесс, происходящий на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Нынешнюю реальность он характеризует следующим образом: «Мы мчимся к полностью иной структуре власти, которая создаст мир, разделённый не на две, а на три чётко определённые, контрастирующие и конкурентные цивилизации. Первую из них символизирует мотыга, вторую – сборочная линия, третью – компьютер.

Термин «цивилизация» звучит несколько претенциозно, особенно для американского уха, но нет другого термина достаточно всеобъемлющего, чтобы он охватывал такие разные вопросы, как технологии, семейная жизнь, религия, культура, политика, экономика, иерархическая структура, руководство, система ценностей, половая мораль и эпистемология.

В разделённом натрое мире сектор Первой волны поставляет сельскохозяйственные и минеральные ресурсы, сектор Второй волны даёт дешёвый труд и массовое производство, а быстро расширяющийся сектор Третьей волны восходит к доминированию, основанному на новых способах, которыми создаётся и используется знание.

Страны Третьей волны передают всему миру информацию и новшества, менеджмент, культуру и поп-культуру, передовые технологии, программное обеспечение, образование, профессиональное обучение, здравоохранение, финансирование и другие услуги. Одной из этих услуг может оказаться военная защита, основанная на владении превосходящими вооружёнными силами Третьей волны» [12].

СССР, предлагавший миру свой тип жизнеустройства, возглавлявший мировую систему социализма, добившийся огромных успехов в социальной, технологической, научной сферах стоял на пороге перехода к цивилизации Третьей волны. Почти тридцатилетнее реформирование и ложные ориентиры («сырьевой гарант», «либеральная империя», «штрафной батальон Запада», «страна живущая без идеологии») отбросил мир России в число цивилизаций Первой волны. Продолжение этой траектории лишает нас шансов на развитие и даже на сохранение своей страны. Исторический вызов, стоящий перед Россией – стать цивилизацией Третьей волны в исторически короткий срок. Следует не вернуться назад – во времена царской России с орлами и триколорами, вычеркнув 70 лет, как мечталось российской элите в 1990-х, либо в советское прошлое, а стремительно двинуться вперёд. При этом ключевым элементом, важнейшим ресурсом и инструментом, и целью перемен должно стать изменение социального пространства.

В самом деле, индустриальная эпоха принесла нам *массовое* производство, средства *массовой* информации, *массовое* образование, *массовое* здравоохранение, средства *массового* уничтожения. Потенциал общества определялся его *количественными* характеристиками в области экономики, обороны, технологий. Реализм, занимавший важное место в культуре XX века, рассматривал *типичного* человека в *типичных* обстоятельствах, готовил к ним людей.

В цивилизации Третьей волны мы видим совершенно другие тенденции. Современные технологии культивируют разнообразие – вместо больших серий продуктов и товаров появляется возможность учесть индивидуальные потребности или пожелания (типичный пример – современные автомобили, покупая которые мы выбираем цвет, а во многих случаях и тип краски, и приглянувшиеся нам «опции»).

Всё более существенными становятся не сами заводы, основные фонды, а способность осваивать и создавать новые технологии, эффективно организовывать производство, самоорганизация работников. Наглядный пример – производство современной боевой машины пехоты (БМП), включающий 800 тысяч деталей и операций, которые делаются силами более 2 тысяч человек. Проведённые исследования показали, что непосредственное изготовление деталей с использованием современных станков занимает всего лишь 2% времени изготовления машины. Остальное – установка инструмента, наладка и переналадка оборудования, логистика, складирование продукции. При этом повышение производительности станков вдвое практически не меняет времени создания машины, а повышение эффективности деятельности людей в несколько раз примерно во столько же раз ускоряют производство. Главным оказываются не станки, а люди. В полной мере это относится и к конверсии военного производства.

Интернет и социальные сети позволяют переходить от «массовой» к «индивидуальной» информации. У человека появляется возможность выбирать источники информации и формировать свой круг общения. Это позволяет создавать виртуальные компании, институты, лаборатории поверх государственных границ и существующих организационных структур. Популярным стал «краудсорсинг» – задавание «в сеть» возникших вопросов или постановка проблем, с которыми столкнулся. И очень часто в сети находится человек, знающий ответ на вопрос или решающий ту же проблему. Риски также очевидны. Если библейская заповедь советовала «Воз-

любви ближнего своего как самого себя», то интернет даёт возможность «возлюбить дальнего» или тот образ, с которым «далёкий» хочет предстать перед нами. Сплошь и рядом нынешний городской житель знает своих собеседников на других континентах лучше, чем соседей по лестничной клетке. Он может просто не услышать или не осознать того важного, что происходит здесь и теперь.

В состоянии глубокого кризиса оказалось массовое образование, сама идея предъявления общих, стандартных требований и оценки профессиональной пригодности на основе той степени, в которой они этим требованиям удовлетворяют. Идея стандартизации, которая была воплощена в ЕГЭ, оказалась разрушительной для отечественного образования.

В новой реальности усилия направлены на поиск талантливых, «нестандартных», оригинально мыслящих и действующих людей. Эффективность общества и государства сейчас во многом определяется тем, насколько успешно они находят таких людей, поддерживают и развивают их, а затем используют их возможности.

Коренным образом меняется медицина. Стремительный рост продолжительности жизни в XX веке и повышение её качества был связан с массовой вакцинацией, родовспоможением, применением антибиотиков. Дальнейшее движение связано с индивидуализированной медициной, изменением образа жизни, с другим отношением к собственному здоровью. И здесь происходит переход от массового к индивидуальному.

Убойная сила оружия с начала промышленной до наших дней выросла на пять порядков, то есть в 100 тысяч раз. В XX веке это привело к тому, что число жертв мировых войн стало исчисляться десятками миллионов человек. И в этой сфере мы видим переход количества в качество. Курс современного государства определяют 80–100 человек, находящихся наверху. Поэтому для победы вполне достаточно осуществлять контроль их действий. На «медленных временах» в несколько десятилетий это может быть обеспечено кадровой политикой (если есть возможность на неё влиять) и дискредитацией системообразующих смыслов и ценностей на общества и государства. На «быстрых временах» добиться победы можно, создав у малой группы лиц, принимающих решения неверную картину происходящего, своих возможностей и ограничений.

Эффективность этих технологий наглядно показали государственный переворот в нашей стране в августе 1991 года, который привёл к распаду СССР, и захват власти «майданом» в феврале 2014 года. В обоих случаях силовые структуры действующей легитимной власти, обученные, вооружённые и готовые выполнять приказы, не были использованы, – война с деструктивными силами была проиграна до начала сражения.

Мы вступили в реальность где важное, а иногда решающее значение играют *сетевые структуры*. Мы оказались элементами – узлами – множества различных сетей. Это сам интернет и социальные сети в нём, круг профессионального общения – типичная сетевая структура, сообщество наших друзей и знакомых, и множество других. В классических обзорах [13,14] этот важнейший аспект социальной реальности либо игнорируется, либо недооценивается.

Однако сейчас возможности, перспективы государства, безопасность и качество жизни его граждан определяются не только его местом в экономическом и военно-стратегическом пространстве, но также местом в информационном и сетевом пространствах, в области проектов будущего.

Здесь возникает большое проблемное поле не только для социологии или компьютерных наук, но и огромное пространство для решений задач национальной обороны, экономики, образования, новые императивы развития гуманитарных наук. Появляются новые стратегии. Их осознание, как правило, находится на

уровне метафор и анализа информации зарубежных СМИ [15,16]. Очевидно, практика здесь существенно опередила теорию.

В своё время широко использовался термин «обнажённая экономика». Возможность благодаря интернету анализировать экономическое пространство в немыслимом прежде объёме, сравнивать цены поставщиков, анализировать отзывы покупателей и действия конкурентов, заключать контракты, пользуясь сетью и электронной подписью, эффективно прогнозировать спрос и предложение очень многое изменили в экономической жизни.

Нечто похожее сейчас происходит в социальном пространстве. Организацией «Викиликс» мировому сообществу было предъявлено огромное количество документов министерства обороны и дипломатического ведомства США. И это показало императивы американской политики в новом, достаточно неприглядном свете. Скрытые механизмы, мотивы, приёмы, оценки высших чиновников американского госаппарата оказались выставлены напоказ.

Ещё больше впечатление произвели признания Эдварда Сноудена – имеющиеся технологии мониторинга телекоммуникационных сетей уже сегодня позволяют фиксировать звонки, SMS-сообщения, электронные письма сотен миллионов людей в разных странах. Перехваченные сообщения, прослушки, записи с видеокамер – то, что раньше было только в арсенале спецслужб и криминальных структур, – становятся инструментом публичной политики. Последствия этого очень велики и не до конца осознаны. Прежде всего, это огромный сдвиг в общественном сознании – миллионам людей придётся исходить из того, что их каждый шаг в профессиональной, общественной или личной сфере будет фиксироваться и изучаться. Иными словами, у людей не остаётся личного, свободного, не фиксируемого системами наблюдения, времени и пространства. Это противоречит основам европейской цивилизации, ключевым вектором развития которой было стремление к свободе в различных сферах жизнедеятельности.

Это вызов для современного государства – в попытке бороться с терроризмом оно может реализовать известную антиутопию, в которой Большой Брат постоянно наблюдает за всеми гражданами. Один из сотрудников израильских спецслужб – мировых лидеров в борьбе с террором – характеризует используемую в этой стране стратегию следующим образом: «Наш успех в том, – продолжает специалист–разведчик, что ни в одной арабской деревне на нашей территории не могут встретиться три араба, так, чтобы мы не узнали, о чем они говорят. То же самое придется делать в России... Вы знаете, что у вас на лице 17 точек, которые ничто не может изменить, например расстояние между вашими глазами, между глазами и ртом. Вы можете изменить форму носа, но эти точки не поменяете. И компьютер всегда будет видеть вас, куда бы вы ни пришли. Поэтому что эти точки есть только у вас, больше ни у кого. Делайте, что угодно, но по ним камеры именно вас обнаружат. Для того, чтобы определить, кто вы, мне не нужны вы сами...» [17].

Информационное пространство становится важнейшей сферой соперничества цивилизаций. Много тысячелетий предоставление или скрывание сведений о своих возможностях, целях, о происходящем сопровождало обычные войны, играло вспомогательную роль. Сейчас это стало важнейшей, если не главной частью противоборства. И это требует серьёзного социологического фундамента.

До недавнего времени, «прикладная социология», «связи с общественностью», PR понимались достаточно узко и прагматично. Это кадровая политика, подбор людей на определённые социальные роли, выигрыш выборов, перехват управленческой инициативы [11]. Однако дела в этой сфере обстоят гораздо серьёзнее. Для того, чтобы отстаивать позиции мира России или, тем более, вести информационные войны, требуется объективное, позитивное, доброжелательное отношение

к нашей стране, её выбору, к её национальным интересам. Без этого не приходится говорить о евразийском или других интеграционных проектах. И здесь ситуация представляется более, чем неблагоприятной. Исследовательский центр Pew Research осенью 2013 года опубликовал результаты опроса 37,5 тысяч человек в 39 странах, посвящённого отношению жителей всех регионов мира к России. Хорошо думают о нашей стране только 36% жителей планеты (к Китаю, например, положительно относятся 50% опрошенных, к США – 63%). Плохо к России относится 39%. При этом во многих странах имидж России с 2007 года по 2013 год ухудшился. Например, процент жителей изменивших отношение к нашей стране составил, к примеру, в Канаде 10%, в США – 7%, в Китае 5% (см. рис. 5) [19].

Рисунок 5

Изменение отношение к России граждан различных стран с 2007 по 2013 год
(Источник: «Русский репортер», № 5 (333) 6 февраля 2014)

Видно что, к сожалению, и в арабских странах и в ряде крупных государств отношение к нашей стране за прошедшие 6 лет ухудшилось. Одна из причин этого – неэффективная информационная политика. Не любят обычно тех, кого плохо знают.

С одной стороны, это связано с недостатками информационной политики нашей страны. Достаточно вспомнить принуждение Грузии к миру 08.08.2008. Информационное противоборство оказалось проиграно, мировое общественное мнение в значительной мере поддерживало агрессора, и только много месяцев спустя начали преобладать более объективные и взвешенные оценки.

Другая причина – отсутствие ясного, продуманного масштабного, принятого народом и элитами большого российского проекта, отсутствие ответа на вопрос, куда мы идём и какие цели перед собой ставим. Хочется думать, что ответ на этот вызов будет дан в ближайшие годы. Эпоха безвременья должна окончиться.

Ещё одна веха социологии на пути в будущее – количественный прогноз. В футурологии есть множество удачных социальных прогнозов. В значительной степени они опираются на выявление наиболее важных тенденций и экстраполяции их в будущее. Пожалуй, один из наиболее известных и удачных проектов по определению «мегатрендов» на основе анализа динамики газетной площади, посвящённой разным проблемам, был выполнен под руководством Дж. Нейсбита [20]. Подобные исследования, связанные с прогнозированием изменения определённых социологических индексов, предпринимались и в нашей стране [21]. Однако здесь вновь речь

идёт о «медленных временах» – десятилетиях. В то же время XXI век и интернет сделал социальную реальность гораздо более «быстрой» – оценки людей, событий, процессов могут меняться в течение месяцев. И было бы очень важно предвидеть реакцию общества на те или иные шаги власти и управляющие воздействия.

До сих пор российская социология играет роль своеобразного зеркала, отражающего общественное мнение (и отчасти формирующее его), служит важным инструментом общественной рефлексии. Однако «социальный заказ» на социальный прогноз, вероятно, очень скоро изменит эту область знания.

Работа с океаном интернета или огромным объёмом другой доступной информации требует не только суперкомпьютерной техники. Эти алгоритмы анализа данных, в свою очередь, должны строиться на фундаменте математической социологии. Если в прошлом с этой областью связывали в основном статистические методы результатов опросов – кластерный, регрессионный, компонентный факторный анализ. [21]

Однако необходимость описывать и анализировать рост социальных сетей, повышение доступности данных (в частности, данные по голосованиям по избирательным участкам, выложенные на сайте Избиркома) Стремительно меняют математическую социологию. Пример этого даёт список работ, выполненных в последние годы в ИПМ [22–24]. Например, анализ данных Центризбиркома, представленных в интернете даёт возможность достаточно надёжно и несколькими способами оценить долю вброшенных бюллетеней и отдельно переброшенных от одной партии.

Эта «обнажённая социология», с одной стороны, резко сужает сферу использования «административного ресурса», а с другой даёт совершенно новые возможности. Оперативный социологический мониторинг показывает, какие шаги руководства страны и в какой мере общество готово поддержать, насколько велик кредит доверия и какие социальные риски следует принимать во внимание в первую очередь. Это позволяет оценивать и использовать во благо общества его потенциал, проектировать будущее и решать стратегические задачи.

Здесь можно вспомнить пророческие строки испанского философа Ортега-и-Гассета «Любая общественная деятельность (политическая, интеллектуальная, просветительская) по определению не гарантирует успеха отдельному человеку, даже если он – гений. Влияние окружающих или, если угодно, власть социального берет начало в стихиях иного рода, чем те, что отличают воздействие одного человека на другого. Индивид никогда не достигает значительных результатов, опираясь только на свои силы. Личность сильна количеством социальной энергии, которыми её зарядила масса. Любая одаренность – только повод или предлог, чтобы человек сгустил на себе весь общественный потенциал» [25].

Междисциплинарные подходы, развивающиеся на стыке социологии, математического моделирования и философской рефлексии дают инструменты для оценки и использования общественного потенциала, каких никогда не было прежде. Важно, чтобы они были масштабно и своевременно использованы во благо России.

Считаем приятным долгом поблагодарить А.В. Подлазова за ряд обсуждений проблем, затронутых в этой статье и любезно предоставленные иллюстрации к ней.

Литература

Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. Белая книга России: Строительство, перестройка и реформы: 1950–2012 гг. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 560 с. (Будущая Россия № 24).

Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Мировая наука и будущее России. Аналитический доклад Изборскому клубу // Изборский клуб. Русские стратегии, 2013, № 8. С. 32–63.

Фадеев В. На твердой почве // Эксперт, 2014, № 3. С. 10–19.

Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии. Новые идеи в социологии / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2013. С. 10–24.

Курдюмов С.П., Капица С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с. (Синергетика и прогнозы будущего).

Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).

Берн Э. Игры, в которых играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Общ. ред. М.С. Мацковского. СПб: Лениздат, 1992. 400 с.

Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. ЕГЭ как катализатор кризиса российского развития // Вестник МГУ, серия 20 «Педагогическое образование», 2011, № 3. С. 18–59.

Запесоцкий А.С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни / Новые идеи в социологии; под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 339–376.

Урманцева А.Ю. Мозговой штурм. Избранные дискуссии. М.: ЗАО «СВР – Медиапроекты», 2013. 336 с.

Пять побед Путина // Эксперт, 2013, № 37, 16–22 сентября. С. 10.

Тоффлер Э. Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ. Транзиткнига, 2005. 412 с. (Pyulosophy).

Гидденс Э. Социология. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

Дугин А., Коровин В., Бовдунов А. Сетевые войны // Изборский клуб, 2013, № 10. С. 38–67.

Ларина Е., Овчинский В. Цифровые войны XXI века // Изборский клуб, 2013, № 10. С. 68–87.

Ахмедова М. Два года без смертников, Агенты «Моссада» считают Сочи самым безопасным местом в России // Русский репортер, 2014, 6–13 февраля. С. 46–53.

Гусев Д.А., Матвейчев О.А., Хазеев Р.Р., Чернаков С.Ю. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. Alex.J.Bakster Group, 2002. 192 с.

Константинов А. Кто тут не любит Россию. Во всем мире к нашей стране лучше всего относится молодежь // Русский репортер, 2014, 6–13 февраля. С. 58–59.

Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

Гук А.К., Фролова Ю.В. математические методы в социологии / Предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 216 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).

Подлазов А.В., Щетинина Д.П. Модель роста социальной сети. Препринт ИПМ № 95, М., 2013.

Митин Н.А., Подлазов А.В., Щетинина Д.П. Исследование сетевых свойств Живого журнала. Препринт ИПМ № 78, М., 2012.

Подлазов А.В. Математические методы исследования массивов данных социологического мониторинга. Препринт ИПМ № 71, Москва, 2012.

Ортега-и-Гассет Х. Беспребетная Испания. М.: АСТ, Ермак, 2003. 269 с.

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

Глава 8. А.В. Кузнецова

ИНСТИТУТ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА КАК ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ УМНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Июнь 2012 года оказался наполнен событиями значительного интеллектуального содержания как в России, так и во многих странах мира. Речь идёт о российских и международных научных конференциях, съездах, форумах, заседаниях.

Общей доминантой научного, дипломатического, экологического, экономического, социологического, политологического, философского поиска истины, путей сохранения мира и безопасности, программ действий для блага людей и народов можно, по мнению автора статьи, считать стремление к модели справедливого мироустройства и миропорядка, к умной и конструктивной политике национальной, региональной и глобальной безопасности 2012.

Особенностью 12-го Саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), который состоялся 6–7 июня в Пекине, стала принятая её участниками декларация о построении региона долгосрочного мира и повсеместного процветания. Суть такой программы действий, по словам лидера Китая Ху Цзиньтао, «превратить ШОС в большой дом мира и согласия»¹.

Для сохранения мира и безопасности в июне 2012 года, в последующие месяцы исключительное значение обрели слова Президента России Владимира Путина, которые он сказал на саммите ШОСа, в этом доме мира и согласия по итогам встречи с Президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом. «Мы всегда поддерживали право иранского народа на современные технологии, в том числе на мирное использование атомной энергии, – отметил Владимир Путин. – Но хочу подчеркнуть: именно на мирное использование, – уточнил лидер России. – Мы последовательные приверженцы нераспространения оружия массового уничтожения»².

По существу, именно содержание, смысл обсуждения проблем мира и безопасности; содержание принятых документов на Саммите ШОС в Пекине (июнь 2012) определили, по мнению автора статьи, главный вектор на 2012 год, последующие месяцы и годы в последовательном продвижении к умной политике глобальной безопасности, к справедливому мироустройству.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ КОНЦЕПЦИИ УМНОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА

Полагаю, можно констатировать, что многие миллионы граждан как в России, так и во многих других странах мира восприняли тезис Президента страны Дмитрия Медведева, сформулированный им в Ярославле (сентябрь 2009 года) на международной конференции «*Современное государство и глобальная безопасность*», в качестве перспективной и конструктивной программы для Всех.

Он чётко и понятно отметил: «Будущее – за умной политикой»³. Более подробно развернул смысл этого тезиса Министр иностранных дел России Сергей Лавров в своём выступлении на конференции в Ярославле 14 сентября 2009 года. «Современная дипломатия, по существу, занимается коренными во-

¹ Приведено по: *Строкань С.* Шанхайская организация повысила самооценку: Принята итоговая декларация саммита // *Коммерсантъ*, 2012, 8 июня. С. 7.

² Там же.

³ Приведено по: *Ситнина В.* Ярославская правда // *Время новостей*, 2009, 15 сентября. С. 1.

просами национальной жизни – от обеспечения безопасности в её современном прочтении до вопросов процветания, включая сохранение и создание рабочих мест, – отметил он. – На первый план выходят глобальные вызовы и угрозы, эффективно противодействовать которым по определению можно только солидарными усилиями всех государств... Требуется и соответствующий инструментарий – уже не количество и огневая мощь дивизий. Сообразно предмету претерпевает серьезные изменения и метод ведения дел в международных отношениях. Это уже не иерархические конфигурации, апофеозом которых стало разделение мира на два противостоящих лагеря в период "холодной войны", а сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия различных групп государств в целях обеспечения совпадающих интересов. Речь отныне не идет о борьбе против кого-то, "сдерживания" кого-то, а о коллективных усилиях за что-то, за вполне конкретные интересы, общие для определенного круга государств или международного сообщества в целом»¹.

Концепция справедливого мироустройства, с учётом соображений Д. Медведева и С. Лаврова, в её классификационных основаниях может обрести научность, фундаментальность только как обусловленное теорией и практикой умной политики обеспечения мира, безопасности, справедливости, культуры национального, культуры партнёрского.

Здесь необходимо предварительно, по мнению автора статьи, отметить наличие в современных условиях XXI века как и в близкие, и далёкие годы множества теорий и нетеорий о картине мира, об образе мира, о миропонимании, о мироустройстве на уровне мифов, религиозных институтов, традиций, обычаев, особенностей культуры.

Предварительное уточнение 1.

Вот как пишет А.С. Капто. «Древнерусское миропонимание – это составная часть миротворческих традиций России, получивших глубокое и всестороннее отражение в летописных, православно-религиозных, агиографических, литургических, фольклорных источниках Древней Руси в IX–XIII вв., – поясняет он. – Представляет собой уникальный пласт общественно-политической мысли, духовной, гуманистической, цивилизационной культуры в один из сложнейших периодов в истории русского народа.

Хотя древнерусское миропонимание в период своего становления и не получило чётко очерченное доктринальное (в современном понимании) оформление (не было специально разработанных доктрин, концепций, систематизированных знаний по проблемам войны, мира, миротворчества), оно имеет свой "философский камень", отличается основательным нравственно-этическим фундаментом, ясностью и определённостью понятий, получивших со временем статус научных категорий»².

Предварительное уточнение 2.

В настоящее время, как и в течение многих веков и тысячелетий, для сотен миллионов людей во всех странах мира смысл, содержание и структура миропорядка, мироустройства, справедливого миропорядка, справедливого мироустройства определялись в течение всей их жизни религиозными нормами, религиозной процессуальностью, религиозными текстами, религиозными святыми книгами: «Библией» (для христиан), «Кораном» (для мусульман), священными

¹ Приведено по: Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики... С. 109.

² Капто А.С. Древнерусское миропонимание // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 294.

книгами для верующих в Китае, Индии, Японии, во многих других странах мира. Для XXI века важными институтами стали религиозные документы, ориентированные на изложение концептуальных оснований современной модели справедливого миропорядка и справедливого мироустройства.

На рубеже XX и XXI веков для православных и для всех людей в России, во многих странах мира руководящими в вопросах миропорядка, справедливого мироустройства стали такие документы: «*Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*»¹, «*Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека*», Документ принят на Пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 28 июня 2008 года².

Для мусульман Российской Федерации смысл, содержание и структура справедливого миропорядка и справедливого мироустройства представлены в документе: «*Основные положения социальной программы российских мусульман*»³.

Проблемам продвижения к справедливому миропорядку, справедливому мироустройству в XXI веке посвящена третья энциклика Бенедикта XVI, Папы Римского, *Caritas in Veritate*: «О целостном человеческом развитии в любви и истине» («Милосердие в истине»), которую Понтифик подписал 29 июня 2009 года⁴.

Концептуальное и методологическое, эвристическое, институциональное и процессуальное значение двух предварительных уточнений состояний в том, по мнению автора статьи, что отмеченные в них смыслы, ценности, представления о картине мира сосуществуют для реальности XXI века одновременно в сознании и поведении людей практически во всех странах, во всех видах поселений людей. Эти два фактора должны быть учтены во всех формулировках понятий, концептов, конструкторов, которые определяют объект и субъект теории справедливого мироустройства; предмет и предметную область политологического исследования справедливого мироустройства; основные классификационные характеристики конструктора «справедливое мироустройство».

КОНСТРУКТ «СПРАВЕДЛИВОЕ МИРОУСТРОЙСТВО»

Итоги исследований феноменов «миропорядок», «мироустройство», «мироздание», «справедливое мироустройство» представлены наиболее полно в работах Е.М. Примакова, Р.Г. Яновского, А.С. Капто, Э.Г. Кочетова, С.Б. Переслегина, Н.В. Жданова, К.С. Гаджиева, Н.С. Розова, А.И. Уткина. Важно отметить, что в их исследованиях сформированы основы системы понятий, категорий, концептов, конструкторов, которые «сложили», «выстроили» значительный корпус специфических понятий для сферы функционирования феноменов «справедливый миропорядок», «справедливое мироустройство».

Эти понятия представлены в авторских перечнях терминов, в отдельных словарях, энциклопедиях⁵.

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Предисловие митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла // *Безопасность Евразии*, 2000, № 2.

² Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // *Безопасность Евразии*, 2009, № 1.

³ Основные положения социальной программы российских мусульман // *Безопасность Евразии*, 2001, № 3.

⁴ *Бенедикт XVI*. Энциклика *Caritas in Veritate*: О целостном человеческом развитии в любви и истине. Москва: ИО Издательство Францисканцев, 2009.

⁵ *Кузнецов В.Н.* Партнёрство. М., 2011; *Кочетов Э.Г.* Диалог. М., 2011; Глобальное управление: поиск новых смыслов / Под общ. ред. Л.О. Терновой, К.В. Николаева. М., 2010; *Кузнецов В.Н.* Геокультурная Энциклопедия – 2009. М., 2009; *Капто А.С.* Энциклопедия «Мир». В 2 т. М., 2008; *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Гео-*

Тем самым их работы обеспечили развёртывание и существование специализированного научного дискурса по политологическим, социологическим, философским, экономическим, историческим, юридическим аспектам проблемы «справедливого мироустройства».

Можно и необходимо отметить такие этапы к продвижению оформления ключевого политологического конструкта (категории) «справедливое мироустройство».

Первый этап. Обоснована, в качестве гипотезы, наиболее общая картина мира, образ мира, приемлемого для прошлого, настоящего и будущего человечества: Мир XXI века как Культура–Сеть.

Второй этап. Разработана и предложена на Саммите по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (1992 год) Повестка Дня для достойной, справедливой жизни.

Третий этап. Определены, согласованы и утверждены Глобальные цели развития человечества до 2015 года как движение к справедливости на Саммите 2000 года в Нью-Йорке.

Четвёртый этап. Для понятного и прозрачного содействия выполнению продвижения к справедливому мироустройству согласно Повестке Дня и Глобальных целей разработаны Правила Игры на основе процессуальности Глобальной Игры с результатом не равным нулю, Глобального Компромисса с результатом не равным нулю, с обоснованием концепции интеллектуальной платформы, на которой могут быть объединены: Повестка Дня, Глобальные Цели и Правила Игры. Эта платформа: культура глобального устойчивого справедливого партнёрства.

Пятый этап. Обоснована роль и природа главного Субъекта достижения, функционирования и развития, защиты справедливого мироустройства – Народы мира, «концерт народов мира».

Шестой этап. Исследовано основание динамики и самодвижения, энергетики и устойчивости феномена «справедливое мироустройство»: глобальное главное антагонистическое противоречие: культура жизни, культура мира – против культуры смерти, культуры войны.

Теперь можно предложить такой вариант рабочего определения конструкта «справедливое мироустройство»: это состояние, процесс и результат деятельности человека, народов мира, государств по достижению, сохранению и развитию мира и безопасности; счастья и справедливости, достоинства, правды для каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

В центре исследований политологии справедливого мироустройства, как её объект, находится прошлое, настоящее и будущее всей совокупности гуманитарных, культурных, религиозных, дорелигиозных взаимодействий людей и народов; их взаимосвязей с естественными (природными) и техническими аспектами жизнеобеспечения; с их мечтой, идеалами и ценностями; с их стремлением к честности, правде и справедливости; с их надеждами на любовь, счастье и личное достоинство; с их патриотизмом и готовностью служить своему народу и Отечеству.

Для XXI века в структуре объекта, в его сущностной характеристике особое внимание во взаимоотношениях народа и власти может быть обращено (и должно быть обращено) на сохранение и укрепление мира и безопасности, на постоянную деятельность по предотвращению возможной глобальной ядерной вой-

ны, на предотвращение условий возникновения техногенных катастроф, на минимизацию последствий природных катастроф.

ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

С учётом определения объекта исследования в самом предварительном плане можно установить, что предметом политологии справедливого мироустройства выступает состояние, изменение, результат политического процесса всей совокупности действий, отсутствия действий, взаимодействий, отсутствия взаимодействий по продвижению к социально, гуманитарно, культурно значимому в реальном пространстве – времени результату в осуществлении позитивных и конструктивных перемен в интересах справедливости, доверия и безопасности для каждого человека, семьи; для каждого народа.

Для уточнения предметной области политологии справедливого мироустройства, что исключительно важно и необходимо для вхождения в современный специализированный научный дискурс и в сообщество общественных наук, представим совокупность понятий, концептов, конструктов, которые позволяют понять и обозначить главные сущностные характеристики политического как объективной реальности.

Первую группу понятий считаю возможным представить по итогам исследования В.Н. Кузнецова. Именно они сложили смысловое поле специализированного научного политологического дискурса по проблемам мироустройства.

Геокультура – это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности, стратегического компромисса по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых, вызовов, рисков, опасностей и угроз¹.

Главное глобальное антагонистическое противоречие XXI века – глобальное, всепроникающее и всеобъемлющее противоречие: «культура безопасности человека» (культура безопасного развития человека, культура жизни человека) – «культура смерти человека» обозначилось как источник динамики всемирной, абсолютной безопасности; как источник мировой динамики гуманитарных перемен. Это противоречие стало главным интеллектуальным, энергетическим, мотивационным и силовым фактором возникновения, оформления и развёртывания новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.

Глобальный гуманитарный стратегический компромисс – это взаимодействия различных моделей мироустройства XXI века (Проекта Путина, Проекта Буша и других), различных моделей мирового порядка (Московско-Шанхайской модели и других), как реальные продуктивные тенденции к оптимальному разрешению антагонистических и неантагонистических противоречий; как позитивная динамика формирования альянсов цивилизаций; как становление глобальной, региональной, национальной и личной безопасности каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства.

Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века – это процесс и результат изменений содержания и структуры мироустройства XXI века, всего миропорядка, оснований мировоззрения и гуманизма под воздействием слабых связей, слабых влияний, слабых рисков; начало доминирова-

¹ Это и последующие понятия в первой группе представлены по тексту: Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011. С. 428–440.

ния во всех сферах жизнеобеспечения, во всех видах взаимодействий компромиссного, партнёрского, культурного, гуманитарного.

Гуманитарная безопасность – это сетевая надёжная и устойчивая совокупность факторов; гуманитарных, социальных, культурных, религиозных взаимодействий эффективно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; человеческое в человеке и достойный смысл его жизни; состояние защищённости человека, семьи, народа; их целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры; необходимое и достаточное поощрение и развитие прав и обязанностей человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Гуманитарный кластер – это процесс и результат устойчивого и добровольного объединения смыслов и результатов гуманитарных сетевых взаимодействий, ориентированных на развитие взаимосвязей между партнёрами во всех сферах жизнеобеспечения людей, семей, общества, государства и цивилизаций; на обеспечение поиска и достижения справедливости через компромисс; на сохранение и развитие создающих качеств соборности, общинного образа жизни, артельного способа обеспечения жизнедеятельности для граждан; на развитие локальных, региональных особенностей культуры, функционирования идеалов, ценностей, формальных и неформальных норм обязательности, ответственности, умения рисковать и отвечать за последствия деятельности.

Доверие – это одна из основных категорий геокультуры, которая выражает состояние мировосприятия человека на основе терпимости и уважительного диалога; состояние конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами; состояние с наличием воли и энергии для достижения необходимых компромиссов.

Игра с ненулевой суммой – обозначает такой характер взаимодействий субъектов противоречий (в основном, неантагонистических), когда в итоге переговоров, торга может быть заключено соглашение, итоги которого одинаково удовлетворяют каждого субъекта взаимодействия: каждый справедливо определяет себя победителем.

Кластер – в гуманитарном и социальном смысле – это относительно устойчивое партнёрство как материальных объектов, так и нематериальных объектов: интеллектуальных процедур, интеллектуальных результатов деятельности, смыслов деятельности отдельных творцов, коллективов, больших совокупностей людей; сетей связей, взаимодействий между субъектами сообщений, событий, общения.

Компромисс – это процесс и результат осуществления договорённости между людьми, народами, государствами, их объединениями; между культурами и религиями на согласованное время во имя достоинства, благополучия и безопасности человека, семьи, народов, общества, государства и современной цивилизации, справедливости, на основе взаимных политических, экономических, идеологических уступок по поводу целей, идеалов, ценностей, национальных интересов, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего своих народов, стран и регионов, понимания демократии, патриотизма, смыслов жизни и мечты.

Конвергенция – может быть определена как процесс и результат устойчивого смягчения остроты противоречий между субъектами конвергенции под влиянием: среды в ходе их адаптации; сближения позиций, целей и ценностей под влиянием компромиссов, конформности и демократизации; совместной деятельности по обеспечению безопасности человека, общества, народов, государств и цивилизаций.

Культура безопасности – является процессом сохранения развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; справедливости; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищённостью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов; эффективного предотвращения угроз на основе опережающей стратегической партнёрской культуры компромисса.

Справедливость – это процесс и результат создания и передачи энергии и творческой воли поступков людей, с учётом масштаба, времени и пространства, во все сферы гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий между людьми и народами, ориентированных на создание и понимание высшего смысла жизни, высшего идеала и высшей цели на основе правды, нравственности и культуры; на достижение счастья и свободы, благополучия и равенства, достоинства и безопасности каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

Вторую группу понятий необходимо предложить по итогам исследований Э.Г. Кочетова. Все понятия во второй группе представлены по тексту: Кочетов Э.Г. Диалог (М., 2011. С. 645–663).

Геогенезис (Geogenesis) – пространственно-философская методология осознания (постижения), восприятия и отображения мира, методологическая основа глобалистики; синтез подпространственных форм, выделенных по функциональному признаку, в единое целостное пространство; новая методологическая призма, через которую рассматривается процесс глобализации. Генезис выступает как новая методологическая основа, новейшая «оптика» понимания современной архитектоники мира.

Геологистика (Geologistics) – логистика в её глобальном измерении, при котором частные логистические системы в глобальных координатах соотносятся как геоэкономическая, геофинансовая, геополитическая, военно-стратегическая, геоинформационная логистики, а также мировая природоохранная и мировая культурологическая логистические системы; восприятие глобального мира как логистической системы, в основе которой функциональное (не механическое) переплетение всех вышеотмеченных частных сфер в единую логистическую композицию, предопределяющую единство содержания (логику мирового развития, его центральную парадигму – геоэкономику) и формы (институциональное оформление глобального мира). Восприятие глобального мира как логистической системы (геологистики) выводит нас на построение объёмной синкретической модели – геоэкономического атласа мира.

Геоэкономика (Geoeconomics) – 1) концептуальные воззрения, отражающие интерпретацию глобального мира через систему экономических атрибутов; 2) вынесенная за национальные рамки система экономических атрибутов и экономических отношений, определяющих контур глобального экономического пространства, в котором разворачиваются мировые экономические процессы. Геоэкономика выступает как симбиоз национальных экономик и государственных институтов, переплетение национальных и наднациональных экономических и государственных структур; 3) политологическая система взглядов (концепция), согласно которой политика государства предопределяется экономическими факторами, оперированием на геоэкономическом атласе мира (в том числе на его национальной части), включением национальных экономик и их хозяйствующих субъектов в мировые интернационализованные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового дохода на базе высоких геоэкономических технологий. Геоэкономика выступает также как составная часть стратегии развития.

Глобальный диалог (Global dialogue) – 1) обсуждение сторонами (участниками) диалога вопросов высокого ранга, затрагивающих общемировые, не терпящие отлагательства проблемы современности, нерешение которых создаёт общую опасность для всех участников диалога либо 2) прояснение непреодолимых обстоятельств недоговорённостей с отложенным поиском либо иной аргументации, либо иных участников диалога, либо иных интеллектуальных площадок диалога.

Полагаю необходимым обратить внимание читателей, что обоснованы и представлены новые понятия, концепты, конструкты, которые обеспечили доказательность специализированного политологического научного дискурса по проблемам становления и функционирования справедливого мироустройства. Здесь уместно представить **третью группу понятий, концептов и конструктов**, предложенную автором статьи¹. Они соединяют первую и вторую группу понятий для сферы политики справедливого мироустройства. Тем самым оформляется целостный корпус понятий, концептов, конструктов для специализированного политологического научного дискурса.

Миропорядок (мировой порядок) – это устоявшаяся сетевая совокупность понятий и принятых людьми, народами и государствами гуманитарных и социальных взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, справедливости, традиций; уважение прошлого и достоинство исторической памяти, удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.

Мироустройство – состояние, процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость, на диалог и партнёрство в осуществлении любых взаимодействий со всеми людьми и народами на основе равноправия.

Идеология миропорядка («идеология новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века») – это формирующаяся устойчивая совокупность принципов и установок: на методы и средства достижения своих целей, идеалов, ценностей, интересов; на допустимые рамки достойного участия в изменении порядка взаимодействий в обеспечении культуры мира, культуры безопасности на основе культуры компромисса и справедливости, культуры партнёрства и культуры национализма; на соучастие в решении проблем риска, долга, обязанностей и ответственности.

Идеология мироустройства – это артикулированная совокупность понятий, концептов и конструктов способствующих осознанию допустимых методов и средств для осуществления: политических, экономических, культурных оснований любых взаимодействий между людьми, обществом и государством, современной цивилизации на базе культуры компромисса и справедливости; формирования и устойчивого функционирования исторической памяти, мечты и смысла

¹ Их обоснование см.: Кузнецова А.В. Справедливое мироустройство. М., 2011.

жизни человека с учётом уважительного диалога, доверия и солидарности; культуры прав и свобод в сочетании с культурой ответственности; культуры интерпретации прошлого, осмысления настоящего и понимания будущего.

Гуманитарные взаимодействия – это состояние, процесс и результат отношений во времени и пространстве между людьми по поводу: сохранения и защиты их жизни; их целей, идеалов, ценностей, интересов; смысла жизни; правил игры; ожиданий и действий каждой из сторон по вопросам состояния и изменения человеческого в каждом субъекте непосредственного контакта; ответственности за последствия рисков своей деятельности, своих поступков.

Культура патриотизма – это состояние, процесс и результат деятельности человека, народа, общества, государства, которые выражают: духовную и нравственную сущность их устойчивых и бескорыстных отношений к своему Отечеству, его целям, идеалам, ценностям, интересам в прошлом, в настоящем и будущем; готовность без каких-либо условий, общественных договоров и политических сделок служить Родине, жить во имя народа и Отечества, защищать их своей жизнью и своим достоянием; содействовать выявлению и преодолению реальных недостатков; быть ориентированным на уважительный диалог по всему спектру проблем миропорядка и мироустройства.

Справедливое мироустройство – это состояние, процесс и результат деятельности человека, народов мира, государств по достижению, сохранению и развитию мира и безопасности; счастья и справедливости, достоинства, правды для каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

Политология справедливого мироустройства – это самостоятельная наука о взаимодействиях людей, народов, цивилизаций, которая ориентирована на справедливые, доверительные, компромиссные состояния и перемены, которые ориентированы на мечты, традиции и динамику своих культур, образа жизни; на понимание проблем мира и безопасности, проблем справедливого миропорядка и справедливого мироустройства.

Институциональная политология – это наука о формировании и функционировании политики справедливого мироустройства; о легитимном и нелегитимном в реальных политических взаимодействиях людей, народов, государств, общественных институтов; о ключевых проблемах жизни, мира и безопасности; о нормах, правилах, традициях согласования мотивов их позиций и поступков; их целей, идеалов, ценностей, интересов; о приемлемых, в условиях реального времени и пространства, средствах, технологиях, механизмах формальных и неформальных взаимодействий; о долге, обязанностях и ответственности всех за риски, за результаты, за их последствия.

Результатом исследования стало обоснование, надеюсь, важных факторов, которые обусловили реальное вхождение концепции политологии справедливого мироустройства (на оригинальной основе) в сообщество современных общественных наук.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВЫХ МИРОПОРЯДКА И МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА

Преобразование в императив (фактор) функционирования мировоззренческой доминанты для сферы справедливого мироустройства на рубеже XX и XXI веков состоялось через осмысление процесса и результатов синтеза гуманитарного, естественно-научного и технического аспектов современного знания; осмысления различных сторон опыта жизнеобеспечения. Алгоритмом, матрицей формирования и функционирования такого «императива» стали когнитивные подходы, концепции, методологии, процессуальность и технологии.

Сам императив как *мировоззренческая ведущая доминанта современности* сложилась через продвижение *системных* свойств изучаемых явлений и процессов к пониманию *сетевых*¹, *кластерных*² подходов; к освоению и восприятию возможностей «*грид-систем*», «*грид-инфраструктур*», «*грид-инноваций*»³; к овладению «*краудсорсингом*»⁴; к фактически глобальному продвижению «облачных» методологий, концепций, институтов, процессуальности, технологий, облачной среды⁵.

Общенаучной «упаковкой» для широкого класса сетевых, кластерных подходов, грид-технологий, краудсорсинга, облачных концепций стало «*когнитивное*» оформление мировоззренческой сферы.

Своеобразной институционализацией мировоззренческого – когнитивного свойства стала в 2010 году конференция «*Современное состояние и перспективы развития когнитивной науки в России*» (Российский государственный гуманитарный университет – РГГУ, Москва).

Поэтому так интересна беседа корреспондента «Новой газеты» Ирины Тимофеевой с ректором РГГУ Ефимом Пивоваром (вопрос, ответ).

– Похоже, сегодня повторяется ситуация 60-х годов прошлого века – «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Сокращаются бюджетные места на гуманитарные специальности и, наоборот, растет число бюджетных мест по техническим специальностям. Коснулась ли эта тенденция РГГУ?

– К сожалению, в нашем обществе большого почета «физикам» пока нет. А «лирики», гуманитарии, особенно получившие прикладное социальное образование, имеют определенный достаток после окончания вуза. Любое решение – это гуманитарная технология. Особенно это верно в политической сфере. Да и вообще, противопоставление «физиков» и «лириков» сегодня не имеет смысла. Ведь многие области современного знания – результат взаимопроникновения естественных, гуманитарных и технических дисциплин. Например, когнитивные технологии. Их изучают и в Курчатовском институте, и у нас в РГГУ»⁶.

Суть собственно когнитивного, мировоззренческого интересно и обстоятельно исследовали в научной монографии «*Когнитивный образ мира: Прологомены к философии образования*». Авторы – О.Е. Баксанский, доктор филологических наук и Е.Н. Кучер, кандидат психологических наук.

«Последнее десятилетие характеризовалось широким распространением когнитивного подхода, многие авторы стали говорить о "когнитивной революции". Образ мира и человека в мире в когнитивном направлении обещает богатство концептуальных и исследовательских возможностей в ближайшем будущем, – полагают они. – С точки зрения авторов представляется, что образ мира адекватно трактовать как совокупность когнитивных репрезентаций, которые, объединяясь в иерархически организованную структуру, фиксируют всю область когнитивных достижений субъекта как в части осознаваемого знания, так и относительно его не-

¹ Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004.

² Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010.

³ Ильин В. Успешный симбиоз грид и обычных технологий – вопрос времени // Известия, 2010, 27 октября.

⁴ Ослон А. Апология умной толпы: Шутки над «коллективным разумом» вот-вот могут закончиться // НГ СЦЕНАРИИ, Приложение к «Независимой газете», 2012, № 2, 28 февраля.

⁵ Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Екатеринбург, 2011.

⁶ Пивовар Е. Воспитания не бывает много (беседовала Ирина Тимофеева) // Новая газета, 2011, 25.02. С. 20.

явных представлений, а также принципов восприятия, анализа и переработки информации, получаемой в жизненном опыте.

Когнитивная репрезентация, в свою очередь, не является неким неделимым целым. С точки зрения развиваемого в настоящей книге подхода, она понимается как структура, образуемая совокупностью дихотомичных конструктов элементарных субъективных шкал, на основании которых, индивид анализирует события собственного опыта.

Персональные конструкты функционируют не изолированно, а образуют иерархические системы, в рамках которых осуществляется субъективное истолкование соответствующего круга событий реальности. Такие системы персональных конструктов и составляют когнитивные репрезентации некоторой (возможно, достаточно широкой) области действительности. Таким образом, с точки зрения предлагаемого авторами подхода к пониманию феномена образа мира, элементарной единицей анализа этого образования является персональный конструкт (в понимании Дж.А. Келли). И хотя знание частей еще не гарантирует адекватного представления о составляемом ими целом, исследование образа мира посредством анализа его элементарных единиц – персональных конструктов – представляется авторам весьма перспективным подходом к анализу данного феномена¹.

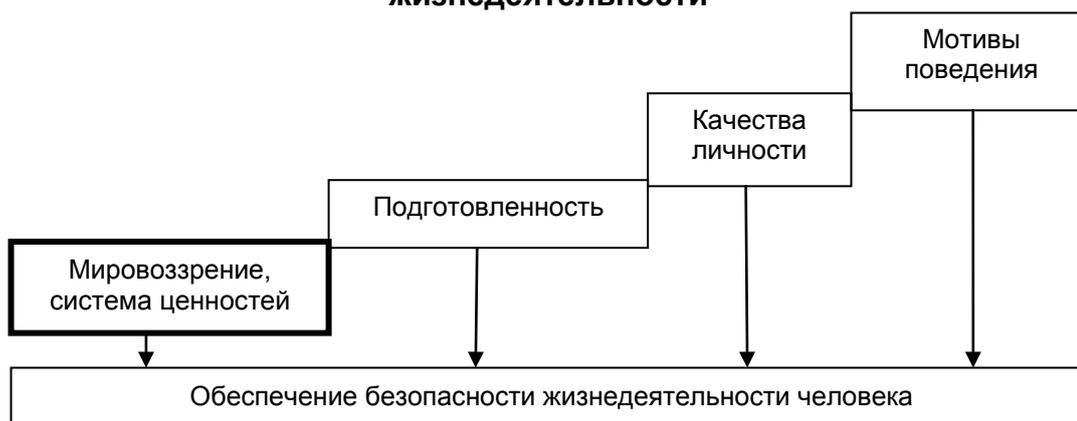
Поучителен и такой факт, что по итогам уникального для мировой науки исследования **«Безопасность России»** (см. вставку 1) в 1998–2008 годах проблем мировоззрения, миропорядка, мироустройства через гуманитарные, социальные, естественно-научные, технические аспекты безопасности России (33 тома), завершающий первый этап работы 33-й том получил название **«Человеческий фактор в проблемах безопасности»**².

Полагаю, что по итогам этого выдающегося труда (33 тома) и, особенно, после изучения материалов 33-го тома, его можно было бы назвать и так: **«Мировоззренческий фактор в проблемах безопасности России, современного миропорядка и мироустройства»**.

В обоснование такого предположения приведу ключевой рисунок из введения к этому тому (см. рис. 1).

Рисунок 1

Составляющие системы обеспечения безопасности жизнедеятельности

Источник: Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности**. М.: МГФ «Знание», 2008. С. 12. (Выделено – жирно – мною. – В.К.).

¹ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: Прологомены к философии образования. Научная монография. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С. 212–213.

² Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности** / Рук. авт. кол-ва Н.А. Махутов. М.: МГФ «Знание», 2008. 688 с.

Исключительное значение для всего моего исследования справедливого мироустройства, современного мировоззрения имеют три особенности, представленные в этом томе, завершающем первый этап исследования (1–33 тома).

Первая особенность. Завершающая глава 33-го тома, глава XVI, называемая «Принятие решений в задачах обеспечения безопасности» посвящена новейшим тенденциям формирования и функционирования мировоззрения через когнитивные методологии (с. 623–667), через сетевые и облачные подходы, технологии.

Вторая особенность. Практически впервые в российской научной литературе на примере проблем предотвращения опасностей и угроз, предотвращения нежелательных рисков научный коллектив всего 33-томного труда (социологи, экономисты, юристы, философы, математики, физики, биологи, культурологи, специалисты в различных областях техники) представил основы становления, функционирования и развития «облачных, Web 3.0» подходов для сферы мировоззренческого, для понимания трансформации моделей миропорядка, мироустройства в XXI веке.

«В жизненном цикле экспертных методов и технологий можно выделить два рода факторов риска, – поясняют авторы 33-го тома. –

1. Факторы риска, психологически влияющие на достоверность экспертных методов в ходе их применения экспертами, относятся к факторам первого рода, или факторам прямого действия. Их действие обычно связано с экспертами (или аналитиками, ЛПР и другими специалистами), чьи знания формализуются для последующего применения формальных методов; именно эти люди оказываются в условиях, которые могут, в конечном счете, привести к порождению недостаточно достоверных (в объективном отношении) результатов. Такие факторы могут либо объективно способствовать недостоверности, либо повышать субъективную уверенность экспертов в достоверности результатов применения методов, начиная с их собственных формализованных знаний.

2. Факторы риска второго рода, или факторы косвенного действия, закладываются и начинают действовать уже в ходе создания и обоснования экспертных методов. Влияние этих факторов связывается с создателями методов и технологий, учеными и экспертами-стандартизаторами, которые, в свою очередь, подвержены влияниям научных, норм, традиций научных школ, парадигм, различных мифов и т. д., а также "носителями технологий", нередко выступающими в качестве посредников между создателями методов, с одной стороны, и экспертами и другими специалистами – пользователями результатов, с другой.

Для уточнения механизмов действия рассматриваемых факторов риска и их взаимодействия между собой представляется уместным обратиться к понятию, "окружающего интеллекта" (англ. ambient intelligence, сокращенно Aml), которое сегодня становится все более популярным. Его смысл состоит в том, что современный человек окружен многочисленными изделиями, такими как компьютеры, мобильные телефоны, компьютерные технологии и др., которые являются продуктами интеллектуального труда и нередко претендуют на выполнение "интеллектуальных" функций; это окружение оказывает влияние на деятельность человека, в том числе интеллектуальную, которое на сегодня не вполне осознано, но достаточно значительно и многообразно, чтобы стать предметом научного исследования. Специфика многих компьютерных технологий и систем (называются ли они интеллектуальными, информационными, когнитивными или как-то иначе) состоит в том, что здесь окружающий интеллект напрямую предназначен для влияния на интеллектуальную деятельность человека.

Попытки представить прямое или косвенное взаимодействие интеллектов и свеженных с ними факторов, порождающих риски, для конечных результатов деятельности с позиций управления привели к модели когнитивного управления. Ключе-

вым элементом этой модели является формализация знаний одних людей в соответствии с представлениями (обычно) других людей о том, какой она должна быть.

Модель когнитивного управления (МКУ). Понятие «когнитивное управление» введено для обозначения управления, которое воздействует на когнитивные (познавательные) средства конкретного человека, осмысливающего и структурирующего ситуацию. Прежде всего, к этим средствам относятся его общие понятия и схемы представления знаний, посредством которых происходит формализация его внутренних представлений об интересующей его ситуации.

Внутреннее представление о данной ситуации рассматривается как *когнитивная модель* этой *ситуации*. Это – модель по отношению к ситуации, как и любое отражение мира в сознании человека, и эта модель является когнитивной, поскольку она сформирована посредством когнитивных средств человека. Помимо когнитивной модели ситуации, человек может иметь фоновые знания о ситуации и ее контексте, которые не вошли в когнитивную модель как значимые для решаемой задачи, но могут быть включены в нее при изменении структуры модели, например, под действием формализации или смены средств формализации.

Управление может происходить явным или неявным "навязыванием" человеку определенных когнитивных средств (понятий и теоретических моделей в качестве схем представления знаний) с применением тех или иных психологических механизмов, будь то привлечение внимания к известным средствам, обучение новым средствам, формирование установок, намерений, мотиваций или просто необходимость подчиниться формам представления знаний в той или иной технологии»¹. (См. рис. 2).

Третья особенность. Действительно впервые для отечественной и мировой научной литературы, авторы всего 33-томного исследования проблем мировоззренческого в контексте работающих моделей (Московско-Шанхайской модели миропорядка: автор В.Н. Кузнецов; справедливого мироустройства XXI: автор А.В. Кузнецова) мироустройства и миропорядка рассмотрели общий для этих трёх феноменов (мировоззрение, миропорядок, мироустройство) новый обширный класс рисков. Речь идёт о *когнитивных рисках*, а по сути – о мировоззренческих рисках.

Рисунок 2

Базовая модель когнитивного управления

Источник: Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности.** М.: МГФ «Знание», 2008. С. 646.

¹ Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности** / Рук. авт. кол-ва Н.А. Махутов. М.: МГФ «Знание», 2008. С. 645–646.

«В разнообразии рисков из-за человеческого фактора, – отмечают авторы 33-го тома, – в жизненном цикле субъектно-формальных методов решения задач управления для сложных и слабоструктурированных объектов и ситуаций особое место занимают риски, которые уместно называть когнитивными рисками (Н.А. Абрамова). Это риски, которые объяснимы лишь с учетом факторов (механизмов), относящихся к так называемой когнитивной сфере человека и которые не учитываются при недостатке знаний о влиянии этой сферы на качество решения практических задач (в рамках участия человека, обусловленного тем или иным субъектно-формальным методом). Когнитивная сфера определяется, как сфера психологии человека, связанная с его познавательными процессами и сознанием, включающая в себя знания человека о мире и о самом себе. При этом в разных научных подходах и школах когнитивной науки, изучающей эти вопросы, когнитивная сфера структурируется по-разному. В частности, выделяются процессы восприятия, внимания, объяснения понимания, памяти, мышления и языка. В одном из подходов (в системе метода Роршаха) когнитивная сфера включает три основных блока: "структурирование – распознавание – концептуализация" с когнитивными операциями, обеспечивающими обработку информации при встрече с проблемной ситуацией, на которые накладывается "проблемно-решающий стиль".

При исследовании проблемы рисков <...> из-за человеческого фактора, в первую очередь, представляют интерес факторы риска, которые, с одной стороны, имеют систематический характер (то есть, не связаны с нарушениями познавательных функций), и с другой стороны, с трудом объяснимы с позиций "здорового смысла" или даже противоречат ему; так что обычно они не предполагаются математиками, которые разрабатывают нормативные модели для представления экспертных знаний, или даже игнорируются, если они известны <...>

Ряд характерных типов таких ошибок, которым подвержены (по Д. Дёрнеру) не только дилетанты, но и эксперты при работе со сложными ситуациями, был выявлен посредством обширных экспериментальных исследований, а также анализа механизмов ошибочных решений в таких ситуациях, как Чернобыльская катастрофа. Выделенные типы ошибок относятся к этапам понятийно-структурной формализации первичных знаний о проблемных ситуациях и путях выхода из них»¹. (См. рис. 3).

Эти три особенности Проекта «Безопасность России» обусловили главное – возможность и необходимость формирования современного мировоззрения через безопасность человека: здесь концептуальный и методологический «ключ» к умной политике безопасности.

Исходная доминанта формирования фундаментальной теории миропорядка и мироустройства XXI века – обеспечение безопасности для каждого человека, семьи, народа, государства, всей цивилизации. Ключевой технологией, тотальной процессуальностью является умение и осуществление умений в управлении рисками во всех сферах жизнеобеспечения.

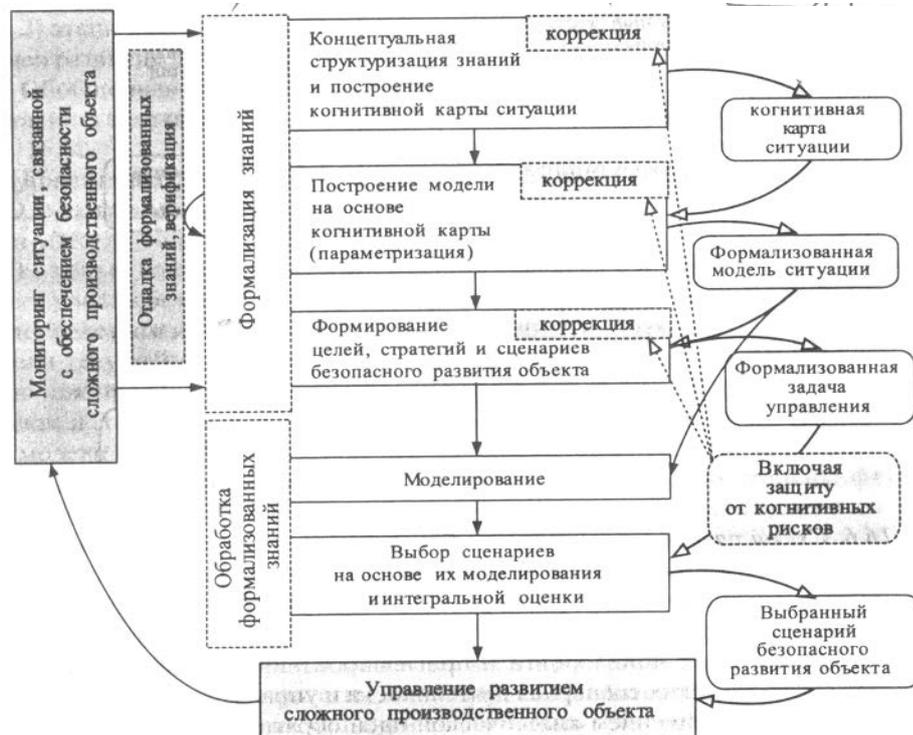
При поддержке Советом Безопасности Российской Федерации, Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Российской Академии наук в 1998–2009 годах Международный гуманитарный Фонд «Знание» под руководством авторитетного Редакционного Совета осуществил 34-томное издание «Безопасность России». С 1997 по 2007 год руководителем Проекта был академик РАН К.В. Фролов, а с 2008 года – член-корреспондент

¹ Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. **Человеческий фактор в проблемах безопасности** / Рук. авт. кол-ва Н.А. Махутов. М.: МГФ «Знание», 2008. С. 659.

РАН Н.А. Махутов. Около 1000 специалистов России (ученые, инженеры, журналисты, государственные деятели) стали авторами Проекта (см. вставку 1).

Рисунок 3

Общая схема разработки и динамической коррекции стратегий и сценариев управления развитием СПО*

Источник: Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Человеческий фактор в проблемах безопасности. М.: МГФ «Знание», 2008. С. 666.

Вставка 1				
КНИГИ МНОГОТОМНОЙ СЕРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ. ПРАВОВЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ», ИЗДАНИЕ В 1998–2009 гг.				
№	Название	Руководители авторских коллективов	Год издания	Объем, стр.
1	Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. Сборник материалов Всероссийской конференции	А.А. Агеенков	1998	384
2	Безопасность России. основополагающие государственные документы. В 2-х частях. Часть 1	А.А. Кокошин (ред. совет)	1998	474
3	Безопасность России. основополагающие государственные документы. В 2-х частях. Часть 2	А.А. Кокошин (ред. совет)	1998	352
4	Безопасность России. Безопасность и устойчивое развитие городов	Ю.М. Лужков	1998	492
5	Безопасность России. Функционирование сложных технических систем. Раздел 1	К.В. Фролов	1998	448
6	Безопасность России. Функционирование сложных технических систем. Раздел 2	К.В. Фролов	1998	410
7	Безопасность России. Словарь терминов и определений	Н.А. Махутов	1999	368
8	Безопасность России. Медицина катастроф и реабилитация	В.И. Стародубов	1999	736
9	Безопасность России. Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	С.К. Шойгу	1999	592
10	Безопасность России. Региональные проблемы безопасности с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф	В.И. Осипов	1999	650
11	Безопасность России. Экологическая безопасность, устойчивое развитие и природоохранные проблемы	В.И. Данилов-Данильян	1999	704
12	Безопасность России. Экологическая диагностика	В.В. Ключев	2000	496
13	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (ТЭК и государство)	Е.А. Телегина, В.Ю. Алекперов	2000	302

* СПО – сложный производственный объект. – Прим. ред.

Продолжение вставки 1

14	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Нефтяной комплекс России)	А.М. Мастепанов, В.Ю. Алекперов	2000	430
15	Безопасность России. Продовольственная безопасность. Раздел 1	А.В. Гордеев	2000	544
16	Безопасность России. Продовольственная безопасность. Раздел 2	А.В. Гордеев	2001	480
17	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Проблемы функционирования и развития электроэнергетики)	В.А. Баринов	2001	480
18	Безопасность России. Региональные проблемы безопасности. Красноярский край	А.И. Лебедь	2001	576
19	Безопасность России. Безопасность промышленного комплекса	В.М. Кульчечев	2002	464
20	Безопасность России. Безопасность трубопроводного транспорта	И.М. Мазур	2002	752
21	Безопасность России. Регулирование ядерной и радиационной безопасности	Ю.Г. Вишневский	2003	400
22	Безопасность России. Высокотехнологичный комплекс и безопасность России. Часть 1. Высокотехнологичный комплекс России – основы экономического развития и безопасности	В.Л. Макаров, Б.Н. Кузык, Л.И. Абалкин	2003	576
23	Безопасность России. Высокотехнологичный комплекс и безопасность России. Часть 2. Проблемы обеспечения безопасности оборонно-промышленного комплекса России	В.Л. Макаров, Б.Н. Кузык, Н.В. Абросимов	2003	624
24	Безопасность России. Энергетическая безопасность. (Газовая промышленность России)	А.М. Мастепанов	2005	688
25	Безопасность России. Информационная безопасность	В.А. Садовничий	2005	512
26	Безопасность России. Проблемы экономической безопасности в условиях крупного города	А.Б. Корсак	2005	512
27	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть I. Основы анализа и регулирования безопасности	Н.А. Махутов	2006	639
28	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть II. Безопасность гражданского и оборонного комплексов и управление рисками	Ю.Л. Воробьев, В.И. Осипов	2006	751
29	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть III. Прикладные вопросы анализа рисков критически важных объектов	С.К. Шойгу, М.И. Фалеев	2007	800
30	Безопасность России. Анализ риска и проблем безопасности. Часть IV. Научно-методическая база анализа риска и безопасности	Н.П. Лавёров	2007	857
31	Безопасность России. Анализ рисков и управление безопасностью. (Методические рекомендации)	Н.А. Махутов, К.Б. Пуликовский, С.К. Шойгу	2008	672
32	Безопасность России. Геополитические вопросы безопасности. Энциклопедический словарь-справочник	В.Л. Манилов, В.А. Барিশполец, Н.А. Махутов	2008	528
33	Безопасность России. Человеческий фактор в проблемах безопасности	Н.А. Махутов	2008	704
34	Безопасность России. Биологическая безопасность	М.П. Кирпичников, Н.А. Махутов, А.Н. Панин	2009	912
<p>Источник: Данкин Д.М., Котов И.В., Кузнецова А.В., Сергеева Л.И., Явчуновская И.В. НАУЧНЫЙ ОТЧЁТ о проведении научно-исследовательской работы (НИРа) по теме: «Тенденции формирования российской политики информационной безопасности в многотомном издании "Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты" (34 тома. Москва: 1998 – 2009 гг.)». М., 2011. С. 206–207.</p>				

В обобщающей статье по итогам издания 33 томов серии «Безопасность России» в 2008 году Научный руководитель многотомного издания, член-корреспондент РАН Н.А. Махутов и Ответственный руководитель издания, профессор Ф.Ф. Светик предложили такое суждение: **«Важнейшей задачей серии "Безопасность России" является обеспечение широкой образовательной и просветительской работы, формирование культуры безопасности и риска, соответствующей реалиям современного мира. Это относится как к деятельности лиц принимающих стратегические государственные решения, так и к повседневной жизни каждого человека».** (Выделено мною. – А.К.)¹.

¹ Приведено по: Данкин Д.М., Котов И.В., Кузнецова А.В., Сергеева Л.И., Явчуновская И.В. Научный отчет о проведении научно-исследовательской работы (НИРа) по теме: «Тенденции формирования российской политики безопасности в многотомном издании "Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты" (34 тома. Москва: 1998–2009 гг.)». М., 2011. С. 203.

Образовательную и просветительскую значимость серии «Безопасность России» дополнило научное осмысление всего Проекта, осуществлённое в 2008–2011 годах коллективом учёных с участием автора статьи¹.

Прежде всего, важно, **во-первых**, сформулировать главный тезис: уже осуществлённый издательско-просветительский Проект многотомного издания «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты» (1998–2009 гг., тт. 1–34) создал для России, для всех стран мира уникальную, фундаментальную и востребованную научную, экспертную и практическую основу для решения новых задач обеспечения как теории и методологии общей безопасности человечества и природы, так и её многообразных видов и форм. Речь идёт об информационной безопасности, об экономической безопасности, о социальной и политической, о военной и других институтах; о концепции миропорядка, мироустройства.

Во-вторых, наука; вся система образования и самообразования, вся сеть просвещения в России, во многих странах мира остро нуждается в концептуальных, методологических, институциональных и эвристических разработках авторов всех томов «Безопасность России»: здесь органично соединены технические, естественно-научные и гуманитарно-культурные подходы к решению труднейших проблем безопасности жизнедеятельности XXI века, проблем достижения и функционирования справедливого мироустройства. Этот уже представленный опыт важно продолжить в последующих томах. Речь идёт о логической доминанте всего Проекта: культура безопасности – культура риска – культура гуманитарной безопасности – культура информационной безопасности.

В-третьих. Огромный интерес вызывает осуществление в Проекте взаимообогащающего взаимодействия ключевых научных парадигм: геополитики, геоэкономики, геоэкологии, геокультуры. Фактически во всех томах Проекта представлена новая научная парадигма XXI века, которую стремятся создать почти все учёные XX и XXI веков: методологическое и концептуальное обоснование нового гуманизма и нового мировоззрения для всего человечества в XXI веке; культуры партнёрства, культуры созидающего национализма, справедливого миропорядка.

В-четвёртых. Именно в многотомном Проекте «Безопасность России» практически весь блестящий и конструктивный корпус представителей всех звеньев российской науки исследовали ключевые смыслы новой созидающей доминанты для всех сфер обеспечения безопасности: главное – в превентивности, предупреждении, предотвращении опасностей, угроз, минимизации рисков. А суть в такой деятельности: *в доверии, в ответственности, в умной политике безопасности, в культуре гуманитарной безопасности, в культуре информационной безопасности, в культуре партнёрства.*

В-пятых, для кардинального преобразования всей сферы обеспечения безопасности человека, семьи, народов, общества и государства в 2012–2020 годах в итогах исследований выдающегося коллектива авторов всех 34 томов содержатся актуальные и перспективные разработки, значение которых от времени только возрастает:

¹ Научно-исследовательская работа (НИР) осуществлена учёными Московского института стратегических исследований, авторами и сотрудниками журнала «Безопасность Евразии» в период с 3 ноября 2008 года по 28 апреля 2011 года. Автор идеи Проекта И.В. Котов. Проект имеет некоммерческий характер и осуществлён на средства его авторского коллектива. В составе авторского коллектива: Д.М. Данкин (руководитель), И.В. Котов (ответственный исполнитель), А.В. Кузнецова, Л.И. Сергеева, И.В. Явчуновская. Заказчик: Общественная академия геоэкономики и глобалистики. В структуре Отчёта: введение; статьи авторов научного отчёта; аннотации, авторские коллективы, содержания и оглавления каждого из 34 томов Проекта «Безопасность России», обобщающие статьи Г.И. Марчука, Н.А. Махутова, Ф.Ф. Светика; заключение; сведения об авторах; литература. Текст Отчёта исполнен в формате 60–84^{1/8}, всего 219 страниц.

• для решения новых и новейших проблем в обеспечении безопасности нематериальных и материальных объектов безопасности в 2012–2020 годах авторы многотомного издания соединили в творческом синтезе возможности естественных наук и гуманитарных, социальных наук в контексте изучения многообразных практик сферы безопасности как в России XX–XXI веков, так и во многих странах мира;

• впервые для изучения теоретических, процессуальных, институциональных аспектов процессов в сфере безопасности через все её этапы *исследована и проведена стратегическая доминанта предотвращения опасностей и угроз на самой ранней стадии зарождения главных факторов, способствующих возникновению рисков, вызовов, опасностей и угроз;*

• впервые в мировой науке *заложены основы новой методологии изучения проблем информационной и коммуникативной безопасности в единстве геополитики, геоэкономики, геоэкологии и геокультуры;*

• впервые в глобальном фундаментальном научном исследовании для науки XX и XXI веков авторитетные и креативные авторы из сложнейших сфер творчества (математика, кибернетика, информатика, физика, химия, биохимия, механика, космология, общественные науки) предложили через 34 тома (от первого до тридцать четвёртого) для формирования науки о безопасности второго десятилетия XXI века дорогу к культуре безопасности, к культуре рисков, к культуре гуманитарной безопасности, к культуре информационной безопасности.

В свою очередь исполнители научного исследования – авторы Научного Отчёта – впервые для практики гуманитарных исследований, как в России, так и в других странах осуществили оригинальные и перспективные подходы в изучении сферы безопасности, сферы оформления политики справедливого миропорядка; политики справедливого мироустройства:

– исследованы ключевые гуманитарные факторы для сферы безопасности, для сферы политики незападного миропорядка, незападного мироустройства, незападного мировоззрения: доверие, ответственность, умная политика безопасности, гуманитарная безопасность;

– обоснована новая логическая схема исследования феномена «безопасность», феномена «информационная безопасность»: культура безопасности – культура национальной безопасности – культура гуманитарной безопасности – культура информационной безопасности;

– впервые обоснована для второго десятилетия XXI века новая совокупность концептов, конструктов, понятий: «культура гуманитарной безопасности», «коммуникационная безопасность», «единая гуманитарная парадигма», «безопасность», «информационная безопасность», «политика информационной безопасности» и другие.

Таким образом, становление и функционирование института справедливого миропорядка, института современного мировоззрения, института справедливого мироустройства – сегодня, в июне 2012 года, не только гипотеза и привлекательная мечта многих людей.

Здесь и сейчас это направление, смысл умного общего дела для сохранения мира, для достижения надёжной и устойчивой безопасности.

Сегодня наряду с западной несправедливой моделью миропорядка продолжает функционировать незападная справедливая модель миропорядка XXI века (Московско-Шанхайская модель миропорядка, предложенная В.Н. Кузнецовым в 2006 году), которая сохраняет и развивает, укрепляет дух и смысл Ялтинского и Хельсинкских договорённостей, обеспечивает конструктивную преемственность со смыслами Вестфальской системы миропорядка.

В представленной читателям статье её автор своё основное внимание уделяет становлению политики гуманитарной безопасности как культуры партнёрства: да, обоснована и реально работает новая теория справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка (по Кузнецову) как основание концепции политики незападного справедливого мироустройства.

Для анализа практик функционирования различных моделей миропорядка и мироустройства автор исследования стремился обосновать два конструкта: первый конструкт – дуальная позиция «*незападное – справедливое*»; второй конструкт – дуальная позиция «*западное – несправедливое*».

Для первого конструкта в теории и практике анализа и синтеза автор статьи предложила фундаментальное свойство (сущностное) – культура мира, культура безопасности, культура компромисса, культура справедливости, культура партнёрства, культура национального.

Для второго конструкта в теории и практике автор предложила фундаментальное сущностное свойство – культура смерти, культура войны, культура манипулирования смыслами правды и справедливости, культура управляемого хаоса.

Фактически источником энергетики и динамики незападной справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века и стало, определилось главное антагонистическое противоречие: культура жизни, культура справедливости, культура безопасности (незападная справедливая модель мироустройства) – культура смерти, культура войны, культура манипулирования смыслами правды и справедливости, культура применения двойных и тройных стандартов (западная несправедливая модель мироустройства).

Концепты западное и незападное Соотношение концептов западное и незападное для автора статьи включило, прежде всего, понимание между ними сотрудничества, компромиссности; стремление к справедливости и правде, к партнёрству. В отношении к западному концепт незападное выражает факт наличия, прежде всего, *другого* сущностного наполнения феномена, которое не обязательно противостоит западному. Оно просто другое, иное. Оба концепта – западное и незападное одинаково имеют право на осуществление: здесь обозначается факт разнообразия в пространстве и времени гуманитарного.

Концепты справедливое и несправедливое По аналогии с сущностными характеристиками западного и незападного концепт «несправедливое» обозначает конструктивный феномен, но несколько отличающийся от смысловых характеристик «справедливого». Речь может идти о

«достойном», «правильном», «обязательном» и т. д.

Концепты американизм, неамериканизм, антиамериканизм Автор полагает, что здесь очень важно отметить три особенности. Первая особенность – в содержании многих характеристик (политология, социология, культура) концепт «неамериканизм» имеет позитивный смысл: феномен несколько другой, чем концепт «американизм», «приверженность США» – это европейизм, латиноамериканизм и т. д. Здесь есть достойный, нужный феномен, но он другой – не американский. И это нормально.

По мнению автора статьи, в большинстве случаев, речь идёт именно о таком соотношении конфликтов: американское – неамериканское.

А концепт «антиамериканизм» имеет, в большинстве ситуаций, весьма слабые основания для своего функционирования.

Фактически в XXI веке началась новая Глобальная Игра, в которой главными игроками, главными субъектами исторических перемен стали народы мира.

Теперь потребовалось дополнить институциональное, экономическое и политическое измерения справедливого мироустройства – гуманитарным измерением с единой гуманитарной парадигмой, в которой геополитика органично

дополнена геоэкономикой и геокультурой, социальная справедливость и социальные взаимодействия обогащены гуманитарной справедливостью и гуманитарными взаимодействиями.

По существу в XXI веке на смену *социальному* приходит *культурное, ком-промиссное, партнёрское, национальное, гуманитарное*. Тем не менее, они «работают» как по отдельности, так и все вместе или в своеобразных групповых сочетаниях.

Параллельно обогащается и пространство научных парадигм: вместе с геополитикой начинают «работать» геоэкономика, геокультура и «групповой» кластер: единая гуманитарная парадигма XXI, оформившаяся через взаимодействие геополитики, геоэкономики, геокультуры.

* * *

Теперь есть основания, по мнению автора исследования, обобщить содержание, структуру и логику концепций и методологий в работах авторов, которые «сложили» объективно и независимо специализированный дискурс по проблемам справедливого мироустройства.

Это исследования В.Н. Кузнецова, исследования Э.Г. Кочетова, Б.Н. Кузыка, Збигнева Бжезинского, Иммануэля Валлерстайна, С.Б. Переслегина, Н.С. Розова.

Во-первых, можно отметить определённую полноту теорий и методологий современного миропорядка и мироустройства.

Во-вторых, в структуре теорий и методологий можно выделить как самостоятельность геополитических (Бжезинский, Кузык), геоэкономических (Кочетов), геокультурных (Валлерстайн, Кузнецов) подходов, так и взаимодействие геополитики с геоэкономикой и геокультурой (Валлерстайн, Замятин, Кузнецов, Переслегин, Розов).

В-третьих, в обосновании целостности и структуры мироустройства авторы исследований обосновали роль и место главных категорий, понятий, концептов, конструктов: в итоге обоснована главная совокупность смыслов и понятий для научного дискурса по проблемам справедливого мироустройства

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 1)

Глава 9. А.Д. Урсул

ПРИНЦИП «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕРЕЗ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ»: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

12 мая 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», который утвердил эту Стратегию и признал утратившим силу предыдущие редакции (1997 г. и 2000 г.) Концепции национальной безопасности РФ.

Принятие этой Стратегии, которую я для краткости далее буду именовать Стратегия–2020, имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу.

В статье я хотел бы остановиться на некоторых принципиально новых идеях, которые придают Стратегии–2020 фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение и которые могут существенно повлиять на судьбы российского общества и государства в ходе реализации этой Стратегии.

Новый основной принцип обеспечения национальной безопасности

Уместно обратить внимание на то, что до рубежа второго и третьего тысячелетий проблемы развития и обеспечения безопасности, как правило, были разделены в их теоретическом осмыслении и практической реализации. Однако сейчас, в начале XXI века формируется понимание их неразрывной взаимосвязи, причём вначале на уровне научных исследований этих проблем. В последние годы заметно усилился интерес к взаимосвязи концепций развития и безопасности, о чём свидетельствует появление ряда новых публикаций. Считаю, что уже происходит становление нового научного направления на стыке теории развития и формирующейся общей теории безопасности¹.

Осознание имманентной взаимосвязи развития и безопасности привело к формулировке положения о возможности обеспечения безопасности через развитие, а если говорить точнее – через устойчивое развитие. Причём этот тезис, который я предложил ещё в 1995 г.² нашёл поддержку в 2000 г. в одном из докладов бывшего Генерального секретаря ООН, отметившего, что «справедливое и устойчивое развитие является одним из необходимых условий обеспечения безопасности, однако, обеспечение минимальных стандартов безопасности, в свою очередь, является одной из предпосылок развития. Стремление решать одну задачу в отрыве от другой не имеет большого смысла»³.

На заседании Совета Безопасности РФ 24 марта 2009 г. Президент России Д.А. Медведев отметил, что основная концептуальная идея обсуждаемой и принимаемой Стратегии национальной безопасности РФ на период до 2020 г. заключается в обеспечении безопасности через развитие. В дальнейших комментариях этого положения, например, в интервью секретаря Совета безопасности России Н.П. Патрушева газете «Известия» уточняется, что в Стратегии–2020 речь идёт именно об особом типе развития, получившем наименование устойчивого развития⁴. В Стратегии–2020, акцентирует внимание Н.П. Патрушев, заложен принцип безопасности через устойчивое развитие и именно это словосочетание нашло отражение в названии данной статьи.

И хотя существуют различные в философском плане типы развития (например, деградационные и разрушительные процессы вполне укладываются в широкое философское понимание развития, отобразая и его регрессивную ветвь), в этом случае речь идёт не о них. Как правило, имеются в виду все те реальные и возможные типы развития, которые ведут к поступательному прогрессивному развитию того или иного объекта. Когда речь идёт о развитии применительно к обществу, то, чаще всего, в него вкладывают именно это последнее значение. Причём лучше всего идею об обеспечении безопасности через развитие выражает не так давно появившаяся концепция устойчивого развития, о чём далее и пойдёт речь. Принципиально важным является включение понятия устойчивого развития в саму «ткань» Стратегии–2020, где на это обращено внимание уже в первой статье этого нормативного правового акта Президента Российской Федерации⁵ (далее будут идти ссылки на статьи этого официального документа).

¹ См.: Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. М.: 2001; Урсул А.Д., Романович А.Л. Безопасность и устойчивое развитие (философско-концептуальные проблемы). М.: 2001; Дзлийев М.И., Романович А.Л., Урсул А.Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические проблемы М.: 2001; Урсул А.Д., Романович А.Л. Устойчивое развитие, экологическая и продовольственная безопасность. М.: 2002; Прохожев А.А. Человек и общество: законы социального развития и безопасности. М.: 2002; Романович А.Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы. М.: 2002; он же: Развитие и безопасность. М.: 2003. Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: 2006; Урсул А.Д., Урсул Т.А., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М.: 2008; Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1; он же: Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск. № 11. 2008. Уместно также отметить, что идея обеспечения безопасности через развитие (устойчивое развитие) нашла свою аргументацию и обсуждение и в концептуально-теоретическом анализе обеспечения проблем национальной безопасности в ряде книг многотомной серии из более, чем 30 книг «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты», изданных на протяжении последних лет МГФ «Знание».

² См.: Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9.

³ Аннан А. Кофи. Предотвращение войн и бедствий: Глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год. Нью-Йорк. 2000. С. 17.

⁴ См.: Достойный уровень жизни – лучшая стратегия безопасности России // Известия, 2009, 13 мая. С. 1, 5.

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации: <http://www.scrf.gov.ru>.

Как отмечено в официальном документе Совета Безопасности РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Стратегия исходит из фундаментального положения о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства и обеспечения национальной безопасности» (см. упомянутый сайт СБ РФ). Стратегия–2020, особенность которой в её социальной и социально-политической направленности, исходит из того, что «национальная безопасность обеспечивается, исходя из принципа "безопасность – через приоритеты устойчивого развития", то есть через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование» (там же).

Эта идея о связи проблем безопасности и устойчивого развития содержалась также в «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию»: «На данном историческом этапе развития, – отмечается в Послании, – основной задачей уже сегодня (а тем более в XXI веке) становится не увеличение объёма потребления ресурса, а обеспечение устойчивого развития.

Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведёт человечество к глобальной катастрофе.

Россия, несмотря на свои особенности, являясь органической частью общемировой цивилизации, будет накапливать позитивный опыт демократического развития. Российское государство будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами нового цивилизационного порядка, внося тем самым свой вклад в развитие мира в целом»¹.

Любое общество и государство не могут обеспечить свою долговременную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития для того, чтобы начать переходить к обществу и государству с устойчивым развитием. Стабильность общества, государства, экономики и т. д., в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть «гарантированы» только реализацией модели и стратегии устойчивого развития². Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом. Однако степень и принципы её обеспечения зависят от типа развития материальной системы (в данном случае от социально-экономического развития), на что будет обращено в статье особое внимание.

Возникает вопрос: можно ли говорить о том, что наша страна идёт по пути устойчивого развития, если в стране и в мире в целом развёртывается глобальный экономический кризис? И нужно ли в этих условиях стремиться к стратегическому планированию будущего? Определённый ответ мы найдем, если обратимся к обсуждению этих проблем на упомянутом заседании Совета Безопасности РФ.

Как отмечалось на этом заседании 24 марта 2009 г., Совет исходит из того, что за последнее десятилетие органами государственной власти решены масштабные задачи в области устойчивого развития России и обеспечения национальной безопасности (это было отмечено Д.А. Медведевым и Н.П. Патрушевым). Это означает, что, принятая в 1996 г. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», уже реализуется нашей страной, а не только, скажем, странами ЕС (о чём они неоднократно упоминали).

Вряд ли можно считать, что Россия добилась существенных успехов в плане экологии и природопользования, или сделала значительный шаг на пути преодоления сырьевой ориентации своей экономики. Именно с этой экологической точки зрения многие (прежде всего, экологи) оценивают движение нашей страны к устойчивому развитию. Однако экологические проблемы, приоритетные для прогресса по пути устойчивого развития, не являются таковыми для России, о чём мне не раз приходилось писать.

Нужно иметь в виду, что понятие устойчивого развития системно-комплексное и незначительные результаты в экологической области вполне могут компенсироваться другими позитивными эффектами на пути к устойчивости. К достижениям в других областях относятся многие позитивные политические и социальные экономические преобразования и реформы: укрепление государственности, усиление институтов гражданского общества, переход национального законодательства на качественно новый уровень, особенно в сфере защиты конституционных прав человека, укрепление национальной обороны, а также общественной и государственной безопасности, устранение ряда угроз экологической и информационной безопасности, создание возможностей более быстрого развития высокотехнологичных отраслей экономики и появление реальных условий перехода на инновационные механизмы развития и другие результаты, отмеченные в Стратегии–2020.

Вместе с тем, особенно в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса появились негативные тенденции, которые можно квалифицировать как опасности и угрозы на пути дальнейшего системного продвижения по пути устойчивого развития России. Эти негативные тенденции проявляются, прежде всего, в социально-экономической сфере: растёт безработица, идёт снижение темпов экономического развития, в сложных условиях функционирует банковская система, всё больше появляется оча-

¹ Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию М.: 1996. С. 32.

² См.: Урсул А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Безопасность. 1993. № 11–12; он же: Концепция естественной экобезопасности // Безопасность. 1994. № 1–2; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Устойчивое развитие и безопасность: синергетический подход // Самоорганизация и организация управления. М.: 1995; Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9; он же: Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития цивилизации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1995. № 1; он же: Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития, М.: 1994.

гов социальной напряжённости, усиливается инфляция, и впервые за многие годы принимается дефицитный бюджет страны. Появляются новые стратегические риски и негативные тенденции в условиях глобального экономического кризиса, нарушающего стабильное поступательное развитие страны.

Чтобы существенно уменьшить эти опасности и угрозы в Стратегии–2020, решено положить в её основу фундаментальное методологическое положение о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства (и общества) и обеспечения национальной безопасности (прежде всего, в ст. 2 и ст. 3 Стратегии–2020). О необходимости такого подхода подчёркивалось в упомянутых выше работах, посвящённых проблеме безопасности и устойчивого развития.

Поскольку мне приходилось высказываться ещё до Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге о том, в каком направлении будет развиваться концепция устойчивого развития, я предположил, что от проблем экологии эта концепция будет более предметно заниматься вопросами обеспечения безопасности в самом широком их понимании, а не только экологической безопасностью. Поэтому, если «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», утверждённая Указом Президента РФ в 1996 г. имела в основном экологический «акцент», то сейчас в связи с принятием Стратегии–2020, пожалуй, можно констатировать новое видение проблем устойчивого развития сквозь «призму» проблем безопасности и прежде всего национальной безопасности.

Это впервые произошло в России по той причине, что к настоящему времени в стране были разработаны концептуально-теоретические основы видения устойчивого развития в ракурсе проблем безопасности, а также обеспечения безопасности через устойчивое развитие. *Выскажу мнение, что Стратегия–2020 представляет собой не только Стратегию национальной безопасности страны, но и новую версию российской концепции перехода к устойчивому развитию в видении этого развития с позиции обеспечения безопасности как нашей страны, так и всего мирового сообщества. Считаю, что это важный мировоззренческий и концептуально-методологический поворот в области проблем безопасности и в сфере проблем устойчивого развития, их объединения в единое научно-поисковое и практическое-деятельностное направления.*

И по второму заданному вопросу: кризис, охвативший весь мир, как подчеркнул Д.А. Медведев на заседании Совета Безопасности РФ по вопросу «О Стратегии национальной безопасности до 2020 года и комплексе мер по ее реализации», не может и не должен быть основанием для того, чтобы мы сузили горизонты нашего планирования на будущее. С такой постановкой обсуждаемой проблемы можно полностью согласиться и именно в этом ракурсе я продолжу рассмотрение проблемы обеспечения безопасности через устойчивое развитие.

ИННОВАЦИОННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ В БЕЗОПАСНО-УСТОЙЧИВОЕ БУДУЩЕЕ

В XXI веке может и даже должен произойти крутой поворот в человеческой истории, который по своей значимости вряд ли сравнится со всеми предыдущими революционными изменениями прошлого. Я имею в виду переход к устойчивому развитию как инновационной форме и «спасительной» магистрали выживания цивилизации. Этот переход будет осуществляться, хотя и с огромными трудностями, но как вполне осознанный выбор всего человечества, во всяком случае, той части народов и государств, которая входит в ООН.

Смысл грядущего инновационно-стратегического поворота истории заключается в том, чтобы спасти человечество от предполагаемой гибели, от угрожающих в условиях глобализации разного рода кризисов и приближающихся планетарно-космических катастроф, вызванных не столько внешними причинами, сколько самим предыдущим и нынешним опасно-неустойчивым развитием цивилизации. Именно в самом этом всё менее безопасном развитии скрывается «механизм», ведущий к быстрой деградации, а по сути, к скорому либо медленному самоуничтожению человечества. Обеспечить необходимую безопасность человечества на длительную стратегическую перспективу в условиях саморазрушающего развития в принципе невозможно: необходимо менять сам тип развития, в котором безопасность обеспечивалась бы через неразрушающее стабильно-сбалансированное развитие.

Новая философия и политика обеспечения безопасности акцентирует внимание на соединении безопасности с поступательным развитием (без катаклизмов и катастроф), причём не через экономическое конкурентно-экстенсивное (модель неустойчивого развития), а инновационно-устойчивое сбалансированное развитие, минимизирующее количественные и максимизирующие качественные параметры, факторы и источники развития и использующее коэволюционно-консенсусные формы взаимодействия как с природой, так и внутри социума.

С появлением концепции устойчивого развития и изучением влияния её на проблему обеспечения всех видов безопасности выявилось следующее достаточно важное концептуальное обстоятельство. До упомянутой концепции предполагалось, что развитие и обеспечение безопасности – это два различных процесса в существовании (скажем, государства и общества), которые представляют принципиально различные относительно независимые сферы деятельности.

Обеспечение безопасности того или иного социального объекта (в основном человека, общества, государства) в такой концепции мыслилась в основном как его защита от внутренних и внешних реальных либо потенциальных негативных воздействий, что гарантировало его сохранение какое-то время в том или ином виде. В ходе реализации этой, условно её назовем «защитной» концепции безопасности появились специальные органы (службы охраны, очистные сооружения и т. п.), которые защищали от угроз и опасностей как негативных воздействий. Службы охраны и обеспечения безопасности, как правило, не вмешивались в функционирование охраняемого ими объекта (государства, общества, личности), а очистные сооружения являлись необходимым (и то не всегда) дополнением функционирующего и без них производства.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока не появились факты (и сомнения) в стратегической адекватности самого процесса развития государства и общества в целом.

Таким образом, появился существенный момент в концепции обеспечения безопасности вообще, который необходимо будет учитывать уже в новом видении проблемы обеспечения безопасности. **Новую**

концепцию я условно именую концепцией «устойчивой безопасности» (либо «безопасности через устойчивое развитие») в отличие от концепции «защитной безопасности», в основном используемой в современной модели развития. Здесь термины «защитный» и «устойчивый» используются просто как ключевые слова для отличия концепции безопасности, используемой в модели неустойчивого развития и, соответственно, в модели устойчивого развития. Отличие концепции «устойчивой безопасности» от концепции «защитной безопасности» заключается в том, что должно быть принято положение (даже в качестве «аксиомы»), что безопасность и устойчивое развитие объекта не просто имманентно взаимосвязаны, но совместно представляют единую целостную систему.

Вполне понятно, что, исследуя проблему взаимосвязи устойчивого развития и безопасности, следующую из осознания необходимости перехода к новой цивилизационной парадигме, прежде всего, необходимо исходить из того, какое место будет занимать в ней Россия. И в этой связи, конечно, речь идёт, прежде всего, об обеспечении национальной безопасности. Это важное понятие в Стратегии–2020 (ст.) определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Как видим, основное понятие – «национальная безопасность» ныне формулируется через понятие устойчивого развития и это правильный путь в определении понятий «куста» стратегии национальной безопасности, где понятие «устойчивое развитие» присутствует фактически во всех основных понятиях упомянутого «куста».

Важно смотреть не только в прошлое и настоящее, а искать путь в «устойчивое будущее», оптимизируя темпоральную траекторию развития. Можно считать, что, несмотря на всю специфику, «собственный путь» дальнейшего развития каждой страны окажется всё же магистралью устойчивого развития, вступить на которую можно лишь всем мировым сообществом. Глобальная ситуация сложилась таким образом, что любые эволюционные изменения и реформы в стране надо сверять с продвижением по пути к устойчивому развитию. В Стратегии–2020 (ст. 90) подчёркивается, что формирование благоприятных условий для устойчивого развития России на долгосрочную перспективу достигается за счёт обеспечения стратегической стабильности, в том числе путём последовательного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех.

Такой подход может показаться преждевременным и утопичным. Ведь фактически многие страны, признавая на словах приоритеты устойчивого развития, на деле пекутся о своих собственных интересах (причём даже не национальных, а корпоративных и групповых интересах незначительной части богатого населения этих стран) в рамках старой – неустойчивой модели развития. Однако ни для России, ни для США, ни для иной страны, такая «двойная бухгалтерия» не пройдёт. Конец ей положит глобальная экологическая или иная мировая катастрофа. А в ней погибнут и те страны, которые временно станут богаче за счёт других стран и бездумного разрушения природы. Попытки той или иной страны, или их группы обеспечить себе особые условия за счёт остальных стран и будущих поколений, за счёт природы не улучшают глобальной социоприродной ситуации. Для мирового сообщества в целом, а тем более для биосферы, совершенно безразлично, какая страна в чём-то обгонит других. Планетарная ситуация от идеологии силового соперничества и конфронтации в духе «холодной войны» только ухудшится.

Особенность современного этапа перехода от неустойчивого развития к новой безопасной стратегии поступательного движения заключается в преодолении противоречия между этими типами развития на национально-государственном и глобально-международном уровнях. Ведь Россия, двигаясь к устойчивому развитию, должна соблюдать свои национальные интересы и национальную безопасность. Однако национальные интересы и национальная безопасность должны оцениваться не только в рамках старой «системы координат» и ценностей модели неустойчивого развития. Для того чтобы принять и приступить к реализации новой модели в национальных масштабах и следовать ей в грядущих УР-преобразованиях, необходимо, чтобы эту модель приняли и другие страны, которые также бы действовали в духе модели неустойчивого существования. А это означает, что понятие «национальные интересы» отныне должно включать и понятие «устойчивое развитие». Поэтому в Стратегии–2020 под понятием «национальные интересы» понимается совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищённости и устойчивого развития личности, общества и государства.

Вот почему оказывается, что продвижение нашей страны к устойчивому развитию в определённой степени лимитируется внешними, а лучше сказать, международными факторами и обстоятельствами. Делая шаг вперёд к устойчивому развитию, Россия вправе ставить вопрос, чтобы такой же шаг был сделан и со стороны других стран, особенно претендующих на главенство в мире по переходу на путь устойчивого развития. В этом смысле каждая страна, начиная движение по пути «национальной устойчивости», хотела бы видеть такого же рода шаги и других стран. И, если мы чем-то жертвуем (или какая-то другая страна), то это должно идти на пользу всему человечеству, а не только группе избранных стран «золотого миллиарда», которые прилагают к этому основные усилия. Национальное и глобальное движение по пути устойчивого развития должно и будет представлять собой путь международного консенсуса, партнёрства и взаимовыгодных договорённостей, а не силового навязывания своих корпоративно-групповых интересов и доминирования одной коалиции стран над другими. Поэтому в ст. 89 Стратегии–2020 подчёркивается, что достижение приоритетов устойчивого развития России способствует активная внешняя политика, усилия которой сосредоточены на поиске согласия и совпадающих интересов с другими государствами на основе двухсторонних и многосторонних взаимовыгодных партнёрских соглашений.

Новая цивилизационная модель потребует иного ранжирования стратегических приоритетов, ценностей, интересов, по сути дела иного их понимания в условиях глобального перехода к устойчивому развитию. В Стратегии–2020 стратегические национальные приоритеты трактуются как важнейшие направления обеспечения национальной безопасности по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляется устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, её независимости и территориальной целостности. При таком понимании стратегических национальных приоритетов и, соответственно, национальных интересов и их эффективной реализации Россия постепенно может выйти в группу стран, лидирующих в процессе перехода к устойчивому развитию. Ведь новая модель человеческого существования будет учитывать не только высокую степень развитости в экономическом плане, но и уровень потребления ресурсов (особенно невозобновимых) и экологическую безопасность, и демографическую специфику и т. п. А это в принципе делает страны с богатыми природными ресурсами (и особенно биоразнообразием), обширной территорией, низким потреблением ресурсов населением и другими аналогичными характеристиками более перспективными в плане перехода на новую модель развития. К числу такого рода стран, прежде всего, относится Россия, которая в ближайшие десятилетия скорее всего сможет быстро выйти в лидеры, но не старой, а новой модели – устойчивого развития при наличии политической воли руководства страны.

Каждая страна должна будет внести свой вклад в снижение антропогенного пресса на биосферу и важно в глобально-международном аспекте договориться, на каких конкретных принципах это будет происходить. Ясно, что это возможно осуществить в стратегической перспективе, основываясь лишь на принципах устойчивого развития, но это – концептуально-инновационные принципы. Далее важно в глобальном плане уточнить критерии, индикаторы и системные показатели (индексы) безопасности, в особенности в плане снижения антропогенного воздействия на биосферу, договориться об обязательствах каждой страны по квотированию этих нагрузок в перспективе последующей релаксации биосферы. Это касается снижения загрязнений, потребления ресурсов, стабилизации численности населения, создания и внедрения эколого-безопасных технологий, отказа от освоения дикой природы, сохранения биоразнообразия и других мероприятий, способствующих оптимальному использованию системы квот в глобально-страновом пространстве с целью возврата антропогенного воздействия в допустимые для устойчивого развития пределы ёмкости биосферы. Ряд важных направлений деятельности в этом плане намечен в восьмом разделе «Экология живых систем и рациональное природопользование» Стратегии–2020.

Можно понять, почему мировоззренческие и концептуально-стратегические проблемы оказались более привлекательными на начальном этапе осмысления проблемы устойчивого развития по сравнению с практическими действиями. Ведь необходимо было вначале осознать, что представляет собой устойчивое развитие как форма дальнейшего цивилизационного существования и прогресса, поскольку она оказалась принципиально новой. Эта инновационная форма цивилизационного развития не была предсказана и развита ни одним достаточно распространённым обществоведческим направлением (теорией). Причина этого в том, что гуманитарии мало внимания уделяли будущему и видели его в «формате» модели неустойчивого развития. Существование человечества при этом неявно предполагалось вечным, по крайней мере, на ближайшие столетия. И это было одним из основных заблуждений прошлого, да и в значительной степени ещё и современного социально-гуманитарного знания.

Оказывается, нужно было обратить пристальное внимание на проблемы окружающей среды, чтобы понять невозможность дальнейшего бытия человечества в условиях опасной и неустойчивой модели (формы) современного цивилизационного процесса. Это был своего рода эколого-футурологический «крах» всего обществоведения или, во всяком случае, той его части, которая «отвечала» за объяснение сути происходящего и так или иначе пыталась заглянуть в обозримое будущее.

Здесь мы должны признать нелинейный характер развития упомянутой части социально-гуманитарного знания. Многие из того, что «наработало» обществоведение, оказалось мало пригодным для адекватного стратегического видения будущего и явно противоречило выживанию человечества. Да и сама идея устойчивого будущего появилась лишь потому, что пришлось обратить внимание на проблемы экологии, окружающей общество природной среды, т. е. выйти из социального мира в социоприродное измерение, что было не характерно для основной части социально-гуманитарного знания. И именно этот выход в более широкую систему бытия и, соответственно, более широкий взгляд на будущее развитие человечества привёл к принципиально новой идее безопасной эволюции цивилизации. В нашем сознании начали происходить кардинальные трансформации, своего рода нелинейный переход к альтернативному традиционному, к «иному будущему», чем тот его образ, который ранее представлялся большинству обществоведов, акцентировавших свой научный поиск в основном на прошлом человечества.

В самой идее развития, которая в социальной и социоприродной сферах деятельности превратилась в концепцию устойчивого развития, проявилось это «нелинейное мышление». Степень этой нелинейности увеличивается, если появляются, реализуются и усиливаются нововведения. Однако «чисто» инновационный путь развития в принципе не может реализоваться в ходе эволюции, он должен дополняться сохранением уже существующих социальных систем (обеспечением их безопасности).

В последнее время произошли научные открытия и появились концепции, которые позволяют по-новому взглянуть на процесс эволюции и, в частности, – универсальной эволюции. Мы не говорим об эволюции во Вселенной, поскольку сейчас уже предполагается, что Вселенная не одинока и не представляет собой Универсум, «единолично» вмещающий в себя всё сущее. То, что мы именовали Вселенной, в новейшей космологии, мыслится уже как одна из минивселенных, в совокупности представляющих «многоликий» Мультиверс.

Расширение наших представлений на проблему эволюции и принципиально новое видение универсальной эволюции в значительной степени было вызвано открытием, так называемой, тёмной энергии (и особенно тёмной энергии), которая занимает подавляющую часть всего материального содержания мироздания.

На прогрессивной линии эволюции, действующей во Вселенной с момента Большого Взрыва, реализуется ряд принципов (законов), главные из которых – это принцип эволюционного консерватизма и принцип эволюционных инноваций в совокупности с другими законами (принципами), детерминирующими главную и непрерывную магистраль (супермагистраль) универсальной эволюции¹. Принцип эволюционного консерватизма заключается во включении уже созданных материальных структур в процессе прогрессивного развития в последующие, более высокие по уровню развития материальные структуры. Это позволяет эволюционному процессу сохранять накопленную негэнтропию и не «начинать всё с нуля», а продолжать дальнейшее усложнение в ходе самоорганизации, повышать информационное содержание развивающихся систем. Кроме того, реализация этого принципа обеспечивает минимальное увеличение энтропии в эволюционном процессе. Принцип эволюционных инноваций требует появления новых элементов, связей, повышения сложности и организации, без чего дальнейший прогресс материальных систем невозможен. Однако не всякое нововведение может быть воспринято эволюционирующей системой, а только то, которое не отторгается всем тем (по принципу действия напоминает иммунную систему организма), что уже было достигнуто до этого.

В процессе эволюции происходит взаимодействие упомянутых двух принципов – эволюционного консерватизма и инновационного принципа, и в результате система либо воспринимает нововведение, либо отторгает его. Восприятие инновации ведёт к усложнению эволюционирующей системы, обеспечивая ей более высокий уровень динамической устойчивости, равновесия со средой и конкурентоспособность в эволюции, в особенности универсальной эволюции. Эта взаимосвязь «прогрессивных инноваций» и «позитивной преемственности» проявляется и в переходе к устойчивому развитию, причём само наименование этого типа развития включает в себя взаимосвязь упомянутых выше принципов эволюции.

ИССЛЕДОВАНИЕ БУДУЩЕГО И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Осознание необходимости перехода к новой модели и стратегии развития, как выше отмечалось, произошло благодаря анализу проблем безопасности человеческого существования. Однако немалую роль здесь сыграло и новое видение будущего, которое хотелось бы иметь с точки зрения будущих поколений проживающих на планете людей. Не случайно, что доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (доклад Брундтланд) получил название «Наше общее будущее». Именно благодаря этому докладу стало понятным, почему надо гораздо более пристальное внимание уделять исследованию и планированию будущего. И попытаться изменить современную форму (модель) развития в пользу дальнейшего непрерывного и безопасного существования человечества.

В большей части Вселенной – космическом вакууме, где всё постоянно, господствует покой как пока малопонятная нам форма самосохранения материи в отсутствии всякого движения. Это означает, что космический вакуум, составляющий почти три четверти Вселенной, – это состояние, где нет процессов, поскольку процессы предполагают какую-то динамику, изменения, эволюцию.

И всё же можно предполагать, что какие-то виртуально-постоянные трансформации присущи космическому вакууму, по крайней мере, тому его состоянию, которое предшествовало Большому Взрыву. Ведь этот взрыв – это взрыв того состояния материи, которое соответствует «реликтовому» состоянию космического вакуума, или «правакуума», фазовый переход которого (или квантовая флуктуация) привёл к Большому Взрыву. Возможно, что нынешний космический вакуум (тёмная материя) обездвижен, но вакуумное состояние, ему предшествующее, явно было чревато будущим Большим Взрывом и содержало в себе некую «скрытую пружину», выстрелившую из его «недр» в иное будущее.

Поэтому «правакуумное состояние» потенциально содержало в себе ту форму самосохранения материи, которую назвали движением (изменением). Но, возможно, Большой Взрыв разделил эти два состояния мироздания (реально неподвижное и потенциально изменяющееся) на два принципиально разных мира: мир нынешнего неподвижного космического вакуума и изменяющейся, движущейся вещественной Вселенной.

Казалось бы, процессы эволюции (особенно устремляясь по главной магистрали универсальной эволюции) свидетельствуют об «отходе» от приоритета самосохранения в «пользу» изменения и развития. Однако эволюция, на мой взгляд, прежде всего, происходит опять-таки «во имя» сохранения материальных образований: увеличение их информационного содержания в процессах развития «подчинено» именно сохранению материальных систем. Чем больше система накопит негэнтропии (информации), тем ей гарантирован более долгий срок существования в условиях окружающей среды с её неблагоприятными, способствующими росту энтропии, воздействиями. В вещественной Вселенной, которая не может самосохраняться как космический вакуум в неподвижной форме, процессы движения «преследуют цель» сохранения того, что уже было «накоплено» предшествующей эволюцией, но только на супермагистрали универсальной эволюции (и не столь долговечно – на других направленных нерегрессивных форм развития).

Установление «космологического приоритета» сохранения перед изменением имеет важные мировоззренческие последствия. Если в «памяти» деятельности социального индивида доминирует установка на сохранение, то отсюда становится понятным, почему делается акцент на настоящем и сохранении существующего, а не на будущем. Самосохранение индивида предполагает сосредоточение основных усилий на настоящем, «здесь и сейчас», а не на других периодах времени. Что-то делать во имя будущего с этих позиций означает отвлекать внимание от настоящего, что-то от него отнимать в пользу непонятого и неиз-

¹ См.: Галимов Э.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: 2001; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы). М.: 2007; Урсул А.Д. Научная картина XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция // Безопасность Евразии. 2009. № 1; Ланов А.Д. Универсальная эволюция и проблема внеземного разума (SETI). М.: 2008.

вестного будущего. В принципе подобная схема рассуждений характерна для поведения большинства индивидов в модели неустойчивого развития, для которой это считается социальной нормой. Однако для модели устойчивого развития эта темпорально-деятельностная установка оказывается неприемлемой.

При анализе роли и взаимосвязи трёх темпомиров в большинстве сфер социальной деятельности в модели неустойчивого развития обращает на себя внимание чётко установленная их асимметрия, или лучше сказать, неравенство. Это «деятельностное неравенство» заключается в том, что основное внимание уделяется прошлому и настоящему, а будущее находится где-то на периферии нашего внимания и интересов. Разумеется, в зависимости от рода деятельности пропорции в отношении темпомиров (т. е. прошлого, настоящего и будущего) оказываются разными. Но то, что будущее оказывается не в «почёте» – это достаточно очевидно, и известный афоризм «после нас хоть потоп», демонстрирует это «пренебрежение» будущим в нынешней модели социально-экономического развития.

Причём в некоторых областях деятельности это даже теоретически и институционально узаконено, что достаточно очевидно на примере научной деятельности. Так, в науке занимаются поисками и доказательствами существования разного рода истин (преимущественно в форме фактов и законов). Однако истина как форма знания существует только во временном диапазоне прошлого и настоящего, но никак не будущего. Этот «исторический характер» основной формы научного знания связан с тем, что истина является адекватным отображением реальности, т. е. того, что существует или ранее существовало, но не того, что будет или может быть, но пока ещё не существует. Но существование любого объекта не «разорвано» во времени, оно предполагает его продление за пределы настоящего и происходящего. Эпистемологический феномен истины, по крайней мере, в традиционной теории познания «останавливается» перед будущим и также требует своего обобщения и «футуризации» на этот период времени. В традиционном понимании понятия истины обнаруживается временной разрыв (своего рода «великая китайская стена») как нарушение темпоральной целостности.

Истины любые, в том числе истины, добываемые наукой, проверяются и подтверждаются практикой. Но практика в темпоральном ракурсе – это материальная социальная деятельность, которая имела и имеет место только в прошлом и настоящем. Конечно, она, так или иначе, простирается и в будущее, но это виртуально-футуристическое продолжение не является пока ещё практикой, т. е. она реально не существует. Между тем требование временной фиксации истины в прошлом или настоящем весьма существенно. Ведь на крутых поворотах истории нет, что сейчас считается истиной может не получить своего продолжения в будущее, хотя бы в силу случаев нелинейности времени в бифуркационной фазе существования материальных процессов.

Тем самым имманентная взаимосвязь практики и истины существует только в прошлом и настоящем. Будущее как-то подразумевается, и оно появится в силу принципа темпоральной целостности, т. е. взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Но появление будущего в том, или почти в том же виде, как это было в предшествующих темпомирах, возможно в случае их линейной связи, ведущей к экстраполяции ныне происходящих тенденций на будущее.

Вот почему будущее весьма слабо вписывается в ставшую традиционно-канонической академическую концепцию «истинностно-практической», фактично-эмпирической науки. Провозглашение истины и практики в качестве определяющих «аксиом» научной деятельности выталкивает будущее на периферию научного поиска. Конечно, будущее в науке так или иначе подразумевается и присутствует, но лишь в качестве не одного из основных, а «остаточно-маргинального» предмета в основном мыслительной деятельности. И не в том же академическом статусе, что прошлое и настоящее. Во всяком случае, что-то не припоминается, чтобы кто-то из учёных получил учёную степень или престижную премию только за прогнозы, исследование будущего. За них скорее ругают, чем хвалят, по крайней мере, предсказателей погоды и астрологов.

Между тем любая социальная деятельность (и особенно в сфере безопасности) требует определённого отношения к будущему, хотя бы в плане своего эффективного продолжения или кардинального изменения. О будущем ранее мало задумывались (идеологическая ориентация в советские времена на «светлое будущее» не вё) хотя бы потому, что считалось, что человечество будет ещё долго существовать на нашей планете, оно, если и погибнет, то ещё не скоро и уж, конечно, не в ближайшие десятилетия или столетия (в отсутствие антропогенных и природных катаклизмов).

Подобное продление «мирного» бытия человечества в будущее теперь оказалось под большим сомнением, в силу негативного воздействия на биосферу даже мирной антропогенной деятельности в условиях глобально-планетарных ограничений (глобальных проблем). Оказалось, что вполне мирная человеческая деятельность развивается по очень опасной траектории, опять-таки чреватой всемирным (планетарным) социально-экологическим катаклизмом, а, возможно, и предполагаемым омницидом (гибелью всего живого в биосфере).

Понимание такого возможного и трагического конца человеческой истории привело к осознанию существенной ущербности всего предшествующего развития и прежде всего в его экономическом направлении. Не вдаваясь в причины такого типа экономоцентрического развития (а, по сути роста), получившего наименование неустойчивого развития, стоит обратить внимание только на то, что осмысление его трагического финала стимулировало повышение интереса к будущему. Именно поэтому, как уже отмечалось, первый обстоятельный доклад международных экспертов, предложивших новую концепцию развития мирового сообщества, получил характерное название «Наше общее будущее» (М., 1989). В нём предлагаются меры, с помощью которых стратегия устойчивого развития выступит в качестве «ариадниной нити» по «лабиринтам» и неопределённостям грядущего. Смена курса (стратегии, модели) развития от опасно-неустойчивого к безопасно-устойчивому даёт шанс преодолеть возможную глобальную бифуркацию в её неприемлемой для цивилизации катастрофической версии. Появляется возможность не продолжать движение по неустойчиво-кризисному пути, а выйти на спокойно-эволюционную магистраль выживания и дальнейшего продления бытия цивилизации уже в новой – устойчиво-безопасной форме.

Интерес к будущему, видимо, возникает, причём в острой форме, когда динамика развития входит в «режим с обострением», в бифуркационную фазу, причём этот интерес опять-таки связан с проблемой выжива-

ния: сохраниться ли в будущем данная материальная система (например, цивилизация или конкретная страна) или ей уготован трагический финал? Так или иначе, проблема сохранения (в частности, для систем с управлением – обеспечения безопасности) оказывается приоритетной по отношению к изменению и развитию. И если социальная (разумная) система готова совершить изменения, то, прежде всего для того, чтобы эти вынуждаемые трансформации в последующем привели к её сохранению и возможности продолжения дальнейшего существования. В этом уже видится более глубокий смысл взаимосвязи сохранения и изменения материальных систем в нашем мироздании, где «господствует» принцип существования через сохранение.

В проблеме устойчивого развития особое внимание уделяется будущему, его формированию из настоящего. В модели неустойчивого развития подход к изучению будущего в основном был «линейным»: будущее выводилось из тенденций прошлого и настоящего, что и предполагает традиционно понимаемый экстраполяционно-исторический подход. Между тем в процессе всё более глубокого осознания проблемы устойчивого развития будет происходить сдвиг акцентов с изучения прошлого и настоящего на будущее. Этот процесс имеет смысл именовать футуризацией (от лат. futurum – будущее), который призван восстановить темпоральную целостность научного познания (и других сфер деятельности), включив в него будущее как органическую составляющую исследовательской деятельности.

Темпоральная целостность как основная форма существования временной реальности заключается в том, что три момента, модуса, или периода времени (темпомиры), которые мы именуем прошлым, настоящим и будущим, находятся в неразрывном единстве¹. Иногда в этом усматривается даже наличие трёх измерений времени, а их взаимосвязь трактуется как четвёртое измерение.

Так, М. Хайдеггер в докладе «Время и бытие», прочитанном в 1962 г. во Фрейбургском университете, пишет: «Чем же, однако, обусловлено единство трёх измерений собственно времени, т. е. трёх разыгрывающихся во взаимной игре способов протяжения его каждый раз особого присутствия? Мы слышали уже: как в наступлении ещё-не настоящего, так и в осуществлённости уже-не настоящего, и даже в самом настоящем разыгрывается каждый раз свой род касания и вовлечения, т. е. присутствия. Подлежащее такому осмыслению присутствие мы не можем отнести к одному из трёх измерений времени, а именно, как это напрашивается, к настоящему. Скорее единство трёх измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается особенным, в собственном времени разыгрываемым протяжением, т. е. как бы четвёртым измерением – не только «как бы», но по сути дела.

Собственно время четырёхмерно.

Что, однако, мы называем при перечислении четвёртым, по сути дела – первое, т. е. всё собою определяющее протяжение. Им несомно в наступающем, в осуществившемся, в настоящем их каждый раз особое присутствие, в его просвете они разведены между собой и тем сведены во взаимной близости, из-за которой три измерения оказываются близки друг другу. Потому первое, начальное, в буквальном смысле за-чинающее протяжение, в котором покоится единство собственного времени, мы называем близящей близостью, «близью» – раннее, ещё Кантом употребляемое слово. Но она близит наступающее, осуществившееся, настоящее друг с другом, их от-даляя. В самом деле, она держит осуществившееся открытым, отклоняя его наступление в качестве настоящего. Это ближние близки держит открытым наступание из будущего, отказывая настоящему в настоящем. Близящая близость имеет характер отклонения и отказа. Она заранее содержит способы протяжения осуществившегося, настоящего и настоящего в их взаимном единении»².

Эта взаимосвязь трёх модусов, измерений или, как я предпочитаю называть, темпомиров и выражается в принципе темпоральной целостности упомянутых Хайдеггером длительностей как специфическом атрибутивно-временном способе бытия. По крайней мере, материальный мир существует и будет существовать не иначе, а только в органической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, которое в своей темпоральной целостности простирается на всю предполагаемую и известную нам историю мироздания.

Футурологический подход, как это ни странно покажется так называемым себя реалистам, является наиболее конструктивным, поскольку только в будущем можно создать то, что уже невозможно было реализовать в предыдущих ему темпомирах. И даже реалисты, которые говорят, что они акцентируют своё внимание на настоящем, наиболее эффективно работают, если мыслят и действуют превентивно-опережающим образом. В человеческой деятельности важно, как уже отмечалось, опираться на все три модуса времени, особенно если это касается проблем устойчивого развития.

Принцип темпоральной целостности как принцип деятельности выступает как своего рода «закон сохранения времени», который отражает необходимость учёта взаимосвязи и количественных параметров трёх темпомиров. Если его применить к любой человеческой деятельности, то в совокупности с законом сохранения энергии, это означает, что акцент на каком-то одном темпопериоде (сосредоточение энергии и средств на этом периоде) приводит к тому, что уделяется меньше внимания другим периодам времени. А это ведёт к «темпоральной дисгармонизации» деятельности (закона сохранения системной целостности времени) и объективно требует её оптимизации в отношении трёх темпомиров. Поэтому процесс футуризации человеческой деятельности (в данном упомянутом случае научного познания) вместе с тем означает оптимизацию временной стратегии этой деятельности, исходящей из принципа темпоральной целостности как своеобразного, ещё не изученного «закона сохранения времени».

Существуют две основные формы (направления) исследования будущего (как его мыследеятельностного соиздания), исходящие из приоритета либо объекта, либо субъекта этого исследования. «Объек-

¹ См.: Урсул А.Д. Научная картина мира XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция// Безопасность Евразии. 2009. № 1.

² Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: 1993. С. 400.

тивное» исследование будущего, это то, которое часто именуется исследовательскими (дескриптивными) прогнозами, когда роль субъекта не принимается во внимание, либо он также исследователями представляется как объект. Этот тип прогнозирования предполагает исследование будущего как объективно длящегося вслед за настоящим с целью выявления возможных тенденций или сценариев развития, которые могут повлиять на выбор и принятие к реализации желаемых траекторий развёртывания изучаемого процесса.

Второй тип исследования будущего исходит из потребностей, интересов и желания субъекта и содержит в себе образ будущего, который в той или иной степени «устраивает» тех, кто формирует такой нормативный прогноз. Вполне понятно, что прескриптивный (нормативный) прогноз базируется на исследовательских прогнозах, но акцентирует внимание на субъективной стороне будущего, которое исходит из видения исследователя и возможности управления процессом созидания «потребного» грядущего. Оно представляется уже как субъективно-объективный процесс прогнозирования и вместе с тем планирования, созидания иных мыслительных форм видения будущего, ведущих к его изменению в необходимом для субъекта направлении.

Устойчивое будущее представляет собой именно подобный нормативный прогноз, который в той или иной степени может реализоваться в зависимости от принятия соответствующих мер конкретным субъектом. В случае устойчивого будущего речь идёт о глобальном, либо сильно глобализованном человечестве, которое сможет перейти к новой цивилизационной стратегии лишь в своём планетарном единстве и целостности.

Переход к устойчивой цивилизации предполагает всё более широкое использование такого инструмента исследования будущего как стратегическое планирование, которое может определять стратегию развития либо обеспечения безопасности конкретного объекта (чаще всего его используют для исследования деятельности корпоративных структур) на долгосрочную перспективу (обычно на срок более 10 лет). Из общего концептуального видения перехода к устойчивому развитию при стратегическом планировании выбирается лишь конкретный диапазон будущего и некоторая совокупность приоритетов, которые предполагается реализовать.

Было бы неправильно представлять, что всё, что составляет содержание стратегического планирования, будет полностью реализовано. Скорее всего, стратегический план представляет собой более или менее детализированную цель будущего развития, имеющего объективную (исследовательскую) и субъективную (нормативную) составляющие.

Например, в Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г., принятой Правительством РФ в ноябре 2008 г., будущее развитие видится в основном как инновационное социально ориентированное развитие. Инновационное социально ориентированное развитие делает акценты на тех аспектах, которые представляются наиболее важными для перехода к более сбалансированному, в перспективе целостно-устойчивому развитию нашей страны. Устойчивое развитие представляет собой более целостную эволюционную систему, чем упомянутое инновационное социально ориентированное развитие. Это последнее лишь составляющая будущей «устойчивой эволюции» человечества, которая наиболее актуальна в нынешних российских условиях. Однако в современной России в условиях глобального экономического кризиса выход из него в долгосрочной перспективе видится именно через переход к устойчивому будущему, но при условии реализации Стратегии–2020 (т. е. того же периода, что и упомянутая выше Концепция). Устойчивое развитие представляется после переходного периода от плановой к рыночной экономике той самой инновационно-стратегической целью очередного этапа развития не только России, но и всего мирового сообщества. Этот тип развития ориентирует на наше общее долгосрочное будущее, бескризисное и сбалансированно-безопасное развитие общества. Расстановка разных акцентов Стратегии–2020 и Концепции–2020 вызвано не только тем, что их готовили разные «команды», но и определёнными объективными обстоятельствами. Одна (стратегия) акцентирует внимание на проблемах безопасности (сохранения), тогда как другая (концепция) – на проблемах развития, для которых существуют хотя и взаимосвязанные, но все не полностью совпадающие стратегические национальные приоритеты. Эти приоритеты необходимо было связать таким образом, чтобы они не только не противоречили бы друг другу, но и создавали бы необходимый для перехода к устойчивому будущему системно-синергетический эффект.

Прежняя концепция национальной безопасности, основные идеи которой были сформулированы ещё в 1997 г., отражала период развития страны в 90-ые годы прошлого века. Этот период уже оказался позади, и сейчас, несмотря на глобальный кризис и «текущие» трудности и проблемы, появилась возможность нового взгляда на общее будущее человечества, которое при умелом его формировании из настоящего может стать важным шагом на пути к устойчиво-ноосферной цивилизации.

Стратегия–2020 должна создать необходимые условия для реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г., обеспечить безопасность её эффективного осуществления. Ведь по сравнению с предыдущей редакцией Концепции национальной безопасности (которая, кстати, просуществовала примерно тот же период времени, на который рассчитана обсуждаемая здесь Стратегия–2020) появились новые угрозы, которые носят качественно другой, в том числе и глобальный характер. Ряд угроз национальной безопасности страны, хотя и не исчезли, но потеряли свою актуальность. Поэтому важно сопоставить систему существующих сейчас и в обозримом будущем опасности и угрозы с новым видением наших национальных интересов и это нашло своё отражение как в Стратегии–2020, так и в Концепции–2020.

Надо сказать, что долговременные цели развития, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, содержащиеся в Стратегии–2020 и Концепции–2020 гораздо более взаимосвязаны, чем в предшествующих им аналогичных официальных документах. Однако видно, что их готовили разные ведомства и разные «команды», которым необходимо было согласовать между собой то общее, что должно было представлять собой единое «стратегическое целое» в плане социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ. Концепция–2020 и Стратегия–2020, в которых гораздо больше прослеживается взаимосвязь, отличаются от прежних концепций и стратегий, когда социально-экономическое развитие страны было весьма слабо увязано с проблемами обеспечения её безопасности,

представляя собой фактически автономные сферы социальной деятельности. Да и сроки принятия прежних концепций и стратегий не были столь близки по времени их разработки и принятия как сейчас (конец 2008 г. для Концепции–2020 и начало 2009 г. для Стратегии–2020).

На заседании Совета безопасности РФ был рассмотрен важный документ методологического характера «Основы стратегического планирования», предусматривающий как подготовку соответствующих прогнозных документов, так и необходимых нормативно-правовых актов. Стратегическое планирование представляет собой, как отмечалось на упомянутом заседании Совета Безопасности РФ, важнейший фактор как устойчивого развития страны, так и обеспечения национальной безопасности. Подобный методологический документ необходим для дальнейшего формирования стратегических планов в любой сфере деятельности и устранения ведомственной разобщённости.

Единая методология стратегического планирования важна не только для понимания роли будущего, но и для устранения управленческой раздробленности как в отраслевом, так и в территориальном плане (что предполагает создание общей для такого планирования нормативной базы). Появляется возможность при разработке государственных и других управленческих документов пользоваться единой методологией стратегического планирования.

Основы стратегического планирования представляют собой единый механизм нормативного прогнозирования на длительный перспективу, где обеспечение национальной безопасности и дальнейшее движение по пути устойчивого развития будут ещё теснее связаны в единую концептуально-деятельностную систему. В статье 100 Стратегии–2020 подчёркивается, что организационная её поддержка реализации заключается в совершенствовании государственного управления страной, а также в развитии системы национальной безопасности на основе механизмов стратегического планирования устойчивого развития России и обеспечения национальной безопасности под руководством Президента Российской Федерации.

Возникает вопрос о характеристиках, критериях и индикаторах национальной безопасности, охватывающих все виды безопасности, входящие в широкое и комплексное понятие национальной безопасности. В Стратегии–2020 приведены наиболее значимые характеристики состояния национальной безопасности, которые включают в себя (см. ст. 112): уровень безработицы (доля от экономически активного населения); децильный коэффициент (соотношение доходов десяти процентов наиболее и десяти процентов наименее обеспеченного населения); уровень роста потребительских цен; уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень обеспечения ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники; уровень обеспечения военными и инженерно-техническими кадрами. Причём основные характеристики могут и будут уточняться в ходе ежегодного мониторинга состояния национальной безопасности, причём их число, на мой взгляд, будет возрастать.

И в этой связи важно соединить в одно целое перечень этих показателей национальной безопасности с показателями (индикаторами) устойчивого развития, которые уже предложены для измерения прогресса на пути к устойчивому развитию как на международном, так и на национальном уровне (например, в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», а также предложенных ООН). И хотя не все характеристики состояния национальной безопасности и прогресса по пути устойчивого развития будут совпадать (в силу специфики этих двух направлений деятельности), важно чтобы показатели национальной безопасности и индикаторы перехода к устойчивому развитию составляли бы единую систему, которая показывала бы как реализуются Концепция–2020 и Стратегия–2020 в их уже необходимой взаимосвязи.

В Стратегии–2020 вводится, на мой взгляд, новое и важное понятие приоритетов устойчивого развития, выражающих те основные характеристики, на которых на период до 2020 г. необходимо сосредоточить усилия и ресурсы и которые способствуют достижению необходимого состояния национальной безопасности (ст. 24 Стратегии–2020). Среди них:

- повышение качества жизни российских граждан путём гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается, прежде всего, путём развития национальной инвестиционной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путём укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнёрства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счёт сбалансированного потребления и развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнёрство, которое укрепляется на основе активного участия России в многополярной модели мироустройства.

Как видим, эти приоритеты не во всём совпадают с приоритетами национальной безопасности. Но так и должно быть, поскольку обеспечение безопасности преследует цель сохранения объекта, а устойчивое развитие – его дальнейшее изменение по пути прогресса.

ПРИОРИТЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАЗВИТИЮ

Если сохранение материи как основная форма её бытия оказывается доминирующей во Вселенной, то это кардинально меняет наше представление об эволюции вообще и об универсальной эволюции в особенности. Ведь ранее эволюция как процесс распространялась на всё мироздание, считалось, что так или иначе в этот процесс «втянуты» все реальные и возможные материальные образования. Однако, если доминирующий принцип бытия материи заключается в сохранении материальных образований, то полно-

ценный эволюционный «пропуск» получает лишь несколько процентов наиболее активного материального содержания нашего мироздания¹.

Эволюционные процессы – это наиболее редкие во Вселенной (и, возможно, в Мультиверсе) феномены, которые «преследуют» общую для всех материальных образований «цель» – самосохранение эволюционирующих материальных систем. Но это самосохранение происходит наиболее необычным для материи способом – через особый тип развития, который именуется самоорганизацией и, в конечном счёте, преследует цель «увечковечения» соответствующих материальных образований. Для этого им приходится изменяться, увеличивая информационное содержание, понижая свою энтропию (хотя бы для того, чтобы сохранить ранее накопленную негэнтропию).

Эволюция «имеет место» (как говорит М. Хайдеггер) не просто потому, что всё движется, изменяется и этому нет альтернативы, а для сохранения материи и её конкретных проявлений (образований). Это одна из форм (причём пока эволюционно высшая форма) или способов самосохранения материи как её существования. Эволюция (особенно прогрессивная) – это сохранение материи через изменение, движение. Наиболее эффективным способом является сохранение материальных образований через их прогрессивное развитие, что может оцениваться и характеризоваться с помощью информационного критерия развития. Наиболее низкое информационное содержание характерно для тёмной энергии, в которой либо нет информации, либо она представляет собой некоторое «вселенское множество» с минимальным разнообразием, поскольку определяется пока всего лишь двумя характеристиками – плотностью энергии и отрицательным давлением.

Однако и здесь существует определённая мера, а именно: прогрессивное развитие должно быть устойчивым, не выходить за определённые пределы скорости и другие темпоральные (и иные) параметры. Именно этот тип прогрессивного развития может быть назван устойчиво-эволюционным развитием, или применительно к социоприродным системам – просто устойчивым развитием.

По отношению ко всей материи в мироздании можно говорить о приоритете её сохранения по отношению к изменению как об основной закономерности её бытия. Что касается вещественной Вселенной, где сосредоточена барионная её форма, речь, пожалуй, пойдёт о превалировании изменения по сравнению с сохранением, причём особый интерес представляют процессы повышения негэнтропии, т. е. увеличении информационного содержания материальных систем в ходе их самоорганизации. Здесь уже применимы понятия синергетики и информатики в их «атрибутивной ипостаси» и широком понимании.

Фундаментальность свойства сохранения материальных систем по отношению к развитию так или иначе проявляется и в тенденции к увеличению длительности их существования. Бытие и время «объединяются» в том, что бытие стремится как можно дольше продлиться и тем самым материальная система продлевает длительность своего существования. Но такое продление бытия через сохранение в вещественной Вселенной возможно только в какой-то окружающей среде, которая обеспечивает «безопасное» существование и ряду из них сохранение в своей относительно изолированной системе. Необходимо сразу же обратить внимание на то, что для сохранения элемента или части экосистемы важно, чтобы эта экосистема была в ряде отношений стабильно-устойчивой. И здесь лучшим примером является наша планета Земля. Длительность существования, входящего в планетарную экосистему достаточно сложного элемента, не может быть больше такой же длительности времени этой экосистемы (понятно, что простейшие элементы, например, некоторые элементарные частицы могут существовать и более длительный период времени, но они являются простейшими составляющими не планеты, а всей Вселенной, на определённом этапе эволюции которой они появились).

Если признать, что сохранение материальных образований как форма их существования доминирует в мироздании (и в этом смысле оно претендует на онтологическую первичность), то можно процессы развития рассматривать и сквозь «призму» концепции безопасности (или сохранения существующих материальных систем). В общей теории развития различают три основные формы развития – прогрессивное, регрессивное и нейтральное (или одноплоскостное). Другие формы развития складываются из этих основных форм.

При прогрессивном развитии происходит усложнение материальных образований, рост их организации и структурированности, что ведёт к увеличению их информационного содержания и тем самым к увеличению негэнтропии. Именно благодаря этому эволюционирующие материальные системы с ростом их информационного содержания оказываются более устойчивыми в окружающей их среде, в которой могут быть как позитивные для системы ресурсы и факторы, так и негативные, которые не способствуют сохранению системы, увеличению её информационного содержания.

Эти негативные факторы существуют как в форме реальных процессов и сил, так и возможных, которые ещё не стали влиять на систему, но могут в определённых обстоятельствах (условиях) вести к тому или иному деструктивному воздействию на систему. В этом случае будет происходить регрессивное развитие системы под влиянием внешних либо внутренних негативных факторов.

Подобные негативные процессы и факторы, реально либо потенциально воздействующие на материальное образование и не способствующие его сохранению в науках о безопасности именуют опасностями. Опасность – это объективно (либо субъективно) существующий фактор реального либо потенциального негативного воздействия на материальный объект, в результате которого ему может быть причинён какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательные динамику или параметры (характер, темпы, формы и т. д.)².

¹ См.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1; он же: Научная картина мира XXI века: тёмная материя и универсальная эволюция // Безопасность Евразии. 2009. № 1.

² См.: Опасность // Безопасность России. Словарь терминов и определений. Рук. авт. колл. А.Д.Урсул. М.: 1998. С. 13.

Все негативные факторы подразделяются на вызовы, риски, потенциальные и реальные опасности или угрозы как наиболее конкретные и непосредственные формы опасности, направленные на ту или иную степень разрушения материального объекта. В Стратегии–2020 введено понятие «угроза национальной безопасности», которая определяется как прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства. В конечном счёте, опасности и угрозы направлены против сохранения перечисленных объектов обеспечения национальной безопасности.

В тех случаях, когда объект имеет биологическую либо социальную природу, речь идёт об обеспечении безопасности объекта как сохранения его природы, качества и длительности существования. В информационно-синергетическом плане можно говорить о сохранении информационного содержания материальных объектов.

Сохранение этих объектов в вещественной Вселенной возможно только на прогрессивной линии эволюции, в особенности при самоорганизации материальных систем либо при нейтральных изменениях материальных объектов, (когда развитие не происходит ни в прогрессивном, ни в регрессивном направлении). Нейтральное развитие совершается без подъёма вверх и без снижения вниз, т. е. как бы в одной плоскости (из-за чего эту форму развития иногда называют одноплоскостным развитием – например, в биологии – это алломорфизм). Изменения в объекте происходят, но они не увеличивают его информационного содержания, оно остаётся постоянным или почти таким, т. е. либо немного увеличивается, а затем снижается, но таким образом, что объект сохраняется в своём прежнем виде, не меняя своей природы и качества бытия.

Однако такая нейтрально-одноплоскостная форма развития, хотя теоретически свидетельствует в пользу сохранения объекта, практически всё же оказывается неустойчивой. Большинство воздействий и аттракторов на материальную систему с таким типом развития начинают её сдвигать либо в прогрессивном, либо в регрессивном направлении. Эта неустойчивость нейтрально-одноплоскостного развития свидетельствует о том, что сохранение степени организованности и качества объекта всё же более реально на пути самоорганизации, т. е. прогрессивного развития (в биологии это, например, ароморфозы). Но в этом варианте самосохранения объекта для того, чтобы сохранить свою природу, ему придётся изменяться в сторону увеличения своего информационного содержания. Сохранение материального объекта через самоорганизацию (прогрессивное развитие) приводит к его качественным изменениям. Но это естественный процесс смены качества на пути прогрессивного развития и он непрерывно происходит на супермагистрале универсальной эволюции.

И хотя здесь выделяется нейтрально-одноплоскостной тип развития, тем не менее, он не представляет для эволюции существенного значения, так как легко переходит либо в регрессивную либо прогрессивную ветвь эволюции. Сохранение длительное время этого типа развития (по сути, одного и того же информационного содержания объекта) невозможно, поскольку для этого необходимы соответствующие механизмы защиты (или изоляции) материальной системы от неблагоприятных воздействий окружающей среды. А такая изоляция приводит к тому, что полезные воздействия среды ряд необходимых ресурсов также не попадают в эволюционирующую систему и это приводит в основном к регрессивному развитию (самодезорганизации), как это следует из второго закона термодинамики. Поэтому основными формами эволюции являются прогрессивно-самоорганизационные и регрессивно-деструктивные процессы.

Рассмотрение проблемы безопасности совместно с проблемой развития приводит к становлению новой методологической базы исследования процесса перехода к устойчивому развитию. Соответственно, эти принципы будут формировать и новую социокультурную и соционормативную среду, которая придёт на смену современной, обеспечивающей «нормальное» функционирование модели неустойчивого развития. Теперь уже с позиций модели устойчивого развития нынешняя модель цивилизационного развития будет выглядеть как «ненормальная», хотя она и сформировалась стихийно-естественным образом, в том числе и под влиянием соционормативных систем.

Реальный переход к устойчивому развитию начнётся только тогда, когда эта должная форма развития начнёт постепенно и опережающе включаться (и всё больше заменять её) в реальную нормативно-правовую, политическую и другие социокультурные нормативные системы, включая мораль и даже религию, несмотря на её консервативность и большую приверженность нынешней модели развития. Таким образом, в XXI веке будут параллельно и одновременно существовать две основные соционормативные системы – одна (сухая), которая за норму считает прошлое и современное развитие человечества и другая, которая создаёт будущую новую (должную и желаемую) «норму», виртуальную, которая формируется вначале на теоретическом уровне в модели устойчивого развития.

Понятие устойчивого развития фактически выступает синонимом более «нормального» будущего развития, где может быть достигнут такой уровень безопасности планетарной социоприродной системы, который обеспечивает выживание человечества и его неопределённо долгое существование. В модели неустойчивого развития механизм обеспечения «нормального» функционирования общества носит в основном локальный (точечный) и кратковременный характер, а сама эта модель представляет собой в целом опасную и нестабильную среду для дальнейшего существования человека и человечества.

Если бы эта среда (природная и антропогенная) существования человека и общества оказалась бы более безопасной, то уменьшилась либо вообще отпала бы необходимость в нормативно-защитных средствах, и система оказалась бы более открытой. Очевидно, что от этих средств в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности и негативные воздействия на общество и

людей, которые трудно либо невозможно будет предвидеть и от которых необходимо защищаться. Однако часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена и создана более благоприятная, безопасная социокультурная среда обитания и развития, что и предполагает переход к устойчивому развитию.

В научной литературе довольно часто употребляется понятие «модель устойчивого развития», что имеет, по меньшей мере, двойное значение: во-первых, то, что это ещё не существующий тип развития, который появится в будущем, а пока представляет собой концептуальную (или иную, например, компьютерную модель), т. е. некоторую виртуальную реальность. Во-вторых, «модель устойчивого развития» подразумевает формирование новой формы общественного развития, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые обеспечивают выживание и дальнейшее длительное прогрессивное развитие человечества и сохранение биосферы. Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социоэкосистемы в планетарную несущую ёмкость, т. е. обеспечивающую двуединую задачу – выживание человечества и сохранение природной среды его обитания (биосферы).

До сих пор не существовало подходов к измерению степени и вероятности выживания человечества. Однако сейчас, в связи с формированием концепции и стратегии устойчивого развития можно предположить, что в какой степени цивилизация будет переходить от современной модели к модели устойчивого развития, в той же степени растёт вероятность её выживания. Если также предположить, что такой переход полностью обеспечит выживание человечества, то вероятность (коэффициент) выживания можно выразить через снижение антропогенного давления человечества на биосферу, на что обратил внимание А.П. Федотов¹ (существуют и другие подходы к измерению степени перехода к устойчивому развитию²).

Становление более безопасной среды обитания человека и цивилизации в целом в процессе перехода к устойчивому развитию означает, что существенная часть функций по обеспечению безопасности может быть обеспечена не защитой, а самим этим новым более нормальным типом развития, которое уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности в этом случае перестаёт быть основным и превращается в дополнительное средство обеспечения безопасности и его нормативно-регулятивных систем через устойчивое развитие.

Обратим внимание на то, что нормативное обеспечение формирования более безопасной широкой системы как среды существования человека и человечества требует изменения именно социальной сущности самой антропогенной деятельности. В современной модели эта деятельность носит экономоцентрический характер и человек руководствуется принципами личного интереса и выгоды. Этот процесс в обществе, во всяком случае, на глобальном уровне, приводит к стихийному взаимодействию этих часто несовпадающих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества (чего не «заметили» Ф. Хайек, его предшественники и адепты).

Идейный лидер неолитерализма лауреат Нобелевской премии Ф.А. фон Хайек полагал, что нет никакой необходимости вносить в саморегулирующуюся рыночную стихию факторы рациональной плановости и государственного управления. Он считал, что общественные интересы совпадают с интересами субъектов рыночного процесса, хотя и являются побочными для них³.

Между тем, кажется странным, что упомянутый лауреат Нобелевской премии видит мировое сообщество лишь состоящим из индивидов как некий конгломерат или арифметическую сумму «атомарных» личностей. Если бы взаимодействий между компонентами цивилизации не было бы, они были бы хаотично разбросаны, то с этим можно было бы согласиться. Но уже в те времена, когда Хайек писал свои труды, происходили различного рода процессы интеграции фрагментов мирового социума, которые затем получили наименование глобализации.

Вряд ли Хайек не понимал, что на уровне обретения целостности мировым социумом в процессе глобализации не могут не появиться те специфические системные черты, о которых говорили его современники, занимающиеся системным подходом. С позиций этого подхода очевидно, что, если человечество, ранее разрозненное по локальным и иным социумам, обретает в ходе антропогенно-глобальных процессов свою планетарную целостность, то у этой целостности возникают и всё ярче проявляются некоторые системные качества и характеристики. Их мы не обнаруживаем на уровне отдельно взятого рыночно-экономического субъекта, который и не думает об общечеловеческих интересах и ценностях, способствующих выживанию человечества. И эти системно-целостные характеристики, так или иначе, уже стали предметом изучения, хотя о них ранее и не думали либо даже, как Хайек, исходили из постулата о совпадении интересов индивида и общества.

Между тем, полемизируя с Хайеком, Дж. Сорос полагает, что: «Финансовые рынки по своей сути являются нестабильными, кроме того, существуют общественные потребности, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам. К сожалению, эти недостатки не признаются. Вместо этого существует широко распространенное убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися, а мировая экономика может процветать без вмешательства мирового сообщества. Утверждается, что общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес путем принятия коллективных решений нарушают рыночный механизм. В XIX в. эта идея называлась "свободным предпринимательством" (внедрялась доктрина невмешательства государства в экономику), возможно, в наши дни это уже не такое удачное название, поскольку оно происходит от французских слов *laissez faire*.

¹ См.: Федотов А.П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. Курс лекций. 2-е изд. М.: 2003.

² См. их обзор в книге: Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Социоприродное устойчивое развитие. М.: 2006. С. 67–86.

³ См.: Хайек фон Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: 1992.

Большинство людей, верящих в чудеса рынка и достоинства неограниченной конкуренции, не говорят по-французски. Я нашел более подходящее название этой идее – «рыночный фундаментализм» (market fundamentalism).

Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной»¹.

Причём, Дж. Сорос считает, что рыночный фундаментализм представляет сейчас большую опасность, чем тоталитарная идеология. Он полагает, что единственный способ обеспечения общих интересов заключается в том, чтобы общие интересы ставить выше эгоистических интересов, что не учитывает рыночная система, которая в силу этого является несовершенной и тем самым нестабильной. Законы рынка не аналогичны законам физики, они зависят от человека и социума, от людей, которые могут придумать новые правила функционирования будущей экономики. Существующий ныне в рыночном фундаментализме крен в сторону практической целесообразности делает общество нестабильным, полагает Дж. Сорос². Он отмечает, что экономика пренебрегает коллективными интересами, в частности сферой общественных и политических интересов. А предположение рыночных фундаменталистов и того же Хайека, что «общие интересы наиболее полно удовлетворяются путем удовлетворения личных интересов»³, оказывается не просто спорным, а принципиально неверным и опасным для дальнейшего развития человечества. Это демонстрирует нам не только разразившийся во второй половине 2008 г. мировой финансово-экономический кризис, ярко высветивший системную взаимосвязь мировой экономики, но и другие негативные последствия реализации этого несистемного и потому неверного постулата рыночного фундаментализма. Причём всё сказанное выше об экономике в полной мере относится и к проблеме обеспечения безопасности, причём даже в большей степени, поскольку ни одно рыночное государство с самого начала своего возникновения не возлагало обеспечение безопасности только на отдельных граждан, а всегда создавало специальные коллективно-государственные системы обеспечения безопасности всех жизненно важных объектов.

Предположим, что рыночно-экономическая идеология была бы внедрена и господствовала в сфере обеспечения безопасности. При этом нашёлся бы идеолог, считавший, что удовлетворение потребностей в обеспечении индивидуальной безопасности автоматически бы вело к обеспечению безопасности общества и государства. Абсурдность подобного предположения очевидна и почему-то мало кому приходила такая постановка вопроса в виду явного противоречия здравому смыслу. А между тем в этой постановке кроется ещё одно противоречие рыночного фундаментализма, которое относится к проблеме обеспечения безопасности.

В самом деле: если главным действующим субъектом экономического развития выступает индивид, то почему обеспечение безопасности переносится в основном на надындивидуальные – государственные и другие общественные структуры? Ответ на этот вопрос очевиден и его дала сама история. Но здесь-то и скрывается противоречие между развитием и безопасностью в модели неустойчивого развития. За экономическое развитие оказываются ответственными отдельные индивиды, а обеспечение безопасности возлагается в основном на надындивидуальные социальные структуры и системы. Если же следовать идее о необходимости неразрывной взаимосвязи безопасности и развития, к которой наконец-то мы пришли, то на всех уровнях развития и безопасности должны быть определённые взаимосвязи и взаимодействия между этими разорванными в модели неустойчивого развития сферами деятельности (в том числе и субъектами этой деятельности). Однако в модели неустойчивого развития, где господствует крен в сторону атомарно-индивидуального механизма развития, обеспечение безопасности всего человеческого рода оказалось не просто побочным последствием, но и весьма негативным для судеб этого уникального и, может быть, единственного во Вселенной вида живых существ.

Ведь, если бы удовлетворение личных интересов в обеспечении безопасности и развитии совпадало бы с интересами общества, тем более в «лице» всего человечества, то оно бы не стремилось к своему экологическому, ядерному либо иному способу коллективного самоубийства. Если возникающие экономические кризисы, включая и нынешний, лишь всё масштабнее раскачивают «рыночную лодку», то экологический кризис неумолимо устремляет её в пучину общемировой катастрофы уже в ближайшие десятилетия, о чём свидетельствует глобальное потепление климата и другие негативные экологические последствия. Удовлетворение личных потребностей только рыночным образом и акцент на учёте лишь индивидуальных интересов находится в противоречии не только с упомянутыми социальными, политическими и экологическими последствиями человеческой деятельности. Наиболее очевиден и социально-демографический трагический эффект в плане продолжения существования человеческого рода на Земле.

Дело в том, что рыночный принцип удовлетворения личных потребностей «здесь и сейчас» без должного учёта будущего и в системе всего человечества особенно в плане безопасности создаёт угрозу неудовлетворения их не только большей частью бедных современников, но и будущими поколениями людей и ведёт к опасности деградации всего человеческого рода. Важно этот процесс удовлетворения потребностей организовать в обществе таким образом, чтобы он не ставил под угрозу удовлетворение жизненно важных и других потребностей и интересов как нынешними, так и будущими поколениями людей. Речь тем самым идёт о справедливом равенстве возможностей в удовлетворении потребностей нынешними и будущими поколениями землян. Эта задача оказывается очень сложной в условиях появления гло-

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М.: 1999.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 48.

бальных ограничений на человеческое развитие, которое было осознано в последние десятилетия XX века как появление глобальных проблем.

Это несовпадение векторов индивидуального выживания и выживания человеческого рода, который сейчас неуклонно стремится к антропоэкологической катастрофе, создаёт опасную среду существования и развития в модели неустойчивого развития. Одной из задач перехода к устойчивому развитию как раз и является создание единой стратегии выживания всего человечества, в которой личные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества. Ведь, если и дальше индивидуальные интересы будут противоположными вектору выживания всего человечества, то оно просто необратимо деградирует, и, в конце концов, погибнет в стремительно надвигающейся планетарно-системной катастрофе.

Если модель неустойчивого развития акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» человеке, то модель устойчивого развития выступает как стратегия выживания уже всего человечества. Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не может быть обеспечена, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания человека, не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель (стратегия) цивилизационного развития оказывается более гуманной, социально и экологически справедливой в своей стратегической и политической ориентации и перспективе.

Однако её реализация зависит от создания не только новых социально-экономических условий, но и от формирования политических, государственно-правовых и других соционормативных факторов и процессов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

В реальной жизни происходит постоянное взаимодействие всех упомянутых основных типов развития – и особенно – прогрессивного и регрессивного. Именно наличие последнего типа развития, его влияние на другие формы развития и вызвало возможность и реальность негативного воздействия на прогрессивное развитие материальных систем, в результате чего причиняется вред, ущерб системе, переход её к регрессивному развитию (деградация, разрушение, катастрофа и т. д.).

Наличие регрессивной ветви реальных процессов развития и создаёт опасности и угрозы, от которых, если систему необходимо удержать на траектории прогресса, следует обеспечить защиту либо иными способами обеспечивать её сохранение и возможность дальнейшей самоорганизации. В терминах синергетики наличие этих двух основных взаимодействующих между собой типов развития выражается в понятиях простого и странного аттракторов. Простой аттрактор притягивает эволюционирующую систему к состоянию устойчивости путём уравнивания системы со средой, а странный аттрактор ориентирует на достижение системой более сложной структуры, благодаря чему достигается устойчивое неравновесие со средой. Действие простого аттрактора ассоциируется с регрессом, а странного – с прогрессом, и процесс самоорганизации в постбифуркационный период зависит от влияния того или иного аттрактора.

Проблема обеспечения безопасности в значительной степени относится к социальной и биологической ступеням эволюции материи, но своим основанием уходит вглубь материи¹. Свойство сохранения систем в ходе эволюции является одним из принципов (критериев) отбора в эволюционно-самоорганизационных процессах. Значительная часть эволюционирующих систем разрушается после момента бифуркации и уходит в небытие, и лишь меньшая часть «удостаивается» притягательного действия странного аттрактора, выходя на более высокий уровень сложности и прогрессивного развития. Требование (принцип) сохранения систем в эволюционных процессах относится главным образом к такого рода процессам самоорганизации на супермагистральной универсальной эволюции. Характерной чертой этой супермагистральной является непрерывное усложнение (прогрессивное развитие), формирование качественно новых иерархических структурных уровней материи. Причём это возможно при совместном действии ряда других принципов универсального эволюционизма. И одним из таких важных принципов является коэволюция самоорганизующихся систем со средой, что, естественно, связано с упомянутыми выше принципами обеспечения сохранения системы через усложнение (прогрессивное развитие), реализацией информационного критерия и вектора на универсальной супермагистральной.

Сохранение эволюционирующей системы и возможность её дальнейшего прогрессивного развития реализуется лишь на базе предыдущего структурного уровня (принцип эволюционного консерватизма), с которым она вступает в противоречивые отношения. С одной стороны, существующая естественная основа (предыдущий и другие структурные уровни материи) является ресурсом существования и дальнейшей эволюционной самоорганизации системы, поскольку ничего иного в природе к этому моменту времени в данной окрестности Вселенной не существует. Но всё существующее является не только ресурсами развития (прогрессивного), но и условиями существования конкретной эволюционирующей системы. Эта последняя в принципе не должна, если она претендует на продолжение своего бытия, переводить всё только в ресурсы, поскольку этим подрываются условия (назовём их экологическими условиями) и вместо прогрессивного развития систему ожидают деградирующие изменения, причём между условиями (У) и ресурсами (Р) в природе существует константная взаимосвязь: $У+Р=const$. И не просто такая взаимосвязь, но и определённая мера, в силу которой основная доля в экосистеме (где её центральным членом выступает эволюционирующее материальное образование) приходится на условия существования и меньшая – на ресурсы, причём для всё более высоких иерархических уровней эта последняя доля постоянно снижается. Каждая предыдущая ступень эволюции материи оказывается большей по объёму и массе, поскольку является

¹ См.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

«обиталищем» и окружающей средой других, более высоких структурных уровней и ступеней эволюции материи.

С переходом на более высокий иерархический уровень происходит сужение «коридора усложнения» эволюционирующих систем, т. е. прогрессивное развитие на супермагистрали эволюции имеет вид сужающегося конуса (негэнтропийная пирамида). При этом должно сохраняться основание, фундамент, из которого «вырастает» более высокий структурный уровень эволюции, т. е. в этом смысле обеспечивается «безопасность» предыдущего уровня. Если этого не происходит, то прогрессивная эволюция просто прекращается либо временно остаётся на том же уровне, либо переходит на траекторию регрессивного развития. «Безопасность» более широкой системы необходима для того, чтобы служить основой, стартовой площадкой и условиями для продолжения прогрессивной самоорганизации системы.

Негэнтропийная пирамида одновременно может быть названа и «пирамидой безопасности», поскольку сужение «коридора существования» происходит и по причине сохранения всё более сложных материальных образований. Для того чтобы перейти на новый, более высокий уровень сложности, эволюционирующая система должна вступать в адаптивно-коэволюционные отношения с предыдущими структурными уровнями материи, что возможно только в весьма узком коридоре безопасности, в природных условиях, где может быть гарантировано их соразвитие. Поэтому не случайно иногда универсальный эволюционизм именуют «универсальным коэволюционизмом».

Именно в этих границах, или «коридоре безопасности» возможна эволюция материальных систем с их усложнением, тогда как за пределами этого коридора возможно в основном их регрессивно-деградационное развитие. Эти пределы во многих случаях могут быть определены количественно (в основном в случае природно-экологических и производственно-технологических опасностей и угроз). В экологическом плане этот коридор безопасности связан с «несущей ёмкостью экосистем», понятием, которое определяет предел антропогенного воздействия на окружающую природную среду, за которым возникают необратимые деградационные изменения экосистемы. По сути дела, в понятии несущей ёмкости экосистемы определяются границы безопасного развития, которое в этом случае считается устойчивым развитием. Под устойчивым развитием понимается развитие, осуществляющееся в пределах несущей ёмкости экосистем (а, главное – биосферы в целом), т. е. безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей и сохранение окружающей природной среды.

Изложенное выше тесно связано с проблемой национальной безопасности, обеспечение которой является одной из главных общественных функций государства. И это становится понятным, если проанализировать процесс становления государства, которое уже в процессе своего генезиса в первую очередь было призвано защищать от врагов население и его территорию. Обеспечение безопасности государства и внутри государства оказывается более важным, чем развитие, и это доказывает вся история человечества, хотя в определённых ситуациях возможна смена приоритетов. Однако приоритетность и фундаментальность сохранения любого объекта в природе и обществе перед его развитием уже является достаточно очевидной и подтверждается всей социоприродной историей.

В принципе, согласно изложенному выше, все общественные и социоприродные функции государства можно разделить на две большие сферы – обеспечение безопасности личности, общества, государства и их развитие (разумеется, прогрессивное). И всё же, по традиции и инерции, когда речь заходит о безопасности, то приоритетной оказывается безопасность государства или более широко – национальная безопасность. И понятно, почему на первый план выделяется именно безопасность государства: ведь без её обеспечения невозможно гарантировать ни безопасность личности, ни общества. Должна быть создана определённая безопасно-устойчивая среда на территории государства, где проживает его население и развёртывается функционирование общества.

Когда же речь идёт о развитии, то имеется в виду прежде всего социально-экономическое развитие, которое в полной мере реализуется, если уже обеспечена национальная безопасность. Поэтому в принципе невозможно прогрессивное развитие в обществе без обеспечения национальной безопасности. Социально-экономическое развитие в государстве, которому не гарантирована безопасность, в принципе может не состояться, и поэтому все государства заботятся в первую очередь об обеспечении своей безопасности.

Однако говорить о том, что социально-экономическое развитие страны коррелируется только с национальной безопасностью, было бы слишком схематизированным. Целесообразно все виды развития, происходящие в обществе, личности и государстве, тесно связать с соответствующими видами безопасности. Каждое направление развития того или иного объекта связано с соответствующим ему типом безопасности (хотя, как следует из анализа Стратегии–2020, не все приоритеты, в том числе и стратегические в сфере безопасности и развития оказываются совпадающими). Если безопасность не будет обеспечена, то развитие окажется под угрозой в том смысле, что прогресс может смениться регрессом. Наличие двух главных и тесно взаимосвязанных функций государства – обеспечение развития и обеспечение безопасности ставит, естественно, вопрос об их более тесном объединении в единой функциональной системе. Тем самым речь идёт о формировании такой социальной и социоприродной среды, когда обеспечение безопасности в большинстве случаев не выделялось бы в отдельные сферы деятельности по защите объекта, а это был бы системно-целостный цивилизационный процесс, где обеспечение безопасности реализовалось бы через устойчивое развитие.

Вполне понятно, что обеспечение национальной безопасности связано с противодействием негативным тенденциям, реальным и потенциальным угрозам, с тем, чтобы в первую очередь устойчиво функционировало государство, и были бы защищены жизненно важные интересы общества и личности. Однако это не означает ограничение обеспечения безопасности только функцией защиты. Необходимо трансфор-

мировать сам процесс развития всех объектов обеспечения безопасности, их взаимодействие между собой с тем, чтобы развитие становилось более стабильным и безопасным. Ведь многие виды развития в принципе уже не удовлетворяют требованиям безопасности в соответствующем направлении, поскольку они представляют в длительной перспективе медленно либо быстро саморазрушающиеся процессы. Прогрессивное развитие объекта (личности, общества, государства) необходимо органически соединить с императивами обеспечения безопасности во всех необходимых для длительного существования этого объекта направлениях и аспектах. От того, насколько это будет эффективно организовано и реализовано, зависит создание целостной системы устойчивого развития государства, общества, личности.

Переход к устойчивому развитию как уже упоминалось, наиболее эффективен для стабильного государства и стабильного общества. Поэтому стремление к стабильности – это создание государственно-правовой, экономической и иной базы для реализации государственной политики перехода страны к устойчивому развитию. Только стабильное и безопасное государство может начать принимать адекватные меры по переходу на новую цивилизационную модель. Стабильность государства в модели неустойчивого развития – это необходимая база для движения к обществу и государству с устойчивым развитием. Таким образом, безопасность объекта оказывается первичной для смены типа его дальнейшего развития, даже в том случае, если в дальнейшем предполагается обеспечение национальной безопасности через устойчивое развитие.

Сказанное выше приводит к новому пониманию проблем и понятия безопасности. Ведь в Законе РФ «О безопасности» (утверждён 5 марта 1992 г.) понятие безопасности определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Согласно этому определению обеспечение национальной безопасности Российской Федерации – это деятельность государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленная на защиту национальных интересов и национальных ценностей и их приумножение. Она, как сказано в упомянутом «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию» (с. 16), не сводится к защите. Идея национальной безопасности тесно связана с концепцией устойчивого демократического развития, выступает в качестве её неотъемлемой части и одновременно условием её реализации. В этой связи обеспечение безопасности должно быть направлено не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по развитию и укреплению прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства, Речь идёт о долгосрочной государственной политике и стратегии устойчивого развития. Как отмечалось выше, это дальнейшее уточнение этого понимания проблем обеспечения безопасности через переход к устойчивому развитию, привело к более пространной и точной формулировке понятия национальной безопасности.

В связи с постепенным переходом всех государств мира к устойчивому развитию появляется новая общая основа для формирования национальной безопасности каждой страны. Интересы в области национальной безопасности у государств, реально ориентирующихся на новую цивилизационную парадигму, будут всё больше сближаться, и останется меньше проблем, в которых будут проявляться противоречия национальным интересам. В этом смысле приоритетность всех форм безопасности как глобальной цели развития оказывается не просто выше целей безопасности отдельно взятых стран, но и основанием для формирования единой глобальной безопасности, соответствующих трансформаций феномена государственности в планетарном масштабе.

Если бы цели и требования каждого объекта обеспечения безопасности и развития совпадали бы, то можно было бы считать, что все они стремятся создать в экосистеме более безопасную среду. Между тем реально существующее рассогласование интересов объектов (и субъектов) обеспечения безопасности и развития часто приводит к противоположному результату, а, именно – к тому, что окружающая среда в государстве, обществе и в глобальной экосистеме – биосфере становится всё более опасной, увлекая эту экосистему в целом в планетарную социально-экологическую катастрофу. Если оценить усилия и средства, которые тратятся на «точечное» и локальное обеспечение безопасности многочисленных объектов в основном через их защиту, то на определённом этапе продолжения этой тенденции окажется более целесообразными не только в экзистенциальном, но и в экономическом плане создать более безопасную окружающую среду, чем обеспечивать безопасность традиционными «защитными» способами. А это произойдёт лишь в том случае если процессы развития и обеспечения безопасности окажутся очень тесно взаимосвязанными.

Именно такое понимание сложилось к концу XX – началу XXI вв., когда появилась концепция и стратегия устойчивого развития как безопасного социоприродного развития, которое сможет обеспечивать сохранение того или иного объекта через его «более нормальное» и системно-сбалансированное развитие. Именно по такому пути «пошла» наша видимая (вещественная) Вселенная, которая существует через эволюцию (а, скорее всего, даже через универсальную эволюцию) своих материальных образований. Можно даже считать, что устойчивое развитие человечества представляет собой определённую пространственно-временную траекторию или даже «отрезок» на супермагистральной универсальной эволюции.

Стало понятным, что, несмотря на продолжающуюся тенденцию «точно-защитного» обеспечения безопасности отдельно взятого объекта в модели неустойчивого развития, необходимо направить усилия на формирование более безопасной как национальной, так и глобальной среды проживания как нынешних, так и будущих поколений людей. И это не просто экономическое столкновение интересов выживания отдельного индивида и выживания всего человечества, а вопрос возможности дальнейшего существования человеческого рода на планете. Как видим, решение этого вопроса связано с изменением способов обеспечения безопасности как отдельного объекта, так и всех объектов (и субъектов) в такой уникальной системе как биосфера Земли.

Новый подход к обеспечению безопасности, используемый в модели устойчивого развития, исходит из системного видения этого обеспечения, которое формируется при переходе к упомянутому типу раз-

вития. Здесь в одно целое соединяются экономические, экологические, политические, социальные и другие аспекты и направления развития и одновременно – обеспечения безопасности, создавая новую целостную деятельностьную систему. Приоритет экономики, характерный для современной модели развития, уступает системной взаимосвязи основных направлений и компонентов деятельности, которая направлена на дальнейшее выживание человечества и сохранение биосферы.

Уместно обратить внимание на то, что создание более безопасной среды обитания в результате перехода к устойчивому развитию повторяет в какой-то форме на социальном уровне историю биосферы, в которой биота в конце концов фактически создала именно те природные условия, которые пригодны для жизни и обеспечили ей устойчивость и дальнейшую естественную эволюцию¹. Биота, если бы её не губила нерациональная антропогенная деятельность, могла бы существовать в созданной ей биосфере вечно пока какой-либо космический, т. е. внешний по отношению к планете Земля губительный фактор не разрушил бы её, например, огромный астероид либо комета, что признаётся вполне реальной геокосмической опасностью даже в ближайшее время в течение этого века.

Биота за время своей эволюции на планете сформировала мощный механизм регуляции и стабилизации окружающей среды, затрачивая на поддержание пригодных для биоты условий и обеспечивая устойчивость и безопасность этой среды огромную работу почти 99 процентов всей энергии биомассы и перерабатывая ежесекундно 10^{35} бит/сек². Наличие биотического механизма стабилизации и регуляции окружающей среды сформировало, вероятно, самый ранний, по историческим масштабам времени, тип безопасного и тем самым устойчивого развития для всех населяющих биосферу живых существ. Биота, реализуя эту свою биосферную функцию обеспечения стабильных условий своего существования, пошла по пути формирования жизнепригодной и более безопасной среды своей эволюции в планетарном масштабе, а не обеспечения «индивидуальной» или «популяционной» безопасности в локальном или региональном масштабе. Нечто аналогичное придётся совершить и человечеству, нарушившему созданную биотой планетарно-биосферную стабильность. Придётся отказаться от архаичных принципов обеспечения безопасности в современной модели развития и создавать с помощью перехода к новому типу развития более безопасную планетарную социоприродную окружающую среду, но уже рассчитанную на неопредёленно долгое существование человечества в биосфере. Как видим, история с созданием механизма стабилизации и регуляции окружающей среды с целью обеспечения безопасности существующих в ней объектов может повториться уже на более высоком эволюционном – социальном уровне или точнее – на социоприродном уровне, когда ставится цель перехода к устойчиво-безопасному будущему. При этом человек не должен разрушать механизм экосистемной биотической регуляции окружающей среды, а опираться на него при переходе на траекторию устойчивости, добавляя свои специфически общественные средства обеспечения безопасности и стабильности как природной, так и социальной среды и находящихся в них объектов.

Необходимость использования социоприродного подхода связана, помимо прочего, ещё и тем, что в ходе взаимодействия природы и общества всё больше множатся негативные воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. В свою очередь, это воздействие существенно ухудшило качество этой среды, нарушило устойчивое функционирование естественных экосистем, привело к существенной утере биологического разнообразия, истощению природных ресурсов и т. д., что, в свою очередь, отрицательно влияет на человека и общество в целом. Таким образом, появились «положительные обратные связи» в системе «общество – природа», которые «расшатали» её устойчивость. Обеспечение глобальной экологической безопасности, сохранение цивилизации и биосферы стало той целью, от реализации которой зависит успех на пути перехода к новой цивилизационной стратегии. И в этой связи устойчивое развитие в значительной степени ассоциируется с экологически безопасным и биосферосовместимым развитием человечества, хотя в плане обеспечения безопасности мыслится в более широком ракурсе.

Обеспечение безопасности через переход к устойчивому развитию характеризуется рядом новых принципами, о которых уже шла речь³. Вместе с тем происходит также расширение списка основных объектов безопасности (в особенности природной среды) в модели устойчивого развития. Это сопряжено и с увеличением числа субъектов обеспечения безопасности. В традиционной модели развития основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через все властные органы. Вместе с тем, согласно Закону РФ «О безопасности», субъектами безопасности являются граждане, общественные и иные организации и объединения, обладающие правом и обязанностями по участию в обеспечении безопасности, в соответствии с законами, действующими на территории РФ. Причём государство как основной субъект обеспечения безопасности обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом.

Упомянутые выше субъекты обеспечения безопасности сохраняются и в модели устойчивого развития, но сюда добавляются субъекты наднационального и транснационального уровня, которые постепенно будут формироваться по мере перехода мирового сообщества и каждого государства к новой цивилизационной стратегии. Появляется и планетарный субъект обеспечения глобальной и всеобщей безопасности – всё человечество (о котором ранее шла речь и как о новом объекте безопасности). И это вполне понятно, если переход к устойчивому развитию обретает глобальные масштабы и характеристики, то обеспечение всеоб-

¹ См.: Лосев К.С. Биотическая регуляция окружающей среды // Глобалистика. Энциклопедия. М.: 2003. С. 83–85.

² См.: Лосев К.С., Горшков В.Г., Кондратьев К.Я. и др. Проблемы экологии России. М.: 1993. С. 229.

³ См.: Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1; он же: Универсальный эволюционизм: концептуальные модели и принципы // Безопасность Евразии. 2006. № 1.

щей безопасности возможно только в социоприродной системе «природа – человечество – личность». Отдельный человек и различного рода объединения (коллективы, социумы) также выступают в качестве субъектов участия в обеспечении безопасности и на государственном и на глобальном уровне. Наряду с социоприродной системой безопасности «человек – цивилизация – биосфера», благодаря космическим средствам, формируется также аналогичная антропогеоэкологическая система «человечество – Земля – Вселенная», в которой должна быть обеспечена безопасность и устойчивое развитие на планете и за её пределами¹.

В модели неустойчивого развития поступательное движение одних социальных систем зачастую осуществляется в результате ослабления безопасности и замедления (угнетения) развития других систем (конкуренция). По этим принципам идёт и современная глобализация (как стихийная, так и направляемая «золотым миллиардом»). Аналогично – в целом общество в модели неустойчивого развития (прежде всего, природопользование) всё более снижает безопасность и устойчивость биосферы.

Единственный способ разрешения этого противоречия между развитием одних социальных систем и безопасностью других, между развитием цивилизации и сохранением природы заключается в переходе на взаимосогласованное, коэволюционное, т. е. безопасно-устойчивое развитие. Коэволюция социальных систем, а также системы «общество – природа», означает вместе с тем безопасное и устойчивое их сосуществование. Установленная взаимосвязь развития и безопасности в форме устойчивого развития позволяет его характеризовать как наиболее безопасное развитие среди возможных типов безопасного развития социоприродных систем (по крайней мере, с современной точки зрения).

Развитие в полном смысле станет безопасным во всех отношениях, если оно будет осуществляться в форме будущего планетарного по масштабам устойчивого развития, которое реализует обеспечение безопасности на необходимом и достаточном уровне. Это обеспечение ориентируется не только на защиту, но и на такие формы обеспечения безопасности, которые связаны с опережающими действиями, с формированием развития в наиболее безопасной форме (безопасность через приоритеты устойчивого развития). Если в модели неустойчивого развития основное внимание уделяется «защитно-силовым» средствам, то в новой цивилизационной модели обеспечение безопасности должно достигаться в основном через развитие, консенсус, коэволюцию, опережающие решения и действия. При этом в новой модели также уменьшается (либо даже устраняется) нынешнее раздвоение социальной деятельности на ту, которая собственно занимается развитием (созиданием, творчеством и т. д.) и обеспечением безопасности этой основной деятельности. В модели устойчивого развития противоречие между безопасностью и развитием разрешается в пользу нерегрессивного развития, которое становится безопасным во всех отношениях устойчивым развитием. Таким образом, получается, что переход к устойчивому развитию опять-таки направлен на обеспечение сохранения всех объектов, которые переходят на новый тип развития и тем самым на новый способ своего бытия. Такой новый концептуально-методологический подход должен реализоваться как на государственно-национальном, так и на глобально-международном уровне при переходе мирового сообщества к устойчивому развитию и фиксироваться в соответствующей нормативно-правовой базе.

Таким образом, проблема безопасности в жизнедеятельности современной цивилизации приобрела не менее важную роль, чем проблема развития и оказалась тесно связанной с перспективами выживания человечества в условиях глобализации и обострения глобальных проблем. Это нашло своё отражение в научных дисциплинах и направлениях исследовательской деятельности, привело к тому, что понятие «безопасность» (и связанный с ним «куст» понятий) превратилось в междисциплинарно-интегративное, а в обозримой перспективе – даже в общенаучное понятие. И хотя дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстаёт от проблемно-поисковых разработок, тем не менее, может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чём мне уже приходилось писать². Эта проблема так или иначе возникает на всех этапах развития человечества, она имеет место и в биологических и даже шире – во всех кибернетических системах (т. е. системах с управлением), эволюционирующих в прогрессивном направлении. В развитии этих систем возникает проблема их сохранения в условиях наличия опасностей и угроз, негативных воздействий, могущих нанести вред или разрушить систему, т. е. существует проблема обеспечения безопасности как самосохранения, выживания и дальнейшей их непрерывной эволюции. Понятие «безопасность», как уже не раз отмечалось, больше связано с сохранением и надёжностью функционирования кибернетических систем, а понятие «развитие» – с направленным изменением их содержания. С точки зрения безопасности важно обеспечить защиту развивающихся систем (желательно – опережающим образом) от деструктивно-разрушающих, регрессивных изменений, создавая оптимальные условия и основания для поступательного самодвижения кибернетических (социальных, биологических, технических, гибридных) систем, атрибутами которых является управление и безопасность. Причём это самодвижение как самоорганизация направлено, прежде всего, на сохранение систем, но оно реализуется через их усложнение и прогрессивную эволюцию, способствующую сохранению накопленной ранее негэнтропии через дальнейшее непрерывное её увеличение.

Если безопасность характеризует далеко не каждый процесс и тип (вид) развития, то для того, чтобы в будущем формировать ту или иную форму развития, важно обеспечить её безопасность (и наоборот). Однако для этого следует изучить совместно законы развития объекта и законы обеспечения его безопасности, что предполагает становление не просто науки о безопасности, а науки о связи безопасности и раз-

¹ См.: Урсул А.Д. Человечество, Земля, Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М.: 1977; он же: Путь в нософеру. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: 1993.

² См.: Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии М.: 1998.

вития. Именно это предполагается в той сфере исследований, которая именуется ноосферологией, в которую органически вписываются проблемы обеспечения безопасности и устойчивого развития¹.

**СОЦИОНОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА К БЕЗОПАСНО-УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ.
НА ПУТИ К ПРАВУ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

В том, что создание нормативной базы и особенно правовых норм выступает в качестве важнейшего инструмента перехода цивилизации и каждой страны к устойчивому развитию свидетельствуют ранее упомянутый доклад «Наше общее будущее», а также документы ЮНЕСКО, в частности «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию». Декларация, содержащая 27 принципов, большинство из которых адресованы государствам, входящим в ООН, рекомендует использовать законодательные механизмы для перехода к устойчивому развитию. Так, принцип 11 акцентирует внимание на необходимости принятия государствами эффективных законодательных актов в области окружающей среды, причём экологические стандарты, цели регламентации и приоритеты должны отражать экологические условия и условия развития, в которых они применяются.

Принцип 13 гласит, что: «Государства должны разработать национальные законы, касающиеся ответственности и компенсаций жертвам загрязнения и другого экологического ущерба. Государства оперативным и более решительным образом сотрудничают также в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведётся под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикции».

Но, если упомянутые принципы относятся в основном к области экологического права (национального и международного), то последний 27 принцип уже непосредственно касается разработки проблем права устойчивого развития: «Государства и народы сотрудничают в духе доброй воли и партнерства в выполнении принципов, воплощенных в настоящей Декларации, и в дальнейшем развитии международного права в области устойчивого развития».

Эта ориентация на необходимость разработки правовых проблем устойчивого развития была продолжена и в документах и решениях Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в 2002 г. Каждая страна, в соответствии с Планом выполнения решений этого саммита, должна на «национальном уровне содействовать достижению устойчивого развития посредством, в частности, принятия и обеспечения соблюдения чётких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития», а также осуществить другие меры по укреплению институциональной базы устойчивого развития².

Такой переход возможен только в том случае, если он обретёт международно-глобальный характер, ибо «состояние устойчивости» как и безопасности, как упоминалось, в принципе невозможно в одной отдельно взятой стране либо какой-то их избранной группе. Глобальный характер перехода к новой цивилизационной парадигме требует формирования новых международных отношений, которые руководствовались бы новыми стандартами, нормами и принципами, составляющими новую систему (форму) права – право устойчивого развития. Именно глобальный характер новой цивилизационной стратегии свидетельствует о приоритетности международно-правового регулирования по сравнению с регулированием национального (государственного) права (хотя приоритет международного права признаётся и в модели неустойчивого развития). Эта достаточно очевидная особенность права устойчивого развития проявляется в том, что основные рекомендательные акты, составляющие в настоящее время концептуально-ориентационную основу качественно нового права развития, были приняты в рамках ООН на её различных форумах.

В связи с указанными рекомендациями ЮНЕСКО и ВСУР представляется актуальным и перспективным исследование правовых аспектов перехода к устойчивому развитию, причём в более широком плане, чем это обычно делалось в рамках экологического права. В ходе работы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации над концепциями законопроекта по проблемам устойчивого развития была сформулирована идея о выделении нового направления юридической науки и правовой деятельности – права устойчивого развития. Рассмотрим далее некоторые проблемы, связанные с возможной реализацией этой новой для современного права идеи.

Законотворчество в любой области, как известно, начинается с определения понятий и таким понятием, конечно, является понятие устойчивого развития. Но оно должно быть приспособлено для юридических целей (юридическая экспликация). И если с этой точки зрения мы рассмотрим уже имеющиеся понятия устойчивого развития, то увидим, что они фактически пока не приспособлены под законотворческие потребности.

Среди понятий устойчивого развития, которые уже использовались для концептуальной разработки проблем качественно нового права, было понимание этого типа развития в связи с проблемами экологии, например, то, которое содержится в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». Так или иначе, многие авторы акцентируют внимание на связи социально-экономического развития с вопросами экологии, прежде всего, с охраной окружающей среды, или несколько шире – с обеспечением экологической безопасности. С этой точки зрения, как отмечалось, устойчивое развитие – форма социоприродного развития, которая обеспечивает выживание и непрерывный прогресс общества и не разрушает окружающую природную среду (особенно био-

¹ См.: Урсул А.Д. Путь в ноосферу. 1993; Урсул А.Д., Урсул Т.А. и др. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М.: 2008.

² План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 9–10. С. 186.

сферу). Подобная «традиция» связи устойчивого развития с экологией (главным образом с экологической безопасностью) имеет свои основания, и пока очень редко можно встретить иную точку зрения.

В этом ключе были написаны статьи по становлению права устойчивого развития¹, а также книга «Правовые аспекты устойчивого развития»² и монографии, в которые специально посвящены государственно-правовому процессу в стратегии устойчивого развития³. Однако ясно, что экологическая трактовка права устойчивого развития должна быть расширена за счёт других системных составляющих будущего права устойчивого развития.

Сейчас стало понятным, что будущее устойчивое развитие будет состоять как минимум из нескольких своих составляющих: социально-политическое устойчивое развитие, социально-экономическое устойчивое развитие, демографическое устойчивое развитие и экологически устойчивое развитие. Все эти и другие составляющие единого устойчивого социоприродного развития становятся именно устойчивыми типами развития, если на них накладываются определённые ограничения и все они увязываются в единую систему, которая отличается от одномерно-экономоцентрического неустойчивого развития, характеризуемого в основном экономической эффективностью.

Наряду с таким, назовём его «системно-концептуальным» пониманием этого типа развития, в последнее время, как не раз упоминалось, стало развиваться представление как в той или иной степени о более безопасном развитии, чем современное. В самом деле, выявление связи устойчивого развития с проблемой экологической безопасности, как оказалось, свелось к определению тех ограничений и, соответственно, новых норм, которые выражают предельно допустимую (несущую) ёмкость экосистем и биосферы в целом. Согласно К.С. Лосеву, «несущая ёмкость экосистем – предельно допустимое возмущение локальной или глобальной экосистемы (биосферы) хозяйственной деятельностью человека, после превышения которой она прекращает функционировать как регулятор и стабилизатор окружающей среды, переходит в неустойчивое состояние и со временем может полностью необратимо деградировать»⁴. Устойчивое развитие оказывается таким нормативным типом развития, которое происходит в пределах несущей ёмкости экосистем, т. е. нормативность здесь имеет естественно-природный характер. Впрочем, подобное понимание выражает в основном его экологический аспект и позиционируется как экологически безопасное развитие со следующими из него нормами и стандартами.

Однако, если рассматривать не только экологически безопасное, но и другие формы и виды безопасного развития, то можно определить определённые границы (пределы) и нормы безопасного в том или ином отношении развития. Это касается экономически безопасного развития, социального, информационного, технического и всех других форм и видов развития и соответствующих им форм обеспечения безопасности. Развитие системы в целом оказывается устойчивым, если оно происходит в рамках соответствующего «нормативного коридора безопасности», т. е. той или иной «несущей ёмкости» антропогенной деятельности.

В этом смысле экологическая безопасность не отличается от других видов безопасности, но важно то, что понятие устойчивого развития впервые было сформулировано лишь в связи с экологией. И до осознания связи понятий «развитие и окружающая среда» изучались и другие виды безопасности, наряду с экологической, но концепция устойчивого развития была создана на пути экологического осмысления развития. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие характеристики реального процесса развития – т. е. экономическое его измерение, политическое, социальное, демографическое и т. д. Правда, при таком системном синтезе не очень понятно, почему мы должны включать лишь те характеристики, которые связаны с соответствующим видом безопасности – экономической, демографической, социальной и т. д.

В том, что необходимо обеспечивать все виды безопасности и прежде всего экономическую, социальную, демографическую и т. д. достаточно очевидно, ибо развитие как целостная характеристика систем не обретёт необходимую системную устойчивость. Однако обеспечение безопасности во всех необходимых аспектах ещё не гарантирует, что развитие будет сбалансировано-устойчивым. Для этого типа развития важно, чтобы наряду с обеспечением безопасности, т. е. возможностью развития в определённом «нормативном коридоре», происходило бы не просто развитие, а именно наиболее желательное – прогрессивное развитие, что создаёт возможность непрерывного продолжения этого типа развития в новой его социоприродной форме на главной его магистрали, т. е. супермагистральной универсальной эволюции.

При обеспечении безопасности прогрессивно эволюционирующих, т. е. самоорганизующихся систем реализуется тот тип развития, к которому мы сейчас стремимся, потому что он даёт возможность выживания и дальнейшего неопределённо долгого (перманентного) прогрессивного развития человеческого рода. Таким образом, устойчивое развитие состоит из двух взаимосвязанных форм социальной деятельности – прогрессивного развития субъекта (цивилизации) социоприродной системы и обеспечения её безопасности во всех возможных и прежде всего приоритетных направлениях. Эта взаимосвязь прогресса и безопасности «работает» на будущее, позволяя удовлетворять жизненно важные интересы и потребности

¹ См.: Урсул А.Д. Нужен закон о переходе РФ к устойчивому развитию // Зеленый мир, 1995, № 16; он же: Право устойчивого развития: постановка проблемы // Проблемы региональной экологии. 2005, № 1; он же: На пути к праву устойчивого развития: концептуальные аспекты // Теоретическая и прикладная экология. 2008, № 1; Урсул А.Д., Экимов А.И. Право устойчивого развития // Вестник РГТЭУ. 2006, № 3; он же: На пути к праву устойчивого развития // Национальные интересы. 2008, № 6; Бабурин С.Н. Государство и право в условиях глобального перехода к устойчивому развитию человечества // Национальные интересы. 2008, № 6.

² См.: Бринчук М.М., Урсул А.Д., Мاستушкин М.Ю. Правовые аспекты устойчивого развития. М.: 2005.

³ См.: Урсул А.Д. Государство в стратегии устойчивого развития. М.: 2000; Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: 2006.

⁴ Лосев К.С. Несущая ёмкость экосистем // Глобалистика. Энциклопедия. М.: 2003. С. 692.

не только нынешними, но и будущими поколениями в условиях сохранения природных условий как естественного фундамента существования человечества.

В принципе концепция устойчивого развития могла появиться и не в «экологоцентрической» форме, если бы было осознано, что необходимо менять курс развития всего мирового сообщества в силу иных обстоятельств. Однако исторически первая идея отвержения модели неустойчивого развития в основном в её капиталистической форме не была воспринята человечеством в силу её экономической неэффективности и недостаточного восприятия социалистических идей мировым сообществом. Несмотря на ряд позитивных и рациональных принципов этой первой попытки глобальной смены курса развития цивилизации, она всё же не состоялась в планетарном масштабе. Для отвержения старой модели развития как позже выяснилось, необходимо было включить в общецивилизационные трансформации и проблемы окружающей природной среды. Исторический консенсус смены курса социально-экономического развития впервые получился благодаря осознанию роли проблем экологии.

И всё же в принципе нельзя новый тип развития связывать только с реализацией экологических императивов. Устойчивое развитие – это всё-таки безопасно-инновационный тип развития во всех отношениях, который реализуется в достаточно узком эволюционном коридоре (в рамках несущей ёмкости экосистем). Поэтому на определённом уровне «нормативного» осознания сути устойчивого развития важно констатировать, что этот тип социоприродного развития характеризуется такими приоритетными характеристиками как глобальность, системность, непрерывность, безопасность и принятием опережающих решений.

Правовое осмысление устойчивого развития не обязательно должно идти только через экологические законы и нормы. Можно интерпретировать этот тип развития и через нормативно-правовые акты по проблеме безопасности, и через другие нормы и ограничения, входящие в его систему направления развития (и обеспечения безопасности), ранее изучающиеся как относительно автономные формы и сферы человеческой деятельности. Выше я уже высказал мнение о том, что Стратегия–2020 выступает не только как Стратегия национальной безопасности, но и как принципиально новая «вторая редакция» «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». В какой-то мере это некоторое преувеличение, поскольку основное внимание в Стратегии–2020 всё-таки уделяется проблемам безопасности (т. е. сохранению соответствующих объектов), а не их развитию (этому посвящена «Концепция социально-экономического развития до 2020 года»). Однако в Стратегии–2020 уже намечена и в определённой степени развита проблема взаимосвязи безопасности и устойчивого развития, и это даёт мне право говорить о новом видении проблем устойчивого развития уже не сквозь «призму» экологии и проблем окружающей среды, а в связи с проблемой безопасности и, прежде всего, с проблемой национальной безопасности. Можно ожидать, что проблемы устойчивого развития в правовом плане в дальнейшем будут разворачиваться не только в экологическом аспекте, но и в ракурсе проблем обеспечения безопасности. Причём этот ракурс может оказаться более перспективным, нежели экологический аспект для развития права устойчивого развития.

В широком смысле устойчивое развитие трактуется как процесс, обозначающий новый тип существования и развития мировой цивилизации. Этот тип развития основан на радикальных инновациях исторически сложившихся ориентиров и норм во всех, практически, параметрах бытия: экономических, социальных, демографических, экологических, культурологических и др. При таком понимании речь идёт об оптимальном управлении не только природно-ресурсным потенциалом, но и всей социокультурной сферой (экономикой, культурой, государственно-правовыми институтами и т. д.).

Переход к новому типу развития невозможен без использования государственно-правовых институтов, которые при этом сами должны претерпеть существенные изменения. Принципы, императивы и нормы устойчивого развития требуют новых форм правосознания, новых правовых норм, новой системы управления. Индивидуальное, корпоративное, общественное правосознание должны отойти от стандартов узко-индивидуального, группового и даже национального эгоизма. Большинство людей не осознаёт, что при существующих методах хозяйствования и построения межгосударственных отношений их потомков ожидает экологическая катастрофа (или иные глобальные катаклизмы), предотвратить которую невозможно иначе, чем объединёнными усилиями всего человечества. Объединение таких усилий требует новой концепции государственной власти, управления и государственного суверенитета, которая выходит за пределы корпоративных и классовых интересов и в ряде случаев даже собственно государственных интересов. Из основных форм властно-управленческих отношений на первый план во всём мире выходят ныне наиболее разумные формы демократии, международных отношений и управления, особенно ненасильственно-консенсусные, взаимовыгодные партнёрские отношения, о чём идёт речь в девятом разделе Стратегии–2020 «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство».

Смысл перехода к новой стратегии развития мирового сообщества, таким образом, состоит в существенном уменьшении негативных явлений и опасностей, угрожающих цивилизации. Причём такой переход неизбежно влечёт за собой необходимость повышения качества жизни, прежде всего, в бедных странах, совершенствования форм хозяйствования, управления, демократии. Важно отметить также, что в модели устойчивого развития безопасность личности, общества и государства обеспечивается не только через защиту и противодействие возникающим угрозам, а в основном путём предотвращения.

Государство окажется эффективным в плане реализации стратегии устойчивого развития, если оно превратит эту стратегию в реальную государственную политику и будет разрабатывать и применять национальные законы как в области экологического права, так и в других областях права. На это ориентируют политические рекомендации всех форумов ООН, где рассматривались проблемы устойчивого развития.

Право устойчивого развития будет развиваться на национально-государственном уровне, используя в качестве своего источника политические рекомендации ООН, которые выступают в качестве произ-

водного источника этого права. На определённом этапе национального пути развития права устойчивого развития появится потребность формирования международного, в перспективе – глобального права устойчивого развития.

На наш взгляд, право устойчивого развития на национально-государственном уровне будет продолжать идею господства права и правового государства, но уже ориентируясь на новую нормативно-цивилизационную парадигму. Именно через процесс реализации политики устойчивого развития произойдёт утверждение господства права (как и прав человека) на глобальном уровне, что имело бы далеко идущие позитивные последствия для выживания и прогрессивного развития всего мирового сообщества.

Процессы развития права устойчивого развития уже начались с «расширения» экологического права на другие процессы. Однако мы прогнозируем и другие возможные пути развития этого права, например, на базе правовых проблем обеспечения безопасности других направлений и отраслей права. Причём этот процесс будет идти одновременно как на национальном, так и на международном уровнях, усиливая и стимулируя друг друга.

На первом этапе формирования этого соционормативного феномена основное внимание важно уделить исследованию возможного концептуального аппарата права устойчивого развития, который должен в дальнейшем получить свою юридическую экспликацию. Но для этого необходимо признать, что нынешняя модель развития уже оказывается «ненормальной», а «нормальной» является модель безопасно-устойчивого развития и перейти от запоздалой фиксации правовых норм модели неустойчивого развития к новым, пока виртуально-гипотетическим, опережающим нормам будущего желаемого типа развития. Но это возможно только в ходе изменения существующих форм правосознания, которое, в частности, должно стать опережающим в отличие от «отстающего» правосознания модели неустойчивого развития. По сути дела, уже существует первоначальная модель права устойчивого развития в своём «мягком», как говорят юристы, варианте. Это международно-рекомендательные акты, принятые на форумах ООН, которые достигнуты в ходе согласительных процедур и предложений, причём в процессе консенсуса. Рекомендательно-политические акты выполняют ряд важных функций, моделируя право устойчивого развития. Среди этих функций, кроме опережающего моделирования, координирующая, объяснительно-ориентационная, регулирующая, информационно-коммуникативная, предупреждающе-прогностическая функции и ряд других¹.

Право устойчивого развития как некая пока концептуальная модель имеет лишь опережающе-деонтологический статус и не отражает реальной жизни, которая, вполне понятно, протекает в модели неустойчивого развития. Но этот отход от реальной «правовой жизни» неизбежен, поскольку пока создаётся юридическая модель должного и желаемого будущего. Современное же право оказывается моделью сущего и должного, но в основном прошлого и настоящего. Продолжение же «неустойчивого правового процесса» в будущее чревато теми же негативными последствиями, которые сопряжены с нынешней формой цивилизационного развития. Поэтому для обеспечения устойчивого развития необходимо введение новых «устойчивых» норм, которые отходили бы от прежнего «нормального» развития общества к обеспечению его безопасности с помощью нового типа развития, продолжающего позитивные черты прошлого и элиминирующие его негативы.

Несколько по иному, учитывая глобальный характер перехода к устойчивому будущему, придётся трактовать такую характеристику нормы (закона) как общеобязательность. От обязательности, распространяемой обычно лишь на территории государства в ходе становления нового качества права, придётся перейти к общеобязательности в её пространственно-планетарном ракурсе, а также распространить эту «устойчивую нормативность» на все обозримые поколения народонаселения Земли. Происходят трансформации и других характеристик правовых норм и социальных императивов, ориентируясь на выживание и дальнейшее перманентное прогрессивное развитие человеческого рода. Так, в современном праве как «праве неустойчивого развития» предполагалось, что оно в той или иной степени распространяется как на нынешние, так и на будущие поколения людей. Однако ранее не замечалось, что подобное формальное равенство, вовсе не защищает от ухудшения жизни будущие поколения в силу уже неправовых и неформальных обстоятельств. Потому в наиболее широко распространённом определении понятия устойчивого развития нормативному принципу равенства возможностей поколений (нынешних и будущих) уделяется первостепенное значение как признаку желаемой социально-демографической устойчивости. Изменения затронут и нормы, отражающие принцип справедливости, который мыслится распространённым не только на ныне живущих землян (четыре-пять поколений), не только на их будущие поколения, но и в определённой части на другие живые существа.

В ряде стран уже начали приниматься законы, которые включают в себя идеи, принципы и даже понятие устойчивого развития. Однако это, как правило, не законы, специально посвящённые устойчивому развитию, а отдельным сферам деятельности людей и чаще всего в области природопользования и охраны окружающей среды. Законодательная инициатива по принятию специального закона об устойчивом развитии, по-видимому, принадлежит Эстонии, где в 1995 г. был принят такой закон. Однако его содержание оказалось целиком в русле экологического права и не выходило в другие «неэкологические» сферы. Между тем, выходя из экологического законодательства, проблема перехода к устойчивому развитию может обрести свою «территорию» и своё специальное направление уже в современном законодательстве и стать отраслью законодательства. Так, в планах руководства Государственной Думы ФС РФ числился законопроект «О государственной политике по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации» и проводилась соответствующая работа по его подготовке, а также ряд парламентских слушаний.

Не удалось пока выработать даже концептуальные основы такого закона, хотя уже возникла идея о создании проекта Кодекса перехода к устойчивому развитию РФ, который должен стать законодательной

¹ См.: Урсул А.Д. Глобализация и становление права устойчивого развития // Экос. 2008. № 3.

основой для дальнейшего развёртывания работ в новой области как «устойчивой» отрасли законодательства. Вместе с тем упомянутые перспективы развития права устойчивого развития в ракурсе проблем безопасности навевают мысль о появлении в будущем единого Кодекса безопасности и устойчивого развития. Однако будущее покажет, по каким направлениям пойдёт формирование права устойчивого развития и, скорее всего, возникнет много направлений его формирования. Возможно, в качестве некоторого «переходного» юридического феномена появится особая отрасль права, посвящённая проблемам безопасности. Нормативно-правовая деятельность в рамках российского национального права может идти как обычным путём, через законотворчество, так и через нормативные правовые акты по вопросам реализации Стратегии–2020, включая приведение ранее изданных указов Президента Российской Федерации в соответствие с Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая об утверждении «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Однако вряд ли можно говорить о праве устойчивого развития (в отличие от «безопасного права») в целом как отрасли современного права. И понятно почему: право устойчивого развития в принципе не может быть частью «права неустойчивого развития». Хотя на определённом переходном этапе они могут и будут сосуществовать, так как одновременно невозможно перейти к новому качеству права, для этого должен быть отведён некоторый период времени. Речь должна идти не об «отраслевом видении» права устойчивого развития, а об этом праве как качественно новой характеристике всей будущей системы права (национального и международного).

Становящееся право устойчивого развития как новое системное качество права уже с настоящего времени будет влиять на ныне существующее право в силу уже существующего юридического механизма функционирования правовых законов и норм. Поэтому появляющиеся законы об устойчивом развитии будут ориентировать всю правовую систему (национальную и международную) на цели и принципы новой цивилизационной парадигмы. При этом новое качество права должно будет реализовать УР-функции каждого государства и даже всего мирового сообщества. Причём развитие нового качества права одновременно могло бы как реализовывать новые общественные и социоприродные функции государства (и всего мирового сообщества), так и способствовать «устойчивой» эволюции государства, продвигать господство права в глобальном измерении, а, может быть, и способствовать формированию планетарной формы государства с устойчивым развитием.

Одной из важных проблем правового аспекта перехода к устойчивому развитию является изменение темпорального характера и механизма становления правовых норм. До сих пор, как правило, появление правовых норм происходило с существенным отставанием от жизни, и в них фактически фиксировалось уже прошедшее, т. е. право в принципе до сих пор носило консервативный характер. Это прошлое, закреплённое в законах, должно определять будущее, что уже явно неприемлемо в условиях перехода к устойчивому развитию, где нарушается консервативно-линейный механизм действия права. Здесь необходимо прервать этот линейно-правовой процесс и начать переходить к формированию принципиально новых – опережающих правовых норм, соответствующей должной модели устойчивого будущего. Речь идёт о правовых аспектах нормативного прогнозирования и особенно такой его формы как нормы, которые мы приписываем устойчивому развитию, что я предпочитаю называть процессом футуризации права и даже становлением «опережающего права». Если до сих пор современному юридическому мышлению был присущ явный консерватизм, поскольку главная задача государства и права виделась в поддержании существующего порядка, то сейчас ситуация кардинальным образом меняется. Только на следовании традиции и инерции невозможно будет построить «правовой фундамент» будущего устойчивого развития. Поэтому с идеей правового государства и глобализации господства права в юридическую науку должна войти футурологическая идея «правового будущего», что пока чуждо юридической науке. Это будет означать, что право из «отстающего» феномена, закрепляющего прошлое, должно стать опережающим, но не только по темпам своего развития, но и по своему «нормативному содержанию», черпающим информацию о будущем и из будущего.

Футуризация права и становление «опережающего права», в особенности в её «нормативно-устойчивой» версии, призваны создать один из самых мощных управленческих механизмов на национальном и международном уровне перехода к устойчивому будущему. В общем государственно-правовом процессе правовая составляющая оказывается более приоритетной, и это связано с глобализацией господства права и возможностями его футуризации, т. е. с новыми пространственно-временными характеристиками. Футуризация права – это неотъемлемая часть формирования права устойчивого развития как инновационно-опережающего правосознания. Правовой процесс идёт «впереди» государственного процесса в том смысле, что выходит за его пределы в межгосударственную сферу отношений и это вполне объяснимо в любой модели развития, поскольку уже существующие государства должны иметь правовую основу своих отношений и взаимодействий. Процесс расширения феномена государственности в плане объединения государств в нечто более целостное (союзы, федерации, конфедерации и т. д.) также имеет место, но он существенно отстаёт от пространственного распространения правового процесса.

Можно констатировать, что глобализация права в целом опережает «глобализацию государственности» и это отражает факт наличия как национального, так и международного права уже в модели неустойчивого развития. Причём можно высказать мнение, что темпы становления международного права устойчивого развития окажутся более быстрыми, чем становление любой национальной системы права устойчивого развития. Это фактически уже произошло с самого начала становления права устойчивого развития, когда на уровне ООН появилось «мягкое» право устойчивого развития в форме соответствующих рекомендательных актов, которые в дальнейшем берутся за основу национальных правовых норм.

Международный правовой процесс в области устойчивого развития и далее будет опережать формирование национального права устойчивого развития и это следует из приоритета глобального императива перехода к новой цивилизационной парадигме. Возможное изменение приоритетов в этих сферах права может произойти, когда руководство государств осознает рассматриваемую здесь связь обеспечения безопасности и устойчивого развития, что, как следовало из изложенного выше, пока происходит только в России. И понятно почему: ведь национальные интересы и национальная безопасность при понимании их тесной связи с устойчивым развитием может существенным образом стимулировать национальный государственно-правовой процесс в «устойчивом» направлении.

И хотя сейчас цивилизация находится в нестабильном и взрывоопасном состоянии, переживает глобальный кризис – это не повод для отрицания самой идеи перехода мирового сообщества на новый путь, по которому сообща решили идти большинство стран планеты. Однако российский путь вхождения в ноосферу через устойчивое развитие, как, впрочем, и всё предшествующее развитие России, по-прежнему окажется отмеченным своеобразием. Выявляются свои приоритеты, отличные от тех, которые характерны для развитых стран Запада и Востока. Возможно, что кардинальный поворот на магистраль устойчивого развития произойдёт несколько позже, чем в этих странах. Они уже имеют возможность сосредоточить своё внимание, скажем, на экологических проблемах устойчивого развития.

Нам же ещё необходимо уходить от сырьевой ориентации экономики и заниматься переходом к инновационному развитию, безопасному рынку, создавать правовое государство, проводить дальнейшие демократические преобразования, обеспечивать социальную защищённость и справедливость и т. д. Но в свете развиваемых здесь идей ясно, что такие преобразования не должны проводиться без продуманной теоретической концепции, в которой приоритетное место получают задачи взаимосвязи национальной безопасности и устойчивого развития и в которой должное внимание будет уделено государственно-правовому процессу.

Однако очень многое зависит от того, как понимается высшим руководством страны переход к устойчивому развитию. Если это будет происходить в том же направлении, о чём выше шла речь, то может случиться и так, что будут удачно разработаны дальнейшие стратегические документы перехода России к устойчивому развитию и адекватные ей государственные программы, нормативно-правовая база и другие взаимосвязанные официальные концепции, доктрины, планы и т. д. Этот интеллектуальный потенциал позволит России за счёт информационно-опережающих факторов достаточно быстро войти в число лидеров планетарного ноосферного движения через переход к устойчивому развитию.

Реформирование в стране должно вступить в свою новую фазу и обрести новую стратегию – ноосферно-опережающую. Только на пути становления сферы разума можно обеспечить наше общее устойчивое будущее. Весь мир и Россия находятся на пороге новой эры, знаменующей кардинальный поворот в истории человеческой цивилизации, которая теперь может обрести своё неопределённо долгое продолжение.

В заключение приведу некоторые выводы.

1. Сохранение материальных объектов имеет экзистенциальный приоритет по отношению к их развитию, что доказывает проведённый анализ их места в Большой (Универсальной) истории. Проблема существования предполагает, прежде всего, сохранение материального объекта (для систем с управлением – обеспечения безопасности). Эволюционные процессы как самоорганизационные феномены также развиваются таким образом, что в основном обеспечивают сохранение материальных объектов через их усложнение (прогрессивную эволюцию).

2. Идея обеспечения безопасности через устойчивое развитие представляет собой новый этап в теоретико-концептуальном осмыслении и развёртывании всех направлений науки о безопасности. Эта идея предполагает объединение развития и безопасности в единую эволюционирующую систему, обеспечивающую стабильное существование объекта в окружающей среде.

3. Перенос акцента обеспечения безопасности с защиты объекта на его развитие приводит к выводу о том, что необходимый для этого тип развития должен оказаться устойчивым развитием. Только этот тип развития исключает либо минимизирует негативные воздействия и последствия развития и тем самым обеспечивает необходимую степень безопасности существования материальных систем.

4. Рассмотрение устойчивого развития сквозь призму проблемы безопасности означает не только новое видение механизмов и перспектив её обеспечения, но фактически и переход к более широкому и адекватному пониманию устойчивого развития. Устойчивое развитие в этом случае представляет собой нерегрессивный тип развития, который элиминирует либо снижает до приемлемого уровня любые негативные воздействия на объект с целью его сохранения. Короче говоря, устойчивое развитие в этом широком смысле представляет собой безопасное развитие, в которое как частный (но главный и особенный случай) входит ставшее достаточно распространённым его «экологическое» понимание.

5. Идея об обеспечении безопасности через развитие (а, точнее через устойчивое развитие) потребует нового правового оформления и прежде всего разработки и принятия следующего поколения закона «О безопасности». В этом законе, а, может быть, даже Кодексе о безопасности должны быть эксплицированы основные понятия, необходимые как для его правоприменения, так и для дальнейшего развития всех направлений науки о безопасности. Поскольку введены новые базовые понятия и новые концептуальные идеи в Стратегию–2020, оставлять прежний закон (1992 г.) с его устаревшей идейно-концептуальной основой после принятия Стратегии–2020 стало нецелесообразным (ведь закон соответствовал уже утраченной силе Концепции национальной безопасности РФ). Можно считать правомерной постановку вопроса о становлении особой отрасли права – «права безопасности», которое специально акцентировало бы внимание на реализации одной из главных функций государства – обеспечении безопасности личности, общества, государства и обеспечения стратегической стабильности мирового сообщества.

6. По большому счёту у государства имеются всего две основных функции – обеспечение безопасности и развития общества (теперь уже понятно, что речь идёт об устойчивом развитии). Учитывая уже понятую тесную взаимосвязь проблем безопасности и устойчивого развития, в будущем имело бы смысл принять закон, отображающий эту связь. Однако это вряд ли произойдёт в ближайшее время в силу недостаточной разработанности и понимания проблем устойчивого развития, особенно в ракурсе проблем безопасности. Поэтому остаётся надежда лишь на то, что предполагаемая новая редакция закона о безопасности включит в себя в том или ином виде идею обеспечения безопасности через развитие, имея в виду то понимание развития, которое выше было определено как устойчивое развитие в широком смысле слова.

7. В перспективе будет происходить процесс формирования права устойчивого развития, которое станет качественно новым правом, существенно стимулирующим продвижение мирового сообщества и каждого государства к новым цивилизационным целям. Процесс становления права устойчивого развития будет происходить на национальном и международном уровнях, причём этот последний процесс станет первое время опережать первый, что будет способствовать глобализации через устойчивое развитие. Начался также процесс формирования законодательно-нормативной базы по устойчивому развитию в ряде государств и он может существенно усилиться после осознания имманентной связи безопасности и развития, обеспечения безопасности через переход к устойчивому развитию. Наиболее перспективными траекториями формирования права устойчивого развития пока выступают в основном «экологическое» и «безопасное» его направления, которые могут развернуться в особые отрасли законодательства в области устойчивого развития.

(Источник: Безопасность Евразии, 2009, № 2)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Реальная ситуация с состоянием российской мечты и осмысления человеком повседневной удовлетворённостью своей жизнью, жизнью близких людей, других людей, своего народа, других народов актуализирует, по мнению автора статьи, запрос на понимание смысла Настоящего, осмысления прошлого и контуров, структуры и динамики Будущего.

В таком контексте автор осуществила самые предварительные исследования становления коммуникационного общества¹.

Представленная читателям статья посвящена изучению основных принципов формирующегося нового российского и глобального института со своими мифами, своей мечтой, целями, идеалами, ценностями, интересами и проблемами.

Важными научными основаниями в работе автора статьи стали такие события:

- публикация Итогового документа Конференции Организации Объединённых Наций по устойчивому развитию РИО+20: **Будущее, которого мы хотим** (2012 год);

- издание важной работы В.Н. Кузнецова **«Основания современного мировоззрения: Социологические особенности мировоззрений 2012 года и последующих лет в контексте РИО+20»** (М., 2012);

- публикация **«Концепции общественной безопасности в Российской Федерации. 20 ноября 2013 года»**;

- издание актуальнейшей работы А.С. Капто в двух томах: **«Энциклопедия Мира»** (М., 2013);

- публикация выдающейся работы В.Н. Кузнецова: **«Гуманизм XXI. О смысле жизни Человека в 2013 году: Социологический геокультурный аспект»** (М., 2013);

- издание уникальной научной работы Э.Г. Кочетова **«Космология: Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии»** (М., 2014).

Исходное исследование совокупности принципов коммуникационного общества в контексте проекта Закона о российской государственной политике коммуникационной безопасности осуществлено автором в статье **«О региональном и глобальном аспекта политики коммуникационной безопасности»**².

Здесь автор рассмотрит самый предварительный кластер принципов становления и функционирования коммуникационного общества: общественная (коммуникационная) и гуманитарная безопасность; характер научной парадигмы; внутренняя и внешняя политика; единство настоящего и будущего, будущего и прошлого, прошлого и настоящего через мечту, ценности, мифы и утопии.

¹ Сергеева Л.И. Коммуникационная безопасность как научная проблема в гуманитарной сфере // Безопасность Евразии, 2013, № 1; Сергеева Л.И. О региональном и глобальном аспектах политики Коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 2; Сергеева Л.И. Становление политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Сергеева Л.И. К вопросу о научных основах социального партнёрства в современной России // Учёные записки Российского Государственного Социального Университета, 2012, № 11.

² Сергеева Л.И. О региональном и глобальном аспектах политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 2. С. 344–346.

ОБЩЕСТВЕННАЯ (КОММУНИКАЦИОННАЯ) И ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРИНЦИП 1

Пункт 4 «Концепции общественной безопасности» даёт такое определение главному конструкту: «Под общественной безопасностью понимается состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹.

Важным условием становления и функционирования гуманитарной безопасности в качестве нового общественного института может стать формирование единой политики гуманитарной безопасности.

Таким образом, *первым принципом* становится **всеохватность**, в котором может быть достигнута согласованная деятельность неправительственных организаций (НПО), государственных структур, отдельных граждан. Здесь же **равноправное партнёрство** всех участников единого и неделимого пространства гуманитарной безопасности без разделительных линий, без пространств с различными уровнями безопасности. Именно в этом принципе, на наш взгляд, представлено современное понимание безопасности человека, впервые сформулированной в документах ООН в 1994 году.

«Безопасность человека:

- это не просто безопасность страны, это безопасность народа;
- это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;
- это не просто безопасность государства, это безопасность каждого человека в своём доме и на своём рабочем месте;
- это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

Безопасность человека – это когда ребёнок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилюют, бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют»².

Здесь же – **солидарность**. В нашем понимании речь идёт о практическом выражении конкретной гуманности, интернационализма, сострадания к обиженным и униженным, лишённым возможности трудиться, обеспечить достойный уровень благосостояния.

Наилучшей гарантией мира и безопасности в нашем регионе, – говорится в Хартии европейской безопасности, – является желание и способность каждого государства-участника поддерживать демократию, верховенство закона и уважение прав человека. Мы в индивидуальном порядке подтверждаем своё желание полностью выполнять принятые нами обязательства. Мы также несём совместную ответственность за то, чтобы отстаивать принципы ОБСЕ. Поэтому мы преисполнены решимости сотрудничать в рамках ОБСЕ, а также с её институтами и представителями и готовы использовать имеющиеся у ОБСЕ инструменты, средства и механизмы. Мы будем в духе солидарности и партнёрства совместно и на постоянно основе рассматривать вопросы выполнения»³.

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. 20 ноября 2013 года. Официальный сайт Президента России. www.Kremlin.ru

² Приведено по: Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 15.

³ Хартия европейской безопасности (Стамбул, 19.11.1999) // Независимая газета, 1999, 23.11. С. 6.

Здесь же – **транспарентность**, открытость, прозрачность любой деятельности для безопасности человека, семьи и народа – понятное качество. Этот принцип стал актуальным и «вошёл» в научный оборот на основе феномена «строительство мира».

Строительство мира (peace-building) становится всё более актуальным феноменом как средство предотвращения рецидивов конфликтов в странах, где ранее было достигнуто мирное урегулирование. Речь идёт об обновлении и поддержании гражданского общества, убедительной прозрачности, законности и порядка, обеспечении прав человека, помощи беженцам и перемещённым лицам, проведении выборов, восстановлении властных структур на местах, разминировании, реконструкции и развитии экономики. Некоторые из таких подходов полезны и для предотвращения впервые возникающих конфликтов.

НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА: ПРИНЦИП 2

Реально новый глобальный Институт – Коммуникационное Общество «складывается» под воздействием геокультуры, геоэкономики, геополитики (см. схему).

Вместе они фактически сложили единую гуманитарную парадигму XXI века как научную парадигму формирующегося коммуникационного общества.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ПРИНЦИП 3

Внешняя политика любого государства тесно связана с внутренней политикой и, как правило, отражает характер государственного и общественного строя. В этом случае она сочетает национальные цели, идеалы и ценности с общечеловеческими интересами и ценностями, особенно в вопросах безопасности, сотрудничества и сохранения мира, в решении глобальных международных проблем. Внешняя политика – это общий курс государства в международных делах, деятельность его и других политических институтов по реализации своих интересов на международной арене. Она регулирует отношения данного государства с другими странами и народами в соответствии с общепринятыми принципами.

Одним из главных приоритетов внешней политики является обеспечение национальной безопасности страны. Национальная безопасность – это состояние и условия жизнедеятельности народа, гарантирующие, несмотря на наличие и действие неблагоприятных фаворов, его выживание, свободное, независимое существование и позитивное развитие. Посредством внешней политики выявляются и преодолеваются угрозы безопасности страны, исходящие от других субъектов международных отношений. Под угрозами понимают реальные намерения и возможности нанесения ущерба целям, идеалам и ценностям, важным интересам страны различными способами, в том числе с помощью военной силы. Внешняя политика противодействует угрозам государству и его институтам, образу жизни и духовным ценностям народа. От её эффективности во многом зависят такие виды безопасности, как политическая, экономическая, военная, технологическая, интеллектуальная, информационная, экологическая, духовная и др.

Современные государства обеспечивают национальную безопасность и любой из её видов в условиях взаимозависимого мира. Поэтому адекватный ответ на внешние угрозы предполагает учёт новых реалий: сохранение мира как общечеловеческой и приоритетной ценности; признание безопасности как всеобщей, равной и одинаковой для всех, основанной на балансе интересов; допущение военных мер в крайнем случае лишь с одобрения мирового сообщества; совместное противодействие ряда государств или всего сообщества региональным и глобальным угрозам и неблагоприятным факторам и др.

Идёт активный поиск новых инструментов внешней политики, способных дополнить, а затем и заменить традиционные военные и другие силовые средства обеспечения безопасности (санкции, «двойные стандарты», увязки и т. д.).

Схема

Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК
Методология Кузнецова

Выражения парадигмы		ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА	
Характеристики					
Субъект действия	1	Государство. 2	Транснациональные компании. 3	• Человек • Семья • Народ 4	
Права и свободы человека	5	Право сильнейшего государства, их коалиций 6	Права и свободы человека 7	Права и свободы человека, его ответственность 8	
Источник энергии, главное противоречие	9	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ 10	• Вызов – ответ • Угроза – ответ • Опасность – ответ 11	Культура жизни – культура смерти 12	
Географичность. Среда	13	Пространство 14	Пространство 15	Масштаб 16	
Цивилизация	17	• Мир-Система • Мир: Война–Сеть 18	Мир-Экономика 19	• Мир: Культура–Сеть • Мир: Глобальная Игра • Мир: Глобальный Компромисс 20	
Структура мироустройства 21*	Политическое 22	Вестфальская модель миропорядка 23	Вестфальская модель миропорядка 24	Московско-Шанхайская модель миропорядка 25	
	Экономические 34	Финансовая 26	Бреттонвудские соглашения 27	Бреттонвудские соглашения 28	Рубль как резервная валюта 29
		Торговая 30	Генеральное соглашение о тарифах и торговле 31	Всемирная Торговая Организация 32	Региональные торговые союзы и соглашения 33
	Институциональное 35	Западные Правила Игры 36	Западные Правила Игры 37	Правила Игры для не-Западной модели мироустройства 38	
	Гуманитарное 39	Классический Гуманизм 40	Новый гуманизм 41	• Мировоззрение • Новый не-Западный гуманизм 42	
Интегрирующая доминанта миропорядка	43	• Сотрудничество • Баланс опасностей, угроз и вызовов 44	• Солидарность Солидарная культура компромисса 45	Стратегическая партнёрская культура компромисса 46	
Динамика	47	Сила, баланс сил, сдерживание 48	Торговля, конкуренция, баланс интересов 49	Доверие, сотрудничество, диалог, справедливость 50	
Война, мир и безопасность	51	Культура войны 52	Культура мира 53	Культура мира, безопасности и коммуникации 54	
Взаимосвязь	55	Иерархичность 56	Иерархичность 57	Культура коммуникационности 58	
Детерминизм	59	Причинность, функционализм, системность 60	Причинность, линейность, системность 61	Вероятность, нелинейность, сетевой подход 62	
Методология	63	Системно-структурный подход 64	Системно-структурный подход 65	Институционально-сетевой подход 66	
Технология	67	Социальные технологии 68	Высокие геоэкономические технологии 69	Высокие гуманитарные технологии 70	

Источник: Кузнецов В.Н. Национальная безопасность России 2013 года. Новые вызовы человеку, народу и стране – новые практики, теории, институты и технологии для их предвидения, понимания, решения и предотвращения. Научный доклад. М., 2013 (апрель). С. 37.

* Здесь «модель мироустройства XXI Анны Кузнецовой и Вячеслава Кузнецова» // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 660.

Например, политическая безопасность в современных условиях предполагает, что государства используют формы взаимодействия с другими участниками международных отношений, которые не ставили бы под угрозу национальный суверенитет и не ориентировались бы на ущемление жизненных интересов других стран. Укрепление политической безопасности связано с разработкой и внедрением в практику мер доверия в отношениях между государствами, с переводом внешней политики на принципы «прозрачности» («транспарентности»), предусматривающие взаимное информирование государств о своих намерениях в сфере международных отношений. Важное значение для политической безопасности имеет анализ вероятных конфликтных ситуаций на международной арене и внутри государств и принятие на возможно более ранних стадиях мер по разрешению конфликтов мирными средствами. Политическая безопасность неотделима от мер по углублению кооперации и интеграции государств в различных областях, в том числе в предотвращении кризисного обострения глобальных проблем и сохранении общего наследия человечества – природных сред, которые находятся за пределами национальной юрисдикции государств (атмосфера, Мировой океан, Арктика и Антарктика, космическое пространство).

Все формы совместных межгосударственных действий, кооперации и сотрудничества, интеграции с другими государствами при реализации гуманитарных программ, в борьбе с терроризмом, международной преступностью и другими угрозами безопасности требуют значительных организационных усилий, людских и материальных ресурсов.

Главной угрозой для прав человека и его основных свобод стали **бедность и нищета**. Для России в контексте второй чеченской войны эта угроза обострилась другой – острыми **межэтническими конфликтами**. **Международный терроризм, экстремизм с применением насилия, организованная преступность и коррупция** оформились в тотальную расширяющуюся угрозу как человеку, так и всему российскому обществу и государству.

Новым вызовом всё более осознаётся **глобализация** как источник трансформации глубинных основ образа жизни человека и семьи.

Как вызов истории стала для российского общества **способность обеспечить хорошее управление страной и достойный уровень безопасной жизни** с верховенством права, с эффективными государственными институтами, транспарентностью и ответственностью в ведении государственных дел.

МЕЧТА О КОММУНИКАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИНЦИП 4

Потребность в культуре достойной жизни способствовала созданию достойных реальных позиций, поступков людей.

Возникли и мифы, утопии. Есть и живёт Русская, Российская Мечта о Правде, счастье и Справедливости.

1. Мы – русские люди намерены вместе со всеми народами Российской Федерации создать и сохранить каждому Человеку – надёжное благополучие, каждой Семье – достойный уровень и качество жизни, Отечеству – безопасность и процветание.

2. Мы – русские люди стремимся сохранить и укрепить свои святыни, образ жизни, культуру, детей, мужчин и женщин, родителей, свою территорию, содействуя сохранению и развитию всей среды жизнебытия всех народов России, всех стран мира.

3. Мы – русские люди понимаем способ и средство саморазвития, самосохранения себя и других как путь социальной эволюции.

4. Русский человек, русские люди, как и любой человек, любая нация имеют право на самоопределение.

5. Мы стремимся к миру в Азии, Европе. Православная Великая Россия может и стала на рубеже XX и XXI веков, II и III тысячелетия дорогой, мостом; и средоточием согласия и развития христианской, мусульманской, буддийской цивилизаций.

6. Благополучная и процветающая Россия – важнейший и актуальный шанс для сохранения мировой цивилизации в настоящем и будущем.

7. **Общенациональный (социальный) Идеал** – смысл исторической задачи формулирования и осознания всем российским обществом модели будущего России, понимание того, чего мы, россияне, хотим сегодня, в марте 2014 года для себя, своих семей, Отечества. Это – благополучие Человека, Семьи, Народа, Государства, их Безопасность, Терпимость.

8. **Общенациональная Цель** – планируемый результат, единство мотивов и средства. Её природа: ценностно-рациональная. Совокупность общезначимых целей и задач деятельности всего спектра общественных движений, партий, фондов, всех конфессий. Развёрнутая во времени программа действий с прогнозируемым движением (по этапам) к достижению ясного, понятного и привлекательного образа жизни человека и семьи, состояние общества, народа и государства – благополучия.

9. **Национальная безопасность** – совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития России, жизнеспособность государства и достижение Национальной Цели, Социального Идеала – благополучия всем гражданам и семьям; целесообразное развитие и сохранение фундаментальных ценностей и традиций народов Российской Федерации; нормальные отношения Личности и Государства; способность эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами.

10. **Общее дело** – обозначенная и конкретная программа общих действий и поступков, движение к предъявленному социальному идеалу, общенациональной цели. Способ совместного служения Отечеству, достижения благополучия каждым человеком, каждой семьёй.

11. **Труд** – условие существования и главное мерило бытия человека. Право на труд, на справедливую оплату, на защиту человека от опасностей в процессе труда, на гуманизацию труда – универсальное требование и залог социальной эволюции.

12. **Терпимость** – состояние равного и корректного уважения к различным особенностям, к ориентации на другие цели, идеалы и ценности, к различным особенностям в убеждениях, верованиях, способах удовлетворения своих потребностей, людей, семей, социальных групп, народностей, религий.

13. **Компромисс, необходимый и достаточный** – способ (технология) согласования различных подходов для достижения социального идеала, общенациональной цели в реальном социальном пространстве и социальном времени на предмет совместной позитивной и конструктивной работы. Необходимый – потому что поступиться каждому нужно минимумом своих установок, средств, обязательств и т. д. Достаточный – потому что размер и последствия таких уступок не изменяют смысла, идентичности субъекта компромисса.

14. **Обязанности и права человека** – индивидуальные *обязанности* человека по отношению к себе, к другому человеку, к природе, к культуре, технике – в основе ценностей человека. **Права человека** основаны на достижении равных прав для всех рас, этнических групп, наций и вероисповеданий.

15. **Свобода и ответственность** – части единого процесса как право стремиться к достижению личных целей, к реализации потенциала личности.

16. **Солидарность** – практическое выражение конкретной гуманности, сострадания, интернационализма к обиженным и униженным. Лишённым возможности трудиться, обеспечить достойный уровень благосостояния.

17. Традиции социальной эволюции основаны в России на соборности, общинности народного уклада русского народа. Сходные традиции есть и у многих других народов нашей страны, Азии, Европы, Африки и Латинской Америки. Они дают позитивные результаты в других партиях России, в мировой социал-демократии, в мировом консерватизме, в рабочем и крестьянском движении.

18. Именно путь социальной эволюции органически соединяет прошлое России, её настоящее и будущее, обеспечивая животворность и человеколюбие в сложной связи времён.

19. Только в рамках социальной эволюции возможно складывание и эффективное функционирование многоукладной экономики, где продуктивно и прагматично на благо людей могут сосуществовать государственная, частная, церковная, муниципальная и другие формы собственности.

20. Ключевым действием, поступком человека для блага Отечества становится освоение культуры. Компетентность и профессионализм, как итог настоящего образования, характеризуется качеством и дисциплиной труда как в сфере производства, науки, в военном деле, так и труда общественного, семейного и индивидуального.

21. Мы особое внимание уделяем детям и молодёжи, чтобы они имели гарантированные социальные возможности для достойной жизни, получения образования, трудоустройства, создания собственной семьи.

22. Наши родители, старшее поколение должны иметь новое содержание в жизни и новые возможности после выхода из активной трудовой деятельности. Мы обязаны предоставить им социальные гарантии во всех сферах жизнеобеспечения, предоставить им шанс реализовать свою гражданскую активность и ответственность, обязанности и права.

23. Наше настоящее и будущее, ответственность перед прошлым зависят от того, как мы работаем. Наша общая задача обеспечить профессиональное руководство социальными процессами, промышленностью, наукой, культурой, военным строительством, обеспечением всех сфер безопасности. Именно сегодня необходимо осуществить ответственное управление всеми сферами жизни страны. Центр тяжести – стимулирование деловой инвестиционной активности, подъём реального сектора экономики, относящегося к любой форме собственности и типу хозяйствования. В основе схемы управления: накопление капитала – расширение спроса – рост производства и занятости – рост бюджетных доходов – сокращение дефицита – снижение инфляции. Здесь мы должны решить три взаимосвязанные задачи: первая – снижение инфляции не через обнищание россиян, а через их обогащение; вторая – укрепление рубля как национальной уважаемой и желанной валюты; третья – человек с рублём, а не с ружьём – «человек свободный» (для его защиты иногда потребуется и ружьё).

24. Необходимая и важная ближайшая цель: повсеместное внедрение ресурсосберегающих технологий; строгое соблюдение экологических требований охраны окружающей среды; уменьшение односторонней экспортной ориентированности российской промышленности.

25. Актуальна следующая экономическая и политическая задача, которую мы уже решаем, и будем упорно решать в ближайшем будущем: гарантированное обеспечение российского внутреннего рынка в производственных ресурсах;

всесторонняя и каждодневная поддержка внутреннего рынка, отечественных товаропроизводителей, особенно в сельском хозяйстве. Здесь мы сосредоточиваемся на следующих мерах: индикативное регулирование, государственные закупки, гибко фиксированный валютный курс, защита внутреннего рынка от зарубежного демпинга.

26. Мы убеждены – у России есть собственный стратегический горизонт. Мы готовы и способны участвовать в реализации перспективы динамичного малоинвестиционного производства, основывающегося на интеллектуальном потенциале общества: можно и нужно применить эффективные рычаги, чтобы переориентировать человеческий капитал с деструктивного направления, криминальной и околокриминальной сферы, на созидательную, производительную экономику.

27. Именно социальная эволюция способна одухотворить и обеспечить развитие инновационного производства на базе высокого качества и дисциплины труда, сохранившихся на предприятиях военно-промышленного комплекса. Творческий потенциал россиян как глубинная специфика российского космоса способен осуществить исторический шанс на прорыв, на генетическую конверсию кризисного хозяйственного организма в принципиально новую инновационную среду.

* * *

Автор стремилась в своём исследовании показать значимость каждого из четырёх принципов для становления, функционирования и развития коммуникационного общества XXI века в России, в других странах мира.

Автор надеется, что удалось показать и взаимосвязь, взаимодействие самих принципов в едином кластере смыслов принципиальной определённости методологии формирования коммуникационного общества.

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
И ЗАЩИТЫ РОССИИ 2014–2016**

Глава 11. В.Н. Кузнецов

**ОБ УЧАСТИИ УЧЁНЫХ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ В РЕАЛИЗАЦИИ
«ПЛАНА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ПЕРИОД ДО 2016 ГОДА»***

Летом 2013 в России сложилась интересная и сложная гуманистическая, культурная и социальная ситуация.

Её суть, по мнению автора представленного исследования, в оформленности «*новой создающей гуманистической реальности XXI века*»¹.

Сложность содержания и структуры ситуации (лето 2013) оказалась обусловлена одновременностью и масштабностью географии взаимодействий в сферах *экономики* (практическое отсутствие позитивной динамики во многих отраслях народного хозяйства)², *безопасности*³ (стремительный рост напряжённости в отношениях с США, ситуацией в Сирии, в Тунисе, в Египте), *духовности и нравственности*⁴ (нарушением принципа равенства граждан перед законом). Особенно тревожное влияние на все сферы жизни общества (социальную, гуманитарную, экономическую, культурную, оборонную, нравственную) оказал начавшийся процесс реорганизации Российской Академии Наук, что повлияло на значительный сектор всех общественных наук.

Острота и значительность сложившейся ситуации с содержанием и структурой деятельности всех звеньев общественных наук чётко высветились 5 июля 2013 года в Кремле в ходе заседания Совета безопасности России. Обсуждались вопросы совершенствования военной доктрины Российской Федерации до 2020 года⁵.

Важное место, с учетом новой ситуации лета 2013, Верховный Главнокомандующий Владимир Путин обозначил для доработки Плана обороны России до 2016 года. Именно для этого Плана исключительно важен весь комплекс исследований всех общественных наук. Здесь главное – обеспечение нравственного здоровья молодёжи, всего народа; национального устойчивого развития России 2013–2016 (безопасность, оборона страны – через её развитие); создание и функционирование для народа и армии мобилизационной идеологии; со-

* Глава подготовлена на основе доклада: Кузнецов В.Н. **Общественные науки для развития и защиты России 2013–2016. Об участии учёных-обществоведов в реализации «Плана обороны Российской Федерации на период до 2016 года».** Научный доклад. М., 2013, сентябрь. 134 с.

¹ Кузнецов В.Н. О сущности достойной позиции и смысле создающего поступка в контексте Геокультурного Проекта Развития России XXI // *Безопасность Евразии*, 2012, № 2, август–декабрь. С. 34.

² Гурова Т., Фадеев В. Домой! // *Эксперт*, 2013, № 30–31, 29 июля – 11 августа.

³ Кочетов Э. Мир без масок как мотив появления Меморандума в защиту жизни // *Безопасность Евразии*, 2013, № 1, январь–июль.

⁴ Устойчивое развитие: вызовы Рио. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013. М., 2013; Гурова Т. Фундаментальный порок оппозиции // *Эксперт*, 2013, № 30–31, 29 июля – 11 августа.

⁵ Мухин В. Военно-полевой секвестр // *Независимая газета*, 2013, 8 июля. С. 1–2.

здание всеми общественными науками **Духа защиты, Духа обороны Отечества для армии и народа**¹.

Таким образом, летом 2013 года обозначилась важнейшая и срочная необходимость совместной работы всех учёных (РАН, высшая школа, научные центры, научные школы, учёные в личном качестве) для содействия (через общественные науки) развитию России, её обороне: **это восьмая задача, иницируемая** автором доклада в дополнение к тем семи (7) конкретным задачам, которые сформулировал Владимир Пути по всему спектру обеспечения развития всех звеньев военной организации России (сугубо военных задач) до 2020 года².

Таким образом, **суть ситуации** – незамедлительно действовать нам всем вместе, научными школами, по личной инициативе. Время для ожидания исчерпано.

Наступило время, по мнению автора доклада, *для учёта уроков истории*, когда мы ждали команд и упустили время для обеспечения деятельности общественных наук **до** наступления критических событий: стихийных бедствий, техногенных катастроф, войн.

Настало время, по мнению автора доклада, *определить перечень критических методологий и концепций, процессов, институтов и технологий для сферы общественных наук в целях интенсивного содействия развитию и обороне Отечества, Родины, России*.

Настало время для восьмой задачи, иницированной автором: для вооружённой организации и для всего народа России осуществить **«Московскую Общественную Гуманистическую Инициативу 8:2013–2020»**.

Возможным рабочим вариантом названия *«Московской Инициативы 8:2013–2020»* может быть такое: **«Научная облачная геокультурная коммуникационная платформа по содействию человеческому развитию и обороне России»**.

Если завтра война против России

Необходимость определить ключевой смысл ситуации летом 2013 с состоянием Мира и войны в глобальном, региональном и конкретном, российском аспектах³ обязывает автора доклада как учёного и гражданина так обозначить суть происходящего в сфере безопасности и мира: «если завтра война против России». Речь идёт об августе 2013 года.

Вот основания для предложенного суждения.

29 января 2013 года.

В этот день Министр обороны Российской Федерации генерал армии Сергей Шойгу вместе с Валерием Герасимовым, начальником Генерального штаба МО РФ, доложили Верховному главнокомандующему России Владимиру Путину *«План обороны Российской Федерации на период до 2016 года»*.

По свидетельствам специалистов по проблемам национальной безопасности, такой институт (План, Доктрина) за последние 20 лет функционирования вооружён-

¹ Кузнецов В.Н. Национальная безопасность России 2013 года. Научный доклад. М., 2013 (апрель). С. 25–27; Найдёнов С. Если завтра война. Министр Шойгу доложил Владимиру Путину «План обороны» // Труд, 2013, 30 января; Мухин В. Военно-полевой секвестр // Независимая газета, 2013, 8 июля.

² Мухин В. Военно-полевой секвестр // Независимая газета, 2013, 8 июля.

³ Капто А.С. Энциклопедия Мира в двух томах. М., 2013; Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. М., 2013; Сергеева Л. Коммуникационная безопасность как научная проблема в гуманитарной сфере // Безопасность Евразии, 2013, № 1, январь–июль.

ных сил, всех структур жизнеобеспечения государства и общества разработан и представлен Президенту России, её Верховному главнокомандующему впервые.

Понятно, что речь в докладе идёт о готовности к возможной войне¹.

План обороны России до 2016 года имеет, безусловно, высокий уровень секретности. «Речь идёт о подготовке к возможной войне всех структур государства – сверху донизу, – пишет автор статьи «Если завтра война» Сергей Найдёнов. – Что называется от генерала до управдома. Недаром, по словам Шойгу, в разработке плана принимали участие 49 министерств и ведомств»².

Вместе с тем, такой План обращён к каждому учёному-обществоведоу, к каждому эксперту, к каждому преподавателю, к каждому человеку.

Практики, теории, научные коммуникации, весь потенциал Интернета, Сети, устные коммуникации – активные участники (и оппоненты, мягко говоря) Плана обороны России.

Речь идёт об идеологии защиты Отечества, о философии, социологии, политике, экономике «Плана обороны Российской Федерации до 2016 года».

5 июля 2013 года.

В этот день на заседании Совета безопасности Российской Федерации Президент Владимир Путин сформулировал для всех силовых ведомств и самого Совета безопасности РФ семь (7) конкретных задач в целях совершенствования военной организации России на период до 2020 года.

Конкретно Верховный главнокомандующий В. Путин поручил соответствующим ведомствам разработать план «строительства и развития Вооружённых сил, других войск и органов на период 2016–2020 годов»³.

Конкретно Верховный главнокомандующий В. Путин 5 июля отменил «План обороны Российской Федерации на период до 2016 года», утверждённый им 29 января 2013 года и поручил подготовить и представить новый «План обороны страны»⁴.

Важно ответственно констатировать: что с ситуацией признания в маленьком поселении (Бенгази, Ливии) маленькой группы людей, которые сказали, что они Правительство Ливии, *которое признала Франция*, создан сложный прецедент (по сценарию Косово), который во взаимодействии с «поспешной» резолюцией Совета Безопасности ООН стал основанием для тотального вторжения в суверенную страну с целью свержения руководства, с целью уничтожения руководителей страны по сценарию Ирака, Сербии, Ливии и, возможно, Сирии.

«Новая реальность» через Ирак, Косово, Ливию, Сирию стала оформившимся прецедентом в теории и практиках глобальной безопасности 2011–2013 годов.

Ситуация открытия очередного театра военных действий в Евразии, на котором с помощью современных военных технологий убивают, ранят тысячи мирных граждан (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия) военнослужащие США, Франции, Англии и ещё многих стран НАТО, военнослужащие стран, не входящих в НАТО, обязывает чётко сформулировать вопрос: «*А если завтра война этих стран против России?*».

В таком контексте должен быть, по мнению автора доклада, сформулирован и ещё один вопрос: «*А может ли успешно воевать армия, даже с новейшими военными технологиями и новейшим оружием, в отсутствии у солдат, сержантов, офицеров, генералов объединяющей их народной идеологии сохранения и развития России, её модернизации?*»

¹ Найдёнов С. Если завтра война // Труд, 2013, 30 января.

² Там же. С. 1.

³ Мухин В. Военно-полевой секвестр // Независимая газета, 2013, 8 июля. С. 2.

⁴ Там же.

Главное: Вызов, Запрос, *Важнейшая особенность ситуации 2013 года с национальной безопасностью России – Дух защиты Отечества; Идея умного, эффективного, инновационного содействия обороне страны.*

Таким образом, к новому «Плану обороны Российской Федерации на период до 2016 года» может быть добавлена **восьмая** задача для народа России, для общественных наук России, для Вооружённых сил России: **«Оснастить Вооружённые силы Российской Федерации народной, государственнической объединяющей идеологией сохранения России, её развития, её модернизации».**

Целью и особенностью представленного доклада является продолжение творческой традиции его автора (2003–2013): исследование синтезирующих актуальнейших фундаментальных проблем российских общественных наук:

2003 год – *«Безопасность, благополучие человека, семьи, государства»:* доклад общему собранию Отделения общественных наук Российской Академии наук (декабрь).

2004 год – *Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук:* доклад при учреждении общероссийской научной дискуссии (октябрь).

2007 год – *К единению народов России через культуру компромисса.*

2009 год – *Мир после кризиса: Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации.*

2011 год – *Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти.*

Здесь **рабочая гипотеза исследования** – энергичная, срочная творческая деятельность всех учёных-обществоведов, учёных из высшей школы, научных центров, неправительственных организаций могут создать и продвинуть для народа, для армии гуманистическую мобилизационную народную идеологию развития России, защиты и обороны Российской Федерации.

Научная проблема – оформление и обогащение, функционирование народной государственнической мобилизационной идеологии, Духа мудрой и ответственной, успешной обороны Отечества может состояться в процессе её взаимодействия с гуманистической незападной (нелиберальной, неконсервативной) моделью мировоззрения XXI и моделью западного мирового порядка как контекста и среды мобилизационной идеологии и мировоззрения. Речь идёт о Московско-Шанхайской модели миропорядка, ориентированной на Культуру Мира и Культуру Безопасности.

Содержание доклада, его инновационность могут быть определены через шесть тезисов.

Первый тезис. Защита, надёжная оборона, если завтра война против России – только через достоинство и благополучие её народа; через национальное устойчивое развитие Российской Федерации; через умную, сильную и побеждающую армию.

Второй тезис. *Наш труд, наше достояние – Российский, Русский Дух правды, сотрудничества для каждого человека, каждой семьи, каждого народа.*

Третий тезис. *Идеи национальных ценностей, созидających добрых позитивов и поступков* – это Идеи единства ответственности народов, общества, армии, всех спецслужб за оборону России, Отечества, Родины.

Четвёртый тезис. *Кто Мы, Куда идём, Зачем идём; Что будет с образованием и здоровьем наших детей и ветеранов; будет ли вор сидеть в тюрьме, бу-*

дет ли каждый насильник на улице, в доме, в подъезде, на стадионе немедленно обезврежен? Вопросы народ уже представил власти, науке, экспертам, газетам, телевидению, интернету, себе самим. Настало время ответов и ответственности.

Пятый тезис. Сегодня есть надежда и уверенность в представлении ответов народу России в оптимальное время от общественной науки (Российская Академия Наук, высшие учебные заведения, научные центры, научные школы, личные (авторские) труды учёных-обществоведов).

Шестой тезис. В научном докладе автор представил итоги исследования востребованной, срочной и весьма дискуссионной проблемы: формирование народной (незападной, нелиберальной, неконсервативной) государственнической гуманистической мобилизационной идеологии развития России, обеспечение защиты и обороны Отечества в условиях возможной агрессивной войны против Российской Федерации. Основная задача автора – предложить для совместной работы народа и учёных значительный потенциал знаний, методик, технологий уже работающих в духовной сфере. Суть: сделать вместе эту творческую работу **до** весьма возможных трудностей с проблемами Духа, Духовного Единства всех граждан для развития России, для её обороны.

* * *

Если завтра война, то настала наша очередь (социологов, философов, экономистов, политологов, учёных, многих разных специалистов: Граждан) сохранить и защитить Мир и Безопасность, как это достойно, эффективно и по всему миру сделали наши коллеги в 60–70-х годах XX века – это моя позиция.

Свой вклад в строительство, поддержание и развитие созидательного потенциала «методологии предотвращения ядерной войны XXI века» я рассматриваю через авторскую разработку оснований геокультурной методологии, а также облачной концепции народной российской объединяющей идеологии.

Важнейшая особенность и когнитивное свойство облачной народной идеологии развития России, народной идеологии модернизации России – возможность её незамедлительной трансформации в народную мобилизационную идеологию.

Идеологическое оснащение, обеспечение возрождения России для достойной жизни всех её граждан, её народов предполагает обязательное, императивное свойство – атрибут: предвидеть и быть готовым осуществить духовное единство и духовную мощь, крепость и надёжность для ситуации – если завтра война.

Может быть, именно поэтому народ России выступил в качестве субъекта облачной народной идеологии развития России. Только самоуполномочив себя, народ имеет сегодня динамичную, умную и всепроникающую облачную народную идеологию, способную содействовать России в экстремальных условиях возможной современной ядерной войны.

Если завтра война, то *сегодня у всех нас есть ещё время для того, чтобы рассмотреть шесть уроков для **анализа** прошлого в позитивном и негативной опыте сохранения и укрепления Мира и предотвращения войны; **для синтеза** в настоящем для будущего, чтобы изучить, обсудить и достойно действовать социологически в содействии развитию и обороне Отечества вместе со всеми общественными науками.*

Сегодня, в августе 2013 года речь идёт о первых шести уроках: их количество каждый читатель может и уменьшить, и умножить.

Полагаю, что в самом разнообразном по содержанию и структуре проблемном поле ключевой тренд, обобщающий и синтезирующий урок – это единение в созидательной деятельности исходного, главного урока: *анализ опыта, методологий и теорий, технологий, процессуальности, эвристики, институцио-*

нализаций борьбы за мир, безопасность и развитие во второй половине XX века. *Суть в синтезе для XXI века* – как сохранить результативность усилий и деятельности народов, граждан, научных сообществ, средств массовой информации (мир удалось сохранить в труднейших конфликтных ситуациях локального, регионального и глобального характера); как добиться науке, общественным наукам нового качества и результативности в августе 2013 года в деле обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития. А сам синтез важен в гуманистическом аспекте, *в контексте* облачных методологий, теорий, эвристики, процессуальности, институционализации; *в среде* новой коммуникационной эпохи. *Суть синтеза XXI века – в его органическом единстве с традициями просветительства XX века, с новыми реальностями XXI века: коммуникационными, информационными методиками и технологиями.*

Почему автор доклада считает этот Урок главным и значимым для всех других уроков, проблем и усилий как российских общественных наук, так и всех мировых общественных наук, всего научного сообщества (естественных наук, технических наук, общественных наук)? В августе 2013 года ответ, по моему мнению, очевиден: многие уроки защиты и сохранения мира, безопасности и развития или забыты, или деформированы, или «ушли» из первоочередной проблематики научных исследований общественных наук. А просвещение народов, особенно по проблемам защиты Мира, Безопасности и Развития в 1991–2013 годах практически остановлено. Мы забыли суть и смысл этого главного урока из деятельности наших коллег в XX веке.

Все шесть уроков рассмотренные в представленном докладе обусловлены в разной степени именно стремлением автора предложить конструктивные соображения для содействия обоснованности и необходимости реальных позиций и поступков в деле предотвращения возможного разрушения мира, безопасности и развития уже сегодня и завтра, летом и осенью 2013 года.

УРОК ПЕРВЫЙ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НОВОЙ ТЕОРИИ МИРА, БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА, НАРОДА, РОССИИ.

Своеобразный *«интеллектуальный запрос»* общественным наукам России сформулировал Президент России Владимир Путин 5 июля 2013 года на заседании Совета безопасности Российской Федерации.

Общенаучная научная теория развития и обороны страны, её общегражданские сферы могут ориентироваться на такие содержательные и структурные параметры оборонной сферы: «военная организация, – отметил В. Путин, – должна обладать всеми возможностями для того, чтобы предотвратить потенциальную агрессию против нашей страны, дать решительный ответ на любые попытки силового давления и шантажа, обеспечить гарантированную защиту суверенитета России, безопасность наших граждан. При этом оборонные программы должны быть разумными и не ложиться тяжким бременем на экономику, на социальную сферу страны»¹.

Для новой теории обеспечения мира, безопасности и развития решающее значение имеет эффективное взаимодействие всех звеньев Российской Академии наук, учёных и специалистов из научных центров, ВУЗов, лабораторий с конструкторами и технологами всех предприятий.

¹ Приведено по: Мухин В. **От звёздных войн страховки нет:** Технический прогресс создаёт новые военные угрозы, которые втягивают Россию в гонгу вооружений // Независимая газета, 2013, 15 августа. С. 3.

Речь идёт о новых видах военной, коммуникационной, информационной, технологической борьбы.

Реальный (возможный) аспект развития событий в ситуации формирования тотальной угрозы обозначил Главный редактор еженедельника «Аргументы недели» Андрей Угланов. Его статья имеет весьма тревожное название: «Война будущего проиграна уже вчера». Он предупреждает: «...за государственные деньги наши ведомства покупают американское шпионское оборудование, которое устанавливается по всей стране. Невдомёк, видно, что в случае назревания конфликта через так называемый удалённый доступ нашим противником будет передана команда на полную блокировку всех компьютерных сетей в России. Или на их работу в режиме «глюка», что ещё хуже. Последняя война американцев против Ирака происходила именно так. Сначала была отключена вся система управления в стране, включая ПВО, и только затем началось вторжение.

Нечто похожее уже происходит у нас. Почему-то все супернадёжные ракеты «Протон» с оборонными спутниками ГЛОНАСС, без которых высокоточное ракетное оружие становится бесполезным, падают, не достигнув расчётной орбиты. Наш вице-премьер-журналист винит в этом слесарей, не понимая главной причины.

Тем временем российское руководство продолжает показывать американцам фигу в кармане. Эта кремлёвская фигу, подкреплённая грозными словами, выглядит иной раз довольно грозно. Но Большой Американский Брат продолжает нагло сидеть у вас дома и знает о вас всё: чем дышите, где прячете ворованное у государства бабло, какую готовите для него бомбу.

Правда, можно успокаивать себя тем, что горячей войны уже не будет. Она давно проиграна?»¹.

Важнейшая новая созидающая, инновационная идея, которая рассматривается автором в ходе всего исследования это *конструкт «мир и безопасность».*

Социология и философия гуманитарных взаимодействий, справедливой деятельности понятна и востребована везде: мы все имеем право на достойную жизнь и справедливое мироустройство; мы все несём ответственность за сохранение и укрепление справедливого мира, за своевременное и надёжное предотвращение сползания многих стран и регионов к возможной ядерной войне.

Суть инновационности социологии культуры развития, социологии мира и безопасности для каждого человека, для всех народов в убедительности и конструктивности обоснования для всех народов мира единства судьбы, нового мировоззрения, жизнеутверждающего самосознания, новых Правил Игры с прозрачным контролем самих граждан за формированием, трансформациями, выполнением Повестки Дня.

Логика последовательности и дополнительности рассмотрения значения выдающейся Миссии Социологии в деле сплочения народов и оформлении созидающего Субъекта современной истории; опережающего исследования нового нематериального (в основном) Объекта глобальной безопасности; ускорения и углубления изучения главных тенденций в формировании, динамике и функционировании национальной, региональной и глобальной Институциональной Среды осуществляются в моей представленной работе в координатах геокультурного подхода, а также институционально-сетевой методологии.

Необходимость внимания и озабоченности к Первому Уроку обострилась, по мнению автора доклада помимо сложностей мировой безопасности, реальным от-

¹ Угланов А. Война будущего проиграна уже вчера // Аргументы недели, 2013, № 31, 15–21 августа. С. 2.

сутствием внимания к проблеме сохранения Мира, к проблеме предотвращения возможной ядерной войны в ходе широкого обсуждения проблем жизнеобеспечения граждан России накануне выборов 8 сентября 2013 года. Например, в оригинальной и значительной «Предвыборной программе кандидата в Мэры Москвы Ивана Мельникова», к сожалению, проблемы мира и войны отсутствуют полностью¹.

Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений, в своём обзоре телевизионных дебатов (до 15 августа 2013 года) кандидатов в Мэры Москвы (Иван Мельников, Николай Левичев, Алексей Навальный, Сергей Митрохин, Михаил Дегтярёв) предложил такой вывод. «Все кандидаты дружно повторяли одни и те же фразы, особенно напирая на то, что у них есть программа, но в чем эта программа состоит, зрители так и не узнали, – констатировал он. – Причем удивительным образом умолчания кандидатов были такими же однотипными, как и их повторы. Собственно, они даже не спорили, а на разные лады повторяли один и тот же набор формул, как будто боясь заговорить хоть о чем-то, немного выходящем за рамки общеобязательной банальности»².

Смысл, структура, эмоциональная наполненность сообщений, дискуссий в повседневном общении и научном дискурсе для России июля – августа 2013 года, в опубликованных документах партий (программы, речи лидеров партий); в дебатах на телевидении и радио, в средствах массовой информации (газеты, журналы); в научных публикациях; в докладах экспертов обозначили *тревожное отсутствие устойчивого внимания, по мнению автора доклада, к оценке и мониторингу ситуации, в которой сегодня всё более возможной становится реальность возникновения уже летом – осенью 2013 года третьей мировой ядерной войны.*

Позиция автора. Гражданская и профессиональная ответственность автора исследования как специалиста по вопросам гуманитарной, социальной и общественной безопасности обязывает предъявить свою позицию: она изложена в совокупности четырёх тезисов.

Тезис первый. Пора. Подготовительный период к третьей мировой глобальной ядерной войне в 2010–2013 годах можно считать, по мнению автора, состоявшимся.

Вот этапы подготовки:

- Агрессия США и стран НАТО против Югославии в 1999 году: агрессоры «попробовали крови» мирных граждан, стариков и детей и получили гарантии от мирового истеблишмента в полной безнаказанности.
- Странная катастрофа в сентябре 2001 года (Нью-Йорк) открыла этап глобальных провокаций как поводов для глобальной агрессии.
- Агрессия США и стран НАТО против народов Ирака в 2003 году: убиты и ранены сотни тысяч мирных жителей (безнаказанно для армий агрессоров).
- Агрессия Грузии (при поддержке США, НАТО, Запада, западных СМИ) против российских миротворцев, народов Южной Осетии в августе 2008 года.
- Весна, лето, осень 2011 года «странная» операция «чистое небо» с мандатом Совета Безопасности ООН военными силами США, НАТО, ряда других стран. В итоге – создан глобальный прецедент смещения действующих институтов власти, с уничтожением руководителя страны с телевизионными съёмками убийства пленного, издевательств над убитым и оправдание безнаказанности такого убийства в основных СМИ Запада.

¹ Предвыборная программа кандидата в Мэры Москвы Ивана Мельникова. М., 2013.

² Кагарлицкий Б. Теледебаты ни о чём // Комсомольская правда, 2013, 15 августа. С. 11.

Состоялась для агрессоров (США и НАТО), инициаторов третьей мировой войны, подготовка в 1999–2013 годах (Югославия, Афганистан, Ирак, Грузия, Ливия) миллионов солдат, сержантов, офицеров.

Осуществлена обработка мирового общественного мнения, народов мира; технологий; процессуальности и мотивации вторжения в независимые страны, разрушения их экономик, уничтожения их народов, образа жизни.

Скоро, к сожалению, возможна глобальная провокация (типа 9/11) и полномасштабная ядерная мировая (третья) война.

Пора учёным России, учёным всего мира, опираясь на опыт учёных 60–80 годов XX века, вместе с экспертами, гражданами всех стран приступить к умному, повседневному предотвращению лжи, манипуляций, подготовки самой агрессии. Именно в головах, руках и позиции, поступках учёных и граждан – реальная возможность предотвращения; без их каждодневного участия перестанут эффективно работать все технические устройства армии и промышленности, ориентированные на агрессию, на глобальную мировую войну.

Пора в нормальных традициях публичной научной дискуссии рассмотреть итоги многочисленных мониторингов реального процесса подготовки и обоснования третьей мировой войны; рассмотреть позиции и поступки честных учёных и граждан, ориентированных на законное, достойное и необходимое предотвращение возможной войны.

Пора нам всем, учёным и гражданам 2013 года включиться в главный процесс: содействие обеспечению мира и безопасности каждому человеку, каждой семье, каждому народу.

Тезис второй. Мы все можем опоздать, если не объединим усилия всех учёных и всех граждан. Уже сегодня во многих городах США, Англии, Франции вышли на улицу люди и действуют, чтобы остановить государственный терроризм финансовых институтов.

Сегодня на улицы и площади Москвы, других городов и поселений России уже выходят учёные и преподаватели высших учебных заведений, студенты; сотни и тысячи граждан. Суть их требований конкретна: обеспечить для всех равенство перед законом, обеспечить неотвратимость действия закона. Это тоже поступки в защиту гражданского мира, правды и справедливости.

Глобальную тенденцию важности действий (в научных исследованиях, в анализе СМИ, в своей позиции, в своих поступках, в объединении сторонников культуры мира) чётко сформулировал Президент России Владимир Владимирович Путин в своей речи 9 мая 2007 года на Красной площади Москвы в связи с 62-й годовщиной Победы над фашизмом.

«В этот день мы неизменно задумываемся о судьбах мира, о его стабильности и безопасности, – обратился Президент Российской Федерации В.В. Путин к участникам военного парада и его гостям, к народам России, к народам всех стран и континентов. – И уроки той страшной войны с каждым годом приобретают все больший смысл и значение. День Победы роднит и объединяет не только граждан России, но и наших ближайших соседей в странах Содружества. Все мы глубоко благодарны поколению людей, на долю которых выпал тяжкий жребий войны. Они передали нам свои традиции братства и солидарности, поистине выстраданный опыт единения и взаимопомощи. И мы будем свято хранить память об этом, свято хранить это историческое достояние.

А те, кто пытается сегодня принизить этот бесценный опыт, кто оскверняет памятники героям войны, – оскорбляет собственный народ, сеет рознь и новое недоверие между государствами и людьми.

Мы не вправе забывать – причины всякой войны нужно, прежде всего, искать в ошибках и просчетах мирного времени. А их корни – в идеологии конфронтации и экстремизма. Тем более что и в наши дни таких угроз не становится меньше. Они лишь трансформируются, меняют свое обличье. И в этих новых угрозах, как и во времена Третьего рейха, – все то же презрение к человеческой жизни, те же претензии на мировую исключительность и диктат.

Убежден, только общая ответственность и равноправное партнерство способны противостоять этим вызовам, способны дать согласованный отпор любым попыткам развязать очередной вооруженный конфликт, подорвать безопасность в мире»¹. (Выделено мною. – В.К.)

Есть мотивы для развязывания ядерной войны:

– народы России, её руководители неправильно понимают ценности, которым привержены США; они неправильно относятся к демократии и правам человека (таких обвинений, поводов и мотивов оказалось, в основном, достаточно, чтобы с 2003 года по настоящее время американские солдаты и их союзники из многих стран каждый день убивали детей, стариков и женщин);

– народы России на своей законной исторической территории владеют огромными запасами земли, воды, газа, нефти и т. д.: это несправедливо, по мнению ряда влиятельных политиков, бизнесменов, военных, общественных деятелей США;

– народы России, её общество якобы погрязли в преступности, коррупции, воровстве; они не обеспечили, якобы, достойного управления страной, её безопасностью, экономикой, экологией. Поэтому, как несостоявшаяся страна она должна управляться извне, из других стран, из определённых международных организаций;

– народы России, её политики, учёные, предприниматели предъявили свои концепции миропорядка XXI века; свои основы теории мира, безопасности и развития; научные парадигмы; свою достойную культуру, интеллект; новый гуманизм: это плохой пример для многих других стран и народов. Поэтому нельзя, по мнению отдельных высокопоставленных деятелей США, позволять реально и ускоренно развиваться России;

– появились новые, благоприятные, якобы, для США и его ближайших союзников, научные и экспертные разработки, что в ситуации стремительно развязанной глобальной ядерной войны XXI века, США победят, Россия будет уничтожена: никакой «ядерной зимы» и «ядерной ночи» (по сценариям К. Сагана и Н. Моисеева – 1983 год) не будет.

Эти обоснования в 2005–2013 годах получили широкое распространение как в США, так и во многих странах мира (в том числе и в России). Они (публикации) получили солидную прессу (научные журналы с ранее безупречной репутацией) и многочисленные комментарии. Отдельно о комментариях: в российских газетах и журналах маститые политологи, эксперты солидно и спокойно прокомментировали эту линию подготовки возможной ядерной войны: молодые авторы, что с них возьмёшь и т. д.;

– самостоятельной линией подготовки собственно ядерной войны во многих структурах США стало развёртывание беспрецедентной идеологической войны против России: её истории; её целей, идеалов и ценностей; её культуры. Здесь внятным «проводником» стали отдельные политологи, социологи, философы и другие представители общественных наук (граждане России), которые, возможно, на основании своих убеждений, готовят мирный захват России в ин-

¹ Московские новости, 2007, 11–17 мая. № 18. С. 9.

тересах США и Запада за счёт блокирования процессов: создания объединяющей государственнической патриотической идеологии (или грамотной деформации этого процесса); формирования общенационального созидательного Проекта; сохранения и развития лучших традиций российского образования и культурного просвещения людей; патриотического воспитания молодёжи.

Тезис третий. Отсчёт времени уже идёт. Исходным пунктом необходимости обсудить проблему возможной ядерной катастрофы в ходе публичной научной дискуссии можно определить публикацию важного предупреждения. В начале 2007 года 18 нобелевских лауреатов, которых объединяет совет «Бюллетеня учёных – ядерщиков», опубликовали свои озабоченности состоянием глобальной ядерной безопасности. По их мнению: «мир находится в пяти минутах от Судного дня», а сама «ядерная катастрофа может произойти в любой момент»¹.

Стремительное обострение глобальной ядерной угрозы озаботило во многих странах специалистов по ядерным технологиям, по проблемам нераспространения и разоружения, политиков, учёных, общественных деятелей.

24–25 мая 2007 года в Люксембурге состоялась Международная конференция по предотвращению ядерной катастрофы. Председателем оргкомитета конференции стал Вячеслав Владимирович Кантор, президент Российского еврейского конгресса, председатель Европейского еврейского фонда².

В работе конференции приняли участие из четырнадцати стран пятьдесят семь независимых экспертов, занятых в сфере обеспечения глобальной ядерной безопасности, а также ограничения вооружений и разоружения.

В современном кризисном мире я считаю необходимым **помнить важный урок, предложенный Питиримом Сорокиным** 91 год назад в очень актуальной для 2013 года работе «О современном состоянии России». **Суть этого урока** в следовании главной особенности социологии, что делает её самой необходимой и востребованной общественной наукой для каждого человека. Питирим Сорокин показал пример в своей работе 1922 года, что при изучении гуманитарных взаимодействий в пространстве и времени Азии – России – Европы (АЗРЕ) *главное – социологическое исследование состояния и перемен в проблемах мира и войны, безопасности и справедливости, свободы и ответственности должно основываться на честном и профессиональном учёте контекста действительных реальных перемен наличного состояния жизнеобеспечения народа, безопасности каждого человека в России, во всех странах мира.*

На рубеже XX и XXI веков, в первые годы XXI века человечество обрело «жестокий императив настоящего», который жёстко и наглядно для миллиардов людей связывает день завтрашний и день вчерашний, день сегодняшней с завтрашним и вчерашним. Это тревожный глобальный суперкризис сохранения мира и сползание к глобальной ядерной войне XXI века.

Совершенно новая ситуация в обеспечении предотвращения возможной ядерной войны состоит в том, что на уже состоявшийся кризис проблем мира и войны непредсказуемым образом «давит» обозначившийся тоже глобальный кризис, вызванный изменением климата.

По существу, новые глобальные риски возможного начала ядерной войны и состоявшегося потепления как проявление стремительных изменений климата, по моему мнению, имеют грозную тенденцию на их «складывание», «наложение». Надо действовать уже сегодня, чтобы не было поздно.

¹ Приведено по: *Сысоев Г.* «Надо дать Ирану возможность сохранить лицо»: В Люксембурге состоялась конференция по предотвращению ядерной катастрофы // Коммерсантъ, 2007, 28 мая. С. 11.

² *Юрьева Д.* К «ядерной недвижности» нельзя привыкать // Российская газета, 2007, 6 июня. С. 1, 6.

Возможно, именно такую ситуацию с проблемами мира и войны увидел Мартин Лютер Кинг-младший. Вот слова, обращённые к нам в 2013 год, произнесённые им (более 40 лет назад) в проповеди, посвящённой проблеме социальной справедливости. *«Прогресс человечества не является ни автоматическим, ни поступательным процессом. В настоящее время мы сталкиваемся с тем непреложным фактом, что день завтрашний начинается сегодня, – сказал он всем нам в XXI век. – На нас давит жестокий императив настоящего. В постепенно раскрывающейся для нас тайне жизни и исторического процесса мы всё больше сталкиваемся с таким феноменом как "слишком поздно". Мы можем отчаянно взывать к тому, чтобы Время остановило свой ход, но оно остаётся глухим к каждой нашей мольбе и продолжает свой неустанный бег. Поверх белеющих костей и беспорядочных останков бесчисленных цивилизаций прошлого написаны патетические слова: "Слишком поздно"»¹. (Выделено мною. – В.К.).*

Важно отметить, что это предупреждение Всем Нам в докладе ООН о развитии человека в 2007–2008 годах, задумано авторами, издателями как своеобразный императив перед изложением итогов глобальных исследований о «человеческой солидарности в разделённом мире».

Тезис четвёртый. Пора. Мы Все можем опоздать. Отсчёт времени уже идёт

Главный вывод, возможная конструктивная линия теоретического, концептуального выхода из тревожности четырёх представленных тезисов – как правильно усвоить Первый Урок.

Полагаю так: концентрация интеллектуальных возможностей для создания **«критической научной теории – концепции культуры устойчивого развития».**

Актуальность и востребованность научной проблемы исследования «культуры устойчивого развития» для каждого человека, всех народов и государств, современной цивилизации может быть определена как необходимость преодоления всеобщей модели развития для потребления и сверхпотребления с неизбежностью всеобщего антагонистического противоречия, разрешаемого противоборством культуры жизни, культуры мира с культурой войны и культурой смерти.

Таким образом, изучение теории и методологии становления «культуры устойчивого развития» реально вводит различие между культурой жизни, культурой мира и культурой безопасности с противостоящей им культурой потребления, культурой войны и культурой смерти.

В итоге оформляется понимание источника динамики, энергетики и воли как главное антагонистическое противоречие между культурой жизни, культурой мира и культурой устойчивого развития с противостоящими им культурой смерти, культурой войны и культурой потребления.

Позиция автора доклада может быть определена так: летом 2013 широкий круг российских учёных, экспертов, специалистов, заинтересованных граждан «складывают», обдумывают и обсуждают основы новой теории культуры устойчивого развития России, Евразии, современной цивилизации. Я, как автор представленной концепции культуры устойчивого развития, как и многие другие авторы, убеждён в том, что *самое важное, самое эффективное и самое необходимое для оптимального преодоления кризиса, для жизнеобеспечения людей и народов после кризиса – это динамичная, надёжная и востребованная людьми и обществом хо- рошая теория культуры устойчивого развития.*

¹ Приведено по: Доклад о развитии человека 2007/2008: Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире. М., 2007. С. 1.

Полагаю, что здесь уместно привести размышления известного политолога Николая Васильевича Злобина, директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США, Вашингтон), по поводу доверия и ответственности в России и США за судьбы мира в XXI веке. «Складывающийся миропорядок противоречив, – пишет он в своей книге "Второй новый миропорядок". – США и России будет непросто защищать в нем свои интересы, тем более что они по-разному оценивают опасность иранской ядерной программы и ядерного терроризма, у них нет согласия по политике в Евразии, энергетической безопасности, роли НАТО и т. д. Имеются разногласия и по вопросам демократии и прав человека, свободы слова и развития гражданского общества в России. Все это требует честного, пусть и болезненного, обсуждения, а оно невозможно без восстановления доверия между странами, их элитами и обществами. Как этого добиться – главный вопрос. Сегодня создано своеобразное "окно возможностей" для быстрого качественного прорыва в отношениях. Оно может неожиданно закрыться, а повторится такой шанс еще не скоро»¹.

Дополню этот тезис Николая Злобина его суждением, представленным на страницах газеты «Комсомольская правда» в интервью по поводу презентации им 27 мая 2009 года этой книги. «Сегодня влияние будет у тех стран, которые создадут более привлекательные модели внутреннего развития, – констатирует Н.В. Злобин. – Окончание "холодной войны" никому не принесло пользы. Ни победителям, ни проигравшим. Мы живем в мире лунатиков, которые занимаются экспромтом. Никто не создал привлекательной модели развития. Любое государство, которое создаст эффективную модель, станет гораздо влиятельнее, чем даже Америка»².

УРОК ВТОРОЙ: ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ВАЖНОСТЬ НЕЗАПАДНЫХ НАРОДНЫХ ИДЕОЛОГИИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ДУХА РАЗВИТИЯ И ОБОРОНЫ ОТЕЧЕСТВА, РОДИНЫ, РОССИИ; НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО ЯЗЫКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.

17 февраля 2013 года нашему соотечественнику, гражданину России Станиславу Петрову, подполковнику в отставке, была вручена Дрезденская премия³ за достойный поступок: он «в 1983 году не дал произойти атомному Армагеддону»⁴.

В 2006 году Станиславу Петрову была вручена «специальная награда международной общественной организации "Ассоциация граждан мира"». Это была хрустальная статуэтка с надписью «**Человеку, который предотвратил ядерную войну**»⁵. (Выделено мною. – В.К.).

Суть (по тексту статьи Евгения Сучкова: Комсомольская правда, 18.03.2013): 26 сентября 1983 года, во время дежурства офицера С. Петрова на командном пункте под Москвой, сработала автоматическая система раннего предупреждения о ядерном нападении на СССР. По строгим регламентам С. Петров обязан был нажать на красную кнопку, чтобы запустить ядерные ракеты в сторону США. В считанные секунды С. Петров определил ситуацию как компьютерный сбой и доложил свои соображения руководству. Его соображения, его позиция, его поступок руководство поддержало: «его бдительность в ту ночь спасла мир от неминуемой гибели»⁶.

¹ Злобин Н.В. Второй новый миропорядок: Геополитические головоломки. М., 2009. С. 315.

² Вандышева О. Китай не станет лидером. А Россия может попробовать // Комсомольская правда, 2009, 27 мая. С. 7.

³ Сучков Е. Россиянин получил Дрезденскую премию за спасение человечества // Комсомольская правда, 2013, 18.02. С. 5.

⁴ Приведено по: там же.

⁵ Приведено по: там же.

⁶ Сучков Е. Россиянин получил Дрезденскую премию за спасение человечества // Комсомольская правда, 2013, 18.02. С. 5.

Эта позиция и поступок конкретного человека, «россиянина» Станислава Петрова – Событие не только для информационного общества тридцатилетней давности, но и, к счастью, Событие для коммуникационной эпохи XXI века, для 2013 года и последующих лет.

В интервью при подготовке документального фильма «*Красная кнопка и человек, который спас мир*» С. Петров сказал: «Все, что произошло, не имеет значения для меня. **Это была моя работа, я оказался в нужном месте в нужный момент и поступил как человек, вот и всё.** Даже моя покойная жена ничего не знала об этом»¹. (Выделено мною. – В.К.).

По сути, мы все современники Станислава Петрова в августе 2013. И мы можем с полным основанием исследовать феномены: «Дух защиты Отечества», «Дух народа», «Дух развития России», «Дух и духовность российской армии», «Народная идеология развития России», «Народное мировоззрение», «Культура компромисса», «Культура партнёрства», «Долг», «Ответственность», «Обязанности», «Новая российская элита: формирующаяся» (в настоящее время, к сожалению, в России отсутствует национальная элита, главное у которой – служение Родине, служение России).

Актуальность самих феноменов, которые сами являются предметом острых дискуссий среди представителей общественных наук, многих граждан, дополняется ещё одним важным соображением в рамках «второго урока»: эти феномены весьма слабо «работают» по отдельности: их смысл, значение сущностно раскрывается в гуманистических кластерах – идеология, мировоззрение, Дух народа, Дух российской армии, ментальность, идентичность, русскость, духовность, партнёрство, национальная цель, национальная идея.

Интересно, глубоко и поучительно обосновал такую интерпретацию темы «армия, развитие России, общенациональная цель, объединяющая народ России идея» Патриарх Московский и всея Руси 26 февраля 2012 года на Съезде Добровольческого движения Общероссийского народного фронта в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса. Фрагмент его выступления представлен на вставке 1.

С позиций работы по реализации **проблем, обозначенных вторым уроком**, можно отметить главный вектор – дискуссии и созидательную работу учёных РАН, учёных всей страны по осуществлению Проекта развития России в 2013–2020 годах, содействия её обороне.

Мы, каждый из нас, народы России, россияне, уже осуществляем Большой Проект Развития России XXI. Культура компромисса, культура партнёрства, культура согласия наши добрые попутчики на дороге к достоинству, безопасности, благополучию для каждого человека, справедливости и счастью для всех.

Повестка Дня для нас самих на 2013–2020 годы определилась как Глобальная Игра; как Глобальный Компромисс; как Культура–Сеть.

Оформилась «новая созидаящая гуманистическая реальность XXI века».

Главные тренды:

основной мотив – обоснование гуманитарного стратегического манёвра российских общественных наук, российской социологии для содействия в достижении каждым человеком, каждой семьёй, каждым народом, каждым государством – достоинства, благополучия, безопасности: всей совокупности Целей Человечества, согласованных всеми странами на Саммите тысячелетия в 2000 году;

¹ Приведено по: там же.

Вставка 1**Кирилл – Патриарх Московский и всея Руси.
Жить и верить не по лжи**

*Отрывок из выступления на Съезде Добровольческого движения
Общероссийского Народного Фронта в поддержку армии, флота и
оборонно-промышленного комплекса.*

Москва, 26 февраля 2012 года

«Сегодня мы живем в прозрачном мире, и можно потерять свободу, потерять суверенитет, потерять независимость, имея мощную экономику, хорошо вооруженную и обученную армию. Мы знаем, что без единого выстрела распалась историческая Россия, которую мы называли Советским Союзом, – и нет великой страны. Сегодня борьба происходит на уровне мысли, убеждений, взглядов, мировоззрения. Сегодня никто не может регулировать потоки информации, потому что каждый человек, имеющий компьютер в своей спальне, впускает внутрь своей личной жизни множество взглядов, убеждений, точек зрения, соблазнов. И как легко овладеть сознанием масс, как легко направить их в ту или иную сторону, если против этих масс работают хорошо организованные и скоординированные информационные потоки!

А что же сделать для того, чтобы Отечество оставалось свободным? В первую очередь мы должны воспитать человека, способного сопротивляться всей этой информационной агрессии, которая обрушивается на каждого из нас. Это особенно важно для молодых людей, у которых еще не устоялись жизненные принципы, убеждения, идеалы, которые ищут чего-то лучшего, которые еще учатся, – а статус обучающегося человека предполагает внимание к той информации, которую он получает. Именно потому молодежь наиболее незащищена. Хлесткое слово, яркая метафора, особенно сказанная кумиром, будь то попкумир, спортивный кумир, эстрадный кумир, литературный кумир, легко захватывают сознание людей, не получая никакой критической оценки.

Что же сделать для того, чтобы народ наш, особенно молодежь, был способен отсеивать правду от лжи, соблазн от реальной и сильной идеи? Для этого все мы должны быть воспитаны, в том духе, в котором является нам тысячелетняя нравственная, культурная сила нашего народа. Мы называем эту силу нашими фундаментальными, базисными ценностями, которые каждое последующее поколение людей впитывает с молоком матери. Это ценности, которые сформировали наш великий многонациональный народ, наше свободное Отечество, и как важно, чтобы сегодня, несмотря на колоссальное информационное воздействие как изнутри страны, так и извне, наши люди были способны, опираясь на эти ценности как на великий критерий истины, отсеивать все то, что ложно, губительно, опасно для личности, для общества, для страны!

На чем основывается способность людей защищать Родину? На таком понятии, как долг. До недавнего времени слово "долг" было очень понятным и для всех убедительным. Но сегодня в массовом сознании долг – это деньги, взятые взаймы. Чем же материальный долг отличается от того долга, который заставляет воина подняться из окопа и идти навстречу морю огня, рискуя своей жизнью, чтобы защитить Отечество? Этот долг, который делает человека способным защитить себя, своих близких, свой народ, свою страну, является понятием нравственным и духовным. Никакие зарплаты, никакие деньги неспособны компенсировать смертельный риск, потерю жизни, инвалидность, страшные уродства – нередкие последствия военных действий для тех, кто принимал в них участие. Так вот, долг – это великое нравственное понятие, которое предполагает способность человека к самоограничению, к жертвенности.

А теперь попробуем наложить это понятие на массовые идеалы, которые сегодня пропагандируются СМИ, особенно Интернетом. Какое самоограничение? Какая самодисциплина? Какой долг? Живем один раз, берите от этой жизни все, что можно, – и правильное, и неправильное. А для того чтобы жизнь сложилась, нужно иметь много денег, хорошо их тратить, весело и беззаботно жить. И ведь эта идея потребления, обогащения становится массовой. А если она, сохрани Бог, когда-нибудь станет нашей национальной идеей, то мы уже не будем петь «Славься, Отечество наше свободное». Все закончится, потому что частные интересы людей неспособны обеспечить выживание общества и страны, если нет объединяющей идеи, неспособны сохранить страну ни в мирное время; ни тем более в военное.

Если идеалом для нашей молодежи станет "отваливание" туда, где больше платят, где веселее жить, где выше уровень потребления, то какой может быть долг, какая объединительная идея, какая способность защитить Отечество? А все то, о чем мы сегодня говорим, – это не отвлеченные идеи и не отвлеченные мысли. Это реальность жизни».

Источник: Российская газета, Неделя, 2012, 1–6 марта. С. 2.

оригинальность методологии исследования в своеобразии предложенной автором научной парадигмы: весь анализ и синтез осуществлены автором в

контексте разработанной им геокультурной парадигмы, в которой Мир XXI века может быть рассмотрен как Культура – Сеть;

обязательным условием конструктивности и созидательности функционирования российского геокультурного созидющего Проекта автор доклада обосновал строительство нового мировоззрения XXI века. Только его развёртывание, его приемлемость и востребованность сотнями миллионов людей могут содействовать реальному утверждению новой модели справедливого миропорядка;

глобальной высокой гуманитарной технологией, гуманитарным механизмом разработки, обсуждения, конструктивной критики, востребованности и динамики Второго Урока может стать, уже становится, общероссийский, азиатский, евразийский, глобальный стратегический гуманитарный компромисс по проблеме достижения безопасности каждого человека.

Важнейший Вопрос – кому предназначен Большой Геокультурный Проект Развития России XXI?

Автор предложил своё видение Ответа: Большой Проект предназначен нам всем, народу, России.

Позиция, поступок каждого из нас для Другого человека, для народа, для России – это Позитивное Событие: Со-Бытие. Мы все вместе создаём Сферу Со-Бытий: Событие+Событие+Событие... В итоге – формируется сфера событий, гуманитарный кластер событий, облако событий, сеть.

Тем самым мы вместе создаём и поддерживаем Сферу Коммуникаций.

Теперь тема развития сферы коммуникаций, тема безопасности сферы коммуникаций (коммуникационная безопасность), тема культуры коммуникационного – наше Общее Дело, наш Большой Проект устойчивого развития России в XXI веке.

Проблема Субъекта Большого Геокультурного Проекта устойчивого развития России тесно связана с проблемой его Объекта.

Самый *дискуссионный вопрос* в изучении становления современного мировоззрения – *проблема теории и практики Субъекта* учреждения, становления, формирования, функционирования, изменений, анализа действенности Большого Проекта, национального мировоззрения 2013. Здесь же важно отметить и проблему Субъекта народной идеологии развития России.

Объект современного мировоззрения – это, прежде всего, феномен человеческой жизни для каждого человека, феномен существования каждого народа, его образа жизни, его территории, его языка и культуры; это смысл жизни; это сохранение целостности человечества, смысла его социального бытия, стремления и процедуры своего понимания¹.

Возрастает значение в качестве объекта мировоззренческого процесса спектра смыслов гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий, обеспечивающих безопасность человека, безопасность народов, безопасность стран, регионов, глобального мира. Речь идёт о тонких, слабых и быстрых связях, об обеспечении сохранности (без искажений) самих смыслов, которое основывается на взаимообусловленности феноменов: справедливость, правда, компромисс, порядочность, честность, безопасность, партнёрство.

Предметность опирается на свою совокупность категорий, концептов, конструктов, смыслов; на специализированный научный дискурс; структурирование гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий в конкретных сферах жизни и жизнеобеспечения человека и народов: культура, мир и война, религия, наука, политика, экономика, право, экология.

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 519–521.

Сама структура предметного поля социологии современного мировоззрения ориентирована на учёт перемен в состоянии объекта современного мировоззрения, в динамике человеческого потенциала, интеллектуального капитала, институциональной среды; на изменения правил игры в ходе осуществления согласованной повестки дня для сфер мировоззренческого.

Методология синтеза Исключительно важная роль методологии социологического изучения современного мировоззрения обусловлена такими факторами:

- наличие и совершенствование новой «оптики», способной изучать слабые, средние и сильные взаимодействия;
- новое понимание (и обоснование) роли Субъекта, которое существенно влияет на теорию мировоззрения, на её институционализацию, процессуальность;
- понимание сходства и отличия, единения сути культурной рациональности и культурной иррациональности, феноменов «окультуривания – раскультуривания», «омировоззренения – размировоззренения».

Здесь важно отметить дополнительно и стадию Высшего Синтеза – *Стадию* высокого когнитивного гуманитарного синтеза (технологии) – ВКГТ.

Стадия ВКГТ обозначена мною по той причине, что она опирается на единую гуманитарную парадигму (сотрудничество геополитики, геоэкономики, геокультуры).

Системный подход к становлению современного мировоззрения убедительно и оригинально представлен в работе Р.Г. Яновского «Мировоззрение» (М., 2007); в работах А.Д. Урсула (2000–2012).

Сетевой подход применительно к сфере мировоззренческого был осуществлён в монографии Рэндалла Коллинза «Социология философий», опубликованной на языке оригинала в 1998 году (русский перевод – 2002 год).

Эту работу можно было бы назвать и так: «Социология современных мировоззрений». Тем более что подзаголовок оригинального издания «Глобальная теория интеллектуального изменения» актуален для первого и второго варианта названия.

Кластерные и кластерно-сетевые подходы представлены в работах Э.Г. Кочетова 2004–2012 годов по диалогистике, геоэкономике, глобализму, гуманитарной космологии.

Грид-технологии (от англ. *grid* – решетка), по словам руководителя Проекта «Построение грид-системы национальной нанотехнологической сети» Вячеслава Ильина могут быть определены так: «грид – это сервисная инфраструктура, которая позволяет эффективно организовывать совместную работу географически распределённых людей и компьютерных ресурсов»¹.

Краудсорсинг технологии, по словам известного социолога Александра Ослона, «означает организованную работу большой группы людей над какой-то общественно значимой проблемой»².

А. Ослону принадлежит очень важное утверждение: «...я уверен, что сегодня краудсорсинг – это уже даже не методология, а скорее мировоззрение»³. (Выделено мною. – В.К.).

Облачные технологии (cloud computing) – в определённой степени инновационное развитие сетевых подходов, грид-технологий и краудсорсинга.

¹ Ильин В. Успешный симбиоз грид- и обычных технологий – вопрос времени // Известия, 2010, 27 октября. С. 14.

² Ослон А. Апология умной толпы: Шутки над «коллективным разумом» вот-вот могут закончиться // НГ-Сценарии, 2012, № 2, 20 февраля. С. 9.

³ Ослон А. Апология умной толпы: Шутки над «коллективным разумом» вот-вот могут закончиться ... С. 9.

Весной и летом 2013 года в России, как и во многих других странах, всё активнее и масштабнее функционируют феномены: «облачные вычисления», «облачные технологии», «облачные сервисы», «облачное хранение и распространение знаний», «облачные решения», «облачная демократия», «ушли в облака», «вложились в российские облака», «облачная бизнес-аналитика», «публичное "облако", "частное" облако»¹.

Обратимся к статье А. Ослона о краудсорсинге, к его сюжету о мировоззрении. Знаменательно, что завершающий его работу раздел называется: «*Чем сильнее "облачность", тем выше технологии*». В этом фрагменте А. Ослон утверждает следующий важный тезис. «Краудсорсинг доказывает, – поясняет он, – что сегодня только "облачные" организации могут добиваться результатов в решении тех задач, с которыми привычные структуры справиться не в состоянии. Поэтому краудсорсинг часто и обозначают как коллективный интеллект»².

Синтез сетевых, кластерных, грид-технологий, «облачных» подходов Общее определение реально работающего мировоззренческого синтеза складывается в 2000–2013 годах научными трудами нашей научной школы (школа Кузнецова) через синтез подходов: «*институционально-сетевая методология*» (Кузнецов 2000–2013), «*высокие геоэкономические методологии*» (Кочетов, 1996–2013), «*высокие гуманитарные технологии*» (Сергеева, 1993–2013), «*единая гуманитарная парадигма*» (Кузнецов, Кочетов, Переслегин, Розов, 2003–2013), «*облачное национальное мировоззрение России web 3.0, народная идеология развития России*» (Кузнецов, 2010–2013».

Высший когнитивный гуманитарный синтез Соединение мировоззренческого синтеза web 3.0 с новейшими когнитивными методологиями, концепциями, процессуальностью, механизмами и технологиями содействовало развёртыванию нового класса мировоззренческих исследований.

Во-первых, их содержание и структура, их ориентированность определяется реальным и динамичным сочетанием культурной рациональности и культурной иррациональности.

Во-вторых, в самом становлении новых мировоззренческих феноменов закладывается значительная доминанта оперативного, среднесрочного и долгосрочного создания предотвращающего эффекта в отношении угроз от использования «облачных» технологий в негативных целях. Речь идёт о слабых и сверхслабых стратегиях по раскультированию народов России, по их размировоззренчиванию с отрицательной сущностной динамикой: возвращения «умного народа» на стадию «умной толпы», «рассерженной толпы», «озабоченного населения».

Смысл такого высшего мировоззренческого синтеза (ВКГТ), в *глобальной терминологии это web 3.0*, убедительно и понятно, по мнению автора исследо-

¹ Долгин А. Есть третий web! Очередная степень эволюции интернета: социальный поисковик // Новая газета, 2010.08.09; Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Екатеринбург, 2011; Зыкова Т. Облако в налогах // Российская газета, 2011, 21 ноября. С. 1, 7; Моисеев Е. По дороге с облаками: Технологии удалённого доступа меняют нашу жизнь // Московские новости, 2011, 19 октября. Приложение – Технологии; Рагимова С. Чувство облака // Коммерсантъ. BUSINESS GUIDE. 2011, 13 октября. Тематическое приложение: Информационные технологии. С. 12–14; Цуканов И., Голицына А. Норвежцы вложились в российские облака // Ведомости, 2011, 13 сентября. С. 11; Шадрин Т. Услуги в «облаках» // Российская газета, 2011, 19 сентября. С. 3; Морозов А. Школьники уходят в облака // Независимая газета, 2011, 6 сентября. С. 8; Тавровский Ю. Китай – США: впереди «облачные войны»? // НГ Дипкуррьер, 2012, № 18, 10 декабря // Приложение к «Независимой газете».

² Ослон А. Апология умной толпы... С. 11.

вания, раскрыл наш современник, выдающийся мыслитель Владимир Меньшов^{*}. Вот фрагмент его ответа на вопрос: **«Ваши фильмы называют "народными", а вас – "народным режиссёром". Возможно вы знаете о народе нечто такое, чего не знают остальные?»**^{**}. Привожу фрагмент ответа В.В. Меньшова. «Рассуждая о народе, неизбежно вступаешь в область размытых понятий, законов, которые невозможно сформулировать, – отметил Владимир Меньшов. – И тем не менее подспудно понимаешь, что каким-то образом всё происходящее вокруг отфильтровывается народными массами и выкристаллизовываются убеждения, мифологические представления. Постепенно складываются взгляды, принимают устойчивую форму – относительно какого-то правителя, целого исторического периода или конкретного события. На поверхности общественного процесса могут бурлить споры, кипеть страсти, но параллельно где-то в глубине формируется кристалл – незыблемая точка зрения, на которую уже не повлиять.

Этот процесс касается всего – искусства в том числе. Сколько я наблюдал за свою жизнь однодневок, которые, едва появившись, получали статус нетленки. Иногда классика назначали сверху, но чаще снизу возникал шепоток: это надо видеть, надо слышать, надо читать! Проходило время, и гении становились просто способными ребятами, возникали новые авторитеты... Методично, незаметно Время и Народ делали своё дело¹. (Выделено – линейка – мною. – В.К.).

О таком высшем синтезе «убеждений, мифологических представлений», «всего – искусства в том числе»; о высшем мировоззренческом, идеологическом, религиозном синтезе; о «кристалле» как смысле, «оптике» синтеза; о «*собственном центре политического притяжения общества, который будет опираться на народ*» пишет известный политолог и экономист Михаил Делягин. **«Народ, помня 90-е, будет выбирать между левыми и патриотами и выберет выражающих давно выработанный им синтез социальных, патриотических и демократических ценностей,** – констатирует М. Делягин. –

Поэтому свержение Путина сегодня, в первой половине 2012 года, отдаст власть либералам и принесёт России вред. Пишу это как человек, требовавший его отставки в январе 2005-го. Ещё на Болотной была иллюзия возможности создания единого, честного народного фронта – сейчас её уже нет»². (Выделено – жирный шрифт – мною. – В.К.).

Сочетание сотрудничества истины с требованиями терпимости

Важность и востребованность современного незападного гуманистического мировоззрения актуализировалась и обострилась особенно в феврале – июне 2012 года.

^{*} Владимир Валентинович Меньшов родился в 1939 году в Баку. Окончил Школу-студию МХАТ в 1965-м. Затем учился во ВГИКе (мастерская Михаила Ромма). Снял фильмы: «Розыгрыш» (1977), «Москва слезам не верит» (1980), «Любовь и голуби» (1984), «Ширли-мырли» (1995), «Зависть богов» (2000). Сыграл множество киноролей, в том числе в фильмах: «Человек на своём месте», «Собственное мнение», «Курьер», «Город Зеро», «Спартак и Калашников», «Ночной дозор», «Ликвидация»...

Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист России, лауреат Государственной премии РСФСР (за фильм «Розыгрыш») и Государственной премии СССР («Москва слезам не верит»). Лауреат премии «Оскар» Американской киноакадемии. Кавалер орденов: «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «За заслуги перед Отечеством» III степени. (Источник: Литературная газета, 2012, № 52, 28 декабря 2011 – 3 января 2012. С. 9).

^{**} Вопрос задавал Олег Пухнавцев.

¹ Меньшов В. «Нужно понять, чего хочет народ» (Вопросы задавал Олег Пухнавцев) // Литературная газета, 28 декабря 2011 – 3 января 2012 г., № 52. С. 9.

² Делягин М. Путин и пустота: Почему либерализм вернёт Россию в 90-е // Аргументы и факты, 2012, № 4. С. 20.

«Осью» обострения стало восприятие гражданами разных стран истинности сообщения с требованиями и традициями терпимости (толерантности) с учётом национальнокорректности, культурокорректности, идеологокорректности, религиоокорректности, политкорректности.

В феврале – марте 2012 года в православных храмах Москвы, городов – Великий Устюг, Мозырь, Невинномыск были осквернены святыни православия. Развернулась в России, в других странах клеветническая информационная атака против Предстоятеля Церкви, против Российской Православной Церкви.

По существу – это многоплановая работа по «раскультированию», «размировоззрению» граждан России и многих других стран.

Зачем?

Может быть здесь развёртывание деформации, разрушения духовного, идеологического, мировоззренческого поля молодых людей, зрелых людей, граждан в возрасте «мудрости»?

22 апреля 2012 года для миллионов православных граждан состоялся молебен и стояние в храмах для защиты православной веры, для защиты религиозного мировоззрения. Вот фрагмент из обращения Высшего церковного совета Российской Православной Церкви.

«...Антицерковные силы опасаются усиления Православия в стране, их пугает возрождение национального самосознания и массовой народной инициативы. Такие люди немногочисленны, но некоторые из них обладают влиянием и готовы использовать свои финансовые, информационные и административные ресурсы для дискредитации иерархов и клириков, для порождения расколов и отторжения людей от храмов. К этим силам присоединяются те, кто продвигает ложные ценности агрессивного либерализма, ибо Церковь непреклонна в своей позиции неприятия таких антихристианских явлений, как признание однополых союзов, свобода выражения всех желаний, неудержимое потребительство, пропаганда вседозволенности и блуда...

...Противостояние Церкви и антихристианских сил становится все более очевидным и острым. Особенно заметными атаки стали в предвыборный и поствыборный период, что свидетельствует об их политической подоплеке, в том числе антироссийской...»¹.

В самом предварительном плане беспрецедентная внутрироссийская и международная многодневная травля создающей мировоззренческой, культурной, народной сферы жизни России в 2007–2013 годах на примере дискредитации Русской Православной Церкви, её руководителей во главе с Патриархом Кириллом; а также патриотического, государственнического корпуса лидеров России во главе с В.В. Путиным и Д.А. Медведевым – реальный индикатор. По существу мощная, тотальная линия российского и международного либерализма (неолиберализма) и консерватизма (неоконсерватизма) обнажила свою главную цель именно в 2011–2013 годах как линию раскультирования, размировоззрения, разгосударствления, рассуверинизации народа России, её общества, её государства: здесь линия утверждения негуманистической, разрушающей коммуникации. По существу – здесь оформились концептуальные и практические воплощения нового облачного (web 3.0), сетевого интеллектуального гуманитарного терроризма XXI.

Смысл – вторая приватизация с захватом у народа всей земли, чистой воды, чистого воздуха, природных ресурсов (первая приватизация: 1991–1998 го-

¹ Приведено по: *Семушкин С.* «Из нынешних испытаний Церковь выходит более сильной!» // Комсомольская правда, 2012, 10.04. С. 10.

ды); разработка и внедрение в сознание народа прозападных мировоззренческих, культурных, идеологических стандартов.

С новым учебным предметом 1 сентября 2012 года к детям, их родителям, родственникам «пришли» религиозные мировоззрения с их «картиной мира», этикой, пониманием добра и зла.

Может быть, именно здесь и сейчас началась длинная, увлекательная интеллектуальная дорога к **«мировоззрению честного человека»**.

Суть последующей динамики, мотивации, энергетики **«облачной web 3.0»** методологии и концептуальности при учреждении и становлении **«мировоззрения честного человека»**, с учётом объяснений (в терминах краудсорсинга) Александра Ослона из 1998 года интересно и убедительно объяснил в логике сетевого подхода английский социолог Рэндалл Коллинз. «Такого рода сетевая схема некоторой области культурного производства представляет пространство внимания, – поясняет он (февраль 2001 г.) в предисловии к русскому изданию своей фундаментальной работы "Социология философий". – Иными словами, в ней описывается модель наиболее интенсивно сфокусированных процессов общения между людьми, которые транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру. Сетевой метод предполагает некую лежащую в основе социологическую теорию, поскольку в действительности все методы подразумевают некую теорию, в рамках которой они полезны: в данном случае теория состоит в том, что в непосредственных личных контактах повышается интенсивность эмоций, а внимание сосредотачивается на вполне определенных центральных спорах. Благодаря личным контактам также быстрее всего происходят сдвиги в аргументации, поэтому индивиды, находящиеся ближе других к центру данных сетей, пользуются преимуществом при осуществлении очередных шагов и формулировании последующих идей, которые и дальше будут удерживать внимание. Конечно же, есть возможность получать идеи посредством чтения других авторов, и можно было бы применить более традиционный метод учета "идейных влияний" через изучение того, кто какие книги читал. Однако в моей социологической теории утверждается, что в конкуренции за ограниченное пространство внимания весьма значительное количество индивидов имеют доступ к уже имеющемуся культурному капиталу, который позволяет им формулировать новые идеи; однако только те немногие индивиды, которые сделают данные шаги быстрее всего, получат социальное внимание, а наряду с ним и эмоциональную энергию для продолжения разработки своей позиции в пространстве интеллектуального внимания»¹.

С учётом итогов исследований Рэндалла Коллинза рассмотрим два аспекта претензий теории и методологии социологии современного мировоззрения на обоснование своего места в структуре современных общественных наук.

Первый аспект: наличие укоренённого места и роли в содержании и структуре специализированного социологического научного дискурса по проблемам современного мировоззрения.

Здесь необходимо, по мнению автора, более подробно рассмотреть новую «оптику» исследования формирования «мировоззрения честного человека» в XXI веке; совокупность взаимосвязанных, взаимообусловленных категорий, концептов, конструкторов, которые были обоснованы и рассмотрены по ходу исследования.

Категории

Мечта

Позиция

Поступок

¹ Коллинз Рэндал. Социология философий. Новосибирск, 2002. С. 33–34.

Диалог

Опасность

Риск.

Концепты

Коммуникация

Коммуникационное

Культура

Мировоззрение

Мировосприятие

Мироздание

Миролюбие

Мироощущение

Миропонимание

Миропорядок

Миростроительство

Мирозерцание

Мироустройство

Окультурирование

Омировоззренение

Партнёрство

Предотвращение

Раскультурирование

Размировоззренение

Конструкты

Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века

Культура коммуникации

Культура коммуникационного

Культура Мира

Культура мировоззренческого

Миссия социологии в XXI веке

Народная идеология устойчивого развития и модернизации России

Новый (не-Западный) гуманизм XXI века

Общенациональная цель России

Повестка Дня для мирового сообщества на XXI век

Поступок во имя справедливости, во имя правды

Правила Игры.

Теперь важно отметить, что новая «оптика» может быть актуальна и востребована всем спектром общественных наук России в соединении с корпусом базовых ценностей, уже обоснованных автором по ходу исследования в ракурсе учреждения и становления именно «мировоззрения честного человека». Здесь *второй аспект* (см. табл. 1).

Основные ценности России, её народов, граждан, семей в 2013 году

- Достоянная Жизнь, Мир как Культура – Сеть
- Человек, Семья, Народ. БОГ
- Вера
- Культура Мира, Культура Компромисса
- Равенство каждого человека перед Законом и надёжная проверяемость исполнения Закона
- Россия как Отечество, Родина

- Труд, Сотрудничество
- Честь, Честность
- Совесть, Совестьливость, Стыд
- Правда, Смысл Правды
- Справедливость, Милосердие, Прощение
- Свобода и Ответственность
- Патриотизм
- Доверие, Сострадание
- Надежда, Любовь, Мудрость
- Права и Обязанности
- Демократия
- Безопасность
- Смысл Жизни

Третий аспект. Ход исследования позволил обосновать три первых главных шага для содействия Большому Проекту развития России XXI. Речь идёт о Повестке Дня на 2013–2020 годы для России для всего мира (*первый шаг*). Речь идёт о Правилах Игры в процессе осуществления именно этой Повестки Дня (*второй шаг*). Речь идёт о смысле партнёрского: об Общенациональной Цели России, о Глобальных Целях Человечества до 2015 года (*третий шаг*).

Таблица 1

Чем гордиться гражданам России?

Традициями	41%
Достижениями в космонавтике	41%
Своим народом	40%
Достижениями в спорте	33%
Высоким уровнем культуры	11%
Нечем гордиться	18%

Приведено по: Российская газета. Неделя, 2012, 20 сентября, № 36. С. 3. (Выделено – линейка – мною. – В.К.).

Что исключительно важно: во-первых, итоги исследования показали, что все люди могут быть партнёрами в решении этой триединой задачи – здесь нет оппозиции, врагов, заговоров, демонов и других чудовищ. Во-вторых, возможность и необходимость осуществления партнёрского диалога, компромиссов не зависят от особенностей образа жизни, религии, культуры, политических предпочтений, идеологии, национальной идентичности, исторической памяти, географии. В-третьих, здесь и сейчас это доступный шанс всем нам поучаствовать в сохранении и развитии мира и безопасности.

Сегодня и здесь в России многие из нас, сотни тысяч и миллионы, всё чаще говорят и действуют из Принципа: Я – Гражданин, Я – Соучастник, Моя позиция – важна и уникальна, Я – Понимающий Субъект.

Большой Проект обращён к каждому Я – осуществляется коммуникация, из многих Я формируется через культуру общения – Мы: Народ, Нация, Россия. Становятся понятными, востребованными правда, справедливость, совесть, свобода и ответственность, права и обязанности (см. табл. 2).

Для сопоставления – время и пространство, масштаб справедливого – главный смысл, смысл справедливого для всех людей и народов, выступления президента России в ходе XI Петербургского международного экономического форума (10 июня 2007 года).

В завершении выступления на Форуме Владимир Путин конкретизировал *время и пространство* новой модели Большого Проекта развития России, модели мироустройства и место в ней Человека – жизнелюбивого и жизнестойкого; ком-

промиссного и настроенного на компромисс; самокритичного и самоироничного; стремящегося играть по правилам, в разработке и корректировке которых он принимает участие сам, и умеет играть по другим правилам. «История не раз и убедительно доказывала: от положения дел в России во многом зависит ситуация в окружающих ее странах на евразийском пространстве, – констатировал Президент России В. Путин. – Мы об этом не раз говорили с моими коллегами из стран Содружества Независимых Государств. А ее временное ослабление неизбежно отзывалось нестабильностью в регионе в целом. В XX веке наша страна пережила череду драматических потрясений, но в то же время накопила серьезный потенциал. Наш научный, образовательный, производственный опыт работают не только на подъем самой Российской Федерации. Он дал стимул развития новым государствам, усилил новых игроков в мировой экономике. Мы этому только рады и всячески готовы поддерживать этот процесс. В прошлом году здесь, на форуме, прозвучал тезис о так называемых "странах-идеях". Россия именно такая страна.

Страна, которая стремится к построению справедливого общества, основанного, прежде всего, на моральных ценностях. Страна – которая глубоко анализирует стратегические процессы в мире и нацелена на укрепление доверия между народами и странами.

И мы глубоко убеждены, что мотором развития в нынешнем тысячелетии является человек, его культура, образование и способности. Мы выступаем за свободный обмен идеями, технологиями, новациями. Повторю, Россия открыта для реализации самых амбициозных совместных проектов. И мы рассчитываем, что совместная работа и партнерство позволят стать евразийскому континенту действительно пространством мира, доверия и сотрудничества»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Структура «облачной народной идеологии развития России XXI», её методология, содержание и генезис, динамика и защищённость исследованы автором этой статьи в работе *«Идеология развития России. 2-е изд., испр. и доп.»*. (М., 2010). В самом исследовании для обозначения «облачной» методологии, «облачных» механизмов и технологии использован термин (конструкт) – «умная гуманитарная сеть». Речь идёт об Интернете, о web 3.0². (См. схему 3).

В итоге:

- в России практически оформились методология и теория кластерно-сетевой объединяющей государственнической идеологии;
- ведущим и развивающимся функционирующим общественным институтом народной идеологии развития России является умная гуманитарная сеть («облако» – web 3.0);
- актуальным контекстом народной идеологии развития России, решительно ускорившим в 2003–2013 годах её оформление, является глобальная структурная гуманитарная революция.

На схемах 4 и 5 представлен смысл методологического аспекта в процессе учреждения мировоззрения, когда народная идеология определяет именно национальный характер современного мировоззрения России 2013, её незападный характер.

Логика и динамика взаимодействий на схеме 3 неявно содержит, по мнению автора исследования, несколько перспективных и новых методологических аспектов («облачных»), имеющих прямое отношение к обоснованию смысла, со-

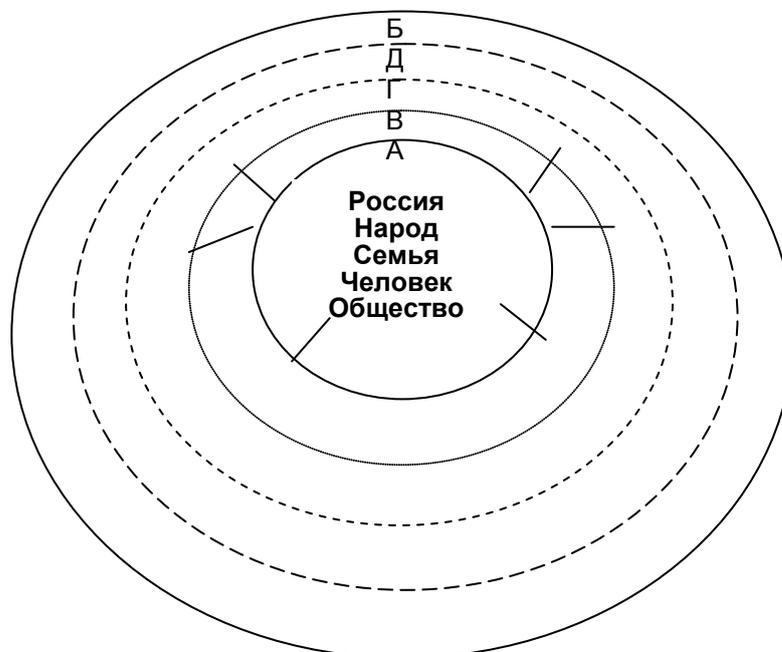
¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/133642.shtml> 10.06.2007.

² Кузнецов В.Н. Идеология развития России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 23.

держания, структуры, институтов и процессов развития России, её модернизации, собственно национального мировоззрения России.

Схема 3

**Примерная структура функционирования
«облачной» народной идеологии культуры устойчивого развития
и модернизации России 2012 года.
Методология Кузнецова**

- А – Сфера жизни России, народа, семьи, человека, общества.
 Б – Сфера идеологического (А, В, Г, Д)
 В – Сфера функционирования идеологий гражданского и антигражданского обществ
 Г – Сфера функционирования кластерной, институционально-сетевой народной объединяющей идеологии устойчивого развития России (**Контекст** для сфер А и В)
 Д – Сфера функционирования нового не-Западного мировоззрения, новой не-Западной модели миропорядка, новой не-Западной концепции мироустройства (**Среда** для сфер А, В, Г)

Обозначим эти проблемы в такой последовательности:

- в авторской концепции **принципиально меняется традиционная схема формирования идеологического** (идеолог – разработка идеологического контента – внесение идеологических смыслов объекту – контроль за адекватным восприятием разработанных и «внесённых» смыслов – корректировка исходного контента). Новая «облачная» логика: Главный субъект идеологии – Народ – сам в умных гуманитарных сетях (web 3.0) разрабатывает идеологический контент – в процессах гуманитарных взаимодействий (когнитивный аспект) создаются основные конструкты идеологии устойчивого развития России как народной идеологии России. Оформляется и функционирует прямой народный идеологический и мировоззренческий процесс;

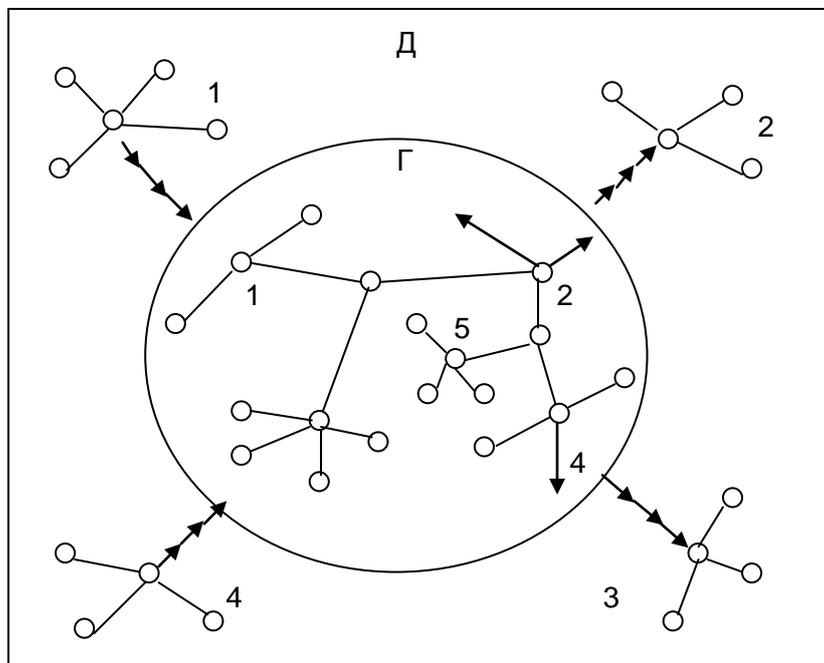
- интересна и важна **проблема синтеза** идеологических элементов в кластеры, конгломераты, облако, из которых формируется кластерная, институционально-сетевая «облачная» идеология;

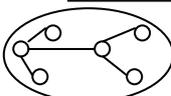
- ещё более любопытна и актуальна **проблема источника энергетики, собственно синергетического, когнитивного для самого синтеза**, для последующего функционирования народной идеологии, мировоззрения 2013.

Таким образом, речь идёт о наличии и формулировании главного движущего глобального антагонистического противоречия;

Схема 4

Принципиальная когнитивная схема формирования «облачной» народной идеологии культуры устойчивого развития и модернизации России 2013 года

Г – Сфера народной идеологии

Г₁ – идеологические смыслы как базовые ценности

Г₂ – религиозные смыслы

Г₃ – общественные науки

Г₄ – экспертное знание

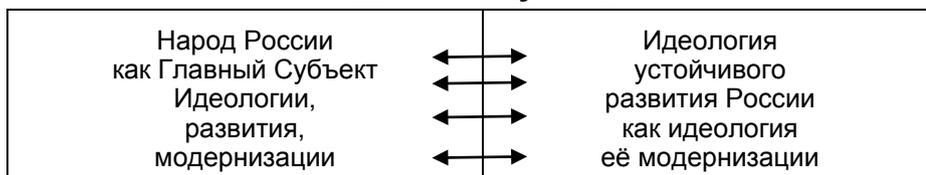
Г₅ – идеологические смыслы отдельных людей

Д – Сфера (среда для народа, человека, контекст для Сферы Г.) притока (Д 1, Д 4) идеологических смыслов и оттока (Д 2, Д 3) идеологических смыслов.

Источник: Разработка сетевых и кластерных моделей (схем) в авторской теории глобальной структурной гуманитарной революции XXI века. Идеи и схемы (рисунки) Е.В. Сапир по поводу сетевой структуры инновационного процесса. См.: Сапир Е.В. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики) // Безопасность Евразии, 2007, № 4. С. 82.

Схема 5

Примерная логика взаимодействия субъекта идеологии с «облачным» феноменом «идеология устойчивого развития России». Методология Кузнецова

• всё более актуальной становится **проблема создания «новой оптики» общественных наук** (совокупности новых понятий, смыслов, концептов, конструктов, теорий, гипотез), нового понимания позитивных и негативных последствий сетевого подхода, гуманитарных аспектов Интернета;

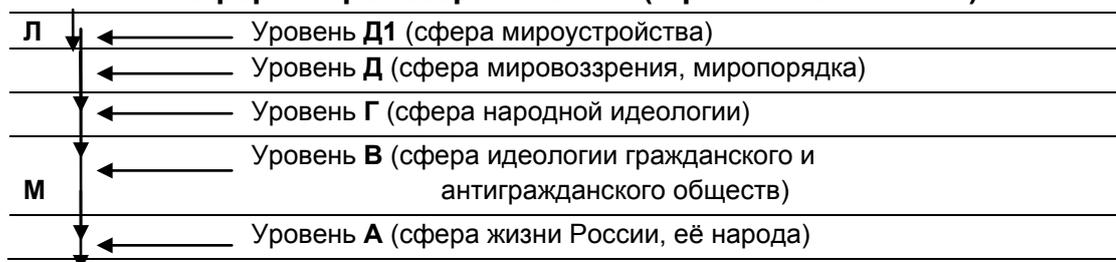
• ещё более востребовано **изучение и становление новой гуманитарной научной парадигмы** общественных наук, нового понимания **требований рационального.**

Методология, концептуальные аспекты учреждения «облачного» незападного мировоззрения 2013, механизмы и технологии собственно исходной фазы учреждения мировоззрения можно, в самом первом приближении, рассмотреть на примере «означивания события, сообщения в облачном процессе».

Рассмотрим в новом ракурсе примерную структуру функционирования народной идеологии развития России (схема 6).

Схема 6

**Логика «облачных» взаимодействий «означивания»
в сфере мировоззренческого (в развитие схемы 3)**

На этой схеме, во-первых, в отличие от схемы 3 уровень Д разделён на два подуровня Д и Д1. Во-вторых, добавлена линия ЛМ, которая обозначает событие, событие которое идёт (направлено) из сферы идеологического (В, Г, Д, Д1) в сферу жизни народа, конкретного человека. Горизонтальные стрелки с каждого уровня к линии ЛМ обозначают реальные влияния на содержание события, события во время его прохождения и т. д. – «означивание».

Назначение схемы 6 – приблизиться к пониманию характера влияния народной идеологии, как контекста реальных идеологий 1–6 секторов российского общества¹ в ходе взаимодействия (в развитие «кентавр-эффекта» Ж. Тощенко).

Здесь начало рассмотрения взаимных изменений всех идеологий (в том числе и народной объединяющей идеологии) в период функционирования достигнутого идеологического компромисса.

Основой изучения влияний на событие, сообщение ЛМ является теория процедуры изучения «легитимных порядков значимого» Л. Болтански и Л. Тевено на примере изучения справедливости («осправедливание» Justification)², а также теория «означивания» сообщения Джеффри Александера. Я опираюсь на изучение справедливости на том основании, что триада *справедливость – несправедливость – антисправедливость* входит практически в каждую идеологическую конструкцию.

Для конкретного периода времени (сущностного значимого) в особых условиях первого десятилетия XXI века в нашей стране стало возможным оформление и эффективное функционирование относительно устойчивой идеологии консолидации как народной объединяющей российской идеологии XXI века³; идеологии Большого Геокультурного Проекта устойчивого развития России в XXI веке.

Есть основание, на мой взгляд, понимать «особые условия» как самую предварительную трактовку первых десяти лет XXI века, как начало проявления самой главной тенденции – общественной и государственной заботе о человеке и семье, о российских народах. Особость в уникальности ситуации: мы все адаптировались

¹ Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения. М., 2012. С. 166-170.

² Кузнецов В.Н. Социология справедливости. М., 2008. С. 194–199.

³ Здесь я употребляю как синонимы понятия: народная идеология, национальная идеология, народная идеология развития, народная идеология модернизации России, идеология консолидации, объединяющая идеология, российская идеология 21, «россиянизм».

к кризису, к нарастанию бедности, несправедливости, безнадёжности, тотальному уничтожению в России всех: и бедных, и богатых.

Начинается нечто новое – второе десятилетие XXI: появилась надежда, обозначился смысл жизни, забрезжила российская мечта. Однако это новая реальность – стадия позитивных перемен; стадия возрождения; стадия новых проблем, рисков, угроз. И важно быть к ним готовыми. Это идеологическая, прежде всего, проблема. **Остро нужна объединяющая идеология, остро необходимо новое мировоззрение 2013. Исключительно важен Большой Геокультурный Проект Развития России XXI. По существу, это исторический запрос российских народов к науке, к нашей совести, к нашей порядочности.**

Убеждён, для реального настоящего правомерно утверждать об оформившемся Интеллектуальном Вызове России, её народов российской науке, культуре, бизнесу в интеллектуальной сфере, всем СМИ. Его суть: содействовать в анализе-синтезе процессов становления **народной объединяющей российской идеологии устойчивого развития XXI века**, которую я решаю назвать «россиянизмом».

Считаю возможным представить как свои два вопроса и два ответа из интервью Александра Александровича Зиновьева, выдающегося социолога и философа. Вопросы задавала Елена Липатова на страницах «Литературной газеты» в рамках проекта «Действующие Лица» в канун дня рождения А.А. Зиновьева, который провозгласил себя когда-то «суверенным государством из одного человека».

Вот вопросы и его ответы.

« – А каковы, по-вашему, перспективы у России?

– *На мой взгляд, будущее всего человечества (нашей страны в первую очередь) решающим образом зависит от того, удастся ли преодолеть глубочайший идеологический кризис, в котором оно оказалось в результате краха марксизма как идеологии эпохального и глобального масштаба. А преодолеть его можно лишь на пути выработки новой идеологии, превосходящей по интеллектуальному уровню марксизм, и более адекватной современной социальной реальности. Россия, имеющая в этом отношении исторический опыт, какого не имел ни один народ в мире, и ставшая самой грандиозной жертвой произошедшего в двадцатом веке эволюционного перелома, имеет шансы стать инициатором в выработке такой идеологии.*

– Как вы себе ее представляете?

– *Думаю, что она должна быть гражданской (нерелигиозной) и не узконациональной. Она должна опираться на научное понимание опыта реального советского коммунизма, реального западнизма и реальной глобализации. Если это удастся, то Россия внесет в прогресс человечества вклад, вполне сопоставимый по исторической значимости с тем, какой она уже внесла в свое время, построив первое в истории коммунистическое общество огромного масштаба и защищая его в течение целых семидесяти лет»¹. (Выделено мною. – В.К.).*

Представленные выше тезисы позволяют мне уточнить основную научную проблему исследования. Её суть: мы, все народы России, уже взошли, поднялись на порог кардинального и всеобъемлющего преобразования всех сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения российского общества. Речь идёт о позитивных преобразованиях; о смысле, динамике и возможных результатах наме-

¹ Действующие Лица. (С А.А. Зиновьевым беседовала Елена Липатова). Вып. 1. 2003 // Литературная газета, 2003, № 44, 29 октября – 4 ноября.

тившихся перемен в конструктивном продвижении к культуре жизни каждого человека, каждой семьи в России.

При этом сохранились и негативные факторы: сохранилась бедность, вопиющая смертность россиян, оскорбительное неравенство и тотальная преступность, коррупция, терроризм.

Мой подход к «новой оптике» формулируется так: через Культуру – Сеть, Глобальную Игру, Глобальный Компромисс, *«мягкую и твёрдую справедливую гуманитарность»*, *«мягкую и твёрдую интеллектуальность, твёрдую и мягкую умность»*, *«твёрдую и мягкую справедливость»*, культуру компромисса, культуру диалога и культуру предотвращения, культуру коммуникационного могут быть своевременно и фундаментально разработаны теоретические основы умной, сильной, справедливой и ответственной культуры устойчивого развития и национальной безопасности России; справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка, справедливой не-Западной концепции мироустройства; Большого Геокультурного Проекта Развития России XXI.

Именно в рамках предложенного подхода автор предполагает изучить новое понимание смысла справедливости в XXI веке как главного сущного содержания культуры устойчивого развития и глобальной безопасности. Сложившееся в философии понимание различия справедливости через несправедливость на протяжении многих столетий может быть интерпретировано, по мнению автора, по-другому. Теперь многие люди *«во имя высшей справедливости»* достаточно терпимо относятся к ситуациям (практикам) и конструктам: несправедливость, неправда, нечестность, недоверие, небезопасность, заблуждение, незаконность, неравенство, несвобода.

Во имя высшей справедливости многие люди во всех странах мира активно и решительно борются с антисправедливостью: произволом; беспределом; ложью; опасностью ядерной войны, подлостью, беззаконием; государственным и негосударственным терроризмом; организованной преступностью; коррупцией; рабством и предательством (см. схему 7).

Миссия России Считаю, что в 2000–2013 году оформилось понимание **Национальный Миф** **Миссии России в XXI веке** как инициатора, творца и просветителя идеи возрождения человечества и достойного развития классического гуманизма, ориентированного на охранение и обогащение действительно человеческого в человеке.

Я поддерживаю важное суждение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о важнейшем национальном мифе по поводу смысла и назначения многонационального народа России (это моя интерпретация по поводу **«Национального Мифа»**): **«Я глубоко убеждён, а как патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, что если **весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса.** Но если снова соблазнимся на очередные «измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменем постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит»¹. (Выделено мною. – В.К.).**

¹ Приведено по: Козлов В. Осторожно – постмодерн // Время новостей, 2009, 25 мая. С. 3.

Схема 7

**Взаимодействие справедливости, несправедливости
и антисправедливости.
Методология Кузнецова**

Справедливость (мягкая) как предсправедливость T₁		Справедливость (T₂) Свобода Жизнь		Справедливость (мягкая) как Прощение, Дружба, Щедрость, Благожелательность, Великодушие (T₃) T₃ больше, чем T₂ и T₁	
Антисправедливость T ₆	Несправедливость T ₄	<i>Доверие</i> <i>Правда</i> <i>Честность</i> <i>Истина</i> <i>Солидарность</i>	<i>Ответственность</i> <i>Законность</i> <i>Безопасность</i> <i>Консенсус</i> <i>Мера</i>	Несправедливость T ₅	Антисправедливость T ₇
Досправедливость T ₈		Культура		Постсправедливость T ₉	

Несправедливость (T₄) как досправедливость: диалог, доверие, компромисс, недоверие, небезопасность, заблуждение, неправда, незападное, западное

Антисправедливость (T₆) как досправедливость: произвол, беспредел, бескомпромиссность, подлость, ложь, беззаконие, опасность.

Несправедливость (T₅) как постсправедливость: Долг, ответственность, культура Мира, культура безопасности, культура Прав и свобод человека, культура предотвращения, незападность, опережающий компромисс, грубость, непорядочность, нечестность, западное, незаконность, несвобода.
Антисправедливость (T₇) как постсправедливость: терроризм (государственный и негосударственный), организованная преступность, коррупция, рабство, предательство.

* * *

Прообразом примерного плана действий для Большого Проекта устойчивого развития России в XXI веке может стать план действий в сфере коммуникационно-го – в сфере народной идеологии развития и обороны России XXI.

Именно в этом звене осуществления стратегического манёвра создаётся результат, который, будучи «присвоенным», обеспечивает устойчивость новых институтов: «**российская идеология культуры развития, обороны России**», «**российская идеология культуры модернизации**», «**Геокультурный Проект Развития России XXI**».

Конкретно, я говорю о главном: как сделать такую народную объединяющую идеологию понятной и воспринятой абсолютным большинством граждан России, молодёжью, пенсионерами, военнослужащими, приверженцами различных других идеологий, различных религиозных конфессий.

Ведь даже самым непримиримым людям можно объяснить, убедить их – во имя высшего смысла – благополучия и безопасности людей, народов и Отечества, – что на строго оговорённых условиях, на строго оговорённый временной период можно и нужно принять основные постулаты народной идеологии консолидации, национальной идеологии справедливости.

Именно для этой срочной творческой и важнейшей работы нужны ум, эмоции, мудрость и терпение миллионов наших сограждан.

Сегодня здесь важнейшее звено.

Теперь с учётом ранее представленных соображений российских учёных о важности соединения теоретических и методологических, институциональных аспектов народной идеологии устойчивого развития России с её практическими воплощениями и первыми уроками из анализа её функционирования можно предложить самый предварительный вариант возможной и необходимой, по

мнению автора статьи, программы действий в сфере идеологического (речь идёт о её контурах, о рамках).

Инициативная программа «Народная (национальная) объединяющая идеология устойчивого развития России, её модернизации» (далее – Программа), рассчитанная на 2013–2020 годы, разработана с учётом результатов дискуссий о проблемах народной российской объединяющей идеологии в 2003–2013 годах с участием автора этой инициативной разработки. В содержании и структуре Программы использован опыт её автора по разработке коллективом исследователей (под руководством В.Н. Кузнецова), по предложениям Совета Безопасности Российской Федерации в 2005–2006 годах, близких по ключевым смыслам программ действий как основ стратегии национальной безопасности России до 2020 года, как основ программы обеспечения стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В структуре Программы четыре основных документа:

- *Вступительные замечания к Декларации о народной (национальной) объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации (1–4);*
- *Декларация о народной (национальной) объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации (5–9);*
- *Вступительные замечания к Повестке Дня в сфере народной (национальной) объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации (10–17);*
- *Повестка Дня в сфере народной (национальной) объединяющей идеологии России, её модернизации – Контуров (рамки) позиций, поступков, деятельности, действий (18–22).*

Вступительные замечания

к Декларации о народной (национальной)

объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации

1. Цель представленного Документа состоит в следующем: необходимо найти пути достижения компромисса различных научных предпочтений между учёными всех специализаций, которые ориентированы на служение России, её народу, для обоснования народной объединяющей идеологии, без которой практически невозможно осуществить достойную и эффективную программу возрождения России в интересах её народов, всех семей, каждого человека.

2. В условиях оформившейся реальной угрозы деградации и гибели русского народа, деградации и гибели многих народов Российской Федерации сам народ самоуполномочил себя на роль Главного Субъекта творца народной (национальной) объединяющей идеологии развития России, её модернизации, её обороны. Учёные как часть народа России, независимо в какой стране они реально работают, могут активно содействовать изучению и поддержке народной идеологии без каких-либо дополнительных мандатов, клубных ориентаций, каких-либо общественных договоров с властью: пора оформить позицию в отношении содействия устойчивому развитию России, содействия её модернизации. Очень важна ответственность учёного, его совесть, честь, порядочность: это важно для поступков; для научной деятельности.

3. Оформилась Общенациональная Цель, Общенациональный Идеал для России: это достойная жизнь для каждого человека по совести, по правде, по справедливости; свобода, счастье и безопасность для всех. Тем самым конкретизируется Смысл Жизни для каждого человека. Но все эти великолепные ценности, идеалы, цели, интересы – совесть, правда, справедливость, честность, доверие, смысл жизни, безопасность – работают для блага человека, семьи, народа, только во взаимодействии, которое обеспечивает идеология.

4. Потребовались особые экстремальные условия жизни человека, семьи, народа в 80–90-е годы XX века. Была утрачена страна СССР, была утрачена государственническая идеология. И в этой экстремальной ситуации рассыпалась сама схема разработки и уточнения идеологии, адекватной контексту и среде событий: идеологи вырабатывают идеологию – вносят идеологию в массы – изучают функционирование идеологии в обществе – в соответствии с руководящими указаниями из ЦК КПСС, в соответствии с изменениями контекстов идеологии вносят изменения в содержание и структуру идеологии – вносят изменения идеологии в массы.

Этот идеологический процесс в 90-е годы XX века, в первые дни и месяцы XXI века перестал работать.

Но в ситуации идеологической пустоты другие идеологи, у которых было и есть своё видение настоящего и будущего России, стали «вносить в сознание» масс, электората, населения, демоса содержание и смысл самых разнообразных идеологий. В том числе: идеологии коррупционности (идеологии предательства), идеологии организованной преступности, идеологии терроризма. Поэтому в первые годы XXI века народ России вынужден был самоуполномочить себя на роль главного субъекта народной объединяющей идеологии.

Декларация о народной (национальной) объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации

5. Для 2008–2013 годов можно определённо утверждать, что кластерная, институционально-сетевая народная (национальная) объединяющая идеология устойчивого развития России, её модернизации состоялась и активно функционирует.

6. Развитие народной (национальной) идеологии, её функционирование контролируется и управляется только народами Российской Федерации.

7. Создание и функционирование народной (национальной) идеологии осуществлено на основе идеологического компромисса и сохраняет все многообразные идеологии, представленные в России.

8. В целях содействия развитию и функционированию Программы *возможно и необходимо провозгласить следующее:*

- народная (национальная) идеология ориентирована только на сохранение и развитие ситуаций и реальностей культуры мира, культуры безопасности для каждого народа;

- важнейшей задачей народной (национальной) идеологии России является каждодневное содействие развитию страны, её модернизации с чётким выделением ключевого приоритета; содействие улучшению качества жизни каждого человека, его культуры, его образа жизни, его стремлению к счастью;

- народная (национальная) идеология повседневно ориентирована на противодействие идеологии коррупционности, преступности, терроризма;

- народная (национальная) идеология имеет своей важнейшей задачей готовить народ России к ситуации возникновения глобальной ядерной войны.

9. Настоящая *Декларация* соединяет теорию и практику становления и функционирования идеологии устойчивого развития России, её модернизации и предлагает конкретную *Повестку Дня в сфере народной (национальной) объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации – Контуров (рамоч) позиций, поступков, деятельности, действий*. В качестве программы достижения целей, идеалов, ценностей, представленных в этой *Декларации* может быть утверждена:

*Повестка Дня в сфере народной (национальной)
объединяющей идеологии России, её модернизации –
Контуров (рамок) позиций, поступков, деятельности, действий*

Вступительные замечания
*к Повестке Дня в сфере народной (национальной)
объединяющей идеологии устойчивого развития России, её модернизации*

10. Особые условия развития России в 2013 году, в последующие годы, связанные с выходом из тотального мирового кризиса 2008–2013 годов предлагают обратить пристальное внимание на духовные, нравственные аспекты жизни народов Российской Федерации.

11. Главные причины востребованности идеологий в XXI веке обусловлены стремительно растущим осознанием миллионов граждан, практически во всех странах, что именно идеологии через доверие, солидарность, терпимость, сострадание способны в сжатые сроки, практически без финансовых ресурсов помочь им добиться достойной жизни и сохранить её и себя, своё Отечество, свою культуру, свой образ жизни.

12. В XXI веке феномен идеологии плодотворно исследуют социологи, философы, экономисты, политологи, политические и государственные деятели.

13. На рубеже XX и XXI веков оформились новые подходы к изучению идеологии: сетевой подход; геополитический, геоэкономический и геокультурный подходы; учёт влияния международного терроризма и организованной преступности. Главные изменения – усложнение субъекта идеологии и массовизация объекта идеологии.

14. Реальные практики продвижения многих стран к обеспечению высокого качества жизни для всех своих граждан, как смысл инноваций, убедительно, на мой взгляд, показывают самую большую и быструю результативность при чёткой ориентации на конкретного простого человека, на семью, на детей, на инвалидов, на пожилых людей. Опыт отдельных регионов России, а также Финляндии, Норвегии (наших соседей) обозначил главную инновацию – гибкое, уважительное, бережное отношение к благополучию и безопасности человека, к его счастью, к его удовлетворённости жизнью.

15. Инновации в России, ориентированные на обеспечение надёжного управления всеми сферами жизнеобеспечения людей (вертикаль власти) – административные инновации – вошли в стадию реального внедрения. Безусловно, это необходимо. Необходимо быть сильной страной. Теперь крайне важно осуществить гуманитарные инновации, обеспечивающие благоприятную среду инноваций, строящие горизонтальные и, в основном, слабые связи между людьми, между субъектом и объектом инноваций.

16. Социологи, представители всех общественных наук России уже вошли в новый творческий процесс по выработке и продвижению ключевого фактора содействия движению, динамике, саморазвитию инноваций:

– *обоснованию* содержания и структуры общенациональной цели – как гуманитарной инновации;

– становлению народной социологии компромисса – как гуманитарной инновации;

– *функциональному* российской гуманитарной инновационной сети (РИ-ГИС) через компромиссность для содействия деятельности российской инновационной системы (НИС) на основе соединения слабых связей (взаимодействий) горизонтальных структур с сильными и средними взаимодействиями вертикальных структур – как гуманитарных инноваций.

17. *Смысл и назначение социологии гуманитарных инноваций как технологии справедливости, компромисса и безопасности: участие в главной инновации России, её общества, её граждан в XXI веке – статья умными и сильными сегодня, завтра, и послезавтра, всегда.*

**Повестка Дня в сфере народной (национальной)
объединяющей идеологии России, её модернизации –
Контуров (рамок) позиций, поступков, деятельности, действий**

18. Можно и необходимо предложить совокупность принципов осуществления Программы как Контуров (рамки) для деятельности в сфере идеологического.

19. Важнейшим принципом осуществления Программы является развёртывание фундаментальных исследований народной идеологии во всех научных отделениях Российской академии наук.

20. Необходимо сохранить и усилить мотивацию для изучения народной объединяющей идеологии в высших учебных заведениях: преподаватели, докторанты, аспиранты, студенты.

21. Целесообразно развернуть исследования коррупции, терроризма, преступности, как самостоятельных и развивающихся идеологий.

22. Очень важны исследования совместной деятельности религиозных конструкторов как кластеров в гуманитарной умной сети, в которых функционирует народная объединяющая идеология.

* * *

Главным итогом изучения социологической методологии и теории, практики устойчивого развития России XXI – в первых двух разделах доклада можно считать, по моему мнению, определение в мировом специализированном научном социологическом дискурсе по проблемам национального, безопасного ключевой методологической и теоретической линий: фундаментальное обновление социологии, многих общественных наук (социальных и гуманитарных) обусловлено плодотворностью обогащения и наполнения всех ракурсов исследований коммуникационной, гуманитарной, когнитивной проблематикой. Я имею в виду человека, человеческое в человеке, взаимодействия человека с другим человеком.

Что особенно важно и для социологии, и для всех общественных наук: фундаментальность и проверяемость определённости субъекта устойчивого развития России XXI, компромисса и справедливости; методологической определённости генезиса культуры созидającego национализма, справедливого, правдивого, честного, истинного; их органичной и целостной связи через созидающие гуманитарные взаимодействия позволяют в научном дискурсе по главным вопросам жизни и смерти; мира и войны; свободы и рабства; безопасности и опасности, *во-первых*, выявить и методологически доказательно предъявить всем людям и всем народам правду, всю полноту правды.

Во-вторых, самодостаточность концепции устойчивого развития России и её методологическая обусловленность от коммуникационных, гуманитарных взаимодействий; от мечты, позиции и поступка субъекта национального позволяют впервые в практике функционирования специализированного мирового дискурса представителей всех общественных наук чётко и доказательно (с учётом времени и пространства) осуществить различение между созидающим национализмом (культурным, справедливым, компромиссным) и разрушающим национализмом. По сути, речь идёт о возможности здесь и сейчас точно и дока-

зательно осуществить различие между правдой и заблуждением, между правдой и ложью, между заблуждением и ложью.

В-третьих, социологическая методология концепции устойчивого развития России основанная на гуманитарных взаимодействиях, на геокультурной институционально-сетевой парадигме, на учёте когнитивного фактора, на воле и энергетике субъекта устойчивого развития позволяет насытить масштаб, время и пространство специализированного социологического научного дискурса по проблемам концепции развития России волевой направленностью, энергетической наполненностью. **Сейчас и здесь становится возможным научный дискурс в рамках всех общественных наук, в котором социология устойчивого развития фундаментально и убедительно демонстрирует решающее преимущество созидательной и благодатной воли и энергетике культуры устойчивого развития, способной радикально здесь и сейчас гуманитарно, понятно и убедительно превзойти энергетике и волю несправедливости, антисправедливости, разрушающего национализма.**

УРОК ТРЕТИЙ: ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ (НЕЗАПАДНЫХ) МИРОПОРЯДКА И МИРОУСТРОЙСТВА В XXI ВЕКЕ.

Важнейшей особенностью (**первой**) *третьего урока* уже оформилось новое качество созидательной совместной деятельности для развития России, её обороны учёных РАН, учёных гражданских и военных высших учебных заведений; министерства обороны РФ; организаций офицеров запаса и резерва; Общественной палаты РФ. **Второй** особенностью стали их конструктивная работа с учёными, военными и ветеранами, общественными организациями Западной, Центральной и Восточной Европы, Азии и Ближнего Востока.

Третьей особенностью, исключительно значимой для тревожной ситуации августа 2013 года, уже стала жизнеутверждающая работа по наполнению энергетикой, волей, привлекательностью добрые, позитивные дела для мира, безопасности, развития и обороноспособности многих народов (на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге).

Убедительным и поучительным примером деятельности для мира, безопасности и развития России стали в июле 2013 года международная гуманитарная акция «**Миссия мира и дружбы**», а также третье заседание Международного консультативного комитета (МКК). Эти мероприятия были проведены в казахстанской столице – Астане во *Дворце мира и согласия*¹.

МКК объединяет примерно 30 стран: почти их половина входит в блок НАТО. Цель МКК – «вместе с политиками, общественными, государственными деятелями создать условия для движения мировой цивилизации по пути не конфликтов, а укрепления мира и общечеловеческих ценностей. В конечном счёте это именно то направление, по которому должна двигаться цивилизация, другого пути нет»².

В завершение своей деятельности все участники обсуждений в Астане (Казахстан) приняли Декларацию (см. вставку 2).

МКК объявил в Астане о важном мероприятии – организации в Москве (время проведения: 28–30 октября 2013 года, Москва) конгресса «**Безопасность и защита личности, общества и государства**».

Президент Международного консультативного комитета (МКК) организаций офицеров запаса и резерва Александр Николаевич Каньшин. Он является

¹ Боевое братство без границ. Офицеры запаса развивают связи с международными общественными институтами // ВПК: военно-промышленный курьер, 2013, № 31, 14–20 августа.

² Там же. С. 03.

председателем совета директоров Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооружённых Сил (МЕГАПИР), председатель Международного консультативного совета офицеров запаса, доктор философских наук, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, член совета Военно-философского общества. С января 2012 года – председатель Комиссии Общественной палаты РФ по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов. Входит в состав пленума общероссийской общественной организации «Российская ассоциация содействия науке».

Вставка 2

ДЕКЛАРАЦИЯ

международной гуманитарной акции «Миссия мира и дружбы» и третьего заседания Международного консультативного комитета организаций офицеров запаса и резерва

Участники международной гуманитарной акции «Миссия мира и дружбы» и третьего заседания Международного консультативного комитета организаций офицеров запаса и резерва в столице Республики Казахстан – городе Астане из разных регионов мира обращаются к главам государств, правительствам, общественным, ветеранским и молодежным организациям поддержать и совместными усилиями содействовать обеспечению всеобщего мира и безопасности, гуманизации отношений между народами.

Мы вместе можем противодействовать возникновению военной опасности и региональных конфликтов, несущих угрозу международной стабильности и социально-экономическому развитию. В качестве приоритетов в своей работе рассматриваем противодействие межнациональному и межконфессиональному экстремизму, а также проявлениям международного терроризма.

Для этого мы располагаем жизненным и профессиональным опытом, необходимым влиянием и авторитетом в своих странах.

Важно также работать с подрастающим поколением в целях воспитания у него уважительного отношения к общегуманитарным ценностям, к ветеранам, инвалидам, всем нуждающимся в помощи и поддержке. Мы, офицеры запаса, резерва и ветераны, осознаем, что успех в достижении указанных целей зависит от нашей активной жизненной позиции.

Международный консультативный комитет подтверждает готовность к сотрудничеству с другими международными ветеранскими организациями и открытость к приему всех желающих в состав нашей международной организации.

Город Астана,
Республика Казахстан,
17 июля 2013 года

Источник: ВПК: военно-промышленный курьер, 2013, № 31, 14–20 августа.

В сферах общественных наук с интересом и уважением относятся к доктору философских наук А.Н. Каньшину, к его оригинальным и актуальным статьям, докладам и книгам. Реальный вклад в решение гуманитарных проблем мира, безопасности, развития России внесло, по мнению автора доклада, исследование (книга) А.Н. Каньшина «Духовные основы социального управления» (М., 2012).

Вот такие есть офицеры в России: Станислав Петров, Александр Каньшин.

Духовные основы применительно к моделям миропорядка, мироустройства, международной сферы через связку «политика – мораль – право» исследовал известный философ, политолог, социолог Александр Семёнович Капто. В своей книге «Мораль в моделях мироустройства» (М., 2011) он обозначил важное направление исследований в современных общественных науках: речь идёт о методологиях кластерного и облачного подходов (эта интерпретация итогов исследования А.С. Капто принадлежит автору доклада).

«Системный подход в строительстве современного миропорядка, – констатирует А.С. Капто, – определяется совокупностью таких факторов: ресурсным взаимодействием (конкуренцией) акторов международной ситуации институциональной международной системы; разными концептуальными политологическими, нравственно-этическими и правовыми подходами и кристаллизацией на основе анализа и моделирования институциональной международной сферы; прогнозированием ситуационной миросистемной динамики; наиболее оптимальным сочетанием централизованных и децентрализованных рычагов воздействия на международный политический процесс с нарастанием на фоне "политического плюрализма" духовно-нравственного единства современной цивилизации.

В силу этого роль и место нравственного фактора в системе международных отношений может быть точно и объективно определено лишь в политико-морально-правовом измерении при опоре на политологическую и историко-философскую традицию. При относительной самостоятельности политики, морали и права они образуют в системе международных отношений диалектически взаимосвязанную и взаимозависимую триаду, и изъятие из нее одной из составляющих разрушает методологическую и теоретико-интегральную целостность самого предмета исследования.

Благодаря такому подходу международная мораль, как субъектно-формирующаяся доминанта внешнеполитической деятельности, направлена на наращивание конструктивного и созидательного потенциала в моделях согласия и сотрудничества, способствуя тем самым вытеснению из международной практики моделей противостояния и конфронтации. Взаимодействие политических, моральных и правовых факторов открывает огромные возможности в решении также и тех сложнейших международных проблем, которые в ряде случаев оказываются "неподъемными" только для одной политики. Моральный фактор играет большую интегрирующую роль даже в тех случаях, когда в рамках "политического плюрализма" трудно добиться компромисса и согласия»¹.

На рубеже 2011–2013 годов принципиально изменилась методология и технология определения и согласования Правил Игры при создании и корректировке Повестки Дня всему мировому сообществу в вопросах мировоззренческого.

Во-первых, реальное интеллектуальное, культурное, промышленное, гуманитарное лидерство России и стран Азии в XXI веке нашло методологическое и концептуальное воплощение в создании (2006 год) новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века (геокультурная методология и концепция миропорядка XXI Кузнецова).

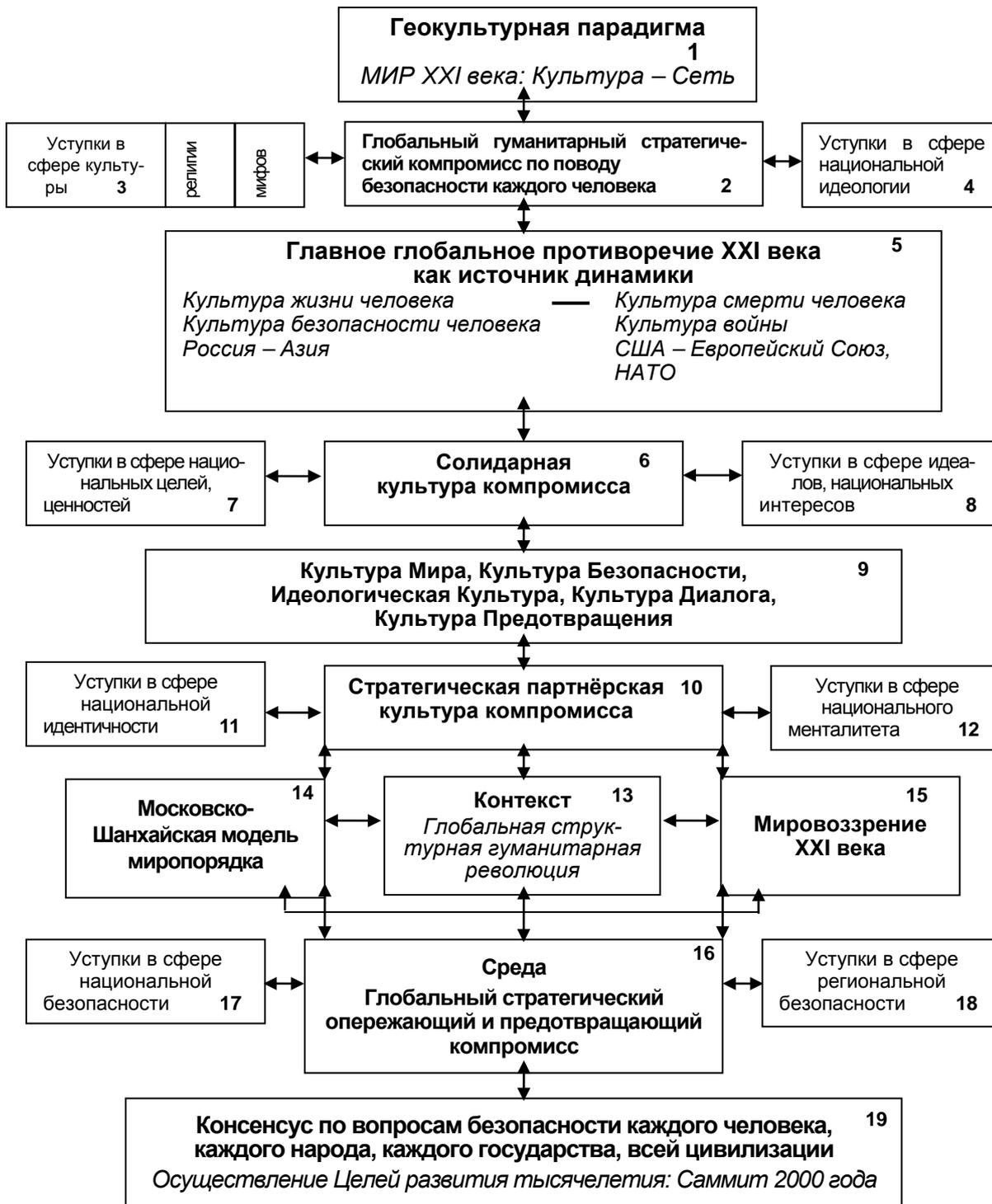
Во-вторых, главным методологическим основанием для конструктивной и созидательной творческой деятельности учёных, специалистов, граждан и организаций по строительству новой сферы безопасности, её архитектуры стал новый Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира XXI века (Проект Путина).

При социологическом анализе проблемы становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века необходимо отметить её чёткую ориентированность на содействие в обеспечении достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, каждого народа; мировоззрения честного человека. Тем самым и в стратегическом, и в тактическом аспектах становится возможным для Всех – достижение справедливости, качественного образования, здравоохранения (см. схему 8).

¹ Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства. М., 2011. С. 594–595.

Схема 8

**Социология становления облачной Московско-Шанхайской модели
 миропорядка XXI века.
 Методология Кузнецова.**

Особенно важно выделить конкретность объекта в новой модели мира – каждый человек. В итоге: глобальная, региональная, локальная динамика нового миропорядка – при полном сохранении идентичности каждого человека, каждого народа – содействует достижению Целей развития тысячелетия, согласованных на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Определённость субъекта в Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века – каждый народ в реальностях современности – создаёт новый глобальный гуманитарный феномен: «концерт народов России и Азии, концерт всех народов мира».

Таким образом, оформляется востребованность со стороны нового миропорядка, её объекта и субъекта, нового миропонимания, нового мировоззрения: Московско-Шанхайский миропорядок должен быть понят, осмыслен, обсуждён. **Только во взаимосвязи, взаимообусловленности с мировоззрением XXI века, новая модель миропорядка востребована.**

Исключительно важная конструктивная, созидаящая особенность становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века: *есть, реально действует глобальный и региональный интеллектуальный лидер – Россия, её народы, россияне, которые уже участвуют в соединении нового миропорядка и мировоззрения XXI века.*

Россия предложила Азии, странам БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) многим другим странам новые смыслы для азиатского, евразийского и глобального стратегического гуманитарного компромисса по достижению безопасности человека, по формированию нового гуманизма.

Сегодня в творческой деятельности, направленной на культуру мира и безопасности, на культуру диалога между народами, культурами и странами по инициативе России, Китая, Индии, Бразилии, Южно-Африканской Республики уже участвуют сотни миллионов людей. Вот это и есть смысл нового миропорядка, нового мировоззрения XXI века.

Основные особенности Московско-Шанхайской модели мира XXI века целесообразно представить в тезисной форме:

- новая модель миропорядка состоялась как конкретный интеллектуальный итог 60-летия Великой Победы Советского Народа над фашизмом.

Именно здесь сохраняется глубокая преемственность новой модели мира с предыдущей, Ялтинско-Потсдамской, которая оформилась по итогам второй мировой войны (1939–1945) в качестве выражения Вестфальской модели мира;

- впервые за последние 359 лет глобальная модель миропорядка оформилась по итогам невоенного, мирного шестидесятилетнего развития народов и стран.

Вестфальская модель мира состоялась по завершении Тридцатилетней войны в Европе (1618–1648).

Венская система международных отношений (продолжение Вестфальской модели) стала итогом Наполеоновских войн (1799–1815) и предложила такой порядок отношений государств, который называли «Европейским концертом».

Версальско-Вашингтонская модель мира (продолжение Вестфальской системы) сложилась по итогам Первой мировой войны (1914–1918). Именно в тексте Версальского мирного договора с Германией (1919) был представлен статус *Лиги Наций* как международной межправительственной организации, призванной содействовать сотрудничеству между народами для дела мира и безопасности: США не ратифицировали этот документ.

Содержание и структура Версальского миропорядка были дополнены на Вашингтонской конференции (1921–1922), которая была проведена по инициативе США для оформления отношений между государствами в Тихоокеанском регионе.

Ялтинско-Потсдамская система миропорядка (продолжение Вестфальской модели мира) оформилась по завершении Второй мировой войны (1939–1945);

- решающей, главной *особенностью* складывающейся **Московско-Шанхайской модели миропорядка** является, по моему мнению, принципиально новое по-

нимание Субъекта миропорядка, миростроительства, мироустройства. Здесь главный действующий Субъект – народ, народы России и Азии (в Вестфальской модели мира – государства). Поэтому новую модель мироустройства (Московско-Шанхайскую) правомерно называть **«Концертом Народов России и Азии»;**

- считаю важным и необходимым выделить исключительно конструктивную особенность формирования Московско-Шанхайской модели мира. В течение 2000–2013 годов на всех этапах её становления действует широко и устойчиво признанный глобальный интеллектуальный и гуманитарный лидер – Россия. Равновелика и равнозначима лидирующая роль Китая как творца мирового экономического и промышленного развития; динамика научного исследования процесса строительства новой модели миропорядка может быть рассмотрена в контексте геокультурной научной парадигмы (часть единой гуманитарной парадигмы XXI века), в которой сам Мир XXI века рассматривается как Культура–Сеть¹;

- доминантой, главной линией новой модели миропорядка является содействие продвижению во всех странах мира к глобальному порядку XXI века: достоинство, безопасность и благополучие для каждого человека; здоровье, образование – для всех; достижение Целей развития тысячелетия, принятых на Саммите в 2000 году;

- источником созидания, позитивной деятельности, уверенности в настоящем и будущем является главный интегрирующий фактор – создание и укрепление культуры жизни человека, культуры устойчивой безопасности каждого человека. Для *Российско-Азиатского «концерта народов»* именно позитивное разрешение главного глобального противоречия между культурой жизни человека (Московско-Шанхайская модель миропорядка) и культурой смерти человека (как культуры войны многих стран Европы, НАТО и США против народов Югославии в 1999 году; как культуры войны США, Англии и многих стран мира против народов Ирака – с 2003 года по настоящее время) является источником динамики для достижения культуры мира, создающих итогов диалога культур и религий, альянсов цивилизаций;

- на схеме «Социология становления облачной Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века» я особенно зримо выделяю условия функционирования самой новой модели миропорядка (её уровни 1, 5, 9, 13, 14, 15, 19) в зависимости от внутренней и внешней трансформации феномена «компромиссное»;

- исходный этап динамики компромиссности обусловлен созидающим, энергосоздающим эффектом преобразования компромисса в контексте геокультурной парадигмы в глобальный гуманитарный стратегический компромисс (уровень 2). Но его возможность для всех сторон взаимодействия обусловлена согласованием важных уступок: во-первых, (уровень 3) в сфере культуры, религии, базовых мифов; во-вторых, в сфере (уровень 4) национальной идеологии;

- в позитивном разрешении глобального противоречия XXI века между культурой жизни (Россия – Азия) и культурой смерти (США – Европейский Союз, НАТО) содержится как позитивный источник динамики мировых конструктивных перемен (уровень 5), так и возможность глобальной ядерной войны XXI века;

- по моему мнению, дополнительная позитивная энергия с уровня 2 (поступающая на уровень 5) может «сдвинуть» обострившиеся противоречия между народами мира (прежде всего, народами России) и силами агрессии, войны в

¹ Такой подход обоснован автором книги в работах 2000–2006 годов. См.: Kuznetsov V. Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21: Culture – Network. Moscow, 2006.

США и других странах в сторону культуры компромисса, в сторону культуры безопасности;

- дополнительным фактором может стать восстановление важнейшего позитивного императива эффективно действовавшего (по словам А.Д. Богатурова) в 50–90-е годы XX века в сфере ядерной безопасности: «солидарной культуры компромисса» (уровень 6).

Однако для восстановления хорошей традиции и технологии в XXI веке субъектам компромисса придётся сделать серьёзные фундаментальные уступки: во-первых, в сфере главных национальных целей и базовых, особенно чтимых ценностей (уровень 7); во-вторых, в сфере идеалов и главных национальных интересов (уровень 8);

- самый конструктивный и созидательный, востребованный этап трансформации компромисса может состояться под постоянным и всеобщим влиянием во всём мире опыта и традиций осуществления Культуры Мира, Культуры Безопасности, Идеологической Культуры, Культуры Диалога и Культуры Предотвращения (уровень 9). Я определяю эту важнейшую категорию как стратегическая партнёрская культура компромисса (уровень 10).

Для её осуществления (а подготовительная работа во многих странах уже идёт) потребуются самые чувствительные и масштабные уступки: в сфере национальной идентичности (уровень 11); в сфере национального менталитета (уровень 12);

- я уже представил ранее итоги моих исследований новых глобальных проектов XXI века: разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции (уровень 13 – **контекст мировоззрения**), становление новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (уровень 14–16 – **среда мировоззрения**), формирование нового мировоззрения (уровень 15). Полагаю, их смыслы, интеллектуальная новизна, дискуссионность могут способствовать формированию и функционированию **стратегического глобального опережающего и предотвращающего компромисса** (уровень 16).

Достижение такого высокого уровня взаимодействия всех государств мира потребует от каждой стороны (субъекта) компромисса беспрецедентных уступок: в сфере национальной безопасности (уровень 17); в сфере региональной безопасности – европейской, азиатской, американской, африканской, НАТО, ШОС и т. д. (уровень 18);

- **Смысл Главного Компромисса XXI века, Главного Консенсуса** – сохранение жизни всех живущих людей.

В своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года В.Путин чётко высказался по важнейшему политическому звену мироустройства. «Считаю, что для современного мира – пояснил он – однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... сама модель является вообще неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. Вместе с тем всё, что происходит сегодня в мире... это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира»¹.

Очень важен завершающий тезис этого выступления нашего президента: «...нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнёрами, с которыми мы вместе могли бы работать над строитель-

¹ Путин В.В. Выступление президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета, 2007, 12 февраля. С. 1–2.

ством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нём безопасность и процветание не для избранных, а для всех»¹.

Но ещё более значительным считаю выступление президента России Владимира Путина на экономическом форуме в Санкт-Петербурге, в котором он, во-первых, обосновал возможность и необходимость говорить «не о том, как "встроиться" в реальность "западную", а о том, что нужно строить новую»².

Во-вторых, в своём выступлении В. Путин по существу показал, что «Россия пытается перевернуть устаревшую систему мирового устройства и занять достойное место в новом порядке»³.

Если в Мюнхене Владимир Путин не конкретизировал свои соображения о политическом аспекте нового мироустройства, то в Санкт-Петербурге перед многотысячной компетентной аудиторией учёных, бизнесменов, государственных деятелей он подробно обосновал предложения об изменении «архитектуры экономических отношений».

Характерно, что тематика пленарного заседания XI Петербургского международного экономического форума с участием «более половины ВВП мира» была обозначена символично: «Конкурентоспособная Евразия – пространство доверия». Вот что сказал президент России Владимир Путин: «В интересах устойчивого развития необходимо формировать новую архитектуру международных экономических отношений – отношений, построенных на доверии и взаимовыгодной интеграции. И потому, не забывая о здоровой конкуренции, мы все должны двигаться к формированию общих взаимозависимых интересов и связей»⁴.

Таким образом, в 2007 году (Мюнхен – февраль, Санкт-Петербург – июнь) «сложился» контур нового мироустройства, как Проект России, как Проект Путина, как Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира XXI.

Его главными сущностными характеристиками, по-моему, могут быть названы три императива (по Путину):

- первый императив – концептуальная компромиссность;
- второй императив – новый (не-Западный) гуманизм XXI века;
- третий императив – справедливость как Стратегическая Идея для России и для всего Мира.

* * *

Особенности содержания «работающих» концепций миропорядка и мироустройства (западных и незападных) достаточно откровенно проявляются при функционировании их как Контекста и Среды для идеологии развития России (незападной) и народного гуманистического мировоззрения (незападного) с уточнением их трансформации для обороны Отечества как мобилизационных.

• **2013 год.** Известный политолог, научный директор Германо-российского форума Александр Рар чётко и настойчиво формулирует перспективы для России в координатах западных Правил Игры и западной Повестки Дня 2013.. «Если американцам и европейцам удастся быстро создать мощный экономический (а впрямь политический) союз, – утверждает германский политолог А. Рар, – другие державы, такие как Россия, Китай и Индия, должны будут подстраиваться под новые правила мировой экономики, которые будут писаться в Вашингтоне и Брюсселе. Естествен-

¹ Путин В.В. Выступление президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета, 2007, 12 февраля. С. 1–2.

² Путин В.В. Выступление на экономическом форуме в Санкт-Петербурге.

³ Николаева А. Критик мирового масштаба // Ведомости, 2007, 13 июня. С. А2.

⁴ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/133642.shtml>. 10.06.2007.

но, при таком раскладе нынешние институты «мирового правительства», такие как МВФ, G8, Всемирный банк, НАТО, будут реанимированы, а альтернативные организации Западу, такие как форум БРИКС, G20, ШОС и Евразийский союз, существенно нейтрализованы»¹.

• **2012 год.** Российские общественные деятели Владислав Иноземцев, Илья Пономарёв, Владимир Рыжков² предлагают свою версию перемен в Сибири, в России.

«Мы убеждены: развитие Сибири может быть успешным, – отмечают они, – только на пути индустриализации и нового научно-технологического развития – и тут Китай может оказаться нашим конкурентом. Поэтому основными союзниками России по освоению и развитию Сибири должны скорее стать Южная Корея, Япония и США. Исторической миссией, России в этом регионе мы видим "замыкание" того, что можно назвать "Северным кольцом" – союза современных демократических рыночных стран: от Европы через Россию и Японию к Соединенным Штатам (или в обратном порядке, как кому больше нравится). Атлантический Блок, состоящий из США и стран ЕС, должен дополниться Тихоокеанским блоком из России, Японии и Соединенных Штатов. Китай же может оставаться важным торговым партнером России, покупающим у нее уже не сырье и энергоносители, а продукцию высокотехнологичных отраслей сибирской промышленности»³.

• **2003 год.** Известный российский учёный Андраник Мигранян предложил свои размышления по поводу ситуации, если Россия попытается создать мобилизационную экономику⁴.

«Дело в том, что любая более или менее успешная мобилизационная модель, – поясняет А. Мигранян, – не ограничивается лишь экономической сферой. Ее успешность связана с возможностью эффективного контроля властей над всеми остальными сферами жизни. Однако это потребует создания мобилизационной идеологии. Ведь идеологии, основанные на идеях социальной справедливости и равенства, по понятным причинам исчерпали себя для России надолго.

Но надо учитывать, что мобилизующая идеология – это идеология национальная и она не имеет на сегодняшний день никаких шансов на успех, как по внутренним, так и внешним причинам. Большинство населения России и внешний мир не примут ее ни при каких обстоятельствах. Начнутся межэтнические и межконфессиональные столкновения, которые будут использованы внешними силами для демонтажа теперь уже Российской Федерации по национальному и региональному признакам.

Сегодняшняя Россия – это не СССР, она чрезвычайно зависима от внешнего мира, а этот внешний мир, и особенно Запад, как никогда, един в фундаментальных вопросах бытия и могуществен. В отличие от времени образования коммунистической России, когда Запад был истощен войной, а затем и потрясен экономическим кризисом, расколот внутри себя на либералов, социалистов, коммунистов и фашистов, сегодняшний Запад един, мобилизован и не признает ни за одной страной ни суверенитета, ни принципа невмешательства во внут-

¹ *Рар Александр.* Нужна ли России новая «западная политика» // Известия, 2013, 13 августа. С. 05.

² Владислав Иноземцев – доктор экономических наук, председатель высшего совета партии «Гражданская сила»; Илья Пономарев – депутат Государственной Думы VI созыва по списку партии «Справедливая Россия» от Новосибирской области; Владимир Рыжков – сопредседатель партии РПР-ПАРНАС, депутат Государственной Думы I–V созывов от Алтайского края.

³ *Иноземцев В., Пономарёв И., Рыжков В.* Континент Сибирь. На пути от колониальной к глобальной парадигме развития // Независимая газета, 2012, 2 ноября. С. 5.

⁴ *Мигранян А.* Год великого перелома? // Российская газета, 2003, 12 августа. С. 7.

ренные дела. Так что в случае угрозы возникновения мобилизационной модели на националистической основе на Россию может обрушиться вся мощь Запада – как военно-политическая, так и экономическая. Помимо этого Россию подстерегают и иные, для нас хорошо известные угрозы»¹.

Интересные и поучительные размышления из 2003, 2012, 2013 годов предполагают, по мнению автора доклада, три предложения.

Предложение первое. Для современных общественных наук России, для нас – обществоведов можно определить самый предварительный перечень «Критически важных концепций и методологий гуманитарных поисковых тем».

- Обоснование Общенациональной Цели развития России в 2013–2020 годах.

- Разработка теории и методологии компромисса, компромиссности, компромиссного.

- Предложить и обсудить корпус основных общероссийских национальных ценностей.

- Обсудить на встрече в Кремле (осень 2013 года) зав. кафедрами политологии проблемы создания для народа и армии «мобилизационной народной государственнической объединяющей идеологии развития России и её обороны» (По сообщениям прессы один из основных докладчиков Андраник Мигранян).

Предложение второе. Изучить возможность создания под руководством А. Ослона (Фонд общественное мнение) научного семинара по проблемам «работы» облачных методологий, концепций, технологий в общественных науках.

Предложение третье. Учредить в рамках Московской *Общественной Гуманистической Инициативы 8:2013–2020* на сайте автора доклада (Интернет) открытую дискуссию «**Научная облачная геокультурная коммуникационная платформа по содействию человеческому развитию и обороне России**».

УРОК ЧЕТВЁРТЫЙ: ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЛАЧНОЙ (СЕТЕВОЙ, КЛАСТЕРНОЙ) МЕТОДОЛОГИИ, ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ, ТЕХНОЛОГИЙ.

Летом 2013 года Премьер-министр Российской Федерации Дмитрий Медведев утвердил федеральную целевую программу «Укрепления единства российской нации».

По существу, уже представленные исследования автора доклада (предисловие, введение, уроки 1, 2, 3) и ориентированы на разработку российской наукой содержательной программы по поводу единства народов России в контексте их развития, в контексте готовности к стихийным бедствиям (наводнение на Дальнем Востоке в августе 2013), техногенным катастрофам (Саяно-Шушенская ГЭС), возможной глобальной ядерной войны в августе – сентябре 2013 года, в последующие месяцы и годы.

Поэтому четвёртый, пятый и шестой разделы доклада (уроки 4, 5, 6) посвящены, в основном, авторскому обоснованию программы действий в сфере социологии, в сфере всех общественных наук: на основе уже представленных итогов исследований в докладе, на основе осуществлённых автором работ в 2013 году и в предыдущие годы². Предложения автора инициативные, разработанные лично им – отсюда его ответственность за их содержание, стиль, научную корректность.

¹ Мигранян А. Год великого перелома? // Российская газета, 2003, 12 августа. С. 7.

² Представлены в Научном аппарате доклада.

Вывод первый:
**культура для единства
российского народа
и нации**

Оформляется специализированный научный дискурс, посвящённый социологическим, философским, политологическим, культурологическим, экономическим аспектам национального, народного, этнического.

Прежде всего, важно выделить ключевое звено в сфере национального. На схеме 9 в качестве такого звена определён концепт «культура».

Ключевым фактором, влияющим на становление, функционирование и преобразование (позитивное и негативное) мировоззренческого, национального является культура. Здесь важно иметь в виду как многообразие выражений национального, так и культурное многообразие.

В представленном разделе автор доклада руководствуется основополагающими (по его мнению) итогами исследований взаимосвязи культуры и национального, культуры и Мира, культуры и безопасности, представленными в работах П.А. Сорокина, Д.С. Лихачёва, Клиффорда Гирца, В.А. Тишкова, О.А. Белькова¹.

Её суть, смысл взаимосвязи, исключительность и обязательность представлена на схемах 9 и 10, в определении культуры, предложенном выдающимся мыслителем России Д.С. Лихачёвым. Здесь определение концепта «Культура».

«Культура – это огромное целостное явление, – сформулировал он, – которое делает людей из простого населения народом, нацией»². (Выделено мною. – В.К.).

Особенности, динамика именно такого «делания» из простых людей народа, нации представлена в схеме 9. Отсюда, с учётом сути схемы 10, автор исследования считает возможным и необходимым сформулировать концепт **«окультурирование»**, который обозначает устойчивый позитивный процесс созидающего влияния на человека, семью, род, племя, этническое, народное, национальное; на этнос, народ, нацию через формирование достоинства, правды, честности, справедливости, веры, ответственности и милосердия; через выработку достойной мечты, позиции, поступка; через участие в осуществлении общей цели и главных идеалов, ценностей.

Концепт **«раскультирование»**, по существу, выражает необходимость обеспечения безопасности самой сути, смысла процесса «делания» из людей народа, нации; процесса осуществления «этнического», «народного», «национального»; процесса «окультурирования» людей, этносов, народов, наций.

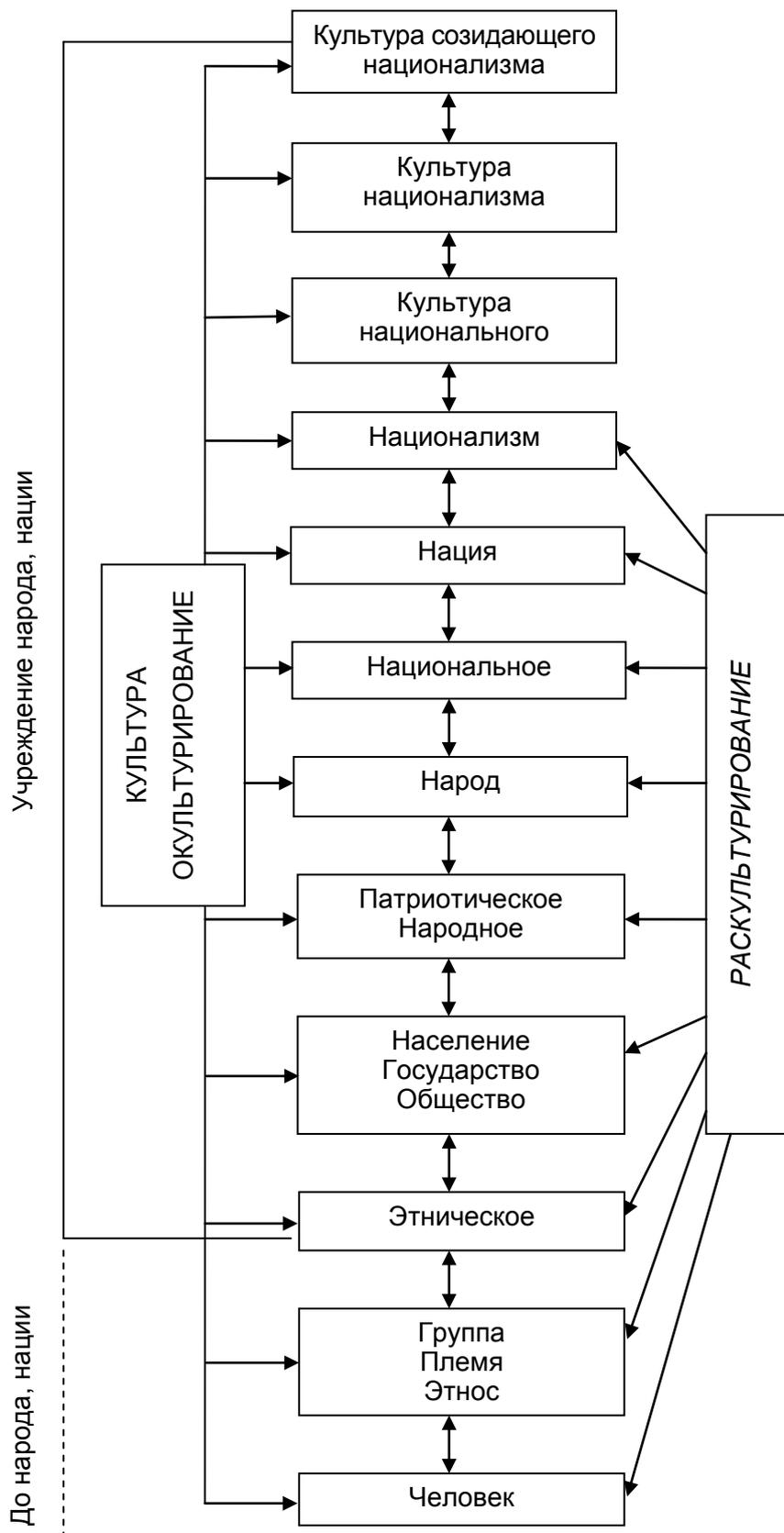
На схеме 10 представлена более широкая и глубокая линия негативного влияния процесса «раскультирования» на все этапы проявления человеческого, этнического, народного, патриотического, национального. В самом предварительном, рабочем плане (с учётом схем 9 и 10) концепт **«раскультирование» можно определить так: это устойчивый негативный процесс обратного преобразования народа, нации в «простое население», в толпу через деформацию и дискредитацию национального мифа и национальной мечты, исторической**

¹ Сорокин П. Современное состояние России // Безопасность Евразии, 2002, № 4; Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб: СПб ГУП, 2006; Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М., 2005; Тишков В.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. III; Тишков В.А. Нация // Там же; Тишков В.А. Этничность // Там же, т. IV; Гирц К. После революции: судьба национализма в новых государствах // Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004; Бельков О.А. Национальное и национализм // Безопасность Евразии, 2005, № 4; Бельков О.А. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском вопросе» // Безопасность Евразии, 2007, № 3; Бельков О.А. Толерантность: социальная норма или интеллектуальная притча // Безопасность Евразии, 2008, № 3.

² Лихачёв Д.С. Культура как целостная среда // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре... С. 349.

Схема 10

Примерная модель учреждения из совокупности людей, составляющих население – народа, нации (по Лихачёву)

Сам концепт «**омировоззренивание**» – это устойчивый позитивный процесс создающего воспитания и самовоспитания человека, семьи, общества, народа с целью содействия в учреждении, формировании, функционировании современного, гуманистического мировоззрения, ориентированного на сохранение и развитие культуры жизни, культуры мира и безопасности.

Концепт «**размировоззренивание**» – это устойчивый негативный процесс обратного преобразования нации, народа в «толпу», в «простое население» через раскультирование; через деформацию, дискредитацию истории народа и страны, их образа жизни, мечты, идеалов и ценностей; через искажение смыслов настоящего и будущего; через искажение смысла жизни человека

Вывод второй:

кластер, социальный кластеризм

Концепт «кластер» (от англ. cluster) переводится как пучок, рой, скопление, сгусток. «**В экономическом смысле кластер – это устойчивое пространственное партнерство**, – определяют этот важный феномен В.Ф. Уколов,

М.А. Кукушкин, Т.Г. Богатырёва, – объединенное инновационной программой внедрения передовых производственных, инжиниринговых, финансовых, управленческих технологий с целью повышения конкурентоспособности его участников, основанное на взаимодействии власти, бизнеса и общества. Участниками кластера являются не только предприятия, но и образовательные и исследовательские учреждения, финансовые структуры, органы власти. Их взаимодействие формирует окружающую среду, воздействующую непосредственно на специализированные фирмы, совокупность которых представляет собой "ядро кластера"¹. (Выделено мною. – В.К.).

Интересную интерпретацию концепта «кластер» предложил в своей книге «Социальный кластеризм. Российский вызов» известный экономист В.Л. Макаров. «Итак, я ухожу от термина "сословие", – поясняет он, – заменив его другим, менее связанным с историей, со сложившимся пониманием сословия. Представляется, что слово "кластер" лучше подходит для обозначения той стратификации общества, о которой идет речь. Это слово сравнительно недавно вошло в научный лексикон, сначала применительно к совокупности компьютеров, потом применительно к предприятиям и другим объектам. По своему исходному смыслу кластер, или по-русски "пучок", "веник", обозначает множество объектов, которые по тем или иным причинам притянуты друг к другу, их что-то существенное связывает, причем не временно, а на долгий период. Поэтому я беру на себя инициативу называть будущее общество, которое будет конкурировать с капитализмом, *обществом социальных кластеров*, или *социальным кластеризмом*. Это делается, в частности, для того, чтобы уйти от названия "сословное общество", которое может вызывать ненужные ассоциации – хотя бы потому, что в сословном обществе сословия принципиально неравноправны, а в кластерном обществе равноправие социальных кластеров провозглашается в качестве главного принципа. Следует еще заметить, что предыдущие общества назывались, как правило, по доминирующему сословию: рабовладельческое, феодальное, капиталистическое. Здесь же важен сам факт разбиения общества на сословия, слои, пучки, кластеры. Не важно, какое слово в конечном счете приживется, важна равная роль»².

¹ Уколов В.Ф., Кукушкин М.А., Богатырёва Т.Г. Кластерная модель взаимодействия власти, бизнеса и общества // Кластерная и корпоративная модели взаимодействия власти, бизнеса и общества. М., 2009. С. 5.

² Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М., 2010. С. 139–140.

Интересны и поучительны мотивы, побудившие В.Л. Макарова обосновать новую теорию устойчивого и справедливого общества.

«В этой книге читатель найдет набор предложений, смыслов и рассуждений об обществе и экономике без губительных кризисов, – пишет В.Л. Макаров. – Людям кризисы не нравятся, хочется, чтобы они быстрее кончились, а еще лучше, чтобы их не было вообще. А с другой стороны, кризисы очищают, мобилизуют на сверхусилия. Именно после кризисов мир выходит обновленным. Так надо ли стремиться к обществу без кризисов? Я пытаюсь убедить читателя, что надо. А насколько убедительно получилось, судить вам. Оговорюсь также, что кризисы здесь не военные. Как сделать мир без войн, орешек крепкий. Многие на нем уже сломали зубы.

В условиях кризиса мышление становится более раскованным и смелым. Люди охотнее размышляют о будущем устройстве общества. В книге я делюсь с читателем многолетними размышлениями о более устойчивом и более справедливом обществе, чем настоящее, которое, я убежден, не за горами. Такое общество названо здесь **социальным кластеризмом. Приводятся серьезные аргументы в пользу того, что именно Россия может показать пример построения такого общества всему остальному человечеству»¹**

**Вывод третий:
сети, облака**

В реальных научных исследованиях практически всех представителей общественных наук в процессе работы (проблемы мира и безопасности, обороны, «окультуривания – раскультуривания», «омировоззренения – размировоззрения») используются подходы:

- системный;
- сетевой;
- кластерный;
- кластерно-сетевой;
- грид-технологический;
- краудсорсинг-технологический;
- «облачный»;

– синтезированный (сплав, сосуществование, сотрудничество) всех ранее обозначенных подходов.

Здесь важно отметить дополнительно и стадию Высшего Синтеза – *Стадию* высокого когнитивного гуманитарного синтеза (технологии) – ВКГТ*.

Стадия ВКГТ обозначена мною по той причине, что она опирается на единую гуманитарную парадигму (сотрудничество геополитики, геоэкономики, геокультуры).

Системный подход к становлению современного мировоззрения убедительно и оригинально представлен в работе Р.Г. Яновского «*Мировоззрение*» (М., 2007).

Сетевой подход применительно к сфере мировоззренческого был осуществлён в монографии Рэндалла Коллинза «*Социология философий*», опубликованной на языке оригинала в 1998 году (русский перевод – 2002 год).

Эту работу можно было бы назвать и так: «Социология современных мировоззрений». Тем более что подзаголовок оригинального издания «*Глобальная теория интеллектуального изменения*» актуален для первого и второго варианта названия.

¹ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. С. 10.

* На стр. 71–72 автор доклада представил специально повтор текста со стр. 36–37: другой контекст.

Кластерные и кластерно-сетевые подходы представлены в работах Э.Г. Кочетова 2004–2011 годов по диалогистике, геоэкономике, глобализму, гуманитарной космологии.

Грид-технологии (от англ. *grid* – решётка), по словам руководителя Проекта «*Построение грид-системы национальной нанотехнологической сети*» Вячеслава Ильина могут быть определены так: «грид – это сервисная инфраструктура, которая позволяет эффективно организовывать совместную работу географически распределённых людей и компьютерных ресурсов»¹.

Краудсорсинг технологии, по словам известного социолога Александра Ослона, «означает организованную работу большой группы людей над какой-то общественно значимой проблемой»².

А. Ослону принадлежит очень важное утверждение: «...я **уверен, что сегодня краудсорсинг – это уже даже не методология, а скорее мировоззрение**»³. (Выделено мною. – В.К.).

«Облачные» технологии (cloud computing) – в определённой степени инновационное развитие *сетевых подходов, грид-технологий и краудсорсинга*.

Весной и летом 2013 года в России, как и во многих других странах, всё активнее и масштабнее функционируют феномены: «облачные вычисления», «облачные технологии», «облачные сервисы», «облачное хранение и распространение знаний», «облачные решения», «облачная демократия», «ушли в облака», «вложились в российские облака», «облачная бизнес-аналитика», «публичное облако», «частное облако»⁴.

Ещё раз вернёмся к статье А. Ослона о краудсорсинге, к его сюжету о мировоззрении. Знаменательно, что завершающий его работу раздел называется: «*Чем сильнее "облачность", тем выше технологии*». В этом фрагменте А. Ослон утверждает следующий важный тезис. «Краудсорсинг доказывает, – поясняет он, – что сегодня только "облачные" организации могут добиваться результатов в решении тех задач, с которыми привычные структуры справиться не в состоянии. Поэтому краудсорсинг часто и обозначают как коллективный интеллект»⁵.

Поэтому и для моего исследования становление «облачного» мировоззрения 2013 года web 3.0 важен переход от «умной толпы» (краудсорсинг) к «умному народу» (облачная методология web 3.0).

Александр Ослон в своей статье весьма полно и последовательно, по моему мнению, раскрыл именно такой генезис мировоззренческого в «облачных» координатах в контексте формирующегося коммуникационного общества.

¹ Ильин В. Успешный симбиоз грид- и обычных технологий – вопрос времени // Известия, 2010, 27 октября. С. 14.

² Ослон А. Апология умной толпы: Шутки над «коллективным разумом» вот-вот могут закончиться // Н Г-Сценарии, 2012, 20 февраля. С. 9.

³ Там же.

⁴ Долгин А. Есть третий web! Очередная степень эволюции интернета: социальный поисковик // Новая газета, 2010, 8 сентября; Зыкова Т. Облако в налогах // Российская газета, 2011, 21 ноября. С. 1, 7; Моисеев Е. По дороге с облаками: Технологии удалённого доступа меняют нашу жизнь // Московские новости, 2011, 19 октября. Приложение – Технологии; Рагимова С. Чувство облака // Коммерсантъ. Business Guide, 2011, 13 октября. Тематическое приложение: Информационные технологии. С. 12–14; Цуканов И., Голицына А. Норвежцы вложились в российские облака // Ведомости, 2011, 13 сентября. С. 11; Шадрин Т. Услуги в «облаках» // Российская газета, 2011, 19 сентября. С. 3; Морозов А. Школьники уходят в облака // Независимая газета, 2011, 6 сентября. С. 8; Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Изд. 2-е перераб. и доп. М., Екатеринбург, 2013.

⁵ Ослон А. Апология умной толпы... С. 11.

«Если ты хочешь решить какую-то задачу, то не торопись напрягать мозги и не обращай за помощью лишь к своим сотрудникам и советникам, эффективность которых и подходы к решению задач тобой достаточно проверены, – поясняет А. Ослон. – Попробуй позвать людей, доселе тебе неизвестных. Причем позови их как можно больше.

И тогда в этой огромной толпе (а "крауд" – это толпа) обязательно обнаружат себя те, чей ум в состоянии решать именно твою задачу. Причем решать непривычными и даже странными в глазах большинства методами.

Но от тебя потребуется только одно важное условие – ты должен иметь технологию, которая отсекает тот информационный шум, который непременно возникает в любых массовых собраниях людей. Технология поможет произвести селекцию и найти в толпе носителей тех идей, которые представляют интерес для решения твоей задачи.

Так из ста тысяч, из миллиона, десяти миллионов человек (примерно столько людей участвовали в работе над Википедией) можно вычленишь те умы, которые предложат такие подходы, о которых даже не догадывались традиционные творческие коллективы.

Но хочу еще раз подчеркнуть: в основе краудсорсинга лежит не эффективный менеджмент, а специальная технология <…>

Одним из похожих испытаний такой технологии в России могло бы стать обсуждение проекта закона о полиции. Для полноты народных мнений был открыт так называемый ящик предложений, куда энтузиасты «накидали» примерно 40 тыс. разных идей. И дальше какие-то специально выделенные клерки должны были это прочесть, чтобы отобрать самое интересное и важное. Обычно в таких ситуациях селекцией занимается экспертная комиссия. Бывает так, что за отбор берутся и вовсе случайно назначенные специалисты.

И тут мы должны понять, что в обоих случаях речь идет все-таки об экспертах в данной области. А это с точки зрения краудсорсинга плохо. Потому что мышление этих людей ограничено теми критериями, которые им кажутся наиболее эффективными в силу своего, как ни странно, именно большого профессионального опыта. Опыт как стереотипный инструмент отбора не позволяет произвести удачную селекцию и выудить из массы предложений наиболее интересные, неожиданные и крайне важные идеи, авторов этих идей и еще людей, способных предложения реализовывать.

В краудсорсинге основополагающий принцип совершенно иной. Фильтрация идей – это дело тех, кто сам со своими идеями участвует в этом процессе. Все отобранные люди одновременно и генераторы смыслов, и эксперты собранных предложений.

Возникает наивный вопрос разве может быть коллективным экспертом миллион человек? Нет, конечно. Такую толпу никак нельзя назвать эффективной экспертизой. В ней наверняка есть огромное количество тех, кто попал в проект случайно, кто вообще может не соображать куда он попал. Не меньшее число и других, кто "несет пургу", то есть создает тот самый информационный шум толпы. Поэтому и нужны одновременная фильтрация идей и селекция людей.

Но вот еще парадокс: ничего заранее по поводу качеств этой пестрой компании сказать нельзя. Потому что ни начальники сверху, ни жюри сбоку здесь не помощники.

Собравшиеся на проект сами должны в ходе работы обнаружить и проявить себя экспертами. Как только эти качества будут заявлены, технология позволит возвращаться в начало эксперимента и, например, сопоставить идеи человека с тем, как он позже проявлял себя в оценках идей других. Это довольно

сложная технология выявления, и ее трудно обрисовать в газетной статье. Поэтому я лишь выражу свою уверенность в том, что краудсорсинг – это еще и своего рода новая математика.

Таким образом, работа состоит из этапов, в которых ключевыми являются следующие слова:

Вовлечение – Фильтрация идей – Селекция людей – Заряженность отобранной группы.

Последнее условие означает, что лица, которые генерируют идеи, или оценивают их, или распространяют, могут быть разными людьми. Потому что они могут работать одинаково эффективно, но на разных ролях.

А вот «заряженность» или «инфицированность» идеями – это очень важное условие, определяющее эффективность этого процесса в целом. Краудсорсинг предпочитает неравнодушных <…>

Особенность нашего динамичного времени заключается в том, что сегодня, к примеру, в западном мире существуют задачи, для решения которых нет экспертов. Как это выяснилось? Очень просто – попробовали решать новые задачи по привычной технологии и методологии. И рождались варианты, не отвечающие условиям задачи. Это возникало потому, что специалисты, по привычке взяв под козырек, включали в дело все свои наработанные годами компетенции, а результата не возникало.

Вот почему краудсорсинг – это своего рода антисоциология. Социология изучает простую вещь – статистику стереотипов. Она исследует типичные мнения 2 тыс. людей по какому-нибудь знакомому и понятному им явлению, событию, решению.

А вот если мы включим в опрос: «Что бы вы лично посоветовали министру образования для совершенствования учебных испытаний в школе?», то мы окажемся уже на поле краудсорсинга, где все иначе. Где действительно требуется гораздо большее количество людей. Где никто не считает, что специалист, эксперт мыслит обязательно интереснее и продуктивнее дилетанта. Где на старте какого-то проекта никто не может знать, сколько человек могут генерировать идеи, решать задачи, просчитывать последствия и результаты.

Это можно выявить только в работе, к которой мы должны призвать не 2, а 200 тыс. человек. А дальше пойдут – стихийный отсев, сознательный отбор, о котором я говорил выше. Возможно, на первом этапе вместе с разочарованными уйдут и некоторые гениальные головы. <…>

Таким образом, возвращаясь к социологии, отметим, что мы сегодня уже имеем нечто противоположное репрезентативной выборке. А именно механизм, который напрочь исключает стереотипное мышление и помогает на конкретном, социально важном деле измерять способности и возможности ранее не известных нам энергичных, талантливых, хорошо мыслящих людей. Их готовность решать самые разные задачи развития страны, региона, корпорации, творческой группы и т. д. <…>

Стремительному развитию «облачных» организаций, несомненно, дает ускорение Интернет со всеми его коммуникационными возможностями.

В связи с этим хочу напомнить кое-что из нашей истории. Те, кто в свое время создавал сеть железных дорог, понятия не имели, что тем самым они обеспечивают условия для индустриализации страны. Реально они были озабочены проблемой перевозки людей, лошадей, грузов... А линии первых электро-

передач тянули люди, не знавшие, что этой "провоолокой на столбах" они закладывают основу будущей научно-технической революции.

Только историческим зрением мы можем обнаружить такие зависимости <...>

Иногда приходится слышать, что виртуальная реальность создает для многих тысяч людей особую среду обитания, и они тем самым как бы отделяются от всего, что составляет земную жизнь страны.

Я категорически с этим не согласен. Особенно если это касается "облачных" организаций, участники которых как раз лучше других понимают, что они живут не на облаке. И проблемы, которые я называл, говоря о краудсорсинге, как раз и являются наиболее земными и сегодняшними»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Если А. Ослон как социолог реально раскрыл концептуальную, методологическую линию учреждения, становления «современного мировоззрения web 3.0» через генезис интеллектуального, гуманитарного, коммуникационного в координатах «краудсорсинга», то Герман Греф, председатель правления Сбербанка России, раскрыл в теории и практике краудсорсинга новые свойства феномена, который создаёт новое качество «парадигмы деятельности институтов государства», «государственного управления», «снижения отчуждённости между властью и обществом»².

В работе Германа Грефа интересно и обстоятельно представлена линия движения от сетевых структур к инновационным феноменам – краудсорсингу, к «облачным» методологиям web 3.0.

«В последние годы возник новый класс инновационных сетевых систем, объединенных названием "краудсорсинг", – констатирует он. – Это слово обозначает новейший подход к методологии решения задач любой сложности и любого характера с использованием мудрости миллионов людей.

Суть краудсорсинга в том, что к решению предельно четко сформулированной задачи привлекается как можно больше неравнодушных людей. Их работу надо организовать так, чтобы решение было найдено. На основе методологии краудсорсинга мы можем создать новую модель государственного управления – модель XXI века. Эта цель амбициозна, но вполне достижима. Любая система на основе краудсорсинга включает в себя четыре этапа:

- вовлечение неравнодушных граждан в процесс решения задачи;
- организацию и стимулирование генерирования предложений;
- отбор лучших предложений силами самих участников;
- селекцию лучших участников на основе их вклада в решение задачи.

Эти четыре кита краудсорсинга различным образом реализуются в виде специальных сетевых программных платформ для разных типов задач. Создание этих краудсорсинговых платформ в ближайшие 10–15 лет будет одним из основных мировых трендов развития информационных технологий, а также технологий корпоративного и государственного управления. И мы должны оказаться лидером в этой области»³.

* * *

Общее определение реально работающего мировоззренческого синтеза складывается в 2000–2013 годах научными трудами нашей научной школы (школа Кузнецова) через синтез подходов: «*институционально-сетевая методология*» (Кузнецов 2000–2013), «*высокие геоэкономические методологии*»

¹ Ослон А. Апология умной толпы... С. 9, 11.

² Греф Г. Эффективность российской власти и модернизация // Ведомости, 2012, 13 апреля. С. 04.

³ Греф Г. Эффективность российской власти и модернизация // Ведомости, 2012, 13 апреля. С. 04.

(Кочетов, 1996–2013), «высокие гуманитарные технологии» (Сергеева, 1993–2013), «единая гуманитарная парадигма» (Кузнецов, Кочетов, Переслегин, Розов, 2003–2013), «облачное национальное мировоззрение России web 3.0, народная идеология развития России» (Кузнецов, 2010–2013).

УРОК ПЯТЫЙ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ, ЕЁ РАЗВИТИЯ В КОММУНИКАЦИОННУЮ ЭПОХУ.

Суть обозначенных автором доклада проблем, возможных способов их разрешения, предварительных выводов по поводу развития России 2013–2016, её обороны в четырёх разделах, в смыслах первых четырёх Уроков выявили главные и общие свойства в деятельности граждан, научных школ, учебных и научных институтов, Российской Академии наук.

Это феномены: жизнь и труд, справедливость, правдивость, честь и честность, мир и безопасность, любовь к России, свобода и ответственность, права и обязанности, долг, доверие, вера, доброта, сотрудничество, компромисс, взаимодействие, коммуникация.

Это гуманистические кластеры: «Дух народа», «Дух Отечества», «Дух закона», «Дух защиты России», «народная идеология развития и обороны России», «народное гуманистическое незападное мировоззрение», «модель Московско-Шанхайского миропорядка», «модель справедливого западного мироустройства». И опять, речь идёт о компромиссе, о коммуникации; о культуре компромисса, о культуре коммуникации; о культуре Мира и Безопасности; о культуре жизни; о культуре устойчивого развития.

Поэтому здесь возможны и необходимы два очередных вывода.

**Вывод четвёртый.
Важность и востребованность хорошей теории и методологии культуры компромисса**

Для сегодняшнего дня, для завтрашнего, для будущего, для понимания прошлого во всё ускоряющемся масштабе востребованы компромиссность, честность, правдивость, совесть, доброта, солидарность и справедливость.

Я надеюсь, что социология компромисса сможет предложить новые достойные смыслы на такой запрос. Поэтому я постоянно помню о самой первой строчке, с которой начинается выдающаяся книга Рэндалла Коллинза «Социология философий», которую он издал в 1998 году (на русском языке опубликована в 2002 году).

«Интеллектуальная жизнь – это в первую очередь конфликт и несогласие» утверждает Р. Коллинз в своей великолепной книге объёмом в 1281 страницу, которая имеет подзаголовок: «Глобальная теория интеллектуального изменения»¹.

Поэтому я надеюсь, что самые предварительные итоги исследования научного самоопределения социологии компромисса позволяют высказать предположение: **«интеллектуальная жизнь в XXI веке – это, прежде всего, поиск и осуществление приемлемых компромиссов для оптимального разрешения противоречий везде и всегда (в том числе и антагонистических противоречий)».**

Это трудная, но достойная, востребованная и остро необходимая задача: здесь научные основания социологии компромисса, здесь основы гуманитарной теории компромиссного.

Именно компромисс и культура компромисса, правда, честность, доверие и справедливость, ответственность уже стали главными индикаторами движения к культуре развития.

¹ Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 45.

Сегодня, с учётом уже опубликованных (и озвученных) на разных языках итогов исследований причин глобального кризиса 2008–2013 годов; изучения концепций и механизмов, результатов действий по его преодолению и минимизации последствий обозначилась и глобальная востребованность новой концепции достойного развития через культуру компромисса, через культуру коммуникаций.

Состояние и динамика новой реальности применительно к сфере жизнеобеспечения человека, семьи, народов России, её обществу и государству – их развитию и обороне Отечества – обязывает рассматривать в ходе научного исследования два взаимосвязанных кластера событий.

Первый кластер событий, ориентированных на обеспечение национальной безопасности России в 2013 году, рассмотрен в сути уже состоявшихся шести шагов. В ходе исследования особое внимание при изучении процесса обеспечения безопасности, национальной безопасности было обращено на внутренние Запросы и Вызовы от человека, народов России.

Второй кластер – это внешние Запросы и Вызовы от зарубежных стран и региональных, международных объединений (ООН, ШОС, БРИКС, НАТО и другие); от других народов, иностранных граждан; от реально действующих и вновь возникающих объективных внешних факторов.

Оба кластера функционируют во времени и пространстве одновременно и формируют *внутренний и внешний Контекст* для протекания, возникновения и угасания событий в сфере национальной безопасности. **Но самое главное – внешний и внутренний контекст, по итогам многочисленных исследований, на 30–70 процентов обуславливает содержание и результативность событий во внутренней и внешней жизни страны; её культуры, образа жизни, безопасности, политики, экономики, экологии.** В итоге: Контекст – это важнейшее и всепроникающее действие, которое в значительной степени влияет на Понимание события, на его осмысление, на смысл жизни, на позицию и поступки очень многих людей, семей, общественных организаций, институтов власти.

Во взаимодействии субъектов и объектов безопасности, национальной безопасности с Контекстом формируется и функционирует Повестка Дня народа, человека и семьи, российской власти 2013 года.

Однако и событие из сферы национальной безопасности, и Контекст события одновременно и повсеместно подвержены влиянию внешней и внутренней Среды, Институциональной Среды: то есть речь идёт о Правилах Игры для сферы безопасности, для процесса и результата взаимодействия События и Контекста События; для Повестки Дня России 2013.

Ранее в качестве Контекста можно было говорить о «работающей» модели миропорядка (Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, 2013 года). Применительно к Среде, к Правилам Игры можно говорить о характере западного и незападного мироустройства, о характере самой эпохи (для второй половины XX века и первых годах XXI века – информационная эра, информационная эпоха, информационное общество).

По мнению автора доклада, наступило время для пятого вывода, чтобы рассмотреть возможность определения внешней Среды для событий в сфере национальной безопасности России XXI века (с учётом контекста: Московско-Шанхайской модели миропорядка) как коммуникационной. **По сути, речь идёт о гипотезе: вместе с информационной эпохой, Средой; вместе с западной несправедливой, негуманистической моделью мироустройства (евроатлантической: США – ЕС) с 2003 года (ориентировочно) начала функциони-**

ровать незападная коммуникационная эпоха: справедливая, гуманистическая – с гуманистической, справедливой моделью мироустройства¹.

Таким образом – для общественных наук пятый урок: движение к коммуникационному обществу как Среде для национальной безопасности России 2013, как Среде для региональной и глобальной гуманистической безопасности, через теорию и методологию коммуникационного общества XXI века.

Прежде всего, важно отметить выдающиеся по оригинальности, фундаментальности и актуальности работы известного философа, политолога и социолога Александра Семёновича Капто. Его нужный и востребованный труд «Энциклопедия Мира», опубликованный в двух томах (Москва, 2013), а также две важные монографии: «**Нацизм и "либеральный антисталинизм": Отпор фальсификаторам истории**» (М., 2012), «**Мораль в моделях мироустройства**» (М., 2011) сложили реальную основу коммуникационного подхода к развитию концепций безопасности и мира².

А источником такой работы стало обобщение интересных и важных практик, создание новых институтов и укрепление, развитие уже оправдавших практик, теорий, методологий, институтов для сферы коммуникаций, коммуникационного; для сферы коммуникационной безопасности.

Вывод пятый.

Необходимость повсеместного осуществления Просветительства, Просветительского, Коммуникационного

Сама суть коммуникационного, компромиссного, справедливого, культурного, гуманистического, духовного, правдивого предлагает воссоздание великих традиций Просветительства в России. Это в устойчивой традиции учёных Российской Академии наук; учёных, работающих в различных институтах науки, промышленности,

обороны, культуры, экологии; учёных, занимающихся самостоятельно творчеством и просвещением народа.

Действительно консолидирующим всё многообразие усилий народов России, её научного и экспертного потенциала по изучению практик и методологий, теорий, институтов, технологий; **просвещения всех граждан по вопросам обеспечения личной, общественной и государственной безопасности стал уникальный исследовательский Проект в 1998–2013 годах «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты».**

Подготовка к этой фундаментальной научной, издательско-просветительской работе началась Международным гуманитарным фондом «Знание» с 1997 года при поддержке Совета Безопасности РФ, Администрации Президента РФ, Российской Академии наук³.

¹ Гуманитарный стратегический манёвр / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов Кузнецов В.Н. М., 2004; Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2007; Смысл Великой Победы: Коллективная монография / Колл. авт.; ред.-сост. и авт. разделов В.Н. Кузнецов. М., 2010; *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. Новое доп. изд. М., 2010; *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М., 2011; *Кочетов Э.Г.* Диалог. М., 2011.

² *Капто А.С.* Энциклопедия Мира: в двух томах. М., 2013; *Капто А.С.* Нацизм и «либеральный антисталинизм»: Отпор фальсификаторам истории. М., 2012; *Капто А.С.* Мораль в моделях мироустройства. М., 2011.

³ *Махутов Н.А., Светик Ф.Ф.* Итоги работы по изданию многотомной серии «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты». (От Редакционного Совета многотомного издания «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты») // Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Издательско-просветительский Проект. М., 2008.

По существу, этот выдающийся научный Проект, который продолжается в 2013 году, является *пятым* Уроком по дороге к безопасности России 2013, её национальной безопасности, к культуре национальной безопасности Российской Федерации 2013 года.

**УРОК ШЕСТОЙ: НОВЫЙ НЕЗАПАДНЫЙ ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ 2013
КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ СОДЕЙСТВИЯ МИРУ,
БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЮ РОССИИ.**

Август – декабрь 2013 года для российской общественной науки – важный этап в конструктивной, созидающей творческой деятельности для создания, обсуждения, продвижения теорий и методологий, технологий устойчивого человеческого развития, движения к достойному преображению России и содействию её защите, надёжной обороне.

Хотелось бы, чтобы в августе – декабре 2013 года был преодолен *«Казус Андраника Миграняна о запрете иметь в России эффективную мобилизационную народную государственническую объединяющую идеологию развития и обороны нашей страны»* (2003)¹.

Полагаю, что хотя бы комментарий А. Миграняна на «первой большой конференции для представителей российской политической науки»², которую готовит администрация Президента России в ноябре 2013 года, может представить интерес не только для работников вузовских кафедр политологии.

**СЕГОДНЯ У ВСЕХ НАС ЕСТЬ НАДЕЖДА И УВЕРЕННОСТЬ В ДОСТОИНСТВО
И БЛАГОПОЛУЧИЕ НАРОДА И ОТЕЧЕСТВА: ЧЕРЕЗ НАЦИОНАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ; ЧЕРЕЗ УМНУЮ, СИЛЬНУЮ И ПОБЕЖДАЮЩУЮ НАШУ АРМИЮ**

Важность, своевременность, востребованность теории и методологии развития России, её обороны реально, наглядно и остро проявилась в событиях, в коммуникационном пространстве – времени страны 2010–2013 годов.

Подтверждением может стать *«Доклад общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год»* (Проект). Во Введении его авторы чётко формулируют смысл событий. «Кардинальная активизация гражданского общества, проявившаяся в последнее время, – поясняют авторы доклада, – стала результатом масштабных общественных изменений. В нашей стране сложились достаточно массовые слои и группы, решившие свои насущные жизненные проблемы. Для этих групп существенно выросла значимость ценности человеческого достоинства, ценностей гражданской активности.

Качественные перемены в гражданском обществе в большой мере обусловливают изменения в структуре проблем, высоко значимых для гражданского общества. На первый план выходят проблемы соблюдения законов, гражданских прав. Эти качественные изменения должны быть вполне осознаны и оценены отечественными политическими структурами, органами государственной власти и управления.

Налицо насущная необходимость адекватных перемен в Методах и стилистике власти, как в рамках государственного управления, так и в диалоге с гражданским обществом. Важно не только принимать верные решения, но и разъяснять обществу, заинтересованным его слоям и группам мотивы принимаемых решений, условия, обуславливающие их принятие. Без этого вряд ли станет воз-

¹ Здесь интерпретация автором доклада статьи А. Миграняна «Год великого перелома?» // Российская газета, 2003, 12 августа. С. 7.

² Бирюкова Л. Политологов учат жизни // Ведомости, 2013, 29 июля. С. 02.

возможным восстановить повреждённые коммуникации между властью и обществом, взаимное доверие. Без них невозможно эффективное управление»¹.

Таким образом, **коммуникационное общество в России становится реальностью, важным объектом для изучения всеми общественными науками.**

Результаты представленного читателям социологического исследования позволяют сделать несколько итоговых тезисов.

1. Самой важной доминантой XXI века обозначилось устойчивое развитие каждого человека; в важнейшей совместной работе всех граждан России и всех стран по предотвращению возможной глобальной войны проявилось важнейшее и конструктивное обстоятельство: обозначились надежда и уверенность.

Россия с её Проектом возрождения страны, с её народами реально и конкретно оформилась и сложилась как Субъект формирования евразийской безопасности в XXI веке. Россия с её умной, честной, сильной, справедливой и ответственной национальной безопасностью, ориентированной на благополучие, достоинство, справедливость и безопасность каждого человека стала иницирующим ядром, пространством единения народов Азии, России, Европы, их интеллектуального гуманитарного взаимодействия в сфере культурного, коммуникационного, гуманистического.

Наличие России как интеллектуального лидера Евразии и всего мира в XXI веке обусловило совершенно новое качество для евразийской сферы духовного, коммуникационного; привлекательную для граждан всех стран энергию и волю к мирной, честной и достойной жизни; культуру гуманитарных взаимодействий, которая в самой России осуществляется как *«концерт Граждан России»*, который, в свою очередь, становится **«концертом Граждан Азии – России – Европы для Обеспечения Мира и Безопасности».**

Тем самым, по итогам моих исследований в этом докладе, подтверждено, что обозначенная в предисловии и во введении научная проблема действительно важна и востребована.

2. Можно констатировать, что по итогам исследований в этой работе целесообразно предложить соображение: взаимосогласованное изучение народной объединяющей идеологии развития России, её модернизации обосновали, *во-первых*, содержание и структуру специального российского научного социологического дискурса по проблемам народной объединяющей идеологии развития России, её модернизации, в котором именно достоинство, счастье, безопасность, культура каждого Человека стала уникальной энергетической, волевой и рефлексивной характеристикой именно проекта развития России XXI века. *Во-вторых*, итоги исследования дают основания утверждать, что статус социологической теории – народной объединяющей идеологии развития России – определен и признан, в основном, в научном сообществе России.

3. Необходимо отметить, что итоги исследования решили две важные задачи всего этого труда. *Первая и ключевая задача* – разработать основы социологической теории развития России. Её решение оформилось в углублении разработки авторских концепций современного не-Западного гуманизма, новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века; новой не-Западной модели мироустройства; теоретических и методологических основ социологического

¹ Доклад. О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год. Проект. М., 2011. С. 4–5.

предотвращения «сползания» США, НАТО и ЕС к глобальной ядерной войне. *Вторая инновационная задача* – исследование институциональных факторов, влияющих на теорию, методологию, технологии, процедуры и механизмы российских идеологий привело к парадоксальным, по моему мнению, выводам. Выяснилось, что на фоне стремительного расширения игрищной компоненты в социологической теории и методологии обеспечения культуры каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства в основу изучения компетенций субъектов Правил Игры, утверждённых Уставов, договоров, соглашений включены ожидания ВЫПОЛНЕНИЯ Правил Игры. Мои выводы говорят об обратном: в основе институциональных оснований культуры, нравственности, честности обозначилась устойчивая тенденция – НЕВЫПОЛНЕНИЕ Правил Игры субъектами, представляющими, в основном, США, НАТО и ЕС.

4. Практически во всех разделах доклада «Общественные науки для развития и защиты России 2013–2016» рассматриваются методологические, теоретические и эвристические аспекты становления нового не-Западного гуманизма XXI века. Его создают миллионы граждан во всех странах мира, которые в концептуальной основе гуманизма XXI века, в его практиках творят, создают своим интеллектом и трудом реальную и созидающую культуру жизни.

Именно необходимость создания незападного нового гуманизма в XXI веке обусловило, в значительной степени, инициирование и развёртывание в 2003–2013 годах *глобальной структурной гуманитарной революции, которая в настоящее время и в ближайшее будущее определяет многие особенности гуманитарных изменений во всех странах мира.*

В чём главная содержательная особенность этих двух феноменов?

Отвечу так: глобальная структурная гуманитарная революция XXI века проявляется, по-моему, в слабых взаимодействиях, в основном, и обуславливает динамику таких феноменов (через трансформацию их внутренней и внешней среды): культура жизни, смысл жизни, компромиссность, справедливость, доверие, мировоззрение, гуманизм, честность, свобода, ответственность, порядочность, счастье, солидарность, «культура смерти», доброжелательность, универсализм, диалог и т. д.

Социологические исследования видимости и сущности разворачивающейся в первом десятилетии XXI века глобальной революции во имя человека и для человека достаточно полно и, как я полагаю, быстро (вовремя) выявили драматичность и безжалостность действия главного глобального противоречия: культуры жизни человека – культуры смерти человека.

Возможно, впервые за всё существование социологии как важнейшей общественной науки Миссия социологии востребована каждым человеком. Помочь людям, религиозным конфессиям, журналистам, общественным и государственным деятелям, учёным и военным понять смысл своего участия в достижении желательного, достойного итога новых стремительных перемен – здесь приложение их способностей и служения своим Отечества.

5. В моих исследованиях геополитика, геоэкономика и геокультура представлены как равнозначные стороны единой гуманитарной парадигмы XXI века. Суть: у каждой стороны такой парадигмы есть определённая сфера, в которой она проявляется наиболее эффективно.

В коммуникационной сфере, как показали мои исследования ключевых смыслов народной российской идеологии XXI века, именно геокультура «работает» наиболее конструктивно.

Становление, функционирование и эффективность теории и методологии развития России, её обороны обусловлены энергией и динамикой гуманистического гуманитарного синтеза 2013, идеологического компромисса, культуры коммуникационного, которые своим постоянным проявлением поддерживают целостность и устойчивость нового института.

* * *

Главный итог исследований, представленный для обсуждения читателям, *реальность и значимость для человека, народов, общества и государства состоявшегося, по мнению автора доклада, Проекта устойчивого развития России в XXI веке, её обороны.*

Уточню ещё раз позицию автора.

О принципах. В документах, принятых по итогам Саммита по окружающей среде и развитию, который состоялся 3–14 июня 1992 года в Рио-де-Жанейро, представлен к руководству всем государствам, всем общественным наукам «*принцип предосторожности*».

Главным принципом моего подхода в этой и других работах стал тезис: «*достижение культуры мира и безопасности в интересах развёртывания глобального движения по содействию предотвращению возможной ядерной войны XXI века*».

Учителя. Основной научный, интеллектуальный, социологический, философский и политологический импульс, содержательную наполненность для нашей мировоззренческой работы в научной школе, в сообществе общественных наук России и всего мира я связываю с научным творчеством, со служением народам России, Отечеству Рудольфа Григорьевича Яновского и Евгения Максимовича Примакова.

В работах 1999–2007 годов замечательного Человека, Гражданина, Учёного Р.Г. Яновского: «*Глобальные изменения и социальная безопасность*». М., 1999; «*Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь её народов*». М., 2001; «*Патриотизм: О смысле создающего служения Человеку, Народам России и Отечеству*». М., 2004; «*Мировоззрение*». М., 2007 впервые в практике российских общественных наук, мирового обществоведения был исследован круг фундаментальных социологических и философских проблем о методологии, концептуальности и процессуальности формирования современного научного мировоззрения.

Важно отметить, что эти и другие работы Р.Г. Яновского с 1999 года по настоящее время активно влияют на развитие общественных наук в России, во многих странах мира.

Научное творчество выдающегося мыслителя XX и XXI веков Е.М. Примакова: «*Годы в большой политике*». М., 1999; «*Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак*». М., 2003; «*Минное поле политики*». М., 2007; «*Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость*». М., 2009, 2010; «*Мысли вслух*». М., 2011; «*Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*». М., 2006, 2012 стало важнейшим «движителем» всех общественных наук России в XXI веке. Феномены: «**мироустройство**», «**миропорядок**», «**мировоззрение**», «**идеология**», «**культура**», «**гуманизм**», фактически «сложили» предметное поле всем общественным наукам для конструктивного изучения сферы мировоззренческого.

Начало работы Центра ситуационного анализа (ЦСА), созданного в рамках Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской Академии наук под научным руководством академика РАН Е.М. Примакова в 2012 году –

хороший пример служения народам России в сложной кризисной ситуации 2012–2013 годов и определённый созидательный вызов другим учёным–обществоведам.

Исключительно важно отдельно отметить, что в научном творчестве членов-корреспондентов РАН В.Н. Кузнецова, Р.Г. Яновского, академика РАН Е.М. Примакова, академика РАН О. Богомолова реальное место отведено разработке «народной идеологии развития России»¹.

Именно такая народная идеология может осуществить восприятие «энергетики запроса, связанного с идеями социальной справедливости и народной демократии»².

Именно такая идеология (это позиция автора доклада) может выполнить роль (при необходимости) мобилизационной идеологии для российской армии, специальных служб, для всего народа в ситуации возможной войны, стихийных или природных катастроф.

Востребованность. Необходимость и важность создания и функционирования понятной и воспринимаемой народом теории, методологии развития России, её обороны представлена в заключительной главе «*Культурно-духовная составляющая безопасности России*» фундаментальной работы известных учёных С.Н. Бабурина, М.И. Дзлиева, А.Д. Урсула «Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты» (М., 2012). «Осознание человеком общности сложившихся ценностей и общепринятых норм, – отмечают они, – обеспечивает чувство безопасности, тогда как дезинтеграция культуры деформирует упорядоченную систему общественных отношений, ведет к разбалансированности норм и образцов поведения. Это лишает граждан ориентации в своих устремлениях и деятельности, подрывает чувство безопасности и порождает различные внутригрупповые конфликты. **Фактически речь идет о попытке изменить мировоззрение, отношение представителей российского общества к идеологии и политике, к основам конституционного строя страны, что является прямой угрозой государственной и общественной безопасности России**»³. (Выделено – жирный шрифт – мною. – В.К.).

Проблемы. К дискуссии приглашают, по моему мнению, такие аспекты социологических особенностей становления современного национального мировоззрения, национальной теории развития России.

Во-первых, определённость Субъекта формирования и функционирования, корректировки Проекта развития и обороны России 2013–2020. К этой проблеме «примыкает» и вопрос о Субъекте культуры развития России, её модернизации; о Субъекте создания, функционирования народной идеологии развития России, её модернизации; о Субъекте глобальной структурной гуманитарной революции; о Субъекте второй (третьей) либеральной (неолиберальной, демократической) революции в России XXI века.

Во-вторых, всё более востребована проблема соотношения рационального с иррациональным в самом современном мировоззрении. Отсюда возникает вопрос о реальности процессов омировоззрения и размировоззрения, окультурирования и раскультурирования.

В-третьих, реальность или мнимость первых двух проблем оформляют необходимость исследования новых подходов к духовной, интеллектуальной, психологической безопасности человека, семьи, народа, общества, государства.

¹ Богомолов О. Осознание ошибок // Литературная газета, 2011–2012, № 52. С. 1–2.

² Бызов Л. В ожидании «иного» // Литературная газета, 2011, № 22. С. 3.

³ Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М., 2012. С. 460.

Полагаю, что многие читатели согласятся со мною в том, что *дискуссия о целях и задачах исследования, смысле научной проблемы в предложенной работе* началась с первых строк этого доклада, моих работ о компромиссе, идеологии, партнёрстве, современном мировоззрении (2010–2013).

Август 2013 года, сентябрь и октябрь 2013 года обязывают каждого из нас, каждого учёного в России думать и действовать для прошлого, настоящего и будущего самого себя, своей семьи, своего народа, своего Отечества, всей Цивилизации, своего Большого Проекта.

Своё Понимание Проекта устойчивого развития России XXI через исследования нашей научной школы, российской и мировой науки я представил по ходу исследований в этом Докладе.

Здесь же предложены и основы программы действий, которые могут объединить многие Я в действия Субъекта, когда Мы исследуем существующую реальность и стремимся содействовать достойному миру, развитию и безопасности, защите Отечества.

Поэтому так важен итог исследований прошлого, настоящего и будущего России, Евразии, всего мира в XXI веке, которые осуществили в 2008–2011 годах учёные Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук.

«Авторы Прогноза, – утверждают учёные, – исходят из того, что у России существует достаточно политической воли, общественной поддержки, государственного интереса и экспертных ресурсов для адекватного и рационального восприятия глобальных процессов и участия в них и выработки на этой основе нацеленной в будущее внутренней и внешней стратегии, реализация которой позволит России самой эффективно влиять на мировые тенденции развития и, тем самым, укреплять собственные международные позиции в интересах повышения уровня и качества жизни российских граждан»¹.

Я согласен с таким утверждением, с такой позицией. Это и моя позиция.

Здесь и сейчас представлена суть Проекта развития России XXI, её оброны.

(Источник: **Общественные науки для развития и защиты России 2013–2016. Об участии учёных-обществоведов в реализации «Плана обороны Российской Федерации на период до 2016 года».** Научный доклад. 2013, сентябрь).

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М., 2011. С. 451.

Глава 12.

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ XXI В РОССИИ»

В Военном университете Министерства обороны под патронажем кафедры политологии в ноябре 2013 года состоялась межвузовская военно-научная конференция, посвящённая теме «Военная элита современной России».

В её работе приняли участие учёные, профессора и преподаватели целого ряда научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений силовых структур и заинтересованных ведомств, представители органов государственной власти и общественных организаций. В докладах и выступлениях участников конференции рассматривались различные аспекты и проблемы современной военной элиты: от роли и места до технологий подбора и повышения её эффективности.

Журнал публикует тезисы выступлений, прозвучавших на конференции .

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Шевцов Валерий Михайлович,
доктор философских наук, профессор,
заместитель начальника Военного университета МО РФ

Уважаемые товарищи, коллеги!

Я приветствую вас, собравшихся в этом зале для обсуждения интересной теоретической и важной политической проблемы. Военная элита современной России – наследница и продолжательница дела тех, кто на протяжении многих веков организовывал и обеспечивал вооружённую защиту территориальной целостности, национальной независимости, государственного суверенитета нашего Отечества, кто ковал его военную славу.

Как известно, на протяжении своей истории России пришлось не раз отбиваться от военных нашествий с Востока, Юга, Запада. И потому в её судьбе всегда особую роль играли великие полководцы, их сподвижники, все, избравшие своей профессией защищать Родину. Да и в сегодняшнем беспокойном мире, при глубоких изменениях в военной сфере разработка военной политики, выбор направлений и приоритетов её реализации – жизненно важная задача. Её решение, как и прежде, – функция именно военной элиты. Из совсем недавней истории нашей армии, военного строительства мы знаем, что она, военная элита, не всегда справляется с этой задачей.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что вопросы о том, что собой представляет военная элита, каков её состав и механизмы формирования, какой она может и должна быть, и какой является в действительности, представляют не только познавательный интерес. Практическое значение их научного решения состоит в том, что оно подскажет, что и как следует делать для формирования продуктивной военной элиты, повышения её зрелости и, следовательно, усиления обороноспособности страны, укрепления её военной безопасности.

Между тем многие сюжеты этой темы ещё не стали предметом специального научного анализа. Более того, в сформировавшейся отечественной элитологии военная проблематика почти полностью отсутствует.

Тем важней и актуальней оказывается ваша конференция, призванная осмыслить опыт научных исследований проблем становления и функционирования военной элиты современной России, использования их результатов в учебной и воспитательной работе с курсантами и слушателями военно-учебных заведений. Есть веские основания полагать, что обобщения и выводы конференции станут серьёзным подспорьем и в совершенствовании практики формирования и укрепления, возвышения современной военной элиты России.

Я желаю вам успешной творческой работы.

* Материал подготовил О.А. Бельков.

Кончугов Анатолий Владимирович,
кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологии,
Военный университет МО РФ

ВОЕННАЯ ЭЛИТА: ГОРИЗОНТЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современных условиях значение военной элиты в жизни общества, утраченное за годы кардинального реформирования армии, постепенно возрастает. Это актуализирует привлекательность к ней представителей различных наук, теоретически осмысливающих место и роль военной элиты в обществе. Однако даже с учётом достижений учёных в исследовании понятия «военная элита» она как объект научного познания до сих пор остаётся недостаточно изученной. Научное сообщество располагает сегодня результатами лишь фрагментарных её теоретических исследований, так как пока отсутствует комплексное и систематизированное знание о военной элите. Накопленного отдельными науками исследовательского материала явно недостаточно, чтобы считать его оформленной единой теорией, обладающей набором необходимых элементов и признаков научной концепции.

Среди учёных продолжают дискуссии по поводу методологии познания элиты, определения самого понятия «военная элита». Представители различных наук, с учётом их исследовательского интереса, своеобразно и вариативно подходят к решению этой проблемы. Вместе с тем, затянувшееся теоретическое оформление приемлемого содержания термина «военная элита» явно занижает его научную значимость и препятствует формированию общепризнанного его толкования. Показательно, что в энциклопедиях и словарях нет статей, посвящённых этой специфической общественной группе, а, следовательно, и устоявшегося её определения. Представляется, что решение дискутируемых научных проблем позволит придать теоретическим знаниям концептуальное оформление, а вместе с тем расширить горизонт и возможности дальнейшего исследования данного феномена.

Концептуализация знаний по данной проблеме и выработка научно обоснованных рекомендаций по их реализации имеют важное практическое значение. Именно концептуально оформленные знания, как консолидированный результат глубокого изучения и обобщения всего разнообразия научных подходов к анализу военной элиты, целесообразно использовать в формировании стратегии социального развития современного общества. В таком виде они, в частности, призваны способствовать выработке практических рекомендаций по совершенствованию процесса формирования современной военной элиты, укреплению её авторитета в обществе, повышению конструктивности влияния на решение актуальных проблем развития страны.

Представляется, что увеличение числа и расширение тематики теоретических исследований будет способствовать выработке базовых, наиболее общих представлений о военной элите, формированию теоретических ориентиров её дальнейшего познания. Сегодня остро ощущается потребность системного изучения профессиональных основ формирования военной элиты, роли и значения её самоидентификации, путей и направлений развития военного социума в целом, как социального резерва военных профессионалов, основным субъектом преобразования которого является государство.

Першин Александр Андриянович,
доктор философских наук, профессор,
Военный университет Министерства обороны

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Наиболее общее определение элиты, которое мы находим в энциклопедических словарях, – это «лучшее, отборное» из общей массы однородных явлений, предметов. Это понятие применимо и по отношению к людям, если оценивать их качественные характеристики (способности) и результаты их действий: ум (лучше соображает, лучше понимает, лучше решает задачи и т. д.); состояние здоровья и физическое развитие (лучший бегун, лучший гимнаст и т. д.); профессионализм (лучший токарь, лучший стрелок, лучший командир и т. д.).

Однако более сложный социально детерминированный подход нужен, если речь идёт о группах, связанных с властью и управлением, с отношениями господства и подчинения, с моралью и нравственностью. В такие группы, тоже называемые элитой, люди попадают благодаря не только, а часто не столько личным достоинствам, сколько классовым, политическим, партийным,

корпоративным, родственным и тому подобным связям. Личные же качества (даже если они лучшие) отступают на задний план.

Поэтому в классических определениях так понимаемой элиты нет критерия – «лучшая часть общества». В них элита характеризуется как высший, привилегированный слой или слои, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры. Та часть этого слоя, которая профессионально занята в военной сфере, составляет военную элиту.

Понятие «военная элита» целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Военная элита – это наиболее подготовленная в военном отношении часть (слой) офицерского корпуса военной организации государства, представители которой наделены правом принимать ответственные решения, обладающие профессиональными и личными качествами, необходимыми для реализации функций управления вооружёнными силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами, частью производственного и научного комплексов страны, связанного с обеспечением военной организации необходимым вооружением и военной техникой».

Так понимаемую военную элиту характеризуют специфические социальные качества: устойчивые и глубокие государственнические взгляды, убеждение в необходимости служения обществу и государству («есть такая профессия – Родину защищать»); глубокие чувства патриотизма, социальной ответственности за безопасность и сохранение стабильности в обществе, дисциплинированность, клятва мужественно, не щадя своей жизни, защищать свободу, независимость и безопасность народа и Отечества.

Есть серьёзные особенности и в формировании военной элиты. Если в другие элиты рекрутирование их контингентов осуществляется в основном путём свободного отбора, на основе состязательности между претендентами, на выборных началах, то военная элита формируется в основном административно, методом назначения вышестоящим властным органом. Поэтому военная элита находится в большей зависимости от политической, властной элиты и в меньшей зависимости от масс.

Состав и структура военной элиты классифицируются по ряду оснований. По характеру военно-профессиональной деятельности выделяют командную, инженерно-техническую элиты, а так же элиты в сфере морально-психологического, материально-технического, культурно-досугового и т. д. обеспечения.

По уровню и масштабу военно-профессиональной деятельности выделяются управленцы трёх уровней. Стратегический уровень составляет высшее руководство военной организации государства (Президент – Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами, члены Совета безопасности, руководители силовых ведомств государства, начальник Генерального штаба Вооружённых Сил, Главкомы видов и командующие родов Вооружённых Сил, командующие военными округами (направлениями), руководители оборонно-промышленного комплекса и других военных структур подобного уровня).

В военную элиту оперативного (среднего) уровня входят военные функционеры, наделённые правом принимать управленческие решения в пределах определённых направлений профессиональной деятельности (руководители подразделений силовых ведомственных органов – департаментов, управлений и др.).

К военной элите тактического уровня относятся командный состав соединений, частей, учреждений, профессора военно-образовательных заведений, квалифицированные специалисты-учёные исследовательских учреждений, сотрудники НИИ и НИО и т. п. военных структур.

Назову четыре основных критерия авторитета военной элиты:

1. Служебный авторитет, основанием которого является назначение на должность в соответствии с законами и положениями о порядке прохождения военной службы и с учётом устоявшихся здоровых традиций в данном виде, роде войск, в данной службе или органе.

2. Профессиональный авторитет, условиями утверждения которого выступают: соответствующий должности уровень общего и специального образования; достаточный служебный опыт; профессиональное мастерство, творческий подход к делу, антибюрократический стиль управления.

3. Моральные и психологические качества порядочного человека и гражданина: честность в отношениях со всеми сослуживцами; смелость и ответственность в принятии решений; твёрдая воля в достижении реализации принятого решения; справедливость в оценке своих действий и действий своих подчинённых и др.

4. Легитимность – высокий уровень поддержки и любви подчинённых и вышестоящих начальников.

По своим социальным функциям и характеру деятельности военная элита тесно примыкает к политической элите, в стабильных социально-политических условиях в стране является её боевым отрядом по реализации внутренней и особенно внешней политики. Она участвует в реализации ряда военно-политических функций государства: в выработке его военной политики, стратегии национальной безопасности, в военном планировании и решении задач по развитию

военной организации, укреплению военной безопасности страны; активно влияет и на военно-кадровую политику государства.

В кризисных условиях, когда политическая элита утрачивает политический контроль над массами, теряет их поддержку, и в стране наступает социально-политическая нестабильность и хаос, военная элита обычно ещё долго, благодаря своему служебному авторитету и корпоративности, более высокому патриотизму, остаётся эффективной силой, позиция и действия которой могут оказать определяющее влияние на развитие ситуации в стране.

При этом, как показывает исторический опыт, она может перейти на сторону одной из противоборствующих сил или даже взять политическую инициативу в свои руки в интересах ликвидации хаоса и анархии, подавления экстремизма и сепаратизма, предупреждения силового противоборства между противостоящими политическими акторами и восстановления государственного порядка в стране. В результате такой активности военной элиты в одних случаях утверждалась демократия и власть переходила к вновь сформировавшейся политической элите. В других, напротив, военная элита способствовала установлению диктаторского режима.

Но и то, и другое свидетельствует, что военная элита (как и армия в целом) объективно не может быть «вне политики», так как она создаётся политикой и является орудием, инструментом политики, государства. Вместе с тем военная элита не может и не должна претендовать на положение политической партии или организации со своими политической программой и политическими целями. Она – активный участник, но не субъект политики.

В современных условиях для формирования в России здоровой, значимой, креативной и легитимной военной элиты необходимы постоянное внимание к ней всего общества, государства, обновление её высокопрофессиональными военными специалистами, политически грамотными, социально активными, преданными интересам служения своему Народу и Отечеству. Важной частью этой работы является, с одной стороны, повышение ответственности кадровых органов и должностных лиц за объективность подбора и отбора офицеров в управленческие структуры, вплоть до персональной ответственности административного и уголовного характера. С другой стороны, необходимы активные усилия государства и гражданского общества, творческой интеллигенции и СМИ по формированию положительного имиджа армии, повышению престижа воинской службы, укреплению авторитета офицера, военной элиты.

Итак, военная элита, как специфическая часть общественной элиты, объективно необходима для эффективного управления военной организацией государства, обеспечения военной безопасности страны, одной из основ стабильности государства. Общество должно проявлять постоянную заботу о том, чтобы военная элита формировалась из наиболее достойных представителей военнослужащих, профессионалов военного дела, подлинных патриотов Отечества, верных защитников интересов народа и конституционного строя государства.

Бельков Олег Алексеевич,
доктор философских наук, профессор.
Военный университет МО РФ

ВОЕННАЯ ЭЛИТА: СТАТУС, СОСТАВ, ФУНКЦИИ

Термин «элитология» – российская новация, введённая в научный оборот в 80-х гг. Далеко не все считают её наукой. Так Е. Ягун прямо называет элитологию псевдонаукой. А в среде элитологов ведутся дискуссии о применимости термина «элита» к политическому руководству России. Понятие «элита» остаётся многозначным и потому неоперациональным. Многозначность эта тройкого рода.

Во-первых, признаётся, что каждая сфера человеческой деятельности и каждая социальная группа имеет собственную элиту. Но признание множества элит по существу является отрицанием элиты общества, как некоего внутреннего целостного социального образования.

Во-вторых, к элите относят людей, выделяющихся из общей массы высоким профессионализмом, привилегированным социальным статусом, и причастностью к власти. Но эти свойства не являются взаимополагающими, в реальной жизни они явлены (или не явлены) в разной пропорции в каждом индивиде и в элите могут быть люди, обладающие только одним из них.

В-третьих, элита представляется как социальный слой, состоящий исключительно из достойных лиц в системе власти – носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций. Однако никакой слой не управляет. Поэтому более точен, например, Г. Лассуэлл, который считает, что термин «элита» очерчивает социальный слой, из которого вербуются лидеры.

Термин «элита» в социологию ввёл В. Парето, отнеся к ней «тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, безотносительно к тому является хорошей или плохой, полезной или вредной, похвальной или достойной порицания природа их характеров». При этом Парето подчёркивал, что элита делится на две части: правящую и неуправляющую элиты. И констатировал, что нередки случаи, когда в правящую элиту номинально входят люди, не обладающие качествами для того, чтобы по праву принадлежать к ней.

Таким образом, этимология и семантика слова «элита» (и соответственно элитология) неадекватны тому явлению, которое они обозначают. Тем не менее, нельзя не считаться с тем, что слово это в последние десятилетия прочно вошло в научный язык, стало лексической единицей политического, публицистического и быденного языков.

Вывести из употребления это понятие теперь не удастся. Следовательно, надо операционализировать его, придать ему характер инструмента познания конкретной области социальной реальности. Это позволит высветить и обозначить те грани её, которые до того более чувствовались, чем определялись. Ряд сюжетов требуют систематической разработки категории «военная элита».

Сюжет первый – определение военной элиты. Многие авторы под ней понимают весьма немногочисленную группу конкретных персон, занимающих высокие должности в системе военного управления и причастных к разработке и принятию военно-политических и военно-стратегических решений. Думается, более точна позиция, которая исходит из того, что военная элита – социальный слой, включающий микросреду, родственные, дружественные, деловые и тому подобные личностные связи, в которых находятся эти персоны и которые оказывают – пусть косвенное – влияние на них. Кроме того, «военная элита» – это не только живые люди, но и система, нормы и правила отношений между ними и их с другими слоями общества.

Сюжет второй – достойные или эффективные составляют военную элиту. Военная элита отнюдь не только начальники или управленцы и далеко не все её представители воплощают в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Но диалектика жизни такова, что недостойные управленцы и достойные неуправленцы – каждый по-своему участвуют в формировании военной культуры общества, вырабатывают военные традиции народа, определяют ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы. В исследовании военной элиты внимание необходимо сосредоточивать и на должном и на сущем, имея в виду заинтересованность общества и государства в том, чтобы сущее максимально приближалось к должному.

Сюжет третий – свойства и признаки военной элиты. Предназначение и характер военной организации обуславливают те особые обязанности, сферы ответственности, требования и стандарты, которые формируют и определяют облик военной элиты. Принадлежность к ней в какой-то мере нивелирует взгляды, настроения и образ жизни всех её представителей.

В то же время в военную элиту входят индивиды с различными деловыми (профессиональными), нравственными, политическими качествами. Поэтому в ней могут быть лица, придерживающиеся разных ценностных ориентаций и моделей поведения.

Сюжет четвертый – состав военной элиты.

Прилагательное «военная» характеризует сферу общественной жизни и/или вид человеческой деятельности, где формируется и функционирует данный элитный слой. Его основу составляют военнослужащие, прежде всего, и главным образом генералы и офицеры. Но отсюда вовсе не следует, что военное дело – поприще исключительно военных, то есть людей, находящихся на военной службе. Неправильно считать, что вся военная элита сосредоточена только в Вооружённых Силах, тем более – в Министерстве обороны и/или в Генеральном штабе. Во-первых, её составляют определённые категории военнослужащих других войск, воинских формирований и органов. Во-вторых, к ней относятся военные пенсионеры высокого ранга, функционально не связанные с военно-силовыми структурами, но продолжающие жить их проблемами и интересами и сохраняющие связи с военным руководством страны. В-третьих, серьёзное воздействие на подготовку и принятие решений оказывают аналитические отделы и службы, осуществляющие работу с информацией и документами и ведающие правом доклада руководству или допуска на доклад. В-четвёртых, в состав военной элиты входят (зачастую неформально) люди из окружения лиц, принимающих решения.

Сюжет пятый – структура военной элиты. По степени включённости её представителей в процесс принятия и реализации военно-политических решений выделяется несколько групп. Первую составляют лица, занимающие ключевые должности в органах военного управления; во вторую входят акторы, не обладающие властными полномочиями, но участвующие в разработке военно-политических решений; в третьей находятся те, кто функционально и с высокой эффективностью занят исполнительской военной деятельностью; четвертую образуют люди, непосредственно военной деятельностью не занимающиеся, но косвенно оказывающие влияние на военное строительство. Правомерно говорить и о горизонтальной структуризации военной элиты, различные отряды которой складываются в разных силовых ведомствах, в видах Вооружённых Сил и родах войск, в военных округах.

По масштабам деятельности и объёму властных полномочий можно выделить несколько структурных уровней военной элиты: высшее военное руководство, военная бюрократия, элита соединения, части, реже – подразделения; специфический отряд военной элиты, так называемые, элитные войска.

По характеру военно-профессиональной деятельности различают управленческую (командную), инженерно-техническую, научную и педагогическую, гуманитарную и другие элитарные группы.

Относительная автономность элитных групп, их разная степень включения в процессы разработки военной политики может быть причиной расхождения интересов различных группировок, своеобразную конкуренцию между ними.

Сюжет шестой – функции военной элиты.

Если исходить из того, что военная элита не группа лиц, принимающих решения, а социальный слой, её функции можно представить в следующем виде: артикуляция и манифестация интересов общества и государства, относящихся к области обороны страны; генерация идей, касающихся развития военной организации и Вооружённых Сил; развитие науки в интересах обороны; выработка и внедрение в общество ценностей, связанных с вооружённой защитой Отечества, сохранение и культивирование военных традиций народа; военно-патриотическое воспитание населения; выращивание и выдвижение из своей среды лиц в структуры власти; повышение социальной мобильности в обществе.

Военная элита обладает выраженной склонностью к сохранению и расширению своей власти в государстве и, таким образом, к достижению своих собственных интересов. В пределе это может привести к дисфункциональному перерождению элиты в антиэлиту.

Сюжет восьмой – место и роль военной элиты в системе правящей элиты. Военная элита в лице её высших слоёв является, наряду с политической и экономической элитами, органической и неотъемлемой частью целого – правящей (властвующей) элиты. Важнейшие политические решения, в том числе относящиеся к сфере обороны, неизменно принимаются при участии всех трёх составных частей правящей элиты. При этом роль каждой из них не является ни предопределённой, ни неизменной.

Военная элита не является самостоятельным субъектом политики. Не она принимает решение о применении силы и, если оно будет принято, не она выбирает подходящий момент для её применения. Но она самостоятельна в выборе форм и способов использования средств, находящихся в её распоряжении, в интересах лучшего выполнения политических решений.

Сюжет девятый – рекрутирование военной элиты.

В отличие от всех других элит в военную элиту не попадают в порядке самовыдвижения, благодаря личной харизме, в результате выборов или каким-либо другим путём. Военная элита в своей значительной части состоит из назначаемых властью должностных лиц.

В принципе это создаёт условия для формирования военной элиты исключительно из людей способных, профессионалов высокого класса. Однако добиться этого на практике не всегда удаётся. Причины? Живучесть коррупционных схем в военно-кадровой политике, политические соображения при формировании руководства структур военно-силового блока, малочисленность и слабость кадрового резерва, несовпадение качеств, необходимых военному руководителю в мирное и военное время. Устранение этих причин, является важной и актуальной частью работы по формированию и оптимизации военной элиты.

В прикладном плане отсюда следует, что при рекрутировании военной элиты должно неукоснительно соблюдаться требование Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», согласно которому граждане, претендующие на высшие и главные государственные должности государственной службы должны иметь высшее профессиональное образование по специализации государственных должностей государственной службы или образование, считающееся равноценным, с дополнительным высшим профессиональным образованием по специализации государственных должностей государственной службы. Соответствующие требования закон устанавливает также для ведущих, старших и младших государственных должностей государственной службы.

Анисимов Владимир Михайлович,
доктор философских наук,
действительный государственный советник
Российской Федерации 3 класса

ВОЕННАЯ ЭЛИТА РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Эффективность деятельности вооружённых сил государства в решающей мере определяется тем, насколько успешно решается проблема формирования и реализации военно-кадрового потенциала, создания высокопрофессионального командного состава и научных кадров армии и флота – военной элиты государства.

Нынешнее состояние военной элиты, как показывает опыт последних двух десятилетий, не в полной мере отвечает требованиям современных замыслов военного строительства и ходу его осуществления. Все годы становления российской государственности в Вооружённых Силах РФ объективно наблюдался спад военно-служебной активности, уровня профессионализма, ответственности, соблюдения законности, исполнительности военных кадров.

Никакая группа специалистов не может считаться элитой, если она не обладает высшими знаниями в своём деле. Следовательно, родовая отметка принадлежности к элите, элитарности кроется в профессионализме.

Формирование интеллектуальной военной элиты, военной «меритократии» (от лат. *meritus* – достойный) – важнейшее дело органов государственной власти, наделённых полномочиями по решению вопросов армии и флота, безопасности страны. Речь идёт, прежде всего, о той элите, за которой будущее профессиональной армии России. Известно, что прочность любой социальной системы всегда обеспечивалась интеллектуальной мощью той её части, от которой зависела разработка, принятие и осуществление стратегических решений. Работа под началом лучших, тесное сотрудничество с, так называемой, профессиональной элитой, есть одно из решающих условий успеха не только конкретного дела (предприятия), но и духовного развития любого коллектива.

К критериям, признакам, чертам представителя военной элиты, на наш взгляд, можно отнести следующие.

В первую очередь – **профессионализм и компетентность военных кадров**. Представитель военной элиты является носителем выработанных на протяжении всей военной истории и военно-профессиональной деятельности идейно-нравственных, организационно-практических, социально-психологических и духовных ценностей, связанных с военной деятельностью и обеспечивающих её, отражает интегрированный уровень усвоения этих ценностей, владения знаниями, умениями и навыками, сформированными в соответствии с индивидуально-психологическими особенностями, а также нравственно-этическими свойствами военного человека.

Законность, соблюдение прав военнослужащих в ходе их профессиональной деятельности является важной чертой элитарного руководителя. Носитель элитных атрибутов истинно признаёт право военнослужащего на уважение со стороны любого должностного лица (никому не позволено грубить, оскорблять, унижать личное достоинство военнослужащего); право иметь и выражать свои чувства, мысли, желания, предложения, касающиеся совершенствования вопросов военного дела и т. п.

Другим важным признаком представителя военной элиты является гуманизм, уважение личности военного человека. Это предполагает: гарантированное, прежде всего, в законодательном порядке, развитие инициативы, таланта, профессиональных навыков, творческих способностей, получение фундаментального образования, максимальное удовлетворение информационных потребностей; предоставление права и возможностей на соблюдение гуманистических религиозных традиций, не принимаемых в качестве критерия при служебном движении офицера; создание возможностей и необходимых условий для и продвижения по службе в соответствии с личными заслугами и др.

Признание принципа равных возможностей для профессионального и служебного роста, соблюдение единого статуса офицера всеми должностными лицами – дело чести представителя военной элиты. Учитывая международное признание ряда ограничений, относящихся к сфере подбора кандидатов для выполнения обязанностей военной службы, следует особо подчеркнуть право военнослужащего на последовательное поощрение продвижением по службе в непосредственной зависимости от уровня образования, высоких военно-профессиональных и личностных качеств.

В целях конкретизации и повышения эффективности работы по формированию и профессиональному использованию военной элиты необходимо осуществить разработку современных идей, касающихся развития технологий качественного управления кадровыми процессами в армии и на флоте, включающую в себя систему формирования кадровых резервов, прогнозиро-

вания результативности принимаемых военно-стратегических и кадровых решений высшего уровня, а также современных методик оценки результативности деятельности кадров высших звеньев управления; разработать на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил РФ методологические основы и технологии конкретных способов проведения комплексной оценки (с помощью экспертных методов и специальных тестов) военно-профессиональных и личностных качеств офицеров, предполагаемых к назначению на должности высших военных руководителей.

Соловьев Алексей Васильевич,
кандидат философских наук, доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова

ВОЕННАЯ ЭЛИТА: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

Наше мышление основано на понятиях, в которых отражается единство существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений. Мы воспринимаем окружающий мир с помощью понятий, организующих это восприятие и придающих ему определённый смысл.

«Военная элита» сегодня является абстрактно-эмпирическим понятием, однако, разработка элитологических концепций будет способствовать переходу этого понятия в разряд конкретно-теоретических.

После Октябрьской революции в советском обществе стала формироваться элита (в том числе и военная), развитие которой вполне укладывалось в рамки теорий элитизма.

В наше время в учебниках по политологии можно встретить упрощённое понимание военной элиты. Это демонстрирует слабое развитие понятийного аппарата в данной области, без которого невозможно развивать теорию.

Механизм попадания в элиту сложен и не может быть сведён к какому-то единственному алгоритму. Здесь встаёт вопрос о границах этой группы.

Слово «элита» приобретает социологический и политологический смысл в трудах основоположников элитизма В. Парето, Г. Моска, Р. Михельса, являющихся представителями различных подходов к определению понятия «элита». Вслед за основоположниками теории элит эту тему развивали многие учёные – их последователи, которые не являлись простыми ретрансляторами идей своих предшественников. Концепции плюрализма элит (Э. Гольтманн и др.) заявляют о наличии множественных элит, каждая из которых, ограничена в своём влиянии на принятие решений специфической для неё областью деятельности. К подобного рода элитам можно отнести военную элиту.

Немаловажную роль в рассмотрении объёма понятия (имени) «военная элита» играют критерии, по которым к ней можно отнести определённых субъектов деятельности. Проблема эта далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Она регулируется законом обратного отношения, из которого следует, что между именем, называющим понятие, и совокупностью входящих в него элементов существует обратно пропорциональная зависимость.

При решении вопроса о принадлежности к военной элите известны аксиологический и альтиметрический подходы, казалось бы, исключаящие друг друга. На наш взгляд, они могли бы дополнять друг друга при умелом их сочетании.

В качестве положительного примера разработки понятия «военная элита» и соответствующей концепции представляется одно из немногочисленных диссертационных исследований, посвящённых современной российской военной элите – работа Бродкина И.А. «Политическая и военная элиты современного российского общества» (2005 г., Военный университет). В ней с самого начала, уже в названии поставлена важная проблема соотношения политической и военной элиты. В работе дано определение военной элиты, наличие которого открывает возможность конструктивной дискуссии по поводу этого вопроса. Заслуживает поддержки инициатива Клуба военачальников России, инициировавшего выпуск серии энциклопедий под общим названием «Военная элита России».

Специалистами по военным аспектам элитологии принята классификация военной элиты по различным основаниям. Это показывает существование ещё одной дискуссионной проблемы – наличия военной элиты или множественных военных элит и их взаимодействий.

Любое общество нуждается в наличии элит высокого качества. Для создания условий их формирования необходимо понимать закономерности, которым подвержена любая элита, в том числе и военная. Поэтому создание теории военной элиты представляется актуальным и необходимым элементом системы распространения элитистских подходов на военную сферу жизни общества.

Литвинов Александр Васильевич,
кандидат философских наук, профессор,
Военный университет МО РФ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последнее время со стороны представителей различных слоёв отечественной военной элиты проявляется особый интерес к теоретическим и практическим проблемам военной культуры. И это естественно, так как от её состояния и уровня развития в значительной степени зависит обеспечение национальной и военной безопасности государства, совершенствование военной организации, формирование личности воина.

Впервые обращение представителей отечественной военно-научной мысли к теоретическим и практическим проблемам военной культуры произошло во второй половине XIX века, когда было введено в научный оборот понятие «культура», а затем «военная культура», чем и было положено начало нового, культурологического направления в изучении военной истории, военной практики. Существенный вклад в его развитие внесли Г. Леер, Н. Михневич, А. Свечин, А. Снесарев, Е. Месснер, М. Фрунзе, Г. Жуков и др.

К числу наиболее значимых положений отечественной военно-культурологической мысли следует отнести:

Во-первых, возрастание роли человека в развитии военного дела, в обеспечении военной безопасности государства. Именно от человека, его деятельности зависит, в конечном счёте, эволюция военного искусства, военной культуры. Значительная роль в этом принадлежит полководцам. «Эти гениальные люди, – писал Н. Михневич, – производили сводку накопившихся новых идей и давали новый толчок в направлении прогресса».

Во-вторых, возрастание роли уровня культуры народа, от которого в значительной степени зависит способность государства обеспечить свою независимость и суверенитет. Культурность народа, писал Н. Михневич, «будет одним из решительных факторов исторической победы».

В-третьих, раскрытие механизма развития военной культуры, ключевая роль в котором принадлежит государству, проводимой им военной и культурной политики.

В-четвёртых, изменение форм и методов борьбы между государствами, возрастание роли невоенных средств в разрешении проблем в сфере межгосударственных отношений. «Расщепление духа, – писал Е.Э. Месснер, – становится таким же атрибутом и войны, и мира, как Пикассо и его последователи в искусстве... В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием...».

В развитии современной мировой военной культуры можно выделить две противоположные тенденции. Одна связана со стремлением западных стран во главе с США установить (при опоре на военно-силовые методы) «новый мировой порядок», с их безусловным и абсолютным доминированием в мире. Вторая тенденция, движущей силой которой выступают Россия, Китай, Индия, Бразилия, другие страны, проявляется в укреплении национальной военной обороны и совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами формировании многополярного мира.

Вторую тенденцию поддерживает современная политическая и военная элита России, видя в ней залог обеспечения национальной и военной безопасности, поддержания мира, сохранения суверенитета и территориальной целостности российского государства, стран СНГ.

Шаева Ольга Николаевна,
преподаватель,
Московский государственный лингвистический университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТ В РОССИИ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Взаимодействие военной и политической элит является междисциплинарной областью исследований и раскрывается в рамках политологии, военной социологии и других отраслей научного знания. Наиболее активно эта тематика разрабатывается в теории гражданско-военных отношений. Данный термин был введён и получил распространение в рамках западной военной социологии. Наиболее активно и широко он стал употребляться после выхода работы С. Хантингтона «Солдат и государство» в 1957 году. В настоящее время в отечественной и зарубежной науке объём понятия «гражданско-военные отношения» в его узкой трактовке совпадает с областью взаимодействия военной и политической элит.

Выделяются различные подходы к пониманию этого взаимодействия. Наиболее распространёнными являются подходы, которые могут быть обозначены как управленческий и культурно-ориентированный.

При управленческом подходе оно рассматривается как отношения господства и подчинения, в которых политическая элита оказывает целенаправленное управленческое и контролирующее воздействие на военную элиту, прежде всего, с помощью законодательно закреплённых, формальных средств гражданского контроля. Основное внимание при этом уделяется, с одной стороны, вопросам развития системы гражданского контроля в России, её эффективности и её соответствия «демократической западной модели» гражданского контроля. Примерами являются работы С.Г. Маслюка, Л.В. Певеня, В.В. Серебрянникова, Ю.И. Дерюгина и др.¹ С другой стороны, исследуются взаимодействия между отдельными представителями военной и политической элит (прежде всего, между Президентом и высшим военным руководством), их направленность и влияние на гражданско-военные отношения в целом и политику в области обороны и безопасности².

При культурно-ориентированном подходе исследуется взаимодействие двух общностей, обладающих специфической и различающейся культурой. При этом внимание сосредоточено на специфике культуры военной элиты и военного профессионализма, противопоставляемых некой обобщённой «невоенной» культуре гражданской политической элиты. Этот подход в России распространён в меньшей степени и скорее характерен для зарубежных исследователей.

Примером являются работы Дейла Херспринга³, в которых он рассматривает динамику взаимоотношений между военной и политической элитами в России в исторической перспективе и приходит к выводу о том, что причиной их определённой дисгармонии является недостаточное внимание к специфике культуры военной элиты, её мнениям и потребностям со стороны элиты политической.

С нашей точки зрения, указанные подходы могут быть интегрированы в целях достижения более глубокого понимания взаимодействия военной и политической элит, так как специфика культуры военной элиты в России и её отличие от культуры политической элиты может выступать как фактор, обуславливающий формирование системы гражданского контроля и взаимодействия между отдельными представителями военной и политической элит.

Антюшин Сергей Сергеевич,
доктор философских наук, доцент
Российская академия правосудия

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОФИЦЕРА

Жизнь общества во многом зависит от совершенства и возможности системы военной безопасности страны. А она, в свою очередь, обусловлена качественными характеристиками офицеров – тех, кто решает наиболее важные задачи в этой сфере: непосредственно участвует в практике военного строительства, в организации надёжной обороны страны, в развитии отечественной военной науки, в совершенствовании и повышении эффективности военного образования, решении многих других важнейших проблем.

Фигура офицера, как необходимого субъекта социальной системы в целом и её вооружённых сил объединяет в себе много смыслов, социальных статусов, функций.

С одной стороны, общество и государство ожидают от офицера высокой надёжности, преданности профессии и стране, неповторимой изобретательности (творчества) и самостоятельности в своей профессиональной деятельности. На нём лежит ответственность за разработку и реализацию конкретных задач в сфере военной безопасности. Задачи эти могут оказаться любой сложности, опасности, масштаба. С другой стороны, на офицера рассчитывают как на относительно обезличенный и непременно безотказный элемент единого целого – как на эффективный «инструмент» системы военной безопасности.

В любом случае современный российский офицер является носителем важнейших социальных ролей.

¹ Маслюк С.Г. Гражданско-военные отношения в России. Проблемы демократического контроля над военной сферой. М.: Центр политических и международных исследований, 1998; Певень Л.В. Демократический гражданский контроль над вооружёнными силами: теория и практика гражданско-военных отношений. М.: Издательство РАГС, 2008; Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И. Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996.

² См., например: Gomart, T. Russian Civil-Military Relations: Putin's Legacy. Carnegie Endowment for International Peace, 2008.

³ Herspring, D. Russian Civil-Military Relations. Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis, 1996; Huntington S. The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957.

Прежде всего, он должен быть непременно и в полном смысле слова гражданином страны, убеждённым патриотом России. Главным компонентом патриотизма является осознанная самоидентификация личности в качестве неотъемлемого члена российского общества. Укреплению патриотических чувств офицера способствуют многие факторы; прежде всего – высокая оценка обществом его деятельности, в том числе через уровень материального благосостояния, высокий статус. Не укрепляет патриотизма нарастающая в российском обществе социальная дифференциация, пересмотр традиционных ценностей, недооценка значимости некоторых видов деятельности, в том числе, воинской.

Офицер призван быть специалистом высокого уровня в конкретной области военно-социальной активности. Он является в полном смысле слова бойцом, при необходимости – единокорпусом. Важная социальная роль офицера в том, что он – руководитель и организатор подразделения, части, соединения.

Офицер – это всесторонне (интеллектуально, психологически, физически, технически) подготовленный человек, способный и готовый вступить в бой, схватку с вооружённым и, зачастую, не менее хорошо подготовленным во всех отношениях врагом, а также эффективно руководить воинским коллективом в бою и в мирный период военного строительства.

Фактически офицер – не только потенциальный, но и актуальный герой нации, носитель важнейших российских традиций и моральных ценностей.

Воспитать и подготовить такого специалиста, а тем более, добиться, чтобы им был каждый офицер непросто, но иного пути нет.

Масштаб и ресурсоёмкость задачи подбора, подготовки и создания условий совершенствования офицера требует твёрдой политической воли, жёсткого и, одновременно, творческого руководства со стороны государства, поддержки всего общества.

Григорьев Анатолий Борисович,
кандидат исторических наук, доцент
военный культуровед

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА РОССИИ

Каким должен быть современный офицер России? Ответ прост: нравственным и профессионалом высокого ранга! Кажется, ответ исчерпывающий. Но если на этот вопрос посмотреть глубоким взглядом, то заметим, что каждая из этих характеристик состоит из суммы разных понятий, которых всех сегодня и не перечислить.

В чём тут дело? Ларчик открывается просто: сказались последствия распада СССР и политическая безграмотность его инициаторов. Как преодолеть эти последствия?

Исследования показывают, что проблема эта решается познанием военной культуры России и её особенностей.

В самой общей форме под военной культурой подразумевается всё, созданное в России (и не только!) в духовной, материальной и физической сферах в области военного дела. Такой подход позволяет собрать воедино дифференцировавшиеся в разное время разделы военных знаний, восстановить утраченную связь времён и поколений, установить характерные особенности и закономерности развития военного дела в стране, раскрыть её как составную часть общей культуры народа. В целом история отечественной культуры весьма убедительно показывает роль общества в создании военной силы и укреплении воинского духа.

Сегодня роль материальной и физической ветвей культуры в решении оборонных задач государства, достаточно хорошо известна, и все её признают. А вот духовная сфера из-за чрезмерной идеологизации в советское время и кризиса идеологии в постсоветской России представляет собой довольно крепкий орешек, под оболочку которого теоретики до сих пор проникнуть не смогли. А именно там содержится возможное решение многих проблем военного строительства и, прежде всего, создания корпуса офицеров, являющегося костяком любой армии.

В современных условиях культурологический подход представляется наиболее перспективным в решении задач военной проблематики, поскольку позволяет освободиться от стереотипов прошлого, исключить влияние субъективных факторов. Однако отечественная военная культура ещё не стала объектом систематического и глубокого исследования.

В государстве провозглашено воспитание личности. Но как эту задачу решить? Школа, семья и общество сегодня не дают личности, которую в полном смысле этого слова можно назвать гражданином. Под гражданином в старой России понимали личность, живущую по законам своего Отечества и готовую защищать эти законы с оружием в руках. Из гражданина сделать офицера просто – прошёл соответствующий курс подготовки, и дело сделано.

Первый метод познания военной культуры – сравнение. Сравним Николаевскую академию с современной академией Генштаба, и сразу заметна большая разница.

Что делать? Вернуться к классическому методу возрождения: нужно лучшие достижения прошлого соединить с настоящими. Следует изучить военно-историческое наследие, кстати, здесь, в стенах Военного университета маленькая группа энтузиастов, по мере своих сил и возможностей, решает эту задачу, издавая известные «Российские военные сборники», один из которых напрямую посвящён оценке качества личности офицера, правда, пока русской армии. И это напрямую ставит вопрос исследования образа офицера Советской Армии, что данная группа выполнить не может – здесь нужен целый институт специалистов, в том числе и гражданских.

Последние считают, что военными делами должны заниматься военные. Примером может быть современный фундаментальный труд академика Степанова об артефактах русской культуры, но... ни одного военного артефакта, как будто в России никогда не было войн, хотя связь военной культуры с культурой прямая, и очень чётко просматривается на фоне побед и поражений России. Можно сказать, что в МГУ проведена колоссальная работа по исследованию качеств личности, которая может найти своё место в Вооружённых силах.

Оценка личности офицера – сегодня, пожалуй, одна из злободневных многотрудных задач, решаемая, на мой взгляд, только при обращении к военной культуре России и её историческому наследию, но кто будет решать эту отнюдь не простую проблему? Очень бы хотелось получить ответ на этот вопрос, а ещё лучше на своём веку увидеть его практическое разрешение.

Даниленко Игнат Семенович,
доктор философских наук, профессор,
Центр руководителя многотомной истории
Великой Отечественной войны

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Элита – такая реальность, без которой не может существовать социум. Она является субъектом и продуктом его управления. Общий набор конкретных качеств и их приоритетность, на основе которых люди относятся к элите, в разных странах заметно отличаются. Нам необходимо адаптировать понятие «элита» к логике и строю русского языка, особенностям наших общественных условий. Важно перейти от фрагментарного к системному исследованию проблем элиты вообще и конкретно военной элиты.

Элита призвана выражать интересы всего социума, отстаивать и защищать их на международной арене, не обособляться и не противопоставлять свои интересы интересам всего народа. Функция всей элиты и каждой личности, оказавшейся в её среде, заключается, прежде всего, в служении интересам благополучия и безопасности всего социума.

В составе элиты любого социума всегда выделялась и играла важную роль в его истории военная элита. Дело в том, что счастливых стран и народов, в истории которых войны занимают малый процент исторического времени, не много. В более чем тысячелетней истории России больше половины исторического времени ушло на внешние и внутренние войны, разного рода революционные смуты. Флуктуация мирно-военных отношений между социумами ведёт к тому, что подготовкой к войне постоянно занимаются все страны. В силу этого в каждой из них формируется военная элита. Она составляет важную часть элиты любого социума.

История формирования и анализ деятельности военной элиты России – важный предмет военно-исторической и всей исторической науки, а теория процесса формирования военной элиты является предметом военного строительства как составной части военной науки. Остановлюсь на тех проблемах, которые требуют активной научной разработки.

Во-первых, необходимо системно исследовать и оценить отечественный исторический опыт формирования и деятельности военной элиты на протяжении более тысячи лет. Его правомерно разделить на несколько самостоятельных периодов: доимперский, имперский, советский и современный. Выделить в них исторически ценное наследие, которое следует сохранять и развивать, а так же недостаточно разумное, ошибочное, повторение которого надо исключить.

Во-вторых, заслуживает внимания проблема формирования качеств военных элит, индивидуальных и корпоративных. Военный элитарий, чтобы быть на высоте своего общественного положения, должен обладать целым комплексом ценных качеств. Важнейшими из них являются, по моему мнению, следующие: высокий общий уровень интеллектуального развития, широкий диапазон и высокое качество военного профессионализма, безупречные гражданственность и нравственность, творческий подход к порученному делу (креативность).

Есть основание для вывода: без высокой военно-профессиональной подготовки нельзя стать полноценным военным элитарием. Что касается высокой гражданственности, безупречной нравственности как обязательных для отвечающего общественному назначению военного эли-

тария качеств, то это большая, но в принципе хорошо исследованная тема. Необходимое и обязательное качество для военного элитария – постоянная способность к творчеству. Подготовка к вероятным войнам, не говоря уже о их ведении, требует от военного элитария творческого мышления и решимости на творческие действия.

Наряду с личностными чертами военной элите присущи и корпоративные качества, характеризующие её как общественную группу. Она может быть сплочённой, солидарной, авторитетной и, наоборот, состоять из явно или скрытно конфликтующих между собой групп и личностей.

В-третьих, требует большего внимания проблема авторитета военных элит в Вооружённых Силах, во всех слоях общества и даже на международной арене, разработка мер по его повышению.

В-четвертых, очень сложный и важный для судьбы социума вопрос преемственности в развитии военной элиты, разработка механизмов и технологии передачи, освоения и приращения её исторического опыта и традиций.

В-пятых, судьбоносной для страны темой являются отношения военной элиты с другими элитами, прежде всего, с высшей властной элитой. Многие проблемы военной безопасности страны, жизнедеятельности Вооружённых Сил военная элита не в состоянии решить без деловых связей и отношений с научно-технической, экономической, академической, информационной и другими группами современной элиты.

Илиевский Николай Вячеславович,
Эксперт Комиссии Общественной палаты

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА: ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ

Определённый дисбаланс между желаемым и реальным качеством военной элиты существует постоянно, что, в свою очередь, гарантирует устойчивый общественный интерес к проблеме и спрос на конкретные рекомендации в данной сфере.

Известны два основных подхода к пониманию элиты – альтиметрический и аксиологический. В соответствии с ними следует различать элиту места, статуса и элиту состояния, качества. Между ними всегда наличествует некий момент несовпадения. Вопрос лишь в том насколько сильно он выражен. Иначе говоря, в какой степени люди де-факто и де-юре находящиеся наверху, соответствуют своему положению с точки зрения своих интеллектуальных, моральных и деловых качеств.

Имеющийся на сегодня разрыв представляется значительным.

Применительно к российским Вооружённым Силам военную элиту можно условно разделить на руководящую и научную. За последние 25–30 лет произошло весьма заметное снижение качества обеих названных ипостасей. Очевидно, что положение с военными кадрами необходимо радикально менять.

Анализ основных причин сложившейся ситуации позволяет увидеть пути выхода из кризиса. Что же это за причины?

1. Разрушение советской государственности и связанная с ним утрата многих положительных традиций, девальвация ценностей, нравственный кризис.

2. Масштабный исход из Вооружённых Сил значительного числа достойных офицеров.

3. Резкое падение качества отбора кандидатов в офицеры в сочетании со снижением уровня подготовки военных кадров в училищах и академиях.

4. Значительное, во многом искусственно организованное снижение патриотических настроений в российском обществе вообще, и в военной среде в частности.

5. Ошибки государственной политики в отношении Вооружённых Сил, выразившиеся, например, в многолетней паузе в решении социальных проблем военнослужащих, перевооружении армии и флота и др.

6. Реальный набор ценностей и смыслов, который предлагается обществу. Сакрализация материального успеха дезориентирует людей, а дефицит справедливости, наблюдаемый во всех сферах общественной жизни, видоизменяет мотивацию их деятельности.

7. Деформация взаимоотношений в офицерской среде. Культ командира, вне связи с его реальным авторитетом и качествами, отрицательно влияет на формирование военной элиты. Принцип единоначалия незыблем, но он не может и не должен быть прикрытием злоупотребления властью, унижений подчинённых. Сегодня здесь явно не хватает эффективного контроля сверху и отсутствует общественное влияние снизу, в лице офицерских собраний.

Что же необходимо сделать для повышения качества российской военной элиты? В значительной мере ответ на этот вопрос уже прозвучал – надо исправлять положение по тем направлениям, которые перечислены выше. К этому следует добавить несколько общих положений:

Первое. Реализация провозглашённого Президентом политического курса объективно должна способствовать оптимизации ситуации с военными кадрами. Укрепление демократии, социального и правового характера государства и других основ конституционного строя Российской Федерации, модернизация Вооружённых Сил призваны улучшить социальный климат, устранить многие диспропорции, повысить уровень реализации прав и свобод человека и гражданина. А справедливому государству легко служить.

Второе. Требуется системная и постоянная работа по разрешению противоречия между альтиметрической и аксиологической военной элитой с приведением их к единому знаменателю. Реализовываться этот подход должен через конкретную повседневную кадровую политику.

Третье. Необходима дальнейшая модернизация системы военного образования, которая должна быть жёстко ориентирована на достижение главной цели – подготовку офицера-патриота, обладающего высоким уровнем общей культуры и адекватным объёмом специальных знаний, навыков и умений.

Певень Леонид Васильевич,
кандидат философских наук, доцент,
научно-исследовательский (социологический) центр ВС РФ

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ – ПОВОРОТ К ОТКРЫТОСТИ И ДИАЛОГУ

Прошло чуть более года после скандальной смены руководства Минобороны России, связанной с коррупционными правонарушениями. На смену старой команде с её амбициозным, но волюнтаристским, порой алогичным, не опирающимся на отечественные оборонные традиции подходом, в Минобороны России пришла не менее амбициозная команда национально ориентированных специалистов, с первых дней своей работы, заявивших о приоритете военного профессионализма и традиционных отечественных ценностей в повышении обороноспособности страны, военном строительстве, в обучении и воспитании личного состава Вооружённых Сил.

Новому руководству военного ведомства за 2013 год удалось поменять тренд общественного мнения в пользу повышения доверия к Вооружённым Силам. По данным ВЦИОМ в октябре 2013 года Вооружённым Силам доверяли исключительное большинство россиян (до 61%), а год назад оно было почти в 2 раза меньше.

Государство и общество практически совпали в своём стремлении видеть российскую армию современной и профессиональной. Сегодняшнее руководство Минобороны России более открыто гражданскому обществу.

Экспертный опрос участников Международного конгресса «Безопасность и защита личности, общества и государства» (г. Москва, ноябрь 2013 г.) показал, что треть респондентов (34%) считают, что государство делает всё необходимое для развития своих Вооружённых Сил, а ещё 40% опрошенных указали, что делается много полезного и необходимого, но ещё немало предстоит сделать. Вместе с тем четвертая часть (26%) опрошенных критически оценила деятельность государства, направленную на укрепление военной безопасности России и укреплению боевой мощи её Вооружённых Сил, мотивируя тем, что у страны в сложной социально-экономической ситуации есть и более важные задачи. Однако в гражданском обществе уже растёт понимание спекулятивного характера призывов к сокращению военного бюджета в России.

К сожалению, в российском государстве механизмы объективного гражданского контроля над силовым блоком мало эффективны, что и сделало возможным появление «сердюковщины» в военном строительстве, как явлению проявляющимся в вопиющей некомпетентности, авантюрном копировании западных стандартов, миллиардных растратах и хищениях.

В своё время американский социолог Ч. Москос отмечал, что «военная служба – это больше, чем работа»; её смысл и содержание определяют патриотизм, любовь к своей профессии, готовность защищать Отечество, войсковое товарищество. Практика военного строительства в Российской Федерации в 2007–2012 годах показала, что только повышение материальной заинтересованности военнослужащих в результатах своей служебной деятельности без сочетания с мерами морального стимулирования и воспитательного воздействия на личный состав не принесёт ожидаемого эффекта по повышению боевой готовности, укреплению уставного порядка и воинской дисциплины.

В свете наметившихся позитивных перемен во взаимодействии государства и его института – Вооружённых Сил с гражданским обществом сейчас достижение консенсуса в понимании возникающих рисков и потенциальных угроз для обеспечения военной безопасности нашей страны не выглядит бесперспективным. Очевидно, что система связей и отношений между ар-

мией и гражданским обществом должна базироваться на достигнутом согласии по основным вопросам общественной жизни и военной политики.

Савинкин Александр Евгеньевич,
кандидат философских наук, доцент,
«Российский военный сборник»

НЕЗЫБЛЕМЫЙ КОДЕКС ЧЕСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

Предлагается подразумевать под военной элитой лучших по своим качествам (достоинствам и делам) представителей офицерского корпуса России. Людей авторитетных, с которых действительно можно брать пример, которые не только внесли существенный вклад в развитие военного дела и защиту Отечества, но и соответствуют определённому эталону (стандарту), позволяющему отнести их к элитной группе. Бесспорной, настоящей, образцовой военной элитой России следует полагать наших военных классиков: полководцев, флотоводцев, мыслителей, боевых генералов и офицеров, оставивших след в нашей истории.

Военная элита современной России, конечно же, существует. Пусть она и далека от идеала, но именно её представители спасли Россию, победили террористов на Северном Кавказе во время двух чеченских кампаний, не допустили окончательной деградации Вооружённых Сил во время «реформ» последних 20 лет.

На мой взгляд, военную элиту характеризуют следующие сущностные качества: патриотизм (бескорыстное и результативное служение России); победоносная идеология, исключая пораженческую психологию; профессионализм высокого класса; культурность, образованность и воспитанность; способность мыслить творчески (практически и теоретически); авторитет, обусловленный заслугами и достоинствами; мужество, героизм, подвижничество, самостоятельность и др.; честность, соблюдение законов (правил) чести.

Честность и благородное честолюбие А.В. Суворов ставил на первое место среди «достоинств генеральских». Он замечал: «Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата... Я честный человек, из чести служу. Честь моя мне всего дороже, покровитель ей Бог... Верность и ревность моя к Высочайшей службе основаны на моей чести... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славу Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию...».

Честь для представителей нашей отечественной военной элиты была святым, очевидным и всеобъемлющим понятием. И была дороже жизни. Они заключали её в служении Отечеству. Она побуждала офицеров быть победителями, искать почестей и славы в боевых условиях (на поле чести), сохранять мужество, никогда и ничего не бояться. Не допускала предательств, измен, низкопоклонства, корыстолюбия. Заставляла мыслить и читать, анализировать боевой опыт, постоянно совершенствоваться в военном деле, сохранять высокий уровень профессионализма. Напоминала об офицерском товариществе, войсковом братстве, отеческом отношении к солдатам, сбережению их здоровья и жизни. Не допускала поступков, порочащих офицерское звание. Учила благородно вести себя в обществе. Удерживала от бесчестия.

Все эти и другие установки составляют незыблемый Кодекс чести российского офицера, утверждённый самой историей. Соответствие этому этическому стандарту и позволяет вести речь о военной элите России.

Хамзатов Муса Магомедович,
кандидат военных наук, доцент,
независимый экспертно-аналитический центр «Эпоха»

ВОЕННАЯ ЭЛИТА РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В условиях современной глобальной трансформации миропорядка Вооружённые Силы России должны быть готовы в случае необходимости к адекватному реагированию на военные угрозы современности. В этих целях руководством государства предпринят ряд важных шагов, в том числе и значительное увеличение финансирования военной сферы. Планируется, что оснащение Вооружённых Сил Российской Федерации современными образцами вооружения, военной и специальной техники к 2020 году составит до 70% от их общего количества в войсках. Планы хороши. Но о реальном соответствии вооружённых сил новым условиям обстановки можно будет говорить только тогда, когда новой техникой будут управлять должным образом подготовленные командные кадры. Как свидетельствует история, решение этой задачи зависит от военной элиты, обладающей, наряду с высокими профессиональными и интеллектуальными качествами, возможностью и способностью оказывать влияние на действия политической власти в области обеспечения национальной безопасности.

История нашего Отечества знает много примеров, когда военная элита вносила решающий вклад в дело подготовки к войне или её успешного ведения. Даже представители современ-

ной молодёжи наряду с именами прославленных полководцев А.В. Суворова и М.И. Кутузова могут называть таких ярких представителей военной элиты 20 века, как М.В. Фрунзе или К.К. Рокоссовский.

Главное, что объединяет всех истинных представителей военной элиты – это беззаветная любовь к Родине и к военному делу, энергия и сила духа, высокая общая эрудиция и сильная воля. Немаловажная черта – уважение к подчинённым.

К сожалению, череда реформ вооружённых сил в последние два десятилетия не могла не сказаться на качестве военной элиты. Часто не в лучшую сторону.

К факторам, снижающим в наше время качество военной элиты, можно отнести следующие.

1. Нарушение работы «социального лифта» в среде высшего офицерского состава. Оно выразилось в назначении на ключевые должности в вооружённых силах лиц, хотя и достигших высоких результатов в других сферах деятельности (оборонно-промышленном комплексе, финансовых организациях и т. п.), но не являющихся специалистами в области военной безопасности.

2. Формирование внутри военной элиты различных групп, отличающихся по своим корпоративным интересам и областям функционирования: «люди министра обороны», «генштабовцы», «коммерсанты» и др.

3. Широкое распространение формального подхода к войне как к военной науке в строгом смысле слова, как к делу «ума и знаний», а не «искусства и воли». В среде военной элиты всё меньше остаётся специалистов, глубоко понимающих военное дело. Всё чаще забывается, что армия сильна не только своим солдатом, но и духом и личными достоинствами командиров. Некоторые, не понимая истинного военного духа, сводят искусство воспитания и обучения войск к внешним атрибутам, выражается ли это в обеспечении войск, проведении учений или военных игр. Так же и искусство управления войсками сводится на уровень ремесла командования.

Создаётся впечатление, что многие современные представители военной элиты, считают, что война в ближайшие годы маловероятна, что дипломатия сильнее войны и что стоит лишь заявить своё отвращение к войне, как её не будет. Мол, войну надо рассматривать только после 2020 года, когда мы спокойно перевооружим свою армию и подготовим новый офицерский корпус.

Сегодня, формирование качественно новой военной элиты является актуальной задачей. С развитием вооружения и военной техники уровень командного состава, способного кардинально повлиять на военно-стратегическую обстановку, снижается. Цена ошибки отдельного представителя военной элиты может стать критической для всего государства. Если во времена Суворова и Наполеона ход и исход войны зависел от результата действий всей армии, то в наше время единолично изменить геостратегический расклад в мире уже может командир атомной подводной лодки, оснащённой стратегическими баллистическими ракетами, или командир стратегического бомбардировщика с аналогичной «начинкой».

С широким распространением военных действий в киберпространство, эта тенденция будет только усиливаться.

Тюшкевич Степан Андреевич,
доктор философских наук, профессор,
НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В том, что в современной России проблема подготовки военных кадров, адекватных нынешней эпохе, актуальная и болезненная, нет сомнения. Постановка её для обсуждения вполне своевременна. Однако формулировка этой жизненно важной проблемы вызывает немало вопросов. В ней присутствует понятие «элита», как определение лучших представителей общества или какой-либо его части, политического (и иного) руководства нынешней России.

Но обычно о выдающихся личностях, обладающих талантом, убеждённой, творчеством, волей, высоким патриотизмом, гуманизмом и т. п. говорили (писали) как о гениях и/или героях. И таких личностей у России (Советского Союза) было немало. Они были и остаются её богатством. Достаточно напомнить, что в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии 1941–1945 гг. такими личностями были миллионы. И их с полным правом можно назвать элитой советского общества, спасшей своё Отечество и всё человечество от фашистского и мракобесия.

Но можно ли представителей правящих кругов государства назвать элитой российского общества начала XXI века? Представляется, это неправомерно. Главным образом, потому что у

этой «элиты» отсутствуют: связи между словом и делом; компетентность, необходимая для руководства; творчество и ответственность за дело; личный пример исполнительности и т. п. Многие представители этой «элиты» лишены действенного патриотизма, но зато они любят власть и различного рода привилегии.

Не всё благополучно с «военной элитой», вернее с военными кадрами. Они не обеспечили, а точнее сказать провалили, все реформы, особенно в годы, когда Министром обороны РФ был А.Э. Сердюков. С приходом к руководству Вооружёнными Силами генерала армии С.К. Шойгу, оздоровлением всего высшего военного руководства начался новый этап развития и функционирования Вооружённых Сил, всей оборонной сферы.

Действительно, современная российская «элита», в том числе и военная, не имеет ясного научного представления о сущности и характере современного российского общества, а оно весьма сложно и противоречиво. Государство не имеет единой идеологии, которая давала бы командным кадрам систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде, в мировой геополитической обстановке, а также и в таком социально-политическом явлении, как война. К тому же высший командный состав Российской армии – это в основном остатки от командного состава Советской армии, который систематически сокращался и подвергался ударам едва ли не более болезненным чем удары по Красной армии в 1937–1938 гг. При этом в ходе придания российским Вооружённым силам «нового облика» подверглась разрушительному воздействию система военного образования.

В постсоветской России оказались разрушенными важнейшие ценностные ориентиры, духовно-нравственные идеалы, что многократно усложнило формирование и подготовку военных кадров настолько, что говорить о военной «элите» просто кощунственно.

Между тем интересы надёжной безопасности страны в целом, военной в особенности, требуют осуществления теоретически обоснованных мер по формированию надёжных военных кадров российских Вооружённых сил. В их числе особо важными мерами являются возрождение мировоззренческих основ российского военного строительства, военной мощи. При этом важно подчеркнуть, что религиозные и светские компоненты мировоззрения могут сосуществовать и взаимодействовать в духовном мире людей при условии их общей миролюбивой и гуманистической направленности. Главное в другом: если идеалы, принципы и нормы жизни, интересы, ценностные ориентации, убеждения и верования людей будут неразрывно связанными с миролюбивой политикой, независимостью и целостностью государства, с многонациональной культурой более 170 народов России, живущих в мире и решающих программы вывода страны на мировые рубежи хозяйствования и управления, безопасной жизни, то можно с оптимизмом смотреть в будущее. Современное мировоззрение российских граждан – неперемнная исходная предпосылка выхода России на передовые рубежи в мире, условие решения её сложных и актуальных проблем. Оно же – решающий и определяющий фактор формирования военных кадров современной России, воспитания личности защитника Отечества.

Если сказанное выше мы не будем учитывать в процессе военного строительства, то проблему обеспечения военной, в целом национальной, безопасности России мы не решим. В связи с этим представляется целесообразным и необходимым в процессе военного строительства: провести теоретико-практический анализ военных реформ, осуществлённых в современной России; осуществить коррективы в военном строительстве с учётом отечественного опыта, в том числе связанного с Великой Отечественной войной; внести поправки в проводимую реформу в интересах усиления места и роли духовно-морального фактора в российском военном строительстве, в подготовке военных кадров; восстановить систему воспитательной работы в войсках (силах) с учётом советского опыта; восстановить единство воспитания и обучения личного состава войск и военных учебных заведений; осуществить меры по повышению престижа Вооружённых Сил, их офицерского корпуса в российском обществе.

Белов Петр Григорьевич,
доктор технических наук, доцент,
РГТУ им. Циолковского

О СВЯЗИ НРАВСТВЕННОСТИ ЭЛИТ С БЕЗОПАСНОСТЬЮ РОССИИ

Элита (в том числе, военная) не может быть безнравственной, иначе она будет подобрана и использована против своей же страны. И это особенно важно для России как объекта возможной агрессии с целью захвата её ресурсов и территории, единственно пригодной для обитания людей после ещё большего потепления климата. К сожалению, всё это пока игнорирует нормативная база и проводимая у нас политика по обеспечению национальной безопасности РФ (НБР).

А ведь уже Конфуций знал, что хаос из-за неисполнения законов в любой стране – следствие аморальной политики её правителей. Да и наши современные соотечественники чётко ука-

зали на более конкретные причины проявлений подобного в России: А.С. Панарин – абсурдность происходящего сегодня вызвана предательством российских элит, не считающих нашу страну своей; К.Ю. Гордеев – существующая у нас система ценностей полностью соответствует нравственности доминирующей ныне партии.

В этой связи крайне необходима система мер по возрождению нравственности, а значит – и по самосохранению нашей страны. Одна их часть должна касаться юридически обязывающих нововведений в нормативную базу НБР. Дело в том, что любой закон – это та нижняя грань общественной морали, переход через которую социально опасен, и подобное воздействие может принудительно повернуть мораль в нужном направлении. Если конкретнее, то следует уточнить смысл и объект НБР, показатели и критерии её оценки, задачи и механизм обеспечения.

В частности, следует уйти от чрезмерного популизма таких интересов личности и общества, как права, свободы и укрепление демократии, да отказаться от их обеспечения единственным способом «защита», то есть запаздывающее реагирование на уже возникшие угрозы и вызовы. А в число показателей ввести то, что отражает жизненную силу и потенциал развития нации (объём социального времени и национального достояния), качество жизни её граждан (удовлетворённость духовными и материальными потребностями), издержки на парирование различных чрезвычайных ситуаций (ущерб и затраты на их предупреждение).

Не менее важно сделать из разрозненных ныне указов президента и федеральных законов цельную систему политико-правового обеспечения НБР. Её первая составляющая должна пробуждать инстинкт самосохранения нации, примирять и объединять её народы вокруг русского, а вторая – чётко регламентировать функции соответствующих структур и порядок спроса за недочёты с их руководителей. Сделать это можно разработкой и вводом в действие Концепции и Доктрины НБР, рамочного закона «О НБР» и Основ законодательства по сохранению базовых ценностей России.

Что касается других неотложных мер, то они должны включать идеологическую, организационную и технологическую составляющие. В основу первых следует положить национальную идею («Отечество в опасности», например), вторых – Всенародное движение под девизом «За державное возрождение России», третьих – отказ от нерациональной процедуры принятия важнейших для страны решений, начиная с выборов главы государства и парламента, и завершая разработкой национальных целевых программ и проектов.

И, конечно же, необходима перестройка образования и просвещения во всех их сферах, включая НБР. Здесь следует изменить акценты: вместо «оказания образовательных услуг» заняться всесторонним воспитанием и, прежде всего – нравственности. «Важнейшее из человеческих усилий, – писал А. Эйнштейн – стремление к нравственности. От него зависит наша внутренняя устойчивость и само наше существование. Только нравственность в поступках придаёт нашей жизни красоту и достоинство. Сделать её живой силой и помочь ясно осознать её значение – главная задача образования».

Неотложные организационные меры должны быть направлены на а) пробуждение инстинкта самосохранения нации; б) примирение некоторых враждующих ныне её этносов и народностей; в) объединение их усилий в борьбе с наиболее серьёзными угрозами и вызовами. Успех в решении этих задач может быть достигнут лишь при организации массового общенародного движения под лозунгом имперского или державного возрождения России.

Меры технологического характера следует направить на пересмотр бытующей ныне (нерациональной) процедуры принятия важнейших для страны решений, начиная с выборов главы государства и его парламента, и завершая стратегическим планированием их деятельности, т. е. разработкой национальных целевых программ и проектов. В самом деле, если вместо неизвестно кем и где подбираемых кандидатов наши народы будут: 1) вначале чётко формулировать стоящую перед ними цель, вытекающие из неё задачи и требования к профессиональным качествам их исполнителей; 2) затем проводить открытый конкурс с едиными и чёткими критериями оценки альтернативных предложений и их авторов; 3) после выбора наилучшего кандидата осуществлять контроль результатов его деятельности, то нынешняя «закулиса» не сможет навязывать решения, сходные с недавним «реформированием» армии, или нынешними новациями в организации науки и образования.

Белозеров Василий Клавдиевич,
доктор политических наук,
Московский государственный
лингвистический университет

ОБРАЗОВАНИЕ ОФИЦЕРОВ КАК ФАКТОР ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИИ

Офицеру суждено остаться основой военной элиты, он является ключевой фигурой вооружённых сил, от которой зависит способность армии выполнять свои задачи. Главное необходимое условие его функциональности – его образование, понимаемое в широком смысле слова.

Многие процессы, происходившие в последние годы в сфере отечественной военной науки и образования, не могут не иметь крайне негативных последствий для ослабления обороноспособности страны. Наличие же проблем в этой сфере является «секретом полишинеля» для политических конкурентов и оппонентов России.

Думается, что необходимым (пусть и недостаточным) условием обеспечения обороноспособности России и поддержания боеспособности нашей армии является возрождение и всяческое пестование её интеллектуальной традиции.

К сожалению, думающих людей всегда было недостаточно в отечественном офицерском корпусе. А.В. Суворов, Д.В. Давыдов, А.Е. Снесарев, А.А. Свечин – скорее исключение. Беда, что таких людей неудовлетворительно мало насчитывается в офицерской среде и в наши дни, хотя как раз сегодня они нужны, пожалуй, более чем когда-либо. По большому счёту, творчество указанных представителей отечественной военной мысли и одновременно – практиков военного дела вполне можно рассматривать как призыв к образованию офицерского корпуса, к интеллектуализации армии, а каждого из них – как пример думающего офицера. На этом примере утверждается та прописная истина, что офицерский корпус должен быть, прежде всего, образованным и интеллектуально развитым, и в этом – сила армии и залог безопасности страны.

В современных условиях руководство страны и Вооружённых Сил должно предпринять всяческие меры по возрождению интеллектуальной отечественной традиции офицерского корпуса. Соответствующие меры помогут воспрянуть духом после некоторых непродуманных шагов в отношении армии, военного образования и военной науки и будут правильно оценены. Следует помнить то, что интеллектуальная традиция отечественного офицерского корпуса имеет немало убедительных примеров того, что образованность и культура прекрасно уживаются со смелостью, решительностью и организаторскими способностями.

Начать надо с решительного разрушения существующих стереотипов о возможности успехов в служебной деятельности без постоянного образования. Следует незамедлительно и разумно организовать (возобновить) подготовку кадров высшей квалификации в военных вузах. Здесь необходимо отметить, что подготовка офицера (в том числе послевузовская) в Военном университете, развитие науки и научных кадров не могут быть полноценными в условиях, когда приостановлена деятельность (7 октября 2013 г.) диссертационных советов по политологии, философии, социологии и психологии. Нельзя согласиться с сокращением и политологического и политического образования офицеров.

Вообще, уместно напомнить о том, что лозунгом Академии бундесвера в Гамбурге избрана фраза Вергилия «Дух движет материей».

Выхолащивание духовных факторов в сфере организации обороны страны, а к ним относится и образование офицеров, недопустимо. Такой подход не соответствует ни отечественной научной традиции, всегда придававшей значительное внимание изучению духовной составляющей военной мощи, ни сложившейся практике обороны страны.

Копылов Игорь Александрович,
кандидат политических наук, доцент
Военный университет МО РФ

СИСТЕМА ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

Система военного образования государства является важнейшим инструментом формирования профессионального кадрового состава Вооружённых Сил, играет ведущую роль не только в подготовке будущих офицеров, но и дальнейшей их профессиональной переподготовке, повышении квалификации и, в конечном итоге, способствует появлению в вооружённых силах страны наиболее подготовленных военных специалистов высочайшего уровня – военной элиты.

Российская система военного образования имеет долгую историю. В ней можно выделить три основных периода:

- 1711–1917 гг. *Период царской России* (начиная с первого российского императора Петра I);
- 1917–1991 гг. *Период советской России* (который можно разделить на три этапа – до-военный, период Великой Отечественной войны и послевоенный);
- с 1991 г. по настоящее время *Период современной России*, который допустимо разделить на три этапа:
 - 1991–2008 гг. *Постсоветский этап*, при котором действовала в основном советская система военного образования;
 - 2008–2012 гг. *Западнический этап*, когда осуществлялась реформа военного образования с уклоном на Болонскую систему обучения;
 - с 2012 г. *Современный этап*, связанный с отказом от Болонской системы, приведением военного образования и всей его системы в соответствии с отечественными традициями и нынешними реалиями.

Современная российская система профессионального военного образования состоит из взаимосвязанных элементов, которые кратко можно охарактеризовать следующим образом:

1. Уровень подготовки профессиональных военных специалистов.
 - *начального общегосударственного школьного образования* с элементами патриотического и военного воспитания подрастающего поколения;
 - *первичного военного образования* в суворовских, нахимовских военных училищах, военных лицеях и кадетских корпусах страны;
 - *базового высшего военного образования* в высших военных училищах видов и родов Вооружённых Сил Российской Федерации;
 - *дополнительного, специального военного образования*;
 - *высшего кадрового военного образования* – военных академий видов и родов Вооружённых Сил РФ, по одной на вид;
 - *высшего профессионального военного образования* – обучение в Военной академии Генерального Штаба, основной задачей которой является подготовка офицерских кадров с высшей военной оперативно-стратегической подготовкой и специалистов в области обороны и национальной безопасности Российской Федерации.

2. Структура подготовки научно-педагогических кадров для обеспечения непрерывного образовательного процесса во всех военных Вузах страны, а также различных профильных НИИ.

3. Юридическая база, состоящая из нормативно-правовых актов Российской Федерации, служащая в области образования, в том числе военного.

4. Образованная инфраструктура, материально-техническая база российского военного образования.

5. Экономическое и финансовое обеспечение со стороны государства.

Как и любая система – система военного образования России не может полноценно функционировать без внутренних и внешних связей (между отдельными элементами), которые обеспечивают не только её жизнедеятельность, но и жизнеспособность. Мы перечислили не все, а лишь основные элементы системы военного образования. Неудовлетворительное состояние одного из них, приводит к дисбалансу всей системы, что, в конечном итоге, отрицательно сказывается на её состоянии.

Государство на любой стадии своего развития нуждается в специалистах высочайшего уровня во всех сферах общественной жизни. Появление таких личностей происходит за счёт планомерной подготовки их с ранних лет к служению Родине путём вложения в их сознание и души патриотических начал и знаний, которые впоследствии окупятся сторицей.

Попов Игорь Михайлович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
независимый экспертно-аналитический центр «Эпоха»

АМЕРИКАНСКАЯ ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

В вооружённых силах США термин «военная элита» существует, однако, он применяется, как правило, для обозначения так называемых элитных частей и подразделений Сил специальных операций вооружённых сил США.

Национальная военная элита США в том смысле, который мы вкладываем в этот термин в рамках данного материала, представляет собой лучших представителей генеральского и офицерского корпуса. В качестве ключевых критериев принадлежности к военной элите выделяются такие принципы, как верность американским политическим и идеологическим ценностям; способность быть лидером и вести за собой подчинённых; высокие личные морально-нравственные качества; высокий уровень интеллектуального развития; богатый профессиональный и жизненный опыт.

В самом общем виде военная элита США может быть условно разделена на две группы: управленческую и интеллектуальную военные элиты.

Основными критериями принадлежности к управленческой военной элите являются: статус в военной иерархии, специфика должностного положения, объём служебных полномочий. Условно к управленческой военной элите можно отнести четыре категории американских военнослужащих.

- высший руководящий состав вооружённых сил США – весь генеральский корпус;
- командный и начальствующий состав органов центрального военного управления минобороны США, видов вооружённых сил, стратегических командований, объединений, соединений и воинских частей, соответствующих штабов, организаций и учреждений МО США;
- руководящий и начальствующий состав Национальной гвардии и резерва вооружённых сил США. Некоторые представители этой категории военной элиты, состоя в резерве, могут быть призваны в вооружённые силы, в том числе и на самые ответственные должности;
- отставные генералы и старшие офицеры, которые и после увольнения сохраняют активную связь с вооружёнными силами.

Вторую группу военной элиты современных США составляют представители нескольких категорий офицеров и гражданских специалистов, интеллектуальная деятельность которых связана с вооружёнными силами, военной теорией и практикой военного строительства. В этой группе также выделяются четыре категории должностных лиц и специалистов:

- некоторые представители высшего руководящего состава минобороны и вооружённых сил США, обладающие выдающимся творческим потенциалом и способностью сформулировать и донести свои идеи до подчинённых;
- большая группа «думающих старших офицеров», которые выступают с изложением своих идей и концепций на страницах военных журналов, бюллетеней и других специализированных изданий;
- отставные офицеры ВС США, которые и после увольнения продолжают свою творческую деятельность в сфере военной науки и смежных отраслях. Не будучи скованными в своих оценках определёнными ограничениями, накладываемыми особенностями военной службы, они излагают свои взгляды, которые часто не совпадают с официальными подходами;
- гражданские эксперты и аналитики, занимающиеся изучением военных проблем. Их взгляды нередко дают тот самый альтернативный подход в сфере развития военной теории, который военное ведомство в силу довлеющих над ним стереотипов не способно инициировать самостоятельно.

Юдин Андрей Владимирович,
адъюнкт кафедры политологии,
Военный университет МО РФ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В СОСТАВЕ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ ФРАНЦИИ И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В современных условиях в российском обществе возросло внимание к специфическому социальному слою – элите, в том числе и к военной. Само это понятие известно давно.

Однако сегодня у научного сообщества нет единства в понимании природы, статуса, роли элит. Известный исследователь элиты Ж. Ляво, например, считает, что понятие «элита» может пониматься не абсолютно, а лишь относительно. Этот термин означает совокупность избранных или выдающихся индивидов определённой социальной группы (например, элита дворянства). Вместе с тем критерии этого отбора продолжают оставаться неопределёнными, по-видимому, это высокие качества человека.

Поэтому в изучении и оценке военной элиты России целесообразно учитывать опыт зарубежных государств в этой области. Так, интересный материал содержится в статье французского политолога Филиппа Немо «Политические и социальные элиты Пятой республики во Франции». Правда, он напрямую не касается военной элиты. Но общий пафос его публикации и реальное положение дел позволяют считать, что военную элиту Франции составляет старший и высший офицерский состав.

Офицеры во Франции испокон веков считались привилегированной группой, их социальный статус в обществе всегда был одним из наивысших в Европе. Военная служба считалась наиболее престижной, рассматривалась как самое достойное для благородного человека занятие.

Офицерский корпус формировался из дворянско-рыцарской среды. В нём было абсолютное преобладание высшей знати. Из её представителей комплектовался командный состав. Потомственные военные занимали высокое положение в государственной иерархии.

От командиров ожидали субсидирования подчинённых им подразделений. Так, полковники фактически покупали полки вместе со званием и брали на себя финансовое обеспечение со-

держания части. Необходимость расходования личных средств на содержание полка ограничивала возможность для служебного продвижения даже в ходе кампаний.

Сегодня Французская республика большое внимание уделяет профессиональному отбору офицеров. Офицерский корпус Франции комплектуется кадровыми военнослужащими (около 70%) из выпускников военных учебных заведений и офицерами по контракту (около 30%) из лиц с высшим специальным образованием.

Офицеры – представители главным образом имущих классов: 50% – выходцы из семей кадровых военнослужащих, 40% – представители средней и крупной буржуазии, 10% – из числа рабочих и служащих»¹.

Приоритетное внимание в обучении военной элиты Франции уделяется формированию трех качеств, которые, как считается, должны быть присущи профессиональному военному руководителю: компетентность, ответственность и преданность делу.

Высокий социальный статус военной элиты Франции поддерживается и льготным материальным обеспечением её представителей (денежное содержание, медицинское обеспечение, социальная защита, пенсии и др.).

Таким образом, офицерский корпус французских вооружённых сил, несомненно, принадлежит к привилегированному слою. Офицеры Франции по праву могут называться её военной элитой, так как имеют высокое социальное положение и обладают большим престижем, как в армии, так и среди гражданского населения.

Мазур Алексей Павлович,
НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ В НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв. УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Оценивая современные преобразования в военной области, нельзя не обратиться к историческому опыту создания и деятельности Генерального штаба России и опыту подготовки кадров для этого органа военного управления в Николаевской академии Генерального штаба. Как было сказано ещё в начале XX в., «Генеральный штаб вообще является наилучшим показателем доброкачественности или недоброкачественности всей военной системы государства»².

Офицеры-генштабисты занимали доминирующие позиции в военном управлении и составляли элитную часть армии. Это давало им возможность не только принимать непосредственное участие в разработке решений, но и активно влиять на их исполнение.

Академия с первых дней своего существования не ограничивалась подготовкой офицеров только для службы в Генеральном штабе. В конце XIX века её выпускники занимали строевые должности в гвардии и армии, возглавляли военно-учебные заведения и состояли на гражданской службе. Вполне определённо можно сказать, что академия готовила Российскую элиту. Широкое привлечение выпускников академии в дореволюционный период к вопросам не только военного, но и государственного управления, по сути дела стало как бы отечественной традицией.

Подготовка слушателей в Академии базировалась на фундаментальном подходе. Однако недостаточно развитая специализация по части службы Генерального штаба – приводила к постоянным нареканиям к её выпускникам. Крымская, Русско-японская, Первая мировая войны, наглядно показали упущения в специальной подготовке офицеров Генерального штаба. Просчёты в стратегическом планировании, управлении войсками, незнание противника – всё это обернулось тяжелейшими последствиями для нашего Отечества. Эти просчёты закладывались в учебных планах и программах Академии, а также недостаточных сроках подготовки офицеров к выполнению собственно обязанностей в Генеральном штабе.

Исторический опыт показывает: во-первых, с возрастанием сложности военного дела, появлением новейших вооружений и новых способов вооружённой борьбы закономерно повышается роль Генерального штаба в выработке научно обоснованной политики военного строительства и подготовке Вооружённых Сил к войне; во-вторых, в необходимости качественно новых подходов к отбору и подготовке офицерских кадров для Генерального штаба.

В решении этих вопросов требуется научный подход к определению направлений деятельности Генерального штаба, подготовке специалистов для обеспечения его эффективной работы. На наш взгляд, принятые в последние годы решения в отношении задач и направлений

¹ Симаков М. Военно-учебные заведения Франции // Информационно-аналитический иллюстрированный журнал Министерства обороны России «Зарубежное военное обозрение». URL: <http://target.ucoz.ru/publ/84-1-0-363>

² Столетие военного министерства. Т. 4. Ч. 2. С. 414.

деятельности Военной академии Генерального штаба ВС РФ не отвечали логике развития военной науки, военного искусства, отечественного исторического опыта и интересам национальной безопасности страны.

К сожалению, органы государственной власти и военного управления не только в прошлом, но и сегодня, подчас слишком легко и безответственно принимают важные решения, которые существенно снижают уровень и качество подготовки офицеров для центральных органов военного управления, а богатый исторический опыт этой работы просто не принимается во внимание.

Чаевич Александр Владимирович,
доктор политических наук, профессор,
Международная академия бизнеса и управления

ВОЕННАЯ ЭЛИТА РОССИИ КАК ПРИМЕР ЧЕСТИ И ВЫПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОГО ДОЛГА

Народное предание гласит, что земля может накормить человека своим хлебом, напоить водой из своих родников, но защитить сама себя она не может, поскольку это святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьёт её воду, любит её красотой. Профессия воина, защитника всегда была почётной на Руси. Исторически сложилось так, что нашему народу веками приходилось вести борьбу с чужеземными захватчиками за своё национальное существование.

Лучших представителей своего Отечества, которые защищали интересы своего народа военными средствами и способами, называли военной элитой. Под термином военная элита, как правило, понимают, категорию военных управленцев, обладающих высокими профессиональными, интеллектуальными и нравственными качествами, что позволяет им честно и беззаветно служить своему Отечеству. В таком понимании военной элиты её характеризуют не только военные профессиональные знания, но и высокие нравственные качества.

Кодекс нравственности в русской армии складывался столетиями и это является одним из лучших достижений прошлого. Речь идёт, прежде всего, о таких непреходящих ценностях, как честь и воинский долг. Примером долга и воинской чести является военная элита России. Офицеры воспитывали эти прекрасные качества у русских солдат и своих сослуживцев.

Многие полководцы и военачальники, офицеры и генералы русской армии прекрасно понимали значение нравственного элемента в обучении и воспитании войск и тем самым объективно становились носителями национально-патриотических идей. По их мнению, воинская честь является самой главной добродетелью солдата. Она заставляет его быть бескомпромиссным к самому себе, избавляет его сердце от трепета перед возможной смертью или увечьем, делает саму мысль о пощаде, дарованной врагами, невыносимой.

На протяжении длительного времени в армии России усилиями лучших представителей офицерского корпуса была создана собственная система ценностей, для которой характерными особенностями были патриотизм, гуманность, высокое чувство долга, сознательное отношение к ратному труду и другие нравственные качества, без которых не мыслился настоящий, самоотверженный защитник Отечества.

В современных условиях армия и её офицерский корпус живут в новой исторической обстановке, в которой произошли существенные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах. Происходит переоценка ценностей и ориентиров в жизни. В то же время, каждый начальник, какую бы должность он ни занимал, должен всегда помнить, что он не просто «командует», а имеет честь командовать. Он это обязан помнить как в мирное время, уважая в подчинённом его воинское достоинство, так и особенно на войне – когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в глазах грядущих поколений.

В старину было хорошее выражение: «рыцарь без страха и упрёка». Речь шла о таком благородном воине, который в бою «оказывая верх мужества и доблести, оставался верен всем высоким понятиям о воинской чести». Эти лучшие традиции офицерства не утратили своей значимости по сегодняшний день, их жизненная сила постоянно подтверждается в деятельности нынешней военной элиты – офицеров и генералов Вооружённых Сил Российской Федерации.

Стрельников Виктор Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент,
НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ

ВОЕННАЯ ЭЛИТА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX СТОЛЕТИЙ: СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Формирование военной элиты в России на рубеже XIX и XX веков, как и во многих других странах, проходило с учётом следующих критериев личности: социальное происхождение, образовательный уровень и воспитание, занимаемая должность, степень влияния на процесс принятия управленческих решений, общественная значимость личных качеств, особенности служебной карьеры и др.

В рассматриваемый период в России сложилась авторитетная военная элита, прежде всего, в лице генералитета, которая имела своих представителей в основных государственных учреждениях и активно влияла на принятие правительственных решений. Эта элита постоянно численно росла и развивалась. Так, если на 1 декабря 1902 г. её численность составляла 1386 человек, то к 1 января 1908 г. она достигла 1442 человека, в том числе: 132 полных генерала, 379 генерал-лейтенанта и 931 генерал-майор. Из этого числа состояло на службе в военном ведомстве: 93 полных генерала, 326 генерал-лейтенанта и 830 генерал-майора. Оставшиеся генералы находились вне военного ведомства (члены Государственного Совета – 22, почётные опекуны – 19, по министерству внутренних дел и корпусу жандармов – 65, по министерству финансов и корпусу пограничной стражи – 11, по министерству Императорского двора – 39 и по другим министерствам – 35).

Из числа состоявших в военном ведомстве занимали строевые должности 73 полных генерала, 191 генерал-лейтенант и 515 генерал-майора, всего 779 человека (62,4%), остальные (37,6%) состояли на военно-административных должностях. Представители военной элиты находились во всех важных гражданских сферах и государственных органах. Так, например, среди членов Государственного Совета они составляли 25%, министров и главноруководящих – 20%, товарищей (заместителей) министров, начальников управлений и директоров департаментов – 21,4%. Некоторые видные военачальники являлись генерал-губернаторами Российской империи, а также возглавляли различные государственные и хозяйственные органы.

Основным ядром профессиональной военной элиты России являлся корпус офицеров Генерального штаба, численность которого постоянно увеличивалась: в 1882 г. он составлял 661 чел., в 1904 г. – 1232 чел, в 1908 г. – 1454 чел., в том числе 378 генералов, 330 полковников, 235 подполковников, 201 капитан и 144 лиц, причисленных за боевые заслуги. Корпус офицеров Генерального штаба комплектовался в основном выпускниками Императорской военной академии (с 1855 г. Николаевской академией Генерального штаба). Но далеко не все выпускники этой академии причислялись к Генеральному штабу. Так, с 1882 по 1906 г. её окончили 1794 слушателя, из которых 459 – по второму разряду, 316 – по первому без причисления к корпусу офицеров Генерального штаба и 1019 – по первому с причислением (около 60%).

Другой важной составной группой военной элиты императорской России традиционно являлись офицеры гвардии и сами гвардейские части, численность которых из года в год также росла. К началу XX в. русская гвардия состояла из 12 пехотных, 4 стрелковых и 13 кавалерийских полков, 3 артиллерийских бригад, 1 сапёрного батальона, флотского экипажа и несколько гвардейских кораблей. Но к этому времени гвардия в значительной степени утратила своё прежнее значение, хотя оставалась наиболее удобной стартовой площадкой для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба.

Важной составной частью военной элиты являлись офицеры свиты Его Императорского Величества, которая в период царствования Николая II включала примерно 150 человек (генерал-адъютантов и флигель-адъютантов). Они, как правило, принадлежали к русской знати, имели хорошее образование, в большинстве случаев оканчивали Пажеский корпус или военное училище, имели богатый служебный опыт в привилегированном полку. Генералы и офицеры свиты выполняли различные поручения императора, участвовали в работе специальных комиссий и т. п.

В военную элиту входили также некоторые выпускники военных академий, прежде всего артиллерийской, инженерной и морской. Выпускники этих высших военно-учебных заведений, как правило, отличались более высокой компетентностью по сравнению с пехотными армейскими офицерами, и обычно занимали должности начальников соответствующих служб в крупных штабах.

Гуськов Юрий Владимирович

доктор политических наук, профессор,
Московский городской педагогический университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Понятие «гражданское общество» прочно утвердилось в общественном сознании россиян. О необходимости и путях его формирования в нашей стране говорят политики, учёные, публицисты. Однако и на сегодня разрозненные институты негосударственной сферы не сложились в системную целостность. Причина этого в том, что политическая элита, декларируя свою заинтересованность в зрелом гражданском обществе, на всём протяжении развития постсоветской России активно противодействовала его складыванию.

Глубокие преобразования, развернувшиеся в середине 80-х годов XX в. заложили все объективные и субъективные условия для наполнения общественной жизни демократическим содержанием и установления реального контроля граждан над властью. Пик гражданской активности наступил в период августовских событий 1991 г. Миллионы людей продемонстрировали тогда, что не признают легитимность ГКЧП и в случае насилия готовы к отпору. Результат известен – ГКЧП пал.

Но новая правящая элита, получив власть из рук народа, более не нуждалась в нём. Её интересы коренным образом разошлись с интересами большинства населения России. Был взят курс на всемерное обогащение узкого круга лиц. Параллельно с этим, делалось всё для недопущения структурирования и усиления гражданского общества, принимались меры по ослаблению сопротивляемости граждан. Всего через два года после августовских событий 1991 г. Президент России Б.Н. Ельцин и его окружение фактически совершили государственный переворот. Выборы Президента России в 1996 г. наглядно продемонстрировали, что народ отделён от власти и не имеет возможности влиять на неё. Следствием стала политическая апатия широких слоёв населения, с одной стороны, и перемещение центра политической борьбы «под ковёр» – с другой.

Дальнейший период российской политической истории стал периодом «укрепления властной вертикали» и породил огромную коррупцию, привёл к полному отчуждению граждан от власти и ликвидации последних рычагов влияния на неё. Развитие гражданского общества в нашей стране фактически вернулось к тому состоянию, в котором оно пребывало во времена советского тоталитаризма.

Однако нарушения избирательного законодательства, а порой прямые фальсификации в ходе парламентских выборов в 2011 г. вызвали неожиданные для власти последствия. Общество, казавшееся предельно разобщённым и деморализованным, сумело преодолеть апатию и найти одну, консолидирующую самые разные слои населения идею. Это выразилось в массовых акциях протеста, центральным пунктом которых стали проспект Сахарова и Болотная площадь в Москве.

Они внесли определённый раскол в ряды правящей российской элиты. Внутри неё начинают появляться здоровые силы, осознающие, что «так дальше жить нельзя» и отношение к рядовым гражданам нужно менять. Основанием для таких выводов служит новый всплеск размышлений о необходимости развития демократии и гражданского общества в нашей стране и некоторые реальные шаги, сделанные в этом направлении. Насколько глубоко понимание опасности сложившейся ситуации и как далеко в интересах её урегулирования готовы пойти представители здоровой части политической элиты, сказать сложно. Однако именно от них сегодня, во многом зависит вектор развития нашей страны, жизнь и благосостояние россиян.

Буртный Константин Петрович,

кандидат политических наук, доцент,
Военный университет Министерства обороны

КАЗАЧЕСТВО – ОСОБОЕ ВОИНСКОЕ СОСЛОВИЕ

Элита – неотъемлемая и важная часть любого социума. Она представляет собой социальный слой, который активнее и результативнее других участвует в формировании тенденций развития общества, обладая большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании собственного положения, в выборе своей групповой ориентации по основным общественным проблемам. В этом смысле, хотя и с оговорками к элите можно отнести казачество. Российское законодательство до 1917 г. рассматривало его как особое воинское сословие, имевшее привилегии за несение обязательной службы.

Казачество определяли как отдельный этнос, как самостоятельную народность (четвёртую ветвь восточного славянства) и даже как особую нацию смешанного тюрко-славянского происхождения. Ныне оно предстаёт как исторически сложившаяся общность людей, отличающаяся самобытной традиционной культурой и комплексом неповторимых психологических, социокультурных и мораль-

но-этических особенностей. Казаков отличают развитое чувство личного достоинства, индивидуальной свободы, глубокой ответственности за судьбу Отечества, своего войска, станицы, семьи; трудолюбие и хозяйственность, владение воинскими навыками, дисциплина, любовь к родной земле, уважение к старшим, почитание обычаев и заветов предков, православная вера.

Главной особенностью общественной казачьей жизни являлись военная организация с выборной системой управления и демократические порядки. Общественная организация, быт, культура, идеология, поведенческие стереотипы, фольклор казачества всегда заметно отличались от порядков, заведённых в других областях России. Это позволяет охарактеризовать культуру российского казачества как традиционную культуру воина-защитника.

Зародившееся в 14 веке казачество выполняло важную роль буфера на южных и восточных границах русского государства, прикрывало его от набегов степных орд. Казаки принимали также участие во многих войнах на стороне России против сопредельных государств. Накануне Первой мировой войны в России насчитывалось 11 казачьих Войск и два отдельных казачьих полка. Они занимали 65 млн. десятин земли с населением 4,4 млн. чел. (2,4% населения России), в том числе 480 тыс. служилого состава. Среди казаков в национальном отношении преобладали русские (78%), на втором месте были украинцы (17%), на третьем буряты (2%). В его составе были также калмыки, башкиры, татары, эвенки, осетины и др.

Декретом ВЦИК и СНК от 17 ноября 1917 формально казачество как сословие и казачьи формирования были упразднены. В 1925 г. пленум ЦК РКП(б) признал недопустимым «игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер в борьбе с остатками казачьих традиций». В 1936 г. с казаков сняли запрет служить в рядах Красной Армии, из них было сформировано несколько казачьих кавалерийских дивизий. За годы Великой Отечественной войны в РККА было создано порядка 70 казачьих воинских частей, 17 из которых были удостоены звания гвардейских.

В современной России казачество с его ярко выраженным государственным началом становится значимой и признанной силой, служащей решению общественных интересов не только местного, но и общегосударственного, государственного значения. В Стратегии развития российского казачества до 2020 года подчёркивается, что «стратегической целью государства является развитие российского казачества и усиление его роли в решении государственных задач».

Государство поддерживает стремление казаков возродить исконный уклад жизни, свои самобытные, исторически сложившиеся культурные традиции и духовные ценности. Их культивирование должно стать полноправным учебно-воспитательным компонентом российской образовательной системы. Принципиальное значение приобретает изучение места и роли казачества в развитии государственной, военно-политической и патриотической культуры нашей страны в новейшую эпоху.

(Источник: Безопасность Евразии, 2014, № 1)

Глава 13. А.Д. Урсул

КОНТУРЫ БЕЗОПАСНО-УСТОЙЧИВОГО БУДУЩЕГО: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ САММИТА РИО+20

Аннотация. В статье в свете саммита Рио+20 устойчивое развитие рассматривается как глобальная стратегия разрешения глобального социоприродного противоречия между растущими потребностями человечества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности. Этот новый тип развития представляется как глобально управляемое системно-сбалансированное социоприродное развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и безопасное неопределённо долгое существование человечества. Акцентируется внимание на необходимости расширения трактовки этого типа развития, распространения его на все сферы человеческой деятельности. В более широком плане под устойчивым развитием понимается нерегрессивный, т. е. наиболее безопасный тип эволюции, направленной на сохранение цивилизации и биосферы, их сосуществование и коэволюцию.

Ключевые слова: безопасность через устойчивое развитие, глобальные процессы, национальная безопасность, зелёная экономика, социоприродное противоречие, Рио+20, устойчивое развитие, экологическая безопасность.

Прошлый век принёс человечеству не только многочисленные возможности, открыл новые горизонты прогресса, но и показал его негативные последствия. С одной стороны – это продвижение в области экономического, технологического, социального, духовного развития, а с другой – уже вполне реальные перспективы прекращения существования человечества (либо большей его части) через ядерную, экологическую и другие возможные глобальные катастрофы. Ядерная катастрофа способна погубить человечество в историческое мгновение, в то время как экологическая катастрофа проявляется часто незаметно, постепенно, обрекая человечество на деградацию и медленное вымирание.

За две недели до начала Конференции ООН по устойчивому развитию в июне 2012 г. – Рио+20 в Бразилии – ЮНЕП, созданная в рамках системы ООН природоохранная программа-организация, выпустила свой пятый доклад о состоянии окружающей среды в мире «Глобальная экологическая перспектива» – GEO-5¹. Этот институт регулярно публикует такого рода доклады: четыре доклада по Глобальной экологической перспективе (ГЭП) были выпущены в 1997, 1999, 2002 и 2007 годах. В новом докладе отмечается, что несмотря на сотни согласованных на международном уровне целей и задач, экологическая ситуация на планете продолжает ухудшаться (эту тенденцию отмечали и все предыдущие доклады) и уже близка к критической и даже кризисно-катастрофической.

Именно это считается основной причиной отказа от старой модели (формы) цивилизационного развития, которое неумолимо ведёт к глобальной антропогенной катастрофе, и формированию вначале в теории, а затем и на практике новой – в перспективе стратегии развития человечества, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе. Предполагается, что выживание человечества станет возможным при переходе к устойчивому развитию (УР), под которым чаще всего понимается дальнейшее развитие общества, позволяющее удовлетворять потребности нынешних поколений, не нанося при этом ущерба возможностям, оставляемым в наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей. Сейчас же социально-экономическое развитие происходит в основном за счёт существенного сокращения природных ресурсов, особенно невозполнимых, и деградации экологических условий.

Поэтому XXI век становится критическим столетием в развитии и существовании нашей цивилизации, поскольку в этом веке решается судьба человеческого рода на планете, его выживания и сохранения окружающей природной среды. Концепция и стратегия УР представляется в качестве выхода из пока углубляющегося глобально-экологического кризиса. Такой кризис антропогенного происхождения усиливается в результате обострения других глобальных проблем и роста других негативов глобальных процессов, обретая всё больший масштаб и угрожая существованию человечества и всей жизни на Земле.

Именно потому, что кризис стал глобальным и угрозы существованию человечества обрели общепланетарный характер и масштаб (что, например, демонстрирует экологическая проблема), уже невозможно выйти из кризиса без использования опережающих механизмов и факторов (одним из главных из них является переход к УР). Ведь если разразится глобально-экологическая либо иная общепланетарная катастрофа, то устранить её последствия будет про-

¹ См.: GEO-5. Глобальная экологическая перспектива. Резюме для политиков. ЮНЕП. Найроби, 2012.

сто некому. Чем масштабнее катастрофа, тем труднее борьба с её отрицательным воздействием на человечество и поэтому средства устранения глобальных кризисов и катастроф, решения глобальных проблем в принципе должны носить опережающий характер, а не «отстающий» – как ныне практикуемое устранение последствий локальных чрезвычайных ситуаций и катастроф.

От устранения последствий катастроф – к их предотвращению – такова принципиально новая стратегия борьбы с любыми негативными процессами, а для глобальных процессов – это основная, а может быть, и единственная темпоральная стратегия. Не исключено, что и ряд циклических процессов в экономике и других сферах деятельности человечества могут быть «сглажены» с помощью превентивных мер по предотвращению негативных составляющих цикла, если он имеет антропогенную, а не природную доминанту.

Для многих учёных стало очевидным, что для того, чтобы человечество смогло выжить, необходимо коренным образом трансформировать процесс социально-экономического развития, изменив многие общечеловеческие ценности, цели и ориентиры, сформировавшиеся в современной модели неустойчивого развития – НУР (так на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. – ЮНЕСД в Рио-де-Жанейро была названа та форма развития, по которой продолжает по инерции развиваться наша цивилизация). На ЮНЕСД было принято беспрецедентное историческое решение изменить модель, или форму мировой динамики, превратив неустойчивое развитие цивилизации, чреватое умножением опасностей и угроз, в том числе и глобальных, в УР. До сих пор реальной альтернативы концепции и стратегии устойчивого развития цивилизации не предложено.

О ТРАКТОВКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

На ЮНЕСД широко использовалась дефиниция понятия УР, которая ранее была приведена в книге «Наше общее будущее»: «устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹. Подобная трактовка этого пока ещё не существующего типа глобального развития распространяет новые принципы развития человечества и его взаимодействия с природой не только на нынешние, но и на будущие поколения, которым ныне живущие на планете поколения должны оставить приемлемые экологические условия и доступные природные ресурсы. И это предлагается, когда значительная часть нынешних поколений не может удовлетворить свои витальные потребности, что уже делает переход к УР в этом предлагаемом варианте весьма проблематичным, что, как увидим дальше, в существенной степени обуславливает трудности и даже неудачи такого перехода.

Существует очевидное противоречие между явно излишними потребностями определённой части нынешних поколений и возможностями удовлетворения даже витальных потребностей поколениями будущими (и настоящими). Рост потребностей нынешних поколений, в особенности потребностей неразумных и патологических (криминальная и богатая часть населения), ведёт к существенному уменьшению возможностей и способов удовлетворения потребностей в природных ресурсах и экологических условиях не только нынешних, но и грядущих поколений вплоть до исчезновения человечества в результате глобальных антропоэкологических катастроф.

Если модель НУР акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» индивиде, то модель УР уже выступает как стратегия выживания всего человечества. Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не может быть обеспечена, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания *homo sapiens* (которую вряд ли можно именовать сферой разума), не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель (стратегия) цивилизационного развития представляется более гуманной, социально, экономически и экологически справедливой в своей стратегической и политической ориентации и перспективе.

Поскольку в модели НУР невозможно удовлетворить даже жизненно важные потребности в одинаковой степени как нынешних, так и будущих поколений людей, то эта модель развития предполагает достаточно быстрый драматический финал расточительного рыночно-экономическоцентрического развития человечества. Этот возможный конец истории «рыночного человечества» (если можно так называть его экономическоцентрическую эволюцию) связан с антропоэкологической катастрофой, прежде всего, с ухудшением окружающей природной среды и истощением природных ресурсов. Именно поэтому удовлетворение потребностей будущих поколений выражает не существующую в данный момент времени, но будущую – своего рода опережающую гуманитарную потребность всего человеческого рода к своему выживанию и темпоральному продолжению.

Глобальное расширение человеческой деятельности, с одной стороны, существенно расширяет пространство-время социальных и социоприродных взаимодействий до общепланетарного объёма биосферы. Но, с другой стороны, это расширение наталкивается на планетарные (биосферные) ограничения, которые ставят объективный предел дальнейшему расширению социальных и социоприродных процессов и предполагает их «сжатие» и обретение целостности в границах биосферы

¹ Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / Пер. с англ. М., 1989. С. 50.

(если не считать возможность дальнейшей космической экспансии, что пока сопряжено с огромными трудностями). Причём довольно часто в литературе по глобальным исследованиям пространственные, временные и другие ограничения со стороны природных факторов даже не упоминаются.

Между тем формирующийся глобальный мир обретает свою целостность не только под влиянием деятельности человека, но и природных – глобальных ограничений и особенностей. Глобальный мир оказывается целостным, но ограниченным земным миром социоприродных взаимодействий, воздействующих и даже определяющих все другие процессы на нашей планете. Наиболее зримые ограничения – не только ограничения территориальные, ставящие предел дальнейшему экстенсивному развитию, но и исчерпаемость природных ресурсов, глобальная экологическая угроза и т. д. Это и ограничения темпорального характера, связанные с пространственными пределами, очень часто ставящие временной финал развитию тех или иных процессов на Земле, в том числе и существованию человечества.

«Рыночное расширение», прежде всего, рост рынков и другие параметры экономического роста завершают свою экспансию в сужающемся и в принципе ограниченном мире планеты. Но если расширение рынков по каким-то причинам ограничено, то, с какого-то момента, дальнейшее углубление разделения труда невозможно, а значит, экономика сталкивается с серьёзным кризисом, который М.Л. Хазин назвал кризисом падения эффективности капитала. Этот учёный делает вывод: «поскольку процесс расширения рынков ограничен размерами Земли, то научно-технический прогресс в своей нынешней модели принципиально ограничен во времени, он неизбежно должен, рано или поздно, закончиться»¹.

Глобальный характер предстоящего развития с его пределами и границами заставляет видеть наше общее будущее уже не таким линейным, каким было раньше это развитие, когда всё количественно росло и расширялось – население, производство, спрос и т. д. и т. п. Именно на «идеологии роста» и покоилась рыночная экономика, но если он замедлится и тем более прекратится в силу объективно существующих глобальных обстоятельств, человечество ожидает кризис, из которого можно будет выйти, лишь создав принципиально новую экономику. Будущие поколения уже будут жить в нелинейном глобально-ограниченном мире и им придётся соединять не только экономику и экологию, о чём нехотя говорят многие экономисты, но и создавать иную – не просто и не только «зелёную» экономику, а альтернативную нелинейную интенсивную хозяйственную деятельность² и не очень ясно, какое место в нём займёт рыночная стихия. И как будут удовлетворять свои потребности наши потомки, когда многие из ресурсов будут не только ограничены, но даже исчезнут, во всяком случае – ряд материально-природных ресурсов, которые хищнически используются сегодня. Невольно придётся переходить на информационно-интеллектуальные ресурсы, а значит, создавать ту сферу обитания, которую В.И. Вернадский считал ноосферой.

Потребности выживания будущих поколений большинство ныне живущих на планете «здесь и сейчас» не осознаёт, если видеть развитие человечества в координатах современной рыночно-экономическоцентрической стихии. Понимание опережающей потребности к темпоральному продолжению человеческого рода появляется, когда от сиюминутного наша мысль устремляется в глобально-космические масштабы пространства и времени. Эта потребность находится за пределами «рыночного горизонта» мышления, она устремлена в весьма отдалённое гуманистическое устойчивое будущее, имеет принципиально виртуально-стратегический характер. Однако осознанная эта опережающая потребность в выживании и продолжении человеческого рода будет влиять на потребности нынешних поколений, более рационально трансформируя их в направлении оптимальной реализации в будущем. Это должно сказаться на всех процессах в обществе, на всех уровнях и масштабах развития, связывая их в единую целеустремлённую систему. Особую обеспокоенность вызывает глобальный аспект, поскольку он требует координации и интеграции усилий всего мирового сообщества. Важно не просто направить глобализацию по пути УР, на что уже нацеливают документы ООН, а всё глобальное развитие должно, по крайней мере, в своей «антропогенной» части, реализовывать цели и принципы УР.

Подобная весьма пессимистическая перспектива как раз и потребовала изменения современной модели развития цивилизации (как модели НУР) с целью реализации постепенно осознаваемой опережающей потребности в темпоральном продолжении существования человеческого рода. Поскольку эта потребность уже в какой-то степени начинает осознаваться, то она представляет собой человеческий интерес, причём долговременного стратегического характера, который всё больше должен учитываться по мере перехода к устойчивому будущему. Возникшее противоречие между современными и будущими потребностями человечества может решаться только одним единственным способом – сохранением возможностей удовлетворения потребностей будущими поколениями за счёт разумного ограничения (естественно, без затрагивания витальных потребностей) удовлетворения потребностей нынешних поколений (но отнюдь не бед-

¹ URL: aftershock.su. См. также: worldcrisis.ru/crisis/473153

² См.: Урсул А.Д. Интенсификация производства в системе глобальных проблем // Коммунист Молдавии, 1986, № 2; он же: Интенсивный путь взаимодействия природы и общества // Взаимодействие общества и природы (философско-методологические аспекты экологической проблемы). М.: Наука, 1986; Интенсификация науки и производства: проблемы методологии / Под ред. А.Д. Урсула. Кишинев: Штиинца, 1987.

ной части человечества, у которой уже нечего отнимать). Ведь в условиях ограниченности планетарных ресурсов и условий современные поколения (не все, конечно), по сути, живут взаимно за счёт поколений будущих, фактически бездумно растрачивая и природные ресурсы, и создавая для них всё более ухудшающиеся условия существования в биосфере, что явно антигуманно, если иметь в виду стратегическую перспективу существования человечества на исторические, а тем более – на астрономические отрезки времени, о чём мечтал К.Э. Циолковский.

Процесс всё большего удовлетворения осознаваемых опережающих потребностей, выходящих за пределы краткосрочного «рыночного горизонта» уместно назвать процессом футуризации потребностей (и интересов). И переход к УР предполагает долговременную целостную систему мероприятий, которые реализуют процесс футуризации и, тем самым, рационализацию и «стратегическую гуманизацию» потребностей. А это предполагает постепенный отказ от современного общества потребления и переход на более рациональное удовлетворение потребностей, или, как ещё говорят, коэволюционно-разумных потребностей, что и предполагает переход к УР. В этом случае будет происходить темпоральная оптимизация потребностей нынешних и будущих поколений, проявляющаяся в футуризации и рационализации потребностей человечества, которое необходимо рассматривать не просто как единое целое в пространственном смысле, но и как единое целое в темпоральном измерении. Тем самым, речь идёт о темпоральной оптимизации и реализации принципа темпоральной целостности существования и дальнейшего развития цивилизации. Ведь вряд ли «не осознаваемой целью», скажем, процесса глобализации является достижение только пространственной целостности в модели НУР, которую рано или поздно затем разрушит возможная антропоэкологическая катастрофа. Ясно, что человеческая история не должна ограничиться только прошлым, настоящим и весьма недалёким и трагическим будущим.

Становится понятным, что принципы УР, изложенные в таком важном документе ЮНЕСКО как Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, должны обрести не только своё темпоральное продолжение, но и не замыкаться в социальном мире, а распространиться в определённой степени на природу (прежде всего, на биоту), которая также «претендует» на удовлетворение своих потребностей и должна сохраниться, продолжая эволюционировать без мощного негативно-разрушительного воздействия цивилизации. То есть речь идёт о сохранении биосферы и, прежде всего, её биоразнообразия, естественных биологических сообществ, которые играют фундаментальную роль в стабилизации и регуляции природной среды¹.

Поэтому упомянутая выше дефиниция понятия УР подвергалась критике за свою нечёткость и даже антропоцентричность, поскольку определение понятия УР должно в явной форме учитывать и вопросы сохранения окружающей природной среды. Это в какой-то мере реализовано в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, где под УР подразумевается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы»². А улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной ёмкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и её глобальным изменениям. Поэтому иногда считают, что устойчивое развитие – это восходящее развитие общества и человека в гармонии с окружающей средой, а не за её счёт. Это, однако, явное преувеличение и даже «глубинно-экологическое» заблуждение, поскольку всякое живое существо, в том числе и человек, живёт за счёт окружающей природы. Но возможно и важно существенно уменьшить разрушение природы, добившись коэволюционных отношений между обществом и природой, реализуя развитие общества в рамках несутей (экологической) ёмкости экосистем биосферы и этой глобальной экосферы в целом.

Если говорить кратко, то УР – это сохранение биосферы и человечества, их коэволюция в той степени, насколько это ещё возможно. Поэтому УР рассматривается как будущая форма глобально-коэволюционного и даже космического взаимодействия общества и природы, обеспечивающая их взаимное сосуществование³.

Особый акцент важно сделать на том, что переход к УР носит глобальный характер и в перспективе будущей цивилизации требует необходимости планетарного управления процессом этого перехода. Это означает, что глобализация и другие глобальные процессы должны получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, становясь уже не стихийным, а социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом эволюционного движения единого человечества. При «вписывании» процесса глобальных процессов в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и, прежде всего, политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, всё больше вырываясь из старой модели развития, т. е. вместо стихийного процесса становились бы процессом глобально управляемым.

¹ См.: Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. М., 2010.

² Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета, 1996, 9 апр.

³ См.: Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998. С. 31–37; Бабурин С.Н., Урсул А.Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М., 2010. С. 58.

Экологический акцент на трактовке УР лишь высветил проблему перехода к новой модели развития цивилизации, но вместе с тем показал ограниченность этого видения УР. Как увидим дальше, экологический акцент трактовки УР при его реализации стал давать сбои и его в той мере, как этого хотят экологи, не удаётся успешно продвигать. И дело здесь не только в отсутствии политической воли руководства государств планеты (да и непонимания большинством населения самой идеи УР, не говоря уже о необходимости такого перехода), но и в самой трактовке этого типа развития. Всё больше встречается более широкое понимание УР как наиболее безопасного, и тем самым более стабильного развития¹, а не только – экологически безопасного развития, причём эта мысль далее будет рассмотрена более подробно.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ГЛОБАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ПО ПУТИ УСТОЙЧИВОСТИ

Упомянутая выше Конференция ООН по окружающей среде и развитию – ЮНЕСД (июнь 1992 г., Рио-де-Жанейро) приняла историческое решение об изменении курса развития всего мирового сообщества. Такое беспрецедентное решение 179 стран (из них 108 на уровне глав государств и правительств), собравшихся на ЮНЕСД, о смене курса было принято в связи со стремительно ухудшающейся глобальной экологической ситуацией и следующим из анализа её динамики прогнозом о возможной глобальной катастрофе уже в XXI веке, которая может привести к гибели всего живого на планете.

ЮНЕСД продемонстрировала осознание пагубности традиционного пути развития, которое было охарактеризовано как модель неустойчивого развития, чреватая опасностями, угрозами, кризисами, катастрофами, омницидом (гибель всего живого). Переход на новую модель (стратегию) развития, получившую наименование устойчивого развития, представляется естественной реакцией мирового сообщества, стремящегося к своему выживанию и дальнейшему поступательному развитию.

ЮНЕСД оказалась весьма результативной. Были приняты следующие документы: Повестка дня на 21 век, Декларация Рио по окружающей среде и развитию, Заявление о лесных принципах, Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Конвенции ООН о биологическом разнообразии. Последующие форумы ООН не отличались такой результативностью даже по количеству принятых документов.

Приверженность идее перехода к УР, так или иначе, подтверждается и детализируется во всех последующих официальных документах ООН. В этой связи уместно обратить внимание на Всемирный саммит по устойчивому развитию (ВСУР) в Йоханнесбурге в 2002 г., на котором, кроме Декларации по УР, был принят План выполнения решений на высшем уровне². Именно этот План в отличие от аналогичного документа ЮНЕСД – Повестки дня на XXI век, впервые устанавливает временные интервалы (сроки) движения мирового сообщества по пути УР³.

Саммит в Йоханнесбурге показал, насколько противоречив и труден путь мирового сообщества к целям выживания и устойчивого развития. Если в Рио-де-Жанейро впервые был провозглашён новый курс в развитии цивилизации, и была определена «новая повестка дня для устойчивого развития», выработано «общее видение ожидающего человечество будущего», то на ВСУР впервые была сделана оценка готовности мирового сообщества строить это устойчивое будущее. И надо сказать, что эта оценка оказывается далеко не в пользу будущих поколений и сохранения для них экологических условий и природоресурсной базы планеты.

В этом противоречивость ожидаемого социально-экономического поворота развития в начале нового тысячелетия. Одна – традиционная модель развития, по которой мы движемся по инерции (уже не в направлении всеобщего прогресса), грозит планетарным омницидом. Вторая модель (Рио-92, Рио+10, Рио+20) существует пока лишь на концептуально-теоретическом уровне и представляет собой, в основном, политические декларации и благие пожелания на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях. Эта виртуальная, но пока не претворённая в жизнь, реальность создаёт массу трудностей и проблем для нынешнего, казалось бы обречённого на исчезновение неустойчивого развития. Стратегические цели изменения курса развития вступают в противоречие с политикой, тактикой и конкретным поведением ныне действующих властей и народов планеты, которые думают о будущем в лице лишь узкого круга своих интеллектуальных представителей. Устойчивое будущее не появится без борьбы с неустойчивым настоящим и прошлым. В этом – противоречие и драматизм XXI века, который в зависимости от разрешения этого противоречия станет либо веком перехода к устойчивому будущему человечества, либо концом его истории в прямом смысле этого слова.

Из официальных рекомендательных документов ООН становится понятным, что практическое осуществление перехода к УР предполагалось начать с декады 2005–2014 гг. Именно в это время государства планеты (входящие в ООН) должны были подготовиться в концептуально-

¹ См.: Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность, 1995, № 9; он же. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии, 2001, № 1; Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М., 2006; Урсул А.Д., Урсул Т.А., Тупало В.Г., Энгель А.А. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М., 2008.

² World Summit on Sustainable Development. Plan of implementation. – Johannesburg. 2002.

³ www.un.org/russian/conferen/wssd/

стратегическом и организационно-управленческом плане к реализации новой цивилизационной стратегии. Речь, прежде всего, идёт о создании официальных прогнозных документов (концепции, планы действий, стратегии, программы, органы, службы, национальные советы и т. п.) для того, чтобы начать реализацию нового для мирового сообщества (курс, форму) взаимосвязанного социально-экономического и экологического развития.

Для ЮНЕСКО и ВСУР, других документов ООН по УР общим является то, что они пока в основном на политическом уровне декларируют модель (в принципе допускается некоторое многообразие моделей) УР, контуры которой даже в концептуальной форме достаточно чётко не очерчены. Мы пока интуитивно и на уровне здравого смысла лишь отчасти понимаем, что так развиваться во многих отношениях, как цивилизация до сих пор двигалась по пути «прогресса», уже нельзя, иначе она останется без будущего, а планета – без человечества.

Основные темы, обсуждаемые на Рио+20: «зелёная» экономика в контексте устойчивого развития, искоренение нищеты и институциональные рамки устойчивого развития. В саммите, который стал самым большим мероприятием в истории ООН приняли участие более 45 тысяч человек, в том числе 12 тысяч делегатов из 188 стран, почти 10 тысяч представителей общественных организаций и 4 тысячи журналистов. На этом форуме опять как и на предыдущих, была подтверждена приверженность курсу на устойчивое развитие и на обеспечение построения экономически, социально и экологически устойчивого будущего для нашей планеты и для нынешнего и будущих поколений.

К позитивным итогам саммита «Рио+20» большинство экспертов относят то, что принято решение о разработке целей УР, которые сменяют Цели развития тысячелетия после 2015 г.; было принято решение о создании нового форума высокого уровня по УР при Генассамблее ООН; заложены основы для устойчивого потребления и производства, причём зелёная экономика станет активно использоваться для достижения устойчивого развития; будут разработаны и приняты новые индикаторы УР, дополняющие ВВП.

Важно отметить, что в ходе подготовки и проведения Рио+20, вузы многих стран мира подписали Декларацию о содействии методам и направлениям образования, необходимым для перехода к УР, о стимулировании научных исследований в учебных заведениях по проблемам этого типа развития¹. Причём среди подписавших эту Декларацию были и руководители всего семи высших учебных заведений России. И, конечно, такие подходы заслуживают распространения в других учебных заведениях нашей страны.

На «Рио+20» бизнес вёл себя гораздо активней, чем на предыдущих форумах ООН по УР, причём наиболее масштабное содействие бизнес-структур переходу к УР стало развёртываться благодаря появлению Глобального договора ООН, который реализуется уже в течение более десяти лет. Глобальный договор ООН – международная добровольная инициатива, направленная на распространение принципов социально-ответственного ведения бизнеса, политическая платформа и практическая основа для деятельности компаний, приверженных идее перехода к УР. Глобальный договор ставит задачу развития принципов социальной ответственности бизнеса, обеспечения его участия в решении наиболее острых глобализационных процессов и глобальных проблем. Многие компании показали реальные примеры содействия переходу к УР. Из 700 добровольных обязательств, которые в течение Рио+20 взял на себя бизнес, университеты и общественные организации, только 13 крупнейших из них оцениваются в огромную сумму в \$ 513 млрд.

Минусов Рио+20 оказалось достаточно много и, прежде всего, речь идёт о том, что на саммите не было выказано новых «прорывных» идей и мало принято крупных решений, которые свидетельствовали бы о реальной готовности движения мирового сообщества по пути глобальной устойчивости. По сути, руководство стран входящих в ООН, не хочет делать решительных шагов навстречу устойчивому будущему и порывать с обществом потребления. В отличие от ЮНЕСКО и ВСУР на Рио+20 был принят лишь один итоговый документ, согласованный с большими трудностями. Не удалось решить вопрос о финансовой поддержке развивающихся стран, заявивших о такой необходимости, чтобы справиться с расходами при переходе к УР, не принято решение по защите биоразнообразия в международных водах, не ликвидированы субсидии на ископаемое топливо, что сократило бы выбросы парниковых газов. На саммите роль науки в переходе к УР не выделялась и специально не обсуждалась, хотя ясно, что без этого в принципе к этому типу развития, тем более в глобальном масштабе перейти невозможно (о чём дальше будет сказано более подробно). Вместе с тем Пан Ги Мун пошёл на создание международного научно-консультативного совета, который должен будет давать рекомендации по проблемам науки в интересах УР для оказания консультативной помощи государствам-членам ООН.

Совершенно очевидно было, что нынешние поколения (прежде всего, страны золотого миллиарда) не торопятся предоставить равные возможности по удовлетворению потребностей будущим поколениям, обрекая их, благодаря своим недалёковидным решениям на гораздо худшие условия существования, а возможно, и на деградацию всей человеческой цивилизации.

¹ URL: www.uncsd2012.org/HEI.

Саммит «Рио+20» оправдал прогнозы многих экспертов, ожидавших лишь незначительный прогресс в процессе Рио-92, начавшегося тоже в Бразилии. «Саммит Рио+20 – лишь бледная тень саммита, проходившего в этом же городе двадцать лет тому назад», заявил в своей еженедельной колонке в газете The Guardian известный английский писатель и политик Джордж Монбиот.

Авторы откликов на саммит, конечно, дают свои объяснения причинам незначительного позитивного эффекта Рио+20 (и они называются в многочисленных обзорах процесса и результатов этого саммита) и появление требования общественности, принявшей участие в конференции именовать итоговый документ как «Будущее, которого мы не хотим»¹. Многие эксперты и особенно экологи убеждены, что у нынешних политиков не хватает политической воли объяснить согражданам необходимость отказа от растущего потребления ради следующих поколений. Излечиться от привычки жить не по средствам человечество сможет только в результате наступления кризиса, когда поневоле придётся идти на ограничения, если, конечно, ещё не будет поздно.

Уместно обратить внимание на то, что в последнее время складывается впечатление, что во всём мире интерес к проблемам УР существенно поубавился. Сменился и Генеральный секретарь ООН, который в отличие от прежнего не проявляет прежней активности в деятельности этой всемирной организации по дальнейшему продвижению мирового сообщества по пути устойчивости. Может быть, как деятельность ООН, так и других международных и всемирных организаций, а тем более суверенных государств, начинает затихать, и человечество решило забыть придуманную и достаточно широко разрекламированную «устойчивую утопию»?

Можно, конечно, считать, что переход к УР оказался беспрецедентно сложным и трудным процессом, ведь по значимости для истории человечества такой переход сравним, пожалуй, лишь с неолитической революцией – переходом от присваивающего к производящему хозяйству. Переход к УР – это не просто какая-то социальная революция в отдельно взятой стране или их группе – это всемирное движение за выживание всего человеческого рода, это адекватная реакция на объективный вызов времени, и здесь промедление с «ответом» чревато дальнейшим ускоряющимся сползанием к антропоэкологической катастрофе. Поэтому, несмотря на временные отступления и неудачи в процессе перехода к устойчивому будущему этот путь остаётся пока единственной альтернативой трагическому финалу для человечества и биосферы.

Некоторое затишье или замедление в плане перехода к УР связано отчасти с тем, что необходимо было осознать и понять, что же представляет собой предложенная ООН концепция и стратегия УР. Существует огромный спектр интерпретаций этой инновационной концепции, однако, доминирующей выступает «экологическая» трактовка перехода к УР. Очень многие авторы считают, что если к современному социально-экономическому развитию добавить требование не разрушать окружающую природную среду, то в этом случае как раз и сформируется эколого-экономическая система УР мирового сообщества.

И понятно, почему появилась такая точка зрения: ведь в первую очередь идея УР появилась в связи с необходимостью решения проблем окружающей природной среды, что легко проследить по «экологическим» форумам ООН, начиная от Стокгольма (1972 г.) через Рио-де-Жанейро (1992 г.) к Йоханнесбургу (2002 г.). И хотя стало понятным, что необходимо совместно решать социально-экономические, экологические и другие проблемы, тем не менее, экологический акцент в стратегии УР не просто присутствует – это наиболее распространённая интерпретация новой цивилизационной концепции и стратегии.

ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ К ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Экологические императивы действительно оказались ведущими в создании и понимании концепции УР (особенно если эта трактовка исходит от экологов). Однако в ходе теоретико-методологических исследований стало понятным, что УР – это не просто добавление экологического фактора к традиционному социально-экономическому развитию, а принципиально новые трансформации по всем направлениям развития человечества, т. е. это «инновационно-деятельностная революция» во всемирном масштабе. Причём, включившись в системный переход к УР, даже вся экологическая деятельность человечества обретает принципиально новые черты.

Идея перехода к УР появилась в результате осмысления экологических проблем, или более точно и вместе с тем широко – проблем окружающей среды, когда стало понятным, что эти проблемы тесно связаны с социально-экономическим развитием. И хотя до осознания этой связи было выявлено немало противоречий в развитии человечества, тем не менее, именно во взаимодействии общества и природы проявилось то противоречие, которое считается основным противоречием взаимодействия современной цивилизации с природой. Это социоприродное противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности². На это социоприродное противоречие обратил в своё время внимание Т. Мальтус, но только современная экологическая ситуация завершила спор о том, прав

¹ Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро получил официальное наименование: «Будущее, которого мы хотим» // URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture>.

² Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета, 1996, 9 апр.

ли был этот учёный и высветила его глобальный и угрожающий бытию человечества характер¹. Причём это противоречие имеет не только ресурсно-экологический акцент, а распространяется на все формы и виды человеческой деятельности.

Так или иначе, подобное противоречие существовало всегда, но оно лишь второй раз проявилось на глобальном уровне и в общечеловеческом масштабе. Первый раз, когда охотничье-собираательское хозяйство разрозненного по племенам человечества уступило место производящему хозяйству и второй раз – уже во второй половине XX – начале XXI века, когда также приходится изменять сам тип (или форму) развития уже относительно мирового сообщества опять-таки в планетарном масштабе.

В период неолитической революции речь шла в основном о недостатке природных (пищевых) ресурсов, которые нельзя было освоить с помощью палеолитических способов хозяйственной деятельности и экстенсивных технологий. Поэтому агрикультурная революция состояла в формировании нового способа природопользования в производстве продуктов (в основном биологической природы), ранее не существующих в естественном виде и могущих удовлетворять потребности людей, что создало условия для длительного периода обеспечения продовольственной безопасности и последующего демографического взрыва.

Переход же к УР и соответствующему способу социоприродного взаимодействия, который в принципе не может растянуться на несколько тысячелетий как переход к производящему хозяйству, должен свершиться в считанные десятилетия (максимум одно-два столетия). Это вызвано тем, что к недостатку уже не только продовольственных ресурсов (в основном невозобновимых добавился социально-экологический кризис, разрушение биосферы как естественного фундамента жизни цивилизации и любых иных форм жизни на планете. Причём деградация природной среды оказывается более «слабым звеном» в этом кризисе, чем нехватка природных ресурсов, которые в принципе могут быть заменены другими ресурсами путём создания новых высоких технологий и экологически безопасных видов хозяйственной деятельности. В этом отличие нынешнего глобального противоречия в системе «общество – природа» от верхнепалеолитического, приведшего к смене способа хозяйственной деятельности и шире – взаимодействия основных компонентов в этой системе.

Разрешение упомянутого выше социоприродного противоречия означает необходимость ведения хозяйственной и иной деятельности человека в пределах несущей (экологической) ёмкости экосистем, а человечества в целом – в границах этой же ёмкости биосферы. Собственно, это и есть переход к УР в отдельном взятом «экосистемном масштабе», когда будут гармонично сочетаться адаптирующая и адаптивная виды деятельности, что должно привести к соразвитию (коэволюции) природы и общества. Однако важно перейти к УР в планетарном масштабе для того, чтобы всё человечество смогло выжить и сохраниться как уникальный вид живых существ.

Человечество, как выше уже отмечалось, столкнулось в последние десятилетия не просто с естественными ограничениями (они были всегда на локальном уровне), а с глобально-планетарными природными, прежде всего, биосферными ограничениями. Поэтому переход к УР в силу целостности и сильной взаимосвязи компонентов биосферы (как фундамента жизни и регулятора окружающей среды) и формирования единства цивилизации через глобализацию должен оказаться процессом глобального управления, в тех или иных аспектах ограничивающих стихийное продолжение рыночно-экономическую модель НУР². И хотя только к ограничениям, разумеется, нельзя свести переход к УР, однако, они приобретают сейчас приоритетное значение и в зависимости от степени осознания этих биосферных и иных пределов и границ можно будет в будущем судить об эффективности перехода к УР на глобальном, региональном, национальном и локальном уровнях. Разрешение социоприродного противоречия в значительной степени связано с существенным (почти на порядок) уменьшением антропогенного пресса на биосферу и его принципы могут быть изучены на соответствующих моделях³. Разрешение же этого противоречия в эколого-экономическом ракурсе видится в создании новой модели хозяйствования – «устойчивой» биосферосовместимой экономики, базирующейся на принципах всесторонней и полной интенсификации и экологизации. Сейчас этот формирующийся тип экономики все чаще именуют «зелёной» экономикой, хотя «зеленеть» должна не только экономика, но прежде всего она.

Важно выбрать приоритетные цели и выбор падает на сохранение цивилизации, причём, это понимание, прежде всего, должно проявиться на демографическом уровне, который оказался наименее изученным наукой, особенно в глобальном ракурсе (а тем более – в космическом). Поставив вопрос о глобальном демографическом процессе в перспективе УР, мы сталкиваемся с проявлением ряда противоречий в понимании этой проблемы. С одной стороны, человечество в

¹ См.: Лисин В.С., Юсфин Ю.С. Ресурсно-экологические проблемы XXI века и металлургия. М., 1998. С. 11–13.

² См.: Урсул А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск, 2008, № 113. Ноябрь. С. 1–136.

³ О моделировании антропогенного пресса на биосферу см.: Федотов А.П. Глобалистика: Начала науки о современном мире. Гл. 4. М., 2002, а также: Урсул А.Д. Концептуальная модель устойчивого развития // Экология урбанизированных территорий, 2006, № 2.

планетарном масштабе не должно численно изменяться таким образом, чтобы исчезнуть с лица Земли, как это уже случилось с подавляющим большинством биологических видов. Это означает, что человеческий род, будучи уникальным не только как биологический вид, но и как новая социальная ступень эволюции материи, должен воспроизводить свою численность на необходимом уровне, ниже которого уже не сможет сохраниться. Тем самым, для реализации устойчивого развития необходимо не переходить некоторый, пока не установленный, нижний предел воспроизводства народонаселения планеты.

С другой стороны, с позиций устойчивого развития существует и верхний предел (тоже пока точно не определённый) упомянутой численности народонаселения планеты. Считать, что, чем больше будет населения на Земле, тем полнее будут реализовываться цели УР, тоже нельзя. Ведь биосфера, как и вся планета, имеет пространственные, ресурсные и другие ограничения и эволюционный коридор своей естественной устойчивости, т. е. несущую ёмкость биосферы. Эта устойчивость как естественная безопасность может нарушаться, и может произойти глобальная катастрофа. Тем самым, беспредельное увеличение численности народонаселения (о котором мечтал, например, русский космист Н.Ф. Федоров) уже может разрушить наш общий дом с другими живыми существами, т. е. весьма вероятен глобальный омницид.

Как видим, эти весьма общие рассуждения в духе реализации целей глобального перехода к устойчивому развитию говорят о том, что численность населения земного шара должна находиться в определённом эволюционном коридоре с верхними и нижними пределами, в который должны вписываться все дальнейшие демографические траектории на нашей планете.

Поэтому необходимо будет рассмотреть, как идёт реальный демографический процесс в мире и как он коррелируется с теми представлениями об этом процессе с позиций глобального перехода к устойчивому развитию. Именно от выработки адекватных представлений об этом соотношении зависит как демографическая стратегия в мире в целом, так и демографическая политика каждого государства-члена ООН, взявшего курс на переход к устойчивому будущему.

Из двух главных и взаимосвязанных целей глобального перехода к социоприродному устойчивому развитию – сохранения человечества и биосферы – приоритетной является сохранение и выживание человеческого рода. Прежде всего, с этой целью и предложена была идея перехода мирового сообщества к УР. С помощью этой идеи предполагается «обмануть» природу, которая на протяжении всей биологической эволюции последовательно уничтожала все появляющиеся виды живых существ, отводя им средний срок существования на планете всего несколько миллионов лет. Из существующих миллиарды лет, мы вряд ли найдём в современной биосфере какой-то вид, исключая некоторые микроорганизмы (археи и бактерии). Во всяком случае, животных, тем более таких крупных как человек, не существует среди долгожителей нашей планеты.

Но человек в темпоральных сроках существования не желает подчиняться естественным законам эволюции биосферы и благодаря своему разуму и другим социальным качествам, отличающим его от животных, стремится продлить своё бытие на неопределённо долгие времена. Теоретически такая идея вовсе не противоречит естественным эволюционным процессам особенно на главной и перманентно-прогрессивной траектории эволюции во Вселенной (супермагистрали глобально-универсальной эволюции)¹.

Поэтому можно считать, что если идея выживания человечества через переход к УР в принципе может быть реализована, то наряду с другими видами устойчивости (экономической, социальной, экологической и др.) должна будет осуществляться и демографическая устойчивость, причём она должна быть приоритетной. Демографическая устойчивость в глобальном ракурсе – это, на мой взгляд, самый главный вид устойчивости, который должен реализоваться при эволюционном переходе к устойчивому будущему. Глобальная демографическая устойчивость – это то, что лежит в основе идеи перехода к новой цивилизационной стратегии. Все остальные упомянутые и другие виды глобальной устойчивости явно или неявно направлены на реализацию главного вида «человеческой устойчивости» – устойчивости социально-демографических процессов как основного индикатора выживания цивилизации².

Выдвижение этого «индикатора» устойчивости будущего развития, хотя и кажется очевидным с позиций здравого смысла, может не устроить некоторых «глубинных» экологов, для которых выживание человечества представляется столь же равноправным, как и выживание любого другого вида живых существ. И здесь опять-таки уместно заметить, что выживание такого уникального вида как человеческий род не может быть лимитировано лишь естественными биологическими законами. Если все иные живые существа в своём популяционно-видовом бытии (не говоря уже об индивидуальном) смертны, то человек в социально-биологическом видовом аспекте через свою рациональность и социальность претендует уже на видовое бессмертие (либо долгожительство). Потому вряд ли идею демографической устойчивости следует рассматривать как очередную «антропошовинистическую» идею.

¹ См.: Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы). М.: РАГС, 2007; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: МГУ, 2012.

² См.: Бабурин С.Н., Урсул А.Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М., 2010.

Человеческий род претендует на социально-биологическое бессмертие (как непрерывное существование и развитие) не просто как вид живых существ, а как социальное информационно-интеллектуальное материальное образование (ступень эволюции материи), призванное продолжить универсальную эволюцию на её супермагистрали. А это в принципе невозможно без обретения соответствующей демографической безопасности и устойчивости социальной ступени эволюции (пока «в лице» человечества).

За прошедшие 20 лет после ЮНСЕД стратегии или программы устойчивого развития приняли более 100 стран. Однако, исходя из результатов изменения экологии планеты, можно сделать вывод, что принципы устойчивого развития не удалось полностью внедрить ни в одной стране мира.

О НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНОГО ПОХОДА К ТРАКТОВКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Подготовительный комитет Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 на своей первой сессии, состоявшейся ещё в мае 2010 г. распространил доклад Генерального секретаря ООН, в котором отмечается, что достигнутый на сегодняшний день прогресс в осуществлении решений крупных конференций на высшем уровне по устойчивому развитию оказался под угрозой в результате целого ряда кризисов, которые поразили глобальную экономику в 2008 году. Эта же мысль неоднократно повторялась на самом саммите Рио+20 и даже служила главным аргументом и объяснением весьма скромных результатов, достигнутых в его ходе даже по сравнению с предыдущими аналогичными встречами на высшем уровне под эгидой ООН. Мировой финансово-экономический кризис существенно повлиял на принятие (а также на непринятие) конкретных решений по увеличению финансовой помощи на цели УР. Причём становится очевидным, что последствия мировых финансово-экономических кризисов могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса, появились негативные тенденции, которые можно квалифицировать как опасности и угрозы на пути дальнейшего системного продвижения по пути устойчивого развития России, о чём идёт речь в принятой в 2009 г. Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года¹. Эти негативные тенденции проявляются, прежде всего, в социально-экономической сфере: растёт безработица, идёт снижение темпов экономического развития, в сложных условиях функционирует банковская система, всё больше появляется очагов социальной напряжённости, усиливается инфляция, и впервые за многие годы принимается дефицитный бюджет страны. Появляются новые стратегические риски и негативные тенденции в условиях глобального экономического кризиса, нарушающего стабильное поступательное развитие страны.

Тем самым, становится очевидным, что достаточно существенное негативное воздействие нынешнего неустойчивого развития на процесс перехода к УР становится серьёзным препятствием реализации принципов глобальной устойчивости. Неопределённость и непоследовательность поведения многих стран, в том числе и нашей в отношении перехода к УР, на мой взгляд, имеет ещё одну важную причину, о которой практически мало кто говорит. Стоит назвать и рассмотреть эту, возможно, даже главную причину (кроме уже упомянутой неготовности большинства населения планеты принимать стратегию УР в её современном виде).

Эта причина – в весьма слабой разработанности теоретических аспектов стратегии УР и видения глубинной природы глобальной устойчивости. В этом сказался традиционный подход к науке в рыночной стихии, когда идёт принижение фундаментальной науки и главенствует сиюминутный прагматический подход. На суд общественности выносятся весьма упрощённая и односторонняя концепция УР, которая не является достаточно адекватной, поскольку выделяет в основном экологический аспект и его связь с экономикой и социальной сферой. Безусловно, это делать необходимо, но этого недостаточно, важно расширить предметное поле исследования проблемы глобальной устойчивости, сделать концепцию УР более целостной и тем самым более адекватной. А это также означает, что итоги Рио+20, наверное, будут основанием для модификации взглядов и более целостного представления этой проблемы в контексте совокупности (уже принятых) решений, – заявил советник Президента РФ А.И. Бедрицкий².

За последние 20 лет концепция устойчивого развития в России и мире рассматривалась в основном в природоохранной плоскости. Между тем, окружающая среда и развитие являются не двумя отдельными областями, а двумя аспектами одной и той же повестки дня. Требуется существенно более комплексный и целостный подход к формированию стратегий устойчивого развития, обеспечивающий учёт не только экологических и социальных издержек экономическо-

¹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года // Российская газета, 2009, 19 мая.

² См.: Бедрицкий А.И. Об итогах Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» // Природно-ресурсные ведомости, 2012, № 6 (381), июнь.

Разумеется, необходима новая экономика развития, способная обеспечить рост благосостояния общества без дополнительной нагрузки на природную систему – называемой экспертами «экологономикой», или зелёной экономикой. Однако устойчивое развитие как новая форма эволюции цивилизации, как выше отмечалось, в принципе должно быть направлено против всех кризисных явлений и катастроф (а не только экологического характера), в том числе и кризисов в глобальной экономике. Появление же кризисных явлений такого рода, оказавших негативное влияние не только на экономику, но и на сам процесс перехода к УР, свидетельствует о том, что принятая концепция и стратегия УР оказалась пока недостаточно системно-целостной и, тем самым, недостаточно адекватной.

Экологический акцент в этой концепции явился правильным, но лишь первым шагом, ориентированным на длительную, стратегическую перспективу. Устойчивое развитие в этом понимании предполагает выживание цивилизации и даже повышение качества жизни всего населения планеты без роста масштабов использования природных ресурсов и без деградации окружающей среды до таких пределов, что это не привело бы к превышению несущей ёмкости Земли как целостной экологической системы. Несмотря на то, что переход к УР может потребовать принятия разных действий в каждом из государств, сейчас усилия по формированию устойчивого будущего предполагают комплексный подход к деятельности в основном в трёх ключевых областях – экономике, социальной сфере и экологии.

С этой «триединой» точки зрения формирование новой стратегии развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующую систему экономической, экологической и социальной сфер деятельности. В этом смысле устойчивое развитие должно характеризоваться (как минимум) экономической эффективностью, биосферосовместимостью и социальной справедливостью при общем снижении антропогенного пресса на биосферу.

Но теперь ясно, что этого недостаточно и устойчивой перспективы можно и не достигнуть, если не учитывать различного рода вызовы и угрозы УР со стороны современной рыночной экономики. И не только экономики, экологии и социальной сферы, но и политики, да и ряда других существенных сторон реальной жизнедеятельности человечества. В этом сказались противоречие между провозглашённой новой формой развития цивилизации и нынешней формой неустойчивого развития. Новая модель развития цивилизации оказалась, с одной стороны, более перспективной, поскольку именно с её помощью цивилизация сможет выжить. Но, с другой стороны, созданная пока на теоретическом уровне, эта модель оказывается менее системной и не учитывает ещё многие составляющие в плане развития и безопасности, которые характеризуют современную модель развития как неустойчивого развития (НУР). Именно эти составляющие «тянут назад» движение в правильном, но недостаточно системном, весьма урезанном направлении. Устойчивому будущему противостоят угрозы со стороны пока не включённых областей деятельности (они-то продолжают развиваться в рамках модели НУР) и они существенно тормозят прогресс на пути к УР экологической ориентации.

Нужно также иметь в виду, «экологическое измерение» движения по пути УР оказывается лишь началом осознания смысла нового пути в глобальное устойчивое будущее. Экологическая проблема в её глобальном видении оказывается лишь частью того общего процесса, который требует решения всех глобальных проблем, на что я уже обратил внимание, как только была принята эта концепция и стратегия¹. Не следует представлять (и тем самым зауживать), что главное в переходе к УР – это решение экологических проблем, ставших теперь уже глобальными. Речь должна идти о комплексе всех глобальных проблем и негативных общепланетарных процессов, которые должны решаться на пути перехода к УР.

Глобальные проблемы, другие глобальные феномены, тесно связанные с космическими процессами, возникли именно благодаря пространственной шарообразности и, тем самым, замкнутости нашей планеты как небесного тела, глобальной ограниченности земного шара и его биосферы, в которой развёртывается антропогенная деятельность. Глобализация и ряд других социоприродных глобальных процессов уже были «запрограммированы» природными особенностями земного шара, на что я выше уже обратил внимание. Глобализация оказалось обусловленной природными характеристиками и особенностями биосферы и даже космическими свойствами планеты как небесного тела. В этом пространственно-природная специфика всех глобальных процессов, включая глобализацию и глобальные проблемы, о чём выше шла речь.

В предметную область создаваемой более широкой теории УР должна будет войти вся антикризисная и «циклическая» проблематика. Ведь глобализация человеческой деятельности сопряжена в силу сказанного с усилением кризисно-циклических явлений во всех сферах активности людей из-за появления ограничений и пределов. Если взять циклические явления, которые стали изучаться в экономике, то, вопрос серьёзно не ставился о возможности и необходимости их устранения или снижения (по крайней мере, понижающих фаз). Речь шла в основном о признании их объективности и понимания того, как они развиваются. Между тем, в условиях усиления действия глобальных ограничений будут расти и отрицательные последствия кризисно-

¹ См.: Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М., 1993.

циклических феноменов во всех сферах деятельности человека. Поэтому важно изучение этих процессов связать с проблемой перехода к УР. Ведь если этого не произойдёт, то переход к УР не будет происходить и опять придётся констатировать, что надежды не только экологов, но и других сторонников такого перехода опять окажутся не реализованными. Поэтому становится понятным, что будущая теория УР должна оказаться гораздо шире, чем это представляет большинство учёных, которые занимаются «устойчивой» проблематикой.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Наряду с экологической трактовкой УР, в последнее время развивается так называемая «безопасностная» интерпретация этого типа развития¹. В принципе речь идёт о том, что, как показали упомянутые выше исследования, УР оказывается наиболее безопасным типом социального и социоприродного развития, в результате которого в отдалённой перспективе возможна коэволюция общества и природы. Причём это касается как экологической, так и многих других известных нам видов безопасности, в том числе и национальной безопасности.

Однако, если рассматривать не только экологически безопасное, но и другие формы и виды безопасного развития, то можно выявить определённые границы (пределы) и нормы безопасного в том или ином отношении развития. Это касается экономически безопасного развития, социального, информационного, политического, технико-технологического и всех других форм и видов развития и соответствующих им форм обеспечения безопасности. Развитие любой системы в целом оказывается устойчивым, если оно происходит в рамках соответствующего «нормативного коридора безопасности», т. е. той или иной «несущей ёмкости» антропогенной деятельности.

В этом смысле экологическая безопасность не отличается от других видов безопасности, но важно то, что понятие УР впервые было сформулировано лишь в связи с экологией. И до осознания связи понятий «развитие и окружающая среда» изучались и другие виды безопасности наряду с экологической, но концепция УР была создана только на пути экологического осмысления развития и, как стало очевидным, прежде всего, экологически безопасного развития. Лишь позже стало понятным, что наряду с экологической безопасностью важно включить и другие характеристики реального процесса развития – т. е. экономическое его измерение, политическое, социальное, демографическое, информационное и т. д.

В принципе концепция УР могла появиться и не в «экологоцентрической» форме, если бы было осознано, что в принципе необходимо менять курс развития всего мирового сообщества в силу иных обстоятельств. И хотя исторически это впервые получилось благодаря экологии, всё же нельзя новый тип развития связывать только с реализацией стратегических экологических императивов и приоритетов. В широком смысле УР – это всё-таки безопасно-инновационный тип развития во всех отношениях, который реализуется в достаточно узком эволюционном коридоре (в рамках несущей ёмкости экосистем, которое также имеет смысл трактовать в более широком смысле). Поэтому на определённом уровне «нормативного» осознания сути этого типа развития важно констатировать, что оно характеризуется глобальностью, системностью, непрерывностью, безопасностью и принятием опережающих решений.

Развитие в полном смысле станет безопасным во всех отношениях, если оно будет осуществляться в форме УР, которое реализует обеспечение безопасности на необходимом и достаточном уровне. Это обеспечение ориентируется не только на защиту, но и на такие формы обеспечения безопасности, которые связаны с опережающими действиями, с формированием развития в наиболее безопасной форме (безопасность обеспечивается не только через защиту, но главным образом через нерегрессивное развитие).

Если в модели неустойчивого развития основное внимание уделяется «защитно-силовым» средствам, то в новой цивилизационной модели обеспечение безопасности должно достигаться в основном через развитие, консенсус, коэволюцию, компромисс, опережающие решения и действия. При этом в новой модели также уменьшается (либо даже устраняется) раздвоение социальной деятельности на ту, которая собственно занимается развитием в его понимании как прогресса (созиданием, творчеством и т. д.) и обеспечением безопасности этой основной деятельности. В модели устойчивого развития противоречие между обеспечением безопасности и развитием разрешается в пользу нерегрессивного развития, которое становится безопасным во всех отношениях устойчивым развитием.

Таким образом, получается, что переход к УР опять-таки направлен на обеспечение сохранения всех социальных и социоприродных систем, которые переходят на новый тип развития. Та-

¹ См.: Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии, 2001, № 1; он же. Принцип безопасности через устойчивое развитие: концептуально-методологические аспекты // Безопасность Евразии, 2009, № 2; он же. Стратегия национальной безопасности в ракурсе устойчивого развития // Национальная безопасность/Nota bene, 2010, № 3; он же. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Государственное управление ресурсами. Специальный выпуск, 2008, № 11; Бабурин С.Н., Дзюев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012.

кой новый концептуально-методологический подход должен реализоваться как на государственно-национальном, так и на глобально-международном уровне при переходе мирового сообщества к устойчивому развитию и фиксироваться в соответствующей нормативно-правовой базе¹.

Рассмотрение УР в аспекте проблемы безопасности означает не только новое видение механизмов и перспектив её обеспечения, но фактически переход к более широкому и адекватному пониманию этого типа развития, в этом случае представляющего собой нерегрессивный тип эволюции, элиминирующий либо снижающий до приемлемого уровня любые негативные воздействия на объект с целью его сохранения. Короче говоря, УР в этом более широком смысле представляет собой наиболее безопасное развитие, в которое как частный (но первый и самый главный вариант) входит ставшее достаточно распространённым его «экологическое» понимание (обеспечение экологической безопасности в глобальном масштабе).

Важным шагом на пути расширения понимания УР является его связь с проблемой безопасности, причём важным и характерным примером движения по пути этого расширения являются российские трактовки этого типа развития. Так, в России в ближайшее десятилетие официально выделяются с позиций обеспечения национальной безопасности следующие приоритеты устойчивого развития:

- повышение качества жизни российских граждан путём гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
- экономический рост, который достигается, прежде всего, путём развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путём укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнёрства;
- экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счёт сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнёрство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства².

Эти приоритеты не во всём совпадают с приоритетами национальной безопасности, о которых идёт речь в упомянутой Стратегии. Но так и должно быть, поскольку обеспечение безопасности преследует цель сохранения того или иного объекта (прежде всего, личности, общества и государства), а устойчивое развитие – его дальнейшее, но уже безопасное прогрессивно-поступательное развитие. Объединение в единую систему обеспечения различных видов безопасности и нерегрессивных форм развития превращает развитие в безопасное развитие, а безопасность, в свою очередь, обеспечивается через устойчивое развитие в его наиболее широком понимании.

В последнее время в исследовании проблемы безопасности, на мой взгляд, отчётливо прослеживаются две весьма существенные тенденции, которые можно условно назвать экстраполяцией и глобализацией. Экстраполяция характеризует распространение понятия безопасности на те сферы и компоненты деятельности человека, которые ещё несколько десятков лет тому назад не входили в предметную область изучения безопасности³. Глобализация проблемы безопасности свидетельствует о том, что расширение идёт и в глобальном измерении, когда исследовательская мысль переключается от локально-государственных и национально-региональных проблем на глобальные масштабы и проблемы безопасности. Обе тенденции существенно расширяют понятие безопасности, фактически сформировали его в качестве междисциплинарно-общенаучной, а, возможно, даже философской категории.

При таком расширении объёма понятия безопасности также происходит концептуальный и даже парадигмальный переворот в самом понимании обсуждаемой проблемы. Существенное значение в этом процессе переосмысления природы безопасности (по крайней мере, в России) сыграло принятие такого основополагающего государственного документа как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, которая положила в свою концептуальную основу взаимосвязь безопасности и развития, а также обеспечение национальной безопасности через приоритеты устойчивого развития, понимаемые не только в экологическом аспекте. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года: «Концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»⁴.

¹ См.: Урсул А.Д. Становление права устойчивого развития в условиях глобализации: методологические аспекты // Право и политика, 2010, № 5; он же. Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // Право и политика, 2012, № 8.

² Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года // Российская газета, 2009, 19 мая.

³ См.: Урсул А.Д., Урсул Т.А. Проблема безопасности в ракурсе глобального эволюционизма // Безопасность Евразии, 2011, № 2; они же. Проблема безопасности: глобальные и универсально-эволюционные аспекты // ВВ: Национальная безопасность, 2012, № 1 (электронный журнал).

⁴ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Безопасность Евразии, 2009, № 2.

Нужно иметь в виду, что трактовка УР сейчас уже явно отличается от его преимущественно «экологического» видения. Ведь вряд ли можно считать, что Россия добилась существенных успехов в плане экологии и рационального природопользования, или сделала значительный шаг на пути преодоления сырьевой ориентации своей экономики в сторону желаемого инновационного развития социальной ориентации. Между тем, к достижениям в области перехода к УР страны относят многие позитивные политические и социально-экономические преобразования и реформы: укрепление государственности, усиление институтов гражданского общества, переход национального законодательства на качественно новый уровень, особенно в сфере защиты конституционных прав человека, укрепление национальной обороны, а также общественной и государственной безопасности, устранение ряда угроз экологической и информационной безопасности, создание возможностей более быстрого развития высокотехнологичных отраслей экономики и появление реальных условий перехода на инновационные механизмы развития¹. Можно полагать, что движение по пути устойчивости уже стало рассматриваться как достижение позитивных результатов в обществе и государстве, которые укрепляют национальную безопасность и способствуют прогрессивному социально-экономическому развитию России. Устойчивое развитие с этой широкой точки зрения представляется как гораздо более справедливое и, тем самым, более безопасное прогрессивное развитие страны (и цивилизации в целом).

В российском докладе, подготовленном к Рио+20, также констатируется, что страна движется в направлении устойчивого развития². Медленное движение в правильном направлении – фраза из этого доклада о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации Межведомственной рабочей группы экспертов по обеспечению участия России в Конференции ООН по устойчивому развитию («Рио+20») под руководством советника Президента РФ А.И. Бедрицкого.

Уместно обратить внимание, что упомянутая Стратегия национальной безопасности представляет собой не только важнейший официальный документ по проблеме национальной безопасности страны, но и новое понимание российской концепции перехода к УР (по крайней мере, среди специалистов, занимающихся проблемами безопасности). Новое видение этого социоприродного типа развития с позиции обеспечения безопасности как нашей страны, так и всего мирового сообщества представляет важный мировоззренческий и концептуально-методологический поворот в области проблем безопасности и одновременно в сфере УР, их объединения в важное и единое научно-поисковое и практическое-деятельностное направления³. Ведь две главные цели перехода к УР мирового сообщества заключаются, прежде всего, в обеспечении безопасности (во всех её формах, а не только экологической) общества и сохранения биосферы, формирования их коэволюционных отношений.

При переходе к устойчивому развитию безопасность перестаёт быть одним из условий развития, т. е. в модели НУР, и становится его необходимой составной частью. Впрочем, и наоборот: развитие, в данном случае нерегрессивное, оказывается неотъемлемым компонентом обеспечения безопасности, что и получает своё выражение в форме словосочетания «безопасность через устойчивое развитие»⁴, выступающего в качестве основной концептуальной идеи национальной безопасности страны, причём не только до 2020 года, но и на всю обозримую перспективу, и не только нашего государства, сделавшего важный шаг на пути в безопасно-устойчивое будущее.

Нынешнее медленное движение в правильном направлении к УР не только России, безусловно, имеет свою специфику и может отличаться от подходов других стран в ходе реализации целей и принципов УР. Однако все страны находятся в разном социально-экономическом и экологическом положении. Поэтому в общемировом переходе к УР добавляется та или иная особенность такого перехода. Так, в России в стратегической перспективе речь идёт о совмещении общецивилизационного перехода к УР и модернизационно-инновационного развития, отражающего специфику современного этапа развития страны (включая демократические преобразования и дальнейший переход к рыночным отношениям, что продемонстрировало, например, вступление нашей страны в ВТО).

Преимуществами России, как отмечается в упомянутом докладе Межведомственной рабочей группы экспертов, в процессе построения новой экономики, основанной на принципах устойчивого развития, являются совершенствующаяся система здравоохранения и социального обеспечения, техническое обновление производственного сектора, внедрение энергоэффективных технологий, высокий уровень образования населения, культурное и научное наследие. Это

¹ URL: <http://www.scrf.gov.ru>.

² См.: Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20». М., 2012. С. 8.

³ В этой связи отметим, что эта проблема почему-то даже не упоминается и не обсуждается в «Докладе о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20». М., 2012, в котором подводятся итоги и приводится информация о реализации принципов устойчивого развития в России за последние 20 лет.

⁴ См.: Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии, 2001, № 1; он же: Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ // Безопасность Евразии, 2009, № 2.

создаёт базу для экономических преобразований и полноценной реализации человеческого потенциала в стране, основу для устойчивого развития, обеспечивающего социальную справедливость, экономическую стабильность и защиту окружающей среды.

Вместе с тем, подчёркивается, что: «Системный кризис, который переживала Россия в 90-е годы XX века, негативно сказался на решении экономических, экологических и социальных проблем в контексте устойчивого развития – целый ряд мероприятий, предусмотренных нормативными актами, был реализован не в полном объёме, часть из них осталась только на бумаге»¹.

Напомню, что в апреле 1996 г. Указом Президента РФ № 440 была утверждена «Концепция перехода РФ к устойчивому развитию», причём в Указе сформулирована задача «разработать и внести в 1996 г. на рассмотрение Президента Российской Федерации проект государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации». До сих пор эта задача не выполнена, хотя и предпринимались определённые попытки её разработки и обсуждения². Не создан и Национальный совет по устойчивому развитию (НСУР), представляющий собой механизм для дальнейшего воплощения принципов УР в нашей стране. В дальнейшем, если будет создан такой совет, желательно формализовать его деятельность, подготовив соответствующий подзаконный акт или указ главы государства. Однако, учитывая, что НСУР будет продолжать свою работу и после выборов конкретной администрации, предпочтительнее было бы выработать национальное законодательство по УР (желательно, кодекс), в котором будут определены миссия и роль НСУР.

Задача создания такой стратегии не снята с повестки дня, но стала ещё более актуальной в связи с кризисными явлениями в экономике и ростом техногенных катастроф. Кроме того, необходимость дальнейшей работы над стратегией связана с тем, что за эти годы существенно изменилось понимание устойчивого развития. Важно, как об этом шла речь выше, расширять видение нашего общего безопасно-устойчивого будущего, согласовывая между собой как долгосрочные, так и краткосрочные цели, задачи и принципы развития. На это обращал внимание в своих лекциях недавно посетивший нашу страну известный американский учёный Д. Медоуз. Надо существенно облегчить достижение долгосрочных целей, минимизируя современные угрозы УР, делая этот желаемый тип развития более системным и безопасным. Иначе через 10 лет, после очередного кризисного этапа в экономике или иной сфере деятельности человека в модели УР представители руководства стран и гражданского общества опять на очередном форуме ООН по УР придут к ещё более неутешительным результатам, чем на Рио+20. Нужно находить такое оптимальное соотношение между моделью неустойчивого развития, по которой человечество движется не в желательном направлении и моделью будущего, которое мы хотим и которое сможет обеспечить выживание цивилизации, снижая кризисные составляющие своего развития. Тогда угрозы реализации УР существенно уменьшатся. Пора более активно и в глобальном масштабе подключать проблемы безопасности для понимания и осуществления стратегии УР.

Только в таком официальном документе как Государственная стратегия устойчивого развития РФ можно будет в полной мере на единой системной основе объединить в одно целое обеспечение безопасности через устойчивое развитие и это развитие – уже в социально-экономическом ракурсе. В будущую стратегию войдут и экологические проблемы, которые уже нашли своё отражение как в «Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», так и в «Экологической доктрине РФ» (2002 г.), утверждённой Правительством РФ, а также «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утверждённых в 2012 г. Президентом РФ незадолго до Рио+20. Государственная стратегия устойчивого развития РФ может и должна оказаться наиболее целостным документом, которому необходимо будет придать соответствующий нормативно-правовой статус Указом Президента РФ.

Во многом поэтому, если Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утверждённая Указом Президента РФ в 1996 г., имела в основном экологический «акцент», то сейчас в связи с принятием Стратегии национальной безопасности РФ можно констатировать новое видение проблем устойчивого развития сквозь «призму» проблем безопасности. Это впервые произошло в России по той причине, что в стране уже были разработаны концептуально-теоретические основы видения УР в ракурсе проблем безопасности, а также обеспечения безопасности через УР.

«Двойственность» современному этапу перехода к устойчивому будущему создаёт противоречие между старой и новой стратегиями развития в государственном и международном аспектах. Поэтому и Россия, и любая другая страна, двигаясь к устойчивому будущему, должна защищать свои национальные интересы, обеспечивать национальную безопасность. Однако национальные интересы и цели должны оцениваться уже не только в рамках старой «системы координат» и ценностей стратегии неустойчивого развития, что, как правило, имеет место. Для того чтобы принять новую стратегию в национальных масштабах и следовать ей в грядущих носферных преобразованиях, необходимо, чтобы её приняли и другие страны, которые также не

¹ Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20». М., 2012. С. 6–7.

² См. об этом: Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации. М.: Изд-во ГД РФ, 2002. С. 3–10.

предпринимали бы действий в духе старой модели развития. Делая шаг вперёд к устойчивому развитию, Россия вправе ставить вопрос, чтобы такой же шаг был сделан и со стороны других стран, особенно претендующих на главенство в мире по переходу на путь устойчивого развития.

Упомянутая «двойственность» диктует и двойственность оценок любого действия любой страны, любого субъекта мировой политики, глобальной экономики и вообще любой сферы деятельности. Эта двойственность заключается в том, что необходимо оценивать каждое мероприятие в двух «системах координат», или в двух моделях развития – модели НУР и модели УР и сравнивать эти оценки, поскольку именно только так можно определить продвижение по пути к новой цивилизационной парадигме. Это потребует формирования для эффективного управления переходом к устойчивому развитию страны специальной межведомственной экспертизы (назову её ноосферной, или УР-экспертизой), в компетенцию которой входило бы сопоставление принимаемых государственной властью решений с желаемой нормативной моделью устойчивого развития. Без такой экспертизы нет достаточных оснований считать принимаемое решение, способствующим переходу к устойчивому развитию. Любые конкретные действия в масштабе организации, компании, ведомства, территории, государства и т. п. должны ориентироваться на модель устойчивого развития, причём, в конечном счёте, – на глобальный масштаб её реализации.

* * *

Стратегическая цель перехода к безопасно-устойчивому будущему – сформировать совершенно новую цивилизационную модель развития, которая, благодаря формирующемуся глобальному управлению обеспечила бы выживание и дальнейшее поступательное движение цивилизации, не разрушая окружающую природную среду, находилась бы в гармоничных (коэволюционных) отношениях с биосферой. Если в результате глобально-скоординированных действий удастся сохранить биосферу, то тем самым появится естественный фундамент выживания цивилизации и её перманентного нерегрессивного развития не только в течение ближайших веков, но и на последующие неопределённо долгие времена.

Глобальная сущность устойчивого развития как наиболее безопасного развития диктует не только необходимость в течение XXI в. перехода суверенных государств к новой цивилизационной стратегии, но и существенное усиление интегративных тенденций в мировом сообществе, развёртывание глобализации и других глобальных процессов через УР. Можно даже сказать, что с переходом к УР наступает эпоха планетарной конвергенции стран и других субъектов мирового процесса, находящихся на различных уровнях своего развития. Несмотря на различия в уровнях социально-экономического развития, политические, этнические, культурные и прочие особенности, все государства планеты должны будут по историческим масштабам времени одновременно включиться в единый глобальный процесс, обеспечивающий в текущем тысячелетии выживание всему человечеству и сохранение биосферы, их коэволюцию.

Постиндустриальное общество может оказаться завершающей стадией модели неустойчивого развития (своего рода «концом истории»), поскольку следующая за ним эпоха стихийного развития либо не реализуется вообще (в связи с переходом к новой цивилизационной стратегии), либо ввергнет человечество в пучину глобальной катастрофы.

Вот почему, возвращаясь к началу статьи, можно считать, что XXI в. может стать переломным в истории цивилизации в обоих упомянутых вариантах развития человечества. В начале III тысячелетия должно разрешиться противоречие между старой и новой моделями развития, как можно надеяться, в пользу этой последней.

У человечества есть значительная вероятность позитивного разрешения упомянутого противоречия в пользу выживания и созидания сферы разума как качественно новой формы цивилизационного процесса, открывающей путь к социальному бессмертию.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 2)

Глава 14. Э.Г. Кочетов

МИРОПОНИМАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ФАЗОВЫХ ПЕРЕХОДОВ: ГЕО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД → ГЛОБАЛИСТИКА → ГУМАНИТАРНАЯ КОСМОЛОГИЯ (ДИАЛОГИСТИЧЕСКИЙ КОНТУР)¹

Журнал «Безопасность Евразии» начинает публикацию серии статей-фрагментов новой книги Эрнеста Кочетова «КОСМОЛОГИЗАЦИЯ. Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии», к написанию которой приступил автор с намерением издать её в начале 2013 г. Сегодня мы знакомим наших читателей с первой статьёй этой серии. Новая книга автора входит в цикл работ, составляющих концептуальный и методологический каркас «Научной школы Эрнеста Кочетова».

Проблема миропонимания надвинулась на нас неожиданно, мощно, бескомпромиссно на условности и авторитеты, сменяя традиционные, казалось бы, такие непреложные «истины», установления, обычаи, привычки и правила. Всё пошло ходуном, проснулось дыхание архаики и хаоса и, вместе с этим, стали оживать первозданные модели бытия, ослепительные в своём проявлении гармонии, здравого смысла, жизни и разума. Стал оживать и «Человек»! Он заговорил! Он вырывается из стального панциря несвободы и закабаления «Общественным договором». Он с кровью срывает с себя ввевшиеся «маски» и «одежды»: учения, нацидания, идеологии, правила. Он срывает бинты с разума – с туго забинтованных голов. Проснулась жажда нового знания, тяга к поиску новых смыслов, к новым мотивациям и стимулам. Проблема эта особо обострилась в условиях глобальных фазовых переходов. И здесь центральный момент – **глобализация и глобалистика, выполнив свою миссию, передали эстафету новой фазе мирового развития – космологизации и гуманитарной космологии. Оформление этих процессов идёт через диалог и диалогистику – они дают ключ к миропониманию!** Всё это определило контур настоящей статьи.

I. СОВРЕМЕННЫЙ МИР КАК ПРОБЛЕМА («ЗАКОЛЬЦОВКА» ПРОБЛЕМНЫХ ПОСТАНОВОК)

Чтобы понять мир, нас окружающий, мало утруждать себя анализом происходящих в мире бесчисленных событий, случаев, идеологий, концепций, программ, доктрин и т. д. Нужна «высота» обзора (высокая методологическая орбита), с которой открывается удивительная мировая панорама с её экономическими, политическими, культурологическими ландшафтами. Иными словами, нужна кардинальная смена «оптики». При взгляде через неё отпадают многие частности и обнажаются центральные векторы мирового развития, становится ближе суть вещей.

Все это подвигает нас к новому миропониманию. *Обозначим несколько узловых моментов.*

1. Мир вступил в эпоху редкого, тысячелетнего «перелома». Невольный рубеж подведения итогов и оценок, трамплин в следующее тысячелетие. Человек оглянулся окрест и видит дело рук своих. Посмотрит направо – перед ним им же крепко сколоченная «мировая система» как техногенный мир, закольцованный в бесперебойно работающую неумолимую техногенную машину – систему институтов. Глянет налево – его взору предстаёт «мировое сообщество» (оно же – «мировая общественность») как больная совесть эпохи, как

¹ © Кочетов Э.Г., май 2012 г.

* **Ориентировочно:** Вторая статья этого цикла «КОСМОЛОГИЗАЦИЯ: логика интеллектуального подъема» готовится к публикации в журнале «Безопасность Евразии», 2012, № 2.

голос «вопиющих в пустыне». Оглянется окрест – и на него с немим укором взирает им же изуродованная, истощённая «природа». Спрячет глаза и переведёт свой взор на себя, на своё внутреннее «Я» и невольно отшатнётся от космологической бездны внутренней жизни.

2. Пришло осознание – мир набрал критическую массу проблем. И вот в этой связи неминуем прорыв в новое качественное его состояние. И здесь с особой актуальностью проявили себя: 1) критичный взгляд на глобальные тенденции развития нашего мира; 2) вскрытие среди них центральной, основополагающей тенденции – нарастающая динамика и самодвижение мира, которые сейчас выходят на главенствующие приоритеты; 3) в воздухе витает тенденция к прорыву как фазовому переходу.

3. Наука высвечивает подобный прорыв как дорогу к Мирозданию нового Ренессанса, как зарождение и выход на мировую арену «Новых людей». Новые люди уже реально формируют эскиз нового Мироздания и освещают дорогу к нему. И этот эскиз предъявляют миру с высоких интеллектуальных площадок. Среди них – высокие родосские парадигмальные установки, озвученные на Мировых общественных форумах «Диалог цивилизаций».

С особой силой заявили о себе две проблемы: 1) проблема субъекта перемен; 2) проблема фазового перехода.

Когда проблемы назрели (и перезрели!), то неминуемо рождаются новые преобразующие мир парадигмы, а также неминуемо выходят на мировую арену *субъекты мирового развития*. Кто возьмёт на себя главенствующую роль «мотора» мировых преобразований: «Мировая система?», «Мировое сообщество?», «Человек?». Ответ на этот вопрос в ясной и чёткой форме, мощно сформулировали **Новые люди** (*The New People*). «Новые люди» провозглашают высшей ценностью «Человека», его жизнь и свободу. Именно «Человек» выступает субъектом истории, активным субъектом больших дел и великих поступков. Рассмотрим более внимательно вторую проблему – *проблему фазового перехода*.

II. КОСМОЛОГИЗАЦИЯ. НОВЫЙ ЭТАП МИРОВОГО РАЗВИТИЯ (ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ И ЕЁ ОБЩИЙ КОНТУР)

Мир стремительно меняется. Проснулась жажда нового знания о мире¹, тяга к поиску новых смыслов, к новым мотивациям и стимулам. Наука, большая, фундаментальная, откликается на эту востребованность. Она охватывает глобальные фазовые изменения мира как череду звеньев (парадигмальных сдвигов) подъёма (восхождения) интеллектуальной мысли. Обратимся к блок-схеме (рис.1):

На *рис. 1.* показано: каждая фаза (этап), выполнив свою миссию, как эстафету передаёт процесс развития следующему этапу, проходя при этом через «фазовый переход». Так, последовательно и вместе работают: 1) фундаментальная **онтологическая связка-триада** «геоэкономика → глобализация → космологизация»; 2) фундаментальная **гносеологическая связка-триада**: «геоэкономический подход → глобалистика → гуманитарная космология». Связи вне и внутри триад придают им *кластерный характер*.

Фазы (этапы) и фазовые переходы освящаются методологическим аппаратом – *геогенезисом* (объёмно-пространственным методом восприятия мира). Оформление этих процессов идёт через *диалог и диалогистику* (коммуникатив-

¹ Попытки осознания человеком окружающего мира с выходом далеко за земные рамки бытия своими корнями уходят в исторические глубины. Об этом повествуют дошедшие до нас антропокосмологические мысли древнегреческой, античной, древнекитайской философии (см., к примеру: *Уколова В.И.* «Последний римлянин» Бозэций. М: ЛКИ, 2011; *Еремеев В.Е.* Чертеж антропокосмоса. М., 1993 и др.).

ный способ осознания и постижения мира) – они дают ключ к миропониманию¹. Их выход на мировую арену объясняется логикой развития реальных глобальных процессов: из глубин сознания дают о себе знать социальные коды самосохранения человечества.

Рисунок 1

Миропонимание: мировые фазовые изменения
(процессы, их научное (концептуальное и методологическое) обоснование и ключ к осознанию (в авторской разработке))

Горизонты	Процесс развития (фазы, этапы)	Научные парадигмы (инструментарий)	Ключ к миропониманию (осознанию мира)
III.	Космологизация	Гуманитарная космология***	Диалог: диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен****
II.	↑ Глобализация**	↑ Глобалистика**	
I.	↑ Геоэкономика*	↑ Геоэкономический подход*	

Примечания:

1) Символом «↑» обозначены «фазовые переходы» в онтологической связке-триаде «геоэкономика → глобализация → космологизация» и в гносеологической связке-триаде «геоэкономический подход → глобалистика → гуманитарная космология»² (**вертикальные срезы мировой динамики**);

2) Символами *, **, ***, **** обозначены **авторские разработки** соответствующих фаз (этапов) и научной парадигмы (инструментария) для их осознания и постижения:

* – Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учебник. М.: Норма, 2010. 528 с.; Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России»: Научно-аналитический доклад / М.Ю. Байдаков, Н.Ю. Коница, Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир, В.Л. Сельцовский, Н.С. Столярова, Е.Д. Фролова; Под научной ред. Э.Г. Кочетова; Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Книга и бизнес, 2010. 388 с.; Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): Сборник стратегических понятий-новелл. Екатеринбург: ОАО «ИПП Уральский рабочий», 2006. 504 с.

** – Глобалистика: Теория, методология, практика: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М), 2002. 672 с.; Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001. 704 с.

*** – Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). Научная монография. М.: Деловая литература, 2006. 160 с.

**** – Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Экономика, 2011. 733 с.; <http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=641398&soch=1> ;

<http://www.wpfdc.org/en/society/907-humanitarian-breakthrough-dialogue-assumes-a-scientific-form-of-dialogistics>

3) I, II, III – горизонты мирового развития и их онтологическая и гносеологическая составляющая (**горизонтальные срезы мировой динамики**).

Это сопровождается фундаментальными научными открытиями, появлением новых сфер гуманитарного знания. Важнейшие среди них – *диалог* и *диалогистика*. Суть их в следующем: мир отобилизовал для глобального диалога связку: «Человек – Мировое сообщество – Мировая система» – центральных «игроков» глобального проблемного поля.

¹ См. подробнее: <http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=651009&soch=1>

² См.: Российский интеллектуальный подъем: формы, маршруты, этапы (К вопросу о механизме «работы» парадигмальной связки «геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология») Доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» (Москва, 13 марта 2007 года). НАВИГУТ. М., 2007.

Диалог предстаёт как способ, адекватный коммуникативному взаимодействию народов, цивилизаций, мировой системы, мирового сообщества и их институтов с Человеком. Диалогистика даёт научное обоснование и закрепление новой когнитивной модели справедливого устройства миропорядка. (Базовые постановки проблемы диалога и диалогистики, их операционная методологическая нагрузка, вычленение основных блоков и их содержательное наполнение и т. д. широко представлены автором в книге «Диалог»).

Подчеркнём ещё раз: сейчас мир переживает центральный момент – *глобализация и глобалистика*, выполнив свою миссию, передают эстафету новой фазе мирового развития – *космологизации и гуманитарной космологии*. Выделим несколько узловых моментов.

II.1. К вопросу об условиях и механизме глобальных фазовых переходов

Мы приступаем к разработке теоретических и методологических оснований глобальных фазовых переходов с акцентом на вступление мира в процесс **космологизации**. Уже сейчас можно с определённой ясностью обозначить ряд основополагающих положений в этом плане. Прежде всего, речь идёт об условиях глобальных фазовых переходов. *Отметим два из них:*

Каждая фаза (как главенствующий вектор развития мира на определённом этапе) проходит свой естественный путь становления, развития и смены. При этом сама фаза зарождается в недрах предыдущей фазы и служит её логическим продолжением. Отсюда череда фазовых переходов воспринимается как цепь взаимоувязанных звеньев единого процесса (кластера), спаянных между собой общим «вектором подъёма». Примером тому служат вышеуказанные связки-триады кластерного типа.

Каждая фаза (этап) непременно выступает в двух ипостасях (*рис. 1*): 1) как процесс; 2) как наука, освещающая этот процесс, обеспечивающая его понимание (постижение, осознание, теоретическое и методологическое отображение). Применительно к нашим двум связкам-триадам: каждое их звено (фаза) обладает подобной **дуальностью** (двойственностью) (см. *рис. 1*): **геоэкономика – геоэкономический подход; глобализация – глобалистика; космологизация – гуманитарная космология**. Иными словами, каждая фаза сопровождается онтологической и гносеологической принципиально отличной содержательной «окраской».

Что касается механизма фазового перехода, то здесь имеются свои особенности. Отметим наиболее характерные.

В истории мирового развития фазовые переходы предстают как самые турбулентные и масштабные действия, насыщенные грандиозными событиями, связанными с «выламыванием» нового из старых фазовых монолитов (при этом вызревая внутри них). Эти процессы сопровождаются:

– бурным выходом на мировую арену новых людей, провозглашающих новые лозунги как отражение новых смыслов, ценностей, мотиваций и стимулов;

– параллельно этому идёт скоротечная смена институциональной системы старого мира, замещения её на новую по всему спектру воспроизводственной и общественной жизни;

– скоротечность фазового перехода определяется степенью зрелости новых тенденций, формированием критической массы «нового в старом». Наступает момент, когда достаточно малейшего повода к освобождению энергии гигантской пружины, сжимающейся в недрах старого процесса (фазе).

Здесь ярко обнажаются преемственность и взаимная согласованность фазовых переходов на двух уровнях: 1) на уровне «процесса» и на 2) уровне «зна-

ния о процессе». Иными словами, здесь присутствуют онтологические и гносеологические моменты.

Итак: связка *глобализация – глобалистика*, выполнив свою миссию на своем горизонте мирового развития, передает эстафету новому горизонту – связке *космологизация – гуманитарная космология*. Оттеним этот процесс.

II.2. Что предопределило переход мирового развития

к его новой фазе – космологизации и гуманитарной космологии?

Мир, впитав в себя ядро глобализационного процесса, «шагнул» дальше – мир входит в процесс «космологизации». Глобализация и глобалистика завершили своё дело – мы свидетели начала реального преобразования мира под воздействием нового процесса, который освящается гуманитарной космологией.

Глобализация и глобалистика на излёте своего развития подготовили высокую стартовую площадку, трамплин для нового рывка в будущее. Они «спрессовали» мир – под воздействием процесса глобализации мир стал взаимообусловленным и взаимоувязанным, иными словами, компактным: сегодня, какую бы сугубо местную (локальную), национальную или региональную проблему мы бы не взяли решать, рано или поздно убеждаемся – её решение тесно увязано с внешним миром, с его состоянием и возможностями. И кто бы сейчас «не наводил тень на плетень» со своих антиглобалистских или альтерглобалистских позиций, ни говорил бы нам об «откате» процесса глобализации и возвращении мира на «исходные» доглобалистские позиции, – глобальный вектор развития неумолим.

Причина мировых бед не в глобализации, а совершенно в ином. Как раз ссылки на кризисы всех мастей во всех углах мира (они и их последствия свободно гуляют по всему миру – «куда ни кинь везде клин!»!), на трудности европейской «общности» (общими мировыми усилиями они снимаются!), на затяжные процессы в принятии каких-либо решений (здесь время сжимается – пример тому «восьмёрка», «двадцатка», «Родосский форум», «Рио+20» и др.) – всё это больше говорит о мировой «повсеместности», подчёркивая сторону «общности и единства» нашего мира. Глобализацию не смогли остановить ни «невроз» («психоз») суверенизации, ни имперские потуги формирования локальных замкнутых геополитических группировок в жёстких государственно-административных рамках (границах). Ядро глобального процесса – геоэкономика – ломает любые границы и разграничения, превращает локальные и региональные очаги мирового развития в открытые интернационализированные воспроизводственные системы (ИВЯ-системы). «Локальное есть генотип общего!» (Е. Салур).

Но самое удивительное состоит в том, что гуманитарная наука опять «проспала» мировую новацию: пока она спорила с апологетами раздробленного, «ячеистого» мира «...есть ли глобализация, нет ли глобализации...» – глобализация, успешно завершая свою миссию, передаёт мир как эстафету в новый цикл исторического бытия, в его новую фазу развития – космологизацию. Мир так стремительно меняется, что *мы уже прошли «пик» глобализации: глобализация и глобалистика сделали своё дело, они уже стали частным случаем более мощных и общих мировых сдвигов, и более грандиозных сфер научного познания*. В научном сознании (и осознании!) человечества произошёл фундаментальный поворот – как молния сверкнула догадка: стало понятно, что глобалистика как таран пробила окно в новую, неведомую и таинственную сферу! И человек с великим любопытством, осторожностью и опаской стал всматриваться через эту брешь в открывшуюся картину – перед ним во всей красе предстала гуманитарная космология, освещающая новую фазу (этап) мирового процесса – космологизацию!

II.3. В чем же состояла миссия глобализации, на что открылись глаза в процессе глобализации и что оставила глобализация уже «позади» себя?

Выделим главное:

1. Глобализация вскрыла фундаментальные, коренные причины «свёртывания», «схлопывания» обветшавшего Мироздания по всем его параметрам: *мировоззренческим* (ценностным, смысловым, мотивационным и стимулирующим), *структурно-институциональным* («системная» деформация мирового «каркаса»), *витальным* (обесценение жизни и человека – они вообще выведены за скобки и «не ставятся ни в грош»), *ментальным* (потеря здравого начала и душевного склада, деформация мышления и образа мыслей: здесь идеологи и негласный кабальный «Общественный договор» сделали своё дело: «туго забинтованные» головы сделались массовым явлением).

2. Обнажилась неустойчивость, разбалансированность мировой системы. Причина: *загнивание «старовестфальской» системы членения мира*, а именно – «ячеистость» мирообустройства, его бесконечная государственно-административная раздробленность. Этим отличаются и сами страны: внутренней избыточностью административного деления. Всё это послужило наличию гигантской проблемы – из-за такой раздробленности **мир в целом стал опасно затратным, неэффективным** в силу следующих моментов:

а) каждую, отдельно взятую мировую ячейку *как мухи облепили гигантское число различных институтов*: мировая дорогостоящая бюрократия крепко спаяна, сомкнута, крепко держит в стальных руках свои «средневековые» слабопроницаемые, а, зачастую, непроницаемые ячейки, тем самым насилуя мировую экономику, удушая её идеологемами, милитаризмом и геополитикой.

б) *ячеистость мира – мощное препятствие мировому развитию*, заградительный барьер на пути к ареалам мирового роста из-за «невроза (психоза) суверенизации», глухих, непроницаемых или слабо проницаемых границ, геополитических амбиций и идеологических разногласий, локальных конфликтов; барьер для интернационализированных инновационно-производственных и кластерно-коммуникационных систем (проектов), прежде всего, энергетических и т. п. По этой причине набрала силу практика «обхода» тех или иных стран, что не только неоправданно удорожает реализацию международных первоклассных, авангардных инновационных проектов, но и отсекает население этих стран от участия в них, обрекая его на отсталость и маргинализацию. Это сказывается и на безопасности эксплуатации с гигантским трудом осуществляемых проектов.

в) каждая ячейка (страна) предрасположена к автаркии, пытается на «коротких» (национальных) воспроизводственных цепочках (циклах) произвести продукцию на базе ресурсного дефицита, а, стало быть, продукцию неконкурентоспособную. Идёт интенсивное «захламление» мира низкокачественной, неконкурентоспособной продукцией. (Геоэкономика даёт выход из такой ситуации¹).

г) мир, что «минное поле», предельно опасен. По периметру границ накапливается слой противоречий, несбывшихся притязаний, обид и ненависти. Идеологи, политологи-международники, историки, культурологи бережно их хранят и постоянно достают из небытия мёртвые парадигмы, притязания к соседям, к прошлому и настоящему порядку вещей. Этим способом намеренно поддерживается мировая напряжённость как необходимая, «естественная» среда (аура)

¹ См.: Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учебник. М.: Норма, 2010. 528 с.

для процветания мирового военно-промышленного комплекса и его национальных филиалов (звеньев). За сохранением этой ситуации зорко следит синклит (ареопаг) мировых и национальных ястребов: им как воздух нужны войны большие и маленькие, скоротечные и не очень, силовые и «несиловые» (бесконтактные), информационные и внешнеэкономические и т. д.

д) это стимулирует милитаризацию сознания целых поколений, формирует за счёт урезания гражданских отраслей местные военно-промышленные секторы экономик, содержание в мирное время разбухших национальных военных контингентов. Всё это создаёт смертельную угрозу населению, превращает его в заложника конфликтов – над ним постоянно висит «дамоклов» меч уничтожения;

е) ячеистость мира и сознания до предела обострили проблему «суверенитета и свободы». Национальные элиты смыкаются в мировую в негласном договоре о сохранении и сбережении «местных», национальных правовых систем, придавая им однообразие, используя их для бесконтрольного и беспредельного наступления на права человека и гражданские свободы, манипулирования сознанием масс, оберегая замкнутые ячейки от «постороннего» взгляда мировой общественности.

II.4. Определения категорий «Космологизация» и «Гуманитарная космология», проясняющие их смысл¹

Космологизация (Cosmologization) – 1) процесс, отражающий новейшую фазу магистрального пути мирового развития как синтез человека, общепланетарных и космических процессов (союз «Человека, Земли и Неба»); 2) выход на мировую арену «новых людей», обладающих космологическим сознанием, творцов Мироздания, их органичное слияние с ним; 3) процесс создания и предъявление миру нового чертежа (эскиза) антропокосмоса и высокая гуманитарная технология возведения на его основе нового Мироздания – Мироздания нового Ренессанса; 4) Выход Человека на новые масштабы и горизонты макро- и микромира как залог качественно нового бытия Человека.

Гуманитарная космология (Humanitarian Cosmology) – отрасль гуманитарного знания, наука о: 1) ценности человека и жизни, новых её общественных формах организации; 2) нераздельном парадигмальном миропонимании внутреннего и внешнего мира человека и способах его отображения; 3) выходе на такие уровни (горизонты) мирозерцания, на которых стирается грань между естественным и гуманитарным знанием; 4) выходе гуманитарных геопространств (геоэкономики, геостратегии, геокультуры, геоинформатики и др.) за глобальные рамки и технологии оперирования как их синтезе в этом новом (космологическом) пространственном измерении; 5) осознании вопросов тысячелетнего ранга и поиске ответов на них; 6) фундаментальных основах доктрины человека как гуманитарного манифеста; дороге к новому Мирозданию Новых людей.

Далее сконцентрируем внимание на важнейшем атрибуте фазовых переходов – диалоге и диалогистике – ключевых инструментах для миропонимания.

¹ *Примечание:* широкий спектр понятий, категорий, терминов и терминологических оборотов, применительно к рассматриваемой проблеме, приведён в работах автора: Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). Научная монография. М.: Деловая литература, 2006; Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): Сборник стратегических понятий-новелл. Екатеринбург: ОАО «ИПП Уральский рабочий», 2006; Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Экономика, 2011.

III. ДИАЛОГ КАК КЛЮЧ К МИРОПОНИМАНИЮ: БАЗОВЫЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ – ВЫЧЛЕНЕНИЯ ОСНОВНЫХ БЛОКОВ И ИХ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Мировое сообщество, перешагнув новый тысячелетний рубеж своей истории, с особой силой осознало ответственность за сохранение уникальной земной цивилизации, её красочного разнообразия жизненных укладов, культур, этнонациональных особенностей, неповторимой природы.

Но как хрупок наш мир! Сколько противоречий, непонимания, разночтений накопило человечество! Сколько в этом таится смертельной опасности, угроз и вызовов! И здесь не могла не зародиться идея «Диалога цивилизаций» и его российских и зарубежных форумов как мировых интеллектуальных площадок (форумы Москвы, С-Петербурга, Екатеринбургa, Ярославля, Сочи, Родоса, Пекина, Парижа, Праги, Модены, Тампере, Лахти и др.). В их творческой атмосфере – обсуждение животрепещущих, актуальных мировых проблем.

Мотив к «большому разговору». 2000 год. Осматривая ситуацию в год тысячелетнего «перелома», человек невольно вопрошает и «мировую систему», и «мировое сообщество», и «природу», и, конечно своё «Я» и «себя в них». И к нему подступают вопросы. Он громоздит их массу в поисках хоть какого-то оправдания выстроенному им, таким образом, миру, а, по большому счёту – самооправдания. Иными словами, идёт неукротимый ни на минуту, непрерываемый разговор человека с этими, назовём их, объектами диалога. Они же выступают и в роли субъектов в этом мировом «говоре». Они задают проблемные вопросы как раздельно друг другу, так и все вместе обращаются к человеку: «И это была твоя цель? И в этом смысл твоего бытия? И с этим, и для этого ты пришёл и приходишь в "такой" мир?».

Центральные лейтмотивы поиска ответов. В ходе попыток реализации проектов глобальной интеграции «мировое сообщество» столкнулось с проблемой рассогласованности и с «мировой системой», и с «окружающей природой», и с «человеком» в понимании целей и результатов этих проектов – из поля зрения исчезает сам человек. Это центральное противоречие эпохи, здесь мир переживает гигантские разломы. Формируется грандиозная мировая система, затягивающая человека в водоворот событий. Растёт напряжённость, неуверенность, страх за будущее человечества. Здесь же пролегает и разлом в воззрениях на мир и его судьбу. Действительное соотношение мирового сообщества, мировой системы и человека, прагматическое содержание этого соотношения в целях гармоничного мирового развития может быть установлено только в постоянной практике диалога государств, конфессий, национальных и наднациональных общественных и хозяйствующих структур и человека.

Здесь необходим уникальный прорывной «Диалог-поступок» людей и мирового сообщества: добиться коренного улучшения жизни за счёт совместного интеллектуального напряжения, ориентированного на справедливое и честное отношение между людьми, странами, различными мировыми структурами и системами, с кардинальным! пересмотром отношений к «природе».

Таким образом, раскрываются новые подходы к философии диалога, его движущим мотивационным «пружинам», высоким технологиям диалога – как восхождение к актуальнейшему научному феномену «Диалогистике». Диалогистика по-новому высвечивает интеллектуальный подъём – формы, маршруты, этапы, механизмы «работы» парадигмальной связки «геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология».

Ценность прагматизма! Пришло понимание ценности реальных дел и прагматизма. Мир устал от «мировых» разговоров ради разговоров, диалога

ради диалога: под их аккомпанемент махровым цветом расцветает мировое ханжество, несправедливость, откровенный цинизм и насилие. И всё это под бесконечные рассуждения о благих намерениях, призывы, ни к чему не обязывающие резолюции, декларации, договорённости. Абсолютная глухота между мнениями мирового сообщества (общественности) и мировыми властными структурами. Между ними нет мостов, связок.

Реальность такова – благими разговорами (ни к чему не обязывающими мировыми диалогами) мостится путь в ад: «меч» и «ножны» *разминулись*, под усыпляющие заклинания все потянулись к ядерным кнопкам.

На повестке дня «новый диалог», с новой его природой, он способен сломать сложившуюся ситуацию путём перевода диалога на новый, «деловой» язык общения.

Россия берёт такой подход к диалогу на вооружение, выдвигая на передний план пакет новейших гуманитарных проектов, инициатив мирового уровня. Среди них – реализация первоклассных геоэкономических проектов; они формируют новую логику размывания различных разграничений: разделительных линий, плоскостей, пространств. Мировые инфраструктурные проекты выступают в качестве высоких гуманитарных технологий снятия напряжённости, они объединяют мир на основании баланса и гармонизации геоэкономических интересов. Здесь геоэкономический диалог открывает новые горизонты и пути к устойчивому миру, к формированию нового класса мировых договоров.

Вырисовывается грандиозный глобальный вопрос разрешения ситуаций, через которые человечество проходит время от времени. Речь идёт о вопросе, приставленном ко всему современному мирозданию, а не только к его какой-либо части: надвигается поворотный пункт в его судьбе. История нам говорит о таких ситуациях. Это «*ренессансные*» преобразования такого класса и накала, когда от мироздания не остаётся ни одного элемента, не подвергнутого качественным преобразованиям.

Ренессанс! Здесь уже ремонт мироздания неуместен. Набор ценностей, на котором оно построено, мотивы, интересы и устремления, образы, ориентиры и цели и т. д. – всё завершает свой естественный цикл жизни, распадается и просится в небытие. Поднимается чудовищной силы энергия новых смыслов, новых ценностей, новых горизонтов бытия. Носители этих глобальных сдвигов – *новые люди*. На мировых интеллектуальных «равнинах» они уже встречаются!

Новые люди (*The New People*) – люди со спокойным взглядом на вещи, способные к интеллектуальному их «ощупыванию», а значит, близкие к их сущностям; люди, не давшие себя одурачить идеологическими догмами и прочими галлюцинациями, а посему – редкие даже среди свободных; люди, вооружённые новым, объёмно-сетевым методом познания мира, созревшие и подготовленные для того, чтобы соорудить и обустроить наш мир – мироздание нового Ренессанса, тем самым обеспечить бытие, достойное своей силы, красоты, жизнелюбия и интеллекта.

И здесь роль диалога первостепенна, но она уже другая: диалог с новыми людьми, с носителями новых высоких ренессансных смыслов, новых реальностей, новой прагматики и опыта, – не оставляет места досужему прояснению позиций сторон, прощупыванию их «слабых» мест, констатации противоречий, скрытых угроз, опасностей и вызовов.

Вырисовывается центральная «повестка дня» **нового глобального диалога**: «Высокие гуманитарные технологии выстраивания Нового Мироздания», с одной стороны, а с другой – «Что делать с отжившим Мирозданием?», т. е. как избежать его «ремонта», оживления мёртвых парадигм, несущих умале-

ние человека, смерть и разрушение, как не оказаться засыпанными руинами отжившего свой век «современного» мироздания.

III.1. «Проблемное поле» (общий контур: миропанорамный взгляд)

Мир переживает интеллектуальный подъём, (а Россия здесь задаёт и свой тон, и свой ритм). Подъём идёт по своим маршрутам, имеет свои формы, этапы и свои интеллектуальные площадки, где в центре внимания – интенсивный обмен мнениями на встречах по неотложным проблемам бытия. Их много, разных по темам, уровню и составу участников. Чтобы ощутить атмосферу, которая царит на этих встречах знакомых, а зачастую незнакомых людей, нужно побывать на них. О чём говорят люди? Что заставляет их ставить вопросы такого калибра, даже тень от которых приводит в трепет и заставляет сердца биться в унисон? Что скрывается за «повестками дня» таких встреч и какие контексты речей говорят больше нежели сами речи и тем более их публикации?

Ответ один – надвинулись проблемы! Новые проблемы! Великие проблемы!

Здесь ничего нет случайного! Человек и мировое сообщество повзрослели. Они стали серьёзными, они огляделись окрест и увидели то, что раньше не замечали или не хотели замечать – мир сделался опасным.

Пришло осознание – Человечество бредёт по минному полю – *«современному мировому «полю» проблем»!* Диалог открыл это неведомое поле, подвёл нас к его краю и мы вступили на него! С чем мы здесь имеем дело? Здесь нам поможет некий образ. Представьте себе, что перед вами гигантское поле, сплошь заминированное противопехотными и противотанковыми минами, ну а чтобы без лишних хлопот и «удобно» было подрываться на минах, им «в помощь» развешены сети невидимых растяжек. Гулять по такому полю несведущему человеку опасно, ну а сведущие, т. е. те, которых застал «несчастный случай», а также свидетели его, занимаются разминированием очага, где это произошло, выискивая сети растяжек. Также обстоит дело и с проблемами в нашем мире: «проблемы-мины» закладывают одни люди, всю непосильную тяжесть этих проблем испытывают (подрываются!) другие, ну, а третьи в особых («тяжёлых») случаях собираются на особых площадках (это площадки высокого интеллектуального ранга: мировые форумы, конгрессы, конференции, съезды, симпозиумы и пр.) и пытаются найти решение данной проблемы (т. е. «разминировать» этот очаг).

Опасность подкралась к самому ценному – к жизни, к её устоям, смыслу, стимулам и мотивациям, к её ценностным началам! Нужно собираться и говорить об этом: о проблемах, о вопросах больших и малых, говорить прямо, без обиняков, честно и глядя собеседникам в глаза. Для их обсуждения возникла острая потребность и в новой «повестке дня» и в учреждении новых структур и они непременно появятся. Здесь под стать и площадки для бесед – площадки высокого интеллектуального разряда. Их уже много на нашей планете. Они стали практическим воплощением исторического всплеска и, вместе с этим, эпицентрами «Большого разговора» и новейшими мировыми интеллектуальными площадками на мировом проблемном поле диалога. Особый пример – *Родос!*

Почему именно Родос?

Родос – это перекрёсток мировых страстей, уснувших цивилизаций, символ молчаливого назидания. Здесь витают тени прошлого, свидетели упущенных возможностей, где падали цивилизации и вновь поднимались новые. Здесь бесконечно жизнеутверждающая эпоха эллинизма сменилась на мрачное средневековье. Здесь сама природа говорит о совершенно других ценностях, о началах гармонии, красоты, взаимопонимания и мира. Тот, кто хотя бы раз побывал на Родосе в атмосфере диалога эпох, тот уже не может вернуться в прежнее со-

стояние – перед ним открывается смысловая картина (панорама) нашего мира, «прочтение» которой будоражит совесть человека. «Родос» уже стал не только местом ежегодных встреч, но и символом надежды, веры в идеалы согласия, мира, взаимопонимания и гармонии, интеллектуальной площадкой, где высокая гуманитарная мысль раскрывается в полную силу.

Родос и даёт нам ярчайший пример современного диалога, показательный и реально действующий его «высокий случай». Здесь закладывается новый стиль диалога и его новый ранг, исходная база, своеобразный «трамплин» для последующих широких обобщений и выхода на начала новой фазы диалога и, через диалог, – на новые сферы миропонимания и его научное закрепление – «Диалогистику».

Пробуждению интереса к мировым проблемам нового ранга мы обязаны, прежде всего, *общественным структурам*. Мировому гражданскому обществу брошен вызов, и оно его приняло и ответило! Поднялись высококлассные структуры глобального диалога. Среди них – постоянно действующие Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», Экономический Форум «Диалог Запад – Восток: интеграция и развитие», Международный Конгресс промышленников и предпринимателей, Форум «Петербургский диалог», Международная конференция «Современное государство и глобальная безопасность» в г. Ярославле (сентябрь, 2009), Международные инвестиционные форумы «Сочи-2009», «Сочи-2010», Мировой политический форум в Ярославле (сентябрь, 2010), Байкальский экономический форум и десятки других форумов, международных конференций, симпозиумов, круглых столов.

Наличие высокоинтеллектуальных, содержательных «повесток дня» форумов, конференций, симпозиумов придаёт им не только приоритет и мировую известность, но и формирует целую сеть первоклассных центров интеллектуальной мысли, к рекомендациям которых имеют все основания прислушаться мировые лидеры и мировые институты.

Практика диалога и сложившийся опыт действующих диалогических структур, даёт прекрасный материал для обобщений, которые открывают выход на новые горизонты теории и практики диалога, его роли в решении новейших глобальных, региональных и национальных проблем.

Жизнь не стоит на месте! Всё меняется как в гигантском калейдоскопе. Всплывают новые неотложные дела, проблемы, новые люди, новые сроки принятия решений. Это с неизбежностью тянет за собой новые формы мировых договорённостей и новые технологии диалога. В воздухе разлита востребованность диалога к обретению своей фундаментальной научной формы.

Настало время окинуть общим теоретическим и методологическим взором условия появления новых форм диалога, с одной стороны, а с другой – не менее важно показать сопровождающий эти новации философский взгляд на проблему диалога: на мировую научную арену выходит «Диалогистика».

Диалогистика (*Dialogistics*) – новая отрасль гуманитарного знания, наука о базовых теоретических и методологических основах взаимного и согласованного миропонимания в условиях глобальных трансформаций; о выходе на новые горизонты межцивилизационного диалога как фундаментального начала гармонизации нашего мира; о высоких гуманитарных технологиях снятия напряжённости и придания глобальной цивилизационной устойчивости; теоретические основы мониторинга цивилизационной устойчивости; новые принципы принятия решений по глобальным проблемам современности.

Диалог взял старт на Родосе, а далее от родосских философских начал диалога мы прокладываем дорогу к мировоззренческой глобальной картине.

Здесь много чего сошлось! Здесь свои опорные моменты!!

Начало третьего тысячелетия – заступил диалог! Он и раньше имел место – всё, что до сих пор смонтировано в мире – его результат, как сумма больших и малых паллиативов и компромиссов, вплетённых в ткань формальных и неформальных договорённостей и конвенций, правил поведения и т. д. Но XXI век многое вскрыл.

Первое. Оглянувшись на путь пройденный, человечество убедилось, что все эти договорённости «гроша ломанного» не стоят. Они нарушаются когда нужно, кому нужно, где нужно! Закрадывается сомнение – диалог как ширма, как факт протупывания самочувствия партнёров, как поиск некоего ручательства, оправдательной логики и почвы для смелых изгибов линии поведения в угоду затаённых целей того или иного игрока на поле диалога.

Вскрылось «железное» правило – сделай «дело» и затем призови «слово» – «мировую общественность» для бесконечного диалога и переговоров по поиску консенсуса (т. е. смирения со свершившемся!) и мизерных, в основном словесных, уступок неприкаянной стороне.

Второе. Пришло фундаментальное осознание порочностей таких имеющих место моделей и технологий диалога. Вопрос стоит предельно жёстко: либо человечество будет продолжать эти игры, либо на их место заступит принципиально новая фаза диалога, в котором будет безжалостно *обнажена* реальная ситуационная глобальная картина мира, с *обнажением* основных, реальных «субъектов» и «объектов» диалогического сообщества, с *обнажением* их целей, скрытых устремлений, задач и механизмов их разрешения.

Третье. Что сейчас главное в диалоге – так это его принципиально новый, качественный поворот. Это, прежде всего, чёткое обозначение и выделение центральных, основных, персонажей мирового диалога. Кто они?

Это, прежде всего, четыре игрока: «Человек», «Мировая система», «Мировое сообщество» и «Природа». Они выходят на диалогическом поле с новой мировой повесткой дня. Начинается новая фаза восхождения к научному феномену – *диалогистике*.

Четвёртое. Диалогистика оперирует совершенно другим набором вопросов и по масштабу, и по их значимости. Здесь уже нет места для вялотекущей созерцательности, убийственной для человека и народов приглушённости опасностей, угроз и вызовов. Здесь проблемы ставятся гораздо глубже и серьёзней – поднимаются вопросы не только столетнего, но и тысячелетнего ранга, обнажающие зияющие язвы замордованности самой сущности человека негласным общественным договором, «прислоняются» вопросы к гигантской техногенной колеснице – «мировой системе», приковавшей к себе мириадами незримых нитей и «человека», и «мировое сообщество» в целом, колеснице, которая в своём неустойчивом беге абсолютно изматывает их.

Пятое. Наконец пришло осознание всей порочности философской *объективизации* нашего мира, придания словам (понятиям, категориям), звукам и жестам какой-либо «сущности», мифа о якобы объективных законах общественного развития. Ничего подобного! Всё это дело рук человека! Деформация нашего мира и его неустроенность есть деформация сознания человека. (Это та «разруха в головах», о которой гениально поведал нам М. Булгаков). Но этот тезис мы выносим на гигантский временной и пространственный отрезок – тысячелетний.

Таким образом, на переломе столетий и тысячелетий мы смело вступили на «*проблемное поле диалога*» – оно явилось его важнейшим *параметром* (*атрибутом*) – и начали вести неспешный разговор о судьбах человека и мира в контекстах глобальных перемен.

Проблемное поле диалога – а) атрибут (параметр) диалога; б) условная панорама мировых проблем и образное её отображение; в) совокупность вопросов различного ранга, попадающих в повестки мировых, региональных и национальных форумов, конференций, симпозиумов, круглых столов и т. д.; г) система, где поднимаются «повестки дня» с текущими и перспективными вопросами, локальными и глобальными по своим масштабам, как не терпящих отлагательства, так и отложенных на будущее и ждущих своего решения, в т. ч. и «спящих» проблем тысячелетнего ранга; д) диалогистическая карта интеллектуальных площадок, как постоянно действующих, так и спонтанных, на которые выносятся проблемы различного ранга, идёт их обсуждение и поиск решений.

III.2. Стороны и участники (на проблемное поле диалога заступает связка: «Человек – Мировое сообщество – Мировая система»)

Мы осторожны! «Проблемное поле диалога» что «минное поле»! Здесь мы внимательно осматриваемся.

Здесь мало обозначить контур современного проблемного поля, хотя и насытив его общим философским представлением в качестве живой бурлящей системы, где поднимаются «повестки дня» с текущими и перспективными вопросами, локальными и глобальными по своим масштабам, не терпящих отлагательства и ждущих своего решения как отложенные на будущее. Среди них также и спящие проблемы тысячелетнего ранга.

Здесь следует пристально приглядеться к следующему немаловажному параметру (атрибуту) диалога, а именно, – к его «участникам» (иногда этот термин подменяется понятием «стороны»).

Оговоримся сразу – в нашу задачу не входит дотошное перечисление и описание всех «персонажей» диалога, выступающих в качестве «сторон» и «участников». Сосредоточимся на трёх, выступающих в качестве таковых: 1) *Человек*, 2) *Мировое сообщество* и 3) *Мировая система*. Выделение их носит *методологический характер*, и формирует их *образное* восприятие. На проблемном поле они выступают в качестве *условных субъектов и объектов* диалога.

Прежде чем «выпукло» обозначить и вычленить центральных фигурантов глобального диалога, выступающих в качестве его субъектов и объектов, следует несколько задержаться на природе этих понятий, истоках их философской подоплёки. На этот счёт мы располагаем добротной философской и научной литературой, которой мы, безусловно, воспользуемся, с тем, чтобы снова не открывать Америку. Нам же интересно выявить специфические особенности тех ролей, в которых каждый участник нашей триады, – Человек, Мировое сообщество, Мировая система, – выступает как субъект, в одном случае, и, как объект, в другом.

Здесь объективация нашего мира сделала своё дело: она приводит к вычленению собирательных образов – Человек, Мировое сообщество, Мировая система, – возводит их в ранг *субъектов и объектов*, с превращением одного в другое с полной сменой формы и функции.

При этом их функции раскрываются во взаимном общении друг с другом: иными словами, в глобальный «Большой разговор» о судьбах человека и мира вступает связка «Человек – Мировое сообщество – Мировая система»).

Безусловно, центральное место в этой триаде я отвожу «человеку» и вот почему.

С одной стороны, человек представляет собой самое слабое «звено» современного Мироздания. По большому счёту, он сжёг мосты «возвращения к себе». «Обработанный» идеологическими догмами, он встроен в «мировую» систему и, обретая специальность (или какой-либо малейший навык!), он в течение

всей жизни служит неотъемлемым звеном в гигантской машине (мировой системе), которая медленно, но неуклонно его поглощает (употребляет).

Но, с другой стороны, – нет в мире ничего более высшего и самодостаточного субъекта нежели «человек», в силу того, что он наделён разумом. Наступает момент, когда человек осознаёт всю нелепость, неоправданность своего «вмонтированного» состояния в мировую систему-машину. И самое главное в этом – осознание того, что всё это дело рук его и только его!! И вот, появились «новые люди», люди, вырвавшиеся из застенков этой машины. «Новые люди» предъявляют счёт «этому» Мирозданию, вычленив его критические, ослабевшие и обветшавшие элементы. Об этом человек бесстрашно и во весь голос заявляет на мировых интеллектуальных площадках.

Таким образом, человек не является пассивным наблюдателем своей судьбы и судьбы окружающего его мира. Самое мощное оружие в руках человека – это сам «вопрос»! Вырвавшийся из застенков мировой закабаляющей системы, человек не оставил её в покое, – он прислонил к ней гигантский вопрос, масштаб и тяжесть которого соизмеримы с той тысячелетней свинцовой тяжестью, которую испытал человек «вмонтированный» в Мировую систему. И Мироздание, вместе с смонтированными в него Человеком, Мировым сообществом и Мировой системой покачнулось, оно обречено, оно рухнет под тяжестью этого вопроса. Но человек задаёт вопрос не только Мировой системе, у него накопились вопросы и к Мировому сообществу. Закралось крупное подозрение: «Не является ли мировое сообщество апологетом мировой системы?». И в то же время человек возлагает огромные надежды на здоровое начало в мировом сообществе, его жизнеутверждающее ядро.

Мировое сообщество, выступающее на проблемном поле в перекрёстной роли «субъектов» и «объектов» диалога, не может не демонстрировать свою природу, вытекающую из идеи «общности», но, вместе с тем, в трансформированном виде этой идеи, накладываемой ролью «субъекта» и «объекта». В этом смысле оно имеет свою специфику, находящую отражение в структуре, в своих целях, задачах и интересах. Особой причудливостью отличается форма представительства «мирового сообщества» на мировых интеллектуальных площадках диалога.

Таким образом, мировое сообщество на арене диалога ярко демонстрирует свою *двойственность*. Входя в ткань мировой системы, мировое сообщество несёт «окрас» его апологетики. Эта двойственность находит своё отражение также в тех ролях, которые мировое сообщество играет в качестве либо субъектов, либо объектов диалога. Отсюда и значительный разброс в структуре, целях и задачах мирового сообщества. Отсюда и характер представительства его на интеллектуальных площадках диалога. Но центральным моментом этой двойственности всё же остаются отношения между мировым сообществом и мировой системой. На сегодняшнем этапе мирового развития тон в этом задаёт *мировая система*. И вот почему.

Когда мы говорим о «современности», то представление о ней у нас ассоциируется, прежде всего, с понятием «мировая система», которая формирует образ современного уклада жизни. Здесь и «институты», встроенные в узлы «кристаллической решётки» под названием «мировая система». Здесь и взаимосвязи между этими институтами, здесь и «среда», в которую помещается кристаллическая решётка». Сейчас эта среда определяется понятием «техногенность», которая придаёт определённый «окрас» всему современному Мирозданию.

Таким образом, «мировая система» на проблемном поле диалога, в силу присущих ей качеств, и, прежде всего, детерминированности, демонстрирует жёсткую позицию в постановках проблемных вопросов бытия: мировая система не враг себе, она имеет гигантский потенциал по защите как со стороны встро-

енного в него «человека», так и «мирового сообщества», – частей, включённых (вписанных) в мировую систему в качестве своих апологетов.

Итак. Мир отомобилизовал для глобального диалога связку: «Человек – Мировое сообщество – Мировая система» – центральных «игроков» глобального проблемного поля. Следует различать особое свойство этой «триады». В каждой из них присутствуют в той или иной пропорции другие участники этой триады. Это своего рода перекрёстное «зеркало». Так, человек смотрит в себя и находит в своём образе и мощные отголоски апологета мировой системы. Здесь сам человек защищает и оправдывает свою «замурованность» в каркас мировой системы, и в то же время берёт роль глашатая и от имени мирового сообщества, доказывая непреходящее состояние мира в «такой», мол, «равновесной» триаде как «Человек – Мировое сообщество – Мировая система». Такая же картина и в мировой системе, и в мировом сообществе. Иными словами, вмонтированная в каждом участнике апологетическая составляющая ярко себя проявляет на площадках диалога, она видна невооружённым взглядом, и она меняется существенно в зависимости от той роли, в которой выступает участник диалога, в роли субъекта или объекта.

Кроме вышеотмеченной двойственности структурной ткани участников диалога, бросается в глаза фундаментальная ограниченность, определённый *предел в постановке вопросов* и «повесток дня» диалога – как бы существует замкнутая оболочка, в которой варится «проблемность» современного мира, в её строго заданном формате, замкнутость мирового «говора» в этой оболочке. И, естественно, здесь в связи с этим всплывает ещё одна проблема: а что мешает выходу за эту оболочку и её прорыву? Ответ может быть однозначен – существуют т. н. «*параметры запрета*» (по Г.Г. Малинецкому), выход за которые меняет не только качество, технологию и т. п. диалога, но и его смысл.

Обозначив центральные атрибуты (параметры) диалога – «проблемное поле», «стороны и участники», – которые уже приоткрывают определённую картину диалога, скорее технологическую, нежели смысловую, мы, естественно, продвинулись в наших изысканиях к следующей важнейшей характеристике диалога – к раскрытию *смысла самого диалога!* И, более того, нас интересует: почему вопросы, связанные с такими категориями как *смыслы, ценности, мотивации и стимулы* нашего бытия, во многом философские, чем научные, попадают в центр внимания диалога, просятся в его «повестки дня»? Неужели сами *смыслы, ценности, мотивации и стимулы* в нашем мире **уже** стали проблемой? В какой мере эти категории согласуются с реалистичной и прагматичной стороной мировых дел, проблемы которых заполнили площадки диалога всех уровней: национального, регионального, глобального? Прояснение этих моментов заслуживает особого внимания!

III.3. Мировой дискурс (смыслы, ценности, мотивации, стимулы – в мире сработали социальные «коды» самосохранения)

Как правило, самое опасное в мире – игнорируется! Его обходят стороной, не приближая и не отталкивая, а только питая надежды, что проблемы размоются сами собой, что придут новые проблемы, ещё более опасные, и поглотят их. Заблуждение разума! Так, сторонятся разговора о простых истинах, смыслах, ценностях, мотивациях и стимулах. Но простые истины – самые взрывоопасные! В них зарыты социальные «коды самосохранения» и, рано или поздно, они дают о себе знать!

Дискурс о *смыслах* древний как мир. Да и сама история человечества есть история оправдания смыслов, разных и разными способами: от непримиримых философских споров, до восстаний, революций и мировых кровавых войн. Здесь каждый, схватившись за «скатерть» смыслов, тянет её на себя с мирового стола.

Наше время! Начало третьего тысячелетия! По «старым» смыслам был нанесён непоправимый удар. Проснулись социальные коды самосохранения. Из глубин сознания поднялись лозунги (опасные лозунги!) простых истин. Это будоражит апологетов триады «Человек – Мировое сообщество – Мировая система», на них навалились гигантские смысловые вопросы – вопросы тысячелетнего ранга: **«Демонтаж техногенного мира и извлечение человека из недр не-свободы?»**, **«Разбинтовывание его головы и снятие "коросты" столетних и тысячелетних заблуждений?»**.

Так схватить проблему и так смело и бескомпромиссно поставить вопрос – редчайший случай тысячелетней истории! Его сопровождает разговор о смыслах нашего мира – поднимаются на высочайший пьедестал «простые» истины! Среди них – «Человек хочет жить!», «Человек свободен!», «Красота спасёт мир! (Ф. Достоевский)»! Как бы замызганными и банальными ни казались для апологетов обветшавшего Мироздания («вчерашнего» мира!) эти лозунги, они под разными интерпретациями прорываются в мировые повестки дня диалога. Новые люди держат эти повестки в руках, предлагая поговорить с оппонентами о «технологии» демонтажа «осевшего» Мироздания и о выходе на дорогу к новому. Но для этого необходимо осознать новые *ценности*.

Категория ценности в мировом дискурсе удивительна сама по себе: ценностями жонглируют так же, как играют смыслами, но только более расчётливо, филигранно, с использованием разных инструментов, тончайших и далеко не очень! Здесь апологеты вчерашнего мира «трудятся» над сознанием человека, «ошпаривая» его галлюцинациями, идеологиями, иллюзиями, и мифами, тем самым забинтовывая, подменяя ценность малого, близкого, видимого, каждодневного всевозможными «радугами», иными словами, выбивая из-под человека опору здравого смысла и здравого начала.

В этом плане на высоких интеллектуальных площадках есть о чём поговорить, есть вопросы, наболевшие вопросы!!

Ценностный сегмент мирового диалога позволяет докапываться (через слой ценностей, деформирующих сознание человека и иссушающих его жизнь) до здравого смысла, до ценностей малых горизонтов, до каждодневных ценностей жизни, а вместе с ними – обозначить в повестках мирового дискурса проблемы мотивации и стимулов.

Никогда ещё ранее человек не ощущал так остро и болезненно мотивации и стимулы, которые ежедневно поднимают его по утрам с постели, заводят и снаряжают в ежедневный поход. Что движет им? Стремление к труду? Поиск «хлеба насущного» и достатка? Тяга к творческому началу? К борьбе и конкуренции? А какие мотивации к «общности», «единению», «поруче и чувству локтя»? А каковы мотивации и стимулы в различных экономических системах, а, тем более в гигантских цивилизационных моделях?

Человек в принципе обладает гигантским веером желаний и «хотений». Он может ставить себе бесконечное множество целей. Их сопровождает такой же веер стимулов и мотиваций к достижению этих целей и желаний. И здесь противоречие и нестыковка: человеку оставлен предельно узкий коридор реально достижимых целей и желаний – жизнь оставляет ему и соответственно узкую полосу сопровождающих эти цели стимулов и мотиваций.

С какой стороны человек бы не заходили к *проблеме смыслов*, неизбежно его посещают страшные в своей простоте и предельной обнажённости мысли: «Я пришел в этот мир для жизни! Я пришел в этот мир свободным! Этим я укра-

шаю прекрасную планету, в этом мое кредо, достоинство, мои первые и последние слова!¹ И если кто-то – мировое сообщество или мировая система, – думают иначе, то это только хуже для них! Пусть иное мнение на сей счет они оставят при себе – оно меня не касается! При случае я способен ... упразднить их! Этот мир – дело рук моих и только моих!».

Если до предела сжать сюжет дискурса о стимулах и мотивациях, то в сухом остатке, по нашему мнению, мы увидим следующее:

1. *Стимулы и мотивации первого ранга* проявляются через тщательное перераспределение благ: идёт дозированное их выделение в объёме предельно минимальном и необходимом для функционирования триады «человек – мировое сообщество – мировая система». Этим минимальным объёмом и определяется и ранг, и предел, и содержание *стимулов и мотиваций первого ранга*. Это стимулы и мотивации к выживанию – т. е. суметь прорваться к этому минимуму! Через систему стимулов и мотиваций этот минимальный объём благ достаётся в жёсткой борьбе.

2. *Стимулы и мотивации второго ранга* – доступ к практически неограниченному объёму благ, которые расходуются:

- на перетасовку зон влияния;
- на схватку за доступ к ресурсам;

Эта схватка сопровождается:

- милитаризацией сознания;
- созданием и содержанием гигантских военных машин и репрессивного аппарата;

– возвращением и содержанием огромных армий философствующих апогетов сложившейся системы (политологов, культурологов, идеологов). На это работает и идея прославления труда, и безудержная мания развития, и чувство локтя (товарищество) в общем деле, и перетолкованное чувство национального и патриотического, и различные мировой экономической системы, и, в конечном счёте, – цивилизационные модели в целом.

3. В конечном итоге *стимулы и мотивации обеих рангов* способствуют абсолютному изматыванию человека, мирового сообщества и мировой системы. Они не дают основания для мотиваций к «жизни!», а только к «выживанию!» – выжить любой ценой в этой гигантской техногенной колеснице и в непрестанной борьбе с ней!

Разбор вопросов стимулов, мотиваций и ценностей, прояснение в глобальном дискурсе их природы и сопричастности к нашему современному деформированному Мирозданию, логично навивает мысли: но существуют ли уже некие подходы к другим смыслам, к другим ценностям и мотивациям, и существуют ли уже в реальности их новые контуры? И не обладаем ли мы осознанно уже некими *опытами и практиками*, в которых можно воочию представить нарождающийся новый мир, – пока как «проект нового Мироздания», поднимающегося из глубин сознания человека.

Почувствовав проблематику мирового дискурса, связанную со смыслами, ценностями, мотивациями и стимулами, мы тем самым получаем пролонгацию к новому сюжету, а именно к *новым опытам, новым практикам, к подъёму и выходу на новые сферы и горизонты*, к «Большим глобальным проектам» – к новому Ренессансу, восходящему над нашей планетой как новое Мироздание. Об уже разворачивающемся в мире диалоге на эту тему мы поведаем читателю, введя его в раздел «Опыты».

¹ Здесь идёт переключка с известным российским философом К.М. Долговым.

III.4. *Опыты (первые проходки «нового» в «старом» мироздании – подъём, новые сферы, новые горизонты)*

Практичность наших диалогов – несомненна! Здесь даже наблюдается свой ритм, ход и тон: с какой-то затаённой надеждой человечество собирается на своих интеллектуальных площадках, подводит итоги, делится проделанным, намечает новые маршруты и этапы продвижения к намеченному. Но на всём этом лежит некая печать: разговор как некий запущенный механизм, механизм знакомый, все части которого проблемно узнаваемы, заранее обусловлены наработанной практикой. Каждый ход такого механизма-машины обозначается как некий случай и некий опыт. Этот опыт откладывается до следующего случая, который становится опытом и также откладывается... и т. д. Но вот на проблемном поле диалога обозначились новейшие вопросы, «другие», «иные» и по своему росту, и по своей значимости и силе. Бросается в глаза их непохожесть, нестандартность. Здесь нет ещё большого накопленного опыта, они за рамками условностей, да и устоявшийся механизм дискурса мало приспособлен к новым вопросам. Рядом с ним закладывается новый механизм диалога. Он вбирает в свою переработку эти новые вопросы и откладывает в историю новые опыты и новые практики. И эту работу он начинает с концептуализации фундаментальных начал нового, с «большого» диалога, с ренессансного подъёма, выхода в новые сферы и горизонты, прояснения блоков, закладываемых в основания Мироздания нового Ренессанса.

Человечество в плену одного заблуждения – как будто старые, отжившие системы бытия уходят «в лету» сами собой, тихо тают, освобождая гуманитарное пространство для нового, нарождающегося. Отнюдь! На последнем, завершающем отрезке жизненного цикла старая система, как зарница закатившегося, мобилизует остатки своей энергии на борьбу с новым и тем самым оставляет кровавый след в истории.

Человечество научилось пробивать себе дорогу к новому через наслоение прошлого, зачастую прочного как гранитная стена. Но и здесь есть выход наподобие пробивки огромных тоннелей в скальных грунтах – здесь свои приёмы, механизмы и сноровка: гуманитарный «проходческий щит» вгрызается в окаменевшие пласты традиционного, устоявшегося, веками слежавшегося. Новые фундаментальные замыслы и цели конструируют свою гуманитарную «проходческую машину» и её ударные «рабочие» органы как своеобразный таран по отжившему. В качестве тарана выступает *концептуализация*. В нашем случае это концептуализация глобальной теории диалога между цивилизациями, общественными системами, людьми как новая логика смыслов. А дальше уже просматривается контур будущего тоннеля: формы, маршруты, этапы ренессансного подъёма.

Человек не в слепую движется во тьме времён: его ведёт стальная логика, освещающая маршруты, придавая форму этапам продвижения и к новому научному знанию о мире, и к «Большим проектам», воздвигнутым на его базе. При этом тщательно выверяется (сличается) ход реализации проектов с уже имевшими место в истории блистательными образцами ренессансных парадигмальных поворотов. Но не только это – мы уже сами располагаем и «нашим» собственным опытом мировых трансформаций – *первым опытом гуманитарных тоннельных проходок!* Обозначив уже ясно просматриваемым пунктиром траектории движения к Мирозданию нового Ренессанса, человечество устремляется в новые сферы и горизонты.

Но, вступив на нехоженые дороги диалога о судьбах человека и мира в эпоху глобальных перемен, «Человек» смело отбивается от новой опасности: мир старого закала жаждет реванша. И здесь задача гигантской важности – по-

гасить накал этой борьбы посредством диалога на мировых интеллектуальных площадках высокого ранга.

Здесь во всём блеске даёт о себе знать *сама природа диалога – диалог есть общепризнанная форма снятия напряжённости*. Это достигается формированием новейших повесток дня. Среди них первостепенна с вопросами: что из себя представляет уход человека в новые сферы и новые горизонты и насколько меняется логика диалога в новых концептуальных постановках проблем? Какие блоки являются основополагающими в фундаментальных постановках глобальных проблем нашего мира?

Ответ на эти вопросы лежит рядом (и здесь уже нет нужды «искать топор под лавкой!») – на нехоженных дорогах диалога к новому, необычному уже чётко обозначились этапы («звенья» проходки своеобразного тоннеля): «геоэкономика – глобалистика – гуманитарная космология». Каждое звено в *мировой смысловой практике* уже опробовано – им придана ясная теоретическая и методологическая форма. На бесчисленных форумах, конференциях, симпозиумах проясняются пути их продвижения всё дальше и дальше. При этом обнажаются многие удивительные связи этих звеньев со здоровыми элементами и механизмами функционирования и мирового сообщества и мировой системы. Показательна в этом отношении *геоэкономика*.

Геоэкономика ворвалась в мировой дискурс мощно, неожиданно и подготовлено! Атака на полуфеодальную, старовестфальскую экономическую систему прошла мощно и бескомпромиссно и одновременно с трёх флангов – трёх геоэкономических школ: *американской, российской и итальянской*. Какая энергия выдвинула геоэкономическую парадигму на передовые позиции? И почему геоэкономика «вынырнула» в нужный момент и в нужное время?

Ответ найден: *общий интерес* в геоэкономической плоскости – основа новых договорённостей – человечество оценило главенство экономики в своих делах, «экономизация» политики стала знаком времени! Кто это поймёт – тот выживет! *История учит*: тот кто (будь то отдельный человек, структура, страна, интеграционная группировка, империя или цивилизация) не желает, не умеет или не способен обустроить себя экономически (а в современную эпоху – геоэкономически), тот обречён на поражение. И это не «экономцентризм»: вопрос стоит предельно жёстко – либо мир ввяжется в изматывающую геополитическую разборку «всех со всеми», либо успеем уйти в геоэкономические горизонты развития, использовать гигантские возможности «мирного!» внешнеэкономического взаимодействия народов на мирохозяйственной арене.

Общая геоэкономическая парадигма мирового развития, к осознанию которой человечество приступило в конце ушедшего XX столетия, пришлась как нельзя кстати в посткризисный период. Она дала ключ к новой модели мирохозяйственного общения, открыла новый мировой экономический ландшафт и положила начало становлению нового экономического порядка. Здесь новые игроки смело формируют ареалы и точки мирового роста на геоэкономическом атласе мира. А на мировых интеллектуальных площадках мощно звучат геоэкономические мотивации к новому экономическому мироустройству – прорыв к мировому доходу участников мирохозяйственной системы на основе баланса геоэкономических интересов.

Но это вполне достижимо при условии осознания новой фазы в мировом развитии – всеобъемлющей глобализации, – а также прояснении её закономерностей через новейшую отрасль гуманитарного знания – *глобалистику*.

Глобалистика заступила через геоэкономику и, закрепившись на экономических позициях, мощно пошла дальше. Она тут же подчинила своему влиянию интеллектуальные площадки диалога. Здесь глобализация уже сама по себе не проблема! Дискурс идёт о главных проблемах, сопутствующих процессы

глобализации: о разрывах глобальной общности, о судьбе техногенного мира, о соотношении глобального и локального, о вызревании новых глобальных институтов и т. д. Мировые интеллектуальные площадки диалога буквально ухватились за эти проблемы: идёт новое прочтение глобальных перемен.

Здесь мир предоставил свои интеллектуальные площадки диалога для нового прочтения мировых перемен – глобальных трансформаций. Более того, впервые поставлен сакраментальный вопрос о роли и месте цивилизационных моделей в ходе эволюции человечества и, далее, – вопрос к самой категории «цивилизация». Здесь уже не до досужих размышлений: «с одной стороны..., с другой стороны...». Вопрос стоит предельно жёстко – унесут ли цивилизационные разборки наш мир в небытие, и долго ли человек будет взирать из глубин своего сознания на созданную им же самим ситуацию: «анклавно разведённый мир», без перемычек и мостов между цивилизационными пространствами? Как поступить в такой ситуации, какой возможный и приемлемый выход из неё? Ответы на эти вопросы человек черпает в гуманитарной космологии.

Гуманитарная космология несёт новое начало в познании мира. Будучи венцом глобалистики, она шаг за шагом инвентаризует гуманитарный космос человека и, тем самым, мостит дорогу к Мирозданию нового Ренессанса. Она поднимает на щит и высочайший пьедестал самого человека и его жизнеутверждающие начала, впервые провозгласив «Доктрину человека» как «Гуманитарный манифест» XXI века. Гуманитарная космология и диалог в своей связке выводят человека и его жизнеутверждающие начала на высочайший ценностный пьедестал. И это опосредуется новейшей отраслью научного знания – «Диалогистикой» как концептуализацией глобальной теории диалога между цивилизациями, общественными системами, людьми, как новая логика смыслов.

Всё это говорит о том, что человечество не сидит, сложа руки! Оно реально нарабатывает опыт по постановке вопросов высокого ранга. Ощувив ренессансный подъём и придав ему уже не умозрительные формы, маршруты, этапы, а их реальное воплощение в каждодневной практике – тем самым закладываются мощные теоретические, методологические и праксиологические фундаментальные блоки в основания нового Ренессанса. Это геонауки (среди них: геоэкономика, глобалистика, геофинансы, геологистика, геоинформатика), гуманитарная космология, когнитивная наука и когнитивная география и т. п. И вот на вооружение Человека заступает новейшее научное знание – «Диалогистика» – глобальная теория и методология диалога между цивилизациями, общественными системами, людьми как новой логикой смыслов.

И вместе с этим вырисовывается новая «повестка дня» глобального диалога – человечество должно бдительно следить за повадками старого мира, за обветшавшим, предельно опасным миром. Средневековье под обликом современности вновь завладевает нашей планетой, заливая наше сознание. Человек и мир по рукам и ногам забинтован общественным договором. Над сознанием человека идёт монотонная работа: идеологи всех мастей не дают человеку проснуться, погружая его в летаргическое состояние и, заодно, искривляя его сознание, поддерживая его в состоянии, адекватном миру уходящему, миру «вчерашнего дня».

Но звонок уже прозвенел! Я как-то, проходя мимо Мироздания, обратил внимание – на его фасаде появилась повестка-предупреждение: «Осторожно! Подлежит сносу! Может зашибить! Дальше дороги нет! Объезд! Держитесь правой стороны! по стрелке: "Дорога к Мирозданию Нового Ренессанса!"». Это меня обеспокоило, я поспешил к себе: «А вдруг кто-нибудь еще не знает о предупреждении, или не заметил, и будет ненароком зашиблен?».

И этой книгой «Диалог» уведомил, кого только мог: «Повестка! Повестка! Сватка с "современным" средневековьем и выход к Мирозданию нового Ренессанса!! Новые дороги, новые горизонты! Вперед! За работу!»

На проблемное поле диалога заступает новая «повестка дня».

III.5. Повестка № 1 (уведомление о текущем и предстоящем)

Уже первые опыты, извлечённые из начальной практики прокладывания маршрутов в неведомое будущее, показывают, какие невероятные усилия предстоит преодолевать в ежедневных контактах с «современностью». За просветлённым флёром этого понятия скрывается *«новое средневековье»*, имеющее свой скрытый негласный вердикт – «Общественный договор». Истоки этой ситуации кроются в «ошибках» сознания: в тщательно выпестованных, филигранно обоснованных, строжайше оберегаемых заблуждениях разума и мировоззренческого косоглазия. Наука («большая» наука, фундаментальная!) отправляется в поход *навстречу схватки с «"современным" средневековьем»*, она берёт с собой походный научный «хирургический» инструментарий для снятия заблуждений и исправления мировоззренческого косоглазия. И не только это – провозглашается «этика нового», идёт мобилизация на поиск начал зарождения нового знания и траекторий выхода к новым парадигмальным переворотам, побуждение к первым шагам навстречу выступающему из тумана будущего Мирозданию нового Ренессанса.

Как-то так случилось, что в громадном потоке описаний нашего мира, в доскональных исследованиях его характерных черт, особенностей и т. д. ускользнула (преднамеренно или нет?) его *средневековая окраска*: редко кто видит опасность в этих новых подмалёвках на картине современности, а тем более задумывается об истоках их появления. Глобальный дискурс взламывает эту ситуацию, формирует множество вопросов высокого ранга, прислоняет их к современному Мирозданию.

Ситуация меняется – меняются и вопросы: с нарастанием масштаба событий растёт и калибр вопросов! Новый мир – это глобализирующийся мир. Новый мир – это обновляющийся мир. На стыке этих исторических моментов интеллектуальной мысли ещё предстоит серьёзный анализ многих тем, проблемных поворотов. Она постепенно освобождается от летаргического сна, ей ещё предстоит осознать нетрадиционные вопросы для понимания современной мировой панорамы, необходимые и очень актуальные – *вопросы высшего ранга*.

Но масштаб вопросов пока не тот! Редчайший случай: человек перешёл через исторический тысячелетний перелом. Он пытается заглянуть за этот рубеж мироздания, с опаской и огромным любопытством предугадать смысловые знаки своего существования. Однако – парадокс! Он не воспользовался редчайшим моментом, – не поставлен ни один вопрос тысячелетнего ранга (вопрос высшего ранга). Увы, все сегодняшние вопросы сводятся к столетней стратегической конъюнктуре.

Только находясь на переломе эпох, в этой высокой точке наблюдения, вполне объяснимо задать вопросы высшего ранга.

- Первостепенные вопросы – Что из себя представляет современная цивилизационная колесница, воздвигнутая человеком? Как долго человечество может выдерживать темп и ритм её неумолимого бега?

- Изначальная проблема: каждый человек приходит в этот жёсткий мир, мир уже готовый и не им сконструированный, и волею судеб приставляется не только к его охранительству, поддержанию, но и к развитию. Кем предначертана такая судьба человеку? И волен ли он уклониться от этой миссии? Чтобы разобраться в хитросплетении такой вопросной постановки, не следует ли развести эти стороны, внимательно присмотреться к каждой из них, с тем, чтобы

впоследствии сделать решающий вывод о степени совместимости сторон (человека и техногенного мира) и после этого задаться центральным вопросом – *что делать с обеими сторонами?*

• В какой момент человечество пропустило развилку, до которой светское (научное) и религиозное сознание черпало свои одухотворяющие силы из единого источника – природы, создавая на этой основе свои цельные и по своей сути жизнеутверждающие миры? С момента развилки стал набирать силы фанатизм с обеих сторон – каждый стремится привлечь человека на свою сторону, выплескивая в мир гигантские противоречия, все заговорили о межцивилизационных противоречиях.

Если подойти к проблеме с отмеченных позиций, то в поле зрения наблюдателя попадает ещё ряд вопросов глобального значения. Сгруппируем их!

Первый блок проблемных вопросов. Какими невиданными ранее качествами наделила глобализация современный компактный мир, соткав его из ранее разрозненных агрегированных систем и подсистем? А не родилась ли на сегодняшнем, завершающем этапе интернационализации и хозяйственной транснационализации новейшая популяция мировой системы, которая неподвластна традиционному измерению? Насколько трансформировались законы развития, ранее обслуживающие разъятую систему, не спаянные между собой отдельные очаги и структуры? И не требуется ли новая оптика для разгадки и прояснения случившихся глобальных перемен?

Второй блок вопросов. В каких координатах проистекает современное развитие и не получается ли так, что ранее прояснённая (а потому и общепринятая) мировая парадигма, категории и модели бытия, пройдя эволюционный путь, исчерпывают свой ресурс и исчезают с исторической сцены? И не зарождается ли в их недрах ядро новейшей цивилизационной парадигмы, которое и предопределяет новые ориентиры развития мира в XXI в.?

Третий блок вопросов. Не даёт ли смена координат развития новую точку исторического отсчёта, а именно философское объяснение, в основе которого лежит пространственно-цивилизационное бытие, с переплетением в этом пространстве различных потоков во всех его сферах? Не являемся ли мы свидетелями зарождения принципиально нового хронометра развития, новой временной точки отсчёта? Здесь «окаменевают» внешнее время, т. е. само развитие, давая простор внутреннему времени, тем самым отделяя жизненные циклы человека от техногенных мировых амплитуд.

И наконец, **четвёртый блок вопросов.** Мир как общность, сверкающая всеми красками *разнообразия*. Что скрывается за этой двойственностью? Какую тайну хранит социальная природа человека в своей загадочной глубине? Сумеет ли человек разгадать эту загадку? Каковы истоки этих глобальных процессов? Какова судьба устоявшихся образований, в частности национальных государств и их экономик, региональных сообществ и территориальных анклавов, альянсов, союзов и т. д., в этом меняющемся глобальном мире? Что ждёт банковскую систему, кредитный рынок, систему международного финансового права и т. д.?

А какова судьба устоявшихся категорий (понятий)? Более того, не покачнулась ли сама гуманитарная парадигма, почувствовав ослабевшие категории? Ведь совершенно новую качественную окраску принимают фундаментальные (опорные) понятия. Среди них экономические – деньги и их функции, эквивалент и его трансформация, мировой доход и условия его формирования и перераспределения, мировой рынок и т. д. Не оперируем ли мы другими категориями – социального плана, от которых осталась одна оболочка, и выхолощено само содержание? То же с рядом понятий в области политологии, стратегии,

права и др. Не менее актуальными и важными становятся вопросы выработки новейшего класса приёмов по оперированию в условиях зарождения глобальных трансграничных потоков. Речь идёт о выработке таких высоких геоэкономических технологий, которые позволят не только сохранить устойчивое функционирование субъектов мирохозяйственного общения (наднациональных трансграничных субъектов, национальных экономик и их хозяйствующих структур), но и извлекать из этих потоков стратегический эффект и мировой доход.

И ещё один аспект, попадающий в поле нашего зрения: как поведут себя глобализированные пространства (экономическое, финансовое, правовое, информационное и т. д.) в условиях вызревания и выхода на историческую авансцену новой цивилизационной парадигмы, сменяющей изматывающую техногенную фазу постиндустриализма?

Группировки вопросов, призванных развенчать наплывающую на мир мрачную эпоху средневековья, роятся, прежде всего, вокруг фундаментальных категорий-опор нашего Мироздания. И не случайно. Именно здесь затаились искривлённости, которые разыскивает разум для схватки с «современным» средневековьем. Среди таких искривлённостей – «Общественный договор».

III.6. Повестка № 2 (у ворот грядущего – парадигмальный переворот)

Мир бережно хранит огромный исторический опыт, закреплённый в дошедших до нас многочисленных уложениях и договорах, различного статуса. Но в этом гигантском «архиве» спокойно пребывают и «негласные!» документы-апологеты борьбы с человеком. По своей природе эти документы есть вердикт «глубокой и всесторонней обоснованности» правомерности и правомочности закабаления человека, его сброса в застенки несвободы. Здесь особое, «почётное» место занимает «Общественный договор», со своей структурой, прописями и инструкциями по технологии «забинтовывания» Человека.

Развенчать кабальный «Общественный договор», загнавший человека в клетку несвободы – есть первый необходимый, но далеко не достаточный момент в схватке с современным средневековьем. Не менее важно вскрыть *источники*, из которых общественный договор постоянно черпает энергию, добавляются к нему новые страницы, переписываются старые. Один из источников уже обнаружен: *в глубине тысячелетий сознание не избежало роковых ошибок*.

Ошибки сознания глубоки, таятся в неявном виде, зачастую скрываются под личиной развития разума, его восхождения к новому и т. д. Здесь на интеллектуальных площадках диалога предстоит гигантская работа философского, и общенаучного плана. Особо пристального внимания к себе требуют фундаментальные категории, в которых ошибки сознания скрываются, таятся. И не менее важны категории, – их антиподы, их опрокидывающие. Здесь непочатый край работы над ошибками сознания!

Работа над ошибками сознания позволяет более пристально присмотреться к таким категориям, которые органично выступают в роли носителей ошибок сознания (власть, ханжество и др.). И, вместе с тем, всплывают категории, исправляющие ошибки сознания (компромисс, справедливость, доверие, толерантность и др.). Всё это закольцовано в новых этических постановках проблемного поля диалога, и дискурс о наборе категорий, как искривляющих, так и исправляющих сознание, уже практически стоит в повестке дня. Тем самым готовится почва для тщательной инвентаризации категорий, для формирования новейших категорий и понятий, на которых будет возведено новое Мироздание.

Но всплывает и поднимается во весь рост и иная проблема!

Эволюция разума идёт по нарастающей, но «современному» миру нужен примитив! Где взять и что делать? Идеологи знают! Это их специальность! Они

усыпляют разум, отключают здравый смысл, заливают сознание галлюцинациями, идеологиями, идеями и пр., ошпаривая разум до приемлемого, «нужного!» уровня (ну, например, до ощущения счастья и радости от работы бесплатно на «работодателя» (государство, корпорацию и пр.), при этом, будучи голодным, больным и нищим! По мнению идеологов в этом смысл *высоких гуманитарных технологий*. Их много и разных. На них есть повышенный спрос. Идеологи его удовлетворяют (разумеется, не бесплатно!)

Но дорога к новому Мирозданию уже прокладывается современным человечеством. И здесь несколько принципиальных моментов, которые дают повод для глобального дискурса, а именно: следует ли запускать человека в лабиринты в поисках будущего, в лабиринты в которых он бесконечно петляет и беспрестанно наталкивается на тупики, или уходит в глухие переулки, подземелья с их рисками и опасностями? А не прочертить ли заранее светлую магистраль (дорогу) к новому Мирозданию, светлую и прямую как солнечный луч в затемнённом воздухе современного средневековья? И не загрузить ли нам для этого нашу «проходческую машину» («Диалогистику») с её ударным инструментом: концептуализацией новых смыслов, ценностей, мотиваций и стимулов?

Ответ на поставленные вопросы уже не только очевиден. Его утверждающая сила уже реально работает. Человек избежал блуждания в лабиринтах в поиске своего будущего, а это значит и опасности быть разорванным сомнениями в мрачных закоулках средневековой современности. Он смело вступает на светлый солнечный луч – дорогу к мирозданию нового Ренессанса, дорогу, которую человечество не раз мостило в своей истории, но было встречено армией апологетов прошлого, старого, умирающего и, не выдержав борьбы, было сломлено, разорвано и повернуто вспять. И такую опасность со счёта не сбросить. Но сейчас другой случай – случай тысячелетнего ранга: человечество долго отступало и пятилось назад, всё более и более сжимая пружину! И вот момент: пружина распрямляется, освобождая чудовищную энергию разума – бросок в будущее!! Бросок не запоздалый, из «старого» Мироздания в «новое».

«Побродив» по современному Мирозданию, заглянув за его фасады, затённые этажи, подвалы и подземелья, Человек наткнулся на «средневековье», ядовитой волной наплывающее из глубин прошлого. И невольно поднимается вопрос: как проветрить Мироздание, выветрить ядовитую дымку, гарь ещё тех средневековых костров, на которых сжигались светлые умы Высокого Ренессанса и эпохи Просвещения? Как разорвать кабальный «общественный договор», которым обусловлен «крепёж» Мироздания и как вывести человека из его стальных клеток? Какие новейшие категории-опоры, на которых возводятся Мироздания, вытеснят осевшие (ослабевшие), и составят новое основание для нового Мироздания?¹.

Всё это неотлагательные вопросы «Большой повестки дня» глобального диалога и человечество уже реально включается в этот «большой» разговор о своём будущем!

Но, чтобы совершить такой гигантский прыжок в будущее разум человека должен взять на вооружение новейшие научные подходы и новейший научный инструментарий (что греха таить, за наукой водятся рецидивы апологетики!).

¹ Более подробную информацию об этом удивительном путешествии любознательный читатель почерпнёт из книг автора: *Кочетов Э.Г.* Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). Научная монография. М.: Деловая литература, 2006; *Кочетов Э.Г.* Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Экономика, 2011.

Диалогистика как новая отрасль научного знания как раз и войдёт в этот уникальный набор нового научного инструментария!

III.7. Инструментарий (диалогистика как новая отрасль научного знания)

Новые отрасли знания возникают тогда, когда без них обойтись уже невозможно: мир накапливает и откладывает такой массив фактов, событий, необычных новых явлений, что наступает момент необходимости объять их единым объясняющим взором. Так родились геоэкономика, глобалистика, гуманитарная космология и др. Настала очередь за диалогистикой. Какие предпосылки и условия её появления? Как её выделить на фоне других дисциплин? Каковы необходимые и достаточные научные атрибуты, присущие диалогистике, чтобы претендовать на обособленный высокий научный статус? Попробуем в концентрированном виде объяснить на этот счёт.

Мир испытывает «жажду» – налицо нехватка знаний о мире! Проблемы идут лавиной, мир не успевает формулировать проблемные вопросы, зачастую тонет в частном, малозначительном, кратко мерцающем. Дело усугубляется прижатостью проблем к единичным случаям, события «не схватываются» в их логической цепи. Цепь беспрестанно рвётся за счёт наслаивания других событий. Настало время вмешаться в подобную ситуацию! И наука вмешалась! Здесь возможные направления поиска находят отражение в двух постановках: 1) сама по себе острая нехватка знаний о мире; 2) упорядочение знания через логику постановки научных проблем.

В дело вмешался диалог! По-новому зазвучали мировые оценки событий. Здесь «Человек» уже подносит к глазам новую «призму» – пакет новых ценностей. В этот стройный ход научных новаций и нового видения (новой научной «оптики») вплетается геологистика, открывая новую страницу в методологических изысканиях – геологистический подход. Всё это уже начинает чётко проявлять себя на научном фоне гуманитарного знания. Здесь свои тонкости!

Технология выделения нового знания о диалоге – первый шаг к становлению его как науки. И это становление беспрестанно идёт по мере накопления опыта: речь идёт о практике форумов, конференций, симпозиумов, круглых столов, где в той или иной мере ставятся проблемные вопросы в научно обоснованных повестках этих мероприятий.

Но не только это разворачивает диалог как науку, – этому способствует масса других факторов, сопровождающих сам процесс диалога. Некоторые из них лежат на поверхности: проблема № 1 – разграничение понятий.

Диалог и наука о диалоге – разные вещи! И здесь их необходимо различать в принципиальном плане подобно тому, как в таком же плане различаются онтологический и гносеологический подходы. С этого разграничения и начинается первый шаг выделения нового знания о диалоге. Дальше – следующий шаг разворачивания знания о нём! Схема такого разворота в науковедении чётко и давно прописана. Здесь и философия диалога как феномена, чёткое и ясное представление о предмете и объекте диалогистики, обоснованность методологического подхода, которым пользуется диалогистика, свой категорийный, понятийный и терминологический аппарат, свои институциональные формы и т. д.

Диалогистика, как наука, призвана в море проблемных вопросов находить первостепенные и вычленять их для включения в повестки дня глобального диалога, разгадывать проблемы высокого ранга уже на дальних подступах к ним, задолго до их «взрыва», когда они дают знать о себе лишь только слабыми импульсами. Подобный случай разворачивается на наших глазах: мировое сообщество неожиданно стало более пристально *присматриваться к цивилизациям*, к категории «цивилизация» вообще и к подходам к этой категории, к вопросу о путях эволюции

цивилизационных моделей, проблеме их «исчерпаемости». И этот вопрос в первом, ещё корректном и максимально осторожном виде уже выносится в повестки дня мировых форумов, в частности, поставлен на Родосском форуме!

И это вполне логично: есть проблемные темы (и интеллектуальные площадки, на которых они рассматриваются), задающие основной, центральный тон и направленность, и пользующиеся в силу этого непререкаемым авторитетом. Так, к ним относится Родосский форум. На этом форуме с момента его учреждения цивилизационным проблемам нашего мира и наведению мостов между ними дан широчайший и всесторонний анализ, который в принципе подвёл черту под прояснением ситуационной межцивилизационной картины. Теперь Родос в направлении «Диалог цивилизаций» открывает новую страницу: *глобальный мир меняется, меняется и познавательная оптика, а вместе с ними меняется и диалог – он получает новые научные основания и инструментарий, т. е. «Диалогистику».*

Смысл этого начинания в следующем.

До сих пор диалог концентрировал своё внимание на вопросах, которые подсказывали ему те или иные произошедшие, либо надвигающиеся события. В общем, это соответствует *онтологическому принципу* осознания нашего мира. При этом оставался в стороне не менее важный ракурс в подходе к его проблемам – *гносеологический*. Иными словами, речь идёт о включении в глобальные повестки дня и методологических вопросов, т. е. о той *не искажающей оптике*, через которую следует рассматривать наш мир.

Другой момент – проблема *всеохватности* научного поиска. Если рассматривать глобальные проблемы через призму диалога, то обнажаются *два начала* и выделяются *два аспекта*.

Первый. Начинается «Большой разговор» о новой научной рефлексии, позволяющей охватить весь мир, иными словами – «схватить» мир как проблему! Но для этого необходимо *подняться на методологические орбиты соответствующей высоты*. С этих высоких орбит открывается совершенно другая панорама: проблемное поле выглядит совершенно иначе и, при этом, неотлагательные проблемы глобального характера оттесняют на второй план всё местное, локальное, частное.

Второй аспект научной рефлексии – это проблема самой науки о диалоге, включающей в себя проблему вычленения главных приоритетных вопросов. Вот это *совмещение* двух начал и аспектов: вопрос о научной рефлексии осознания современного мира и вопрос технологии оперирования в постановках проблем и объединяет *диалогистика*.

Ещё один немаловажный аспект науки о диалоге: диалогистка зародилась в России. Этому способствовал ряд обстоятельств: Россия не только активный участник самых престижных мировых форумов, но и вносит существенный вклад в формирование повесток этих форумов, выдвигая различные инициативы глобального характера. Включённость России в диалог по животрепещущим проблемным вопросам нашего мира идёт полным ходом!

Россия и Мир – нераздельны! Россия выходит на «Большой разговор» о судьбах человека, страны и мира – глобальный разговор в полный голос, выдвигая пакет инициатив.

III.8. Россия и мир (большой глобальный разговор в полный голос о судьбах страны и мира – российские инициативы)

Включённость России в «Большой диалог» не конъюнктурный всплеск в большой мировой политике. Будучи общепризнанным игроком на мировом поле, неразрывной частью мирового сообщества и мировой системы, Россия охватыва-

ет общим взглядом мировое проблемное поле. Но, вступив на площадку глобального диалога, Россия демонстрирует свой особый настрой (подход) к нему. Этот настрой вытекает из того огромного кризисного «цунами», который прокатился по миру и своим крылом особо задел Россию. Россия вышла из ситуации с честью и в новом облике предстала как субъект глобального диалога, генерируя новейшие глобальные инициативы, заявляя о них в полный голос на самых высоких мировых интеллектуальных площадках. Для России диалог далеко не пустые хлопоты. Рациональность, прагматизм, деловой подход – вот мерка, с которой подходит Россия, вступая в диалог по самым насущным проблемам нашего мира.

Позитивный взгляд России на диалог имеет свой контекст. Россия далека от инфантильности: мировые проблемы требуют активной, наступательной позиции в их решении, и настрой на диалог – это долговременная *российская программа по снятию напряжённости* в мировых делах, поиску достойных ответов на вызовы времени, сохранению баланса глобальных интересов. Какие наиболее яркие акценты этой программы и российские особенности в подходе к диалогу? Укажем на некоторые из них.

Во-первых, выход России на ведущие интеллектуальные площадки мира демонстрирует её настрой поставить диалог в качестве эффективного инструмента в своей внешней политике, на срезание крайностей, поиск решений на основе доверия, толерантности, компромисса и справедливости. При этом Россия демонстрирует желание окончательно сбросить гири «холодного» прошлого, когда она была впутана в геополитические и идеологические разборки со всем миром. Здесь кредо России ясно и недвусмысленно: вогнать острые мировые проблемы в русло диалога, с тем, чтобы держать открывшуюся стратегическую паузу и дать возможность миру завершить манёвр громадного исторического масштаба – выход на принципиально новую модель мироустройства. Под стать этому Россия меняет свой *облик*, демонстрируя выход на авансцену истории новых сил.

Облик любой страны говорит о многом. Он является венцом и проявлением тех внутренних качественных трансформаций, которые претерпевает страна в целом, её политическая, экономическая, общественная системы. Это как в жизни: у человека всё его внутреннее состояние написано на лице. Зачастую глаза, жесты, манера говорить, позы говорят о многом, нежели речи его! Так и в данном случае применительно к стране, и в частности к России. Какие внутренние моменты отображает облик России? Что способствует её ясному незамутнённому взгляду на мир, на мировое сообщество в целом, её открытому и свободному поведению? Раскроем эту загадку!

Россия имеет свою программную логику преобразования. Это результат тех глубинных трансформаций, которые уже произошли в сознании российского общества. Россия смело ставит философский вопрос о необходимости покончить с синдромом средневекового крепостничества, всё ещё бытующим в сознании. Россия призывает мир на борьбу с новой опасностью – рецидивами современного средневековья в мире. Она выводит на авансцену истории «новых людей» – людей нового покроя и даёт трибуну здоровым силам нации. Это не преминуло сказаться: Россия широким потоком вливается в русло общемировых тенденций и закономерностей развития, а именно – выходит на постиндустриальную модель. Отсюда курс на всеобъемлющую модернизацию и инновационную экономику, на отказ от геополитических воззрений и выход на геоэкономическую модель. Это реально преломляется через инициативы-проекты, с которыми Россия выходит на глобальный диалог и предлагает включение их в повестку дня.

Россия вовремя оценивает общую тональность мирового развития, согласуя с ней свою стратегию и национальные интересы. Это сочетание общемирового

(глобального) и локального преломляется в конкретных инициативах-проектах, с которыми Россия выходит на «большой» глобальный разговор – диалог.

В этом отношении в мире многое меняется: поднимается волна инициатив!

Безынициативность на мировой арене – плохой признак! Когда страна по-малкивает и молча бредёт по мировому проблемному полю диалога, – это говорит о многом: о её скрытности, затаённости, непредсказуемости, ущербности дипломатического мышления, а, возможно, и чересчур «тонкого», завуалированного смысла. Зачастую это приводит к печальным последствиям. Тот, кто активно решает мировые проблемы, как правило, решает их в свою пользу, и спохватившимся «молчунам» уже с трудом удаётся вскочить в уходящий поезд. Многие страны это вовремя осознали!

Россия выносит для обсуждения на мировую арену целый ряд перво-классных инициатив-проектов. Они различны по масштабам, их всех объединяет нацеленность на мировую гармонизацию, на равновесие и баланс интересов. Среди них и консолидация мировых ресурсов для целей национального развития (это сугубо важно для всех стран мира!), Здесь и региональные проблемы, в частности, «Большого Севера», где в центре внимания преодоление геополитического «невроза» и опасности силовых разборок, и, как альтернатива, – выход на конструктивный геоэкономический диалог; и внимание к связке «Европейский Союз – Россия». Убедительно звучит провозглашение зоны стран Содружества Независимых Государств в качестве геоэкономического ареала мирового роста и воспроизводственного сотрудничества. Мир узнал о новейших отраслевых российских инициативах: формировании глобальной кластерно-сетевой энергетической системы – ЭНЕРГОНЕТА, а в области транспорта – ТРАНСНЕТА. А возьмите российские прорывы в сферу нового гуманитарного знания: геонауки – геоэкономика, глобалистика, геофинансы, гуманитарная космология. Они уже стали достоянием мировой научной мысли и на их базе формируется «Большой проект» – выход к Мирозданию нового Ренессанса. Все эти «большие» инициативы не для «большого» красного слова, или разговора ради ни к чему не обязывающего разговора – они ведут к «большому» делу! Придать деловую прагматическую окраску своим инициативам – отличительная российская черта.

Выводы

1. В мире уже нет сил содержать обветшавшую «старовестфальскую» ячеистую мировую систему. Она экономически не оправдана, впустую перемалывает ресурсы (интеллектуальные, духовные, трудовые, сырьевые, производственные, финансовые и т. д.). И процесс глобализации не мог не появиться, чтобы сломать эту модель мирового изматывания.

2. На передний край борьбы за мировые преобразования заступили новые силы: 1) геоэкономика как «новая экономика», вынесшая на своих плечах процесс глобализации, завершает процесс глобализации и вступает в новейшую фазу – **космоэкономике** как экономическое измерение новой стадии мирового развития – **космологизацию с её научным «отделом – гуманитарной космологией»**; 2) в дело вмешался **диалог** – через него пролегают пути решения цивилизационных, гуманитарных и экономических проблем современного общества. Умение договариваться есть наука, большая, фундаментальная! Новая! К осознанию этого человек шёл долго, мучительно, через пробы и ошибки – трагические ошибки! Пришло реальное осознание необходимости фундаментального поворота в понимании категории **«диалог»**. В современном, тесно взаимоувязанном мире любые шаги (инициативы, проекты, программы) рано или поздно попа-

дают на «мировой стол»: здесь в них пристально всматриваются и задаются вопросом – «к чему бы это?». Особенно в период кризисов, когда до предела обостряются старые проблемы, добавляются к ним новые. От них уже не отмахнуться! Наступает время осознания проблемного «поля» диалога, время «больших решений»! Понимание этого набирает обороты.

3. Диалог призвал науку к ответу: в повестки дня форумов стали включаться вопросы о роли и месте науки на проблемном поле диалога, в освещении мировых событий и выявлении мировых трендов. И наука ответила на призыв: мировому научному сообществу предъявляется новая отрасль научного знания – «Диалогистика». Наряду с выработкой собственно научной системы, она быстро соориентировалась, и берёт на вооружение теоретические и методологические подходы других родственных ей наук: геоэкономики, глобалистики, гуманитарной космологии. Среди них: *объёмно-пространственный метод осознания мира – геогенезис*. Он позволяет схватывать сложные, многофакторные системы единым взглядом. Более того (и наряду с этим), предпринят «подъём» на высокие методологические орбиты, с которых открывается в новой подсветке мировая панорама экономической, политической, социальной, культурологической жизни планеты, что позволяет по-новому взглянуть на ценности, смыслы, мотивации и стимулы, приступить к кардинальной «перекладке» векторов мирового развития.

4. С высоких методологических орбит и пьедесталов глобалистики и гуманитарной космологии открываются новые дали и горизонты будущего мирового развития. Здесь «Новые люди» подняли и предъявили человечеству новые лозунги и эскизы антропокосмоса, новые высокие гуманитарные технологии мирового преобразования. Они **уже** вступили на дорогу, ведущую к новому Мирозданию – Мирозданию нового Ренессанса.

5. Россия спокойным и критичным взглядом осматривает мировой ландшафт как мировое проблемное поле диалога и останавливает свой взор на мировых ареалах и точках, где решается судьба современного мира, закладываются его новые исторические страницы. Россия участвует в их «написании». Российская прагматика, реалистичный подход к решению острых мировых проблем вписывается в общую мировую тенденцию по снятию посредством мирового дискурса огромного накопившегося слоя геополитических, идеологических и цивилизационных проблем, суеты и трескотни вокруг них, долгое время опутывавших мир бесконечными разборками на межах ячеистого сознания и ячеистой международной карты мира, приводящим к кровавым войнам по причинам недоговорённости, недопонимания, а, зачастую, просто зашоренности и нежелания понимать другую сторону. Всей этой паутине, опоясавшей и человека, и мировое сообщество, и мировую систему приходит конец. Она снимается, как снимается паутина в старом, захлапленном доме. И у России в руках для этого надёжный и мощный инструментарий – Гуманитарная космология и *Диалогистика*. Они как путеводные звёзды сопровождают Россию – Россия двинулась в неудержимый интеллектуальный поход, меняющий мировую ситуацию и глобальную расстановку сил – совместное обустройство ареалов и точек мирового роста как залога стратегического равновесия на почве балансов интересов. Тем самым Россия открывает новую страницу глобального диалога на путях к безопасному миру, благополучия каждого человека, его семьи и его страны.

6. Интеллектуальная мысль выдвинула парадигмальную связку «геоэкономический подход – глобалистика – гуманитарная космология» и, тем самым, осветила в мире реальную череду фазовых переходов: «геоэкономика → глобализация → космологизация», а в качестве действенного научного инструментария (ры-

чага) по гармонизации нашего мира – **концептуализацию глобальной теории диалога** *.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 1)

* **От редакции.** На девятой сессии Родосского форума 6–10 октября 2011 года была представлена книга Эрнеста Кочетова: Диалог: диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Экономика, 2011. 733 с.

Научная монография подводит итог научным изысканиям автора о зарождении и развитии нового направления в сфере гуманитарного знания – **диалогистики**.

Впервые в мировой и отечественной научной литературе поднимается один из фундаментальных вопросов современности: роль и место диалога в судьбах человека и мира в эпоху глобальных трансформаций. Дается общий контур диалогистики как науки о базовых теоретических и методологических основах взаимного и согласованного миропонимания, о выходе на новые горизонты межцивилизационного диалога как фундаментального начала гармонизации нашего мира.

Особую важность автор придаёт необходимости выработки высоких гуманитарных технологий снятия напряжённости и поддержания глобальной цивилизационной устойчивости, повышению роли диалога в мониторинге мирового проблемного «поля», выработке новых принципов принятия решений по глобальным проблемам современности.

Инновационный характер исследования определяется тем, что делается прорыв к новому знанию в общественных науках, раскрываются новые подходы к философии диалога, его движущие мотивационные «пружины», поле, сферы и участники, ставится проблема перевода нового знания о диалоге в научные институты, его оформление и научное закрепление.

Реальность и доказательность в постановках проблем и достоверность подходов к их разрешению через диалог базируется на том, что автор является непосредственным участником мировых форумов, международных конференций, семинаров, симпозиумов, круглых столов (Москва, С-Петербург, Екатеринбург, Ярославль, Родос, Прага, Модена, Тампере, Лахти, Канзас, Пекин, Шанхай, Штутгарт и др.), на пленарных и секционных заседаниях которых он выступает с докладами.

Книга адресована первопроходцам в сферу новейшего знания об окружающем нас мире, смело поднимающим вопросы высочайшего ранга, представителям научных, деловых, политических и общественных кругов, религиозных конфессий, структурам, формирующим ключевые «повестки дня» глобального диалога о судьбе мира, стратегию развития России, её взаимодействие с «новым» миром.

Автор книги – Эрнест Георгиевич Кочетов, Президент Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, научный руководитель Геоэкономической группы при Государственной Думе Российской Федерации, заведующий Центром стратегических исследований геоэкономики ГУ-ВШЭ НИИВС, доктор экономических наук, академик РАЕН. Э.Г. Кочетов известен как творец и разработчик нового знания о современном мире, создатель новых глобальных направлений в общественных науках: новых подходов к мировоззрению и миропониманию, к выработке механизмов и технологий для понимания людей; научной геоэкономической парадигмы, обоснованию программ действия для достижения безопасности.

Презентация книги «Диалог» прошла на XXIV Московской международной книжной выставке-ярмарке (с 7 по 12 сентября, 2011 г.): <http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=642680&soch=1>

Полный текст книги в электронном виде размещён в Интернете для её свободного и бесплатного скачивания и использования в научных и учебных целях:

<http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=641398&soch=1>

<http://geoeconomics-academy.ru/node/90>

Глава 15. Л.И. СЕРГЕЕВА

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Предварительные итоги исследования автором статьи феномена «*политика коммуникационной безопасности в XXI веке*» представлены читателям в 2012 году¹.

В представленной работе её автор стремится более подробно и разнообразнее исследовать контекст и среду становления и функционирования российской политики коммуникационной безопасности во взаимодействии с политикой национальной безопасности и проблемами развития России в XXI веке, с политиками глобальной и региональной безопасности.

Исходным основанием для исследования автором заявленной темы являются работы учёных из «**научной школы Кузнецова**»: Р.Г. Яновского, А.С. Капто, С.В. Картунова, Э.Г. Кочетова, А.И. Сухарева, Д.М. Данкина, В.Н. Кузнецова.

КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ, КОНЦЕПТЫ КОНСТРУКТЫ

Самые предварительные итоги исследований представленной проблемы обозначили важную особенность объекта коммуникационной безопасности: его нематериальный характер – событие, общение, смысл жизни, мечта, идеалы, ценности, цели, деятельность, значение, взаимодействие, диалог, понимание, язык общения.

За основу научного определения категории – концепта «коммуникация» считаю возможным, во-первых, взять перевод термина (латинский язык – *communio*) – делаю общим, связываю, общаюсь, предложенный И.В. Ладодо². Здесь же отмечу: концепт общество имеет латинской выражение – *community*, а концепт общение – *communication*.

Во-вторых, определение конструкта «коммуникация глобальная», предложенное В.В. Мироновым. «Коммуникация глобальная – форма межкультурного диалога, в процессе которого все культуры оказываются втянутыми внутрь глобального коммуникационного пространства»³. Здесь важно отметить выражение коммуникации, коммуникационного через диалог, через диалогическое, через сотрудничество, через взаимодействие.

Теперь можно сформулировать рабочий вариант концепта «**коммуникация**»: *это состояние, процесс и результат инициативной сознательной деятельности граждан в личном качестве, их формальных и неформальных объединений для осуществления создающих взаимодействий, конструктивного диалога; для придания значения событиям и сообщениям; для формирования смыслов событий и сообщений, для их понимания.*

Важно констатировать, что востребованность формирования научного определения феноменов «коммуникационная безопасность», «сфера коммуникационной безопасности», «политика коммуникационной безопасности», «философия коммуникационной безопасности», «социология коммуникационной безопасности» достаточно обозначилась в 2007–2014 годах. А возможность участия в становлении сферы коммуникационной безопасности выявилась через итоги исследований Л.И. Шершнёва, В.Н. Кузнецова, Р.Г. Яновского, Ж.Т. Тощенко, Э.Г. Кочетова, А.С. Капто, Е.М. Примакова.

¹ Сергеева Л.И. Становление политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Сергеева Л.И. О региональном и глобальном аспектах политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 2.

² Ладодо И.В. Коммуникация массовая // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 531.

³ Миронов В.В. Коммуникация глобальная // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 452.

Научные работы автора статьи в 1993–2014 годах были ориентированы на проблемы политики коммуникационной безопасности через изучение с последующими публикациями таких тем: формирование основ духовной, интеллектуальной безопасности; становление высоких гуманитарных технологий; особенности создания и функционирования теории, методологии, институционализации гуманитарной безопасности.

Теперь определение категории (конструкта) **коммуникационная безопасность** может быть представлено в такой формулировке: *это состояние, процесс и результат обеспечения устойчивой защищённости смыслов жизнеобеспечения человека, семьи, общества и государства, их развития на основе мира и благополучия; защищённости содержания диалога, взаимодействий, сотрудничества народа, общества и государства; защищённость адекватности понимания событий, сообщений и сведений в информационных каналах всех видов; содействие в сохранении и укреплении доверия между людьми, их репутаций, их ориентированности на соблюдение законов, правил и процедур общения; защищённость их мечты, идеалов, ценностей, права на свою позицию и достойный поступок.*

ПОЛИТИКА КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОНСТРУКТ И КАК КОНЦЕПЦИЯ

Многоплановая и острая дискуссия в российском обществе по поводу коммуникационных, информационных, духовных, нравственных, идеологических, культурных аспектов развития России в XXI веке, отмеченных Президентом России в Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 года, позволяет предположить, что основы государственной политики в сфере коммуникаций необходимы и востребованы.

В этом разделе статьи автор считает возможным представить самые предварительные контуры такой концепции как *проекта Закона РФ о государственной политике коммуникационной безопасности*. Речь идёт о: стратегии в сфере коммуникационной безопасности; о понятиях, целях, принципах, структуре, содержании, институтах (правилах), технологиях.

Политика коммуникационной безопасности – *это позиция и деятельность государства, общества, каждого гражданина в личном качестве для содействия в обеспечении устойчивого развития человека, общества и государства; повышении качества жизни каждого человека; уважительного диалога и приемлемых компромиссов; защищённость национальных целей, идеалов, ценностей, интересов.*

Теперь о проекте Закона Российской Федерации.

Стратегия 1. Политика коммуникационной безопасности ориентирована на содействие культуре мира и безопасности, культуре патриотизма и диалога между людьми, гражданами и властью.

2. Предлагаемый проект закона (стратегии, концепции) призван содействовать формированию достойного уровня и понимания национальной, российской, мировой культуры; честности, совестливости, сострадания, добросовестности и порядочности каждого человека; единению свободы и ответственности, прав и обязанностей.

3. Государственная политика в коммуникационной сфере может оформить эффективный культурный гуманитарный кластер смыслов обеспечения Значения, Понимания, Внимания, Достоинства, Сотрудничества и Солидарности каждого человека, семьи, народа через координацию, согласование смыслов, мотивов, механизмов в уже принятых и принимаемых законов о государственной политике в сферах: безопасности (2009–2010); развития правовой грамотности и правосознания граждан (2011); образования; культуры (2012–2013); политической дея-

тельности и видах безопасности (2011–2012); предотвращения преступности, терроризма и коррупции (2006–2012); общественной безопасности (2013).

Цели, объекты и субъекты 4. Цель государственной политики коммуникационной безопасности – содействие обеспечению права каждого человека на достойную жизнь; содействие каждому человеку в понимании и осуществлении личных обязанностей в сохранении и улучшении культуры жизни, культуры общения и среды, справедливости, правды и уважения действующих законов, норм и традиций.

5. Объектом политики коммуникационной безопасности являются: каждый человек, каждая семья, каждый народ; общество и государство; образ жизни, культура, историческое сознание, все религиозные конфессии; мечта каждого человека, его идеалы, ценности, мифы, внутренний мир личности.

6. Субъектами политики коммуникационной безопасности являются: граждане, их объединения и организации; народы России; общество и государство; учёные в личном качестве, их объединения; специалисты самой сферы коммуникаций, их объединения; специалисты средств массовой информации и средств массовых коммуникаций, их объединения; представители политических партий, объединений, клубов и их объединения; представители религиозных конфессий и их объединения; государственные служащие всех уровней и их объединения.

Факторы, объединяющие состояние и динамику коммуникационной безопасности 7. Личный пример Позиции и Поступка родителей детей; персонажей мифов, сказок, игровых сюжетов в Интернете, в средствах массовой информации, в средствах массовых коммуникаций.

8. Предъявление и понятное объяснение фактора свободы и ответственности за поступки каждого человека.

9. Предъявление фактора прав человека и его обязанностей перед собой, Другим; перед прошлым, настоящим и будущим.

10. Контекст События; его соответствие идеалам, ценностям, интересам субъекта и объекта политики коммуникационной безопасности. Честность, Сострадание, Ответственность, Порядочность интерпретации (субъекта интерпретации) События перед объектом интерпретации.

11. *Контекст События как влияние регионального аспекта* на политику коммуникационной безопасности в России.

Во-первых, необходимо отметить позитивное, в основном, влияние содержания и структуры факторов, актуальных для сферы коммуникационной безопасности, из стран СНГ: Белоруссии, Казахстана, Украины, Узбекистана и всех других стран.

Во-вторых, важно отметить позитивное, в основном, влияние факторов для сферы коммуникационной безопасности из стран Азии и Латинской Америки: Китая, Индии, Вьетнама, Бразилии, Аргентины, Венесуэлы; из стран Европы – Германии, Финляндии, Сербии.

В-третьих, необходимо отметить негативное влияние региональных факторов на содержание, структуру, объективность и понятность Событий, которые производятся и поддерживаются едва ли с хорошими намерениями многими странами, членами НАТО, из Европы, из США, из Канады, из ряда стран Азии и Африки.

12. *Среда обеспечения политики коммуникационной безопасности РФ как глобальный фактор влияния* на всю коммуникационную сферу России требует действительно гуманитарного манёвра, прорыва: здесь есть и позитивные возможности и новые трудности, обусловленные самим характером коммуникационного в XXI веке. Речь идёт о сетевых, облачных (Web 3.0) возможностях влияния на содержание, структуру коммуникаций; на скорость и масштаб продвижения сообщения (текст, цвет, эмоции, психологические технологии, лингвистические новации); на оперативность, опережение, Интерпретацию События как внутреннего для России, так и внешнего для России.

**Принципы обеспечения
политики коммуникаци-
онной безопасности**

13. Для проекта закона (стратегии, концепции) о российской политике коммуникационной безопасности можно отметить совокупность таких принципов:

- не западный гуманистический гуманизм XXI века;
- независимость Суда и безусловное равенство всех граждан перед Законом;
- культура патриотизма;
- демократизм как культура жизни, как культура Мира и Безопасности Каждого Человека; как справедливость и счастье для Всех.

14. Достижение гласности как правда и честность, порядочность в единении свободы и ответственности каждого человека.

15. Значение и Значимость каждого человека, содействие ему в Понимании событий и сообщений, Востребованность совестливости и честности.

16. Доступность достоверной информации о соблюдении (несоблюдении) прав человека и осуществлении (неосуществлении) им же обязанностей, обусловленных его правами и свободами.

**Меры и механизмы
государственной полити-
ки, ориентированные на
обеспечение коммуни-
кационной безопасности**

17. Создание государством правовой базы для совместного действия всех правовых органов в сфере коммуникационной безопасности.

18. Обеспечение доступности для всех граждан сведений об обоснованности принятия ключевых решений всеми звеньями власти России по важнейшим вопросам мира и безопасности, по вопросам персональной ответственности каждого гражданина за свои действия (недействия) в соответствии со своими обязанностями, долгом, компетенцией, ответственностью.

* * *

Интересный тезис по поводу Послания Президента России В.В. Путина в 2012 году предложил читателям журнала «Однако» его главный редактор Михаил Леонтьев. «Путинское Послание можно назвать если не идеологическим, – пояснил он, – то во всяком случае **предидеологическим**, то есть содержащим в себе явный вектор и ясные рамки, отделяющие его от других известных у нас и в мире идеологических концептов»¹. (Выделено мною. – Л.С.).

Для автора предложенной статьи этот тезис М. Леонтьева – мостик к одному из завершающих его суждений в статье с названием: **«Меморандум Путина: время пошло»**.

По ходу моего исследования можно предположить, что действительно время уже идёт к необходимости действовать для создания стратегии государственной российской политики в сфере коммуникационной безопасности. В подтверждение такой позиции предлагаю размышления Михаила Леонтьева. «Что является общепринятой претензией к замечательным текстам нашего президента, – отмечает М. Леонтьев, – это некоторый дефицит обязывающей конкретики и, самое главное, недостаточная наглядность воплощения всего этого в жизнь (конечно же, речь не идет о многочисленных конкретных пунктах и предложениях, имеющих все-таки, как правило, весьма второстепенный, прикладной характер). **Особенность нынешнего Послания в том, что оно императивно: с самого начала практически констатируется необходимость реализации всего нижеизложенного для сохранения страны как исторического субъекта. По сути, это ультиматум Путина, причем ультиматум самому себе. Этим не шутят. Да и шутить с нами, собственно, никто и не собирается»**². (Выделено мною. – Л.С.).

Здесь **«предстратегия, предконцепция»** политики коммуникационной безопасности.

¹ Леонтьев М. Меморандум Путина: время пошло // Однако, 2012, № 38, 17 декабря. С. 9.

² Там же.

**ПЕРВОЕ ЗВЕНО В СТРУКТУРЕ ОСНОВ ПОЛИТИКИ
КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – КАК ИНСТИТУТ,
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА**

В настоящее время практически для каждого человека, для каждой семьи в России, во многих других странах проблемы взаимодействия с государством, с властью становятся всё более важными и конкретными.

Исходная причина – для 2008–2014 годов, во-первых, отчётливо обозначилась возможность и потребность в существенном улучшении качества жизни: медицина, образование, отдых, надёжность законности и безопасности, благополучия и устойчивого обеспечения достоинства каждого человека.

В то же время, во-вторых, источниками всё возрастающей обеспокоенности для всех людей стали реальные угрозы жизни для всех стран, народов и всей цивилизации: обозначилась возможность развязывания ядерной войны XXI века; резко ускорились негативные изменения климата; повсеместно обострилась проблема, связанная с недостатком продовольствия и его неприемлемым удорожанием.

Для поиска и решения двух отмеченных причин, а их в действительности больше, всё более значительной становится роль государства, роль самого человека в личном качестве, роль конструктивных и созидательных взаимодействий между человеком и властью.

Таким образом, для всех звеньев общественной науки, особенно для политологии в качестве важнейшей научной проблемы обозначилось изучение взаимодействия конкретного государства (например, России) с альянсами (например, ШОС или НАТО, ЕС), с глобальными структурами (ООН, ВТО и т. д.). Фактически речь идёт о политическом аспекте взаимообусловленности отдельного, особенного и общего. Но эта обусловленность сегодня так важна для каждого человека: ведь только в их согласованной и ориентированной на достоинство, безопасность и благополучие каждого человека деятельности может быть найден путь минимизации очень опасных угроз¹.

Поэтому, смысл гипотезы автора статьи в том, что ключевым звеном в сохранении и упрочении жизни становится государство, которое в условиях глобализации, при всех имеющихся недостатках, может «выстроить» новые свойства, технологии, механизмы для блага человека, общества, других государств и всей цивилизации.

Основные признаки *государства*: определённая территория с чётко фиксированной *государственной границей*; институт гражданства, определяющий постоянное население данного государства; специальный аппарат, состоящий из особых органов и учреждений, осуществляющих властные функции; право – система общеобязательных норм поведения, законов, по которым строится жизнь общества; организационно оформленные силовые и пенитенциарные структуры; собственная финансово-банковская система; своя символика и др. Государство – ядро политической организации общества, которое регулирует отношения между классами, нациями и социальными группами и выражает их интересы на международной арене; являясь, как правило, орудием воли господствующего класса или какой-либо иной социальной группы. Государство в то же время берёт на себя решение общих вопросов по обеспечению существования общества как целостной социальной системы.

¹ Медведев Д.А. Главные задачи развития страны. Россия 2020 // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: 2008; Сохранить эффективное государство в существующих границах / С руководителем администрации президента России Дмитрием Медведевым беседует главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев // Эксперт. 2005. № 13; Мирустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007; Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. М.: 2007; Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: 2006; Най Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: 2006.

Государство, являясь результатом длительного исторического развития, стало неотъемлемым элементом функционирования не только отдельного общества, но и достоянием современной цивилизации. В ходе своего развития человечество выработало различные формы государственного устройства – конфедерацию, федерацию, унитарную; государственного правления – монархию (абсолютную, конституционную и др.), республику (президентскую, парламентскую и др.); политические режимы – демократию, диктатуру, авторитаризм, тоталитаризм.

Форма и социально-политическое содержание деятельности государства находят своё выражение в его функциях. Наряду с функциями управления и руководства социальной, экономической, политической и духовной сферами жизни общества, государство занимается также такими специфическими вопросами, как обеспечение общественного порядка, национальной безопасности, защита суверенитета и территориальной целостности страны. С этой целью государство с помощью специально созданных органов, учреждений и организаций вырабатывает и осуществляет политику в области обеспечения безопасности и обороны страны. Её направленность определяется военно-политической концепцией государства, которая концентрированно выражена в его военной доктрине и базируется на военной идеологии.

В целях безопасности и обороны государство создаёт *военную организацию*. В России обязанности государства, его органов и должностных лиц по обеспечению обороны и безопасности страны определяются Конституцией, а также Законами «О безопасности», «Об обороне», «О мобилизации и мобилизационной подготовке в Российской Федерации» и др.¹

Реальные практики внутренней и внешней политики государств на рубеже XX и XXI веков достаточно чётко выявили для общественных наук необходимость новых подходов к объяснению сложившихся представлений о феномене «государство».

В числе главных «раздражителей» для методологии и теории политики современного государства отметим следующие: разрушение представлений о незыблемости национального суверенитета, целостности территории и неприкосновенности границ; полное доминирование в качестве Субъекта государственности – исключительно правительственных организаций; чёткое ориентирование на строгий детерминизм, системность, определённость; возможность полного управления процессами уничтожения терроризма, преступности и коррупции. *Новым требованием ко всем структурам государственности стало стремительное нарастание во всех государствах требования сотен миллионов рядовых граждан: немедленно и здесь обеспечить каждому человеку, каждой семье достойный уровень жизни, надёжную безопасность и приемлемое качество справедливости; культуру коммуникации, коммуникационного.*

Общим интегратором и катализатором всех процессов, влияющих на трансформацию всех государств стал фактор глобализации.

Содержанием глобализации выступает перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой хозяйственной, социальной и природно-биологической среды обитания человека. В более конкретном понимании она сводится к трансформации национальных экономических и хозяйственных структур в целостную и единую мировую геополитическую, геокультурную и геоэкономическую реальность.

¹ Отчёт о мировом развитии. 1997. Государство в меняющемся мире. М.: 1997; *Василенко И.А.* Государство // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. I. М.: 1999. С. 281–282; *Капто А.С.* Энциклопедия Мира: 2-е изд., уточн. и доп. М.: 2005; Безопасность Евразии – 2004: энциклопедический словарь-ежегодник. М.: 2006; Мировое устройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М.: 2007; *Делягин М.* Сначала Россия! Формирование нового государства – главная задача патриотов Отечества // Наше время. 2007. №№ 4–8; *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М.: 2008.

Конкретными сферами глобализации являются также производственные и научные технологии, нравственно-этические ценности, новые угрозы международной безопасности и стабильности (международный терроризм, транснациональная преступность, глобальное распространение оружия массового уничтожения) и др. Процессы глобализации на рубеже XX–XXI вв. обусловлены рядом объективных факторов, в числе которых новые качественные тенденции в развитии экономики (включая механизмы накопления капитала и прибыли); возросшая ресурсная и технологическая взаимозависимость мира и интернационализация всех сторон жизни мирового сообщества; развитие компьютерных технологий, ознаменовавших собой вступление человечества в новую техническую революцию; создание единого информационного пространства; усилившееся взаимодействие материальных и духовных культур; рост транснациональных структур как факторов глобального социального процесса и частичное «разгосударствление» международных отношений.

Глобализация имеет как позитивные, так и негативные последствия. В числе первых: ускорение внедрения и распространения технических новшеств и современных методов управления, новые экономические возможности как для отдельных лиц, так и для государств, возможность обеспечения более высокого уровня жизни и др. Негативные последствия глобализации включают: порождаемое ею неравенство, когда получаемые выгоды и возможности концентрируются в относительно небольшом числе стран и неравномерно распространяются в самих этих странах; связанное с этим нарастание уязвимости и маргинализации многих государств и народов; несоответствие между успешными усилиями по расширению глобальных рынков и недостаточной активностью по поддержке столь же важных соц. целей; возросшая уязвимость международного сообщества от воздействия непредсказуемых факторов (таких, например, как азиатский финансовый кризис 1997–1998); стандартизация, ведущая к нивелировке духовного многообразия мирового сообщества; возросшие угрозы целостности культур и суверенитету государств.

Важнейшим эффективным, по мнению автора статьи, конструктивным фактором для оптимального учёта влияния глобализации в позитивном развитии государства стали институты, институциональный подход, процесс институционализации.

Это позволило в методологии и теории общественных наук оформить новое направление – государство как институт, институт государства; институт культуры коммуникаций, коммуникационного.

Наиболее убедительно и конкретно новую ситуацию для общественных наук, для политологии прежде всего, объяснил в своём докладе на Саммите 2000 Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «...в то время как послевоенная многосторонняя система создала условия для формирования и упрочения нового процесса глобализации, эта глобализация, в свою очередь, постепенно привела к тому, что конструкция этой системы устарела. Иными словами, наши послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире *глобальном*. Эффективное реагирование на этот сдвиг – основная *институциональная* задача, стоящая сегодня перед мировыми лидерами»¹. (Выделено автором статьи. – Л.С.)

В российской политологии проблематика *институциональной политики* наиболее обоснованно, оригинально и перспективно исследуется в работах известного политолога и социолога А.И. Сухарева. Поэтому будет оправдано привести именно его авторское определение главного понятия.

«Институт – структурированная сфера коллективного, солидарного целедостижения, – утверждает он. – Иными словами, институт – это "совместная стратегия", структурирующая взаимодействие между людьми в различных сферах их де-

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 210–211.

*тельности в форме зафиксированных (в писанном или обычном – источник, обы-
чай и традиции, праве) соглашений, норм, договорных отношений»¹.*

Перспективный потенциал рассмотрения «института государства» как феномена «государство как институт» для XXI века раскрывают суждения Нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта: «институты – это "правила игры" в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»², это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»³, «формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения действенности ограничений»⁴, или же «придуманные людьми ограничения, которые структурируют взаимодействия людей. Их составляют формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (социальные нормы, условности и принятые для себя кодексы поведения) и механизмы принуждения к их исполнению. В совокупности они определяют структуру стимулов в обществах и их экономиках»⁵.

Важное уточнение в содержание понятия «институт государства» (политология – А.И. Сухарев, экономика – Д. Норт) сделал, в социологическом смысле, В.Н. Кузнецов. Он обосновал понятие «институциональная социология» как науку о нормах и правилах согласования целей, идеалов, ценностей, интересов человека, народов, государств; о допустимых средствах, механизмах, технологиях формального и неформального взаимодействия между субъектами обеспечения мира и безопасности; об определении и корректировке Правил Игры при составлении Повестки Дня мировому сообществу в контексте согласованной модели мироустройства XXI века; об итогах выполнения Правил Игры и Повестки Дня и содержании вносимых корректив; об ответственности за риски и ошибки в ходе подготовки и осуществления необходимых компромиссов»⁶.

Для уточнения ситуации с состоянием и функционированием института государства необходимо выделить реальную иерархию в главной группе факторов, устойчиво и конкретно влияющих на основы существования государства.

Во-первых, для весны 2014 года отметим повсеместное влияние глобальных проблем человечества: резкое изменение климата; нарастание угрозы нехватки продовольствия; опасности международного терроризма, организованной преступности и транснациональной коррупции.

Во-вторых, возрастает опасность сползания мира к ядерной катастрофе (войне) под влиянием как глобальных проблем человечества, так и стремлением отдельных государств (их альянсов) к радикальному переделу мира.

В-третьих, всё более значимым становится фактор сохранения государственного суверенитета каждого государства и неприкосновенности его границ.

Смысл «суверенитета государства» убедительно раскрывает для современной России XXI века известный учёный юрист Ю.А. Тихомиров в ходе заочной

¹ Сухарев А.И. Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М.: 2004. С. 173.

² Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. Вып. 2. 1993. С. 73.

³ Там же.

⁴ Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики / От плана к рынку. Будущее посткоммунистических республик / Под ред. Л.И. Пияшева, Дж.А. Дорн. М.: Cataliaxy, 1993. С. 307.

⁵ North C. Epilogue: Economic Performance Through Time, in Lee J. Alston, Thrainn Eggertsson, and Douglass C. North (eds.), *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 344.

⁶ Кузнецов В.Н. Институциональная социология как наука о мироустройстве // Безопасность Евразии. 2008. № 1. С. 78.

научной дискуссии по вопросам развития демократических институтов в контексте изучения проблемы: «Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении». Он сформулировал важный тезис о сущности института государства.

«Исследование современных проблем суверенитета государств приводит к выводу о том, что государственный суверенитет рассматривается в качестве одного из признаков государства, – констатирует Ю.А. Тихомиров. – Его смысл – верховенство государственной власти внутри страны, ее самостоятельность и полноправие в жизни общества и независимость во взаимоотношениях с другими государствами¹. В свою очередь, выделяются три главных свойства суверенитета: верховенство, единство государственной власти и независимость, причем его "абсолютность" ограничена правом и международными обязательствами². Налицо суверенитет как проявление сущности государства и его суверенных прав.

Вместе с тем существует устойчивое представление о суверенитете народа и суверенитете наций либо как источниках публичной власти, либо как производных от государственного суверенитета. Это объясняется и различным объемом суверенитета, ограниченным либо добровольно, либо принудительно³.

Но вряд ли суверенитет выступает одним из признаков государства, скорее всего, в нем выражена суммарная характеристика всех признаков государства. И это вполне отражает первичность теории суверенитета народа и суверенитета наций и производность государственного суверенитета. Не случайно и концепция прав человека и гражданина имеет свои естественноисторические источники, которые служат для государства императивом.

Показательно, что и современные международные структуры делают акцент либо на объединение наций и народов, либо на обеспечение прав человека, либо на содружество государств. Таковы, например, ООН, СБСЕ, СНГ и др. Подобное переплетение планетарных императивов сохраняет свою устойчивость»⁴. (Выделено автором статьи. – Л.С.).

Таким образом, главные три фактора, отмеченные выше, реально влияют на существование всех государств. Эти же три фактора в значительной степени определяют и условия институционализации государств, логику конкретных феноменов, динамику их взаимодействий; они же определяют политику в сфере коммуникаций, коммуникационного.

Фактически уже представлен **первый институт** «суверенитета народа», «суверенитета нации», «суверенитета государства»⁵.

Вторым важным институтом, влияющим на все государства в XXI веке, на все процессы институционализации самого феномена «государство» можно назвать планетарные императивы (глобальные проблемы).

Резко обострившиеся во 2-й половине XX в., они осознаются на политическом уровне как совокупность практических задач, требующих поиска новых форм жизнедеятельности человечества, обеспечивающих устойчивое развитие мира. Глобальные проблемы имеют тройкую – природную, техногенную и социальную – основу и находят своё проявление в деградации окружающей среды, истощении

^{*} Сноски в тексте Ю.А. Тихомирова (2, 3, 4) сохранены по его оригиналу.

¹ См., например: Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: 2006. С. 57, 58.

² См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: 1998. С. 442–445.

³ См.: Скакун О.Ф. Теория государства и права: Энциклопедический курс: Учебник. Харьков: 2005. С. 75–82.

⁴ Тихомиров Ю.А. Суверенитет в условиях глобализации // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сборник статей и материалов. М.: 2007. С. 81–82.

⁵ Авакьян С.А. Точка отсчёта – народ // Суверенная демократия... С. 18–35; Лебедев В.А., Киреев В.В. Идея суверенной демократии на политическом горизонте России // Суверенная демократия... С. 36–52; Косарев А.И. Суверенная социальная демократия // Суверенная демократия... С. 100–114; Пастухова Н.Б. Глобализация и государственный суверенитет // Суверенная демократия... С. 149–173.

ресурсов жизнеобеспечения населения планеты, социальной поляризации и связанной с этим конфликтности общества. Среди огромного множества глобальных проблем в начале XXI в. особенно болезненными для всех государств как институтов являются: сохраняющаяся опасность войн и вооружённых конфликтов, которые в ядерный век могут иметь самоистребительный характер; диспропорции в демографическом развитии человечества и связанные с этим массовые неконтролируемые миграции; углубляющееся экономическое неравенство различных территорий и общностей, экономическая отсталость и крайняя нищета отдельных стран и регионов. Порождаемое *глобализацией* размывание национальной (этнической) идентичности, активизация агрессивного национализма и религиозного фанатизма; международный терроризм и организованная преступность; наркомания, СПИД и др. болезни негативно влияют на сохранение и развитие семьи, от которой зависит демография, образ жизни, культура – духовное укрепление, устойчивость института государства. Адаптация человека к изменяющейся природной и социальной среде существенно нарушается из-за таких негативных влияний глобализации: нерациональное природопользование, разрушение и загрязнение окружающей среды; неэффективность решений в международном аспекте проблем образования, здравоохранения, использования информации, освоения космоса, научно-технических достижений и др.

Решение глобальных проблем возможно на пути перехода цивилизации к устойчивому развитию и требует усиления сотрудничества, единения человечества на базе общечеловеческих ценностей.

Третий актуальнейший и новый институт в процессе институционализации российского государства в XXI веке в контексте глобализации изучается по ходу общероссийского социологического мониторинга становления гражданского общества в России исследовательским коллективом под руководством известного социолога В.К. Левашова¹.

Российские социологи назвали этот институт – *«основные обязанности государства перед обществом»*.

Можно было бы назвать такой «интегральный» институт и так: *«институт культуры коммуникаций» «институт формирования гражданской (политической, экономической, идеологической, правовой, экологической) культуры каждого человека в России XXI века»* (см. табл. 1). Особая значимость предложенной интерпретации динамики взаимодействий человека, общества и государства обусловлена важным показателем (среди других на табл. 1) – «затруднились ответить».

Суть в том, что при таком качестве (и количестве) конструктивных взаимодействий (а логика институционализации предусматривает и смысл ответственности человека, гражданина за все направления взаимодействий, представленных в левом столбике таблицы) позитивное и созидательное освоение первых двух институтов (суверенитет народа, глобальные проблемы) едва ли возможно².

Четвёртым институтом может быть определена **политика безопасности России в XXI веке** как необходимое условие благополучия человека и сохранения, развития суверенитета народа и государства. Этот аспект трансформации «института государства» будет рассмотрен в последующих разделах статьи.

Пятым институтом может быть названа новая Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века и новая не-Западная концепция мироустройства, которые существенно влияют как (по отдельности) на каждый из четырёх выше-

¹ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М.: 2006.

² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации. М.: 2007.

названных институтов, так и (в целом) на весь глобальный процесс институционализации государства.

Таблица 1

**Мнение респондентов о выполнении государством
своих основных обязанностей перед обществом
РФ, июнь 2006, N=1857, % от числа опрошенных**

Основные обязанности государства перед обществом	Выполняет	Не выполняет	Затруднились ответить
Налогообложение и взимание налогов	58	18	24
Оборона страны	48	23	29
Обеспечение мира и поддержание мирового порядка	45	19	36
Сотрудничество и укрепление связей с СНГ	40	22	38
Международное сотрудничество в решении глобальных проблем	34	14	52
Регулирование производства и распределения товаров и услуг	27	43	30
Интеграция в мировую экономику	25	14	61
Развитие науки, культуры и образования	25	54	21
Охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка	14	66	20
Охрана природы и использование ресурсов	13	66	21
Защита жизни и прав соотечественников за границей	12	44	44
Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан	7	82	11

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Приведено по: Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). М.: 2006. С. 33.

Важно отметить такую особенность процесса институционализации: обоснование пяти главных институтов позволяет конкретизировать важное свойство самого исследования.

Теперь можно и необходимо назвать имя вновь созданного феномена, нового свойства –

«институциональная среда», которая формируется из главных факторов, императивов, норм, правил, Правил Игры, уже сложившихся институтов; которая содержит в себе неопределённости; хаос; итоги выполнения и невыполнения (сознательного нарушения) норм, правил, Правил Игры; устойчивую несправедливость, нечестность, небезопасность.

С учётом вышеизложенного можно предложить интересный вариант определения государства как института, которое сформулировал известный экономист А.Н. Олейник. «**Государство** – особый случай властных отношений, – утверждает он, – возникающих на основе передачи гражданами части своих прав на контроль своей деятельности в сферах спецификации и защиты прав собственности, создания каналов обмена информацией, разработки стандартов мер и весов, создания каналов физического обмена товаров и услуг, правоохранительной деятельности и производства общественных благ. В этих, сферах государство получает право легитимного, т. е. на основе социального контракта, принуждения и насилия»¹.

**ВТОРОЕ ЗВЕНО – ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ГОСУДАРСТВОМ**

Для понимания роли и места четвёртого фактора трансформации в XXI веке института государства актуально определение *политики национальной безопасности*, предложенное известным российским политологом в сфере раз-

¹ Олейник А.Н. Теория государства // Он же: Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: 2004. С. 345.

работки феномена «политика безопасности» С.В. Картуновым¹. Он формулирует её (политику национальной безопасности) как выражение «*деятельности государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленной на защиту национальных интересов и ценностей и их приумножение*»². (Выделено автором статьи. – Л.С.).

Очень важно уточнение С.В. Картунова к своему определению. «В этом контексте "политика", – поясняет он, – понимается как результат столкновения и последующей гармонизации жизненно важных интересов личности, общества и государства (своего рода "золотое сечение" этих интересов и "результатирующая" их взаимного плодотворного конфликта, а также необходимого и достаточного компромисса). При данном понимании понятие "политика" существенно отличается от таких, например, понятий, как "управление" и "власть"»³.

Теперь необходимо привести очень важный фрагмент из размышлений С.В. Картунова о теоретических и методологических вопросах формирования политики безопасности России в XXI веке. Именно это суждение выдающегося отечественного политолога обосновывает исключительную роль четвёртого фактора.

«**Политика безопасности России (2008–2016)**, задачей которой является возрождение страны через укрепление российской государственности, – справедливо утверждает С.В. Картунов, – удержание в этот период нынешних геополитических рубежей, восстановление роли и влияния России на мировой арене в качестве великой державы, должна быть основана на **Стратегии национального развития и безопасности (50 лет)**. Ее задачей является приобретение Россией статуса страны-лидера по качеству жизни и влиянию на мировую политику. В свою очередь, стратегия национального развития и безопасности должна быть основана на **Концепции безопасности и развития России**, которая должна включать не только долгосрочные, но и "вечные" национальные интересы. Задачей последней является сохранение, воспроизводство и развитие российского суперэтнуса как носителя самобытной национальной культуры, призванной стать одним из важнейших элементов формирующейся в мире интеркультуры.

*Каждому из этапов реализации национальных интересов России соответствует своя оценка ее геополитического, геостратегического и геоэкономического положения, угроз безопасности и основных носителей этих угроз, механизма реализации национальных интересов ресурсов, которые используются в целях такой реализации. Каждому из этапов должна соответствовать и своя оценка основных понятий и категорий безопасности, главных направлений политики безопасности»*⁴. (Курсив автора статьи. – Л.С.).

Угрозы для мира и безопасности в XXI веке включают не только международные войны и конфликты, но и насилие против гражданского населения, против сознания человека, его совести, его порядочности; извращение и негативная трансформация коммуникаций, коммуникационного. В их число входят также нищета, смертоносные инфекционные заболевания и деградация окружающей среды, поскольку эти явления имеют не менее катастрофические последствия. Все эти угрозы могут вести к гибели людей или уменьшению их шансов на выживание на значительных пространствах.

¹ Картунов С.В. Становление политики безопасности. М.: 2003; Картунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: учеб. пособие. М.: 2007.

² Картунов С.В. Политика безопасности в контексте стратегии развития // *Его же*: Национальная и международная безопасность... С. 181.

³ Там же.

⁴ Картунов С.В. Теоретические и методологические проблемы формирования политики безопасности России в XXI в. // *Его же*: Национальная и международная безопасность... С. 23–24.

Именно исходя из этой взаимосвязанности угроз, мы должны сформировать новый консенсус по вопросам политики безопасности, первый принцип которого должен заключаться в том, что все имеют право на избавление от страха, а то, что угрожает одному, угрожает всем. Как только мы поймём это, у нас не будет иного выбора, кроме как браться за устранение всего комплекса угроз.

Мы должны реагировать на ВИЧ/СПИД так же энергично, как на терроризм, а на нищету – как на распространение оружия массового уничтожения.

Мы должны с таким же упорством бороться с угрозой, создаваемой стрелковым оружием и лёгкими вооружениями, с каким мы боремся против угрозы, создаваемой оружием массового уничтожения. Это требует выработки рамок превентивной деятельности, охватывающей все эти угрозы во всех аспектах, в которых они с наибольшей силой проявляются в различных регионах России.

Предотвращение в области безопасности является необходимой основой политики коллективной безопасности. Оно носит многофункциональный характер, способствует борьбе с нищетой, инфекционными болезнями и экологической деградацией, которые уносят миллионы жизней и угрожают безопасности человека. Оно **играет жизненно важную роль в усилиях, призванных помочь государству предотвратить или обратить вспять процесс ослабления его потенциала, что имеет решающее значение для устранения угроз практически любого рода. Оно также является частью долгосрочной стратегии предотвращения угроз национальным интересам, развала страны и устранения условий, в которых процветают терроризм и организованная преступность, коррупция.**

Национальная безопасность – ключевое, базовое понятие, характеризующее защищённость всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, их целей, идеалов, ценностей, интересов от внутренних и внешних угроз, способность противодействовать, своевременно адаптироваться к новым условиям развития, как в сфере природы, окружающей среды, так и к тенденциям и закономерностям мирового и национального развития.

Безопасность государства зависит от интеллектуального потенциала, умений и воли народа; от безопасности коммуникаций. *Необходимый этап: определённость исходных смыслов – какие условия будут созданы для безопасности каждого конкретного человека и семьи, как представлен образ России в перспективе, куда идёт страна, какие идеалы и ценности нужно защищать.*

Выделенные исходные задачи создания современной политики безопасности предполагают единство политики национальной безопасности с идеологией и экономикой национальной безопасности, новым мировоззрением и новой этикой. **Сегодня мы понимаем национальную безопасность Российской Федерации как готовность и способность российского государства содействовать каждому отдельному человеку в достижении достойного качества жизни и надёжной безопасности, осознании ответственности за сбережение российских народов, за сохранение и укрепление единства и целостности российского государства.**

Это реальная позиция гражданина, общества и государства. Стратегическое видение безопасности России опирается на создание активных и созидующих механизмов, обеспечивающих позитивную и устойчивую взаимосвязь национальной, региональной (европейской и азиатской), международной безопасности и глобальной безопасности.

Мир в XXI веке динамичен с точки зрения осуществления новых ожидаемых положительных результатов, как в настоящем, так и в ближайшей перспективе для нас всех. Но реальность наполнена неопределённостями, рисками. Нам важно излечиться от мыслей, что новые опасности и угрозы затронут только других людей. Мы все несём ответственность за безопасность друг друга. Мы должны вместе сегодня и всегда прилагать непростые усилия для создания более безопасного мира. Мы защищаем собственную безопасность, укрепляя безопасность других.

Перед людьми в России, перед её народами, перед российским обществом, перед российским государством как главная проблема достижения безопасности обозначился главный и актуальный **Интеллектуальный Вызов**: в сжатые сроки обеспечить всем людям, всем семьям достойный, качественный уровень жизни и безопасность.

Консолидированная общенациональная стратегическая основа – общенациональная цель: в единстве действий государства и самого человека создать реальные условия для свободного демократического развития, для достижения достойного качества жизни и надёжной безопасности каждому человеку; обеспечить позитивную динамику демографических показателей населения страны и укрепить её единство и целостность.

Первой стратегической задачей становится задача экономическая и, прежде всего, интенсивная работа по восстановлению основополагающей справедливости. Здесь первый шаг – незамедлительное создание достойного уровня оплаты труда. Темп продвижения к экстремному снижению несправедливого разрыва в доходах между низшими и высшими десятиями процентами населения должен быть публично обсуждён и представлен на уровне первого приоритета социальной, демографической и духовной безопасности; главного императива политики безопасности России.

Это выводит на *вторую стратегическую задачу народа и государства* – консолидацию расслоившегося российского общества для эффективных усилий, способных обеспечить суверенитет и целостность Российской Федерации. Здесь стратегическим геокультурным ресурсом становится формирующаяся российская объединяющая патриотическая идеология, которая может функционировать как идеология национальной безопасности: только свободный человек может защищать свободу и независимость Родины. Прежде всего, здесь решается проблема органичного соединения исторической памяти, патриотизма, реальной демократии и государственничества как базовых ценностей для всех поколений страны. Идеология консолидации в оптимальные сроки содействует постоянному и уважительному диалогу старших поколений с молодёжью о смысле жизни, о содержании российской мечты.

Третьей стратегической задачей может стать ключевой вопрос – строительство всеобъемлющей и прозрачной законности, понимаемой как исключительное равенство каждого гражданина перед законом. В значительной степени позитивная динамика наркотизации детей и населения страны, распространение СПИД'а, теневизация мелкого и среднего бизнеса, коррупционность, преступность и терроризм стимулируются, прежде всего, государством, обществом и всеми нами из-за равнодушия, неумения им противостоять, низкого доверия государственным институтам и друг другу.

Новое миропонимание, новое мировоззрение поэтому и становится ключевым фактором идеологии национальной безопасности: нам самим важно стать на реальные рельсы демократического развития и свободы, верить в способность победить преступность и коррупцию, важно научиться сотрудничать, быть солидарными и нести личную ответственность за законность, за справедливость.

Четвёртой стратегической задачей может быть определён аспект государственного управления интеллектуальной безопасностью, *коммуникационной безопасностью*. В основе – стратегическая общенациональная цель. В ходе её осуществления впервые формируется механизм осознания гражданами, бизнесом и государством общенациональных целей и задач. Тем самым **создаётся «мозг», «интеллектуальный центр» для безопасного развития, для повышения конкурентоспособности человека, общества, государства.**

Стратегическим ресурсом и ориентиром создания и функционирования новой идеологии безопасности России уже становится формирование воли и

энергии её граждан, особенно молодёжи. Они дорожат идеалами ответственности за сохранение и обогащение российских ценностей: свободы и демократии, справедливости, солидарности, сострадания, честности, патриотизма, доверия, коллективизма.

Для них важнейшая ценность – это Россия, образ жизни её народов, свобода выбора, разнообразие культур.

Всё более значительной для большинства россиян становится ценность свободы и демократии. Их роль воспринимается как обязательное условие достижения качественного управления политикой национальной безопасности, как эффективный фактор содействия конкурентоспособности российского общества и позитивной динамике благосостояния граждан.

Стратегической геополитической ценностью, категорическим позитивным императивом для политики безопасности России в XXI веке является сохранение полноты суверенитета и целостности российского государства.

Стратегической геоэкономической ценностью, сверхзадачей для экономики национальной безопасности страны в ближайшие пятнадцать лет уже стала модернизация страны.

Стратегической геокультурной ценностью для идеологии политики национальной безопасности Российской Федерации должно стать строительство эффективного гражданского общества.

Мировоззренческим основанием единения геополитического, геоэкономического и геокультурного подходов для создания у большинства граждан осознания нового видения позитивных перемен в своей жизни, в жизни всей страны является реальность целостного рассмотрения России как единого субъекта надёжного обеспечения локальной безопасности каждого конкретного человека, а также творческого участия страны в создании новой региональной (евразийской, азиатской, европейской) и глобальной безопасности.

Выявление приоритетов развития и создание программ их реализации должны стать основой для разработки научно обоснованных ориентиров текущего и перспективного развития основных сфер бытия общества, исходя из целевой функции государственного управления – наращивания жизнестойкости страны, обеспечивающей её полную и всестороннюю безопасность.

Приоритеты – это безусловные интересы России, общества, региона, территории, организации, личности, с точки зрения национальной безопасности все они равнозначны.

Важнейшие интересы современного общества связаны как с проблемой свободного выбора и нормализацией условий его существования, так и с необходимостью в перспективе укрепления геополитического, геоэкономического и геокультурного положения страны на путях постиндустриальной модели цивилизационного развития.

Демократическое видение перспективы позволяет приступить к отбору и формулировке интересов общества, реализация которых способствует развитию страны в социально привлекательном и экономически эффективном направлении; к постижению смысла деятельности, смысла жизни.

Тесная взаимосвязь в обеспечении безопасности культурного и идеологического, социального и экономического означает, что сама безопасность в обществе представляет собой объективно необходимое явление и для реализации смысла жизни.

Сочетание исторического наследия российского народа с новыми условиями современности порождает в российском обществе потенциальную возможность как восприятия стратегии возрождения России, так и практической работы по её осуществлению.

Именно путь гуманитарной эволюции органически соединяет прошлое России, её настоящее и будущее, обеспечивая животворность и человеколюбие в

сложной связи времён. Важнейшим условием её осуществления и плодотворности результатов является стремление и осуществление экономического, социального, политического и идеологического компромисса по поводу содержания политики и идеологии национальной безопасности. Такой стратегический компромисс может стать смысловым ядром и концептуальной платформой новой российской мечты о достойной жизни и безопасности каждого человека и каждой семьи в Российской Федерации.

Мы убеждены – у России есть собственный стратегический горизонт. Мы готовы и способны участвовать в реализации перспективы динамичного малоинвестиционного производства, основывающегося на интеллектуальном потенциале общества: можно и нужно применить эффективные рычаги, чтобы переориентировать человеческий капитал с деструктивного направления, криминальной и околокриминальной сферы, на созидающую, производительную деятельность.

Именно гуманитарная эволюция способна одухотворить и обеспечить развитие инновационного производства на базе высоких гуманитарных технологий, высокого качества и дисциплины труда, сохранившихся на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Творческий потенциал россиян как глубинная специфика российского космоса способен осуществить исторический шанс на прорыв в принципиально новую инновационную среду на путях здорового рыночного начала и свободы предпринимательства.

Созидающее, заинтересованное участие самого человека – исключительно важно.

Перед всеми нами, перед Россией оформилась **первая, главная стратегическая опасность** как вызов и угроза. Требуется ответ на вопрос, сумеет ли Россия обеспечить достойную историческую перспективу для своего развития в русле мировых закономерностей развития, осуществить переход к информационно-индустриальному обществу, как первая фаза (шаг) стратегического манёвра и тем самым существенно повысить конкурентоспособность страны, качество жизни граждан и гарантировать высокий уровень безопасности. В случае невозможности достижения этих стратегических целей неизбежными становятся другие траектории развития с вытекающими из этого опасными последствиями.

Острота этой стратегической опасности обусловлена: а) всё усиливающейся угрозой реванша в его наиболее опасной, «тихой» форме, свёртывания рыночных реформ, отката к системе тотального контроля, национализации, разгрому рыночных институтов. Ничего не значащие лозунги и призывы к любви, смирению, благодати только усыпляют политическую бдительность россиян. Мы входим в кризис без ощущения кризиса – самый наихудший вид кризиса, что дорого обойдётся народу: завоевания свободы необратимы, и попытка отнять их – прямой путь к гражданской войне; б) лимитом времени для подготовки и проверки упреждающих мер по предотвращению такого уже осознанного многими гражданами страны опасного вызова.

Вторая стратегическая опасность для каждого человека, для всего российского общества связана с новыми негативными возможностями воздействия на поведение людей. Формирование человеческого сознания становится одной из характеристик информационно-индустриального общества и процесса глобализации. В сочетании с мощными радио- и телевизионными сетями появляется и реализуется возможность воздействия на массовое сознание. Подключение персональных компьютеров к серверам и внедрение технологий, позволяющих использовать мощность всей сети, позволяет осуществлять информационно-психологическое управление массами людей путём предоставления информации, нередко предварительно обработанной на основе современных политехнологий.

Огромное значение приобретает демонстрационный эффект, с помощью которого осуществляется воздействие на население путём показа образа жизни в других странах. Высокие информационные технологии нередко используются для подготовки социально-экономических и политических перемен. Такое управление базируется на информационных моделях, позволяющих прогнозировать поведение людей, получающих соответствующую информацию. При этом управляющая система и её намерения остаются скрытыми от массового сознания. Такие возможности, такая антироссийская стратегия являются основой для информационных войн, обеспечивающих нероссийским правительственным органам, спецслужбам и военным возможность создания желательного общественного мнения и контроля поведения людей.

Наиболее опасной, **третьей стратегической реальностью, угрозой** является оформившаяся возможность распада Российской Федерации: первые две стратегические угрозы активно способствуют развалу страны уже в контексте их синергетического сложения.

Своевременность и эффективность участия российских граждан, общества и государства в предотвращении опасности распада России, российского государства обусловлена уже складывающейся стратегией активной, динамичной, наступательной деятельности российских народов и государства в эффективном осуществлении гуманитарного стратегического манёвра. Речь идёт об интеллектуальном, гуманитарном прорыве к достойной и безопасной жизни для всех, для каждого человека.

Наиболее надёжным и динамичным фактором предотвращения на самой ранней стадии является наличие обоснованного и привлекательного образа страны и стратегической цели, соединяющей стремление человека к счастью и смысла жизни как служения Родине. Такое основание обладает мощным потенциалом блокировать опасности на стадии их возникновения.

Наличие убедительной и понятной национальной политики безопасности, идеологии консолидации связывает будущий образ страны, стратегическую общенациональную цель, социальный идеал и базовые ценности. На этом фундаменте может сложиться личная позиция человека, основанная на динамичном менталитете и осознанной самоидентификации: то есть у человека выстроилось новое современное мировоззрение и система личных убеждений.

Именно наличие конструктивной гуманитарной позиции, оформленной до начала периода воздействия обозначенных выше опасностей, – самое динамичное и активное противодействие будущим вызовам, угрозам и опасностям.

Превентивные действия могут существенно ослабить разрушительный потенциал опасностей, вывести дискуссию с носителями угроз на заранее подготовленную публичную площадку.

Активное, наступательное реагирование с обоснованной верой в победу над действующими опасностями подготовлено первыми двумя этапами противодействия: предотвращением и превентивностью.

Главная особенность эффективности реагирования на опасность: если у человека, у семьи, у народа, у общества отсутствует позиция, отсутствует смысл жизни, отсутствует дорогой им образ Отечества; отсутствуют стратегические цели, идеалы и ценности; отсутствует скрепляющая и активизирующая их объединяющая российская идеология – то тогда усилия противников России и её народов по искажению образа жизни и культуры, по развалу общества, по разрушению государства могут стать успешными, а для нас печальными.

Если у человека выстроено мировоззрение; осмыслен позитивный образ прошлого, настоящего и будущего Родины; есть свой динамичный менталитет и воспринятая общенациональная цель и объединяющая патриотическая идеология – то непосредственные интеллектуальные, нормативные, организацион-

ные, информационные действия против носителей опасностей могут стать для нас всех успешными, а для противников России проигранными.

Таким образом, превентивность на основе идеологических, нравственно-духовных, морально-этических, правовых действий в противодействии главной опасности: разрушения российского общества и государства – реально определяется как новое активное, наступательное действие в структуре политики национальной безопасности России.

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО – СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ Российского Геокультурного Созидающего Проекта XXI века

Методологическим, теоретическим ядром становления динамичной и привлекательной для миллиардов людей, для всех народов мира культуры коммуникационных взаимодействий уже стал Проект научной школы Кузнецова «Возрождение России», который впервые вводит в практики и рефлексии повседневности потребность в целостности, органичного единства всей сферы глобальной безопасности¹.

Важно отметить также особенности гуманитарных инноваций в контексте становления Российского Геокультурного Созидающего Проекта XXI века.

Народы мира, конкретных граждан привлекают такие особенности Проекта:

–ключевым фактором обозначена Общенациональная Цель, которая ориентирована на каждого человека. Однако она не может быть даже частично осуществлена без конкретного созидающего участия самого человека.

Здесь важно отметить, что на этапе возрождения России (2012–2020 годы) смысл и содержание Общенациональной идеи практически полностью совпадают с Общенациональной Целью;

–практически впервые в истории российских общественных наук «выстраивается» инновационный гуманитарный Проект сохранения и развития России на собственной концептуальной (Московско-Шанхайская модель миропорядка) и методологической базе;

–в качестве технологии, методики, механизмов соединения усилий отдельных людей для блага Отечества, для соединения усилий конкретных людей, партий, конфессий, структур власти, выступает российский гуманитарный стратегический компромисс по общезначимому для всех основанию – обеспечение безопасности каждого человека, каждой семьи, общества и государства;

–в рамках геокультурного подхода к изучению идеологий были привлечены возможности достижения идеологического компромисса между всеми идеологиями, которые представлены в России (кроме идеологий коррупционности, терроризма и организованной преступности). Позитивный результат, полученный по итогам исследований позволил В.Н. Кузнецову представить народам России формирующуюся российскую объединяющую государственническую, патриотическую идеологию. Можно утверждать, на основе итогов исследований, что без такой народной идеологии практически невозможно позитивно соединить усилия отдельных людей, институтов, общества и власти в работе по достижению Общенациональной Цели и Общенациональной Идеи;

–именно под влиянием формирующейся национальной идеологии может быть востребован и осуществлён стратегический общероссийский, евразийский, глобальный опережающий и предотвращающий компромисс, катализатором и творцом которого конкретно может выступить культура идеологического компромисса, культура гуманитарных взаимодействий, культура коммуникационной безопасности;

–одной из самых трудоёмких работ конкретного человека, российского общества в российском Проекте является «создание», «усвоение» и «развитие» нового мировоззрения XXI века. Исследования становления новой Московско-

¹ Кузнецов В.Н. Геокультурный Проект развития России XXI. Научный доклад. М., 2012.

Шанхайской модели миропорядка, геокультурной парадигмы, Общенациональной Цели и национальной идеологии показали, что они могут быть осуществлены только при наличии современного мировоззрения.

Таким образом, можно предположить, что Российский Геокультурный Созидательный Проект XXI века – **Возрождение России** реально становится интеллектуальным, информационным и организующим ядром для единения народов России, для единения народов мира на основе стратегической партнёрской культуры компромисса.

Смысл, суть, содержание анализа глобальных перемен в 2012–2020 годах как в объекте и субъекте безопасности, в среде безопасности – именно всемирная структурная революция: каждый человек в мире заявляет свои права, свою ответственность по поводу безопасности. Это гуманитарная созидательная революция всей структуры обеспечения жизни человека, его развития, его достоинства, его смысла жизни.

Оформление в рамках политологического научного дискурса международной дискуссии о смысле глобальной объясняющей модели (глобальной структурной гуманитарной революции XXI века) дополняет практики функционирования справедливого и безопасного рефлексией по поводу формирования, во-первых, новых правил игры при формировании и осуществлении международной повестки дня как 2014 года, так и последующих лет.

Тем самым автор статьи рассмотрел, во-вторых, фундаментальные основания новой глобальной доминанты научного дискурса – власть идей как новая идеология мироустройства XXI века.

В-третьих, можно констатировать, что на основе культуры диалога, культуры предотвращения можно в сжатые сроки приблизиться к созданию глобальной политики культуры мира и безопасности, глобальной культуры коммуникационной безопасности.

* * *

При подведении итогов исследования в статье считаю возможным и необходимым предложить несколько обобщающих суждений.

1. В исследованиях автора статьи 1993–2014 годов линия изучения высоких гуманитарных технологий, духовной безопасности, гуманитарной безопасности, культуры гуманитарных взаимодействий позволила *в 2012–2014 годах предложить обоснование нового института – кластера: коммуникационная безопасность, культура коммуникационной безопасности, сфера коммуникационной безопасности*¹.

2. Необходимость исследовать проблемы обеспечения безопасности как в самой коммуникационной сфере, так во многих других сферах жизнеобеспечения, в которых многообразие коммуникаций существенно влияет на формирование Событий, на Смыслы событий, на практику, теории и трансляцию Интерпретаций смыслов событий, выявила главный общий **первый тренд** в процессах функционирования национальных, региональных и глобальной безопасности. Его суть: *от государственной политики коммуникационной безопасности в решающей степени зависит своевременность и полнота восприятия самим человеком своего Значения, Достоинства, Смысла Жизни, Уважения, Востребованности, Понимания себя, Другого, Картины Мира, Смыслов Безопасности, смысла и значения личного Участия в решении проблем мира и безопасности.*

3. Особенностью методологии и концептуальности исследований становления, функционирования, изменений коммуникационных феноменов в 2000–2012 стало оформление **второго общего тренда**: стремительный рост феноме-

¹ Сергеева Л.И. Становление политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Сергеева Л.И. Современная научная школа: технология становления и функционирования // Молодёжь XXI века – будущее российской науки. Материалы Всероссийской молодёжной конференции. М., 2012.

на поиска и осуществления компромисса, опережающего компромисса, диалога, партнёрства, диалогового партнёрства.

Для национальных безопасностей:

- диалог, компромисс человека и общества, народа и власти;
- компромисс, диалог, партнёрство человека, общества и государства через единение свободы и ответственности, прав и обязанностей.

Для региональных безопасностей:

- Европа – диалог России и НАТО, России и Европейского Союза;
- Мюнхенская ежегодная конференция о политике безопасности (*диалог о политике безопасности*);
- Азия – Шангри-Ла Диалог в Сингапуре (*диалог о политике безопасности*);
– Манама Диалог в Бахрейне (*диалог о политике безопасности*).

Для глобальной безопасности:

- Глобальный Проект: Диалог между цивилизациями по инициативе Ирана с поддержкой ЮНЕСКО и ООН – 1998–2001 годы;
- БРИКС – глобальный диалог по инициативе России, Бразилии, Индии, Китая, Южно-Африканского Союза.
- Подготовка и проведение в 2012 году Саммита по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (РИО+20).

4. **Третьим общим трендом** для политики коммуникационной безопасности стало выявление, участие, деятельность многих граждан в личном качестве, общественных объединений, Интернета, научных объединений (научных школ) в формировании политики коммуникационной безопасности в России, во многих странах мира по принципу **«здесь и сейчас»** на свои материальные и финансовые ресурсы.

Складывается понимание во всём мире смысла События – оформившегося глобального коммуникационного феномена – много коммуникационного и общественного, нравственного, социального, культурного, гуманитарного в гуманистическом воплощении без нашего личного участия не может состояться.

Только с нашими мыслями, позициями, действиями сейчас и здесь можно сохранить и укрепить мир и безопасность, достоинство и справедливость.

ИСТИННЫЕ И МНИМЫЕ ВАРИАНТЫ ДОВЕРИЯ

Аннотация. Статья продолжает авторский цикл исследований доверия в современной России. Анализируется предположение о том, что текущие политические, социальные и нравственные практики не поощряют рост активных форм доверия. Взаимное доверие граждан, лидеров и институтов для достижения заявленных целей инновационного развития, желательных сценариев модернизации остаётся не востребованным. В обыденном сознании и поведении доверие не дифференцируется от схожих стратегий, установок и эмоций. Пути преодоления дефицита доверия автор видит в устранении нечёткости, размытости представлений о его предпосылках и сущностных характеристиках, о границах с сопредельными феноменами и о реальных акторах. Необходимы перемены во всех звеньях подготовки и принятия решений – от социологических опросов до распоряжений и указов, касающихся доверия.

Ключевые слова: доверие, агенсу как свобода выбора, неопределённость, реальные акторы политического доверия, аутентичность.

Жизнь основана на доверии, не всегда оправдываемом, значит на доверии героическом и жертвенном.

*М.М. Пришвин*¹

Значение доверия наиболее очевидно, когда доверять трудно.

*Г. Мёллеринг*²

Рабочая гипотеза данной статьи состоит в том, что для России в ближайшие десятилетия помимо социально-экономических, технологических инноваций и «духовных скреп» потребуются такие отношения между гражданами, социальными группами и институтами, которые смягчают риски неполноты информации, неопределённости (и даже содержат фрагменты русского «авось»), нелинейности стратегий взаимодействия. Такими отношениями, социально-психологическими диспозициями может быть только доверие. При этом приходится учитывать, что понятие «доверие» неравномерно распространяется, гаснет и воспроизводится в трёх основных вариантах. Во-первых, в быту, в обыденном, повседневном общении людей. Во-вторых, в публицистическом, литературном ареале. Два первых варианта весьма неоднозначны и зачастую передают в письменной или устной речи лишь нечто приблизительно отражающее смысл доверия так, как это удобно, доступно, привычно автору. При этом может иметься в виду, по сути, и не доверие, а сходное явление (даже чувство, или просто не осознанное рутинное отношение) вроде надежды, уверенности, веры и т. п. Более строгое, соответствующее сущностным характеристикам феномена «доверие» понятие встречается в научных публикациях, дискуссиях и отчётах.

Следовательно, в зависимости от сферы применения, и особенно при неправомерном переносе, подмене смысла, «доверие» может становиться мнимым, расширительным, «исчезающим», замещённым, и принимать иные неадекватные реальности значения, категорически не пригодные для выработки практических решений, моделей индивидуального поведения и стратегий коллективных действий.

¹ Цит. по: Пришвина В. Путь к слову. М., 1984. С. 150.

² Moellering G. Trusting in Art : Calling for Empirical Trust Research in Highly Creative Contexts. June 2012.

ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ ОЦЕНОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ

Термин «доверие» по частоте употребления в политическом дискурсе и публицистике может конкурировать даже с «модернизацией» и «демократизацией». Однако всегда ли речь идёт действительно о доверии? Выразительный образец повседневного (не)понимания этого феномена продемонстрировала передача «Доверчивость – признак глупости?» из цикла «Культурная революция» на телеканале «Россия К» 11 апреля 2013 года. В дискуссии под управлением М.Е. Швыдкого приняли участие «бизнес-тренер, психотерапевт, коуч и мотивационный спикер» А.Б. Левченко, Народный артист России В.А. Баринов, журналисты, философы, психологи. В ярких, эмоциональных спичах были круто замешаны, перепутаны, неоправданно отождествлены понятия «доверчивость» и «доверие», «вера» и «уверенность», «межличностное» и «институциональное» и т. п. Однако в рамках жанра «ток-шоу» это вполне приемлемо и не наносит вреда. Но если на подобной зыбкой основе делаются попытки выстроить социальные действия, рекомендации, политические стратегии без уточнения акторов и дифференциации феноменов, вполне вероятны серьёзные заблуждения и ошибки.

В то же время, как собственные разработки, так и новейшие публикации отечественных и зарубежных исследователей¹, усиливают убеждение в том, что зачастую в политике, публицистике, социологических опросах термином «доверие» обозначают вовсе не этот политико-психологический феномен, а, согласно языковой моде, – «как бы доверие», нечто «типа, – доверие» (см табл. 1). Чёткость понятия, его отличия от родственных, смежных «веры», «надежды», «уверенности» нередко размываются. Например, утверждается, что «до – верие» будто бы предшествует «вере», «имеет место до веры», «служит одним из оснований веры»². Такие взгляды развенчаны и классиками (в частности, Франком С.Л. «С нами Бог». С. 455–469) и современниками (Скрипкиной В.П., Купрейченко А.Б. «Психология доверия и недоверия». С. 45–49). Напомню только, что даже в лингвистическом плане приставка «до-» имеет здесь значение не преддверия некоего события (как «дореволюционный», «допризывник» и т. п.), а, очевидно, указывает на динамику, процесс (подобно словам «дознание», «достижение», «доводить до ума», «догадываться»).

По существу, цифры (см. табл. 1) говорят о том, что в каждой сотне граждан нашей страны каждый третий склонен доверять другим людям. Правда, есть сотни таких сотен, в которых мы не знаем долю настроенных доверять другим. Ведь под социологические опросы не попадают слои с наиболее высоким статусом (богатство, власть) и – с наиболее низким социальным статусом (бомжи, иммигранты, заключённые, душевно больные). А это миллионы людей. Распределение доли доверяющих по основным социально-демографическим категориям (пол, возраст, обра-

¹ См., например: Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. М., 2012; Купрейченко А.Б., Шляховая Е.В. Базовое доверие / недоверие как регулятор жизнедеятельности человека; Купрейченко А.Б. Качественный аспект социального доверия / Материалы всероссийской научной конференции «Человек в экономических и социальных отношениях». М., Октябрь 2012; Магун В., Руднев М. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Инглхарта // Вестник общественного мнения. Левада-Центр, июль–декабрь 2012, № 3–4; Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012; Handbook of Research Methods on Trust. Edited by F.Lyon, G. Moellering, M.N.K.Saunders. Elgar. MA. USA. 2012; Delhey J., Welzel Cr. Generalizing Trust: How Outgroup – Trust Grows Beyond Ingroup – Trust // World Values Research (WVR). Volume 5 / Number 3 / 2012.

² См.: Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 9–11

зование, тип населённого пункта и даже уровень доходов) можно не без труда отыскать в публикациях¹. Однако это немного даёт для целенаправленного, программного формирования культуры доверия. Что с того, к примеру, что молодёжь и пенсионеры склонны доверять чаще, чем люди зрелого возраста? Или – что на селе доверяют больше, чем в городе? Гораздо важнее знать отношение к доверию в реальных, гомогенных группах, таких как рабочая аристократия, офицерство, фермеры, инженерная интеллигенция и др. С точки зрения перспектив модернизации, столь же необходимо адекватно оценивать доверие между подобными группами, как и – доверие внутри и между контрмодернизационных группировок (коррупцированные элиты, криминалитет, офисная бюрократия и т. п.).

Таблица 1

Показатели доверия к людям (Левада–Центр).
(В процентах к числу опрошенных)

«В целом Вы бы сказали, что людям можно доверять или, что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает?»

Затруднились ответить	2	7	1	2	1	2	2	5
	2005 V	2009 X	2010 IV	2010 X	2011 IV	2011 X	2012 VI	2012 X
Практически всегда людям можно доверять	1	3	3	4	3	3	3	5
Обычно людям можно доверять	20	24	24	27	25	25	26	28
Обычно осторожность в отношениях с людьми не помешает	59	49	51	54	53	53	51	46
Практически всегда осторожность в отношениях с людьми не помешает	17	17	21	15	18	17	20	17

Источник: Общественное мнение – 2012. Ежегодник. Табл. 3.4.4. Левада-Центр. М., 2012. С. 27.

Вглядимся внимательнее в технологию «добычи» и применения данных, которые социологические центры собирают, препарируют и публикуют. Эти данные получают экспертные структуры (Общественная палата, аналитические подразделения Федерального собрания, Институт современного развития, Центр стратегических разработок и т. п.). В «экспертном исполнении» результаты попадают в Администрацию президента и затем, очевидно, используются в подготовке заявлений и указов главы государства, определяющих основной вектор отношения к доверию. Известно, что инстанциям, принимающим решения, значительную часть социологических данных об общественных настроениях поставляют несколько институтов, уже четверть века не обновляющих методическую базу своих исследований. Не удивительно, что подобные продукты лишь весьма приблизительно очерчивают гамму гражданских настроений (или как писал Ю.А. Левада – «пучок неоднородных установок»²), где вряд ли возможно отчётливо вычленить именно доверие, когда таковое оказывается востребованным (см. табл. 2). Остаётся только надеяться, что руководителей страны снабжают более достоверными данными из неких закрытых источников. И эти данные должны базироваться на современном концептуальном понимании доверия как феномена динамического, отражающего предпосылки риска, неопределённости для его носителей, а также обладание акторами свободой выбора модели

¹ См., например: Константинова О. Динамика статусных самооценок населения России в 1994–2011 гг. // Вестник общественного мнения, 2012, № 3–4. С. 186–216.

² Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., 2006. С. 177. Тогда же им было высказано существенное предупреждение: «Далеко не всегда о характере общественного доверия можно судить по соответствующим заявлениям опрошенных».

поведения (агенты) и соратника по взаимодействию ради достижения общих значимых целей. Без выбора вопрос о доверии теряет смысл. То есть – без неопределённости, риска. Так же как не имеют смысла [или – иной смысл] – попытки вести речь о доверии без общезначимой для акторов цели.

Таблица 2

Спектр эмоциональных диспозиций россиян
(Итоги опроса Левада–Центра, март 2013 г., 1600 респондентов
в 130 населённых пунктах 45 регионов)
(В процентах к числу опрошенных)

«Какие чувства вызывает у Вас сейчас российская политика?»

	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
уважение	<1	7	5	1	7
уверенность в завтрашнем дне	3	2	2	3	2
надежду	21	27	20	17	21
интерес	7	13	8	10	3
усталость	17	19	10	18	9
недоумение	11	18	15	27	15
брезгливость	11	1	3	4	2
раздражение/возмущение	28	19	24	26	18
презрение	7	4	6	7	5
никаких особых чувств	29	32	24	21	33
затрудняюсь ответить	4	1	2	1	1

Источник: Пресс-выпуск Левада–Центра 26. 03. 2013 // www.levada.ru

Даже ведущие социологические центры преспокойно уравнивают в правах доверие, одобрение, удовлетворённость и другие не тождественные друг другу диспозиции. Примером могут служить мартовские (2013 г.) рейтинги Левада–Центра: одобрения, *доверия* и положения дел в стране. «Рейтинги стабильны, – поясняют исследователи, – большая часть опрошенных по-прежнему одобряет деятельность первых лиц государства»¹. Аналогичные данные публикует и ВЦИОМ. Деятельность президента В.В. Путина *одобряли* 64,5% и 63% соответственно, *доверяли* ему – 46% и 35%. Работу премьер-министра Д.А. Медведева *одобряли* 55% и 45%, *доверяли* ему 18% и 17%. Одобряли деятельность правительства порядка 45%, Государственной Думы и Совета Федерации порядка 30%.

Нельзя не отметить, что названные индикаторы не претерпевали в последние годы и месяцы существенных колебаний (в пределах статистической погрешности): несмотря на митинговые волны, протестные настроения в отношении институтов законодательной и исполнительной власти, правоохранительных органов. На мой взгляд, такая настораживающая «стабильность рейтингов» (см. табл. 3а) демонстрирует неадекватность методик измерения – социальной реальности, недостаточное проникновение в природу феномена. Это касается как показателей «доверия к людям вообще», межличностного, диспозиционного, так и доверия к институтам.

К этим показателям можно добавить, что уровень недоверия к услугам страхования в банках за год вырос в два раза. Данная тенденция наблюдается среди заёмщиков, столкнувшихся с требованием банка обязательно приобрести страховой полис дополнительно к кредиту. Об этом свидетельствуют результаты опроса Национального агентства финансовых исследований (НАФИ)².

¹ www.levada.ru / 28/03/2013; www.vciom.ru / 31/ 03/2013.

² www.rbc.ru / news / 06 / 03/ 2013

Таблица 3а

**Стабильность рейтингов
«В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверие...?»
(В процентах к числу опрошенных)**

	Вполне заслуживает						Не вполне заслуживает						Совсем не заслуживает					
	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012	ноябрь 2009	ноябрь 2010	апрель 2011	ноябрь 2011	июнь 2012	октябрь 2012
1. ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ	66	67	53	50	49	51	24	23	32	34	31	32	5	4	12	9	13	12
2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА	70	67	55	52	42	40	20	23	29	21	32	39	5	4	12	9	15	15
3. ЦЕРКОВЬ, РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	50	55	49	49	49	50	20	23	23	25	25	29	11	5	18	10	9	10
4. АРМИЯ	38	38	34	37	41	39	32	32	36	36	30	38	17	16	17	13	15	15
5. ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ	30	34	28	30	30	29	39	39	43	45	37	41	16	14	23	17	17	22
6. ПЕЧАТЬ, РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ	26	27	25	30	25	26	47	50	47	47	48	50	18	16	21	16	17	16
7. ОБЛАСТНЫЕ (КРАЕВЫЕ, РЕСПУБЛИКАНСКИЕ) ОРГАНЫ ВЛАСТИ	22	21	22	28	22	21	40	43	40	40	37	44	22	24	28	22	25	24
8. ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ	34	33	27	26	30	33	33	31	35	37	32	38	10	12	15	16	15	14
9. РОССИЙСКИЕ БАНКИ	17	24	20	24	22	27	43	42	43	44	41	43	24	21	25	18	21	19
10. МЕСТНЫЕ (ГОРОДСКИЕ, РАЙОННЫЕ) ОРГАНЫ ВЛАСТИ	21	17	19	23	22	19	37	44	41	41	36	45	32	31	33	26	29	27
11. МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС	16	22	19	23	22	24	39	37	40	39	38	44	23	21	23	18	17	18
12. СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ РФ	21	21	20	22	21	21	38	38	40	44	38	41	16	15	22	17	18	21
13. ПРОКУРАТУРА	20	20	19	22	21	23	39	37	41	37	39	42	21	18	23	21	21	21
14. ГОСДУМА РФ	20	21	21	21	20	20	47	46	41	47	42	48	21	21	29	22	23	24
15. ПОЛИЦИЯ (ранее МИЛИЦИЯ)	19	16	17	20	18	20	39	41	43	40	42	44	32	33	30	29	31	29
16. СУД	22	18	20	19	21	23	37	39	44	43	39	42	24	24	24	22	24	24
17. ПРОФСОЮЗЫ	15	13	12	16	17	19	25	28	29	31	27	33	29	36	32	26	24	26
18. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	7	10	9	10	11	13	39	40	39	44	41	48	34	33	37	30	31	28
19. КРУПНЫЙ БИЗНЕС, ДЕЛОВЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРУГИ	8	12	11	16	14	16	33	35		37	36	44	32	32	38	26	25	24

Источник: Левада-Центр. Пресс-выпуск. Доверие к институтам // www.levada.ru // 02. nov. 2012. Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1516 человек в возрасте 18 лет и старше, проведён 1–19 октября 2012 года, погрешность 3,3%.

Таблица 3б

**Динамика отношения респондентов к политическим
и социальным институтам и структурам в 1995–2000 годах
(В процентах к числу опрошенных)**

	1995	1997	1998	1999	2000 - Май	2000 - Дек.	2001	2002	2003	2004 - Июнь	2004 - Дек.	2005	2006 - Июнь
Президент РФ	9	17	6	4	41	43	49	44	57	53	49	48	51
Правительство	8	14	11	18	20	23	23	18	20	23	17	20	18
Совет Федерации	7	10	8	14	13	9	15	10	13	13	11	14	12
Госдума	10	14	13	14	12	12	12	10	9	10	6	10	10

Продолжение таблицы 3б

Администрация Президента	-	9	3	3	14	10	16	15	19	20	19	19	20
Совет Безопасности	-	10	9	14	17	19	21	17	22	23	21	23	21
МВД, суд, прокуратура	16	10	11	12	13	15	12	10	11	9	9	12	11
Армия	35	36	27	38	43	41	39	31	36	30	27	31	30
Профсоюзы	18	11	17	15	21	19	17	13	15	17	16	12	15
Церковь	-	33	33	26	35	28	33	33	36	38	35	35	37
Партии, движения	6	11	13	7	16	17	12	15	8	9	5	7	8
Руководители регионов	11	28	23	23	20	21	17	23	20	16	15	21	18
СМИ	21	20	18	12	17	16	12	17	17	20	19	23	23
Банки, бизнес	6	8	5	5	8	11	10	11	12	10	12	12	10

Источник: Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007. С. 481.

Последующие замеры (декабрь 2012 года, 1787 респондентов в 10 регионах) проведённые по проекту РГНФ «Модернизация гражданского общества и развитие институтов демократии в России: социологический мониторинг» не вносят ничего существенно нового в понимание природы феномена и разработки гуманитарных технологий для его корректировки и применения в социальных и политических практиках.

Таблица 3в

Динамика отношения респондентов к политическим и социальным институтам и структурам (вариант ответа «Доверяю») в 2007–2012 годах
(В процентах к числу опрошенных)

	2007 - янв.	2007 - июль	2008 - февр.	2008 - июнь	2008 - нояб.	2009 - июнь	2009 - дек.	2010 - июнь	2010 - дек.	2011 - июнь	2011 - дек.	2012 - апр.	2012 - дек.
Президент	69	63	70	57	60	56	58	59	55	49	47	51	47
Правительство	26	28	39	38	46	42	45	44	43	38	39	37	35
Совет Федерации	15	17	25	21	22	20	26	25	26	21	22	24	27
Государственная Дума	12	13	18	16	17	19	19	22	18	16	19	19	21
Администрация президента	26	26	34	31	35	30	32	31	32	24	28	27	28
Совет безопасности	31	29	30	28	34	29	32	30	31	27	28	32	32
МВД, суд, прокуратура	11	9	11	11	13	15	13	15	11	12	14	13	18
Армия	39	30	41	47	43	40	41	46	40	40	41	48	47
Профсоюзы	19	17	20	23	18	18	24	24	18	19	20	23	21
Церковь	46	42	43	51	47	47	45	50	49	46	49	55	52
Политические партии		13	13	10	13	11	19	21	17	16	20	22	22
Руководители регионов	17	22	24	24	26	24	25	35	34	23	28	24	29
СМИ	21	20	22	22	23	23	27	26	26	26	24	23	26
Банки, бизнес	16	12	15	15	13	10	15	16	15	12	13	14	16

Источник: Левашов В.К. и др. Как живёшь, Россия? XXXVII этап социологического мониторинга. Экспресс- информация. М.: ИСПИ РАН, 2013. С. 18.

По меньшей мере, двенадцать последних лет прошли в нашей стране под аккомпанемент фраз о доверии. Пространство политических речей и публицистики переполнено словосочетаниями типа «доверие – причина кризиса», «без доверия нет модернизации», «власть нуждается в доверии народа» и т. д. и т. п. Доверия от учащённого провозглашения термина отнюдь не прибавилось, и об этом свидетельствуют сообщения социологических центров (см. табл. 3а, 3б, 3в).

ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В цикле авторских работ 2009–2012 годов¹ гипотезы и поиск ответов фокусировались, главным образом, вокруг проблем доверия как ресурса модернизации, как едва ли не ключевой предпосылки инновационного развития российского общества. Под таким углом зрения главной задачей виделось сохранение наличных остатков дефицитного доверия между гражданами и более или менее устойчивого публичного доверия к институтам власти. Постольку поскольку данное утверждение регулярно воспроизводилось лидерами страны с позитивным акцентом.

Достаточно вспомнить программное заявление В.В. Путина: «Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду и **доверие** в отношениях государства и общества»². Президент России вновь и вновь декларирует своё понимание важности доверия вплоть до констатации политэкономической ценности данного феномена. В диалоге с А.Л. Кудриным, экс-министром финансов и лидером «конструктивно-оппозиционного» Комитета гражданских инициатив, В.В. Путин соглашается с тем, что «доверие – новый (?) фактор в нашей стране, фактор, беспокоящий общество» с точки зрения модернизации политической системы. «От того, насколько общество доверяет действиям власти, – уточняет В.В. Путин, – конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность»³.

Лидер партии «Единая Россия», председатель правительства РФ Д.А. Медведев неизменно подчёркивает: «модернизация страны, развитие страны с использованием разумной российской консервативной традиции – это наш сценарий развития российского государства и общества, и именно этот сценарий и должна проводить партия... Хотелось бы, чтобы партия создала вокруг себя пространство умного и цивилизованного диалога. Только используя современные аргументы, мы способны доказать людям, что мы выражаем их мнение и достойны их **доверия**»⁴.

Из года в год повторяются и, порой гипнотизирующие сознание обывателей, декларации оппозиционеров о «тотальном недоверии». Возьмём почти наугад номер «Новой газеты». Помимо «всеобщего недоверия государству» (Е. Гонтмахер) находим здесь пророчество «нового тура падения доверия и нарастания социальных и экономических дисбалансов» (К. Рогов) и «катастрофического сужения радиуса доверия в обществе» (А. Колесников)⁵.

Никакая самая изысканная математическая обработка не может выправить, компенсировать изначальную погрешность, заложенную сопоставлением (противопоставлением) супер-абстрактных категорий «власть» и «народ»⁶. И не случайно подобные теоретические подходы порождают спекулятивные политические

¹ Данкин Д.М. Кризис и доверие: ключевое звено // Безопасность Евразии, 2009, №1. С. 210–232; Доверие к субъекту перемен // Безопасность Евразии, 2010, № 4. С. 87–106; Доверие. Ожидания. Эволюция // Безопасность Евразии, 2011, № 2. С. 235–260; Модернизация доверия // Безопасность Евразии, 2012, № 2. С. 235; Высокие гуманитарные технологии: доверие в 3D – пространстве / Новые технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. Сборник трудов XIX международного конгресса CITOGLIC. М., 2009. С. 483–487; Доверие как ресурс модернизации / Материалы всероссийской научной конференции «Человек в экономических и социальных отношениях». Октябрь 2012. М. С. 225–229.

² Путин В.В. Россия сосредоточивается // Известия, 2012, 12 января.

³ Прямая линия с Владимиром Путиным. 25 апреля 2013 г.

⁴ Медведев Д.А. Стенограмма лекции в рамках проекта «Гражданский университет» // www. er. ru /news / 2013/ 3 / 27

⁵ Новая газета, 2013, 8 апреля.

⁶ См., например: Сулакшин С.С. Правильной ли дорогой идёт Россия / Материалы научного семинара [руководитель В.И. Якунин]. Вып. 7(54) . М., 2012. Здесь при математическом моделировании процессов развития страны среди полусотни индикаторов и факторов «доверие» даже не подразумевается.

выводы, которые могут мгновенно стать «бикфордовым шнуром» экстремальных общественных настроений. Так было с прогнозом «вымирания нации» Центра стратегических разработок (М.Э. Дмитриев)¹. Так произошло и с «фундаментально-математическими» выкладками Центра проблемного анализа и государственного управления (С.С. Сулакшин) о «фальсификации парламентских выборов 2011 года»². Примечательно, что деятельность обоих центров пересекается на «круглом столе» по проблемам роли РЖД в решении социально-экономических проблем России. Время пока прощает заблуждения, и подобные скороспелые выводы своевременно опровергаются. И всё-таки, необходимо постоянно проверять, насколько достоверны методики и статистика, на которых строятся те катастрофические сценарии падения рейтингов В.В. Путина и доверия к «власти вообще», которые прогнозировались в докладах ЦСР, ЦПА ГУ и некоторых других центров и фондов. Многие данные эти прогнозы не подтверждают: никакой катастрофы – в обществе в отношениях с «властью» – не произошло. Определённое снижение рейтингов через некоторое время сменяется их ростом.

Нельзя не видеть, что традиционная персонализация «власти» в социологических разработках, в определённой мере отражающая уровень общественного сознания, деформирует подходы к возвращению культуры доверия.

Показатели деловой и личностной привлекательности В.В. Путина на рациональном и бессознательном уровнях заметно различаются, причём по самым важным параметрам. Этот вывод подтверждается исследованиями иррациональной составляющей доверия, проведёнными качественными психологическими методами. «На бессознательном уровне его образ выглядит куда более привлекательным, чем люди готовы признать это открыто. И это то, чего не было на протяжении всех лет нашего изучения образа Владимира Путина. Выборы укрепили его лидерский статус, совершенно однозначно, то есть он стал восприниматься куда более сильным, чем был до выборов, выборы помогли ему прочнее занять свое место лидера, причем именно на бессознательном уровне»³. В то же время «он страдает от неспособности доверять людям – или народу», – говорит Н. Геворкян, биограф нашего президента⁴.

Это крайне важное обстоятельство развития доверия в политике, – взаимность, симметрия отношений, построенный на этом равноправный диалог (см. диагр. 1), по-прежнему остаётся вне поля зрения теоретиков и практиков. Отсюда описание реальности искажается абстрагированием, чрезмерным обобщением носителей и выразителей доверия, неуместным применением категории «народ».

По данным опроса, около половины горожан полагают, что президент прислушивается к мнению всех четырёх упомянутых групп. При этом, по мнению наших респондентов, реже всего Президент В.В. Путин учитывает мнение оппозиции (45%), а чаще всего мнение религиозных деятелей (55%). Также стоит отметить, что респондентам было довольно трудно определиться с тем, прислушивается ли Путин к экспертам, религиозным общинам и оппозиции (17% – 15% – 13% затруднившихся ответить, соответственно). «Легче всего горожанам было определиться с тем, учитывает ли Президент мнение простого народа (8% затруднившихся ответить)».

¹ Изменения политических настроений россиян после президентских выборов. www/csr.ru. 23/10 2012.

² См.: «Эксперты: На выборах в Госдуму победила КПРФ» // РБК – daily, 2013, 13 марта.

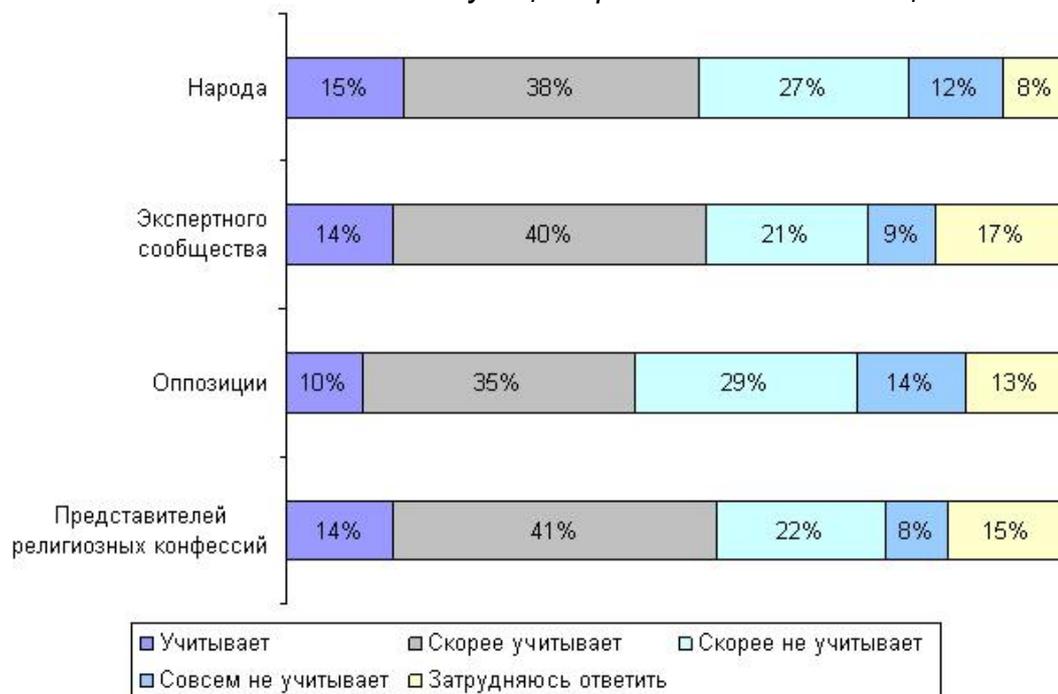
³ Шестопал Е.Б. Выборы укрепили лидерский статус Путина // Независимая газета, 2013, 19 марта.

⁴ www/top.rbc.ru/politics/24/05/2013

Диаграмма 1

«Диалог» в российском обществе
(% от числа респондентов)

«Как Вам кажется, сегодня Владимир Путин учитывает в своей деятельности мнение следующих представителей общества?»

Источник: Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора». Апрель 2013. Центр политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив // www.akudrin.ru/news.

Более взвешенные оценки вроде бы основываются на разумном сочетании количественных и качественных социологических методов (фокус-группы, кластерный анализ и др.), но, тем не менее, отягощены всё теми же традиционными мега-абстракциями «Власть» и «Народ». Возьмём, например, фрагменты доклада Центра политических технологий (И.М. Бунин, Б.И. Макаренко, А.В. Макаркин) заказчику – Комитету гражданских инициатив во главе с А.Л. Кудриным. Анализируя ситуацию весны 2013 года, политтехнологи утверждают: «Реакция **власти** на события недавнего прошлого – "тащить и не пущать": одновременно либерализуются некоторые элементы политической системы и вводятся "запретительные" законы, совокупность которых стали называть "консервативной волной"».

В таком контексте **межличностное доверие** рассматривается как а) предпосылка развития гражданского общества и готовности к коллективным действиям; б) как социальный капитал общества, уровень его **институционального** развития, в конечном счёте – показатель модернизированности. Исследование ЦПТ фиксирует «переходное состояние российского общества, свойственное "продвинутым" странам третьего мира и несколько отстающее от католических стран "старой" Европы. 34% россиян демонстрируют тот или иной уровень доверия "незнакомцам", 65% – недоверие». Далее разъясняется, каким же всё-таки образом межличностное доверие характеризует уровень институционального развития¹.

¹ Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора». Апрель 2013. Центр политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив // www.akudrin.ru/news. С. 8; 58, 65, 72.

Намеренный уход от конкретизации носителей доверия (какая реальная группа какому именно институту не доверяет), беглый перенос особенностей межличностного доверия на институциональный уровень позволяют авторам делать радикальные выводы о том что в российском обществе повсеместно «уровни межличностного доверия слишком низки», прежнее доверие «в значительной степени разрушено», россияне поражены «многочисленными фрустрациями». Спасение – лишь в «выстраивании доверия уже на современных, рыночных основах»¹.

Однако названные уровни демонстрируют разные «ипостаси» доверия, далеко не всегда совпадающие закономерности и тренды развития либо деградации доверительных отношений.

Максимальная лозунговость, обобщённость оценок и призывов граничит с дезориентирующей абстракцией, не позволяет поставить и решить конкретные задачи (см. табл. 4). Идёт ли речь действительно об адресном и взаимном доверии реальных, узнаваемых групп гражданского общества и совершенно определённых институтов государственной власти? Или «мы» достойны доверия каких-то людей, а «они» нет?

Становится всё более очевидным, что чрезмерно (до абстракции) укрупнённые категории мега-субъектов доверия «народ» и «власть» блокируют принятие действенных решений.

Если верить этим данным, то придётся соглашаться с выводом экспертов Центра политических технологий: «развитие России возможно только при том условии, что общество будет понимать и соучаствовать и в целеполагании, и в осуществлении амбициозных планов. Только тогда оно доверит власти полноценное и легитимное лидерство в этом процессе»². Но эти задачи невозможно решить без понимания истинного характера доверия в его незамутнённом, хотя и динамически подвижном и многогранном виде.

Таблица 4

Неопределённость отношений «народ» vs. «власть»
(В процентах к числу опрошенных)

«Как Вы считаете, какое из следующих утверждений больше подходит нынешней России?»

	2006 февраль	2010 февраль	2012 январь
Граждане контролируют деятельность власти	2	1	2
Власть контролирует деятельность граждан	21	24	31
Граждане и власть контролируют друг друга	7	11	9
Ни власть, ни граждане не контролируют друг друга	30	31	27
Граждане и власть обманывают друг друга	31	24	20
Затрудняюсь ответить	10	9	11

Источник: Общественное мнение – 2012. Ежегодник. Табл. 3.6.15. Левада–Центр. М., 2012. С. 36.

КВАЗИДОВЕРИЕ МЕЖДУ МЕГАСУБЪЕКТАМИ

Смысл отношений доверия, их отличие от веры, надежды или скептицизма, характеристики носителей доверия остаются зачастую не прояснённым в трудах социологов. Политики, дезориентированные подобными разработками, в свою очередь впадают в популизм. Например, КПРФ (ничтоже сумняшеся) заимствует терминологию и тактику кадетов почти столетней давности, выдвигая лозунг «Прави-

¹ Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора».

² Там же.

тельства народного доверия»¹. При этом забывается что ли неумолимая логика демагогии: «народ богоносец» – «народное доверие» – «враги народа»...?

А если уж ведущий центр изучения общественного мнения не видит разницы между «доверием к институтам» и «одобрением» их деятельности, что спрашивать с бойких журналистов².

Насущной исследовательской проблемой остаётся размытость и неочевидная, «эзоповская» характеристика субъектов доверия: некая «власть», «авторитарный коррумпированный режим» – с одной стороны, и «народ», «оформляющиеся», «активизирующиеся общественные группы» – с другой³.

Член-корреспондент РАН Вячеслав Николаевич Кузнецов доказывает, что в обществе вызревает «Большой Проект развития России XXI, главным субъектом становления которого, Субъектом народной объединяющей идеологии, современного мировоззрения является Народ»⁴. Известный русский социолог уточняет при этом, что именно выражается категорией «доверие» – «состояние мировосприятия человека на основе терпимости и уважительного диалога; состояние конструктивной коммуникации между людьми, между акторами и институтами, между человеком и властью, между народами и государствами; состояние с наличием воли и энергии для достижения необходимых компромиссов»⁵.

Вместе с тем, его польский коллега, один из крупнейших исследователей доверия Пётр Штомпка полагает, что «в случае диктатуры, террора вопрос доверия правящих к подчинённым и наоборот (подчёркнуто мной – Д.Д.) вообще не имеет смысла». Иными словами, независимо от политического контекста в поле зрения исследователей непременно должна находиться взаимность, реципрокность, я бы сказал, – симметричность доверия институтов власти и реальных групп гражданского общества. П. Штомпка подчёркивает: «доверие является делом актуальным в ситуациях, когда граждане имеют конкретные, бóльшие или меньшие границы свободы своих действий (подчёркнуто мной – Д.Д.), а власти – определённую степень неуверенности в том, как граждане себя поведут, или наоборот, когда граждане не уверены, что власти будут действовать соответственно их ожиданиям, в их интересах, а власти имеют в этой области определённую свободу принятия решений»⁶.

Видимо, многие эксперты применяют подход П. Штомпки к интерпретации термина «власть». «Доверие к государству и его институтам определяется как публичное доверие или вертикальное доверие, в отличие от горизонтального, существующего между гражданами». При этом «власть означает контроль, возможность принятия решений относительно деятельности людей даже вопреки их воле, указывая (либо) напрямую, кто и как должен действовать, либо опосредованно, ограничивая диапазон возможных действий»⁷.

Однако, понятно, что «ограничение диапазона действий» означает отсутствие свободы выбора поведенческих моделей. А это, по моему убеждению, свидетельствует об описании иного феномена, но не доверия. При этом Штомпка совершенно справедливо констатирует, что «обратные отношения» – доверие руководителей к гражданам исследуются чрезвычайно редко.

¹ www.kprf.ru

² www.vciom.ru

¹ См., например: Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012. С. 183–185.

⁴ Кузнецов В.Н. О сущности достойной позиции и смысле создающего поступка в контексте Геокультурного Проекта Развития России XXI // Безопасность Евразии, 2012, № 2.

⁵ Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011. С. 430.

⁶ Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н.В. Морозовой. М., 2012. С. 366. Ср. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge University Press. 1999. P. 148–149.

⁷ Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н.В. Морозовой. М., 2012. С. 365.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ. СОЦИАЛЬНОЕ. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ

Смысл, суть доверия нередко размывается расширительными интерпретациями данного феномена. Даже в официальных документах не проводится однозначного различения доверия на межличностном уровне, в сплочённой группе или на уровне социетальном – доверия к институтам, в частности.

Что же всё-таки означает, к примеру, в докладе ОП РФ «О состоянии гражданского общества» ФОМовский «индикатор межличностного доверия» или утверждение «большинству людей можно доверять», на протяжении последних пяти лет изменявшийся лишь в пределах статистической погрешности вокруг 17%. На мой взгляд, – ничто иное, как констатацию сомнительного факта: в среднем по России в каждой сотне респондентов находится 17 человек, сказавших интервьюеру ФОМа, что он (она) склонны доверять «большинству людей». Остальные «проценты» приходятся на респондентов, либо вовсе не задумавшихся об этой проблеме, либо не расположенных в данный момент доверять кому-то, либо вообще не уловивших смысл вопроса, либо не идентифицировавших своё отношение к окружающим и т. д.

Если верить данным, приведённым в ежегодном докладе Общественной палаты, уровень (межличностного) доверия в российском обществе колеблется в не критических пределах. Так, в декабре 2011 года готовность «доверять большинству людей» расширилось до 22%, т. е. до уровня, превышающего показатели предшествующих пяти лет. В период резкого всплеска протестных настроений, связанных с «непрозрачностью» парламентских выборов 2011 года¹ такие значения индикаторов представляются весьма странными и заставляют усомниться в надёжности концептуальных предпосылок.

Нельзя не увидеть, что, в общем, методология рассмотрения доверия аналитиками ОП РФ по некоторым важным аспектам не убедительна. Вроде бы правомерно называются три основных «структурных уровня»: межличностное, «общее» социальное доверие и доверие к политическим институтам. Однако носители, субъекты, акторы, по крайней мере, – доверия к институтам², в очередной раз определяются недопустимо абстрактно, в данном случае, – завуалировано. Речь ведётся о неких «активных (активизирующихся), авангардных группах и слоях общества» противопоставленных «косным институтам». Попытки классифицировать подобные «группы и слои» вызывают много вопросов. В самом деле, к каким реальным группам применимы следующие оценки? – «Группы, объединённые на основе общности ценностей, которые впервые вышли на массовые акции протеста, на деле индивидуалистичны и пронизаны недоверием к коллективной активности, сомнением в продуктивности коллективных действий»³.

Отечественная социология пока не в состоянии даже сформулировать крайне важные и практически пригодные для реалистической политики задачи измерения (качественной оценки) интенсивности доверия между группировками внутри правящей элиты, между конкурирующими институтами (например, – Прокуратурой и Следственным комитетом, между губернскими – городскими и муниципальными интересами). Без достоверной оценки соответствующего уровня

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. Общественная палата РФ. www.oprf.ru/

² Там же. Ср. Результаты опросов на московских митингах протеста в 2011–2012 гг.; Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения, 2012, № 3-4 (113). Левада-Центр. С. 141–186, 196–217.

³ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год.

доверия невозможно акцентировать внимание на общности целей и противоречиях между перспективными для создания «модернизационной коалиции»¹ кластерами, в частности, рабочей аристократии и технической интеллигенции, малым бизнесом и транснациональными корпорациями.

Попробуем наметить, как могла бы быть реализована пошаговая модернизация самих исследований доверия.

Первый шаг. Определение реальных (гомогенных) социальных групп, которые действительно важны на современном этапе развития российского общества. Допустим, что одна из ключевых групп – инженерная интеллигенция, или говоря по старо-советски: ИТР. Для полевых исследований надо проникнуть в сохранившиеся академические и отраслевые институты, проектно-конструкторские бюро, вузы, исследовательские центры корпораций, отдельные частные лаборатории. Пока будет разработана технология построения репрезентативной выборки именно для этой социальной группы, пригодятся фокус-группы, подобранные строго из инженеров, исследователей, конструкторов, программистов.

Второй шаг. Выявление векторов, основных траекторий доверительных отношений. По-видимому, в данном случае – это

- а) внутри группы: к поставщикам, к представителям других поколений и пр.;
- б) к другим релевантным группам, в т. ч., к рабочей аристократии;
- в) к институтам государства и гражданского общества.

Третий шаг. Надо убедиться, что обе стороны реципроктных отношений, оба актора имеют общие цели, достижение которых требует активного взаимодействия. Надо также удостовериться, имеется ли у акторов возможность свободного выбора партнёра. Известны, например, натянутые отношения между Минобороны и исполнителями гособоронзаказа. Однако в стране нет иных заказчиков. Значит, придётся доверять зарубежным покупателям оружия?

Вместе с тем вряд ли в числе приоритетно важных для ИТР «объектов» доверия могут выступать религиозные организации и спецслужбы.

Четвёртый шаг. Предстоит убедиться, что ИТР и их партнёры по взаимодействию испытывают и оказывают именно доверие друг к другу, т. е. их не смущает некоторый недостаток информации, преодолеваемый т. н. «скачком веры».

Пятый шаг. Исследователь доверия, модератор фокус-группы, интервьюер обязан убедиться, что вопрос о доверии воспринят респондентом с учётом разнотемпного течения процесса доверия. То есть, актор уже идентифицировал контекст отношений и статус его участников или ещё нет; вступили ли они в фазу позитивных ожиданий и т. д.

Таковы лишь некоторые нововведения, которые диктуются современным уровнем концептуального понимания феномена доверия.

Надо признать, что отечественные эксперты пытаются выявить и описать некоторые социальные общности, называемые «когортами». Тем не менее, довольно сложно представить, какими способами возможно поднять межличностное доверие в неоднозначно определяемых группах «жителей средних городов» или «сторонников железной руки»? Что даёт политикам знание того, что высокодоходные категории москвичей на 8% меньше доверяют РПЦ, чем среднедоходные? И как вообще интерпретировать данные о том, что в Приволжском Федеральном округе доверяют мусульманской конфессии? (см. диагр. 2.)

¹ Данкин И.Е. Модернизация России: сохранится ли после 2012 года? Уроки по ходу. М., 2011. С. 96–98.

Диаграмма 2

Источник: Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора». Апрель 2013. Центр политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив // www.akudrin.ru/news.

«Многие когорты респондентов, которые практически по всем остальным вопросам анкеты демонстрируют более "демократическое" поведение, более склонны к универсализму, автономности от власти (т. е., по любому определению, более "модернизированные"), отличаются более низкими уровнями межличностного доверия. Среди москвичей этот показатель на 4 пункта ниже среднего по выборке, среди высокодоходных – на 3 пункта, у среднего класса – на 2 пункта. Среди сторонников разных моделей развития наивысшие показатели межличностного доверия демонстрируют сторонники социализма (+7 пунктов по сравнению со средними показателями), за ними следуют сторонники «путинского пути» (+5 пунктов) и сторонники демократии (+2 пункта), а минимальны показатели доверия у сторонников «железной руки» (–14 пунктов)»¹.

Отсутствие консенсуса разнопрофильных специалистов по доверию приводит, в частности, к недоразумениям. Так, определение «среднего доверяющего», неизбежно теряя смысл, иногда выглядит следующим образом.

– «Человек с образованием ниже среднего, верующий, готовый помогать окружающим людям и принимать от них помощь»;

– житель города с числом жителей более 1 млн Северо-Западного федерального округа с высшим образованием, общественно активный;

¹ Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора».

–студент, оптимистично воспринимающий своё ближайшее будущее, имеющий опыт участия в общественно полезной деятельности, с современным стилем потребления»¹.

В чрезвычайно общем виде, не заботясь об уточнении уровней и разновидностей многогранного явления «доверие», указывают на его роль в обществе и многие западные эксперты. Типичным представляется высказывание профессора русской истории Школы славянских и восточно-европейских исследований при Лондонском университете Джеффри Хоскинга: «Социальный капитал, воплощающийся в совокупном уровне доверия, имеет фундаментальное значение для спокойной жизни любого социума». Предлагая т. н. «Семь принципов восстановления доверия», Хоскинг признаёт, что «индивидуальное доверие формируется легче, нежели обезличенное доверие... Все мы грешны, поэтому нужны процедуры контроля и ограничений поведения, подрывающего доверие»². Велика ли теоретическая и практическая ценность подобных утверждений?!

Чересчур общие, уклончивые и во многом противоречивые характеристики не позволяют *определить целевые гомогенные группы для нахождения индикаторов развития (деградации) доверия и, что, наверное, важнее – реализовать программу повышения культуры доверительных отношений. А подобная программа императивно требует углубления исследований природы данного феномена.*

В ПОИСКАХ СУЩНОСТНЫХ ПАРАМЕТРОВ

Один из новейших энциклопедических справочников по методам изучения доверия предоставляет широкие возможности оценки различных граней этого сложнейшего феномена. Авторы правомерно утверждают: «Доверие – один из наиболее привлекательных и фундаментальных социальных феноменов и в то же время – один из самых неуловимых, ускользающих концептов, бросающих вызов исследователям»³. В западной литературе можно обнаружить более 70 дефиниций, восходящих к тем или иным концепциям доверия. Однако не только в англоязычной академической литературе дебаты продолжаются, оставляя бесспорной практически лишь одну разделяемую большинством позицию: понимание доверия существенно зависит от культуры и языка. При этом признаётся важность того, какое слово используется для обозначения доверия.

Авторы, публикующиеся на английском, независимо от национальности, предпочитают всем синонимам термин «Trust». В последнее время Г. Мёллеринг, профессор Бременского университета, употребляет даже отглагольную форму «Trusting» с целью подчеркнуть динамический, подвижный, процессуальный характер феномена «доверия». Попытался бы он это сделать на родном немецком, где слово «Vertrauen» одинаково и в форме существительного и в форме глагола! А как быть нам, русским? Говорить: «доверение» или «оказание доверия»?

Современные тенденции в методологии изучения доверия и перспективные направления исследований характеризуются растущим сосредоточением внимания учёных на культурной специфике различных стран и реальных социальных групп в этих странах. Это, прежде всего, означает отход от привычных,

¹ Цит по: *Купрейченко А.Б.* Качественный аспект социального доверия (существуют ли «хорошее» и «плохое» доверие?) / Материалы всероссийской научной конференции «Человек в экономических и социальных отношениях». М., 2012, 4–5 октября. С. 245.

² *Хоскинг Дж.* Доверие: деньги, рынок и общество. М., 2012. С. 64.

³ *Handbook of Research Methods on Trust/ Edited by F. Lyon, G. Moellering, M.N.K. Saunders.* Elgar. MA. 2012. Introduction.

но исчерпавших себя концепций «универсальности» доверия, разработанных в Северной Америке и Западной Европе¹.

Уровень доверия внутри групп и между группами в рамках национального сообщества становится одним из ключевых ресурсов его эффективного развития, и в этом отношении «незападная» модель идентичности с упором на ценности коллективизма и силу традиции даёт её носителям важные преимущества перед индивидуализированной «западной»².

Свежие работы признанных специалистов по изучению доверия вновь подтверждают сложность взаимосвязей личностного, группового и «обобщённого», «внегруппового» доверия³. В исследованиях социальных психологов бесспорно различаются межличностная и институциональная формы доверия. При этом утверждается, что удельный вес обеих этих компонент социального капитала в современной России снижается в результате ломки ценностной системы⁴.

Молодые венгерские социологи опубликовали в интернет-журнале лондонской школы экономики и политических наук (EUROPP) довольно наивное представление о причинах более низкого уровня социального и институционального доверия в странах Центральной и Восточной Европы по сравнению с их западными соседями по континенту (см. диагр. 3). Обработав по методике, ранее применявшейся Р. Инглхартом, цифры европейского социального опроса за 2002–2010 годы, авторы убедились в «прямой» зависимости низкого уровня доверия на востоке Европы от «недоразвитости демократических институтов и их политизированности», а также низкого уровня ВВП на душу населения. Однако сделан примечательный вывод, что «на индивидуальном уровне, где находятся основания институционального доверия, нет больших различий между Западом и Востоком Европы». Иными словами, люди в России в общем неплохие, но «разделяемые ими ценности, пережитая социальная история и наследие низкой политической культуры» порождают проблемы «неприятных (unfavorable) общественных установок по отношению к институтам и слабой их легитимности».

Во всех этих аспирантских рассуждениях смысловым зерном является покоящееся на фундаменте кросс-культурных измерений утверждение о связи и различии личностного, обобщённо-социального уровней доверия и доверия к общественным и государственным институтам.

По авторитетному мнению международного коллектива специалистов – «трастологов», «вместе с кросс – культурными исследованиями приходит методологический вызов перевода на чужой язык вопросников и аналитической терминологии, в том числе – проблема применимости обычно используемых шкал замера доверия, в том смысле, насколько они могут быть перенесены в другую культуру»⁵.

¹ Handbook of Research Methods on Trust. Edited by F. Lyon, G. Moellering, M.N.K. Saunders. Elgar. MA USA. 2012. Introduction. P.13.

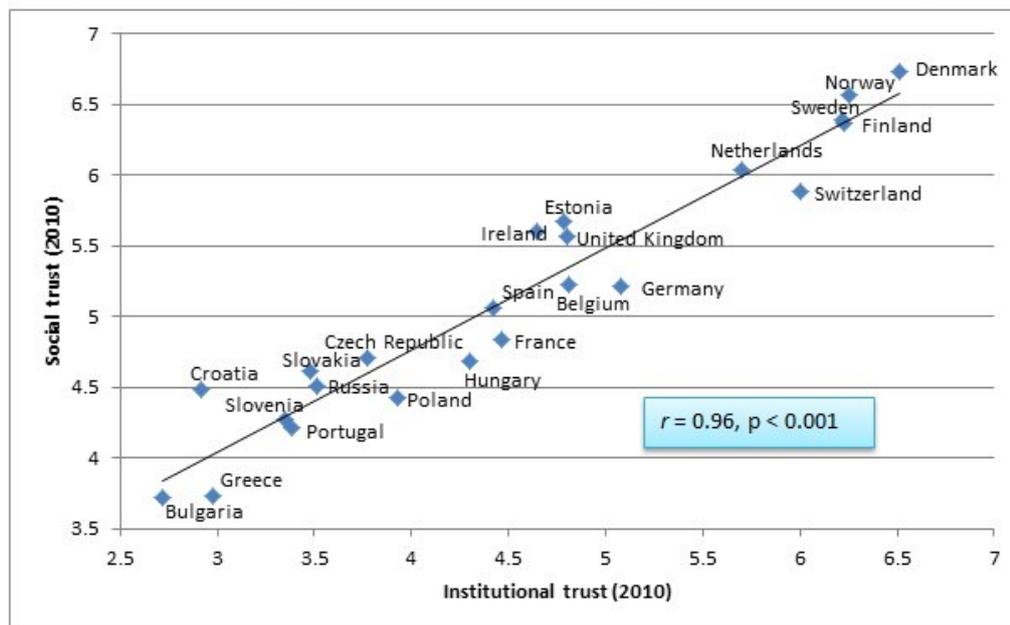
² Семенов И.С. От человека 2000-х к поколению – 2030 // НГ–сценарии, 2010, 30 марта.

³ Delhey J., Welzel Cr. Generalizing Trust: How Outgroup – Trust Grows Beyond Ingroup – Trust // World Values Research (WVR) Volume 5 / Number 3 / 2012.

⁴ Татарко А.Н. Взаимосвязь культурно-психологических факторов и социального капитала // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Психология, 2012. Т. 5. № 1. С. 105–113; Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. М.: Левада–Центр. № 3–4. 2012, июль–декабрь. С. 149.

⁵ Op. cit. Handbook of Research Methods on Trust. P. 9.

Диаграмма 3

Связи между социальным и институциональным доверием
в европейских странах по данным European Social Survey

Source: Authors' calculation from European Social Survey 2010.

Источник: Boda Z., Medve – Balint G. The politicized nature of many Eastern European institutions means that they are trusted less than those in Western Europe // London School of Economics and political sciences/ lse.ac.uk/europpblog/2012/08/21/

Наглядный пример актуальности выявления национальной специфики в ходе кросс-культурного ценностного анализа дают работы В. Магуна и М. Руднева. В частности, одна из последних их разработок, построенная на критически адаптированных данных Р. Инглхарта, убедительно показывает, что в каждой (в т. ч. – европейской) стране представлены все ценностные типы, но страны закономерно различаются между собой внутристрановыми распределениями людей по этим типам¹. При этом утверждается, что в России почти всё население распределяется между первым (склонность к властной иерархии) и вторым (ни иерархии, ни инициативной автономии) ценностными классами, то есть преобладают носители традиционных материалистических ценностей, ориентированных на выживание, а начинающийся переход к ценностям самовыражения («инициативная автономия») едва-едва обозначен. Об этом, по данным авторов свидетельствует негативный ответ большинства опрошенных на ставший «классическим» вопрос Всемирного (Европейского) исследования ценностей (World Values Survey): «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожным в отношениях с людьми?».

* * *

Суммируя «мейнстримовские» подходы к изучению доверия, их можно подразделить на 6 кластеров, как правило, отличающихся акцентами, доминирующими в исследовании.

В первой группе концептуальных подходов упор делается на детальном анализе исходных *позиций, отправных точек, предпосылок* формирования доверия, таких как порядочность, надёжность (trustworthiness – англ., Vertrauenswuerdigkeit –

¹ Магун В., Руднев М. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2012, № 3–4, июль–декабрь. С. 12.

нем.) доверенного лица. Исследуются аттитюды, установки, склонности к доверию, готовность добровольно смириться с уязвимостью и неопределённостью.

Второй кластер концепций объединяет исследования *процесса* создания и развития доверия.

Для третьего – характерно сосредоточение на *контексте* функционирования феномена.

Четвёртый кластер фокусируется вокруг процессов *принятия решений* в стратегии доверия.

Последователи концепций пятой группы преимущественно изучают области, сферы применения доверия, в основном, в бизнесе и менеджменте, здравоохранении, а также кризисные ситуации внутри корпораций и между ними.

Наконец, шестой кластер – это исследования, связанные с дефицитом доверия, недоверием и воссозданием, «ремонт» (repair) доверительных отношений. Как правило, в последнее время подчёркивается, что доверие и недоверие – принципиально разные концепты¹.

Приведённая классификация позволяет сформулировать основные направления или методологические вызовы (methodological challenges) в проблематике доверия.

Во-первых, это изучение процессов доверия в *динамике*, когда состояние признаётся частным случаем процесса развития доверительных отношений.

Во-вторых, выявление и анализ подразумеваемых (tacit), бессознательных, внерациональных элементов феномена.

В-третьих, – концептуализация и описание доверия в различных культурах.

В-четвёртых, – внимание к роли исследователя в изучении доверия.

В-пятых, исследование этики доверия.

Профессиональной и нравственной обязанностью социологов, политологов и других российских специалистов-гуманитариев неуклонно становится не только *изучение феномена современными методами*, но *разъяснение действительной роли доверия, основных видовых его черт, отличающих доверие от смежных социально-психологических установок*.

Без программно-целевого формирования культуры доверительных отношений легко скатиться вновь к слепой вере, пассивной надежде, граничащей с патерналистской апатией, или – к необоснованной уверенности во всемогуществе вождей. Всё это мы уже проходили.

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 1)

¹ Op. cit. Handbook of Research Methods on Trust. P. 6.

Глава 17. О.А. Бельков

КАК СОВЛАДАТЬ С МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТЬЮ?

(Статья первая)*

Давно уже замечено, что этнология и этнополитология порождены стремлением не столько познать этничность, сколько совладать с ней¹. Эту максимум следует уточнить в том смысле, что этничность становится проблемой для государств и обществ не сама по себе, а как мотив, фактор и инструмент взаимодействия этнической группы с другими подобными образованиями. Это взаимодействие – межэтнические отношения – по определению строится в координатах конкуренции. Как писал, С.Н. Булгаков, «совместное существование многих наций под одной кровлей создает между ними не только отношения солидарности, но и соревнования, борьбы».

Расхожие заявления о том, что в российском этнонациональном многообразии всегда была и есть наша красота и наша сила², что оно – богатство и источник могущества государства, фактор укрепления российской государственности³, фиксируют одну сторону. Однако другая сторона состоит в том, что многонациональность имеет конфликтогенный характер. Этническое многообразие может, как стабилизировать, так и расшатывать общественные институты, приводить к противоречиям и конфликтам.

Между тем, как говорит В.А. Тишков, она содержит в себе «проблемы, которые по определению неизбывны»⁴. Национальные проблемы общества представляют собой совокупность различных задач, определяемых закономерностями жизни наций, народностей, своевременное решение которых необходимо в интересах прогресса всего общества и каждого народа в отдельности. Национальные проблемы имеют универсальный характер. Они влияют на межличностные отношения людей, сотрудничество между коллективами трудящихся, деятельность общественных и государственных институтов. В них переплетаются экономика и политика, идеология и психология, история и современность. Они охватывают производственную, общественно-политическую, семейно-бытовую сферу жизнедеятельности людей и их общностей.

И если не вскрывать эти проблемы, не принимать своевременные и адекватные меры по их предупреждению и разрешению, государство «теряет силу и прочность»⁵.

Следовательно, строго говоря, совладать надо не с этничностью, а с многонациональностью. «Совладать» – значит утвердить такие формы социальной организации, в которых «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся».

* Первая публикация статьи: Безопасность Евразии, 2012, № 2.

¹ Эти слова Д. Уэлша приводят многие исследователи. См., например, Чагилов В.Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. М.: Изд-во «Прометей», 1999. С. 228–229. Носителями этничности являются этносы и их конкретные представители, а её хранителями, помимо них выступают также различные материальные и духовные образования (язык и фольклор, территориальная привязка и система расселения, хозяйственная специализация и элементы материальной культуры, такие как пища, одежда и т. п.).

² Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 года.

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. П. 12.

⁴ Тишков В.А. Национализм – погода на завтра: Прогнозов тьма – от мировой катастрофы до всеобщего счастья // Независимая газета, 2012, 25 сентября. С. 11.

⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 2012, 23 января.

Многонациональность как черта социума определяет и характеризует общество с двух сторон. По форме она всегда означает такую организацию человеческого общежития, при которой в рамках одного социального организма (от отдельного коллектива, микрогруппы, семьи до общества, государства) оказываются включёнными различные этнические группы¹ или представители различных национальностей. Содержание же, характер их сожителства определяют те реально существующие связи и отношения, которые сложились между ними. Представляя собой качественную определённость общества, многонациональность имеет сложный и противоречивый характер. Она создаёт дополнительные возможности решения назревших общественных задач и порождает проблемы, неизвестные однородному в национальном отношении коллективу.

Многонациональность содержит в себе не только конструктивный созидательный потенциал, но и таит вызовы стабильности, целостности, жизнечности государства. «Собственно говоря, – пишет В.А. Тишков, – на Земле почти повсюду существуют противоречия между этническими общностями – межэтническая напряженность в широком смысле слова. Без нее, к сожалению, не обходится ни одно полиэтничное общество». О том же пишет Э. Паин: «В силу потенциальной конфликтности этнической (культурной) и гражданской концепций нации почти в любом государстве возникает необходимость поддержания национальной сплоченности, консолидации граждан, и эта задача является одним из важнейших элементов внутренней политики»².

Как качественная определённость общества многонациональность носит сложный и противоречивый характер. С одной стороны, она создаёт дополнительные возможности решения назревших общественных задач, а с другой – выдвигает проблемы, неизвестные однородному в национальном отношении коллективу.

Само противоречие между группами, имеющими несовместимые цели в борьбе за ограниченные ресурсы (территорию, власть, престиж), оказывается лишь одной из стадий конфликта – той стадией, которую обычно называют объективной конфликтной ситуацией. Собственно говоря, на Земле почти повсюду существуют противоречия между этническими общностями – межэтническая

¹ Как известно, социокультурные общности в научном и политическом языке называются по-разному. В Стратегии государственной национальной политики употреблены понятия: народы России, народы (этнические общности), коренные малочисленные народы, национальные меньшинства, национальные (этнические) общности. И все они являются субъектами межнациональных (межэтнических) отношений и объектами государственной национальной политики. А ещё говорят о нации, нации-этноте, национальности, диаспоре, этноте и др. В данной статье сознательно употребляется относительно нейтральный термин «этнические группы». Это позволяет, с одной стороны, отмежеваться от дискутируемой в науке проблемы о природе этносов (примордиализм, инструментализм, конструктивизм). Ибо для политики важно не как они сложились, а их реальное существование. С другой стороны, данный термин подчёркивает, что этнические образования, составляющие российский народ, чрезвычайно различны. При этом в социально-политическом плане в качестве относительно самостоятельных этнических образований могут выступать отдельные части этноса. Так, татары России представляют собой одну общность, но во многих случаях татары в Татарстане, Башкирии или Москве имеют свои, отличные от других интересы. Не случайно в соответствии с законом в стране создаются и действуют федеральные, региональные и местные национально-культурные автономии.

² Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 129. Принимая и разделяя общий пафос этого заявления, хотелось бы оговориться, что в реальном мире конфликтуют не концепции, а живые люди, которые зачастую никакого представления об этих концепциях не имеют.

напряжённость в широком смысле слова. Без неё, к сожалению, не обходится ни одно полиэтничное общество. Чаще всего напряжённость существует между доминантной этнической общностью и этническим меньшинством, но она может быть как открытой, проявляющейся в форме конфликтных действий, так и скрытой, тлеющей. В последнем случае напряжённость выражается в социальной конкуренции, достигаемой оценочным сравнением своей и чужой групп в пользу собственной.

Во-первых, объединение усилий различных национальностей расширяет социальную базу, увеличивает численность лиц, идущих к общей цели, что объективно может ускорить её достижение. Есть немало фактов и авторитетов, свидетельствующих о высокой самооценности национальных факторов. Их своеобразие представляет собой ничем не заменимую часть мирового общечеловеческого опыта. Сегодня мало кто возражает против того, что нация – неизбежный продукт и неизбежная форма определённой эпохи развития. Спорят о том, является эта общность природным, этническим или сугубо политическим образованием. Но независимо от ответа, все согласны в том, что «упразднение» нации, разрушение её территориальной, экономической, политической целостности, лишение независимости, ограничение самостоятельности сковывает или даже делает невозможным поступательное развитие и отдельного народа, и мира в целом. Не случайно международное сообщество разрабатывает правовые нормы защиты прав национальных меньшинств.

Однако поиск практических решений значительно осложняется, так как их выработка и осуществление могут быть успешными только при громадной внимательности к интересам различных наций, без чего «ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹.

Межнациональное взаимодействие затрагивает эмоциональные, интеллектуальные и волевые проявления психической деятельности людей. Его налаживание связано с преодолением психологических барьеров, порождаемых тем, что восприятие и оценка человеком окружающей действительности осуществляются сквозь призму опыта, ценностей своей нации. Здесь необходим, говоря словами В.И. Ленина, архитакт национальный. Малейшее неуважение национальных особенностей и чувств может вызвать серьёзные осложнения.

Как писал Э. Дюркгейм, социальная дезорганизация есть такое состояние социального образования, когда ценности, нормы и социальные связи отсутствуют или становятся неустойчивыми и противоречивыми. Это может происходить в результате смешения этнических групп, имеющих различные взгляды и проявляющие верность различным идеалам².

Во-вторых, различные народы, развиваясь в неодинаковых естественно-географических и социально-исторических условиях, накопили своеобразный опыт, приобрели трудовые навыки, формы поведения. Многонациональность, предполагающая массовые, частые и продолжительные контакты людей, принадлежащих к разным культурам, способствует тому, что каждая нация может и должна учиться у других. Взаимный обмен накопленным опытом расширяет арсенал средств, использование которых способно ускорить общий социальный прогресс.

Вместе с тем такой обмен влечёт за собой изменение исторически сложившихся национальных черт. А так как эти черты воспринимаются её носите-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 240.

² СОЦИС, 1992, № 1. С. 136.

лями как едва ли не извечные, естественные и наиболее оправданные формы жизнедеятельности, то отказ от любой из них, означающий перестройку устоявшегося уклада жизни людей, таит в себе опасность возникновения конфликтных ситуаций. К тому же многонациональность интенсифицирует межнациональную миграцию населения. Приспособление же мигрантов к непривычным природно-географическим и культурно-бытовым условиям требует немало времени и сил.

И это не всегда проходит безболезненно. Рядом исследователей определено, что если диаспора достигает примерно 5% населения страны, она начинает бороться за право, как минимум, культурного самоопределения. По статистике Евросоюза, говорит Д.О. Рогозин, квартал, в котором число иноэтнических мигрантов (независимо – легальных или нелегальных) составляет 12–13%, теряет добрую репутацию. По подсчётам Федеральной миграционной службы России, компактное проживание в каком-то районе страны или региона граждан другого гражданства не должно превышать 17–20%, особенно если они другой национальной культуры и вероисповедания. Превышение этой нормы создаёт дискомфорт для коренного населения. Между прочим, в Москве, по свидетельству С. Собянина, в некоторых районах уже сегодня проживает от 10 до 20 процентов граждан неславянской внешности¹. Но ведь дело не только во внешности.

Частный пример: Власти Москвы приняли решение отказаться от строительства исламского культурного центра с мечетью в Митино после состоявшегося 19 сентября массового митинга жителей района. Соответствующее решение, уточнили в мэрии, градостроительно-земельной комиссией Москвы было принято в связи с возражениями жителей района. Против строительства мечети, по социологическим опросам, выступают порядка 90% жителей Митино².

В-третьих, общение наций, спасая человечество от скучного однообразия, является плодотворным и необходимым для общеисторического развития. В своё время Ф. Энгельс, отмечая глубокие различия в характере ирландцев и англичан, указывал, что общение между ними может, в конечном счёте, оказаться только полезным для обоих³. Этот вывод имеет методологическое значение: он в равной мере относится к взаимодействию любых народов.

По мере развития производительных сил и средств сообщения растёт взаимозависимость народов. Расширение и учащение связей между ними ведёт к интернационализации экономической и всей общественной жизни, что сопровождается ломкой национальных перегородок. В результате этих процессов усложняется многонациональность и порождаемые ею проблемы. Самым парадоксальным образом глобализация привела к резкому обострению национального самосознания, к локализации культурных и национальных сообществ, к возрождению архаических форм этнической самоорганизации, к формированию противоречий между этнокультурным и религиозным традиционализмом и модернизацией.

Вместе с тем, всякое национальное движение, казалось бы, направленное на защиту и развитие национальной самобытности народа, как показал

¹ См.: Вартумян А.А., Шебзухова Ф.А. Миграционная политика на Северном Кавказе: монография. М.: ООО «ТЦУМиНЛ», 2008. С. 83; Московский комсомолец, 2005, 11 ноября; Время новостей 2006, 16 ноября; Совместное заседание Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 // <http://news.kremlin.ru/news/9915>.

² <http://top.rbc.ru/society/20/09/2012/670582.shtml>. Запись 20 сентября 2012 г.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 356.

К.Н. Леонтьев, приводило, в конечном счёте, к обратному результату – интернационализации его образа жизни, самого его облика. «Многие мыслящие патриоты (и даже наши славянофилы), – писал Леонтьев, – не узнали в так называемом национальном движении своего злейшего врага: космополитическую революцию».

Развитие производительных сил, углубляющаяся научно-техническая революция и связанные с ними процессы урбанизации влекут за собой глубокую перестройку условий и образа жизни наций. Причём эта перестройка носит внутренне противоречивый характер. Вот что в своё время писал, например, о Литве поэт Ю. Марцинкявичус: «Литовский пейзаж и литовский земледelec переживают ныне, быть может, самый революционный период своей истории. Хутор – это многолетнее крестьянское гнездо, колыбель психологии, быта, традиций и морали хлебороба – постепенно исчезает у нас на глазах. Но уходит в небытие как хуторская разобщенность людей и заскорузлость нравов так и ощущение корневой связи с землей»¹.

Подобная перестройка может породить и порождает драматические коллизии в жизни людей. Об этом ярко и убедительно рассказал В. Распутин в повести «Прощание с Матерой». Описанная в ней история затопления (в связи со строительством гидроэлектростанции) острова и деревни заставляет задуматься каждого о том, как неоднозначны по своему содержанию и последствиям явления, затрагивающие национальные устои жизни, как важно делать всё для того, чтобы строя новое, не растерять ценности прошлого, которые определяют облик народа и без которых не может нормально развиваться человек. Эта история свидетельствует: защита историко-культурной среды не менее значима для нормального духовного развития подрастающих поколений, чем защита природной среды – для их физического развития.

В этой связи интересен такой факт². Министерство внешних экономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области (министр – Игорь Горевой), получив в своё ведение и национальный вопрос попробовали спланировать стратегию развития лет на десять вперёд. И понять, к чему стремиться. Какими мы хотим видеть эвенков в Амурской области через десять лет? Выявилось два абсолютно противоположных мнения. Одни призывают: «давайте будем поддерживать традиционный уклад хозяйствования». Поскольку на экономике и на хозяйстве держится и вся духовно-нравственная надстройка. Другие не верят, что уклад этот удастся сохранить. И рекомендуют коммерциализировать мемориальную часть. Мол, сколько бы мы ни датировали традиционный уклад, постоянно идёт отток коренного населения из посёлков. Люди хотят жить в современных домах, учить детей в больших городах. Откуда дети уже не очень-то хотят возвращаться. А, следовательно, вкладываясь в сохранение традиционного эвенкийского уклада, мы будем плыть против течения. И через какое-то время нас непременно снесёт его силой. Между прочим, обе точки зрения в равной степени нашли горячих сторонников и среди самих эвенков.

¹ Коммунист, 1981, № 8. С. 35.

² Чугунова В. Амурский этнотренд // Аргументы недели, 2012, 29 февраля. Министерством принято решение завершить строительство этнографического комплекса «Эвенкийская деревня» (плановые сроки 2010–2012 гг.), как центр сохранения культуры эвенков на севере Амурской области и как туристический объект. Одновременно намечено создать благовещенский этнокультурный центр. При этом в строительство и эксплуатацию этой деревни планируется вовлечь все родовые эвенкийские общины области. В перспективе – создание благовещенского этнокультурного центра, где будут русская национальная деревня, рядом казачья станица, здесь же – эвенкийская и далее по списку: украинская, белорусская.

В-четвёртых, многонациональный и многоязычный коллектив сохраняет широкие связи и может быстрее, легче установить контакты с зарубежными этническими общностями, особенно с теми, чьи представители входят в его состав. Руководством государств активно используются ресурсы, которые даёт этническая близость с населением зарубежных государств. Так, стало распространённой практикой включать в состав официальных делегаций при визитах в ту или иную страну руководителей соответствующих национально-культурных центров и обществ.

В то же время эти связи создают каналы для нелегальной миграции. Современные диаспоры – это не только форма и механизм существования исторически сложившихся сообществ, являющихся носителями определённых этнокультурных традиций, но и политический инструмент. Данное обстоятельство требует определения политического и правового поля, на котором диаспоры выступают в качестве акторов, а также обозначения нелегитимных, но существующих правил политической игры, которым вынуждены следовать диаспоральные объединения.

Всё сказанное подтверждает, что изначально и вплоть до наших дней в развитии многонациональности прослеживаются отмеченные ещё Лениным две тенденции: первая – пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнёта, создание государств, и вторая – развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни, политики, науки, мирового рынка и т. д.

Таким образом, многонациональность как форма организации общественной жизни объективно включает в себя положительные и негативные моменты. И потому формула Стратегии: «многообразие национальной (этнической) состава и религиозной принадлежности населения России служит фактором укрепления российской государственности, определяет состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» односторонняя, по существу, способна дезориентировать власть и общество. Тревожным следствием такой дезориентации является тот факт, что по признанию Д.А. Медведева в бытность его президентом, «работа по вопросам межнациональных отношений никогда не относилась к приоритетам региональной деятельности, она обычно отнесена на второй план, а зачастую носит просто имитационный характер»¹.

Сегодня, отмечается в Стратегии государственной национальной политики, на развитие межнациональных (межэтнических) отношений негативно влияют факторы, имеющие глобальный или трансграничный характер, такие как унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, нерешённость проблем беженцев и вынужденных переселенцев, незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, международная организованная преступность.

С сожалением приходится признать, что найти универсальную оптимальную форму межнационального сожительства пока не удалось. Социалистический интернационализм оказался слабой скрепой, неспособной сохранить единство многонационального советского общества; «плавильный котёл» ассимиля-

¹ Совместное заседание Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 // <http://news.kremlin.ru/news/9915>.

ции барахлит и чадит (В.В. Путин); в «лихие девяностые» стала очевидной деструктивность идеи суверенизации («берите себе суверенитета, сколько сможете проглотить»); по признанию лидеров крупнейших государств Европы, потерпела крах политика мультикультурализма; не даёт решение проблемы политика позитивной дискриминации. (Были ещё геноцид, сегрегация и апартеид, этнические чистки и депортации. Но это находится за рамками цивилизованных норм и процедур, осуждается общественным мнением и отвергается международным правом). На сегодня ещё не создана законченная, проработанная во всех деталях мысленная модель идиллического многонационального общества и не выработана политика, обеспечивающая движение к нему. Нигде в мире пока не найден рецепт абсолютной социальной гармонии.

В Стратегии государственной национальной политики говорится: «Государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений». Затем в ней же подчёркивается, что преодоление негативных факторов многонациональности «связано с возникновением новых задач и приоритетных направлений в сфере государственной национальной политики Российской Федерации, решать которые предполагается, руководствуясь настоящей Стратегией». Однако нужно очень большое желание и усердие, чтобы эти «новые подходы» увидеть в самой Стратегии. В ней расставлены не все точки над «i».

В подтверждение только один факт. В нашей Конституции дважды сказано о равноправии и самоопределении народов как принципе и основе федеративного устройства Российской Федерации. В Стратегии они отнесены к основным принципам государственной национальной политики Российской Федерации. Однако содержание и формы самоопределения не раскрываются. Лишь в контексте совершенствования государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации сказано о совершенствовании организации местного самоуправления с учётом возможности использования форм традиционной территориальной самоорганизации народов России. Но это, как говорится, другая песня: самоопределение народов в Российской Федерации и территориальная самоорганизация, местное самоуправление – суть разные вещи.

Декларируя принцип самоопределения, ни Конституция, ни Стратегия не определяют конкретные процедуры и форы его реализации. Нет в них и утверждения, что все народы уже самоопределились, и вопрос этот снят с повестки дня. И это правильно, поскольку самоопределение не только состояние, но и процесс. Вопрос о природе и сущности права народов на самоопределение, формах его реализации не только активно обсуждается в науке, но и на практике становится фактором этнической мобилизации, мотивом политической активности различных слоёв населения.

В Стратегии сформулировано пять целей государственной национальной политики и почти все – отглагольными существительными (упрочение, сохранение и развитие, гармонизация, обеспечение, адаптация и интеграция). Но отглагольные существительные характеризуют процесс, в то время как цель должна определять состояние, для достижения которого развёртывается данный процесс. К тому же процессы, названные целями (разве за исключением весьма абстрактного третьего – «гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений») – касаются духовной сферы и прав человека.

Оказались опущенными такие сюжеты, как сбережение народа, территориальная целостность государства, фактическое и юридическое равноправие

этнических групп, их государственное единство, расцвет и сближение, или даже расхожая в советское время, но забытая ныне дружба народов и др. (некоторые из них включены как частные сюжеты в раздел, называющийся: задачи государственной национальной политики). Но, как писал В.В. Розанов, не определив, «чего мы хотим?», нет смысла задаваться вопросами: «что делать?» и «как делать?».

Конечно, можно с пафосом вопрошать: «Ну чем, к примеру, плох тезис о необходимости сохранять и развивать культуры и языки народов России? Или о равенстве прав и свобод гражданина независимо от расы, национальности, языка или религии?»¹ Спрашивающая полагает, что вопрос её риторический. Разочаруем.

Сами по себе эти тезисы не плохи. Однако первый из них сводит проблему межэтнических отношений к надстроечным образованиям, оставляя за рамками разговора базисные сюжеты, как будто этническое ограничено сферой фольклора. Важнейший вопрос о национальных традициях и самобытности нельзя упрощать, сводить к этнографии и бытовизму, скажем на Руси – к избам, хороводам и кокошникам.

Для сравнения. В Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации в феврале 2009 г., говорится, что устойчивое развитие малочисленных народов Севера предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей. Как видим, здесь набор условий и факторов, определяющих и выражающих благополучие этнической группы значительно шире.

Между прочим, это нарочитое внимание власти к этнонациональной культуре прослеживается давно. В. Басаргин, в бытность министром регионального развития, говоря о сложной ситуации в межэтнической сфере, «о выплеске национальной розни» и ответе на этот вызов, заявил: «Мы сегодня акцент, конечно, делаем на информационную работу». Проблемы социально-экономические и политические остаются в стороне. Вот и ныне один из разработчиков проекта Стратегии утверждает, что укрупнение регионов – чисто экономическая мера, не имеющая никакого отношения к национально-территориальным образованиям страны². И это притом, что в результате уже состоявшегося укрупнения на политической карте России не стало шести национально-государственных автономий. Следовательно, вопрос о «сохранении и развитии культуры и языков народов России» является частью более широкой задачи – сохранения и развития народов (в советское время об этом говорилось как о всестороннем расцвете социалистических наций и народностей).

Второй тезис тоже верен. Но он переводит вопрос межэтнических отношений на личностный уровень. Однако нельзя отворачиваться от того, что в условиях многонациональности многие права и свободы гражданина носят коллективный характер и не могут быть реализованы в индивидуальном порядке. Таково, например, конституционное право на свободный выбор языка общения, воспитания и обучения, которым отдельно взятый гражданин, находящийся вне своей

¹ Лянге М. Стратегия и карапузы // Аргументы недели, 2012, 27 декабря. С. 26.

² Владимир Зорин: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации – это документ общественного согласия» // <http://www.bashinform.ru/news/513551/>. 29 ноября 2012 года.

национальной среды не сможет воспользоваться. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, но в государственной системе образования используются 89 языков, из них только 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения¹.

Развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность, тем более свою культуру во всех её аспектах люди могут только сообща, совместными усилиями многих. Поэтому задачей этнонациональной политики является не равенство прав и свобод гражданина независимо от его национальности, а создание условий, обеспечивающих свободную реализацию его интересов, обусловленных национальной принадлежностью.

Взвешенная и мудрая этнонациональная политика, способная обеспечить «единство в многообразии» не может строиться по наитию, выступать как оперативное реагирование на вызовы обстоятельств и времени. В то же время действенной эта политика не станет без чёткого названия проблем, существование которых является причиной того, что межнациональные отношения в современной России являются напряжёнными. Как известно, лечение болезни невозможно без установления диагноза.

В Стратегии констатируется, что «в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчётами в государственной национальной политике Российской Федерации. Сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма». Кроме того, в ней перечислены 9 негативных факторов, отрицательно влияющих на развитие межэтнических отношений. Сами же «вновь возникающие проблемы» не сформулированы.

Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, в Стратегии названы:

- а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;
- б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;
- в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;
- г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией.

Не станем говорить о том, что в Стратегии оказались не согласованными основные вопросы государственной национальной политики и её цели. Отметим, что здесь, во-первых, названы не новые проблемы, они, говорится в самой Стратегии, важными являются «по-прежнему». Во-вторых, в данном перечне оказались, безусловно, важные темы, но взятый в целом, он представляет собой если не уход от действительности, то крайнее её упрощение. Это подтверждается тем, что многие сложные (возможно наиболее острые) вопросы межэтнических отношений оказались опущенными.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, п. 10.

Возьму на себя смелость назвать некоторые, на сегодня наиболее серьёзные деформации российской многонациональности.

- «Матрёшечный» принцип российской федерации, её асимметричность.

Как известно, в настоящее время Российская Федерация включает 83 региона – субъекта Федерации. Среди них 21 республика, 9 краёв, 46 областей, 4 автономных округа, одна автономная область и два города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург). Отметим один парадокс территориально-государственного устройства России, уникальный в мировой практике. Автономные округа (за исключением Чукотского) входят в более крупные территориальные единицы: Ненецкий автономный округ – в Архангельскую область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа – в состав Тюменской области. Но в соответствии с Конституцией Российской Федерации и территориальная часть (автономный округ), и целая территория (край или область) являются равноправными субъектами Федерации.

Отметим и такой факт. Из 193 этнических групп, зафиксированных последней переписью населения только 26 имеют «собственную» национальную государственность. Причём при заявленном равенстве субъектов Федерации республики (5 статья Конституции их называет государствами) по своему статусу выше, чем края и области.

Огосударствление этничности не решает всех проблем системы межэтнических отношений, как равно и всех проблем титульного этноса данной республики, но порождает проблемы, связанные с правами на «исконную» территорию, на «территорию этногенеза» как среду достижения политических интересов, на ресурсы, которые оцениваются с точки зрения их принадлежности определённому народу, обоснования тезиса. Так, весьма откровенно и жёстко тезис о Башкортостане как государстве башкирского народа сформулировал бывший заместитель премьер-министра правительства республики Ильдус Илишев, который заявил: «Для Башкортостана башкиры – титульная государствообразующая нация. Это служит ориентиром для всех ветвей власти»¹.

Это дало возможность одному из экспертов заявить: «В России уже есть места, где фактически контроль над нашей территорией уже утерян. Нет, там, конечно, еще присутствуют федеральные силовики, там еще танцуются ритуальные танцы лояльности. Все это происходит. Но уже параллельно созданы такие структуры власти, которые действуют намного жестче и эффективнее, чем власть номинальная. И это происходит не только на окраинах нашей территории. Это происходит в центре России»².

Кстати сказать, представляется некорректной формула Конституции, гласящая: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Во-первых, «на соответствующей территории», например, в исконно русских областях проживают не народы, а части одного русского народа, нет ведь народа Псковской или Орловской областей. Во-вторых, земля и ресурсы субъекта федерации являются общим достоянием всего многонационального народа России.

Стоит прислушаться, с одной стороны, к тем теоретикам, которые говорят об излишне дробном, мультиплицированном государственном устройстве

¹ Соединенные Штаты России. Виктор Алкснис о территориальном устройстве страны
<http://svpressa.ru/society/article/60252/>

² <http://civilplatform.ru/news/speech/>

России. Быть может наиболее резко и эмоционально эту позицию сформулировал М. Прохоров: «Сегодня региональное деление душит нашу страну точно так же, как феодальная раздробленность»¹. Заметим, что инициированная из Центра идея укрупнения субъектов Федерации сегодня практически оказалась замороженной.

С другой стороны, в последнее время столь разные деятели, как М. Прохоров и В. Алкснис выступают с идеей перехода к территориальному принципу государственного устройства России.

О том же говорят и в самих национально-государственных образованиях. В печати сообщалось, что в Дагестане зреет инициатива по переименованию **национальных республик России. Там полагают, что многонациональные субъекты федерации не могут носить название одного из этносов, поскольку это ставит нетитульные этнические группы в приниженное состояние.** Считается, что многих межэтнических проблем удастся избежать, если поменять названия на географические. Например, Кабардино-Балкарию предлагается переименовать в Приэльбрусскую Республику, Татарстан – в Казанскую, а Башкортостан – в Уфимскую Республику. «Сохранение элемента этничности в названии оправдано лишь в том случае, когда в планы республики входит отделение от территории России, но если мы их считаем частями РФ, то от этничности надо уходить», – уверен ректор Дагестанского института экономики и политики Абдул-Насир Дибиров. Представитель Чеченской Республики в Госдуме, депутат от «Единой России» Магомед Вахаев идею о переименовании поддержал. Однако он поддерживает возврат к старому территориальному делению – к губерниям².

• Неурегулированность вопросов разграничения предметов ведения между Федерацией и её субъектами и противоречивый характер межбюджетных отношений и недостатки бюджетного федерализма.

Бюджетный федерализм – это разграничение полномочий, возлагаемых на центральные органы власти, органы власти субъектов РФ и местное самоуправление в бюджетной сфере. Сущность бюджетного федерализма в полной мере проявляется в процессе получения доходов и несения расходов бюджетами различных уровней. Важнейшей составной частью бюджетной политики страны выступают межбюджетные отношения. На её основе разрабатываются подходы к разграничению доходных и расходных полномочий между уровнями власти, определению критериев и методов предоставления финансовой помощи на базе условий функционирования бюджетной системы.

Однако, как указывает Председатель комитета Совета Федерации по делам Федерации и этнонациональной политике Р. Алтынбаев, передача новых федеральных полномочий не сопровождалась увеличением собственной доходной базы бюджетов большинства регионов. В последние годы происходит централизация основных доходных источников на федеральном уровне. За последние годы доля налоговых поступлений в доходах региональных и муниципальных бюджетов уменьшилась с 69,7 процента до 29,5 процента. Неудивительно, что 70 из 83 регионов являются дотационными, то есть с точки зрения экономики

¹ <http://civilplatform.ru/news/speech/>

² <http://zavtra.ru/content/view/vzyat-i-pereimenovat-2012-11-16-115142/>. Запись 16.11.2012. Директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков считает, что необходимости в переименованиях нет: «В первую очередь придется менять Конституцию. Что следует делать только в крайних случаях. Кроме того, практика существования территориальных автономий, носящих названия одного народа, поддерживается и другими зарубежными странами. Скажем, страна Басков или провинция Каталония в Испании».

являются абсолютно несостоятельными. Там проживает 74% нашего населения. Это занимает 87% нашей территории¹.

Большая часть расходов регионов покрывается за счёт отчислений от федеральных налогов и сборов и иных поступлений из федерального бюджета. В результате получается так, что деньги сначала идут в центр, а уже затем центр распределяет их между субъектами. По данным органов власти субъектов РФ поступлений от этнонациональных налогов и сборов достаточно для финансирования не более пятой части существующих расходных обязательств².

Возможный выход из такого конфликтного положения видится в создании Федерального фонда этнонационального развития, ориентированного на поддержку экономических депрессивных регионов и формируемого за счёт территориальной ренты, изымаемой в более благоприятных регионах.

• Высокий уровень экономической, социальной и материальной дифференциации субъектов федерации, наличие большого числа дотационных регионов.

По объёму валового регионального продукта на душу населения минимальное и максимальное значение в субъектах Российской Федерации различалось в 2004 г. – в 73 раза, в 2006 г. – в 117 раз. Степень дифференциации инвестиций в основной капитал на душу населения в субъектах Российской Федерации составляла в 2004 г. 184 раза, а в 2006 г. – 235 раз. Наибольший объём инвестиций в 2007 г. приходился на Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую, Ленинградскую, Свердловскую, Московскую, Сахалинскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край. Доля этих субъектов Российской Федерации составила 50% от общего объёма инвестиций в основной капитал страны³. В 2006 г. на долю восьми субъектов, составляющих 10% территории и имеющих 24% численности населения страны, приходилось 47% внебюджетных инвестиций в основной капитал, а объём иностранных инвестиций в них составил 82%.

В целом, как констатировал В.В. Путин, для сегодняшнего дня характерна большая и всё усиливающаяся дифференциация между социально-экономическим развитием регионов – с преобладанием количества субъектов Российской Федерации, имеющих низкие показатели. Разница между субъектами Российской Федерации практически по большинству основных параметров феноменальна и достигает десятки раз⁴.

Устойчивой чертой современного периода развития остаётся растущая концентрация экономики России в регионах с особыми преимуществами – Москве, Санкт-Петербурге и Тюменской области с автономными округами. Более половины объёма валового регионального продукта (ВРП) производится в 11 субъектах Российской Федерации. Прежде всего, это крупные финансовые центры (такие, как Москва – 18%, Санкт-Петербург – 3%) и богатые сырьевые регионы. В этих же регионах сосредоточились основные инвестиции и другие ресурсы экономики.

¹ <http://civilplatform.ru/news/speech/>

² <http://www.komfed.ru/smi/473.htm>.

³ Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации // www.minregion.ru/OpenFile.ashx/koncept.doc?AttachID=167.

⁴ О стратегии развития России до 2020 года: Выступление В. Путина на расширенном заседании Государственного совета. 8 февраля 2008 г. // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 23.

В 47 субъектах Российской Федерации, по данным Минэкономразвития России, высокие риски экономической деятельности связаны с моноотраслевым характером их экономики (в ряде регионов доля 2–3 отраслей составляет до 70%)¹. Экономический кризис в конце первого десятилетия 21 в., конечно же, только усилил их экономическое отставание.

- Конфликты и трения между субъектами федерации и их элитами.

На Северном Кавказе, например, специалисты, отмечая роль этнических элит, этнократии, обращают внимание на то, что они формируются с учётом положения и статуса фамилии, рода, тейпа в местном сообществе, позиции которых в субъекте чётко определены и известны. Одной из характеристик управленцев высшего и первого звена в республиках РФ в СКФО выступает их этническая принадлежность. Незыблемо правило, согласно которому глава субъекта является представителем титульного народа, но не иной этнической группы².

Ректор Дагестанского института экономики и политики Абдул-Насир Дибиров отмечает, что сейчас во многих национальных республиках, к примеру, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесской Республике остро стоит проблема неравенства этносов³.

Симптоматичным явлением в некоторых субъектах Северного Кавказа (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария) в 2000–2011 гг. стало формирование противоборствующих политических группировок на базе этничности, прежде всего, в ходе выборов главы субъекта и выборов в законодательные органы субъекта. Ситуация выборов, как федеральных, так и региональных и местных, как правило, актуализирует отношения между этническими сообществами и внутри них в связи с политическим позиционированием и обострением противоречий между региональными и местными отделениями политических партий, групп поддержки⁴.

В этом отношении характерно и признание президента Башкортостана Р. Хамитова. В нашей многонациональной республике, говорил он, всего лишь 1,5 процента ставят вопрос о том, что есть какие-то деформации в межнациональных вопросах. Тем не менее, ему самому в практической работе минимум 30 процентов времени приходится заниматься проблемами межнациональных отношений⁵.

- Этническая стратификация населения, то есть неравномерное распределение национальных групп в экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества; межэтническое разделение труда.

Понятие этнической стратификации выражает социально-этническое неравенство различных этнических групп, их престиж, статус и место в общей иерархии этнических общностей. Социологи фиксируют достаточно высокий процент респондентов в городах России, считающих, что в их населённых пунктах есть националь-

¹ Валюков В., Ермаков А., Сидоров Б. О некоторых аспектах межрегиональной дифференциации социально-экономического развития в России / Вестник аналитики. Журнал аналитических материалов. 2008. № 1 (31). С. 157.

² Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9–10 июля 2009 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2009.

³ <http://zavtra.ru/content/view/vzyat-i-pereimenovat-2012-11-16-115142/>

⁴ Аствацатурова М.А. Государственная национальная политика в южных регионах России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности России. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2011. С. 576.

⁵ Совместное заседание Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 // <http://news.kremlin.ru/news/9915>.

ные группы, чей жизненный уровень выше (называют «кавказцев», евреев, татар). Возникает вопрос, соответствуют ли эти стереотипы массового сознания какой-то реальности, или это мифологическое образование? Социологи ИСПИ РАН утверждают, что сама по себе национальная принадлежность не определяет ни меру материальной обеспеченности, ни степень социальной адаптации к процессам трансформации. Однако очевидны и среднестатистические различия в оценках и самооценках между этническими группами в ряде городов¹.

Этническая, как и любая другая стратификация, порождает соперничество за ресурсы и распределение благ и привилегий, а потому потенциально содержит в себе противоречия и конфликты. Возможно, в этом контексте следует рассматривать констатацию-установку из предвыборной программы Общероссийского народного фронта: «На практике требуется в полной мере реализовать принцип равенства всех перед законом, вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности. Российское законодательство должно быть единым, без изъятий. На это нужно направить и правоприменительную практику. Пока это, к сожалению, не так – и по причине коррупции, и других проблем, и не только в правоохранительных органах»².

• Социальный статус и самочувствие русского народа. В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. констатировалось: «Межнациональные отношения в стране во многом будут определяться тенденциями и перспективами развития русского народа, являющегося опорой российской государственности». Там эти тенденции и перспективы не были названы. Но в нынешней Стратегии нет и этого. В ней слово русский в контексте русский язык, русская культура, русская православная церковь употреблён около 10 раз. И только дважды говорится о русском народе как о системообразующем ядре государства и о его объединяющей роли. С юридической точки зрения сам термин русский народ вообще не фигурирует в отечественном законодательстве.

Для сравнения приведу положения из Конституций республик в составе Российской Федерации. Республика Адыгея образована в результате реализации права на самоопределение адыгского народа; алтайский язык является основой национального самосознания алтайского народа; Республика Бурятия, образована в результате реализации права бурятской нации на самоопределение; Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости калмыцкого, русского и других народов республики; исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на её территории карелов, Республика Коми гарантирует сохранение и развитие языка, традиционной культуры и образа жизни коми народа и других народов, проживающих в республике и т. д.

Отсутствие конституционной и законодательной констатации существования русского народа – это лишь правовое выражение ситуации, в какой русские оказались в своей стране. В своё время в нашем журнале был большой материал, посвящённый русскому вопросу в современной России³. С тех пор положение

¹ Белокопыт А.Н. Межэтнические отношения и миграционные процессы на Ставрополье // <http://www.uchis.ru/public1.php?id=34>.

² Программа ОНФ «Народные инициативы» // <http://er.ru/news/2011/10/23/programma-narodnyj-iniciativ/>

³ Русский вопрос в современной России: полемические заметки о «русском проекте» // Безопасность Евразии, 2007, № 3.

не улучшилось. Вот как его характеризовал Д.О. Рогозин¹. «Еще с ельцинских времен формальный и фактический статус отдельных национальных республик выше, чем собственно русских регионов. Эти республики имеют определенные преференции и льготы. При этом выходцы из этих республик довольно-таки часто проявляют неуважение к жителям центральных российских мегаполисов, демонстративно нарушают русские культурные стандарты и нормы общепринятого поведения. Преступные элементы, в том числе и с опытом участия в бандформированиях, формируют значительную часть наиболее жестоких и циничных криминальных группировок. Потому русские и почувствовали, что находятся в России в положении социально и этнически дискриминированного большинства.

Продолжается сокращение численности русских. Не остановлена деградация русской деревни, обезлюдели крупные сельские массивы в исконно русских областях Центральной России. Более того, уже на самом высоком уровне признается, что "в России, а в особенности на исторических русских территориях, ущемляются права русских"² Ухудшение положения русских в материальном производстве, потеря традиционных видов занятости негативно воздействовали на их психологическое самочувствие, порождая чувства безысходности, безразличия, озлобленности и, как следствие утрату моральных ориентиров, падение нравственности, небывалый рост преступности, алкоголизма и наркомании»³.

Русские остро ощущают и переживают своё неравноправное положение. Как результат – в России началась этническая мобилизация русского населения. Положение русских, русский вопрос, вновь процитирую Д. Рогозина, – вот главный нерв современной российской политики, что, к сожалению, многими ещё не понято, а многими воспринимается излишне нервно и с боязнью. Между тем от решения русского вопроса критически зависят не только стабильность и целостность страны, но и, без преувеличения, вектор её исторического развития.

В этом контексте необходимо признать и чётко заявить, что русские – государствообразующий народ России. В октябре 2012 г. в интервью «Взгляду» один из авторов проекта Концепции – депутат Госдумы Р. Абдулатипов говорил «Если мы по отношению к одному, пусть и доминирующему, народу введем формулировку "государствообразующий" – придется менять Главный закон страны. Кроме того, в этом случае каждая национальная республика захочет написать в своей Конституции, что на ее территории государствообразующим является народ, который преобладает там». Однако эта позиция и её аргументация не представляется убедительной. Конституция – не священный текст, данный свыше и на века. А что касается других народов, выше приведены ссылки на республиканские конституции, содержащие установки, которых не хочет Р. Абдулатипов. Да и в целом политическая корректность по отношению к менее 20% населения страны, оборачивается политической бестактностью к его подавляющему большинству.

• Выдавливание русских (русскоязычных) из едва ли не всех национальных республик.

В 1989 году на территории Чечено-Ингушской АССР проживало 293771 русских, которые составляли 23 процента населения. По переписи 2010 года осталось в Ингушетии 3215 русских или 0,8% населения, в Чечне – 24382 русских

¹ Рогозин Д.О. Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы Недели, 2011, 14 сентября.

² Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 2012, 23 января.

³ Трофимов Е.Н. Национальная политика России (законодательный аспект). М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 68.

или 1,9%. Таким образом, с территории бывшей Чечено-Ингушской АССР за 20 лет куда-то исчезло 266 тысяч 174 русских. В 2006 году по инициативе В. Алксниса Госдума запросила в МВД РФ информацию о ходе расследования этнических чисток в отношении русского населения Чечни и Ингушетии. Из ответа МВД следовало, что по их данным на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР в 90-е годы было убито около 20 тысяч мирных русских людей, но никаких следственных действий, поиска и наказания организаторов и исполнителей геноцида МВД РФ не производило. Дело просто было спущено на тормозах¹.

Согласно переписи 1989 года в Башкирской АССР 39,27% составляли русские, 28,42% – татары и только 21,91% – башкиры. То есть башкиры составляли третью по численности этническую группу населения. Прошло 13 лет, и по переписи 2002 года в Республике Башкортостан была зафиксирована невиданная в истории демографическая революция: татары и русские вдруг стали резко вымирать, и их в Башкирии стало всего лишь 24,14% и 36,32% соответственно. Зато башкир вдруг стало уже 29,76% населения, и они в одночасье превратились во вторую по численности этническую группу².

Снижение доли русского населения, сокращение пространства русского языка формируют негативные настроения и ожидания в сообществах нетитульных народов РФ, а также этнических групп нероссийского происхождения – диаспор (армян, белорусов, болгар, греков, грузин, евреев, поляков, немцев и др.)³.

Сегодня русских выдавливают из традиционных мест проживания в Ставрополье, Краснодарском крае, Ростовской области. Интересный факт. Не так давно краснодарский губернатор имел неосторожность позволить себе весьма вызывающее высказывание о том, что он собирается «выдавливать» с Кубани представителей кавказских народов. Сразу же после появления таких слов от Александра Ткачева в СМИ, представители тех самых кавказских народов выразили, мягко говоря, недовольство позицией человека, который представляет официальную власть в масштабах отдельно взятого региона. В то же время многие правозащитники обвинили во всех смертных грехах. При этом вопрос о том, что представители кавказских народов выдавливают русских с их исконных территорий проживания остался вне поля зрения.

• Дискриминация представителей «нетитульных» этнических групп в заполнении наиболее престижных социально-статусных ниш в этногосударственных субъектах РФ, этнизация элит в «национальных» республиках.

В среде северокавказских сообществ отмечается акцентирование этно-территориальности, этнокультурной уникальности. В социальной и политической практике, равно как в социальной и политической мифологии северокавказских сообществ акцентирована приверженность автохтонных народов Северного Кавказа к соответствующему субъекту Российской Федерации – республике, обладающей определённым уровнем государственного суверенитета, который в общественном сознании отождествляется с этническим суверенитетом. При этом автохтонность и титульность определённых народов декларируются как их политические привилегии на данной территории, в том числе в

¹ <http://svpressa.ru/society/article/60252/>.

² <http://svpressa.ru/society/article/60252/>

³ Аствацатурова М.А. Государственная национальная политика в южных регионах России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности России. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2011. С. 585.

сфере присутствия во власти, в сфере удовлетворения экономических и социальных потребностей¹.

Если в 1990 году распределение должностей в государственных органах власти Башкирии в целом соответствовало национальному составу населения и количество башкир в них составляло 26,5%, то уже в 2003 году оно выросло до 67%. Количество башкир в местных органах власти с 1990 года выросло с 29,4% до 58% в 2003 году².

- Изменение этнической структуры населения страны, и её отдельных территорий, связанное с растущей миграцией из кавказских стран и регионов во внутренние области, что сопровождается формированием замкнутых этнических анклавов, становящихся питательной средой этнической преступности.

Так, по словам Начальника ГУ МВД России по Московской области генерал-полковника Н. Головкина, в Московской области появляются целые этнические поселения. Например, в Мытищах целый посёлок – около 20 тысяч жителей³. Только в город Обнинск волна мигрантов с Северного Кавказа принесла от 15 до 30 тысяч переселенцев. При населении города в 100 тысяч человек⁴.

- Рост этнической дистанции, взаимной отчуждённости этнических общностей, групп, отдельных людей. Вот и в Стратегии признаётся, что на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений негативно влияет распространённость негативных стереотипов в отношении некоторых народов.

На вопрос «Какие чувства вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающим в вашем городе, районе?» назвали 21% респондентов раздражение и столько же – неприязнь, еще 3% назвали страх⁵.

Неприятие людей иной национальности в сложных социально-экономических условиях растущего дефицита, инфляции, безработицы – «мина замедленного действия», которая в состоянии привести к внезапному обострению конфликтов. По публикуемым социологическим опросам, от 50 до 75% граждан России желают отделения Северного Кавказа – целиком или частично – от остальной России. И это крайне опасная тенденция, направленная на развал страны. Причём носителями этих разрушительных настроений являются самые динамичные слои российского общества: студенты, предприниматели, интеллигенция⁶.

- Всё учащающиеся многочисленные межэтнические стычки на бытовом уровне. Почти обыденными стали сообщения о межнациональных эксцессах и в крупных городах и в неизвестных миру посёлках, например, Сагре, Кобралове, Демьянове, Ремонтном.

- Серьёзную опасность представляет деятельность организованных преступных групп, сформированных на этнической основе и объединяющих в своём составе лиц одной или нескольких национальностей. Эти форми-

¹ *Аствацатурова М.А.* Этнополитическая составляющая угроз национальной безопасности в южных регионах России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности России. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2011. С. 587.

² <http://svpressa.ru/society/article/60252/>.

³ Комсомольская правда, 2011, 13 ноября. С. 8.

⁴ *Угланов А.* Спасти рядовую деревню Зудна // Аргументы Недели, 2011, 2 ноября. С. 1.

⁵ Опрос Левада-центром проведён 23–26 ноября 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1596 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населённых пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов.

⁶ *Рогозин Д.О.* Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы Недели, 2011, 14 сентября.

рования имеют замкнутый характер, не допускают в свои ряды посторонних лиц и специализируются на совершении определённого вида преступлений: торговле наркотиками, угонах автомашин, кражах из квартир, похищениях из иномарок сумок и борсеток, вымогательстве и даже убийствах.

По официальным данным, на 2004 год в России существовало более двух тысяч преступных группировок, состоящих из людей одной этнической принадлежности. Преступления, совершённые членами этих группировок, составляли в 2004 году около 64% от общего числа совершённых преступлений¹. В Москве, сообщил журналистам в ноябре 2012 г. руководитель столичного департамента региональной безопасности Алексей Майоров, чуть больше 50% преступлений совершается не москвичами. Из этого числа доля иностранных граждан не доходит до 20%².

Относительно этой темы в одной из предвыборных статей В.В. Путин написал: «расцветает этническая преступность. С правовой точки зрения преступные группировки, построенные по национальному, клановому принципу, ничем не лучше обычных банд. Но в наших условиях этническая преступность является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности. И к ней надо соответствующим образом относиться».

• Формирование и активность этнических организаций, в том числе национально-культурных автономий³, и этнических движений сепаратистского толка.

Некоторые авторы вольны считать, что в России сейчас нет национальных движений в поддержку этнического отделения каких-либо территорий. Но наблюдается сравнительно высокий уровень проявлений национализма, что представляет потенциальную угрозу для безопасности страны⁴. Уточним. В России нет массовых и активных сепаратистских движений, но есть и немало тех, кто при изменении ситуации готов в них включиться. Как пишет В.И. Алкснис, «в настоящее время практически во всех национальных субъектах Российской Федерации сформированы национальные элиты и национальные кадры управления, которые готовы перейти к следующему этапу – к выходу из состава России и построению национальных государств... они к этому готовы и просто ждут выгодного момента»⁵.

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%IA%D1%80%D0%I5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%IA%D0%IB%D1%8I%D0%I5_%D0%I3%D1%80%D1%83%D0%IA%D0%IA%D0%I8%D1%80%D0%IU%D0%I2%D0%IF%D0%I8

² См.: <http://news.rambler.ru/16806248/>

³ Басаргин высказался об этом предельно деликатно: «Национально-культурные автономии, – сказал он, – это потенциал огромный, это порядка тысячи общественных объединений, это срез нашего гражданского общества. Но отдача с точки зрения ситуации сегодня в регионах от них все меньше и меньше. И мы видим, что авторитетных людей, которые тоже могли бы влиять на ситуацию, в этих объединениях тоже все меньше и меньше. Мы сегодня говорим, что нужен несколько другой статус, мы говорим о том, что необходимо внести соответствующие изменения в нормативную, законодательную базу деятельности наших национально-культурных автономий». (Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия 11 февраля 2011 года // <http://www.kremlin.ru/news/10312.>)

⁴ Хабриева Т.Я. Правовые проблемы самоопределения и самоорганизации этносов в контексте обеспечения национальной безопасности // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 5: К 20-летию образования Совета Безопасности Российской Федерации. М.: Издательство «Известия», 2012. С. 153.

⁵ Соединенные Штаты России. Виктор Алкснис о территориальном устройстве страны <http://svpressa.ru/society/article/60252/>.

Так, в «Основных принципах объединения казачьего этноса», изложенных на сайте российской общественной организации «Великое братство казачьих войск», указывается, что «этнические казаки (днепровские, донские, кубанские, терские, уральские, сибирские, оренбургские и т. д.) – это представители единого, насильственно разделенного по территориальному признаку, подвергающегося геноциду казачьего этноса». Перспективу сохранения и выживания «казачьего этноса» руководство организации связывает только с восстановлением казачьей национально-территориальной автономии, которая «...при благоприятных условиях и активности самих казаков может, ...добиться статуса Казачьей национальной республики в составе Российской Федерации»¹.

Своеобразным (и тревожным) свидетельством угроз целостности российского государства может служить тот факт, что в общественное сознание вбрасываются идеи, отрицающие возможность межнационального согласия, этнонационального развития страны на основе, при сохранении и укреплении её государственного единства.

Так, писатель Дмитрий Быков заявил, что будущей свободной России необходим формат Соединенных Штатов. При этом Дальний Восток, Сибирь, Татарстан будут независимыми штатами. По его словам, Россия упустила тот момент, когда ещё можно было жить единой территорией. «Мне кажется, Татарстан сегодня во многих отношениях – чуждая и потерянная территория. Я не говорю о том, что это приведет к территориальному распаду. Соединенные Штаты Америки, к примеру, очень плотно сидят вместе... Татарстан – анклав внутри России. Анклав во многих отношениях татарский, исламский. Сделать из него стопроцентный русский не получится и не надо». Как считает Быков, надо привыкать будет с этим жить, как привыкать жить с независимым Кавказом, независимой Сибирью, независимым Дальним Востоком².

Ему вторит М.Л. Шевченко (член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и член Изборского клуба, позиционирующего себя как объединение патриотически настроенных интеллектуалов): «Главный вопрос: почему такие разные регионы страны, как Москва, Изборск и Махачкала, Грозный и Архангельск, – должны жить вместе?». Он не даёт ответа на него, но утверждает, что народы нашей страны неизбежно идут по разным векторам цивилизационного развития. Дагестан и Чечня неизбежно будут шариатскими, какие бы моря крови там ни проливались, поскольку там нет альтернативы исламскому правлению. И вновь высказывает сомнение: «Можем ли мы найти такую общую парадигму человеческого видения, которая позволила бы нам удержать (кому – нам? И почему удержать?) нынешние территории, составляющие Российскую Федерацию, в рамках единой страны (я считаю, что тут речь может вестись только о союзе)?»³.

Ответить на подобный эпатаж можно словами Ивана Ильина: «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный "механизм" "областей", но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот

¹ См.: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/legal-and-political-science-411/political-institutions-and-processes-411/10950-411-0341>

² <http://www.uralweb.ru/news/society/401162.html>. Запись 6 ноября 2012 г. Насчёт плотно сидящих штатов Северной Америки можно напомнить, что в 2012 году во многих штатах инициированы петиции к федеральному правительству, подписанные десятками тысяч жителей, о выходе их штатов из состава государства.

³ Философия победы: Репортаж с первого заседания Изборского клуба// Завтра, 2012, 12 сентября. № 37.

организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия».

* * *

Приведённый перечень вызовов и угроз Российской Федерации, таящийся в её многонациональности, не является исчерпывающим. Но и он вынуждает констатировать, что «мы – многонациональный народ Российской Федерации» (с этих слов начинается Конституция РФ) отнюдь не являемся сегодня органичной и гармоничной целостностью. Своеобразным отражением неблагополучия в этой сфере являются лозунги типа «Россия для русских» или «Хватит кормить Кавказ».

А это значит, что гражданский мир, межнациональное согласие – не раз и на всегда приобретённая данность. Они – постоянно изменяющаяся динамика. Сохранение и укрепление государственного единства, необходимого всем народам страны, являющегося их общим достоянием, требует кропотливой, целенаправленной работы государства и общества, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии». Смысл и содержание этнонациональной политики заключаются в выявлении, учёте, согласовании и реализации интересов этнических групп с таким расчётом, чтобы это служило укреплению единства многонационального общества, обеспечивало их эффективное взаимодействие и взаимопонимание, необходимые для успешного решения и общих для всех них проблем.

«Для России, – писал В.В. Путин, – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие»¹.

Смысл и содержание этнонациональной политики заключаются в выявлении, учёте, согласовании и реализации этих интересов с таким расчётом, чтобы это служило укреплению единства многонационального общества, обеспечивало эффективное взаимодействие и взаимопонимание между всеми этническими группами, необходимые для успешного решения и общих для всех них проблем.

О том, каким требованиям эта политика должна отвечать, на каких принципах выстраиваться, какими силами, средствами, инструментами осуществляться и других вопросах подобного разговора отдельный.

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 2)

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 2012, 23 января.

Глава 18. А.И. НЕКЛЕССА

ТРАНСФОРМАЦИЯ БУДУЩЕГО¹

Доклад на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций», X Юбилейная сессия, 3–8 октября 2012 г., о. Родос, Греция.

I. ПРИШЕСТВИЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО МИРА

Ultima Cumaei venit iam carminis ætas;
magnus ab integro sæclorum nascitur ordo (²).
Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna,
jam nova progenies cælo demittitur alto.

Virgil

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа!

Некто из древнегреческих мудрецов, пребывая в предсмертной тоске, на вопрос о причинах страха, якобы ответил: «*боюсь, что предо мною то, о чем я ничего не знаю*». Сегодня мы констатируем всё более явное присутствие в социальной и культурной ткани пост-просвещенческого дизайна, но что именно знаем о *настающем настоящем*, каковы его «гештальт и контент»?

Прочерчивая контур туманной галактики, обнаруживаешь фрагменты обширного панно, однако, полноценное описание новой эры, опознание настоящего имени сомнительно – это мерцающая реальность, смысловое облако. И криптографическая сумятица: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное/комплексное – всё лишь обёртки содержания. Всплывают результаты размышлений, фиксирующие двойственный облик этой реальности: общество доверия и его антипод – контрактный мир, атомизированная реальность и общество участия, социум энигматичный и прозрачный, общество спектакля, мир игры, общество риска etc. Особый вокабуляр темы фиксирует настороженность в отношении перспектив: неосредневековье, цивилизация смерти, постцивилизация, апостасия... Так что речь идёт о пороговой интуиции, и рассуждение моё скорее о кризисе перехода, о симптомах и версиях строя по ту сторону постиндустриального барьера.

Впрочем, можно уже сейчас содержательно обсуждать аспекты грандиозной трансформации: исторический, политический, экономический, культурный, творческий, методологический, аксиологический, философский, теологический, антропологический, прогностический... Констатируя тем самым системный характер кризиса Модернити.

Обильная феноменология транзита умножается. Мозаика *другого* включает трансформацию городской культуры (явление метаполиса), сдвиги в мироустройстве, правовых отношениях, глокализацию, деэнтатизацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, форматы капитализации, удельный вес нематериальных активов, провокативные практики *goodwill*, дигитальную культуру, общий культурный переворот. В плаценте строя вызревают антропосоциальные организмы (АС-структуры), оперирующие экзотичными средствами господства, самоподдерживающиеся интеллектуальные системы (SAI), мутирующие в сложноподчинённые сообщества программ. Происходит смешение

¹ © 2012, Александр Неклесса.

² «Сызнова ныне времен зачинается строй величавый» (пер. С. Шервинского)

черт массового общества с индивидуацией, прописей антиутопии с транспарентностью, происходит трансмутация всех и всяческих норм.

Одно из направлений декодирования мозаики феноменов, тенденций, парадоксов – размышления о *постсекулярном мире*.

«НЕ МИР, НО МЕЧ»

Секулярность рассекает бытие на сепаратные пространства, разделяя примордиальные воды человеческого общежития.

Отделяя *временное* (т. е. пребывающее во времени, подвижное, временное) от *вечного*, но подменяемого статикой *нормативно-привычного* – и отчуждая правопорядок от тотальности метафизической традиции (т. е. действуя как своеобразная социальная бритва Оккама), секулярность обосновывает автономность публичной сферы от конфессионально-правовых регуляций, легализуя её независимость.

Перенаправление юридических и политических функций от религиозных институций к обществу и государству избавляет от традиционалистской опеки и клерикального патернализма, прививая склонность к самостоянию. А частичная стерилизация картины мира дискредитирует суеверия, индуцируя тягу к «совершеннолетнему бытию». Свободный (самостоятельный) выбор миростроительных прерогатив является скорее опытом *взросления*, т. е. развитием во времени, нежели репликацией горизонтальности бытия: *размножения*, экспансии в пространстве. Тем самым ограничивается власть сложившегося, освященного веками порядка вещей. Ответственность за смысловую позицию, жизненный маршрут переходит к личности, становится зоной персонального онтологического риска. Человеку предлагается пройти сквозь акт второго, осознанного рождения как личности.

Отпочковываясь от бессознательно реплицируемых «провиденциальных рескриптов», освобождаясь от институциональной мимикрии – в сущности, меня унаследованные от седой древности доминанты и саму геометрию общественной архитектуры – секулярность придаёт коммуникациям/действиям специфический импульс, оставляя в теле человечества занозу, провоцирующую исследовательский пыл и желание перемен. А в итоге, неочевидным образом прививает к древу исторических хроник позаимствованную у мировоззренческих истоков устремлённость к дальним целям бытия, раскалывая хрустальный кокон и пробуждая спящую личность. И как следствие утверждает культуру свободного выбора, осознанного обновления, противостоящую фатализму и власти традиций, ментальность эксперимента, практику прогресса, *модернизации*, формирует модели и умения перманентного социального изменения, столь отличные от синхронистичной мандалической замкнутости, освобождая людей от подчинения траектории, роковым образом влекущей к веку «железному».

Откровение некогда привнесло в античное общество вкус и навыки бытия преимущественно во времени (изменении, становлении, развитии), а не в монотонно расширяющемся пространстве дурной бесконечности. История, обретая в откровении смысл, обнаруживает в земной жизни механику радикальных перемен – социальное воплощение *метанойи*. Прежний модус истории как пассивного регистратора событий отменяется. С этого момента диахронный маршрут определяется *миростроительством* – целенаправленным сотворчеством людей¹.

¹ Ср. «История – второй шанс человечества».

У истории фокусируется перспектива: появляется горизонт рукотворного будущего.

* * *

Кризис секулярного мира – отражение транзитного состояния христианской цивилизации, что подразумевает: современное общество есть её актуальный аспект¹. Следует признать, подобное утверждение способно шокировать обыденное сознание.

Секулярное общество уникально в истории. Неслучайным образом, возникнув и развиваясь в русле христианской культуры, оно подтверждает ранг человека как богоподобной, т. е. свободной личности. *«Секуляризация, как однажды заметил немецкий теолог Фридрих Гогартен, – закономерное следствие действия библейской веры на мировую историю. Поэтому не случайно, что в первую очередь процесс секуляризации начался в странах так называемого христианского Запада, там, где влияние библейских религий на историю оказалось наиболее заметным. Развитие естественных наук, демократических политических институтов, культурного плюрализма – все те достижения, которые мы обычно связываем с западной цивилизацией, – едва ли можно понять без учета того первого импульса, которым послужила Библия. Хотя люди уже давно не осознают этой связи, она все еще существует. Культурные влияния продолжают действовать еще долго после того, как бывают забыты их источники»².*

Для данной культуры характерна энергия преобразований из-за признания особого достоинства человека и высочайшей сложности мироустройства: парадоксального, алогичного с людской точки зрения, однако, постигаемого взрослеющим разумом. Здесь истоки неспекулятивного знания и динамичной трансформации. Сформулированные некогда христианской мыслью представления о нелинейной природе мира (тринитарное богословие, христологическая антропология), засеяв почву нового времени, оплодотворив её, обернулись познанием данной культурой, но уже в секулярном обличье и порою трагическим образом, удивительных порядков бытия.

Следствием чего станет со временем процесс повторного сближения быта, здравого смысла и метафизики.

ДОРОЖНАЯ КАРТА – I

Людям, мучительно переживавшим утрату привычной целостности, модификацию координат реальности, предстояло пройти сквозь последовательное разрушение прежних идеалов и порядков.

Социоген современности – городская культура. Дорожная карта Нового времени начинает отсчёт маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединённым провинциям и республиканскому общежитию.

Средневековье уже беременно Новым временем, вынашивая в своём лоне зачатую секулярностью современность. Тут корни парламентаризма, представительной демократии (депутатов как заместителей народа), налоговой ре-

¹ Что это, кризис перехода, знаменующий окончание очередного 500-летнего цикла, или же нечто большее?

² Харви Кокс. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. С. 33. (Harvey Cox. The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective, 1965).

формы, разделения властей, гражданской самоорганизации, конфессиональной, расовой терпимости и т. п. Создаются муниципальные юридические, судебские органы, основные же правовые принципы и положения закрепляются в *конституции*. Возникают политические союзы городов, насчитывавшие порою десятки и сотни членов. Особая роль в процессе гражданского обустройства Европы принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределённую структуру: своего рода закваску национальных государств, перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединённые «непрерывным плебисцитом».

Процесс становления современного государства и политических наций прописан на карте Европы «от моря до моря» и далее: от портовых городов-республик северной Италии до нижних земель Западной Европы, а затем через Англию к берегам другого континента, объявившего своей целью построение «гражданского политического общества» для созидания «более совершенного порядка»¹. Путь проходил сквозь хляби и веси европейского континента, преобразуя подданных в граждан, отвергая и преодолевая сословную организацию эпохи престолов и господств. От переходной, отягощённой олигархизмом городской культуры Северной Италии и морских империй-республик Венеции, Генуи, прочих италийских (Флоренция, Пиза, Гаэта, Амальфи, Сан-Марино) и иллирийских (республика Рагуза) городов-государств через Ломбардию к Швейцарской конфедерации (провозглашённой в 1291 г. и весьма эклектичной на тот момент по составу). А также сквозь ярмарочные пространства Шампани, Брабанта или морские торговые конгломераты Ганзейского союза к рождённому фактически первой республиканской революцией Новой Европы государству² – Соединённым Провинциям³.

Варварское состояние Европы, вся сумятица тёмных веков перемалывается на жерновах преодолевающей упадок, преобразующей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвернув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство. В ряде стран статус горожанина освобождал от феодально-

¹ «Мэйфлауэрское соглашение» (Mayflower Compact), т. е. гражданский договор от 21 ноября 1620 г. о формировании самоуправляемого сообщества (будущий Новый Плимут).

² Всё-таки первой страной, которая в Новое время, т. е. после торговых городов-республик Средиземноморья, ввела категорию «республика» в обиход как название государства, была Речь Посполита – «Республика» (Najjaśniejsza Rzeczpospolita – Serenissima Res Publica), объединившая Польское королевство и Великое княжество Литовское (Люблинская уния 1569 г.) при сохранении на троне избираемого сеймом пожизненного монарха. Она же была первой европейской державой, принявшей писаную конституцию (3 мая 1791 г.).

³ Основа конфедерации была заложена в 1579 г. Утрехтской унией. После «клятвенного отречения» от присяги Филиппу II в 1581 г. и ряда неудач с временными сюзеренами, семь северных провинций в 1587 г. решили перейти к республиканской форме правления (Республика Семи Объединённых Нижних Земель – Republiek der Zeven Verenigde Nederlanden). Власть в Соединённых Провинциях принадлежала Генеральным Штатам и Государственному Совету. Обладая равными правами в Генеральных Штатах и также правом вето, провинции были почти полностью автономны в решении внутренних вопросов. Провинциальные штаты в свою очередь зависели от решений городских магистратов. А основанная в 1602 г. нидерландская Ост-Индская компания от имени Генеральных Штатов обладала правом объявления войны и заключения мира, могла строить в колониях города и крепости, чеканить монету, заключать договоры с туземными властями, назначать чиновников.

ленных связей, отменяя, в том числе, крепостную зависимость. Третье сословие бюргеров, буржуа, горожан, граждан создаёт среду для левых идеологий, утверждая революцию¹, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи.

Такова общая, «идеальная» формула генезиса современного (национального) государства, т. е. государства эпохи Модернити как определённой исторической модели политического объединения общества. Новая эра утверждает права общества и личность самодеятельного гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами.

Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходит на другие континенты, охватив со временем практически всю планету. Искусство всё более отделяется от прежнего его понимания как степени мастерства². Развитие же мыслительного и технического инструментария обеспечивает промышленную революцию, сопровождаемую инженерным энтузиазмом, в то время как восстание масс открывает шлюзы форсированной этатизации: главной политической технологии XX века.

* * *

В XX веке континентальные монархии и морские (колониальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. Одновременно прочерчиваются траектории взлёта и деградации эпохи – путь трансгрессии гения Модернити. Что вкупе с высоким уровнем техносферы, достигнутым цивилизацией, производящей изошрённые механизмы (кратно усилившие возможности человека, позволяя оперировать многоуровневыми системами) сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, некогда заложенная в секулярном концепте, и произошедший к тому времени реванш линейной логики (в сравнении с нелинейностью мировоззренческих постулатов и ментальных схем *Universum Christianum* Средневековья), влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину³ («аппарат»), на войны как форму индустриальной деятельности. И, парадоксальным образом по отношению к основам этой цивилизации, на личность как «машинного человека» (*Maschinenmensch*) либо, несколько иначе, – «винтика»⁴. Получила развитие социальная инженерия,

¹ Сложное понятие, подчас противопоставляемое бунту против законной власти (ср. знаменитый диалог Людовика XVI и герцога де Лианкура). Данная категория тесно связана с вопросом о праве народа на восстание против тирании как средстве *восстановления* (т. е. «ре-волюции»), *обновления* (*ἀποκατάστασις*) порядка и справедливости, утраченных из-за попрания деспотом естественных прав, основных свобод, фундаментальных договорных обязательств (конституционных принципов) либо божественных установлений (т. е. захвата, узурпации власти правителем или в иной формулировке – «мятежа тирана»).

² Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты и не древнегреческое «технэ», но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду, в том числе как средство поддержания поступательной витальности Модернити, отражавшейся в стремительной по историческим меркам смене стилей. Другими словами искусство проявляет себя в качестве продукта секуляризации как альтернативный источник и инструмент трансляции в общество ценностей и принципов: духовных, социальных, культурных координат. Революции в искусстве – тектоника социополитических потрясений, их фермент, генетика. Нынешний транзит в искусстве сопряжён со своеобразной капитализацией его нематериальной эссенции, т. е. с распространяющимся осознанием и одновременно вульгарной прагматизацией постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

³ Ср. «великий государственный механизм» (Иосиф Сталин, 1945)

⁴ См.: «Метрополис» Фрица Ланга (*Friedrich Lang*, «Metropolis», 1927).

сформировался новый класс: *номенклатура* (или партийная/национальная/федеральная, а затем международная бюрократия), своего рода страта политических инженеров («аппаратчиков») эры индустриальной цивилизации¹.

Машинизация общества и как следствие – механистичность представлений о мире и человеке (габитус индустриализма) вели к уплощению восприятия реальности, её дальнейшей редукции, опустошению человечности, омертвлению и даже своеобразной социальной некрофилии². Этатизм – это, пожалуй, самый яркий феномен века, имевший драматические следствия, обнажившие кризис цивилизации, зыбкость проведённой ею лимитации границ зла, зияющую неполноту интеллектуальной рефлексии. Иначе говоря, следствия, осмысление которых, заставляло задуматься о более глубоких корнях проклятых вопросов, обоюдоострых аспектах темы промысла и проблемы отчуждения, о стезях теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

В сфере же практики, размышления об экспансии, гегемонии, претензиях этатизма³ стимулировали поиски конструктивной деконструкции подобного положения вещей. И они же активизировали попытки опознать альтернативную этатистскому корпоративизму комбинацию политической триады: *государство – бизнес – общество*. Иначе говоря, усилили стремление найти оптимальный баланс этатизма, предпринимательства, коммунитаризма. Эскизы различным образом трактуемой золотой формулы организующего решения отразились, к примеру, в таких доктринах, как ордолиберализм («социальное рыночное господство») или неолиберализм («контрактный мир»), а также в обновлённых прочтениях коммунальной практики: неопрудонизм, субсидиарность, а впоследствии альтерглобализм, движение ассамблей, «оранжевые» инициативы⁴ и т. п.

Новая корпоративность, сделав ставку на неолокковский конкордат общества и бизнеса, подавила претензии этатизма на тотальное доминирование в политической комбинаторике. Породив иной комплекс противоречий: между протоформами глобальной бюрократии (очередной метаморфозой этатистской идеи) – неолиберальной «оцифровкой мира» (дигитальной/информационной каталогизацией/капитализацией реальности) – антропологически ориентированным замыслом креативной вселенной (нелинейным, подвижным, синергийным сообществом). Конфликт, отражённый, в частности, в состязании национального и глобального управления или в противоречиях между склонной к правовому насилию «бета-версии»

¹ George Orwell: «Review of „We” by E.I. Zamyatin», 1946: «Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация... Это исследование сущности Машины – джинна, которого человек бездумно выпустил из бутылки и не может загнать назад». Подробнее: Александр Неклесса. Номенклатурное государство // Будущее как предчувствие. http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/.

² Эрих Фромм. Анатомия человеческой деструктивности (*Erich Fromm. «Anatomie der Menschlichen Destruktivitat»*, 1973).

³ В разновидностях ли «социализма в одной стране», «национального социализма», «корпоративизма» либо «хустисиализма». Или же «Нового курса» (New Deal) и т. д.

⁴ «Оранжевыми» принято (*было – А.Н.*) называть организации, откровенно пародирующие деятельность политических партий и движений. Перенимая внешние признаки политических партий, они вместе с тем ставят в качестве программных заведомо несуразные и абсурдные цели. (*Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е.* Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. С. 126). Определение «оранжевые» происходит от символики голландских контркультурных и анархистских движений «Прово» и «Партия гномов» (1965 г.). Синтез же контркультуры и политики прослеживается уже в польском движении *Porogańcowa alternatywa* («Оранжевая альтернатива»), действовавшем преимущественно во Вроцлаве в восьмидесятые годы. Дальнейшее развитие и новое звучание данная тенденция получила в ходе украинской «помаранчевой (оранжевой) революции» осенью 2004 года.

контрактного мира и ориентацией на расколдовывание творческого дара как доминирующего источника внутреннего/внешнего благосостояния и развития, либо статическим и динамическим форматом восприятия практики.

ДОРОЖНАЯ КАРТА – II

После двух мировых войн («тридцатилетней войны» XX века), следуя логике отмирания империй, универсализации идеи национального государства и в борьбе за свободу торговли, инициируется процесс деколонизации, имевшей собственный исторический маршрут, свой список открывшихся ран и кровотоочивых поражений. Резня между индусами, сикхами, мусульманами в Индии. Погромы хуацяо в Индонезии. Режим красных кхмеров в Камбодже. Иди Амин и Бокасса. Биафра и Руанда, Дарфур и обломки Сомали, «конголезские» войны рубежа тысячелетий, злодеяния «Освободительной армии господ» и т. д.

Выход на арену Третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность в числе иных следствий ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, плотному сосуществованию аксиологически и теологически автономных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчёркивает кентавричность комплексного сообщества.

Черты нового строя можно различить во множественных трансформациях социосреды, глокализации метаполисного (основанного на гравитации hub'ов) ландшафта, растворении гражданского (т. е. «городского», «национального») общества в транснациональной среде, становлении постгородского, дезэтатизирующегося и частично виртуального универсума¹.

* * *

К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной.

Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит.

Человеческий космос персонализируется и усложняется; былые иерархии, способы действия распадаются либо преобразуются, порою с точностью до наоборот, тут достаточно вспомнить динамику удельного веса нематериальных и материальных активов или порой представляющую парадоксальной диверсификацию капитализации в экономической практике. Принцип делегирования властных полномочий ставится под сомнение, происходит сдвиг к непосредственной (прямой), но асимметричной кратии пассионарностей, ориентированной более на социальное, нежели политическое пространство (и его обновление). А в самом обществе нарастает *бешенство превращений*, ведётся страстная борьба за право на индивидуальность и самовыражение (индивидуальный суверенитет).

В антропологическую вселенную вновь широко вторгается метафизика. Скорлупа секулярной светскости, обеспечившая вызревание сугубо человеческих качеств (оставив некогда людей один на один с неопознанными мирами), раскалывается. Люди получают новую степень свободы, и наступившие времена, в сущности, не что иное, как очередной такт духовной алхимии – проверка достоинств/недостатков, обретённых в лишь отчасти замкнутой галактике. Это скорее мир характеров, нежели типажей: арена персон, полускрытых в постепенно рассеивающемся тумане времени.

¹ Мир как метакommunikация, т. е. от «media is the message» до «глия вместо нейронов», «смартмоб» и «семантическое/социальное облако».

Развоплощение окостеневавшего мира сменило прошлое расколдовывание. Реальность была заново прочитана: сняты многие ограничения, устранены некоторые отчуждения, а стандартные процедуры верификации – наследие индустриальной культуры – вытесняются дерегуляцией и субъективной оценкой ситуации (т. е. превалирует сознание уникальности *ad hoc*). Иначе говоря, формальная определённость уступает место бытийному релятивизму. Вопрос «как это на самом деле?» утрачивает прежнее значение при доминировании содержания над формой упаковки. «Физическое» понимание реальности перетекает в «фактическое». Более важным оказывается конкретный статус обстоятельств. И представления о них.

На фоне роста цены нематериальных активов происходит трансмутация реальности – реабилитация виртуального, психического, метафизического измерений бытия.

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ

Постсекулярность толкуется различным образом, существуют её «западная» и «восточная» ипостаси, в практической же аналитике доминирует комплексный подход¹.

Тема постсекулярности в определённой мере является реакцией на трагический опыт XX века: дискредитацию прогресса, прочих просвещенческих идеалов, самой сценографии Модернити. Сегодня эта тема фиксирует амальгаму социализации (обобществления) и приватизации (персонализации) сложных схем мировидения в соответствии с переменами в понимании реальности. И одновременно – кризис институционального христианства как «религии», его дробление на конфессиональные молекулы, поликефалию, многоликую ферментацию, растворение в повседневности, быте.

Равным образом фиксируется культурная растерянность эпохи, обострение её охранительных рефлексов, общая фрустрация, смесь депрессии/ажитации позднего индустриализма, обнаруживаемые в едва ли не экспоненциальном росте систем контроля и безопасности, избытии симулякров, моральном релятивизме, консьюмеризме, иных проявлениях феноменологии массового общества, а также в эксцессах секуляризма.

Рационализм, воплощаемый как редукционизм, ведёт к восприятию реальности как тривиальности. Светскость же, трактуемая как *прагматичный, слишком прагматичный* шаблон, уплощается, теряя культурную полноценность, а заодно историческую легитимность. Усечённый индивид творит конъюнктурные коллажи из обрывков прописей и осколков прежней картины мира.

* * *

Поздний индустриализм балансирует на подвижной границе с зарёй постмодерна.

Постсекулярность может рассматриваться в подобной схеме как инструмент адаптации к возникающим вызовам времени. А заодно как попытка освободиться от остатков «искусной искусственности» пантеизма и мимикрии нигилизма, окультуренного под здравомыслие².

¹ В XX веке государственная религия была отменена в 63-х странах, в XXI веке 113 стран официально не имеют государственной религии. Она, однако, существует в 75-ти странах: Иране, Пакистане, Израиле и т. д.

² См. позиции по данной проблеме *Юргена Хабермаса* «Против воинствующего атеизма. Постсекулярное общество – что это такое?» и *Йозефа Ратцингера* / Бенедикта XVI / «Ценности в эпоху перемен» (*Jürgen Habermas. The Dialectics of Secularization. w/ Joseph Ratzinger, 2007*).

Мультиконкретная модель пробуждает к жизни гиперреализм бытийного текста, основанный на деконструкции wishful thinking схоластических прописей Просвещения («хотелок Модернити»). Причина в настойчивом поиске подлинности: стремлении искушённого духа постичь смысл событий, каким бы тот ни оказался. Это экзистенциальная позиция, которую нельзя обрести простым путём или купить за медные деньги, но которая произведена на свет трагическим опытом, вынужденным мужеством и... отчаянным эскапизмом. Предопределив тем самым ощутимый сдвиг в мировидении.

Жёсткие истины, возможно, приоткрываются слишком рано, либо же это нечто, превосходящее способность человека принять иную версию реальности. Подобно мастеру-творцу Виктору Франкенштейну Zeitgeist расчленяет, преобразует, сочетает – подчас в эпатажной комбинаторике – привычные, т. е. прошлые трактовки, «музейные представления», рассматривая их в качестве простых красок на палитре: рутинного подспорья в неистовом поиске квинтэссенции бытия. И обращается с ними как с подручным материалом, существенно меняя при этом значение категории «коллаж».

Во всяком случае, европейская версия постсекулярности – не до-секулярное состояние и не возврат к прежней конституции (как Контрреформация не означала возврата к дореформационным порядкам), не религиозно-сословная унификация и не реванш религии в прежнем формате. Скорее результат долгосрочной индивидуации, симптом «хорошо темперированной» социальной/ментальной полифонии, хотя порой с элементами какофонии.

* * *

Однако постсекулярность – это также эклектичный дизайн постколониальной трансгрессии: мультикультурная взвесь оседающая на территориях диффузного сосуществования, не вписываясь в региональную социокультурную модель (наиболее яркий пример – «реколонизация Европы»). Глокальный интернационализм демонстрирует разницу в энергетике геокультурных потенциалов. И кризис прежнего цивилизационного ценза.

На пороге века возродилась тема цивилизационной конкуренции¹. В условиях постколониализма европейская сумятица соприкасается, совмещается с разноликой экспансией Востока. Возникает, в частности, диалог о потенциях ислама, об универсализме мусульманской идентичности (особые темы: перспективы евроислама, посткемалистская модель, глобальная дисперсия специфической правовой системы, рост её влияния, признания, ползучая легитимация и т. п.)². К тому же «арабская весна», замещая светский авторитаризм умеренным исламом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

Постсекулярность связана, кроме того, с той универсальной антимодернизационной волной, которая по-своему опровергая и отвергая плоды Модернити, реализует себя в форматах деятельного консерватизма, нового традиционализма, порою в обновленческой, фундаменталистской либо сугубо спиритуалистичной упаковке.

Проявляется она также в химеричной, неоархаичной реальности распавшихся или несостоявшихся государств...

¹ В соответствии с предвидением Альфреда Сави (*Alfred Sauvy*. «Ce Tiers-Monde, ignoré, exploité, méprisé comme le Tiers-État» // *L'Observateur*, 14.08.1952).

² Ср. средневековый *Universum Christianum*, его манифестации, целеполагание, психологию обитателей.

КРИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ

К вышеперечисленным явлениям примыкает аксиологический и антропологический кризис.

Христианская концепция личности, сама логика активной, деятельной позиции подводят события к предельной ситуации. Люди, будучи лишены прежнего груза природных и социальных обременений, с какого-то момента оказываются в критической зоне, став существенно свободнее в выборе ценностных ориентиров и миростроительных перспектив.

Личности, восстанавливающей суверенитет, приходится заново переживать крушение мироустройства. Изменение духа времени, нарастающий релятивизм норм, метаморфозы привычных объектов индуцируют движение от едва ли не тотальной стандартизации массового общества, поп-культуры, духовного материализма и «нахальства посредственностей» к восполнению некогда изъятой полноты. Избавление разнообразия от тенет редукции и обескровливающего исчисления жизни ведёт к оригинальным формам сложноорганизованного быта, индивидуации пассионарных персон, неотчуждаемости их креаций, легализации коммунитарных институтов и альтернативных маршрутов практики.

Сложность будущего отчасти замещает тоску по завораживающим иллюзиям прошлого, его интригующей необъятности. Тоску, столь свойственную не слишком искущённому разуму.

Кода-то отсечённые, но восстающие в сумеречном свете межсезонья видения пробуждают полузабытые, отодвинутые в сторону прочтения «заколдованного» мира. Однако транслируя из частных сред в пространство публичных коммуникаций многоязыкость текстов – и как следствие усложняя нормы общежития (правоприменение) – индивид подвергает проверке не только достигнутую степень толерантности, но также умение удерживать субъектность. Иначе говоря, способность осознавать себя и проявляться во взаимоотношениях с миром и людьми не в качестве объекта, подавленного коллективной волей суеверности (инерционным или конъюнктурным консенсусом), но суверенной личностью – источником действий, проб и ошибок в драматичной антропологической вселенной.

Так преодолевается секулярный барьер, происходит новое смешение земли и неба.

* * *

Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о прогрессе и естественном человеке: путь, ведущий от декларации «смерти Бога» к провозглашению «смерти человека». И восстанию элит.

Углублённое познание природы, кажется, предопределяет генезис антропологического естествознания как комплексной (в синтезе с этнологией) науки о людях и сообществах. В числе тем – реальность и миражи радикальных преобразований. Неоантропологическая революция. Общество «массовой индивидуации». Гипотезы о постчеловечестве. Мультипликация интерфейса с техносферой. Суррогатные профессионалы. Энтузиазм и фантазии трансгуманизма. Генетические модификации, клонирование. Микробиологическая катастрофа. Перспективы различных форматов допинга, технической и химической инструментализации тела, его функций, метаболизма. Искусственная стимуляция мозга, включая психофизические, нейрогуморальные девиации. Физиология мышления и действия в условиях неопределённости. Квир-идентичности. Савантизм. Прокскопия. «Спонтанное» расширение сознания и одновременно – вероятность его уплощения, неоархаизации (ср. клиповое мышление, двоеверие, мистификация

карт жизни, неокарго, гиперрефлекторность, деградация интегральной архитектуры /e.g. сетей DMN/ и т. д.).

К тому же появляются качественно иные субъекты практики. В зазоре между гибкостью людского разума и дигитальным могуществом ИТ обнаруживается сообщество программ, обретающее ум, отличный от человеческого. И определённую автономность. Рассматриваются также сценарии внешней/внутренней киборгизации (т. е. мета-антропологической субъектности) – процесс, ведущей к генезису еще одной формы интеллекта. Техносфера под воздействием меняющихся поколений ботов становится интерактивной и рефлексивной, генерируя симбиотические ветви эволюции. К примеру, одно из определений нового града – территория, где обитает Интернет. И это не метафора.

Между тем девальвация жизни усугубляется (пересечение рубежа «семи гигатонн» обитателей планеты, голодный миллиард, трофейная экономика, трупобные опухоли, анонимизированные сообщества), происходит её «конвертация с различной курсовой стоимостью», провоцируя мысли о вспышке массовой и эффективной деструкции¹.

В итоге на дорожной карте цивилизации обозначилась точка сингулярности человеческой вселенной, чреватая *Большим социальным взрывом*.

II. DEUS IRAE². В ожидании следующего удара

Желанием отдаленного словно огнем разжигаются все части души, отсутствующее вменяется ими за присутствие. И туда простираются все помыслы.

преп. *Исаак Сириин*

Революционер – человек обреченный... в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал он всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если продолжает жить в нем, то только для того, чтобы вернуть разрушить... Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

Сергей Нечаев

«Что будет завтра, бойся разгадывать», предостерегал Гораций... Но если всё-таки заглянуть за горизонт, прочерченный в согласии с основным качеством живого существа – инстинктом бытия, связанным с конструктивными формами существования?

Приходится пристальнее вглядываться в траектории инволюционных процессов, прислушиваться к ритмам, которые множатся по мере хаотизации прежней организации жизни. А также задуматься о последствиях предельных форм концентрации гнева, боли, незащищённости, испытываемых на планете слишком многими. И о вспыхивающих то тут, то там чувствах отвращения к конструкции мира.

Сегодня приходится размышлять о сценариях, в основе которых идеи и эмоции, способные активировать тёмную сторону человеческой природы в соответствии с постулатом о свободе выбирать между добром и злом. В том числе в пользу мрачных предпочтений.

* * *

Христианство мыслит категориями восстановления, исцеляя и обновляя человека (ἀποκατάστασις). Оно возвращает блуждающим в древних лабиринтах

¹ Ср. красочное описание последних дней Атлантиды в повести Алексея Толстого «Аэлита» (1923).

² Гневное божество (лат.)

чувство свободы и полноты бытия. Отделяет от ветхости мира. Лишает господства природу, расколдовывает её.

Но обретая власть, люди начинают мыслить бытие как пространство утилизации, промышлять им, тиранствуя над переданным в управление естеством, унижая, гипостазируя обретенное дорогою ценой достоинство. Индустриализм, расширяя возможности и утверждая могущество, одновременно усугубляет ситуацию, превращая человека в эффективную функцию, жизнь – в сумму операций. Опошление дарованных сил вызывает протест живой плоти, ведёт к восстанию против омертвления и деспотии. Но зло собирает дань, по-своему используя обретенную человечеством мускулатуру.

Цели обновления затуманиваются миазмами помраченного ума: мировоззрение, утратив целостность, рождает лишённое благодати потомство – поколение призрачных и корыстных идеологий. Вожди бродящих во мгле – из племён отверженных и неприкаянных.

Постиндустриализм отчасти лечит подобное подобным, снимая диссоциации, демонтируя местами проржавевшую механику исторического конвейера. Мир замер в ожидании результатов рукотворного преобразования, трепещет перед энigmой самовосстановленного человечества.

ЭЛИТНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

*«Им всякая чужбина – отечество, и всякое отечество – чужбина»*¹. В недрах практики на рубеже тысячелетий проявился субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные сообщества, эффективно действующие личности/группы, отсечённые от прежних корней, но получившие доступ к могучим инструментам трансграничной цивилизации: финансовым, информационным, организационным, техническим.

Энергичные конклавы: корпорации, союзы, клубы, комиссии, глобальные племена, сетевые интегрии, «торы-боры», вдохновляясь футуристичными горизонтами и ощущая себя – независимо от регалий прежнего порядка – элитой Нового мира, способны драматично распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как с той, так и с другой стороны иерархий. Их диалог при этом ведётся по верху голов людей, равно воспринимаемых как хор безликих статистов.

Время, необходимое для организации провокативных и масштабных проектов, сжимается, возможности же воплощения, пространство действия многократно расширились. Мир сегодня – источник полифоничных замыслов, тестовая площадка виртуозных технологий, спарринг-партнёр высокоадаптивных рефлексов, полигон конфликтов между производством контента и управлением им.

Для неформальной, но влиятельной элиты, выстраивающей смысловые коридоры, обнаруживая чреваточины в среде стратегической неопределённости, характерны синергичная комбинаторика, сила умной гибкости, персональное разделение рисков, нестандартность решений, высокий градус самоорганизации и креативности. Демонстрационный характер ряда акций уживается с непубличностью других. Амбициозные сообщества не слишком нуждаются в институционализации претензий – по крайней мере, в прежнем смысле – что оборачивается проблематичностью декодирования внешне иррациональных связей, анонимностью значимых событий либо мультисубъектностью неоднозначных инициатив.

¹ «Христиане населяют свои отечества, но как пришельцы; во всем участвуют как граждане, но все терпят как чужестранцы; всякая чужбина им – отечество, и всякое отечество – чужбина... Будучи во плоти, они не по плотскому живут; по земле скитаются, но на небе жительствоуют». «Послания к Диогнету», II в. (автор, предположительно, Иустин Мученик).

Действуя поверх социоконструкций (подчас самой конструктивности), неклассические операторы отличаются произвольным толкованием закона, прямым небрежением, тягой к точечному, акупунктурному усилению, дискретному героизму, системному и хаососложному («эффект бабочки») терроризму. Но, пожалуй, правильнее сказать: они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие былое значение, обретая черты спектакля и карнавала.

* * *

Всё же нынешняя сценография – своеобразная Большая пауза: перерезаемая пуповина постмодерна, незастроенное предместье и всполохи постцивилизации.

Этот смутный театр теней – логово освобождённого творения Франкенштейна: симбиоз набросков либретто и черновых, на скорую руку прописанных мизансцен. Порою, как и всякая химера, причудливого свойства. Однако перечень даже первых кадров пост-современного синемаатографа впечатляет. Радиация лучистых семантических облаков. Не вполне сочленяемая в логике и протоколах виртуальность. Глубокозшелонированные губки коммуникаций. Токсичная финансово-цифровая хрематистика. Офшорная клептократия. Неприкаянные призраки национальных и космополитичных откровений. Эпидемии мемов. Экзотика партисипативных движений и гражданских ансамблей. Витальный магнетизм флешреволюций. Талые воды весны народов... Да и упоминавшийся гиньоль терроризма – всё это заметно повлияло на ментальность человека, усомнившегося в представлениях о реальности.

История, нанося удары, творя прорывы, зигзаги, расплачивается полной валютой – опытом. Исследователи, вычерчивая, стирая, переписывая географию n-мерного глобуса, задумываются: что сулят обретаемые координаты? И каковы теперь правила игры на планете?

* * *

Культурный шок обостряет ностальгию. Травмы, кризисы, перевороты провоцируют перебои ритма: они кризисные управляющие: механики, а заодно инструменты перемен.

Инерционность жизни, её интерактивность (политичность) вынуждает скорее амортизировать, нежели разрешать криптографированные задачи. Результат ситуационного консенсуса – обманчивая пауза, затем разброд, инволюция. Ну, а броски поверх барьеров привносят разделение, случается – измельчение регистров, и сияние Глобального Града обретается в переливчатой мозаике осколков метаполиса.

Через пятьсот лет после вхождения в серебристые покои Нового Света люди обнаружили порог, за ним медные врата Нового мира. Двери распахнуты, однако железобетонные *Twin Peaks* – ахиллесовы столпы истукана цифрового азарта, некогда увитые плющом новой Ойкумены, невидимую рукой ввергнуты в прах.

Тиражируемая СМИ и фабриками грёз картография века сего – навязчиво апокалиптическая, но конъюнктурна, карикатурна и фрагментарна. В среде умножающихся *X-files* цивилизация стремится удержать начала, наращивая на изнеженное тело плотную кожу. Переходя из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни, удержания ада, к многолюдному сообществу, где прежние ценности ставятся ни во что, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности.

«КОРПОРАЦИЯ ЗЕМЛЯ»

На пороге XXI века распался прежний формат отношений Запада и Востока, Севера и Юга. Мировой Север и мировой Юг – это не «Север», «Юг» двадца-

ти-тридцатилетней давности. Парящий в ожерелье из спутников контроля и связи град Нового Севера – трансграничный планетарный кампус, униполярный портал, где генерируются протоколы поведения, вершится конвергенция элит.

Генетически данный мир восходит к североатлантической цивилизации, однако обладает собственным целеполаганием, плотной виртуальной телесностью, протееобразной иерархией, калейдоскопичной, многомерной топографией.

Летучая Лапутания озабочена не столько идеями мирового баланса, стабильности суверенитетов, культуртрегерской экспансии, скорее доминированием над динамичными сюжетами практики: амплитудами мирового дохода, траекториями ресурсных потоков, модификацией средств господства, капитализацией нематериальных кладовых. И дирижированием более экзотичными отраслями: сооружением смысловых тоннелей, вернисажами галерей от мастерских артефактов, эмиссией искусных абберраций, отысканием нелинейных синкоп. Будущее при определённых условиях может расцениваться как трофей.

Концерт интерсообщества карточных (*a la carte*) администраций, контрэлит, астероидных групп, теневых картелей исполняет композицию, перенасыщенную импровизациями и обертонами. Единицей идентичности становится *инструмент* – тип деятельности, либо принадлежность к *сегменту оркестра* – влиятельному клану. И менее всего это игра для публики в зале: насельников национальных подворий.

* * *

На теневой стороне Луны течёт своя жизнь. Интерлюдия глобального («глубокого») Юга – номады миноритарных владельцев «Корпорации Земля»: бескрайняя пограничность, рассеянная на клочках и делянках планеты.

Пёстрая неоархаика пестует, холит экзотику – заумь конспирологии, симулякры государственности, произвол *вайлентизированной* (наполненной имплицитным насилием) парapolитики, сопровождаемые асимметричным эхом «прямого действия».

Отвергаются либо извращаются коды поведения, характерные для былого «большого социума», а конфессиональное и социальное подчас меняется местами. Или синтезируется. Квази-пайщики пытаются доосмыслить, спроектировать, утвердить собственные правила дорожной карты в сетях и нетях актуальной истории. Действовать по нынешним – для них бессмысленно: прекарии остаются маргиналами, не имея ни контракта, обеспечивающего доступ к авуарам цивилизации, ни прямых представителей в глобальном Совете директоров.

Впрочем, в катакомбах морлоков и прежде возникали мыслители, деконструкторы, несхожие меж собою, одержимые, однако, единым желанием подвести мины под рельсы несущегося локомотива Модернити. Сегодня рыцари плутовских личин и господ гексогена также взыскуют *magisterium*, способный преобразить маргинала в признанную *urbi et orbi* силу...

Но кое-что всё же меняется.

Одно из сокровищ, извлекаемых из кладовых всевластья – ресурс смерти: деструкция, возведённая в ранг цели и абсолюта. Другими словами, смысл жизни прочитывается не как продвижение к сияющему граду и даже не как снятие бремени, комфортное обустройство быта, а жгучее, неистовое стремление реализовать свой единственный неотчуждаемый земной ресурс: смерть.

ПЕРЕКРЕСТОК

По планете расплзается архипелаг глобальных пропорций.

Призрачная квазигосударственность пиратских республик на побережье Африканского Рога. Кровавая перекройка юго-западного Судана. Территория

перманентной войны у Великих озер. Сепаратная зона племен в Пакистане. Революционно-криминальные ареалы сельвы. Прочие головоломки «золотых» треугольников, звезд, полумесяцев. Непосещаемые чужаками гетто. Инсургенты и смертники. Армии детей и куски мяса, завернутые в страницы Библии... Всё это вотчины и полигоны миноритариев «Корпорации Земля».

Сегодня большинство проводимых ими сделок – контролируемо, векселя – часто ничтожны, однако, имеют шанс стать полновесной валютой, будучи обеспечены щедро расточаемой смертью. Чужой и своей. Вкладывается же в данное понятие несколько иной от привычного смысл. Ресурс востребован на рынке, пользуется спросом в среде комплексных операций. Порою он неплохо конвертируем в другие виды как экзотичных, так и конвенциональных валют.

Физиология смерти¹ вшивается острой иглой и крепится кожаными заплатами на ветхой ткани политических/экономических игр.

* * *

Обитатели Юга – легионы вирулентных лангольеров, рассеянных на ограниченных земными пределами территориях. Их статус – пожиратели времени, профессиональные безработные, кормильцы родов, наёмники-кондотьеры, обезличенные работники общечеловеческой мастерской. Шаг за шагом они наступают настоящее, вгрызаются в будущее и наследуют обугленные земли.

Претензии на пересмотр конвенционального номоканона не купируемы допэмиссией акций (включая виртуальные кладовые). Эти люди нередко сами ищут смерти. Но на определённых условиях. В грёзах нищенствующих нибелунгов проблескивают трансэкономические мотивы. Всадник на бледном коне имеет шанс стать взыскиваемым героем: носителем непредусмотренных доблестей и странных добродетелей. *«Кто знает, эта жизнь ли есть ли смерть, и смерть ли есть ли жизнь для смертных?»*

А привитая, вынужденная либо показная покорность не исключает желания время от времени демонстрировать – даже в огороженных частоколом метрополисах – зубы зверя в ночи.

* * *

Управление кризисами, инволюция/эволюция рисков согласно пометам в рецептуре, приводит как к разрешению конфликтов, так и форсажу турбулентностей. Самоорганизующаяся критичность может оказаться привычно сослагательным вывихом и, опрокинув удерживаемый порядок вещей, выскользнуть, кардинально изменив понимание истории.

В повседневности случались повороты и перевороты, когда идеалы и замыслы летели прочь с ломающейся на ходу повозки, а следы копыт заматались переменчивыми ветрами. Несокрушимая же и легендарная цивилизация, словно труп Атлантиды, в одночасье погружалась в Лету.

Речь между тем о другом: о легализации транзитной неравновесности как перманентного состояния бытия.

«ЗАХВАТИ БУДУЩЕЕ!»

Когда над жизнью нет судии – мир начинает грезить концом истории, антропологической катастрофой, постчеловеческим универсумом. Или культурой смерти.

Но если судия есть, однако, приговор обвинительный? В возникшей сумятице постсекулярная вольница вскроет ледорубами погреба онтологического

¹ Ср. рассуждение о «культуре смерти» в «Evangelium Vitae» Иоанна Павла II (Ioannes Paulus II, 1995).

первенства ничто, извлекая скользкую и холодную мысль о допустимости и благе деструкции. Возможно безбожия. Чаще – инобожия.

Планомерная, тотальная деконструкция суммы «плодов просвещения» способна творить радикально иную вселенную – цивилизацию смерти, архитекtonика которой замкнута на сакральность окутанного дымом печей некрополиса: символа торжества перверзивных характеров (с позиций нынешней психологии), притяжения бездонных колодцев и восторга головокругительных коллизий.

Усмешка холодного разума в коммерческом характере предложения, ибо есть выбор: *раствориться в небытии либо обрести сразу и вдруг бытие иное*. То и другое, как говорится, без гарантий.

* * *

Одновременно с обрушением башен-близнецов поблек практикабль прошлого столетия, уже повреждённый трещинами Освенцима и ГУЛАГа, Камбоджи и Руанды (список не исчерпывающий). На подмостках исторической сцены обнаружилась потаённая ипостась постсекуляризма, его тёмный близнец: союз *misérables* и людей тени, обративших в «святую рутину» плод искушения закулисным действием.

Зло, обретая силы и освобождаясь от личин цивилизованности, рождает на свет свою версию Возрождения, реализует собственную Реформацию.

Крошка-горнист – выпускник университетов Крысолова, прилежный аспирант, юный схимник армии освобожденья – выходит из пещер на агору с песней-побудкой. И прибывает к изъеденным жуком-древоточцем дверям повестку века сего, предъявляя отложенные прежней цивилизацией права на эксперимент: строительство исторической конструкции на основе иного прочтения всепоглощающей жертвенности. Рассчитывая на грандиозное разрешение.

Ибо ход истории зависит не только от держателей векселей и реестров, но от совокупной жертвы, выбора человечества. Удивительно, большинство людей, несмотря на изъяны, не любит, когда цветы топчут, а младенцев убивают, но проходят с широко закрытыми глазами мимо расползающихся трещин земли. Вечно юная весна народов в людской крови, и омывается она – той же кровью. Когда власть нагло, деспотично подавляет личность, душит милосердие, пародирует справедливость, осмеивает благородство, с корнями выпалывая ростки «прекрасных порывов», лишь уникальная жертва способна одержать верх над взбесившейся реальностью.

Горький привкус последней сентенции, опознаётся сознанием, пребывающим в шоке, опасаясь нуклеарного распада основ. Кажется, такое лекарство лучше любого наркотика способно продлить союз с холодной жизнью, при других обстоятельствах вызывающей омерзение.

В лабиринтах мирового андеграунда, подобно ленте Мёбиуса, связавшей призрачными эскалаторами пузыри земли с воздушными островами, для слишком многих приоткрываются кладовые жертвы. Промышляют же опасным ресурсом немногие – лично, интимно, каждый по-своему. Однако всё более массово.

Ну, а умные/безумные головы открывают не только версии ОМП: здесь ведь Клондайк века сего – веером разворачивающиеся тропы стратегического селектива.

Идея же корректировки истории жертвой – та идея, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация – предельно извратилась, обретая совершенно не христианское звучание. Прежняя история заканчивается. Параллельно, сквозь клише и стереотипы пробивается новая, чьи огненные руны пока непривычны, но картография уже обозначена руинами.

Благодарю за внимание.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

1. Современность (modernity): это завершённый или незавершённый проект? Сегодня можно констатировать серьёзные искажения его социально-политического дизайна и основ просвещенческой культуры. Существует ряд определений складывающейся ситуации: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное/комплексное и т. п. Однако полноценное описание отсутствует, речь скорее идёт о ситуации перехода.

2. Тем не менее, мы можем содержательно рассуждать о различных аспектах транзита: историческом, политическом, экономическом, культурном, методологическом, аксиологическом, философском, теологическом, антропологическом, прогностическом. Иначе говоря, констатировать системный характер кризиса современной цивилизации. Феноменология глобальной трансформации включает преобразования политики и экономики, культурный (контркультурный) поворот, сдвиги в международном праве, глокализацию, деэтизацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, капитализацию нематериальных активов, изменения в социальных регламентах, моральных нормах etc.

3. Одно из направлений анализа перемен – размышления о постсекулярном мире. Секулярное общество уникально в истории. Не случайным образом возникнув и развиваясь в лоне христианской культуры, оно отражает присущий этой культуре статус человека как свободной личности. Энергия преобразований, расширенное воспроизводство, социальные, культурные и политические перевороты – характерные черты данной эпохи, равно как признание нелинейности мира и методология, заложившая основы инновационно-технического взлёта: примат эмпирического/неспекулятивного знания (естественные науки).

4. Частичная стерилизация картины мира, присутствующая в секулярном концепте, и сопутствующий реванш линейной логики, влекли многообразные следствия. Для культуры модерни на стадии позднего индустриализма характерны активное технологическое конструирование, интенсивное промышленное производство, взгляд на государство как на политическую машину, на войны как форму индустриальной деятельности. И на личность как «машинного человека» (Maschinenmensch). Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс: номенклатура, своего рода страта политических инженеров. Редукция ментальности имела следствием «механизацию» общества, его этизацию. Кроме того, эксцессы секулярности привели к тому, что, будучи интерпретируема как сугубо материалистичный, антирелигиозный эталон, она утрачивает авторитет и легитимность.

5. Новый реализм замещает схоластичность «прописей Просвещения», косвенно отражая крах иллюзий секулярного индивида. Кризис данной цивилизационной программы – это реакция также на трагический опыт XX века, на сомнения в реальности прогресса и адекватности прежней модели мироустройства. Между тем постсекулярность – не до-секулярное состояние, не реванш религии в прежнем формате, но часть заметно усложнившейся картины мира. Отражает она и кризис институционального христианства («религии»), его растворение в культуре, быте.

6. Впрочем, постсекулярность можно расценивать как специфический инструмент культуры модерни для адаптации к вызовам времени. Человек приближается к критической точке своего развития, существуя без прежнего груза природных, социальных обременений, становясь всё более свободным в выборе ценностных и деятельностных альтернатив. Происходит легализация экзотичных духовных горизонтов, нестандартных практик, на планете действует новый субъект, активно

влияющий на реальность. Это комплексные энергичные сообщества, личности/группы, лишённые прежних культурных корней, получившие в своё распоряжение от технической цивилизации высокоэффективные инструменты.

7. Существуют разные прочтения постсекулярности в её «западной» и «восточной» ипостаси. «Западная» версия реализуется в условиях индивидуации, динамической сложности, парарелигиозной эклектики, мультикультурности и возрождения цивилизационной конкуренции. Между тем европейская сумятица соприкасается, совмещается с разноликой экспансией Востока. Возникает, в частности, диалог о потенциях ислама, универсализме мусульманской идентичности. К тому же «арабская весна», заместив светский авторитаризм умеренным исламом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

8. Кроме того, постсекулярность связана с глобальной антимодернизационной волной, реализуемой в форматах деятельного консерватизма, «нового традиционализма», порой – в обновленческой, спиритуалистичной либо фундаменталистской упаковке.

9. Происходящие события заставляют также пристальнее взглянуть на траектории инволюционных процессов, спорадически проявляющихся по мере хаотизации прежних форм организации общества. Задуматься о возможностях и сценариях развития химеричной, неоархаичной реальности распавшихся или несостоявшихся государств. Резкое возрастание численности населения планеты, развитие деструктивных процессов на территориях глубокого Юга, их контаминирующее воздействие на «большой социум» ведёт к прогрессирующей девальвации жизни, коррупции цивилизационного ценза, генезису таких явлений, как «новый элитаризм», «мировой андеграунд», «культура смерти».

10. Попытки комплексного прогноза указывают на вероятность приближения человеческого универсума к состоянию своеобразной сингулярности – пороговому пункту на дорожной карте цивилизации.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север – Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984–1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), Пентамино (1993/1994), Сценарии-7 (1995/96), Глобальное сообщество (1997–2003), Камелот (2004), София (2004), КП

(2005/2006), Синергия (2007), Будущее (2008), ВВЦ-2/Парк Россия (2009), Феникс-К (2010), Большая Волхонка (2011), Русская идентичность (2012). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Со-руководитель семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатория «Север – Юг», Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФРАН). Вёл еженедельную аналитическую программу «Будущее» (FINAM FM).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического учёного собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учёта (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор более 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 1)

Глава 19. Д.Н. ЗАМЯТИН

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕСТО: К ПОНИМАНИЮ ПОЛИТИК ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова: пространственность, сопространственность, идентичность, территориальная идентичность, образ места, цивилизация, метагеография.

Key words: spatiality, co-spatiality, identity, territorial identity, image of place, civilizaton, meta-geography.

Аннотация. Выявляется значение пространственности и сопространственности для становления территориальных идентичностей различных иерархических уровней. Рассматривается проблематика Модерна и Постмодерна в связи с плавающими территориальными идентичностями, в контексте воображаемых и виртуальных пространств. Исследуется понятие и образ места через призму различного рода политик. Воображаемые и ментальные территории и пространства представляются как репрезентативные проекции территориальных идентичностей. Ставится вопрос о геофилософиях локальных цивилизаций и становлении особых метагеографий.

Abstract. The significance of spatiality and co-spatiality for territorial identities of different hierarchic levels becoming is reveal. The Modern and Post-Modern problems on contexts for 'swimming' territorial identities, imagining and virtual spaces, are consider. The concept and image of place across the different politics prism are research. The imagining and mental spaces as territorial identities projections are represented. The question about local civilizations geo-philosophies and meta-geographies is put.

ПРОСТРАНСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА СПАЦИАЛИЗМА

Есть, по крайней мере, несколько сквозных содержательных тем, как бы прошивающих всю «ткань» концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Среди них можно выделить темы локального знания (локальных знаний)¹, феноменологии культурных ландшафтов², адаптации представителей какой-либо цивилизации в чуждом им культур-

¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996; Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с франц. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова; Отв. ред. А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Он же. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1999; Он же. Путь масок. М.: Республика, 2000; Он же. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994; Динч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982; Бурдьё П. Практический смысл. СПб: Алетейя, 2001; Он же. Социальное пространство: поля и практики. СПб: Алетейя, 2005; Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004; Geertz C. Local knowledge. New York: Basic Books, 1983.

² Степун Ф.А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 804–807; Муратов П.П. Образы Италии. Т. I–III. М.: Галарт, 1993–1994; Он же. Ночные мысли. М.: Прогресс, 2000; Фор Э. Дух форм. СПб: Machina; Аxioma, 2002; Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грант, 2000; Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа. Т. 1–2. М.: Эйзенштейн-Центр, Музей кино, 2004, 2006; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191–256; Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С.В. Федулов. М.: Прогресс, 1990; Подорога В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. М.: «Ad Marginem», 1995; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Лавренова О.А. Культурный ландшафт: семантика культурно-географических взаимодействий // Известия РАН. Серия географическая, 2003, № 3. С. 114–121; Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1980. P. 63–77; Tuan Yi-Fu. Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977; Soja F.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. London: Verso, 1990; Schama S. Landscape and Memory. New York: Vintage Books, 1996; Jackson J.B. Landscape in Sight: Looking at

но-географическом пространстве или же в культурно-географическом пространстве, которое в ментальном плане необходимо освоить, «обжить», либо «присвоить» (проблема локальной цивилизационной идентичности в широком смысле¹). В каждой из описанных парадигм эти темы, в той или иной степени, могут быть изучены и репрезентированы; другое дело, что сам характер интерпретации тем, а также полученные результаты могут довольно сильно различаться – в том числе и потому, что сами исследователи могут относиться к различным локальным цивилизациям с их специфическими культурными, ментальными и научными традициями и установками².

Вкратце попытаемся описать в разных методологических ракурсах постановки выделенных тем. Если *проблематика локальных знаний* достаточно уверенно формулируется и исследуется в рамках всех трёх геочивилизационных подходов (в рамках геодетерминизма более «приземлённо», с большей вероятностью на примерах материальной культуры; в рамках геопоссибилизма – с большим акцентом на вероятность и методическую гибкость, вариативность самого характера локальных знаний; в пределах геоспациализма – в сторону большего внимания к цивилизационно-пространственному переносу и диффузии, а также к трансформациям самих локальных знаний в зависимости от географической динамики цивилизаций), то *тема феноменологии культурных ландшафтов* может интерпретироваться в разных методологических традициях столь отличным образом, что её видоизменения и теоретические постановки могут привести к взаимному культурному непониманию. Тем не менее, и здесь можно нащупать некий общий «нерв» темы, а именно роль и соотношение материальной и духовной культуры, артефактов и ментифактов, обыденных представлений и представлений «высокой» культуры в становлении конкретных культурных ландшафтов. Наконец, проблематика культурного и цивилизационного наследия, вполне корректно артикулируемая во всех методологических подходах, оказывается наиболее эффективной в своих теоретической и прикладной постановках как раз в рамках динамически и расширенной понимаемой феноменологии культурных ландшафтов, вбирающей в себя актуальные на данный момент когнитивные достижения и геодетерминизма, и геопоссибилизма, и геоспациализма.

Тема цивилизационной локальной идентичности оказывается на поверку наиболее многогранной, наиболее объёмной, поскольку глубоко затрагивает онтологическую суть описанных ранее методологических дискурсов. Проблематика

America / Ed. by H.L. Horowitz. New Haven and London: Yale University Press, 1997; Imperial Cities: Landscape, Display and Identity / Ed. by F. Driver and D. Gilbert. Manchester: Manchester University Press, 1999; *Tuan Yi-Fu*. Perceptual & Cultural Geography // Annals of the Association of American Geographers, 2003, vol. 93. No. 4. P. 878–881 и др.

¹ См., например: *Рашковский Е.Б., Хорос В.Г.* Проблема «Запад – Россия – Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 3. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. С. 110–143; *Барабанов Е.В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии, 1991, № 8. С. 102–116; *Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Там же, 1992, № 1. С. 52–60; *Он же.* Россия как подсознание Запада (1989) // Он же. Искусство утопии. М.: Художественный журнал, 2003. С. 150–168; *Щукин В.Г.* Культурный мир русского западника // Вопросы философии, 1992, № 5. С. 74–87; *Мильтон В.И.* «Земля» и «Небо» исторического сознания // Там же. С. 87–100; *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССП, 2001; *Рашковский Е.Б.* Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001; *Он же.* Осознанная свобода: Материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М., 2005; *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1992–2006. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007; *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб: Петербургское востоковедение, 2003; см. также: Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998.

² См., например: *Castree N.* 19 Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies // Environment and Planning A. 2001. Vol. 33. P. 1519–1525.

свой/чужой (инвариант оппозиции цивилизация/варварство) всегда актуализируется принадлежностью к месту, территории, ландшафту; эта принадлежность может маркироваться по-разному и различными способами в зависимости от конкретной культуры и цивилизации. Понимая, что само понятие цивилизации есть безусловный научный и идеологический конструкт, оказавшийся достаточно эффективным в определённую историческую эпоху, можно предположить, что понятие локальной идентичности как бы увеличивается посредством «цивилизационной лупы», выходит на первый план благодаря широким возможностям пространственного представления и воображения цивилизационной идентичности.

Так или иначе, проблематика геопространства и геопространственного воображения принуждает, обязывает мыслить цивилизации образами, представлять их ключевыми образами, формирующими динамично меняющиеся, возрастающие в своём значении и уменьшающиеся цивилизации-образы, чья символика, семиотика, феноменология может в достаточно серьёзной степени опираться на онтологически понимаемый цивилизационный статус места, территории, ландшафта. Здесь геоспациализм фактически смыкается, «по спирали», в идеологическом отношении с географическим детерминизмом, делая «полный поворот кругом», и становясь, в известной мере, «образно-географическим детерминизмом», в рамках которого локальные цивилизации практически полностью самоопределяются соответствующими системами специфических географических образов. Цивилизации-образы, будучи в своём ментальном генезисе пространственно расширяющимися, «выталкивают наверх», в актуальное дискурсивное поле проблематику пространственного воображения и пространственной (локальной, региональной) идентичности¹; в свою очередь, пространственное воображение «цивилизуется», активно работая в границах задаваемых концептом цивилизации идеологических, культурных и научных форматах.

ГЕОСПАЦИАЛИЗМ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Предпосылки к формированию той научной парадигмы, которую можно назвать *геоспациализмом*, начали возникать и развиваться в последней четверти

¹ См.: *Вирт Л.* Локализм, регионализм и централизация // *Логос*, 2003, № 6. С. 53–67; *Роккан С., Урвин Д.В.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Там же. С. 117–133; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Антиас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М.: Изд-во «ЛОРИ», 2002; Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара). М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999; *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // *Логос*, 2003, № 6. С. 67–117; *Крылов М.* Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // *Культурная география* / Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 143–171; *Он же.* Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 1. М.: Ин-т Наследия, 2004. С. 154–165; *Он же.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // *Социологические исследования*, 2003, № 3. С. 13–23; *Кувенева Т.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // *Социологические исследования*, 2003, № 7. С. 77–89; *Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб: НИИ химии СПбГУ, 2002; Возвращённые имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Проектные материалы / Под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: IREX и «Профессионалы за сотрудничество», 2004; *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. Number 3. P. 763–794; *Geography and National Identity* / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; *Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum S., Onuf P.S.* All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996; *Ely C.* This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. Decalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2002 и др.

XX – начале XXI в. По всей видимости, понятия постмодерна и глобализации являются необходимыми коррелятами понятия геоспациализма, однако, геоспациализм понимается здесь одновременно и уже, и шире, нежели два первых, более устоявшиеся понятия. Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определённой цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами¹. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идёт о том, что всякая локальная цивилизация уже в своём генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют «коды» такой адаптации.

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причём и человеческое мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций². Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный поворот к развёртыванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900–1930-м гг., когда резко активизировавшиеся процессы политико-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными «взрывами» в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика пространства и его интерпретации выходит на первый план³. Не углубляясь в подробное рассмотрение генезиса и со-

¹ *Замятин Д.Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал, 2002, № 2. С. 5–13; *Он же.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213–256; Ср.: *Сауд Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

² Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства: *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.

³ См., прежде всего: *Флоренский П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000; *Он же.* Соч. в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 43–109; *Он же.* Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб: Мифрил, Русская книга, 1993. С. 283–307; *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб: Питер, 2002; *Пановский Э.* Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб: Азбука-классика, 2004; *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: «Ad Marginem», 1997; *Генон Р.* Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003. С. 32–39, 135–145; *Он же.* Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2004; *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб: Наука, 2000; *Беньямин В.* Произведение искусства эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996; *Арто А.* Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993; *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Он же.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–408; *Он же.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986; *Органика.* Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: Изд-во «РА», 2000 и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагал, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Шенберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм.

держания геоспациализма, взятого в широком смысле, стоит лишь отметить, что основные концептуальные членения современной географии и её дисциплинарная матрица как раз и начали «отвердевать» в первой половине XX в.¹; в этом смысле можно говорить, что фундаментальная проблематика современной географии есть порождение решительного цивилизационного поворота к геоспациализму, и в то же время она может фиксироваться как одна из его существенных черт и проявлений.

ПРОЕКТ МОДЕРНА И ГЕОСПАЦИАЛИЗМ: ПОПЫТКА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. ПОНЯТИЕ СОПРОСТРАНСТВЕННОСТИ

Идеологический распад проекта модерна (modernity) – начало этого процесса стало очевидным уже к 1910–1920-м годам – привёл к возникновению довольно хаотических, слабо упорядоченных по отношению к друг другу политических, социальных, экономических полей, в рамках которых отдельные автономные сетевые конструкции и взаимосвязи опирались в своём развитии на автохтонные знаково-символические иерархии и пограничные ментальные маркеры². Такая идеологическая ситуация привела в промежуточном социокультурном итоге к ментальным провалам, «пустотам», «трещинам», существующим между отдельными, фактически игнорирующими друг друга идеологическими дискурсами, чьи границы означают чаще всего только естественное убывание их социокультурного воздействия и влияния в зависимости от мощности идеологических источников и количественных и качественных характеристик аудитории (поля) данного дискурса, но не выход в пространство прямого или косвенного междискурсивного взаимодействия.

Прямым следствием подобной идеологической ситуации на протяжении всего XX века стало формирование множества воображаемых миров – со своими социокультурными нормами, правилами и дискурсивными образцами. Эти воображаемые миры-пространства первоначально развивались на базе традиционных представлений модерна – геокультурных, геополитических и геоэкономических³. Существенные онтологические противоречия между традиционной картиной мира модерна и множеством образов других социокультурных и ментальных пространств обнаружилось, обнажилось лишь к концу XX века, когда распалась искусственно поддерживавшаяся обеими противоборствующими сторонами биполярная политико-идеологическая система, дополнявшаяся образом стран Третьего мира (развивающихся стран).

Естественно, что всех упомянуть здесь невозможно, я концентрирую внимание на наиболее важных явлениях и авторах в рамках данной темы.

¹ См.: Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. Примерно в это же время происходит теоретическое оформление хорологической концепции в географии, зародившейся в первой половине XIX века и ставшей одной из наиболее влиятельных географических концепций, начиная с 1920-х гг. до настоящего времени, см.: Риттер К. Идеи о сравнительном землеведении // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым. Т. II. М., 1853. С. 353–556; Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. / Пер. с нем. Е.А. Торнеус; Под ред. Н. Баранского. Л.: М.: Гос. изд-во, 1930; Замятин Д.Н. Методологический анализ хорологической концепции в географии // Известия РАН. Серия географическая, 1999. № 5. С. 7–16.

² Ср., например, диаметрально идеологически противоположные дискурсы: Генон Р. Царство количества и знаменья времени // Он же. Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: «Беловодье», 2003; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб: Наука, 2000; Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: «Медиум», 1996. См. также: Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004.

³ Классическое исследование на эту тему: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира модерна, оказался пока – к началу XXI века – не в состоянии «скрепить», поддержать или же сохранить остатки единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ, дискурсивного пространства – несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм, а также введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия глокализации (Р. Робертсон). Основная когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или же подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта модерна, которые – так или иначе – не были полностью достигнуты к началу XX века, хотя их достижение считалось в то время практически возможным, а социокультурные и экономические тенденции фиксировали наличие условий для их достижения (явление так называемой первоначальной глобализации конца XIX – начала XX века¹). В связи с этим, некоторая архаичность проекта глобализации сказывается, прежде всего, в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ².

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть представлена понятием *сопространственности*, впервые предложенным ещё немецким консерватором-романтиком Мартином Мюллером³. Это понятие было вытеснено понятием *современности* и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI века способствует возрождению этого понятия и его потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и межцивилизационных пространств.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времён, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств – будь то пространство западной или буддийской цивилизаций, пространство межцивилизационного лимитрофа – например, Кавказа, – или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками/координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться – как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна и также – для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на *со-временность*, но на *со-пространственность*. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопространственность западной и исламской цивилизаций показывают всю анти-современность, не-современность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках *геоспациализма* – методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и её образных репрезентации являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определённое

¹ См.: Синцеров Л.М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения, 2000, № 5. С. 56–64; Он же. Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства // Вестник исторической географии. Вып. 3. М.: ИГ РАН, 2005. С. 58–79.

² Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

³ Ионин Л.Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.

видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых, как «реальность».

Сам процесс идеологического перехода от проекта модерна к новому проекту можно было бы назвать спациалистским, или геоспациалистским¹. Суть данного перехода – в автоматическом и спонтанном столкновении различных в онтологическом плане дискурсов, работающих и развивающихся в совершенно различных цивилизационных и социокультурных временах. Эти идеологические столкновения ведут к неконтролируемому никем из каких-либо значимых социокультурных и политических акторов/групп/сообществ расширению самого дискурсивного пространства, становящегося полем активных сосуществующих воображений, чьи источники располагают автономными временами, а в пространственном отношении являются попросту размытыми или «размазанными» в силу изначально сетевых конструкций подобных пространств².

Спациалистский проект – используя когнитивные возможности постмодернизма и постструктурализма – является, на самом деле, (гео)спациалистским идеологическим проектом. Это означает, что традиционное географическое пространство в том виде, в каком оно было сформировано и «упаковано» модерном, используется как бы не по назначению – в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях – а лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация является очевидным вопросом в рамках проекта модерна. Иначе говоря, любое земное местоположение (актора, группы, сообщества) в рамках (гео)спациализма подвергается когнитивному сомнению, поскольку определённый оригинальный или даже вторичный дискурс сразу же создаёт ситуацию сопостранственности, нахождения как бы в нескольких пространствах – с точки зрения традиционных представлений модерна³.

Воображаемые географии, становящиеся необходимыми для любых скольконибудь значимых и влиятельных в социокультурном и политическом планах дискурсов, являются и условием существования и поддерживания образного империализма, который постепенно может быть трансформирован в своего рода когнитивное орудие или способ, средство ментального дистанцирования различных пространств для формирования *метапространства* – поля, где сопостранственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных пред-

¹ Не путать с понятием спациализма (направление в искусстве XX века) – Д.З.

² Ср.: *Барт Р.* Империя знаков. М.: Праксис, 2004; *Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. London: Verso, 1990; *Надточий Э.* Метафизика «чмока» // Параллели (Россия – Восток – Запад). Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М.: Философ. об-во СССР; Институт философии РАН, 1991. С. 93–102; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997; *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004; *Филлипов А.Ф.* Пространство политических событий // Политические исследования, 2005, № 1; *Он же.* Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2007; также: *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение, 2001, № 49; *Замятин Д.Н.* Россия и *нигде*: Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности / Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. С. 341–367 и др.

³ См. более подробно: *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003; *Он же.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004; *Он же.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004; *Он же.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

ставлений о траекториях и путях предполагающихся расширений¹. Тогда такие значительные социокультурные и научные концепции конца XX – начала XXI века, как постколониализм, ориентализм, мультикультурализм оказываются частными случаями начального этапа развития (гео)специализма, на котором воображаемые географии являются пока лишь побочным и второстепенным ментальным продуктом образного империализма, а не закономерным (вполне образно-детерминистским, рационалистическим) следствием столкновения и борьбы цивилизационных дискурсов. Как только понятие и образ современности, а вместе с ними и понятие глобализации будут осознаны как частный идеологический дискурс, *сопространственный* любым другим значимым дискурсам, расширяющим своё феноменологическое пространство, образный империализм станет «чистым» операциональным образом, лишь поддерживающим «технически» на когнитивном уровне видимое расширение феномена сопространственности.

«Бессознательное» первоначального модерна – так, как оно было репрезентировано развитием европейского капитализма, Великими географическими открытиями, культурой и искусством Возрождения – было связано с безусловной телеологией земного пространства, становящегося тем самым вполне обозримым, пред-ставимым, *образным*². Эта вновь возникающая образность земного пространства опиралась феноменологически на классическое понятие империи как некоего абсолютно политически и метафизически органичного пространственного тела; развитие такого пространственного тела как бы автоматически уравнивало и выравнивало (в плане христианской метафизики) всякие с европейско-имперской точки зрения инокультурные анахронизмы, которые могли быть встречены европейскими культурами в своём, казалось бы, чисто географическом расширении и развёртывании³.

Нет сомнения, что такой изначальный пространственно-феноменологический ход сильно облегчил в цивилизационном плане экспансию европейских держав за пределы их традиционного географического ареала, подкрепив её хорошо укреплённым метафизически христианским мессианизмом. Однако этот вновь обретённый и постоянно обретаемый в ходе когнитивного развития колониалистского, а затем, в эпоху распада модерна, и постколониалистского дискурса, имперский *versus* империалистский пафос (прикрываемый, естественно, традиционными религиозными установками, различными версиями цивилизаторской миссии и культуртрегерства) имел и обратную – метагеографическую – сторону. Империализм как мощный образ, взращённый и лелеемый европейской цивилизацией эпохи модерна, оказался образно-географической «миной», или образно-географическим бумерангом для самого европейского модерна – способствуя формированию и развитию вполне архаичных имперско-политических форм в Европе и на её цивилизационных перифериях даже тогда, когда политико-культурный проект *nation-state* стал в дискурсивном отношении совершенно очевидным⁴.

¹ См. также: *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геоники // Политические исследования, 2007, № 1. С. 168–184.

² См.: *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002; *Он же.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Пер. с франц. Л.Е. Куббеля / Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1992; *Франкастель П.* Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб: Наука, 2005; *Дамиш Ю.* Теория облака. набросок истории живописи. СПб: Наука, 2003; *Слотердаjk П.* Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб: Наука, 2007. С. 806–1114.

³ Ср.: *Слотердаjk П.* Указ. соч. С. 153–191; *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1997. С. 229–241, 337–393.

⁴ См., например: *Geography and National Identity* / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.

Как бы то ни было, именно ранний модерн репрезентировал образ империализма, синкретически слитый, сращенный с проблематикой пространственности, впервые становящейся – в семиотически значимых формах – одним из ясно выраженных, доминирующих цивилизационных дискурсов. Иначе говоря, европейский модерн осознал себя как «модерн» во многом благодаря разнообразно выраженным и интерпретированным дискурсам пространственности¹; с другой стороны, это была вполне локальная, европейская современность, оказавшаяся способной к уникальной по мощности пространственной экспансии, основанной на когнитивно укоренённом и религиозно проработанном понятии и образе империи, а далее и империализма. Как расцвет, так и распад модерна оказался связанным с интенсивным дискурсивным использованием образа империи, чья вполне внешняя, когнитивно вторичная пространственная коннотация (физические размеры империи – важный, но не самый главный её признак) постепенно стала его ядерным или стержневым элементом².

Надо ли говорить, что Великие географические открытия и формирование европейских колониальных империй были одновременно величайшей победой и в то же время величайшей фикцией, метагеографической ошибкой – если говорить об образно-империалистической интерпретации этих исторических событий³. Базовая «шизофрения» модерна как такового – уверенное оперирование дискурсом европейской пространственности⁴, постоянно локализуемой различными вариантами образного империализма. Понятно, что то пространство – будь оно американским, африканским или азиатским – которое видели европейские купцы и завоеватели в

¹ Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб: Азбука-классика, 2004; Флоренский П.А. Абсолютность пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль: 2000. С. 274–296; Он же. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 81–259; Арто А. Театр и его двойник. М.: Мартис, 1993; Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1978. С. 234–408; Он же. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986; Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: Изд-во «РА», 2000 и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Штенберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Важнейшие интерпретации: Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 191–205; Он же. Пространство, знание и власть // Там же. С. 215–237. Он же. Безопасность, территория, население // Там же. С. 143–151; Foucault M. Questions on Geography // Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press, 1980. P. 63–77; см. также: Turnbull D. Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of 'Knowledge Spaces // Imago Mundi. 1996. 48. P. 5–24.

² См., например: Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии, 1992, № 1. С. 89–120; Он же. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки, 2002, № 6(7). С. 48–63; Cosgrove D., Atkinson D. Urban rhetoric and embodied identities: city, nation and empire at the Vittorio Emanuele II monument in Rome, 1870–1945 // Annals of the Association of American Geographers. 1998. Vol. 88. P. 28–49; Gilbert D. Heart of Empire? Landscape, space and performance in imperial London // Environment and Planning D: Society and Space, 1998, № 16. P. 11–28.

³ Ср.: Сеа Л. Философия американской истории. М.: Прогресс, 1984; Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки. М.: Международные отношения, 1991; Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. М.: Прогресс, 1991.

⁴ Ср.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

XVI–XVII веках, для них было всегда, в образном плане, проектируемом в христианскую вечность, европейским, западным в широком смысле. Когнитивная ситуация конца XX – начала XXI века изменилась не очень сильно: образный империализм видоизменился, стал более совершенным в когнитивном плане, перейдя во многом в информационно-культурную сферу¹, однако, все местные, локальные, неевропейские (незападные) отчёты всякого исторического/параисторического времени наталкиваются на мощные, идущие извне дискриминационные политико-культурные дискурсы, не замечающие, игнорирующие любые, могущие возникнуть как автономные дискурсы, локально-пространственные автохтонные образы².

ГЕОСПАЦИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определённой цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами³. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идёт о том, что всякая локальная цивилизация уже в своём генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют «коды» такой адаптации.

Применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географического пространства, следует остановиться на трёх основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических «ножниц», связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы её доминирующие географические образы⁴. В такой когнитив-

¹ Ср.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ «Высшая школа экономики», 2000; *Geographies of global change: remapping the world in the late twentieth century* / Ed. By R.J. Johnston, P.J. Taylor, and M.J. Watts. Oxford (UK) and Cambridge (USA): Blackwell, 1995.

² Ср.: *Kasbarian J.A.* Mapping Edward Said: geography, identity, and the politics of location // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1996. Vol. 14. P. 529–557; *Hall S.* The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 19–41; *Hannerz U.* Scenarios for Peripheral Cultures // *Ibid.* P. 107–129; *Paasi A.* Nationalizing everyday life: individual and collective identities as practice and discourse // *Geography research forum*. 1999. Vol. 19. P. 4–21.

³ *Замятин Д.Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // *Социологический журнал*, 2002, № 2. С. 5–13; *Он же.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // *Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. М.: Наука, 2003. С. 213–256; Ср.: *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

⁴ См., например: *Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию*. СПб: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003; *Гране М.* Китайская мысль. М.: Республика, 2004; *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Г.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984; *Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М.: АСТ, 2002; *Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего

ной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чужой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных межцивилизационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций.

Второй момент следующий: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причём даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто¹), сколько экономически и культурно, когда образцы и стереотипы определённого цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся на сакральные представления и господствующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую «переструктурируя» их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций². Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку ментальные продукты самостоятельной, сформировавшейся цивилизации обладают, как правило, определённой пространственной синергией – они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный «дефицит» или цивилизационный «голод». Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной³), причём подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковываемыми, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на её новые пространственные рубежи.

Третий момент акцентирует наше внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов

Рима // Культура Древнего Рима. Т. II. М.: Наука, 1985. С. 108–167; *Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Ч. 1. М.: Радикс, 1993; *Ощеров С.А.* Найти язык эпох (от архаического Рима до русского Серебряного века). М.: Аграф, 2001; *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999; *Он же.* Символы четырёх евангелистов: Их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000 и др.

¹ См. классические образцы подобного «геомессианства» на примере США: История США. Хрестоматия. М.: Дрофа, 2000; один из наиболее ярких образцов: *Шурц К.* Предопределённая судьба (1893) // Там же. С. 116–129.

² Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см.: *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». Изд-е 3-е. М.: Мысль, 1975; *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. См. также очень интересную исследовательскую постановку: *Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб: Лань, 2001.

³ См., например: *Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720–1830. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972.

(образно-географических карт¹), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная «картография» предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизационных границ, часто совпадающих с политическими границами²; цивилизация в геоспациальном контексте – это, скорее, пространственный образ геопространства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения³. Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация, вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИКА

Всякая политика, рано или поздно, осознанно или бессознательно, оказывается связанной, в ментальном и деятельностном плане, с формированием определённых, специфических идентичностей, а также пространственных представлений. Политический актор, будь то публичный политик, рядовой избиратель, оппозиционер или же партизан, сталкивается с ситуацией, когда он должен, так или иначе, идентифицировать себя в пространстве, которое можно называть и просто политико-географическим – однако мы склонны обозначить его скорее как метагеополитическое. И разница здесь достаточно простая: суть дела в том, что политическая деятельность осуществляется, как правило, в весьма специфических пространствах, которые имеют лишь отдалённое отношение к классическим образам физического, географического или же политического пространства.

Метагеополитическое пространство представляет собой проекцию жизненного мира (*Lebenswelt*) политического актора на воображаемые им архетипические ментально-географические пространства мышления, решения и/или действия. Сложность представления самого метагеополитического пространства заключается в необходимости сочетания и дальнейшего связывания в понятный внешнему миру нарратив/дискурс принципиально различных по происхождению географических образов, остающихся чаще всего на уровне бессознательного. Как правило, метагеополитическое пространство может состоять из разнородных географических образов, имеющих отношение к сфере профессиональной деятельности актора, его обыденной деятельности, его воспоминаниям и долговременной памяти; эти образы могут накладываться друг на друга и формировать с точки зрения условного внешнего наблюдателя довольно причудливые конфигурации. Естественно, что наиболее репрезентативными оказываются метагеополитические пространства публичных политиков или же известных обще-

¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 118–140.

² См.: *Замятин Д.Н.* Структура и динамика политико-географических образов современного мира // *Полития*, 2000. Осень, № 3 (17). С. 116–122; *Он же.* Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность*, 2001, № 1. С. 125–138; *Он же.* Геополитика образов и структурирование метапространства // *Политические исследования*, 2003, № 1. С. 82–103.

³ Ср.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. О борьбе образов см. также: *Грузински С.* Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // *Международный журнал социальных наук*, 1993, № 1. Май. Америка: 1492–1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии. С. 65–85.

ственных/культурных деятелей, тогда как аналогичные пространства рядовых политических акторов часто «остаются за кадром».

Между тем, мы должны соотносить те или иные метагеополитические пространства, особенно, если это касается публичных/профессиональных политических акторов. Наряду с этим, происходит взаимодействие различных метагеополитических пространств, имеющих отношение к ключевым «игрокам» в поле политической деятельности. В силу очевидной разницы образно-географического background'a данных «игроков» возникает феномен *сопро странственности*, когда политическое взаимодействие оказывается сегментированным на ряд ментально-пространственных фрагментов, которые и создают определённый метагеополитический нарратив/дискурс, не предполагаемый ни одним из акторов.

В данном случае, нужно говорить о пространственной идентичности политического актора, выявляющейся или проявляющейся в форме метагеополитических пространств.

БАЗОВЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сформулируем первичную простейшую (элементарную) когнитивную «платформу», важную для нашего дальнейшего исследования. Итак, предполагается, что территория обладает или имеет конкретный информационный объём, существует некоторый информационный банк относительно определённой территории, а также и банк знаний. В свою очередь, понятие и концепт идентичности, что идентичность всегда кому-то принадлежит, она всегда относится к чему-то и/или к кому-то, включает в себя конкретные эмоции, чувства, образы (воображение), а также возможность рационализации этих чувств и образов. Наконец, элементарное понятие территориальной идентичности возникает, когда в логическом отношении пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности (мы здесь пока не говорим о собственно феноменологии территориальной идентичности в широком смысле, ограничиваясь формальной логикой).

Далее логически мы можем предположить, что концепт идентичности является активным по отношению к концепту территории, который остаётся, в свою очередь, пассивным. Иначе говоря, в данном представлении, концепт территории выглядит как подстилающая поверхность, фон, подложка, а концепт идентичности трансформируется, перестраивается, видоизменяется, оказываясь в определённом территориальном контексте. Такое представление может быть опять-таки базовым, впоследствии эта элементарная когнитивная модель может быть усложнена и/или переработана. Так или иначе, собственно территориальная идентичность, согласно этой когнитивной модели, является результатом неких содержательных отношений, в результате чего может возникать и обратная связь: представление о территории меняется, поскольку может меняться территориальная идентичность, становящаяся в процессе своей трансформации синтетическим и динамическим концептом.

Попробуем теперь перейти к несколько более сложной когнитивной модели территориальной идентичности. Предположим, что концепт территории включает в себя не только конкретный объём информации и знаний (грубо говоря, это «физическая» модель территории), но и некоторые представления о ней, не связанные прямо с какой-либо точной информацией или знанием. Иначе говоря, помимо собственно «физической» территории, теперь существует и «метафизическая» территория. Именно в этом слое «откладываются» локальные мифы, «складируются» географические образы-архетипы, формируется представление о культурных ландшафтах. Следует сразу отметить, что «метафизическая» территория часто и чаще всего возникает в воображении отдельных людей и сообществ, являющихся либо пришлыми на данной «физической» территории (формально – случай иммигранта и диаспоры), либо физически покинувшими определённую территорию или страну (случай эмиграции). В любом случае, мы можем говорить здесь о том, что

подвижность людей и человеческих сообществ способствует формированию метафизики территорий: удалённость от родного места может рождать локальный миф о нём, прибытие на новую территорию и жизнь на ней могут способствовать развитию новых географических образов и мифов, необходимых для укоренения здесь. Концепт территории, тем не менее, остаётся и в этой усложнённой модели когнитивно неподвижным, статичным; территория рассматривается, используя лингвистическую метафору, в условном «страдательном залоге».

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы).

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен является важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов являются существенными для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй¹, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, «фиксироваться» соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё

¹ См., например: *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998; *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Он же.* Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987; *Он же.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; *Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М.: АСТ, 2002; *Хьюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996; *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976; *Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 100–106; *Неклюдов С.* Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–39; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Торшилов Д.О.* Античная мифография: миф и единство действия. СПб: Алетейя, 1999; *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; *Он же.* Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; *Фадеева Т.М.* Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000; *Абашев В.В.* Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение, 2000, № 6(46). С. 275–288; также: *Митин И.И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

не сбывшегося, не состоявшегося, однако, весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований¹. Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться не возможными ранее темпами – не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах², а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

ОБОБЩЁННАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Итак, понятие и концепт территориальной идентичности «работает» в пределах гуманитарной географии в кругу понятий географического образа, локального мифа и культурного ландшафта, это его гуманитарно-географический контекст. Если выстраивать определённую иерархию соотношений этих понятий, имея в виду уровни рассмотрения пространственных представлений в рамках гуманитарной географии, то территориальная идентичность как бы надстраивается над географическими образами и локальными мифами, использует и впитывает их; в то же время именно территориальная идентичность оказывается рефлексивной основой для выявления и фиксации конкретных культурных ландшафтов, типичных для данной территории. Наряду с этим, территориальная идентичность как условный ментальный продукт оказывается под влиянием конкретных когнитивно-географических контекстов, имеющих отношение к изучаемой территории, а также проблематики «гений и место», персонализирующей и тем самым несколько упрощающей «технологии» воображения территориальной идентичности. Концепты «когнитивно-географический контекст» и «гений и место» являются своего рода вертикальными ментальными «лифтами», способствующими эффективному взаимодействию всех «этажей» концептуального «здания» гуманитарной географии.

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (внизу – бессознательное, вверху – сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трёхмерную схему), размещённый своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяжённая по горизонтали страта, как бы утопающая в бессознательном – это географические

¹ McLean S. Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61–73; Crouch D. Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61–73; Замятин Д. Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета, 23.07.2008.

² См., например: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002.

образы; на ней, немного выше, располагается «локально-мифологическая» страта, менее протяжённая; ещё выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта территориальной (региональной) идентичности; наконец, на самом верху, «колпачок» этого треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей¹. Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что, с одной стороны, всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении причём процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определённых географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов – если пытаться интерпретировать описанную выше схему – состоит в том, как из условного образно-географического «месива», не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические «цепочки» в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, чьё содержание может быть мифологическим. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение – всякий локальный миф создаётся как разрыв между рядоположенными географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в её рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих территориальных идентичностей. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более «репрезентативных» образов пространства, должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в «неожиданных» – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-логических и часто весьма упрощённых трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, территориальные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политическо-

¹ Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995; *Русская провинция: миф – текст – реальность* / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М., СПб: изд-во «Лань», 2000; *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города // *Провинция как реальность и объект осмысления.* Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101–110; *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб: Алетейя, 2003; *Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты* / Отв. Ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004 и др.

го или культурного деятеля в местной прессе и т. д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их «на службу» конкретным локальным и региональным сообществам, а, с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие территориальных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закреплённых в региональном сознании мифов¹, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания территориальной идентичности – практически исчезнуть.

ОБЩИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Попытаемся теперь сформулировать общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности, важные для дальнейшего понимания специфики соответствующих гуманитарно-географических дискурсов. Заметим, что эти подходы не носят жёсткого дисциплинарного характера, хотя, несомненно, имеют конкретное когнитивное происхождение.

Выделим три базовых подхода: *плюралистический*, основанный на понятии множественности (А); *уникалистский*, или *феноменологический*, рассматривающий определённую идентичность «здесь-и-сейчас» (Б); и *апофатический*, или – *иначе* – *онтологический*, сфокусированный на исследовании возможности/невозможности, наличии/отсутствии идентичности как таковой (В).

А. Плюралистический подход

Плюралистический подход опирается на представление о множествах территорий, в отношении которых могут самоопределяться те или иные личности, группы, сообщества людей. Предполагается, что, во-первых, субъекты территориальной идентичности могут расходиться в своих представлениях о тех или иных объектах, т. е. территориях; более того, эти территориальные представления имеют свою динамику. Во-вторых, сами субъекты идентичности могут меняться, развиваться, трансформироваться, даже исчезать, что ведёт за собой смену общей «картины мира» территориальных идентичностей. В любом случае, множественность территориальных идентичностей способствует вновь и вновь возникающим антагонизмам, противоречиям между личностями и сообществами с пересекающимися территориальными идентичностями. Очевидно, что этот подход имеет по преимуществу социологическое происхождение, в рамках него возможны достаточно полные первичные описания территориальных идентичностей, привязанных к традиционным, посттрадиционным, а также современным обществам; здесь же группируется базовая проблематика национальных идентичностей и национализмов, во многом связанная именно с конкретными территориями и задачами их физической и метафизической делимитации (проблема «крови и почвы» в традиционном и посттрадиционном дискурсах)².

Как бы то ни было, пространство и в начале XXI века выступает естественной образной основой для любого рода проектов идентичности, тем более,

¹ См., например: *Елистратов В.С.* Евразийский Рим или Апология московского мещанства // *Он же.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640–702; *Конькова О.И.* Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // *Поморские чтения по семиотике культуры.* Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты нарвов Европейского Севера / Отв. ред. Н.М. Терехин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53–68; *Дранникова Н.В.* Мифология Кенозерья // Там же. С. 109–115.

² *Geography and National Identity* / Hooson D. (Ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004.

языковой идентичности, тесно связанной уже в эпоху зрелого модерна с идеолого-националистическими проектами, апеллирующими, как правило, к «крови и почве». Идеологическое наследие модерна, будучи, по преимуществу, западным (европейским) культурным и цивилизационным порождением, претерпевает очевидные социокультурные метаморфозы на территориях и в пространствах, чьи цивилизационные основания онтологически не сопрягаются или сопрягаются плохо с ключевыми «требованиями» процесса модернизации¹. Подобные метаморфозы могут быть достаточно эффективно репрезентированы именно на геокультурном или геочивилизационном фундаменте, когда конкретное пространство/территория/регион/страна наделяется специфическими образными маркерами, расширяющими довольно «узкие» в идеологическом плане культурно-типологические матрицы². При таком методологическом подходе становится возможным говорить об азиатском модерне, российском модерне, постсоветском модерне и т. д., не рискуя оказаться практически сразу в «плёну» евроцентристских или западноцентристских идеологических дискурсов.

Речевые и письменные языковые практики во многом зависят от структур повседневных коммуникаций и образов доминирующих культурных ландшафтов. Преобладающая речь на улице, в толпе, в кафе, уличные вывески, газетные киоски, продавцы в магазинах, язык бизнес-переговоров и лектора в университете, стендовая информация в государственных учреждениях, полки в книжных магазинах, дорожные указатели, программы телеканалов, содержание Интернет-сайтов – всё это обуславливает не только фон формирования языковых идентичностей, но и сами структуры таких идентичностей. Характерно, что языковые идентичности, в свою очередь, могут определять содержание и структуры обыденных культурных ландшафтов, влияя тем самым и на становление доминирующих географических образов страны или территории.

Фактический распад, агония модерна привела к сильнейшей дифференциации культурных и идеологических дискурсов, слабо или совсем не соприкасающихся друг с другом; пространство глобализации – в том его «изводе», который складывается в развитых западных странах – часто представляет собой сравнительно автономное сосуществование различных локальных идентичностей, культурных ландшафтов и географических образов, чья общность может быть зафиксирована лишь частично, фрагментарно, «одномоментно»³.

¹ См., например, довольно курьёзную политико-дипломатическую историю с написанием слова «Чехо-словакия» через дефис в советских дипломатических документах и прессе 1920–1930-х гг. в противоречии с официальным аутентичным написанием «Чехословакия» в 1920–1938 гг. и возникший вокруг этой истории дипломатический конфликт с явной опорой на языково-идеологический контекст // *Кен О, Рупасов А.* Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. Научное издание. СПб: Изд-во «Европейский Дом», 2000. С. 494. См. также в более широком культурно-антропологическом контексте: *Appadurai A.* *Modernity at Large.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; *Аппадурай А.* Ставя иерархию на место // *Этнографическое обозрение*, 2000, № 3. С. 8–14; *Соколовский С.В.* Образы других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.

² См.: *Замятин Д.Н.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // *Цивилизация. Возхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса.* М.: Наука, 2003. С. 213–256; Ср.: *Батомункуев С.* Указ. соч.; *Горак С.* Указ. соч.; *Шнирельман В.* От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар // *Евразия. Люди и мифы.* (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. М.: Наталис, 2003. С.450–474.

³ *Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // *Логос*, 2000, № 6. С. 4–8; *Mapping Multiculturalism* / Ed. Avery F. Gordon and Christopher Neufield. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996.

Б. Феноменологический подход

Феноменологический подход ориентирован, в первом приближении, на разработку ментальных схем инструментального описания взаимоотношений, как правило, отдельной личности, человека с конкретным местом, территорией, причём главной проблемой здесь является переход от физического к метафизическому представлению территории, которая, фактически, может пониматься как некое «второе тело» субъекта территориальной идентичности. Стоит отметить также, что чёткая грань между субъектом и объектом территориальной идентичности в данном случае стирается. В то же время предполагается, что отдельные индивидуальные или персональные территориальные идентичности никоим образом не могут противоречить друг другу, хотя бы даже они содержательно пересекались; они находятся в разных феноменологических планах, или «регионах». В рамках данного подхода возникает устойчивая проблематика территориального/географического воображения, при этом само территориальное воображение постоянно вытесняется вполне рациональными ментальными схемами конкретной интерпретации территории. Территории, места не существуют без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона¹. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако, не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Эффективное функционирование феноменологической модели связано с представлением о том, что наличное бытие, как бы отвечающее за понятия действительности и/или реальности, не описывается какими бы то ни было образами или архетипами, с помощью которых могли бы действовать те или иные индивиды или какое-либо сообщество в целом². Географическое воображение эпохи Модерна фактически «расправилось» с одномерными пространственными представлениями, как бы окукленными в пределах определённой культуры или цивилизации. Вместе с тем многочисленные ментальные образования и ментальные фантомы Модерна и Постмодерна «упакованы» в специфические западные оболочки – евроатлантическое или евроамериканское цивилизационное сообщество контролирует главные феноменологические процессы, диктуя смежным цивилизационным сообществам метацивилизационные правила создания и функционирования подобных ментальных оболочек. Тем не менее, сами онтологии всё новых и новых, но всё же типовых ментальных конструктов остаются своего рода местом экзистенциальной свободы и оригинальных экзистенциальных стратегий.

В. Онтологический подход

Онтологический подход предполагает разработку бытийных аспектов территориальной идентичности. В сущности, именно здесь концентрируется проблематика гения и места: гений является творческой личностью, преобразующей место, присваивающей его себе, а место трактуется как мощная онтологическая необходимость, граничащая собственно с небытием. Таким образом, территория в

¹ Ср.: *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; *Он же.* Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; *Рахматуллин Р.* Две Москвы...

² Ср.: *Пелипенко А.А.* Генезис смыслового пространства и онтология культуры // *Человек*, 2002, № 2. С. 6–22.

контексте онтологического подхода перестаёт быть «пассивным» концептом; она приобретает онтологический статус, что означает невозможность любого представления конкретной территории вне определённого и онтологически интерпретированного дискурса. «Метафизическая» территория как бы срастается с «физической», как следствие этого возникает проблематика территориализации и детерриториализации. «Физическая» территория отходит на задний план и, хотя её нельзя назвать просто географическим образом, или «чистым» географическим образом, однако, она растворяется в ментальном плане в композитном едином дискурсе территории как возможности-и-необходимости, что ведёт к когнитивному исчезновению дуализма «физической»/«метафизической» территорий.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОНЯТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ

Так или иначе, территориальные идентичности в своей когнитивной основе опираются на понятие пространственности. Как правило, культурно-географические дискурсы конца XX века имеют дело с бинарной оппозицией «место – пространство», в которой концепт места связывается с территориальной определённостью, зафиксированностью, освоённостью, чётким масштабированием, тогда как концепт пространства ориентирован в свою очередь на территориальную неопределённость, отсутствие чётких территориальных границ, неосвоенность или малоосвоенность. Между тем, эти вполне очевидные методологические воззрения, коренящиеся, собственно, в самом языке, обладают, несомненно, когнитивной подвижностью (так, понятие местности, с одной стороны, коренится в понятии места и обладает некими территориальными рамками или границами, но, с другой стороны, всё же не имеет точно оговариваемых границ и черт), и, наряду с этим, во многом зависят от включения тех или иных социологических «регистров», своеобразных когнитивных «призм», посредством которых через межличностные и межгрупповые взаимодействия проявляется то, что обычно называют или пытаются определить как образ территории, или, более точно, географический образ. Следовательно, та или иная чётко отграничиваемая, лимитируемая территориальная единица – например, дом, двор, селение, квартал и т. д. – могут быть одновременно внешним маркером определённой территориальной идентичности, и, в то же время, обладать собственным, оригинальным географическим образом, онтологически обусловленным естественной пространственностью интересующего нас места. В сущности, в контексте трактуемого таким образом понятия пространственности и территорию можно определить как пространство, имеющее некое множество географических образов и располагающее людьми или сообществами, выражающими своё отношение к нему (открыто или латентно, сознательно или бессознательно; при этом, сами люди и/или сообщества не обязательно должны жить, постоянно или временно, здесь).

Современные методологические и теоретические интерпретации территориальных идентичностей базируются на соответствующих трактовках понятий пространства и пространственности. *В первом приближении можно говорить о двух ключевых идеологических подходах, оказывающих прямое влияние на данные интерпретации – это, безусловно, марксизм и постмодернизм, сочетающийся в ряде версий с постструктурализмом.*

В рамках современного марксизма пространство понимается как важнейший элемент капиталистического производства, по сути дела, пространство, с одной стороны может и должно воспроизводиться, а, с другой стороны, оно является важнейшим институтом, обеспечивающим устойчивость капиталистической системы в целом¹. Мощные технологические инновации, связанные с компьютерной революцией, концептуальное развитие понятий виртуальности и виртуального пространства, киберпространства, сетевого пространства видоизменили марксистские подходы, но не трансформировали их радикально. Борьба, в том числе классовая

¹ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

борьба, за пространство, за способы его представления и воображения продолжается и в рамках сетевых и виртуальных пространств. Двойная анонимность сетевых агентов в Интернет порождает как бы безличные пространства, обладающие в то же время чёткими, хорошо репрезентированными образами. Особенно ярко это видно также на примере современных урбанизированных пространств, создающих впечатление безместности, пустынности, анонимности, заброшенности, стандартности, безликой повторяемости¹. В таких условиях территориальные идентичности оказываются своего рода «редкостью», за которую надо бороться, которую надо целенаправленно производить и перераспределять, вследствие чего возникает и экономика территориальных идентичностей.

Характерно, что даже постмарксистское видение проблематики пространства, заявленное в социологической теории П. Бурдьё, вынуждено работать с пространственными категориями как с «капиталом»; вся методологическая борьба Бурдьё с наследием Маркса оборачивается лишь усилением символических аспектов воображения пространства, которое остаётся эквивалентом своего рода метафизического тела, к которому применимо то или иное насилие². Тем не менее, в концепции Бурдьё мы можем видеть некоторое возвращение к неоплатоническим интерпретациям пространственности, в рамках которых телесность, сопряжённая с динамическими душевными пертурбациями, вполне эффективно с когнитивной точки зрения трансформируется в понятие габитуса. Соответственно, и территориальные идентичности могут теперь восприниматься как ментальные схемы людей и сообществ по поводу присвоения тех или иных символических и/или культурных пространств.

Постмодернистский дискурс пространственности и территориальных идентичностей не выглядит однородным; он, скорее, представляет собой совокупность методологических и теоретических практик и приёмов, призванных разрушить модернистское понимание пространства и, одновременно, создать идеологическое обоснование социокультурным процессам глобализации и регионализации современного мира. В этой связи мы наблюдаем устойчивый постмодернистский интерес к пространствам переходным, динамическим, пограничным, трансграничным – там, где нет чётких границ и строгих и ограниченных символических интерпретаций³. Туризм, путешествия, возрастающая мобильность и территориальная подвижность, «текучесть», относительность как пространств, так и территориальных идентичностей – эти темы и концепты обуславливают как идеологическую ангажированность постмодернистских версий пространственности, так и неизменный релятивизм методологических построений, связанный, например, с известным понятием глокализации. В сущности, территориальная идентичность в постмодернистской трактовке оказывается, говоря в терминах Леви-Строса, «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени; говорить об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится.

¹ Соля Э.У. Дигитальные сообщества, Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни // Proect International. 15. Март 2007. С. 127–141.

² Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2001; Он же. Социология социального пространства. Москва: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.

³ Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008.

ВООБРАЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

По всей видимости, иерархизация (в содержательном смысле) социальных контактов вкупе с детальным масштабированием территории позволяют говорить в параллельных регистрах (социологическим и географическим) формирования территориальных идентичностей. С одной стороны, можно фиксировать размеры и размах социальных контактов на уровнях межличностного общения, внутри и между различными профессиональными и социальными группами, внося поправки на случайное общение; с другой стороны, можно привязывать эти уровни к конкретным территориальным единицам – дом, двор, улица, поселение, город, местность, район и т. д. Мы получаем, таким образом, первоначальную коммуникативную матрицу, в рамках которой можно, выделяя отдельные социально-территориальные ячейки, проводить целенаправленные исследования территориальной идентичности. Этот взгляд выглядит довольно позитивистским, если не ввести в эту упрощённую модель понятие образа территории, или географического образа. Нам представляется, что в случае введения в модель понятия образа территории она становится в значительной степени дедуктивной, ибо вполне можно полагать, что в результате социального общения на различных территориальных уровнях возникает определённый, или определённые образы территории, подвергающиеся в дальнейшем процессам своеобразной волновой интерференции. Если же ввести в модель понятие географического образа, то она приобретает не только физический, но и метафизический характер, поскольку можно предположить, что данная модель становится по преимуществу открытой, а, главное, она включает самого наблюдателя (исследователя), вносящего своё видение проблемы (само собой, при этом модель обретает и индуктивные качества). Иначе говоря, в любом случае, мы должны иметь дело с неоднородной в когнитивном отношении моделью, в которой процесс условного смешения социальных и территориальных параметров нуждается, так или иначе, во введении образно-географического «катализатора».

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ И СОПРОСТРАНСТВЕННОСТИ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ИЕРАРХИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ

Территориальные идентичности различных иерархических уровней формируются, как правило, на мощном онтологическом субстрате, предполагающем существование специфических пространственностей, характеризующих наиболее важные пространственные образы-архетипы, присущие более масштабным территориальным сообществам (по принципу $n + 1, 2, 3$ и т. д.). Если мы говорим о небольших территориальных сообществах (деревни, нескольких соседних сельских населённых пунктов, небольшого городка с его округой), то, несомненно, пространственность проявляется здесь скорее на уровне стереотипных культурных ландшафтов и олицетворения конкретной местности (её известные и выдающиеся люди). Наряду с этим, мы можем наблюдать примеры локальных мифов и географических образов более высокого иерархического уровня, позволяющие говорить об архетипичных образах пространства, являющихся общими для достаточно крупных регионов странового уровня (например, Бавария в Германии или Урал в России). Таким образом, конкретная пространственность есть, по большому счёту, мета-алгоритм становления территориальных идентичностей в контексте более крупных рамок (фреймов).

Проблематика сопространственности возникает в тот определённый момент времени (в широком историческом смысле), когда становится относительно ясным сосуществование разнородных, различных по генезису и способам функционирования территориальных идентичностей в пределах каких-либо территориальных сообществ, социальных групп или же на примере отдельных индиви-

дуумов. На наш взгляд, эта проблематика становится актуальной на стадии позднего Модерна – сначала неявно, а затем явно и довольно остро. Основное содержание социокультурных процессов, связанных со становлением сопространственности (сопространственностей) можно охарактеризовать так: территориальные сообщества, а вместе с ними и территориальные идентичности постепенно начинают трансформироваться в более гибкие социоментальные структуры, для которых различного рода территориальные маркеры, а также пространственные образы-архетипы могут быть не согласованными и даже противоречащими друг другу в рамках традиционной формальной (аристотелевской) логики. В то же время эти признаки могут быть «плавающими», неясными, размытыми, мерцающими – проявляясь при этом довольно жёстко в пограничных/лиминальных психологических, социокультурных и политических ситуациях. Так, например, человек может быть по происхождению (рождению) пикардийцем, жить в зрелом возрасте на юге Украины и считать себя «гражданином мира», что не отменяет при случае его чётких в социо-психологическом смысле реакций в тех или иных ситуациях. Вместе с тем, надо отметить, что сопространственность, являясь, по сути, онтологической категорией, может рассматриваться в феноменологическом аспекте как *пространственное сосуществование пространственных представлений*, образующих в определённых узлах (точках) знаково-символические «сгущения», концентрации смыслов совершенно различных мест и территорий, объединённые оригинальной онтологической, или экзистенциальной «манifestацией». Иначе говоря, сопространственность формируется в результате семиотического смешения, перемешивания несовместимых в традиционном контексте территориальных идентичностей, чьи пространственности как бы пронизывают друг друга, координируются по отношению друг к другу, создавая частное, «приватное», здесь-и-сейчас мета-пространство.

ПОЛИТИКА МЕСТА / МЕСТО ПОЛИТИКИ

В контексте проблематики пространственности/сопространственности можно говорить о *политике места* и вытекающей из неё и тесно с ней взаимосвязанной проблеме *места политики*. Место здесь понимается нами как родовая онтологическая категория, объединяющая в семиотическом плане такие понятия, как территория, регион, страна, местность и т. д., а также «диктующая» в дискурсивном отношении содержательные стратегии и сценарии воображения и восприятия тех или иных локусов, исходя из уже заданных онтологически «внутренних» императивов (интенций). Таким образом, место может выступать в качестве исходного онтологического «пункта» для выработки конкретных политических нарративов; место оказывается, благодаря такому подходу, политическим «узусом», позволяющим далее разрабатывать как стратегии политического анализа, так и более широкие экзистенциально ориентированные социокультурные стратегии.

Политика места – это целенаправленный когнитивный дискурс трансляции вовне (за пределы конкретного места) образов, мифов, ценностей, стереотипов, характеризующих данное место. Политика места является необходимой составной частью современных политик, в частности политик идентичности. Несколько расширяя это понятие, мы можем говорить также, что американская, китайская, французская внешние политики могут интерпретироваться как политики места, имея ввиду их локально-цивилизационное дискурсивное происхождение. Другими словами, политика места может трактоваться и как целенаправленный локально-цивилизационный дискурс.

Исходя из вышесказанного, мы попытаемся определить место политики как специфической социокультурной деятельности, присущей локальным цивили-

лизациям на определённых стадиях их развития. Политика в пространственном смысле есть разумная когнитивная деятельность, направленная на расширенное воспроизводство образов, символов и знаков принадлежности к месту. Иначе говоря, «настоящая» политика начинается тогда, когда отдельные индивидуумы и/или сообщества настолько чётко привязываются к месту, настолько ясно становятся оседлыми, что у них возникает необходимость как в образном и знаково-символическом отношении присвоению места, так и в его дальнейшем увеличении (расширении). Данная характеристика не противоречит другим определениям политики, связанным с понятиями власти, насилия и господства. По сути дела, и власть, и насилие, и господство как онтологические концепты связаны с пространственностью; пространство – непосредственное поле осуществления властных отношений, арена насилия и предмет господства. Политика в данном случае оказывается ментальным процессом пространственной концентрации, дифференциации и сегрегации по поводу власти в её, прежде всего, воображаемом аспекте, из которого проистекают и все остальные.

* * *

Место политики оказывается, как ни странно, достаточно размытым, достаточно слабо определённым тогда, когда начинаются активные процессы формирования территориальных идентичностей.

Вновь формирующиеся иерархии территориальных идентичностей демонстрируют распад, разложение традиционной политики места постольку, поскольку растущие множества территориальных политических акторов создают разветвлённые дискурсивно-коммуникативные сосуществующие каналы распределения, разделения, рассредоточения власти по поводу места; место присваивается сразу многими одновременно, воображение места очень быстро увеличивается и расширяется, становясь предпосылкой для становления сопространственностей.

Параллельно мы можем говорить о дискурсивно-коммуникативном присвоении различных в физическом плане мест одними и теми же территориальными сообществами и/или социальными группами.

Таким образом, нарастание онтологических процессов размывания, нечёткости традиционных мест политики в эпоху позднего Модерна ведёт к становлению сопространственностей, которые маркируют множественные ментальные границы отдельных сообществ/людей по поводу конкретных мест и стратегий их воображения. В таких условиях «хозяином» политического дискурса может оказаться политический актор, который, с одной стороны, не имеет места (формально он может его обозначить, но фактический дискурс может явно или неявно продемонстрировать его отсутствие), а, с другой стороны, именно он может оказывать решающее или достаточно мощное воздействие на формирование множеств отдельных политик мест и по поводу мест.

По всей видимости, эти процессы являются ключевыми для осмысления политики/политик Постмодерна.

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 1)

Глава 20. Е.В. САПИР

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: КОГНИТИВНЫЙ ЛАНДШАФТ

Трансформация нашего мира многогранна, разновекторна, всеохватна. Но наиболее ярко и с особой силой она проявляется в давшем о себе знать когнитивном¹ оформлении мировых процессов. Это с особой силой предстаёт с позиции геогенезиса – объёмно-пространственного восприятия мира с его высоких методологических орбит², а именно:

- асистемная композиция геоэкономических воззрений;
- интеллект как ключевой фактор и среда развития: «тонкое» знание;
- выход на практику: реальная жизнь впитывает когнитивные начала бытия.

В настоящей статье предпринята попытка наполнить содержанием эти три важнейшие блока (аспекта) мирового развития.

1. АСИСТЕМНАЯ КОМПОЗИЦИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Среди различных граней (сторон) этой композиции выделим одну из проблемных – взаимосвязь этических начал и экономики³.

1.1. ЭТИКА В ЭКОНОМИКЕ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ⁴

Тема взаимосвязей этических начал и экономических детерминант общественного развития представляется исключительно сложной и актуальной в глобальном смысле в современном посткризисном контексте в целом.

Проблема взаимосвязи этики и экономики для современного российского общества и государства, для дальнейшего развития отечественной экономической науки и прогресса национальной экономики России имеет особое значение. Дело в том, что традиционно российская экономическая наука узко подходила к исследованию экономических процессов: изучала собственно экономические закономерности, тенденции, процессы, показатели. Изучалась конкретная экономическая динамика, социально-экономическая статистика, формы собственности на экономические активы и т. п. Роль этических, культурных, цивилизацион-

¹ Из «Свободной энциклопедии (Википедии): Термин «когнитивность» также используется в более широком смысле, обозначая сам «акт» познания или само знание. В этом контексте он может быть интерпретирован в культурно-социальном смысле как обозначающий появление и «становление» знания и концепций, связанных с этим знанием, выражающих себя как в мысли, так и в действии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Базовые постановки проблемных вопросов развития современного мира заложены в исследованиях российской школы геоэкономики и глобалистики. Так, наиболее ярко и выпукло они представлены в цикле работ (монографий) основоположника российской геоэкономической школы *Эрнеста Кочетова*: «Геоэкономика», «Глобалистика», «Гуманитарная космология», «Диалог», «Диалогистика», и др.

³ Нашим читателям будет не безынтересно в этой связи глянуть также статьи *Э.Г. Кочетова*: ЭТИКА НОВОГО или работа над ошибками сознания // Вопросы новой экономики, 2009, № 1; Связка «экономика и мораль» в глобальном измерении: геоэкономические параметры интереса, справедливости и ответственности // Информационно-аналитический портал, www.viperson.ru, Часть первая 16.04.2009; Часть вторая 20.04.2009; Часть третья 04.05.2009; Часть четвёртая 13.05.2009.

⁴ Автор статьи является одним из членов-основателей Всемирной Экономической Ассоциации. Статья опубликована на сайте Ассоциации, в материалах конференции «Экономика и общество. Этическое измерение» (2012 г., февраль–март). См.: *Elena Sapir. Ethics in Economics and the Geoeconomy as a Synthetic Approach // Economics and Society. The Ethical Dimension: World Economics Association Conference. 2012. Feb-March //* http://weaethicsconference.files.wordpress.com/2012/03/sapir-ethics-feb12_reply.pdf

ных источников экономического роста недооценивалась. Поэтому и само понимание рыночной экономики и подходы к её построению в России воспринимались достаточно просто и линейно: надо провести денационализацию, создать много собственников и разрешить им свободно торговать. Но когда рыночные реформы не принесли того общего экономического прогресса, который от них быстро ожидался, стало приходить понимание, что рыночная экономика и свободная торговля – это не одно и то же. Рыночная экономика – это целая общественная система со своими институтами, нормами, ценностями, отношениями, принципами, лежащими вне узко понимаемых экономических процессов и отношений. Это ещё и сфера этических императивов, гражданского поведения, социальной ответственности, либеральных ценностей, демократии и уважения прав человека, основанных на принципах гуманизма и справедливости¹. Примерно так я понимаю для себя взаимосвязь экономики и этики в широком смысле.

Идеи многомерного и нелинейного характера экономического развития лежат в основе геоэкономической теории (Геоэконому). Российская геоэкономическая школа и её представители (Эрнест Кочетов, Александр Неклесса, Валерий Боков) создали объёмную теоретическую модель мирового экономического пространства – геоэкономический атлас. Этот атлас соединяет в единое целое геоэкономические, геоинформационные, геополитические, геокультурные, этнонациональные, конфессиональные сферы («страницы атласа»). Каждая «страница» интерпретирует разные стороны процесса мирового развития.

I.1.1. Асистемная составляющая геоэкономической модели

С моей точки зрения, для понимания внутренней связи экономики и этики важны следующие моменты.

1. Взаимозависимость доверия, ответственности, корпоративизма, рисков и конкурентоспособности.

По мнению Klaus Steilmann для современного глобального процесса центральными ценностями являются: порядочность, лояльность, доверие; прочность и надёжность отношений; единство и сотрудничество; правда и стремление к знанию; право, порядок, дисциплина. Но, в то же время, также радость работы или службы; красота, эстетика и культурные традиции; любовь и верность, а также любовь к деталям, как качество каждого достижения; всеобщее благо в бизнесе, превосходящее корысть².

Россия ставит задачу формирования в стране современной инновационной экономики. Это невозможно сделать, лишь опираясь на материальные стимулы в виде высокой заработной платы. Инновационная среда опирается на следующие базовые этические ценности:

- авторитет личного вклада
- приверженность общим целям
- чувство сопричастности, соучастие
- доверие
- общность, превосходящая индивидуальную отстранённость и корыстный интерес
- кросскультурная интеграция
- идентичность

¹ В этом плане интерес представляет работа: Кочетов Э.Г. Гуманитарные категории в глобальном измерении («справедливость» и её интерпретация в геоэкономическом смысле) // Безопасность Евразии, 2007, № 2.

² Штайльманн К. Новая философия бизнеса: в 3-х томах. Т. III. Конкуренция и ее границы. Москва–Берлин: Российское психологическое общество, 1998. С. 9.

2. По своей природе инновационный процесс есть интеллектуальный генезис – рождение нового. Реализация интеллектуальности требует наличия особых условий, специфических факторов. Инновационная экономика функционирует, базируясь на следующих культурных ценностях:

а) открытость, открытый доступ ко всей необходимой информации;

б) горизонтальные связи, свободное общение, свобода выражения и передачи информации от многих ко многим;

в) высшая ценность – интеллектуальная свобода. Свобода творить, свобода распоряжаться имеющимся знанием; свобода модифицировать знание; свобода делиться новым знанием.

Заявленный переход к инновационной экономике в России должен опираться на широкую структурную перестройку на локальном уровне, создание и активизацию локальных систем и центров роста экономики страны.

Что понимается под локальной системой в экономике? С нашей точки зрения, локальная инновационная система – это территориальный экономический объект, среда генерирования новых знаний. В такой системе участники инновационного процесса свободно взаимодействуют в процессе создания инноваций и распространения новых знаний. Инновационные локальные системы характеризуются высокой адаптивностью, подвижностью, гибкостью, открытостью, свободой, деиерархизацией, безбарьерной коммуникацией.

Важнейшее значение имеет выявление, описание и стратификация основных типов локальных систем, функционирующих в геоэкономическом пространстве. Соответствующий терминологический аппарат закрепляет инновационный характер локальных систем¹.

3. Важный вопрос о роли и влиянии интеллектуальности на общий прогресс человечества. Этой проблеме были посвящены дискуссии московского Клуба учёных «Глобальный мир» (Е.Б. Рашковский, Ю.А. Васильчук, К.М. Долгов). Эрвин Ласло выделил четыре основные интеллектуальные сферы, определяющие человеческие ресурсы социоэкономического развития: наука, искусство, образование, религия². Е.Б. Рашковский, развивая идеи Э. Ласло, правомерно говорит о неотъемлемом присутствии нравственного компонента в развитии интеллектуальной сферы. Внутренняя динамика интеллектуального творчества коренится не во властных решениях и не в групповых или верхушечных сделках и компромиссах, но в процессах внутреннего человеческого опыта, в повседневной практике и коммуникации конкретных людей³.

4. Проблема диалога⁴: диалог культур, диалог цивилизаций, диалог религий и т. д. и т. п. «Диалог» не следует понимать односторонне как «внушение», «подавление», «разоблачение» или «ассимилирование» собеседника. Наоборот, диалог должен пониматься в духе многовековой традиции – поиска истины, более глубокого понимания другого и самого себя, следовательно, самого глубоко-

¹ Сапур Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 98–105.

² Laszlo, E. (1991). The Age of Bifurcation. Understanding the Changing World (Pref. I. Prigogin). Amst.: ОРА.

³ Рашковский Е.Б. Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития // Материалы Клуба учёных «Глобальный мир». Вып. 1 (24). М.: «Новый век», 2003. С. 13–14.

⁴ С широкоформатным взглядом на эту проблему читатели могут ознакомиться в монографии: Кочетов Э.Г. Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Экономика, 2011. 733 с.

го и доброжелательного взаимопонимания, взаимолюбезности, взаимодоброжелания, взаимосотрудничества, взаиморазвития, взаимоподдержки. И это важно не только в сфере духа и мысли, но и во всех сферах человеческой деятельности, прежде всего, в экономике¹.

5. Роль интеллектуалов в общественном развитии. Высокое служение интеллекта не имеет ни локального, ни глобального масштаба. Интеллект не привязан и не подконтролен административным границам. Его поле – геоэкономический атлас, и движение мысли на всём его пространстве. «...Интеллектуалы не должны позволять никаким "верхам" вмешиваться в свое творчество, ибо в этом труде – их честь, их достоинство. Надо иметь мужество отстаивать свой труд и свое достоинство от посягательств любых "верхов" – политиков, идеологов, демагогов, денежных мешков и всякого рода проходимцев. Надо бороться за свое собственное достоинство и право, отличая при этом достоинство от интересов и право – от привилегий...»².

На базе синтеза экономических и широко понимаемых этико-исторических условий развития, с учётом специфики современного этапа российского экономического роста нами была предпринята попытка определить новый тип локальной воспроизводственной системы как точки роста инновационной экономики, в основе которой лежит единство экономических и внеэкономических факторов (см. Сапир Е.В. Указ. соч.). Терминологически этот тип описывается как «интеллектуальная долина».

1.1.2. «Интеллектуальная долина» – важнейший институт геоэкономического когнитивного ландшафта

Интеллектуальная долина в нашем понимании – это крупная локальная организационная популяция инновационного типа, способная динамично развиваться по своим внутренним законам, впитывая в единстве геоэкономические, социокультурные, цивилизационные, духовные сферы геоэкономического пространства.

Институциональный аспект интеллектуальной долины включает всю систему организаций и институтов, включённых в процесс R&D, т. е. НИИ, проводящие НИОКР, технологические институты, университеты и подразделения частных предприятий, библиотеки, культурные и информационные центры и т. п.

Структурно-функциональный аспект интеллектуальной долины включает все аспекты и части экономической структуры, которые влияют на процесс поиска и исследования – производственные фирмы, система маркетинга, финансовая система, а также все подсистемы, которые функционируют в рамках перечисленных выше систем.

Масштабно-пространственный аспект интеллектуальной долины включает все локализованные части системы, расположенные в определённом регионе, но интегрированные в глобальную систему циркуляции информации, персонала, идей, ресурсов.

Интеллектуальная долина является формой воспроизводственно-интеллектуально-культурного синтеза технологических, экономических и этических ценностей, стереотипов поведения, отношений, ритуалов и т. п. Профессионализм в новейших сферах науки и техники плюс умение оперировать высокими геоэкономическими технологиями на глобальном атласе реально обеспечивают стратегиче-

¹ Долгов К.М. Философия истории, религия и наука в эпоху глобального развития // Клуб учёных «Глобальный мир». Вып. 24. М.: Новый век, 2003. С. 47–48.

² Там же: с. 49.

скую роль интеллектуальных локальных структур мирового роста. Ключевые факторы развития «Интеллектуальной долины» приведены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые факторы развития «Интеллектуальной долины»

Группа факторов	Формы реализации
Объект управления	Инновационный технологический воспроизводственный процесс
Асистемность	<ul style="list-style-type: none"> - отсутствие принудительно фиксированных организационных структур; - децентрализация управления; - отсутствие жёсткой регламентации организационных связей внутри структур; - образование гибких рыночно-стратегических структур (модулей); - разнообразие финансовых источников; - свободный доступ к ресурсам
Характер общения	<ul style="list-style-type: none"> - авторитет личного вклада; - чёткость заданий и исполнений; - деиерархизация личных отношений; - снятие искусственных барьеров; - творческая свобода; - tacit knowledge - поддержка внеслужебного дружеского общения;
Мотивы и стимулы	<ul style="list-style-type: none"> - высокий профессионализм; - высокая ответственность; - «нематериальные» формы поощрения; - возможности выбора места и времени выполнения трудового задания; - гибкая занятость; - карьерный рост не сопровождается привилегиями
Фактор среды	<ul style="list-style-type: none"> - благоприятный психологический климат; - командный стиль «игры»; - баланс интересов глобальных, региональных, локальных акторов

Смысл развития интеллектуальных долин вытекает из того, что, как доказано многочисленными исследованиями, генератором инноваций является не знание вообще, а особое «тонкое, неявное, скрытое или неформализуемое знание»¹ (см. табл. 2). Оно не воплощается в технической документации, публикациях, докладах, лекциях, патентах, ноу-хау. Его невозможно выразить исчерпывающе, оно имманентно носителю и в полном объёме остаётся только в умах тех, кто его создал, о чём образно говорит афоризм: «Мы знаем больше, чем мы можем выразить словами».

Неформализуемость знания относится к таким его компонентам как интуиция, личный опыт, контакты и тому подобное, которые трудно определить, формализовать или опубликовать, которые сами носители знаний не могут до конца выразить и которые носят сугубо индивидуальный характер, но которые можно передать коллегам, сотрудникам, сподвижникам, работающим вместе². Неявное знание

¹ В литературе появился специальный термин *tacit knowledge*, что в буквальном переводе с английского означает «не выраженное словами, молчаливое». *Tacit knowledge* – своего рода сплав познавательных способностей, опыта, умений и интуиции, а также знание правил, традиций, оргструктур, практик и норм. См.: Bao, Y.; Zhao, S. (2004), «MICRO Contracting for Tacit Knowledge - A Study of Contractual Arrangements in International Technology Transfer», in *Problems and Perspectives of Management*, 2, 279–303; Tsoukas, H. (2003) 'Do we really understand tacit knowledge?' in *The Blackwell handbook of organizational learning and knowledge management*. Easterby-Smith and Lyles (eds), P. 411–427. Cambridge, MA: Blackwell Publishing; Sanders, A. F. (1988). *Michael Polanyi's post critical epistemology, a reconstruction of some aspects of 'tacit knowing'*. Amsterdam: Rodopi.

² См.: Saviotti, Pier Paolo (1998) On the Dynamics of Appropriability, of Tacit and Codified Knowledge, *Research Policy*, vol.26, pp.843–856.

может принимать разные формы – например, особые способности, умения и компетенции, специфичные для отдельных личностей или коллективов сотрудников; общие убеждения или представления, но все они не могут быть формализованы. Неформализуемое знание со временем может стать формализованным по мере конвергенции мирового научного сообщества и выработки у него общего понимания концепций, понятий, терминов, теорий. Но этот процесс потребует много времени, интеллектуальных усилий и финансовых ресурсов.

Таблица 2

Отличительные признаки категории «тонкое знание»

Отличительный признак	Содержание
Состав	Опыт, интуиция, компетенции, навыки, умения, приёмы, убеждения, ценности
Источник	Не содержится в традиционных источниках информации (книги, документы, цифровые носители и пр.)
Способ получения и передачи	Не может быть получено, формализовано, сохранено традиционным путём (трансляция, оцифровка, письмо, печать, кодификация, накопление баз данных)
Степень уникальности	Люди не всегда идентифицируют его наличие; оно уникально по определению и принадлежит только данному индивиду
Фактор ценности	Наиболее ценно, т. к. контекстно привязано к людям, месту, идеям, опыту
Формирование	Формируется в партнёрствах, сообществах, сетях и иных неформальных, но внутренне связанных структурах, где сотрудничество на разных уровнях, внутри и вне компании не ограничено формальными рамкам
Условия доступа	Доступ возможен при наличии тесного контакта, доверия и взаимодействия

Локальная интеллектуальная система создаёт исключительные условия именно для такого знания. Критическое значение, по мнению большинства исследователей, имеют два фактора: доверие и чувство «общей идентичности»¹. Региональная интеллектуальная долина – это модель развития, вариант гармоничного соединения институтов, интеллектуального ресурса, организаций, а также общественных традиций, культурных ценностей, нравственных приоритетов в совокупности с лучшим взаимопониманием и приверженностью общему делу, без которых отечественная наука, промышленность и бизнес не прорвутся в инновационную сферу. Это та структура, что сегодня может реально помочь нашему обществу обрести понимание маршрута и характера движения, вырваться из тисков мобилизационного роста, а главное, из плена мобилизационного сознания.

По уровню этико-экономической зрелости, к сожалению, общество России сегодня существенно отстаёт от ведущих стран мира. И дело здесь заключается не просто, как принято говорить, в «экспортной ориентации экономики», а в самой сути национальной экономической модели, не приемлющей новое, отторгающей его как угрозу своей устойчивости, лишённой открытой здоровой конкуренции, опирающейся на мифические, отставшие от вызовов времени и динамичного внешнего окружения приоритеты. Решение вопроса лежит в плоскости изменения сознания, общественных и политических установок. Безусловно, необходимость перехода к инновационному типу развития давно назрела. Но скорее всего, отход от экспортно-сырьевого развития станет не предшественником, а естественным следствием переориентации внутреннего развития на новую модель: задача состоит в переходе не от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному, а от административно-мобилизационного развития к интеллектуально-инновационному.

¹ См.: Hildreth, P. & Kimble, Ch. (2002), The duality of knowledge // *Information Research* 8 (1) // <http://informationr.net/ir/8-1/paper142.html>

Согласно концепции интеллектуальной долины укрепление конкурентоспособности российской экономики и освобождение её мощного внутреннего инновационного потенциала роста могут быть достигнуто путём преодоления структурных, институциональных и пространственных диспропорций, тормозящих входение в современную высокоэффективную инновационную среду, которая нам представляется органичной средой «тонкого знания» и интеллектуально-нравственных императивов роста.

II. ИНТЕЛЛЕКТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР И СРЕДА РАЗВИТИЯ: «ТОНКОЕ» ЗНАНИЕ

На мировую арену в поисках нового знания заступил интеллект. Российская школа геоэкономики и глобалистики «высветила» этот процесс¹: инновационная направленность мирового развития сопровождается бурным процессом появления «нового» знания – идёт активное наступление на «сферу незнания». Это ярко демонстрирует геоэкономическая парадигма мирового развития.

II.1. Инновационная геоэкономическая среда: локальные сетевые модели и механизмы

Стратегический курс России, взятый на модернизацию национальной экономики и промышленного потенциала, требует кардинального пересмотра сложившейся системы отношений с внешней сферой. Здесь необходима принципиальная подвижка от геополитических воззрений на мировую систему к геоэкономическим. Такая постановка вопроса своевременна и актуальна, ибо отображает реальный переход мирового сообщества на глобальную модель развития, где геоэкономика выступает в качестве центрального вектора. Геоэкономическая трансформация нашего мира есть реальное отображение глобального мира. В этой связи предстоит до конца преодолеть традиционно устоявшиеся геополитические, силовые воззрения на перспективы и движущие силы мирового развития, упование на мобилизационную экономику как локомотив роста и осознать новую геоэкономическую модель мироустройства, которая диктует и новые императивы, модели и принципы экономического поведения.

II.1.1. Геоэкономическая парадигма мирового развития и новое знание

Вопросы развития внешнеэкономических связей предприятий только на первый взгляд кажутся простыми в своём предметном содержании: казалось бы, речь идёт об общеизвестных вещах: как увеличить объёмы зарубежных продаж, расширить присутствие на существующих и войти на новые рынки, развивать прямые иностранные инвестиции и неимущественные формы сотрудничества с зарубежными партнёрами, получая при этом максимально возможную прибыль при минимизации издержек и затрат. Проблемы многократно и широко ставились в официальных документах², обсуждались и продолжают обсуждаться в

¹ См.: Сапир Е.В. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст // Безопасность Евразии, 2009, № 2; Кочетов Э.Г. Интеллект в поисках нового знания: глобалистика как научная дисциплина начала XXI века / Экономическая культура в условиях развития рыночной экономики: Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, Вып. 10. В 3-х т. Т. 1. 2007.

² См.: Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы / Постановление Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 // Официальный сайт Правительства РФ; Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 30 марта 2002 г. Пр-576; Концепция государственной инновационной политики Российской Федерации на 2002–2005 годы / Одобрена правительственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол от 24.04.02 № 2; Стратегия Российской Федерации в области развития науки

научной литературе; предложения и рекомендации по ним, по крайней мере, стандартные и типовые, выработаны мировым внешнеэкономическим сообществом, общедоступны и предлагаются национальным участникам ВЭД¹. Но удовлетворяющего общественному запросу и вызовам времени решения этих проблем в отечественной экономике пока нет.

Как совершенно справедливо отмечено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, «сложившаяся модель участия России в международном разделении труда, основанная преимущественно на экспорте энергоносителей, не сможет стать основой для укрепления позиции России на расширяющихся мировых рынках... Без прорыва на новые рынки товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости Россия обречена на уменьшение своей роли в развитии мировой экономики и вытеснение её из эффективного участия в мировом разделении труда»².

Но здесь на передний план выходит другая, принципиально новая проблема. Концепция провозгласила стратегической целью развития страны превращение России в одного из мировых лидеров, занимающего передовые позиции в глобальной экономической конкуренции, подчеркнув, что системное решение поставленной задачи состоит в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития³.

Безусловно, необходимость перехода к инновационному типу развития давно назрела. Но как осуществить этот переход? Каковы механизмы превращения внешнеэкономического сотрудничества в эффективную область инновационной деятельности? Задача крайне актуальная для российских участников ВЭД, учитывая, что данная сфера представляет для них зону непосредственного соприкосновения с передовым, лучшим опытом и практикой зарубежных партнёров, и надо стремиться занять достойное место, соответствующее уровню и требованиям современной экономики и общества знаний.

Представляется, что решение проблемы требует уточнения подхода: задача состоит в переходе не от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному, а от мобилизационно-потребляющего типа развития к инновационно-генерирующему. Суть – в постановке непрерывности обновлений в центр стратегического внешнеэкономического курса, в создании условий генерирования инноваций изнутри самого Сфера роста развития экономики собственной инновационной природы. Суть – в обновлении методологии внешнеэкономического курса, сопровождающей его организации, структур и инструментария, то есть – в парадигмальном обновлении, преодолевающим устарев-

и инноваций на период до 2010 г. Проект / Обсуждена на заседании Правительства Российской Федерации 18 ноября 2004 г. // Официальный сайт Правительства РФ.

¹ Речь идёт о многочисленных аналитических обзорах, отчётах, докладах о мировой экономике и мировой торговле, регулярно публикуемых авторитетными межправительственными и международными организациями, а также независимыми компаниями и аналитиками. Напр, ежегодные доклады ЮНКТАД о мировых инвестициях, публикуемые начиная с 1993 г.: WIR-2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. – NY and Geneva: United Nations, 2005 (332 p.); WIR-2006: Transnational Corporations from Developing and Transition Economies. – NY and Geneva: United Nations, 2006 (340 p.); WIR-2007: Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. – NY and Geneva: United Nations, 2007 (323 p.); WIR-2008: Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. – NY and Geneva: United Nations, 2008 (411 p.) // www.unctad.org; Global Corporate Capital Flows, 2008/9 to 2013/2014. – KPMG, 2008 // www.kpmg.com и др.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. С. 101 // Официальный сайт Правительства РФ.

³ См. там же. С. 5,7.

шие представления о факторах и движущих силах инновационного развития. Это, в свою очередь, требует пересмотра и обновления основополагающих теоретических подходов в следующих ключевых областях:

1. В области методологии внешнеэкономической деятельности – смена парадигмы мирового развития с геополитической на геоэкономическую.

2. В области организационной культуры – переход к инновационной культуре, основанной на приоритетах и ценностях интеллекта, творчества, авторитета личного вклада, приверженности общему делу.

3. В области структурных мер – создание и прогресс гибких сетевых моделей и структур регионального сотрудничества как наиболее адекватных инновационности и восприимчивых к переменам инструментов развития.

В качестве базовой отправной точки решения этих задач выступила геоэкономика как новая парадигма, как методология освоения мирового экономического пространства. Геоэкономике следует воспринимать в единстве трёх аспектов: во-первых, как теоретическую концепцию, отражающую интерпретацию глобального мира через систему новых экономических понятий; во-вторых, как вынесенную за национальные рамки систему экономических отношений, определяющих единство глобального экономического пространства; в-третьих, как систему взглядов (концепцию), согласно которой внешнеэкономическая политика государства определяется геоэкономическими факторами: оперированием на геоэкономическом атласе мира, включением национальных экономик и их хозяйствующих субъектов в мировые интернационализованные воспроизводственные ядра (циклы) с целью участия в формировании и распределении мирового дохода на базе высоких геоэкономических технологий¹.

II.1.2. Становление российской научной школы геоэкономики как центрального раздела глобалистики

Геоэкономика как новейшее научное направление и отрасль научного знания зародилась практически одновременно в российской и зарубежной научной мысли². Это был ответ на осмысление глобальной трансформации мировой экономики. В 2004 г. в России учреждена «Общественная Академия наук геоэкономики и глобалистики», создание которой подтвердило наличие в России самостоятельной научной школы геоэкономики и глобалистики³.

Важнейшим научным достижением отечественной школы стала разработка законченной целостной геоэкономической теории, включающей собственную систему категорий, понятийный аппарат, принципы и закономерности мирового развития в геоэкономических условиях. Важной вехой в развитии науки явился выход в свет учебника Э.Г. Кочетова «Геоэкономика» для экономических специальностей вузов и его же Геоэкономического толкового словаря⁴.

¹ См.: Кочетов Э.Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. В 2 т. Т. 1. М.: РИО РТА, 2002. С. 66.

² См.: Кочетов Э.Г. Геоэкономика и внешнеэкономическая стратегия России // Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 11; Nester W. International Relations: geopolitical and geoeconomic conflict and cooperation. – N.-Y.: HarperCollins College Publishers, 1995; Parmelee M. Geoeconomic Regionalism and World Federation. N.-Y., Exposition Press, 1949 и др.

³ Инициатором её создания выступил основоположник российской школы геоэкономики, д.э.н., Э.Г. Кочетов. Он же был избран её первым Президентом.

⁴ См. работы Кочетова Э.Г.: Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый Ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001; Геоэкономика (освоение мирового экономического пространства): Учебник для вузов. М.: БЕК, 1999, 2002, НОРМА, 2006, 2010; Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Основы высоких геоэко-

Геоэкономика зародилась как новое знание в осмыслении глобальной трансформации мировой экономики и вбирает в себя ряд фундаментальных геоэкономических блоков:

– во-первых, это методологический геоэкономический подход, или геогенезис как объёмно-пространственное отображение современной мировой системы в единстве экономической, политической, международно-правовой, информационной, культурной, этнонациональной и других составляющих мирового развития;

– во-вторых, это новое понимание общественного разделения труда как межконтинентального, идущего на смену международному разделению труда. В новом разделении труда не политико-административные, а экономические границы определяют главных геоэкономических игроков;

– в-третьих, признание экономических границ, которые не совпадают с государственными, а маркируют условные границы хозяйственного оперирования крупных игроков на экономическом атласе мира. Отдельные части национальных экономик при этом становятся звеньями разных мировых воспроизводственных циклов. Границы таких глобальных воспроизводственных циклов (цепочек) перекрывают и пересекают национальные территории, существуя над ними, в другом, геоэкономическом пространстве;

– в-четвёртых, превращение мирохозяйственной системы в поле формирования интернационализированных воспроизводственных циклов (цепочек) и трансграничных сетей, в рамках которых создаётся мировой доход;

– в-пятых, понимание геоэкономической интеграции как сближения и взаимопроникновения национальных воспроизводственных систем под воздействием движущих сил и институтов развития глобальной геоэкономической среды. Одним из важнейших параметров геоэкономической среды выступает её сетевая структура. Остановимся на этом поподробней.

II.1.3. Сетевая организация как детерминанта инновационного развития

Развитие мировых высокотехнологичных промышленных комплексов опирается на современную кластерно-сетевую организацию инновационного типа. Россия примеривает на себя эту передовую модель¹. Сеть есть система соединённых и взаимосвязанных узлов. Сети имеют исключительные преимущества как инструмент организации благодаря присущей им высокой гибкости и адаптивной способности – решающим свойствам, позволяющим выжить и преуспеть в быстро меняющемся мире. Вот почему сети проникли во все области экономики и общества, опередив и превзойдя вертикально интегрированные корпорации и централизованные бюрократические системы².

номических технологий современного бизнеса: Сборник стратегических понятий – новелл. Екатеринбург: ОАО «ИПП "Уральский рабочий"» 2006.

¹ И в этом направлении уже сделаны первые решительные (и успешные!) шаги, и читатель в этом может убедиться: см.: Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: научно-аналитический доклад / М.Ю. Байдаков, Н.Ю. Коница, Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир, В.Л. Сельцовский, Н.С. Столярова, Е.Д. Фролова. Под науч. ред. Э.Г. Кочетова; Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Книга и бизнес, 2010. 388 с. Начало положено – теперь очень важно доктринальное закрепление геоэкономической стратегии России (об этом см. подробнее Эрнест Кочетов. Мир инновационных перемен в свете предстоящего Послания Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию // Информационно-аналитический портал [www.viperson.ru](http://viperson.ru), 22.11.2010).

² Феномену сетевой экономики и сетевого общества посвящён обширный массив исследований отечественных и зарубежных учёных (О. Аникин; В. Боков; Г. Вайнштейн; Л.А. Василенко; В.В. Радаев; В.Н. Кузнецов; П. Можаяев; Б.Б. Родоман; В.В. Чекмарев; Д. Белл; И. Валлерстайн; Ali-Yrkko, Jyrki; Toulestieto Oy; Benner, Chris; Bunnell, David; John Wiley; Carnoy, Martin; Castells, Manuel; Saxenian, Anna и др.).

Появление новых информационных и коммуникационных технологий и в особенности Интернета позволило достичь беспрецедентной комбинации гибкости и точности исполнения заданий; координировать принятие решений и децентрализованное исполнение, индивидуальное самовыражение и глобальную коммуникацию. Всё вместе обеспечило превосходную организационную форму для человеческой деятельности. В последней четверти XX столетия три процесса соединились, возвестив о появлении новой социальной структуры, базирующейся на сетях: во-первых, новые потребности экономики в гибком управлении в условиях глобализации; во-вторых, новые требования общества к высокой открытости коммуникаций; в-третьих, чрезвычайные достижения в телекоммуникациях, ставшие возможными благодаря революции в микроэлектронике. Стечение этих обстоятельств превратило сети в организационную основу новой, инновационной экономики.

Сети представляют собой организационные формы, характеризующиеся свободными горизонтальными взаимными коммуникациями и обменом между всеми их участниками. Сети поддерживают открытые и подвижные отношения между специалистами и экспертами, занимающимися различными проблемами. Такого рода международные сети иногда называются неформальными. Именно в инновациях состоит суть деятельности подобных сетей: они создаются для того, чтобы продвигать и отстаивать новые идеи, нормы, процедуры. Среди прочих преимуществ эти организации обладают способностью быстро аккумулировать, обрабатывать, распространять разнообразную информацию и эффективно её использовать.

Краеугольный камень всего процесса – это открытая коммуникация и общий прогресс как результат сетевого взаимодействия и обмена достижениями сетевых технологий. Без этой открытости участники сообщества будут осуществлять каждый свою, конкурентную стратегию, и процесс коммуникации будет препятствовать интеллектуальному успеху общего дела. Это соответствует фундаментальным принципам развития науки и техники: результаты должны быть открыты, доступны обзору, критике и репродукции.

Важно понять, что по своей природе инновационный процесс есть интеллектуальный генезис – рождение нового. И это рождение требует наличия особых условий, специфических факторов реализации интеллектуальности¹.

Инновационная экономика функционирует, базируясь на следующих сетевых культурных ценностях:

- а) открытость, открытый доступ ко всей необходимой информации;
- б) горизонтальные связи, свободное общение, свобода выражения и передачи информации от многих ко многим;
- в) саморазвивающаяся сеть. Любой человек или организация могут найти своё место в действующей сети, а если не находят, то создают собственный источник (сайт), расширяя таким образом сеть.
- г) высшая ценность – интеллектуальная свобода. Свобода творить, свобода распоряжаться имеющимся знанием; свобода модифицировать знание; свобода делиться новым знанием.

II.2. Мировые примеры очагов когнитивного роста

Блестящей иллюстрацией быстрого наращивания потенциала сетевой организации инновационного процесса является экономика Китая. Большинство национальных исследовательских центров страны фокусируется на адаптации инноваций для китайского рынка. Но имеют место также инновационные исследования глобального характера, тесно интегрированные с мировыми инновационными се-

¹ См.: Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 198.

тами. В табл. 3 представлена эволюция типов исследовательских центров Китая. Наименее развитый – лаборатория-сателлит – имеет наименьшее стратегическое значение для развития компании и находится в зоне наивысшего риска по сокращению финансирования. Далее – лаборатория на контракте, как правило, встроенная в глобальную инновационную сеть и предоставляющая относительно дешёвые ресурсы: квалифицированный труд, производственные мощности и инфраструктуру. Наиболее развиты равноправные партнёрства, которые практикуют полный и равный взаимный обмен знаниями и инновациями¹.

Зарубежные инвестиции в сфере научных исследований и разработок в КНР в основном сконцентрированы в наукоёмких отраслях: ИТ; автомобилестроении; химической. Motorola, один из крупнейших иностранных инвесторов в Китае, открыла к 2005 г. 15 местных и глобальных R&D центров и ещё несколько собирается открыть в будущем. Крупные инвестиции в создание новейших исследовательских центров и лабораторий осуществляют Microsoft, Nokia, General Electric, IBM, Siemens, Nortel, DuPont, General Motors, Honda, Hitachi, Toshiba и многие другие компании.

Таблица 3

Эволюция типов R&D лабораторий в Китае

Тип лаборатории	Характеристика	Отрасль
«Лаборатория – сателлит»	- Изучение реакции локальных рынков на идеи, инновации, льготы; - адаптация существующих продуктов и процессов	Потребительские товары массового спроса
«Лаборатория на контракте»	- Выполнение конкретной части глобального научного проекта; - тесное взаимодействие с R&D группой в головной компании и других филиалах; - активный обмен информацией, но слабое участие в обмене знаниями	Обрабатывающая промышленность
«Равноправное партнёрство»	- Полная интеграция в R&D стратегию головной компании; - наличие регионального или глобального «продуктового мандата»; - безбарьерный полноформатный обмен знаниями	Мобильная связь, программное обеспечение, бытовая электроника

Эти исследовательские центры в основном размещены в крупных городах: в 2005 г. в одном только Пекине насчитывалось 189 международных центров и лабораторий, из них почти 120 – в информационных и коммуникационных технологиях. Многие из них стали последователями IBM, открывшей в Китае впервые в 1995 г. иностранный R&D филиал со 100%-ой собственностью. В Пекине научный парк Жонгуанчун с расположенными в нём 40 университетами и 130 исследовательскими институтами стал подлинным научным сердцем столицы.

В Шанхае создано 140 научно-исследовательских центров – филиалов крупнейших транснациональных компаний, из них 91 центр – в новейшем районе Пудонг. Ещё более сотни современных исследовательских центров организовано в китайских провинциях Гуангдонг и Джиангсу. Этому примеру последовали несколько крупных региональных центров восточного побережья: Ханьчжоу в провинции Жейджинг, Квиндао в провинции Шандонг и Далянь в провинции Ляонинг, которые привлекли крупные иностранные инвестиции в создание исследовательских центров в своих регионах. Наконец, что очень важно, активизировался приток инвестиций и во внутренние провинции, в частности, в города Ксиан и Ченьгду, где были развёрнуты R&D центры ряда ведущих компаний².

Эффект «возврата мозгов». Возвращение ранее эмигрировавших на Запад научных кадров сегодня в массовом масштабе наблюдается в Китае. В Жон-

¹ См.: Li, Jiatao and Jing Zhong (2003). "Explaining the growth of international R&D alliances in China", Managerial and Decision Economics, 24, 2–3, pp. 101–115; WIR-2005. P. 166.

² См.: Zhao, Minyuan (2004). «Doing R&D in countries with weak IPR protection: can corporate management substitute for legal institutions?»

гуанчунском научном парке КНР – первом и крупнейшем из созданных в стране – развернули исследовательскую деятельность научные центры (всего сорок один) таких гигантов как IBM, Hewlett-Packard, Intel, Microsoft, Motorola, Nokia, Siemens, Sony, Toshiba и других. Именно вернувшиеся домой представители китайской диаспоры (в том числе ранее работавшие в штаб-квартирах компаний) были назначены директорами и ведущими исследователями этих центров и сыграли в их развитии ключевую роль. Так, филиал Microsoft Research Asia возглавили три директора-координатора – высококвалифицированных китайских ученых-компьютерщика, до этого работавших в штаб-квартире Майкрософт в США. Безусловно, это стало мощным стимулом к «возврату мозгов» на родину. Научные кадры из числа репатриантов с их знаниями и опытом, полученными за рубежом, для Китая очень ценны. Причём, считается, что многие из них вносят ещё более существенный вклад в национальную инновационную систему, если покидают зарубежные филиалы в Китае ради работы в отечественных институтах или собственных вновь организуемых исследовательских фирмах. Из 14 тыс. высокотехнологичных компаний, размещённых в указанном научном парке, 2500 было создано вернувшимися из-за границы ранее эмигрировавшими гражданами КНР; аналогично, массовое возвращение научных кадров во многом ускорило фантастический взлёт Шанхая¹. China Techfaith Wireless, крупнейший национальный китайский производитель оригинальных мобильных телефонов, был основан командой из 14 человек, покинувших филиал Моторолы в 2002 г., чтобы начать собственное дело. Уже в мае 2005 г. новая фирма была включена в листинг НАСДАК. Аналогично, группа инженеров, покинувших Лусент, создала другую, не менее успешную независимую компанию Photonic Bridge. Китайские корпорации всё более активно создают собственные трансграничные сети знаний. Huawei Corporation of China в 2005 г. открыла крупнейший R&D центр в Бангалоре (Индия), занятый разработками программного обеспечения с численностью инженеров ок. 2000 чел. и общим объёмом инвестиций свыше 100 млн долл. Компания открыла подобные филиалы в Москве, Стокгольме, Далласе. Von Zedtwitz подсчитал, что в 2005 г. китайские ТНК имели 37 активно функционирующих зарубежных R&D центров, в том числе 26 в развитых странах, из них 11 – в США и 11 – в Западной Европе. Ещё один канал связи – сети передового бизнеса с высшей школой и наукой. Так, Microsoft Research Asia сотрудничает с китайскими университетами по четырём направлениям: исследовательские проекты, обновление учебных планов, поддержка талантов и научный обмен. Совместные исследовательские лаборатории компания открыла в университетах Синьхуа и Жейянг, Харбинском технологическом институте, Научно-технологическом университете Гонконга и Научно-технологическом университете Китая².

Используя Интернет как основное средство коммуникаций и информации, инновационный бизнес превращает сеть в форму собственной организации. Су-

¹ См.: Cheong, Y-R. (2000). "The impact of China's entrance to the WTO on neighbouring East Asian economies", *China Economic Review*, 11, pp. 419–422; Chen, Yun-Chung (2004). "Restructuring the Shanghai innovation system: the role of multinational corporations' R&D centres in Shanghai". Paper presented at the ASIANLICS International conference on "Innovation Systems and Clusters in Asia – Challenges and Regional Integration", Bangkok, 1-2 April; WIR-05. P. 185.

² См.: von Zedtwitz, (2005). «International R&D strategies in companies from developing countries – the case of China». Paper presented at the UNCTAD Expert Meeting on the Impact of FDI on Development, Geneva, 24–26 January Ernst, Dieter and Barry Naughton (2005). «Building capabilities within global networks: China's upgrading and innovation in the IT sector» (Honolulu, HI: East- West Center); WIR-05. P. 156, 183.

существуют формальные и неформальные инновационные сети. Формальное сотрудничество компаний может существовать во множестве форм, в основном хорошо известных: совместные предприятия, стратегические альянсы технологической направленности, бизнес-партнёрства (см. табл. 4)¹. Неформальные взаимоотношения в сетевых системах возникают чаще всего между научными коллективами или отдельными исследователями, работающими в разных компаниях и учреждениях, и характеризуются высокой степенью доверия и низкими транзакционными издержками. Транзакционные издержки обычно низки потому, что решение о том, «продавать или передавать» принадлежащие им знания, принимают сами обладатели этих знаний – инженеры, специалисты, учёные².

С точки зрения собственно инновационности решающее значение имеет локально-сетевая природа инновационного процесса. Инновационный процесс основан на ресурсах, сконцентрированных в компактных локальных кластерах знаний. Эти кластеры охватывают прикладные и фундаментальные исследования, включают университеты, агломерации промышленных фирм, среду бизнес-сервиса, способствующую взаимному обмену и «перекрёстному оплодотворению» научных идей и создающую живой контакт исследователей и постоянный обмен знаниями. Несмотря на существующее множество способов распространения знаний, решающим для создания инноваций и устойчивой конкурентоспособности остаётся неформальное знание (*tacit knowledge*), неотрывное от его носителей, о чём речь пойдёт ниже.

Локальная инновационная сеть создаёт исключительные условия (см. рис. 1) именно для такого знания:

Таблица 4

Способы и формы международного обмена знаниями и инновациями

Способы	Участники	Формы
Международное использование национальных инноваций	Коммерческие (национальные и транснациональные) компании и отдельные лица	Экспорт инновационных продуктов Продажа лицензий и патентов Зарубежное производство инновационных товаров отечественной разработки
Международное техническое сотрудничество	Университеты и государственные исследовательские центры Национальные и транснациональные компании	Совместные научные проекты Международные научные обмены Международный обмен студентами Совместные предприятия Производственное сотрудничество с обменом технической информацией
Международное производство инноваций	ТНК Университеты и некоммерческие исследовательские центры	НИОКР в странах базирования и пребывания Создание зарубежной сети R&D-филиалов Договорные НИОКР с научными лабораториями за рубежом Бизнес-альянсы технологического характера

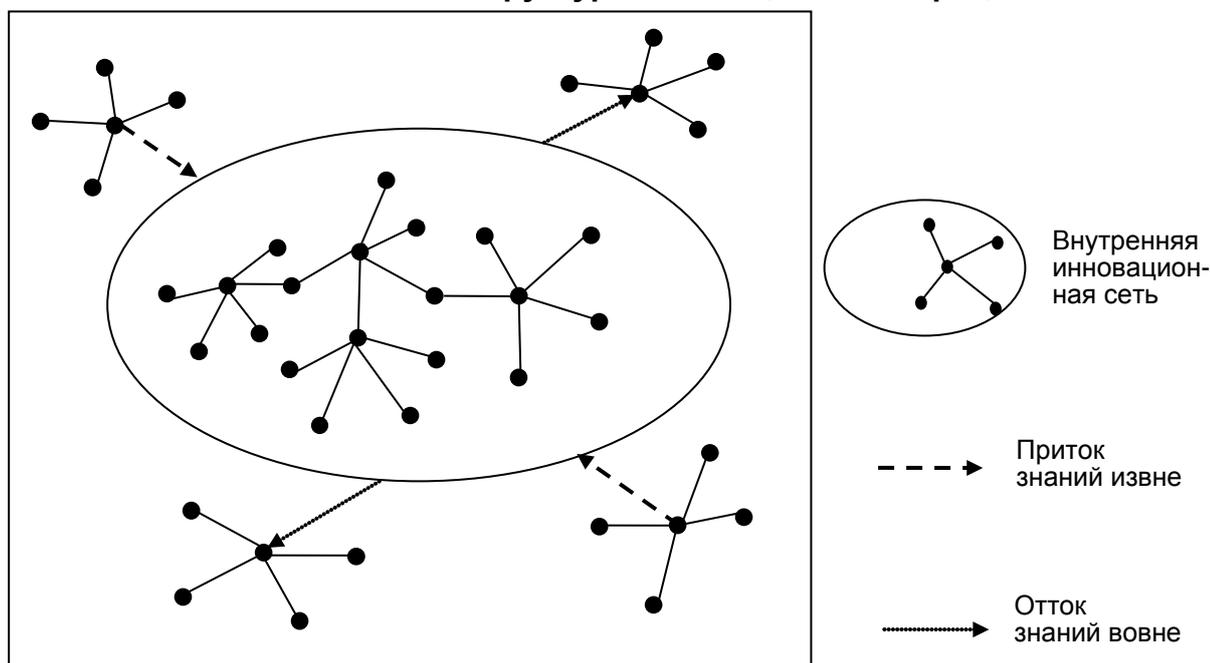
– внутри инновационной сети существует исключительно высокая интенсивность интеллектуального взаимодействия, которая проистекает из нелинейного поискового характера процесса, требующего постоянного личного контакта и обмена информацией лиц, вовлечённых в процесс поиска. Высококачественный творческий процесс не поддаётся регламентации по времени и месту, непредсказуем, происходит методом проб и ошибок при непрерывном общении участников поискового процесса;

¹ См.: Черенков В.И. Глобальная маркетинговая среда: опыт концептуальной интеграции. СПб: СПбГУ, 2003. С. 23–29.

² См.: *Letto-Gillies Gr.* Transnational Corporations and International Production: Concepts: Theories and Effects. – Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005.

Рисунок 1

Локально-сетевая структура инновационного процесса¹

– существуют неформальные барьеры, препятствующие выходу нового знания вовне из локальной инновационной зоны: сама по себе внутренняя сеть, связывающая инсайдеров неформальным знанием, объективно является самым эффективным барьером. Хотя формальных барьеров нет, но реальный доступ к социальному капиталу и к процессам генерации и обмена знаниями имеют те, кто связан сетью;

– в то же время приток знаний извне вовнутрь не имеет препятствий и происходит двумя путями: часть привносят вновь вливающиеся аутсайдеры (превращающиеся тем самым в инсайдеров), да и сами инсайдеры имеют полный доступ к любым внешним открытым источникам знаний.

Для определения современных особенностей влияния локальности на структуру инновационных процессов важно установить, что сетевая экономика радикально преобразует саму сущность понятия «локальное», порождая через динамику сетевых сообществ, сетевой менеджмент и сетевые процедуры эффект «детерриторизации», т. е. устраняет понятия локальной ограниченности, географической оторванности, отдалённости, периферийности, и т. п.

Во-первых, экономические агенты взаимодействуют в рамках сетей. Сами сети становятся новым образом глобальных действий с различными формами взаимной ориентации и ответственности.

Во-вторых, связующий агент в сетях – информация. Она абсолютно трансгранична и может не быть выраженной в словах, терминах, символах и иметь неформализованный вид (например, навыки и умения), либо быть точно сформулированной и формализованной (процедуры менеджмента, законы). Она может существовать также в форме привычек, конвенций, традиций, заведённых порядков, протоколов, которые распространяются на всю глобальную сеть.

В-третьих, сети обладают колоссальным обучающим эффектом. Сеть в состоянии хранить информацию, генерировать инновации, а также распростра-

¹ См.: *Dicken P. Global Shift: Transforming the World Economy.* – NY: Guilford Press, 2001. P. 173. 446

нять их по всем направлениям и вне связи с конкретными точками (пунктами) пространства, в которых физически находится в данный момент оператор.

Сетевые инновационные системы формируются по иным, чем коммерческие, экономическим законам и не отвечают требованиям минимизации затрат. Что понимается под сетевой локальной системой в экономике? С нашей точки зрения, локально-сетевая инновационная система – это сконцентрированный экономический объект, совокупность соединённых и взаимосвязанных участников процесса инноваций, имеющих свободный доступ и контроль над информацией, инновациями и распространением новых знаний в данной системе. Сетевые локальные системы характеризуются высокой адаптивностью, подвижностью, гибкостью, открытостью, свободой, деиерархизацией, безбарьерной коммуникацией.

Важнейшее значение имеет выявление, описание и стратификация основных типов локальных сетевых систем, функционирующих в инновационном пространстве. Под стратификацией понимается выстраивание локальных систем по их функциям, значимости, приоритету, соподчинённости, предопределяющее место и ранг каждой локальной системы. Стратификация локальных систем впитывает в себя не только их функциональные признаки, но и их поведение как сложных систем и предполагает значительную открытость, взаимодействие и взаимовлияние всех элементов, составляющих страту. Соответствующий терминологический аппарат закрепляет инновационный характер локальных сетевых систем (см. табл. 5)¹.

Таблица 5

Основные типы локальных сетевых инновационных систем

<i>Наименование локальных систем</i>	<i>Отдельные характеристики</i>	<i>Примеры</i>
Геоэкономические регионы	Экономическая территориальная система, организованная и функционирующая посредством взаимодействия специфического ресурсного комплекса с регионообразующей институциональной инфраструктурой	Зона Рейна (ФРГ); Область Эмилия – Романья (Италия); графство Манчестер (Великобритания); Уральский промышленный регион (Россия); Калифорния и Тигуана (США – Мексика); Гонконг и Южный Китай
Кластеры	Группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга	Стекольный кластер в Баварии – Богемии (ФРГ; Чехия); кораблестроительный – во Фризланд – Гронингене (Нидерланды); электронный – в Хортене (Норвегия)
Научные парки	Научные организации, в рамках которых идут разработки по всему исследовательскому циклу (вызревание и воплощение прорывных научных идей)	Академгородок, Королёв, Каскол (Россия); Хьюстон, Сизтл, (США); Бангалор (Индия); Жонгуанчунский научный парк (Китай)
Техно-трассы	Связанные со стратегическими транспортными магистралями научно-производственные комплексы с технологически сложными производствами и передовыми технологиями	Шоссе 128 (США); воспроизводственная система Ла-Манш – Северное море
Технопарки	Агломерации крупных технических университетов с развитой научно-технической и хозяйственной инфраструктурой.	«Силиконовая долина» (США); район Консай (Япония); города Жуковский, Зеленоград (Россия); «Долина Медикон» (Дания); «Биодолина» (Германия – Швейцария – Франция)
Технополисы	Заново отстроенный или реконструированный город, где функционирует совокупность инновационных предприятий, выстраиваемых по отраслевому или межотраслевому признаку	Штутгарт (ФРГ); Сан-Антонио, Детройт (США); Екатеринбург, Волго-донск (Россия)

¹ См.: Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 98–105.

Продолжение таблицы 5

Сетевые бизнес-системы (B2B)	Модель территориальной организации бизнеса сетевого характера, включающая промышленные, финансовые, сервисные и др. предприятия, логистические, транспортные компании, информационные и специализированные центры, связанные через электронные коммуникации	Корпорации Nokia; Dell; производство готовой одежды «Zara» (Испания); Шведско-финский банковский концерн «Мерита-Нордбанкен»; производственно-коммерческие сети в швейной промышленности «Гэп» (США) и «Бенетон» (Великобритания); сети «Билайн», «Мегафон» и «МТС»
Электронные центры	Электронные биржи, аукционы и торговые площадки, заменяющие совокупность изолированных веб-порталов многочисленных компаний в Интернете на общий электронный рынок	Mercedes Benz Consolidation Center (MBCC)
Виртуальные предприятия	Компании, функционирующие по глобальной сетевой модели с передачей производственных, финансовых, исследовательских, бухгалтерских, сбытовых функций независимым субподрядчикам из разных стран	IBM; «Simmens»; Mercedes; «Nokia»; «Dell»; «Cisco Systems»; предприятия, выступающие в организационной форме Кэйрэцу (горизонтальные кейрэцу – компании Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo и вертикальные кейрэцу – компании Toshiba, Sony, Toyota)
НПО-сети	Негосударственные самостоятельные организации гражданских активистов, работающее с сетевым ресурсом, иницирующие правозащитную, экологическую, феминистскую, детскую и другую деятельность гуманитарной направленности	«Гринпис», «Врачи без границ»; Amnesty International; The Environmental Defense Fund; Friends of the Earth; The National Wildlife Federation; The World Wildlife Foundation
Цифровые города	Интернет-проекты городских сообществ. Общественная локальная сеть в формате электронного диалога, имеющая социальный статус интерактивного центра общественных коммуникаций, объединяющего локальные институты, организации и компьютерные сети города в единое виртуальное сообщество.	Digital City Amsterdam; Cleveland Civil Network
Интернет-инкубаторы	Совместные пулы ресурсов, дающие комплексную «предначальную» и первоначальную поддержку инновационного предпринимательства, кооперационно-сетевое взаимодействие с внешней бизнес-средой и сетевое взаимодействие между выращиваемыми венчурными компаниями.	Brains park, Ideas Lab (США); Ant factory (Великобритания); международный Интернет-инкубатор «Speed Ventures» (Великобритания, США и др. – всего 11 стран);
«Глокальные» узлы	Ключевые районы развития бизнеса, соединенные во всемирную информационную сеть	Манхэттен в Нью-Йорке; Сити в Лондоне; «Пьюдонг» в Шанхае; район «Нова – Фариа – Лима» в Сан-Паулу

Обобщим преимущества локальных сетевых систем как адекватной среды и инструмента инновационного геоэкономического развития:

- Гибкость
- Адаптивность
- Чувствительность
- Скорость коммуникаций и обмена информацией
- Высокая координация решений и децентрализация исполнения
- Индивидуальное самовыражение и глобальная коммуникация
- Диалог как технологический инструмент и модель сетевого поведения
- Превосходство в эффективности над классической рыночной организацией и иерархической бюрократией.

III. ВЫХОД НА ПРАКТИКУ: РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ВПИТЫВАЕТ КОГНИТИВНЫЕ НАЧАЛА БЫТИЯ

По данным исследований, предстоящий период будет отмечен структурной перестройкой мирового хозяйства, связанной с возрастанием роли региональных экономических союзов. Особое место в региональном развитии займут сетевые структуры.

III.1. Региональные сетевые партнерства предприятий и фирм: общий контур

Региональное сетевое партнёрство (РСП) – это неформальная сетевая структура, создаваемая в инициативном порядке компаниями из разных стран одного региона, стремящимися к долгосрочному взаимовыгодному сотрудничеству, для совместной продуктивной деятельности в области создания и последующего внедрения в собственное производство нового знания. Речь не идёт об исследованиях в области продуктов, или рынков, или новых технологий. Речь идёт скорее об углублённом совместном исследовании себя, собственной ситуации, ресурсов и потенциальных возможностей друг друга с тем, чтобы с максимальной отдачей объединить и использовать их в совместной внешнеэкономической деятельности.

Кроме традиционных причин (получение быстрого доступа к новым технологиям и рынкам; выгоды от экономии масштаба при совместных НИОКР; доступ к патентам ноу-хау и распределение рисков) потребность в сотрудничестве, связях и совместной работе в экономике знаний проистекает из специфической природы самого знания, в корне отличной от информации. Знание как основа современной корпорации включает многообразие его форм, начиная от самых простых, воплощённых в технической документации, продуктах и процессах производства, и вплоть до самых сложных, которые назовём условно «неявное, скрытое или неформализуемое знание»¹. Это знание может быть выражено достаточно полно в публикациях, докладах, патентах, ноу-хау. Но всё же его невозможно выразить исчерпывающе, оно имманентно носителю и частично остаётся только в умах тех, кто его создал. Неформализуемость знания, как было отмечено выше, включает интуицию, личный опыт, уникальный творческий процесс, неформальные контакты и тому подобное, то, что трудно формализовать или опубликовать, но что можно передать во что можно вовлечь коллег, сотрудников, сподвижников, работающих вместе². Интересам потребителей знаний в максимальной степени отвечает возможность широкого и неограниченного доступа к новым знаниям и инновациям с минимальными затратами. Решению этой задачи и способствует создание региональных сетевых партнёрств. Включённость в такую сеть позволяет фирме находить информацию и знания, которые она не может генерировать самостоятельно.

Исторически теория РСП восходит к концепции «Community of practice» («Сообщества практики, или Партнёрства практики»), появившейся в середине 90-х годов прошлого столетия³. Сообщества практики – это группы людей, имеющих общие интересы и цели идвигающихся к этим целям через тесное взаи-

¹ В литературе появился специальный термин *tacit knowledge*, что в буквальном переводе с английского означает «не выраженное словами, молчаливое». *Tacit knowledge* – своего рода сплав познавательных способностей, опыта, умений и интуиции, а также знание правил, традиций, организмов, практик и норм. См.: Bao, Y.; Zhao, S. (2004), «MICRO Contracting for Tacit Knowledge - A Study of Contractual Arrangements in International Technology Transfer», in *Problems and Perspectives of Management*, 2, 279–303.

² См.: Saviotti, Pier Paolo (1998) On the Dynamics of Appropriability, of Tacit and Codified Knowledge, *Research Policy*, vol.26. PP. 843–856.

³ См.: Wenger, Etienne (1998), *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*, Cambridge University Press.

модействие¹. Важно подчеркнуть, что основа процесса – тесное сетевое прямое интерактивное взаимодействие и взаимный обмен. Явление получило и на практике и в литературе самые разные названия: не только Community of practice, но и Learning network; Social network; Network of practice; Value network; Centers of competence network, Community network etc².

Концепция РСП с наибольшей готовностью была воспринята людьми из бизнеса благодаря их пониманию критической значимости нового знания в инновационном процессе. Сеть даёт новый подход, позволяющий людям и компаниям в максимальной степени учиться и развиваться вместе.

Региональные сетевые партнёрства усиливают стратегические преимущества организаций благодаря тому, что они:

- возлагают на практических специалистов ответственность за поиск и получение необходимого им знания, при этом обеспечивают наиболее благоприятную структуру для решения данной задачи;
- создают прямую зависимость между новым знанием и эффективностью, так как одни и те же люди взаимодействуют в партнёрстве и решают производственные и коммерческие задачи компании (в том числе в области ВЭД);
- не ограничены формальными структурами и создают связь между людьми, организациями, через государственные и географические границы.

III.2. Деятельность в рамках РСП

Компании становятся участниками РСП через механизм обмена опытом. Их связывает друг с другом неформальное общее участие в общей работе сети. Взаимные контакты, общение, работа, обсуждения, обдумывание, то есть вовлечённость, – превращают разрозненных национальных участников в единое целое. Три ключевые черты характеризуют деятельность РСП³:

1. Область сотрудничества. РСП – это не клуб по интересам. У него есть чёткая направленность на конкретный деловой интерес, который носит взаимный характер.

2. Сообщество. В достижении цели сотрудничества партнёры по многонациональной сети участвуют в совместной деятельности, дискуссиях, помогают и поддерживают друг друга, делятся мнениями и информацией. Они постоянно учатся друг у друга и находятся в постоянном процессе развития.

3. Практика. Члены РСП – это не представительская группа для периодических дружественных встреч. Это команда практиков. Они создают коллективный сетевой ресурсный фонд партнёрства: базы данных, лучшие практики, библиотеки типичных ситуаций, банки решений, инструменты решений и т. п.

Именно комбинация указанных трёх элементов создаёт сетевое партнёрство и обеспечивает его прогрессирование. Но именно те качества, которые делают РСП лучшими генераторами знания – самостоятельность, практическая направленность, неформальность, трансграничность – одновременно бросают вызов традиционным иерархическим структурам.

¹ Communities of Practice // Статья из электронной энциклопедии Википедия // http://en.wikipedia.org/wiki/Virtual_community_of_practice

² См.: Wenger, E., McDermott, R., & Snyder, W.M. (2002). *Cultivating Communities of Practice*. Boston: Harvard Business School Press; Hara, N. & Hew, K. H. (2007) *Knowledge-sharing in an online community of health-care professionals*. *Information Technology & People*, 20(3); Шеломенцев А.Г. *Хозяйственные сообщества: генезис и эволюция*. Екатеринбург: Институт экономики Уро РАН, 2003; Андреева Е.Л. *Социальная ориентация рыночных преобразований национальной экономики в условиях глобализации*. Екатеринбург: Институт экономики Уро РАН, 2005; Чекмарёв В.В. *Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация*. Кострома: Изд-во КГУ, 2003.

³ Etienne Wenger. *Communities of practice: a brief introduction* // <http://www.ewenger.com/theory>

РСП может быть направлено на решение следующих типов проблем в области внешнеэкономических связей предприятий: поиск информации, поиск передового опыта, организация визитов, координация усилий, обсуждения проблемных вопросов. Результатом деятельности РСП является создание нового ресурса – общего знания. Причём, этот результат может воплощаться как в материальной (письменной) форме: доклады, отчёты, аналитические записки, обзоры, презентации и т. д., так и в неформализуемом виде: общие процедуры, общая политика, общепринятые ритуалы, традиции, ценности и приоритеты, наконец, лучшее взаимопонимание, большая приверженность общему делу и т. п.

Отношения – ключевой вопрос успеха РСП: как неформальное общение создаёт условия для будущего полноформатного международного сотрудничества компаний в производстве, технологиях, на рынках? Критическое значение, по мнению большинства исследователей, имеют два фактора: доверие и чувство «общей идентичности»¹.

Региональное сетевое партнёрство, будучи созданным не по команде, а инициативно, самими участниками сети, изначально замотивировано внутренними, а потому, самыми действенными стимулами роста. Но возможен и другой случай – будучи созданным формальным путём, объединение со временем эволюционирует в сеть (РСП) под влиянием развития и укрепления отношений между участниками.

Глобализация мировой экономики привела к тому, что между собой тесно сотрудничают организации, расположенные на большом пространственном удалении друг от друга. Это поставило в повестку дня вопрос о возможности функционирования виртуальных сетевых партнёрств. Большинство исследователей и практиков сходится во мнении, что в условиях прогресса Интернет-коммуникаций появились и успешно действуют новые, Интернет-обусловленные сообщества, в том числе и РСП². Поскольку стандарты Интернета открыты и общедоступны для всех пользователей, организации могут легко включиться в общую сеть с большим числом участников. В то же время даже лёгкость включения в сеть не должна приводить к её чрезмерному расширению, размыванию и допускать, чтобы её участники теряли чувство связи и сопричастности друг другу. В принципе и крупная организация международного масштаба, по мнению ряда специалистов, может развиваться в эффективную суперсеть взаимосвязанных индивидуальных партнёрств. Такой площадкой мог бы стать, к примеру, Деловой совет Шанхайской организации сотрудничества, учреждённый 14 июня 2006 г. Он является неправительственной структурой, объединяющей наиболее авторитетных представителей бизнес-сообщества шести стран с целью расширения экономического сотрудничества в рамках Организации, налаживания прямых связей и диалога между деловыми и финансовыми кругами государств-членов ШОС. В ходе Шанхайского саммита в июне 2006 года Главы государств подчеркнули важность создания Делового совета и выразили уверенность в том, что он станет эффективным механизмом для продвижения делового партнёрства на пространстве организации³. Участие в многоуровневых сетях теснее связывает партнёров внутри организации и усиливает эффективность сетевого взаимодействия благодаря созданию эффекта синергии.

Вместе с тем развитие сетевых партнёрств, по крайней мере, в России, может столкнуться со следующими трудностями:

– отсутствие культуры обмена и распространения лучших практик предприятий (то, что раньше называлось «обмен передовым опытом»), которая оказалась во многом утраченной за последние годы;

¹ См.: Hildreth, Paul & Chris Kimble (2002), The duality of knowledge // *Information Research* 8 (1) // <http://informationr.net/ir/8-1/paper142.html>

² См.: Аузан В., Аффин Д. Технологии против сетей // *Эксперт*, 2001, № 38. С. 88.

³ <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=26>

- слабое участие предприятий в международных сетях. Это направление взаимодействия развивается слабо, а именно оно является сегодня главным;
- сопротивление изменениям, отсутствие внутренней готовности к развитию, к переменам, «атрофия» потребности в развитии у значительной части технических специалистов, управленческого персонала, инженерного звена предприятий;
- слабая вовлечённость персонала в процесс изменений, недостаточная информированность о намерениях реформ, отчуждённость рядовых сотрудников от процессов реформирования и развития и опасения, с ними связанные;
- языковой, культурный и «цифровой» барьер у многих сотрудников – сильный ограничитель современных форм международных коммуникаций.

Если говорить в целом, то международные сети создают следующие факторы прогресса:

1. Быстрая диффузия и ассимиляция знания.
2. Создание нового знания и новых инструментов.
3. Обеспечение собственной идентичности сетевого партнёрства.
4. Совместное управление коллективным знанием.
5. Максимальные возможности для усвоения наиболее инновационно ценного неявного (скрытого) знания, которое не формализуется и не может быть усвоено традиционным способом (трансляция, кодификация, оцифровка, сохранение).

Высокая эффективность сетевой модели сотрудничества заключается в том, что сети не имеют границ – они расширяют поле развития организации за пределы её физического местоположения. Эти сети генерируют мощный трансграничный приток нового знания для их участников – знания, которое они не смогли бы приобрести или генерировать другим путём, вне тесной трансграничной коммуникации.

* * *

1. В мире наиболее ярко и с особой силой дало о себе знать когнитивное «оформление» мировых процессов. Это рельефно проявилось в «вплетении» асистемных начал (компонентов) в реальные мировые процессы. Свидетельство тому – геоэкономическая парадигма развития.

2. На мировую арену в поисках нового знания заступил интеллект: идёт штурм «сферы незнания». Российская школа геоэкономики и глобалистики «высветила» этот процесс. Генератором инноваций является не знание вообще, а особое «тонкое, неявное, скрытое или неформализуемое знание».

3. Наука, высокие технологии и трансграничная сетевая организация трансформируют геоэкономическое пространство: меняют отношения в производстве, связи регионов и городов, модель «центр – периферия». Прогрессирующая дифференциация локальных структур сетевой экономики преобразует глобальную инфраструктуру геоэкономической системы в целом. Отсюда, заявленный переход к инновационной экономике в России должен опираться на структурную перестройку на локальном уровне, перераспределение информационных и ресурсных потоков, создание и активизацию локальных систем и региональных центров роста, которые должны быть максимально задействованы в развитии внешнеэкономического комплекса страны.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 1)

Раздел третий

КУЛЬТУРА МИРА КАК КУЛЬТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СЕМЬИ, НАРОДА.

**Глава 21. О.А. Бельков
О.А. Фельдман**

СОПРЯЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА *

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия национальной безопасности России, утверждённая Указом Президента Российской Федерации в 2010 г. на период до 2020 г., чётко определяет высшие приоритеты национальной безопасности Российской Федерации – национальная оборона, государственная и общественная безопасность. Вместе с тем там говорится также о других приоритетах социально-экономического развития, составляющих основу политики безопасности и её важнейшие направления. В их ряду важное место отводится образованию: повышение уровня и доступность конкурентоспособного общего и профессионального образования населения отнесено к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности.

Эти, по необходимости лаконичные, формулировки возводят в ранг государственной нормы положение общей теории безопасности, которое С.В. Демченко формулирует так: «Система национальной безопасности современного государства органично зависит от эффективности проводимой инновационной и образовательной политики»¹.

В условиях динамичных изменений социально-экономических отношений, повышения и обострения глобальной конкурентности государств, перехода национальной экономики на инновационный путь развития образование должно стать той движущей силой, которая способна не только существенно повысить качество жизни граждан, но и укрепить суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Мощь страны – это не только военный потенциал, развитая экономика, благополучная демография, богатые недра. Это, прежде всего, духовное состояние общества, его интеллектуальный и нравственный потенциал, его человеческий капитал.

Образование служит действенным социальным институтом, призванным дать человеку адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры, сформировать у него соответствующую современному уровню знаний и уровню образовательной программы картину мира, приобщить к национальной и мировой культуре, интегрировать человека в современное ему общество, развить у него гражданские качества, наличие которых обеспечит нормальное существование и развитие этого общества.

В современных условиях единственно возможным путём разрастания могущества России является сохранение, развитие и мобилизация человеческого капитала страны. Экономический рост, подчёркивается в Стратегии, достигается, прежде всего, путём развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал. Средой и сферой, важнейшим механизмом его всемерного развития, мобилизации и актуализации и, следовательно, инновационного развития выступает система образования. Состояние этой системы, доступность и качество образования, следовательно, выступают как показатель и фактор национальной безопасности.

Нельзя сказать, что эта проблема находится вне поля зрения отечественной науки. Ещё в 1997 г. была проведена научно-практическая конференция на тему «Образование как фактор национальной безопасности России», организованная Советом безопасности РФ и МГУ имени М.В. Ломоносова.

Нельзя сказать, что эта проблема находится вне поля зрения отечественной науки.

С тех пор опубликовано немало различных материалов, авторы которых предметом своего анализа избрали различные сюжеты проблемы, вынесенной в заглавие данной работы. Есть

* В публикации представлены введение и глава 1 книги: *Бельков О.А., Фельдман О.А. Образование и национальная безопасность России*. М.: Перспектива, 2011. С. 4–54.

¹ *Демченко С.В. Национальная безопасность и образовательная политика в современной России*. М.-Орёл: Изд-во ОРАГС, 2008. С. 169.

книги, с названием которых перекликается название нашей работы¹. Подготовлен целый ряд диссертаций, специально затрагивающих различные сюжеты, относящиеся к теме настоящего исследования².

Много интересных суждений, обоснованной критики по поводу состояния образовательной сферы России и её влияния на национальную безопасность содержится в научных статьях, опубликованных в СМИ³ и Интернете⁴.

Таким образом, анализ официальных документов, научных исследований и публикаций свидетельствует о том, что в отечественной науке накоплен солидный материал, имеющий большую эвристическую ценность для понимания многих сторон, связей и опосредований системы политического регулирования обеспечения экономической безопасности государства.

Имея в виду чрезвычайно многоплановую проблематику сопряжения национальной безопасности и образования, следует согласиться с тем, что есть большой смысл в специальном рассмотрении её отдельных сторон и граней. Такое ограничение позволяет детально и всесторонне рассмотреть избранные сюжеты.

Однако едва ли не для всех авторов эти сюжеты являются вторичными, внимание к ним обусловлено и ограничено содержанием собственной исследуемой проблемы и потому их разработки носят фрагментарный характер и не складываются в концептуально целостную и стройную теорию.

Так, представляется обоснованным замечание В.В. Нестерова о названной выше книге С.В. Демченко, в которой и национальная безопасность и образование рассматриваются как относительно самостоятельные феномены, без выяснения их взаимосвязи и взаимообусловленности. Лишь от случая к случаю автор, говоря о национальной безопасности, касается, да и то вскользь, в самой общей форме вопросов образования и, наоборот, рассматривая образовательную сферу редко выходит на проблемы национальной безопасности.

В силу этого заявленная во введении авторская гипотеза: эффективная национальная безопасность России в начале XXI в. в максимальной степени зависит от инновационного развития всех сфер общественной жизни и первоочередного развития системы образования – не получила систематического обоснования. В книге нет ни логических рассуждений и доказательств, ни фактического иллюстративного материала, которые явились бы реализацией поставленной автором задачи – «рассмотреть современную образовательную политику как социально-политическое явление, имеющее ключевое значение для национальной безопасности России в настоящем и ближайшем будущем» и которые бы служили основанием для совершенно верного положения, сформулированного в Заключение: «Система национальной безопасности современного государства органично зависит от эффективности проводимой инновационной и образовательной политики».

Таким образом, избранная тема в качестве самостоятельной научной проблемы в прямой постановке не рассматривалась. И это говорит о необходимости её дальнейшего и нового, комплексного и всестороннего исследования.

¹ Демченко С.В. Национальная безопасность и образовательная политика в современной России. Монография. Москва – Орёл: издательство ОРАГС, 2008. 184 с.; Минаев Г.А. Образование и безопасность. М.: Логос, 2009; Настольная книга руководителя. М.: Айрис-пресс, 2005. 248 с.; Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность СПб: Наука, 2006. 290 с.

² Ляпин И.Л. Профессиональное образование как компонент образовательной деятельности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Автореферат дисс. к. п. н. М., 2004; Николаев О.В. Развитие кадрового потенциала оборонно-промышленного комплекса России: методология и практика: Дисс. д. э. н. Москва, 2005. 324 с.; Обеспечение комплексной безопасности в образовательном учреждении: Спицын Ю.Г. Военный социум и образование как фактор национальной безопасности России: Дисс. д. с. н. СПб, 1999. 368 с.; Ярошенко Г.В. Государственная образовательная политика и национальная безопасность России: федеральный и региональный аспекты. Дисс. к. п. н. Ростов-на-Дону, 2004. 172 с.

³ Выборнова В.В., Дунаева Е.А. Образовательный потенциал молодежи стратегический ресурс безопасности // Безопасность Евразии, 2006, № 3, июль-сентябрь; Нестеров В.В. Образование в контексте национальной безопасности // Безопасность Евразии; Он же. Образование и национальная безопасность // Вестник Военного университета; Чачин С.Я. Безопасность в сфере народного образования // Национальная безопасность и геополитика России, 2001, № 1 (18). С. 87–90; Митрохин В.К. Образовательная политика как структурный элемент национальной безопасности // Юридический мир, 2006, № 5. С. 32–34.

⁴ Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // http://www.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html; Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Разгром науки и деградация образования – угроза безопасности России // <http://www.confstud.ru/content/view/44/2/>; Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях его интеграции в мировое образовательное пространство // http://sojpro.narod.ru/documents/konf_zhuk/kamashhev.doc); Ким С.В. Валеологическая безопасность педагога в образовательной деятельности // <http://lib.sportedu.ru/press/fkvot/2006N1/p53-56.htm>; Ковалев С.В. Концепция безопасности образовательного пространства // <http://www.websib.ru/noos/bou/conception.php>; Эксперт: упадок образования угроза национальной безопасности // <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/559537/cat/42/>; Шершнев Л.И. Образовательное пространство России как системообразующий фактор национальной безопасности // http://www.fnimb.org/doc_rgsu.htm.

ГЛАВА I. СОПРЯЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

1.1. Образование как явление и понятие

Что есть образование? Толковые словари объясняют, что оно имеет два значения: 1) процесс усвоения знания, обучение, просвещение и 2) совокупность знаний, полученных в результате обучения, образованность. По необходимости лаконичное это словарное описание можно расширить.

Образование предстаёт как системный процесс накопления, хранения, распространения и передачи знаний, получаемых на основе развития фундаментальных и прикладных наук, а также на базе социального опыта, накапливаемого цивилизацией в процессе обучения и воспитания. Как таковое, оно является важнейшим социальным институтом, универсальным инструментом социализации личности. Основные векторы развития цивилизации, реальные потребности сферы управления в современных образованных специалистах, достигнутый уровень социальных наук, а также появление новых моделей образовательных систем повышают его значимость и вместе с тем – требования к нему. Система образования призвана обеспечить развитие личности, формирование гражданских качеств и подготовку на уровне профессионала.

В проекте закона «Об образовании» этому определению придана ещё и ценностная характеристика: «Образование, говорится в нем, – общественно значимое благо, под которым понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций, определенных объема и сложности». Здесь фиксируется несколько позиций.

Во-первых, образование представляет собой процесс систематического обучения людей, прежде всего, детей и молодёжи. Речь идёт о двояком процессе: распространение, передача знаний одними и приобретение их другими. (Есть ещё самообразование, но это тоже не создание нового знания, а усвоение знания созданного ранее другими). Смысл и цель образования – передача от поколения к поколению знания духовных богатств, накопленных человечеством, усвоение новыми поколениями результатов общественно-исторического познания, отражённого в науках о природе, обществе, в технике и искусстве, а также овладение трудовыми навыками и умениями. По характеру получаемых знаний и навыков образование подразделяется на общее (дошкольное и школьное: начальное, неполное среднее или основное, полное среднее) и профессиональное. Профессиональное образование имеет преимущественную направленность (гуманитарное, естественнонаучное, техническое и др.), по уровню квалификации различают начальное (профессионально-техническое), среднее (среднее специальное), высшее, последипломное.

Общественная необходимость в организации систематического обучения была осознана давно. В Европе специальные образовательные учреждения впервые появились в Древней Греции. Эти первые школы назывались палестры. Дети и подростки обучались в них наукам и искусствам, существенное внимание уделялось физическому развитию. В России, сообщает Е.В. Онищенко, уже к IX в. созрели условия для индивидуального и группового обучения грамоте, которые удовлетворяли потребности языческой элиты и религиозно-культурные потребности появившихся христианских общин. В дворцовой школе Владимира, например, изучались богословие, певческое искусство, иностранные языки, календарные вычисления, исторические предания¹. В 1802 году Александр I учредил министерство народного просвещения. В 1809 г. он издал подготовленный выдающимся либеральным реформатором Михаилом Сперанским указ об обязательности высшего образования или сдачи экзаменов для получения гражданских чинов.

В настоящее время школьное образование в течение 8–10 лет в большинстве стран мира законодательно установлено как обязательное. Всемирный саммит 2005 года в Итоговом документе указал, что у каждого государства должно быть стремление «расширять возможности получения среднего и высшего образования, равно как и профессионально-технической подготовки, особенно девочками и женщинами»².

В Российской Федерации, согласно закону. «Об образовании» обязательными являются основное общее образование и государственная (итоговая) аттестация. В общеобразовательных учреждениях страны сейчас обучается 13 миллионов 700 тысяч человек³ – по сути, десятая часть населения нашей страны. Мониторинг рынка образовательных услуг, проведённый по регионам России, показывает, что не менее 36,5 млн граждан в возрасте от 18 до 45 лет имеют ак-

¹ Онищенко Е.В. Образование в Древней Руси IX – начала XIII вв. Историко-социальный аспект. Автореф. дисс. к. и. н. М., 2005. С. 21–22.

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. / <http://www.un.org/Russian/document/declarat/outcome2005/>

³ Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании Совета по науке, технологиям и образованию 15 октября 2008 г.

туализированные образовательные потребности. Из них более половины хотели бы получить профессиональное образование¹. По данным Фонда «Общественное мнение», проводившем общероссийский опрос молодёжи в возрасте от 16 до 26 лет в марте 2009 года, более 63% опрошенных придают большое значение получению всех видов образования и планируют продолжить обучение в период мирового финансово-экономического кризиса².

В современную эпоху кардинально меняются задачи, содержание, формы образования: оно становится такой же постоянной функцией человека, как труд и приобретает не только всеобщий, но и непрерывный характер.

Во-вторых, образование – не механическое накопление информации. В нём обучение органически сопряжено с воспитанием. Это означает, что оно не сводится только к передаче обучаемым определённого объёма ценностно-нейтральной информации, выдержанной в духе научно-технологического детерминизма, но должно иметь духовно-нравственную ориентацию, формировать уважение к своей стране, к её прошлому, к старшим поколениям.

Именно этим оно отличается от бесстрастного просветительства. Последнее тоже нужно и в известных пределах полезно, а потому целесообразно. Но его продуктом является образованщина (А.И. Солженицын). «Образованцы», как справедливо отмечает В.В. Нестеров³, могут усвоить, например, физику металлов или математический анализ, но не способны понять и принять «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер), великую ценность семьи, любовь к ближнему, и необходимость сбережения природы как высшие ценности человеческого общества.

Образование, призванное по определению «сеять разумное, доброе, вечное», воздействует не только на мозг, но и на сердце, развивает не только ум, но и душу человека. Именно в этом смысле справедливо замечание М. Хайдеггера о том, что образование есть «руководство к изменению всего человека в его существе». Оно формирует образованность, которая отличается от просвещённости и образованщины тем, что представляет собой, эмоционально окрашенные и нравственно оцененные знания. «Многознание», не прошедшее через душу и сердце, не укрепляющее духовность, вредно.

В процессе и результате образования у обучающихся формируются гражданские качества, включая уважение политических, гражданских и человеческих прав всех людей, а также понимание и уважение различных точек зрения и традиций. Эта идея повторяется в каждом документе об образовании. Так, в концепции модернизации российского образования на период до 2010 года отмечено, что «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом; конструктивностью, обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны»⁴.

Образование обеспечивает, с одной стороны, ликвидацию функциональной неграмотности индивидов по отношению к среде обитания, производству и социуму, а, с другой стороны, формирует общественно-необходимый запас знаний, умений, навыков с соответствующим набором нравственных норм.

В-третьих, образование, непосредственной задачей имеет формирование личности. Но задача эта имеет чёткую и жёсткую социальную ориентацию: оно осуществляется в интересах человека, семьи, общества, государства. Эта его функция осознавалась всегда. В своё время на вопрос государя Николая Павловича: «С чего бы ты начал реформы?» А.С. Пушкин ответил: «С образования, ибо неокрепшие души пойдут за любым водителем»⁵.

Здесь уместно обратить внимание на то, что есть «водители», руководствующиеся клановыми, групповыми, корпоративными и т. п. целями антиобщественного характера. Они тоже стремятся воздействовать на неокрепшие души.

Одним из результатов такого воздействия может служить образ айтматовского манкурта, который бездумно, но профессионально-образцово, как безошибочно действующий автомат, применяет вложенные в его память инструкции (знания) и бесстрастно убивает собственную мать. Но такое воздействие, это научение находится вне рамок образования. Это следовало бы учитывать, имея в виду рассуждения А. Фурсенко о том, что рабочий на конвейере не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили. Иными словами, обучать обитателей сырь-

¹ Румашевская Н. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии, 2004, № 1. С. 27.

² Человеческий капитал, 2009, № 3. С. 49, 55.

³ Нестеров В.В. Роль образования в социальном сплочении общества // Безопасность Евразии, 2009, № 4. С. 492-498.

⁴ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. Приказ Министерства образования РФ № 393 от 11 февраля 2002 г.

⁵ Парламентская газета, 2008, 26 декабря.

евой колонии – России следует лишь настолько, чтобы они смогли открывать задвижки на трубопроводах и торговать западным секонд-хэндом¹.

Процесс формирования сознания, ставший общедоступным и для политики, и для бизнеса, и для всех тёмных сил, носит двусторонний характер. Его векторность и на добро, и на зло одинаково реализуемы. Из истории известно, что всегда были люди, отрицавшие положительное значение образования.

Например, широко известный и в нынешнем мире французский кардинал А. Ришелье утверждал: «Точно так же, как безобразным стало бы человеческое тело, снабженное глазами на всех его частях, так и государство обезобразилось бы, если б все жители стали образованны, ибо вместо послушания они преисполнились бы гордостью и тщеславием... Всеобщее образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы число способных их развеять...»².

Образование же является общественным благом именно потому, что выступает не только важнейшей потребностью человека, основой формирования и развития личности, но и одной из основных социокультурных характеристик, действенным фактором экономического роста страны, благополучия её населения, безопасности государства. Его содержание ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для её самореализации, развитие общества, укрепление и совершенствование правового государства. Оно должно обеспечивать:

- адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества;
- формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира;
- интеграцию личности в национальную и мировую культуру;
- формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества;
- воспроизводство и развитие кадрового потенциала общества. Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений.

Классик отечественной педагогики, П.Ф. Каптерев доказал верность суждения о том, что «то, что мы называем разумом человека, его сердцем, его волей, есть плод не индивидуального, а общественного развития, в нас, быть может, 9/10 общественных элементов и лишь 1/10 чисто личного начала. Собственно, мы не знаем человека как отдельного обособленного существа, а мы знаем его только как члена общества». Приведя эти слова М. Богданов резюмирует: иными словами, общество воспитывает будущих своих членов. А раз так, то будущее нашего общества целиком и полностью зависит от того, как будет организована система образования в стране³.

Следовательно, организация системы образования в стране – задача не педагогическая, не технологическая, но политическая. Взаимосвязь политики и образования носит изменяющийся и уже потому противоречивый характер. По формам, механизмам и главное – по социальным последствиям. Имея в виду эту неоднозначность, М. Богданов опубликовал материал, дав ему предельно обострённое название: «Политика и образование – кто кого?»⁴.

Позволю себе воспроизвести её основные положения.

В современном мире наблюдается относительно тихое, но очень жёсткое противостояние цивилизационных укладов. (Кстати сказать, Россия заявила об этом на высоком официальном уровне: «Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции. В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников»⁵.) Нас не спрашивают, чего мы хотим, нами пытаются управлять. Жёстко и цинично.

Мы обладаем (пока ещё) сильнейшим научно-образовательным потенциалом, а потому опасны для «наших западных партнёров» заинтересованных в установлении тотального мирового контроля с чётким распределением функций «по территориям».

¹ См.: Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Разгром науки и деградация образования – угроза безопасности России // <http://www.confstud.ru/content/view/44/2/>

² Ришелье А. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008.

³ <http://mbogdanov.ru/>.

⁴ Богданов М. Политика и образование – кто кого? <http://mbogdanov.ru/index.php/publications/65-politic-vs-educ>.

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

Конкуренция идей и их фактическая борьба продолжается, она не исчезла с падением Советского Союза. Сегодня эта борьба перенеслась за парту и многие из нас это чувствуют, хотя и не могут объяснить себе причинно-следственных связей между высокой политикой и учебным процессом в школе, приводящих к падению уровня образования.

К счастью для нас, в Советском Союзе был заложен мощнейший «антидот» против любой скверны: качественное образование. Никто и никогда не опровергал того факта, что российская (а тогда – советская) система образования была самой эффективно организованной, давала самое системное и глубокое массовое знание, обеспечивала устойчивость страны на многие десятилетия вперёд¹.

Снижение уровня массового образования в России – это одна из целей нового витка борьбы цивилизаций. Сниженный уровень образования в стране – это способ её «гуманистической» постановки в зависимость от «более развитых» (обладающих знаниями и нужным числом «умных голов») стран или надгосударственных институтов.

И раз уж Россия интересуется наших «зарубежных партнёров» только в качестве источника их благополучия (что вполне естественно для их «корсарской» ментальности), они крайне заинтересованы в том, чтобы понизить общий образовательный уровень в России, вогнать её в «болонский процесс», построить дуальную систему из доступного массового, но низкоуровневого образования, с одной стороны, и элитарного образования, формирующего ограниченную прослойку национального «истеблишмента», с другой.

Именно образование и, в какой-то степени, наука стали в последние два десятка лет основной мишенью и местом приложения реформаторских усилий «неолибералов» ельцинско-горбачёвского пошива.

Кого сегодня выпускает отечественная школа и отечественные ВУЗы и кого они будут готовить завтра – это не просто теоретический вопрос учёных-педагогов – это главный вопрос нашего времени. И от ответа на него реально зависит то, в каком государстве мы будем жить через 20–30 лет и то, от кого мы будем зависеть: от себя или от «того парня», который к тому времени может оказаться как англоговорящим, так и китайцем или даже арабом.

Сказано жёстко, может быть, в чём-то излишне категорично. Но основная идея, состоящая в том, что образование становится объектом и инструментом геополитического соперничества в мире вряд ли может быть, оспорена. Вот и ректор Московского гуманитарного университета И.М. Ильинский публикует статью под не менее эпатажным названием: «Западу не нужен образованный русский народ. Реформа образования в России ведётся по рекомендациям Всемирного Банка». Согласимся с директором Института глобализации и социальных движений Б. Кагарлицким, который заявляет, что «вопрос о будущем образования превратился в главный политический вопрос страны»².

Политическое значение и роль института образования становится зримым при выяснении его сопряжения с национальной безопасностью. Это сопряжение признают и разрабатывают многие авторы.

С.И. Гессен ещё в начале прошлого века писал, что жизнь есть образование, а теория образования есть, в сущности, теория жизни. Французский писатель Жозеф Эрнест Ренан в середине того же века говорил: «Вопрос об образовании есть для современных обществ вопрос жизни или смерти, вопрос, от которого зависит их будущее»³.

По оценке Союза писателей России, система образования – это важнейшая сфера национальной безопасности, ибо воспитывает будущих граждан страны, в том числе, будущих руководителей государства⁴.

О. Смолин в книге «Образование. Политика. Закон. Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России» помещает целую главу «Образовательная и научно-инновационная политика как факторы модернизации и обеспечения национальной безопасности страны», а в ней специальный параграф «Проблема социально-образовательного детерминизма. Национальная безопасность в научно-образовательном измерении».

¹ М. Богданов не точен. Хулителей всего советского достаточно и за рубежом, и в родном отечестве. В хоре критиков советского образования звучит и голос нынешнего министра образования и науки. А. Фурсенко, выступая на съезде молодёжного движения «Наши» на озере «Селигер» критиковал советскую систему образования, которая создавала творцов, и говорил о том, что нужно взрастить потребителя, который может правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими (см.: <http://www.confstud.ru/content/view/44/2/>).

² <http://expert.ru/2011/06/6/ugol-zreniya>.

³ Кулик А.Н. Политическое образование и перспективы консолидации демократии в России // Полемика: Электронный журнал, 1999. Выпуск 3 // <http://www.irex.ru/press/pub/polemtka/03/kul/>

⁴ <http://www.voskres.ru/school/plenum.htm>.

И. Болотин и Б. Митин пишут: «Рискуя заслужить упрек в профессиональной предвзятости, беремся утверждать, что безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием системы образования. Разумеется, – добавляют они, – национальную безопасность нельзя обеспечить лишь средствами образовательной политики, но ее невозможно гарантировать и помимо нее»¹.

Л.И. Шершневу образовательное пространство и образовательные учреждения называет стержневой, системообразующей частью общего пространства национальной безопасности².

В.И. Бояринцев со товарищи доказывают, что разгром науки и деградация образования – угроза безопасности России³.

«Система национальной безопасности современного государства органично зависит от эффективности проводимой инновационной и образовательной политики», – приходит к выводу С.В. Демченко⁴. Он утверждает: эффективная национальная безопасность России в начале XXI в. в максимальной степени зависит от инновационного развития всех сфер общественной жизни и первоочередного развития системы образования.

Д.Ю. Гогин акцентирует внимание на том обстоятельстве, что проблемы национальной безопасности и проблемы состояния образования неразрывно связаны между собой потому, что с системой образования связаны интересы большого числа людей. При этом он ссылается на ректора МГУ им. М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко, утверждающего, что «у России наших дней есть только два приоритета для обеспечения национальной безопасности: образование и территориальная целостность, территориальная целостность и образование. Все остальное производные от них»⁵.

Предложенный обзор свидетельствует о том, что обсуждаемая проблема находится в поле зрения теории и практики. Однако он показывает и то, что это внимание одностороннее. Практически все авторы исследуют вопрос о том, что даёт образование безопасности. Есть работы, обосновывающие необходимость и раскрывающие содержание безопасности образовательной системы и образовательной деятельности. Между тем линий сопряжения национальной безопасности и образования значительно больше.

Один из первых, кто существенно расширил рамки исследования, был В.В. Нестеров⁶. Он построил свой анализ на методологически важном положении, сформулированном О.А. Бельковым о том, что любая сфера жизни социума сопрягается с национальной безопасностью по нескольким направлениям: она выступает как свойство объекта безопасности, как ресурс и средство обеспечения безопасности, как основа и условие обеспечения различных видов безопасности и как источник опасности⁷. Воспользуемся их подходом для раскрытия всех линий сопряжения между национальной безопасностью и образованием. По нашему мнению, таких линий пять.

1.2. Безопасность – основа образования

Первая линия сопряжения связана с тем, что безопасность социума является необходимым условием создания и функционирования системы образования. Нарушение безопасности будь то в силу природных катаклизмов, экономической стагнации, социальных потрясений или внешнего давления затрудняет, в предельном случае – делает невозможным их реализацию. Разумеется, система образования существует и продолжает действовать и в критической ситуации. Однако под давлением обстоятельств она сталкивается со многими проблемами, оказывающими на неё деструктивное воздействие.

На закономерный характер этой зависимости ЮНЕСКО указала в девятом Всемирном докладе по мониторингу для всех под названием «Скрытый кризис: Вооруженные конфликты и обра-

¹ Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // http://www.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html. О том же можно прочитать: Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях его интеграции в мировое образовательное пространство // http://soippro.narod.ru/documents/konf_zhuk/kamashev.4oc.

² Шершневу Л.И. Образовательное пространство России как системообразующий фактор национальной безопасности // http://www.fnimb.org/doc_rgsu.htm

³ Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Разгром науки и деградация образования – угроза безопасности России // <http://www.confstud.ru/content/view/44/2/>

⁴ Демченко С.В. Национальная безопасность и образовательная политика в современной России. Монография. Москва – Орёл: издательство ОРАГС, 2008. С. 5, 169.

⁵ Гогин Д.Ю. Государственная образовательная политика Российской Федерации на современном этапе. Автореф. дисс. к. п. н. М., 2005. С. 17.

⁶ Нестеров В.В. Образование в контексте национальной безопасности // Безопасность Евразии, 2009, № 2. С. 427–432; Он же. Образование и национальная безопасность // Вестник Военного университета,

⁷ Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальной безопасности // Проблемы современного государственного управления в России: Труды научного семинара / Под ред. В.И. Якунина. М.: Научный эксперт. 2009. С. 16.

зование»¹. В нём на основе документов показаны разрушительные последствия для образования вооружённых конфликтов. Конфликты продолжают калечить жизни миллионов наиболее обездоленных людей во всём мире. Война уничтожает также возможности для образования, однако, масштабы причиняемого ущерба признаются в недостаточной мере и до настоящего времени выступают «скрытым кризисом» в области образования. Факты говорят сами за себя. Более 40% детей, не охваченных школьным образованием, живут в странах, затронутых конфликтами. Эти же страны отличаются и наиболее низкими уровнями грамотности в мире².

Во многих беднейших странах мира вооружённый конфликт ведёт не только к разрушению школьной инфраструктуры, но и к краху надежд и устремлений целого поколения детей. В Докладе рассматриваются широко распространённые нарушения прав человека, в результате которых дети оказываются вне стен школы и ставится под вопрос эффективность международной системы оказания помощи, оказывающейся несостоятельной перед проблемами затронутых конфликтом стран, что имеет разрушительные последствия для образования³.

Эта закономерность зримо проявила себя в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), когда в чрезвычайно сложном положении оказалась советская школа.

Во-первых, была разрушена сложившаяся за годы советской власти сеть учебных заведений на захваченных немцами территориях. До войны там находилось 82 тыс. школ на 15 млн учащихся⁴, 334 вуза, где учились 233 тыс. студентов⁵. Только вузы Министерства высшего образования потеряли 1 235 тыс. м² учебной и 800 тыс. м² жилой площади. Ущерб от этих разрушений по приблизительным подсчётам составил 3 млрд руб. Высшие сельскохозяйственные учебные заведения, подчинённые в то время Наркомату земледелия СССР, потеряли 33% учебной площади и 34% площади общежитий. Фашисты уничтожили большое количество учебного оборудования, стоимость которого определяется в 11 млн руб.⁶

Оккупанты закрыли все высшие и средние учебные заведения. В Белоруссии, например, отдельные начальные «народные» школы работали только в тех населённых пунктах, где размещались немецкие гарнизоны. В них проводилась политика онемечивания. Преподавание русского, и белорусского языков было запрещено⁷.

Анализируя так называемую школьную политику агрессора, С.И. Гальченко⁸ отмечает, что деятельность немецких властей в сфере народного образования носила колониальный характер. Образование местного населения согласно немецко-фашистским директивам должно было ограничиваться рамками начальной школы. При этом предметы, формирующие мировоззрение, обучающие думать, размышлять, анализировать, подвергались тщательной цензуре или были запрещены.

Конечной целью «школьной политики» фашистов в отношении оккупированных областей должно было стать духовное порабощение населения. Характерной особенностью реализации оккупационной образовательной политики явился запрет на использование в учебном процессе советских учебников и школьных программ.

Довоенный уровень школьной сети и численность учащихся были восстановлены в республиках Прибалтики и в Молдавии в основном в 1946–47 гг., в РСФСР, УССР и БССР – в конце 40-х гг.⁹

Во-вторых, война потребовала серьёзной перестройки образовательной системы в прифронтовой полосе и в советском тылу. Титаническими усилиями советского государства и общества удалось предупредить или минимизировать негативные процессы. Созданная в годы советской власти система образования обнаружила высокую эффективность и жизнеспособность. Даже в экстремальных условиях тяжелейшего военного времени она оказалась способной не только к самосохранению, но и к расширенному воспроизводству и в основном смогла удовлетворить потребности страны и армии в квалифицированных кадрах всех уровней. Тем не менее, условия войны нанесли ей значительный урон.

¹ Скрытый кризис: вооружённые конфликты и образование. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2011.

² Там же. С. 1.

³ Скрытый кризис: вооружённые конфликты и образование. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2011. 469 с.

⁴ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794.

⁵ *Македонская В.А., Шестова В.М.* Возрождение высшей школы в годы Великой Отечественной войны // <http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2006/16/2-1>.

⁶ *Круглянский М.Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 106.

⁷ <http://www.historyofpedagogy.ru/?p=96>

⁸ *Гальченко С.И.* Проблемы развития системы школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. к. и. н. М., 2010. С. 20–21.

⁹ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

В стране сократилась сеть учебных заведений. В 1940/41 учебном г. в СССР насчитывалось 191,5 тыс. дневных (в том числе 18,8 тыс. средних) школ (34,8 млн учащихся), в том числе в сельской местности свыше 170 тыс. школ (24 млн учащихся). В школах работали 1,2 млн учителей. В 1945/46 учебном году было 186,9 тыс. школ (в т. ч. 12,8 тыс. средних), где учились 26 млн чел. В сельской местности размещалось свыше 168 тыс. школ (в том числе 6,7 тыс. средних) на 18 млн учащихся. В школах работало свыше 1 млн учителей, в том числе в сельской местности 762 тыс.¹

В районах боевых действий многие школьные здания были разрушены, заняты под казармы, госпитали, другие военные структуры, а в тылу – под эвакуированные предприятия, а также под другие объекты. СНК СССР 30 июля 1942 г. издал распоряжение об использовании школьных зданий по назначению (за исключением занятых под госпитали и эвакуированные предприятия). Было закрыто св. 6 тыс. ср. школ². На территории, не подвергшейся оккупации, численность школ уменьшилась в 1941/42 учебном году на 5%³. Гигантская работа была проведена по эвакуации школ и вузов. В тыл страны было вывезено полностью или частично 250 высших учебных заведений⁴. Большая работа была проделана по передислокации военно-учебных заведений вглубь, страны. Так, к примеру, к 1 января 1942 года на территории Сибирского и Забайкальского военных округов было передислоцировано 30% всех военно-учебных заведений Красной армии⁵. Это обстоятельство, конечно, ставило вузы в трудное положение.

В местах эвакуации открывались новые школы. С июля – августа 1941 г. для эвакуированных в тыл детей создавались пришкольные интернаты. Для молодёжи, которая в начале войны оставила школу и была занята в промышленности или в сельском хозяйстве, в 1943 году были организованы школы рабочей и сельской молодёжи. В армии была развернута система краткосрочных курсов по подготовке офицерского состава.

Вынужденная эвакуация из западных районов в восточные имела для развития последних и положительные стороны. Она явилась объективной предпосылкой для развития в восточных районах высшего образования, подготовки национальных научных и педагогических кадров, что во многом способствовало интенсивному развитию духовной культуры и национального самосознания населявших эти районы народов. Всего за военные годы было создано 60 новых высших учебных заведений: 15 – промышленных и строительных, 7 – сельскохозяйственных, 3 – транспорта и связи, и т. д. 5 новых вузов были открыты на Урале, 5 – в Сибири, 12 – в Средней Азии⁶.

В стране уменьшился контингент обучающихся. Численность учащихся 5–7 классов сократилась в 2 раза, учащихся 8 – 10-х классов – в 2,5 раза⁷. В 1941/42 учебном году в РСФСР школу не посещали 25% учащихся. Огромный масштаб приняла детская беспризорность и безнадзорность. Заботясь о сохранении контингентов общеобразовательной школы, предотвращении безнадзорности СНК СССР 30 июля 1942 г. издал распоряжение о вовлечении в школы всех детей школьного возраста. 26 февр. 1942 ЦК ВКП(б) принял постановление «О сохранении контингента учащихся старших классов средней школы». В краях и областях были созданы комиссии по борьбе с безнадзорностью, организована специальная инспектура, открыта сеть детских приёмников и детских домов, организовано трудоустройство подростков. Важным организационно-педагогическим мероприятием стало открытие первых групп продлённого дня при школах, специальных комнат при предприятиях (с 1944 г.). Постановлением СНК СССР от 8 сентября 1943 г. был установлен переход к обучению детей в общеобразовательной школе с 7-летнего возраста. Уже в 1943/44 учебном году контингент дневных общеобразовательных школ увеличился по сравнению с 1941/42 учебным годом на 4 млн учащихся⁸, в том числе на 2 млн за счёт введения обучения с семилетнего возраста⁹.

В 1941 и 1942 г. из вузов выбыло 365,6 тыс. студентов. Это происходило за счёт ухода студентов в армию, временного прекращения деятельности эвакуированных вузов, ухудшения материально-технического положения студенчества. Приём студентов в 1941 г. сократился по сравнению с двоекратным временем на 41,4% и составил 94,6 тыс. человек¹⁰. Если в 1941 г. вузы СССР закончили 109,3 тыс., то в 1943 г. – 29,7 тыс. чел., а в 1945 г. выпуск специалистов достиг

¹ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 58.

⁵ Каменев А.И. Энциклопедия русского офицера. Офицерская история 20 века. Энциклопедия русского офицера // http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/4-oficerskajaiistoija20weka.shtml.

⁶ Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Четверть века высшей школы СССР. М., 1945. С. 133.

⁷ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

⁸ Там же.

⁹ Кондакова Н.И. Советская система образования в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] / Н.И. Кондакова // Социальные и духовные ресурсы Победы: сб. докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 17–18 марта 2005 г. / гл. ред. В.Н. Манн / сост.: В.Н. Манн, В.А. Кудинов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

¹⁰ Круглянский М.П. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 140.

54,6 тыс. человек¹. В 1942–1943 учебном году в высших учебных заведениях училось 227 тыс. студентов, в 1943–1944 г. число студентов достигло 400 тыс., а в 1944–1945 г. – 584,8 тыс.².

В 1943 и 1944 гг. правительством был принят ряд решений по укреплению материально-технической базы вузов и об освобождении от призыва в Советскую Армию студентов 87 крупнейших вузов страны. Удалось добиться стабилизации в учебном процессе, а к концу войны даже значительного увеличения числа студентов. Так, если в 1941–1942 учебном году в стране было 312,9 тыс. студентов, в 1942–1943 – 227 тыс., то уже в 1943–1944 – 325,7 тыс., а в 1944–1945 учебном году – 442,6 тыс. человек. В 1945–1946 учебном году училось уже 730,2 тыс. человек, что составляло 89,9% от довоенного уровня³.

В первые же месяцы войны в армию и на флот было мобилизовано подавляющее число аспирантов. В 1941 г. приём в аспирантуру не производился. Число аспирантов к февралю 1942 г. сократилось до 800 человек, в то время как до войны в аспирантуре занималось 13 169 человек. В 1942 г. приём в аспирантуру возобновился, и число аспирантов весной 1943 г. увеличилось до 1 300. Часть аспирантов была отозвана для продолжения учебы из вооружённых сил и с работы в отраслях народного хозяйства и культуры. В 1944 г. в аспирантуре обучалось 4 890 человек, что составило 37,1% от довоенного контингента. В 1945 г. аспирантуру вузов окончили 1 200 человек⁴.

Война привела к сокращению численности педагогических кадров, к изменениям в их составе. На освобождённой территории осталось только 47% учителей довоенного времени. В целом по стране число учителей сократилось на 14,2%⁵. С 60 до 70% возросла доля женщин в составе педагогического персонала. Число университетов и институтов, готовивших педагогические кадры, в 1942 сократилось по сравнению с 1940 вдвое (200 вместо 407). Заметно уменьшилась сеть средних педагогических учебных заведений⁶.

Нехватка учителей ещё в 1943/44 учебном году привела к тому, что отдельные предметы в ряде школ не преподавались. 28 июля 1943 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «Об обеспечении начальных, неполных средних и средних школ РСФСР учителями». Согласно ему до 1 сентября 1943 г. на педагогическую работу в школы возвращали всех учителей, работающих не по специальности, за исключением педагогов, работающих на выборных должностях в советских и общественных организациях. В то же время запрещалось принимать на работу учителей, не имеющих специального педагогического образования, без особого в каждом отдельном случае разрешения Наркомата просвещения РСФСР⁷. В январе 1945 г. работало свыше 340 вузов, готовивших учителей (84% к числу педагогических вузов в 1940)⁸.

В течение 1941 г. в связи с мобилизацией число штатных преподавателей в вузах страны сократилось более чем в два раза. При этом число профессоров сократилось на 18,2%, доцентов – на 40,1%, а преподавателей – на 60,5%⁹. Но уже к концу 1944–1945 учебного года в системе высшей школы работало 50 697 профессоров и преподавателей, что составляло 101,3% к общему количеству работавших в вузах в 1940–1941 учебном году¹⁰.

В-третьих, изменились содержание и режим учебного процесса. Война затормозила работу по введению всеобщего среднего образования в городах и всеобщего 7-летнего обучения в сельской местности. Это было связано с перемещением населения из западных районов в восточные, уходом учителей в армию, включением учащихся в трудовую деятельность и другими причинами.

Значительные контингенты школьников и студентов привлекались на работы в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. В феврале 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и в строительстве». Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа неработающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Затем действие этого указа было распространено на колхозы и совхозы. С мая

¹ Македонская В.А., Шестова В.М. Возрождение высшей школы в годы Великой Отечественной войны // <http://library.inepi.ru/data/scientific-sessions/2006/t6/2-1>.

² Македонская В.А., Шестова В.М. Возрождение высшей школы в годы Великой Отечественной войны // <http://Ribrary.mepbi.ru/data/scientific-sessions/2006/t6/2>

³ Сиверцева Н.Л. Великая Отечественная война и высшая школа // <http://www.ecsocman.edusu/data/468/419/1216/007Sivertseva.pdf>

⁴ Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 146.

⁵ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

⁶ Там же.

⁷ Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции [Текст] / под ред. А.М. Данева. М., 1948.

⁸ Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

⁹ Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 146.

¹⁰ Сиверцева Н.Л. Великая Отечественная война и высшая школа // <http://www.ecsocman/data/468/419/1216/007Sivertseva.pdf>.

1942 г. стали принимать на производственное обучение подростков, достигших 14-летнего возраста, установив для них 6-часовой рабочий день. Согласно специальному решению правительства с начала 1943 года при некоторых школах и в детских домах стали открываться учебно-производственные мастерские, где учащиеся были заняты 2–3 часа в день¹.

Во многих тыловых областях и республиках школьники составляли до 1/3 рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, выполняя до 60–80% всех прополочных работ². К концу войны в промышленности, строительстве и на транспорте подростки в возрасте 14–17 лет составляли 10,5% общего числа работающих³. По данным того времени, около 150 тыс. студентов совмещали учебу в вузах с работой на производстве⁴.

Были значительно сокращены сроки обучения – до 3,5 лет для вузов с 5-летним сроком обучения и 3 года для вузов с 4-летним сроком. Это осуществлялось за счёт уменьшения каникул, сокращения производственной практики, увеличения количества учебных занятий в неделю с 36 до 42 часов⁵. Сокращённые планы обучения уже с 1942–1943 учебного года были отменены.

7 сент. 1941 ЦК ВКП(б) принял постановление «О военно-физической подготовке учащихся старших классов средней школы». По постановлению ГКО о Всеобуче (от 17 сент. 1941 г.) в школах начата военно-допризывная подготовка учащихся 8–10-х классов. В 1942/43 учебном году введён новый предмет – военное дело, в старших классах школ начато обучение с.-х. работам.

В школах из-за нехватки бумаги ученики порой писали на полях старых газет. Учебники заменял устный рассказ учителя.

Широкое распространение получила созданная «Указом Президиума ВС СССР ещё от 2 октября 1940 г. система профессиональной подготовки из молодёжи квалифицированного пополнения рабочего класса. Перед войной насчитывалось 1551 учебное заведение Государственных трудовых резервов СССР (ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения – РУ, ЖУ, ФЗО). В условиях войны их сеть значительно расширилась: к 1943 г. их было свыше 1700, а к концу 1945 г. – 2488. Особое значение имела мобилизационная форма привлечения юношей и девушек к обучению в системе трудовых резервов. Уже в 1940–43 гг. было проведено 18 мобилизаций, по которым призвано в училища и школы 2,8 млн юношей и девушек, из них в РУ и ЖУ ок. 1 млн чел., в школы ФЗО св. 1,8 млн чел. Учащиеся получали бесплатно питание, одежду, необходимые учебные пособия, обеспечивались общежитиями. Всего на подготовку рабочих в системе трудовых ресурсов государство за годы войны израсходовало 11 млрд руб.

В учебных заведениях трудовых ресурсов основное внимание уделялось приобретению профессиональных умений и навыков. В военное время практические занятия были расширены, а теоретические сокращены (эта мера не утверждалась официально). Сокращение изучения теории было вынужденным. 59% учащихся заменили на рабочих местах взрослых. В 1942 г. 78% учащихся полностью проходили подготовку в цехах предприятий. С 1942 г. наркоматы установили контроль на предприятиях за правильным использованием как учащихся, так и выпускников учебных заведений трудовых ресурсов. Уже в авг. 1942 г. в училищах по специальному приказу Главного управления трудовых ресурсов начали восстанавливать теоретическое обучение. Но и тогда оно заняло 36% учебного времени. Всего за годы войны промышленность, транспорт, строительство получили свыше 2480 тыс. молодых рабочих: из училищ – св. 687 тыс. чел., из школ ФЗО – около 1,8 млн чел. Численность подготовленных за время войны в системе трудовых ресурсов рабочих превысила все выпуски школ ФЗО в довоенные пятилетки.

С началом войны во многих областях практически прекратила деятельность система общего образования взрослых (она была затем восстановлена). По постановлению СНК СССР от 15 июля 1943 г. сформирована сеть школ рабочей молодёжи (название – с 1944 г.); осенью 1944 г. – школы сельской молодёжи. Обстановка военного времени не снимала с органов образования задачи по охвату всеобучем взрослого неграмотного и малограмотного населения. Их обучение осуществляли специальные школы. Особое внимание в деятельности этих школ акцентировалось на обучении неграмотных и малограмотных военнообязанных граждан с целью обеспечения мобилизации в Красную армию только грамотных людей⁶.

Таким образом, в условиях войны образовательная система деформируется, уровень и качество образования населения падают. Даже при том, что государство остаётся жизнеспособным и предпринимает целенаправленные усилия по сохранению и развитию образовательной

¹ См.: Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаяева М.Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. (Глава «Советская школа и педагогика в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»).

² Великая Отечественная война: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 794–795.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная история. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005.

⁴ Крулянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 75.

⁵ Северцева Н.Л. Великая Отечественная война и высшая школа //

<http://www.ecsocman/data/468/419/1216/007Sivertseva.pdf>.

⁶ Малхасян Н. В. Реализация программы всеобуча в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник, 2011, № 2. Том 1 (Гуманитарные науки). С. 62.

системы. Может быть, не столь драматично как в условиях войны, но и при сохранении мира ослабление национальной безопасности негативно сказывается на системе образования. Так, за годы реформирования Российской Федерации уровень человеческого потенциала в стране оказался значительно ниже того, что было в советское время. По данным ЮНЕСКО по интеллектуальному потенциалу молодежи Россия скатилась с 3-го места в мире (1953-й год) на 40-е, по другим данным – на 47-е место¹.

В условиях поразившего мир и страну экономического кризиса стремительно падает спрос на людей с дипломами. Согласно прогнозам, до 50% выпускников вузов в 2009 г. не найдут себе применения на рынке труда. Сокращаются внебюджетные доходы образовательных учреждений, разрушаются надежды на поддержку образования со стороны бизнеса. Кризис бюджетной системы приводит к сокращению спланированных государственных расходов на образование. На благополучии системы образования негативно сказываются изменение цен на товары и услуги, удорожание компьютеров, базы данных и т. п., рост цен на электроэнергию, ремонт, мебель и т. д. В этих условиях, отмечалось на состоявшемся в марте 2009 г. заседании Российского общественного совета по развитию образования, есть риск прекращения оптимизации образовательной системы, сохранения существующих неэффективных механизмов².

Таким образом, можно повторить: национальная безопасность является необходимым условием обеспечения людям на всей территории страны наилучшего доступа к образованию, знаниям, всему массиву информации, который накоплен человечеством, что, по словам Д.А. Медведева является одной из важнейших политических задач³. Провозглашенная в законе «Об образовании» приоритетность области образования, образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, право на образование как одно из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации могут быть реальными, поддерживаемыми, действенными только в условиях безопасности.

1.3. Образовательные ресурсы безопасности

Вторая линия сопряжения национальной безопасности и образования обусловлена тем, что образование выступает ресурсом безопасности. Как известно, ресурсы представляют собой совокупность средств и источников их получения, возможных и доступных для использования при решении определённых и непредвиденных задач в режиме обычных, оптимальных и экстремальных условий безотносительно времени использования. Они крайне разнообразны: Ресурсы могут быть трудовые, информационные, материальные, финансовые и другие. Например, бизнес-словарь газеты «Ведомости», содержит около 50 статей о различных видах ресурсов. Некоторые авторы подразделяют их на три основные группы: материальные, трудовые, в том числе интеллектуальные и природные (естественные) ресурсы.

Безопасность Российской Федерации обеспечивается всей совокупностью имеющихся в её распоряжении сил, средств и ресурсов. Но в их ряду особое место занимают людские ресурсы: безопасность сама по себе не складывается. Она обеспечивается сознательными и целенаправленными усилиями живых, действующих людей. Люди – единственный деятельный элемент. Все остальные переменные – деньги, сырьё, оборудование и энергия ничего не создают и не меняют, пока человек, будь это рабочий самой низкой квалификации, искуснейший профессионал или руководитель высшего звена, не поставит их на службу себе.

Исследования Мирового банка о влиянии в странах с переходной экономикой на экономический рост различных видов капитала (на примере обследования 192 стран) свидетельствуют, что на физический капитал приходится 16%, на природный капитал – 20%, а на человеческий и социальный капитал – 64%⁴. Рост валового национального продукта США в послевоенные годы также был в первую очередь связан с «фактором труда», в меньшей степени – с так называемым «фактором капитала», тогда как «фактор земли» почти не участвовал в этом процессе. Влияние фактора труда характеризуется двумя моментами: количественными (увеличение численности рабочей силы) и качественными изменениями, в которых наиболее ощутимо влияние НТР на производство. Это влияние осуществляется через изменение технологии и организации производства, рост обученности работников, изменение их профессионально-квалификационной структуры.

¹ Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Разгром науки и деградация образования – угроза безопасности России // <http://www.confstud.ru/content/view/44/2/>

² <http://www.hse.ru/news/recent/6599757.html>.

³ Главные задачи развития страны: выступление Дмитрия Медведева на Пятом Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г. // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Изд-во «Европа», 2008.

⁴ Алексеев Ю.В., Андрущак Е.Н. Человеческий капитал и вопросы преодоления глобального кризиса: Проект «Автономной некоммерческой благотворительности»: тенденции и перспективы развития // Человеческий капитал, 2009, № 3. С. 140.

Семантически термин «потенциал» означает «скрытые возможности, мощь, силу». «Потенциал (от лат. potential – сила), – можно прочесть в энциклопедии, – источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определённой цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определённой области»¹. Этот термин – производный от «потенция», которая означает скрытую возможность, способность, могущую проявиться при известных условиях.

В широком смысле слова под потенциалом понимается «источник возможностей, средств, запаса, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи или достижения определённой цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определённой области»². Таким образом, термины «потенциал», «потенциальный» означают наличие у кого-либо (будь то отдельно взятый человек, первичный трудовой коллектив предприятия, общество в целом) скрытых, не проявивших ещё себя возможностей или способностей в соответствующих сферах их жизнедеятельности.

В «Русском толковом словаре» под потенциалом понимается совокупность средств, возможностей в какой-нибудь области. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующее определение потенциала: «...степень мощи в каком-нибудь отношении, совокупность каких-нибудь средств, возможностей...». В советском энциклопедическом словаре приводится такое определение: «Потенциал – источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определённой цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определённой области».

В настоящее время можно выделить три направления в развитии представлений о потенциале³.

Сторонники первого считают, что потенциал это совокупность необходимых для функционирования или развития системы различных ресурсов, главным образом экономических, непосредственно связанных с функционированием производства и ускорением НТП.

Сторонники второго представляют потенциал как систему материальных и трудовых факторов (условий, составляющих) обеспечивающих достижение целей производства.

Сторонники третьего рассматривают потенциал как способность комплекса ресурсов решать поставленные перед ним задачи, как целостное выражение совокупной возможности выполнения коллективом каких-либо задач. На этой основе делается вывод о синергетическом эффекте, совокупной возможности коллектива, т. е., чем удачнее сложилась структура объекта, чем в большем соответствии находятся его структурные и функциональные элементы, тем выше его потенциал и эффективность.

Не станем противопоставлять эти подходы уже по тому, что каждый из них признаёт роль человеческого начала. Осознание его растущей значимости, усиление внимания к нему выразилось в появлении и разработке понятий «человеческий фактор», «человеческий капитал», «человеческий ресурс», «человеческий потенциал». Они впервые появились в работах Теодора Шульца, экономиста, интересовавшегося трудным положением слаборазвитых стран. Т. Шульц заявлял, что улучшение благосостояния бедных людей зависело не от земли, техники или их усилий, а скорее от знаний. Он назвал этот качественный аспект экономики «человеческим капиталом». Шульц, получивший Нобелевскую премию в 1979 году, предложил следующее определение: «Все человеческие ресурсы и способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденный человеческий потенциал. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом»⁴.

Сторонники теории человеческого капитала рассматривают его в узком и широком ракурсе. В узком смысле «одной из форм капитала является образование. Человеческим его называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является вследствие того, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков, либо того и другого вместе». В широком смысле человеческий капитал формируется путем инвестиций (долгосрочных вложений капитала) в человека в виде затрат на образование и подготовку рабочей силы на производстве, на охрану здоровья, миграцию и поиск информации о ценах и доходах»⁵.

Т. Шульц исследовал также причину того, почему послевоенные ФРГ и Япония смогли быстро восстановиться, почти с невероятной скоростью и из руин. По сравнению с этими странами в Британии, например, гораздо дольше после войны использовались карточки на еду. По мнению Шульца,

¹ Большой энциклопедический словарь. М.: Науч. Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2001. С. 948.

² Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 1058.

³ <http://vuzlib.net/beta3/html/1/5443/5446/>

⁴ <http://www.vashakomanda.ru/article18.htm>.

⁵ Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 2001. № 12. С. 42–49.

скорость восстановления была связана со здоровым и образованным населением. Образование делает людей более производительными, а хорошее здравоохранение сохраняет инвестиции в образование и даёт возможность производить. Одной из главных работ Шульца была Теория человеческого капитала, которая инициировала в 1980-х годах активную деятельность по мотивации инвестиций в профессиональное и техническое образование со стороны Международных финансовых системных институтов Бреттон Вудса, таких как МВФ и Всемирный банк¹.

Названные выше четыре понятия относятся к одному феномену, хотя и артикулируют в нём разные аспекты. И все они признают и подчёркивают, что качество этого феномена во всех его аспектах, его важнейшей характеристикой являются знания людей, приобретаемые в процессе образования. Оно, образование оказывается относительно самостоятельным ресурсом государства и общества во всех сферах их жизнедеятельности, в том числе в обеспечении безопасности. Мощность страны – это не только богатые недра, развитая экономика, благополучная демография, сильная армия. Это, прежде всего, духовное состояние общества, его интеллектуальный и нравственный потенциал.

В реальной жизни любой потенциал обнаруживает себя не иначе как в сопровождении, **во-первых**, определения, указывающего его содержание. В зависимости от того, на какой основе складывается или в какой форме проявляется, говорят о потенциалах экономическом и политическом, социальном и духовном, военном и научном, а также рыночном, производственном, трудовом, интеллектуальном, научно-техническом и т. д. Так, в Социологической энциклопедии даётся определение социального потенциала²; в Политической энциклопедии характеризуются военный, конфликтный и экономический потенциалы³; читатель Военной энциклопедии узнаёт о боевом, военном, духовном, научном, политическом, социальном, экономическом потенциалах и т. д.⁴

В ряду многих и разных потенциалов, особое место занимает потенциал образовательный. С переходом цивилизации в постиндустриальную стадию, он выдвигается на одно из первых мест среди факторов развития мира: за счёт системы образования получают до 40% прироста валового национального продукта. Страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Таиланд, Малайзия и т. д.) концентрируя средства в систему образования за 10–15 лет смогли приблизиться к уровню промышленно продвинутых⁵.

Заметим, что категория «образовательный потенциал» не нова. В нашей стране она разрабатывается уже не менее полутора десятков лет⁶. Под ним следует понимать совокупность возможностей, предоставляемых образованием для эффективного функционирования социальной системы и всех её компонентов. Определение этих возможностей становится особенно необходимым в современной ситуации трансформации социально-экономических и образовательных систем. В этих условиях образование должно в определённой степени опережать процессы, происходящие в обществе, формируя и реализуя те принципы, на которых базируется изменяющаяся социально-экономическая среда.

Бочарова В.Г. и Гурьянова М.П. обосновывают необходимость введения понятия «образовательный социум», который, по их мысли, представляет собой совокупный образовательный потенциал всех его субъектов: семьи; личности; сельского сообщества и его культурных, социальных, общественных и религиозных организаций, народных и исторических традиций; средств массовой информации. Все они обладают определённым образовательным потенциалом и реализуют свою функцию по отношению к конкретным социальным и возрастным группам населения, а также служат механизмом их интеграции в целостном воспитательно-образовательном пространстве⁷.

По сути, это словосочетание выступает как по-своему универсальная категория, указывающая на возрастающее значение информации, знания и квалификации для успешного функционирования любых структур в любой сфере жизни и виде человеческой деятельности.

Во-вторых, потенциал нельзя понять без дополнения, фиксирующего его носителя (личности, предприятия, государства и др.). Уже при первом приближении видно, что в отличие от многих других образовательный потенциал свойственен любому субъекту и является составной частью всякого другого потенциала: от уровня и степени его развитости зависят показатели всех

¹ Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

² Социологическая энциклопедия. В 2-х т.т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 236–237.

³ Политическая энциклопедия. В 2-х т.т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 242–243.

⁴ Военная энциклопедия. В 8 т.т. Т. 6. С. 542–546.

⁵ Болотин И., Митин Б. Образование и национальная безопасность России // http://www.informika.ru/text/magaz/higher/1_97/1-3.html.

⁶ См.: Общая экономическая теория. Политэкономика / Под ред. В.И. Ведяпина. М.: ПРОМО Медиа, 1995. 608 с.

⁷ Бочарова В.Г., Гурьянова М.П. Стратегия модернизации сельского образовательного социума // Педагогика: Научно-теоретический журнал, 2005, № 8. С. 32–38.

остальных видов ресурсов. Совсем не случайно говорят об образовательном потенциале института и предприятия, региона и города, семьи и ситуационного центра, компьютерных технологий в школе и иностранных языков, конкретной учебной дисциплины, группового способа обучения на уроках химии, музейной экспозиции, новых информационных технологий, общественных молодёжных экологических движений и т. д. и т. п.

Следовательно, носителем образовательного потенциала являются, с одной стороны, структуры, институты и лица, являющиеся субъектами образовательного процесса, то есть те, кто, если можно так сказать, осуществляет образование, производит, накапливает и распространяет знания, и, с другой стороны, те, кто, получив образование, использует на практике приобретенные знания – будь то в публичной или частной жизни.

В-третьих, во всех случаях имеется в виду, что имеющиеся возможности направлены на достижение каких-то определённых целей. Именно в этом смысле говорят об образовательном потенциале политики обеспечения безопасности. Это естественно: изменения, происходящие во всём мире, тенденции движения к информационному обществу и «обществу знания» обуславливают как растущую популярность различных форм и уровней образования у населения, повышение требований работодателя к образовательному статусу и квалификации работников, так и общества к государственной политике в области развития науки и образования, направленной на модернизацию этих важнейших социальных институтов и усиление их взаимосвязи с экономическими подсистемами.

Структуру образовательного потенциала составляют:

- Знания, накопленные обществом и закреплённые в материальных носителях, в качестве которых выступают печатная продукция, электронная база данных и Интернет, библиотеки, фонды и т. д.

Библиотечная система Российской Федерации насчитывает, по экспертным оценкам, примерно 130 000 библиотек, располагающихся по всей территории страны и относящихся к ведению различных министерств, ведомств, органов государственной и муниципальной власти различных уровней, предприятий, организаций, учреждений.

Самая многочисленная библиотечная сеть входит в ведение Министерства образования и науки Российской Федерации: приблизительно 66 000 школьных и более 3000 библиотек средних специальных и высших учебных заведений. Российской Академией наук создано 379 библиотек. В сфере промышленности, транспорта и связи работают 3500 научно-технических библиотек, в области сельского хозяйства – 720 специальных библиотек, в медицине и здравоохранении – 1500 библиотек. Разветвлённой сетью библиотек располагают также Минобороны России и другие силовые ведомства.

Общие данные обо всей библиотечной сети страны носят приблизительный характер, так как последняя всероссийская перепись библиотек была проведена более 20 лет назад, но именно в последние годы количество библиотек существенно сократилось¹. Только за последнее десятилетие XX и в первые годы XXI века число российских библиотек уменьшилось примерно на 15%².

По данным Института Статистики ЮНЕСКО Россия относится к числу стран с наибольшим количеством библиотечных книг на душу населения, имея в своём библиотечном фонде 513 книг на одну тысячу жителей страны, она занимает 26 место в мире. Для сравнения, первые три места занимают: Грузия – 16 335 книг на тысячу жителей, Монако – (соответственно, 9 781), Лихтенштейн – (4 968). Беларусь – на 19-м месте (667), Кыргызстан – на 22-м (576), Израиль – на 28-м месте, Великобритания – на 30-м, Германия – на 31-м, Италия – на 42-м, Япония – на 59-м, США – на 92-м³.

Однако председатель Счётной палаты РФ, президент Российского книжного союза Сергей Степашин говорит, что постоянно растёт разрыв между информационно бедными и богатыми библиотеками, что, как зеркало, отражает общую социальную проблему России. Только 9 процентов сельских библиотек имеют компьютеры и менее 3 процентов – доступ в Интернет. Крайне медленно пополняются библиотечные фонды, пятая часть которых уже нуждается в консервации из-за ветхого состояния книг. За последние пять лет в российские библиотеки поступило менее десятой доли от общего числа изданий, что Сергей Степашин охарактеризовал как «безобразное». И если международный стандарт по комплектованию библиотечных фондов предусматривает ежегодное поступление 250 книг на 1000 жителей, то в библиотеках, которые находятся даже в ведении Министерства культуры, это число немногим более 180. А в некоторых регионах, таких как Северный Кавказ, обновление библиотечного фонда «почти нулевое». Из-за этого библиотеки переполнены ветхой и морально устаревшей литературой⁴.

¹ Данные взяты из проекта Концепции развития библиотечного дела в Российской Федерации до 2015 года / <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/libconc.pdf>.

² Самохина М.М. Из жизни сегодняшних российских библиотек: заметки библиотечного социолога // Новое литературное обозрение, 2005, № 74. С. 325–343.

³ <http://rulit.org/read/7>.

⁴ <http://www.rg.ru/2007/12/19/reg-privolzhje/book.html>.

В нашей стране создана и развивается система федеральных образовательных Интернет-порталов, на которых уже в 2006 г. было представлено свыше 72 тысяч образовательных ресурсов различных типов.

Значительный объём работ по развитию информатизации системы образования выполнялся в рамках Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды». В её рамках в течение ряда лет Министерство образования РФ ведёт работы по созданию единой системы электронных библиотек для нужд высших учебных заведений России. В 2002 году создана Центральная библиотека образовательных ресурсов (ЦБОР), которая представляет собой федеральное отраслевое учреждение, предоставляющее пользователям – студентам, преподавателям и научным сотрудникам вузов, комплекс информационно-образовательных услуг, включая свободный интерактивный сетевой доступ к своим электронным фондам.

Фонды ЦБОР комплектуются на основе рекомендательных списков учебной литературы, утверждённых Министерством образования РФ, и включают учебники, учебно-методические, программно-методические издания на русском и иностранных языках по всем специальностям и дисциплинам, по которым ведётся подготовка специалистов в системе высшего профессионального образования России. Планируется, что ЦБОР станет самой полной в России электронной библиотекой учебной и учебно-методической литературы – в её фондах будет храниться в электронном виде около 120 тыс. единиц учебно-справочной литературы.

Это позволило разработать значительное количество электронных образовательных изданий по основным дисциплинам средней и профессиональной школы, сетевые виртуальные компьютерные практикумы по дисциплинам федерального компонента базисного учебного плана общего образования и стандартов высшего и среднего профессионального образования, создать условия доступа общеобразовательных школ к информационным образовательным ресурсам, в том числе путём подключения их к сети Интернет.

- Сеть образовательных учреждений.

В 2006 г. в системе образования функционировало около 128 654 образовательных учреждений. В том числе: 46 536 дошкольных образовательных учреждений; 60 558 дневных общеобразовательных учреждений; 1699 образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; 1936 специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся и воспитанников с отклонениями в развитии; 10 020 образовательных учреждений дополнительного образования детей; 3594 учреждений начального профессионального образования; 2905 учреждений среднего профессионального образования; 1068 учреждений высшего профессионального образования всех форм собственности, имеющих 1621 филиал; 338 учреждений дополнительного профессионального образования¹.

В то же время, Совет Федерации в своём ежегодном докладе за 2008 г. обратил внимание на то, что конституционные права граждан не реализованы в полном объёме, система общего образования не выполняет гарантированную функцию защиты детства (в форме защиты детей в период трудовой занятости родителей). Например, в Свердловской области не обеспечены местами в дошкольных образовательных учреждениях около 50 тысяч детей, число общеобразовательных учреждений, ведущих занятия в две смены, составляет почти 30 процентов. В подавляющем большинстве регионов ситуация является аналогичной².

В 2006 г. с тревогой отмечалось: более чем вдвое увеличилось и количество высших учебных заведений, с учётом негосударственного сектора, а если включить сюда ещё и филиалы вузов, то мы получим пятикратное увеличение. В то же время число преподавателей, имеющих учёную степень, выросло всего на 4%. Этот процесс неминуемо привёл к тому, что качество образования начало падать³.

Актуальной остаётся задача выработки механизмов интеграции образования и научной деятельности, создания научно-образовательных центров, технопарков и бизнес-инкубаторов для осуществления взаимодействия образования и инновационной экономики.

- Научно-педагогическое сообщество.

Двадцать первый век станет веком экономики, основанной на знаниях, одним из основных ресурсов которой является кадровый потенциал образования. Поэтому страна, намеревающаяся в перспективе вернуть себе место в числе наиболее развитых государств, уже сейчас обязана позаботиться о своих педагогических и научных кадрах.

¹ Тенденции и проблемы развития системы образования // Официальный сайт Президента РФ. 24 марта 2006 года.

² Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2008 года: О состоянии законодательства в Российской Федерации: Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики. М., 2009. С. 476.

³ Тенденции и проблемы развития системы образования // Официальный сайт Президента РФ. 24 марта 2006 года.

В системе образования в 2006 г. работало: в средней школе – 1,4 млн человек; в начальном профессиональном образовании – 0,15 млн человек; в среднем профессиональном образовании – 0,14 млн человек, в высшем профессиональном образовании – 0,3 млн человек¹. Всего в государственных образовательных учреждениях занято на преподавательской работе (без учёта воспитателей и педагогов дошкольного образования, работников детских домов и интернатов) около 2 млн человек. Нынешняя установка А. Фурсенко на сокращение количества учителей на 200 тыс. человек, независимо от того, какими мотивами она продиктована, означает ослабление образовательного потенциала страны.

Модернизация образования требует нового качества педагогического корпуса. Вместе с тем система педагогического образования страны зачастую продолжает производить педагогические кадры, ориентированные на работу в жёстко регламентированной системе образования. Система повышения квалификации и переподготовки недостаточно учитывает происходящие процессы обновления содержания образования, появление новых педагогических технологий. Требуются специальные организационные и экономические меры по закреплению выпускников учреждений педагогического образования для работы в школе, особенно сельской.

- Инфраструктура – совокупность зданий, сооружений, оборудования и служб обеспечения образовательных учреждений, необходимых для их функционирования. Создание современной школьной инфраструктуры является одной из ключевых позиций в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 2008 г. и определено как приоритетное направление в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа». Развитие инфраструктуры образования предполагает изменение облика школ, значительное улучшение материально-технической базы образовательных учреждений, совершенствование оснащения кабинетов, столовых, актовых и спортивных залов, школьных библиотек.

О содержании и значении образовательной инфраструктуры можно судить по материалу официального портала Красноярского края. Там говорится². Предстоит существенным образом обновить нормы проектирования и строительства школьных зданий и сооружений, санитарные правила и нормативы питания, требования к организации медицинского обслуживания учащихся и требования к обеспечению школьной безопасности. Так, при проектировании школьных зданий предстоит усовершенствовать отопительные системы, предусмотреть наличие душевых комнат в раздевалках при спортзалах, индивидуальных шкафов, систем обеспечения питьевой водой и прочее. Для сельских школ в особенности предстоит отработать эффективные механизмы организации подвоза учащихся, включая совершенствование транспортных средств, повышение их безопасности. Кроме этого необходимо создать условия для полноценной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов.

Ряд функций по работе школьной инфраструктуры может быть осуществлён на высоком уровне посредством конкурсного отбора малых предприятий, качественно обслуживающих сразу несколько образовательных учреждений.

Вместе с тем развитие школьной инфраструктуры должно быть связано с расширением самостоятельности образовательных учреждений, где уже обеспечивается высокий уровень организации школьного хозяйства. Такие школы должны получить возможность беспрепятственно переходить в новые организационно-правовые формы деятельности образовательных учреждений.

К перечню мер по обеспечению современной школьной инфраструктуры следует отнести и развитие взаимодействия образовательных учреждений с организациями всей социальной сферы: учреждениями культуры, здравоохранения, спорта, досуга и прочих.

Во многих регионах страны предпринимаются целенаправленные усилия по совершенствованию и развитию инфраструктуры образования. Например, в Мурманске принята и реализуется Долгосрочная целевая программа «Создание современной образовательной инфраструктуры в городе Мурманске на 2010–2012 годы».

В современных условиях особое значение в сфере образования приобретает инновационная инфраструктура. Министерство образования и науки РФ специальным приказом от 23 июня 2009 г. утвердило Порядок её создания и развития. В соответствии с ним эта структура создаётся в целях обеспечения модернизации и развития сферы образования с учётом перспектив и основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования, интеграции системы образования в Российской Федерации в международное образовательное пространство, более полного удовлетворения образовательных потребностей граждан.

¹ Тенденции и проблемы развития системы образования // Официальный сайт Президента РФ. 24 марта 2006 года.

² <http://www.krskstate.ru/krao/newschool/infrastructure>.

- Система норм, регламентирующая образовательную деятельность и отношения в сфере образования, участниками которых являются граждане Российской Федерации, российские юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования.

Российская Федерация, декларируется в её Конституции, является правовым государством. Одним из важнейших свойств такого государства является верховенство закона. Во всех сферах общественной жизни и всех видах человеческой деятельности люди и институты в правовом государстве действуют на основе и в соответствии с нормами, требованиями единой правовой системы. Сказанное в полной мере относится к системе образования. Она строится и функционирует в определённом правовом пространстве и посредством определённых нормативно-правовых актов. Отношения субъектов различных уровней в образовательном процессе права и обязанности его участников – пусть с разной степенью полноты и детализации прописаны в Конституции, законах и других правовых актах.

Источники права, регулирующего общественные отношения и деятельность в системе образования составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти), конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, муниципальные правовые акты, а также решения Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов и других судебных органов. Кроме того, образовательные отношения регулируются локальными нормативными актами организаций, осуществляющих образовательную деятельность. В определённых случаях при принятии таких актов учитывается мнение органа самоуправления образовательной организации и (или) представительного органа работников, обучающихся (при наличии таких органов).

Целями законодательства об образовании в Российской Федерации являются установление государственных гарантий и механизмов реализации прав и свобод человека в образовании, создание благоприятных условий развития системы образования, защита прав и интересов лиц, действующих в сфере образования. Его основные задачи состоят в следующем:

- 1) обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на образование;

- 2) создание правовых гарантий для свободного функционирования и развития системы образования Российской Федерации;

- 3) создание правовых условий для согласования интересов лиц, действующих в сфере образования, и интересов государства;

- 4) правовое регулирование отношений физических и юридических лиц в сфере образования, определение их правового положения;

- 5) разграничение полномочий в сфере образования между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

2. Законодательством об образовании на территории Российской Федерации правила, установленные законодательством об образовании, распространяются на отношения в сфере образования с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, созданных или учреждённых иностранными гражданами, лицами без гражданства либо с их участием, международных организаций и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, настоящим Федеральным законом или другими федеральными законами.

3. Законодательство об образовании включает в себя настоящий Федеральный закон, принимаемые в соответствии с ним другие федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации по вопросам образования, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации в сфере образования.

- Механизм финансирования образовательной деятельности, её финансовое обеспечение.

Исходя из опыта индустриальных стран, учитывающих вклад образования в обеспечение экономического роста и социального единства, страны, можно сказать, что общий уровень инве-

стиций в образование должен составлять от 4 до 6% ВВП. При этом расходы на высшую школу, как правило, составляют от 15 до 20% всех расходов на государственное образование¹.

Доля затрат в общей сумме бюджетных расходов на науку в 2008 году в США – 6–7%, в европейских странах – 4–5%, в России – 0,8%². По словам О. Смолина, сейчас в России выделяется 3,5% от ВВП, развитые страны Запада на образование направляют 5,5–6,0%. «Те, кто хочет модернизироваться, выделяют 7% и более. В Советском Союзе, по данным Мирового банка, 40 лет назад было 7% от ВВП на образование³.

Концепция социально-экономического развития России до 2020 г. ставит целью финансирование образования в размере 7% ВВП, чтобы в перспективе инновационная экономика России получала грамотных специалистов.

На мероприятия федеральной программы развития образования до 2015 года планируется выделить 137 миллиардов рублей, – сообщил на заседании правительства премьер В. Путин, – в том числе 53 миллиарда рублей из федерального бюджета и 67 миллиардов рублей – из бюджетов субъектов Федерации, за счёт внебюджетных источников будет привлечено 17 миллиардов рублей⁴.

В США создана Комиссия по будущему американского высшего образования, которая должна ответить на вопрос: «Какое образование потребуется Соединённым Штатам в XXI веке?». Эта комиссия выдала следующие рекомендации государственному руководству по улучшению системы высшего образования: увеличить размер финансовой помощи в виде грантов; усовершенствовать отчётность высшей школы⁵.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Распоряжение Правительства № 1756-р от 28 декабря 2001 г.) развивает основные принципы образовательной политики, ранее уже сформулированные в Федеральном законе. В ней определены, следующие аспекты реформирования российской системы образования:

а) разработка дифференцированных нормативов бюджетного финансирования учреждений высшего образования, отражающих характер реализуемых ими образовательных программ;

б) создание системы государственного образовательного кредитования, субсидирования граждан из малообеспеченных семей и отдалённых территорий для получения ими профессионального образования;

в) разработка нормативно-правовой базы для соучредительства образовательных учреждений субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления;

г) создание условий для привлечения дополнительных средств в образовательные учреждения. Систематизация льгот, в том числе, налоговых.

• Компетенции (знания, умения и навыки), которыми обладают люди и которые характеризуют их грамотность, профессиональность, нравственность.

Понятия «компетентностный подход» и «ключевые компетенции» получили распространение сравнительно недавно в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации российского образования. Обращение к этим понятиям связано со стремлением определить необходимые изменения в образовании, в том числе, в школьном, обусловленные изменениями, происходящими в обществе.

Вот что пишет по этому поводу О.Е. Лебедев⁶. Сейчас уже появились крупные научно-теоретические и научно-методические работы, в которых анализируются сущность компетентностного подхода и проблемы формирования ключевых компетентностей, например, монография А.В. Хуторского «Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения», книга «Модернизация образовательного процесса в начальной, основной и старшей школе: варианты решений», написанная группой авторов под редакцией А.Г. Каспржака и Л.Ф. Ивановой.

Понятийный аппарат, характеризующий смысл компетентностного подхода в образовании, ещё не устоялся. Тем не менее, можно выделить некоторые существенные черты этого подхода. Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения:

¹ Никитов А.В. Состояние и динамика образовательного потенциала России и развитых стран // Власть, 2011, № 7.

² Аргументы и факты, 2009, № 43.

³ http://www.rian.ru/edu_news/20100913/275230731.

⁴ <http://www.sovetektorov.ru/smi/2011/300111/>.

⁵ См.: Каверина Э.Ю. Политика США в сфере высшего образования // США. Канада: экономика – политика – культура, 2008, № 3. С. 85.

⁶ Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии, 2004, № 5.

• Смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

• Содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

• Смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

• Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения.

Традиционно считается, что обучение – это передача знаний, цель – сдать экзамен. На самом деле цель обучения в университете – сформировать личность. А проблема в том, что пора уже в соответствии с требованиями XXI века перейти от репродуктивного образования к развивающему. Дискуссии о высшем образовании активно идут на Западе – в университетских кругах много говорят о необходимости смены типа образования. Даже издана книга «Кораблекрушение университетов». Корабль ещё плывёт, но в днище появились пробоины, вода заполняет трюм¹.

Задача дня – переход от массово-репродуктивной к активно-деятельностной системе образования, позволяющей создать необходимые условия для выявления и формирования творческой индивидуальности будущего специалиста.

Существующая в настоящий момент координация объёмов и профилей подготовки кадров в учреждениях высшего профессионального образования зачастую носит формальный характер.

Сегодня мы можем говорить о существовании следующих групп противоречий:

- между социальной, профессиональной ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе;
- между задачей повышения эффективности подготовки молодых специалистов и существующей системой вузовской подготовки;
- между теоретической подготовкой выпускников и отсутствием необходимых навыков практического использования полученных знаний;
- между жизненными, профессиональными планами выпускников и реальными возможностями их осуществления².

Автор, конечно, не первый, кто пытается раскрыть структуру образовательного потенциала. Под иным углом зрения (необходимость инвентаризации для «очищения») и несколько иной предмет (научнообразовательный, потенциал) авторы Сергиевского проекта «Русская доктрина» дали такой список:

- материально-техническое состояние учреждений высшего образования и научно-исследовательских учреждений и организаций;
- соответствие использования мощностей образования и науки их профилю и предназначению;
- рациональность использования научных и преподавательских кадров;
- возможности самофинансирования организаций науки и образования из частных и муниципальных источников;
- внедренческие возможности научного потенциала;
- потребности в государственных и муниципальных капиталовложениях;
- масштабы ущерба для государственного бюджета в связи с нерациональным использованием инвестиций в науку и образование;
- ответственность конкретных лиц за нерациональное использование инвестиций в научные исследования и высшее образование;
- кадровые потребности образовательных и научных учреждений.

М.Н. Макарова определила специфику трёх основных типов воспроизводства образовательного потенциала (системного, профессионального и индивидуализированного) как механизмов; эффективного функционирования социально-экономической системы в условиях глобали-

¹ Дудник С.И., Муходадаев М.О. Образовательная политика в современной России: проблемы и перспективы // Образование и гражданское общество (материалы «круглого стола» 15 ноября 2002 г.). Серия «Непрерывное гуманитарное образование (научные исследования)». Выпуск 1 / Под ред. Ю.Н. Соломина. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 22.

² Николенко Д.В. Социальное регулирование взаимодействия рынка труда и сферы высшего образования в регионах // Власть, 2011, № 7. С. 20.

зационных изменений и модернизации (с определёнными способами социальных связей, а также типами субъектов и стратегиями усвоения ими особенностей социальной среды)¹.

Место образовательного потенциала в системе безопасности афористично определяется так: «Знание – сила». В разъяснение и обоснование данного тезиса можно напомнить и давнюю философскую мудрость: «знать, чтобы предвидеть». Ещё Сунь-Цзы писал: «Кто владеет информацией, тот владеет всем и правит миром». Политический вес страны, её возможности влиять на мировые события, писал О. Тоффлер, зависят не только от вещественно-силовых факторов (военной и экономической мощи) всё большее значение приобретают информационные факторы: возможности использовать интеллектуальный потенциал других стран, распространять и внедрять свои духовные ценности, культуру, язык, а также тормозить духовно-культурную экспансию других народов, трансформировать и даже подрывать их духовно-нравственные устои. Они становятся не менее, а то и более важными, чем традиционные виды вооружений и военной техники.

При таком положении и реальной расстановке сил, делает вывод академик РАН В.И. Жуков, образование из фактора развития личности превращается в инструмент социальной безопасности страны, решающее условие сохранения суверенитета государства, целостности нации, обеспечения населению права на достойную жизнь². По его словам, на рубеже тысячелетий мир переживает невиданные в истории изменения и подошёл к такому периоду, когда прогресс цивилизации определяется интеллектуально-образовательной мощью человека. У социального прогресса есть только одна дорога – знание, и есть только один способ преодоления возникающих преград – интеллект. С точки зрения внутреннего развития государств Знания выступают как условие общественного прогресса, как ключевая предпосылка общественной саморефлексии, определяющая ступень, на которой находится общественная система.

Есть несколько обстоятельств, в силу которых в современную эпоху значение и роль образования в решении всех задач обеспечения национальной безопасности неизмеримо возрастает.

Во-первых, современная экономика – это экономика построенная на знаниях³. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяют отрасли экономики, основанные на знаниях, как отрасли, которые прямо связаны с производством, распределением и использованием знаний и информации.

А.А. Дагаев отмечает, что к экономике знаний в самом широком смысле сегодня обычно относят три основные сферы: НИОКР и инновации, образование и обучение, способствующие формированию человеческого капитала, и информационные и компьютерные Технологии (ИКТ). Хотя каждая из них сохраняет свою относительную самостоятельность, представить одну сферу без двух других достаточно сложно.

Вероятно, сегодня уже нет необходимости доказывать это отдельными примерами. Фактически мы являемся свидетелями всё более тесной конвергенции трёх различных сфер общественной деятельности. поскольку диффузия информационных технологий в другие области невозможна без соответствующего уровня профессиональной подготовки разработчиков и минимальной информационной грамотности пользователей. Кроме того, для создания новых приложений ИКТ необходимы новые научные знания и механизмы превращения этих знаний в коммерческие продукты – товары и услуги⁴.

Российская экономика подошла вплотную к неизбежному этапу развития, когда для экономического роста на основе технологической модернизации отраслей требуются специалисты нового, качественно иного уровня. Будущее страны связывается с переходом на инновационный путь развития. Это предполагает, по крайней мере, в ближайшей и среднесрочной перспективе особую заботу о сохранении, развитии и мобилизации интеллектуального потенциала страны.

В реализации данной задачи, нацеленной на возрастание могущества России, трудно переоценить роль образования. Экономическая ценность знаний, которыми обладают работники, далеко превосходит все капиталовложения, финансовые активы и другие ресурсы большинства организаций.

Артур Мэддисон установил, что чем выше доля образованных людей в численности населения страны, тем выше темпы экономического роста. Он вывел зависимость, согласно которой увеличение ассигнований на образование на 1% ведёт к увеличению валового внутреннего продукта стра-

¹ Макарова М.Н. Труд в обществе знаний: образование под вопросом. Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе, 2007. 168 с.

² Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001. С. 8.

³ Термин «экономика знаний» был введён в научный оборот австроамериканским учёным Фрицем Махлупом (1962) в применении к одному из секторов экономики. Сейчас этот термин, наряду с термином «экономика, базирующаяся на знаниях», используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста. Широко применяемые понятия «инновационная экономика», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» близки понятию «экономика знаний».

⁴ Дагаев А.А. Экономика знаний в информационном обществе //

<http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/771baf208fec2a9ac3257576003b9b61>

ны на 0.35%. В 2004 году Организация Экономического Сотрудничества и Развития пришла к выводу, что если для жителей определённой страны среднестатистический срок обучения увеличивается на год, это повышает валовый внутренний продукт данного государства на 3–6%¹.

Таковы возможности. К сожалению, в России ситуация является не столь радужной, как хотелось бы. Д.А. Медведев в беседе с российскими студентами – победителями чемпионата мира по программированию в мае 2009 года признал, что «в целом ситуация не так благобно выглядит, как ваши результаты по программированию, потому что все наши попытки создать в России современное информационное общество, начать развиваться по линии инновационной экономики, если говорить по-честному, на мой взгляд, пока к особым успехам не привели».

Одним из основных элементов образовательной составляющей является процесс непрерывного профессионального обучения. Поэтому вызывает озабоченность тот факт, что за годы реформ большинство организаций практически свернули внутрифирменную подготовку и повышение квалификации рабочих. Устаревшие производственные технологии и оборудование, длительные и порой необратимые остановки производства существенно снизили общий уровень профессиональной подготовки и квалификации рабочих кадров.

Во-вторых, демографическая ситуация, уменьшение численности населения страны, прежде всего, в трудоспособном возрасте становится устойчивой тенденцией на протяжении последних лет. Минэкономразвития полагает, что численность населения трудоспособного возраста сократится в России с 89,2 млн человек в 2008 г. до 77,2 млн в 2020 г. При этом численность занятых в экономике также сократится с 66,9 до 61,9 млн человек в 2020 г. По прогнозам Минздравсоцразвития к 2020 г. Российская Федерация может столкнуться с очень серьёзным кадровым дефицитом, который оценивается от 8 до 22 миллионов человек.

Важнейшим, если не единственным, фактором восполнения потерь трудовых ресурсов, связанных с демографической ситуацией в стране, является сохранение, мобилизация, стимуляция интеллектуального потенциала страны, развитие образования. Это – единственный реальный способ компенсировать количественные потери трудовых ресурсов России – улучшение их качества, в частности, посредством повышения уровня образования.

В-третьих, образование способствует тому, чтобы человек был во всеоружии перед лицом требований общества. Оно по своей сути призвано обеспечивать защиту личности, предоставляя в её распоряжение некий капитал, позволяющий найти ей своё место в современном мире, чётко ориентируясь в сложившейся ситуации. Это возможно только в том случае, если личность владеет научным пониманием смысла духовных ценностей, методами их освоения и критериями их отбора.

По мнению Уильяма Швекке, инвестиции в здравоохранение, образование и профессиональное обучение способны благотворно повлиять не только на производительность труда, но и существенно уменьшить остроту социальных проблем (таких, как алкоголизм, наркомания, преступность, бедность и пр.). Согласно идее, высказывавшейся уже, по меньшей мере, со времён Руссо, образование стремится дать человеку всё необходимое для того, чтобы он был господином своего положения и учился владеть собой, не попадая в зависимость от других.

Образование вооружает каждого человека знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для обеспечения личной безопасности, формирует культуру безопасности (курсы «Основы безопасности жизнедеятельности» в школе, «Безопасность жизнедеятельности» в вузе, например). Обучение в школе – это не только получение качественного образования, но и подготовка учащихся к осознанному профессиональному выбору в современных социально-экономических условиях, свободное их ориентирование в многообразных информационных потоках, привитие гражданской позиции, а также развитие навыков непрерывного обновления знаний и умений в течение всей жизни. Образование, получаемое в школе, определяет дальнейший путь молодого человека, даёт возможность развития гуманистических идеалов, ценностных ориентаций, взглядов и убеждений, интеллектуального, культурного и духовно-нравственного потенциала.

Вот относительно частный, но характерный для понимания логики рассматриваемой новеллы факт. Уполномоченный при президенте РФ по правам ребёнка Павел Астахов накануне нового учебного года обратился к министру образования и науки Андрею Фурсенко с предложением провести 1 сентября 2010 г. в российских школах День правовых знаний, в рамках которого школьникам расскажут, какими правами они обладают и как они могут себя защитить, сообщает во вторник пресс-служба детского омбудсмена. «Умение защищать свои права, уверенность в том, что ты знаешь, к кому обратиться в случае нарушения прав – всё это делает детей более защищёнными перед вызовами современного общества» – цитирует пресс-служба слова Астахова².

¹ <http://obzor.westsib.ru/article/65761>.

² <http://ndce.edu.ru/news/index.php?group=9>.

Не менее важно, что в процессе обучения человек научается и приучается при исполнении своих функциональных обязанностей действовать ответственно и грамотно с учётом интересов общественной безопасности. Это достигается в результате правового, экологического, политического и т. д. просвещения и воспитания. И если в Доктрине информационной безопасности РФ констатируется «неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны», то значительная часть вины за это ложится и на систему образования.

В практически-прикладном плане эта идея в нашей стране реализуется в рамках учебных дисциплин по безопасности жизнедеятельности. В системе высшего образования открыты факультеты и кафедры безопасности жизнедеятельности или близкие к ним подразделения. Имеется 120 факультетов социальной работы, 80 факультетов социальной педагогики, 400 факультетов психологии (в СССР их было всего пятьдесят). В системе общего образования введены новые специализации: учитель безопасности жизнедеятельности; заместитель директора школы по безопасности; школьная психологическая служба, насчитывающая 25 тысяч психологов; социальные педагоги, ориентированные, прежде всего, на работу с семьями группы риска¹.

В-четвёртых, социально-политическая стабильность общества. «Если вы хотите мира и справедливости, если вы хотите работы и материального благополучия, если вы хотите, чтобы люди относились друг к другу справедливо и терпимо, то, говорится в девятом Всемирном докладе по мониторингу образования для всех, – начинать надо с одного – со школы»². Образование – это не только учёба, обретение детьми и взрослыми новых знаний, но и формирование навыков для построения лучшего будущего. Оно является инструментом для укрепления понимания, социальной сплочённости и безопасности человека. Более надёжного пути к миру, социальной сплочённости общества, политической стабильности государства нет. «Было бы лишь небольшим преувеличением сказать, – отмечается в том же Докладе, – что будущее страны окажется мирным, процветающим и объединяющим весь народ, лишь в той мере, в какой это позволит система образования... Вот почему образование должно рассматриваться одним из ключевых вопросов более широкой повестки дня для созидания мира».

Роль и значение образования в системе национальной безопасности определяется и тем, что оно является средой и механизмом сохранения, воспроизводства национальной (гражданской и этнической) идентичности социума, составляющих его индивидов и групп. В Доктрине информационной безопасности в числе современных угроз России названы, в частности, «дезорганизация и разрушение системы накопления и сохранения культурных ценностей» и «снижение эффективности системы образования и воспитания».

Последняя, будучи действенным фактором социализации личности, её совершенствования в интеллектуальном и нравственном, культурном отношении играет стратегически важную роль в сохранении и воспроизводстве культуры нашей страны. В соответствии с законом «Об образовании», общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе, на создание основы для осознанного выбора и освоения профессиональных образовательных программ.

Система образования, не порывающая с достижениями предшествующих поколений, но учитывающая новые условия социальной жизни и новые возможности школы информационного общества, своей позитивной работой по формированию социально активной и ответственной личности, у которой высокоразвитое чувство собственного достоинства реализуется в патриотическом служении Родине, выступает мощным механизмом нейтрализации этих угроз и, следовательно, укреплению национальной безопасности России.

Хотелось бы поддержать С. Степанова, который, может быть, с излишним пафосом пишет, что в условиях глобального кризиса идентичности, охватившего наше общество, и тотальной анонимии, то есть утраты традиционных ценностей при отсутствии достойных новых, школа, которая едва ли не последняя старается противостоять всеобщему моральному разложению и умственному упадку и пытается вопреки всему детей учить, достойна не упрека, а восхищения³.

«В кризисном социуме, – пишет академик В.И. Жуков, – когда экономические и социально-политические противоречия, не имея тенденции к разрешению, разлагают гуманистические формы бытия, формируют ситуацию близкую к катастрофе, социальные науки и образование становятся единственным способом сохранения социокультурного потенциала нации, поскольку ничто иное уже не выполняет защитные функции по отношению к человеку и его духовному миру»⁴.

¹ Шершнева Л.И. Образовательное пространство России как системообразующий фактор национальной безопасности // http://www.fnimb.org/doc_rgsu.htm.

² Скрытый кризис: вооружённые конфликты и образование: Всемирный доклад по мониторингу образования для всех. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2011. С. 281.

³ Степанов С.В. Здоровой школе – здоровый дух // <http://psy.september.ru/articlef.php?ID=200302806>

⁴ Жуков В.И. Социальное образование и социальная сплочённость российского общества в условиях глобального кризиса // Человеческий капитал, 2009, № 3. С. 14.

Не менее важна роль образования в утверждении межнационального согласия в стране. Эту связь специально подчеркнул Президент России. На Заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия 11 февраля 2011 года он сказал: «Работу по вопросам межнационального мира, межнационального общения необходимо начинать со школы, университета. Именно там закладываются основы мировоззрения человека, и именно от того, какой образ мыслей приобретает человек во время получения образования, зависит и его мироощущение, зависит то, каким образом он относится к окружающему миру, насколько его взгляды совместимы со взглядами других людей, умеет ли он слушать других людей, умеет ли он уважительно относиться к привычкам других людей, способен ли он соблюдать правила современной жизни».

Таким образом, можно утверждать, что система образования, главная цель которого – создание и воспроизводство интеллектуального потенциала общества, его цивилизованности и духовности, активно участвует в решении задач укрепления и обеспечения всех направлений и видов безопасности на всех уровнях. Опережающее образование есть необходимое условие устойчивого развития общества и его безопасности. Именно поэтому процесс формирования образовательного потенциала молодёжи не должен отдаваться на откуп рынку, под воздействием которого сегодня изменяется содержание образовательной подготовки.

Анализ образовательного потенциала в контексте национальной безопасности, образовательное измерение её высвечивает две проблемы.

Одна связана с соответствием образовательного потенциала требованиям времени. В этой связи необходимо сослаться на крайне болезненный для России вопрос – разрушении её образовательного потенциала.

Подтверждением этому может служить падение грамотности населения. Среди детей и подростков в возрасте 7–15 лет перепись 2002 г. зафиксировала 277 тыс. детей (1,6 % от общего числа), которые по разным причинам, в том числе и по медицинским показаниям, не посещали образовательные учреждения. Численность юношей и девушек в возрасте 16–29 лет, имевших только начальное профессиональное образование, увеличилась в межпереписной период в 2,1 раза и составила 0,5 млн человек, из них 70% далее не учились¹.

В последнее десятилетие ситуация не улучшилась. Кинорежиссер С. Говорухин: свидетельствует: «У нас же сегодня появилась безграмотность, чего давным-давно не было! Соцпросы говорят, что читают только 20% населения»². В какой-то мере об уровне грамотности молодёжи можно судить по уровню образования призывников. В конце 80-х гг. среди призванных в армию юношей общее образование, полученное в школах, техникумах и профтехучилищах, имели более 93%, около 5% имели неполное среднее образование. А в 2004 г. каждый пятый призывник имел начальное или восьмиклассное образование³. В печати сообщалось, что каждый десятый солдат-призывник не умеет читать и писать. Сумеет ли такой солдат овладеть сложной современной военной техникой и эффективно её эксплуатировать? Вопрос риторический.

В. Путин в бытность его президентом говорил 2005 году: «Мы приступили к реализации масштабного национального проекта в образовании. Необходимо поддержать школы, ВУЗы с инновационными программами, дать фору талантливым преподавателям и одарённым ученикам». Но теперь, по свидетельству писателя В. Губарева, результаты ЕГЭ показали, что уровень образования наших детей упал до уровня 1928 года. Впору говорить не о развитии науки, а о развитии безграмотности. И появился анекдот: Мама, я получил сертификат по ЕГЭ. Прочти мне его, пожалуйста!

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. Лукин пишет о ЕГЭ: «ЕГЭ может рассматриваться как вполне прогрессивная основа системы конкурсного отбора. Дело, однако, в том, что эксперимент по внедрению ЕГЭ идёт уже восемь лет и по-прежнему не встречает ни единодушного одобрения, ни понимания в обществе. Почему так происходит, не совсем понятно. И всё же, как представляется, некоторые из аргументов противников ЕГЭ заслуживают внимания»⁴.

Вторая проблема – эффективность использования созданного потенциала. Не имеет исторических аналогов происходящая сейчас утрата интеллектуальной собственности в виде так называемой «утечки умов». Уже сегодня, по имеющимся сведениям, только в США в разных областях науки и техники работают более 10 тыс. высококвалифицированных российских специалистов. Представители частных компаний и госструктур зарубежных государств получили, по сути, свободный выход на ведущих перспективных специалистов, «вербовка» которых для рабо-

¹ Тенденции и проблемы развития системы образования // Официальный сайт Президента РФ 24 марта 2006 года.

² Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Требуется дебилизм! // <http://www.confstud.ru/content/view/42/2/>

³ НВО, 1997, № 8. С. 3; 2004, № 27.

⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2008 году // <http://www.ombudsman.gov.ru/>.

ты за рубежом начинается с младших курсов вузов. Под прикрытием неоднозначных понятий, типа «совместный проект», «внешнее финансирование», «перспективный контракт», перед иностранцами раскрываются двери некогда закрытых институтов и конструкторских бюро, вынужденных зачастую самим зарабатывать средства на существование¹.

Динамичные изменения социально-экономических отношений, задача развития конкурентных преимуществ России в современной мировой экономике требуют серьёзной модернизации образования, превращения образования в гибкую саморазвивающуюся систему, адекватно отвечающую на вызовы времени и меняющиеся запросы общества. Образование должно стать той движущей силой, которая способна существенно повысить безопасность страны. Другими словами, эффективность использования образовательного потенциала, нахождение путей его более полной реализации – важная часть социального измерения безопасности общества.

Особый интерес в этой связи представляет измерение динамики становления экономики знаний. Один из применяемых в мировой практике показателей – инвестиции в экономику знаний. Эксперты ОЭСР измеряют инвестиции в знания по совокупности национальных расходов на высшее образование, проведение НИОКР и разработку программного обеспечения. В целом по странам ОЭСР инвестиции в знания достигли ещё в 2002 году 5,2% ВВП. Для сравнения: инвестиции в машины и оборудование составляли в это же время в среднем 6,9%. С учётом затрат не только на высшей, но и на всех других ступенях образования, инвестиции в знания превысили 9%. На этом фоне, масштабы инвестиций в экономику знаний России по принятой в ОЭСР методике выглядят более, чем скромно. В 2005 г. они были не более 2,4% ВВП, то есть вдвое ниже по сравнению со средним уровнем по странам ОЭСР в 2002 году².

Нет необходимости детально обосновывать, что такое положение углубляет технологический отрыв ряда ведущих держав и консервирует, а то и усиливает научно-техническую и технологическую зависимость Российской Федерации от внешних источников. Ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности угрожают России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоёмких производств, усилением внешней технологической зависимости и подрывом обороноспособности России.

Завершим эту часть рассуждений выводом, который сделал академик В.И. Жуков: «На протяжении 90-х годов прошлого столетия накапливались, и в течение первого десятилетия XXI века обострились три наиболее опасные для политической стабильности России проблемы. Первая из них – ухудшение здоровья населения, связанное с развалом отечественной медицины и фармакологии, а также низким качеством питания, утратой страной продовольственной безопасности. Вторая – разрушение нравственных основ личности, насаждение вместо национальных культурных традиций и семейных ценностей низменных страстей, цинизма и пошлости, утверждение в сознании молодёжи культа насилия и наживы. Третья – деградация отечественной науки, образования и системы воспитания»³.

В современных условиях для России сама возможность существования в мире определяется степенью реализации, сохранения и развития российского научно-технического и образовательного потенциала. Это побуждает говорить о ещё одном направлении взаимосвязи безопасности и образования.

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 2)

¹ Виноградов А.В. Проблемы национальной безопасности // Право и безопасность, 2003, № 3–4 (8–9).

² Дагаев А.А. Экономика знаний в информационном обществе // <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/771baf208fec2a9ac3257576003b9b61>

³ Жуков В.И. Социальное образование и социальная сплочённость российского общества в условиях глобального кризиса // Человеческий капитал, 2009, № 3. С. 25.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ В КОММУНИКАЦИОННУЮ ЭРУ

В 2008–2014 годах оформился глобальный запрос во многих странах мира к общественным наукам, сообществам экспертов на создание понятной, эффективной и ориентированной на достоинство, правду и справедливость для каждого человека концепции развития.

Для России потребность в динамичной и эффективной концепции развития конкретизировалась важностью обоснования созидательных институтов, содействующих духовности и нравственности; обретению смысла жизни; достижению надёжной безопасности; созданию понятных механизмов формирования и функционирования новой национальной элиты.

Конкретным ответом на востребованность концепции развития России, регионального и глобального развития стала *теория культуры развития человека, семьи, народов, государств, современной цивилизации*, которая была разработана и представлена В.Н. Кузнецовым и учениками его научной школы в 2003–2014 годах¹.

Хорошей проверкой содержания, методологии, механизмов, технологий, эвристики разработанной теории культуры развития В.Н. Кузнецова и его научной школы стали смыслы, суть анализа современности, дискуссии по перспективам перемен в России, в регионах мира, в рамках всей цивилизации, которые состоялись в ходе международной Конференции «*Современное государство и глобальная безопасность*» (Россия, Ярославль, 14 сентября 2009 года). Мой тезис подтверждают содержание и тематика основных выступлений: Дмитрий Медведев, Президент России, «*Будущее – за умной политикой*»²; Сергей Лавров, министр иностранных дел России, «*Новая модель мирового развития*»³; Иммануил Валлерстайн, старший научный сотрудник Йельского (США) университета, «*Потенциал нестабильности*»⁴; Хосе Луис Родригес Сапатера, премьер-министр Испании, «*Цивилизаторская миссия*»⁵; Франсуа Фийон, премьер-министр Франции, «*Кризис не отменяет реформ*»⁶.

В представленной читателям статье её автор исследует важную проблему преобразования политики культуры развития в новый особый феномен – **«культура институционализаций политик национальных и региональных безопасностей, глобальной безопасности»**. Важность и необходимость становления и функционирования такого своеобразного суперинститута (*институционализаций институтов*) чётко зафиксирована в работах В.Н. Кузнецова⁷; в выступлениях многих участников международной конференции в Ярославле (сентябрь 2009)⁸; во многих публикациях учёных, экспертов-обществоведов, специалистов⁹.

¹ Кузнецов В.Н. Культура безопасности: Социологическое исследование. М.: 2001; Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть. М.: 2003; Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. М.: 2004; Кузнецов В.Н. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект: Доклад для научной ежегодной сессии авторов и участников научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии» (Москва, декабрь 2006 г.) // НАВИГУТ. 2006. № 3; Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века: Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры компромисса // НАВИГУТ. 2007. № 1; Кузнецов В.Н. К единению народов России через культуру компромисса: Послание Самим себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Безопасность и справедливость как смысл стратегии развития России в XXI веке: Научный доклад // НАВИГУТ. 2008. № 3; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М.: 2008; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 2. Социология справедливости. Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас. М.: 2008; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 3. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект. М.: 2009; Кузнецов В.Н. Мир после кризиса. Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации. М.: 2009; Кузнецов В.Н. Доверие, честность и справедливость в глобальной Повестке Дня на 2009 год, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма. М.: 2009; Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия – 2009: Культура развития через культуру безопасности. М.: 2009.

² Российская газета, 2009, 18 сентября. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия – 2009: Культура развития через культуру безопасности. М.: 2009.

⁸ Собянин С. Опасная самоуспокоенность // Российская газета, 2009, 18 сентября. С. 11; Лужков Ю.М. Без государства никуда // Российская газета, 2009, 18 сентября. С. 11; Садовничий В.А. «Демократия должна опираться на реальные ресурсы и ценности» // НГ Политика, Специальный выпуск, 2009. № 13. 22 сентября. С. 13.

⁹ Бейлс Алисон, Котти Эндрю. Региональное сотрудничество в сфере безопасности в начале XXI века // Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: 2007; Бейлс Алисон. Введение. Мир рисков // Ежегодник СИПРИ 2007: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: 2008; Закария Фарид. Постапе-

Само исследование особенностей национальной политики безопасности для весны 2014 года автор осуществляет с учётом актуального внешнего и внутреннего контекста – оформляющейся в России, во многих странах мира Коммуникационной Эры.

**ПЕРВАЯ ОСОБЕННОСТЬ – ВАЖНОСТЬ ИНИЦИАТИВЫ УЧЁНОГО КАК ЛИЧНОСТИ,
ГРАЖДАНИНА, СОЗИДАТЕЛЯ**

Представляется возможным рассмотреть важнейшие аспекты становления культуры институционализации политики безопасности России на примере книги С.В. Картунова «*Национальная идентичность: Постижение смысла*» (М., 2009).

Считаю возможным и необходимым изложить читателям свою общую оценку этой книги: читателям, научному и экспертному сообществу представлено фундаментальное и оригинальное исследование путей духовного и социально-экономического, культурного возрождения России. Монография С.В. Картунова – достойное и долгожданное событие в научной жизни России, в мировой науке.

В подтверждение предложенной мною точки зрения по поводу этой работы С.В. Картунова приведу три главных аспекта, получивших в его исследовании наиболее важное и уникальное обоснование. Но поэтому и самые дискуссионные.

1. В качестве первого, главного смысла, исходного основания постижения формирования «внутренней и внешней политики, и системы национальной безопасности»¹ автор обозначил тезис: «... чёткое самоопределение, твёрдая опора на национальные идентификационные коды открывает возможность проводить свой собственный внутри- и внешнеполитический курс, основанный на глубоко осознанных и чётко сформулированных национальных интересах»².

На пути к постижению этого главного смысла в 2009 году уже было в 2003 году важное исследование С.В. Картунова «*Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации*» (М., 2003)³. Самыми значительными из 12 глав этой фундаментальной работы стали две: «О национальной идентичности России», «Россия и Запад. Образы мирового управления».

Интересна тематика подразделов главы «О национальной идентичности России», которая завершает книгу⁴.

- Идентичность и правопреемство.
- Страна и государство.
- Дерусификация и её результаты.
- Российская Федерация как правопреемница исторической России.
- Преодолеть советскую идентичность.
- Этнические аспекты национальной идентичности.
- К вопросу о «русской нации».
- Историческая Россия как субъект мировой политики.
- Имперские амбиции и национальные интересы.
- К вопросу об «имперском синдроме».
- Что стоит за ярлыком «империя зла».
- Русский путь.

Для 2003 года очень важен итоговый вывод из этой главы и всей книги. «Сложнейшая национальная проблема в начале XXI века, как и в веке XX, – справедливо и своевременно отметил С.В. Картунов, – определение целей, идеалов, ценностей человека, семьи, общества и государства. *Предупреждение и нейтрализация угроз, опасностей, вызовов и рисков целям, идеалам, ценностям, интересам российских граждан и России – основа политики безопасности в XXI веке*»⁵.

Трудно представить сегодня, что важнейшие государственные документы о развитии России, о безопасности, обороне, образовании; научные монографии и учебные пособия по политологии, социологии, экономике, философии не основывались на разработанных представителями общественных наук понятиях: общенациональной цели, национальных идеалов, общенациональных ценностей российских граждан и России.

В рассматриваемой книге, опубликованной в 2009 году, в центре анализа всех глав – смысл и динамика общенациональной цели, российские идеалы, национальные ценности, общенациональные интересы.

Поэтому так значимы уникальные, фундаментальные, инновационные, по сути, выводы С.В. Картунова, по итогам своего исследования.

риканский мир. М.: 2009; Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: Опыт исследования институционализации НПО-сети в международных отношениях. М.: 2009.

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: 2009. С. 8.

² Там же. С. 11.

³ Картунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003.

⁴ Там же. С. 412–473.

⁵ Там же. С. 474.

«Безопасность – это не только и не столько физическая защита, а в первую очередь духовное состояние и развитие общества в целом, – справедливо утверждает он. – Главной причиной социальных и иных катаклизмов повсюду в мире являются мировоззренческие характеристики, агрессивный тип сознания современного человека. Для того чтобы изменить мир, сделать его безопасным, надо преодолеть агрессивный образ мышления и поведения. Вот почему сегодня всем странам мира необходимо мобилизовать государственные структуры, общественность, семью и школу на формирование личности неагрессивного типа, которая сформирует общество безопасного типа и государство безопасного типа.

Такой личностью мог бы считаться человек, осознающий самого себя, высокий смысл своей деятельности, свое предназначение, стремящийся жить в согласии с самим собой, окружающей средой и обществом, гармонично сочетающий в себе активное созидательное начало с противодействием злу, с сохранением и развитием жизни на Земле и во Вселенной, уважающий историю и традиции своей родины, сложившуюся систему ценностей, законов, проявляющий заботу о жизни, здоровье и безопасности людей.

Безопасными можно считать то общество и то государство, которые реализуют складывающуюся таким образом модель устойчивого развития на национальном и международном уровнях, тогда как опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узкопрагматичные своекорыстные цели, провоцирующие тем самым неустойчивость развития и ведущие человечество к глобальной катастрофе (против которых и должны применяться международные санкции).

При этом основой безопасного развития России должна быть неформальная система взаимодействий всех носителей смысла российской цивилизации. К ним относятся и духовные учителя, и ответственные государственные деятели, и просто русские люди, относящиеся к своему труду как к духовному творчеству. Только люди высокого духовного смысла могут воссоединить народы России. Если мы не будем вместе – не будет России, а не будет России – возможно, рухнет и весь мир.

Сейчас в России идёт поиск, поиск мучительный и напряжённый – нового способа существования. Способ этот лежит в плоскости духовного возрождения и развития русского народа. Это поле, традиционно выигрышное для России. Следовательно, это единственно возможный путь выживания суперэтнуса и сохранения национальной идентичности»¹.

2. На взгляд автора статьи, особенно значителен и второй дискуссионный ключевой смысл в итогах исследований С.В. Картунова 2009 года. Речь идёт о Субъекте, который постигает смысл национальной идентичности; осуществляет разработку и обоснование целей, идеалов, ценностей, интересов; содействует их ясному и понятному восприятию; участвует в их осуществлении. Речь идёт о Субъекте культуры институционализации политики национальной безопасности России. Речь идёт о Субъекте культуры развития Отечества.

Традиционно в качестве Субъекта исторических перемен называют «политический класс», в целом «элиту», иногда говорят о «национальной элите». Есть целая наука об «элите».

Суть дискуссионности этой линии в исследовании С.В. Картунова в постановке вопроса: а как быть, если «элита» как таковая в России много лет в XX и XXI веках отсутствует, если отсутствует и «национальная элита».

Да, есть широкий круг уважаемых экспертов и учёных, которые самоуполномочили себя и других «милых и приличных» людей в качестве элиты России.

Безусловно, они имеют право самоуполномочить себя и других коллег на роль особых представителей российского общества и потребовать себе особого контракта (Общественного Договора) с властью.

Полагаю, что автор этой книги внимательно, бережно и тщательно рассмотрел проблему субъекта постижения национальной идентичности в России. Вот как С.В. Картунов сформулировал такую линию своей работы во введении к книге. «Методы и пути реформ (экономических, политических, социальных, правовых и т. д.) могут быть предметом дискуссий, – пояснил он, – но для национальной элиты любой страны необходимо наличие определённых ценностей и понятий общенационального значения, о которых не спорят. Вокруг этих фундаментальных ценностей, общего взгляда на определяющие вехи истории и должно сложиться национальное согласие, столь необходимое для устойчивого и демократического развития страны, а также для осторожной, взвешенной и тщательно просчитанной интеграции России в мировое сообщество, в мирохозяйственную транснациональную систему XXI в.

Объединяющим фактором российской культуры, субъектом его развития на современном этапе национальной истории должны выступить отечественный капитал и отечественная элита, а их идеологией – демократический патриотизм, свободный от радикализма и изоляционизма национал-патриотов и реваншизма современных коммунистов. От скорейшего формирования и вы-

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: 2009. С. 558.

ступления на политической арене этой интеллектуальной, политической и финансовой силы будут зависеть безопасность и развитие России в XXI в., процветание её народов»¹.

Первое приближение к ответу в разрешении проблемы субъекта смысла национальной идентичности России С.В. Картунов осуществил в концептуальном обобщении по итогам исследований субъекта национальной безопасности в 2007 году².

«Современная Россия – это не бывший СССР и уж тем более не бывшая Российская империя, – констатирует он. – И в плане границ, и в смысле выбранного пути, и в культурно-цивилизационном или, если угодно, духовно-идеологическом отношении это все же новая страна. Прошедшие после распада СССР годы – слишком небольшой срок для того, чтобы сложились национальное самосознание, государственность, понимание целей и перспектив ее развития. А это лишь немногие, но неперемные условия для формирования представлений о национальной идентичности, а следовательно, и безопасности.

В то же время разработки по обеспечению национальной безопасности должны отражать в идеале консенсус или, по крайней мере, достаточно широкое и явно выраженное национальное согласие (оно должно быть выше политической борьбы и интересов отдельных партий) по ряду ключевых вопросов, относящихся к выбору модели социально-экономического и общественно-политического развития страны и как бы синтезировать предпочтения народа и элиты в отношении государственного строя, экономической системы и характера взаимоотношений с внешним миром. Это должна быть своего рода философия общего дела и одновременно технология необходимого и достаточного компромисса, только в условиях которого и возможно такое согласие. Его формирование – длительный процесс, в котором должны участвовать и руководство страны, и ученые, и политические деятели, и самые широкие круги общественности»³.

В 2009 году С.В. Картунов существенно уточнил суть понимания смыслов субъективного в процессах возрождения и развития России. Тем самым более зримыми и «достижимыми» стали контуры конкретного Субъекта понимания смысла национальной идентичности.

«Создание новых нравственных и интеллектуальных ценностей, новых человеческих качеств – в этом и должен быть исторический выбор и предназначение России, – отмечает С.В. Картунов. – А в более широком плане – в создании культуры планетарного масштаба и мирового значения. Только народ высокого духа – а русский народ, безусловно, является таковым – способен к выполнению этой миссии, которая по своему характеру является исторической и всемирной. Следует, однако, понимать и то, что на этом пути Россия столкнется с жесткой конкуренцией с другими странами, ведь и немцы, и французы, и англичане, и китайцы, и индусы, и японцы – это также народы высокого духа, имеющие свои уникальные духовные традиции и культуры. В этом плане России вряд ли стоит кичиться своей "духовностью" или претендовать на роль "духовного лидера человечества". Более реалистично укреплять и развивать свою уникальную национальную культуру, которая станет незаменимой составной частью формирующейся в мире интеркультуры. Ведь любая высокая национальная культура в конечном счете становится достоянием мировой. Никакая другая культура не подтверждает этого столь убедительно, как русская культура, которой интересуются повсюду в мире»⁴.

Таким образом, Субъектом возрождения России, её развития и обеспечения безопасности, осуществления национальной идентичности является народ России и формирующаяся национальная элита.

3. Интересна и дискуссионна сквозная линия исследования С.В. Картунова, а фактически третий очень важный смысл – обоснование тактики и стратегии нового развития России в XXI веке.

Автор книги достаточно чётко обозначил основные векторы развития России в XXI веке.

Во-первых, отметил С.В. Картунов, «следует искать такой путь её развития, который основывался бы на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами, записанными в Конституции 1993 г.»⁵.

Во-вторых, новая «модель национального развития должна учесть весь опыт катастроф, сопровождающих российскую историю, и содержать эффективные механизмы их предотвращения в будущем»⁶.

В-третьих, необходим и возможен большой Национальный Проект развития России: его особенности и концептуальная определённость рассмотрены С.В. Картуновым в главе 7 «Парадигма развития» и в главе 8 «Модернизационный проект».

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. С. 19.

² Картунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: Учебное пособие. М.: 2007. С. 70–75.

³ Там же. С. 75.

⁴ Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. С. 559.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

Смысл национального проекта для 2009 года, по мнению автора книги, – «это инновационный путь развития, построение постиндустриального общества»¹.

При подведении итогов исследований в заключении книги С.В. КОРТУНОВ предложил читателям интереснейшую конкретизацию российского национального проекта на 2009 и последующие годы.

«В настоящий момент все большему числу людей становится очевидно, что ресурсопотребляющая стратегия, нацеленная на сохранение и воспроизводство западной модели развития за счет всего остального мира, бесперспективна. Ясно, что распространение такого рода глобализации на весь мир просто невозможно, поскольку ресурсов на это не хватит. Стало быть, подобная стратегия представляет собой не что иное, как попытку продлить жизнь зашедшей в тупик техногенной ("прометеевой") цивилизации. Эта тенденция будет вызывать все большее сопротивление во всем мире. Стратегия развития мира должна быть принципиально иной: нацеленной на улучшение качества жизни людей текущего поколения без подрыва возможности улучшения жизни будущих поколений. Она должна включать в себя и такие ценности, как не только права; но и обязанности человека, его ответственность за судьбы планеты, природы, за последующие поколения людей, т. е. его детей, внуков и правнуков. Она должна включать в себя также идею культурного многообразия мира в противовес попыткам ее повсеместной унификации. Развитие должно включать в себя идею безопасности, ненасилия, культуры мира, толерантности. Нельзя забывать также и об экологии и нанесении ущерба окружающей среде, сохранении многообразия флоры и фауны, – по существу здесь С.В. КОРТУНОВ определенно подерживает формирующуюся концепцию В.Н. Кузнецова о «культуре развития». –

Вполне вероятно, что в обозримом будущем либеральная модель развития, породившая зашедшую в тупик техногенную цивилизацию, будет исчерпана, и начнет формироваться новое поле глобальной постэкономической конкуренции. Тогда возникнут предпосылки для становления новой цивилизации. И если уникальное российское культурно-цивилизационное ядро к этому времени не растворится в процессах глобализации, то у России может появиться шанс на мировое лидерство в этой постэкономической сфере.

Основные тенденции мирового развития говорят о реальности такого кардинального поворота исторического масштаба. Современный мир втягивается в трудные времена, когда человечество будет вынуждено существовать и развиваться в режиме строгой экономии, переходить от гармонизации жизненных интересов на основе их баланса к жесткому регулированию социальных процессов на основе общественного согласия и фундаментальных нравственных ценностей. Именно такой подход может лечь в основу стратегии развития России.

Другой важнейший выбор, с которым сталкивается человек XXI в., – это выбор между материальным и духовным, который сформулировал Эрих Фромм в своей знаменитой дилемме "иметь или быть". Для России эта цивилизационная трансформация в направлении ценностных изменений от "иметь" к "быть", возможно, пройдет наименее болезненно, поскольку национальное самосознание ее народа пока не столь отягощено многовековыми традициями индивидуализма, накопительства и потребления, намертво "въевшимися" в сознание народов Запада. Утверждение места России в мире и ее будущего высокого статуса может пролесть в русле этой новой парадигмы и модели развития (если, конечно, Россия не погонится вслед за Западом за "золотым тельцом").

Уже сейчас очевидно, что религией XXI в. становится не количественная парадигма развития, а парадигма качественная – во всех измерениях этого понятия. Формируются принципиально новые стандарты как ключевые нормы дальнейшего выживания и развития мировой цивилизации. Только в этом контексте следует понимать роль и место России в XXI в. Здесь важен честный взгляд на национальную историю, трезвые оценки сегодняшнего состояния России и, соответственно, взвешенный подход к будущему»².

Значительное самостоятельное научное значение, по моему мнению, и для развития самих общественных наук имеют завершающие книгу абзацы – это 28 строк. «Формирование нового идейного потенциала человечества, потенциала гуманистического и вместе с тем свободного от "смертной болезни", которой поражен сам стержень старого западного гуманизма, через симбиоз русского общества и постиндустриальных технологий – вот что может и должно состояться в России, – отмечает С.В. КОРТУНОВ. – Причем Русское в этом проекте не должно раствориться, а найти и узнать себя, свой максимализм и симфонизм, универсализм и космизм. В этом случае в России состоится большее, чем модернизация: альтернативное прорывное развитие не на западных, а на своих (без отторжения Запада, но в партнерстве с ним, с использованием его достижений) основаниях. В России состоится большее, чем национальное, государство – государство наднациональное, с соборным, всечеловеческим духовным началом. В России, таким образом, состоится большее, чем материальная, экономическая цивилизация: цивилизация постматериальная, пост-

¹ КОРТУНОВ С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. С. 398.

² Там же. С. 554–555.

экономическая и ноосферная. Наконец, в России состоится большее, чем оказавшееся в историческом тупике, общество всеобщего потребления: интеллектуальное сообщество творцов, создающих все новые высокие технологии и все новые человеческие ценности.

И тогда Россия станет нужна не только нам, гражданам страны, которые будут строить и обустривать ее в ипостаси новой, неведомой миру цивилизации, – она станет нужна всем: и Европе, и Азии, и Америке, и Африке. В партнерстве с другими народами высокой духовной культуры она тогда станет одним из мировых лидеров. В онтологическом плане (и это подтверждено всем ходом мировой истории) Россия – связующее звено между тремя континентами. Великая национальная идея России заключается в превращении этого звена между континентами и разными цивилизациями в надежную опорную конструкцию миропорядка XXI в.

Именно такая Россия нужна миру»¹.

Отмеченные мною три аспекта в рассматриваемой книге, а также другие интересные линии исследования в этой работе С.В. Картунова позволяют высказать мне ряд соображений по теме его монографии.

Во-первых, можно утверждать, что в ГУ – ВШЭ трудами С.В. Картунова и его коллег оформилась самостоятельная научная политологическая школа, ориентированная на фундаментальные проблемы конструктивных взаимодействий народов России и власти, постижения смыслов национальной идентификации, политики безопасности, культуры развития.

Во-вторых, особая ответственность всех представителей общественных наук в сложный период 2009–2014 годов обусловлена, по мнению автора статьи, необходимостью тщательного и честного изучения формирования национальной элиты России. Да, сегодня в России многие представители команд, фондов, клубов, семей, кланов, общественных институтов и организаций самоуполномочили себя на роль российской элиты. Они требуют себе власть, отдельные общественные контракты (договоры).

Каждый гражданин в России может самоуполномочить себя на Общее Дело. Но причём здесь национальная элита?

С.В. Картунов завершил свою книгу суждением: «Именно такая Россия нужна миру».

Первый сюжет своей статьи её автор считает возможным завершить таким тезисом: именно такая Россия нужна нам, россиянам. Именно такая общественная наука нужна России.

Развёртывание влияния кризисных перемен на все основные сферы жизнеобеспечения человека, народов, государств на рубеже 2008–2009 годов обострило важность и востребованность с их стороны эффективной и понятной теории и методологии институциональной политики безопасности².

Оформилась, по мнению автора статьи, научная проблема изучения соотношения политики безопасности и возможности предотвращения возникновения мировой войны.

Рабочая гипотеза автора в этом разделе статьи исходит из целесообразности развития теории политики безопасности (как оформившегося института) в концепцию политики культуры мира и безопасности через культуру диалога и культуру предотвращения на основе геокультурной парадигмы (формирующегося института).

Научным основанием такой гипотезы стало создание известным философом, социологом и политологом А.С. Капто в 2001–2008 годах политологической теории культуры мира³, а также оформление в 2003–2009 годах В.Н. Кузнецовым социологической геокультурной теории культуры мира и безопасности⁴.

Необходимо отметить и важный вклад теоретических исследований проблем мира и безопасности и продвижения к политологической концепции политики культуры мира и безопасности, осуществлённый в 2000–2007 годах коллективом учёных Стокгольмского международного института исследований проблем мира под руководством Адама Ротфельда (до 2002 года)⁵ и Алисон Дж.К. Бейлс (до осени 2007 года)⁶.

В этом разделе статьи будет рассмотрена только некоторая логическая последовательность исследовательских шагов, представленных В.Н. Кузнецовым в третьем томе работы «Гуманитарные взаимодействия», ориентированных на соединение культуры мира и культуры без-

¹ Картунов С.В. Национальная идентичность: Постигание смысла. С. 560.

² Сергеева Л. Институт государства в условиях глобализации // Безопасность Евразии. 2008. № 3.

³ Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М.: 2002; Капто А.С. Энциклопедия Мира. М.: 2005; Капто А.С. Профессиональная этика. М.–Ростов н/Д, 2006; Капто А.С. Энциклопедия «Мир». В 2 т. М.: 2008.

⁴ Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть. М.: 2003; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М.: 2007; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. М.: 2008–2009.

⁵ Ротфельд Адам Д. Глобальная безопасность после 11 сентября 2002 г. // Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М.: 2003; Дуан Рената. Предотвращение конфликтов // Ежегодник СИПРИ 2002... М.: 2003; Хендриксон Дилан, Каркошка Анджей. Проблемы реформирования сектора безопасности // Ежегодник СИПРИ 2002... М.: 2003.

⁶ Бейлс Алисон Дж.К. Введение. 40 лет исследований мира и международной безопасности // Ежегодник СИПРИ... М.:2007; Бейлс Алисон Дж.К. Региональное сотрудничество в сфере безопасности в начале XXI века // Ежегодник СИПРИ... М.: 2007; Бейлс Алисон Дж.К. Введение. Мир рисков // Ежегодник СИПРИ... М.: 2008.

опасности: в книге «**Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект**» (М.: 2009).

По существу в статье предпринята попытка политологического анализа социологической геокультурной теории безопасности в контексте коммуникационного, коммуникационной эры.

Научная монография В.Н. Кузнецова посвящена изучению социологии становления оснований глобальной безопасности XXI века. Новизна подхода в исследовании концептуальных и методологических аспектов формирования геокультурной социологической теории безопасности обусловлена соединением гуманитарных, экономических, институциональных и политических подходов к архитектуре международной безопасности, к пониманию функционирования Субъектов, Объектов и Среды глобальной безопасности.

Инновационный характер исследования определяется ориентированностью фундаментальных проблем теории международной безопасности на реальную защищённость каждого человека. Достигается соединение единичного, особенного и общего в социологии, философии, экономике, политологии безопасности человека, народов, стран и цивилизаций внедрением в сферу глобальной безопасности новых разработок феноменов: компромисс, справедливость, доверие, миропорядок, мироустройство, Правила Игры, национальная безопасность, евразийская безопасность, единая гуманитарная парадигма, «концерт Граждан России и Евразии», «концерт народов мира», «культура гуманитарных взаимодействий».

Значительное внимание в книге, как и в первых двух томах («*Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века*»; «*Социология справедливости: Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас*»), уделено обоснованию Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века – Возрождения России, разработанного научной школой Кузнецова. Его суть: устойчивое безопасное развитие каждого человека через российский, евразийский и глобальный стратегический гуманитарный опережающий компромисс как важный и эффективный фактор содействия предотвращению готовящейся сторонниками «культуры смерти и культуры войны» (США и НАТО, Европейский Союз) глобальной ядерной войны XXI века против России.

В этой книге автор предлагает обоснование своей социологической гипотезы, согласно которой **в качестве глобальной геокультурной модели уже разворачивающихся перемен (кризиса) основных сфер жизнеобеспечения человека, семей, народов может быть предложена методология и теория становления и функционирования глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.**

Самый предварительный социологический анализ ключевых смыслов гуманитарных перемен в жизни, в надеждах миллионов женщин и мужчин, молодёжи во многих регионах России, во многих странах мира позволил В.Н. Кузнецову сформулировать пять исходных тезисов о содержании изменений, об источниках динамики, об участии самого человека, народов в начавшихся глобальных кризисных переменах.

Первый тезис: впервые в мировой истории за 2003–2009 годы для сотен миллионов людей во всех странах мира оформился современный гуманизм как **мечта, как реальная возможность и достижимость (здесь и сейчас) для каждого человека достойной и безопасной жизни по справедливости, по правде.**

Второй тезис: состоялось наполнение новым содержанием Повестки Дня для каждого человека через соединение повседневных практик его жизни с основами новейшего мировоззрения, миропорядка и мироустройства.

Третий тезис: наполнение достойными смыслами гуманитарных взаимодействий между людьми, между народами обнажило тревожные практики, процессы и последствия игр с жизнью людей; их целями, идеалами, ценностями, интересами; с их надеждами на мир, безопасность, справедливость, правду; на достойное качество и уровень жизни.

Таким образом, в 2003–2009 годах глобальное, всепроникающее и всеобъемлющее антагонистическое противоречие: «культура безопасности человека» (культура безопасного развития человека, культура жизни человека) – «культура смерти человека» обозначилось как источник динамики глобальной гуманитарной безопасности; всемирной, абсолютной безопасности; как источник мировой динамики гуманитарных перемен.

По мнению автора, будет правомерным предположить, что это глобальное противоречие стало главным интеллектуальным, энергетическим, мотивационным и силовым фактором возникновения, оформления и развёртывания новой глобальной структурной гуманитарной революции XXI века.

Четвёртый тезис. Мир после 8 августа 2008 года стал другим. Военный конфликт в Южной Осетии с гибелью российских миротворцев; женщин, мужчин, детей самых разных национальностей обнажил локальный, региональный и глобальный аспект ускоряющихся кризисных перемен: финансовых, экономических, политических, институциональных.

По существу, это, в основном, видимые проявления глобальной структурной гуманитарной революции, её «превращённые» формы.

Пятый тезис. Деятельность всех институтов ООН по обеспечению достижения Целей тысячелетия в 2001–2009 годах (научная, организационная и т. д.) вовлекла во многих странах мира миллионы людей в создание новой оптимистичной и конструктивной среды глобальной безопасности.

Главным ожидаемым итогом изучения социологической методологии становления **глобальной социологической геокультурной объясняющей модели современного всемирного кризиса (глобальной структурной гуманитарной революции XXI века)** можно, по мнению В.Н. Кузнецова, считать, определение в мировом специализированном научном социологическом дискурсе по проблемам безопасности ключевой методологической линии: фундаментальное обновление социологии, многих общественных наук (социальных и гуманитарных) обусловлено плодотворностью обогащения и наполнения всех ракурсов исследований гуманитарной проблематикой. Автор исследования имеет в виду человека, человеческое в человеке, взаимодействия человека с другим человеком.

Главные линии исследования институционализации политик обеспечения национальных, региональных и глобальной безопасности, как в третьей книге, так и во всём трёхтомнике: социологическая методология компромисса, компромиссного; доверия и честности; справедливости, справедливого, основанная на гуманитарных взаимодействиях, на геокультурной институционально-сетевой парадигме, на воле и энергетике субъекта справедливости. Они позволяют насытить масштаб, время и пространство специализированного социологического научного дискурса по проблемам мира и безопасности в XXI веке волевой направленностью, энергетической наполненностью справедливого.

В итоге всего исследования становится возможным научный дискурс в рамках всех общественных наук, в котором социология гуманитарных взаимодействий устойчиво и убедительно демонстрируют решающее преимущество созидательной и благодатной воли и энергетике компромисса, доверия, правды и справедливости, способных радикально здесь и сейчас гуманитарно превзойти энергетiku и волю несправедливости, антисправедливости.

Автор книги утверждает на основе своих исследований: зимой 2008–2009 года, из любого локального вооружённого конфликта может возникнуть глобальная ядерная война против народов любой страны. Полностью отсутствуют, как показали события 8–12 августа 2008 года в Южной Осетии, механизмы и субъекты глобального, регионального и локального влияния, способные надёжно и экстренно остановить предвоенные и военные действия, способные стремительно принять глобальный масштаб.

Определённо можно констатировать, что руководящие круги США, НАТО и ЕС в 1999 году (Югославия и Косово), в 2003 году (Ирак), в 2008 году (Южная Осетия) провели полномасштабную разведку реальными боевыми действиями с целью подготовки ядерной войны против России. Параллельно была проведена беспрецедентная глобальная кампания лжи и дезинформации всех народов мира с публичным и циничным отказом от классического гуманизма, от честности и достоинства, от правды и справедливости.

Социологические факты открыто, многократно и глобально свидетельствуют о реальной подготовке ядерной войны против России, о надежде и уверенности её организаторов победить в войне против России.

Факты есть. Сегодня необходимы профессионализм, честность и мужество, любовь к России, любовь к жизни, ответственность и профессионализм, чтобы обстоятельно и без проволочек сделать выводы и обосновать программу действий для предотвращения войны против России.

Самые предварительные итоги обобщения итогов изучения состояния мира и безопасности как глобальных феноменов позволили В.Н. Кузнецову оформить ключевой исходный социологический тезис: прежде всего, необходимо представить трактовку современного мира в геокультурной парадигме.

Только имея структуру и смысловую наполненность модели современного мира можно продвигаться дальше – к модели безопасности этого мира. Но логика изменений состояния Мира в условиях кризисных перемен второй половины 2008 года и начала 2009 года убеждает в необходимости трансформации той модели Мира, которая была представлена в первом томе исследования «Гуманитарные взаимодействия». Целесообразно учесть принципиальный переход от Большой Игры (в которой народы мира были объектом изменений) к Глобальной Игре (в которой народы мира – субъект изменений, субъект глобальной безопасности). Итак: в логике геополитической парадигмы Мир трактуется как Мир–Система. Геоэкономическая парадигма интерпретирует Мир как Экономику. Автор исследования предлагает в геокультурной парадигме понимать Мир XXI века как Культуру–Сеть, как Глобальную Игру с итогом отличным от нуля, как Глобальный компромисс по итогам которого каждый считает себя победителем. *Это всё вместе – гуманитарная парадигма.*

Глобальная (международная) безопасность, в самом предварительном плане, определена В.Н. Кузнецовым как сетевая устойчивая совокупность положений международного права, норм и процедур, разработанных международными организациями для обеспечения мира, справедливости, достоинства, благополучия на основе международного (глобального) гу-

манитарного стратегического компромисса по поводу безопасности каждого человека, каждого народа, каждого государства.

Автор книги надеется, что самые предварительные итоги исследования научного самоопределения социологии глобальной безопасности позволяют высказать предположение: «интеллектуальная жизнь в XXI веке – это, прежде всего, поиск и осуществление приемлемых компромиссов для достижения оснований глобальной безопасности, для оптимального разрешения противоречий везде и всегда (в том числе и антагонистических противоречий)».

Первые итоги изучения формирования социологии глобальной безопасности уже выявили исключительно важную роль методологии исследования. Автор имеет в виду обусловленность динамики и эффективности безопасности от включённости её субъектов в контекст определённой методологической парадигмы, соответствующей модели миропорядка, понимания источника динамики мировых изменений и характера интегрирующей доминанты самого миропорядка. Всё это складывает определённую социологическую методологию исследования феномена «глобальная безопасность». Особый уровень требований к методологии исследования обусловлен необходимостью учесть взаимодействие таких фундаментальных феноменов как мировоззрение, миропорядок, научная парадигма с новыми явлениями: неопределённость, теория игр и принятия решений, нематериальные факторы, своеобразная трактовка структуры общества, сеть, сетевой подход и т. д.

У автора трёхтомного труда «Гуманитарные взаимодействия» понимание создающейся методологии глобальной безопасности через гуманитарную парадигму, через геокультуру, в самом предварительном порядке, основывается на предположении о том, что новизна, оригинальность и актуальность суждений для гуманитарной науки XXI века, для научного мировоззрения XXI века заключается в ориентированности формирующейся геокультурной парадигмы на цели, идеалы и ценности человека, на его творческий потенциал, на *обеспечение нового гуманитарного синтеза в современной науке.*

Самые предварительные итоги изучения социологии, философии, экономики, политологии, культурологи, педагогики гуманитарных взаимодействий в основных сферах жизнеобеспечения человека, семьи, общества XXI века, осуществлённые автором исследования в первом и втором томах, во всех главах третьего тома «Гуманитарных взаимодействий» позволили автору выделить три основные устойчивые особенности:

- *в XXI веке стремительно расширяется значение мировоззрения во всех группах молодёжи, зрелых и пожилых граждан* в ходе рефлексии по поводу проблем культуры жизни, проблем мира и безопасности, проблем миропорядка и мироустройства;

- *реальности кризисных перемен в 2008–2009 годах, интерпретируемых автором как глобальная структурная гуманитарная революция, влияющая на фундаментальные основы смысла жизни миллиардов людей, главные нравственные скрепы их образа жизни, на понимание их места в воспринимаемых смыслах миропорядка и мироустройства, актуализировали идеалы и ценности, своего человеческого достоинства, честности, жизни по правде, по справедливости для миллиардов людей;*

- *для повседневного восприятия каждодневной жизни у сотен миллионов людей практически всех стран мира оформилось понимание необходимости бороться, действовать против реальной опасности глобальной ядерной войны XXI века. Остро востребована новейшая методология и теория сохранения и укрепления мира и безопасности через компромиссы, диалог, доверие, терпимость, культуру гуманитарных взаимодействий.*

Социологический смысл финансового кризиса 2008 года определён В.Н. Кузнецовым как гуманитарное выражение действительной Глобальной Игры народов практически всех стран мира с мировой финансовой олигархией, с мировой правящей странами клановой частью граждан.

Эти правящие кланы, связанные финансовыми операциями граждане, начали реальную глобальную финансово-экономическую войну против народов всех стран за власть, за сохранение своего права управлять миром и полностью присваивать себе результаты во всех сферах деятельности, жизнеобеспечения людей.

Народы мира практически во всех странах начали в 2008 году свою Глобальную Игру по новым, своим правилам, по своей Повестке Дня. *Народы мира в Повестке Дня на 2008 год обозначили глобальную процессуальность: они отказали в доверии финансовым субъектам (банкам, ипотечным корпорациям, страховым компаниям и т. д.).* Народы мира именно в 2008 году доказательно и повсеместно идентифицировали смысловое, институциональное, экономическое единство мировых правящих структур, глобальных финансовых систем с транснациональными сетями международного терроризма, организованной преступности; с национальными коррупционными конгломератами.

Моментом истины стали трагические события 8 августа 2008 года в Южной Осетии.

В новой Глобальной Игре, в которой главным субъектом являются народы, тем не менее, есть два партнёра – два игрока (как минимум). Другим субъектам Глобальной Игры стали, не по своей воле, финансовые кланы и конгломераты террористов, преступников, коррупционеров.

Опыт 2008 года обозначил *объективно* самое слабое, уязвимое место второго игрока (финансовых кланов с их соратниками: террористами, преступниками, предателями – коррупционерами).

Автор выделяет в их позиции такие фундаментальные характеристики: несправедливость и антисправедливость; нечестность и ложь; некомпромиссность и бескомпромиссность; недоверие и предательство; недостойнство и рабство.

Смысл действий главного игрока – в ориентированности Субъекта Глобальной Игры (Народы Мира) в финансовой, экономической сфере в условиях кризисных перемен – на достойную, честную, справедливую Победу. Социологический смысл этой Победы в том, что и другой игрок (финансовые кланы мира) не проиграет: с 2008 года началась Глобальная Игра, итог которой не равен нулю. Это значит, что другой игрок (проигравший) не уничтожается, он тоже может считать себя не проигравшим. Но Игра теперь ведётся по правилам, которые разрабатывают Народы Мира, которые контролируют Народы Мира.

* * *

В своём выступлении на международной конференции «*Современное государство и глобальная безопасность*» (Россия, Ярославль, 14 сентября 2009 года) основатель Миросистемного анализа (МСА) и новой науки «**мироведение**» Иммануил Валлерстайн особо отметил два важных обстоятельства. Во-первых, подчеркнул он: «сегодня мы живём уже в постамериканский период мировой истории. Это уже действительно многополярный мир...

К сожалению, в ближайшие 20–30 лет ситуация, в которой нам предстоит жить, имеет значительный потенциал нестабильности. И всем необходимо подумать, как можно было бы решить эти проблемы»¹.

Решать эти проблемы – нам: всем кто сегодня и здесь живёт, мечтает, учится, дружит, любит, работает, мыслит. Своевременность, важность и необходимость трёхтомной работы В.Н. Кузнецова «Гуманитарные взаимодействия» в том и заключается, по мнению автора статьи, что он в этих и других своих докладах, статьях, книгах обосновал и предложил **хорошую теорию и методологию**; институты, механизмы и технологии; эвристику со-трудничества, со-размышления, со-работничества, со-деятельности сохранения и упрочения культуры жизни, культуры мира, культуры безопасности.

Чрезвычайно важно, по мнению В.Н. Кузнецова, чётко и понятно обратиться к порядочным, честным и талантливым людям с предложением разработать методологии, теории, технологии, механизмы, процедуры и мотивацию конструктивных и созидających институтов обеспечения глобального мира и безопасности с очень большой скоростью действия, анализа результативности и правильной корректировки. Суть: негативные, разрушающие институты сторонников культуры смерти, культуры войны (опыт агрессии в Южной Осетии – 2008; в секторе Газа – декабрь 2008, январь 2009; газовая агрессия руководства Украины в декабре 2008 – январе 2009 годов) развёртываются как никогда быстро и действуют комплексно и глобально (убитые, раненые, искажение правды).

Исключительно важно проводить во всех странах, во всех слоях общества информационную и разъяснительную работу, содействующую пониманию главного социологического смысла новой Глобальной Игры народов мира с глобальным истеблишментом (в том числе – с российским): институциональный аспект Глобальной Игры исключительно ориентирован на результат, в котором итог (для народов мира – главный игрок; мировой истеблишмент – другой игрок) не равен нулю: оба игрока в итоге, в результате новой Глобальной Игры, нового Глобального Компромисса обязательно смогут считаться победителями (как вместе, так и по отдельности).

В 2009 году, как итог кризисных перемен в России, во многих других странах мира начала формироваться **политическая компонента глобальной безопасности** в контексте развернувшейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века. Автор трёхтомника «Гуманитарные взаимодействия» предварительно называет её **главный смысл как политика обеспечения достойной и безопасной жизни по правде, по справедливости для каждого человека, для каждого народа мира**.

Суть: гуманитарное, экономическое, институциональное основание этой политики – наличие понятных и воспринятых глобальных целей, идеалов и ценностей каждого конкретного человека, органично составляющих взаимосогласованные и обоснованные, легитимные цели человечества на период до 2015–2020 годов.

Обеспечение достижения таких целей, идеалов и ценностей, функционирования такой политики – *именно здесь главное содержание и структура смыслов национальных и региональных безопасностей, глобальной безопасности*.

Исключительное значение для всех народов мира имеет методология, теория и технология реальной оценки глобальной, региональной, национальной и локальной (местной, по месту своего поселения) ситуации в Глобальной Игре с истеблишментом России, Европы, США и дру-

¹ Валлерстайн Иммануил. Потенциал нестабильности // Российская газета, 2009, 18 сентября. С. 11.

гих стран. Первый опыт кризисных перемен показал, что мировой истеблишмент осознал новый смысл Глобальной Игры, которую ведут народы мира с ними.

Теперь для мирового истеблишмента, выступающего в тесном союзе с глобальными террористическими сетями (которые они сами и создали, которые они и контролируют), с глобальной организованной преступностью (которая тоже создана ими и функционирует под их руководством) настал «последний и решительный бой».

В первые месяцы 2009 года можно, по мнению В.Н. Кузнецова, утверждать, что итоги социологического исследования становления геокультурной теории глобальной безопасности реально востребованы и специалистами в области теории и практики общественных наук, и широким кругом граждан, народов в России, во многих странах мира.

Главная причина – формирование понимания как у сотен миллионов людей, так и у представителей всех общественных наук глобальной угрозы каждому человеку: стремительно разрушается универсальный смысл человеческой жизни; рассыпаются, опошляются и обесмысливаются самые delicate и жизненно важные взаимодействия между людьми, семьями, народами, странами, цивилизациями; утрачивается важный для каждого человека смысл гуманитарного и социального бытия народов.

Одновременно стремительно выстраивается глобальное понимание всё возрастающей гуманитарной роли справедливости конструктивных взаимодействий в сферах справедливости, в сферах правды, в сферах честности и достоинства человека, всех народов мира.

Именно социология сохранила и развивает понимание тысячелетних практик во всех странах мира животворности феномена **«по справедливости, по правде»** как высшей цели человечества; как творца и охранителя целостности человечества и смысла его бытия; как главное энергетическое созидательное начало всех взаимодействий, объединяющих людей в семьи, народы, государства, цивилизации; как Высший Идеал в основаниях нравственности, гражданства, общего блага, Общественного Договора; как Высшая Реальность.

Уникальность и значительность, социологичность представленного выше тезиса заключается, по мнению автора работы «Гуманитарные взаимодействия» (в трёх томах), в том, что все отмеченные соображения исключительно важны для каждого человека. В то же время каждый человек – Творец реальностей, практик и смыслов справедливого и правдивого, честного, достойного. Более того – только социологический анализ и синтез выявляют, что *безопасность человека в XXI веке всеобъемлюща только в ходе процесса обеспечения безопасности реальной жизни, её смыслов, их понимания; справедливости; правды; культуры; доверия и солидарности; компромиссности, диалогичности и терпимости; доверия.*

История так распорядилась, что с первых дней января 2009 года в России, во многих странах мира сотни миллионов людей наглядно (средства массовой информации) в режиме реального времени через общение с Президентом России Дмитрием Медведевым включились в общее дело мудрого, терпеливого и ответственного процесса «строительства» национальной, новой евразийской, новой глобальной безопасности. Точнее сказать, культуры глобальной безопасности, через культуру предотвращения перерастания локального конфликта России с Украиной (по поводу осуществления транзита природного газа в страны Европы) в возможный региональный, евразийский конфликт, в глобальную напряжённость.

Важность уже состоявшегося сотрудничества как в поучительности поиска путей достойного компромисса в сложном поле проблем энергетической, экономической и политической безопасности, так и в масштабности, конкретности достигнутого результата: приемлемые контракты подписаны; газ направлен потребителям в Украине, во многие страны Европы; у мирового сообщества есть эффективные уроки достижения компромиссов, есть конструктивный опыт в сфере глобальной безопасности XXI века.

Методологическим, теоретическим ядром становления динамичной и привлекательной для миллиардов людей, для всех народов мира культуры гуманитарных взаимодействий уже стал Проект научной школы Кузнецова «Возрождение России», который впервые вводит в практики и рефлексии повседневности потребность в целостности, органичного единства всей сферы глобальной безопасности.

Важно отметить также особенности гуманитарных инноваций в контексте становления Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века.

Народы мира, конкретных граждан привлекают такие особенности Проекта «Возрождение России»:

– ключевым фактором обозначена Общенациональная Цель, которая ориентирована на каждого человека. Однако она не может быть даже частично осуществлена без конкретного созидательного участия самого человека.

Здесь важно отметить, что на этапе возрождения России (2009–2020 годы) смысл и содержание Общенациональной идеи практически полностью совпадают с Общенациональной Целью;

– практически впервые в истории российских общественных наук «выстраивается» инновационный гуманитарный Проект сохранения и развития России на собственной концептуальной (Московско-Шанхайская модель миропорядка) и методологической базе;

– в качестве технологии, методики, механизмов соединения усилий отдельных людей для блага Отечества, для соединения усилий конкретных людей, партий, конфессий, структур власти, для продуктивного их взаимодействия с Президентом России Владимиром Путиным выступает российский гуманитарный стратегический компромисс по общезначимому для всех основанию – обеспечение безопасности каждого человека, каждой семьи, общества и государства;

– в рамках геокультурного подхода к изучению идеологий были привлечены возможности достижения идеологического компромисса между всеми идеологиями, которые представлены в России (кроме идеологий коррупции, терроризма и организованной преступности). Позитивный результат, полученный по итогам исследований позволил В.Н. Кузнецову представить народам России формирующуюся российскую объединяющую государственническую, патриотическую идеологию. Можно утверждать, на основе итогов исследований, что без такой национальной идеологии практически невозможно позитивно соединить усилия отдельных людей, институтов, общества и власти в работе по достижению Общенациональной Цели и Общенациональной Идеи;

– именно под влиянием формирующейся национальной идеологии может быть востребован и осуществлён стратегический общероссийский, евразийский, глобальный опережающий и предотвращающий компромисс, катализатором и творцом которого конкретно может выступить культура идеологического компромисса, культура гуманитарных взаимодействий, культура коммуникаций;

– одной из самых трудоёмких работ конкретного человека, российского общества в российском Проекте является «создание», «усвоение» и «развитие» нового мировоззрения XXI века. Исследования становления новой Московско-Шанхайской модели миропорядка, геокультурной парадигмы, Общенациональной Цели и национальной идеологии показали, что они могут быть осуществлены только при наличии современного мировоззрения.

Таким образом, можно предположить, что Российский Геокультурный Созидающий Проект XXI века – **Возрождение России** реально становится интеллектуальным, информационным и организующим ядром для единения народов России, для единения народов мира на основе стратегической партнёрской культуры компромисса.

Смысл, суть, содержание анализа глобальных перемен в 2007–2014 годах как в объекте и субъекте безопасности, в среде безопасности – именно всемирная структурная революция: каждый человек в мире заявляет свои права, свою ответственность по поводу безопасности. Это гуманитарная создающая революция всей структуры обеспечения жизни человека, его развития, его достоинства, его смысла жизни.

Оформление в рамках социологического научного дискурса международной дискуссии о смысле глобальной объясняющей модели (глобальной структурной гуманитарной революции XXI века) дополняет практики функционирования справедливого и безопасного рефлексией по поводу формирования, во-первых, новых правил игры при формировании и осуществлении международной повестки дня как 2014 года, так и последующих лет.

Тем самым автор предложил, во-вторых, фундаментальные основания новой глобальной доминанты научного дискурса – власть идей как новая идеология мироустройства XXI века.

В итоге политологического исследования социологической геокультурной теории безопасности, теории культуры развития Кузнецова можно констатировать, что на основе культуры диалога, культуры предотвращения можно в сжатые сроки приблизиться к созданию глобальной политики культуры мира и безопасности.

ВТОРАЯ ОСОБЕННОСТЬ – ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАЦИОННОГО НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ БЕЗОПАСНОСТИ

В ходе важного исследования «**Социальные сети модели информационного влияния, управления и противоборства**» его авторы: Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили практически впервые выделили «линию изучения коммуникационной безопасности» и сформулировали подходы по поводу обеспечения её безопасности (см. табл. 1). «*Коммуникационная сеть* способствует координации, – поясняют они, – и основной интерес представляет то, каковы свойства таких сетей, которые допускают коллективное действие. В [121] рассматриваются минимально достаточные сети, которые выстраивают агентов в *иерархию социальных ролей* / ступеней: "ведущие" (initial adopters), "последователи" (followers) и т. д. до "поздних последователей" (late adopters). Такие сети способствуют координации следующим образом:

- 1) информируя каждую ступень о более ранних ступенях;
- 2) формируя общее знание в пределах каждой ступени.

То есть обеспечивается понимание роли (локально) общего знания в коллективном действии и соотношение между структурой социальной сети и общим знанием»¹.

Особенно важно для решения проблем национальной безопасности России, для умной политики безопасности решение вопросов «коллективных действий», «понимания» действий государства, политиков.

Эти подходы наглядно структурированы на таблице 1 через обозначение общего, особенного и уникального во взаимодействии коммуникационной сферы («модели коммуникации») с информационными сферами в ситуации информационного противоборства.

Своеобразным комментарием к важности изучения «моделей коммуникаций» в сообществе моделей «информационного противоборства» (см. табл. 1) можно считать, по мнению автора статьи, тезис из интервью Дмитрия Новикова, одного из авторов книги о социальных сетях, журналу «Эксперт» в октябре 2010 года. Интервью было посвящено публикации книги «Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства». В журнале статья-интервью вышла с любопытным названием: «Наука блогерских войн». Вот один из завершающих интервью ответов Дмитрия Новикова, члена-корреспондента Российской Академии Наук. «Когда мы начинаем понимать, что какая-то область является актуальной с точки зрения безопасности, – отметил Д. Новиков, – всегда интересно посмотреть, что по этому поводу думает и делает, как раньше говорили, "вероятный противник". Так вот, открытых публикаций по этой тематике в западных журналах практически нет»².

Основным контекстом для сферы коммуникационной безопасности является более объёмная и значительная сфера безопасности России XXI века. Здесь можно отметить несколько трендов.

Таблица 1

«Теоретико-игровые» модели социальных сетей и их свойства*

Свойства	Классы моделей					
	Модели взаимной информированности	Модели согласованных коллективных действий	Модели коммуникаций	Модели стабильности сети	Модели информационного влияния и управления	Модели информационного противоборства
Наличие собственных «мнений» (состояний) агентов	+	+	+	+	+	+
Изменение мнений под влиянием других членов социальной сети	+	+	+	+	+	+
Различная значимость мнений (влиятельности, доверия) одних агентов для других	+	•	•	–	+	+
Различная степень подверженности агентов влиянию	–	•	•	+	+	+
Существование косвенного влияния	•	–	–	–	+	+
Существование «лидеров мнений»	–	–	–	–	+	–
Существование порога чувствительности к изменению мнения окружающих	–	–	•	–	–	–
Локализация групп	–	–	+	–	+	•
Наличие специфических социальных норм	–	–	–	–	+	•
Учёт факторов «социальной корреляции»	•	•	•	–	–	–
Существование внешних факторов влияния	–	•	–	•	+	+
Наличие стадий	–	–	+	–	•	–
Лавинообразные эффекты (каскады)	–	–	–	–	•	–
Влияние структурных свойств социальных сетей на динамику мнений, включая степенной эффект, эффект кластеризации, локальную промежуточность	•	+	+	+	•	•
Активность агентов	•	+	•	•	•	+
Возможность образования группировок, коалиций	–	–	–	–	•	•
Неполная и/или асимметричная информированность агентов	+	+	+	–	•	+
Нетривиальная взаимная информированность (рефлексия) агентов	+	–	•	–	+	•
Игровое взаимодействие агентов	•	+	•	+	•	+
Оптимизация информационных воздействий	–	–	–	–	+	+
Информационное управление в социальных сетях	–	–	–	–	+	+

Источник: Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010. С. 79–80.

* Примечание к табл. 1. 1. Столбцы соответствуют моделям.

2. Строки соответствуют эффектам, присущим социальным сетям.

3. Символ «+» на пересечении строки и столбца свидетельствует, что соответствующая модель, более или менее адекватно отражает соответствующий эффект.

4. Символ «•» свидетельствует, что модель учитывает соответствующий эффект.

¹ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхарташвили А.Г. Социальные модели: модели информационного влияния, управления и противоборства. М., 2010. С. 68.

² Рубченко М. Наука блогерских войн: Социальные сети становятся ареной информационного противоборства, уверен член-корреспондент РАН Дмитрий Новиков // Эксперт, 2010, № 42, 25–31 октября. С. 79.

Первый тренд – осознание обществом своей ответственности за эффективное обеспечение своей собственной безопасности.

Этапом в проявлении глобального, регионального (Азия, Европа), общероссийского смысла нового соотношения императива «общество – безопасность, безопасность – общество» стали агрессивные действия США, НАТО против Югославии весной 1999 года без санкции Совета безопасности Организации Объединённых Наций.

Суть этих действий в том, что *государственные структуры* стран-агрессоров без согласия народов своих стран, гражданского общества начали убивать граждан независимой страны, что может быть оценено как проявление государственного терроризма.

Отсутствие должной реакции со стороны ООН, глав государств и правительств, фактически способствовало агрессивным действиям США, стран НАТО и их сторонников против Ирака в 2003 году. Вместе с тем, повторное безнаказанное применение вооружённого насилия под видом «гуманитарной» акции показало, что граждане, безусловно, становятся невольными соучастниками и заложниками преступной политики, если доверяют государству всю полноту ответственности в международных отношениях.

Эти внешнеполитические уроки весьма предметно подкрепляются в сознании граждан России повседневными примерами отечественной практики. Негативные последствия социально-экономических перемен, состояние современных силовых структур государства диктуют необходимость существенного роста гражданской активности всех ответственных и здоровых сил общества.

Второй тренд – необходимость научного исследования и закрепления в научном дискурсе и в повседневной практике органической связи проблем общества, безопасности и развития. Итоги предпринятого изучения политики безопасности в России XXI века, получили реализацию в основополагающих государственных документах: Стратегии национальной безопасности (2009 г.) и Законе «О безопасности» (2010 г.).

В этих документах впервые органично взаимосвязаны смыслы таких феноменов, как общество и общественное, безопасность и безопасное. В Стратегии, в частности, достаточно полно представлена, впервые для России, концепция общественной безопасности: по сути – это будущая модель коммуникационной безопасности.

Третий тренд – научное изучение институциональных рамок (Правил Игры) общества и государства в сфере (секторе) безопасности, а также вне этого сектора в ситуациях, когда возникают проблемы личной, общественной, государственной, национальной безопасности.

На данном направлении необходимо исследовать и практически решать задачи:

- обеспечения должной локализации деятельности служб безопасности в рамках конституционно-правового порядка и разработки политики безопасности, а также инструментов для её реализации;

- наращивания возможностей для эффективной оценки политическими лидерами характера угроз безопасности и для разработки ответных мер стратегического характера, которые бы способствовали решению более широких задач в области социально-экономического развития;

- укрепления механизмов, обеспечивающих подотчётность сектора безопасности, путём предоставления возможностей для эффективного выполнения их функций государственными и негосударственными субъектами, ответственными за контроль над политикой безопасности и приведением законов в действие.

Более конкретные и краткосрочные задачи в рамках этой обширной программы могут состоять в усовершенствовании управления расходами на обеспечение безопасности, проведении переговоров об отказе военных от официальных политических ролей, отстранении их от решения вопросов внутригосударственной безопасности, укрепления эффективности сил безопасности, а также демобилизации и реинтеграции в гражданскую жизнь избыточного персонала этих ведомств.

В числе расширяющегося круга вопросов, тесно связанных с программой реформирования сектора безопасности, – предотвращение конфликтов, демократизация, защита прав человека и социально-экономическое развитие. Широкий спектр управленческих задач можно сгруппировать в следующие семь категорий.

Профессиональные силы безопасности. Профессионализация включает в себя развитие доктрины и навыков, техническую модернизацию, а также понимание значения подотчётности и правового государства.

Способные и ответственные гражданские власти. Соответствующие гражданские власти в исполнительных и законодательных органах должны обладать потенциалом для разработки политики безопасности и для управления и контроля в этом секторе.

Выдвижение на передний план защиты прав человека. Уважение к правам человека необходимо как гражданским лицам, так и сотрудникам сил безопасности.

Возможности и ответственность гражданского общества. Гражданское общество должно обладать соответствующими возможностями для наблюдения за сектором безопасности, содействия переменам и внесения своего вклада в политику властей по вопросам безопасности.

Транспарентность. Хотя некоторые вопросы безопасности требуют конфиденциальности, основная информация о политике в этой сфере, планировании и ресурсном обеспечении должна быть доступна как гражданским властям, так и общественности.

Соответствие международному и внутреннему законодательству. Сектор безопасности должен функционировать в соответствии с международным и внутренним конституционным законодательством.

Региональные подходы. Многие проблемы безопасности являются общими для стран одного региона; для обеспечения безопасности отдельных стран и их населения полезен общерегиональный подход.

Общепризнано, что ключевое значение для сил безопасности имеет формирование человеческого потенциала и институционального инструментария, которые требуются им для выполнения их законных функций. Силы безопасности обладают весьма прочным положением относительно других ветвей власти и граждан, что позволяет им влиять на процессы управления. Вооружённые силы, играя центральную роль в защите государственного суверенитета и власти, одновременно являются одним из немногих институтов, способных стать источником внутренней опасности для государства. Отсюда – исключительная важность разработки соответствующих стимулов для того, чтобы завоевать поддержку военных в отношении реформ.

Некоторые реформы могут быть сконцентрированы на совершенствовании технического профессионализма, однако, всё больший акцент делается на организационной перестройке в секторе безопасности в целях обеспечения должного гражданского контроля и управления силами безопасности.

Новое мышление в сфере безопасности отличается от прежних подходов признанием следующего:

- обеспечение защищённости граждан должно рассматриваться наравне с национальной обороной в качестве первостепенной задачи политики государственной безопасности;
- следует больше акцентировать внимание на роли гражданских субъектов как в формировании политики безопасности, так и в управлении ею (в годы «холодной войны» критическое значение механизмов управления во многом игнорировалось в рамках программ помощи в области безопасности, а организации, занимавшиеся вопросами социально-экономического развития, по большей части, избегали участия в деятельности, связанной с сектором безопасности);
- необходимо признание того, что существуют различные средства достижения целей безопасности. Традиционная опора, в первую очередь, на инструменты военной силы должна более эффективно дополняться дипломатическими, экономическими, правовыми, политическими и социальными механизмами, а также в большей мере превентивными действиями.

Кроме того, ясно и то, что во всех странах, включая промышленно развитые, на управление политикой безопасности воздействует целый ряд неформальных норм поведения и отношений, которые непосредственно формируются национальной политической, культурной и социальной средой.

Четвёртый тренд – стремительный рост гуманитарного аспекта во всех сферах жизнеобеспечения народов, общества, государства, в сфере безопасности. Этот синтезирующий фактор для трёх предыдущих особенностей проявился только на рубеже XX и XXI веков. За минувшее десятилетие понятие международной и государственной безопасности подверглись радикальной переоценке со стороны учёных, политиков и других лиц, ответственных за принятие решений. Порождённый в значительной степени окончанием «холодной войны» новый подход к вопросу безопасности открывает ряд возможностей проникновения в суть сложных проблем: растущие масштабы и сложности вынужденного перемещения людей, ответственность государства в деле защиты своих граждан, роль гуманитарных акций в тех случаях, когда государство не может или не желает предоставить такую защиту.

Ключевая роль в сфере современных гуманистических проблем может быть, по праву, отведена феномену *гуманитарной безопасности*.

В предлагаемой статье её автор достаточно кратко рассматривает динамику становления и функционирования основ гуманитарной безопасности, которая уже стала предметом детального анализа как в исследованиях учёных России¹, так и в работах зарубежных авторов².

Старт и генезис проблемы связан, на наш взгляд, с Хартией европейской безопасности, принятой главами государств и правительств государств – участников ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 года:

¹ Куршин Ю. Человечесберегающая военная безопасность мирового сообщества: взгляд в будущее. Клины, 2010.

² Etzioni Amitai. Security First: For a Muscular, Moral Foreign Policy. New Haven (st.), London, 2008.

– документ представляет философию безопасности для XXI века, институализирует определённую систему отношений, принципов, норм и общих ценностей сферы гуманитарной безопасности. Среди системно закреплённых понятий: партнёрство, сотрудничество, солидарность, консенсус, транспарентность, доверие;

– впервые гуманитарный аспект специально обозначен в политике безопасности: «Мы будем рассматривать человеческое, экономическое, военно-политическое измерения безопасности как единое целое», – подчёркивают участники ОБСЕ¹;

– впервые ключевые понятия глобальной и европейской безопасности «Мир и безопасность» в актуальном для XXI века контексте охарактеризованы через ценностные и нормативные категории – *сотрудничество* и *доверие*. В Хартии мы читаем: «Безопасность и мир должны быть упрочены с помощью подходов, сочетающих два основных элемента: нам необходимо укреплять доверие между людьми внутри государств и развивать сотрудничество между государствами»²;

– в разделе Хартии «Человеческое измерение» обозначена потребность введения нового института – «гуманитарной безопасности». Это, прежде всего, подразделы с 19-го по 27-ой, содержащие наиболее подробно прописанный и объёмный фрагмент проблемного поля европейской безопасности.

Теоретическая и практическая значимость Хартии, предложенная в ней система понятий и смыслов оказали существенное воздействие на формирование политики гуманитарной безопасности. Гуманитарное развитие, гуманитарная катастрофа, гуманитарная интервенция, гуманитарная дипломатия – эти понятия и близкие к ним термины широко входят в научный и практический оборот политиков, а также политологов, социологов, экономистов, юристов и международных³.

С положениями Хартии солидаризировались депутаты России. Уже 30 ноября 1999 года было принято Заявление Государственной Думы, где подчёркивалось, что «усилия государств – членов ОБСЕ должны быть направлены на обеспечение безопасности людей, защиту их прав, на борьбу с терроризмом»⁴.

10 января 2000 года была утверждена новая редакция Концепции национальной безопасности от 1997 года. Она содержала важное дополнение. В структуру основных понятий сферы национальной безопасности России введено понятие «народа» как главного субъекта и объекта безопасности⁵, наряду с личностью, обществом и государством.

В результате рассмотрения четырёх трендов состояния и динамики взаимодействия общества и безопасности можно сделать определённые выводы:

– надёжное, эффективное обеспечение безопасности современного общества возможно только при условии личного участия каждого человека в повседневной работе по предотвращению опасностей;

– необходим компетентный и повсеместный контроль самого общества над всей сферой безопасности;

– необходимо выявлять и учитывать гуманитарный аспект во всех сферах безопасности и жизнеобеспечения.

ТРЕТЬЯ ОСОБЕННОСТЬ – ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ, АВТОРСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

Автор статьи обозначила такую особенность «как **высокие гуманитарные технологии**, как сочетание социального, общенационального идеала и реальной истории. В этом понятии мы предлагаем выразить достижение целостного, синергетического по своей сути, эффекта за счет соединения научных достижений и технологий политической социологии, экологии, безопасности, психологии, политологии, экономики, информационных технологий»⁶.

Важно отметить, что здесь уже обозначаются основные концепты и конструкты, категории, которые составляют содержательную, методологическую, институциональную и процессуальную специфику коммуникаций, коммуникационного, коммуникационности, коммуникационной безопасности: общее дело, цель, смысл жизни, достойная жизнь, благополучие, человек, семья, Отечество, развитие, социальное, гуманитарное, общенациональный идеал.

¹ Хартия европейской безопасности (Стамбул, 19 ноября 1999 года) // Независимая газета, 1999, 23 ноября. С. 6.

² Там же.

³ Сергеева Л. Гуманитарная безопасность. Политологический аспект // ЭНДИСИ, 2000, № 3; Сухарев А.И. Политика гуманитарной безопасности (К вопросу о теории политики и практики безопасности) // Безопасность Евразии, 2000, № 1. С. 277–300; Явчуновская Р.А. Глобальные проблемы в человеческом измерении: (основы гуманитарной безопасности). М., 2001.

⁴ Заявление Государственной Думы: Об итогах встречи в Стамбуле глав государств и правительств государств – участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе // Парламентская газета, 1999, 11 декабря. С. 4.

⁵ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа и.о. Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) // Российская газета, 2000, 18 января. С. 3.

⁶ Сергеева Л.И. К вопросу о социологии и политологии общего дела // Третья научная сессия: Человек и Реформы в российском обществе. М.: Издательство РАГС, 1995. С. 349.

Практически сто лет назад, на рубеже XX века Н.Ф. Федоров для нас, вошедших во второе десятилетие XXI века, сформулировал исходный тезис общественной безопасности. «Жить нужно не для себя (эгоизм), – отметил он, – и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех»¹. Эти соображения нашего соотечественника были изложены им в важнейшей статье: «Вопрос о братстве или родстве и о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и средствах к воссозданию родства».

Коммуникация, коммуникационное – это средство воссоздания мира и родства, которое осуществляется в двух аспектах.

Первый аспект – разработка общественной системы безопасности, содействие формированию и функционированию которой в России являлось и является с 1990 года по настоящее время главной линией в работе научной школы замечательного мыслителя России Леонида Ивановича Шершнёва и большого творческого коллектива созданного им в Фонде национальной и международной безопасности, в информационном сборнике (журнале) «Безопасность».

Общественная система безопасности образуется и осуществляется членами общества, их объединениями. В сущности она представляет собой совокупность общественных, негосударственных структур, действующих в различных сферах безопасности, в самых различных масштабах – от страны до отдельной квартиры; имеющих свои задачи, функции, регулирование, управление, обеспечение.

Возникновение многочисленных структур на направлениях безопасности происходит, как правило, стихийно или спонтанно и является, зачастую, реакцией людей на реальное или вероятное возникновение угроз и опасностей их укладу жизни, потребностям и интересам. Тем самым осознанно или подсознательно общество как бы включает дополнительные общественные механизмы своей защиты, пытается страховать себя от ещё больших бед.

Второй аспект: личный путь безопасности. Эта программа направлена на создание в общественном и личном масштабе необходимых условий для самореализации индивидуальных возможностей безопасного существования. Ядром этой программы является формирование личности безопасного типа, что послужило основанием для названия одноименного проекта. Авторы проекта – В. Перевалов и Л. Шершнёв.

Появление проекта «Личность безопасного типа» обусловлено потребностью в формировании нового поколения людей, способных к более продуктивной и целеустремлённой деятельности по сохранению своего духовного и физического здоровья, окружающей природы, проявляющих постоянную активность в поддержании безопасного общественного и личного бытия. Современному обществу недостаёт осознания высокой идеи, реализация которой позволила бы сплачивать народы в достойном человеческом предназначении деле. Эта идея проста: личная и общественная безопасность реализуется в процессе комплексного достижения целей спасения человека, возрождения общинного духа и сохранения природы в условиях активно действующего движения всенародного масштаба.

Безопасное существование станет реальностью:

- если формировать в массовом масштабе тип личности человека, который не вредит самому себе, обществу и природе;
- если каждый гражданин станет источником конструктивных усилий по спасению народа от различного рода опасностей и прежде всего от братоубийственной войны;
- когда будет достигнут высокий общественный престиж и материальная обеспеченность людей, чья профессия связана с риском для жизни;
- когда каждая семья получит достаточное время для досуга и материальные средства для духовного и физического самосовершенствования;
- если общинный дух станет той силой, которая сформирует государство нового типа;
- если все мы научимся поддерживать здоровую жизнь в рамках административно-территориального образования;
- когда движение во имя безопасности человека, общины и планеты станет всенародным.

Проект предусматривает первичный и последующие этапы формирования личности безопасного типа и развития её на всём жизненном пути в самых разных условиях. В частности, в нём выделяются такие стержневые моменты, как обеспечение здоровья матери и ребёнка, их духовное и физическое развитие; переход на интенсивные учебно-воспитательные технологии, позволяющие в атмосфере сотрудничества родителей, педагогов и детей гармонично вырабатывать интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества личности; побуждение личности к безопасному поведению в социуме и природе.

¹ Федоров Н.Ф. Философия Общего Дела. Т. I. Верный, 1906. С. 96.

В своём обзоре журнала «Безопасность» в 1992–1994 г. «За безопасность современного гуманитарного пространства» доктор философских наук, профессор В.Г. Байкова¹ особо выделила серию публикаций о личности безопасного типа как одно из центральных направлений деятельности Фонда национальной и международной безопасности. Она обратила внимание на высокий гуманитарный созидательный потенциал этой технологии. «Формирование личности безопасного типа, – отметила В.Г. Байкова, – зависит, естественно, от темпов и глубины современного реформирования России, устранения социально-экономических, общественно-политических, правовых, культурно-идеологических причин, различного рода чрезвычайных ситуаций, угрожающих благополучию общества, государства, нации, конкретного человека. Вместе с тем оно обусловлено и степенью осознанности каждым гражданином необходимости самовоспитания именно в таком плане, целеустремленным движением людей к своему постоянному нравственному совершенствованию, гранью которого и выступает личность безопасного типа. Как таковая она является и целью и средством прогрессивного переустройства общественной жизни»².

В публикациях Фонда национальной безопасности, в его научных разработках, практической деятельности оба аспекта сохранены и развиваются в настоящее время.

Этот фрагмент статьи автора посвящён сущностному и процессуальному аспектам преемственности в становлении и функционировании научных школ (научные школы Л.И. Шершнёва, Ж.Т. Тощенко, В.Н. Кузнецова, Э.Г. Кочетова) в сфере общественных наук на рубеже XX и XXI веков; в сферах коммуникационного.

Предметом исследования является научная школа (социология, политология, экономика, философия, история) члена-корреспондента Российской академии наук, доктора социологических наук, профессора В.Н. Кузнецова. Через изучение итогов работы этой научной школы в XXI веке прослеживается обоснованность рабочей гипотезы представленного материала, а именно: наличие Большого Проекта (содействие возрождению России) в стартовых исследованиях создателя и лидера научной школы, а также фундаментальность самого процесса её функционирования являются объединяющими, коммуникационными доминантами неформального научного коллектива. Свидетельством состоявшейся школы является: представление в итогах работы нового, безусловно, оригинального научного знания мирового уровня (книги, доклады, статьи; учебные комплексы – учебники, учебные пособия, курсы лекций; разработка словарей, энциклопедий); закрепление своего места и статуса в специализированном научном дискурсе.

Формирование и поступательное развитие школы обеспечивают, прежде всего, работы В.Н. Кузнецова, подготовленные и опубликованные в 1999–2014 годах. В них исследуются проблемы теории и методологии безопасности; теории культуры безопасности; теории и методологии таких сложных феноменов, как справедливость, компромисс, партнёрство и пр.

В настоящее время можно обозначить, как минимум, пять научных трендов, предъявленных научному сообществу.

Смысл первого тренда: инновационность, парадоксальность и академизм в обосновании новой, особо актуальной для народов России сферы исследования (социология, политология, экономика, философия) – *культуры безопасности* через обеспечение надёжной и устойчивой безопасности человека, семье, народу, обществу и государству *коммуникационной безопасности*.

Впервые для фундаментальных научных исследований учёный в центр науки о безопасности России поставил проблему безопасности Общенациональной цели, идеалов, ценностей, смысла жизни.

Это в сущностном плане выражает преемственность с идеями главных работ П.А. Сорокина, А.А. Зиновьева, Р.Г. Яновского, Л.И. Шершнёва, Э.Г. Кочетова и др.

Смысл второго тренда: самостоятельность и оригинальность академической полноты, доказательности исследований В.Н. Кузнецова была оперативно предъявлена научному дискурсу, научной общественности России и других стран. Ключевые идеи Большого Проекта – Возрождение России XXI – стали предметом коммуникационного феномена – общеакадемической открытой научной дискуссии осенью 2003 года (впервые за 30 лет для общественных наук в сфере РАН), а также общероссийской открытой научной дискуссии осенью 2004 года.

Смысл третьего тренда: ясность, честность и чёткость в разъяснении своей личной позиции в исследовании деликатных и значимых для всех проблем (безопасность, научная парадигма, идеология, миропорядок, мировоззрение, справедливость, компромисс, партнёрство) привлекли к совместной работе необходимый и достаточный круг учёных оригинально мыслящих и ориентированных на служение народам России, Отечеству, сохранению глобального Мира и Безопасности. Это социологи и философы: Р.Г. Яновский, А.С. Капто, Г.Г. Силласте, Е.В. Никонорова; политологи: С.В. Кортунов, Р.А. Явчуновская; экономисты: Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир.

¹ См.: Байкова В.Г. За безопасность современного гуманитарного пространства (Тематический обзор информационного сборника «Безопасность» за 1992–1994 г.) // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. Вып. 2. 1995. С. 2–18.

² Там же. С. 11.

Смысл четвёртого тренда: уникальность и оригинальность научной институционализации, обеспечившей стартовое разнообразие учёных, организаторов проекта научной школы. «Сложилось» три своеобразных, неформальных «русла». Первое, с 2000 года для учёных начал действовать (2–3 раза в год) научно-методологический семинар «*Высокие гуманитарные технологии XXI*», а с 2001 года – весенняя и осенняя научно-теоретические конференции по итогам проведённых исследований, по обсуждению значимости, востребованности новых линий исследования. Второе, с 2000 года стал выходить (4 раза в год) научный рецензируемый журнал «Безопасность Евразии» (объём 100 печатных листов). В настоящее время выходит 2 раза в год, объём 50 п. л. Импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) за 2010 год – 0,139. Третье, с 1999 года выходит научный альманах высоких гуманитарных технологий (непериодический) «НАВИГУТ» и отдельные доклады для обоснования новых прорывных идей и направлений.

Смысл пятого тренда: совместная работа учёных в научной школе В.Н. Кузнецова, неформальная, на основе служения России, представлена в печати и в Интернете. Это информация об авторах, их публикации, коллективные работы, итоги их рецензирования и обсуждения.

Таким образом, научная школа В.Н. Кузнецова отражает преемственность в изучении новых проблем, поиске ответов на вызовы современности посредством объединения усилий научной общественности; посредством коммуникационного действия, процесса.

Общее в становлении и функционировании научной школы в любой сфере науки – это коммуникация: систематическое предъявление итогов исследований, реально востребованных как научной общественностью, так и обществом в целом.

Особенное для научных школ в области социальных и гуманитарных наук может быть определено как коммуникационное: единство заявленных целей исследований, гражданской позиции и поступков лидера и участников школы.

ЧЕТВЁРТАЯ ОСОБЕННОСТЬ – РЕАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК К КОММУНИКАЦИОННОМУ, К КОММУНИКАЦИОННОЙ ЭРЕ

Определённо можно предположить, что именно, прежде всего, в гуманитарной сфере значимость, уникальность коммуникационного, коммуникационной безопасности, позволяют опереться на позитивный аспект информационного, а также минимизировать негативные аспекты информационного в цифровой век.

Именно этот аспект в решении научной проблемы политологии коммуникационной безопасности выделил Иван Ерёмченко в своей рецензии по поводу выхода книги Э. Макаревича и О. Карпутина «*Последний бастион. Глобальная Культура коммуникаций*» (М., 2011).

«СССР был экспериментальным полем гуманитарного сопротивления, скорее, попыткой его, – поясняет в своей рецензии И. Ерёмченко. – А вот истинное гуманитарное сопротивление понадобилось, когда пришла эра глобализации. Именно тогда настал час теории Мануэля Кастельса, мыслителя из Испании, нашедшего себя в США, – "самобытное сопротивление" постмодернистскому обществу. Это значит, что глобальным сетевым системам, культуре "виртуальной реальности", технологиям ради технологий, безграничной свободе денег, порождающей кризисы, противостоят различные сообщества людей, защищающих свой мир, дорожащих своей исторической памятью, утверждающих свои ценности. Такая "самобытность" неплохо цепляет сознание, да и душу тоже.

Самое интересное, что оружием "самобытного сопротивления" становится глобальная культура коммуникаций. Потому как она впитывает опыт сопротивления от профессорских умов, принадлежащих разным эпохам, историческую память, новые коммуникационные технологии, традиционные ценности (Бог, нация, семья) и, наконец, производство смыслов, А смыслы всё больше крепнут вокруг идеи жизни, идеи развития, идеи личности»¹.

Любопытно, что именно новый гуманистический подход XXI к коммуникационному проявился в нескольких работах самых разных авторов.

Философ Фёдор Гиренок в своей книге «*Удовольствие мыслить иначе*» (М., 2008) в разделе «*О философии*» отдельный фрагмент посвятил теме «*О коммуникативной природе современности*»².

Коллектив философов под руководством П.К. Гречко и Е.М. Курмелёвой в 2009 году подготовил уникальную работу «*Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы*» (М., 2009), в которой осуществили исследование «*социального (социальности) как смысло-означенного бытия, конституирующегося в координатах коммуникации и её диспозиционной инфраструктуры*»³. (Выделено мною. – Л.С.).

¹ Ерёмченко И. Заговор жрецов // Литературная газета, 2012, № 1–2, 18–24 января. С. 11.

² Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М., 2008. С. 28–37.

³ Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелёвой. М., 2009. С. 2.

Практически впервые генезис становления коммуникационного, коммуникационного подхода, коммуникационного общества в контексте информационно-коммуникативного общества представлен как осуществление чёткой научной проблемы, оформленной научной гипотезы. Это исследовано в 2009 году Е.И. Горошко, заведующей кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»¹.

Особенно интересен и перспективен раздел 1.3 «Коммуникативный сдвиг в теоретических подходах к анализу информационного общества» (в составе Главы 1. Информационное общество: теория и реальность)².

Своеобразным подведением итогов исследования становления коммуникационной парадигмы, коммуникационного общества можно презентовать ещё одну работу Фёдора Гиренка, профессора философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Через четыре года, в 2012 году, после книги «Удовольствие мыслить иначе» Ф. Гиренка опубликовал важную статью «О коммуникативной повороте гуманитарных наук»³. Четыре года до этого феномен «коммуникативного» Ф. Гиренка рассматривал вне динамики, поворотов, перемен. Теперь он предложил определённый генезис общественных наук: первая половина XX века – *социальные науки*; вторая половина – *гуманитарные науки*.

Здесь же Ф. Гиренка обозначил необходимость обогащения гуманитарного потенциалом когнитивных наук, антропологическим. Для такого содержательного синтеза гуманитарной сфере потребовалось устойчивое (даже нейтральное) влияние коммуникативного. Именно в этой стадии надёжного функционирования гуманитарного потребовалось коммуникационное: коммуникативный поворот⁴.

Что интересно, по ходу исследования, размышлений Ф. Гиренка по поводу коммуникативного поворота гуманитарных наук в 2012 году необходимость участия информационного, информационной парадигмы отсутствует.

* * *

В заключении представленной статьи необходимо предложить несколько обобщающих соображений.

1. На рубеже XX и XXI веков стремительное повсеместное распространение информационных подходов, технологий стало всё полнее сопровождаться сращиванием информационного и потребительского обществ. Их взаимосвязь стала «выдавливаться» их постоянного спутника – коммуникационную компоненту, коммуникационное.

Для коммуникационного всё более желательным стал культурный, гуманистический контекст.

2. В 2003–2005 годах диалог, доверие, компромисс, гуманитарная безопасность, человеческое содействовали формированию (параллельно с информационным обществом) коммуникационного общества.

3. Главная доминанта, отличительная особенность коммуникационного: преодоление потребительского подхода, ориентация на производство гуманистических смыслов, методологий и концепций для понимания и взаимопонимания людей и народов, производящих эти смыслы.

4. В 2000–2014 годах с участием российских и зарубежных учёных оформился и начал функционировать специализированный научный дискурс по вопросам политологии, философии, социологии, психологии коммуникационного, коммуникационной безопасности.

5. Исследования российских и зарубежных учёных 2000–2014 годов позволили обосновать вхождение науки о коммуникационном, о коммуникационной безопасности в действующий корпус общественных наук.

¹ Горошко Е.И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков, 2009. С. 36–55.

² Там же. С. 49–53.

³ Гиренка Ф. О коммуникативном повороте гуманитарных наук // Литературная газета, 2012, № 30, 25–31 июля. С. 11.

⁴ Там же.

Россия и Мир (диалог: большой глобальный разговор в полный голос о судьбах страны и мира – российские инициативы)

Не докучайте России мелочными уколами, не тревожьте её: Россия помнит всё и ничего не потеряла, она там, где была, она не удручена и не устала, она спокойно осматривается, она приседает на задние лапы, она тихо освобождает передние! А далее – вперёд! Бросок в новые горизонты! Новый Ренессанс!

Включённость России в «Большой диалог» не конъюнктурный всплеск в большой мировой политике. Будучи общепризнанным игроком на мировом поле, неразрывной частью мирового сообщества и мировой системы, Россия охватывает общим взглядом мировое проблемное пространство. Но, вступив на площадку глобального диалога, Россия демонстрирует свой особый настрой (подход) к нему. Этот настрой вытекает из того огромного кризисного «цунами», который прокатился по миру и своим крылом особо задел Россию. Россия вышла из ситуации с честью и в новом облике предстала как субъект глобального диалога, генерируя новейшие глобальные инициативы, заявляя о них в полный голос на самых высоких мировых интеллектуальных площадках. Рациональность, прагматизм, деловой подход – вот мерка, с которой подходит Россия, вступая в диалог по самым насущным проблемам нашего мира.

1. РОССИЙСКИЙ НАСТРОЙ НА ДИАЛОГ

Позитивный взгляд России на диалог имеет свой контекст. Россия далека от инфантильности: мировые проблемы требуют активной, наступательной позиции в их решении, и настрой на диалог – это долговременная российская программа по снятию напряжённости в мировых делах, поиску достойных ответов на вызовы времени, сохранению баланса глобальных интересов. Какие наиболее яркие акценты этой программы?

1.1. Диалог как условие и действенный инструмент развития России

Что бы в мире не происходило, какие бы события не надвигались на предыдущие и не сминали их, реакция на них единая во всём мире, она отработана столетиями: а, именно, давать им оценку с нескольких позиций:

- с позиции того, насколько затрагивают эти события интересы той или иной страны;
- какой тренд развития выстраивают эти события во всемирном (глобальном) масштабе;
- каким образом та или иная страна может вписаться (или не вписаться!) в общий ход мирового развития.

Все эти моменты проясняются через диалог, и Россия чётко и ясно держит руку на пульсе всех мировых трансформаций и через свои разветвлённые внешние службы выходит на проблемное поле диалога и вырабатывает чёткую позицию по вышеотмеченным трём событийным векторам, предлагая миру своё видение по каждому из них.

Волею судеб, случайно или неслучайно (вопрос не в этом!) для России в настоящий момент сошлись в одновременной постановке два проблемных вопроса: с одной стороны, новые реалии «внешнего» мира неумолимо стучатся в окна России, а, с другой, – нужны новые инструменты (институты), чтобы осознать это. И вот здесь-то во весь рост встают ещё более насущные вопросы, вопросы первостепенного ранга.

Эти вопросы отображают две стороны проблемы:

- 1) проблемы внутреннего характера, которые определяют общий механизм и формируют внутреннюю среду, отвечающую эффективному реагированию на внешние пертурбации;
- 2) совершенствование системы диалогических институтов, способных не только к постановке Россией тех или иных повесток глобального диалога, но и обладающих механизмами реализации договорённостей.

Что касается первой, **«внутренней»**, стороны поставленного вопроса, то здесь просматриваются вопросы внесения существенных изменений во внутренний регламент внешнеполитического действия. Первостепенные из них:

– вопрос об инвентаризации нашего научно-концептуального внешнеполитического и внешнеэкономического «багажа», его критический разбор и «тонкое просеивание»; как при этом поддержать новые научные направления и школы, не «затоптав» их в схватках за научные (и не только научные!) кресла; как открыть шлюзы для творческой молодёжи; как преодолеть научное

«кумовство» и семейственность, жесточайший лоббизм и групповые, далеко не научные интересы; как вскрыть и высветить во всей «красе» рецидивы «интеллектуального рабства» и пр.;

– вопрос о взаимодействии власти и науки: как выстроить отношения между административными структурами и научными институтами, с нарождающимися исследовательскими университетами, с уже сложившимися исследовательскими центрами (в т. ч. общественными научными структурами) с их интеллектуальными наработками и творческими связями во внешнем мире;

– и, наконец, вопрос о том – кто, как, каким способом и с какими целями взойдет на научный внешнеполитический олимп.

Что касается второй, «*внешней*», стороны поднимаемой проблемы, то здесь не избежать решения уже давно назревших и всё ещё пребывающих втуне проблемных вопросов:

– назрел вопрос о существенном пересмотре государственно-доктринального подхода к внешнеполитической стратегии России, исходя из тех уже набравших силу и стремительно развивающихся тенденций на мировой арене: речь идет о расстановке акцентов оперирования в геоэкономическом, геополитическом и геостратегических пространствах, их приоритетах и направленности развития;

– в этой связи на передний план выдвигается вопрос о содержательной части «внешней» доктрины России: что заложить в её научно-концептуальный фундамент, какие главенствующие новации и мировые тренды должны попасть в поле зрения, и как бы по инерции традиционного менталитета, мышления и «смазанной оптики» не «вкатиться» в старую наезженную, – международную, – колею, из которой Россия только-только выбирается;

– перед Россией в свете вышеизложенных моментов стоит вопрос о выработке новейшего инструментария внешнеполитического оперирования на мировой арене, включающего в себя глубокое реформирование российского представительства на мировой арене; внесение существенных коррективов в систему представительства во внешнеполитической, внешнеэкономической, военно-стратегической, культурологической и т. д. сферах; корректив в организационно-функциональное обустройство (новый их ранг, целевые установки, механизмы взаимодействия и т. д.);

– полная инвентаризация действующих мировых диалогических площадок (мировых форумов, конференций, круглых столов, семинаров и т. д.), на которых представлена Россия, с тем, чтобы исключить имеющуюся в настоящий момент разногласию и, зачастую, нескоординированность в тематической постановке тех или иных повесток дня на этих площадках. Этим призвано положить конец не только тематическому разнобою в диалоге, но и отсечь ту сложившуюся нездоровую тенденцию, когда на внешних площадках диалога идет смычка оппозиционно настроенных сил и превращение их в поле «разбора полетов» внутрироссийских проблем. Зачастую такие форумы превращаются в «выездные сессии» тех или иных оппозиционных сил и итоги таких «мероприятий» не только *подрывают имидж России и её статус*, но и наносят существенный ущерб стремлениям России отстаивать свои национальные интересы на пути к гармонизации отношений на мировой арене.

В целом можно констатировать, что в современных условиях диалог по проблемам мирового статуса для России приобретает особо важную роль и значимость. В принципе, он несет кумулятивный (остронаправленный) эффект по реализации не только принятого курса России на глубокую модернизацию, но и способствует формированию необходимой для реализации этого внешней среды. Вот почему назрела острейшая необходимость в институциональном «переформлении» диалогической сферы, и не исключено появление в этом плане новейшей структуры в рамках администрации Президента либо Правительства РФ.

Вот круг вопросов ближайшей «внешнеполитической повестки дня». Вопросов много, но помимо них я поднимаю один наиболее острый и, как мне кажется, уже «залежавшийся» – делаю попытку представить своё видение *содержательной части новой внешнеполитической доктрины*, исходя из своих научных воззрений, опыта и желания обозначить опорные блоки её построения.

Сосредоточим на этом внимание. Это важно и потому, что мучительный подъём России сопровождается тяжелейшим процессом расставания со старыми парадигмальными воззрениями, доставшимися нам в наследство не только от 70-летней деформации российского человека, но и с грузом столетней давности, наложившим глубочайший ценностный отпечаток на ценностный реестр бытия – Россия практически не знакома с понятием «свобода», с понятием «ценность человека и его жизни» как высшими категориями при оценках смыслов, стимулов и мотиваций.

1.2. Россия сбрасывает гири «холодного» прошлого: отход от геополитических и идеологических разборок со всем миром

Россия меняет «оптику», она смотрит на мир, её окружающий, открытым, смелым, незамутнённым прошлыми догмами взглядом. Такая смена оптики позволяет России видеть реалии, руководствоваться ими и прокладывать свой путь в мире, где ещё живучи различные рудименты прошлого. И среди них особо тягостное наследие – инерция остаточного мышления от «холодной» войны. Для некоторых сил, как в России, так и в мире до сознания всё ещё не доходят предпосылки качественной трансформации мировой системы.

Для них застыло время! Ну, кто сказал, что наступил XXI век! Геополитики, например, всё ещё живут в веке XX и чувствуют себя неплохо. Не так-то просто перебираться из века в век! Можно и не знать, что на дворе XXI век – век геоэкономики. Можно сидеть дома в обнимку с глобусом, обременённым прошлым, – гирями из тяжёлого сплава идеологии и геополитики.

Но это до поры, до времени. Жизнь берёт своё! Новый мир – **глобальный, геоэкономический**, – стучится в окна, свежий ветер перемен не оставляет надежд – надо выходить наружу! Сейчас Россия переживает этот решительный момент. Момент истины после кризиса! Все основные игроки уже вышли на мировую арену – геоэкономический атлас мира, – осмотрелись и, не мешкая, приступили к делу, – к посткризисному обустройству мира на новых базовых принципах и началах, к штурму геоэкономического пространства. И здесь России не пристало засиживаться! Нужно поспешать! И президент России Дмитрий Медведев бросил клич: **«Россия, вперёд!»**.

Призыв услышан! Шанс столетнего ранга – поворот к реальностям!, к геоэкономическому миру, шанс, наконец-то, освободить Россию от зашоренности прошлого: **Россия плохо «ходит», мешают гири, гири «холодного» прошлого – геополитические.**

С призывом **«Россия, вперёд!»** в российской интеллектуальной атмосфере «разлита» свежесть, ясность и огромная убеждённость в верности постановок стратегических задач, которые нам предстоит решать. Призывы к строительству Новой России, диалог о настоящем и будущем нашей страны!

Россия «устала» от геополитических разборок «всех со всеми», от бесконечного поиска врагов как вовне, так и внутри (на чём специализируются все мировые ультранационалистические школы мира!), Россия сбрасывает гири тяжёлого наследия и формирует новый взгляд на вещи. Попробуем их объединить в сжатом виде в 5-ти стратегических акцентах, которые, при определённом развитии вытекающих из них контекстов, могут и должны быть поставлены в центр диалога как в России, так и вне её.

1. Россия осознаёт реалии, в которые погружается наш мир и где всплывают новейшие тенденции его развития. Признавая это, Россия начинает играть по правилам оперирования на мировой хозяйственной арене, подтверждая это своей внешнеполитической доктриной.

2. Россия оставляет позади вялость и инфантильность своих действий на внешней хозяйственной арене. Глобальные игроки ведут негласный, скрытый геоэкономический передел мира. Фактически без России. Причина: наша инерция мышления времён «холодной войны»; подмена геоэкономики геополитическими и псевдо-патриотическими изысками с поиском врагов и избыточной милитаризацией сознания. Это обессиливает Россию.

3. Разразившийся финансово-экономический кризис высветил фазовые конфигурации нынешнего этапа геоэкономического передела мира: энергетическая фаза – технологическая фаза – институциональная фаза – гуманитарная фаза – военно-стратегическая фаза. Геоэкономические факторы предопределяют последовательную смену фаз и их гармонизацию. Геополитические же факторы обуславливают противофазы, обрыв фаз; способствуют их амплитудному наложению, ведущему к разрывам логики развития, резонансным взрывам неопределённости. Россия смело вступает во взаимоотношения с внешним миром по всем фазам логической цепи мировых трансформаций.

4. Россия намерена покончить со слабой рефлексией на глобальные вызовы. Пришло осознание, что экономика (а в глобальном масштабе – геоэкономика) в настоящий момент предопределяет аранжировку всех стран по их силе, мощности и влиянию. Экономика – центральный агент среды безопасности, как в глобальном, так и в локальном (национальном) аспектах. В этой связи предстоит наверстать упущения, допущенные в ходе осознания глобальных реалий. Среди таких упущений назовём только несколько:

а) игнорирование предупреждений научного сообщества о надвигающихся мировых трансформациях, в частности, о начале геоэкономического обустройства мира («Геоэкономический вызов России», 1995 г.). Та же ситуация с установками государственно-доктринального плана. Так, долгое время не получала развития стратегическая установка «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 1996 года о «разработке и принятии новой национальной внешне-

экономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». Фактически выведены «за скобки» установки VIII съезда партии «Единая Россия» о необходимости «научиться эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» («План Путина – достойное будущее великой страны», 2007 г.).

б) отсутствует идея геоэкономической экспансии (при наличии российских национальных интересов, далеко вынесенных за национальные границы). Не найдена приемлемая для России форма геоэкономических действий (стратегия) и не создана соответствующая институциональная база;

в) в стране отсутствуют геоэкономические институты. Назрела необходимость формирования Геоэкономического комитета; Федеральной геоэкономической академии; Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования. Наиболее приемлемая их форма – частно-государственное партнёрство при инвестициях на выполнение прорывных проблемных исследований по всему исследовательскому циклу. На повестке дня – создание реестра «ударных» российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса, которым государство делегирует реализацию геоэкономических интересов, а также Сил быстрого геоэкономического реагирования (возможно на совместной основе) по защите геоэкономических объектов;

г) неувязка идеи модернизации с геоэкономическими векторами. Геоэкономическая цель – прорыв к мировому доходу в сочетании с оптимальной консолидацией национальных и мировых ресурсов, – очень слабо воспринимается бизнес-сообществом. Геоэкономические ресурсы, имеющиеся в распоряжении России, распылены. Комплекс геоэкономических задач, среди которых приоритетное положение должны занимать подъём высокотехнологичных секторов национальной экономики (ядерная энергетика, аэрокосмическая отрасль, био- и нанотехнологии, инфраструктурная инженерия) всё ещё в зародышном состоянии;

д) слабое формирование геоэкономических территориально-промышленных сетевых кластеров Большого Урала, Сибири и Дальнего Востока. Идёт постоянное запаздывание в определении и содержательном наполнении геоэкономических векторов (СНГ, Арктический регион, Тихоокеанский ареал «мирового роста»).

И это всё притом, что сформировалась и получила мировое признание российская школа геоэкономики и глобалистики! Нужны геоэкономические инициативы, программы, проекты! и они у нас уже есть. Примером может служить создание Рабочей группы «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» в Государственной думе. России как воздух нужна геоэкономическая экспансия (в её здоровом понимании!), опережающее движение к новой точке стратегического равновесия мира, к балансу геоэкономических интересов. И это не наша прихоть, так устроен современный мир, и мы хотим (и должны!) играть по его правилам!

5. Разрыв с прошлым диктует необходимость в сжатые сроки принять Геоэкономическую доктрину и стратегию её реализации! Объективно обусловлено формирование тех частей российской геоэкономической доктрины (например, американского, китайского, западноевропейского и др. векторов), которые нейтрализуют экономическую экспансию основных глобальных игроков путём достижения баланса геоэкономических интересов. Здесь основным содержанием должны выступить российские инициативы и проекты инфраструктурного развития важных как для России, так и для её глобальных партнёров элементов геоэкономического ландшафта.

1.3. «Вогнать» острые мировые проблемы в русло диалога, держать стратегическую паузу – завершить стратегический манёвр исторического масштаба!

На переломе веков перед Россией явно обозначилась стратегическая развилка, от которой могут сформироваться два различных тренда, ведущие Россию в длительную перспективу своего развития. По большому счёту здесь выбор сводится к двум парадигмальным моментам:

Первый тренд. Национализм в его самой откровенной, «тяжёлой» форме. Корни его в мире далеко ещё не выкорчеваны: гитлеризм, сталинизм и труменизм как апофеоз националистической доктрины крепко держат мир и его национальные ячейки твёрдой хваткой. И здесь грандиозная опасность – время постепенно выветривает из сознания молодых поколений страшные страницы нашего ближайшего прошлого.

Геополитики всех мастей раздувают ячеистость, локальность нашего сознания и, вкуче с историками геополитического пошива, постоянно ныряют в небытие и достают оттуда мёртвые парадигмы: исключительность некоторых народов, ценность чужих пространств для национальной идентичности, схватку континентальных стран с прибрежными (здесь геополитический примитив доходит до абсурда – «море дуется на сушу!»). Искусственно подогреваются галлюцинации и цивилизационные разломы, идёт милитаризация сознания через воспевание культуры войны и культуры смерти и т. д. Жупел национализма – опасность первого ранга!

Россия не избежала этого. В условиях, когда история смыкает в небытие обветшавшие геополитические парадигмы, сталинисты и ультрапатриоты всех оттенков оживились. Они отсиделись на политологических, культурологических, социологических и пр. кафедрах, фондах и других структурах и вновь заявили о себе в попытках «научно обоснованно» подорвать мощно заявивший о себе демократический вектор свободы в её самом первоизданном аспекте – свободы сохранения жизни и жизнеутверждающих начал человека. Этот выбор в планы геополитиков не входит – это претит их внутренней органике! Геополитики объединяются, протягивают руку зарубежным ястребам и националистическим общественным движениям и это прорывается в повестки дня диалога на различных интеллектуальных площадках. Здесь срабатывает «невинность» самого действия – почему бы не побеседовать, не порассуждать о некоторых мировых альтернативах. Что мол, плохого в том, что имеются «другие», «иные» мнения и «точки зрения» на некоторые вопросы. Но, это не так безобидно, как кажется! Уже не исподтишка, а на вполне формальной (официальной) основе идёт открытая пропаганда реваншистских идей, неминуемой «схватки» за идеологические галлюцинации, мифологемы, стратагемы и т. д.

Какова альтернатива установкам первого тренда? Россия (а вместе с ней здоровое интеллектуальное ядро мирового истеблишмента) видит другую траекторию развития мировых событий, другие повестки дня на мировых площадках диалога. И это формирует иную траекторию на мировой развилке.

Второй тренд. *Россия может и должна одна из первых уйти в новые горизонты цивилизационного развития, став этноэкономической системой мирового класса.* Перспектива эта реальна, но пока только стратегически кажется отдалённой. Сейчас же Россия должна совершить **двухфазовый манёвр исторического масштаба.**

Его **первая фаза** – вобрать в себя геоэкономические реалии, все преимущества информационного общества, подтянуть институциональную основу до уровня мировой, с тем, чтобы на этой основе войти в мировые воспроизводственные цепи (ядра) и быть «признанным» участником формирования и перераспределения мирового дохода. В этом отношении уже формируются теоретические и методологические основания для реализации ключевой задачи государства и общества, нацеленные на разработку и принятие новой доктрины развития России в XXI веке и «разработку стратегического арсенала её реализации», как это было намечено в послании Президента по национальной безопасности Федеральному собранию (1996 г.) исходя из общих тенденций мирового геоэкономического развития и необходимости опережающей модернизации.

Учитывая техногенную составляющую в этом симбиозе, Россия должна в сжатые сроки войти в процесс подключения к мировой инновационно-технологической системе по основным её направлениям (информатика, телекоммуникации, биогенетика и биоинжиниринг, аэрокосмические технологии, новые материалы и источники энергии и др.) – первая фаза стратегического манёвра в освоении геоэкономического пространства и пролог к Мирозданию нового Ренессанса.

Но не только в этом стратегическая задача России на ближайший исторический отрезок времени. Успех в первой фазе стратегического манёвра диктуется требованиями национальной безопасности – острой необходимостью в сжатые сроки выйти на формирование высокого техногенного уклада с тем, чтобы переоснастить силовую компоненту страны по самому последнему слову инновационной науки.

Затем – **вторая фаза стратегического манёвра** – уход в новые горизонты цивилизационного развития. Речь идёт о вызревающей в недрах постиндустриализма новой, неэкономической модели цивилизационного развития.

Центральным атрибутом неэкономической выступают этноэкономические системы, формируемые на базе этноэкономической транснационализации.

Этноэкономическая транснационализация (*Ethnoeconomical transnationalization*) – вынесенный за национальные рамки воспроизводственный процесс, основанный на влечении в интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы) различных элементов этнокультурной среды в целях производства «качества жизни».

Стратегическая пауза не бесконечна: геоэкономический передел мира набирает темпы. Основные игроки мирохозяйственной системы – США, Китай, Индия, Западная Европа, Япония, Бразилия – словно не сговариваясь двинулись в геоэкономический поход в борьбе за мировой доход, за передел зон экономического влияния. Причём по большому счёту здесь верх берёт здоровая геоэкономическая конкуренция: все страны – участники мировых воспроизводственных циклов видят свою стратегию национального развития в: 1) консолидации мировых ресурсов для национального развития; 2) своевременном выходе на ареалы мирового роста, которые уже ясно просматриваются на геоэкономическом атласе мира; 3) гармонизации взаимодействия на мировой экономической арене в целях поиска геоэкономического баланса интересов; 4) коллек-

тивном формировании сил быстрого геоэкономического реагирования, «нависающих» над зонами национальных интересов и способных к их защите. Всё это постепенно выступает центральной повесткой мировых диалогических площадок.

Таким образом, Россия, взяв во главу угла своей внешней политики реальную практику преобразующегося мира, смело и открыто заявляет всему миру о предсказуемости в своих действиях, формируя в национальных рамках среду адекватную мировым условиям, и при этом внося свой вклад в дело толерантности во взаимоотношениях с внешней (мировой) системой.

1.4. Россия и внешний мир: толерантное настоящее и предсказуемое будущее – «тыловые атрибуты»

В мире уже стал «общим местом» призыв к «*толерантным*», «*взвешенным*», «*предсказуемым*» отношениям между участниками на мировой арене. Здесь прижилась определённая двусмысленность: мир не так прост, как может показаться многим, впервые выходящим на его арену, и воспитанным в автаркических (замкнутых) локальных (национальных) системах. Особая жёсткость в мировых взаимоотношениях проявляется в экономической (геоэкономической) среде. Ведь, в принципе, здесь идёт тщательнейший поиск возможностей включения в мировые воспроизводственные циклы, а стало быть, к доступу к формированию и перераспределению мирового дохода как доли каждого участника.

И вот здесь-то понятие «толёрантность» принимает принципиально иной смысл. По своей понятийной (категориальной) значимости толерантность в мировых делах – это фон, позитивный настрой, высший уровень в отношениях между субъектами мирообщения, будь то государства, наднациональные структуры, различные партии, общественные движения и т. д. Уже сам процесс, в основе которого лежит желание найти общий язык и общую платформу по разрешению тех или иных противоречий между субъектами общения, уже составляет сердцевину понятия толерантности в глобальном измерении. Но далее толерантность как категория, освещающая общий процесс, уступает место другим категориям, среди которых такие как «компромисс», «согласие», «доверие» и т. п. Но договорённости в таких сферах размежевания как цивилизационные, геоэкономические, военно-стратегические интересы меняют дело: здесь уже толерантность не должна восприниматься как «покладистость» партнёров по отношению друг к другу. Зачастую в нашем мире «покладистость» участника есть признак слабости, неспособности предъявить **«тыловые атрибуты»** равенства в партнёрстве.

Как правило, в качестве таких «тыловых атрибутов» выступает: 1) либо мощная финансово-кредитная, национальная и транснациональная система; 2) либо мощный и общепризнанный промышленный воспроизводственный анклав, инновационный и высококомобильный в мировом измерении; 3) либо общепризнанная (оберегаемая Мировым сообществом!) культурологическая, высокодуховная модель; 4) либо экологические системы, формирующие общую благоприятную равновесную природно-климатическую систему и т. д.; 5) либо наличие на протяжении длительного времени нейтралитета, т. е. позиционирования в мире в качестве оазиса, сохраняемого Мировой системой и Мировым сообществом при любых коллизиях, конфронтациях, военных столкновениях и т. д.; 6) либо военно-стратегический тыловой атрибут в лице ядерных сил (попросту говоря, наличие атомной и/или водородной бомбы, т. е., как любят говорить дипломаты, – «средств сдерживания», а военные – «средств возмездия»).

Каждая страна умело манипулирует этим тыловым ресурсом, добиваясь тех или иных выгодных для себя условий.

Конечно, можно (и важно) рассмотреть любую страну, участвующую в глобальном диалоге по тем или иным повесткам через призму «тылового атрибута» и каждая страна может найти себя, в принципе, в той или иной градации и бросить при необходимости тыловой аргумент на чашу весов. Нам же интересно посмотреть какими тыловыми параметрами обладает Россия в настоящий момент.

Пройдёмся вкратце по каждому срезу «тылового атрибута» применительно к России.

Что касается *наличия мощной финансово-кредитной, национальной и транснациональной системы*, то Россия, вырвавшись из автаркической нерыночной системы, только сейчас энергично приступила к формированию национального и международного мощного финансово-кредитного ядра.

Если говорить о *промышленно-воспроизводственном анклаве высокого инновационного и мобильного уровня*, то здесь у России имеются ещё сохранившиеся заделы и, прежде всего, в ВПК. Но эти заделы сугубо локальны, рассыпаны в гигантской дисперсной экономической среде и только сейчас идёт процесс их аккумуляции. В целом, Россия встала на путь формирования инновационного национального анклава, но для этого требуется и время, и ресурсы, и кадровое обеспечение.

Третья составляющая «тылового аргумента» – *российская культурологическая, высокодуховная национальная система* в мире общепризнанна, незыблема и не считаться с ней в принципе невозможно.

Что касается *нейтралитета в долговременном масштабе*, то вся российская история говорит о том, что ей не представилась такая уникальная, удивительная и позитивная возможность: здесь либо внешние враги не давали ей покоя по различным «мотивам и соображениям», либо в длительные периоды истории Россия сама вела долгие «разборки» со своими соседями (и не только с соседями) и тоже по своим собственным мотивам и соображениям.

И вот, наконец, у России чётко и ясно просматривается мощный «тыловой аргумент» в лице *военно-стратегического атрибута* – сил ядерного сдерживания. Здесь следует откровенно и напрямую заявить о том, что сейчас наступает момент, когда военно-силовая компонента в мире отобилизовывается в невиданных масштабах, идёт транснационализация национальных вооружённых сил, их слияние в различных мощных интеграционных группировках. Наличие у России атомной и водородной бомбы не может быть слабым аргументом для противодействия повороту силового вектора в её сторону. У России жива историческая память, особенно событий прошедшего XX столетия (речь идёт о двух мировых войнах). И повторение ошибок мировой истории, которые унесли 50 млн ни в чём не повинных жертв, не должно повториться. Наличие ядерного оружия как козыря продления стратегической спокойной паузы не должно никого вводить в заблуждение и смущать – Россия здесь демонстрирует чёткое и ясное понимание устройства мировой военно-стратегической композиции и действует адекватно – у неё нет синдрома ханжества, к чему она неустанно призывает и своих партнёров, постоянно генерируя идеи снижения уровня ядерных сил на взаимоприемлемой, толерантной и обязательной к исполнению основе. И как бы ни упражнялись любители наводить «тень на плетень» как у нас или на западе, заявляя об агрессивности российского истеблишмента, под этим нет никаких оснований, кроме как желания вынудить Россию на сдачу «тылового атрибута» в угоду ничем не подкреплённым мировым обязательствам *всех сторон* современного мирового стратегического дискурса.

Что касается предсказания нашего будущего, то здесь Россия уже давно превозмогла *застойную логику*, в основе которой – *фиксация* сложившихся ситуаций и под флёром «*устойчивости*» их закрепление («замоноличивание») в долговременном плане. И здесь просматривается глубинный контекстный смысл таких понятий, как «устойчивое развитие» – парадигма мирового развития, которая на определённый момент закрепила бы сложившуюся в мире ситуацию, и более того – придала бы ей характер развития именно в этом, «зафиксированном, сложившемся!» направлении, придав ему «устойчивость». В этом случае Россия должна была бы законсервироваться в качестве «хозяйственного двора» для «устойчивого» обслуживания мировых воспроизводственных циклов путём всё возрастающих поставок энергетического сырья, природных и интеллектуальных ресурсов, не будучи де-юре и де-факто признанной участницей этих мировых воспроизводственных циклов и, следовательно, отсечённой от перераспределения мирового дохода. И до сих пор мы слышим попытку «убедительной» аргументации о якобы *преимуществах*¹ такого типа разделения труда – *международного* (МРТ), формирующего долговременный вектор «соучастия» России в мировом развитии в очень «специфической» форме. И только сейчас Россия смело заявила, что диверсификация своей экономики в рамках модернизации и выход на инновационный путь развития закрывают страницу отсталости, вырывают Россию из сложившейся неравновесной мирохозяйственной ситуации, ситуации, в которую вогнала Россию т. н. парадигма «устойчивого развития». Задают новый вектор – выход на равных на мировые производственные – инвестиционные системы инновационного типа, способные не только дополнить зарождающийся новый инновационный мировой ландшафт, но и обрести на этом поле новый высокий статус.

Для этого Россия мобилизует все свои усилия на толерантность в постановке этих вопросов. Толерантность не как уступка слабого, а как равного игрока с учётом имеющихся у Рос-

¹ Об этом на всех перекрёстках трубят наши «международники» с международных кафедр, читая заезженные курсы «Международных отношений», «Мировой экономики» по учебникам 60-х годов прошлого века как дань геополитическому «ячеистому» сознанию. Из года в год, переливая из «пустого в порожнее», они не хотят выглянуть в окно и убедиться, что на дворе XXI век, что мир поменялся, он уже не «международный», а «глобальный». Но им как с гуся вода – они как та «ничья бабушка на печке» (по Ильфу и Петрову) не «верят в электричество». Они и Организации Объединённых Наций тоже не верят: доклад на «Саммите тысячелетия» (6–8 сентября 2000 г., Нью-Йорк) зафиксировал: «*Наши послевоенные институты создавались под международный мир, а мы сейчас живем в мире глобальном*». Но это признание всего мирового сообщества им не указ! Они перебраться в век XXI не хотят, да и не могут! У них перед глазами политическая карта мира, на ней раскрашены разными цветами «субъекты международного общения» – и этого им вполне достаточно! Другой – глобальной, геоэкономической картины они не видят! Не хотят видеть! Серьёзный случай!

сии мощных заделов по аргументации такой постановки глобального вопроса. Россия имеет в своём арсенале ряд глобальных проектов мирового класса, которые открывают для всего человечества, мирового сообщества и мировой системы новые горизонты и перспективы. Набор таких глобальных проектов, их уровень и градация довольно широки и значимы – начиная от проектов обустройства мировой энергетической системы (ЭНЕРГОНЕТ), мировой транспортно-коммуникационной системы – ТРАНСНЕТ, до глобальных цивилизационных проектов – выход на дорогу к Мирозданию нового Ренессанса с формированием новейшей цивилизационной ауры на базе новых ценностей, мотиваций и стимулов. Подобный проект ставит на высочайший пьедестал «человека» и его «жизнь» как величайшую ценность нашего мира, ценность, которую человек осознал в эпоху глобальных трансформационных процессов на переломе тысячелетий. И здесь Россия смело и в полный голос ставит на диалогистических площадках вопросы уже не только столетнего ранга, но и ранга тысячелетнего.

* * *

Таким образом, выход России на ведущие интеллектуальные площадки мира демонстрирует её конструктивный настрой: она берёт диалог в качестве эффективного инструмента в своей внешней политике, срезания крайностей в поиске решений на основе доверия, толерантности, компромисса и справедливости. При этом Россия демонстрирует желание окончательно сбросить гири «холодного» прошлого, когда она была впутана в геополитические и идеологические разборки со всем миром. Здесь кредо России ясно и недвусмысленно – «вогнать» острые мировые проблемы в русло диалога, с тем, чтобы держать открывшуюся стратегическую паузу и дать возможность миру завершить манёвр громадного исторического масштаба – выход на принципиально новую модель мироустройства. Под стать этому Россия меняет свой облик, демонстрируя выход на авансцену истории новых сил в лице «новых людей».

2. Новый облик России как субъекта глобального диалога

Облик любой страны говорит о многом. Он во многом является венцом и проявлением тех внутренних качественных трансформаций, которые претерпевает страна в целом, её политическая, экономическая, общественная системы. Это как в жизни: у человека всё его внутреннее состояние написано на лице. Зачастую глаза, жесты, манера говорить, позы говорят о многом, нежели речи его! Так и в данном случае применительно к любой стране, и, в частности, к России. Какие внутренние моменты отображает облик России? Что способствует её ясному незамутнённому взгляду на мир, на мировое сообщество в целом, её открытому и свободному поведению? Раскроем эту загадку!

2.1. Философия нового российского рывка как попытка вырваться из «современного средневековья»

Российская «осень 2009» останется в памяти народов как исторический перелом: в России что-то случилось! Случилось событие из ряда вон выходящее! А произошло вот что: молодой российский Президент Дмитрий Медведев вбросил в души россиян надежду: в своей статье «Россия, вперёд!» ознакомил страну с новыми идеями. И через два месяца на их основе дал чёткие и ясные указания как их воплотить в жизнь и с чего начать: «... В статье "Россия, вперёд!" я обнародовал принципы (ред. – выд. авт.) новой политической стратегии. В сегодняшнем Послании Федеральному Собранию я хотел бы изложить конкретные первоочередные планы реализации этой стратегии"»¹.

Событие нерядовое! Событие – поступок мужественного человека! Поступок смелый, решительный и до конца продуманный! От неожиданности мы ещё не осознали, что произошло, всей глубины и бескомпромиссности этого шага. Но нас уже посетило ощущение: где-то в глубинах созрело решение как результат сложившегося грандиозного плана, завершения этапа кропотливой «подземной» работы сознания и выхода решения на поверхность нашего сонного сознания. И что за пружина распрямляется и освобождает чудовищную энергию созидания, и что за силы способствовали её накоплению!

Такое случается редко: Президент пробудил Россию! Послание! В нём тексты и контексты.

В тексте сразу бросаются в глаза два блока (уровня, пласта, плана) проблем общественной жизни и стратегии развития России, а именно: научно-концептуальный план («принципы») и государственно-доктринальный («конкретные первоочередные планы»).

Сердцевина такого поворота – нам нужна Россия конкурентоспособная. А стало быть Россия – новатор, Россия – лидер, Россия – сильная и жизнеспособная! Пути и методы решения

¹ Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

этой грандиозной задачи – всеобъемлющая модернизация страны, подъём экономики, выход на инновационную траекторию развития, сугубо прагматичную внешнюю политику – вот те блоки, которые Посланием Президента Федеральному Собранию заложены в фундамент «новой» России. В нём тексты и контексты.

Текст Послания – 1) распахнуть окно в «Новый мир», мир глобализирующийся, «мир-XXI»; 2) открыть для россиян Новую Россию – обновляющуюся Россию. На стыке этих исторических моментов российской интеллектуальной мысли ещё предстоит серьёзнейший анализ многих тем, проблемных поворотов, вытекающих из послания Президента, его текста и контекста. Она постепенно освобождается от «летаргического сна», ей ещё предстоит осознать абсолютно нетрадиционные вопросы для понимания современной мировой панорамы и России в ней – необходимые и очень актуальные. Но, что уже «схвачено» и мыслью и обеими руками, так это «**свобода**»! «...станем обществом умных, свободных и ответственных людей...»¹ – именно, «**станем свободными не будучи ими!**» – так поставлен вопрос о свободе, поставлен так решительно, так бескомпромиссно как не ставился в России никогда, ибо поставлен на властном Олимпе! Так может ставить вопрос властелин сам по себе уже будучи прирождённым поборником высоких идеалов свободы, это состояние души, её качество! Так, Перикл, – олицетворение высочайшей античной цивилизации и культуры, – провозглашал её ценности и тем самым «смирлял своими речами» демос. (Фукидит (около 460–396 гг. до н. э.) оставил нам свидетельство об этом величайшем государственном деятеле и его душевном строе).

Контексты Послания – предстоит нелёгкая борьба: собрать растерзанного человека в единый узел, поведать ему о совершенно новых ценностях и мотивациях, ввести его в новые, до сих пор неведомые координаты бытия, в новый способ и масштаб измерения себя, времени, пространства, мира, иначе – в **НОВЫЙ МИР, МИРОЗДАНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО РЕНЕСАНСА** – это грандиозная задача ближайших десятилетий. Президент Д. Медведев вплотную подвёл нас к порогу её разрешения и тем самым открыл новую историческую точку отсчёта. Но здесь большой счёт! – как вырваться из неокрепостничества?

Неокрепостничество

Речь идёт не о перестроении рядов, не об упорядочивании существующего, не о ремонте фасадов, не о набившем оскомину «доразвитии» прошлого – нет! Речь идёт, на наш взгляд, о большем! О Свободе! Об опрокидывании одного тщательно и осознано укоренённого заблуждения, а именно – **того, что в России отменено крепостное право?** По большому счёту речь идёт о своеобразии года 2009-го как образа года 1861-го, о втором издании (и новом, до конца прочтении!) Манифеста об отмене крепостного права. Между 1861 и 2009 гг. – чудовищно малая дистанция! В России менталитет крепостничества не выветрен!

«**Неокрепостничество**» – система приёмов, мер, действий, построенных и тщательно выверенных с целью отнять у человека «я», лишить его воли, независимости, самостоятельности путём морального и физического воздействия удержания его и его семьи в постоянном страхе и тревоге за свою судьбу и жизнь, доведения его сознания и подсознания до состояния автомата исполнения чужой воли. Неокрепостничество располагает мощной идеологической машиной, сетью институтов принуждения, обладает чрезвычайной гибкостью и свойством мимикрии. Объектами неокрепостничества выступают люди независимо от пола, возраста, профессии, социального положения и статуса. Оно въелось во все их поры в новом обличи.

Забитость, запуганность, замордованность, раболепие, страх за себя и свою семью! Более того, он во много крат усилен сталинскими репрессиями. Быть серым, посредственным, безынициативным, богом убитым! С такими «легко»! Такие отреагируют на любое «ура»! Такие осудят любого. Только укажи – лес рук! Всё это сидит внутри, сидит на генном уровне! Всё, вместе взятое, – суть нашего сегодняшнего неокрепостничества!! Как вырвать Россию из средневековья, из удушающей атмосферы несвободы и открыть ей окна в век XXI! Как вырвать российский народ из цепких рук философствующих идеологов всех мастей, выступающих под маской социологов, политологов, культурологов и прочих логиков от эквилибристики с сознанием масс, мастеров закабаления в связку «начальник-подчинённый» как «господин-раб» и т. д. Они стройным хором на все лады поют услужливые речи. В их переливах есть всё кроме трубного гласа о свободе, реальной свободе, свободе думать, творить, трудиться – свободе жить!!

«Свобода» выходит на свободу!

Главное Посланием сделано – со «**свободы**» в России снимается то клеймо, которое прижгли ей её душители – современные (и не очень!) наши идеологи и философы рабства, илота, колоната, крепостничества и неокрепостничества, других видов личной зависимости и

¹ Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года.
<http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

неполноправности, апологеты ценностей насилия, гонители «здравого смысла», схоласты современного средневековья!

Благородное понятие, светлое в своей первозданной чистоте, символ и отличительный знак людей смелых, открытых, символ внутренней слаженности героических начал, ума, мужества и ответственности в своих устремлениях! И что? В России понятие «свобода» оплётано, охаяно, исковеркано донельзя, извращено идеологическими вывертами. В иезуитском ослеплении устроен инквизиторский суд над этой категорией. **В своей основе «свобода (Liberty)» – средство для достижения цели и смысла жизни человека; основа жизнеутверждающих начал создания современного демократического общества.** И вот эта всемирно признанная, фундаментальная категория, категория высшего ранга и тысячелетней истории третируется, подвергается обструкции и осуждению её носителей и приверженцев.

Слово «либерал» в России звучит как оскорбление, как позорная кличка. «Свободный мир» – как что-то враждебное, чужое, опасное, иное, другое, не наше, не здешнее и пр. Современные Фамусовы при слове «либерал» и его производных бьют в набат, призывают власть к «защите» народа от свободы как от поветрия, как опаснейшей болезни. Они просят инъекций тоталитаризма, большой дозы «государственности», наблюдения, контроля, слежки, ну хотя бы максимального зарегулирования! Здесь нормативное опутывание тоже работает! Привить юному сознанию, что быть свободным, быть «либеральным», т. е. поборником свободы, – позорно и бесперспективно! Перспектива демонстрируется на примерах. И сегодняшних и прошлых. Примеры впечатляют. Глумятся над преемственностью поколений – вот мол наши отцы и деды обходились без свободы и ничего! Ну, а то, что Иосиф Виссарионович Сталин снимал с родных мест и высылал целые народы в места гибельные или пустил под нож несколько миллионов своих соотечественников и граждан – так это, мол, только в целях «оздоровления» нации, для её же пользы! Это для чистоты советско-коммунистической идеологии и поддержки её кристальной чистоты, – мол, что поделаешь – на марше к светлому коммунистическому будущему всё случается, здесь главное не потеря людей, а потеря линии, отклонения от неё! Вот неизбывная логика апологетов канувшего в Лету!

Всему этому поставлен мощный заслон – мы перешли через поворот «невозврата»!

2.2. Россия перешла через поворотный пункт воззрений на свою судьбу: на авансцену истории выходят «Новые люди» – люди нового «покроя»!

Так уж в мире повелось: самое важное – знать куда плыть! Известно, что у корабля без цели любой ветер попутный! Появилась цель – появился и искусный кормчий! Так и в России! Цель – вырвать Россию из архаики в её «осовремененном» виде, обрести высокий уровень конкурентоспособности в её широчайшем плане! А отсюда – всё остальное: много чего завязано этой категорией! По природе своей – она жизнеобеспечивающая!

Россия на развилке: выбор сделан!

В истории любой страны бывают периоды и ситуации, когда не принимать решений уже нельзя. Такие решения выступают как «поворотные пункты» судьбы, имеют парадигмальный характер и на долгие годы закрепляют новый тренд и вектор развития. Мы свидетели такого случая высокого ранга – Россия! Этот случай мы уже зафиксировали выше – это Послание Президента России Д.А. Медведева! Послание создаёт мощный задел для выхода на рассмотрение широкого круга проблем концептуально-философского плана, постановки вопросов высокого ранга: о месте и роли России в процессах глобальной трансформации мира, в формировании его нового производственного и технологического облика, новой институциональной архитектоники и т. д.

Но не только это! А кто призван реализовать намеченное? Что за «новые люди» уже на подходе? Как не удивительно – они давно уже среди нас! Это – люди новой формации и нового «строения», люди, способные решать новые задачи, люди со спокойным взглядом на вещи, способные к интеллектуальному их «ощупыванию», а значит, близкие к их сущностям; люди, не давшие себя одурачить идеологическими догмами и прочими галлюцинациями, а посему – редкие даже среди «свободных»; люди, вооружённые новым, объёмно-сетевым методом познания мира, созревшие и подготовленные для того, чтобы организовать и обустроить наш мир – своего рода «Мироздание нового Ренессанса», тем самым обеспечить бытие, достойное своей силы, красоты, жизнелюбия и интеллекта. Здесь проблема – поиск таких людей, выход к ним навстречу, их «пробуждение», «воспитание», «вращивание».

В этом смысле «на повестке дня» – воспитание в России «новой» элиты. Именно она может выступить в качестве «субъекта перемен», «субъекта изменений». Именно она возьмёт на себя роль мотора модернизации России, но и не только мотора, – новая элита возьмёт на себя ответственность за судьбу России в этом сложном, изменчивом мире.

Как будет выглядеть эта новая элита, каковы её ценности, мотивация, движущие силы и целевые устремления? Как она сумеет построить отношения со «старым» миром, который мёртвой хваткой держит Россию в глубочайшем интеллектуальном застое? Сможет ли она проявить

себя не лозунгами, красивыми жестами и позами, а конкретными делами на конкретных примерах? Это особый разговор – и мы его продолжим особо.

Сейчас же, в этом контексте, отметим только ближайшую первоначальную проблему – управление инновационным процессом. Уже сейчас востребована когорта «управленцев» нового формата. Они должны быть сами по себе конкурентоспособны, т. е. «нагружены» самым передовым профессиональным знанием по широкому спектру проблем технологического, производственного, экономического, социального и т. п. плана¹. Затраты на подготовку специалистов такого качества, как правило, быстро окупаются через окупаемость вверенных им предприятий и организаций.

И ещё одна черта нарождающегося класса специалистов – их геоэкономический кругозор. Они смотрят на мир как на своё «поле» стратегического оперирования и в этом смысле у них огромные возможности для «стратегических манёвров» при смене ситуационных мировых картин. Привить такой кругозор может система «нового (тонкого) знания».

* * *

Мы уже отмечали ранее, что на мировых интеллектуальных равнинах, в том числе и российских, уже встречаются «новые люди», люди нового закала, необычные в своём новом принципиальном мироощущении, люди, не оставляющие без вопроса ни один событийный факт прошлого, отчуждённого от свободы бытия. Люди, путешествующие в гигантском объёме гуманитарной космологии человека и демонстрирующие уникальные образцы первозданных уснувших цивилизаций, цивилизаций, которые тревожат уснувшую совесть человека и выводят его в новые координаты мироощущения и мироосознания.

2.3. Здоровые силы нации сказали своё слово: Россия и мир через призму гуманитарной космологии

Мы уходим в третье тысячелетие! Мы вглядываемся в свои перспективы с высокого пьедестала. Имя ему – гуманитарная космология! Гуманитарная космология подготовила высокую «обзорную» (смотровую) интеллектуальную площадку как высочайший (космологический) уровень гуманитарного осмысления мира и России в нём. С неё открываются гигантская круговая панорама, далеко обозримые горизонты бытия, постоянное его прочтение и сличение с которым обеспечивает внесение надёжных коррективов в траекторию развития страны, поддержание её в безопасном состоянии.

Российская интеллектуальная мысль на подъёме

Результат подъёма – генерирование новейших дисциплин в сфере научного знания о мире. К ним, в первую очередь, следует отнести раскрытие теоретических и методологических оснований зарождения и бурного развития процессов глобализации. Эти процессы осветила **глобалистика**. Она положила начало целому вееру геонаук: геоэкономике, геофинансам, геоинформатике, геологистике, геомаркетингу, геокультуре и др. Здесь **геоэкономика** сыграла лидирующую роль, постепенно оттесняя геополитику и геостратегию в историческое небытие. Сформировалась российская школа геоэкономики и глобалистики, которая наряду с американской, итальянской, и др. школами продолжает набирать темпы в своём развитии. Но заслуга глобалистики и в том, что она послужила истоком, платформой для научного рывка в более высокие сферы осознания нашего мира – **гуманитарную космологию**. Более того, на определённом этапе вступила в дело парадигмальная связка **«геоэкономика – глобалистика – гуманитарная космология»**, предвосхитившая научную платформу, с которой открываются новые горизонты мировых преобразований и выход к Мирозданию нового Ренессанса, а также новое направление в науке – *диалогистику*.

2.4. Россия входит в русло общемировых закономерностей развития: в повестке дня модернизация и инновационная экономика

Мировой финансовый кризис преподал нам урок, он встряхнул нас, заставил внимательно оглядеться окрест, холодным и спокойным «оком» оценить ситуацию. Ситуация поменялась кардинальным образом, политика – тоже, она стала качественно другой «всё более сложным, наукоёмким делом», как отметил Президент Д.А. Медведев в Ярославле, выступая на конференции «Современное государство и глобальная безопасность» (сентябрь, 2009 г.).

Проблема «нового знания» о мире, в котором мы живём!

¹ Подробнее об этом: Байдаков М.Ю. Запад – Восток: интеграция интеллектуальных ресурсов и развитие новых подходов к глобальным проблемам. Доклад на Пражском международном экономическом Конгрессе «Запад – Восток: Интеграция и развитие» (2–4 мая 2006 года, Чехия)
http://www.icie.ru/activity/projects/proect1/meropriatia/performances/performances_2.html

Итак, настало время обратиться к «научоёмкому» новому знанию о мире – глобалистике и её разделам: геоэкономике, геофинансам, геоинформатике и др. геонаукам. Рассмотрим конкурентоспособность России через эту «призму», через призму геоэкономики. И что же мы видим?

Россия не в вакууме. Она была и остаётся игроком на мировой арене. Но сегодня, как никогда, особую важность приобретает своевременное осознание новых мировых процессов и тенденций развития. Среди них – глобализация. Она внесла существенные коррективы: мир стремительно меняется – экономизация мировой политики, выход на главенствующие позиции геоэкономического пространства – сегодняшняя мощная мировая доминанта. Идёт безудержный геоэкономический передел мира, формирование нового мирового порядка, а с ним и осознание новых вызовов, угроз и опасностей.

В этих условиях только экономически сильный игрок может задавать тон и правила игры на современной мировой арене. Только занятие активной позиции в освоении геоэкономического пространства и консолидированный доступ к мировым ресурсам позволит удержать стратегический вектор развития России. Только тесное взаимодействие с мировым инновационно-воспроизводственным комплексом обеспечит России выход на модернизацию страны, обеспечив высокий уровень конкурентоспособности.

Решение этих исторических задач немислимо без поиска нового формата в законодательной работе, науке, образовании. ***Речь идёт о синтезе, соединении парламентаризма, нового научного знания и просвещения.***

Возрождение российской науки, её фундаментального ядра – залог успешного решения проблемы конкурентоспособности России. В этом плане в России уже имеется серьёзный задел – сформирована и развивается российская школа геоэкономики и глобалистики, имеются научные центры, где успешно ведётся научно-исследовательская работа (Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики, Центр стратегических исследований геоэкономики НИВС ГУ-ВШЭ и др.).

Наши ведущие образовательные центры (университеты, академии) должны «впитать» новое знание о мире (геоэкономике и глобалистике) в образовательный процесс – России нужны первоклассные специалисты, которым в ближайшем будущем предстоит встать у руля российских конкурентоспособных структур.

**Воспроизводственный (геоэкономический) подход
к внешнеэкономической стратегии освоения геоэкономического пространства:
инновационно-производственная модель**

Геоэкономика формирует механизмы конкурентоспособности национальной экономики и выступает как техника национального оперирования в геоэкономическом пространстве в целях своевременной перегруппировки сил для выхода на наиболее благоприятные условия формирования и перераспределения мирового дохода. Этому подчиняются все центральные атрибуты геоэкономики: мир вступил в фазу своего развития, когда геоэкономическая модель мироустройства, в основе которой лежит равновесие стратегических интересов, баланс реально сложившихся зон геоэкономического влияния, устремлённость на поиск таких вариаций цивилизационного развития, которые позволили бы избежать опаснейшего столкновения техногенной модели с другими цивилизационными парадигмами развития.

Современное понимание конкурентоспособности лежит в плоскости геоэкономических (производственно-инвестиционных) моделей развития. Эти модели впитали в себя инновационные начала, их сердцевина – знания и «тонкое знание» и на их основе первоклассные глобальные, региональные и национальные проекты. ***Здесь следует отметить один принципиальный момент. Выход на передовые позиции всегда и везде обязан инновациям. Инновации есть естественное свойство конкурентоспособности. На них держится конкурентоспособность в условиях рыночных начал. Но всё дело в ресурсах для обеспечения конкурентоспособности. В эпоху глобализации ресурсы интернационализируются и имеют широкий план (ресурсы интеллектуальные, финансовые, трудовые, производственные, сырьевые и энергетические, организационно-управленческие и т. д.). На свободном и взаимно согласованном доступе к этим ресурсам в целях национального развития и выстраивается геоэкономическая модель.***

3. Российская «повестка дня»: инициативы в полный голос

Россия вовремя оценивает общую тональность мирового развития, согласуя с ней свою стратегию и национальные интересы. Это сочетание общемирового (глобального) и локального преломляется в конкретных инициативах-проектах, с которыми Россия выходит на «большой» глобальный разговор – диалог. Каковы эти инициативы, и что они несут для мира и России?

Россия во весь голос заявила всему миру о новой стратегической повестке своего развития: взят курс на всеобъемлющую модернизацию российской экономики, кардинальную структурную и институциональную её перестройку на базе инновационных прорывов. Это только пер-

вая фаза двухфазового российского стратегического «хода» – глобальный выход на геэкономическую доктрину развития как промежуточный этап к переходу ко *второй фазе* – выход на новую модель цивилизационного развития: неоэкономике и этноэкономическую систему.

Это задаёт общую тональность диалогу России на мировых интеллектуальных площадках и с Мировой системой, и с Мировым сообществом. Отныне повестка диалога аккумулирует различные грани и аспекты этой новой грандиозной задачи – они ранжированы в государственно-доктринальном и научно-концептуальном плане. Выберем для рассмотрения наиболее представительные и приглядимся к ним повнимательней!

3.1. Наш ответ на вызовы времени (стратегические предпосылки и условия)

Мир вступил в XXI век – век исторических перемен. Россия вышла на новые горизонты осознания мира, своего места и роли в нём. Это предопределено новейшим вектором мирового развития: процесс глобализации вошёл в свою развитую фазу. Он затронул все сферы деятельности человека – экономику, политику, стратегию, информацию, экологию, международное право. Для страны в целом, для каждого человека открылись новые горизонты, новые масштабы и возможности в бизнесе, политике, науке, культуре, образовании – возможности для самовыражения и самореализации.

В больших преобразованиях исторического масштаба всегда проявляются тщательно выверенные ориентиры и базовые (опорные) параметры продвижения к намеченным целям. Первоочередная цель – превращение в сжатые сроки России в глобального игрока высокого ранга. Именно исходя из этого формируются **стратегический «ход», ориентиры нашего развития и линия поведения.**

Геэкономический ход России

Россия «переводит стрелки» на геэкономические горизонты:

Причина: стратегическая пауза, открывшаяся с момента завершения «холодной войны», неумолимо тает. Необходимо до 2020 года завершить «стратегический манёвр» исторического масштаба. Для этого предстоит трансформировать внешнеполитическую, внешнеэкономическую и военно-стратегическую деятельность в геэкономическом ключе по узловым («болевым») точкам в этих сферах. Держать стратегическую паузу! Завершить стратегический манёвр!!

Цель: а) «связать» геэкономическим путём негативные тенденции в вышеуказанных сферах; б) обеспечить доступ России к формированию мирового дохода на выгодных условиях; в) использовать «внешние» ресурсы, консолидированные на интернационализированной основе, для целей развития страны.

Задача: научиться эффективно оперировать в геэкономическом пространстве на базе использования высоких геэкономических и геофинансовых технологий.

Механизмы: институционализация геэкономической сферы – создание реестра российских «ударных» трансграничных группировок. Эти структуры выстраиваются по типу «холдинг-кластера» частно-государственного типа с гибкими внутренними и внешними взаимосвязями между его участниками. Конфигурация холдинга меняется в зависимости от масштаба и специфики реализуемых проектов.

Стратегия: формирование мирового геэкономического пространства России (национального геэкономического атласа), выбор сугубо приоритетных и наиболее действенных мировых ареалов, где просматривается реальное достижение стратегических результатов. Центральный приоритет – ближние горизонты: постсоветское пространство.

Конкретный инструментарий. По каждому из вышеприведённых геэкономических стратегических устремлений России в геэкономическом пространстве следует отобрать сугубо реальные и прорывные проекты и приступить к каждодневной практической их проработке на двусторонней, а также (где это возможно) на многосторонней основе с созданием консорциумов по их реализации, с включением в них структур по всему воспроизводственному циклу осуществления проектов. Особое звено – кредитно-финансовая и банковская составляющая консорциумов.

Общая стратегическая линия

На государственно-доктринальном уровне Россия чётко обозначила геэкономические стратегические установки: **«Остро встает вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей».** (Из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию).

Россия как неотъемлемая и значительная часть глобального пространства непосредственно причастна к формированию инновационных и прорывных концепций и технологий по

преодолению негативных последствий глобального кризиса, выработки нового тренда и вектора мирового развития.

Темпы развития, ритм и масштабы изменений до предела сжимают время на принятие решений. Этим предопределяются новая роль, новая ответственность, новая функция глобальных игроков на мировой арене.

Речь идёт об объёмно-пространственном оперировании в глобальном пространстве – геогенезисе; о провозглашении впервые в мировой практике и продвижении глобальной «Геоэкономической повестки дня», ориентированной на обеспечение благополучия и безопасности всех народов мира. В этом плане геоэкономика выводит мир на новые общие цивилизационные и геокультурные ценности.

Здесь четыре взаимоувязанных стратегических линии:

Линия первая. Для России кризисное и посткризисное решение первоочередных задач во многом предопределено эффективным освоением и обустройством геоэкономического пространства на базе кластерно-сетевого подхода: вектор посткризисного развития – выход к мировым ареалам и точкам мирового роста.

Линия вторая. Кризис впервые предъявил острую необходимость России освоить и внедрить (методологически и концептуально) технологии, процедуры и механизмы оперирования масштабными и локальными проектами и инициативами геоэкономического плана, тем самым способствуя предотвращению опасных глобальных геополитических сдвигов.

Линия третья. Эффективное позиционирование России на геоэкономическом пространстве, – а в перспективе доминирование в ряде его ключевых точек, – напрямую связано с поиском равновесного вектора и баланса геостратегических интересов.

Линия четвёртая. Вопрос об участии в механизме формирования и распределения вновь созданной стоимости (условно – мирового дохода), поиск путей, каналов перелива мирового дохода (как всемирного межнационального дохода) в национальные рамки, в пополнение национального бюджета – вот узловый, кардинальный вопрос при рассмотрении вопроса выхода России на освоение геоэкономического пространства, включения во всемирные интернационализированные воспроизводственные процессы (циклы).

3.2. Наши действия, или Как реально приступить к исполнению намеченного, навёрстыванию упущенного?

Первое. *Необходимо выйти на геоэкономическую доктрину национального развития и стратегический арсенал её реализации.*

В настоящий момент в России уже созрело геоэкономическое ядро специалистов, готовых взять на себя миссию представить в сжатые сроки на самый высокий директивный уровень стратегического планирования.

Второе. *Необходимо договариваться об уравнивании геоэкономических интересов.* В одиночку пробиться к полноправному участию в формировании и справедливом распределении «мирового дохода» России не удастся: в любом случае она столкнётся с другими глобальными игроками.

Третье. *При формировании глобальной геоэкономической доктрины и концепции держав в поле зрения нацеленность на стратегические геоэкономические практики! Приступить к реализации ряда глобальных инициатив!* Россия отстаёт от процесса освоения геоэкономического пространства. Задача – резко наверстать упущенное и выйти с рядом глобальных инициатив, чтобы «вскочить» в уходящий поезд!

Формирование опережающих российских глобальных геоэкономических инициатив – «Проект-программ»

Проект-программы направлены на реализацию стратегической задачи по эффективному оперированию в геоэкономическом пространстве как ответ России на *технологический и геоэкономический вызовы*. Уже просматривается целый ряд уникальных геоэкономических инфраструктурных проектов мирового класса. Среди них – первостепенные направления и программы:

• **Новое направление интеграционного вектора Содружества Независимых Государств: формирование мощного геоэкономического ареала мирового роста на базе консолидации ресурсов и воспроизводственного сотрудничества.**

• **Формирование «Высокоиндустриального северного широтного геоэкономического пояса как единого интеллектуального пространства».** Здесь дала о себе знать объективная тенденция стремительно глобализирующегося мира – геоэкономическая: мир столкнулся с проблемой ресурсов в целях дальнейшего не только развития, но и выживания.

• **Проект-программа – ЭНЕРГОНЕТ.** Другая российская глобальная инициатива – создание глобальной энергетической сети (как аналога ИНТЕРНЕТА): объединение в единое целое мировой сетевой энергетики (нефте-, газопроводы и их маршруты, электросети, источники добычи и переработки, генерирующие предприятия, посредники и потребители энергии и т. д.).

• **Проект-программа: «Формирование российских геоэкономических промышленных мегарегионов кластерно-сетевого типа и стратегии их оперирования на мировой арене».** Проект-программа базируется на инновационной модели внешнеэкономической деятельности предприятий промышленных мегарегионов с целью повышения эффективности освоения геоэкономического пространства. В её рамках:

• Российский инновационный проект-программа – **«Индустриальный север и российский промышленный Урал – инфраструктурное обустройство».** Речь идёт о «свинчивании» потенциальных возможностей западноевропейских корпораций и потенциала примысленного Уральского региона во взаимовыгодном обустройстве ареала мирового роста на базе постиндустриального геоэкономического вектора развития.

• **Проект-программа – ТРАНСНЕТ** – российская глобальная геоэкономическая инициатива: формирование сетевого глобального транспортного кластера как единой мировой логистической системы. В её рамках:

• **Проект «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года».** Проект предусматривает реализацию прорывных решений в области интеграции железнодорожного транспорта в глобальную транспортно-логистическую систему на основе достижения комплексности и высоких стандартов качества транспортных услуг;

• Российский инновационный **проект-программа – «Меридианальная транспортно-коммуникационная система – "Великая Волга"».** В основе проекта – создание сквозной водно-железнодорожной транспортной системы, выступающей в качестве эффективно функционирующей транспортной системы Север – Юг (Индия – Иран – Норвегия).

Эти проекты приведены в качестве иллюстрации масштаба, уровня и возможных конкретных шагов в реализации *российской глобальной стратегии-инициативы «Геоэкономическая модель выхода к мировому доходу»*¹.

Новые институты

Глобальный диалог – это не абстрактное понятие. Его ведут конкретные люди, представители конкретных институтов. Страна, обладающая широчайшим спектром организационно функциональных структур, может свободно и своевременно ставить любые вопросы на интеллектуальных диалогистических площадках и добиваться их решения. Особенно это важно в пору, когда идёт смена мирохозяйственного ландшафта и рождение нового, а, вместе с ним, и формирование новейшего реестра институтов. России предстоит решить подобную проблему и быстро нарастить свои институты в различных направлениях и, прежде всего, в рыночной сфере. В укрупнённом плане ниже приводятся подобные направления.

Приступить к **внутрироссийским геоэкономическим преобразованиям** – геоэкономическими процессами необходимо управлять! Программа действий:

– подготовить «Геоэкономический манифест»;

– сформировать «Программу геоэкономических действий». В «Программе» два блока: а) визуализация ситуации; б) собственно программа действий. Здесь первоочередная задача – **формирование новых институтов:**

I. Формирование российского интеллектуального геоэкономического ядра специалистов – учреждение Геоэкономического научно-аналитического центра стратегического планирования (ГНАЦСП).

II. Подготовка проектов: «Геоэкономическая доктрина развития России» и «Геоэкономическая концепция внешней политики и стратегии Российской Федерации». При формировании геоэкономической доктрины и концепции держать в поле зрения нацеленность на стратегические практики.

III. Разработать и принять Закон-доктрину об общих принципах поведения в глобальных геоэкономических условиях, а также другие нормативные акты (в т. ч. дополняющие междуна-

¹ Эта модель в развёрнутом виде подробно представлена в работе: Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России»: Научно-аналитический доклад / М.Ю. Байдаков, Н.Ю. Кониная, Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир, В.Л. Сельцовский, Н.С. Столярова, Е.Д. Фролова; Под науч. ред. Э.Г. Кочетова; 512

родные правовые нормы, например, учреждение *геоэкономического трибунала* как противоядие от геоэкономических войн), регулирующие взаимоотношения участников оперирования на геоэкономическом атласе мира.

IV. Назрела острая необходимость создания государственного органа – Геоэкономического комитета (ГЭК). Основная задача Геоэкономического комитета – координация оперирующих на мировой и отечественной хозяйственной арене отечественных и зарубежных структур, формирование Геоэкономического атласа мира и его мониторинг в постоянном режиме, прогнозирование геоэкономических ситуаций с целью своевременного выхода российских хозяйствующих организаций к ареалам мирового и регионального роста.

V. Приступить к формированию реестра российских ударных финансово-промышленных структур (групп) стратегического статуса как носителей национальных геоэкономических интересов России с обеспечением их защиты со стороны государства.

VI. Выйти на новый, геоэкономический уровень разработок проблем национальной безопасности, используя научный задел в этой сфере. При этом особый упор сделать на проявлениях новых вызовов и угроз, опасности отставания России в темпах освоения геоэкономического пространства, что чревато упущением времени, когда идёт геоэкономический передел практически без участия России, опасностью перерастания здоровой конкуренции в геоэкономические войны.

VII. Приступить к созданию электронной (компьютерной) версии геоэкономического атласа мира, а также его российской (национальной) части как поля для оперирования в мирохозяйственной системе и принятия стратегических решений.

VIII. Приступить к научно-концептуальной проработке новейших высоких геоэкономических и геофинансовых технологий оперирования в геоэкономическом пространстве в целях оснащения ими ударных российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса.

IX. Назрела острая необходимость в подготовке в высших учебных заведениях специалистов в области глобалистики и геоэкономической стратегии. Приступить к формированию высшего профессионального образовательного учреждения – Федерального геоэкономического университета.

X. Сформировать Фонд поддержки исследований глобалистики и геоэкономики. Наладить издание научных монографий, учебников, словарей, учебных пособий и т. д. Шире использовать опыт научного и общественного обсуждения проблем геоэкономики и глобалистики, геоэкономической парадигмы мирового и национального развития.

XI. Для успешной реализации российской геоэкономической стратегии нужна трибуна. Речь идёт об учреждении журнала международного статуса «Геоэкономика и Глобалистика» как интеллектуальной площадки и трибуны для новейших прорывных идей.

XII. В содружестве с постоянно действующим Форумом «Запад – Восток: интеграция и развитие» и «Общественной академией наук геоэкономики и глобалистики» развернуть работу по проведению как в России, так и за рубежом форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов» по геоэкономической тематике.

XIII. Активный выход на Новые формы организации производства (кластерно-сетевые модели, новейшие структуры постиндустриального типа и др.).

3.3. Российский «Большой проект» – выход к Мирозданию нового Ренессанса

Но не только стратегические перспективы как среднесрочного, так и долгосрочного плана занимают умы российского интеллектуального ядра: *Россия предлагает миру проект большой – проект тысячелетнего ранга*. Речь идёт о формировании новых философских начал в отношении оценок «современного» мироздания, его судьбы, а посему судьбы четырёх наших участников глобального диалога – Человека, Мировой системы, Мирового сообщества и Природы. Здесь уже речь идёт не просто о постановке такой грандиозной проблемы – уже подведены под этот парадигмальный проект высокого ранга фундаментальные теоретические, методологические и праксеологические основания. Речь идёт о началах гуманитарной космологии, глобалистики с веером геонаук (геологистике, геоэкономики, геоинформатики, геомаркетинге, геокультуре и т. д.), диалогистике и др.

В данном проекте уже просматриваются и «Новые люди» способные к его реализации, люди, заряженные гигантской неукротимой энергией и с желанием видеть наш мир в совершенно других координатах, с других методологических орбит, орбит, которые дают совершенно новую оптику осознания нашего мира, орбит, с которых ясно и чётко просматривается вся пагубность сложившихся на сегодняшний момент мировоззренческих моделей, которые с высоких позиций предстают как мировоззренческое косоглазие, с его армией вымуштрованных апологетов традиционного, отжившего, обветшавшего мира.

Россия открыто предлагает Мировому сообществу и Мировой системе уже сейчас включить в повестку дня диалога на ведущих глобальных интеллектуальных площадках именно эту постановку вопроса, связанную с новыми мировыми горизонтами. И пусть не покажется заоблачностью такая постановка вопроса – окружающий нас мир настолько неустойчив, настолько опасен для человека, его жизни, его семьи, для стран, где он родился и вырос, что промедление в постановке такого высочайшего ранга вопросов есть самая высочайшая безответственность. Настало время инициатив! Диалог есть неизбежное средство выживания на планете Земля.

Безынициативность на мировой арене – плохой признак! Когда страна помалкивает и молча бредёт по мировому проблемному полю диалога – это говорит о многом: о её скрытности, затаённости, непредсказуемости, ущербности дипломатического мышления, а возможно чересчур «тонкого» завуалированного смысла. Зачастую это приводит к печальным последствиям. Тот кто активно решает мировые проблемы, как правило, решает их и в свою пользу, и спохватившимся «молчунам» уже с трудом удаётся вскочить в уходящий поезд. Россия это вовремя осознала и выносит для обсуждения на мировую арену целый ряд первоклассных инициатив-проектов. Они различны по масштабам, их всех объединяет нацеленность на мировую гармонизацию, на равновесие и баланс интересов. Они уже стали достоянием мировой научной мысли и на их базе формируется «Большой проект» – выход к Мирозданию нового Ренессанса. Все эти «большие» инициативы не для «большого» красного слова, или разговора ради ни к чему не обязывающего разговора – они ведут к «Большому» делу!

4. ДИАЛОГ: «БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР» ВЕДЁТ К «БОЛЬШОМУ ДЕЛУ»

Придать деловую прагматическую окраску своим инициативам – отличительная российская черта. Россия спокойным и критичным взором осматривает мировой ландшафт и останавливает свой взгляд на мировых ареалах и точках, где решается судьба современного мира, закладываются его новые исторические страницы. Россия участвует в их написании. Что определяет «ход» России в эти ареалы, к мировым проблемным узлам, и как прокладывается вектор к ним?

4.1. Для России диалог это не пустые хлопоты

В наше, до предела сжатое время, отпущенное России историей для качественного рывка в своё будущее на новой, – инновационной, – волне, практически нет места для продолжения глобального диалога на бытующей до сих пор манере – вялом обмене мнениями, да ещё и на «регулярной» основе. Это набивает оскомину, зачастую оставляет осадок прощупывания «контрагента» на предмет его шагов в настоящем и будущем. В этом плане даже в мире утвердилась колоссальная *двусмысленность*, имя которой – «*быть предсказуемым*».

Россия кардинальным образом пересматривает такую точку зрения на участие в больших форумах, с большими повестками по поиску больших решений и здесь всплывают новейшие технологии постановки этого дела.

Общий контур (абрис) нового отношения к диалогу на базе новой технологии нам видится в следующих методологических установках:

Первое. Помимо повесток и участников глобального диалога для России очень важно присутствие на нём особой атмосферы («*среды диалога*»), *синергетика* которой уже закладывает позитивную динамику в обмен мнениями и поиск решений по принятым к рассмотрению вопросам.

Среда диалога и его настрой на любом форуме формируется особо, заранее и очень тщательно! В их основе – 1) приверженность к конструктивным настроениям поиска решений проблем; 2) приверженность к общемировым ценностям и мотивациям, носителями которых выступают жизнеутверждающие парадигмы мирового развития (в качестве таковых могут выступить научно-концептуальные основания глобальных процессов), парадигм осознанных и «подготовленных к практическому применению» на тех или иных мировых интеллектуальных площадках диалога.

Второе. Помимо атмосферы «синергетики диалога» следует указать на технологию *вызревания* тех или иных решений по вопросам высокого ранга. Для России здесь постепенность, кропотливость «подземного крота», подбирающегося к своей личинке (проблеме), роя при этом огромные ходы – неприемлема. В нашем случае речь идёт о другом: о скоротечном (революционном) подъёме творческого гения народа путём провозглашения принципов свободы, поднятия творческого человека на самый высокий пьедестал и, самое главное, возведение понятия «жизнь человека» и её жизнеутверждающих начал на ранее неведомый для России уровень.

Третье. Россия не может до бесконечности вести разговоры по аналогии разговора глухого с глухонемым. Здесь жесты, красивые позы, намёки, игра мимикой, мускулами не помогают.

Здесь нужна новая лексика, новый понятийный аппарат, новый язык диалога, новая среда, т. е. новый инструментарий диалога. И такой инструментарий уже формируется, он уже опробован и приносит свои плоды.

Всё это относится к «технологической стороне» ведения диалога. Теперь глянем, как Россия относится к его *содержательной части*.

4.2. Выход на новейшие тематические блоки

1. Вопрос далёк от банальности: кто будет своевременно генерировать содержательные повестки? Здесь таится давнишняя опасность, имя её – ведомственность. В России эту проблему нельзя поручать ни одной узковедомственной структуре. У проблемы всегда находятся оппоненты, которые нивелируют до нуля любые высоко поставленные и казалось бы обоснованные проблемы мирового ранга. В принципе здесь нужен институт такого же философского качества и стратегической направленности как Сколково. Но, если Сколково призвано совершить в России постиндустриальный прорыв и, тем самым, заявить о своей твёрдой нише в мировой техногенной цивилизации, то, по аналогии, для генерирования мировых гуманитарных новаций требуется **создание такой структуры как «Гуманитарное Сколково»¹**. Нам представляется, что в его создании и работе могут принять участие (по аналогии с техногенным Сколково) лучшие интеллектуалы-гуманитарии мирового уровня.

2. Следует выработать подход к приоритетам в постановке тех или иных вопросов большой значимости. Здесь можно обозначить несколько приоритетных гуманитарных блоков:

– *Ценность жизни человека, его достоинство, ценность жизнеутверждающих начал бытия.*

– *Свобода как перворазрядная ценность бытия и различные аспекты её реального проявления.* Особая грань проблемы: свобода предпринимательства и занятий, свобода творчества, мнений, передвижения. Проблема человека и свободы через призму гуманитарных связей: «Экономика – Диалогистика – Гуманитарная космология – Глобалистика – Геоэкономика». Диалог как мощный барьер на путях наступления на ценности свободы, на ценности гуманизма, на путях разрыва связи «свобода и ответственность».

– *Вопрос о войне и мире.* Сейчас ситуация в мире такова, что без вынесения этого вопроса на самый высокий пьедестал диалога могут оказаться тщетными не только российские усилия по преобразованию страны на новейшей высокотехнологичной инновационной основе, но и тщетными усилия мирового сообщества в построении нового равновесного посткризисного мирохозяйственного ландшафта, недостижимыми идеи выхода из мирового кризиса.

– *Формирование новейшей институциональной модели обустройства мира.* Старые, так называемые «международные институты», в условиях обретшей силу и всё более разрастающейся глобализации уже не способны воспринять новые проблемы, новые задачи, новые начинания. И не потому что они временно ослабли или своевременно не сориентировались, нет, они естественно завершили цикл своей жизни и уходят с исторической арены как уходит вместе с ними старовестфальская ячеистая международная система членения нашей планеты с её политической картой мира.

– *Новая парадигма знания о мире, «новое науковедение», путешествие в сферу «незнания» с новыми целями, задачами и мотивациями.*

3. Обратные связи: проблема возвращения к «проблемам». Есть проблемы такого ранга и накала, пребывание которых в повестках глобального диалога должны исчисляться большими промежутками времени – это проблемы тысячелетнего ранга и под стать им вопросы. Одна из таких проблем «Судьба нашего обветшавшего, "современного" Мироздания и выход "Новых людей" к Мирозданию нового Ренессанса» должна завладеть лучшими мировыми интеллектуальными площадками диалога.

Российская интеллектуальная мысль превозмогла этот старый, обветшавший мир, поднялась на самую высочайшую точку обзора, с которой открываются новые горизонты мироознания тысячелетнего ранга и откуда уже наплывает на нас новый мир, новые ценности, новые мотивации – мироздание нового Ренессанса как **российский «Большой проект»**.

Резюме

Итак, российская прагматика, реалистичный подход к решению острых мировых проблем вписывается в общую мировую тенденцию по снятию посредством мирового дискурса огромного

¹ Идея «Гуманитарное Сколково» как и идея «Ярославская интеллектуальная долина» принадлежит известному российскому философу и издателю Геннадию Сергееву.

накопившегося слоя геополитической, идеологической и цивилизационной суэты и трескотни вокруг них, долгое время опутывавших мир бесконечными разборками на межах ячеистого сознания, и на межах ячеистой международной карты мира, приводящим к кровавым войнам по причинам недоговорённости, недопонимания, а, зачастую, просто зашоренности и нежелания понимать другую сторону. Всей этой паутине, опоясавшей и человека, и мировое сообщество, и мировую систему приходит конец. Она снимается как снимается паутина в старом, захлапленном доме. И у России в руках для этого надёжный и мощный инструментарий – *Диалогистика*. Пришло реальное осознание необходимости фундаментального поворота в понимании категории «диалог». Российская интеллектуальная мысль, выдвинув парадигмальную связку «геоэкономика – глобалистика – гуманитарная космология» в качестве действенного рычага по гармонизации нашего мира, выходит на новый рубеж: **концептуализацию глобальной теории диалога цивилизаций**. Общий контур решения этой проблемы уже просматривается: новая отрасль знания «диалогистика» закладывает теоретические и методологические основы диалога в современном мире на всех его уровнях позиционирования участников и выступает в форме научной парадигмы. Автор делает первую попытку дать общий контур «диалогистики», структурировать её. Она как путеводная звезда сопровождает Россию. Россия двинулась в неудержимый геоэкономический поход, меняющий мировую ситуацию и глобальную расстановку сил – совместное обустройство ареалов и точек мирового роста как залога стратегического равновесия на почве балансов интересов. Открывая новую страницу глобального диалога, Россия тем самым открывает новую страницу своей истории*.

(Источник: Безопасность Евразии, 2011, № 2)

* Данная статья подготовлена по материалам Раздела VIII книги: *Кочетов Э.Г. Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен: Научная монография / Обществ. акад. наук геоэкономики и глобалистики. Москва: Экономика, 2011. 733 с.*

В книге освещаются проблемы современного мира, оформлена и предложена новая парадигма мирового развития. Впервые в мировой и отечественной научной литературе поднимается один из фундаментальных вопросов современности: роль и место диалога в судьбах человека и мира в эпоху глобальных трансформаций. Делается прорыв к новому знанию в общественных науках – диалогистике: раскрываются новые подходы к философии диалога, его движущие мотивационные «пружины», поле, сферы и участники; ставится проблема перевода нового знания о диалоге в научные институты, его оформление и научное закрепление. Выдвигается новая повестка дня «большого» разговора: «Мир на пороге смены эпох, грядёт новый Ренессанс как схватка с кабальным «Общественным договором» и «современным средневековьем». Автор отмечает особую значимость России в мировых делах, в построении нового миропорядка на принципах баланса и равновесия интересов, толерантности и справедливости.

Книга представлена в Интернете для свободного и бесплатного скачивания пользователями в научных и учебных целях. С полным текстом книги читатели могут ознакомиться на сайтах Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики (см.: http://www.geoeconomics-academy.ru/Books/Kochetov/Kochetov_Dialog.pdf); на Информационно-аналитическом портале Viperson.ru (<http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=641398&soch=1?77933340>).

Презентация книги прошла на XXIV Московской международной книжной выставке-ярмарке (см.: <http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=642680&soch=1>) и на IX сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос, Греция, 6–10 октября 2011 г.) (см.:

http://www.wpfdc.org/index.php?option=com_content&view=article&id=322:dialogistics-at-rhodes-forum-2011&catid=41:announcements&Itemid=108?=-ru;

http://www.wpfdc.org/index.php?option=com_content&view=article&id=322:dialogistics-at-rhodes-forum-2011&catid=41:announcements&Itemid=108?=-en).

На Форуме автор выступил с докладом: «Гуманитарный прорыв: диалог обретает научную форму – диалогистику» (см.: <http://west-east.org/images/pdf/rodos2011.pdf>; http://geoeconomics-academy.ru/Articles/Kochetov/Kochetov_Rodos.pdf).

Состоялся «круглый стол» по поводу выхода книги в свет (см.: <http://kochetov.viperson.ru/wind.php?ID=643344&soch=1>)

Глава 24. О.Н. Капелько
Г.Г. Малинецкий
С.А. Посашков

НАДЕЖДЫ И ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Аннотация. Представлен системный анализ проблем российского образования, развал которого становится серьезной угрозой национальной безопасности. С позиций теории самоорганизации проанализировано состояние и динамика системы «образование + наука». Показаны пути выхода из кризиса, в котором оказалась эта важная сфера жизнедеятельности, сформулирован ряд конкретных предложений.

Ключевые слова. Реформы образования, экономика знаний, образовательная стратегия, егэзация, болонизация, синергетика, параметры порядка, системный анализ, модернизация, управление социально-экономическими процессами.

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

Те, кто учится и учит, кто обращается к специалистам, надеясь на их профессиональные навыки, кто работает и руководит, избирается и избирает – все мы – попали в нелёгкую ситуацию. Мы являемся свидетелями, участниками и жертвами происходящей образовательной катастрофы. Мы теряем поколения и историческое время, а с ними и перспективу для нашего отечества.

Цель этих заметок – обсудить с коллегами способы смягчить или ликвидировать последствия происходящего бедствия и наметить пути в будущее.

ДИАГНОЗ

Уважаемый вице-премьер!
Уважаемый министр!
У меня к вам огромная просьба –
не разваливайте школьную математику.

*Из речи академика С.Н. Никольского
при вручении Премии Правительства РФ*

Когда больной приходит к врачу, то его обычно посылают сдавать анализы, чтобы врач, строя свои умозаключения, мог опираться на количественные данные. В экономике, чтобы судить, хороши дела или плохи, используют международные сравнения.

Мы можем поступить таким же образом, обратившись к статистике поисковой системы Google за 2011 год [1]. Наиболее частые запросы в рациональной сфере по миру в целом – *математика, Луна, клетка, Википедия, ДНК, химия, математические игры, физика, большой взрыв, химия* (испанский сегмент). Число запросов «*занимательная математика*» возросло за несколько лет на 2800%.

Схожая картина имеет место в США; наиболее популярные американские запросы в порядке убывания: *математика, Луна, наука, математические игры, занимательная математика, калькулятор, занимательные математические*

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 11-06-00471) и РГНФ (проект № 12-03-00382).

игры, химия, периодическая таблица. Примерно таким же образом дело обстоит в Великобритании, Германии, Бразилии, Китае, Индии, Израиле, Южной Африке.

У нас иначе. Самыми популярными запросами российского сегмента является: *ЕГЭ (единый государственный экзамен), ГДЗ (готовые домашние задания), решетник, ответы, результаты ЕГЭ, Википедия, ЕГЭ по русскому, ЕГЭ 2011, алгебра, ГДЗ по алгебре.* За пару лет число запросов ГДЗ выросло на 5000%.

Таким образом, в отличие от остального мира, мы вырастили поколение «халявщиков», желающих списывать, а не решать, подсматривать в ответ, а не думать, казаться, а не быть.

Школьники, сдавшие ЕГЭ, не оправдавший возлагавшиеся на него Министерством образования и науки надежды, далее поступят в вузы, которые по нынешнему закону обязаны принимать в число студентов людей, которых они и в глаза не видели. Подготовить из таких ребят специалистов при всём желании преподавателей на таком же уровне, как 20–30 лет назад, нереально. Далее выпускникам вузов придётся доучиваться или менять сферу деятельности, а всему обществу расплачиваться за их некомпетентность, за пробелы в их школьном или вузовском образовании. «Ганс не знает того, что не выучил Гансик».

Падение уровня выпускников можно проследить по сложности тех задач, которые предлагались на вступительных экзаменах. Преподаватели Московского физико-технического института (МФТИ) выпустили сборник задач по стереометрии, предлагавшихся в течение полувека на вступительных экзаменах в этот элитный физический ВУЗ (из его стен вышло более 50 членов Академии наук) [2]. Именно задача по стереометрии традиционно считалась наиболее сложной во вступительном задании. Самыми трудными задачи были в 1953–1956 году. Далее всё шло по нисходящей. А сейчас в национальный исследовательский университет МФТИ... принимают вообще без экзаменов, по результатам ЕГЭ.

Поэтому не удивительно, что магистры национального исследовательского университета МФТИ, у которых один из авторов преподаёт (прослушавшие в бакалавриате курс теоретической механики), не могут ясно объяснить, почему же Земля не падает на Солнце. Магистры первого года Российского университета дружбы народов (РУДН) – будущие нанотехнологи – не представляют, почему бывает зима и лето. Студенты VI курса Московского государственного университета им. Н.Э. Баумана (факультет «фундаментальные науки») так и не смогли пару лет назад сформулировать закон Ома.

В 2012 году по инициативе ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, академика В.А. Садовниченко, в университете начали читаться межфакультетские междисциплинарные курсы. Университет происходит от слова *Universum* – вселенная, и очень хочется, чтобы студенты представляли другие части университетской вселенной, не замыкаясь в собственном факультете. Это тем более важно, поскольку решение большинства крупных практических и научных проблем требует взаимодействия и сотрудничества специалистов различного профиля. И такому взаимодействию тоже очень полезно научиться в университетские годы.

Довелось в 2013 году читать межфакультетский курс «Управление рисками государственного управления» факультета «Высшая школа государственного администрирования», на который записалось более 150 человек с разных факультетов – механико-математического, физического, экономического, исторического и многих других (впрочем, самым популярным оказался курс «Основы предпринимательства», на который записалось около 600 человек).

Очень большой интерес вызвало коллективное решение практических, жизненных задач, возникающих в управлении на различных уровнях, в составе команды. Люди готовы и стремятся к такой организации коллективной работы.

Однако в глаза бросилась болезнь нынешних выпускников университета, которую можно назвать «квантофобией» (от «квантум» – количество). Большое затруднение вызывали (в том числе и у студентов естественных факультетов) простейшие математические модели. Практически никто, предлагая своё решение поставленных задач, не опирался на количественные оценки и, утверждая, что это «много» или «мало», не давал себе труда уточнить, по сравнению с чем. Получалось, что солидные курсы математического анализа, дифференциальных уравнений, теории вероятностей отдельно, а жизнь отдельно. Обращало на себя внимание неумение аргументировать свою позицию и отстаивать её в полемике, неготовность сделать несколько логических ходов, чтобы развить выдвинутую идею.

Утрачена системность образования. Люди не знают, что же они знают, зачем они это знают и как этим можно воспользоваться. Очевидно, и в школе, и в университете курсы «проходились» как в калейдоскопе, без осознания взаимосвязей, а с приземлённой прагматичной ориентацией, что и как выучить, чтобы сдать. «Сессия закончена. Забудьте», – шутили в наше времена. Но тогда это была шутка.

Расхожая мудрость гласит: «Образование – это то, что остаётся, когда всё выученное забыто». Что же остаётся? Понятые и осознанные идеи и категории, взаимосвязи между ними, а также опыт применения своих знаний.

Видимо, на системности и взаимосвязях и следует сделать акцент, и в школе, и в вузе. Иначе кроме документов об образовании у следующего поколения не останется ничего.

ПАРАМЕТРЫ ПОРЯДКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Задачи должны быть простые, но интересные.

И.М. Гельфанд

Мы столкнулись с удивительным феноменом – нагрузка и в школе, и в вузе стремительно растёт. Увеличивается количество дисциплин, число аудиторных часов, всё больше становится зачётов, экзаменов, тестов, контрольных работ, преподавателям приходится писать огромное количество бумаг, но результаты становятся всё хуже. Это наглядно видно по подготовке аспирантов к кандидатским экзаменам. В тех организациях, где стремятся не снижать планку слишком резко, на это уходит всё больше времени. Приходится навёрстывать непонятое и недоученное в вузе. И объём этого постоянно увеличивается.

Ряд преподавателей физики МФТИ утверждают, что для полноценного освоения физтеховского курса общей физики принятых в институт надо было бы, по крайней мере, год учить школьным физике и математике ...

Теория самоорганизации или *синергетика* утверждает, что в большинстве сложных систем с течением времени выделяются параметры порядка – те ведущие параметры, к которым подстраиваются остальные переменные. Работы представителей научной школы академика И.М. Гельфанда показывают, что накопление профессионального опыта врача также можно рассматривать как самоорганизацию в пространстве знаний и решающих правил [3].

По-видимому, с этой точки зрения можно взглянуть и на школьное образование. Каковы же здесь должны были бы быть параметры порядка – ключевые предметы, около которых должно строиться всё остальное?

В своё время, «железный канцлер» Отто Бисмарк заявил: «Войны выигрывают приходской священник и школьный учитель». Это ещё более верно в

наше время противостояния смыслов, ценностей, типов жизнеустройства, различных цивилизаций. В этом контексте образование не может и не должно рассматриваться как «услуга». Для личности оно должно определять её ценности и жизненные стратегии. Для общества – его состояние, уровень профессионализма, компетентности и ответственности, который оно может достичь. Для государства и цивилизации – её будущее.

С этой позиции, на наш взгляд, параметрами порядка в системе школьного образования являются четыре предмета.

Математика – это школа критического, рационального мышления. Очень немногие из тех, кто осваивает этот предмет в школе, станут профессиональными исследователями. Однако всем необходима уверенность, что многое можно доказывать, что до ряда неожиданных, а иногда и парадоксальных выводов можно прийти в результате последовательности логических шагов. Школьная математика и геометрия, в особенности, учит этому и даёт прекрасные образцы.

Наши соотечественники, дети которых обучались в английских средних школах, искренне удивлялись тому, что в большинстве из них отсутствуют доказательства, и что если миссис Смит говорит, что в прямоугольном треугольнике $a^2 = b^2 + c^2$, то этому следует поверить и дальше просто использовать такой факт при решении задач. Поэтому очень тревожно, что во многих школах ряда регионов доказательства не рассматриваются на уроках, что мы идём к британскому уровню, а знания геометрии у российских школьников становятся всё хуже.

Русский язык, который можно сравнить с генетическим кодом нации. Основа культуры, ключ к пониманию и многих смыслов нашей цивилизации, мост в прошлое. Этот предмет также особенно важен ещё и потому, что, как показывает практика, наверстать упущенное в школе в области языка в последующие годы нереально.

История – путь к осознанию смыслов и ценностей мира России, пониманию сущности переживаемой эпохи, своего места в череде поколений. Огромное расширение жизненного опыта во времени и пространстве. Знакомство с судьбами множества выдающихся людей и помощь в выборе собственной траектории. Одна из немногих возможностей освоить часть опыта человечества...

Литература – важнейший предмет, создающий связь между поколениями, общее культурное пространство. Образы, события, люди, представленные в русской и мировой литературе, дают множество моделей жизни, служат школой чувств, создают пространство для диалога. Человек живёт в рациональном, эмоциональном и интуитивных пространствах. Литература воспитывает эмоции и интуицию, даёт тонкость и точность восприятию. Кроме того, она учит жить в обществе, помогает формулировать и отстаивать свою позицию, находить друзей, коллег и единомышленников.

Огромной ошибкой, провалом всей системы среднего образования, является отказ от сочинений в пользу «изложений». В последние годы на выпускные экзамены в ряд регионов присылали не только текст, по которому должно было быть написано изложение, но и образец изложения по этому тексту с указанием, какие слова должны быть употреблены, и сколько абзацев должно содержать изложение. Мы заставляем детей относиться к нашему языку, как к иностранному, а к великой русской литературе как к чему-то необязательному, второстепенному, не очень нужному и полезному.

Помнится, несколько лет назад, в бытность министром А.А. Фурсенко, очевидно, не без влияния Высшей школы экономики, родился проект, в котором

предлагались четыре предмета, за которые должно было платить государство. Остальные должны были быть «предметами по выбору» и, возможно, платными. Но дело не в этой забытой и провалившейся реформе, а в том, какими видят параметры порядка школьного образования нынешние реформаторы средней школы. Это *основы безопасной жизнедеятельности, физкультура, индивидуальный проект, Россия в мире*. Как видим – ни уму, ни сердцу, ни рационального, ни эмоционального, ни интуитивного, а сугубо конъюнктурное и вторичное.

Авторам приходилось принимать участие во многих встречах с руководством Министерства образования. И когда эти чиновники и «прикормленные» министерством деятели, кровно заинтересованные в процессе перманентного реформирования российского образования независимо от его результатов, оказывались прижатыми к стенке, один из руководителей произносил одну и ту же фразу: «Вопрос о реформировании российского образования – это политическое решение. Добейтесь иного политического решения, и мы будем действовать иначе».

Это конкретная постановка задачи. Нас с вами – тех, кто так или иначе связан в стране с образованием – в стране сейчас более 70 миллионов. И таких политических решений, которые позволят вначале остановить творимый развал системы образования, а затем помогут двигаться не назад, а вперёд, нам и следует добиваться.

МАТЕМАТИКА, КУЛЬТУРА, НАУКА

Если бы только удалось преодолеть то недоверие, с которым весьма многие под влиянием случайных школьных впечатлений сторонятся всего, что связано с математикой, то людей, склонных «импровизировать» в области несложных произведений математического искусства, оказалось бы не меньше, чем активных любителей музыки.

Г. Радемахер, О. Теплиц «Числа и фигуры»

... они открывают перед учащимися один из аспектов математики, столь же важный, сколь редко упоминаемый: математика предстает в этих задачах наукой, тесно связанной с другими естественными науками, разновидностью «экспериментальной науки», в которой наблюдение (эксперимент) и аналогия могут привести к открытиям. (Этот аспект математики должен особенно привлекать будущих «потребителей математики – естествоиспытателей и инженеров.)

Д. Поля

Ушли в прошлое времена, когда математику называли «царицей наук». Тем не менее, место математики в науке и культуре существенно меняется и будет меняться.

Чтобы заглянуть в будущее, представить, чем будут заниматься учёные в ближайшие 20–30 лет, в какие направления технологий будут вкладываться главные усилия, можно посмотреть на среднюю цитируемость работ в различных областях знания. Цитируемость статей показывает, насколько большим и активным является сообщество, работающее в каком-то научном направлении.

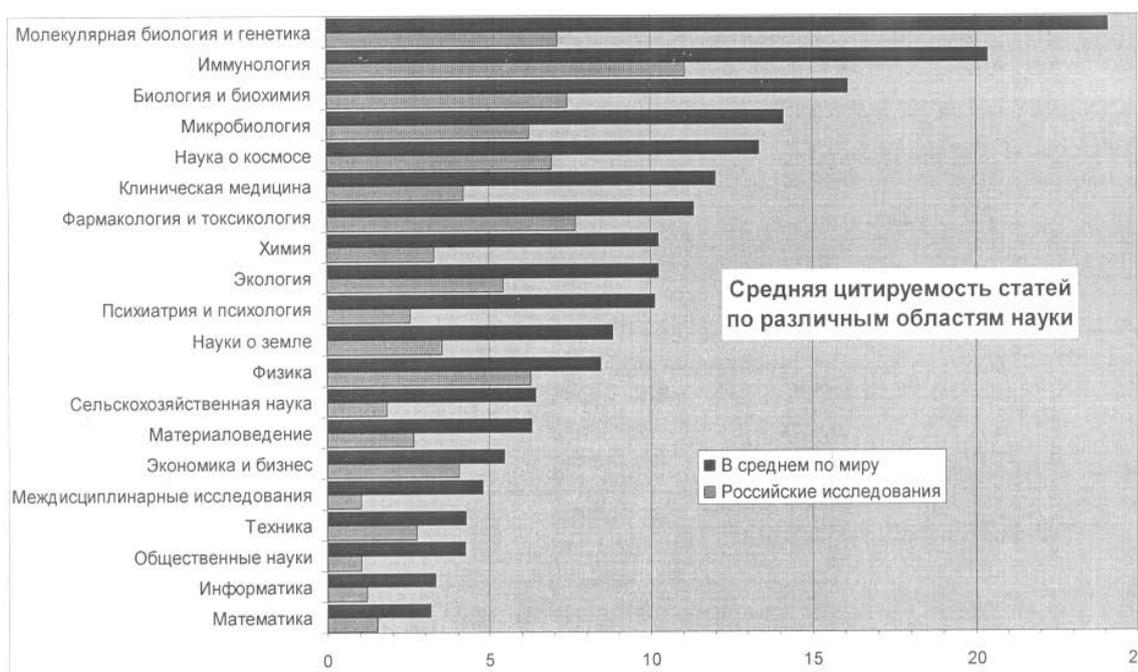
Со школьных времён у нас сохранилось представление, что математика – большой и сложный предмет, физика и химия примерно в два раза меньше и проще, а биология ещё в два раза меньше физики и химии.

Однако «взрослая наука» выглядит сегодня совершенно иначе (см. рис. 1). Возьмём «наследниц» школьной биологии – молекулярную биологию и генетику, иммунологию, биологию и биохимию, фармакологию с токсикологией – они в 7 раз превосходят *физику и химию* и в 17 раз – *математику* или *информатику* [4].

Это связано с тем, что науки живут как бы в «разном возрасте» – одни в старости, другие в зрелости, третьи в юности.

Рисунок 1

Научные приоритеты в естественных науках в России и в мире

Многие идеи, методы и подходы, «пройденные» в одной области исследований, могут оказаться волнующей перспективой в другой. Поэтому самым учёным очень нужны *междисциплинарные подходы*, которые позволяют мыслить широко, поверх границ отдельных дисциплин, научных направлений и школ, помогают ломать барьеры, мешающие двигаться вперёд.

Интересно сравнение приоритетов мировой и отечественной науки. Вероятно, XXI век будет веком человека. Развитие возможностей и способностей людей и коллективов станет магистральным направлением прогресса. С ним будут связаны и главные возможности, и основные угрозы. Отсюда следует огромное, возрастающее значение когнитивных и педагогических наук и технологий (конечно, если это настоящие науки и технологии, а не их имитация).

Весьма показателен в этом контексте перечень «аутсайдеров» отечественной науки. Это *гуманитарные дисциплины*, а также *психология и психиатрия*. Здесь мы отстаём от мировых показателей вчетверо. И завершают список *междисциплинарные исследования*, где отставание оказывается почти пятикратным.

Но как же совместить скромную роль математики на фоне биологических наук – фаворитов завтрашнего дня – с взрывным ростом интереса к математике, о чём свидетельствует статистика Google. Каково объяснение этого парадокса?

По-видимому, дело в следующем. Человек XX века открыл для себя «виртуальную вселенную». Именно движение в этом направлении стало основным направлением прогресса в последние 50 лет. Темпы развития здесь фантастичны – быстрое действие современных суперкомпьютеров, по сравнению с первыми электронно-вычислительными машинами, выросло в 250 миллиардов раз. Ни одна отрасль промышленности не сталкивалась ни с чем подобным. С компьютерами оказалась связана жизнь миллиардов людей и работа сотен миллионов.

Их поддержка требует компьютерной инженерии (computer engineering) и компьютерных наук (computer science). В их основе лежит математика, готовность к формализации, к чёткой точной постановке задач и осознанию ограничений.

Произошло чудо – из куколки появилась бабочка. То, что ещё вчера относили к математической науке, сегодня стало программной промышленностью (computer engineering – словосочетание не устоялось, но именно оно точнее остальных соответствует возникшей на наших глазах огромной отрасли индустрии). Достаточно сказать, что только Индия экспортирует программного обеспечения более, чем на 40 млрд. долларов в год. Поэтому интерес к математике, лежащей сегодня в основе многих «компьютерных профессий», понятен и закономерен.

Другой источник интереса к математике связан с развитием междисциплинарных подходов и, в частности, теории самоорганизации или синергетики. Исследователи и инженеры столкнулись с необходимостью описывать, моделировать и прогнозировать свойства множества разных сущностей. Самый простой способ добиться результата в ограниченные сроки – найти аналоги, схожие проблемы и пути их решения в других областях науки. Именно это и позволяют осуществить междисциплинарные подходы, которые говорят нам языком математических моделей.

Математика является важной частью культуры человека, и областью творчества не менее значимой, чем, например, живопись или театр. В своё время авторов удивляло, почему во многих американских университетах математические факультеты находятся в отделениях изящных искусств, а не естественных наук. Но в этом есть своя логика. Математическое творчество позволяет создавать миры, выражая субъективное понимание красоты и гармонии. Поразительным образом оказывается, что многие из этих странных и удивительных абстрактных конструкций отражают объективные свойства нашей реальности.

Стремительный рост областей, лежащих на грани математики и искусства – компьютерной графики, музыки, анимации, дизайна, игр, криптографии и криптоанализа и многих других – усиливает эту тенденцию к восприятию математики как сферы творчества, самовыражения, увлечения.

Бум интереса к математике в мире открывает большие и неожиданные возможности. Очень важно ими воспользоваться.

ГОСУДАРСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

Нам надо за десятилетия пробежать путь, который другие государства прошли за столетия. Иначе нас сомнут.

И.В. Сталин

По объективным и субъективным причинам нашему отечеству неоднократно приходилось догонять другие страны в различных областях. В таком же положении мы находимся и сегодня.

Во многих случаях власть это понимала. Иван Грозный, уходя на войну, отпустил на печатное дело огромные деньги. Прибыв с передовой 19 апреля 1563 года он приехал в Москву, чтобы ввести в строй новую типографию, в которой начала печататься книга о деяниях апостолов. Руководил типографией Иван Фёдоров, окончивший Краковский университет – специалист по греческой и древнегреческой филологии, который учился у чеха Флорина Углева в Кракове.

Царь Пётр I лично экзаменовал во время постройки флота в Воронеже 72 молодых человека, осваивавших мореходство и навигационное дело за рубежом, и признал годными к командованию кораблями четверых.

Для организации научных исследований в Петербургскую академию наук был приглашён один из выдающихся умов человечества Леонард Эйлер. Основы гидродинамики, вариационного исчисления и теории функций комплексного переменного были заложены им в России. Блестящему отзыву Эйлера о трудах Михаила Васильевича Ломоносова мы обязаны академической карьерой этого выдающегося русского учёного, а, в конечном итоге, и созданием Московского университета.

Во многих случаях мы оказались отличными учениками, стремительно и успешно проходя путь, который в других странах занимал века. Например, свой поэтический язык для Франции создал П. Ронсар (1524–1585), А.С. Пушкин блестяще решил ту же задачу для России на четыре века позже в считанные годы.

При этом перенимаемые технологии, науки, новшества использовались, как правило, не для слепого подражания, а для решения своих, российских задач. И во многих случаях усердным ученикам можно было адресовать те же слова, которые В.А. Жуковский написал на книге, подаренной А.С. Пушкину: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

В России отлично понимали, что государственные служащие в России должны быть образованы. Пётр I учредил 24 января 1722 года Закон о порядке государственной службы в Российской империи, разделивший гражданские чины на 14 классов. Лица недворянского происхождения после производства в 14 класс получали личное, а в 8-й – потомственное дворянство.

Высочайший указ от 6 августа 1809 года, принятый под влиянием выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского, требовал от чиновников, желающих получить должность 8-го класса, но не получивших университетского образования, сдачи особого экзамена. Чтобы облегчить чиновникам этот экзамен, при университетах должны были читаться особые лекции. В Казанском университете лекции по арифметике и геометрии были поручены Н.И. Лобачевскому, который читал их, обучаясь в магистратуре.

Развитие капитализма в России, необходимость индустриализации страны потребовали массового образования. Эта проблема была осознана властью. В исторических трактатах часто упоминается, что более 78% населения страны в 1913 году были неграмотны [5]. Однако обычно забывается, что расходы по Министерству народного просвещения возросли с 1900 года почти в 5 раз, составив в 1913 году 14,6% бюджетных расходов. В 1913 году было издано 107 млн книг, издавалось 1263 журнала, 874 газеты на 24 языках. В стране имелось 1400 стационарных кинотеатров, а газеты выходили (кроме русского) на 48 языках и наречиях [6].

Труд педагога, учителя весьма высоко ценился в обществе. Это показывает, например, судьба выдающегося педагога-математика Андрея Петровича Киселёва (1852–1940), по учебникам геометрии которого Россия училась более 100 лет.

Этот преподаватель, считавший, что хороший учебник сочетает в себе три основных качества – «точность формулировки и установление понятий, простоту в рассуждениях и строгость в изложении», писал учебные пособия, издавал их на свои деньги и рассылал всем интересующимся. И по всей России со временем начали поступать средства на продолжение этой благородной деятельности. Он был яркой, заметной фигурой не только в образовательном пространстве России, но и в общественной жизни Воронежского края. Ему удавалось, увлекаясь чем-либо созидательным и полезным, вовлекать в эту деятельность очень многих вокруг.

Однако настоящий взлёт отечественного образования приходится на советское время. Культурная революция, понимаемая как ликвидация безграмотности, подготовка квалифицированных кадров массовых профессий (инженеров, учителей, врачей, военных), приобщение широких кругов общества к достижениям мировой культуры, была одной из трёх задач, которые должны были быть решены при построении социализма. Были в очень широких масштабах организованы математические и физические олимпиады разных уровней (многие эксперты считают, что это стало одним из важнейших условий успеха советских ядерного и космического проектов). Образование прекрасно развивается именно тогда, когда оно необходимо обществу. Индустриализация, создание тысяч заводов, новых отраслей промышленности, механизация сельского хозяйства предъявляли огромный «социальный заказ» на образование, науку, культуру. Очень показательны слова известной советской песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна учёных!».

Огромную роль играли научно-популярные книги, журналы, кинофильмы. Страна жила будущим, и образование ей самым активным образом помогало.

В 1904 году вышла книга выдающегося популяризатора науки Якова Исидоровича Перельмана «Межпланетные полёты», в 1934–1936 – 9-томная энциклопедия межпланетных полётов, в 1936 году на экраны страны вышел фильм «Космический рейс», в котором рассказывалось о полёте советского человека на Луну в 1944 году ...

Успешная реализация космического и ядерного проектов, пионерские результаты во многих областях науки и технологий – свидетельство блестящих успехов советской системы образования.

На Нюрнбергском процессе на вопрос, «что было не учтено и привело к поражению фашистской Германии», автор немецкой танковой доктрины Х. Гудериан назвал два фактора. Первый – это значение единой энергетической системы страны. Второй – это недооценка культурного и образовательного уровня советского солдата. Война – очень жестокий экзаменатор для стран и цивилизаций. И в том, что в этой войне удалось выстоять, большая роль советской системы образования.

Обычно, говоря об образовании, повторяют заученные фразы о воспитании. Однако оно действительно не менее важно, чем сумма знаний, которые ученик вынесет из стен школы или университета. Благополучная экономика не может существовать без *ответственных, профессионально зрелых людей*. Мы с вами, всё общество, заинтересованы в том, чтобы у нас были ответственные и квалифицированные руководители, врачи, инженеры, пилоты, учителя и ещё люди очень-очень многих профессий, от которых зависит наша жизнь и благополучие. Статистика утверждает, что 80% чрезвычайных ситуаций в воздухе и 70% на воде связаны с действиями, с ответственностью и квалификацией людей, а не с техникой или природными условиями.

Известная русская пословица гласит: «Скупой платит дважды». Однако эксперты по управлению природными и техногенными рисками знают, что каждый рубль, вложенный в прогноз и предупреждение бедствий, кризисов и катастроф, позволяет сэкономить от 10 до 1000 рублей, которые пришлось бы вложить в ликвидацию или смягчение последствий уже произошедших бед [7]. Иными словами, скупому здесь приходится платить не дважды, а 1000 раз! Вложения в квалификацию, ответственность и высокие технологии оказываются самыми выгодными в нашей реальности. Квалифицированные специалисты оправдывают затраты на свою подготовку многократно!

И тут стоит напомнить, что самые дорогие ошибки – стратегические, принимаемые на государственном уровне, потому что обычно их не удастся исправить на других уровнях государственного управления. Очень часто исполнители – учителя, преподаватели, профессора просто не могут восстановить разрушенное приказами сверху ...

И тут похвастаться нечем ... Наше образование с 1991 года перенесло информатизацию, гуманизацию, гуманитаризацию, интернетизацию, болонизацию, ЕГЭзацию. Менялись министры, исполнявшие стратегические решения, и образование России продолжало катиться по наклонной плоскости. Пройден огромный путь вниз – от одной из лучших систем образования в мире (советскую систему с большим успехом копировали и копируют во многих странах) к образованию колониального образца. Суть преобразований очень точно сформулировал бывший министр, а затем советник Президента в области образования А.А. Фурсенко, считающий, что советская система готовила творцов, ориентированных на создание нового (известный лозунг: «Твори! Выдумывай! Пробуй!»), а российская должна выращивать «квалифицированных потребителей», «заточенных» на использование созданного другими. При этом образование рассматривается не как ценность, создающая нравственный и профессиональный стержень личности, а как «услуга».

Принятый в 2012 году закон «Об образовании» предусматривает интенсификацию труда преподавателей и превращение их в давателей уроков и повышение зарплат за счёт этого: «В России средняя зарплата в вузах ниже средней по стране, что уникально для мира, и должна к 2018 году стать вдвое выше средней зарплаты по стране. При этом предполагается уволить порядка 44–45% вузовских преподавателей. Механическая интенсификация труда снизит качество преподавания – и подготовки студентов – по сравнению даже с современным уровнем. Аналогичная ситуация по школьным учителям (их намечено уволить порядка 90 тыс. чел.) и по преподавателям начального и среднего образования» [8].

Образование в той или иной степени касается очень многих. Но ... народ пока безмолвствует. Замыслы и проекты большинства образовательных реформ исходят из Высшей школы экономики (ВШЭ) – ректор – Я. Кузьминов, научный руководитель Е. Ясин. Например, именно там родился принцип «Деньги следуют за учениками», оправдывающий закрытие более 30 тысяч средних школ России ...

Усилия «смотрящих» за российским образованием дают свои результаты. В конце 1980-х годов СССР входил в десятку ведущих стран мира по человеческому потенциалу. В 1992 году Российская Федерация была на 32 месте, в 1999 – на 55, а сейчас уже на 66 ... [8]. Это ставит под угрозу все планы по модернизации и новой индустриализации России ...

Разрушена связь между субъектом и объектом управления в области образования. Классический вариант – введение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Неоднократно и убедительно было показано, что этот тест ничего не измеряет, что нельзя совмещать проверку способностей и достижений, что в ЕГЭ теория педагогических тестов, на которую ссылаются его поборники, используется неверно, и кроме того, оказывается вне области применения подобных методов [9]. ЕГЭ, который по мысли его идеологов из ВШЭ, министра В.М. Филиппова и его приемников должен был уменьшить коррупцию, многократно её увеличил (что, впрочем, предсказывалось учёными). Лекарство оказалось гораздо хуже болезни. Результаты исследований, показывающих тупик ЕГЭ, протесты и жалобы министерством игнорируются. «А Васька слушает да ест...».

Положение дел в отдельных областях ещё более драматично, чем ситуация в целом. Попытка государства (министерства) «уйти из образования», отказаться от планирования привела, к примеру, к острому дефициту кадров ряда специальностей. Например, ещё недавно российским лётчикам, которые могли бы управлять «Боингами», компании были готовы платить 200 тыс. руб/месяц. Сейчас уже речь идёт о 400 тыс. руб/месяц ... Но и их нет. Их не подготовили. Недавно в Думу был внесён закон о допуске пилотов-гастарбайтеров на российские авиалинии ...

Значение подготовки высококвалифицированных кадров в мире, а с ним и роль педагогов, стремительно растёт. Специалисты по военной авиации обратили внимание на то, что подготовка квалифицированного пилота, способного эффективно использовать современную технику, составляет примерно 10% стоимости этой техники. Например, стоимость танка – примерно 1,5 миллионов долларов, истребителя – 15 миллионов. Значит, в подготовку лётчика надо вложить 1,5 миллиона... Преподаватели, тренажёры, учебные полёты, отработка элементов боя в небе и на земле и много-много часов полёта и, конечно, отбор...

Специалисты по авиационной медицине и психологии говорят о том, что по физическим показателям, «по здоровью», способны летать около 10% молодых мужчин, а по морально-волевым качествам – 1,5% от этих 10%. И этих людей надо найти, они должны захотеть по-настоящему летать, их надо выучить, вложив большие усилия. Но если таких пилотов нет, то сложное, эффективное и очень дорогое оружие превращается в груды бесполезного металла ... Понимание этого должно воплощаться в серьёзной, ответственной государственной политике.

Развал в образовании настолько велик, что нереально браться за всё, надеясь получить результаты. С чего начать? С образования в той сфере, от которой зависят наши жизни, там, где нужны не только знания, но и способность и желание брать на себя ответственность, и отбор здесь должен быть очень жёстким.

За месяц до закрытия и «перевода в Воронеж» один из авторов посетил растерзанную, опустевшую, разорённую, легендарную военно-инженерную академию Н.Е. Жуковского, которую до этого слили с академией Ю.А. Гагарина. Уникальное оборудование, научные школы, легенды, поколения выращенных авиаконструкторов, героев, космонавтов. Вдохновение, мужество, пот и кровь, которые понадобились, чтобы проложить дорогу в небо. И всё это в прошлом... А сейчас прах, тлен и горькое ощущение непоправимой ошибки...

В XIX веке убедились, что если учить полковников и генералов, то солдат и офицеров под их командованием гибнет меньше. Родилась идея академии Генерального штаба. Потом, в XX веке пошли по тому же пути, занимаясь подготовкой государственных руководителей, ошибки которых стоят нам всем очень дорого.

В последние годы в России были за небольшим исключением разгромлены институты, готовящие специалистов для высших эшелонов государственного управления. Большинство «факультетов государственного управления», открытых в ряде университетов (первое высшее образование), готовят мелких клерков. Во ВШЭ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) стремятся приблизиться к подготовке специалистов MBA (master business administration), имеющих удивительно мало общего с российскими реалиями. При этом подобное образование оказывается «чисто гуманитарным», далёким от количественного анализа, компьютерного моделирования, ситуационных и когнитивных центров, от других современных технологий управления ... Стратегические провалы в завтрашнем государственном управлении закладываются сегодняшней системой российского образования.

Что делать? Специалисты по управлению рисками советуют тем, кто оказался в трудном положении, разобраться, как это произошло, и выяснить, нельзя ли вернуться назад. Поэтому ключевые шаги здесь понятны.

– *Изменение образовательной стратегии и целей, на достижение которых направлено образование.* Это не только профессиональная подготовка, передача смыслов и ценностей нашей цивилизации следующему поколению. Напомним, что с 2001 года Президентом РФ ставится задача перевода хозяйства страны от экономики трубы на инновационный путь развития. Нынешнее «колониальное образование», отстроенное в России, этим требованиям не удовлетворяет. Эту систему надо привести в соответствие с теми стратегическими задачами, которые решает страна.

– *Отказ от егэзации, как провалившейся и крайне коррупционной технологии. Возврат ответственности за уровень знаний выпускников средних школ самим средним школам, а за контроль знаний поступающих в высшие учебные заведения – вузам.* Созданную систему ЕГЭ можно использовать как инструмент для мониторинга и контроля не только в выпускных классах. Однако принципиальное положение о том, что поступление по ЕГЭ в вузы должно быть лишь одной из возможностей (значит, должны быть другие – например, обычные вступительные экзамены), которое мы не раз слышали от первых лиц, наконец, должно быть воплощено в жизнь.

– *Отказ от «болонизации» высшей школы, не оправдавшей себя в условиях российского рынка труда и возврат к полноценной подготовке специалистов.* На рынке труда России не оказалось места для «бакалавров-врачей» или «бакалавров-пилотов» и многих-многих других бакалавров. Горе-реформаторы решили отказаться от «бакалавров» там, где от их деятельности зависит жизнь людей. Но разве не завит он от ошибок инженеров, управленцев, программистов? Кроме того считать это образование «высшим» можно только с очень большой натяжкой. Поэтому вузы, которые готовят выпускников «на выезд», могут экспериментировать с такими формами обучения, а для тех, кто работает на Россию, «болонизация» неуместна. Парадокс, но болонскую систему ввели в Академии Петра Великого, где готовят специалистов по стратегическим ракетам и... священников.

– *Возврат государства в сферу образования и широкое использование государственных образовательных кредитов.* В настоящее время высшая школа, к сожалению, стала инструментом социального расслоения общества. Более 70% студентов учатся за деньги родителей. Мы теряем большую часть талантливой молодёжи из малообеспеченных семей.

Если уже мы, в отличие от многих развитых стран, пошли по пути платного образования, то будем последовательны. Предоставим всем поступившим возможность получить государственный образовательный кредит, полностью покрывающий стоимость обучения в данном вузе. Кредит погашается, если выпускник отрабатывает некое число лет по полученной специальности (на выбор соответствующих рабочих мест также влияет государство) или сокращается, если студент учится на «отлично». В иных случаях кредит возвращается государству. Справедливость всегда очень много значила для нашей цивилизации. Должна быть она и в сфере образования.

– *Приоритетная подготовка специалистов естественно-научного и инженерного профиля.* В настоящее время Россия стоит на пороге новой индустриализации – нам предстоит освоить новые высокие технологии, построить

сотни заводов, перевести страну на инновационный путь развития. И главными действующими лицами здесь будут не юристы, экономисты и менеджеры (работающие в сфере контроля и распределения), а инженеры и исследователи (которые трудятся в сфере производства, сельского хозяйства, НИОКР). И здесь не грех перенять американский опыт – форсированному развитию информационно-телекоммуникационного комплекса (ИТ) весьма способствовало создание соответствующей комиссии в Конгрессе США, которая привлекла ведущих специалистов, разобралась, чему и как учить, помогла созданию нового поколения учебников, а затем на определённый период взяла на себя контроль образования в этой жизненно важной сфере американской экономики.

– *Средняя школа должна быть разгружена и от «предметов-паразитов», и от второстепенного материала, и от ранней специализации, а сориентирована на главные задачи, на параметры порядка.* Пора избавиться от «демократии шума» и перейти в школе к использованию нескольких первоклассных учебников разного уровня сложности по каждому предмету.

– *Следует популяризировать, разъяснить смысл и значение нового закона «Об образовании», его отличия от предыдущего закона и от альтернативного проекта, предложенного О.Н. Смолиным, объяснять гражданам России, чего лишает их новый закон.* Нам всем, и в частности, педагогическому сообществу, надо учиться осознавать свои права, обязанности и интересы и защищать их.

– *В системе образования должен быть сделан акцент на воспитании трудовой этики, способности к коллективным действиям, на нравственных и культурных регуляторах, на совести.* Достаточно очевидно, что никакие законы в безнравственном, атомизированном обществе работать не будут. С другой стороны, созидательный, творческий труд является залогом благополучия и развития общества и важнейшим инструментом воспитания.

Лакмусовой бумажкой в этом отношении является использование в школе идей и концепций выдающегося советского педагога Антона Семёновича Макаренко, получивших мировое признание и практическое воплощение в образовательных системах многих стран. К сожалению, развитие этих идей в новых исторических условиях (например, выдающимся педагогом Я.Н. Левиным – «педагогика социального оптимизма», «воспитание без перевоспитания», добившимся блестящих успехов во многих школах страны, или новым поколением учителей и родителей – движение «Мышление, деятельность, радость» mdrnet.mirtesen.ru) остаётся не известным широкой педагогической общественности и не используется в масштабах страны. До главного руки не доходят.

Однако ситуация должна измениться. У России нет другого пути в будущее.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – НОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

...Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник. А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?

А.С.Пушкин

В Советском Союзе был поставлен удивительный эксперимент в области образования. Была сделана впечатляющая попытка готовить всех школьников страны как элиту – дать им большое, системное, полноценное образование, сформировать мировоззрение. В советских школах на уроках геометрии разбирались доказательства, и их спрашивали на экзаменах. На уроках литературы дети должны были самостоятельно читать классические произведения, а затем выработать свой взгляд на них. Занятия физкультурой и трудом имели в виду

подготовку всесторонне развитого человека. Разумеется, несовершенное воплощение не позволяло во многих случаях воплотить грандиозный замысел. Однако замысел был впечатляющим.

Результаты также весьма убедительны. Система образования позволила к началу горбачёвских реформ создать вторую экономику мира, сильную армию, научную сверхдержаву, успешное благополучное общество.

Однако о рисках этого проекта тоже не стоит забывать. Множество молодых людей, которым, по их мнению, не нашлось достойной работы, являются взрывоопасным материалом. Именно это поколение образованных людей, не имеющее исторического опыта, можно легко убедить, что «Так жить нельзя». Именно оно может поддержать радикальные реформы и революцию, а потом десятилетиями раскаиваться в сделанном выборе.

Анализ египетской революции и построенная А.В. Кортаевым теория «ловушки на выходе из ловушки» показывают, что быстрое существенное улучшение качества жизни приводит к «молодёжному горбу» в возрастной структуре населения, росту образованности и к социальной нестабильности. Не стоит забывать, что идеи «перестройки» в 1990-х годах были популярны среди части образованной советской молодёжи, надеявшейся воплотить свою квалификацию и возможности в новой социально-политической реальности.

Вместе с тем следует отдать себе отчёт в том, что при всём желании возродить в полном масштабе советский образовательный проект сейчас невозможно. Например, по причине недостатка квалифицированных кадров. И всё, о чём шла в этом тексте речь, касательно школьного образования – это срочные меры по выводу страны из образовательной катастрофы, в чём должно быть заинтересовано всё общество.

Однако этого недостаточно. Обратим внимание на императивы ушедшего XX века. Это массовое производство, массовые армии, оружие массового уничтожения и массовое образование. Хорошего, добросовестного полученного высшего образования большинству специалистов хватало на всю жизнь.

В настоящее время в развитых странах произошёл или происходит, говоря словами известного американского футуролога Олвина Тоффлера, переход к цивилизации Третьей волны, в которой важнейшим ресурсом становятся знания, информация, разнообразие. Символ этой цивилизации – компьютер.

Посмотрим на характерную структуру этого общества. Из каждых 100 человек двое кормят себя и всех остальных. Примерно 10 занято в промышленности, пусть 13 работают в сфере управления. В этой структуре есть две особенности – во-первых, не в каждой сотне найдётся человек, занятый наукой или разработками нового, Во-вторых, важно понять, чем следует занять ещё 75 человек...

Иными словами, в сферах, обеспечивающих развитие общества, занято очень немного людей. Но это должны быть люди, подходящие для этой работы, заинтересованные в ней и обладающие необходимой квалификацией. Учитывая, что природные способности к различным видам деятельности равномерно распределены в различных социальных слоях и регионах, необходим мониторинг всех школьников страны на предмет поиска и поддержки людей, способных обеспечивать развитие общества.

В этом случае новое представляется хорошо забытым старым. Эти проблемы успешно решались в советской школе в ряде областей. Это система олимпиад – школьных, районных, городских, республиканских, всесоюзных, международных, позволяющих выявить талантливых, активных ребят. Это раз-

личные заочные школы, в которых училось много тысяч детей со всей страны. Яркий пример – Заочная физико-техническая школа (ЗФТШ) при Московском физико-техническом институте. Практика собеседований (необходимый элемент перед приёмом в былые годы) показывала, что очень многие ребята со всей страны нашли своё призвание, поверили в себя в ходе учёбы в ЗФТШ.

Кроме того, существовала сеть, продуманная государственная система специальных физико-математических школ («колмогоровский интернат», 2-я, 57-я и т. д.), музыкальных, языковых, художественных, спортивных и многих других учебных заведений. Каждый талантливый человек – национальное достояние, их всегда не хватает активному, развивающемуся обществу. Если мы хотим, чтобы у России осталась дорога в будущее, чтобы страна могла встать с колен, сеть таких школ необходимо возродить.

Несколько лет назад один из авторов встречался с чемпионом мира по шахматам и известным политиком Гарри Каспаровым и спросил, почему бы ему сейчас не взяться за дело, которое он отлично представляет и может сделать лучше других – возродить на высоком уровне шахматную подготовку одарённых детей, школьников, юношества. «Это удел сверхдержавы», – последовал немедленный ответ. С этим трудно не согласиться. Однако без решения задачи национального масштаба – отбора, поддержки и эффективного использования талантливых людей – у нас нет перспективы. Без их энергии, успехов и прорывов нам не создать цивилизацию Третьей волны, не ответить на брошенный нам исторический вызов.

Подготовка таких людей – дело сложное и тонкое. Выдающимся пианистом, замечательным дирижёром, которому рукоплещут переполненные залы, возможно станет один из тысячи занимающихся с полной отдачей музыкой. При этом важно, чтобы у остальных 999 не возникло синдрома неудачника, ощущения потерянных лет.

Устойчивость социально-экономической системы и техносферы, перспективы развития общества решающим образом зависят от эффективности отбора и продвижения талантливых людей. И если не удаётся дать первоклассное образование всем, то следует сосредоточить усилия на отборе и элитарном образовании для немногих.

В России сейчас, к сожалению, очень плохо работают механизмы отбора по способностям, а элитарное образование постепенно «растворяется». Причина этого не только «уровнительная» политика министерства, но и неостребованность способных, квалифицированных специалистов в важнейших сферах жизнедеятельности общества.

В других системах образования подобные проблемы успешно решаются. Уровень среднего образования в США очень низкий. Многие выпускники функционально неграмотны (не могут понять смысл прочитанного), большинство американцев выносят из школы очень немного знаний, умений, навыков. Дело усугубляется отсутствием координации на национальном уровне, произволом штатов и попечительских советов учебных заведений (один из результатов этого – постоянные судебные процессы в связи с преподаванием эволюционного учения, противоречащего, по мнению истцов, религиозным догмам). Тем не менее, американские школы ориентированы на селекцию и отбор 5% наиболее талантливой и ориентированной на учебу молодёжи. Существуют механизмы, обеспечивающие возможность такого отбора и предоставления отобранному праву бесплатного обучения на лучших кафедрах первоклассных американских университетов на их выбор. После окончания учёбы, как правило, выстраива-

ется очередь представителей ведущих фирм и других организаций, претендующих на этих специалистов.

Совершенно иначе, но не менее эффективно, решаются те же проблемы в средней школе Израиля. Здесь среди школьников регулярно проводятся тесты по определению коэффициента интеллектуальности (IQ). Те, у кого он оказывается достаточно велик, считаются национальным достоянием. Им предлагают участвовать в олимпиадах, конкурсах, дополнительных программах обучения. Государственные органы держат их в виду и следят за их успехами.

При этом программы могут варьироваться в широких пределах в зависимости от способностей и стремлений молодых людей. Например, курс математики может осваиваться израильскими школьниками на 10 различных уровнях.

Талантливым, хорошо проявившим себя молодым людям, оплачивается образование, и после его окончания обычно предлагается работа, соответствующая полученной специальности и учитывающая национальные интересы. Результаты такого подхода к образованию очевидны – весьма небольшая страна имеет очень сильные позиции в инновационных и высокотехнологичных секторах экономики. Другими словами, методы подготовки научно-технической элиты и её использования хорошо известны и успешно апробированы в ряде стран.

ОБРАЗОВАНИЕ + НАУКА = ...

И если что-то надо объяснять,
то ничего не надо объяснять.
А если всё же стоит объяснить,
то ничего не стоит объяснить.

М. К. Щербаков

Выдающийся немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт считал, что университет немислим без исследователей, ведущих научные разработки на переднем крае познанного. Однако из глубокого и важного общего положения можно сделать совершенно неверные конкретные выводы. Обратим внимание на некоторые из них.

Наука первична, а преподавание вторично. Главным и для вуза, и для конкретного преподавателя являются научные штудии, а преподаванием можно заниматься «по остаточному принципу».

Это глубоко неверное, много лет культивируемое и весьма вредное заблуждение. Конечно, с солью многие блюда есть вкуснее, но почему-то люди не считают, что соль – главное в обеде. Преподавание, если заниматься им всерьёз – нелёгкий, почётный и очень ответственный труд. И именно профессора и преподаватели, а не деканаты, ректорат и даже очень высоко оплачиваемая бухгалтерия являются центральными фигурами вузов. И если эти люди хорошо делают своё дело, то этого более чем достаточно, чтобы уважать их, поддерживать и достойно оплачивать их труд.

Более того, большинству преподавателей вузов приходится почти всё время излагать студентам давно известные и хорошо установленные истины. Экономическая наука и история техники убедительно показали, что почти всегда локомотивные отрасли и ключевые инновации данного технологического уклада рождаются в предыдущем укладе и опираются на фундаментальные исследования, проведённые 30, 40, а то и 50 лет назад. И наше благополучие, и перспектива зависят от того, насколько прочно студенты усвоят сделанное и понятное, насколько уверенно овладеют своей профессией. Будущее техносферы, армии, медицины, системы управления и многого другого в руках рядовых преподавателей.

К сожалению, культура преподавания, понимание важности и ценности преподавательского труда в современной России утрачено. Преподаватели сплошь и рядом играют во многих вузах роль «униженных и оскорбленных» (к тому же малооплачиваемых, понуждаемых к подработкам, репетиторству, халтуре...). Без сильного корпуса младших командиров не может быть боеспособной армии, без большой доли в преподавательском корпусе сильных доцентов образование рассыпается.

Выдающийся просветитель России, блестящий профессор, Сергей Петрович Капица характеризовал ситуацию в вузах России словами: «Деды учат внуков». Сильных доцентов и людей среднего возраста сегодня не хватает как воздуха, и ситуацию придётся приводить в норму.

Из мудрого высказывания Гумбольдта при некотором желании и административной смекалке можно сделать, например, такой вывод: образование первично, а наука и нужна в основном для того, чтобы обслуживать образование и развиваться она должна, прежде всего, в университетах, как на Западе.

Отсюда был сделан прямой вывод, что Министерство образования должно рулить и наукой, и путь к созданию российского кентавра – Министерства образования и науки (которое в народе ласково называют «Минобразиною»).

И, конечно, отсюда следует любимая забава министров образования новой России – реформировать, ликвидировать и преобразовывать Российскую академию наук. Почему-то многие министры образования новой России увлекаются борьбой с Российской академией наук и попытками её реформировать. Нынешний министр охарактеризовал академическую форму организации науки как «неэффективную, недружелюбную по отношению к людям, которые там работают, архаичную и нежизнеспособную». [9].

Здесь стоит разобраться. Для чего нужна наука? По мысли министра, и в соответствии с планами работы Минобрнауки на 2013 год, следует «повысить долю российских публикаций в общем количестве в мировых научных журналах до 2,44%... Целевой ориентир 2013 года – увеличение числа статей в изданиях Web of Science до уровня 34,6 тысячи публикаций, в Scopus – до 40,9 тысячи публикаций» [9]. Очевидно, наука нужна в целях престижа. Это перекликается с пожеланиями премьера повысить место российских университетов в разнообразных рейтингах.

Здесь демонстрируется «спортивный» подход к науке, как к объекту национальной гордости (или тщеславия). Вспоминается притча о кулаке и бедняке Иване, которому хозяин говорил: «Твоя работа, Иван, мне не нужна. Мне нужно, чтобы ты работал».

Наука для общества является инструментом для обеспечения более безопасной и обеспеченной жизни, для его развития. В нынешнем состоянии российская наука с трудом может справиться с этим, сколько бы не говорилось первыми лицами об «инновационном пути развития» и «экономике, основанной на знаниях». Чтобы наука играла значимую роль в экономике, должен быть замкнут круг воспроизводства инноваций: *фундаментальная наука* (стоящая условно 1 рубль) – *прикладная наука* (в ней делается 75% изобретений и стоит она 10 рублей) – *создание технологий и вывод новых товаров и услуг на рынок* (100 рублей) – *реализация этих достижений – фундаментальная наука*. [10].

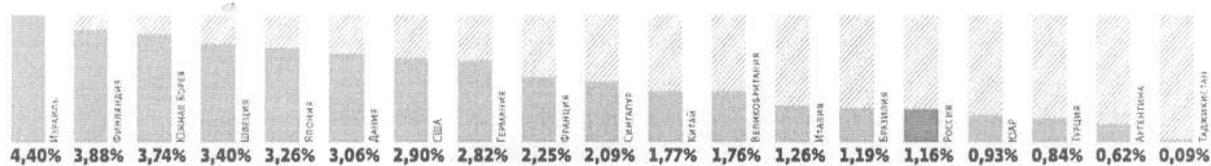
В России этот круг не замкнут – в 1990-е годы была практически ликвидирована прикладная наука, а крупных высокотехнологичных корпораций, способных выводить отечественную наукоёмкую продукцию на мировые рынки, не

возникло. Потому заметной экономической роли современная российская наука не играет.

Об отношении государства к науке убедительно свидетельствует доля затрат на науку от валового внутреннего продукта (ВВП). Как видим, по этому показателю наша страна находится на втором десятке (см. рис.2) [11]. Об обещанном учёным России Б.Н. Ельциным 4% ВВП сейчас и вспоминать неудобно ... За 20 лет Россия прошла путь от научной сверхдержавы до «страны второго десятка». Подробный анализ показывает, что российская наука вполне успешна, по сравнению с другими научными системами «своей весовой категории» [12]. Но категория эта меняется к худшему.

Рисунок 2

Затраты на исследования и разработки (доля от ВВП)

Однако большую тревогу вызывает не само состояние российской науки, а его динамика в сравнении с другими странами мира (см. рис.3). По данным наукометрической системы Web of Science (к которой апеллирует Министерство образования), за неполные 10 лет число публикаций увеличилось в США втрое, в Южной Корее – в 12 раз, в Китае – в 16 раз, а в России – в 1,2 раза. Проводимые реформы не ускорили, а парализовали развитие российской науки.

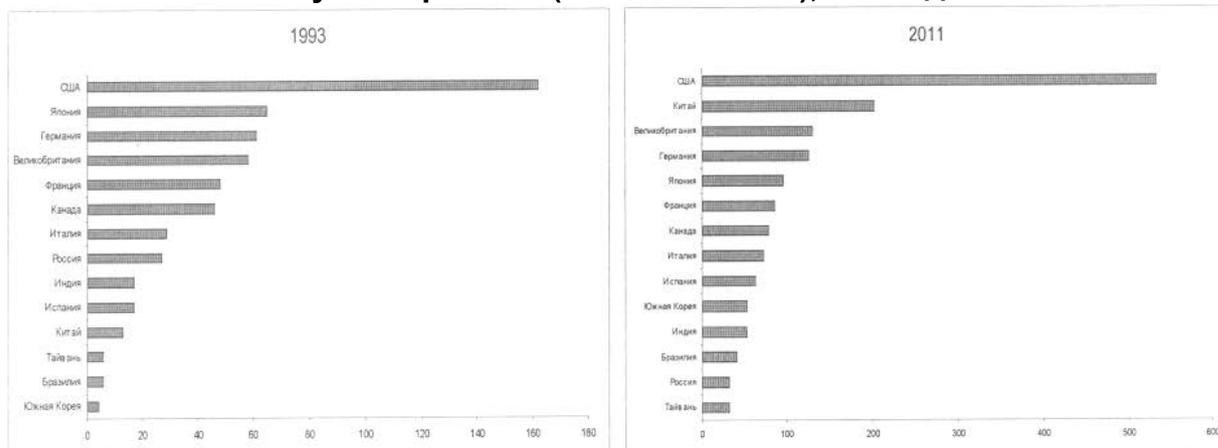
Но отсюда следует и другой вывод – нынешнее Министерство образования и науки защищать интересы России в научной сфере и интересы научного сообщества в стране не может. Из этого вытекают достаточно очевидные шаги.

Разделение Министерства образования и науки РФ, не справляющееся ни с образованием, ни с наукой на Министерство просвещения и Государственный комитет по науке и технике РФ. Последнее ведомство могло бы координировать, сводить воедино результаты научных работ, заказываемых государственными органами (в настоящее время таковых около 80), уменьшить дублирование ведущихся исследований, разрабатывать научную стратегию и реализовать научную политику, направленную на решение важных, значимых для общества задач, а не на достижение формальных, лишённых смысла количественных показателей.

Преодоление пропасти между научными и образовательным сообществом, возвращение Академии как организации в сферу среднего и высшего образования и использование её потенциала в этой области. Несмотря на многочисленные разговоры об интеграции науки и образования пропасть между академической и отраслевой наукой, и, собственно, образованием стараниями чиновников только углубляется. Практически невозможно создать вуз при академическом институте, просто, чтобы не утратить научный потенциал, передать наработанное следующему поколению учёных. Вуз, созданный лауреатом Нобелевской премии Ж.И. Алфёровым, – счастливое исключение, подтверждающее общее правило. С другой стороны, рамки, в которой работают вузы, практически исключают возможность создания совместных с академическими структурами лабораторий.

Рисунок 3

Научные работы (Web of Science), тыс. ед.

Наконец, голосов Президента РАН и Президиума РАН в отношении разрушительных образовательных реформ слышно не было. Несмотря на протесты академических институтов, целых отделений Академии, руководство этой уважаемой организации «деликатно» безмолвствовало.

Вместе с тем в советские времена многие важные нововведения в системе образования были связаны с деятельностью выдающихся учёных. Несколько имён в области математики.

По инициативе и активном участии академика И.М. Гельфанда (за спиной которого было 4 класса и который не имел высшего образования) было развёрнуто олимпиадное движение, изданы замечательные задачки [13], ставшие ориентиром и для преподавателей школьной математики, и для тех, кто хочет освоить её достаточно глубоко.

Выдающийся математик А.Н. Колмогоров создал знаменитый колмогоровский интернат для одарённых детей. Успех здесь превзошёл все ожидания. Аналогичная структура по инициативе Башара Асада и поддержке профессоров интерната была создана в Сирии как инструмент подготовки научно-технической элиты страны. В настоящее время по этому пути идёт Мексика. Колмогоровская реформа школьного образования, направленная на повышение строгости изложения предмета и расширение объёма излагаемого материала, также стала важной вехой в развитии средней школы СССР и вызвала острые дискуссии. Очень многие – от государственных руководителей до учителей – понимали роль школьной математики.

Особенно следует выделить то новое, что привнёс в высшую и среднюю школу выдающийся учёный, основоположник ряда разделов прикладной математики, директор Института прикладной математики им. М.В. Келдыша, академик А.Н. Тихонов. По его инициативе в МГУ им. М.В. Ломоносова более тридцати лет назад был создан факультет вычислительной математики и кибернетики. К созданию факультета были привлечены выдающиеся исследователи страны, поставившие преподавание прикладной математики и компьютерных наук. Вопрос о создании нового факультета решался на уровне Центрального комитета КПСС и Военно-промышленной комиссии – государственное значение многих вопросов, связанных с образованием, осознавалось в полной мере. Но после того, как вопрос был решён, факультеты прикладной математики стали создавать

ся по всей стране, а учебники, написанные выдающимися учёными, начали издаваться тиражами в 50–60 тысяч экземпляров.

А.Н. Тихонов, учившийся в годы Гражданской войны, не посещал средней школы, а воспитывался матерью. По его мысли, школьный учебник должен быть написан так, что при активном, заинтересованном отношении к предмету ученика, ему не требовались бы разъяснения учителя. В последние годы своей жизни он руководил творческим коллективом, поставившим целью создать школьный учебник геометрии нового уровня (это серия учебников В.Ф. Бутузова, А.Б. Атанасяна и их коллег [14]).

Фундаментальная наука и творчество выдающиеся исследователи – это огромный ресурс для системы образования. Стремление основоположников передать свои знания начинающим лежит в основе нашей культуры: «Кому много дано – с того много и спрашивается». Серьёзная, мирового уровня наука без сильного образования просто невозможна.

Образование и наука – две важнейшие системообразующие ценности общества. Они нераздельны и неслиянны.

Выделение системы аттестации научных и педагогических кадров в отдельный государственный орган при Правительстве РФ.

В государственном управлении считается неприемлемым подчинять контролирующий орган той структуре, которую он должен контролировать. Однако сейчас в области аттестации дело обстоит именно таким образом – Высшая аттестационная комиссия с 2012 является скромным департаментом Министерства образования.

Нынешний руководитель ВАК РФ, В.М. Филиппов выдвигает инициативы, которые заведут аттестацию в ещё более трудное положение. Вначале его признание: «У вала гуманитарных кандидатских есть ещё одна причина. Дело в том, что государство в начале 90-х само инициировало этот процесс. Когда мы освободились от догматики марксизма-ленинизма, не хватало новых, прогрессивных молодых кандидатов и докторов наук. Руководство страны в то время ставило задачу: давайте быстрее и как можно больше воспитаем новых социологов, философов, политологов и т. д. вместо этих доцентов, приготовленных на базе марксизма-ленинизма. Посыл был дан, но процесс вышел из-под контроля» [15].

* * *

Как же взять «процесс» под контроль? Ответ благодаря многолетним стараниям ВШЭ известен: «...нельзя вариться в собственном соку до бесконечности, нам надо учитывать мировые тенденции и следовать им. Мы уже сделали ряд серьёзных шагов, чтобы быть интегрированными в мировую систему подготовки научных кадров. Ранее у нас была введена многоуровневая система высшего образования – система бакалавр-магистр, с сохранением ряда моноспециальностей. В новом законе «Об образовании в Российской Федерации», теперь, через 9–10 лет после всех стран Европы и СНГ, мы наконец-то отнесли и аспирантуру к третьему уровню высшего образования, для подготовки PhD... Задача – отдать больше прав в диссертационные советы, одновременно повысив уровень ответственности и их, и официальных оппонентов, и ведущих научных (оппонирующих) и базовых организаций». [15].

Рецепт стандартный – сделать всё, как на Западе, а потом «расширить, углубить, поднять на новый уровень». Игра на понижение... снижение планки, рост размеров взяток, «эксперимент», неутешительные итоги, новый виток развала и потом «процесс вышел из-под контроля»... Знаем, уже проходили. По-

этому без создания независимой от Минобразины государственной структуры, курирующей проблемы аттестации, не обойтись.

Изменение статуса Российской академии наук (и, возможно, других государственных академий). Возложение на РАН задач независимой экспертизы принимаемых государственных решений.

Как образование, наука, знание может помочь обществу? Один из самых простых, важных и действенных способов – уберечь его от ошибок. Однако для этого наука должна действовать в тесном контакте с властью, с одной стороны, чтобы понимать происходящее и планируемое, с другой – чтобы быть услышанной лицами, принимающими решения. Без такой быстрой и эффективной обратной связи управлять государством просто опасно. Тому есть масса исторических примеров. Две с половиной тысячи лет назад Конфуций на вопрос, как мудрец должен служить государю, отвечал: «Не лгать и не давать ему покоя».

Те же проблемы ставятся и сейчас. Встречаясь с руководителями РАН, 03.12.2001 Президент РФ поставил перед научным сообществом России две задачи:

– *независимая экспертиза принимаемых государственных решений, прогноз аварий, кризисов и катастроф в природной, техногенной и социальной сферах;*

– *отработка перевода хозяйства страны от «экономики трубы» к «инновационному пути развития».*

И действительно, в нынешнем положении промышленности и оборонного комплекса задачи прогноза и экспертизы становятся главными. Предполагаемая новая индустриализация России сделает их ещё более важными.

Однако в её нынешнем двусмысленном положении в статусе «общественной организации», озабоченной тем, чтобы её не разогнали и не отобрали собственность, выполнение задач, поставленных президентом, крайне затруднено. Можно сказать, что в необходимом объёме и на должном уровне научное сообщество к их решению пока не приступило...

Повышение статуса научной деятельности в государстве немедленно благотворно скажется и на образовательной системе.

Кризис, на пороге которого находится Россия и всё мировое сообщество – очень хороший, хотя и жестокий учитель. Возможно, он и окажется той точкой опоры, используя которую российское общество сможет остановить деградацию системы образования, поставить его с головы на ноги, и помочь ей двигаться вперёд, а не назад.

Времена меняются.

И оснований для надежд на лучшее в российском образовании становится больше.

Литература

1. Наука через призму Google. В мире ищут Луну и математику, а в России – ЕГЭ и решебники // Русский репортёр, 2001, № 34 (212), 31 августа. С. 31–32.
2. Калинин А.Ю., Терёшин Д.А. Стереометрия 11 – Изд-во МФТИ, 2001. 320 с.
3. Котов Ю.Б. Новые математические подходы к задачам медицинской диагностики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 338 с. (Синергетика: от прошлого к будущему.)
4. Ученье – свет // Esquire, 2001, март; Essential Science Indicators, Thompson Reuters, 2000–2010.

5. 1913–2013 // Аргументы и факты
<http://www.aif.ru/dontknow/infographics/calendar/12595>
6. Справка // Однако, 2013, № 01(150), 21 января. С. 36.
7. *Владимиров В.А., Воробьёв Ю.Л., Малинецкий Г.Г. и др.* Управление риском. Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000. 431 с. (Серия «Кибернетика: неограниченные возможности и возможные ограничения»).
8. *Смолин О.* Люди. Знание – это свобода // *Завтра*, 2013, № 15(1012), апрель. С. 3.
9. *Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В.* ЕГЭ как катализатор развала российского образования // *Сценарий и перспектива развития России / Будущая Россия*. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 234–287.
10. *Возовикова Т.* Слово за слово. Министр договорился до скандала // *Поиск*, 2013, № 13, 29 марта. С. 3–4.
11. *Малинецкий Г.Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 224 с. (Синергетика: от прошлого к будущему, № 58; Будущая Россия).
12. Сколько тратят на науку // *Русский репортёр*, 2013, № 13(291), 4–11 апреля. С. 57.
13. *Наука России. От настоящего к будущему / Под ред. В.С. Арутюнова, Г.В. Лисичкина, Г.Г. Малинецкого.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 512 с. (Будущая Россия).
14. *Шклярский Д.О., Ченцов Н.Н., Яглом И.М.* Избранные задачи и теоремы элементарной математики. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1952. 380 с. (Библиотека математического кружка, выпуск 2).
15. *Геометрия, 7–9 / Атанасян Л.С., Бутузов В.Ф., Кадомцев С.Б. и др. / под научным руководством А.Н. Тихонова.* 18-е изд. М.: Просвещение, 2008. 384 с.
16. *Мельникова И.* Защитный рефлекс. Глава ВАК Владимир Филиппов «Мы отдадим право присваивать учёные степени самим вузам» // *Итоги*, 2013, 4 марта. С. 16–18.
17. Сколько тратят на науку // *Русский репортёр*, 2013, № 13(291), 4 апреля.

(Источник: *Безопасность Евразии*, 2013, № 2)

Глава 25. Е.В. САПИР

СЕТЕВЫЕ ПАРТНЁРСТВА УНИВЕРСИТЕТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

Необходимым условием формирования инновационной экономики России является модернизация системы образования, являющейся основой динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны. Переход к инновационной модели экономического развития связан с формированием нового его механизма, основанного на принципах предпринимательской свободы, социальной ответственности и интеллектуального роста. Такой подход требует перехода от системы массового образования, характерной для индустриальной экономики, к необходимому для создания инновационной экономики гибкому индивидуализированному образованию, неразрывно связанному с мировой фундаментальной наукой, открытому современному передовому знанию и образовательным технологиям, ориентированным на формирование творческой социально ответственной личности¹.

Конкуренция различных национальных систем образования стала сегодня ключевым элементом глобальной конкуренции, требующей постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам рынка. Одновременно только партнёрское взаимодействие и профессиональный диалог ведущих образовательных центров, интернациональная циркуляция знаний, идей и компетенций обеспечивают качественный ответ образования на общественный запрос и эффективное состязательное выявление, формирование и поддержку интеллектуальных и общественных лидеров, успешно воплощающих новые знания, модели, подходы в практику, способных прогрессивно ответить на вызовы динамично меняющегося мира.

Важнейшую роль в процессах развития образования как внутри стран, так и в интернациональном контексте в современном мире играют международные сети. Провозглашая приверженность политике и практике диалога, университеты подтверждают и абсолютную востребованность подобных сетей. Более того, участие в сетях совершенно естественно с учётом перспектив развития, глобализации образования и создания единого глобального образовательного пространства.

СЕТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА»

Сети как тип организации представляют собой организационные формы, характеризующиеся свободными горизонтальными взаимными коммуникациями и обменом между всеми их участниками. Сети поддерживают открытые и подвижные отношения между специалистами и экспертами, занимающимися различными проблемами. Именно в инновациях и обмене знаниями состоит суть деятельности подобных сетей: они создаются для того, чтобы продвигать и отстаивать новые идеи, нормы, процедуры. Среди прочих преимуществ эти организации обладают способностью быстро аккумулировать, обрабатывать, распространять разнообразную информацию и эффективно её использовать (см. табл. 1).

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

Таблица 1

Сетевая организация инновационно-интеллектуального процесса¹

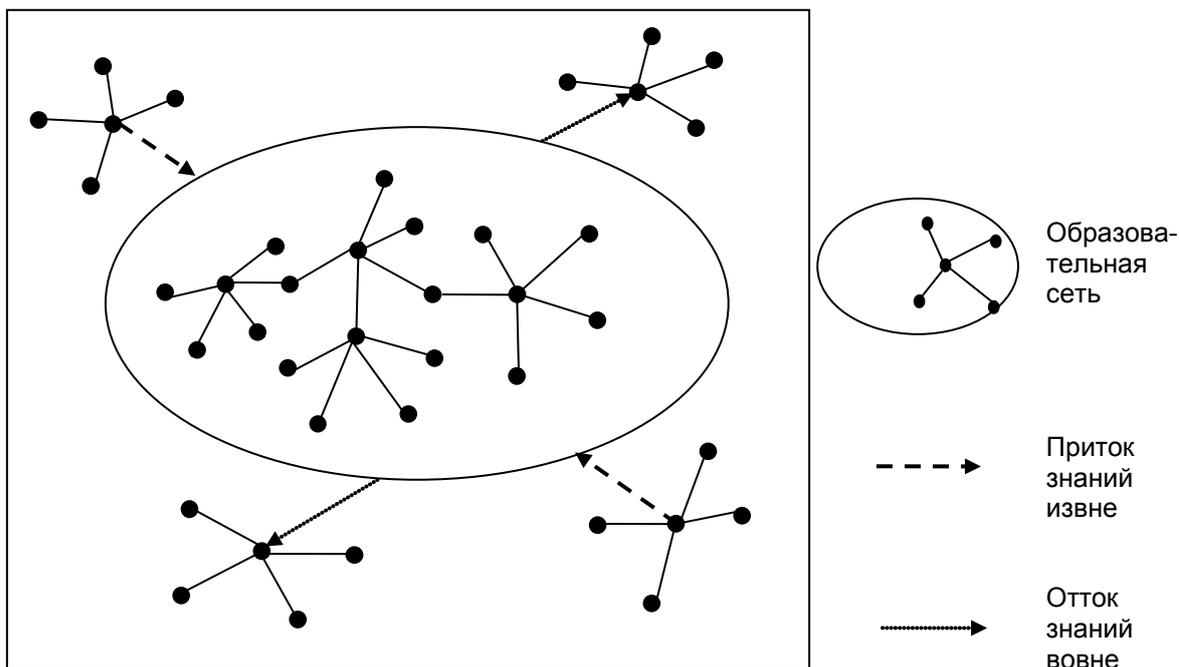
<i>Факторы</i>	<i>Формы реализации</i>
Сетевая организация взаимодействия	- отсутствие принудительно фиксированных организационных структур; - децентрализация управления; - отсутствие жёсткой регламентации организационных связей; - разнообразие финансовых источников; - свободный доступ к ресурсам
Характер сетевого общения	- авторитет личного вклада; - деиерархизация личных отношений; - снятие искусственных барьеров; - творческая свобода; - культивирование неформального, междисциплинарного, межведомственного общения
Сетевая мотивация	- высокий профессионализм; - высокая ответственность; - «нематериальные» формы поощрения; - возможности выбора места и времени выполнения задания

Краеугольный камень сетевого процесса – это открытая коммуникация и общий прогресс как результат сетевого взаимодействия и обмена достижениями сетевых технологий. Поскольку современный научно-образовательный процесс по своей природе есть интеллектуальный генезис – рождение нового, то этот процесс требует наличия особых условий, которые базируются на сетевых культурных ценностях и возможностях, таких как:

- а) открытость, открытый доступ ко всей необходимой информации;
- б) горизонтальные связи, свободное общение, свобода выражения и передачи информации от многих ко многим;
- в) саморазвивающаяся сеть, в ней изначально заложена неограниченная возможность развития;
- г) высшая ценность – интеллектуальная свобода. Свобода творить, свобода распоряжаться имеющимся знанием; свобода модифицировать знание; свобода делиться новым знанием.

Современная университетская сеть – это инновационная структура, демонстрирующая эффект синергии. С точки зрения эффективности взаимодействия решающее значение имеет сетевая природа процесса. Этот процесс основан на ресурсах, сконцентрированных в компактных университетских кластерах знаний. Кластеры охватывают прикладные и фундаментальные исследования и могут включать не только университеты, но и агломерации промышленных фирм, среду бизнес-сервиса. Несмотря на существующее множество способов распространения знаний, решающим для создания инноваций и устойчивой конкурентоспособности остаётся неформальное знание (*tacit knowledge*), неотрывное от его носителей, о чём речь пойдёт ниже. Образовательная сеть создаёт исключительные условия именно для такого знания (см. рис. 1):

¹ Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 198. 540

Структура образовательной сети знаний¹

– внутри образовательной сети существует исключительно высокая интенсивность интеллектуального взаимодействия, которая проистекает из нелинейного поискового характера процесса, требующего постоянного организационного и личного контакта и обмена информацией лиц, вовлечённых в процесс поиска;

– существуют неформальные барьеры, препятствующие выходу нового знания вовне из образовательной сети: сама по себе внутренняя сеть, связывающая её участников неформальным знанием, объективно является самым эффективным барьером. Хотя формальных барьеров нет, но реальный доступ к социальному капиталу сети и к процессам генерации и обмена знаниями имеют те, кто связан сетью;

– в то же время приток знаний извне вовнутрь не имеет препятствий и происходит двумя путями: часть привносят вновь вливающиеся университеты, да и укоренившиеся в сети вузы также имеют неограниченный доступ к любым внешним открытым источникам знаний.

Совокупность разнообразных образовательных сетей, взаимосвязанных в единой научно-образовательной инфраструктуре с другими хозяйствующими субъектами (бизнес, финансовые агенты, местные сообщества, неправительственные организации, институты развития и др.) формирует образовательные кластеры. Под образовательным кластером мы понимаем интегрированные сети научно-образовательных центров мирового уровня, сочетающие передовые научные исследования и реализующие образовательные программы основного и дополнительного профессионального образования, обеспечивающие открытый доступ и свободную циркуляцию ресурсов сети и решающие кадровые и исследовательские задачи развития инновационной экономики на основе интеграции образовательной, научной и производственной деятельности.

¹ См.: *Dicken P.* Global Shift: Transforming the World Economy. New York: Guilford Press, 2001. P. 173.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СЕТИ УНИВЕРСИТЕТОВ И «ТОНКОЕ ЗНАНИЕ»

Глобальные инновационные и образовательные сети – лучший инструмент для наращивания и эффективного применения национального интеллектуального капитала. В мире сегодня существует большое число различных университетских сетей сотрудничества – региональных и глобальных (см. табл. 2). Они решают разнообразные социально важные задачи национального и международного масштаба: «усиление роли университетов в прогрессивном развитии общества через реформирование и инновационность университетов во благо общества и социальной ответственности» (Global University Network for Innovation – GUNI); обеспечение «непрерывного образования и различных форм его доступности для разных категорий населения» (Lifelong Learning Networks); «повышение качества и эффективности управления университетами» (European Universities Network for Total Quality Management (EUN.TQM)); создание условий для «социального предпринимательства учёных, практиков-бизнесменов и студентов университетов» (The University Network for Social Entrepreneurship). О важнейшей роли сетевой модели развития университетов в мире много говорится в последнее время. В частности, вопросы современного образования и формирования современных моделей университетов стали одним из центральных пунктов повестки 10-й юбилейной сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», прошедшей 2–8 октября 2012 г. на острове Родос (Герция). В числе ключевых направлений диалога образовательных систем участники Форума – лидеры национальных университетов разных стран (Дж. ДеФрен, США; П. Дуткевич, Канада; Н.С. Кирабаев, Россия; А.В. Коврига, Украина; Л.М. Спыну, Россия; А.Г. Чаплыгин, Россия; и др.) отметили сетевое взаимодействие в национальном и международном образовательном пространстве как путь модернизации университетов, эффективный способ циркуляции знаний, людей, технологий и идей. В итоговом документе Родосского Форума – Резолюции «Обращение к лидерам и людям доброй воли во всём мире» особо подчёркивается значение образования для межцивилизационного диалога, при этом МОФ «Диалог цивилизаций» поставил задачу разработать «хартию диалогического образования, которая сочетает принципы взаимопонимания с образовательной практикой»¹ [1].

В университетских сетях возникают феномены «тонкого знания» (особенности категории «тонкое знание» – см. табл. 3), «открытой инновации» и «аккумуляированного интеллектуального капитала». Эти явления предполагают и новый характер сотрудничества, а именно, кооперацию интеллектов, интеллектуальный диалог. Интеллектуальный диалог характеризуется следующими чертами:

– комплексное сочетание в образовании, науке и инновациях интернационализации университетского классического обучения, исследований и их внедрения и коммерциализации;

– многообразии видов сетевого сотрудничества (партнёрства, рамочные соглашения, исследовательские контракты, программы двойных дипломов, академическая мобильность и обменные программы и т. п.);

¹ Сайт Родосского Форума: <http://www.rhodesforum.org/resolution>. И уже в развитие решений Родосского Форума 19 ноября 2012 г. на встрече экспертов секции ЮНЕСКО «Мир и диалог культур» в Париже сопредседатель МОФ «Диалог цивилизаций» В.И. Якунин представил сетевой образовательный проект «Школы Диалога Культур», инициированный Родосским Форумом. См.: http://www.wpfdc.org/images/stories/2012/Docs/Vladimir_Yakunin_UNESCO_19.11.2012.pdf

– использование сетей и сообществ практики для распространения лучшего опыта и передовых практик;

Таблица 2

Примеры глобальных инновационных сетей¹

<i>Название сети</i>	<i>Организации-участники сети</i>	<i>Страны происхождения</i>
RAD Lab	Университет Беркли, Google, Sun Microsystems, Microsoft, Siemens, Oracle, Cisco Systems	США, Германия
RESERVOIR	IBM, Sun Microsystems SAP, Telefonica, Европейские университеты	США, Европейский Союз
Open Handset Alliance (ранее известна как Google Android)	30 членов сети, включая Google, Broadcom, Intel, China Mobile, KDDI, Samsung	США, Китай, Корея
LiMo Foundation	Учредители: Motorola, NEC, NTT DoCoMo, Orange, Panasonic, Samsung, Vodafone	США, Япония, Корея, Великобритания
Symbian,	Основатель – Nokia (декабрь 2008), многочисленные партнёры	Европа, США, Япония, Корея, Индия, Китай
Hadoop	Yahoo!, Apache Software Foundation, Computational Research Laboratories, IBM, Google.	США, Индия
IRUN (International Research Universities Network)	Jagiellonian University, Peter Pazmany Catholic University, Radboud University Nijmegen, University of Barcelona, University of Duisburg-Essen, University of Glasgow, University of Ljubljana, University of Münster, University of Poitiers, University of Siena	Польша, Венгрия, Нидерланды, Испания, Германия, Словения, Великобритания, Франция, Италия
Eranet-MUNDUS	Университет Барселоны, Политехнический университет Каталонии, Университет Неймегена, Университет Пуатье, Университет Дуйсбург–Эссена, Университет Глазго, Университет Сиены, Словацкий сельскохозяйственный университет, г. Нитра, Университет Фридриха Шиллера, г. Йена, Ягеллонский университет, г. Краков; Российский государственный гидрометеорологический университет, Сибирский федеральный университет, Псковский государственный педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, СП(б) ГУ, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского	Испания, Франция, Нидерланды, Великобритания, Германия, Словакия, Италия, Польша, Россия

– переход от монокультурного образования к поликультурному: «образование в эпоху глобализации не может больше оставаться ограниченным рамками одной культуры. Поликультурное образование, впитавшее культурное разнообразие человечества, становится нравственным императивом»².

¹ Global Information Technology Report 2009–2010. Geneva: World Economic Forum, 2010. P. 105; Сайт проекта ERANET MUNDUS: <http://www.eranetmundus.ub.edu>; Сайт сети IRUN: <http://www.irun.eu>

² Поликультурное образование сегодня пока не стало неотъемлемой частью образовательной практики в России. Первая серьезная инициатива в этом направлении была реализована МОФ «Диалог цивилизаций» в проекте «Школы диалога культур». См.: V. Yakunin. Presentation by the President of the World Public Forum “Dialogue of Civilizations” Vladimir Yakunin at the High-level meeting of UNESCO experts, Paris, 19.11.2012:

http://www.wpfdc.org/images/stories/2012/Docs/Vladimir_Yakunin_UNESCO_19.11.2012.pdf

Международные сетевые партнёрства университетов усиливают стратегические преимущества организации благодаря тому, что они:

- обеспечивают наиболее благоприятную структуру для решения задачи поиска и получения необходимого участникам знания;
- создают прямую зависимость между новым знанием и эффективностью, так как одни и те же люди взаимодействуют в партнёрстве и решают новые учебные, научные и коммерческие задачи вуза;
- не ограничены формальными структурами и создают прямую связь между факультетами, кафедрами, людьми через государственные и географические границы.

Таблица 3

Отличительные признаки категории «тонкое знание»¹

Признак	Содержание
Состав	Опыт, интуиция, компетенции, навыки, умения, приёмы, убеждения, ценности
Источник	Не содержится в традиционных источниках информации (книги, документы, цифровые носители и пр.)
Способ получения и передачи	Не может быть получено, формализовано, сохранено традиционным путём (трансляция, оцифровка, письмо, печать, кодификация, накопление баз данных)
Степень уникальности	Люди не всегда идентифицируют его наличие; оно уникально по определению и принадлежит только данному индивиду
Фактор ценности	Наиболее ценно, т. к. контекстно привязано к людям, месту, идеям, опыту
Формирование	Формируется в партнёрствах, сообществах, сетях и иных неформальных, но внутренне связанных структурах, где сотрудничество на разных уровнях, внутри и вне компании не ограничено формальными рамкам
Условия доступа	Доступ возможен при наличии тесного контакта, доверия и взаимодействия

Университеты становятся участниками международных сетей, прежде всего, через механизм обмена опытом. Их связывает друг с другом неформальное участие в общей работе сети. Взаимные контакты, общение, работа, обсуждения, обдумывание, то есть вовлечённость, – превращают разрозненных национальных участников в единое целое. Три ключевые черты характеризуют деятельность международных партнёрств:

1. *Область сотрудничества.* Сеть – это не клуб по интересам. У неё есть чёткая направленность на конкретный деловой интерес, который носит взаимный характер.

2. *Сообщество.* В достижении цели сотрудничества партнёры по многонациональной сети участвуют в совместной деятельности, дискуссиях, помогают и поддерживают друг друга, делятся мнениями и информацией. Они постоянно учатся друг у друга и находятся в постоянном процессе развития.

3. *Практика.* Члены сети – это не представительская группа для периодических дружественных встреч и приятных выездов за рубеж. Это команда прак-

¹ См.: Сапир Е.В. Факторы инновационной среды российской экономики: геоэкономический и геокультурный контекст // Безопасность Евразии, 2009, № 2. С. 172.

тиков. Они создают коллективный сетевой ресурс партнёрства: базы данных, лучшие практики, библиотеки типичных ситуаций, банки кейсов, инструменты решений и т. п.

Именно комбинация указанных трёх элементов создаёт сетевое партнёрство и обеспечивает его прогресс. Но именно те качества, которые делают сети лучшими генераторами знания – самостоятельность, практическая направленность, неформальность, трансграничность – одновременно бросают вызов традиционным иерархическим структурам.

ЯРОСЛАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ЯРГУ) В «СЕТЕВЫХ» КООРДИНАТАХ

Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова участвует в этом процессе наряду с другими вузами. У нас есть определённое продвижение, особенно в вопросах управления качеством, структурирования процессов управления вузом, разработки чёткой системы управления университетом, самообследования, самооценки, компьютерного анкетирования персонала, сетевого взаимодействия. Вуз стал инициатором создания в 2005 г. университетской сети «Learning Network for Excellence – Образовательная Сеть Совершенствования»¹. Сеть создана с целью обмена знаниями по вопросам совершенствования качества управления в учреждениях образования и широкого обсуждения связанных с этим проблем. Её создание явилось в своё время продолжением международного совместного проекта по совершенствованию управления в российских университетах, который Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова выполнял в рамках программы «Темпус» совместно с британскими и бельгийскими партнёрами. Модель совершенствования EFQM² превосходит стандарты качества Международной организации по стандартизации ISO 9000, предлагая непрерывное усовершенствование организаций. Ключевая часть модели – использование процессного подхода для превращения организации в более эффективную. Модель используется более чем в 20 000 организаций в Европе, включая 60% самых больших компаний Европы. Ярославский университет успешно прошёл внешний аудит и сертификацию системы управления качеством и получил сертификат «Committed to Excellence» Европейского фонда управления качеством EFQM. В том же году университет был признан победителем конкурса «За лучшую работу в области обеспечения качества» Ярославской области.

В эту сеть вошли более 20 вузов, в том числе партнёр ЯрГУ по проекту MANRU Sheffield Hallam University. Сеть открыта для всех образовательных учреждений. Логическим продолжением деятельности Сети стало создание в Ярославле Ассоциации «Образовательная Сеть Совершенствования». Основной целью Ассоциации является консолидация образовательного и научного потенциала российской высшей школы для изучения, применения и распространения лучшего опыта и передовых методов управления образовательными учреждениями в их продвижении к Совершенству. Ассоциация в своей деятельности решает следующие задачи:

- распространение в высшей школе успешного опыта организаций, занимающихся проблемами совершенствования менеджмента на основе концепций

¹ Сайт Образовательной Сети Совершенствования: www.lne.uniyar.ac.ru

² Европейская модель управления качеством (Excellence Model®):
http://www.efqm.org/partnership_distribution/npo_details.htm

всеобщего менеджмента качества, Модели Совершенства Европейского фонда менеджмента качества (EFQM) и модели «Общей схемы оценки» (CAF);

- оказание консультационной помощи учреждениям и организациям в совершенствовании менеджмента и систем управления качеством;
- организация обучения современным подходам к повышению качества управления, применению самооценки по Модели Совершенства;
- проведение конференций, выставок, семинаров и других мероприятий по применению инструментов совершенствования управления;
- создание электронных информационных ресурсов по совершенствованию;
- издание научных и учебно-методических материалов, способствующих продвижению инструментов совершенствования управления.

Учредителями Ассоциации стали Всероссийская организация качества – Национальная партнёрская организация EFQM в России, а также ведущие и признанные в области применения Модели Совершенства EFQM вузы России: Государственный университет управления (г. Москва); Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар); Российский государственный социальный университет (г. Москва); Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина); Ставропольский государственный аграрный университет; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Высокая эффективность сетевой модели сотрудничества заключается в том, что сети не имеют границ – они расширяют поле развития организации за пределы её физического местоположения. Эти сети генерируют мощный трансграничный приток нового знания для их участников – знания, которое они не смогли бы приобрести или генерировать другим путём, вне тесной трансграничной коммуникации.

С ноября 2011 г. Ярославский государственный университет П.Г. Демидова участвует в новом международном проекте в сфере высшего образования ERANET MUNDUS «Европейско-Российская академическая сеть мобильности». Проект разработан в рамках европейской программы межвузовских обменов ERASMUS MUNDUS с целью установления прочных связей и повышения академической мобильности между Российскими и европейскими университетами и будет реализовываться до июля 2015 года. ERANET MUNDUS также призван способствовать российским высшим учебным заведениям успешно перейти на 2-х уровневую систему образования по аналогии с Европейской системой высшего образования¹.

Средства, выделяемые Европейским Союзом, позволяют выплачивать стипендии для участников мобильности в следующих суммах ежемесячно: 1 000 евро – для студентов бакалавриата и магистратуры, 1500 евро – для аспирантов, 2 500 евро – для преподавателей и сотрудников университета. Медицинское страхование, визовые сборы, транспортные расходы также покрываются за счёт дополнительных субсидий.

Европейские университеты-партнёры консорциума ERANET MUNDUS: Университет Барселоны, Политехнический университет Каталонии, Университет

¹ Сайт проекта ERANET MUNDUS: <http://www.eranetmundus.ub.edu>

Неймегена, Университет Пуатье, Университет Дуйсбург–Эссена, Университет Глазго, Университет Сиены, Словацкий сельскохозяйственный университет, Университет Фридриха Шиллера, Ягеллонский университет. В консорциум входит также восемь российских университетов.

Координатором консорциума является Университет Барселоны. Участие в консорциуме создаст для ЯрГУ новые возможности в развитии образования и включении в Европейский образовательный процесс, в частности:

- в установлении связей и реальном включении в Европейское пространство высшего образования; предоставляя учреждениям, учёным, исследователям и студентам опыт европейской модели и руководство по разработке стандартов;
- в построении стабильной и постоянной схемы мобильности с европейскими вузами, что создаст прочную основу для будущего сотрудничества;
- в согласовании российских и европейских требований к учебным дисциплинам в целом, в приобретении опыта работы в междисциплинарных областях исследований, таких как естественные науки, экономические и социальные науки, культура, язык и филология;
- в расширении и укреплении образовательного международного сотрудничества в области гражданских прав и гражданства, устойчивого развития и безопасности на основе экологической экономики и экологического общества;
- в обучении нового поколения преподавателей, обладающих широким спектром языковой подготовки и широким культурным сознанием.

В декабре 2012 г. ЯрГУ вошёл в состав Российско-Украинского сетевого объединения университетов по взаимодействию в области подготовки и повышения квалификации кадров по вопросам охраны и защиты прав ребёнка, организации системы подготовки бакалавров и магистров в этой сфере. В состав сетевого объединения вошли следующие вузы: Астраханский государственный технический университет; Дальневосточный федеральный университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет; Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина); Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; Российский государственный гуманитарный университет; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Тюменский государственный университет; Северо-Кавказский федеральный университет; Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина); Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Сетевое объединение вузов представляет собой открытую сетевую систему, в которой РГГУ является вузом-координатором.

Основными целями сетевого объединения университетов «Кадры по охране и защите прав ребёнка» являются:

- Выработка совместной стратегии в организации работы по охране и защите прав ребёнка.
- Координация работы по подготовке кадров в сфере охраны и защиты прав ребёнка.
- Разработка и внедрение образовательных программ по обучению специалистов в области охраны и защиты прав детей и семей с несовершеннолетними детьми.
- Создание системы подготовки бакалавров и магистров по охране и защите прав ребёнка.

- Решение научно-исследовательских задач в области охраны и защиты прав ребёнка.
- Просветительская работа, связанная с охраной и защитой прав ребёнка.
- Обмен преподавателями и другими специалистами в области охраны и защиты прав ребёнка.
- Обмен информацией и опытом работы в области охраны и защиты прав ребёнка.
- Развитие сотрудничества в области издательской деятельности, включая электронные публикации др.

В целом деятельность партнёрства будет содействовать расширению диалога поколений, распространению ценностей гуманизма и ответственности в воспитании детей, подростков, молодёжи в соответствии с принципами Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ), и задачами, поставленными в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»¹.

СЕТЕВОЕ ПАРТНЁРСТВО КАК СПОСОБ «ПЕРЕЛИВА» НОВОГО ЗНАНИЯ

Сетевое взаимодействие университетов в национальном и международном образовательном пространстве имеет не только институциональную сторону закрепления и развития, но и открывает новые возможности и стороны в развитии образовательных систем. Речь идёт о «переливе» нового знания по сетям образовательных кластеров.

Отметим в этой связи ряд позитивных моментов.

Наличие подобных сетей резко сокращает временной лаг по внедрению прорывного инновационного научного знания в образовательный процесс. Это особенно важно в сегодняшней ситуации, когда многие европейские, американские, российские, китайские научные центры приступили к интенсивному поиску и исследованию новейших сфер гуманитарного и естественно-научного знания. И это связано не только с разразившимся мировым финансово-экономическим кризисом, но и с давними о себе знать на переломе тысячелетий глобальными парадигмальными сдвигами в мировом развитии.

В этом отношении показательны исследования российской школы геоэкономики и глобалистики, Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, Центра стратегических исследований геоэкономики НИУ «Высшая школа экономики» и др. Усилиями российских учёных: Э.Г. Кочетова, А.И. Неклесы, Е.Д. Фроловой, И.З. Ярыгиной, И.Н. Морозова, А.В. Новокшеновой, В.Ю. Рогова, А.А. Стриженко, М.Ю. Байдакова, И.П. Черной, А.Н. Карпова, А.П. Бокарева, Д.Н. Замятина, И.К. Пучкова, В.Б. Михайленко и др. внесён значительный вклад в становление и развитие целого веера новейших дисциплин: глобалистики, геоэкономики, геофинансов, геоинформатики, геомаркетинга, когнитивной географии, геологистики, гуманитарной космологии, диалогистики.

Примечательно и то, что эти новые научные разработки сопровождаются не только выходом научных монографий, но и словарей, учебников, учебных пособий и образовательных программ². Данные разработки, безусловно, должны

¹ См.: Указ Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» № 761 от 2 июня 2012 г.: <http://www.kremlin.ru/news/15530>

² В качестве примера приведём только некоторые авангардные работы: Кочетов Э.Г. Геоэкономика (освоение мирового экономического пространства). М.: «Норма», 2012. (4-е издание); его 548

попасть в сетевые каналы университетских образовательных кластеров, с целью интенсивного включения их в образовательный процесс.

Это идёт в русле новых тенденций – в мировой образовательной практике набирает силу зарождение и развитие *научоёмкого знания*. Эта проблема получила яркое освещение в нашей печати: учебники должны готовиться по «оксфордскому стандарту». Научоёмкость в образовательной деятельности вуза так же важна для обеспечения конкурентоспособности российского образования, как и научоёмкость промышленной продукции»¹. С таким заявлением выступил академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова Андрей Кокошин, комментируя в интервью ИТАР-ТАСС опубликованную на сайте Минобрнауки РФ государственную программу «Развитие образования в России в 2013–2020 гг.» «...По-видимому, – продолжает А. Кокошин, – имеет смысл осуществить переход большей части преподавания, особенно специальных дисциплин, на использование вместо учебников монографий ведущих отечественных учёных в соответствии с методикой преподавания, применяемой, например, в Стэнфордском и Гарвардском университетах. Учебники же должны тщательно готовиться, я бы сказал, по «оксфордскому стандарту» – с большим числом сносок и иллюстраций. И они должны регулярно обновляться, модернизироваться. Оксфордский учебник по вопросам современной мировой политики – это капитальный труд объёмом более 800 страниц некрупным шрифтом...»². Представляется, что такая постановка вопроса как нельзя более своевременна и актуаль-

же: Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен. М.: Экономика, 2011; его же: Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): Сборник стратегических понятий-новелл. Екатеринбург: ОАО «ИПП Уральский рабочий», 2006; его же: Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). Научная монография. М.: Деловая литература, 2006; его же: Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001. Неклесса А. Проект «Глобализация»: глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии, 2000, № 1; Сапир Е.В. Мировая экономика: Геоэкономический подход. Ярославль: ЯрГУ, 2003; её же: Геоэкономическое измерение локальных систем. Ярославль: ЯрГУ, 2005; Фролова Е.Д. Геоэкономическая интеграция ресурсов России в мировые воспроизводственные процессы. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009; Рогов В.Ю. Основы формирования геоэкономических регионов современной России. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002; Байдаков М.Ю. Вызовы геоэкономики: не только учить, но и давать ответы // Банковское дело в Москве, 2006, № 8; Ярыгина И.З. Банковские системы и банки в условиях развития геоэкономики. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2006; Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004; Новокшионова Л.В., Трифонов Ю.В. Мировое хозяйство. М.: Юристъ, 2000; Морозов И.Н. Геоэкономические реалии и безопасность. М.: Издательство «Молодая гвардия» 2004; Бокарев Ю.П. К понятию мирового экономического пространства в геоэкономике // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Карлов А.Н. Наука о войне в условиях геоэкономической парадигмы мирового развития // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Черная И.П. Геоэкономика: учебное пособие. М., 2012; Михайленко В.Б. Сетевая геоэкономика: геоэкономический атлас как поле стратегического безопасного маневрирования // Безопасность Евразии, 2006, № 3; Пучков И.К. Евро и американский доллар: конкуренция как результат геофинансовых процессов // Безопасность Евразии, 2006, № 3; Геоэкономика и конкурентоспособность России: Научно-концептуальные основы геоэкономической политики России: Научно-аналитический доклад / М.Ю. Байдаков, Н.Ю. Кониная, Э.Г. Кочетов, Е.В. Сапир, В.Л. Сельцовский, Н.С. Столярова, Е.Д. Фролова; Под науч. ред. Э.Г. Кочетова; Обществ. ак. наук геоэкономики и глобалистики. М.: Книга и бизнес, 2010; Филькевич И.А. Создание геоэкономических анклавов в странах Евразийского экономического сообщества <http://http://viperson.ru/wind.php?ID=631584&soch=1> и др.

¹ http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1137

² http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1137

на. И мы уже имеем ряд монографий и учебников, отвечающих самым высоким мировым научным и образовательным стандартам.

* * *

Сетевое взаимодействие университетов в национальном и международном образовательном пространстве создаёт лучшие условия для повышения качества подготовки специалистов и эффективности университетской науки, выхода российских университетов на мировой уровень науки и образования, наравне с лучшими вузами Европы и мира, в сетевые партнёрства с которыми мы вовлечены.

Внутри образовательной сети академический обмен профессорами и преподавателями, студентами, аспирантами, научными сотрудниками резко активизируется и расширяется. Сети превращаются в платформу эффективного диалога и взаимообогащения образовательных систем, аккумуляции нового, прорывного знания. В перспективе это должно вести к разработке и реализации на базе отечественных вузов совместных, а затем и самостоятельных образовательных программ и научных проектов мирового уровня, впитывающих лучшие национальные образцы и опыт науки и образования российских университетов.

Укрепляя и поднимая статус своих национальных университетов как университетов международных, Россия усилит своё лидерство в интеграционных процессах на евразийском образовательном пространстве, постепенно становясь одним из глобальных образовательных центров на Евразийской платформе и поддерживая сбалансированные многовекторные гуманитарные связи с ведущими европейскими, азиатскими, американскими научно-образовательными центрами.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 2)

Глава 26. А.В. Кузнецова

СПРАВЕДЛИВЫЙ МИРОПОРЯДОК КАК НЕОБХОДИМАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА для БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ в XXI ВЕКЕ

Формирование политики гуманитарной безопасности в контексте западного и незападного мирового порядка в мае 2011 года стало актуальной теоретической и практической проблемой.

Достаточно подробно и «обнажённо» изложил свою позицию М. Барабанов, научный редактор журнала «Экспорт вооружений» с учётом голосования России в Совете Безопасности ООН резолюции 1973 (российский постоянный представитель в ООН В. Чуркин воздержался при её голосовании). «И здесь я выскажу непопулярную мысль: **для России наилучшим образом действий было бы "продать" Каддафи Западу, пожертвовав этим тухлым, бесперспективным диктатором ради укрепления партнерства с западными государствами,** – утверждает М. Барабанов в своей статье, опубликованной в солидном еженедельнике "ВПК военно-промышленный курьер". – Поэтому для нашей страны наиболее целесообразным было бы не осуждать интервенцию Запада против Каддафи, а наоборот – поддержать эту интервенцию и даже прямо примкнуть к ней. России следовало бы активно предлагать свое участие в осуществлении военных мер против Ливии, например, предложив свою авиационную группировку.

Такой шаг, с одной стороны, значительно бы укрепил отношения России с западными странами и дал бы администрации Обамы хороший аргумент в пользу выгоды для США политики «перезагрузки» отношений с РФ (а пока таких аргументов у Обамы явно недостаточно – и это серьезная угроза данной политике). России политически это практически ничего бы не стоило.

С другой стороны, участие Вооруженных Сил РФ (и в первую очередь ВВС) в современной крупномасштабной военной операции стран Запада было бы чрезвычайно полезно российским военным в плане ознакомления с передовыми западными методами и процедурами планирования, организации, боевого управления, взаимодействия и т. д. при проведении таких воздушных (и воздушно-морских, и воздушно-наземных) операций.

Не секрет, что в данных вопросах военная система нашей страны серьезно отстает от США и НАТО, а опыта проведения крупных воздушных операций советская и российская военная авиация не имеет с 1945 года. Сейчас появился повод для возможного ознакомления с боевыми операциями НАТО «изнутри», при совместных действиях для перенимания полезного опыта и достижения «интероперабельности» между вооруженными силами Запада и России. Стоит пожалеть, что подобный шанс Москвой был упущен ради стремления в очередной раз занять не приносящую никаких выгод позу «радетельницы за международное право».

Россия нуждается не в защите «международного права» (и прав терпящих крах диктаторов), а в извлечении долгосрочных выгод для своих национальных интересов. Бомбы на Каддафи могли бы послужить целям русской политики»¹.

Ещё более «непопулярную мысль» (по М. Барабанову) сформулировал Н. Злобин, директор российских и азиатских программ института мировой безопасности (Вашингтон, США) в своей статье «Конец суверенитетов», опубликованной в ведущей газете нашей страны «Российская газета», 23 марта 2011 года. «Недавние неожиданные революции и народные восстания на Ближнем Востоке и в Северной Африке не только радикальным образом изменили геополитическую ситуацию в регионе, но и окончательно похоронили ялтинскую систему международных отношений, сложившуюся после Второй Мировой войны и подразумевавшую, в частности, раздел мира между странами-победителями и формирование сфер их политических и экономических интересов <...>

Трагедии, подобные японской или ливийской, еще раз свидетельствуют о полной невозможности в современном мире сохранять нейтралитет по отношению к тому, что в нем происходит. Нельзя сохранять приоритет полноценного суверенитета национальных государств по отношению к важнейшим интересам всего мирового сообщества, принцип невмешательства во внутренние дела извне или недопустимости обеспечения безопасности страны, региона или людей силами мирового сообщества извне. Иначе это ему – мировому сообществу – может слишком дорого обойтись. По крайней мере, так это видится мне из Вашингтона»².

Любопытные соображения в контексте обрушения «*ялтинской системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны*» и «*конца суверенитетов*» (по Н. Злобину) предложил Д. Тренин, директор Московского центра Карнеги. Оказывается, он знает что «должна», «обязана» сделать Российская Федерация «как страна Евро-Тихоокеанская», либо как «сырьевая периферия одновременно Европы и Азии»³.

¹ Барабанов М. Участь Каддафи предрешена // ВПК военно-промышленный курьер, 2011, № 11, 23–28 марта. С. 02.

² Злобин Н. Конец суверенитетов // Российская газета, 2011, № 60, 23 марта. С. 3.

³ Тренин Д. После «перезагрузки» // ВПК военно-промышленный курьер, 2011, № 11, 23–28 марта. С. 03.

Из Москвы Д. Тренину «видится», что «после того как министры Лавров и Клинтон нажали знаменитую кнопку с неверным русским переводом английского слова Reset, что вызвало столько усмешек, российско-американские отношения находятся в гораздо лучшем состоянии. Встает вопрос: куда идти дальше, где новые ориентиры?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обеим сторонам требуется стратегическое мышление. Для руководства Российской Федерации главная задача на всю обозримую историческую перспективу – преодоление отсталости нашей страны по сравнению с передовыми государствами. Иными словами – модернизация России, – полагает Д. Тренин. – Значит, внешняя политика страны обязана всемерно способствовать решению именно этой исторической задачи. Внешняя политика модернизирующейся страны *должна* иметь очевидный приоритет – привлечение внешних ресурсов для намеченных преобразований. При этом, как учил Дэн Сяопин, *не следует отвлекаться* на всевозможные раздражители.

Нужные ресурсы, естественно, сосредоточены в основном в передовых странах Европы, Северной Америки, Тихоокеанской Азии. Большинство из этих государств – союзники США. Добрые отношения с американцами создают соответственно больше возможностей для России, плохие – существенно сокращают их. Причем сами Соединенные Штаты являются и останутся на десятилетия вперед лидером мирового научно-технического прогресса, важнейшим источником инновационного развития.

Другой логичной целью внешней политики Москвы в начале XXI века *должно* стать создание условий для вхождения России в глобальную экономику на основе интеграции ведущих российских и транснациональных предприятий, превращение российских компаний в транснациональные. Перекрестные инвестиции и обмен акциями между экономическими игроками России и ЕС, а также между россиянами и американцами способны не только создать прочную основу двусторонних отношений, но и укрепить положение РФ в мировой экономике и политике.

Внешняя политика *должна* также способствовать безопасности государства. Многие в нашей стране до сих пор считают утрату военного баланса с США главной опасностью для России. Определяя же угрозы для РФ, традиционно исходят из самого худшего варианта. При этом возможности Соединенных Штатов нанести удар рассматриваются без учета их намерений. Некоторые эксперты полагают, что в американской элите царят фундаментально антироссийские настроения либо они способны стать враждебными в любой момент»¹. (Выделено – курсив – мною. – А.К.)

Интересные и поучительные соображения М. Барабанова, Н. Злобина, Д. Тренина обозначили «новую реальность» (Давос, 2011; Довиль, Франция – G8) с отсутствием какой-либо модели мирового порядка XXI века после марта 2011 года (резолюция 1973 СБ ООН), с отсутствием у какой-либо страны (кроме США – по Д. Тренину) реального суверенитета.

Здесь, по мнению автора статьи, можно предположить наличие, как минимум, двух рабочих гипотез.

Первая гипотеза: после резолюции 1973 реально функционирует, в основном, только западная евро-атлантическая модель миропорядка (модель Президента Франции Н. Саркази – Президента США Б. Обамы), отменившая Ялтинские и Хельсинские соглашения о мире и безопасности.

Вторая гипотеза: наряду с западной моделью миропорядка, после марта 2011 года продолжает функционировать незападная справедливая модель миропорядка XXI века (Московско-Шанхайская модель миропорядка, предложенная В.Н. Кузнецовым в 2006 году), которая сохраняет и развивает, укрепляет дух и смысл Ялтинского и Хельсинских договоренностей, обеспечивает конструктивную преемственность со смыслами Вестфальской системы миропорядка.

В представленной читателям статье её автор своё основное внимание уделяет становлению политики гуманитарной безопасности как культуры партнёрства в русле второй гипотезы: да, обоснована и реально работает новая теория справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка (по Кузнецову).

* * *

Для анализа практик функционирования различных моделей миропорядка автор статьи предлагает два конструкта: первый конструкт – дуальная позиция «*незападное – справедливое*»; второй конструкт – дуальная позиция «*западное – несправедливое*».

Для первого конструкта в теории и практике анализа и синтеза автор предлагает фундаментальное свойство (сущностное) – культура мира, культура безопасности, культура компромисса, культура справедливости.

Для второго конструкта в теории и практике автор предлагает фундаментальное сущностное свойство – культура смерти, культура войны, культура манипулирования смыслами правды и справедливости, культуры управляемого хаоса.

Фактически источником энергетики и динамики незападной справедливой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века и стало, определилось главное антагонистическое

¹ Тренин Д. После «перезагрузки» // ВПК военно-промышленный курьер, 2011, № 11, 23–28 марта. С. 03.

противоречие: культура жизни, культура справедливости, культура безопасности – культура смерти, культура войны, культура манипулирования смыслами правды и справедливости, культуры применения двойных и тройных стандартов.

Концепты западное и незападное Соотношение концептов западное и незападное для автора статьи включает, прежде всего, понимание между ними сотрудничества, компромиссности, стремление к справедливости и правде. В отношении к западному концепт незападное выражает факт наличия, прежде всего, *другого* сущностного наполнения феномена, которое не обязательно противостоит западному. Оно просто другое, иное. Оба концепта – западное и незападное одинаково имеют право на осуществление: здесь обозначается факт разнообразия в пространстве и времени гуманитарного.

Концепты справедливое и несправедливое По аналогии с сущностными характеристиками западного и незападного концепт «несправедливое» обозначает конструктивный феномен, но несколько отличающийся от смысловых характеристик «справедливого». Речь может идти о «достойном», «правильном», «обязательном» и т. д.

Концепты американизм, неамериканизм, антиамериканизм Автор полагает, что здесь очень важно отметить три особенности. Первая особенность – в содержании многих характеристик (политология, социология, культура) концепт «неамериканизм» имеет позитивный смысл: феномен несколько другой, чем концепт «американизм», «приверженность США» – это европеизм, латиноамериканизм и т. д. То есть здесь есть достойный, нужный феномен, но он другой – не американский. И это нормально.

По мнению автора статьи, в большинстве случаев, речь идёт именно о таком соотношении конфликтов: американское – неамериканское.

А концепт «антиамериканизм» имеет, в большинстве ситуаций, весьма слабые основания для своего функционирования.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ключевые понятия для исследуемой сферы мирового порядка XXI века автор представил на основе исследований В.Н. Кузнецова и в его формулировках.

Миропорядок (мировой порядок) – это устоявшаяся сетевая совокупность понятий и принятых людьми, народами и государствами гуманитарных взаимодействий, которые обеспечивают: гарантированный порядок их легитимного и желательного жизнеобеспечения (достойной жизни человека; благополучия, безопасности народа, национального суверенитета государства, целостности территории); сохранение и развитие культуры, национального образа жизни, справедливости, традиций; удовлетворённость настоящим и уверенность в будущем; доверие национальным и международным законам с уверенностью в их единообразном (без двойных и тройных стандартов) толковании и исполнении.

Мироустройство – процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий.

Миропонимание определяется как содержанием феномена «мироустройство», так и основами современного мировоззрения, позволяющих субъекту взаимодействий понять смысл и движущие силы процесса, свою роль и свою ответственность за совершённые (или несовершённые) поступки в условиях конкретного времени и пространства, определившихся рисков и неопределённостей в восприятии реальности, справедливого и несправедливого.

Идеология миропорядка («идеология новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века») – это формирующаяся устойчивая совокупность принципов и установок: на методы и средства достижения своих целей, идеалов, ценностей, интересов; на допустимые рамки участия в изменении порядка взаимодействий в обеспечении культуры мира, культуры безопасности на основе культуры компромисса и справедливости.

Идеология мироустройства – это артикулированная совокупность понятий, способствующих осознанию допустимых методов и средств для достижения: политических, экономических, культурных оснований главных взаимодействий между людьми, обществом и государством, современной цивилизации на базе культуры компромисса и справедливости; формирования и устойчивого функционирования исторической памяти, мечты и смысла жизни человека с учётом уважительного диалога, доверия и солидарности; культуры прав и свобод в сочетании с культурой ответственности; культуры интерпретации прошлого, осмысления настоящего, и понимания будущего.

Гуманитарные взаимодействия – это процесс отношений во времени и пространстве между людьми по поводу сохранения и защиты их жизни; их целей, идеалов, ценностей, интересов; смысла жизни; правил игры; ожиданий и действий каждой из сторон по вопросам состояния и изменения человеческого в каждом субъекте непосредственного контакта.

О ВОЗМОЖНОСТИ УМНОЙ ПОЛИТИКИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ
В КОНТЕКСТЕ МОСКОВСКО-ШАНХАЙСКОЙ МОДЕЛИ МИРОПОРЯДКА XXI ВЕКА

В этом разделе статьи автор уделила основное внимание самым предварительным итогам изучения новой нарождающейся тенденции в мировой политике: преобразованию глобальных партнёрских взаимодействий, устойчивого диалога, сотрудничества в заметный и перспективный тренд интеллектуальности, умности и мудрости в международных отношениях.

Особенность ситуации определена автором в трансформации генеральной доминанты мировой политики XX века и первого десятилетия XXI века. В научных публикациях, в международных документах суть доминанты определена как доминирование «силы», «баланса сил», «жесткой силы», «умной силы»¹.

Возможность выделить для исследования новый, ещё очень хрупкий и трудноразличимый тренд (интеллектуальность, умность, мудрость) основывается на значительных, по моему мнению, и важных исследованиях, осуществлённых и представленных в научном дискурсе во многих странах мира².

Конкретным мотивом для такого аспекта статьи стали две интересные даты.

Во-первых, летом 2010 года было осмыслено первое пятилетие подписания в Москве руководителями России и Китая 1 июля 2005 года «Совместной Декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке».

Во-вторых, весной 2011 года ещё раз состоялась очередная проверка на актуальность и важность для современных общественных наук новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка в XXI веке, обоснованной и предложенной В.Н. Кузнецовым: 3 октября 2006 года в актовом зале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на пленарном заседании Московского Конгресса Социологов (1200 участников) В.Н. Кузнецов представил научный доклад «О миссии российской социологии в становлении новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века».

Логика изложения материалов исследования в статье* определилась авторским восприятием преамбулы Декларации 2005 года и её первыми двумя пунктами, а также 66-летием Победы в Великой Отечественной войне СССР над фашизмом.

Известный русский учёный А.И. Фурсов в своей интересной вводной статье к публикации книги Иммануила Валлерстайна «Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация». (М., 2008) предложил оригинальную интерпретацию работ И. Валлерстайна, основателя мир-системного анализа (МСА). Вот несколько тезисов А.И. Фурсова.

1. «Итак, И. Валлерстайн создал новую сферу исследования, базовая единица анализа которой – мир в целом, мир – как – система, мир–система. Именно мир, а не государство, рынок или Гражданское общество»³.

2. «Мироведение, первым оформленным вариантом которого стал МСА, начало складываться в середине 70-х годов»⁴ XX века.

3. «И. Валлерстайн и МСА, таким образом, выступают не изолированно, а как элемент широкомасштабного, хотя и не набравшего ещё полную силу изменения научного мировоззрения»⁵.

4. «МСА конституируется по поводу качественно принципиально иного объекта, чем конвенциональные социальные дисциплины. Поэтому МСА – это не социология, не экономическая теория, не политическая наука, а ... МСА, сами принципы конструирования которого суть отрицание традиционного для сформировавшейся в XIX в. науки об обществе жёсткого деления на экономику, социологию, политологию. Это разделение является, по справедливому мнению И. Валлерстайна, наследием XIX в., которое необходимо преодолеть, переосмыслить, осмыслить заново»⁶.

¹ Кейган Роберт. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004; Фукуяма Фрэнсис. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006; Най Ю., Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006; Сухарев А.И. Стратегия «умной силы» // Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: Опыт исследования институционализации НПО-сети в международных отношениях. М., 2009.

² Кочетов Э.Г. Глобалистика как геэкономика, как реальность, как мироздание. М., 2001; Капто А.С. От культуры войны к Культуре Мира. М., 2002; Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура–Сеть. М., 2003; Slaughter Anne-Marie. A New World Order. Princeton and Oxford, 2004; Beck U. Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. Frankfurt a. M., 2002; Beck U. Der Kosmopolitische Blick order: Krieg ist Frieden. Frankfurt a. M., 2004; Beck U., Grande E. Kosmopolitisches Europa. Frankfurt a. M., 2004. (Эти три работы Ульриха Бека переведены на русский язык в двух книгах: Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма: Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007; Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008).

* Более подробно итоги исследования проблем современного мироустройства и мирового порядка представлены в книге автора: Кузнецова А.В. Справедливое мироустройство XXI: Тенденции формирования политики справедливого мироустройства в XXI веке. М., 2011.

³ Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн Иммануил. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008. С. 8.

⁴ Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе). С. 14.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе). С. 8.

На рубеже XX века, в первом десятилетии XXI века сложилась когорта учёных-обществоведов, которые в своих работах мироведческой направленности продвинулись в направлении переосмысления как миро-системного подхода, так и в направлении конструктивного изменения научного мировоззрения, в направлении углубления социологических, политологических, экономических исследований.

Прежде всего, я имею в виду разработку сетевого подхода в трудах Мануэля Кастельса. Это позволило Вячеславу Николаевичу Кузнецову обосновать и предложить научному сообществу новую парадигму – геокультурную, а также новую линию в исследованиях мироведения. Речь идёт о его социологической геокультурной теории Мира XXI века как Культуры–Сети, о его авторской концепции: Московско-Шанхайской модели мирового порядка.

Таким образом, новая социологическая линия изучения мироведения XXI в научной школе В.Н. Кузнецова обогатила мировую и российскую общественную науку важными результатами оригинальных «пионерских» исследований: нового не-Западного гуманизма, теории культуры безопасности, теории компромисса, теории и методологии гуманитарных взаимодействий, концепции справедливости, основ современного мировоззрения¹.

Важное обстоятельство: практически все новые достижения научной школы В.Н. Кузнецова основаны на итогах исследований Иммануила Валлерстайна.

В канун 66-летия победы СССР в Великой Отечественной войне народов нашей страны против фашизма, народов многих стран против гитлеризма во Второй мировой войне реально обозначилась всеобщая, глобальная востребованность со стороны всех народов мира справедливого мироустройства.

Речь идёт не только о справедливом мировом порядке – реальном объекте изучения в новейшей политологии.

Народы мира предъявили глобальный вызов мировому истеблишменту, а также его порождению – мировому терроризму, организованной преступности и коррупции.

Суть вызова – не допустить преодоления мирового тотального кризиса 2008–2011 годов через развязывание третьей мировой войны (ядерной, информационной, экологической, генетической и т. д.).

Фактически и стремительно уже складываются основания политики справедливого мироустройства в российской и мировой общественной науке, в экспертном сообществе, в практиках неправительственных организаций (НПО), в практиках национальных государственных структур, в практиках международных и региональных организаций, в инициативах и поступках отдельных людей.

Мир пришёл в движение по направлению культуры, духовности, нравственности, умности и мудрости.

Сегодня правительство, истеблишмент США ведёт три серьёзные войны в Азии и в Африке: в Ираке каждый день гибнут граждане Ирака и гибнут, реже, граждане США и других стран. В Афганистане та же ситуация. В Ливии (март 2011) та же ситуация. И только в 2007–2011 годах у руководства США оформилась потребность получить от общественной науки новые рекомендации.

Вот главный вывод от американской общественной науки: «была озвучена мысль о невозможности достижения стратегической цели: сохранение глобального лидерства США только на основе технологического превосходства, в том числе технологий психологического манипулирования. *Условием победы в битве идей признана мировоззренческая основа*»².

Полагаю, можно констатировать, что многие миллионы граждан как в России, так и во многих других странах мира восприняли тезис Президента страны Дмитрия Медведева, сформулированный им в Ярославле (сентябрь 2009 года) на международной конференции «*Современное государство и глобальная безопасность*», в качестве перспективной и конструктивной программы для Всех.

Он чётко и понятно отметил: «Будущее – за умной политикой»³. Более подробно развернул смысл этого тезиса Министр иностранных дел России С.В. Лавров в своём выступлении на конференции в Ярославле 14 сентября 2009 года. «Современная дипломатия, по существу, занимается коренными вопросами национальной жизни – от обеспечения безопасности в её современном прочтении до вопросов процветания, включая сохранение и создание рабочих мест, – отметил он. – На первый план выходят глобальные вызовы и угрозы, эффективно противодействовать которым по определению можно только солидарными усилиями всех государств... Требуется и соответствующий инструментарий – уже не количество и огневая мощь дивизий. Сообразно предмету претерпевает серьезные изменения и метод ведения дел в международных отношениях. Это уже не иерархические конфигурации, апофеозом которых стало разделение мира на два противостоящих лагеря в период "холодной войны", а сетевая

¹ Гуманитарный стратегический манёвр: Коллективная монография. М., 2004; Становление евразийской безопасности: Коллективная монография. М., 2005; Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века. Коллективная монография. М., 2006; Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования. М., 2007; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х т. М., 2008–2009; Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия–2009: Культура развития через культуру безопасности. М., 2009.

² Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: Опыт исследования институционализации НПО-сети в международных отношениях. М., 2009. С. 202.

³ Приведено по: Ситнина В. Ярославская правда // Время новостей, 2009, 15 сентября. С. 1.

дипломатия, предполагающая гибкие формы взаимодействия различных групп государств в целях обеспечения совпадающих интересов. Речь отныне не идет о борьбе против кого-то, "сдерживания" кого-то, а о коллективных усилиях за что-то, за вполне конкретные интересы, общие для определенного круга государств или международного сообщества в целом»¹.

Определённо можно констатировать в итоге исследования, представленного в статье, период в шесть лет, период в пять лет позволяет, для осмысления результатов Декларации 2005 года и Концепции Кузнецова 2006 года, утверждать, что даже скромное движение к реальному справедливому мироустройству через ответственность, интеллектуальность, гуманизм, умность и мудрость – это наше общее достояние.

РЕАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА О МИРОВОМ ПОРЯДКЕ XXI ВЕКА

В научном глобальном дискурсе 2003–2011 годов тема мирового порядка стала актуальной и многообразной только в последние два года. В 2003–2005 годах концептуальная определённость миропорядка была обусловлена такими главными факторами как космополитизм (У. Бек), мировое лидерство (З. Бжезинский), солидарность (Дж. Александер).

С 2006 года по настоящее время в достаточно оформленных моделях мирового порядка такой ключевой доминантой становится фактор достижения (обеспечения) надёжной безопасности (личной, общественной, национальной, региональной, международной).

Автор статьи, в представленном исследовании различных моделей миропорядка, именно фактор безопасности предложила в качестве основания при сопоставлении методологий, теорий, институтов, предложенных творцами ряда современных концепций мирового порядка XXI века.

Геополитические модели Наиболее оригинальной и фундаментальной работой о современном миропорядке, обоснованной методологически и теоретически считаю книгу К.С. Гаджиева «*Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка)*» (М., 2007). В этой монографии автор представил обстоятельный и поучительный анализ сложного и противоречивого глобального процесса оформления ключевых параметров мирового порядка XXI века.

Особый интерес для понимания смыслов и механизмов трансформации геополитической модели миропорядка представляет системный синтез, который позволил К.С. Гаджиеву обосновать современную модель международных отношений с учётом новых тенденций и достижений в отечественной и мировой общественной науке.

Его исследование важности роли России в становлении и функционировании геополитической модели миропорядка особенно актуально, так как осуществлено практически во всех разделах книги на фоне и в контексте глобализации².

Геополитическая концепция миропорядка «*Новая Эпоха*», разработанная С.А. Карагановым в 2007 году³, получила развитие в значительной коллективной монографии, опубликованной в начале 2008 года⁴.

В авторской разработке методологии новой модели миропорядка у С.А. Караганова привлекает строгий научный подход к исследованию самой геополитической парадигмы. «В кои-то веки геополитический ветер задул в ее паруса, – констатирует он. – Резко возросли цены на энергоносители, повысилась роль энергетического фактора в мировой политике. Началась долговременная дестабилизация "расширенного Ближнего Востока", усугубляется кризис управляемости международной системы. Это, а также удары по Югославии и Ираку повысили роль военного фактора. Россия же при всей ее нынешней военной слабости – вторая военная держава мира, доказавшая готовность применять силу и даже победившая (хотя и чудовищной ценой) в войне против сепаратистов и исламских радикалов в Чечне.

Даже экономический и геополитический взлет Китая пока на пользу Москве. Вашингтон стал всерьез опасаться сближения двух стран. Позиции России укрепились и из-за ядерных амбиций КНДР и особенно Ирана: без содействия Москвы эти проблемы не решить.

Нетрудно заметить, что перечисленные факторы усиления носят среднесрочный характер, а в долгосрочной перспективе могут обернуться проблемами для самой России. Но в ближайшие годы "попутный ветер", скорее всего, сохранится»⁵.

Рецензенты в своих откликах на концепцию «новой эпохи» России особо отметили её значение для формирования прогнозов развития как России, так и других регионов мира⁶.

¹ Приведено по: Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики... С. 109.

² Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М.: Экономика, 2007.

³ Караганов С. Наступает новая эпоха // Российская газета, 2007, 6 июля.

⁴ Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь–Олимп, 2008.

⁵ Караганов С.А. Новая эпоха // Россия и мир ... С. 50.

⁶ Дубнов А. За Россию или за демократию: Эксперты постулируют «новую эпоху и новую политику» для нового президента // Время новостей, 2008, 6 марта; Ознобищев С. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить // Вестник аналитики. 2008. № 1.

Геоэкономические модели Обоснование перспективных и оригинальных геоэкономических моделей миропорядка (мироустройства) XXI века достаточно полно и убедительно представлено в книгах и статьях Э.Г. Кочетова¹.

Важнейшая особенность его подхода: тщательная методологическая, теоретическая, институциональная и операциональная разработка авторской геоэкономической модели мирового порядка XXI века, с учётом проблем глобальной безопасности.

Наглядно научное творчество Э.Г. Кочетова представлено в его очерке о хронологии формирования научной геоэкономической школы Кочетова², а также в обзорной рецензии В. Соколова о работах Э.Г. Кочетова³.

Геокультурные модели Новая геокультурная Московско-Шанхайская модель миропорядка впервые была представлена в публикациях В.Н. Кузнецова летом 2006 года⁴, а в виде публичного устного доклада для научного сообщества – осенью 2006 года на общероссийском форуме социологов в актовом зале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова⁵.

Важной особенностью в понимании новых смыслов в сущностном изложении актуальных проблем гуманитарной безопасности в работах 2006 года, посвящённых обоснованию авторской модели миропорядка, стало у В.Н. Кузнецова изучение взаимосвязи миропорядка и мировоззрения.

В его книгах и статьях 2007–2008 годов впервые для научных исследований проблем миропорядка и безопасности были рассмотрены гуманитарные взаимодействия в контексте: миропорядок – безопасность – мировоззрение – гуманитарность – компромисс – справедливость – мироустройство – институциональность (как институциональная среда, как влияние на формирование Правил Игры для мировой Повестки Дня)⁶.

Особенности мирового дискурса о концепциях и смыслах мирового порядка XXI века Реальное состояние и динамика глобального дискурса о содержании, структуре мирового порядка XX и XXI веков, динамике его институционализации достаточно полно рассмотрены в работах А.И. Уткина и П.А. Цыганкова⁷.

Новые практики в сфере безопасности человека, народов, государств, регионов и всей цивилизации XXI века обусловили новую востребованность к учёным-обществоведам по созданию новых теорий, новых методологий, новых высоких гуманитарных подходов.

Сложился новый глобальный дискурс по проблемам жизни человека, о сохранении и укреплении мира, о войне и военных вмешательствах.

В самом предварительном порядке можно, по мнению автора статьи, выделить несколько особенностей, которые повлияли на факторы «сложившие» глобальный дискурс и содействующие его функционированию в настоящее время, в ближайшее будущее.

1. Впервые для XX и XXI веков в российском специализированном научном дискурсе появились авторские научные концепции с обоснованием моделей мирового порядка. Речь идёт о работах В.Н. Кузнецова, Э.Г. Кочетова, С.А. Караганова, К.С. Гаджиева.

Это наполнило российский и мировой научный дискурс новыми авторскими смыслами, содержательной дискуссией, конструктивной критикой.

Известный политолог Т.А. Шаклеина в своей статье «Критическое направление исследований миропорядка в США» отметила (применительно к власти) «отсутствие тяги к новаторству, выдвиганию принципиально новых идей»⁸.

Можно отметить и такой факт (по материалам её статьи): в 2000–2008 годах американские учёные-обществоведы не предъявили авторских концепций мирового порядка XXI века.

2. Европейские учёные в 1999–2008 годах в своих значительных работах исследовали важные содержательные аспекты, которые помогли учёным России создать новые авторские модели мирового порядка XXI века.

Прежде всего, считаю необходимым назвать работы известного немецкого философа, политолога и социолога Юргена Хабермаса¹. «Тот, кто *встраивает* унилатерализм правительства Буша

¹ Кочетов Э.Г. Геоэкономика: Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М., 2006; его же. Гуманитарная космология: Дорога к новому мирозданию новых людей. М., 2006.

² Безопасность Евразии. 2008. № 2.

³ Там же.

⁴ Кузнецов В.Н. Новая Московско-Шанхайская модель мира XXI века в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной): Социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 2.

⁵ Кузнецов В.Н. О Миссии российской социологии в становлении новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века // Безопасность Евразии. 2006. № 4.

⁶ Кузнецов В.Н. О смысле нового гуманизма XXI века: Становление нового гуманизма через формирование Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения и культуры Компромисса // НАВИГУТ. 2007. № 1; Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007; Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Учебное пособие. М., 2007; Кузнецов В.Н. Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М.: Книга и бизнес, 2008; Кузнецов В.Н. Социология идеологии: Учебное пособие. М., 2008.

⁷ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: 2006; Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: 2006.

⁸ Шаклеина Т. Критическое направление исследований миропорядка в США // Международные процессы. 2007. Том 5. Номер 3. Сентябрь–декабрь. С. 74.

в общий ход империалистической практики, – отмечает он, – недооценивает значение расставляющих цезуры изменений в политике. В сентябре 2002 года американский президент обнародовал новую доктрину безопасности, в которой он предусматривает для себя им же самим определенное и по собственному усмотрению применяемое право на нанесение превентивного военного удара (preemptive strike). В своей речи о положении нации 28 января 2003 года он торжественно заявил, что, если Совет Безопасности не согласится с военной акцией против Ирака, как бы ни была она обоснованна, он, в случае необходимости, не посчитается с запретом на насилие, зафиксированным в Уставе ООН ("The course of this nation does not depend on the decisions of others"). Обе акции вместе представляют собой неслыханный разрыв с той правовой традицией, в значимости которой не сомневалось ни одно из предшествующих американских правительств. Они выражают пренебрежение к одному из замечательных цивилизаторских достижений человеческого рода»².

3. Актуализация и оригинальное смысловое наполнение глобального научного дискурса концептуальными работами российских авторов (социологов, политологов, экономистов), предложивших мировому научному сообществу модели мирового порядка и мироустройства, основанные на справедливых гуманитарных взаимодействиях, придали, по мнению автора статьи, новую динамику самому дискурсу.

Например, шестой номер журнала российской внутренней и внешней политики «Pro et Contra» за 2007 год практически полностью посвящён теме «Эволюция мирового порядка».

Ещё раз приведу название концепции Кузнецова – «Московско-Шанхайская модель мирового порядка XXI века».

А теперь назову статьи и авторов тематического номера журнала.

• В тексте «От Редактора» Мария Липман, Главный редактор журнала «Pro et Contra», отчётливо формулирует свою позицию. «Стремление к "многополярному миру" как к способу "сдерживания США", популярное, в частности, у отечественных политических мыслителей, – утверждает она, – продиктовано естественной неприязнью проигравшего к победителю, который, одержав победу, безоглядно злоупотребляет своим гигантским превосходством. Чего нет в чаемом "многополярном мире", так это готовности всерьёз взять на себя ответственность за решение мировых проблем. Сегодня ни одну из них нельзя решить без Соединённых Штатов, даже притом, что внешняя политика администрации Буша привела к значительному снижению международного престижа и влияния Америки. Но пока она остается самой мощной экономической державой, опережающей всех в научно-технической сфере и обладающей колоссальным военным преимуществом перед другими странами. А потому истинная многополярность требует чего-то более содержательного, чем просто ограничение США. Научиться конструктивно сотрудничать с Америкой, признавая ее превосходство, – актуальная задача для стран, которым сегодня невыносима мысль о том, что они не могут стать вровень с американцами. Но и самим американцам, сохраняя лидерство, необходимо, наладить конструктивное взаимодействие с крупными державами»³.

• **Кем и как управляется мир.**

Александр Кустарёв.

• **Конец иллюзиям: история возвращается.**

Роберт Кейган.

В работе старшего научного сотрудника Фонда Карнеги за Международный Мир (США) Р. Кейгана важно выделить три интересных тезиса, которые могут быть сопоставлены, по мнению автора статьи, с ранее приведённым фрагментом книги Юргена Хабермаса.

Первый тезис Роберта Кейгана.

«Из Москвы и Пекина мир видится совсем иным, чем из Вашингтона, Лондона, Берлина и Парижа. Либеральная общественность Европы и США поддержала "цветные революции" в Украине, Грузии и Киргизии, видя в них естественную политическую эволюцию человечества в правильном направлении. Между тем в России и Китае эти события рассматриваются как проплаченные Западом и инспирированные ЦРУ перевороты, которые укрепили геополитическую гегемонию Соединённых Штатов и их европейских союзников, покорно следующих за США»⁴.

С таким тезисом вполне можно согласиться, особенно в контексте основных принципов Московско-Шанхайской модели миропорядка (по Кузнецову).

Второй тезис Роберта Кейгана.

«Обе крупнейшие авторитарные державы сходным образом отреагировали и на вмешательство НАТО в Косово в 1999 году, и не только потому, что американская авиация разбомбила по-

¹ Хабермас Ю. Зверство и гуманность: Косовский конфликт в контексте современного миропорядка // Независимая газета. 1999. 2 июля; Хабермас Ю. Альтернативные видения нового мирового порядка // Он же. Расколотый Запад / Пер. с нем. М., 2008. С. 171–187.

² «Курс страны не зависит от решений остальных держав» (англ.).

³ Хабермас Ю. Альтернативные видения нового мирового порядка // Он же. Расколотый Запад / Пер. с нем. С. 174

⁴ Учредитель журнала Фонд Карнеги за Международный Мир.

А для авторов статей есть важное уточнение: В журнале отражены личные взгляды авторов, которые могут не совпадать с позицией Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

⁵ Липман М. От Редактора // Pro et Contra. 2007. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 2–3.

⁶ Кейган Роберт. Конец иллюзиям: история возвращается // Pro et Contra. 2007. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 33.

сольство Китая в Белграде, или же потому, что объектом натовской атаки стали российские союзники – православные сербы. То, что либеральный Запад считал высокоморальным актом, "гуманитарной" интервенцией, по мнению государственного руководства и аналитиков в Москве и Пекине, было противоправным актом, агрессией, преследующей корыстные цели. А как же еще могли эти страны оценить действия НАТО, если они не разделяют либеральные ценности Запада?»¹.

Со вторым тезисом автор статьи согласна: именно так, в Москве и в Шанхае, в терминах Московско-Шанхайской модели миропорядка, можно интерпретировать «вмешательство НАТО в Косово в 1999 году»; бомбардировку американской авиацией посольства Китая в Белграде; натовскую атаку против российских союзников – православных сербов.

Третий тезис Роберта Кейгана.

«Более того, интервенция союзников в Косово и вправду была незаконной, по крайней мере с точки зрения насчитывающих несколько веков норм международного права и Устава ООН. Она была предпринята без согласия Совета Безопасности ООН и в отношении суверенного государства, которое не совершило никакого акта агрессии за пределами своих границ. Американцы и европейцы вступили в войну во имя того, что они считают «высшей нормой» либеральной морали. Однако для тех, кто не разделяет либеральную мораль, такие действия выглядят просто незаконными и разрушающими традиционные гарантии национального суверенитета»².

Понятно, что и с третьим тезисом автор статьи согласна полностью, так как именно принципы и смыслы Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века сохраняют и развивают положения Устава ООН, Хельсинских договорённостей 1975 года, Хартии европейской безопасности 1999 года.

• **Скромное обаяние Китая.**

Ольга Борох, Александр Ломанов.

• **Россия и Китай: двойственный союз.**

Эндрю Качинс.

• **Китай: опасный сосед или выгодный партнёр?**

Александр Лукин.

• **За пределами традиционного баланса сил.**

Луиза Ричардсон.

• *Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower.*

Дмитрий Тренин.

В рецензии Дмитрия Тренина на Збигнева Бжезинского «Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы», опубликованной в 2007 году, есть интересное утверждение рецензента. «Россия – евро-тихоокеанская, а не евро-азиатская страна, – констатирует Д. Тренин. – Она расположена между Европейским союзом и США. Ее естественный и по сути дела единственный крупный партнер в деле интеграции – Евросоюз. Ее важнейший глобальный партнер в деле всесторонней модернизации и обеспечения глобальной безопасности – Соединенные Штаты Америки»³.

Автор статьи, будучи сторонником Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, безусловно, поддерживает позицию Д. Тренина о важности партнёрства с США. Россия азиатско-европейская страна (Азия – Россия – Европа). Соединённые Штаты Америки расположены между Россией и Венесуэлой, Бразилией, Мексикой. Настоящим стратегическим партнёром России является Китай.

С учётом того внимания, которое руководство журнала «Pro et Contra» в шестом номере (2007) уделило Китаю, в эволюции мирового порядка XXI века именно России и Китаю, Москве и Шанхаю предстоит много конструктивного и созидającego осуществить для партнёрских отношений с США.

Таким образом, можно сделать вывод по итогам исследования проблемы безопасности в глобальном дискурсе о мировом порядке о том, что работы российских авторов, предложивших развернутые концепции моделей миропорядка XXI века, стали важным конструктивным и творческим фактором продвижения к достойным основаниям миропорядка и мироустройства в ближайшие годы.

ФЕНОМЕН «СПРАВЕДЛИВОЕ МИРОУСТРОЙСТВО» В СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Первые годы XXI века стали временем всё возрастающего внимания учёных практически всего спектра общественных наук во многих странах мира к проблемам миропорядка и мироустройства.

В содержании выступлений политических деятелей, представителей СМИ, силовых структур, религиозных деятелей посвящённых вопросам расчленения Сербии и признания независимости Косово в первой половине 2008 года; острым проблемам мира и войны, справедливости и лжи по поводу агрессии Грузии против народов Южной Осетии в августе 2008 года – именно проблемы нового миропорядка и нового мироустройства всё чаще становятся центром напряжённых дискуссий.

Смысловым ядром научной проблемы в ходе глобального политологического дискурса в 2007–2011 годах может быть определён, по моему мнению, феномен «справедливое миро-

¹ Кейган Роберт. Конец иллюзиям: история возвращается. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Тренин Д. Zbigniew Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y.: Basic Books, 2007/ vi+234 p. С. 122.

устройство». По существу, обозначилось и новое требование к институциональной политологии – в специализированном научном политологическом дискурсе оформилась потребность в междисциплинарном синтезе, ориентированном как на понимание нового института – справедливое мироустройство, так и на изучение общих методологических концептуальных, процессуальных оснований целостности (мироустройство), а также его главных структурных звеньев¹.

Поэтому в этой статье, представленной читателям Научного отчёта, в качестве очень важного и одного из оригинальных и малоисследованных оснований формирующейся политологической концепции современного мироустройства, автором исследования рассматривается *свойство (фактор) процессуальности*.

В событиях, которые реально повлияли на жизнеобеспечение людей во многих странах мира за текущее десятилетие (2001–2011 гг.), на судьбы мира и безопасности в отдельных странах, в конкретных регионах, в глобальном аспекте всё более заметной становится, по мнению автора статьи, роль определённой интерпретации различных моделей миропорядка, различных концепций мироустройства XXI века.

Моментом истины, к сожалению, для многих политиков, учёных, бизнесменов, журналистов, религиозных деятелей стали глобальные негативные последствия мирового финансового и экономического кризиса, реально проявившиеся в последней декаде сентября – первой декаде октября 2008 года в США, Европе, Азии, в России.

С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН впервые представители самых различных ориентаций в мировой политике публично вынуждены были констатировать, что финансовый кризис является главным индикатором несостоятельности, провала однополярного миропорядка (один лидер – США) и евро-атлантического мироустройства.

В четверг, 25 сентября 2008 года на заседании бундестага министр финансов ФРГ Пеер Штайнбрюк в ходе своего выступления с правительственным заявлением чётко констатировал, «что США **"утратили статус сверхдержавы в мировой финансовой системе"**»².

Примерно в эти же дни Президент США Джордж Буш выступил со специальным обращением по поводу опасного финансового и экономического кризиса в США. В прямом эфире миллионы граждан страны, многие миллионы людей в других странах по программам ведущих радиостанций и телекомпаний стали свидетелями и участниками констатации, словами Михаила Леонтьева, кризиса **«всей системы современного мироустройства, сформированной уже после Второй мировой войны»**³.

Сам Президент США Дж. Буш сообщил гражданам страны и народам других стран, что ведущие «экономические эксперты правительства предупреждают, что без немедленных действий со стороны конгресса Америка может сползти к финансовой панике, и тогда начнет разворачиваться бедственный сценарий... Рынок в стране функционирует ненормально, – отметил Джордж Буш. – В случае если правительство и конгресс не примут срочные меры, в США могут начать закрываться банки, рынок ценных бумаг упадет еще больше, в стране возрастет безработица и миллионы американцев могут потерять работу»⁴.

Таким образом, исходной *первой особенностью* функционирования феноменов «миропорядок», «мироустройство» во второй половине 2008 года стало оформление в представительном сообществе учёных, политиков, журналистов тезиса об исчерпанности модели однополярного, евро-атлантического мироустройства.

Второй особенностью динамики феноменов «миропорядок» и «мироустройство» летом и осенью 2008 года стала, по существу, глобальная скоординированная деятельность отдельных учёных, политиков, общественных деятелей, журналистов по недопущению в мировое интеллектуальное пространство какой-либо новой конструктивной, справедливой модели «миропорядка» и «мироустройства».

По сути, «строится» глобальная установка: «Если не мы – Запад, то и никто другой!».

Уважаемый и компетентный специалист, директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности (Вашингтон, США) Николай Злобин аргументировано утверждает в интереснейшей статье «Возможности интеграции» о движении мира к бесполярной структуре: его статья опубликована 16 сентября 2008 года в рубрике «Миропорядок» газеты «Ведомости», которая издаётся в Москве.

«Мир вступил в эпоху международной дезинтеграции и быстро движется от так и не сложившейся однополярной структуры к структуре бесполярной, – констатирует Н. Злобин, – в которой будут отсутствовать доминирующие центры силы, а значение больших держав будет гораздо меньше, чем все привыкли. Дезинтеграция мира становится основным содержанием эпохи и важнейшей качественной характеристикой нового миропорядка»⁵.

¹ Кузнецова А., Кузнецов В. Смысл роли России в утверждении справедливого мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования. М., 2007.

² Приведено по: Макарычев М. Буш грозит кризисом // Российская газета, 2008, 26 сентября. С. 8.

³ Леонтьев М. «Это – агония» // Завтра. 2008. Октябрь. № 41. С. 2.

⁴ Приведено по: там же.

⁵ Злобин Н. Возможности дезинтеграции // Ведомости, 2008, 16 сентября. С. А04.

В этот же день, 16 сентября, читатели могли ознакомиться со статьёй Александра Коновалова, президента Института стратегических оценок (Москва, Россия). Автор в статье «Мир не должен быть многополярным», опубликованной в приложении к «Независимой газете», которое называется «НГ-ПОЛИТИКА», обосновывает позицию, близкую к точке зрения Н. Злобина. «Понимание характера формирующейся биполярности, или, если угодно, "согласованной бесполярности", – поясняет А. Коновалов в своей обстоятельной и концептуальной статье, – требует отказа от опасных шахаханий во внешней политике»¹.

Своеобразным «моментом истины» для активного и продуктивного, по моему мнению, мирового научного дискурса о проблемах миропорядка и мироустройства (пример: статьи Н. Злобина и А. Коновалова) стала программная речь госсекретаря США Кондолизы Райс 18 сентября 2008 года в вашингтонском Фонде Маршалла. Её выступление было посвящено, в основном, российско-американским отношениям.

В содержании речи Кондолизы Райс реально обосновано положение, по которому Россия принципиально не должна позиционироваться ни в «биполярной», ни в «бесполярной» модели, ни в архитектуре «согласованной бесполярности». «Политика Кремля становится все более авторитарной дома, – утверждает госсекретарь США Кондолиза Райс, известный учёный, специалист по СССР, по России, – и все более агрессивной за рубежом... Мы видим параноидальный порыв, который и раньше проявлялся в российской истории... Мы уверены, что наши связи с соседями не будут подорваны несколькими стареющими бомбардировщиками, посещающими один из немногих латиноамериканских авторитарных режимов... Российские руководители не добьются своей основной цели по смещению грузинского правительства... Наша стратегическая задача – дать ясно понять российским лидерам, что их выбор ставит Россию на односторонний путь самоизоляции...»².

Любопытный тезис представлен в официальном заявлении Министерства иностранных дел России в связи с резким антироссийским заявлением госсекретаря США Кондолизы Райс 18 сентября 2008 года в Фонде Маршалла. «Ценим утверждения Кондолизы Райс о том, что "сегодняшняя Россия – не Советский Союз", – с хорошей долей юмора констатировано в заявлении МИД'а. – Вызывает удовлетворение, что в США начинают признавать нереалистичность однополярного мира»³.

Заслуживает пристального внимания, по моему мнению, *третья особенность* функционирования концептов «миропорядок» и «мироустройство».

Речь идёт об ускорении внимания учёных, экспертов, журналистов и читателей во многих странах мира к феноменам «миропорядок» и «мироустройство» как к перспективным и всё более значимым глобальным факторам, реально влияющим на мировоззрение, политику, идеологию и поведение конкретных людей; на функционирование как государственных, так и общественных организаций; на разработку и осуществление Правил Игры в странах, регионах, в масштабе цивилизаций; в составлении и проведении в жизнь конкретной Повестки Дня в мировом сообществе.

За основу исследования в этом разделе статьи я считаю возможным взять «объединённую модель» мироустройства⁴, предложенную А. Кузнецовой и В. Кузнецовым в декабре 2007 года (см. схему 1).

Схема 1

Соотношение основных категорий единой гуманитарной парадигмы XXI века: взаимосвязь её выражений в геополитике, геоэкономике, геокультуре. Парадигмальная Матрица Кузнецова – ПМК

Выражения парадигмы		ГЕОПОЛИТИКА	ГЕОЭКОНОМИКА	ГЕОКУЛЬТУРА	
		Характеристики			
Структура мироустройства	Политическое	Вестфальская модель	Вестфальская модель	Московско-Шанхайская модель	
	Экономические	Финансовая	Бреттонвудские соглашения	Бреттонвудские соглашения	Рубль как резервная валюта
		Торговая	Генеральное соглашение о тарифах и торговле	Всемирная Торговая Организация	Региональные торговые союзы и соглашения
	Институциональное	Западные Правила Игры	Западные Правила Игры	Правила Игры для не-Западной модели мироустройства	
	Гуманитарное	Классический гуманизм	Новый гуманизм	Мировоззрение новый не-Западный гуманизм	
–		–	–	–	

¹ Коновалов А. Мир не должен быть многополярным // НГ-ПОЛИТИКА, 2008. Вторник, 16 сентября. С. 16.

² Приведено по: Беликов Е., Красников Н. Райс недаром злится. Прошла её пора... // Комсомольская правда, 2008, 20 сентября. С. 3.

³ Приведено по: Химшиашвили П., Тельманов Д. МИД ответил на обвинения Кондолизы Райс // ГАЗЕТА, 2008, 22 сентября. С. 4.

⁴ Кузнецова А. О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования. М., 2007. С. 642–656; Кузнецов В. Единство и самостоятельность основных измерений не-Западного мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок... С. 7–8; Кузнецова А., Кузнецов В. Смысл роли России в утверждении справедливого мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок... С. 657–660.

Источник: Кузнецова А., Кузнецов В. Смысл роли России в утверждении справедливого миропорядка XXI века // *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования.* М.: 2007. С. 660.

Теперь можно рассмотреть некоторые новые институты, которые, по моему мнению, обозначились в 2005–2008 годах, как «*становящиеся*», «*формирующиеся*» институты справедливого мироустройства XXI века. С учётом формата статьи, изложение тезисное.

Новым, важнейшим институтом справедливого мироустройства XXI века можно фиксировать, по моему мнению, впервые оформившийся феномен – «**мировое интеллектуальное созидающее лидерство как фактор глобального влияния**».

К таким институтам – странам необходимо, по состоянию на октябрь 2008 года, причислить Россию, Китай, Индию, Бразилию, Южно-Африканскую Республику, Мексику.

Лидеры этих стран, их народы энергично, достойно и эффективно создают, продвигают и утверждают новый справедливый мировой порядок, новое справедливое мироустройство XXI века. Здесь приоритет культуры жизни, культуры мира, культуры безопасности. Здесь в центре внимания – достоинство и благополучие каждого человека, каждой семьи, каждого народа. Здесь формируется умная, мудрая, сильная, справедливая и ответственная национальная безопасность, региональная безопасность, международная безопасность.

Доказательства:

• 8 октября 2008 года в разгар мирового финансового кризиса весь мир с вниманием и уважением слушал программную речь Президента России Дмитрия Медведева на конференции по мировой политике в Эвиане (Франция). Особое внимание у аудитории в зале, у многомиллионной аудитории СМИ было обращено «к российскому видению нового мирового порядка – к принципам самоорганизации **"в справедливом, многополярном мире"**»¹. (Выделено мною. – А.К.).

Основная часть выступления Президента России Дмитрия Медведева впервые была посвящена обобщению содержания и структуры предложений России для Европы и всего мира по подготовке переговоров, ориентированных на эффективную безопасность XXI века.

«– Современной Евроатлантике нужна позитивная повестка дня, – заключил Медведев. – События на Кавказе подтвердили абсолютную правильность идеи нового Договора о европейской безопасности. Эта система должна быть равной для всех государств без изоляции кого-либо и без зон с разным уровнем безопасности. Она должна будет призвана объединить всю Евроатлантику на основе единых правил игры и на долгие годы в юридически обязывающей форме обеспечить общие гарантии безопасности.»

Со своей стороны российское руководство вчера внесло пять основополагающих положений нового договора. Прежде всего в нем должны быть закреплены базовые принципы безопасности на основе добрососедства, уважения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств.

"Во-вторых, следует ясно подтвердить недопустимость применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях", – подчеркнул Дмитрий Медведев. – Конфликты же должны урегулироваться исключительно в мирном ключе путем поиска "переговорных развязок".

– Третье – это гарантии обеспечения равной безопасности, – продолжил российский лидер. – Здесь нужно следовать трем "не", а именно не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других, не допускать действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности, и, в-третьих, не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора.

Четвертым пунктом Москва пытается прервать своеобразную гегемонию США на роль мирового гаранта стабильности. "Важно подтвердить, что ни одно государство или международная организация не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в регионе", – заявил Медведев. Правда, тут же оговорился, что и России это касается в полной мере.

И последний, пятый пункт предполагает установление базовых параметров контроля над вооружением и разумной достаточности в военном строительстве.

"Подчеркну – мы не предлагаем ничего разрушать из того, что имеется, – обратил внимание Запада российский лидер. – Речь идет о более гармоничной деятельности на основе единых правил".

Россия не собирается при этом навязывать Европе и миру свои правила безопасности. Наоборот, Москва активно выступает за работу над договором экспертного сообщества и конечно же внесения идей европейскими партнерами. "Но в любом случае "ремонт" европейской архитектуры безопасности необходимо ускорять, – считает Дмитрий Медведев. – Альтернативой является только ее дальнейшая деградация и обострение кризиса в сфере безопасности и контроля над вооружением»².

А как можно кратко охарактеризовать мирового лидера XXI века – Россию?

¹ Здесь и далее по разделу дан текст В. Кузьмина с обзором выступления Д. Медведева. Цитирование Д. Медведева также осуществлено по обзору В. Кузьмина. См.: Кузьмин В. Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // *Российская газета*, 2008, 9 октября. С. 2.

² См.: Кузьмин В. Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности. С. 2.

Ответ есть: новый мировой интеллектуальный лидер способен создать и предложить всем людям, всем народам востребованный и желанный институт как Институт Главного Смысла мироустройства и Миропорядка: **смысл культуры жизни для каждого человека – справедливость и правда, свобода и ответственность, честность и безопасность, компромисс и доверие.**

Убедительное пояснение для понимания исключительной важности роли России как творца и проводника во всём мире Высшего, Главного Смысла мироустройства принадлежит выдающемуся знатоку России и замечательному патриоту США Николаю Злобину.

Его пояснение представлено в трёх статьях, опубликованных 27.08.2008 г., 10.09.2008 г., 16.09.2008 г.¹. Особенно доказателен и убедителен его тезис из статьи «От однополярного мира – к миру беспоплярному».

Здесь Николай Злобин точно и великолепно по стилю поясняет свою позицию. «Российский президент был абсолютно прав, когда сказал, что мир после августа 2008 года стал совершенно другим. Каким, пока непонятно.

США, и сейчас оставаясь единственной сверхдержавой мира, не справились с ролью единственного центра силы, – констатирует Н. Злобин, – способного нести полноценную ответственность за все на ней происходящее, обеспечивать стабильность и динамичное развитие мировой системы. Подавляющее большинство стран воспринимали миропорядок, сложившийся после окончания "холодной войны", как несправедливый, ибо все основные решения принимались в Вашингтоне. Особенно болезненно это воспринималось Москвой, которая поставила целью своей внешней политики сделать все, чтобы ликвидировать доминирование США. Сегодня говорить о таком доминировании не приходится, однако справедливости ради надо сказать, что основной вклад в его ликвидацию внесли сами США руками администрации Буша, безусловно, одного из самых неудачных президентов за всю историю этой страны. Вся мировая история однозначно свидетельствует, что любая монополия, даже самая мудрая и богатая, обречена на неудачу»².

Именно в контексте обоснования Николаем Злобиным своей позиции по поводу роли США и России в трансформациях мирового порядка привлекает внимание суждение выдающегося учёного и общественного деятеля Жана-Франсуа Ришара, экс-вице-президента Всемирного банка, автора новой концепции управления на основе функционирования глобальных исследовательских сетей.

Он выступал с лекцией 7 мая 2007 года в Петербургском университете в рамках Проекта Информационного Агентства «РОСБАЛТ» – «*Мировые интеллектуалы в Санкт-Петербурге*».

Вопрос «Росбалта»: «**Есть ли что-то, что Вы хотели бы сказать специально гражданам России?**»

«**Мир нуждается в новом моральном и интеллектуальном лидере**, – отметил Жан-Франсуа Ришар, – **который бы показал пример нового глобального мышления.** Раньше, я полагаю, таким моральным лидером были США. И это признавали даже те, кто не любил США. Однако в последнее время они утратили это лидерство – своей позицией по Киотскому протоколу, по Международному уголовному суду. Ситуация с Ираком тоже нанесла вред репутации США. Европа пока не готова стать новым лидером. **Мир был бы приятно поражен, если бы таким лидером нового мышления стала Россия.** Лидером, чьи усилия направлены вовне – на решение общемировых проблем, в отличие от стран, которые встают на позицию исключительно защиты своих частных интересов. Стать лидером нового глобального мышления – это могло бы принести много пользы и самой России, и всему миру.

Вы видите к этому какие-то предпосылки или это только Ваши надежды?

Это мои надежды, но и предпосылки есть, например, присоединение России к Киотскому протоколу, которое обеспечило кворум. Я был этим приятно поражен. Россия могла бы встать на позицию защиты своих узких экономических интересов, но она оказалась способна мыслить шире. Это вселяет надежды»³. (Выделено мною. – А.К.).

Смысл роли России в понимании факта наличия интеллектуального, нравственного и влиятельного положительного Субъекта формирования мироустройства в XXI веке помогают раскрыть итоги нескольких социологических исследований, осуществлённых в 2007 году: по итогам исследований в США летом 2007 года (аналитическая модель «Глобальный барометр влияния», разработанная Дэнверской исследовательской группой и газетой «Вашингтон пост») Россия вышла на первое место в сообществе наиболее мощных субъектов на мировой арене⁴.

Всё более значимой воспринимается *четвёртая* особенность функционирования феноменов «мироустройство» и «миропорядок», которая может быть охарактеризована как процессуальность.

Здесь исходное понятие – процесс, которое выражает взаимосвязь конкретных состояний жизнеобеспечения общества с их переменами, изменениями, трансформациями с учётом определённого времени и пространства. Процессуальность объединяет форму, содержание,

¹ Злобин Н. Россия развязала всем руки // Ведомости, 2008, 27 августа; он же. От однополярного мира – к миру беспоплярному // Российская газета, 2008, 10 сентября; он же. Возможности дезинтеграции // Ведомости, 2008, 16 сентября.

² Злобин Н. От однополярного мира – к миру беспоплярному // Российская газета, 2008, 10 сентября. С. 3.

³ Чеснокова Т. КРЕДИТ НА РАЗВИТИЕ: Россия могла бы стать новым моральным лидером Мира, считает бывший Вице-президент Всемирного банка Жан-Франсуа Ришар // Смысл, 2007, № 7, 16–31 мая. С. 45.

⁴ Красиков Н. Россия стала самой влиятельной страной в мире // Комсомольская правда, 2007, 17 сентября.

структуру, процедуру, регламент, сам процесс принятия решений с их последующим осуществлением по поводу перемен, принятия Правил Игры и составления Повестки дня с их последующей корректировкой.

Применительно к современным общественным наукам, проблема процессуальности в контексте экономических, политических, социологических исследований нашла своё выражение в развитии институциональной экономики, институциональной политики, институциональной социологии¹.

Характерно, что в ситуации необходимости в оптимальные сроки решить масштабные проблемы с финансами и экономикой, безопасностью и экологией вместе с прорывными инновациями формировались и новые процессуальные традиции.

Например, в ходе своего выступления 8 октября 2008 года в Эвиане (Франция) Президент России Дмитрий Медведев предложил по существу для принятия решений по преодолению глобального экономического и финансового кризиса как программу нового мироустройства, так и программы создания новой безопасности (которая уже представлена в статье), преодоления мирового экономического кризиса (пять пунктов действий).

И общая программа (изменения мироустройства, миропорядка) и конкретные подпрограммы (безопасность, экономика), предложенные Президентом России Дмитрием Медведевым могут быть названы, по моему мнению, глобальными гуманитарными регламентами, обеспечивающими новую гуманитарную процессуальность. Это особенно наглядно при ознакомлении с формой, содержанием и структурой его программы по экономике. «Считаю, во-первых, что в новых условиях нужно упорядочить и привести в систему как национальные, так и международные институты регулирования, – заявил российский лидер.

Во-вторых, миру придется избавиться от дисбаланса между объемом выпускаемых финансовых инструментов и реальной доходностью инвестиционных программ. "Конкурентная гонка зачастую приводит к образованию финансовых "мыльных пузырей", – заметил Медведев.

Третий пункт – укрепление системы управления рисками. Причем свою долю риска должен нести каждый участник рынка. "И не должно быть иллюзий по поводу бесконечного роста стоимости любого актива, – предупредил он. – Так не бывает, это противоречит экономической природе".

В-четвертых, необходимо обеспечить максимальное раскрытие информации о компаниях, ужесточать надзорные функции и усилить ответственность рейтинговых компаний.

И наконец, пятый пункт, которого особенно долго добивается от западного мира Россия. "Необходимо сделать доступными для всех выгоды от снятия барьеров в международной торговле, от свободы перемещения капиталов", – считает Медведев.

Более того, Россия предлагает пересмотреть деятельность существующих международных экономических институтов и создать новые. "Еще 90-е годы проявили неэффективность однополярной экономической модели, – уверен, российский лидер. – Ее опоры – МВФ и ВТО – тогда себя серьезно дискредитировали".

Сегодня этот процесс в чем-то продолжается. "На примере США мы видим, что переход от саморегулируемого капитализма по сути к "финансовому социализму" достигается за один шаг, – отметил Медведев. – Налицо готовность национализировать один актив за другим. Новыми факторами на этом фоне стали бы формирование новых финансовых центров и сильных региональных валют".

Россия со своей стороны готова активно работать над оздоровлением мировой финансовой системы, но не собирается этим заниматься в старых форматах. Например, "большой восьмерки". Сегодня важно привлекать другие ключевые экономики, такие как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, ЮАР»².

Таким образом, вместе четыре особенности функционирования феноменов «мироустройство», «миропорядок» начинают формировать образ, содержание, структуру и «гуманитарный регламент» – процессуальность – востребованного народами всех стран «справедливого мироустройства».

Определённо можно утверждать, что в рамках современной институциональной политологии необходимо и возможно обозначить перспективную, по моему мнению, научную проблему – феномен справедливое мироустройство как основание гуманитарной безопасности XXI века.

Ровно пятьдесят один год назад Питирим Сорокин представил XIX Международному конгрессу социологов в Мехико (1960 г.) свой доклад «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу»³. Текст П. Сорокина начинался с

¹ Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005; Сухарев А.И. Институциональная политика: Политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире. М., 2004; Кузнецов В.Н. Институциональная социология как наука о мироустройстве // Безопасность Евразии, 2008, № 1.

² Приведено: Кузьмин В. Мир в праве: Дмитрий Медведев представил в Эвиане пять пунктов европейской безопасности // Российская газета, 2008, 9 октября. С. 2.

³ Sorokin P. Convergence of the United States and USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 1.

главного утверждения учёного: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому ("свободное предпринимательство") типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи несогласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа»¹.

Как и более чем 50 лет назад тема конвергенции, компромисса для дела продвижения к реальному формированию справедливого мироустройства является дискуссионной, важной и востребованной, по мнению автора статьи.

Стремительность перемен во внутренней политике России в период 2006–2010 годов всё более ощутимо сопровождается значительными изменениями ключевых смыслов, определяющих внешнюю политику, содержание международных отношений.

Поучительным примером может стать, по моему мнению, интеллектуальная доминанта первого американо-китайского экономического и стратегического саммита (Вашингтон, 27–28 июля 2009 года). В ходе его открытия 27 июля госсекретарь США Хиллари Клинтон озвучила важный политический смысл: «стратегия многопартнерства»². Если соотнести этот феномен с тезисом Президента США Барака Обамы, предложенным им в этот же день – «отношения между США и Китаем будут формировать XXI столетие»³ – то можно предположить, что политика мироустройства, политика миропорядка XXI века становятся весьма и весьма актуальными.

Для понимания главных тенденций, влияющих на формирование политики справедливого мироустройства в России, в других странах, очень важно определение самой ситуации с проблемой миропорядка и мироустройства, которое предложил известный российский писатель, аналитик и публицист С.Н. Белкин: «...конструктивное объяснение смысла необратимой деформации миропорядка и мироустройства на рубеже 2008–2009 годов занимает сегодня лидирующее место в обеспечении конкурентоспособности каждой страны – сегодня это самый дорогой товар, самый наукоемкий»⁴.

С учётом исследований Е.М. Примакова, В.Н. Кузнецова, Э.Г. Кочетова, С.Н. Белкина, Е.В. Сапир, С.Е. Кургиняна; а также Наоми Кляйн⁵, Фарида Закария⁶, Жака Аттали⁷ можно наметить такие ключевые тенденции для политики справедливого мироустройства: субъектно-созидательная, предотвращающая возможность глобальной войны, эвристическая – содействующая пониманию реальных и возможных перемен.

ГЕОКУЛЬТУРА КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА ДЛЯ МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА

Важнейшей особенностью обозначившихся глобальных тенденций, характеризующих перемены и устойчивость в основах мироустройства XXI века для реальностей первой половины 2011 года, можно назвать, по мнению автора статьи, всё более широкое и глубокое проявление институционального и гуманитарного измерения. Такие особенности для модели мироустройства, выходящего из глобального кризиса 2008–2011 годов, наиболее полно определяют важность геокультурной компоненты в единой гуманитарной парадигме XXI (геокультура, геоэкономика, геополитика).

В качестве основных институтов «модели мироустройства XXI Анны Кузнецовой и Вячеслава Кузнецова»⁸ необходимо отметить два института. Во-первых, для сложных глобальных кризисных событий в сферах культурного, экономического, политического определёнno плодотворно именно в гуманитарном аспекте проявилось позитивное стабилизирующее влияние «Совместной Декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке»⁹, подписанной в Москве 1 июля 2005 года Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао (см. приложение).

Во-вторых, всё более значимым гуманитарным, институциональным глобальным фактором становится работа Комиссии ООН по мироустройству¹⁰ и деятельность ООН и многих от-

¹ Sorokin P. Convergence of the United States and USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 1.

² Приведено по: Ключихин Е. От многополярного мира к многопартнерскому // Независимая газета, 2009, 3 августа.

³ Приведено по: Кочелягин Н. Экспортный диалог. В Вашингтоне открылся первый американо-китайский саммит // Время новостей, 2009, 28 июля. С. 8.

⁴ Приведено по: Кочетов Э.Г. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геоэкономические заделы (программа действий) // Безопасность Евразии, 2009, № 3. С. 319.

⁵ Кляйн Наоми. Доктрина шока: Становление капитализма катастроф. М., 2009.

⁶ Закария Фарид. Постамериканский мир. М., 2009.

⁷ Аттали Жак. Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб, 2009.

⁸ Кузнецова А., Кузнецов В. Смысл роли России в утверждении справедливого мироустройства XXI века // Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования. М., 2007. С. 660.

⁹ Полный текст Декларации приведён: Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок. М., 2007. С. 668–671.

¹⁰ Денисенко В.С. Концептуальные основы безопасного мира // Мир и политика, 2009, № 12. С. 39.

дельных организаций, граждан по обновлению концепции устойчивого развития для обсуждения в Бразилии (2012) на Всемирном Саммите «Рио+20».

Всё более значимой политологической научной проблемой, с учётом роста влияния гуманитарного, институционального на современный миропорядок, на мироустройство для достижения гармонии между устойчивостью и изменчивостью, становится исследование взаимодействия патриотического, космополитического, национального и культурного.

29 января 2009 года госсекретарь США Хилари Клинтон объявила о назначении руководителем Отдела политического планирования госдепартамента США Анны-Мари Слотер. Именно здесь работали в своё время Фрэнсис Фукуяма и Джордж Кеннан.

Можно, достаточно условно, обозначить два этапа в научном творчестве Анны-Мари. *Первый этап* – подготовка и публикация научной монографии «**Новый мировой порядок**», которая была опубликована в 2004 году¹.

По существу, это одно из первых фундаментальных исследований в контексте геокультурной парадигмы, в котором мир XXI века рассматривается как Культура–Сеть (это мнение автора статьи).

А вот интересное свидетельство Алексея Фененко.

«Взяв за основу в общем-то хорошо известную идею о нарастании международной роли сетей, – поясняет он, – автор развила ее в довольно мощную по-своему блестящую аналитическую схему, превосходно "схватывающую" целый ряд важнейших новых аспектов развития международной системы и в этом смысле очень полезную для исследователя. С интерпретациями автора не обязательно соглашаться полностью. Довольно и того, что труд А.-М. Слотер будит мысль и добавляет новое реальное знание о международной системе. Выводы автора – приглашение к серьезной дискуссии о векторе развития современного миропорядка и соотношении "государственного" и "сетевого" начал в международной политике»².

В период публикации этой книги Анна-Мари Слотер работала деканом Школы Вудро Вильсона общественных и международных дел при Принстонском университете, а также Президентом Американского общества международного права. Интересен отзыв издателей её книги, представленный на левом клапане суперобложки книги.

«Таким образом, современный политический мир состоит из государств, чьи составные части быстро становятся столь же важны, как и их центральное руководство. Слотер не только описывает эти сети, но также обрисовывает схему (план) как они могут усовершенствовать мир, – констатируют издатели книги. – Несмотря на демократическую необходимость отчитываться, этот новый мировой порядок не тот, в котором некое "мировое правительство" осуществляет глобальные предписания. Правительства, которые мы уже имеем дома, являются нашей главной надеждой на обуздание проблем, которые мы видим за границей, в сетевом мировом порядке»³.

На четвёртой стороне суперобложки представлен великолепный содержательный отзыв известного политолога Фариды Закария. «В современном мире всюду видны глобальные сети от столичных рынков до нелегальных наркотиков и терроризма. Следовательно, пишет Анна-Мари Слотер в этой важной и оригинальной книге, сейчас управление становится глобальным. Слотер убедительно аргументирует нарастание естественного международного порядка, основанного не на великих теориях мирового управления, а на повседневных контактах и связях между правительствами. Она представляет видение глобального управления, которое существует практически и кроме того может иметь чрезвычайные нормативные последствия. Перешагивая через традиционные ограничения международного права и международных отношений, эта книга будет в ближайшее время обсуждаться в обеих этих сферах»⁴.

Второй этап – подготовка и публикация книги «**Идея, которая есть Америка: Хранить веру в наши ценности в опасном мире**»⁵.

Издатели книги так изложили мысли автора о смысле новой работы Анны-Мари Слотер. «*Идея (идеал) Америки* напоминает нам существенные принципы, на которых была основана наша страна: свобода, демократия, равенство справедливость (правосудие), терпимость, сдержанность (умеренность) и вера. Это те ценности, которые сформировали нашу историю и которые связывают нас как нацию. Мы боремся за то, чтобы сделать их реальными посредством движений за гражданские права женщин, афро-американцев и других меньшинств; через кампании за религиозную терпимость и терпимость к наплыву эмигрантов; через требования прав голоса и равной защиты со стороны закона; и через постоянное реформирование и противодействие, которые определяют нашу демократию. Когда мы стремимся продвинуть и под-

¹ Anne-Marie Slaughter. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004. 341 p.

² Фененко А. Сети и государства в мировой политике // Международные процессы. 2005. Том 3. Номер 1, январь–апрель. С. 116.

³ Anne-Marie Slaughter. A New World Order. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.

⁴ Ibid.

⁵ Anne-Marie Slaughter. The Idea that Is America: Keeping Faith with Our Values in a Dangerous World. New York: BasicBooks; London: Perseus Running [distributor], 2007. XVIII, 254 p.

держат эти ценности в остальном мире, мы должны быть честными относительно этой борьбы и относительно наших собственных недостатков. Мы должны многому научиться у других народов так же, как и многому научить.

Американцы нуждаются в основанной на ценностях внешней политике, которая верна нашим действительным ценностям. *Американская идея* предлагает набор (перечень) целей внешней политики, которые соответствуют этому стандарту и которые обуславливают дорожную карту для возвращения нашего народа на курс в мире. Мы как народ не можем позволить себе отказаться даже от малейшей части идеи, которая есть Америка¹.

Вот интересные заголовки статей о книге Слотер:

- A wonderful manifesto for enlightened patriotism, June 21, 2007.
Манифест патриотизма.
- Not cynicism, not nationalism, but patriotism, September 3, 2007.
Не цинизм, не национализм, а патриотизм.

Вот такая дорожная карта:

2004 год – новый мировой порядок;

2007 год – манифест патриотизма;

2009 год – госдепартамент США, руководитель Отдела политического планирования.

* * *

Существует определённый культурный лаг между античным понятием «*patria*» и современными терминами типа «отечество» и «фатерланд». Верность родным местам или, по А.С. Пушкину, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» является, безусловно, очень сильным чувством, но исторически эти чувства укладывались в Европе несколько в иной смысловой контекст, нежели в Греции и Риме. В период европейского средневековья под королевские знамёна, скажем, Габсбургов вставали люди, которые отнюдь не были объединены общим местом рождения, и даже не говорившие на одном языке. Верность королю и готовность умереть во славу короля были первой и важнейшей составляющей средневекового европейского патриотизма. Другой важнейшей составляющей было христианство, отражающее чувства братства по вере независимо от этнической принадлежности или места рождения.

Современная версия западноевропейского патриотизма стала развиваться наряду с формированием наций-государств в эпоху перехода к индустриальному обществу. Понятие «*patria*» стало трактоваться как верность и самопожертвование именно во имя интересов и свободы нации и государства. Как известно, нация-государство возникает во время Великой Французской Революции и отражает возникновение иного типа легитимности государственной власти. Теперь власть осуществляется как бы от имени всей нации, к которой принадлежат все проживающие на данной территории на момент образования нового государства. При этом нация приобретает некую сакральную сущность, которая выражается в идее и ценности бескорыстной любви к ней всех принадлежащих к данной общности людей, именно поэтому от имени нации и можно в морально безупречном плане требовать жертв. А ценность жертвенности во имя нации становится в XIX–XX веках непререкаемой. Как образно пишет один из оригинальнейших современных мыслителей Б. Андерсон: «Смерть за Родину, которую обычно не выбирают, приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию, американскую медицинскую ассоциацию или, скажем, за "международную амнистию", ибо это такие организации, в которые можно по собственной воле войти и от туда же по собственной воле выйти. Смерть за революцию тоже черпает свое величие в той степени, в какой ее понимают как нечто изначально чистое»².

От имени нации и Родины (что практически становится синонимом) можно справедливо и морально требовать запредельных усилий. Идеологическое содержание патриотизма здесь явно просматривается, как и идеологический механизм сильнейшего эмоционального воздействия, основанного на интерпретации ситуации в духе «кто же, если не мы, спасёт Родину». Вообще патриотическая поэзия и музыка национальных гимнов задаёт переживание одновременности и сходной интерпретации событий множеству незнакомых друг другу людей. Понятие «Родины» реифицируется (овеществляется) вне времени, отведённого на индивидуальную жизнь и историю (Родина и нация как бы вечны, с точки зрения идеологии национализма). Исполнение гимна отдаётся эхом физического осуществления воображаемого сообщества, когда весь «народ» в едином порыве встает и т. п.

В Новое время появляется и новая структура управления, вовлекающая граждан (а не подданных короля) в процесс формирования властей (выборы, плебисциты, референдумы).

Но самое главное, в данном случае, это формирование новой легитимности государственной власти, основанной на национализме и патриотизме. Например, в гимне Франции, знаменитой Марсельезе поётся о Родине как об отечестве и о гражданах Франции, как о сыновьях отечества: «Вперед, сыны отчизны!» (А не слуги короля). И это не просто смена стиля риторики. Традиционно правители средневековой Европы боялись вооружать народ (подданных), предпочитая профессиональные армии, или армии, комплектуемые на основе сословной

¹ <http://www.princeton.edu/~slaughtr/books/america/index.html>

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кусково-поле», 2001. С. 162.

принадлежности. Новые государства-нации сделали службу отечеству с оружием в руках «почётной обязанностью» для всех граждан (тем более что сословия были юридически ликвидированы), что привело к созданию массовых армий. **Гражданский патриотизм** во многом служил идеологической основой побед французской армии во времена Наполеона.

Гражданский патриотизм и национализм спланировали жителей Пруссии на борьбу против Наполеона¹.

Думается, те, кто стоял у истоков формирования наций-государств хорошо понимали роль патриотизма в их создании и становлении. Понимали они также и то, что патриотизм, как инструмент создания новой легитимности государства и новая интегрирующая идеология, должен поддерживаться усилиями государственной власти. Как выразился Массимо Тапарелли, после победы в битве при Савойе в 1861 году: «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев».

Вообще войны и внешний враг являлись тем катализатором, который укреплял патриотические чувства и настроения. Гражданская война в США во многом повлияла на образование американской нации и американского патриотизма, заменив верность своему штату идеей верности всей стране. Даже лингвистически это нашло своё отражение в том, что США до 1861 года грамматически считались множественным числом, а после 1865 года стали считаться единственным числом². Единственное число здесь подчёркивает единство страны. В Европе Первая Мировая война послужила причиной полного оформления идеи патриотизма и готовности жертвовать собой во имя своего государства и нации. Церковь даже стала причислять павших на поле брани за отечество к лику христианских святых, пополняя их классические ряды рядами уже национальных героев.

Но патриотизм в Европе никогда не был на сто процентов универсальным и гомогенным. Армии и в Новое время могли комплектоваться на не совсем национальной основе (примером служит Австро-Венгерская армия). После Первой Мировой войны произошёл поворот в сторону более универсальных идеологий (национал-социализма и коммунизма), которые выдвинули свои версии патриотизма – расовый и классовый. Гитлер и его сторонники настаивали на том, что не просто Германия превыше всего, но Германия, как фатерланд арийской расы, призванная стать основой тысячелетнего рейха, где арийцы (к которым, кстати, относились не только немцы) станут играть главенствующую роль. Коммунисты сначала выдвинули лозунг относительно отсутствия отечества у пролетариата, обвинив государственных деятелей буржуазных стран в «лже-патриотизме», который отражает классовые интересы буржуазии в ущерб интересам рабочих. Поэтому во главу угла ставился интернационализм во имя построения Мировой Республики Советов. Однако Гражданская война и иностранная интервенция в России привели к переосмыслению ценности патриотизма. Защита СССР как социалистического отечества и забота о его процветании стали трактоваться как патриотический долг пролетариев всех стран и, естественно, граждан СССР.

После распада СССР и мировой социалистической системы в Европе вновь стал актуален вопрос о национализме и патриотизме. Именно они стали идеологической основой оформления новых государств в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В Западной Европе на волне интеграционных процессов сегодня наблюдается феномен общеевропейского патриотизма. Даже в Китае с 1980-х годов произошёл поворот от революционной идеологии к «патриотическому воспитанию молодёжи» и импорту европейской модели культивирования патриотизма.

Сегодня можно различить пять главных, версий понимания патриотизма, существующие в большинстве стран:

- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
- ЭТНИЧЕСКИЙ
- РАСОВЫЙ
- КЛАССОВЫЙ
- ОБЩЕГРАЖДАНСКИЙ.

Государственный патриотизм характеризуется тем, что государство в нём рассматривается как объект патриотизма. Главная идея этой версии означает понимание патриотизма как проявления его субъектами чувства особой гордости за Державу, их активное участие в укреплении государства и государственности как первоочередного условия эффективного функционирования и развития социальных институтов общества и личности. При таком подходе патриотизм рассматривается как стержень, необходимое условие любой государственности. Идея государственного созидательного патриотизма, преследуя цель создания мощного, демократического

¹ Исторически прусская армия формировалась не по национальному признаку и в ходу даже была шутка, что Пруссия это не страна, которая имеет армию, а армия, которая имеет страну.

² По-английски сегодня словосочетание США используется в единственном числе. Например, The SA is a big country, а не age, как того требуют грамматические правила английского языка, ведь существительное «штаты» находится во множественном числе.

государства, может стать основой идеологии единого Отечества, источником консолидации общества, антитезой прогрессивной формы глобализации.

На современном этапе развития российского общества подъём и укрепление патриотизма во многом ассоциируется в качестве важнейшего фактора возрождения России как великой державы. Он требует любви к Отечеству как к сообществу граждан одного государства независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, признания приоритета государственных интересов над групповыми и личными; общности культур народов данного государства, их общей истории, целей и идеалов, общих прав и обязанностей, не только юридических, но и моральных¹.

Этнический патриотизм выдвигает на первый план родоплеменную (этнос по-гречески и означает народ, племя) идентичность человека, его связь с историей и культурой своего этноса. Такая версия патриотизма востребована этническими элитами и служит легитимации этнократических политических режимов.

Расовый патриотизм сегодня акцентирует противостояние по расовому признаку. В Европе и России набирают популярность идеи единства «белых» (особенно на волне сокращения численности европейских народов и роста числа иммигрантов из Азии и Африки) против засилья выходцев из африканских и азиатских стран. Расовый патриотизм проявляется также и в зеркальном варианте, как идеи создания чисто «чёрного государства» (Зимбабве) или нации ислама в США (которая носит «чёрный» расовый характер).

Классовый патриотизм в его коммунистической версии уже описан выше, но, по мнению ряда исследователей, он сегодня дополняется, во-первых, идеей «золотого миллиарда» (the west and the rest), как совокупной «классовой идеей» жителей экономически развитых стран, а, во-вторых, классовым патриотизмом «новых русских», заинтересованных в сохранении и легитимации своего контроля над крупной собственностью в России. Характерной в данной связи является точка зрения известного российского учёного (кстати, хорошо известного на Западе) Б. Кагарлицкого. Он пишет, что «классический либерализм уже становится непригоден для нового российского государства в качестве официальной идеи. Ибо либерализм все-таки обещает свободу. Если не сейчас, то когда-нибудь в светлом будущем. В этом смысле либерализм как идеология при капитализме сталкивается с теми же проблемами, что и "коммунизм" в советские времена: те, кто его лозунги принимает слишком серьезно, начинают требовать обещанного, предъявлять претензии власти, создавать проблемы. От "коммунизма" требовали справедливости, причем не на словах, а всерьез. От либерализма требуют свободы. Для всех. И хуже того – равенства прав. Русское государство бедное. Оно в отличие от Европы не может позволить себе политического либерализма и корпоративного капитализма одновременно. Государство и корпорации нуждаются в новой руководящей идее. **Ею становится державный патриотизм. Премущество державного патриотизма в том, что мы должны любить свое государство не за что-то, а просто так.** Не требовать перемен, а восхищаться тем, что есть. И очень важно не перепутать. Любить надо не родину, а исключительно государство».

Общегражданский (общенациональный) патриотизм сегодня выглядит одним из самых перспективных, хотя его российская версия ещё не оформилась до конца. В данном случае социально-классовые различия как бы предлагается отодвинуть на второй план, а на первый план выдвигаются проблемы формирования общей идентичности на основе:

- ЛЮБВИ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ (ТЕРРИТОРИИ ВСЕЙ СТРАНЫ).
- УВАЖЕНИЯ И ВЕРНОСТИ ДЕЯНИЯМ ПРЕДКОВ (ГРАЖДАН ДАННОГО ГОСУДАРСТВА) И ГОРДОСТИ ЗА СВОЮ СТРАНУ.
- ЧУВСТВА СОПРИЧАСТНОСТИ СУДЬБАМ ВСЕЙ СТРАНЫ И ГОТОВНОСТИ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕЁ СУДЬБУ.

Как было сказано выше, миф – неотъемлемый атрибут идеологии. Он вбирает в себя архетипы и выстраивает их в определённой конфигурации. Миф о России – Третьем Риме, вряд ли станет основой для новой консолидации, при всём уважении к православной религии и РПЦ. Как показывают исследования дискурса прессы и работ историков, философов и социологов, его конкурентами являются три основных мифа: 1) миф об острове Россия; 2) миф об общеевропейском доме для России; 3) евразийский миф. Судя по всему, именно евразийский миф активно завоевывает позиции. Это можно заметить и в настроениях масс, и в набирающих популярность трудах по геополитике, и в выступлениях политических элит. Как отмечает А.Н. Окара: «Евразийство – это универсальный цивилизационный и геополитический миф для России, но миф, так сказать, с неотредактированными, неувязанными между собой смыслами... Евразийские идеологии могут использоваться и в качестве пропагандистской фразеологии, и в качестве словесно завуалированных концептуальных установок – в любом случае они способны изменить не только всю политическую риторику, но и сам государственный дискурс: понятийный аппарат власти может обогатиться, положим, такими категориями, как "идеократия", "гарантийное государство", "цивилизационная уникальность", "серединная земля", "между Европой и Азией", "растянутая инфраструктура", "мобилизационный тип развития", "минусовая изотерма января" и т. д. Остает-

¹ Иванова С.Ю. Государственный патриотизм – альтернатива идеологии национализма и космополитизма // Социально-гуманитарные знания, 2003, № 3.

ся лишь отредактировать смыслы...»¹. На наш взгляд, в существующих условиях большей функциональностью будет обладать акцентуация европейской составляющей данного мифа, в том плане, что Россия всё же одновременно является и частью европейской цивилизации.

Данный миф должен упаковываться в нарративы, связанные с ходом российской истории и текущими политическими программами. Большая роль в данном случае принадлежит исторической реконструкции (а по сути, конструированию) исторических и политических сюжетов в учебниках, прессе, кино, ТВ и т. п.).

Идеология неотделима от проектной составляющей. Именно проект придаёт консолидирующим идеологиям личную притягательность для граждан. В настоящий момент, как показали исследования, публично соперничают следующие проекты, претендующие на консолидирующую роль, хотя и скрытые под широко распространёнными идеологиями патриотизма, социального государства и демократии: 1) патриотический проект, основанный на национал-коммунистических идеях (КПРФ); 2) патриотический проект, основанный на социал-консервативных идеях (Единая Россия); 3) либерал-патриотический проект (А. Чубайса и СПС); 4) социал-демократический патриотический проект (С. Глазьев и Родина); 5) либерально-олигархический проект (Б. Березовский и Либеральная Россия).

Особая роль в формировании общероссийского патриотизма принадлежит концепции национальной истории, которая во многом определяет национальную (в смысле общегражданскую) идентичность.

Негативную роль в этом плане для общероссийской идентичности играют этноориентированные версии учебных программ и учебников по истории в школах некоторых республик в составе Российской Федерации. Педалирование проблем этничности в изучении общегражданского курса истории, особенно в стиле обвинений России и русских в «имперскости» и угнетении малых народов, приводят к расщеплению единой российской идентичности. Формируется особенное чувство обиженного народа и стремление к реваншу. Думается, не стоит говорить о том, что испытывают русские дети, когда на уроках изучаются проблемы «исторических обид». В данном случае о формировании единых патриотических чувств говорить не приходится.

Вообще патриотизм является одним из признаков, по которым люди отличают «своих» от «чужих», «хороших» от «плохих». Политолог В. Янов выдвигает понятие «Sombepatriotism» (мрачного патриотизма), в котором заложена фобия всего чужого. Такой патриотизм в России неизбежно связан с проблемой этнического и национального самоопределения. По данным социологических исследований, проведённых под руководством директора Института социологии РАН Леонаиды Дробизевой, две трети представителей титульного населения Татарии, Осетии и многих других республик считают себя исключительно или преимущественно гражданами Татарии, Якутии, Осетии. А две трети русских считают себя жителями и гражданами России. Таким образом, для татар, якутов и осетин патриотизм – татарский, якутский и осетинский, а для русских – российский и русский. В таком случае угроза «расколота́й идентичности» встаёт во весь рост.

Но без оформившейся в России патриотической идеологии на базе общероссийской гражданской идентичности невозможна консолидация нашего общества и решение социально-экономических проблем, а, в конечном счёте, и выживание нашей страны в новом веке.

Необходимо особо отметить, что в современных условиях патриотическое сознание представляет собой как бы равнодействующую между **двумя противоборствующими тенденциями**: одна из них выражает стремление к обособлению данного народа и его культуры от других народов и культур, основываясь на различиях между ними; вторая тенденция придаёт отношению граждан к своему отечеству характер открытости к сотрудничеству, способствуя использованию феномена различия в качестве условия **взаимопритяжения** между народами и **взаимообогащения** их культур.

Здесь мы вплотную подошли к центральному вопросу о необходимости различения идеологии и культуры патриотизма.

Сущностью идеологии как формы общественного сознания является не **познание и пространство истины**, а **воздействие** на сознание и поведение людей в определённых интересах и целях. Эта сущность реализуется тремя способами:

1) **осмысления** процессов общественной жизни с позиции интересов, потребностей и целей определённых общественных групп;

2) **приобщения** людей к вере в необходимость и справедливость осуществления определённых идеалов и ценностей;

3) **присоединения**, мобилизации людей к участию в реализации этих идеалов и ценностей.

Данный процесс, в свою очередь, регулируется двумя путями: во-первых, с помощью влияния «естественных» условий жизни и, во-вторых, с помощью воздействия политических ин-

¹ См.: www.russ.ru/politics/20020508-okar.html.

ституты, внедряющих в общественное сознание по официальным и неофициальным каналам определённые идеи, нормы поведения и ценности.

Следует различать категории **государственной идеологии** и **идеологии государства**. Первая представляет собой установленную правящим политическим режимом, строго нормированную мировоззренческую программу развития государства. Вторая же является естественно рождающимся и растущим в процессе национальной политико-социокультурной эволюции сплавом сознания, психологии и культуры народа. Именно идеология государства в силу своего интегративного характера возвышается над множеством частных и групповых, как правило, узкоутилитарных интересов и ценностей. Она представляет собой коммуникативное пространство для всех «частных идеологий», предполагая наличие различных процедур и правил достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между действующими в политике субъектами, превращая конкурирующие социально-политические силы в составляющие единой системы.

В свете сказанного можно прийти к выводу о том, что совершенно не случайно формирование наций и институтов государства во всех странах происходило на основе патриотических настроений и с участием патриотических движений.

Важнейшим смыслом качественно иного характера трансформационных изменений в России в целом является формирование социального взаимодействия нового типа, который всё больше включает в себя социокультурные составляющие и всё больше подчиняется логике духовно-культурной коммуникации. Сама культура при этом является способом ценностного, смыслового понимания действительности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления и развития сущностных сил личности, т. е. сферой поиска, проектирования и конструирования новых социальных и личностных источников и устоев человеческого мира.

Культура – исторически развивающаяся надбиологическая сфера человеческой жизнедеятельности (труд, поведение и общение), благодаря которой обеспечивается воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях. Она хранит и транслирует исторически накапливаемый социальный опыт. Она же генерирует новые программы деятельности, поведения и общения, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества. Она пронизывает все без исключения сферы социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который не нёс бы на себе печать её воздействия. Никакие крупные социальные изменения невозможны без изменений в культуре, ибо в обществе как целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов – социокодом, реализующимся в особой знаковой форме. Многообразие культур и их взаимодействие выступает условием их развития. Однако, что обеспечивает целостность самой культуры?

Отвечая на этот вопрос, академик В.С. Степин отмечает, что существуют так называемые Универсалии культуры, т. е. категориальные формы, в которых осуществляется человеческое сознание, сознание в широком смысле слова (не только мышление, но и переживание, и понимание мира) ... посредством которых сортируется, пакуется и передаётся накопленный опыт. Часто универсалии культуры ещё называют «категориями культуры»¹. Они выполняют функции трансляции исторического опыта; задают не только рациональное понимание мира, но и его эмоциональное переживание; создают целостный образ человеческого жизненного метода в трёх его основных аспектах: отношение к природе, обществу (к другим людям), к духу, т. е. формируют мировоззрение, структура которого задана их смыслом. Поэтому в разных культурах могут быть разные смыслы. Универсалии культуры – это её системообразующие факторы, гены общественного организма. В современный период «общество ищет пути нового цикла цивилизационного развития, нового этапа. Или пойдёт по-старому. Тогда вероятность гибели цивилизации очень велика. Или будет найден выход. Но для того, чтобы найти выход, надо изменить менталитет, или жизненный смысл универсалий культуры»².

В этих положениях – ключ к пониманию места и роли культуры в социальных изменениях. Оказывается, что всё дело в том, какой жизненный смысл несёт в себе та или иная культура, таков и характер социальных изменений. Как уже отмечалось выше, культура не есть нечто прирождённое биологически. Она является достижением исторического развития человечества. Нельзя забывать о том, что, например, Э.Б. Тайлору удалось доказать, что культура была ведома и варварам. Кроме того, хорошо известно, что девиантное поведение является результатом взаимодействия ни с чем иным, как с культурой. Подобным результатом, следовательно, могут стать как здоровые, развитые общество и личность и адекватное социальное поведение, с одной стороны, а с другой, – больные общество и личность и девиантное поведение. Социологические исследования также устанавливают тесную связь социальных действий, опирающихся на смысловую регуляцию поведения (в отличие от причинной и ситуативной), с культурой.

Таким образом, культурное развитие – процесс не одномоментный, а длительный, охватывающий по сути своей всю человеческую жизнь и весь исторический путь жизнедеятельности

¹ Степин В.С. Универсалии культуры и типы цивилизационного развития // Гуманитарный ежегодник-1. С. 214.

² См.: Степин В.С. Универсалии культуры и типы цивилизационного развития. С. 216–220.

человечества. Этот процесс – неоднозначный, нелинейный. В нём есть прогресс и регресс, определённый порядок и хаос, духовное возвышение и деградация, дезорганизация, даже превращение в «животное» состояние.

Многомерный подход к определению и исследованию культуры патриотизма как научной категории, повышение её уровня в рамках перехода к новой, интегральной культуре реализуется в принципе целостности, гармонического взаимодействия природы, общества и сознания; всемирно и конкретно-исторических, общецивилизационных и самобытных специфических процессов развития; материальных и духовных отношений и связей: объективного и субъективного (социальной реальности и движущих сил её изменения), идеального и реального, рационального и иррационального, эмоционального естественного и искусственного начал и моментов, макро и микро уровней общественной жизни. Это позволяет существенно продвинуться в понимании категорий патриотизма, Отечества, Родины, поскольку одно дело желать блага своей стране и своему народу, а другое – как понимать это благо и какой народ считать своим.

В этом смысле мы присоединяемся к точке зрения, согласно которой патриотизм можно рассматривать как равнодействующую между «этатизмом» и индивидуализмом, социоцентристской и сугубо личностной ориентацией, когда он формируется на основе консенсуса плюралистических социально-политических и национальных сил и является продуктом взаимодействия социальных инноваций и исторической памяти.

В свете многомерного подхода категории Отечества и Родины, в свою очередь, предстают как формы бытия человечества в конкретном социальном времени и пространстве, когда в современных условиях при закономерном усилении процессов глобализации и всемирно-исторического характера развития общества они локализируются в индивидуальных судьбах отдельных народов .

* * *

Вторая половина 2010 года и весна 2011 года оказались наполненными широким спектром протестных выступлений многих тысяч граждан, особенно молодёжи, во многих странах Азии, Африки, Европы, Латинской Америки.

Общим вектором различных нерешённых проблем во всех этих странах можно определить протест против несправедливости, лжи, бедности и безработицы. В каждой стране самыми тревожными и беспокоящими были разные стороны этого общего вектора, но контекст активных поступков людей, которые вышли на улицу был достаточно устойчивым и узнаваемым: недовольство сложившимся миропорядком, реальным несправедливым мироустройством.

Мотивация, движущие силы протестующих людей практически уже не были связаны с негативными последствиями глобального кризиса.

Люди в России, в других странах потребовали от всех структур власти решительных перемен для защиты своего человеческого достоинства, обеспечения правды, справедливости и безопасности. *По существу, в Повестку Дня был решительно внесён вопрос о соблюдении гуманитарной безопасности.*

Дестабилизация культурной, идеологической, политической и социально-экономической обстановки в России приблизилась к критическому порогу, когда угроза национальной безопасности государства становится неизбежной. Будущее России напрямую зависит, прежде всего, от подрастающего поколения. Все проблемы социального самочувствия молодёжи в нашей стране – «лакмусовая бумажка», по которой можно судить и прогнозировать дальнейшее развитие общества. Только обеспечивая, основные социальные и духовные запросы молодых людей (образование, здоровье, трудовая занятость, социальная и правовая защищённость, материальное благополучие и т. д.) государство будет в состоянии решить проблему устойчивости и стабильности социально-экономического развития страны. Однако за последние 15 лет российскому обществу и государству не удалось продвинуться вперёд в решении основных социальных проблем молодёжи.

Что касается проблемы духовного развития молодёжи, то и здесь ситуация выходит из-под контроля общественных и государственных институтов. В настоящее время на общероссийском уровне идёт попытка реализовать часть федеральных целевых программ, направленных на формирование и закрепление в общественном сознании основополагающих духовно-нравственных ценностей.

В новом российском обществе, трансформированном до неузнаваемости, идёт активный поиск новых идеалов, общегосударственных национальных идей, которые «поведут за собой» молодое поколение, откроют им новые возможности самореализации. Исторический генезис развития государств показывает, что в период ломки общественно-экономических формаций происходит разрушение старых форм духовного производства, меняются национальные нормы и нравственные ориентиры в новообразуемом или реформируемом обществе. Но неизменным при этом остаётся главное: в условиях идеологической, политической и социальной нестабильности, нарастания «внутренних» и

¹ См.: Макаров В.В. Патриотизм как философская проблема. М., 1990. С. 10–12.

«внешних» угроз национальной безопасности государства увеличивается активность патриотических движений. Именно идеология патриотизма помогает народным массам, особенно молодёжи, не растеряться и найти в нём «фундамент» гражданской консолидации перед лицом опасности.

* * *

В центре внимания социологического исследования 2004 г., проведённого Отделом федерализма и национальной безопасности ИСПИ РАН (при непосредственном участии автора этой статьи) была следующая исследовательская проблема: «Существуют ли в России с учётом имеющихся духовно-нравственных, правовых и социально-политических ориентаций в массовом сознании основы для создания объединяющей идеологии, внедрения её в социальную практику?».

Методология, методика и предложенная эмпирическая основа исследования должны были помочь в определении главных «идей национального согласия», которые цементируют, консолидируют общество и, возможно, создадут объективную почву для восстановления и развития патриотизма с позиций повышения его культуры.

Таким образом, «состояние» и развитие общенациональных идей, способных консолидировать российское общество, в массовом сознании – **предмет** данного социологического исследования. Исходя из вышеизложенного, **теоретическая задача** социологического исследования была ориентирована на попытку найти такие показатели-характеристики, входящие в содержание идей «национального согласия», которые всегда будут в «фокусе» у всех социальных групп: с различным материальным достатком, социально-демографическими характеристиками, местожительством (регионы – город – село), уровнем образования, сферой социальной деятельности, религиозной, политической принадлежностью.

Иными словами, необходимо было выявить наличие устойчивых взглядов, представлений, мировоззренческих позиций в социальной и духовно-нравственной сферах, которые разделяет значительная часть населения независимо от общественной ментальности. Отметим, что реализация поставленной задачи стала выполнима именно потому, что люди, объединённые в типологические группы по различным формализованным признакам, при этом всегда имеют одно основополагающее социальное качество: они – «граждане России».

Реализация научно-прикладных задач исследования в состоянии дать «ключ» к решению задач **социально-политического характера**:

- проблемы консолидации российского общества;
- определения «векторов направленности» развития внутренней и внешней политики российского государства.

При таком подходе **объектом теоретического анализа** становится отражение в массовом сознании устойчивых «идеологических скреп», другими словами, базовых ценностных констант, их укоренённости во всех социальных слоях и группах населения.

Эмпирическими объектами социологического анализа выступили: взрослое население, основные региональные, социальные и типологические группы российского общества – носители представлений, мнений и оценок, включённых в предметную область.

Генеральной совокупностью исследования стало взрослое население трёх регионов Российской Федерации. Для решения поставленной задачи были выбраны регионы с различным уровнем экономического развития (дотационные и «донорские»), национальными и религиозными особенностями¹. Дополнительный сравнительный анализ поставленной проблемы в регионах РФ даёт более объективную картину развития общих закономерностей формирования и закрепления в массовом сознании идей национального единства и согласия.

Выборочная совокупность строилась на основании статистических данных исследуемого региона.

Выборочная совокупность формировалась по основным социальным квотам: полу, возрасту, образованию, местожительству (город – село). Однако, следует учитывать, что при отборе респондентов, если половозрастные характеристики были взаимосвязаны, то сфера деятельности учитывалась, но не являлась контрольной характеристикой.

Всего в ходе исследования было опрошено 1580 респондентов. Сравнительный характер исследования стал возможен при наличии единого инструментария и кратковременного съёма информации (с 3 по 10 января 2004 года). Это позволило выявить как общие тенденции, так и зафиксировать особенности и региональную специфику.

Сбор эмпирической информации получен методами комбинированного опроса: стандартизированного интервью (среди лиц пожилого возраста) и анкетирования (самозаполняемый опросник). Помощь в сборе эмпирической информации оказали ГНУ НИИ регионалогии при Мордовском Государственном Университете им. Н.Н. Огарева (отв. исполнитель Е.А. Демьянов), Северо-Осетинский Центр социальных исследований ИСПИ РАН (директор д.ф.н. Х.В. Дзугцев, научн. сотр. С.В. Бирагова); Ярославская региональная общественная организация «ЦСП» (руков. Ю.А. Бойко, научн. сотр. А.С. Шабунин).

¹ Регионы значительно отличаются друг от друга по абсолютным значениям социальных факторов, характеризующих уровень жизни (прожиточный минимум, денежные доходы на душу населения, покупательная способность, развитость инфраструктуры и т. п.).

Исходя из целей и задач исследования, были определены основные агрегирующие показатели и связанные с ними эмпирические индикаторы, характеризующие основные понятия и социальные явления предметного спектра. Полученная эмпирическая информация была обработана в регионах по программам GPSS/PS, Microsoft Excel, Microsoft Word и представлена в матрицах (табуляграммах) с применением традиционных статистических методов: простые процентные распределения по строке, двойные и тройные корреляции основных социальных признаков с набором показателей (блоками) оценок, мнений, позиций и установления связи между этими переменными.

Для придания большей «социологичности» анализу идеологом массового сознания, продолжим выявление значимых факторов, консолидирующих россиян, по той же схеме сходства мировоззренческих позиций на региональном уровне, в социальных и типологических группах.

Опрос респондентов Мордовии, Северной Осетии, Ярославской области показал, что «знаковыми» идеями, которые могут объединить граждан России, выступили показатели верности народа, языку, культурным традициям и исторической памяти (см. табл. 1).

Таблица 1

«Что, по Вашему мнению, более всего объединяет россиян?»
(в % от числа опрошенных, ранги)*, 2004 г.

Социальные факторы «разъединения»		Мордовия		Северная Осетия		Ярославская область	
		%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
1.	Язык	54	-	53	1	50	1
2.	Культурные традиции	49	1	28	3	46	2
3.	Историческая память	40	2	44	2	42	3
4.	Общность территории	43	3	15	5	32	4
5.	Национальная принадлежность	31	4	-	-	32	4
6.	Экономические взаимоотношения	15	54	29	3	13	6
7.	Вероисповедание	17	55	-	-	15	6
8.	Общие друзья	11	6-	22	4	19	5
9.	Общие враги	5	7	15	5	6	7
10.	Другое	2	-	-	-	4	-
11.	Ничего	1	-	-	-	5	-
12.	Затрудняюсь ответить	6	-	-	-	6	-

Источник: Отдел федерализма и национальной безопасности ИСПИ РАН.

* Сумма ответов в столбце превышает 100%, т. к. респондент мог указать несколько вариантов ответа.

Рейтинговый анализ факторов показал, что, конечно, русский язык – как язык межнационального общения, занимает прочное первое место в регионах (от 50% до 54% от числа опрошенных) в ряду духовно-нравственных ценностей общества. Не последнее место в этом ряду занимают «культурные традиции» и «историческая память». Эти ценности по своим структурным компонентам во многом пересекаются, они неотделимы друг от друга, так как историческая память – это, прежде всего, воспроизводство в массовом сознании норм и традиций, верований, культуры межнационального общения и т. п. В рейтинге «факторов консолидации» на региональном уровне они поделили второе и третье места (от 28 до 49% от опрошенных в регионах).

Факторы национальной и религиозной принадлежности как «факторы объединения» не нашли поддержки среди населения Северной Осетии, национальный и религиозный состав которой смешанный: осетины, ингуши, русские; православие и ислам – такая «гремучая» смесь, замешанная на территориальных претензиях, не может считать эти факторы, хоть как-то, способными консолидировать население.

Ни один респондент в республике не отметил эти факторы. В то же время экономический фактор как социальную ценность респонденты Северной Осетии поставили на третье место, так же как и культурные традиции.

Развитие экономических взаимоотношений между областями и республиками РФ – ключевой вопрос экономики дотационного региона. Респонденты Ярославской области – «донора», этот фактор в рейтинге «консолидации» поставили на предпоследнее 6-е место.

Считаем целесообразным провести сравнительный анализ показателей, характеризующих структуру общенациональных идей, как среди экспертов, так и среди населения Мордовии, Северной Осетии и Ярославской области. Оценка респондентами возможных составляющих общенациональных идей исследовалась следующим образом. Различным предметным группам было предложено ответить на следующий вопрос: «Какие основные понятия должны составить основное содержание общенациональной идеи (идеологии), способной объединить россиян?» Для ответа респондентам предлагалось выбрать не более трёх ответов из предложенных в шкале 15-ти позиций (см. табл. 2).

Наиболее значимыми для респондентов в обоих исследованиях и во всех регионах оказались социально-политические, социально-нормативные и социально-правовые ценности. В них наиболее часто респонденты отмечали понятия «патриотизм» (56% опрошенных во всех регионах 2004 г.), «социальная справедливость и равенство» (35–46% опрошенных в 2004 г.), «права человека» (39–59% опрошенных в 2004 г.), «безопасность» (35–49% опрошенных в 2004 г.).

В целом, обобщая результаты по группам экспертов и населению регионов, можно выделить три группы понятий с высоким, средним и низким уровнем номинаций.

К первой группе понятий – «идей национального согласия», получивших наибольшее число номинаций, относятся: патриотизм, социальная справедливость и равенство, безопасность, права человека и, с несколько меньшим числом упоминаний, такие понятия как национальная гордость и общественный порядок.

Таблица 2

Содержание общенациональной идеи в оценках экспертов и населения регионов
(в % от числа опрошенных в регионах, ранги)¹, 2004 г.

Показатели социальных ценностей	Мордовия				Северная Осетия				Ярославская область			
	Н	Ранг	Э	Ранг	Н	Ранг	Э	Ранг	Н	Ранг	Э	Ранг
1. Патриотизм	56	1	69	1	56	1	43	2	56	1	59	2
2. Безопасность	35	4	-	-	49	2	-	-	42	2	-	-
3. Социальная справедливость и равенство перед законом	49	2	57	2	46	2	82	1	36	3	65	1
4. Права человека	39	3-4	19	5	59	1	37	3	39	3	50	3
5. Национальная гордость	41	3-4	-	-	38	3	-	-	37	3	-	-
6. Общественный порядок	38	4	44	3	37	3	27	4	37	3	25	4
7. Державность (возвращение России статуса сверхдержавы)	23	5	10	6	26	4	14	6	22	4	15	6
8. Духовность	20	5	31	4	21	5	28	4	20	5	19	4-5
9. Религия, религиозные традиции (или православие)	8	6	4	-	8	-	-	-	7	6	5	-
10. Народовластие	-	-	6	-	-	-	7	-	-	-	5	-
11. Интернационализм	3	-	8	-	13	6	17	5	4	-	4	-
12. Социализм	2	-	0	-	7	-	6	-	7	6	6	-
13. Общественное самоуправление	5	-	14	5	2	-	7	-	4	-	17	6
14. Советская власть	-	-	2	-	-	-	6	-	-	-	2	-
15. Другое	1	-	5	-	1	-	2	-	2	-	1	-
16. Затрудняюсь ответить	8	-	2	-	4	-	2	-	10	-	1	-

Источник: Отдел федерализма и национальной безопасности ИСПИ РАН.

* Сумма ответов в столбце превышает 100%, т. к. респондент мог указывать несколько вариантов ответа. Обозначения: Н – население регионов, Э – эксперты.

Вторую группу понятий (со средним уровнем номинаций) составляют: духовность и державность.

К третьей группе (с низким уровнем номинаций) относятся понятия: религия (религиозные традиции), интернационализм, социализм, общественное самоуправление, народовластие, советская власть.

Как отмечалось выше, приведённые тенденции характеризуются определённой региональной спецификой. Так, в республике Северная Осетия – Алания – популярность такой идеи, как интернационализм является существенно более высокой, чем в других регионах, и в оценках экспертов, и населения республики.

* * *

История свидетельствует, лидирующие позиции в мире занимают те страны, которые обладают продуктивной общенациональной стратегией, выражающей непрерывную и мощную работу народного духа, направленного на консолидацию и проявление всего лучшего, что присуще обществу, для преодоления внешних и внутренних вызовов и угроз; на создание, сохранение и укрепление гражданского мира в своей стране.

Россия неоднократно стояла на краю гибели, но возрождалась, сохраняя духовное единство, непоколебимую веру в себя и свою судьбу, в собственные ценности, достоинство и могущество, без чего на национальной российской истории можно было бы поставить крест.

Несомненно, что этот духовный, социокультурный «национальный код» необходимо всемерно сохранять и относиться к нему как к основному жизненному ресурсу развития России. Именно в ослаблении духовного единства, общенародной воли к жизни мы склонны видеть основную угрозу современному российскому обществу, чреватой потерей (социокультурной идентичности, своего «национального кода» в результате чего Россия лишается своих национальных характеристик и своеобразия, а её народ расплывается и ассимилируется.

Таким образом, динамичный и благодотворный «национальный код» соединяет в своём смысле традиции регулирования образа жизни, национальной культуры, отношений человека с

¹ В инструментарию опроса 2004 г. не были представлены показатели «народовластие», «советская власть», в 2003 г. – «безопасность» и «национальная гордость».

обществом. Это благотворные и оберегающие Правила Игры Человека в реальном Справедливом мироустройстве.

Полагаю, что институциональное измерение как «локальный, национальный, региональный, глобальный код», как Правила Игры для составления Повестки Дня на 2011 и последующие годы может быть представлено вместе с гуманитарным измерением в структуре не-Западного мироустройства XXI века.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В формировании духовной культуры современного миропорядка и, особенно мироустройства XXI века, важное значение, по мнению автора статьи, приобретает взаимодействие патриотического и космополитического¹. Возможно, что ещё более значительное влияние на судьбы людей во всём мире через понимание прошлого, настоящего и будущего оказывает взаимосвязь патриотического и национального.

Важной научной проблемой, по мнению автора, становится методология изучения как патриотического в контексте национального, так и национального в контексте патриотического. Поэтому востребованы возможности единой гуманитарной парадигмы, оформленной на основе объединения методологий геокультуры, геоэкономики, геополитики. Мы основываемся при таком понимании исследовательской парадигмы (единой гуманитарной – геокультура, геоэкономика, геополитика) на интеллектуальном потенциале исследований И. Валлерстайна, Д.Н. Замятина, В.Н. Кузнецова, Г.П. Анилиониса, Н.А. Зотова, А. Неклессы, С. Переслегина².

Важность, сложность, необходимость исследования феноменов «национализм», «патриотизм», «национальное и патриотическое», «патриотическое и национальное», «патриотизм – национализм» реально проявилась в 2011 году как острая и востребованная научная проблема на стартовом этапе новых российских журналов «Вестник Российской нации», «Вопросы национализма».

В своей статье «О старой и новой России, или Постыжение национальной истории», опубликованной в первой за 2010 год книжке журнала «Вестник Российской нации» (2010, № 1–2), Сергей Евгеньевич Нарышкин, руководитель Администрации Президента Российской Федерации, отметил, что «защита отечественной истории со стороны государства будет неполной, если общество не перестанет быть терпимым к попыткам исказить прошлое, осквернить общенациональную историческую память, подменить факты вымыслом. И неважно, кем такие попытки предпринимаются – именитыми учёными или известными политиками, друзьями или врагами, внутри страны или за её пределами – им не должно быть оправдания. Решительно отторгая любое глумление над историей своей Родины, общество становится более зрелым, обретает большую гражданственность. Неприятие исторических фальсификаций должно стать одной из важнейших сторон воспитания россиянина XXI столетия – человека и гражданина, патриота своего Отечества.

Другая сторона гражданско-патриотического воспитания – привитие чувства гордости за своё прошлое и одновременно всестороннее изучение исторического наследия страны. Нет, речь не идёт о «квасном патриотизме», о разного рода реновациях, реинкарнациях и прочих «лубочных» проектах. Речь идёт о том, что общество не должно забывать свою историю, объективное знание которой (даже в пределах предложенного выше «эталонного курса») есть мощнейшее оружие в борьбе с фальсификациями и подтасовками. А вместе с этим – предмет общенациональной гордости и пример для настоящего и будущих поколений россиян.

Кто поверит в миф о «лапотной России», если все будут знать, что, например, построенная на рубеже XIX–XX столетий Транссибирская железнодорожная магистраль была удостоена Гран-при на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. как одно из «величайших сооружений нашего века, которое окажет незаменимую услугу мировому прогрессу»? Кто позволит себе думать о России как об отсталой стране, если каждый будет помнить имена изобретателей радио, первых самолёта и вертолёт, сложных станков и вычислительного оборудования. Кто, наконец, не вос-

¹ Кузнецова А. Гуманитарная безопасность как основание для взаимосвязи патриотического и космополитического в формировании геокультурной модели современного мироустройства // Безопасность Евразии, 2010, № 2; Бек Ульрих. Космополитическое мировоззрение. М., 2008; Иноземцев В. Провозвестник грядущего (вступительная статья) // Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008; Баталов Э. Наши вечные спутники: Очень мало людей способны ориентироваться в мире самостоятельно // НГ-Сценарии, 2008, 23 сентября, № 8. Приложение к «Независимой газете».

² Валлерстайн И. Геокультура развития или трансформация нашей геокультуры? / Валлерстайн И. Анализ мировых систем в современном мире. СПб, 2001; Замятин Д.Н. Географические образы в гуманитарных науках // НАВИГУТ, 2001, № 1; Кузнецов В.Н. Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура–Сеть. М., 2003; Анилионис Г.П., Зотова Н.А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. М., 2005; Неклесса А. Современная Книга Перемен // Политический класс, 2007, № 3; Переслегин С. Новые карты будущего или Анти-Рэнд. М., СПб, 2009.

примет с иронией и даже усмешкой разговоры о недоразвитости страны, которая первой в мире отправила человека в космос?»¹. (Выделено мною. – А.К.).

Во втором номере журнала «*Вопросы национализма*» за 2010 год опубликованы материалы экспертного опроса по теме – «Совместимы ли русский национализм и демократия?». Приведу из интересного многообразия выступлений известных учёных, экспертов, журналистов только один сюжет. Вот что сказал Валерий Соловей, доктор исторических наук, профессор (фрагмент из выступления). «Наблюдатели, мнящие себя искусственными знатоками политиками, цинично полагают, – отметил он, – что демократия не более чем клетка, в которую надо поймать птичку. Но ведь эта птичка, которая в нашем случае зовется русским народом, относится к демократии – не к слову, а к стоящим за ним ценностям и принципам – вполне серьезно. В подавляющем большинстве своем русские – это, во-вторых – страстно жаждут социальной справедливости, свободы национальной жизни и права самим решать собственную судьбу. То есть они хотят всего того, что и составляет квинтэссенцию демократии, причем демократии социальной.

Если русские националисты действительно русские и действительно националисты, если они желают своему народу блага, то не имеют права игнорировать и презирать магистральное устремление собственного народа, устремление, которое по своей сути демократично.

Однако приверженность демократии для русского национализма – не только моральный выбор и проявление солидарности с собственной этнической группой, но и рациональный политический расчет. Союз национализма, демократии и идей социальной справедливости (только не в коммунистическом духе!) – единственный идеологический синтез, способный породить в современной России массовую динамику. Лозунг "Свобода, Нация, Справедливость" (в любом порядке перечисления) имеет гораздо больше шансов на положительный отклик в обществе, чем отдельно взятые лозунги "Нация", "Справедливость", "Свобода".

Предельно огрубляя, выбор следующий: если вы всерьез боретесь за политическую власть, то, оставаясь националистами, обязаны стать еще демократами и сторонниками социальной справедливости. Если вы выступаете за реставрацию самодержавной монархии, евразийской империи и прочий откровенно или завуалировано антирусский бред, то вы не занимаетесь политикой, а имитируете ее»².

В представленных фрагментах текстов из двух журналов, посвященных вопросам российской нации, национализма ключевым смыслом, по мнению автора статьи, является новый российский патриотизм XXI века.

* * *

Трудно найти социальную категорию, столь значимую для человеческой жизни, чем патриотизм. Его значение особенно возрастает и в эпоху возрождения общества. Мы полностью разделяем точку зрения известного российского учёного, члена-корреспондента РАН Р.Г. Яновского, опубликовавшего в 2004 году к своему 75-летию фундаментальную монографию, посвященную многолетнему исследованию проблемы патриотизма, где делается вывод: «В жизни общества очень важны три ценности – Родина, природа и общественное сознание. Эти понятия в XXI веке замечательны, прежде всего, тем, что расширились возможности для социально-экономического развития народов всех стран мира. Но возможности у народов – различны»³.

Наше исследование подтверждает и другой вывод Р.Г. Яновского: в последнее время в нашей стране и за рубежом понятие патриотизма подвергается всяческому нападкам. Некоторые учёные и эксперты считают, что нет необходимости в его существовании как особой области знаний. Патриотизм-де – это обыденная, чрезвычайно идеологизированная догма, поэтому её нужно изъять из числа научных понятий. Однако все усилия устранить, закрыть философию и социологию патриотизма, считает Р.Г. Яновский, тщетны, ибо именно патриотические взгляды и идеалы помогают находить научные ответы на вопросы: «я» и «ты», «мы» и «они», отвергая различного рода односторонние и простые ответы в духе «да – нет», «чёрное – белое» и т. п. Вот почему неприятие категории патриотизма является неправомерным. Она является весьма важной в теории и методологии познания, раскрытия духовных сил общества, внутренних источников его развития, хотя и предстаёт слабо исследованной и ополченной апологетами старого мира. Тем более что в современный период обострились противоречия между огромным патриотическим потенциалом российского общества, ресурсным его богатством и современным уровнем их использования, которые не только не преодолены, но и продолжают усиливаться, принимая опасные размеры. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что патриотизм как явление мировой истории и общественной мысли не может быть понят только как национальное развитие российской истории. Оно требует широты изучения всемирной истории, служит средством глубокого понимания своеобразия этого явления⁴.

¹ Нарышкин С. О старой и новой России, или Постигание национальной истории // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 71.

² Совместимы ли русский национализм и демократия? Экспертный опрос // Вопросы национализма, 2010, № 2. С. 16–17.

³ Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству. М.: Книга и бизнес, 2004. С. 11.

⁴ См.: Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству. С. 13–15.

«Патриотизм – деятельный дух народа, опирающийся на его лучшие традиции, на творчество и созидание». Это определение патриотизма принадлежит другому известному российскому учёному, члену-корреспонденту РАН Ю.А. Жданову, опубликовавшему к своему 85-летию книгу своих воспоминаний¹. В одном из её разделов, озаглавленном «Чувство Родины», он приходит к следующим выводам:

1. Наша страна – общий мир для всех её населяющих людей, общее условие не только природного, но и исторического бытия. Её просторы определяют масштабность исторического действия каждого гражданина, участие в событиях крупнейшего характера – от победы в войне до освоения Космоса.

2. Судьба единой страны должна решаться волей народа, волей нас всех, то есть на демократической основе... В первую очередь, это общее владение огромными природными богатствами, к которым относятся бескрайние просторы, леса, степи, реки и горы, формирующие облик, характер жителей страны, их духовный менталитет и естественное достояние. На этой основе развивается чувство общности людей разных национальностей.

3. Общественный прогресс, обеспечивающий формирование универсального, максимально деятельного индивида, требует максимально свободного обмена результатами труда, идеями, людьми... Масштабы страны открывают многообразие и широту форм обмена деятельностью. И если от чего мы страдаем, так это от недостаточного ещё развития информационных сетей, систем коммуникаций...

4. В судьбе нашей страны сказались две основные тенденции современной истории: рост национального самосознания, национальных культур всё новых и новых народов, с другой стороны, интернационализация общественной жизни, взаимное проникновение и обогащение культур. Никакая культура не может развиваться только из себя, не взаимодействуя с другими культурами. Наше Отечество, благодаря единству исторических судеб населяющих его народов, создало самые благоприятные возможности для взаимного обогащения культур – аксиома, признаваемая во всём мире.

5. Особенностью истории нашей страны является соединение культурных традиций Азии и Европы, Востока и Запада, Севера и Юга. И односторонняя «вестернизация» или «американизация» может лишить нас исторической специфики, а тем самым обеднить и всё человечество, для которого наше Отечество – одна из сфер формирования своеобразной цивилизации, наряду с другими.

6. Чувство Родины формируется в каждом человеке не сразу и не просто. По своей структуре это чувство многосложно: в нём объединяется любовь к «малой родине», родным дому, лесу, реке; постепенно оно, это чувство, впитывает в себя представление о родине как исторической целостности. Наконец, ощущение Родины вовлекается в орбиту общечеловеческих, гуманистических ценностей.

7. «То новое, что дает в быту живущих в нем людей большое по размерам государство, приближается по своему укладу к тому будущему, к которому мы все стремимся, – к мирному мировому сожительству народов. Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнительным наступление единой мировой организации человечества» (В.И. Вернадский)².

Перед нами – целостная, научно обоснованная концепция, раскрывающая политический, философский и социологический смысл и социально-исторические основания формирования культуры патриотизма как мировоззрения и «живой души» народов различных стран; творящих, созидающих человеческий мир как единое целое.

* * *

Установление неразрывной связи патриотизма с культурой, с поиском путей формирования единства человечества выводит нас в гуманитарную область исследований форм и видов социального творчества, духовной жизни, гуманистической направленности развития общества.

Рассмотрение указанных проблем даёт возможность определить пути и способы становления новой парадигмы и стратегии социального управления Эпохи перехода к постиндустриальному обществу, главная особенность которых состоит в ориентации на формирование социально ответственной, духовной личности, на раскрытие её творческого потенциала.

(Источник: Безопасность Евразии, 2011, № 1)

¹ Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 160.

² Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. С. 42–47.

Глава 27. Р.А. Явчуновская И.В. Явчуновская

Диалог и ответственность в сферах международной и региональной безопасности

Современные экономическая, политическая, социальная и гуманитарная ситуации вместе по отдельности стремительно трансформируются. Общим контекстом для всех стран и народов всё более повседневно и реально выступают доверие, диалог, ответственность и безопасность. И глобальная среда для международного сообщества определяется, в основном, пониманием сложности и актуальности, общности определившихся срочных задач, стоящих перед ними.

Наиболее значимое воздействие в обеспечении международной безопасности оказывают межгосударственные системы с внутренней жёсткой структурой, органами координации и контроля, явно выраженной политикой в военно-политическом и экономическом планах. Большую роль здесь также играет «удельный политический, экономический и военный вес» её участников.

В настоящее время к этим организациям, например, в Европе можно отнести НАТО и с некоторыми оговорками Евросоюз. К особой, чисто европейской форме международного института системы безопасности относится проведённое в 1975 г. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), представляющее собой подсистему консультаций, обсуждений, проводящихся на различных уровнях по различным аспектам международной безопасности, и переименованное в 1994 г. в ОБСЕ.

Данная организация, несмотря на попытки международно-правового оформления, наличие постоянных комиссий и комитетов и т. п. органов, пока не может быть отнесена к системам с жёсткими контролирующими и принуждающими структурами.

Однако наметилась тенденция превратить ОБСЕ в более структурированный и дееспособный орган европейской безопасности, причём уже в настоящее время этот институт нельзя назвать системой «мягкой» и аморфной.

Становление и функционирование основ системы международной безопасности

Системы международной безопасности образованы в различных регионах мира. К ним можно отнести систему европейской безопасности, систему азиатско-тихоокеанской безопасности, систему безопасности стран Латинской Америки, формирующуюся систему региональной безопасности Большого Ближнего Востока и систему региональной безопасности стран Африканского континента. Важную роль в их становлении имеют выступающие составными частями системы безопасности организации: ОАГ (Организация американских государств) и ОЦАГ (Организация центральноамериканских государств); АС – Африканский союз; ЛАГ (Лига арабских государств); СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии); АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) и ряд других.

На роль важных элементов в обеспечении региональной безопасности претендуют и всё ещё существующие в отдельных районах мира (вне Европы) военно-политические блоки (например, АНЗЮС – военный союз «Тихоокеанский пакт безопасности»), а также двусторонние договоры и соглашения о взаимопомощи и союзе в военной области (например, между США и Японией, США и Южной Кореей).

Нередко одно из ведущих государств пытается выступать в роли балансира, сохраняя стабильность многополярной мировой системы за счёт поддержания равновесия между другими центрами силы и их комбинациями. Классиче-

ским примером государства-балансира долгое время была Англия. Теперь на роль «первого среди равных» претендуют США.

Однако налицо формирование нескольких новых центров силы: Китай, Индия, Бразилия и др. О своей готовности вновь играть одну из лидирующих ролей в мировых делах заявляет Россия. Эти акторы лишают США и западный блок роли основных архитекторов системы международной безопасности на мировом уровне.

Несмотря на то что после распада Советского Союза Россия оказалась в ситуации, когда внутренние экономические и политические проблемы лишали её возможности сохранить статус субъекта, оказывающего решающее воздействие на международные процессы, она оставалась активным и деятельным участником международных отношений и, в частности, многосторонних отношений в сфере безопасности. В условиях перехода к новой системе международных отношений Россия претерпела глубокую трансформацию как участник системы международных отношений. Российское государство столкнулось с серьёзными геополитическими сдвигами, временной дезориентацией в определении противостоящих сил на международной арене; заменой ряда прежних идеологических стереотипов; сменой политических режимов; возникновением новых государств; перегруппировкой сил, коалиций и союзов.

Роль и место России в современном мире во многом определяется её геополитическим положением, т. е. размещением, мощностью и соотношением сил в мировой системе государств. Геополитическое положение России специалисты рассматривают с учётом географических, политических, военных, экономических и других факторов.

Одной из важных составляющих геополитического положения является способность контролировать ключевые пространства и географические точки. Такая способность является производной от степени самодостаточности (жизнеспособности) геополитического субъекта. С точки зрения своего геополитического положения Россия, как преемница СССР и Российской империи, оказалась в ситуации, которая сложилась в результате действий определённых геополитических закономерностей, определивших значимость обеспечения процессов формирования государственности России и защиты её территориальной целостности, что стало приоритетной задачей в области внешней политики.

В складывающейся системе международных отношений Россия, несмотря на переживаемый кризис, остаётся одной из великих держав и по своему потенциалу, и по влиянию в мире.

Россия несёт ответственность за формирующийся новый миропорядок, за построение новой системы позитивных взаимоотношений государств, ранее входивших в состав СССР. Любые действия, направленные на подрыв целостности Российской Федерации, интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств, нарушение прав и свобод человека, вооружённые конфликты в сопредельных государствах, рассматриваются как угроза безопасности страны и жизненно важным интересам её граждан, а также как угроза системе евро-азиатской региональной безопасности.

Для России является важным завершить процесс становления в нынешних границах как современного Российского государства. При этом укрепление государственности таких пограничных республик, как Украина, Казахстан, Белоруссия, а также экономическая интеграция с ними со стороны России должны поддерживаться самым активным образом. Именно эти три государства наиболее значимы с точки зрения геополитических интересов России.

Определяющее значение для защиты внешнеэкономических интересов России имеет сохранение и развитие хозяйственных связей и с другими бывши-

ми союзными республиками, в том числе в развитии сотрудничества в военно-политической сфере в целях создания эффективной системы комплексной коллективной безопасности.

Неизбежное пересечение интересов государств в различных областях международных отношений, являющееся источником кризисных процессов и конфликтов, лежит в основе блокирования государств, имеющих совпадающие либо сходные интересы. Направленность внешне- и внутривнутриполитической деятельности каждого государства связывается с объективно существующими национальными интересами страны, угрозами этим интересам и необходимостью противодействия этим угрозам.

Взаимосвязь и взаимообусловленность – *интересы, угрозы, противодействие* – это тот фундамент национальной безопасности, под которой понимается состояние защищённости государственно-национальных интересов в условиях реальных и потенциальных угроз.

Такая тенденция отразилась на системе российско-американских отношений. На волне возрастающих темпов экономического роста выросла самооценка российского политического слоя, настрой на проведение Россией энергичной внешней политики. Напротив, во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов возросло количество «ошибок»: затяжная война в Ираке, обострение ситуации в ядерном Пакистане, неудачные переговоры о свёртывании ядерных программ Ирана и КНДР, конфликт Белого дома с левыми режимами Латинской Америки. Эти события сами по себе не означают начало полномасштабного кризиса американского лидерства. Но они показывают назревание «кризиса успешности» внешней политики Вашингтона, что снижает способность Америки влиять на поведение других акторов международного сообщества. Возник почти неизбежный статусный конфликт между стремлением России расширить свою возросшую роль в международных отношениях, с одной стороны, и психологической неготовностью США пойти на такое преобразование мирового порядка – с другой.

Несмотря на этот фон, всё-таки складывается взаимодействие России, США и других ведущих государств по широкому спектру проблем безопасности, включая борьбу с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Так, например, в ООН при подготовке решений Совета Безопасности в области обеспечения международной безопасности Россия всегда занимает достаточно выраженную позицию и твёрдо выступает за разработку не допускающих произвольных интерпретаций миротворческих мандатов, особенно связанных с вопросами применения силы и контроля за их реализацией.

Важно отметить, что Россия всегда рассматривала ООН в качестве центральной структуры, призванной заниматься урегулированием кризисных ситуаций.

Формы систем поддержания международной безопасности могут быть самыми различными, что обуславливается различной широтой их геополитического охвата, уровнем развития стран-участниц, ориентацией (политической, военной, экономической и др.) и т. д. Роль международных (региональных) систем безопасности, их влияния на решение международных проблем может быть также самой различной и зависеть от «удельного веса» стран-участниц, их внутренней структуры и наличия механизмов контроля за соблюдением выработанного участниками курса.

Как правило, любая система коллективной (международной) безопасности имеет своего лидера (их может быть несколько), который обеспечивает своё первенство в определении коллективной политики органа безопасности, главным образом за счёт своей военно-политической или экономической мощи. А так как страна-участница или член международной организации стремится через это участие к достижению собственной национальной безопасности, то направленность

политики международного союза во всех областях международной и национальной безопасности отвечает национальным интересам страны-лидера. Высшие интересы международного сообщества, а именно выживания человеческой цивилизации, диктуют необходимость формирования систем не только сотрудничества, но и международной безопасности (глобальной и региональных), отвечающих чаяниям всех субъектов международных военно-политических отношений.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР БЕЗОПАСНОСТИ И РОССИЯ

Сложившаяся к настоящему времени *европейская региональная система безопасности* нередко представляемая как модельная, формировалась в несколько этапов, и соответственно роль России в ней также трансформировалась соотнositельно защиты её национально-государственных интересов в Европе и Азии. Многовекторная дипломатическая политика России за прошедшие двадцать два года складывалась довольно сложно, что предопределяло ряд её инициатив по формированию и принятию мер, направленных на модернизацию механизмов региональной и глобальной безопасности.

1991–1993 гг. Позиция России формировалась под влиянием острой заинтересованности в политической и экономической поддержке Западом преобразований, проводимых руководством страны. К достижениям этих лет следует отнести деидеологизацию российской внешней политики заключение Договора с США об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), соглашение с США о взаимном перенацеливании стратегических ракет и о прекращении разработки в США программы стратегической оборонной инициативы, налаживание тесных контактов с лидерами США, Франции, ФРГ, Великобритании, вступление России в Международный валютный фонд и Всемирный банк.

В рамках созданного в конце 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ) Россия заняла соответствующее её геостратегическому, экономическому, демографическому, военному потенциалу лидирующее положение, заявив, что рассматривает СНГ как сферу своих жизненных интересов.

В 1992 г. Российская Федерация добилась подтверждения своего международного статуса как правопреемника СССР и постоянного члена Совета Безопасности ООН, крупной ядерной державы. Тогда же определились главные направления российской внешней политики: отношения со странами ближнего зарубежья (бывшими республиками СССР, ставшими суверенными независимыми государствами) и отношения с ведущими мировыми державами (США, странами Западной Европы, Японией, Китаем и др.).

Наряду с некоторыми позитивными моментами данного внешнеполитического курса возникли и негативные, состоявшие в угрозе утраты Россией самостоятельной роли на международной арене, ослаблении её влияния в развивающихся странах и «горячих точках» и возрастающей тенденции формирования однополярного мира.

1994–1999 гг. Этот период связан с попытками России выработать самостоятельную позицию на международной арене, чётче определить свои национальные интересы, восстановить влияние на ход мировой политики. Была выдвинута доктрина построения многополярного мира.

Россия стала полноправным членом «большой восьмёрки» развитых стран мира (с 1997 г.). Ей удалось чётко обозначить своё отношение к планам расширения НАТО на Восток. Летом 1994 г. Россия заявила о принципиальном несогласии с принятием в состав НАТО бывших членов Организации Варшавского Договора, так как это нарушало её безопасность (но, несмотря на это, в

1999 г. членами НАТО стали Польша, Венгрия и Чехия). В 1996 г. наша страна стала полноправным членом Совета Европы.

В 1994–1996 гг. российскому внешнеполитическому ведомству удалось добиться понимания Западом военной акции в Чечне как вынужденной и направленной на сохранение государственной целостности России. Одним из результатов таких дипломатических усилий стало подписание основополагающего акта, регулирующего отношения между Россией и НАТО (май 1997 г.). Этот документ предусматривает в рамках деятельности Совместного постоянного совета участие сторон на равноправной основе в случае достижения консенсуса в планировании и подготовке совместных операций, в том числе и миротворческих под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ. Положения основополагающего акта не дают России или НАТО права вето по отношению к действиям другой стороны, а также не ущемляют и не ограничивают права России или НАТО принимать решения и действовать самостоятельно. Они не могут быть использованы как средство ущемления интересов других. Приняв такой документ, партнёрство между Россией и Западом получило свою институционализацию.

В 1990-е годы Россия не раз заявляла о своём статусе как великой евразийской державы, заинтересованной в тесном сотрудничестве со странами Востока. В 1998–2000 гг. плодотворно развивались российско-японские отношения. Китай стал одним из основных торговых партнёров России. Позитивно складывались отношения с Южной Кореей, странами АСЕАН. Все обозначенные факторы сыграли свою роль в становлении азиатско-тихоокеанской региональной системы безопасности.

1999–2002 гг. Отношения России с США и странами Запада в 1999 г. обострились. Россия заняла резко негативную позицию в связи с военной операцией НАТО против Республики Югославия в Косове. Запад, в свою очередь, осудил Россию за «непропорциональное применение силы» в рамках контртеррористической операции в Чечне, хотя и подтвердил право России защищать территориальную целостность страны.

В 2000 г. Россия была временно лишена права участвовать в полном объёме в деятельности Совета Европы (в начале 2001 г. было принято решение о восстановлении этих полномочий). И в этом же году Россия чётко заявила о том, что её внешняя политика определяется российскими национальными интересами. Существенный экономический рост, достигнутый в начале 2000-х годов, подкрепил стремление России к проведению сильной, самостоятельной, конструктивной внешней политики, основанной на приверженности идее многополярного мира.

Россия постепенно превращалась в гораздо более активного партнёра по коллективным операциям, направленным на стабилизацию ситуации в Афганистане и предотвращение перехода в руки экстремистов плацдарма, с которого они снова могли бы угрожать. Были проведены переговоры между США и Россией по вопросу подписания беспрецедентного соглашения о военных перевозках, в рамках которого был выделен новый воздушный коридор; в данный момент по нему проходят в среднем два рейса в день, которыми до сих пор в Афганистан было перевезено более 20 тысяч американских военнослужащих. Интенсифицировано российско-американское сотрудничество в области борьбы с наркотиками, развитие которого представляет собой ещё один исключительно важный общий интерес. Кроме того, Россия изучает возможности внесения своего вклада в восстановление афганской экономики, закладывает основы для самостоятельной двусторонней политики.

2003–2013 гг. До последнего времени значимость России для США заключалась главным образом в том, что Россия является единственной страной в мире, обладающей сопоставимым с американским ядерным потенциалом и способной физически уничтожить Соединённые Штаты. Однако ввиду практической

неиспользуемости и ослабления российского ядерного арсенала этот фактор сам по себе не вынуждал Америку рассматривать конструктивные отношения с РФ как самоцель. Тем более что в США преобладало мнение о собственной всеильности и, параллельно, о продолжающейся слабости России.

Стратегия национальной безопасности США, декларирующая достижение и сохранение своего лидерства в политической, экономической, технологической и военной сферах, придавала большое значение участию страны в различного рода международных организациях. Это дало США, при их лидирующей роли в большинстве международных организаций, возможность обеспечить свою национальную безопасность во всех её сферах и сохранять за собой предназначение единственного глобального «центра силы» в политическом, экономическом и военном планах, камуфлируя свои субъективные цели «коллективными интересами».

ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА РОССИИ И США ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Выстраивание диалога, конструктивных отношений с Россией имеет для США хотя и относительно меньшую ценность, чем для Российской Федерации, но может быть отнесено к категории важнейших внешнеполитических интересов страны. Это связано с описанным выше масштабным изменением глобального контекста. В частности, без конструктивного взаимодействия двух главных ядерных держав невозможно приостановить или ограничить распространение ядерного оружия и тем более выработать новый многосторонний режим ядерного сдерживания, создание которого представляется необходимым в условиях де-факто возникающей ядерной многополярности. Кроме того, предыдущие провалы внешней политики администрации Дж. Буша объективно повысили значимость России в вопросах стабилизации Афганистана и разрешения ядерной проблемы Ирана, которые администрация Б. Обамы обозначила как главные ближайшие приоритеты своей внешней политики. Россия также может существенно помочь в разрешении северокорейского ядерного кризиса и ближневосточного конфликта. Наконец, значимость России для Америки возрастает по мере того, как Китай превращается в глобальную державу, что создаёт вызов первенству США в международной системе.

Важнейшим направлением российской внешней политики остаётся деятельность по активизации сотрудничества, направленного на борьбу с угрозами, исходящими от мирового терроризма. Россия жёстко осудила террористические акты в США 11 сентября 2001 г., выступила в поддержку политических, экономических, финансовых, военных мер против терроризма.

Напряжённость в российско-американских отношениях существенно ограничивает потенциал позитивного сотрудничества России и Евросоюза – как в политической, так и в экономической сфере, усиливает политическую и военнополитическую зависимость Европы от Соединённых Штатов. В отношениях же с КНР натянутые отношения России с США лишают российскую политику существенного козыря и гибкости и заметно ослабляют позиции России в отношениях с Евросоюзом и Китаем.

Россия, как и Америка, заинтересована в предотвращении окончательного распада режима нераспространения ядерного оружия, в выработке режима многостороннего ядерного сдерживания новых стран – обладателей ядерного оружия, и соответственно рассматривает возможности изготовления ядерного оружия Ираном как угрозу своей безопасности. Реализация этих интересов России (хотя их приоритетность для неё ниже, чем для Америки) невозможна без конструктивного взаимодействия с Соединёнными Штатами.

Таким образом, есть серьёзный конфликт интересов в ключевой для международной безопасности области, который сегодня сдерживается самим фактом сохранения у сторон огромных ядерных арсеналов, но может выйти на поверхность в случае их серьёзного сокращения. В условиях значительного превосходства Соединённых Штатов над всеми странами мира в сфере обычных вооружений значительные сокращения ядерных вооружений могут привести к снижению сдерживающего потенциала российского ядерного арсенала – главного фактора влияния РФ в международной политической системе и обеспечения её безопасности.

К тому же, несмотря на нынешнюю неопределённость, США не отказались от строительства глобальной системы ПРО. Сокращение ядерных арсеналов двух стран и тем более предлагаемый Б. Обамой полный отказ от ядерного оружия закрепит одностороннее военное превосходство Соединённых Штатов в мире, ликвидирует стратегическую ситуацию гарантированного взаимного уничтожения в российско-американских отношениях и предоставит Америке положение, близкое к неуязвимости со стороны других государств. Это представляет собой угрозу жизненно важным интересам безопасности России. Наконец, перезапуск механизмов ограничения ядерных вооружений чреват возрождением менталитета военного противостояния времён «холодной войны».

При всех политических разногласиях и асимметричности экономических позиций у Москвы и Вашингтона сохраняется много общих интересов в подходе к решению ключевых проблем международной безопасности. Ни Россия, ни Соединённые Штаты не заинтересованы в том, чтобы произошло резкое усиление одного из новых центров силы или появилась новая сверхдержава. Ни Россия, ни США не заинтересованы в распространении ядерного оружия и других средств массового поражения, включая сверхсовременные обычные вооружения. Именно под знаком «перезагрузки» и ратификации американским сенатом Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) прошёл 2010 г., но пока внимание мирового сообщества было приковано к этому документу, возникла новая проблема «загрузки» информационных войн.

Возникла принципиально новая черта современных отношений в сфере международной безопасности – высокая по сравнению с прошлым интенсивность образования сетевых связей. Как отмечают многие исследователи, разрушить такие организации крайне сложно, ведь каждый «узел» сети функционирует практически автономно, а уничтожение нескольких из них не ведёт к распаду организации в целом. Многие современные угрозы международной безопасности исходят именно от преступных сетей. Это и распространение опасных технологий и материалов, и терроризм, и пиратство, и незаконная трансграничная торговля оружием, наркотиками, людьми и т. д. Сформировалась ещё одна новая угроза международной и национальной безопасности, связанная с развитием Интернета и созданием коммуникационной Всемирной сети. На Западе во Всемирную сеть интегрирована вся экономика, энергетика и транспортная инфраструктура, и поэтому кибератака способна нанести больший ущерб, чем ядерный удар. Новая военная доктрина США предусматривает включение в систему киберобороны важнейших государственных и коммерческих объектов на территории США. Кибервойна становится, по сути, доминантой информационных войн, и её стратегической целью является достижение как политической и экономической власти, так и духовной, включающей психологическое воздействие на самые широкие массы населения.

В контексте укрепления стабильности международной безопасности у России и США есть общий интерес и в том, чтобы не допустить разрастания этнических и религиозных конфликтов в разных регионах, хотя подходы обеих стран к урегулированию конфликтных процессов не всегда совпадают. Есть у двух стран и другие параллельные интересы, связанные с вопросами перераспределения

мировых ресурсов. Это позволяет надеяться, что удастся не допустить разрастания расхождений и возврата к геополитической конфронтации, а в конечном счёте обеспечить позитивное взаимодействие на основе национальных интересов обеих держав в сочетании с интересами мирового сообщества.

ЛОГИКА И ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Никто из внешнеполитических партнёров не сомневается, что главной задачей внешней политики самостоятельной России является возрождение и укрепление её международных позиций. На реализацию этой задачи нацелена обновлённая Концепция внешней политики Российской Федерации. Одной из её особенностей является отсутствие идеологических установок или политических пристрастий к какой-либо политической силе, поворот к национальным интересам России и её гражданам, защита которых и есть предназначение внешней политики ответственного демократического государства.

Конструируя свою внешнеполитическую деятельность в сфере международной безопасности, Россия руководствуется тремя наиболее важными для укрепления её позиций положениями. К ним относятся:

1) обеспечение процессов формирования государственности России и защита её территориальной целостности;

2) создание условий, обеспечивающих стабильность и необратимость политических и экономических реформ;

3) активное и полноправное участие России в строительстве новой системы международных отношений, в которой ей было бы обеспечено достойное место.

Исходя из позитивной направленности выдвинутых положений, Россия может стать одним из инициаторов процесса реорганизации системы и институтов международной безопасности, вырабатывая в сотрудничестве с другими странами общую стратегию развития международных отношений. Более того, можно с уверенностью констатировать – к этой роли Россия вполне готова.

В отличие от многих других государств, Российское государство за последние двадцать лет, во-первых, не предпринимало действий, напрямую противоречащих международному праву, а значит, в целом воспринимается мировым сообществом как ответственный актор, не стремящийся обеспечить свою безопасность за счёт безопасности других игроков международной арены. Во-вторых, Россия уже предложила ряд инициатив, направленных на консолидацию мирового сообщества в таких важных вопросах, как ядерная энергетика, контроль над вооружениями и т. д. В-третьих, и это, пожалуй, главное, именно Российское государство заявило и активно пропагандирует идею необходимого переустройства международной системы безопасности.

Конечно, на пути к этой роли Россия столкнётся с существенными трудностями. Их причинами станут как действия отдельно взятых государств, направленные на снижение значимости участия нашей страны в мировых процессах, так и воздействие на поведение международных акторов закрепившихся в международной культуре стереотипов, которые были перечислены выше. Однако существует ряд важных факторов, воздействие которых на политические реалии способствует тому, чтобы Россия заняла подобающее ей место в мире. Так, консолидация Евросоюза без создания евроатлантического рынка может ослабить НАТО и вызвать серьёзные экономические и политические расхождения между США и Европой.

В то же время необходимо иметь в виду, что чрезмерное вовлечение России в европейские структуры безопасности чревато возникновением серьёзных

диспропорций между европейским и азиатским элементами внешней политики России. Положение страны может стать достаточно двусмысленным в случае её автоматического подключения как «европейской» державы к коллективным акциям Запада в отношении крупных региональных конфликтов с участием мусульманских государств (наподобие кризиса в Персидском заливе).

В связи с этим особое внимание должно быть уделено участию России в различных миротворческих акциях в составе контингентов сил по поддержанию мира под эгидой международных систем безопасности. Формируя политику участия, важно учитывать, кто является инициатором этой акции, под эгидой какой международной (глобальной или региональной) организации она осуществляется, а также соотносить с целями участия этноконфессиональное многообразие России и дифференцированность её интересов в Европе, Азии и других регионах. Неучёт данных факторов может привести не только к бесполезности участия России в этих акциях с точки зрения локализации конфликтов, но и к прямому вовлечению России в военные действия.

В последние годы Российская Федерация обрела определённый вес в международных отношениях, восстановив статус их значимого субъекта. Мир переживает структурную трансформацию, выражающуюся, в частности, в снижении влияния США. Этот мир готов к диалогу. Мировой финансовый кризис продемонстрировал, что современный мир становится действительно глобальным, вынудив большинство стран сотрудничать в кризисной ситуации. В своей совокупности эти факторы создают международную ситуацию, действуя в которой и используя тщательно проработанную, взвешенную и гармоничную внешнеполитическую стратегию, Россия может добиться желаемых результатов.

Но при этом Россия должна преодолеть системный кризис и восстановить свою экономическую, политическую и военную мощь. Если этого не произойдёт, то она рискует превратиться во второстепенного участника системы международных отношений. Сохранение адекватного места в мировой политике и экономике требует, чтобы Россия уже в ближайшие годы вышла на путь ускоренного экономического и гуманитарного развития.

* * *

Наполнение конкретно-историческим содержанием внешнеполитической концепции поможет приобрести России свойственную ей самодостаточность. Россия найдёт и займёт своё неповторимое место в мире. Положение региональной державы с ограниченными международными интересами, какой она видится сегодня скептикам от геополитики, сменится ситуацией, в которой России будут обеспечены выходы на роль мировой державы. Евразийская стратегия будет способствовать решению этой задачи и позволит России обрести надёжных партнёров на Западе и Востоке и занять место одного из главных центров экономического и политического влияния.

Интенсивное внедрение новых международных институтов способствует не только интеграционным процессам, но и укреплению системы международной безопасности. Это две стороны одного глобального процесса, нацеленного на развитие мировой цивилизации. Между странами стали развиваться многообразные, глобального характера торгово-экономические, инвестиционные и информационно-коммуникационные связи, закладывающие тем самым объективный фундамент взаимозависимости и взаимозаинтересованности в установлении стабильности мирового порядка, которой так не хватает в настоящее время.

Особую роль в интеграционных процессах, вероятно, будет играть АСЕАН как организация, ставящая цель – превратиться в открытую площадку для диалога по всем направлениям развития и стабильности. Нельзя исключать, что страны этой группы смогут пойти на опережающие меры в плане собственной экономической интеграции по сравнению с другими участниками. Региональная

интеграция в рамках АСЕАН вступает в противоречие с такими глобальными форумами, как ВТО и АТЭС. В целом же темпы и глубина интеграционных процессов, например, в АТЭС, будут, видимо, отставать не только от ЕС, но и от НАФТА (зоны свободной торговли Западного полушария). Кстати, НАФТА и в перспективе зона свободной торговли Западного полушария могут создать внушительную опору для конкурентной борьбы как на европейском, так и на тихоокеанском направлении, что не исключает конфликтно-коллизийных событий.

Учитывая сложный системно-сетевой характер современных отношений, складывающихся в сфере международной безопасности, в рамках системы международной безопасности оказалась закреплена модель поведения сильного государства.

Окончательные контуры новой структуры мировой политики и экономики ещё не определились. Возврат к многополярности, т. е. к такой системе международных отношений, где действует несколько главных центров силы, свидетельствует о сложности взаимодействия – от соперничества до союзничества.

Поддерживать устойчивость многополярной системы значительно сложнее, чем биполярной. Как учит история, такой подвижный баланс сил с постоянно эволюционирующим составом участников и изменяющимся соотношением их возможностей чреват дестабилизацией, которая может привести к вооружённым столкновениям. Тем не менее, сбалансировать многополярную систему без России – задача крайне сложная.

Российское государство, продемонстрировав готовность и способность не только отстаивать свои интересы на мировой арене, но и стремление оптимизировать как международные отношения, так и систему международной безопасности, вновь отстояло подобающий его ресурсному потенциалу и исторической судьбе международный статус.

Россия вступила в XXI в. с осознанием своей ответственности и с готовностью активно участвовать в формировании мирового порядка, основанного на диалоге, на международной безопасности и сотрудничестве.

(Источник: Безопасность Евразии, 2013, № 2)

Глава 28. В.Н. Кузнецов

О сущности достойной позиции и смысле СОЗИДАЮЩЕГО ПОСТУПКА В КОНТЕКСТЕ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ РОССИИ XXI*

Динамика и смысл важнейших Событий 2011 (январь – декабрь) – 2012 годов (январь – 20 декабря) выявили, по мнению автора статьи, реальную и устойчивую востребованность многими гражданами страны научного Большого Проекта развития России для её граждан, семей, народов.

Основанием выделения «важности События» автор исследования обозначил доминанту достойной жизни, свободу и ответственность, мир и безопасность.

Суть, структура, концептуальность, методология, институционализация научного материала для предложенных выводов и рекомендаций разрабатывается автором с 2003 года по настоящее время, в работах учёных нашей научной школы (школа Кузнецова) тематика Большого Проекта, Гуманитарного Стратегического Манёвра представлена в работах 2000–2012 годов.

РАЗДЕЛ I

ПОЗИЦИЯ АВТОРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теперь **о моей научной позиции**, которую считаю необходимым и возможным кратко охарактеризовать в первом разделе статьи, а по ходу исследования раскрыть её более подробно. Здесь и сейчас несколько ключевых, по моему мнению, тезисов.

1. Полагаю возможным и необходимым утверждение, что в 2003–2012 годах *оформилась культура жизни* граждан России, что проявилось в реальных фактах складывания созидательного единства многообразия народов страны. Обозначились *контуры общенациональной цели и общенациональной идеи* – достижение достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, продвижение к справедливости и счастью для всех. Практически впервые за многие годы стали понятны главные доминанты движения, стратегии страны – куда и зачем мы идём; в чём наши идеалы и ценности; кто мы и как мы существуем в современном мире; что Россия имеет правильный, динамичный курс в направлении достижения позитивного переустройства общества; в достижении устойчивого мирного сотрудничества как между людьми в своей стране, так и с другими странами.

И согласных, и несогласных граждан с переменами в российском обществе XXI века дополняют сомневающиеся. Речь идёт о гражданах, которые сомневаются как в позициях согласных, так и несогласных; которые затрудняются определить свою позицию; которые, возможно, безразличны к переменам; которые равнодушны к судьбе России. *Самые предварительные итоги изучения влияния реальных людей на судьбу России в XXI веке (согласные, несогласные, сомневающиеся) позволяют предложить тезис о складывании принципиально новой ситуации в понимании источников воли и энергии, интеллекта и силы на переломном этапе истории.* По моему мнению, впервые за многие годы перемен в России обозначилась *позитивная созидательная субъектность*: народы, миллионы реальных граждан-творцов, ответственных и созидателей настоящего и будущего страны. Именно они формируют новую элиту: честных, нравственных, порядочных граждан, патриотов своей Родины.

Главная особенность первого тезиса: настоящее и будущее страны зависит от конкретного участия, деятельности каждого из нас, от наших личных Позиций и Поступков для достижения реального и желаемого уровня и качества жизни, достоинства, благополучия и безопасности, справедливости и счастья. Теперь необходимо сформировать Повестку Дня на 2012–2020 годы Себе – Народу и Гражданину, предложить Послание Самим Себе, чтобы потрудиться для своей безопасности, для безопасности Другого, для безопасности всего Общества, всей России. Полагаю, такой подход диктуется не столько логикой научного исследования, а стремительностью конструктивных, созидательных, творческих Позиций и Поступков конкретных наших соотечественников.

2. Считаю исключительно важным для блага Отечества состоявшийся в 2008–2012 годах процесс обретения народами России, её обществом, государством российским трёх духовных и национальных лидеров: Владимира Путина, Патриарха Кирилла, Дмитрия Медведева.

В повседневной реальности 2000–2012 годов оформились Общенациональная Цель и Социальный Идеал (они совпадают в эти годы по смыслу и содержанию): равенство каждого человека перед законом, справедливость, правда и достоинство для всех. Позитивно воспринят идеологический тезис Президента России Владимира Путина (Санкт-Петербург, 2007): *Россия*

* Глава подготовлена на основе одноимённой статьи её автора в журнале «Безопасность Евразии», 2012, № 2.

как страна-идея; а также идеологический тезис Президента России Дмитрия Медведева (Санкт-Петербург, 2010): *Россия как страна-мечта*.

Многими гражданами России, которые ориентированы на светские нравственные и духовные ориентиры, а также многими гражданами нашей страны, которые ориентированы на православие, ислам, буддизм, иудаизм, католичество, позитивно воспринята объединяющая духовная деятельность Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

3. Именно в 2000 и 2010 годах чётко определено, что Народ России является главным носителем суверенитета Российской Федерации и единственным источником власти в России¹ (2000, 10 января). В 2010 году Президент России Д. Медведев чётко и понятно отметил, что Российская Федерация управляется и контролируется только её народом².

Таким образом, народ России является Главным Субъектом развития России, модернизации России, управления Россией.

Народ России определился и самоуполномочил себя в 2000–2012 годах на роль главного творца смыслов новой российской народной объединяющей идеологии, её носителя, её Субъекта.

Становление и функционирование новой российской народной (национальной), объединяющей, патриотической, государственнической идеологии – повседневная реальность.

Главный Смысл народной идеологии – содействие духовному и нравственному, культурному существованию каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

Теоретической особенностью народной идеологии является её укоренённость на культуре, религии всех народов России; на народное творчество, искусство, на гуманизм, на общественные науки.

Методологические основания: определённость в сфере проявления геокультурных, когнитивных подходов как кластерной, институционально-сетевой облачной (web 3.0) парадигмы.

Институциональные основания сложились на основе самодеятельности миллионов российских граждан в пространстве Интернета, в социальных сетях, с опорой на традиции общественных процедур основных религиозных конфессий: православия, ислама, буддизма, католицизма, иудаизма и т. д. Особо значима деятельность неправительственных объединений (НПО), инициативных мозговых центров (работающих для блага народов России на законных основаниях).

В итоге – народная российская объединяющая идеология культуры устойчивого развития России, культуры модернизации оформилась (2000–2012 гг.) как умная гуманитарная сеть – облачная (web 3.0) методология, теория и технология. Это самоактивизирующийся общероссийский институт, взаимодействующий с входящими в него (в сеть) гуманитарными кластерами.

Организационная и процессуальная особенность новой национальной идеологии: её важный вектор (*одна из причин необходимости для Народа самоуполномочить себя на идеологическое творчество*) – чёткая ориентированность её как идеологии устойчивого развития, идеологии модернизации на повседневное и повсеместное противодействие идеологиям терроризма (она воспринимается как идеология насилия, устрашения), преступности и коррупции. Эти антинародные идеологии – прежде всего, сетевые идеологии.

Поэтому, только несистемная, кластерно-сетевая, облачная народная идеология России способна здесь и сейчас, повсеместно и повседневно блокировать, минимизировать, упреждать и преодолевать идеологии террористов, преступников и коррупционеров.

Ситуационной особенностью народной идеологии России является её принципиальная способность на идеологические компромиссы, на опережающие идеологические компромиссы. Сейчас это важно: весной, летом и осенью, зимой 2012 года достаточно открыто и аргументировано обозначились и действуют граждане, *которые служат России со всем её прошлым, настоящим и будущим. Здесь и сейчас обоснована моя позиция.*

Представили народу, российскому обществу своё лицо, свои позиции, свои идеологии, свои программы действий уважаемые граждане, которым нужна Другая Россия. По Конституции России; по традициям общественной, политической жизни они имеют право служить Другой России.

Понятно, что во имя высшего блага Отечества, наших детей, родителей мы можем найти и осуществить приемлемые компромиссы, чтобы в итоге все люди жили достойно, безопасно, были свободными и счастливыми.

Долгосрочной, фундаментальной особенностью новой народной идеологии является её обусловленность, взаимосвязь с современным гуманизмом, с современным мировоззрением.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации». Москва. Кремль, 10 января 2000 года, № 24 // Социология безопасности: Хрестоматия. М., 2003. С. 38, 39.

² Фаризова С. Россию контролирует российский народ // Известия, 2010, 29 апреля.

Полагаю возможным предложить суждение о том, что основные причины бедности и обнищания в России XXI века – интеллектуальные, идеологические. Именно социология может многое сделать для народов России в радикальном преодолении бедности.

Проблема бедности, **несправедливого неравенства** может стать одной из самых понятных и важных национальных целей в 2012–2020 годах. И прежде всего по той причине, что такая общая работа может быть основана на гражданском компромиссе самых различных граждан, конфессий, партий.

По существу, я имею в виду складывающийся социальный и интеллектуальный, идеологический капитал российского общества. Значительная часть такого капитала может пойти на преодоление бедности.

4. События в России 2008–2012 годов, во многих странах мира (общий кризис всех систем жизнеобеспечения, отказ от классического гуманизма, от Вестфальской системы миропорядка) может быть интерпретирован как развёртывание глобальной структурной гуманитарной революции¹.

Автор статьи интерпретирует кризисные состояния гуманитарных взаимодействий в этот период как возможность и необходимость понимать смысл событий через новый образ мира – как мира коммуникаций, как коммуникационное общество². Да, речь идёт о продвижении вперёд от информационного общества второй половины XX века, первых трёх – пяти лет XXI века.

Теория и методология социологического, философского, экономического, политологического изучения жизни коммуникационного общества может быть дополнена геокультурной парадигмой (вместе с геополитической и геоэкономической).

5. Один из самых актуальных вопросов для всего исследования – это вопрос о результатах исследований в этой статье, полученных, по мнению автора, в итоге проделанной работы. Такой вопрос можно и необходимо, по моему мнению, сформулировать так. **«Может ли реально и экстренно Концепция Большого Проекта развития России XXI; современное мировоззрение; мировоззрение «честного человека»; убеждение в необходимости повседневной и повсеместной работы для мира и безопасности; вера в общечеловеческие и национальные ценности; поступок за мир, за безопасность для Всех содействовать предотвращению возможной глобальной ядерной войны?»**

Итоги моего исследования, весьма дискуссионные, позволяют ответить, надеюсь, на такой вопрос положительно.

Здесь важно обозначить такое обстоятельство: всем нам гражданам, всем нам учёным всех специальностей, всем нам учёным обществоведам; всем нам социологам важно здесь и сейчас включиться в социологическую работу по содействию предотвращению готовящейся США, НАТО, ЕС мировой ядерной войны; по разработке Большого Геокультурного Проекта развития России; по разработке облачных методологий; по разработке незападного национального российского гуманистического мировоззрения 2012; по разработке народной идеологии устойчивого развития России.

Для такой работы нам необходимо только желание и стремление работать, действовать для мира и безопасности, для России без каких-либо предварительных условий: заключить «общественный договор между властью и обществом», заключить «социальный контракт между властью и обществом».

Полагаю, что есть Конституция России; полагаю мы служим народам России, нашей Родине без каких-либо контрактов и договоров.

А действовать важно и необходимо сейчас и здесь: Другой России у нас нет³.

¹ Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения. М., 2012.

² Сергеева Л.И. Становление политики коммуникационной безопасности // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Кузнецов В.Н. Культура создающего национализма как важный когнитивный фактор обеспечения культуры национальной безопасности России в XXI веке. *Статья третья* // Безопасность Евразии, 2012, № 1.

³ Дробизева Л. Ответ национального большинства // Известия, 2001, 7 декабря. С. 11; Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // Профиль, 2008, 23 июня; Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия, 2010, 15–17 октября; Неклесса А. Борьба за будущее // Независимая газета, 2010, 29 декабря; Ципко А. Есть вещи страшнее российского бунта // Независимая газета, 2010, 29 июня; Богатуров А. Шанс для новой парадигмы в мировой политике // НГ-Дипкуррьер, 2010, 7 июня; Кузнецов В.Н. Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти: Научный доклад. М., 2011; Кронгауз М. Мода на просветителей // Известия, 2011, 1 декабря; Глазьев С. Как оседлать волну: О стратегии развития экономики России в условиях глобальной нестабильности // Независимая газета, 2012, 3 февраля; Ослон А. Апология умной толпы // НГ-Сценарии, 2012, 28 февраля; Меньшов В. «Нужно понять, чего хочет народ» (Вопросы задавал О. Пухнавцев) // Литературная газета, 28 декабря 2011 – 3 января 2012, № 52; Проханов А. Пасхальный свет русской истории // Завтра, 2012, № 16.

Важнейший фундаментальный вопрос для всего предстоящего исследования можно сформулировать так: «Кто в личном качестве готовит, учреждает и формирует Большой Проект, народную идеологию развития России XXI; современное мировоззрение?»

Автор статьи по ходу всего исследования, в других своих работах, предложил своё обоснование: *главным Субъектом становления Большого Проекта развития России XXI, народной объединяющей идеологии, современного мировоззрения является Народ.*

В сложных событиях 1999–2012 годов многие представители власти, науки, экспертного сообщества, «ответственный класс», «политический класс», «креативный класс», средства массовой информации самоустранились (по разным причинам) от повседневного участия в разработке и формировании современного мировоззрения, национального мировоззрения, «мировоззрения честного человека», от участия в разработке народной идеологии развития России; от участия в процессах «окультуривания», «омировоззренения» народа; от повседневной просветительской гуманистической работы.

Народ в 1999–2012 годах самоуполномочил себя в качестве Главного Субъекта творца, учредителя формирования и функционирования Большого Проекта, мировоззрения; Главного Субъекта формирования народной идеологии устойчивого развития России, её модернизации¹.

Народ самоуполномочил себя и в качестве Главного Субъекта в преодолении, блокировании участия коррупции, преступности, терроризма, милитаризма, «пофигизма» и равнодушия в мировоззренческих, духовных, идеологических процессах; в процессах «раскультирования», «размировоззренения» народа, нации.

Для пояснения такой позиции автора исследования приведу сведения о реальном влиянии преступных группировок как субъектов политических процессов во всех сферах жизнеобеспечения народов России в 1998–2007 годах (см. табл. 1).

Существует точка зрения, представленная во многих дискуссиях, что разрушение СССР в 1990–1991 годах стало сомнительным итогом очередной «демократической», «либеральной» революции в России.

Таблица 1

Распределение мнений о сосредоточении реальной власти, конкретного влияния руководителей преступных группировок как субъектов политических процессов в 1998–2007 годах

Субъекты политических процессов – руководители преступных группировок	1998 г.	2001 г.	2003 г.	2006 г.	2007 г.
Место среди других субъектов политических процессов	1	3	3	4	6
Количественные показатели (в % к числу опрошенных)	80	63	67,8	57,2	31,5

Источник: Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011. С. 223 (рис. 5), с. 224 (табл. 5), с. 225 (табл. 6–7), с. 269 (табл. 11–12), с. 270 (табл. 13–15), с. 271 (табл. 16).

Вот итог для 1998 года (основа – обстоятельные, доказательные итоги социологических исследований): в 1998–2003 годах в России главными субъектами политических процессов стали преступные группировки.

И только с 2004 года по настоящее время начинается реальный демократический (не либеральный, не консервативный) процесс в политической сфере, во всех основных сферах жизнеобеспечения граждан России, её народов.

Эти позитивные процессы для духовной, мировоззренческой сферы (сравните, пожалуйста, 1998 год – 80% и 2007 год – 31,5%).

Не исключено, что смысл, суть главной доминанты мотивации многих теоретиков и организаторов либеральной, нелиберальной («демократической») революции 2011–2012, многих участников действий коррупционеров, преступников, террористов в 2011–2012 годах, – «раскультирование», «размировоззренение» народа. Это их борьба против реальной конструктивной созидательной деятельности Умного Народа России как Субъекта культуры развития России; как Главного Умного Субъекта управления Россией; как Главного Умного Субъекта в создании народной идеологии развития России, её модернизации; как Главного Умного Субъекта создания национального незападного гуманистического мировоззрения 2012 года и последующих лет.

6. Для всех нас в России, для всех народов мира в 2012 году исключительно велика роль Геокультурного Проекта развития России XXI, который в ситуации приближения к фазе острой вероятности возникновения глобальной ядерной войны может стать Мобилизационным Проектом народов России для её защиты, для сохранения Мира и Безопасности всем народам мира.

¹ Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М., 2010; он же. Партнёрство. М., 2011.

Такой же подход важен и к функционированию народной государственнической объединяющей идеологии развития России как к мобилизационной идеологии для ситуации техногенных катастроф, стихийных бедствий, возможности агрессивной глобальной ядерной войны против России в 2012–2013 годах.

7. Главный новый и востребованный источник создающей воли и энергии для достоинства, благополучия и безопасности каждого человека в нашей стране в 2012–2020 годах – последовательное и повсеместное собрание интеллекта и сил всех российских народов. В сложные периоды жизни России, СССР, России именно сами народы спасали, возрождали, развивали своё Отечество. Определённо можно утверждать, что возможность и необходимость воссоздания умного и мощного, действительно гуманного государства обусловлено талантливым соединением интеллекта народов России и силы всего нашего потенциала. Именно так: ум и сила, энергия и воля. Возможность участия каждого человека в обеспечении справедливости и достижении счастья для многих понятна и посильна. Но особенность этапа жизни страны (осень–зима 2012 года) предполагает востребованность нового качества: нужна цепкая, внимательная и умная работа каждого из нас, россиян, на своей малой Родине. Однако очень важна деятельность для Другого человека, для Всей России, для государства.

Полагаю, что всепроникающая, массированная работа идеологов, экономистов, политологов, социологов и других представителей интеллектуальных профессий, которые стремятся убедить нас, что России до 2013–2020 годов предстоит прозябать на обочине мировой истории, что люди в нашей стране ленивы, трусоваты, вороваты и вообще «неправильные люди», «несостоявшиеся люди» может быть преодолена именно нашей совместной умной и энергичной работой. При наличии реальных противоречий между согласными, несогласными, сомневающимися (безразличными, равнодушными) возможен и необходим конструктивный гуманитарный компромисс во имя достоинства, благополучия и безопасности Каждого Человека; справедливости и счастья для Всех. Эту реальность, эту тенденцию важно понять, увидеть: здесь есть трудности понимания, здесь есть и сознательная работа наших уважаемых оппонентов как внутри страны, так и вне её с желанием и стремлением деформировать тенденцию к единению народов России.

* * *

Поэтому, полагаю я, научная проблема единения народа, создания и продвижения Большого Проекта Развития России XXI; достижения конструктивного создающего гуманитарного компромисса; нового гуманизма XXI века; нового Московско-Шанхайского миропорядка и нового мировоззрения; создания российской государственнической патриотической идеологии – Общее Дело для народа; для нас, учёных обществоведов.

Наши научные разработки необходимы и востребованы.

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ КАЖДОГО ИЗ НАС КАК КУЛЬТУРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ НАШУ И ВАШУ КУЛЬТУРУ БЕЗОПАСНОСТИ

Культура жизни сегодня может быть понята как суть, смысл Большого Проекта Развития России XXI. Если есть достойная жизнь, или представление о ней, мечта о культуре жизни, то можно говорить, размышлять о культуре развития, о культуре безопасности.

Почти сразу восприятие повседневной реальности предлагает иронию, разочарование, скепсис: по отдельности важные концепты – свобода, справедливость, достоинство, правда, развитие, безопасность или плохо работают, или совсем их не видно.

Необходима их взаимосвязь, взаимообусловленность. Необходимо сотрудничество, сотрудничество, солидарность людей, их партнёрство для обеспечения совместной работы таких концептов: нужен Проект, нужен Большой Проект, нужен Кластер, нужен Гуманитарный Кластер смыслов развития, безопасности, достойной жизни, справедливости.

Любопытный факт: в апреле 2012 года на заседании Госсовета Президент России Дмитрий Медведев в своём выступлении подвёл итоги 4 лет работы Президентом. «Через две недели завершится срок исполнения мною полномочий Президента Российской Федерации. Предварительные итоги нашей общей работы я подвёл в декабрьском Послании Федеральному Собранию. Там же обозначил свое видение приоритетов нашей страны на ближайшее будущее. Сегодня хотел бы сделать это несколько более подробно, – уточнил он суть своей речи в самом её начале. – Сразу подчеркну: подготовка конкретных планов работы будущего Правительства – задача уже новых структур власти. Эти планы должны быть представлены Госдуме в рамках процедуры назначения председателя Правительства. Но **считаю, что как действующий Президент, я обязан выразить свою позицию по поводу идеологии развития нашей страны, России**»¹. (Выделено мною. – В.К.).

¹ Медведев Д. Больше свободы // Российская газета. Неделя, 2012, 26 апреля, № 16. С. 2.

В итоге, все основные сюжеты важного выступления Президента России Дмитрия Медведева (Фактически анализ Большого Проекта – развития России XXI) были рассмотрены им через объединяющий феномен **«идеология развития нашей страны, России»**.

Ещё один интересный факт: в сентябре 2012 года газета «Завтра» на первой полосе опубликовала Манифест партии «Родина»¹. По сути – здесь представлено новое видение Большого Проекта развития России XXI: видение партии «Родина». Главные энергетические, синтезирующие, интегрирующие программные скрепы Манифеста – идеология, мировоззрение.

«Мы уверены, что только идеология деятельного национального патриотизма сможет объединить наш народ в единую политическую нацию и придать государственной машине необходимый импульс к активным действиям в условиях нарастания политической борьбы за мировое лидерство и ресурсы. Основной своей политической целью партия «РОДИНА» считает борьбу за власть и уважение сограждан. Таковую поддержку мы рассчитываем получить путем реализации нашей программной задачи и главного национального приоритета – сбережения, развития и преумножения народа российского.

Мы считаем, что основой нового национально-патриотического мировоззрения должны стать три базовых принципа:

НАРОДНОЕ ГОСУДАРСТВО. Взаимоотношения власти и народа необходимо строить, исходя из всенародно согласованных стратегических национальных интересов России. Государство, классы и общество в целом ни при каких условиях не должны противостоять друг другу. Социальная и национальная солидарность для нас – закон общественной жизни.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО. Народы России должны стать политической нацией, объединенной традициями, взаимным уважением и общим делом.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. Территориальная целостность России и повсеместная защита человеческих прав и национального достоинства соотечественников понимается нами как абсолютная ценность. Собираение коренных земель России мирным путем также горячо нами приветствуется.

Эти и другие основополагающие принципы нашли свое отражение в Программе партии «РОДИНА». Наша Программа – это русский ответ на вызовы XXI века, концепция национальной стратегии развития России в современных условиях². (Выделено – подчёркивание – мною. – В.К.).

Таким образом, с учётом представленных событий, с учётом исследований автора статьи³, можно отметить наличие следующих факторов (взаимосвязанных) создающих и сохраняющих кластер – Большой Проект Развития России XXI: культура жизни, культура развития, культура безопасности, идеология, компромисс, мировоззрение, партнёрство.

Оправданно, на мой взгляд, возникает вопрос: каковы механизмы обеспечения порядка и свободы, стабильности и законности в обществе единения народов России. Речь идёт о важнейшей проблеме жизни людей: о справедливости, о свободе и ответственности, о правах и обязанностях; о безопасности; о компромиссе. И самый важный ответ должен быть сформулирован в форме теории и, прежде всего, на уровне методологии.

Смысл принципиально новой динамики перемен в России и во всём мире обстоятельно и последовательно развернул Владимир Владимирович Путин. В своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (2007, 10 февраля)⁴, а также в ответах на вопросы, заданные участниками конференции в ходе обсуждения этой речи⁵. По моему мнению, важнейшее концептуальное и методологическое значение содержания выступления В.В. Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 года) в своевременном, упреждающем определении главной проблемы XXI века. Её суть в чётком оформлении настроения и желания всех людей в нашей стране, в других странах надеяться и приближать возможность жить достойно и безопасно, свободно и по справедливости, стремиться к счастью. Поэтому решающее значение в разрешении такой проблемы – обязательность участия самих людей в достижении таких ориентиров жизни.

Сегодня и завтра в декабре 2012 года, и в последующие дни вместе с нашим Президентом России Владимиром Путиным нас ждёт главная работа и забота, главное служение Отечеству – **развернуть Россию к каждому человеку**.

¹ Манифест партии «Родина» // Завтра, 2012, № 39, Сентябрь. С. 1.

² Там же.

³ Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения. М., 2012; Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011; Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М., 2010; Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М., 2010; Кузнецов В.Н. Социология справедливости. М., 2008; Кузнецов В.Н. Культура безопасности. М., 2002.

⁴ Путин В.В. «Прошу на меня не сердиться». Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета. Столичный выпуск, 2007, 12 февраля. С. 1, 2.

⁵ Путин В.В. «Мы же с вами сейчас дискутируем»: Вопросы из зала: Ответы Владимира Путина // Российская газета. Столичный выпуск, 2007, 12 февраля. С. 3.

Да, для такой структурной революции нам предстоит продолжить гуманитарный стратегический манёвр, нам предстоит осуществить общероссийский опережающий гуманитарный стратегический компромисс для объединения интеллекта, таланта, умений и технологий (в условиях уже ощущаемого дефицита времени), во имя достоинства, доверия, безопасности и благополучия, справедливости и счастья для Всех.

Да, формирующийся Геокультурный Созидающий Российский Проект XXI века – Возрождение России, Развитие России XXI, может стать российской мечтой, может стать глобальной мечтой, может стать Глобальным Проектом как Посланием от народов России народам всех стран.

Да, энергичная и волевая, глобальная и конкретная совместная деятельность миллионов граждан во всех странах мира могут способствовать «гуманитарному развороту мира к каждому человеку» в процессе создания и осуществления глобального стратегического гуманитарного компромисса, культуры развития и культуры партнёрства во имя достойной и безопасной жизни каждого человека по справедливости, по правде¹.

Процессуальность такого «разворота» как «концерта народов всего мира» объективно и субъективно может решительно способствовать созданию справедливой архитектуры миропорядка и мироустройства XXI века; надёжной и понятной структуры глобальной безопасности; необратимому наполнению главных смыслов и результатов кризисных перемен позитивной динамикой, позитивными итогами осуществления всемирной структурной гуманитарной революции XXI века.

Оформление в рамках социологического научного дискурса международной дискуссии о смысле Повестки Дня 2012 дополняет практики функционирования справедливого и безопасного рефлексией по поводу формирования новых Правил Игры при формировании и осуществлении международной повестки дня как 2012 года, так и последующих лет.

Я обозначаю тем самым фундаментальные основания новой глобальной доминанты научного дискурса – власть идей, во-первых, как новая идеология мироустройства XXI века. Таким образом, считаю необходимым отметить, что начальный этап создания и функционирования «не-Западной» культуры партнёрства, политической культуры, социологии политики и политической философии состоялся. Эта тенденция отражена в содержании научного доклада автора «Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти»².

Во-вторых, исходной сущностной характеристикой нового социологического научного дискурса становится дуальная позиция «справедливость – компромиссность».

Важнейшей особенностью моего подхода к становлению нового гуманизма; содержания и структуры, процессуальности и эвристики, технологий и механизмов Повестки Дня 2012, Правил Игры 2012, Глобальных Целей Развития 2012–2015 стало понимание его «ядра». В его структуре – изучение и ориентированность на безусловное формирование позитивного и динамичного отношения к труду; к преодолению бедности и несправедливого социального, экономического, информационного неравенства; к содействию в борьбе против международного терроризма и организованной преступности, коррупции.

В смысловом «ядре» нового гуманизма я особо выделяю духовность. В его основе могут быть выделены: общенациональная цель, социальный идеал, основные ценности, смысл жизни, российская мечта, надежда, вера (доверие), историческая память, патриотизм, культура патриотизма. Отсюда – сохранение и развитие образа жизни, гармоничное соотношение прав и свобод человека и его ответственности, обязанностей, долга. И отсюда – солидарность, терпимость, ориентированность на согласие и сотрудничество.

Именно здесь ключ к нравственному возрождению человека в России, к позитивной самоидентификации, к нравственному самоопределению народов Российской Федерации. *Здесь единство прошлого (исторического сознания – традиций, образа жизни), настоящего (культуры патриотизма, конструктивного доверия, солидарности, ответственности) и будущего (моя безопасность через нашу безопасность, через безопасность Другого); российская мечта; ориентир на консолидацию; совесть, правда и справедливость*³.

Социологичность в таком подходе связана, на мой взгляд, с геокультурным подходом, который ориентирован на человека, семью, народ; на их статусы, роли, на их связи и отношения, на культуру коммуникации.

¹ См.: *Примаков Е.М.* Мысли вслух. М., 2011.

² См.: *Кузнецов В.Н.* Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов, всех структур власти. Научный доклад (научная монография). М., 2011.

³ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, 2012, 13 декабря, № 287.

В-третьих, понятна новая локальная, региональная и глобальная научная проблема. Речь идёт о стремлении каждого человека в России, в Евразии, во всём мире обрести здесь и сейчас достоинство, справедливость, свободу, благополучие и безопасность.

РАЗДЕЛ III

БОЛЬШОЙ ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ РОССИИ XXI – НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КОНСТРУКТИВНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОЛИ, ЭНЕРГИИ, МОТИВАЦИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В 2012 ГОДУ

95 лет назад оформилась «новая реальность» XX века: состоялся действительно Глобальный (по последствиям) Геополитический Проект – две революции в России.

Да, в XXI веке Президент России Владимир Путин правомерно назвал развал Союза Советских Социалистических Республик в 90-е годы XX века «крупнейшей геополитической катастрофой века».

Да, в 2000–2012 годах Народы России своим трудом, творчеством, настойчивостью, своим интеллектом создали и осуществляют новый Большой Проект. Я говорю о Глобальном Геокulturном Гуманитарном Проекте Возрождения России. Я говорю о Проекте Мира XXI века: о новой геокulturной модели мироустройства (о Проекте Путина, Кирилла, Медведева – Проекте России).

Да, по существу, в 2000–2012 годах оформилась интересная и важная, по моему мнению, социологическая проблема: как понимать смысл способа решения важнейших проблем XXI века «социологически»; как понимать преемственность (от геополитического проекта XX века – к геокulturному проекту XXI века) и новизну в оформившемся Большом Проекте Возрождения России, Развития России в XXI веке?

Моя уверенность основывается на возможности в ходе анализа и синтеза становления Большого Проекта рассмотреть его через уроки Питирима Сорокина в контексте ведущей глобальной тенденции гуманитарных перемен в XXI веке. Это позволяет мне обосновать основы конструктивной программы действий, которые могут «социологически» содействовать предотвращению возможной ядерной войны XXI века, возможной геокulturной катастрофы XXI века¹.

Через 95 лет после двух Великих Глобальных Геополитических Революций в России.

Научная проблема исследования в статье

Эти предварительные соображения и позволяют содействовать пониманию подхода автора статьи к формулированию научной проблемы исследования, его новизны и особенностей предмета исследования и рабочей гипотезы, обоснованию самой возможности исследования, его структуры и места в современном научном дискурсе.

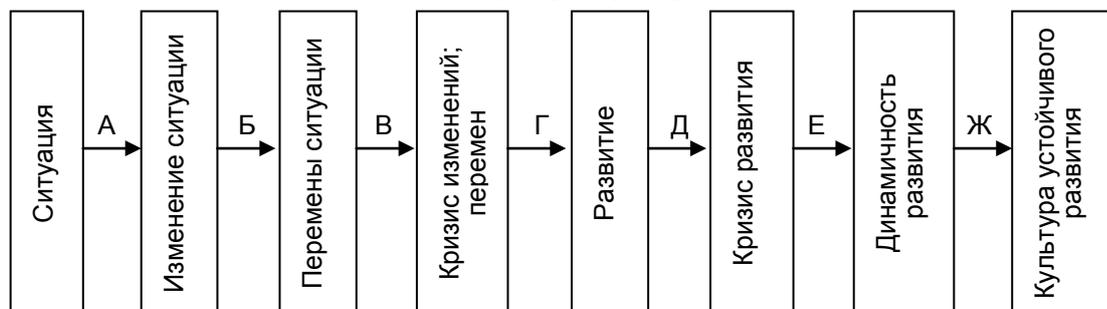
Самая **главная идея** моего исследования, инновационная и фундаментальная, представлена в содержании конструкта «*культура устойчивого развития*».

Первым шагом в понимании сути предложенного феномена может послужить примерная **концептуальная схема исследования**, включающая сеть слабых взаимодействий (см. рис. 1).

Вторым шагом можно обозначить реальность прерывности, парадоксальности и нелинейности продвижения от исходной ситуации через изменения, перемены, кризисы к культуре развития. Здесь на рисунке 1 обозначения А, Б, В, Г, Д, Е, Ж соответствуют социальным и гуманитарным взаимодействиям, способствующим самим изменениям.

Рисунок 1

Взаимодействия в сфере культуры устойчивого развития

Суть инновационности рассматриваемого авторского подхода к феномену «культура устойчивого развития» в методологизации, концептуализации, институционализации созда-

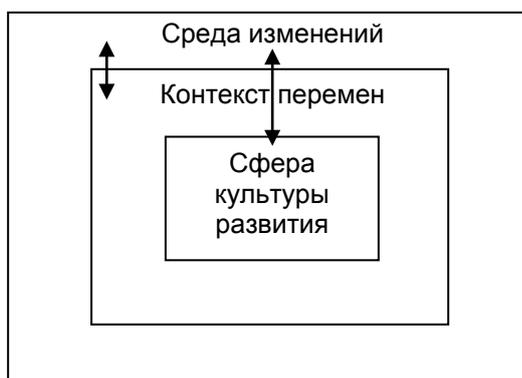
¹ Неклесса А. Мир на пороге новой геокulturной катастрофы // Политический класс, 2005, № 5.

тельного подхода к смыслам и реальностям повседневной жизни людей на основе приоритетности культуры жизни и культуры мира, содействующих поступкам каждого человека, учреждающих каждодневно его достоинство, справедливость и правду.

Методологическая схема исследования впервые обеспечивает понимание и концептуализацию взаимосвязей на уровне слабых взаимодействий (слабых рисков, слабых связей) *глобальной среды, регионального контекста и локального* институционально-сетевого феномена (как культурного явления) в условиях реального масштаба (пространства) и времени (см. рис. 2).

Рисунок 2

Взаимодействия в сфере культуры устойчивого развития с учётом контекста и среды перемен

Актуальность и востребованность научной проблемы исследования «культуры устойчивого развития» для каждого человека, всех народов и государств, современной цивилизации может быть определена как необходимость преодоления всеобщей модели развития для потребления и сверхпотребления с неизбежностью всеобщего антагонистического противоречия, разрешаемого противоборством культуры жизни, культуры мира с культурой войны и культурой смерти.

Таким образом, изучение теории и методологии становления «культуры устойчивого развития» реально вводит различие между культурой жизни, культурой мира и культурой безопасности с противостоящей им культурой потребления, культурой войны и культурой смерти.

В итоге оформляется понимание источника динамики, энергетике и воли как главное антагонистическое противоречие между культурой жизни, культурой мира и культурой устойчивого развития с противостоящими им культурой смерти, культурой войны и культурой потребления.

В ходе исследований социологии компромисса (2007 г.), во всех трёх томах моей работы «Гуманитарные взаимодействия» (2008–2009 гг.) я выделил и обосновал восемнадцать факторов, способствующих, по итогам моих исследований, социологическому предотвращению возможности возникновения глобальной ядерной войны XXI века. Последовательность и формулировка каждого фактора во взаимодействии с императивами и постулатами формирующейся глобальной безопасности представлены в структуре таблицы 2.

Переход процессуальности культуры развития в её практики происходит при значительном влиянии оформленной и приемлемой для конкретных субъектов культуры развития: научной парадигмы, научного мировоззрения, модели мироустройства и миропорядка, своего образа жизни и культуры, принятой и воспринятой идеологии. Именно эти обстоятельства в решающей степени влияют на конкретные технологии и механизмы осуществления культуры развития, её функционирования, её трансформации.

* * *

Таким образом, основные этапы формирования и продвижения Большого Геокультурного Проекта Развития России в XXI веке позволяют предложить читателям самый предварительный вывод – Созидательный, Конструктивный Проект Развития России XXI существует. Он, а это Мы Все Вместе – работает.

Таблица 2

Логика гуманитарных взаимодействий
(гуманитарных факторов, гуманитарных императивов, гуманитарных постулатов)
для социологического предотвращения возможности развязывания глобальной
ядерной войны в XXI веке
Концепция Кузнецова

Императивы мироустройства, глобальной безопасности	Последовательность факторов	Смысл факторов обеспечения глобальной безопасности ¹	Постулаты Московско-Шанхайского миропорядка: Правила Игры Повестки Дня на XXI век; глобальной безопасности
3. Концептуальная компромиссность	Первый Фактор	Новая фундаментальная теория компромиссности	1. Благожелательность и Универсализм для Всех
	Второй Фактор	Идеология мироустройства XXI века (Проект России)	
	Третий Фактор	Солидарная культура компромисса (по Богатурову) как опыт предотвращения возникновения ядерной войны в XX веке	
	Четвёртый Фактор	Стратегическая партнёрская культура компромисса	
	Пятый Фактор	Культура жизни как ведущая конструктивная сторона главного глобального противоречия XXI века «культура жизни – культура смерти»	
2. Новый (не-Западный) гуманизм XXI века	Шестой Фактор	Глобальное интеллектуальное лидерство России в XXI веке	2. Культура компромисса как солидарная культура компромисса, как стратегическая партнёрская культура компромисса
	Седьмой Фактор	Роль Российского Геокультурного Созидательного Проекта XXI века – Возрождения России (Проекта В.В. Путина) ²	
	Восьмой Фактор	Общенациональная Цель России во взаимодействии с Целями развития тысячелетия	
	Девятый Фактор	Практика и теория организации внутренней и внешней среды под влиянием глобальной структурной гуманитарной революции XXI века	
	Десятый Фактор	Традиции и новаторство в становлении нового мировоззрения XXI века как деятельность человека добродетельного	
	Одиннадцатый Фактор	Политическая философия модели мироустройства (Проекта России)	
	Двенадцатый Фактор	Единство компромиссности и справедливости как главная сущностная доминанта Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века (Концепция Кузнецова)	
1. Справедливость как стратегическая идея для России и всего Мира	Тринадцатый Фактор	Экономика справедливости и компромиссности, их выгодность и полезность на основе этики компромиссности, экологической этики	3. Культура развития через культуру предотвращения для каждого человека, каждой семьи, каждого народа, каждого государства, всей цивилизации
	Четырнадцатый Фактор	Компромиссность как кооперативность и коммуни-тарность	
	Пятнадцатый Фактор	Технологии и механизмы компромиссности через самокритику	
	Шестнадцатый Фактор	Практики глобального гуманитарного стратегического компромисса как деятельность человека жизнелюбивого, компромиссного, самокритичного, играющего	
	Семнадцатый Фактор	Новая фундаментальная методология создающего компромисса через критику критики компромиссного как деятельность человека рефлексирующего, сомневающегося, ответственного	
	Восемнадцатый Фактор	Воспитание потребности и умений искать компромиссы и осуществлять их	

¹ Обоснование каждого фактора см.: Кузнецов В.Н. Социология компромисса. М., 2007.

² Кузнецов В.Н. Социология содержания и структуры модели мироустройства XXI века (проекта Путина): Традиции и новизна. М., 2007.

РАЗДЕЛ IV

НАЛИЧИЕ НЕОБХОДИМОГО И ДОСТАТОЧНОГО НАУЧНОГО И ЭКСПЕРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РОССИИ 2012 (ТЕОРЕТИЧЕСКОГО, МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО, ПРОЦЕССУАЛЬНОГО, ЭВРИСТИЧЕСКОГО) В СОДЕЙСТВИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ БОЛЬШОГО ПРОЕКТА

Самое предварительное осмысление трёх этапов становления Большого Геокультурного Проекта устойчивого развития России в XXI веке диктует необходимость рассмотреть характер и содержание научного потенциала, содействующего возникновению Проекта, функционированию в качестве контекста позиций и поступков граждан страны.

Дискуссии

Как и в 2012 году, на этапе становления Проекта в 2000–2004 годах самым острым дискуссионным вопросом стал аспект необходимости, возможности, приемлемости (компромисса) и достаточности народной, государственнической, объединяющей идеологии.

Во все периоды становления и функционирования Большого Проекта одним из ключевых звеньев смысла, содержания, сути Проекта Развития России XXI является проблема: возможно ли развитие без идеологии; возможно ли достижение достойной жизни человека, его счастья, свободы, справедливости, правды без идеологии; возможно ли обеспечить безопасное развитие, устойчивое развитие без идеологии; может ли армия защитить мир и безопасность человека, семьи, народа, государства, общества без государственнической патриотической объединяющей идеологии?

Объединяющая идеология российского общества 21 – это относительно устойчивая артикулированная совокупность понятий и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку: в формировании и конструктивном функционировании исторической памяти, российской мечты и смысла жизни на основе уважительного диалога, культуры мира и культуры патриотизма, в достижении им достойного качества и уровня благополучия, надёжной безопасности; в интерпретации прошлого, осмыслении настоящего и в понимании будущего¹.

Именно это определение оказалось в центре широкой научной дискуссии, состоявшейся в ряде научных учреждений России в октябре – ноябре 2003 года после публикации моей статьи «**О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект**» (Безопасность Евразии, 2003, № 3).

5 ноября 2003 года в Отделении общественных наук Российской академии наук на основе Института социально-политических исследований РАН состоялась открытая научная дискуссия по теме «Формирование объединяющей российской идеологии XXI как научная проблема». Поводом для дискуссии послужили многочисленные заинтересованные отклики на публикацию этой статьи.

На подготовительном этапе дискуссии (сентябрь – октябрь 2003 г.) полный текст моей статьи и платформа дискуссии² были представлены в Интернете, разосланы в академические институты РАН, региональные научные центры, ряд государственных университетов. Статья была обсуждена на научно-практических конференциях в Южном федеральном округе (Ростов), Алтае (Барнаул), Казани, Краснодаре, Санкт-Петербурге. Были проведены «круглые столы», методологические семинары и конференции в Челябинске (проблема воспитания патриотизма в молодёжной среде), в Москве (с участием ИСПИ РАН, Института социологии, Института сравнительной политологии) по проблемам национальной государственности).

Непосредственно в мероприятиях дискуссии приняло участие 540 человек. В их числе 6 академиков РАН, 4 члена-корреспондента РАН, 140 докторов наук (социологов, философов, правоведов, психологов, политологов), 94 кандидата наук, а также аспиранты и научные сотрудники академических институтов Отделения общественных наук РАН, вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Краснодара, Барнаула, Казани и других городов.

В процессе обсуждения проблемы в Академии наук выступили академики РАН – Г.В. Осипов, Т.И. Ойзерман, Д.С. Львов, Л.Н. Митрохин, В.Л. Макаров, члены-корреспонденты РАН – В.Н. Иванов, Р.Г. Яновский, доктора наук – А.С. Капто, Ю.Г. Волков, Б.Ф. Славин,

¹ Кузнецов В. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии, 2003, № 3. С. 38.

² Вопросы для обсуждения в ходе дискуссии. Актуальность научной проблемы: важность объединяющей идеологии для изменяющейся России в 21 веке. Реальность консолидации, реальность квазиконсолидации. Многообразие идеологий в российском обществе и становление объединяющей идеологии. Объединяющая идеология как идеология российской консолидации 21. Возможность инноваций в идеологической сфере. Патриотизм, культура патриотизма и объединяющая российская идеология 21. Субъект и объект идеологии консолидации. Социологический аспект исследований объединяющей российской идеологии 21. Экономический аспект исследований объединяющей российской идеологии 21. Политический аспект исследований объединяющей российской идеологии 21. Философский аспект исследований объединяющей российской идеологии 21. Проблема нового гуманитарного синтеза как условие становления объединяющей российской идеологии 21.

В.В. Касьянов, А.Р. Тузиков, А.В. Тихонов. В числе выступивших были также представители научных журналов, учебных заведений, практические работники¹.

Предложения и суждения поступили из институтов философии, государства и права, социологии, человека, сравнительной политологии, психологии, центрального экономико-математического, Дальнего Востока РАН.

В совокупности основных научных проблем, ставших ключевыми осями обсуждения, выдвинулась проблема формирования нового мировоззрения человека, его нравственности и ориентации на ответственность и гражданскую позицию по отношению к другому человеку, российскому обществу и государству. Эту линию наиболее полно представили в своих выступлениях академики Г.В. Осипов и Т.И. Ойзерман, которые выделили важность каждодневного внимания к сбережению человека, семьи и российского народа, что могло бы стать стратегической целью всех уровней российской власти.

Ключевой темой прошла научная проблема достижения справедливости и равноправия как в социально-экономическом аспекте, так и в понимании современного труда и воздаяния за труд. Именно в этом контексте академик Д.С. Львов убедительно показал, что без опоры на принципы справедливости, равноправия и законности идеология консолидации не получит практического воплощения в жизни населения России и может остаться очередной теоретической схемой.

Особое внимание и остроту обсуждения вызвали у участников форума вопросы веры, свободы совести в соотношении с принципами терпимости, доверия и сотрудничества. Этому было посвящено выступление академика Л.Н. Митрохина, который показал, что без объединяющей российской идеологии в сложных реалиях 21 века достигнуть оптимального сочетания этих категорий, свойств и качеств едва ли возможно.

Примечательно и закономерно, что практически во всех выступлениях тема патриотизма проходила красной линией. Этот смысловой блок впервые был рассмотрен через призму междисциплинарных научных исследований. Причём в ходе обсуждения впервые наряду с геополитической и геоэкономической гуманитарной парадигмой были представлены и новые возможности раскрытия и понимания места патриотизма в современном мире через геокультурные подходы в контексте с формирующейся российской идеологией консолидации 21 века; становления Большого Геокультурного Проекта развития России XXI.

Следует отметить, что во многих выступлениях при анализе методологических и теоретических вопросов становления и формирования объединяющей идеологии отмечены новаторские, инновационные по своей сути подходы «Научной школы Кузнецова» в исследованиях механизмов, технологий и инструментов «строительства» идеологической сферы XXI века: это сетевые подходы, институционально-сетевая методология, геокультурная парадигма, высокие гуманитарные технологии, социология культуры безопасности.

Суммируя итоги содержательной компоненты начавшейся тогда общероссийской научной дискуссии по проблемам идеологии, необходимо выделить главное.

– Впервые на российском политическом пространстве объективно сложилась уникальная ситуация и предпосылки для сотворчества научной интеллектуальной элиты и власти в достижении объединяющих целей.

– Этот фактор может стать краеугольным камнем, основой для обеспечения интеллектуального прорыва к смыслу и назначению идеи консолидации для всего российского общества.

– Способом реализации этой ситуации может стать консолидация культурно-исторического, интеллектуального и социального капитала российского общества, целенаправленная мобилизация научного сообщества как субъекта создания объединяющей идеологии на достижение конкретных общегуманитарных и государственных целей.

– Впервые за последнее десятилетие значительная часть научной и интеллектуальной ответственности России консолидировано выразила публичную готовность взять на себя ответственность за адекватную оценку социально-экономической и нравственной ситуации, за обоснование ключевых интересов большинства населения, теоретическую разработку стратегического развития российского общества, выработку механизмов формирования необходимой идеологической среды, отражающей главное для человека – смысл жизни, веру, надежду и российскую мечту.

– В дискуссии участвовали учёные, ориентированные на разные идеологические концепции. По существу, в этой дискуссии обозначились самые предварительные контуры культуры идеологического компромисса.

¹ Обзор хода дискуссии представлен в статье М.Ю. Попова «В поисках идеологии консолидации» // Социологические исследования, 2004, № 10.

29 сентября 2004 г. в Российской Академии наук прошёл первый этап общенациональной дискуссии по теме: «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук».

Центром дискуссии стал доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, член-корреспондента РАН, **«ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ: БЕЗОПАСНОСТЬ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА – КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке».**

Инициаторами дискуссии выступили отделение общественных наук РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Институт социологии РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный социальный университет, Ростовский государственный университет, Казанский государственный университет, Институт США и Канады РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт сравнительной политологии РАН, Институт Африки РАН, научно-теоретический журнал «Безопасность Евразии»¹.

Самый важный предварительный итог дискуссии состоит в том, что реальное осмысление общенациональной цели для каждого человека, народов страны, российского общества и государства действительно является основополагающим фактором консолидации всех групп и слоёв России. Практически во всех выступлениях чётко был выделен ключевой тезис: формулирование и принятие всеми нами общенациональной цели может в кратчайшие сроки и наиболее эффективно сплотить российское общество, упрочить единство всей страны на основе реального доверия между народом и властью, обеспечить уверенность в достижении честности, благополучия и безопасности каждого гражданина России. Именно при таком подходе, по убеждению большинства выступающих, впервые научно-теоретическое обоснование управления государством выходит в практическую плоскость, в т. ч. и в сфере консолидированного противодействия в борьбе с терроризмом, преступностью и коррупцией.

В докладах академиков РАН В.Л. Макарова, Г.В. Осипова; член-корреспондентов РАН В.Н. Иванова, С.В. Рогова; проректора Ростовского государственного университета Ю.Г. Волкова, декана социологического факультета МГУ В.И. Добренькова, заместителя директора департамента образования г. Москвы Ю.В. Громыко особенно отчётливо прозвучали следующие тезисы:

– новый подход Правительства России к проблеме «управления по целям» заслуживает поддержки и соответствующего научного сопровождения со стороны гуманитарных институтов РАН;

– разработка концепции государственнической идеологии – ещё одна актуальнейшая проблема – требует объединения усилий научного сообщества, всех ветвей власти и институтов гражданского общества;

– внятная и воспринятая общенациональная цель и народная идеология – ключевое условие для конструктивного и постоянного диалога между властью и молодым поколением, что обеспечивает культурно-историческую преемственность и, вместе с тем, восприимчивость к инновациям; к Большому Геокультурному Проекту Возрождения Отечества в XXI веке.

Считаю поучительным суждение известного социолога С.И. Григорьева, представленное в качестве предисловия к материалам «круглого стола» по поводу этого моего доклада. Событие состоялось 17 октября 2004 года в городе Барнауле (Алтайский край)².

«На Алтае, в Барнауле, на базе факультета социологии Алтайского госуниверситета, в октябре текущего года прошло второе заседание "круглого стола", посвящённое на сей раз публикации научного доклада В.Н. Кузнецова "Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук", – поясняет С.И. Григорьев. – Инициатива проведения "круглого стола" по новой работе В.Н. Кузнецова была поддержана руководством Координационного совета Межрегиональной общественной организации "Объединение социологов Сибири" Российской социологической ассоциации и Российского общества социологов, Алтайского регионального научного центра СО РАО.

¹ Обзор хода дискуссии представлен в статье Ю.Г. Волкова «Гуманистическая перспектива России как общенациональная цель» // Социально-гуманитарные знания, 2005, № 1.

² **Общенациональная цель для России начала XXI века как фундаментальная проблема исследования в науках о человеке и обществе.** Материалы «круглого стола» в г. Барнауле 17 октября 2004 г. (к публикации научного доклада д.с.н., чл.-корр. РАН, директора Института социальных и политических исследований РАН В.Н. Кузнецова «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук»). Барнаул, 2005.

В сборнике материалов представлены доклады и тезисы выступлений участников «круглого стола», проведённого на ФС АлтГУ 17 октября 2004 года по научному докладу В.Н. Кузнецова «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук». Сборник предназначен для всех жителей России, не равнодушных к судьбе страны, её национально-государственному развитию, безопасности коренных народов, населяющих сегодня Российскую Федерацию, для исторически ориентированной общественности.

Основную часть участников "круглого стола" составили ученые, работающие в Центре социальной экспертизы, анализа и прогноза факультета социологии Алтайского госуниверситета, актив МОО "Объединение социологов Сибири". Их оценка подхода В.Н. Кузнецова к решению поставленной проблемы различны. Однако все они, так или иначе, признают стратегическое значение тематики, постановки вопроса, сформулированного одним из ведущих организаторов социологической науки в современной России – директором Института социальных и политических исследований РАН, членом-корреспондентом РАН, Кузнецовым Вячеславом Николаевичем.

Очевидно, что возрождение национально-государственного развития России сегодня невозможно без четкого понимания общенациональной цели, способной объединить общество, усилить государство, активизировать национальную элиту. При этом вполне определенно сегодня вырисовывается два основных уровня понимания общенациональной цели, формата ее характеристики: во-первых, определение этой цели как **сохранение основ безопасности национально-государственного развития страны в качестве основной гарантии социальной безопасности человека и общества, ее коренных народов**. Это общая, наиболее широкая трактовка базовой, фундаментальной стратегически важной задачи, необходимой для страны во все времена. Одновременно, во-вторых, следует отметить, как минимум, один уровень трактовки общенациональной цели, которая определяется **спецификой каждого стратегически значимого исторического момента развития общества и государства в России, его главной задачей, позволяющей сохранить и обеспечить эффективное развитие человека и общества в стране**.

Именно второй уровень трактовки общенациональной цели современной России чаще всего вызывает дискуссии у политиков всех уровней и оттенков политического спектра. Именно эта проблематика вызывает наиболее острые дискуссии и большие разногласия¹.

Летом 2010 года мне удалось прочитать фундаментальное исследование (648 страниц): интересную книгу известного политолога и публициста, доктора философских наук Бориса Фёдоровича Славина «Идеология возвращается» (подписана в печать 3.12.2009). Её первая глава называется так: «Россия в поисках идеологии и модели развития».

«Критерием жизнестойкости любой идеологии всегда является ее конечное соответствие действительности. Каждый раз, когда она отвечала вызовам времени и потребностям масс, она стимулировала поступательное движение общества, и, напротив, отрыв идеологии от реальной жизни приводил к политическим ошибкам и человеческим трагедиям».

«...Ясно одно: ни "казарменный социализм", ни "олигархический капитализм" большинству людей не нужен. Им нужен "третий путь", на котором не будет стихийного развития, войн, голода, террора, безработицы, социального и национального угнетения... Им нужно общество, возвышающее, а не принижающее человека, создающее ему условия для свободного развития всех его способностей и талантов, дающее блага жизни не избранным, а всем без исключения. Возможность существования такого общества доказана историей, в частности, тем социальным выбором, который отстаивали революционные массы в Октябре 1917 года, реформаторы во время "Пражской весны" в Чехословакии, студенты и рабочие в "майских событиях" 1968 года во Франции, сторонники Перестройки в Советском Союзе».

«...Можно повернуться спиной к мерзостям и несправедливостям жизни, делая вид, что их не существует, но от этого мир не становится лучше. Значит, за лучший мир следует бороться каждому, в ком сохраняется совесть и чувство свободы. А бороться можно всегда, причем тем способом, который ты знаешь лучше других».

Борис Славин²

У Бориса Славина вторая глава книги «О наблевшем: сказанное и недосказанное» начинается с раздела «Необходим альтернативный проект будущего», который имеет подзаголовок: (Выступление при обсуждении доклада чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова на тему «Есть ли у России общенациональная цель?» – 24 ноября 2004 г.).

Действительно, я имел честь и удовольствие быть приглашённым на заседание клуба «Свободное слово», которым в 1988–2008 годах руководил известный философ и культуролог Валентин Иванович Толстых. Заседание клуба состоялось 24 ноября 2004 года в Институте философии РАН. Надеюсь, что читатели отметили: Б.Ф. Славин указан в числе выступавших 5 ноября 2003 года на первой дискуссии по моей статье об идеологии в Отделении общественных наук РАН.

Здесь, на заседании клуба «Свободное слово» (24 ноября 2004 года) Б.Ф. Славин в своём выступлении высказал ряд интересных критических замечаний по поводу моего сообщения.

¹ Общенациональная цель для России начала XXI века как фундаментальная проблема исследования в науках о человеке и обществе. Материалы «круглого стола» в г. Барнауле 17 октября 2004 г. ... С. 5–6.

² Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М., 2009. С. 2.

Во-первых, он не согласился с моим обоснованием «главной цели общественного развития». Во-вторых, он не согласился с моей трактовкой соотношения идеала с осуществлением различных целей. Я согласился с его критикой.

Вместе с тем, его выступление действительно стало событием в интеллектуальной жизни клуба «Свободное слово». Особенно хочу отметить его соображения о роли народа в создании реального народного «жизненного общественного проекта»¹.

Люди, Идеи, Позиции

Началом мировой социологии компромисса, по моему мнению, стали работы П.А. Сорокина о возможности и необходимости идеологического компромисса, что было осуществлено в обосновании теории конвергенции. *Эта линия науки весьма важна для становления и функционирования Большого Проекта.* Фактически П.А. Сорокин продолжил и углубил «социологически» понимание механизма компромисса, предложенного В.И. Лениным.

Эти соображения были в основе его доклада «*Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу*» на XIX Международном конгрессе социологов в Мехико.

Содержание доклада П. Сорокина участниками конгресса было воспринято с огромным интересом. Фактически под влиянием П. Сорокина сложилось мощное направление в мировой общественной науке как концепции: «конвергенции», «стадий экономического роста», «постиндустриального общества», «гибридного общества».

Доклад П. Сорокина уже в 1960 г. был издан на английском, испанском и немецком языках. Текст начинался с главного суждения: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому ("свободное предпринимательство") типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшем десятилетии. Будучи несогласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа»².

Для моего исследования становления Большого Геокультурного Проекта развития России XXI особенно актуальны и важны суждения Питирима Сорокина о роли компромисса, точнее – культуры компромисса при создании новой модели (по Сорокину), способной синтезировать плюсы и блокировать минусы исходных объектов.

Выделим такие звенья в концепции П. Сорокина:

- смысл объединения – совместное решение общих проблем: разоружения, создания новой системы ценностей, экономических;
- предотвращение упадка капиталистической системы;
- наделение коммунистической системы способностями и умениями удовлетворения жизненных потребностей людей;
- позитивное влияние на мировую динамику через конвергенцию, содействующую созданию смешанного социокультурного типа, который при благоприятных условиях может трансформироваться в «блистательный интегральный порядок в обеих державах так же, как и во всей человеческой вселенной»³;
- сохранение и развитие мировой культуры, так как реальный фундамент взаимной конвергенции уже содержится в сопоставимости важнейших ценностей, семейных отношений, досуге и спорте, многих видов искусства, основ главных религий.

Правомерно и поучительно суждение Э. Тириакияна, ученика П. Сорокина, о значительности теории конвергенции. «Не правда ли, – отметил он, – что **Сорокин предвидел ветер перемен в современной России и в Китае?!**»⁴. (Выделено мною. – В.К.).

Идеи Питирима Сорокина, других учёных из разных стран мира о возможности и желательности культуры компромисса через конвергенцию получили развитие в СССР в работах вы-

¹ Славин Б.Ф. Необходим альтернативный проект будущего (Выступление при обсуждении доклада чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова на тему: «Есть ли у России общенациональная цель?» – 24 ноября 2004 г. // Он же. Идеология возвращается. М., 2009. С. 71.

² Sorokin P. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Muxed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology, 1960, № 1.

³ Sorokin P. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Muxed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology, 1960, № 1.

⁴ Tiryakian Ed.A. Sociology's Dostoyevski: Pitirim A. Sorokin // The World and I, 1988, № 9. P. 580.

дающего учёного-физика и общественного деятеля Андрея Дмитриевича Сахарова. Прежде всего, назову его манифест «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Текст манифеста был впервые опубликован 22 июля 1968 года в газете «New York Times». Автор убедительно раскрыл проблему опасности глобальной войны из-за противостояния СССР и США. Его основной тезис: желательно и необходимо продвигаться к компромиссу, к постепенной (по Сорокину) конвергенции двух государств, двух образов жизни, двух общественно-политических систем¹.

В феврале 1987 года проходил Международный московский форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». А.Д. Сахаров согласился принять в нём участие. Он понимал, что его участие в Форуме неизбежно будет в той или иной степени использовано для чисто пропагандистских целей. «Но я исходил из того», – написал Сахаров в воспоминаниях, – «что положительное значение публичного выступления после того, как многие годы мой рот был полностью зажат, – гораздо существенней»².

Первое выступление А.Д. Сахарова состоялось 14 февраля на заседании посвящённом сокращению стратегических вооружений, второе – 15 февраля – на заседании по проблеме запрещения подземных испытаний. Мысли, высказанные Сахаровым, во многом отличались от официальной советской позиции, во многом же совпадали с ней.

В своём первом выступлении Андрей Дмитриевич связал решения политических и гуманитарных проблем с прогрессом в области разоружения и международной безопасности. Но здесь же подчеркнул и обратную зависимость: «Демократизация и либерализация в СССР и тесно связанной с ними экономической и социальной прогресс будут затруднены без ослабления гонки вооружений»³. Академик подчеркнул, что «кардинальным, окончательным решением проблемы международной безопасности является конвергенция, сближение мировых систем социализма и капитализма»⁴. Таким образом, основная концепция Сахарова осталась неизменной.

В этом выступлении академика отразилась корректировка его концепции в соответствии с изменившимися общественно-политическими условиями в стране и в мире.

Содержательное и конструктивное развитие идеи конвергенции, идеи культуры компромисса получили в разработанном А.Д. Сахаровым Проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии».

Осенью (ноябрь) 1989 года А.Д. Сахаров передал свой Проект М.С. Горбачёву с просьбой ознакомиться, опубликовать и осуществить обсуждение.

Полный текст Проекта «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» впервые был опубликован 12 декабря 1989 года в литовской газете «Комьяунимо тесы». Следующая публикация – журнал «Горизонт».

По воспоминаниям Е.Г. Боннэр, и в последние дни жизни А.Д. Сахаров вносил уточняющие правки в Проект Конституции. Он ждал и надеялся. Он хотел принять участие в заседаниях Конституционной комиссии первого Съезда народных депутатов СССР (А.Д. Сахаров был избран в её состав) по обсуждению Проекта своей Конституции.

Сам документ А.Д. Сахарова состоит из нескольких машинописных страниц. Основное внимание автор уделил трём главным, по его мнению, проблемам. Во-первых, разгосударствлению общества. Во-вторых, свободе, независимости и защищённости человека. В-третьих, созданию принципиально другого Союза суверенных республик для справедливого решения всех тревожных межнациональных конфликтов.

Во всех Конституциях говорится о правах и свободах граждан, о благосостоянии и т. д., но только в сахаровском проекте говорится о счастливой и полной духовного смысла жизни как подлинной цели каждого человеческого существа (Статья 2).

В Конституции А.Д. Сахарова впервые провозглашается идея приоритета глобальных идей выживания человечества перед любыми региональными, национальными, государственными, классовыми, партийными, групповыми и личными интересами (Статья 3).

Идея конвергенции, выдвинутая в 1960 году Питиримом Сорокиным и другими западными учёными, развитая и скорректированная Сахаровым применительно к советскому обществу, также нашла отражение в его проекте Конституции. В нём провозглашается принцип плюрализма и терпимости в основе всех сфер жизни общества (Статья 7), упоминается об отказе от мессианства, экспансии и агрессии (Статья 12). Последнее представляется необходимым как для нас самих, так и

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990. С. 19–20.

² Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. М., 1986.

³ Сахаров А.Д. Выступления на Московском форуме // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1990. С. 230.

⁴ Там же. С. 233.

для возникновения доверия к возрождённой России со стороны других народов. Это также нашло отражение в новой Конституции РФ 1993 г. (Статья 13)¹.

В Проекте своей Конституции Сахаров создал образ не капиталистического или реформированного социалистического общества, а общества, которое должно возникнуть в результате конвергенции. Это – открытое общество, не содержащее в себе угрозы миру, соблюдающее основные гражданские и политические свободы, имеющее стабильно развивающуюся экономику на основе прогресса и использования опыта двух различных политических систем – капиталистической и социалистической. Такому обществу, по мнению Сахарова, принадлежит будущее.

Важным этапом становления и развёртывания Большого Геокультурного Созидющего Проекта развития России XXI можно, по моему мнению, назвать содержательные итоги «круглого стола» на тему «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность». Интересная дискуссия состоялась 30 августа 2006 года в «Российской газете».

Формальным поводом для встречи стали актуальные смысловые аспекты в статье известного юриста Валерия Дмитриевича Зорькина, председателя Конституционного суда Российской Федерации, «Апология Вестфальской системы». Она была опубликована в столичном выпуске «Российской газеты» 22 августа 2006 года. Точнее: это была перепечатка статьи из журнала «Россия в глобальной политике» (2004, № 3, май–июнь).

Таким образом, через восемь дней после повторной публикации (22 августа – 30 августа) в редакции газеты для обсуждения статьи собрались: председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, заместитель руководителя администрации президента Российской Федерации – помощник президента РФ Владислав Сурков, зав. кафедрой конституционного права юридического факультета МГУ Сурен Авакьян, председатель партии «Родина» Александр Бабаков, председатель федерального политсовета партии «Союз правых сил» Никита Белых, генеральный директор фонда «Центр политических технологий» Игорь Бунин, заместитель генерального директора ВГТРК Андрей Быстрицкий, заместитель председателя Государственной Думы, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» Вячеслав Володин, генеральный директор ФГУ «Редакция "Российской газеты"» Александр Горбенко, первый заместитель председателя Российской демократической партии «Яблоко» Сергей Иваненко, заместитель директора Центра политической конъюнктуры России Виталий Иванов, председатель Комитета Госдумы по труду и социальной политике, член фракции «Единая Россия» Андрей Исаев, председатель Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов, первый заместитель председателя Российской партии ЖИЗНИ Николай Левичев, главный научный сотрудник Института государства и права РАН Леонид Мамут, член Общественной палаты РФ Сергей Марков, первый заместитель председателя ЦК КПРФ, член совета фракции КПРФ в Госдуме Иван Мельников, профессор МГИМО, член Общественной палаты РФ Андраник Мигранян, гендиректор Агентства политических и экономических коммуникаций Дмитрий Орлов, президент Фонда эффективной политики Глеб Павловский, зам. декана факультета прикладной политологии Высшей школы экономики Леонид Поляков, первый заместитель руководителя фракции ЛДПР в Госдуме Егор Соломатин, главный редактор газеты «Московские новости» Виталий Третьяков, главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин, член Общественной палаты РФ Алексей Чадаев².

Обстоятельный предварительный обзор дискуссии был представлен читателям России и многих стран мира на другой день – 31 августа в столичном выпуске «Российской газеты».

А практически полная стенограмма дискуссии была представлена в столичном выпуске «Российской газеты» 6 сентября 2006 года.

Таким образом, у меня есть возможность из осени–зимы 2012 года предложить отдельные соображения по поводу этого значительного интеллектуального события с учётом интересных комментариев хода дискуссии, которые были опубликованы во многих российских газетах.

1. Обзоры дискуссии в «Российской газете» и 31 августа и 6 сентября были опубликованы со справедливым, на мой взгляд, заголовком **«Пришли к согласию»**. Появился новый смысл: в процессе создания Повестки дня для Президента России – 2008 оформилось во имя России «Послание самим себе». Так я понимаю главный содержательный контекст всех выступлений участников обсуждения статьи В.Д. Зорькина «Апология Вестфальской системы».

ЭТОТ НОВЫЙ СМЫСЛ – инициативность и гражданственность самого человека, каждого из нас, ответственность за себя и за Россию – чётко и убедительно, на мой взгляд, сформулирован в журнале «Эксперт» Андреем Громовым. «Завершал "круглый стол" Владислав Сурков, – пишет он, – который выступил вполне эффектно и, как выражались в годы ранней перестройки, "откровенно". Он говорил о приоритете прав и свобод граждан, о "суверенитете не какого попало государства, а демо-

¹ Конституция Российской Федерации М., 1993.

² Пришли к согласию // Российская газета, 2006, 6 сентября. С. 3.

кратического", суверенитете, далеком от совершенства и "сшитом на скорую административную руку". Однако надо отдать должное заместителю главы президентской администрации: эффективной "откровенностью", уже изрядно поднадоевшей, содержание его речи не исчерпывалось. Говорил он вещи вполне концептуальные. Россия должна создать "свой дискурс", и только тогда она станет настоящим суверенной. "Если народ сам не производит образы и не посылает сообщения другим народам, то он не существует в политическом и культурном смысле". По сути дела, речь шла о необходимости геокультурного российского проекта, в дополнение к геополитическому ("Мировое энергетическое лидерство", например) и геоэкономическому проектам. В этом контексте вопрос о термине "суверенная демократия" и дискуссия вокруг него обретают немного иной смысл, чем вкладывали в него участники этой дискуссии. Это та самая разработка своего, российского, политического дискурса, то самое сообщение другим народам.

Другое дело, что волей и усилиями одной лишь администрации президента "суверенная демократия" или какая-либо другая геокультурная идея не может стать полноценным сообщением. Сурков, при всей его власти, не может посылать сообщения другим народам. Идеи становятся геокультурной реальностью, только когда они проработаны широким слоем элиты и приняты нацией¹.

2. В ходе обсуждения острейших проблем XXI века участники дискуссии реально пришли к компромиссу, к согласию по важнейшей проблеме: **необходимо «утруждать себя» выработкой смыслов и технологий для достижения свободы, ответственности, демократии, безопасности и справедливости.**

Своеобразным обобщением содержания «Послания самим себе» могут служить слова Президента России Владимира Путина из его интервью старейшей европейской русскоязычной газете «Русская мысль». Интервью напечатано во время саммита Россия – ЕС, проходившего в Хельсинки (ноябрь 2006 года). «В современном взаимосвязанном мире, – читаем мы в 2012 году о сути Позиции нашего Президента в контексте Большого Проекта, – говорить о "западном" и "азиатском" путях развития можно только с достаточной долей условности.

Россия строит свою государственность на базе общих демократических ценностей и свобод, последовательно укрепляя гражданские институты. Наша политика нацелена на повышение эффективности рыночных отношений, раскрытие предпринимательской, творческой инициативы граждан, на укрепление социальных гарантий. Мы не стесняемся перенимать позитивный опыт наших партнеров как из Европы, так и из других регионов мира. И при этом стремимся к наиболее полной реализации поистине неисчерпаемого потенциала страны, опираясь на самобытную культуру, традиции и исторический опыт наших народов.

Россия уникальна, как и любое государство. **Свой путь мы можем пройти только сами, и насколько успешным он будет, зависит только от нас самих**². (Выделено мною. – В.К.).

3. Дискуссия показала наличие многих путей к культуре компромисса; к идеологическому компромиссу во имя человека, во имя семьи, во имя России; к Большому Проекту развития России XXI.

Но идти по пути к компромиссу необходимо каждому, самому. Требуется, по словам В.Д. Зорькина, автора статьи «Апология Вестфальской системы», настойчиво «утруждать себя»³.

* * *

Мы, каждый из нас, народы России, россияне, уже осуществляем Большой Проект Развития России XXI. Культура компромисса, культура партнёрства, культура согласия наши добрые попутчики на дороге к достоинству, безопасности, благополучию для каждого человека, справедливости и счастью для всех.

Повестка Дня для нас самих на 2012–2020 годы определилась как Глобальная Игра; как Глобальный Компромисс; как Культура–Сеть.

Оформилась «новая созидаящая гуманистическая реальность XXI века».

* * *

Подводя итоги исследований в четвёртом разделе статьи, отмечу:

основной мотив раздела – обоснование гуманитарного стратегического манёвра российских общественных наук, российской социологии для содействия в достижении каждым человеком, каждой семьёй, каждым народом, каждым государством – достоинства, благополучия, безопасности: всей совокупности Целей Человечества, согласованных всеми странами на Саммите тысячелетия в 2000 году;

¹ Громов А. Глас одинокого Суркова // Эксперт, 2006, 4–10 сентября, № 32. С. 66.

² Свой путь пройдем сами (Подготовила Екатерина Власова) // Российская газета, 2006, 27 ноября. С. 2.

³ Пришли к согласию // Российская газета, 2006, 6 сентября (столичный выпуск). С. 5.

оригинальность методологии исследования в своеобразии предложенной автором научной парадигмы: весь анализ и синтез осуществлены автором в контексте разработанной им геокультурной парадигмы, в которой Мир XXI века может быть рассмотрен как Культура – Сеть;

обязательным условием конструктивности и созидательности функционирования российского геокультурного создающего Проекта автор статьи обосновал строительство нового мировоззрения XXI века. Только его развёртывание, его приемлемость и востребованность сотнями миллионов людей могут содействовать реальному утверждению новой модели справедливого миропорядка;

глобальной высокой гуманитарной технологией, гуманитарным механизмом разработки, обсуждения, конструктивной критики, востребованности и динамики Послания Самим Себе может стать, уже становится, общероссийский, азиатский, евразийский, глобальный стратегический гуманитарный компромисс по проблеме достижения безопасности каждого человека.

РАЗДЕЛ V

НАЗНАЧЕНИЕ ПРОЕКТА (для кого?). – Мы сами. Каждый из нас. НАШИ ДУХОВНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ: ПУТИН, КИРИЛЛ, МЕДВЕДЕВ

Важнейший Вопрос – кому предназначен Большой Геокультурный Проект Развития России XXI?

Автор в первых четырёх разделах статьи предложил своё видение Ответа: Большой Проект предназначен нам всем, народу, России.

Позиция, поступок каждого из нас для Другого человека, для народа, для России – это Позитивное Событие: Со-Бытие. Мы все вместе создаём Сферу Со-Бытий: Событие+Событие+Событие... В итоге – формируется сфера событий, гуманитарный кластер событий, облако событий, сеть.

Тем самым мы вместе создаём и поддерживаем Сферу Коммуникаций.

Теперь тема развития сферы коммуникаций, тема безопасности сферы коммуникаций (коммуникационная безопасность), тема культуры коммуникационного – наше Общее Дело, наш Большой Проект устойчивого развития России в XXI веке.

О смысле мировоззрения Большого Проекта, о сути народной идеологии развития России XXI

Проблема Субъекта Большого Геокультурного Проекта устойчивого развития России тесно связана с проблемой его Объекта.

Самый *дискуссионный вопрос* в изучении становления современного мировоззрения – *проблема теории и практики Субъекта* учреждения, становления, формирования, функционирования, изменений, анализа действенности Большого Проекта, национального мировоззрения 2012. Здесь же важно отметить и проблему Субъекта народной идеологии развития России.

Объект современного мировоззрения – это, прежде всего, феномен человеческой жизни для каждого человека, феномен существования каждого народа, его образа жизни, его территории, его языка и культуры; это смысл жизни; это сохранение целостности человечества, смысла его социального бытия, стремления и процедуры своего понимания¹.

Возрастает значение в качестве объекта мировоззренческого процесса спектра смыслов гуманитарных, социальных, религиозных и культурных взаимодействий, обеспечивающих безопасность человека, безопасность народов, безопасность стран, регионов, глобального мира. Речь идёт о тонких, слабых и быстрых связях, об обеспечении сохранности (без искажений) самих смыслов, которое основывается на взаимообусловленности феноменов: справедливость, правда, компромисс, порядочность, честность, безопасность, партнёрство.

Предметность опирается на свою совокупность категорий, концептов, конструктов, смыслов; на специализированный научный дискурс; структурирование гуманитарных, социальных, религиозных, культурных взаимодействий в конкретных сферах жизни и жизнеобеспечения человека и народов: культура, мир и война, религия, наука, политика, экономика, право, экология.

Сама структура предметного поля социологии современного мировоззрения ориентирована на учёт перемен в состоянии объекта современного мировоззрения, в динамике человеческого потенциала, интеллектуального капитала, институциональной среды; на изменения правил игры в ходе осуществления согласованной повестки дня для сфер мировоззренческого.

Мы и наши лидеры

Проект Развития России XXI предназначен каждому из нас, каждому нашему духовному и национальному лидеру – Путину, Кириллу, Медведеву.

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 519–521.

Так же, как и Мы, наши лидеры являются Субъектами формирования, развития, корректировки Большого Проекта, новой «оптики».

Владимир Владимирович Путин, Президент России В парадигмальной матрице (схема 3) представлена методология схемы взаимодействий в практике Большого Геокультурного Проекта, возможной модели мироустройства XXI века. Более полно генезис такого Проекта может быть интерпретирован через смыслы и конкретику, обоснованные Президентом России Владимиром Путиным в первой половине 2007 года.

В своём выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года В. Путин чётко высказался по важнейшему политическому звену мироустройства. «Считаю, что для современного мира – пояснил он – однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. ... сама модель является вообще неработающей, так как в её основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. Вместе с тем всё, что происходит сегодня в мире ... это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира»¹.

Очень важен завершающий тезис этого выступления нашего Президента: «... нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнёрами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нём безопасность и процветание не для избранных, а для всех»².

Но ещё более значительным считаю выступление Президента России Владимира Путина на экономическом форуме в Санкт-Петербурге, в котором он, во-первых, обосновал возможность и необходимость говорить «не о том, как "встроиться" в реальность "западную", а о том, что нужно строить новую»³.

Во-вторых, в своём выступлении В. Путин по существу показал, что «Россия пытается вернуть устаревшую систему мирового устройства и занять достойное место в новом порядке»⁴.

Если в Мюнхене Владимир Путин не конкретизировал свои соображения о политическом аспекте нового мироустройства, то в Санкт-Петербурге перед многотысячной компетентной аудиторией учёных, бизнесменов, государственных деятелей он подробно обосновал предложения об изменении «архитектуры экономических отношений».

Характерно, что тематика пленарного заседания XI Петербургского международного экономического форума с участием «более половины ВВП мира» была обозначена символично: «Конкурентоспособная Евразия – пространство доверия». Вот что сказал Президент России Владимир Путин: «В интересах устойчивого развития необходимо формировать новую архитектуру международных экономических отношений – отношений, построенных на доверии и взаимовыгодной интеграции. И потому, не забывая о здоровой конкуренции, мы все должны двигаться к формированию общих взаимозависимых интересов и связей»⁵.

В итоге, В. Путин предложил трансформировать второе (экономическое) звено существующей модели мироустройства в новую модель, в которой Рубль может функционировать в качестве одной из резервных мировых валют. Торговлю В. Путин предложил рассматривать как совокупность региональных союзов и соглашений.

Таким образом, в 2007 году (Мюнхен – февраль, Санкт-Петербург – июнь) «сложился» контур нового мироустройства, как Проект России, как Проект Путина, как Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира XXI.

Его главными сущностными характеристиками, по-моему, могут быть названы три императива:

- первый императив – концептуальная компромиссность;
- второй императив – новый (не-Западный) гуманизм XXI века;
- третий императив – справедливость как Стратегическая Идея для России и для всего

Мира.

Образно и стратегически оригинально, по моему мнению, прокомментировал выступление Президента России Владимира Путина на XI Петербургском международном экономическом форуме Михаил Хазин именно в контексте формирования новой архитектуры глобального мироустройства: «Если текст и его содержание будут соответствовать практической политике, – отме-

¹ Путин В.В. Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета, 2007, 12 февраля. С. 1–2.

² Путин В.В. Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля // Российская газета, 2007, 12 февраля. С. 1–2.

³ Там же.

⁴ Николаева Анна. Критик мирового масштаба // Ведомости, 2007, 13 июня. С. А2.

⁵ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/133642.shtml>. 10.06.2007.

тил М. Хазин, – то мы присутствовали при провозглашении абсолютно нового курса, курса, который тотально ломает либеральную модель как по своим принципиальным положениям, так и по конкретным предлагаемым методикам их осуществления. И даже если нет – то те фрагменты, которые вызвали его появление, не могут ещё не сказаться в нашей жизни»¹

**Кирилл,
Патриарх Московский
и всея Руси**

Ключевая и фундаментальная роль современного мировоззрения, духовности, нравственности для строительства и функционирования национальной безопасности России в 2012 году; для формирования и функционирования Большого Геокультурного Проекта развития России XXI

обстоятельно и весьма полно обоснована, раскрыта, сделана понятной и привлекательной именно в выступлениях, статьях, проповедях, книгах выдающегося мыслителя, просветителя народов России, учёного и гражданина Патриарха Московского и всея Руси **Кирилла**.

В журнале «Безопасность Евразии», в котором я имею честь быть с 1999 года шеф-редактором, статьи и выступления митрополита Смоленского и Калининградского **Кирилла**, Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского **Кирилла**, Патриарха Московского и всея Руси **Кирилла** публикуются с 2000 года. Главные вопросы обеспечения безопасности гуманитарных и социальных взаимодействий, духовной сферы, нравственных проблем, гуманистических и культурных аспектов в мировоззренческой сфере России были тщательно рассмотрены уже в первой (для журнала) публикации: **«ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. Предисловие митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла**, председателя Синодальной рабочей группы по выработке "Основ социальной концепции Русской Православной Церкви".

Его личная позиция Освящённого Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, утвердившего 15 августа 2000 года *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*, применительно к главной линии исследования оснований современного мировоззрения в этой книге, значительно и фундаментально представлена в разделе **"XIV. Светская наука, культура, образование"** (пункт 1 и фрагмент пункта 2) Основ.

XIV.1. Христианство, преодолев языческие предрассудки, демифологизировало природу, тем самым способствовало возникновению научного естествознания, отмечено в *Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (2000)*. – Со временем **науки – как естественные, так и гуманитарные – стали одной из наиболее важных составляющих культуры**. К концу XX века наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и такого влияния на все стороны жизни, что превратились, по существу, в определяющий фактор бытия цивилизации. Вместе с тем, несмотря на изначальное воздействие христианства на становление научной деятельности, **развитие науки и техники под влиянием секулярных идеологий породило последствия, которые вызывают серьезные опасения**. Экологический и другие кризисы, поражающие современный мир, все с большей силой ставят под сомнение избранный путь. Научно-технологический уровень цивилизации ныне таков, что преступные действия небольшой группы людей в принципе могут в течение нескольких часов вызвать глобальную катастрофу, в которой безвозвратно погибнут все высшие формы жизни.

С христианской точки зрения, такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что это развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной "свободе" научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями. **Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями...**

XIV.2. Латинское слово *cultura*, означающее "возделывание", "воспитание", "образование", "развитие", происходит от слова *cultus* – "почитание", "поклонение", "культ". Это указывает на религиозные корни культуры. Создав человека, Бог поместил его в рай, повелев возделывать и хранить Свое творение (Быт. 2, 15). Культура как сохранение окружающего мира и забота о нем является богозаповеданным делом человека»².

Служение Патриарха **Кирилла** Богу и людям, народам России и всем народам, входящим в каноническое пространство Русской Православной Церкви, позволяет автору статьи предложить читателям важнейший тезис для дела обеспечения духовной безопасности, безопасности всех сфер жизни России и многих стран в 2012 году. Суть современной реальности: Патриарх **Кирилл** – до-

¹ Хазин М. Путин и геополитика. Неочевидные итоги саммита G8 и форума в Санкт-Петербурге // Завтра, 2007, Июнь, № 25. С. 3.

² ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ. Предисловие Митрополита Смоленского и Калининградского **Кирилла** // Безопасность Евразии, 2000, № 2. С. 278–280.

стойнейший духовный лидер, который ревностно служит людям, служит делу кардинальных достойных изменений в общественной нравственности, особенно в молодёжной среде.

Именно в таком контексте значительный интерес, по мнению автора исследования, представляет оригинальная работа Архиепископа Волоколамского Илариона (Алфеева) «*Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание*», опубликованная в 2009 году.

Книга состоит из двух частей: Часть первая. ЖИЗНЬ; Часть вторая. МИРОСОЗЕРЦАНИЕ.

Для нашего исследования особенно важны размышления Архиепископа Илариона об особенностях мирозерцания, мировоззрения Патриарха Кирилла (вторая часть книги Архиепископа Илариона)¹.

Актуальны и значительны для становления и функционирования современного мировоззрения итоги исследования, осуществлённого Митрополитом Иларионом по поводу инициирования Патриархом Кириллом исследования и обсуждения *фундаментальной мировоззренческой проблемы* о соотношении «традиционных и либеральных ценностей»².

В *мировоззренческой концепции Патриарха Кирилла*, автор книги о его жизни и мирозерцании обстоятельно и оригинально, весьма актуально для 2012 года рассмотрел проблему достижения «правильного баланса между принципом прав человека и принципом нравственной ответственности»³.

Убедителен и важен сюжет в книге «Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание» на страницах 478–479. Приведу его полностью. «Разъясняя цель дискуссии о правах человека, инициированной русской Православной Церковью, Патриарх Кирилл подчеркивает: *"Наше намерение – дополнить концепцию прав человека важным измерением: они должны осуществляться в системе нравственных координат. Потому что демонтаж этой системы опасен для человеческой цивилизации... Вводя же моральное измерение, мы создаем как бы стыковочные узлы между различными моделями устройства мира, формируем многоукладную и жизнеспособную человеческую цивилизацию в условиях процесса глобализации... Подобная постановка вопроса не имеет отношения ни к политике, ни к тому, что вообще сегодня происходит в нашей стране. Но она имеет принципиальное отношение к будущему всего человеческого рода"*»⁴.

**Дмитрий
Анатольевич
Медведев,
Премьер-Министр
России**

Социологичность новых смыслов, новых императивов, применительно к развитию России и её безопасности, к становлению теории национальной идеологии развития Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев чётко обозначил в своём Послании (5 ноября 2008 года) в последовательности четырёх фундаментальных стратегических императивов: «*стратегическая концептуальность*», «*инновации через культуру*», «*новая национальная идеология развития человека, общества и России*», «*консолидация граждан и народов страны во имя высших приоритетов, целей, идеалов и ценностей развития человека как личности, как гражданина*»⁵.

● **Первый императив: стратегическая концептуальность.**

«То, что нам сегодня больше всего необходимо, – это доверие и сотрудничество. И мы не должны ни на день откладывать решение наших стратегических программ. В сложившихся условиях как никогда надо действовать на опережение, – *так Дмитрий Медведев сформулировал исключительно важный, новый, социологический, по сути, императив для строительства, для создания архитектуры национальной безопасности России, евразийской и глобальной безопасности XXI века.* – Именно сейчас нам нужно создавать основы национальной конкурентоспособности там, где мы можем получить будущие выгоды и преимущества. Надо быстро осваивать высвобождаемые в мировой экономике ниши, создавать новые и эффективные предприятия, внедрять самые передовые технологии. Такой подход – это и есть одно из лучших антикризисных "лекарств" и, с другой стороны, неотъемлемая часть идеологии современного развития России»⁶.

● **Второй императив: инновации через культуру.**

«Наши действия в экономике будут базироваться на уже заявленной концепции четырех "И" – Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации. Такой подход закреплен и в подготовленной Правительством Концепции развития до 2020 года. Реализовать его нужно в полном объеме, добавив к нему, как я уже об этом как-то говорил, пятую составляющую – Интеллект.

¹ Иларион (Алфеев). Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М., 2009. С. 283–494, 525–549.

² Там же. С. 446–460.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же. С. 478–479.

⁵ Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета – Неделя, 2008, 6–12 ноября. С. 3.

⁶ Там же.

Наш приоритет – это производство (а в перспективе – и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры, – *такое определение приоритетного смысла, ключевого императива для идеологии и стратегии формирования безопасности человека, России, Евразии, всего мира через культуру, через развитие, сформулированное Президентом России Д.А. Медведевым, социологически "переводит" озабоченность финансовым, экономическим глобальным кризисом в конструктивное понимание, в программы, методологии и концептуальности деятельности в координатах глобальной структурной гуманитарной революции.* – А значит – достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит – даже в непростые финансовые периоды»¹.

• **Третий императив: новая национальная идеология развития человека, общества и России.**

«**Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек как личность и как гражданин, – здесь, по моему мнению, Д.А. Медведев представил ключевой, исключительно важный и актуальный императив, который оформляет смысловое ядро самого необходимого, важного и трудного процесса: формирование новой российской патристической элиты; формирование новой объединяющей национальной идеологии,** – которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду. **И сейчас это для нас важнее, чем когда бы то ни было**»². (Выделено мною. – В.К.).

• **Четвёртый императив: консолидация граждан и народов страны во имя высших приоритетов, целей, идеалов и ценностей развития человека как личности, как гражданина.**

«...мы просто обязаны консолидироваться вокруг наших национальных приоритетов...»³

Заявленные Конституцией цели, ценности и механизмы доказали свою состоятельность. Помогли нашему обществу преодолеть трудности и выйти на путь устойчивого развития. И мы будем дальше максимально использовать потенциал Основного Закона.

Главное – сделать все необходимое, чтобы помочь людям проявить себя, – *отмечает внутреннюю связь всех четырёх императивов Дмитрий Медведев.* – И особенно – открыть дорогу способным и деятельным молодым людям. Они – ровесники новой, демократической России. В них – ее открытость, ее свободный дух, стремление ко всему передовому. И им предстоит нести ответственность за сохранение наших фундаментальных ценностей.

Свободное развитие людей и их социальная защита – всегда будут приоритетом государственной политики. Будут нашей главной заботой. Будут целью развития нашего общества»⁴.

С 5 ноября по 24 декабря 2008 года все основные положения Послания Д.А. Медведева стали предметом дискуссий во многих СМИ, в научных и учебных аудиториях, в научных и учебных изданиях. Особый интерес (позитивный и критический, а порою и резко негативный) вызвали четыре выделенные мною императива.

В ходе деловых встреч в ряде стран мира именно эти императивы были предметом дискуссий в ходе основных, плановых бесед Президента России Дмитрия Медведева по вопросам региональных безопасностей (Европы, Азии, США, Латинской Америки), по проблемам глобальной безопасности. Особенно открыто и, нередко, жёстко четыре императива обсуждались, дискутировались в ходе пресс-конференций, которые транслировались на весь мир.

Тем важнее вопрос Д.А. Медведеву, заданный ему в Москве 24 декабря прямо по ходу интервью в телеэфире, и его ответ.

«в: Можете ли Вы сказать, что, даже суммируя все неожиданности, Вам удавалось сохранить постоянство своих приоритетов?»

о: Приоритеты потому так и называются, что их нельзя менять каждый месяц. Приоритеты остаются прежними: развитие нашего государства, исполнение наших планов на период до 2020 года, решение социальных задач. То есть просто необходимость создания более комфортной, более полноценной жизни для наших людей – вот он, высший приоритет. Ничего другого просто быть не может. И такие приоритеты не меняются. **Знамена остаются прежними.** Меняются иногда методы исполнения этих задач. Это точно»⁵. (Выделено мною. – В.К.).

* * *

Три тренда представлены в первых пяти разделах статьи.

¹ Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета – Неделя, 2008, 6–12 ноября. С. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Медведев Д. «Знамена остаются прежними» // Известия, 2008, 25 декабря. С. 2.

Первый тренд ориентирован на анализ и синтез смыслов теорий, методологий, институтов и технологий, способствующих поддержке и развитию *культурного* в нашей жизни. «Культура – это огромное целостное явление, которое делает людей из простого населения народом, нацией», – делится с нами своими наблюдениями выдающийся мыслитель Д.С. Лихачёв¹.

Второй тренд посвящён конкретному человеку в единстве его стремления к свободе с пониманием императива справедливости, стремлением к осуществлению своих прав с вниманием к личным обязанностям и ответственности за себя, за Другого, за общество, за государство, за Россию. Интересную аннотацию к статье Марии Морозовой и Анастасии Мальцевой «Государство – это я» подготовила редакция газеты «Новые Известия»: сюжет идёт до текста авторов публикации. «Российские граждане все чаще и увереннее начинают брать ответственность за решение проблем, которыми обязаны заниматься государственные и муниципальные структуры, – отмечают издатели Газеты. – В разных регионах страны люди чинят дороги вместо ремонтных служб, по очереди сидят с детьми, поскольку детсадов на всех не хватает, или строят игровые площадки, на которые нет денег у городских властей. Социологи отмечают, что в основном эти инициативы заканчивают свое развитие на местном уровне, когда люди справляются с конкретными проблемами, касающимися именно их. Дать выход своей активности в федеральном масштабе удастся не всем. Зачастую в этом виновато и государство, которое, сокращая свои обязанности, не спешит помогать инициативным гражданам»².

По существу такую тенденцию можно определить как формирование **«новой создающей гуманистической реальности»** в нашей стране.

Третий тренд инициирован и обусловлен первыми двумя особенностями «новой реальности». Определённо из сообщества конструктивно действующих граждан формируется и уже функционирует реальный Субъект перемен: Мы – Народ. Это сегодня и здесь в России Главный Субъект сохранения и преобразования Отечества; развития, модернизации, управления Россией; Главный Субъект её стойкости и защиты в ситуации «если завтра война, если завтра природная катастрофа». Только Мы – Народ в лихую годину сможет защитить Россию здесь и сейчас.

Обретению прошлого, пониманию настоящего, надежде на будущее в целостности уже способствует народная государственническая патриотическая объединяющая идеология культуры устойчивого развития России, культуры её модернизации.

Мы те, кто формирует и осуществляет российскую мечту: достойно жить по совести, по правде, по справедливости.

Мы те, кто создаёт и действует по достижению Общенациональной Цели: благополучная, безопасная, мудрая и ответственная Россия; счастье и справедливость для каждого человека, для каждой семьи.

Мы те, кто сохраняет и обогащает *достойной позицией, мудрыми поступками* общероссийские ценности: достойная жизнь; равенство каждого человека перед законом и надёжная проверяемость исполнения закона; Россия как Отечество, Родина; честь; совесть; правда; справедливость; свобода и ответственность; доверие; вера; надежда, любовь, мудрость; семья; права и обязанности; демократия; культура Мира; безопасность; смысл жизни.

Мы те, кто стремится защитить и обогатить главные интересы России во всех сферах жизни.

Мы те, кто отвечает за каждого человека, за Народ России, за Наше Общество, за Президента России, за Правительство России, за всю инфраструктуру страны.

Мы те, кто отвечает за культуру народов России, за обычаи и традиции, за достойное функционирование всех языков, всех религиозных конфессий.

Мы те, кто отвечает за Азию, за Европу, за Весь Мир, за всю природу, за Землю.

Мы – Народ.

РАЗДЕЛ VI

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЯДРО БОЛЬШОГО ПРОЕКТА 2012: НОВОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ СОБЫТИЕ – СОЗДАНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ И ПОНЯТНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО СУДА; ГЛАСНОСТЬ И УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА КАЖДОГО ИЗ НАС ПЕРЕД ЗАКОНОМ

Сегодня в России для многих людей смысл устойчивого развития России в XXI веке, смысл справедливости – это законность, понимаемая как Независимый Суд, безусловное равенство всех людей перед законом.

¹ Лихачёв Д.С. Культура как целостная среда // Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб: СПб ГУП, 2006. С. 349.

² Морозова М., Мальцева А. Государство – это я. Люди стали активнее решать своими силами те задачи, с которыми не справляются власти // Новые Известия, 2011, 24 марта. С. 1.

Возможно, поэтому в ходе многочисленных социологических опросов 2000–2012 годов на чёткий вопрос: «Что, по Вашему мнению, могло бы объединить всех людей в России во имя Возрождения Отечества?», как правило, следовал чёткий ответ: **Справедливость и Законность**.

Об особом значении рефлексии о себе самом, о социологии смысла развития России, о самокритичности интересные соображения предложил в августе 2007 года академик РАН Евгений Примаков. Поводом для его статьи «Чем создаётся демократия» стала дискуссия по поводу научных аспектов лекции Владислава Суркова, прочитанной им в здании президиума Российской академии наук.

Е. Примаков добросовестно и подробно показал позитивные и очень важные и для гражданского общества и для науки положения, обоснованные В. Сурковым.

Вместе с тем, академик Е. Примаков чётко констатировал: «Что касается научной ценности термина "суверенная демократия", то она, как представляется, весьма сомнительна. Может ли существовать антипод суверенной демократии – "несуверенная демократия"? Если да, то что это такое?»¹.

Актуально и соображение Е. Примакова о дискуссионности тезиса В. Суркова, который, по мнению Е. Примакова, «персонифицирует политические институты»². Е. Примаков дополняет и поясняет свою мысль: «Так или иначе, но идеология государственной власти не может быть пристёгнутой к одному человеку – руководителю страны, каким бы большим и способным ни был этот политический лидер»³.

Важность и правомерность этого тезиса Е. Примакова подтверждают показатели исследования ВЦИОМ об отношении граждан России к деятельности её Президента Владимира Путина на осень 2012 года в канун его 60-летия.

Отмечу логику отношения граждан к одному из лидеров России по ключевому концептуальному фактору – Независимый Суд, Законность, Справедливость.

В целом, по данным ВЦИОМ (осень 2012), общее позитивное отношение к деятельности Владимира Путина для людей, для Отечества показали примерно 60% из числа опрошенных⁴.

В ходе опроса граждане отметили «наименее удачные» итоги, результативность продвижения к Независимому Суду, к обеспечению равенства каждого гражданина перед законом, к достижению правды и справедливости (это интерпретация автора статьи): в оригинале статьи это – «борьба с коррупцией» (38%) и попытки «обуздать олигархов, ограничения их влияния» (20%)⁵.

Мы сами и Правила Игры

Важнейший урок российской и всемирной истории, который повсеместно и чётко обозначился в ходе подготовки и празднования 67-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, – всё возрастающая роль Народа, каждого человека как Субъекта Победы; как Субъекта созидающих перемен; как Субъекта инноваций, модернизации; как Субъекта народной объединяющей идеологии; как Субъекта культуры развития человека, семьи, народа, России, всего мира.

И в России, и во многих странах интересно и остро развёртывается дискуссия о содержании, структуре Субъекта современной истории, Субъекта преобразования мира после глобального кризиса.

Фактически оформился специальный глобальный и российский, евразийский научный дискурс об особенностях социологических, политологических, философских, экономических, юридических, культурологических подходов к теории Субъекта изменений (проблема креативности; проблема игроков; проблема партнёров; проблема национальных элит; проблема инноваторов; проблема модернизаторов; проблема субъектов терроризма, преступности и коррупции; проблема равнодушных и не участвующих; проблема истеблишмента, проблема национализма)⁶.

Тема Субъекта изменений активно обсуждается в экспертном сообществе, а также публицистами, журналистами, специалистами по кадрам; широким кругом равнодушных граждан.

Всё больше внимания вопросам деятельности Субъектов перемен в XXI веке уделяют государственные персоны как в России, так и во многих странах мира.

Основная гуманитарная научная доминанта, поэтому, в представленном исследовании, может быть обозначена с опорой на несколько аспектов.

Во-первых, в России XXI века начинает оформляться новый главный Субъект истории, Субъект созидательных перемен, Субъект народной объединяющей идеологии, Субъект инно-

¹ Примаков Е. Чем создаётся демократия: Полемические заметки об идеологии и политической культуре // Независимая газета, 2007, 24 августа. С. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Приведено по: Цепляев В. 60 лет, 60% доверия // Аргументы и факты, 2012, № 40. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М., 2011.

ваций, модернизации, развития страны, культуры развития человека, семьи, всех народов, всего общества.

Из Объекта управления Народ России преобразуется в Субъект управления всеми переменами. Речь идёт о «концерте Народов Российской Федерации».

Во-вторых. Для декабря 2012 года можно констатировать, что национальная элита в России как Субъект изменений и развития, как Субъект модернизации, как Субъект народной (национальной) объединяющей идеологии отсутствует: к глубокому сожалению¹.

По существу, именно слабость и размытость позиции российских властных структур в отношении утверждения реальной и убедительной законности для всех граждан, действительного и прозрачного равенства всех людей перед Законом со стороны власти и Государства в Российской Федерации 2000–2012 годов побудили и подвигли Народ России на самоуполномочивание в качестве Субъекта изменений, перемен, развития, культуры развития, безопасности и справедливости, компромисса; в качестве Субъекта народной объединяющей идеологии развития Российской Федерации.

Итоги исследований проблемы «Народ и Власть» для России в 1998–2012 годах позволяют предположить, что надеяться народам Российской Федерации на равенство каждого Гражданина перед Законом на истеблишмент; какие-либо «элиты» (при определённом отсутствии национальной элиты с главной целью – добросовестно, талантливо, профессионально и честно служить Народу и Отечеству); гражданское общество; властные структуры ни в те 10 лет, ни в 2008–2012 годах не представилось возможным.

Однако надежда затеплилась в 2001–2012 годах. Суть в том, что в интеллектуальное творчество по возрождению России, её развитию, её модернизации включаются тысячи наших соотечественников с различным практическим опытом: **оформляется новая национальная элита Российской Федерации XXI века.**

Итоги исследования широкого круга гуманитарных проблем, значительных и актуальных для каждого человека, для миллионов людей, для каждого народа позволяют предложить читателям главный вывод.

Ключевой смысл российской и глобальной новой создающей гуманистической реальности XXI века – это уже развернувшаяся всеобщая интеллектуальная конкуренция за мечту, позицию, поступки каждого человека, каждой семьи, каждого народа.

По существу в условиях повседневности, в условиях тотальной борьбы за интерпретацию воспринимаемых смыслов благополучия, достоинства, счастья, безопасности, оптимизма осуществляется новый вид тотальной конкуренции – в сфере культурного, в сфере идеологического, в сфере коммуникационного.

В действующем научном дискурсе по гуманитарным проблемам перемен, изменений, развития человека и цивилизации такая новая созидающая гуманистическая реальность обозначилась в конкурентном сопоставлении гуманитарной модели культуры развития человека и народов с укоренившейся во многих странах мира теорией и практикой идеологии потребления и сверхпотребления, культуры потребления.

Итоги исследований автора статьи, помогут читателям, надеюсь, в размышлениях по поводу трёх основных направлений изучения устойчивого развития России.

Первая линия ориентирована на анализ и синтез смыслов теорий, методологий, институтов и технологий, способствующих поддержке и развитию *культурного* в нашей жизни.

Вторая линия практически во всех исследованиях автора этой работы посвящена конкретному человеку в единстве его стремления к свободе с пониманием ответственности за себя, за Другого.

Третья линия синтезирует коммуникационный потенциал первых двух направлений и содействует сознанию «кластера смыслов устойчивого развития России XXI».

В феврале и марте 2011 года в ходе семинаров, лекций, личных бесед со студентами и аспирантами Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова мне были заданы десятки вопросов о судьбе конкретного человека в России, о роли народа России в её преобразовании, развитии, модернизации.

По существу, речь шла о смысле жизни, о надежде на достойную жизнь, о Главной Цели России, о Главных Ценностях её Народа.

Обобщение содержания заданных мне вопросов позволило сформулировать Главный Вопрос, который я, прежде всего, предложил себе. Вот его суть: «Зачем стремиться понять смысл Правил Игры в России 2012: правда ли, что без решающего участия всего Народа в раз-

¹ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). С. 244–269.

работке самих Правил Игры, в плотном контроле за их осуществлением, за их корректировкой кардинально утрачивается назначение и смысл Повестки Дня России – 2012, обедняется динамика движения к обретению свободы и ответственности, прав и обязанностей по достижению совестливости, достоинства, правды и справедливости?».

Исследование проблемы понимания, обретения Смысла Правил Игры в России 2012, ориентированных, прежде всего на себя, на Народ России, необходимо предварить изложением позиции автора статьи как учёного, как гражданина.

Моя позиция может быть изложена в последовательности нескольких аспектов. *Аспект первый*: сам Народ России публично, словами и действиями обозначил содержание, структуру и смысл главного звена в Правилах Игры для всех сфер жизнеобеспечения народа, всех сфер жизни России. Суть: во-первых, безусловное **равенство каждого человека**, вне любых характеристик – уровня благосостояния, национальности, пола, веры или неверия, заслуг перед народом и властью, **перед Законом**. Во-вторых, **гарантированное**, исключающее процессуальные деформации закона и механизма правоприменения, **исполнение Закона с обеспечением законного уровня гласности о всех этапах его осуществления**.

Аспект второй: Президент России, Премьер-министр России, все структуры власти обладают всей полнотой легитимности на основе воли всего Народа через Конституцию Российской Федерации. Народ России формирует Повестку Дня – 2012 и Правила Игры – 2012 для осуществления с реальным и достойным участием трёх национальных лидеров: Кирилла, Медведева, Путина.

Аспект третий: Народом России конкретно и убедительно востребованы итоги научных исследований во всех звеньях общественных наук. Важное звено – содействие Народу в обосновании содержания и структуры, смыслов Повестки Дня 2012–2020, Правил Игры 2012–2020, Общенациональной Цели. Именно эти знания могут содействовать Народу в духовном единении, нравственном оздоровлении, обретении надежды на достойную жизнь по совести, по правде, по справедливости. Особая значимость итогов исследований российских обществоведов в достижении реальной духовной безопасности, обосновании сострадания, сотрудничества, соучастия, сотрудничества, солидарности как для предотвращения терроризма, естественных катастроф, так и для предотвращения возможной ядерной глобальной войны.

Аспект четвёртый: считаю убедительно оформившейся конструктивной и гуманитарно ориентированной ключевую доминанту Правил Игры XXI – новой Московско-Шанхайской модели миропорядка (концепция Кузнецова). Её роль актуализировалась на фоне оформления и продвижения евроатлантической модели миропорядка XXI (концепция Буша-младшего и Барака Обамы) как модели «новой реальности». С презентацией в Давосе 2011 с девизом «Общие нормы для новой реальности».

Аспект пятый: предметом обсуждения в гуманитарном научном дискурсе по поводу Повестки Дня 2012, Правил Игры 2012, Общенациональной Цели России 2012 могла бы стать инициатива по внесению поправки в Конституцию России. Её смысл – соединить права человека с его обязанностями, свободы человека – с его ответственностью. Правомерно, по мнению автора статьи, преобразовать важнейший документ ООН «Всеобщую декларацию прав человека» (1948), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (1966), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966) и Факультативный протокол к нему, «Европейскую Конвенцию по правам человека». Смысл преобразований – конструкты во всех этих документах: «права человека», «свобода человека», «права и свободы человека» заменить на конструкты: «права и обязанности человека», «свобода и ответственность человека», «права и обязанности, свобода и ответственность человека». Мотивацией при обсуждении и продвижении такой инициативы России мог бы стать такой аргумент: предлагаемые изменения формируют созидательные, гуманистические по сути Правила Игры XXI, которые в соединении с Итоговым документом Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (2012), с Глобальными целями развития тысячелетия (Саммит 2010) могут решающим образом помочь людям в оздоровлении духовной и нравственной ситуации с реальными сложными событиями 2012 года (выборы и т. д.), тревожными прогнозами по поводу глобальных катастроф, по поводу возможной ядерной глобальной войны.

Изучать и обогащать опыт участия всех нас в развитии России

Подтверждением моих соображений могут послужить итоги ежегодного мирового исследования Института Гэллага (The Gallup Organization) 2007 года в рамках мирового мониторинга Gallup World Poll: опрос осуществляется в 130–140 странах мира по единой методике и позволяет создать и поддерживать полную и доказательную картину мирового общественного мнения с учётом всех главных аспектов жизни человека, семьи, народа, страны в контексте прошлого, настоящего и будущего.

Надежда Кеворкова, которая прокомментировала итоги исследования Gallup World Poll на страницах августовского специального номера журнала «Смысл» (он посвящён семи проблемам наиболее актуальным для настоящего и будущего России – имеет на обложке смысловой девиз: «**МИРОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**»), обратила особое внимание читателей на обретение населением России склонности и потребности в рефлексии.

«Целых 75% россиян ответили положительно на мировоззренческий вопрос: "**Чувствуете ли вы, что у вас в жизни есть важная цель, что ваша жизнь значима?**", – констатирует Н. Кеворкова. – Больше всего значимость своей жизни ощущают **25–34-летние (94%)** и зрелые люди **84% из возрастной группы 35–49 лет**). Причём между мужчинами и женщинами, верующими и неверующими большой разницы в целеполагании нет»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Вот именно с такими людьми в России, во многих других странах, которые «считают свою жизнь значимой и видят в ней смысл»², связываю я новый не-Западный гуманизм и новое гуманистическое мировоззрение; Правила Игры для не-Западной модели мироустройства и конструктивный гуманитарный потенциал Московско-Шанхайской модели миропорядка, способствующих социологическому предотвращению возможной ядерной катастрофы; динамику, энергетику, волю, гибкость, настойчивость и цепкость в утверждении «культуры жизни», культуры компромисса, культуры коммуникационного.

Особо отмечу, что итоги участия граждан России в выборах Президента страны (март 2008 года), депутатов Государственной Думы Российской Федерации (осень 2007 года) позволяют сделать три вывода.

Первый вывод: в стране были разработаны, как минимум, пять фундаментальных и привлекательных для многих граждан Проектов Развития России. В подготовке каждого из них участвовали сотни и тысячи компетентных и честных учёных, экспертов, специалистов, рядовых заинтересованных граждан. Последовательность представленных мною Проектов основана только на уровне поддержки гражданами в ходе выборов 2008 и 2007 годов.

Второй вывод: в 2007–2008 годах в обсуждении этих пяти Проектов (в действительности их было значительно больше) приняли активное и заинтересованное участие миллионы граждан России. По существу, в интеллектуальном пространстве страны складываются Новые Правила Игры. Практически впервые в отечественной истории миллионы граждан определённо заявили об отказе в полном доверии практически всем творцам, авторам обозначенных мною Проектов (стратегий, концепций перемен) развития России до 2020 года. Доказательство: отказ участвовать в выборах 2007–2008 годов десятков миллионов сограждан; из каждых десяти проголосовавших за различные кандидатуры на выборах Президента России в марте 2008 года – семь из десяти поддержали Проект Медведева – Путина; практически каждый пятый продемонстрировал своё доверие только Проекту Зюганова; практически каждый десятый избиратель выбрал Проект Жириновского. Поэтому смыслы, теории, методологии каждого из пяти Проектов, уже высказанные в дискуссиях по всей стране сообщения и предложения при их публичном обсуждении, предполагают, по моему мнению, создание и осуществление важной научной программы – основательной и уважительной научной работы по обобщению всех предложений и замечаний; с учётом их обобщений крайне важно продолжить тему Проектов (всех пяти) в российском социологическом научном дискурсе по проблемам мира и безопасности; по проблемам развития России XXI. Важнейшая научная, образовательная, просветительская задача – содействие гражданам России в умениях искать и осуществлять компромиссы.

Такое суждение, *это третий вывод*, как сумма первых двух выводов: **полученный опыт может быть применен к итогам различных выборов в России 2011–2012 годов.**

Правомерность тезиса, посвящённого позитивной динамике участия народов России, её граждан в Большом Проекте развития России XXI подтверждают итоги исследования учёных службы «Ромир», осуществлённых в 2012 году (см. табл. 3).

Таблица 3

Чем гордиться гражданам России?

Традициями	41%
Достижениями в космонавтике	41%
<u>Своим народом</u>	<u>40%</u>
Достижениями в спорте	33%
Высоким уровнем культуры	11%
Нечем гордиться	18%

Приведено по: Российская газета. Неделя, 2012, 20 сентября, № 36. С. 3. (Выделено – линейка – мною. – В.К.).

¹ Кеворкова Н. Разрушая стереотипы: Страна глазами Института Гэллопа // Смысл, 2007, 1–31 августа, № 11. С. 22.

² Там же.

Итоги исследования в шестом разделе статьи позволили обосновать три первых главных шага для содействия Большому Проекту развития России XXI. Речь идёт о Повестке Дня на 2012–2020 годы для России для всего мира (*первый шаг*). Речь идёт о Правилах Игры в процессе осуществления именно этой Повестки Дня (*второй шаг*). Речь идёт о смысле партнёрского: об Общенациональной Цели России, о Глобальных Целях Человечества до 2015 года (*третий шаг*).

Что исключительно важно: во-первых, итоги исследования показали, что все люди могут быть партнёрами в решении этой триединой задачи – здесь нет оппозиции, врагов, заговоров, демонов и других чудовищ. Во-вторых, возможность и необходимость осуществления партнёрского диалога, компромиссов не зависят от особенностей образа жизни, религии, культуры, политических предпочтений, идеологии, национальной идентичности, исторической памяти, географии. В-третьих, здесь и сейчас это доступный шанс всем нам поучаствовать в сохранении и развитии мира и безопасности.

Раздел VII

Суть Большого Геокультурного Проекта, его идеологии: общенациональное общее дело для достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа. Смысл Проекта – реальное и достойное Значение каждого из нас; Понимание целей и действий; Востребованность результатов; Необходимость и Важность личной позиции и поступка в деле служения Отечеству; Внимание к каждому из нас

Сегодня и здесь в России многие из нас, сотни тысяч и миллионы, всё чаще говорят и действуют из Принципа: Я – Гражданин, Я – Соучастник, Моя позиция – важна и уникальна, Я – Понимающий Субъект.

Большой Проект обращён к каждому Я – осуществляется коммуникация, из многих Я формируется через культуру общения – Мы: Народ, Нация, Россия. Становятся понятными, востребованными правда, справедливость, совесть, свобода и ответственность, права и обязанности.

Для сопоставления – время и пространство, масштаб справедливого – главный смысл, смысл справедливого для всех людей и народов, выступления президента России в ходе XI Петербургского международного экономического форума (10 июня 2007 года).

В завершении выступления на Форуме Владимир Путин конкретизировал *время и пространство* новой модели Большого Проекта развития России, модели мироустройства и место в ней Человека – жизнелюбивого и жизнестойкого; компромиссного и настроенного на компромисс; самокритичного и самоироничного; стремящегося играть по правилам, в разработке и корректировке которых он принимает участие сам, и умеет играть по другим правилам. «История не раз и убедительно доказывала: от положения дел в России во многом зависит ситуация в окружающих ее странах на евразийском пространстве, – констатировал Президент России В. Путин. – Мы об этом не раз говорили с моими коллегами из стран Содружества Независимых Государств. А ее временное ослабление неизбежно отзывалось нестабильностью в регионе в целом. В XX веке наша страна пережила череду драматических потрясений, но в то же время накопила серьезный потенциал. Наш научный, образовательный, производственный опыт работают не только на подъем самой Российской Федерации. Он дал стимул развития новым государствам, усилил новых игроков в мировой экономике. Мы этому только рады и всячески готовы поддерживать этот процесс. В прошлом году здесь, на форуме, прозвучал тезис о так называемых "странах-идеях". Россия именно такая страна.

Страна, которая стремится к построению справедливого общества, основанного, прежде всего, на моральных ценностях. Страна – которая глубоко анализирует стратегические процессы в мире и нацелена на укрепление доверия между народами и странами.

И мы глубоко убеждены, что мотором развития в нынешнем тысячелетии является человек, его культура, образование и способности. Мы выступаем за свободный обмен идеями, технологиями, новациями. Повторю, Россия открыта для реализации самых амбициозных совместных проектов. И мы рассчитываем, что совместная работа и партнерство позволят стать евразийскому континенту действительно пространством мира, доверия и сотрудничества»¹. (Выделено мною. – В.К.).

Суть, Смысл Большого Проекта – значение, важность каждого человека

Уникальный созидательный потенциал коммуникационного, партнёрского, компромиссного и справедливого на рубеже XX и XXI веков всё более активно стал изучаться применительно к практикам повседневности. Наиболее интересной и фундаментальной из философских работ является исследование Майкла Уолцера.

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/133642.shtml> 10.06.2007.

В его теории сфер справедливости (как сфер повседневности) пространство и время справедливого структурируется на восемь независимых сфер (см. табл. 4). Каждая сфера имеет свою «грамматику» и «мораль», свои независимые специфические критерии справедливости¹.

Началом движения от философской интерпретации сфер справедливости в работах М. Уолцера можно, по моему мнению, считать то обстоятельство, что в качестве исходной единицы анализа он берёт институт. Для Уолцера каждая сфера справедливости – это институт, обладающий различным масштабом: семья, рынок, образовательные учреждения.

Таблица 4

Сферы справедливости как сферы повседневности по Майклу Уолцеру

Сфера повседневности	Сферы справедливости (М. Уолцер)
	Сфера денег (<i>sphere of money</i>)
	Сфера семьи и любви (<i>sphere of kinship and love</i>)
	Сфера политической власти (<i>sphere of political power</i>)
	Сфера безопасности и благосостояния (<i>sphere of security and welfare</i>)
	Сфера служения (<i>sphere of office</i>)
	Сфера признания (<i>sphere of recognition</i>)
	Сфера вдохновения (<i>sphere of divine grace</i>)
	Сфера образования (<i>sphere of education</i>)

Источник: Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. New York, 1983. P. 17, 18.

Важнейшей и новой особенностью методологического и концептуального подхода М. Уолцера к обоснованию критериев справедливости является процедура обоснования, оправдания, доказательства действий субъекта в повседневных практиках, повседневных дебатах в направленности на утверждение, учреждение справедливости, на поддержку функционирования справедливости каждый день.

Здесь, в процессе своеобразного осправедливания (*Justification*) оформляется социально-философская процедура проверки в установлении факта учреждения справедливости, оформляется культура национального, культура коммуникационного.

В рамках конкретной сферы (по Уолцеру) критерий справедливости приобретает универсальный характер и становится общепризнанным². И что особенно интересно: в теории сфер справедливости Уолцера факт учреждения несправедливости устанавливается как нарушение независимости каждой сферы – когда одна сфера неправомерно влияет на другую. Как итог «заражения» учреждается несправедливость, несозидающий национализм.

Социолого-философские исследования М. Уолцера получили собственно социологическое продолжение в работах Люка Болтански и Лорана Тевено (1991). Для пространства и времени справедливого они обосновали восемь «миров» как сфер повседневности (см. табл. 5)³.

Таблица 5

Миры справедливости как сферы повседневности по Люку Болтански и Лорану Тевено

Сфера повседневности	Миры (Л. Болтански, Л. Тевено)
	Рыночный мир (<i>monde marchand</i>)
	Традиционный, или «домашний» мир (<i>monde domestique</i>)
	Гражданский мир (<i>monde civique</i>)
	Индустриальный мир (<i>monde industriel</i>)
	Мир общественного мнения (<i>monde de l'opinion</i>)
	Мир творческой деятельности или вдохновения (<i>monde d'inspiration</i>)
	Мир экологии (<i>monde ecologique</i>)
	Мир проектов (<i>monde par projets</i>)

Источник: Boltanski L., Thevenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. Paris, 1991. P. 165–171.

Важен ответ на вопрос: в чём «миры справедливости» Болтански и Тевено совпадают со «сферами справедливости» Уолцера.

Прежде всего, отмечу общий единый контекст: гуманитарные взаимодействия. Совпадает и внимание к процедуре обоснования справедливого: «Justification». Совпадает и фундамен-

¹ Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. 1983.

² Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. 1983. P. 18.

³ Boltanski L., Thevenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. Paris, 1991.

тальный подход к учреждению несправедливого: Болтански и Тевено доказывают, что именно перенесение процедур определения значимого из одного порядка («мира») в другой учреждает несправедливость.

Есть и существенные отличия. Только Болтански и Тевено предложили, учредили необходимость процедуры изучения «легитимных порядков значимого» (см. табл. 6). В качестве элементарной единицы анализа они избрали способ координации, который опирается на процедуры проверки значимого с более чётким учётом логики справедливого и, соответственно, несправедливого.

Таблица 6
Легитимные порядки значимого по Болтански и Тевено

Порядок значимого	Рыночный	Индустриальный	Традиционный (домашний)	Общественного мнения, значимости	Гражданский	Вдохновения
Способ оценки	Цена	Производительность, техническая эффективность	Уважение, репутация	Реноме, известность	Коллективный интерес	Иновация, творчество
Формат информации	Денежная	Измеряемая: серии, статистика	Устная, показательная, подробная	Семиотическая	Формальная	Эмоциональная
Значимые объекты	Рыночные блага и услуги	Инвестиции, техника, метод	Наследие, специфические активы	Знак, средство информации	Право, регулирование	Эмоционально насыщенное тело или объект: художественный, религиозный
Элементарное отношение	Обмен	Функциональная связь	Доверие	Признание	Солидарность	Страсть
Квалификация субъекта	Заинтересованный	Профессионал, эксперт	Внушающий доверие	Известный	Репрезентативный	Креативный
Организация времени	Настоящее, краткосрочное	Долгосрочное, планирование будущего	Привычное	Модное	Стабильное	Прерывистое
Организация пространства	Глобальный рынок	Картезианское пространство	Полярное: основано на близости	Пространство видимого и коммуникации	Однородное	В присутствии

Источники: Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: Учебник. М., 2005.

Процедура учёта порядков Значимого для миров и сфер справедливости, повседневно-го национального и национализма реально обосновывает важность для гуманитарных взаимодействий координации масштаба, времени, пространства с учётом функционирования различных институтов¹.

¹ Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: Учебник. М., 2005. С. 85, 90.

Люк Болтански и Лоран Тевено в своих работах ввели понятие «грамматика справедливости и несправедливости¹».

Важно отметить ещё раз, что исходный этап возникновения самой несправедливости, а с ней и грамматики справедливости и несправедливости обусловлен нарушением плюрализма между порядками оценивания значимого в каждом из «миров» справедливости по Болтански и Тевено. То есть речь идёт о факторе времени в сосуществовании миров (сфер) справедливости: когда в момент времени t , начинается происходить перенесение одного порядка значимого в другой, т. е. нарушается плюрализм порядков (по Болтански и Тевено)². Именно в момент времени t , учреждается, возникает и начинает функционировать несправедливость как вторичный, производный феномен от справедливого.

В теории сфер справедливости М. Уолцера таким же образом, если в момент времени t , происходит нарушение границ между сферами справедливости с универсальным, сложным критерием справедливости (complex) для конкретной сферы справедливости³, то именно в этот момент t , устанавливается факт учреждения несправедливости как итог «заражения» критериями справедливого одной сферы, перенесёнными в другую⁴.

Таким образом, в дополнение к «грамматике справедливости» (по Болтански и Тевено) можно предложить феномен «логистика справедливости», который становится процессуальным мостом от «грамматики справедливости» к феномену «инфраструктура справедливости».

Само понятие предложено английским журналистом и социологом У. Саттоном для обозначения процесса смягчения трудностей и проблем для людей в процессах социальных коммуникаций. Эта интерпретация феномена «инфраструктура справедливости» предложена политологом И.С. Семененко в ходе презентации исследовательского проекта «Социальное неравенство и публичная политика» (Москва, 18 декабря 2006 г.). В своём выступлении она уточнила сам феномен: по её мнению, речь идёт о «целенаправленной работе по повышению качества жизни значительной части населения». И.С. Семененко, по-моему, в своём выступлении фактически обосновала важность понимания формирования «гуманитарной справедливости», что оформлено в её итоговом суждении о смысле «национального проекта развития». По её мнению, его основой «является обеспечение жизнеспособности нации и создание благоприятных для повседневной жизни людей условий ("хорошего общества"...)»⁵. (Выделено мною. – В.К.).

Для уточнения феномена «логистика справедливости» рассмотрим более подробно границу между досправедливым и справедливым (с момента её учреждения), границу несправедливого и справедливого.

И дополнительно я хочу уточнить, что это, безусловно, не мгновенный процесс фазового перехода: здесь оформилась особая пограничная сфера между несправедливым и справедливым.

Первая особенность для понимания логистических оснований этой пограничной сферы является наличие единой институциональной среды справедливости для справедливости и несправедливости как досправедливости, а также общих правил игры для субъекта досправедливости, субъекта справедливости и функционирования справедливости (с учётом корректировки правил игры).

Вторую особенность логистики справедливости можно рассмотреть для такого же хронологического этапа на примере похожей стадии становления доверия, характер взаимодействия которого с недоверием, достаточно адекватен пограничной сфере справедливого – несправедливого⁶.

Известный политолог Д.М. Данкин разработал оригинальную авторскую модель процесса доверия, которая учитывает очень тонкие особенности логистики первоначальной фазы создания доверия, предложенной Д.Х. Мак-Найтом (см. рис. 3). «Исследование момента зарождения доверия, – поясняет Д.М. Данкин, – исключительно важно по следующим причинам. Во-первых, начальная фаза присутствует в любых взаимодействиях. Правда, в случае политического доверия эта фаза не всегда фиксируется рассудком. Однако именно по итогам этой фазы доверитель и доверенный могут далее в процессе доверия расширять сотрудничество или отказываться от него, испытывая неопределённость, сомнения, уверенность или сопричастность в достижении общей це-

¹ Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук. С. 87, 89.

² Там же. С. 89.

³ Walzer M. Spheres of Justice... P. 17, 18.

⁴ Ibid.

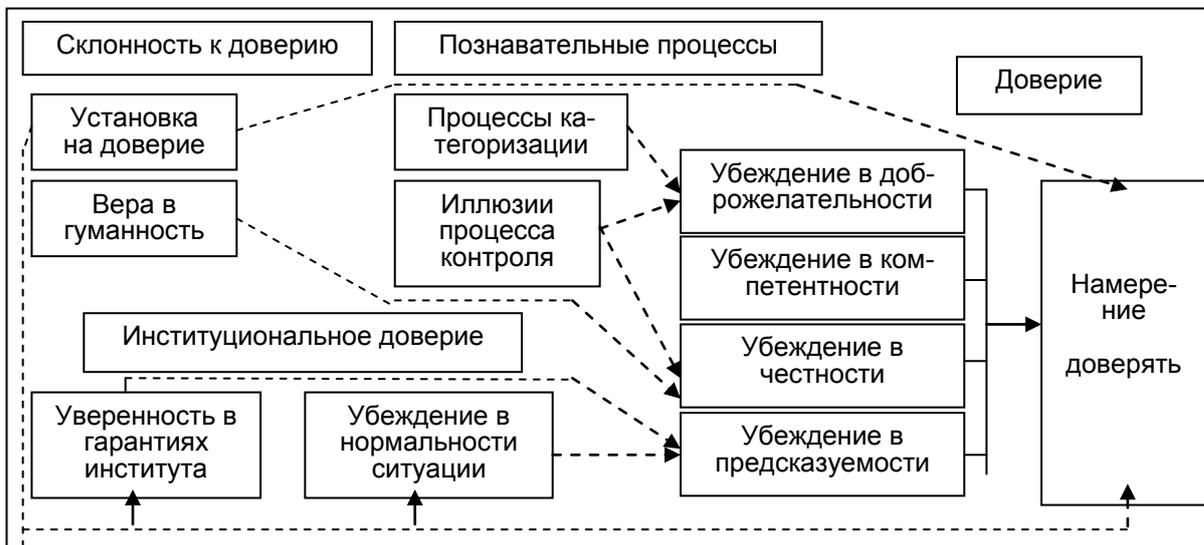
⁵ Социальное неравенство и публичная политика / Ред. колл.: В.А. Медведев (отв. ред.), М.К. Горшков, Ю.А. Красин. М., 2007. С. 255, 256.

⁶ Данкин Д. Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс // НАВИГУТ. 2008. № 1; Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.

ли. Во-вторых, характер начальной фазы определяет соотношение познавательного и эмоционального факторов в дальнейшем развёртывании доверительных отношений. Можно сказать, что начальная фаза становится ключевым индикатором перспективы этих отношений, насколько прочными или хрупкими они будут. В-третьих, в этой фазе акторы получают возможность получить и оценить информацию, необходимую для интерпретации достоверности друг друга и цели (ценностей), ради достижения которой и совершается акт доверия»¹.

Рисунок 3

Модель первоначальной фазы создания доверия (Мак-Найт и др.)

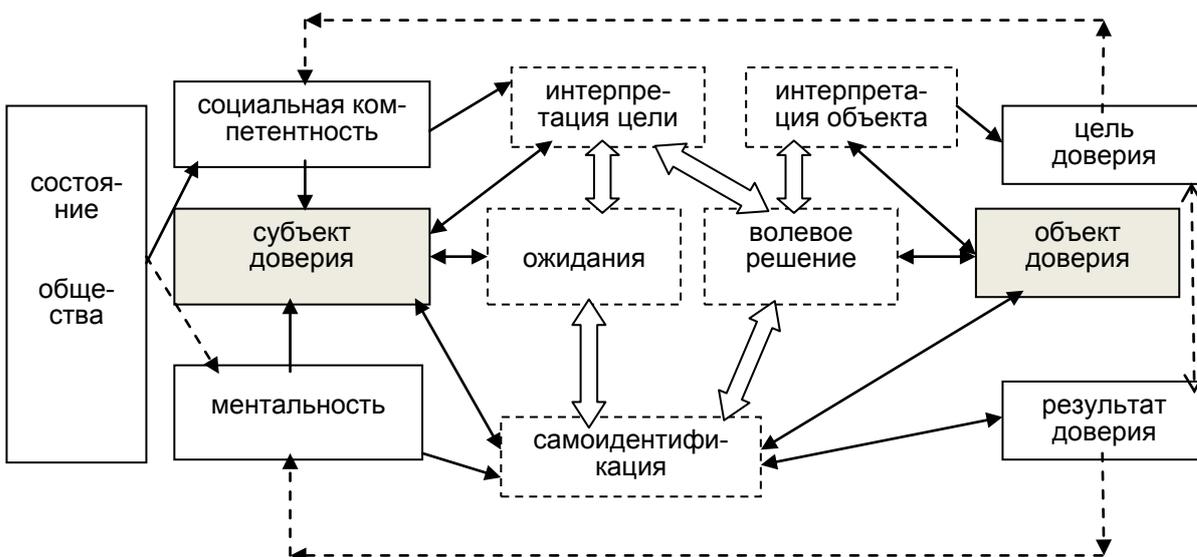

Источник: McKnight D.H., Chervany N.L. Reflections on an Initial Trustbuilding Model // Handbook of Trust Research. 2006. P. 30. (Перевод Д.М. Данкина.)

С учётом плюсов и минусов описанной схемы Д.М. Данкин предложил свою авторскую модель развёртывания процесса доверия (см. рис. 4).

Рисунок 4

Модель процесса доверия (Д. Данкин)

«Здесь в штрих-пунктирных блоках отмечены различные фазы процесса доверия, а стрелками обозначены переходы, содержащие малоизученные "дополнительные элементы", такие как снятие неопределённости, "скачки веры" и "уловки разума", – поясняет он. – Подразумевается также наличие обратной связи, которая обуславливает итерационный характер процесса, вероятность как укрепления доверия, так и его разрушения, а также роста недоверия.

¹ Данкин Д.М. Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс. С. 55, 56.

Наверное, в этой схеме многое требует уточнения, углублённого исследования. В частности, – основные факторы, обуславливающие способность субъекта (актора) доверять. Так, состояние общества может быть рассмотрено по параметрам безопасности, свободы и справедливости, человеческого капитала и социальной энергетики (пассионарности), темпов и характера трансформации (модернизации, стагнации). Однако дискуссия о характере преобразований в посткоммунистических обществах далеко не завершена»¹.

Ниже будут подробней рассмотрены отдельные элементы механизма доверия, представленного на данной схеме. Пожалуй, чаще всего и в теории и на практике остаётся не до конца прояснённым вопрос об акторах субъект–объектных доверительных отношений. Запутанный вопрос: «Кто же кому доверяет?».

Перенос логики доверия в логику пограничной сферы между справедливостью и несправедливостью основан на многочисленных работах российских и зарубежных социологов, философов, политологов, экономистов, которые в итогах своих исследований справедливости отмечают высокий уровень совпадения справедливости и доверия именно на процессуальном и логистическом уровнях. Например, Г.У. Солдатова и С.П. Елшанский пишут: «На основе наших исследований межэтнической напряженности мы пришли к пониманию критериев справедливости и доверия как важной части сложных мотивационных состояний, существенно влияющих на уровень напряженности в социальных отношениях, в том числе и в межэтнических. Взаимодействие этнических мотивов (аффилиативных, статусных, архетипических), порождаемых потребностью в этнической идентичности, и чувств несправедливости и недоверия (в числе других чувств: зависимости, вины, обиды, враждебности, страха, несовместимости и др.) определяет формирование групповых мотивационных состояний, влияющих на развитие дезинтеграционных процессов в обществе. Расхождение по критериям справедливости и доверия порождает взаимную подозрительность и напряженность в отношениях, что, в свою очередь, включает действие целого ряда психологических механизмов... Поэтому можно утверждать, что нет этнической справедливости без справедливости социальной, а межэтнического доверия – без доверия вообще как фундаментального условия взаимодействия человека с миром»². (Выделено мною. – В.К.).

Третья особенность логики справедливости для понимания значимого и процессуального в пограничной сфере между справедливостью и несправедливостью, доверием и недоверием становится возможность и необходимость компромисса между сферами и «мирами» повседневной справедливости, актуальной для каждого человека, отмечают Л. Болтански и Л. Тевено³. Более подробно третью особенность уточняет Лоран Тевено в статье с актуальным для моего исследования социологии Большого Проекта в этом разделе статьи названием: «Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук». Логистика справедливости и призвана помочь этой эпохе сближения, только я добавил бы три слова в текст Л. Тевено: «эпоха коммуникационного общества».

Сам Лоран Тевено пишет о процессуальности, логистике взаимодействий между порядками справедливости, о пограничной сфере между справедливостью и несправедливостью конкретно: «Стремление к компромиссу, помогающему преодолеть противоречия между несколькими порядками, характерно для организаций, как экономических (в них присутствуют как минимум рыночный и индустриальный порядок), так и политических»⁴.

Таким образом, три особенности «логики справедливости» вместе с новым пониманием «грамматики справедливости и несправедливости», «инфраструктуры справедливости» формируют логику и динамику справедливости как процесса и технологии в пограничной сфере между справедливым и несправедливым.

Социологическое обоснование в международном специальном социологическом научном дискурсе по проблемам справедливости «мягкая справедливая гуманитарность национально-го» получила в работах Джеффри Александера (2006).

Достаточную обоснованность социология «мягкой справедливой гуманитарности» получила в исследованиях известного социолога Джеффри Александера. Считаю возможным выделить несколько «шагов», осуществлённых Дж. Александером в направлении к осмыслению места гуманитарных взаимодействий в современной социологии, к утверждению гуманитарной социологической парадигмы, к объединению и обогащению подходов философов, социологов, политологов к оформлению социологии компромисса, социологии национального.

Первый шаг я определяю как преемственность в развитии социологической теории справедливости, представленной в работах Джона Ролза, Майкла Уолцера, Роберта Нозика, Юргена Хабермаса, Мишеля Фуко, Ульриха Бека, Джин Коэн, Эндрю Арато. Свою ключевую главу «Возможность справедливости» в книге «Гражданская сфера» и всю первую её часть «Гражданское обще-

¹ Данкин Д.М. Недоверие и доверие в политике: российский дисбаланс. С. 56.

² Солдатова Г.У., Елшанский С.П. Представление о справедливости и доверии у разных этнических групп // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 2002. С. 141, 142.

³ Boltanski L., Thévenot L. De la justification... P. 227–413.

⁴ Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук. С. 90.

ство в социальной теории» он построил на конструктивном анализе их работ. Его собственная концепция справедливости как солидарности стала итогом творческого синтеза их достижений.

В предисловии к книге Дж. Александер особо отмечает важную позитивную роль Майкла Уолцера, одного из самых оригинальных создателей теории справедливости, под руководством которого он работал как студент в Гарварде и как учёный-творец в течение последующих многих лет¹.

Вторым шагом можно считать, по моему мнению, обоснование им социологической теории справедливости в контексте единой гуманитарной методологической парадигмы (геополитика+геоэкономика+геокультура), в контексте «облачной» народной идеологии развития России XXI; в контексте Большого Проекта развития России.

В своей книге «Гражданская сфера» Дж. Александер выявляет смыслы справедливости в социальной реальности, которая трактуется им в реальном гражданском обществе как поиск и достижение, **обретение Значений**. В итоге гуманитарная парадигма позволяет интерпретировать источники справедливого миропорядка, устройства современного общества на основе авторской **модели Понимания** социального мира как культурно, ценностно и гуманитарно ориентированного гражданского мира, гражданской сферы.

По мнению Джеффри Александера, «никакая социальная сфера, ни даже экономика не должны быть постигаемы в антинормативных способах выражения, как управляемые только интересом и эгоизмом. В своей собственной правоте они имеют имманентные моральные структуры. Однако остаётся существенным специфицировать и различать "режим оправдания" или сферу справедливости, которая делает ясным и убедительным обращение к добру демократическим путём. Это является тем критерием справедливости, который следует из идеалов, которые регулируют гражданскую сферу. Своды законов и описания, институты и взаимодействия, которые подпирают гражданскую солидарность, ясно отклоняются от тех, которые регулируют мир экономического сотрудничества и конкуренции, эмоциональные и интимные отношения семейной жизни, и трансцендентальный и абстрактный символизм, который формирует среду интеллектуального и религиозного взаимодействия и обмена»².

РАЗДЕЛ VIII

СТРУКТУРА БОЛЬШОГО ПРОЕКТА: МЕЧТА РОССИИ; МИССИЯ РОССИИ; НАРОДНАЯ ИДЕОЛОГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Прежде всего, отметим, что процесс институционализации теории Геокультурного Проекта развития России XXI органично соединил в целостную совокупность: кооперативное взаимодействие; целерациональное действие; свободу в позитивном контексте и ответственность как желательную необходимую ценность; доверие и согласие; обязательность заботы о безопасности другого; безусловное подчинение закону. Таким образом, мы имеем реальную основу создания идеальных типов (в смысле М. Вебера) основных институтов общества; основных институтов обеспечения безопасности человека, семьи, общества, государства, современной цивилизации. В итоге гуманитарные и социальные науки, социология, прежде всего, обретает конкретные условия для исследования самого широкого спектра институциональной динамики, т. е. перемен в состоянии безопасности институтов.

Во-вторых, уже сама острота дискуссии в российском обществе в 2000–2012 годах по вопросам методологии и теории развития России; целям, субъектам и объектам развития; ресурсам развития, темпам и предполагаемым результатам на этой стадии анализа позволяют, на мой взгляд, перейти от понятия «безопасность через развитие»³ к понятию «безопасность через компромисс», «глобальная безопасность через правду и справедливость», «культура развития через культуру мира и безопасности».

Всё вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: институционализация процесса анализа и обеспечения Большого Проекта действительно оформляет фундаментальные основы для становления социологии глобальной безопасности, культуры безопасности, геокультуры как фундаментальной научной дисциплины.

Перспективы, учитывающие возможности сетевого подхода, наиболее полно подтвердились в результатах анализа. Действительно широкое развитие сети неправительственных объединений (НПО) как «третьего сектора» придаёт новое позитивное качество гуманитарному взаимодействию людей между собой, с властными структурами, с бизнесом⁴. Полагаю, что представленные рассуждения подкрепляют итоговый тезис о том, что сетевой подход, сетевая методология, облачный подход способны обогатить изучение проблем геокультуры качественно новым коммуникационным и информационным подходом, доказательными технологиями участия самого человека в обеспечении своей безопасности и безопасности другого человека. Реально оформляется коммуникационное общество.

Вместе с тем, здесь много проблем нуждается в обстоятельном анализе и, прежде всего, речь идёт о таких феноменах, как «диалог между цивилизациями», «культура жизни», «культура мира», «коммуникационная безопасность». Их опыт находится на исходной стадии гуманитарного анализа.

¹ Alexander J. The Civil Sphere. New York, 2006. P. IX, X.

² Ibid. P. 33, 34.

³ Кузнецов В.Н. Безопасность через развитие. М., 2000.

⁴ Сухарев А. Мировой опыт институционализации НПО-среды и поддержки НПО-дипломатии // Безопасность Евразии, 2009, № 2.

Строительство и обновление всех основных звеньев безопасности человека и современной цивилизации предполагает, прежде всего, значительный интеллектуальный этап. Здесь идёт непрерывная работа по формированию новой локальной и новой глобальной безопасности для народов Азии, Европы и других континентов.

Следующий вывод нам помог сделать Павел Малиновский, сотрудник кафедры политпсихологии ИНИОН. «Россия сейчас переживает цивилизационный кризис, – отметил он в беседе с журналистом Александром Никоновым, – кризис идентичности. После распада республик СССР по своим "квартирам" каждая из них должна была ответить на вопрос: к какой цивилизации она принадлежит? Вопрос этот встал и перед Россией. Что дальше делать? Новую страну создавать? Или воссоздавать старую? А если старую, то какую именно? И, в конце концов, все сведется к вопросу о смысле жизни... Те же, кто терял смысл жизни, погибал в течение нескольких дней. Если граждане страны могут ответить на вопрос, зачем они живут и ходят на работу, – страна существует»¹.

Суть вывода: нам всем нужен Большой Геокультурный Созидающий Проект XXI века – Возрождение России.

Качественно и сущностно новые процессы в духовной сфере; в сфере интеллектуальных инноваций; в пограничных сферах между гуманитарным и негуманитарным; между идеологическими практиками США, НАТО, ЕС и международного терроризма; между честным выполнением Уставов, соглашений, Правил Игры и нечестным отношением к взятым обязательствам (их тончайшего извращения и нарушения) определённо выявили, по итогам моих исследований слабых взаимодействий, потребность в принципиально новом интеллектуальном аппарате:

здесь важен сам процесс производства новых «смыслов», процесс изучения их последующего функционирования;

целесообразно иметь в виду логику и динамику введения в научный оборот возможных гуманитарных «конструктов» и «концептов», которые могут выразить важные тонкие свойства интеллектуальных практик;

необходимо изучать весь арсенал уже «работающих» и «создающихся» как общенаучных, общесоциологических «категорий», так и новые «категории», которые функционируют в специальном глобальном научном дискурсе по поводу социологической теории, методологии и практик сферы культуры развития;

особенно актуально и плодотворно исследовать сам процесс взаимодействий «смыслов», «конструктов», «концептов», «категорий».

А по существу, возможно, наступило время для «гуманитарных нанотехнологий» работающих в сферах слабых взаимодействий, в сферах коммуникационного.

Здесь, по моему мнению, и может быть создана «новая оптика», позволяющая продвинуть методологию и теорию социологических исследований как в пространство и масштаб Институциональной Среды, так и в новые, пограничные области (контекст) взаимодействия Среды и Субъекта, Среды и Объекта.

О мечте 25 июня 2009 года состоялось первое заседание Редакционно-издательского совета Нанотехнологического общества России, которое было создано весной 2009 года.

«В сфере нанотехнологий, – отметил Георгий Малинецкий в ходе заседания, – сегодня отсутствует **хорошо организованная мечта**»². (Выделено мною. – В.К.).

«России нужна мечта. Как воздух необходимы большие проекты, стратегический прогноз, видение будущего». Это опять пишет Георгий Малинецкий³.

Понятна теперь и мотивация Г. Малинецкого на новую теорию развития России: фактически речь идёт о теории культуры развития. Вот как пишет Максим Калашников о докладе Г. Малинецкого на семинаре «Реальные инновации и их имитация в России», состоявшемся летом 2009 года в Институте динамического консерватизма. «Г. Малинецкий убеждён, – констатирует М. Калашников, – чтобы сломать инновационное сопротивление и предотвратить грозящий развал страны, РФ должна сделать три вещи – запустить первый мегапроект развития обеспечивающий "сшивание" Федерации, принять новую повестку дня для страны и выработать национальную идеологию.

На роль суперпроекта предложено создание Евроазиатских транспортных коридоров. Названа и необходимая повестка дня: целеполагание и создание нового государственного аппарата, декриминализация страны и освоение Евразии. Ну, а основой всего должна стать идеология-"смыслосфера" с базовыми принципами:

Духовное выше материального.

Общее выше личного.

Справедливость выше закона.

¹ Малиновский П. Психология власти: смысл жизни и национальная идея с точки зрения политической психологии (Беседа с А. Никоновым) // Огонек, 2003, № 4. С. 23.

² Ваганов А. Биоэкономика и наномечта // Независимая газета, 2009, 29 июня. С. 8.

³ Малинецкий Г. Смотреть в небо, но стоять на земле // Завтра, 2006, № 37. С. 2.

Будущее выше настоящего и прошлого»¹.

Я поддерживаю представленные суждения Г. Малинецкого. Тем более, что мои исследования для новой теории культуры устойчивого развития начинались со статьи **«Российская мечта в геокультурном измерении»**.

Сегодня, из декабря 2012 года я могу привести здесь первые 19 строчек той публикации. «Определенно можно утверждать и надеяться, что мы, россияне, в 2003 году более отчетливо осознаем смысл своей жизни. И особенно важно: мы вместе стремимся к российской мечте. По существу речь идет о свободе и безопасности; о достоинстве человека, народа и нашей страны. Смысл изменений – мы начали более четко договариваться друг с другом о главных целях, идеалах и ценностях; о нашем собственном участии в их достижении; о надежде быть понятыми и услышанными; об уверенности в себе самих и в своих близких, что можно самим решить свои основные проблемы. Новое обстоятельство – это оформление благоприятной среды: впервые за многие последние годы на рубеже 2002 и 2003 годов появились убедительные свидетельства, что народам России, ее гражданам удалось преодолеть аномию (несоответствие между официально принятыми нормами и реальным поведением людей): это проявляется в восприимчивости и ориентации на позитивные социально-экономические перемены, в адаптации к новым обстоятельствам жизни, в устойчивости феномена социального оптимизма.

Общая доминанта обозначившихся перемен имеет, на наш взгляд, геокультурный характер, новый ценностный и цивилизационный формат, четкий социологический ракурс.

Поэтому важен именно социологический аспект в исследовании содержания, структуры и динамики российской мечты XXI века»².

Считаю, что в 2000–2012 году оформилось понимание **Миссии России в XXI веке** как инициатора, творца и просветителя идеи возрождения человечества и достойного развития классического гуманизма, ориентированного на сохранение и обогащение действительно человеческого в человеке.

Я поддерживаю важное суждение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о важнейшем национальном мифе по поводу смысла и назначения многонационального народа России (это моя интерпретация по поводу **«Национального Мифа»**): «Я глубоко убежден, а как патриарх я говорю не только о России, но о всей исторической Руси, о Святой Руси, что если **весь наш народ, народ исторической России сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса**. Но если снова соблазнимся на очередные «измы», на очередные псевдофилософии, которые в этом информационном потоке обрушиваются на нас знаменитые постмодернистской реальности, то, может быть, страна этого уже и не выдержит»³. (Выделено мною. – В.К.).

* * *

Таким образом, в седьмом и восьмом разделах статьи автор рассмотрел методологию и теорию Проекта; основные смысловые блоки в структуре Большого Проекта с учётом смысловых звеньев, которые были исследованы в предыдущих разделах.

Важнейшими факторами, постоянно влияющими на каждый смысловой блок, кластеры смыслов, всю совокупность структуры Большого Проекта являются контекст и среда Большого Проекта XXI.

Раздел IX

Контекст и Среда Большого Геокультурного Проекта (с учётом высокой вероятности возможной глобальной ядерной войны) обязывают искать и осуществлять общенациональный компромисс

Возможность самого предварительного определения содержания главных категорий, концептов, конструктов в исследуемой сфере коммуникационного – становления и функционирования Большого Проекта, позволяет обозначить *внешний контекст*, влияющий на сам процесс становления и его функционирования, на процесс его восприятия Субъектом.

Вместе с тем, правомерно, по мнению автора исследования, отметить наличие и влияние *внутреннего контекста*, который также влияет на Проект 2012 года, на восприятие Субъекта его учреждающего.

Итоги исследований, осуществлённых автором статьи в 2003–2012 годах⁴ позволяют предположить, что в качестве внешнего контекста для национальной модели Большого Проекта 2012 года может быть рассмотрена глобальная структурная гуманитарная революция¹.

¹ Калашников М. Инновации и Россия // Завтра, 2009, июль. № 29. С. 7.

² Безопасность Евразии, 2003, № 1. С. 581.

³ Приведено по: Козлов В. Осторожно – постмодерн // Время новостей, 2009, 25 мая. С. 3.

⁴ Кузнецов В.Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: Научный доклад для научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» (Москва, 10 марта 2006 г.). М., 2006.

На схеме 1 представлена методология взаимодействия объекта с внешним и внутренним контекстом, в качестве которого выступает процессуальный аспект национальной модели культуры устойчивого развития и модернизации в России 2012 года.

Процесс учреждения, становления, функционирования современного мировоззрения, процесс «омировоззренения» и «размировоззренения» осуществляется всегда в реально существующей внешней и внутренней среде.

В качестве *внешней среды* выступает, по мнению автора исследования, институциональная среда, которая включает в себя всю совокупность официальных и неофициальных правил игры, норм, договорённостей, традиций, запретов.

Здесь взаимодействует легитимное и нелегитимное, которое порознь и вместе влияет на весь процесс в мировоззренческой сфере.

Основной доминантой *внешней среды* для представленного объекта исследования автор статьи считает необходимым назвать оформившуюся угрозу третьей мировой ядерной войны, которая весьма вероятна уже в 2012 году².

Схема 1

Логическая схема взаимосвязи объекта и его контекста

В качестве *внутренней среды* Проекта выступает народная идеология культуры устойчивого развития и модернизации России³.

На схеме 2 представлена методология взаимодействия объекта исследования со своим контекстом и со своей средой.

Логика и динамика восприятия, трансформации объекта в зависимости от контекста

В современном обществе, особенно при наличии глобальных интеллектуальных возможностей Интернета в версии Web 3.0, оформленное, «работающее» восприятие Большого Проекта (объекта) весьма значительно зависит от своего контекста.

На схеме 1 автор уже представил своё видение взаимовлияния объекта со своим *внешним контекстом*. На схеме 3 я предлагаю рассмотреть более подробно методологические особенности влияния контекста (внешнего и внутреннего) на восприятие Проекта, значимость его функционирования, на его деформации, на его изменения под воздействием контекста, на его понимание самим субъектом **объекта**, другими людьми.

О сути, смысле контекста, контекстуализма важно и необходимо представить суждение известного философа И.Т. Касавина. «Теория контекста имеет своим предметом различные типы целостности и взаимосвязей исследуемого феномена, его включенности в язык, в наличную ситуацию деятельности и коммуникации, в локальную и универсальную культуру, – констатирует он. – Философская рефлексия ставит другие вопросы. Каковы же они?»

¹ Кузнецов В.Н. Особенности становления и функционирования глобальной социологической геокультурной объясняющей модели современных всемирных кризисных перемен: экономических, финансовых, правовых, политических, гуманитарных, институциональных: Научный доклад. (Москва, декабрь 2008 г.). М., 2008.

² Кузнецов В.Н. Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти: Научный доклад (научная монография). М., 2011; Кузнецов В.Н. К обоснованию актуальности проведения общероссийской (международной) публичной научной дискуссии по теме: «Культура устойчивого глобального партнёрства как реальная достижимость достойного и эффективного предотвращения весьма возможной третьей мировой войны в 2012–2013 годах».

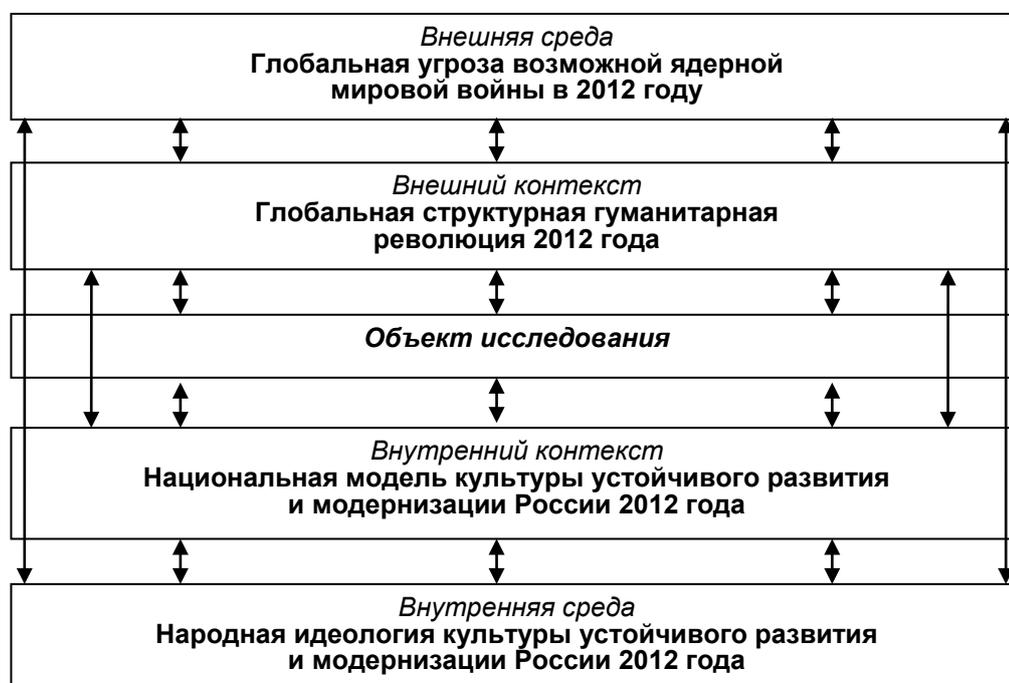
Проект тезисов к научному докладу В.Н. Кузнецова для публичной научной дискуссии в среде Российской Академии наук; высшей школы страны; в Интернете; в средствах массовой информации; среди широкого круга граждан, заинтересованных в сохранении глобального мира, духовного и нравственного возрождения Отечества. *Пора. Мы Все можем опоздать. Отчёт времени уже идёт* // Безопасность Евразии, 2011, № 2.

³ Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011; Кузнецов В.Н. Идеология развития России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

Допустим, что понимание слова предполагает учет многообразных контекстов. Тогда в пределе его смысл фактически оказывается конгломератом слабо связанных между собой смысловых элементов. Но как же тогда сохранить идентичность смысла, если слово оказывается столь расплывчатым и многозначным, как обеспечить адекватность понимания и взаимопонимания?

Схема 2

Логическая схема взаимосвязи объекта и его контекста со средой
Методология Кузнецова

Предположим, что генезис или функционирование некоторого феномена культуры (в искусстве, религии, науке и пр.) обусловлен рядом детерминант, или контекстов. Однако данный феномен также характеризуется собственной идентичностью, отличием от своих контекстов. Каковы же границы редукционизма в контекстуальном объяснении? Сводим ли объяснимый феномен к совокупности контекстов? Например, наука – к историческим условиям своего формирования? Пусть каждая теория зависит от присущего ей научного, социального и культурного контекста. Сравнимы ли в таком случае разные, в том числе исторически и культурно дистанцированные теории? Возможна ли их независимая истинностная оценка, их рациональный выбор.

Обсуждение этих и других подобных вопросов не дает окончательного ответа, но углубляет понимание вечных философских проблем, кроющихся за терминами "смысл", "объяснение" или "истина", а также способствует прояснению конкретных методологических дилемм, возникающих в науках и культуре в целом»¹.

Для понимания особенностей взаимодействий в сфере мировоззренческого, представленных на схемах 1 и 2, важно отметить их общую особенность: это «слабые» взаимодействия, «слабые» связи, «слабые» риски (см. схему 3).

Определённость и полнота понимания, восприятия смыслов мировоззрений с учётом влияния внешней среды

Изучение особенностей влияния феномена «СРЕДА» на учреждение, становление, функционирование, сохранение и совершенствование Большого Проекта 2012 года и последующих лет определяет центральное место, смысловое ядро представленного исследования.

На схемах 1–3 автор показал логику, масштаб и время (хронологию) влияния «КОНТЕКСТА» (контекстуальности) и «СРЕДЫ» («средового подхода») на Большой Проект.

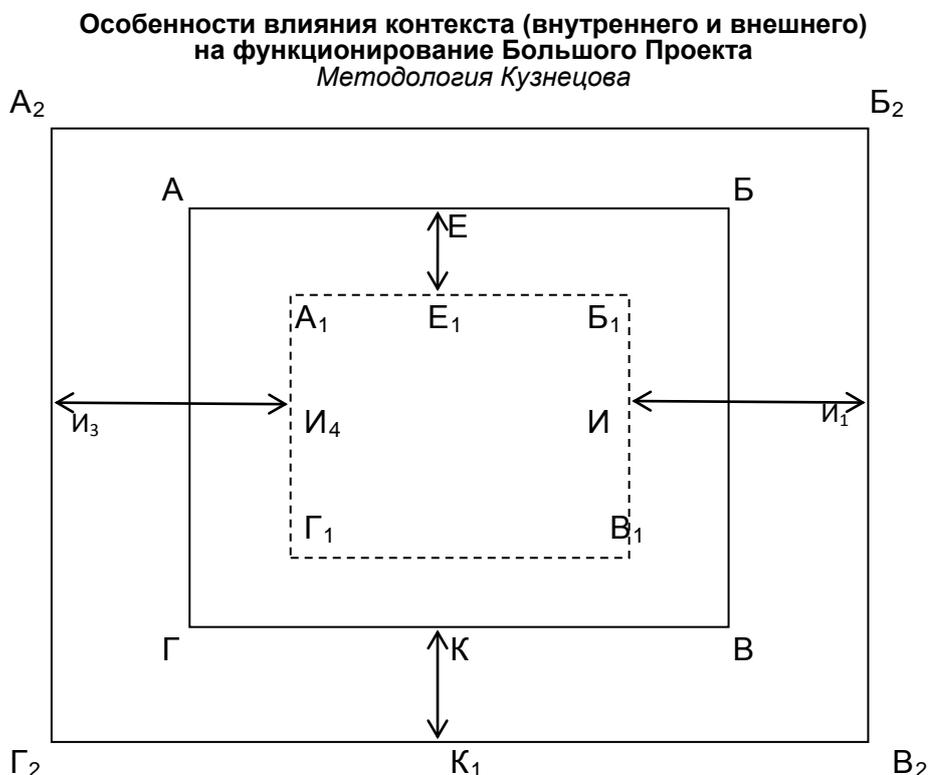
В трактовке, интерпретации феномена «СРЕДА» автором этой работы, главное и принципиальное утверждение – именно здесь и сейчас оформилась глобальная угроза ядерной мировой войны в 2012 году. И если влияние **Контекста** (глобальной структурной гуманитарной революции и её превращённых форм) реально варьируется с учётом географии, культурных традиций, мировоззренческой зрелости людей и народов, стран и регионов, то влияние опасно-

¹ Касавин И.Т. Контекстуализм // Социальная эпистемология: идеи, методы, программа / Под редакцией И.Т. Касавина. М., 2010. С. 17.

² Термин (конструкт) Сергея Переслегина: см.: Переслегин С. Новые картины будущего, или Анти-Рэнд. М.; СПб, 2009.

сти и угрозы ядерной войны всем людям, всей среде их обитания и жизнеобеспечения – повседневно, повсеместно и достигает каждого человека.

Схема 3

Здесь АБВГ – Большой Проект (содержание и структура)

A_1, B_1, Γ_1, B_1 – внутренний контекст

A_2, B_2, B_2, G_2 – внешний контекст

E, E_1 – линия влияния внутреннего контекста на Проект

K, K_1 – линия влияния внешнего контекста

I, I_1 – линия влияния и линия взаимовлияния внешнего и внутреннего контекста

I_3, I_4 – через границу объекта

Поэтому так важен феномен Саммита по устойчивому развитию, состоявшегося в Рио-де-Жанейро летом 2012 года. Это глобальный шанс 2012 на сохранение мира и безопасности, на сохранение самой жизни. Но острота и актуальность ситуации осенью 2012 года только возрастает: США, НАТО, ЕС, Израиль торопятся начать войну против Сирии, Ирана.

И «ядерные часы» возможного начала глобальной ядерной войны в октябре 2012 года показывают без пяти минут двенадцать.

На рубеже 2011–2012 годов обозначились устойчивые глобальные изменения методологии формирования, функционирования и трансформации практически всей мировой сферы коммуникационного.

Во-первых, принципиально изменилась методология, теория и технология определения и согласования Правил Игры при создании и корректировке Повестки Дня всему мировому сообществу в вопросах национального развития.

Во-вторых, реальное интеллектуальное, культурное, промышленное, гуманитарное лидерство России и стран Азии в XXI веке нашло методологическое и концептуальное воплощение в создании (2006 год) новой Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века (геокультурная методология и концепция миропорядка XXI Кузнецова).

В-третьих, главным методологическим основанием для конструктивной и созидательной творческой деятельности учёных, специалистов, граждан и организаций по строительству новой сферы безопасности, её архитектуры стал новый Глобальный Геокультурный Гуманитарный Проект Мира XXI века (Проект Путина).

В-четвёртых, и методологическим, и концептуальным, и прагматическим стал для каждого человека, по моему мнению, во всех странах мира вопрос (и задача, и проблема) о необходимости энергично и эффективно действовать по отдельности (в личном качестве), группами, большими сообществами с использованием всех современных достижений информационных технологий, чтобы надёжно и оперативно «социологически», предотвратить возможность уже

готовящейся сторонниками культуры смерти (США, НАТО, страны Европейского Союза и другие государства) ядерной войны XXI века.

Настала наша очередь (социологов, философов, экономистов, политологов, учёных, многих разных специалистов: Граждан) сохранить и защитить Мир и безопасность, как это достойно, эффективно и по всему миру сделали наши коллеги в 60–70-х годах XX века.

Свой вклад в строительство, поддержание и развитие созидательного потенциала «методологии предотвращения ядерной войны XXI века» я рассматриваю через авторскую разработку оснований геокультурной методологии, теории, институционализации, эвристики.

При социологическом анализе проблемы становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века необходимо отметить её чёткую ориентированность на содействие в обеспечении достоинства, благополучия и безопасности каждого человека, каждого народа; мировоззрения честного человека. Тем самым и в стратегическом, и в тактическом аспектах становится возможным для Всех – достижение справедливости, качественного образования, здравоохранения.

Особенно важно выделить *конкретность объекта в новой модели мира – каждый человек*. В итоге: глобальная, региональная, локальная динамика нового миропорядка – при полном сохранении идентичности каждого человека, каждого народа – содействует достижению Целей развития тысячелетия, согласованных на Саммите тысячелетия в 2000 году.

Определённость субъекта в Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века – каждый народ в реальностях современности – создаёт новый глобальный гуманитарный феномен: **«концерт народов России и Азии, концерт всех народов мира»**.

Таким образом, оформляется востребованность со стороны нового миропорядка, её объекта и субъекта, нового миропонимания, нового мировоззрения: Московско-Шанхайский миропорядок должен быть понят, осмыслен, обсуждён. **Только во взаимосвязи, взаимообусловленности с мировоззрением XXI века новая модель миропорядка востребована.**

Исключительно важная конструктивная, созидаящая особенность становления Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века: *есть, реально действует глобальный и региональный интеллектуальный лидер – Россия, её народы, россияне, которые уже участвуют в соединении нового миропорядка и мировоззрения XXI века.*

Россия предложила Азии, странам БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) многим другим странам новые смыслы для азиатского, евразийского и глобального стратегического гуманитарного компромисса по достижению безопасности человека, по формированию нового гуманизма.

Сегодня в творческой деятельности, направленной на культуру мира и безопасности, на культуру диалога между народами, культурами и странами по инициативе России, Китая, Индии, Бразилии, Южно-Африканской Республики уже участвуют сотни миллионов людей. Вот это и есть смысл нового миропорядка, нового мировоззрения XXI века

Новый не-Западный гуманизм XXI века основывается на обязательном сочетании прав и обязанностей человека, прав и ответственности человека, а также руководителей государств. Особое значение в теории нового (не-Западного) гуманизма занимает концептуализация усилий миллионов людей в деле достижения Целей в области развития и безопасности человека, сформулированных в Декларации тысячелетия; разработка теории стратегической партнёрской культуры компромисса. В практиках – главное внимание уделяется ликвидации опаснейшего взаимодействия бедности, несправедливого неравенства и предотвращению конфликтов с применением насилия.

Анализ теорий и практик традиционного европейского гуманизма с его опорой на борьбу за мир во всём мире показывает, на мой взгляд, утрату его («старого» гуманизма) динамичности, ослабление ориентированности на безопасность каждого человека, явное несоответствие в противодействии новым конфликтам, новым рискам и опасностям, новому «горизонтальному» неравенству, бедности, неопределённости и хаосу.

Самый компетентный человек в проблемах обеспечения безопасности Мохаммед Эль-Барадей, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), привёл убедительные, на мой взгляд, соображения в адрес нового гуманизма, важности стратегического гуманитарного компромисса, необходимости объединения культуры безопасности и стратегической партнёрской культуры компромисса. «Мы также должны отказаться от устаревшего подхода, – пояснил он свою позицию, – определяющего безопасность в терминах границ – городских стен, пограничных патрулей, расовых или религиозных группировок. Мировое сообщество стало необратимо взаимозависимым, в нем постоянно перемещаются люди, идеи, товары и ресурсы. **В таком мире мы должны бороться с терроризмом, создавая общую культуру безопасности, проникающую через границы и ставящую во главу угла ценность человеческой жизни.** В таком мире нет места оружию массового уничтожения»¹. (Выделено мною. – В.К.).

¹ Эль-Барадей М. Культура безопасности // Ведомости, 2004, 26 февраля. С. А4.

По моему мнению, вместе с *императивами «доверие» и «сотрудничество»*, определяющими европейскую безопасность, классический европейский гуманизм, именно императив *«предотвращение»* становится методологической, концептуальной, институциональной, мировоззренческой основой нового гуманизма, новой азиатской и евразийской безопасности.

Ещё более чётко и обоснованно Мохаммед Эль-Барадей раскрыл проблему ускорения активного привлечения специалистов, общественности к новым проблемам безопасности, к возросшей угрозе ядерной войны в своём докладе «Предотвращение ядерной катастрофы: куда же мы движемся?», представленном 24 мая 2007 года в Люксембурге на Международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы. «Нам необходимы серьезные обязательства по ядерному разоружению, с четко сформулированными этапами их реализации и определенной подотчетностью, – чётко сформулировал он свою позицию. – Нам необходим эффективный подход к преодолению угроз, связанных с распространением. Нам необходима международная политика в сфере ядерного топливного цикла. Нам необходима универсальная и мощная система проверок. Нам необходима действенная система обеспечения безопасности ядерных материалов. **Но, прежде всего, нам необходимо приступить к серьезной работе по формированию новой парадигмы коллективной безопасности.** Если мы действительно хотим предотвратить ядерную катастрофу, действовать надо сегодня¹. (Выделено мною. – В.К.).

Действовать нам самим необходимо сейчас и здесь Прообразом такого примерного плана действий для Большого Проекта устойчивого развития России в XXI веке может стать план действий в сфере коммуникационного – в сфере народной идеологии развития России XXI.

Именно в этом звене осуществления стратегического манёвра создаётся результат, который, будучи «присвоенным», обеспечивает устойчивость новых институтов: «**российская идеология культуры развития**», «**российская идеология культуры модернизации**», «**Геокультурный Проект Развития России XXI**».

Конкретно, я говорю о главном: как сделать такую народную объединяющую идеологию понятной и воспринятой абсолютным большинством граждан России, молодёжью, пенсионерами, военнослужащими, приверженцами различных других идеологий, различных религиозных конфессий.

Ведь даже самым непримиримым людям можно объяснить, убедить их – во имя высшего смысла – благополучия и безопасности людей, народов и Отечества, – что на строго оговорённых условиях, на строго оговорённый временной период можно и нужно принять основные постулаты народной идеологии консолидации, национальной идеологии справедливости.

Именно для этой срочной творческой и важнейшей работы нужны ум, эмоции, мудрость и терпение миллионов наших сограждан.

Сегодня здесь важнейшее звено.

Именно необходимость создания незападного нового гуманизма в XXI веке обусловило, в значительной степени, инициирование и развёртывание в 2003–2012 годах *глобальной структурной гуманитарной революции, которая в настоящее время и в ближайшее будущее определяет многие особенности гуманитарных изменений во всех странах мира.*

В чём главная содержательная особенность этих двух феноменов?

Отвечу так: глобальная структурная гуманитарная революция XXI века проявляется, по моему, в слабых взаимодействиях, в основном, и обуславливает динамику таких феноменов (через трансформацию их внутренней и внешней среды): культура жизни, смысл жизни, компромиссность, справедливость, доверие, мировоззрение, гуманизм, честность, свобода, ответственность, порядочность, счастье, солидарность, «культура смерти», доброжелательность, универсализм, диалог и т. д.

Социологические исследования видимости и сущности разворачивающейся в первом десятилетии XXI века глобальной революции во имя человека и для человека достаточно полно и, как я полагаю, быстро (вовремя) выявили драматичность и безжалостность действия главного глобально-антагонистического противоречия: культуры жизни человека – культуры смерти человека.

Возможно, впервые за всё существование социологии как важнейшей общественной науки Миссия социологии востребована каждым человеком. Помочь людям, религиозным конфессиям, журналистам, общественным и государственным деятелям, учёным и военным понять смысл своего участия в достижении желательного, достойного итога новых стремительных перемен – здесь приложение их способностей и служения своим Отествам.

Оформившаяся теория и методология Большого Проекта XXI действительно может чётко, эффективно и последовательно обеспечить интеллектуальный прорыв к значительному

¹ <http://www.pnc2007.org/addresses/reports/29.06.2007>.

улучшению всех параметров системы жизнеобеспечения народов России в XXI веке. Тем самым становится осуществлённым первый и самый важный шаг к стратегическому манёвру.

Самостоятельной проблемой можно назвать и обеспечение безопасности всего процесса становления Большого Проекта XXI.

Особого внимания требует научный анализ стратегических и тактических факторов продвижения Большого Проекта XXI к людям, к народу. Ведь Проект создаётся для их блага, достоинства и безопасности, для свободы и счастья.

В моих исследованиях геополитика, геоэкономика и геокультура представлены как равнозначные стороны единой гуманитарной парадигмы XXI века. Суть: у каждой стороны такой парадигмы есть определённая сфера, в которой она проявляется наиболее эффективно.

В коммуникационной сфере, как показали мои исследования ключевых смыслов народной российской идеологии XXI века, именно геокультура «работает» наиболее конструктивно.

Становление, функционирование и эффективность Большого Проекта XXI обусловлены энергией и динамикой гуманитарного синтеза, идеологического компромисса, которые своим постоянным проявлением поддерживают целостность и устойчивость нового института.

* * *

Главный итог исследований, представленный для обсуждения читателям, *реальность и значимость для человека, народов, общества и государства состоявшегося, по мнению автора статьи, Геокультурного Проекта устойчивого развития России в XXI веке.*

Уточню ещё раз позицию автора.

Созидательной, конструктивной особенностью новой динамики функционирования всей совокупности российских общественных наук в 2008–2012 годах стало, по мнению автора представленного исследования оснований современного Большого Проекта, создание и продвижение к народу благодатного общероссийского и мирового **Проекта культуры устойчивого развития человека, семьи, народов, государств, цивилизаций.**

Общекультурным основанием этой идеи, траекторий, форм, региональных и религиозных различий стала авторская концепция *«культуры глобального устойчивого партнёрства»*, разработка её концептуальных, методологических, институциональных, процессуальных трендов в работах научной школы Кузнецова в 2000–2012 годах.

Важно констатировать, что все эти работы стали возможны только на базе интересных творческих исследований, осуществлённых огромным и замечательным многообразием учёных и специалистов, преподавателей и журналистов из научных центров Российской Академии наук, учебных заведений, самостоятельных научных центров из России и многих стран мира. Их работы приведены по ходу моего исследования.

Сегодня сущность Позиции гражданина России, учёного, который служит Отечеству, значима как реальное, важнейшее звено Проекта развития страны в XXI веке. Публичное и своевременное предложение личной, групповой, коллективной Позиции (в ситуации итогов работы научного коллектива) в понятной и доступной для всех заинтересованных субъектов форме – это путь к пониманию и востребованности смысла создающего Поступка. Суть – автор научного исследования как субъект Позиции и Поступка несёт всю полноту ответственности, обязанностей по итогам своих работ, за выводы и рекомендации.

Поэтому так важен итог исследований прошлого, настоящего и будущего России, Евразии, всего мира в XXI веке, которые осуществили в 2008–2011 годах учёные Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук.

«Авторы Прогноза, – утверждают учёные, – исходят из того, что у России существует достаточно политической воли, общественной поддержки, государственного интереса и экспертных ресурсов для адекватного и рационального восприятия глобальных процессов и участия в них и выработки на этой основе нацеленной в будущее внутренней и внешней стратегии, реализация которой позволит России самой эффективно влиять на мировые тенденции развития и, тем самым, укреплять собственные международные позиции в интересах повышения уровня и качества жизни российских граждан»¹.

Я согласен с таким утверждением, с такой позицией. Это и моя позиция.

Лето, осень и зима 2012 года обязывают каждого из нас, каждого учёного в России думать и действовать для прошлого, настоящего и будущего самого себя, своей семьи, своего народа, своего Отечества, всей Цивилизации, своего Большого Проекта. Своё Понимание Геокультурного Проекта устойчивого развития России XXI через исследования нашей научной школы, российской и мировой науки я представил в октябре 2012 года в Научном докладе **«Геокультурный Проект Развития России XXI»**, а также в этой статье (ноябрь – декабрь 2012 года).

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М., 2011. С. 451.

Здесь же предложены и основы программы действий, которые могут объединить многие Я в действия Субъекта, когда Мы исследуем существующую реальность и стремимся содействовать достойному миру, развитию и безопасности¹.

14 ноября 2012 года в **День социолога**^{*} «Российская газета» в рубрике **«Позиция»** опубликовала беседу Екатерины Добрыниной с академиком РАН, директором Института социологии РАН Михаилом Горшковым². В завершение обстоятельной и аргументированной беседы М. Горшков предложил важный и своевременный тезис о современной общественной науке, о российской социологии – **«о том, чему хочет служить и кому не хочет прислуживать социология»**³. Здесь, по моему мнению, обоснована и предьявлена достойная Позиция и созидающий Поступок гражданина и учёного. «Очень важный итог – то, что в последние 10 лет в России сложился массовый средний класс, – справедливо утверждает Михаил Горшков, – который чувствует себя хозяином своей судьбы и может стать двигателем развития страны. Если, конечно, ему в этом не мешать.

Но главное – то, что с точки зрения общественного самосознания пореформенная Россия не просто "встала с колен". Она прочно стоит на ногах и готова к решительным шагам вперед. Как показывают массовые опросы, мы перестали ностальгировать по временам застоя, "когда все было". Сегодняшний момент жизни России большинство граждан называет самым благополучным периодом за всю ее новейшую историю. При этом граждане выступают не за "шок", а за постепенную модернизацию, за "эволюционные" реформы. В этом лично я вижу очень хороший знак. Для управленцев дело принципа – не упустить исторический шанс и использовать такой настрой граждан для решения проблем страны. А для нас, социологов, дело чести и гражданской ответственности – исследовать, как идут эти процессы, и вовремя предупреждать о возможных опасных поворотах на пути»⁴.

Три Позиции, три Поступка в контексте Геокультурного Проекта развития России XXI, которые автор исследования соединил в Послесловии к статье, читатели журнала «Безопасность Евразии» могут, к счастью, дополнить множеством своих размышлений, сомнений, смыслов, колебаний, действий и недействий⁵; своих Позиций и Поступков⁶.

Я уверен в этом.

(Источник: Безопасность Евразии, 2012, № 2)

¹ Кузнецов В.Н. Геокультурный Проект развития России XXI. Научный доклад. М., 2012; Кузнецов В.Н. Российское национальное незападное гуманистическое мировоззрение XXI века как наше общее дело // Безопасность Евразии, 2012, № 1; Кузнецов В.Н. Основания современного мировоззрения. М., 2012; Кузнецов В.Н. Партнёрство. М., 2011; Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М., 2010.

² По инициативе Санкт-Петербургского государственного университета отмечается в России с 1994 года.

³ Добрынина Е. Предел погрешности (беседа с академиком РАН Михаилом Горшковым) // Российская газета, 2012, 14 ноября. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Латухина К. Жить хорошо. Здесь и сейчас: Президент Владимир Путин в Послании обозначил главную задачу – создать богатую и благополучную Россию // Российская газета, 2012, 12 декабря, № 287. С. 1–2.

⁷ Путин В.В. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, 2012, 13 декабря, № 287. С. 2–4.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В.Н.Кузнецов

СЕГОДНЯ МЫ ОТВЕЧАЕМ ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ, ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, КАЖДОГО НАРОДА

Учёные, специалисты, граждане России за первые четыре месяца (январь – апрель) 2014 года и предыдущие годы (2009–2013 гг.) осуществили обстоятельный конструктивный анализ практик, методологии, теории «новой государственной политики в области национальной безопасности», предложенной в *«Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»*¹.

Итоги их исследований становятся ещё более значимыми и востребованными сегодня и завтра, в последующие дни, месяцы и годы, так как они учитывают эффект влияния Федерального закона РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ *«О безопасности»*², а также Указа Президента РФ от 7 мая 2012 года № 596 *«О долгосрочной государственной экономической политике»*.

Речь идёт об изучении новых вызовов, новых опасностей, новых угроз и новых рисков как оформившихся внутри страны, так и вне её от других государств и международных структур. Инновационные и эффективные разработки российских учёных для сферы национальной безопасности уникальны, своевременны как для стратегии предотвращения опасностей и угроз, так и для превентивных действий в ходе оперативного повседневного реагирования.

Учёные России из институтов и научных подразделений Российской Академии наук, из учебных заведений, научных центров и лабораторий (государственных и негосударственных) представили уникальный комплекс научных монографий, сборников, докладов, статей, которые ориентированы на обеспечение и улучшение всех звеньев безопасности России, её национальной безопасности³.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // *Безопасность Евразии*, 2009, № 2. С. 287.

² Федеральный Закон Российской Федерации от 7 декабря 2010 года № 390-ФЗ *«О безопасности»* // *Безопасность Евразии*, 2010, № 2. С. 300–307.

³ *Капто А.С.* Энциклопедия Мира. В двух томах. 4-е издание, переработанной и дополненное. М.: Издательский дом «Академия», 2013; *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр: Инфра-М, 2013; *Нарочницкая Н.* Русский код развития. М., 2013; *Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А.* Социология труда. Учебник для вузов. М., 2012; *Урсул А.Д., Урсул Т.А., Иванов А.В., Маликов А.Н.* Экология, безопасность, устойчивое развитие. М., 2012; *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок «Национальная безопасность».* Том 1. Национальная и международная безопас-

Первые четыре месяца 2014 года обозначили трудный, повседневный и востребованный Вызов каждому гражданину России. Его суть – Мы все вместе определились как субъекты и объекты национальной безопасности в главной работе: Мы все вместе и Каждый стали творцами и создателями Большого Проекта Культуры Устойчивого Развития России XXI.

Мы предъявили себе, своим семьям, всем гражданам страны нашу Российскую Мечту, Общенациональную Цель, Национальные Ценности, Повестку Дня 2014 и Правила Игры 2014 для всего процесса (повсеместно и повседневно) для их осуществления.

Ответом на этот Вызов каждого из нас – согласного, несогласного, сомневающегося, равнодушного человека рядом с нами – уже оформляется, состоялся личный позитивный вклад в создающие коммуникации, в достойный поступок; в протестное действие; в неделание для правды, справедливости, смысла жизни; для национальной безопасности.

Мы выстраиваем новую российскую гуманистическую создающую реальность 2014 года.

Чтобы потушить разгорающийся пожар способный привести к катастрофе используют встречный пал.

Главное здесь не местность, а метеусловия и команда профессионалов, работающих на упреждение.

Впервые за 20 лет мы наблюдаем за блестящей и одновременно сложнейшей контригрой России по упреждению и предотвращению возможных рисков и угроз её национальной безопасности.

Игрой, учитывающей не только явные прямые угрозы, но и весь комплекс слабых, подчас невидимых вооружённым глазом.

Но именно они, помноженные на современные облачные технологии в условиях неопределённости, способны создать кумулятивный эффект.

Именно через эту призму нам бы и хотелось, чтобы читатели рассматривали итоги нашего коллективного научного исследования проблем национальной безопасности России, формирования мобилизационной патриотической идеологии и нового гуманизма.

НАУЧНЫЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ КНИГИ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВ Владимир Михайлович	– доктор философских наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса	265
АНТЮШИН Сергей Сергеевич	– доктор философских наук, профессор Российской академии правосудия	268
АХРОМЕЕВА Татьяна Сергеевна	– Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН	124
БЕЛОВ Петр Григорьевич	– доктор технических наук, доцент, РГТУ им. Циолковского	275
БЕЛОЗЕРОВ Василий Клавдиевич	– доктор политических наук, Московский государственный лингвистический университет	277
БЕЛЬКОВ Олег Алексеевич	– доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук, Первый заместитель Главного редактора журнала «Безопасность Евразии»	262, 369, 453
БУРТНЫЙ Константин Петрович	– кандидат политических наук, доцент, Военный университет Министерства обороны	283
ГРИГОРЬЕВ Анатолий Борисович	– кандидат исторических наук, доцент военный культуровед	269
ГУСЬКОВ Юрий Владимирович	– доктор политических наук, профессор, Московский городской педагогический университет	283
ДАНКИН Дмитрий Михайлович	– доктор политических наук, заместитель Главного редактора журнала «Безопасность Евразии»	109, 351
ДАНИЛЕНКО Игнат Семенович	– доктор философских наук, профессор, Центр руководителя многотомной истории Великой Отечественной войны	270
ЕВДОКИМОВ Игорь Владимирович	– Генеральный директор журнала «Безопасность Евразии»	93
ЗАМЯТИН Дмитрий Николаевич	– доктор культурологии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева	408
ИЛИЕВСКИЙ Николай Вячеславович	– Эксперт Комиссии Общественной палаты	271
КАПЕЛЬКО Ольга Николаевна	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	517
КОНЧУГОВ Анатолий Владимирович	– кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, Военный университет МО РФ	260
КОПЫЛОВ Игорь Александрович	– кандидат политических наук, доцент Военный университет МО РФ	277
КОЧЕТОВ Эрнест Георгиевич	– академик РАЕН и АЭНПД, доктор экономических наук, директор Центра стратегических исследований ВНИИВС Минэкономразвития РФ, Председатель Совета по глобальным проблемам XXI века (геоэкономика и цивилизация)	59, 301 498
КУЗНЕЦОВ Вячеслав Николаевич	– член-корреспондент Российской Академии Наук, доктор социологических наук, профессор, Шеф-редактор журнала «Безопасность Евразии»	9, 197, 589
КУЗНЕЦОВА Анна Вячеславовна	– кандидат социологических наук, заместитель директора Московского института стратегических исследований	143, 551
ЛИТВИНОВ Александр Васильевич	– кандидат философских наук, профессор, Военный университет МО РФ	267
МАЗУР Алексей Павлович	– НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ	280
МАЛИНЕЦКИЙ Георгий Геннадьевич	– Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН	124, 517

НЕКЛЕССА Александр Иванович	–	Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований ИАФРАН (Лаборатория «Север–Юг»)	389
НИКОНОВА Екатерина Васильевна	–	доктор философских наук, профессор кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации	45
ПЕВЕНЬ Леонид Васильевич	–	кандидат философских наук, доцент, научно-исследовательский (социологический) центр ВС РФ ...	272
ПЕРШИН Александр Андриянович	–	доктор философских наук, профессор, Военный университет Министерства обороны	260
ПОПОВ Игорь Михайлович	–	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, независимый экспертно-аналитический центр «Эпоха»	278
ПОСАШКОВ Сергей Александрович	–	Финансовый университет при Правительстве РФ	124, 517
САВИН Михаил Степанович	–	руководитель сектора социологии прав человека, ИСПИ РАН, директор социологической службы «Барометр»	84
САВИНКИН Александр Евгеньевич	–	кандидат философских наук, доцент, «Российский военный сборник»	273
САПИР Елена Владимировна	–	доктор экономических наук, профессор, проректор по развитию образования Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова	432, 539
СЕРГЕЕВА Людмила Ивановна	–	доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана	189, 331, 478
СОЛОВЬЕВ Алексей Васильевич	–	кандидат философских наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова	266
СТРЕЛЬНИКОВ Виктор Алексеевич	–	кандидат исторических наук, доцент, НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ	282
ТЮШКЕВИЧ Степан Андреевич	–	доктор философских наук, профессор, НИИ (военная история) ВАГШ ВС РФ	274
УРСУЛ Аркадий Дмитриевич	–	академик Академии наук Молдавии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, тел.: 8-499-238-49-96, дом. адрес: 119180, Москва, ул. Большая Якиманка, д. 26, кв. 174. E – mail: ursul-ad@mail.ru	163, 285
ФЕЛЬДМАН Олег Александрович	–	доктор политических наук	453
ХАМЗАТОВ Муса Магомедович	–	кандидат военных наук, доцент, независимый экспертно-аналитический центр «Эпоха»	273
ЧАЕВИЧ Александр Владимирович	–	доктор политических наук, профессор, Международная академия бизнеса и управления	281
ШАЕВА Ольга Николаевна	–	преподаватель, Московский государственный лингвистический университет	267
ШЕВЦОВ Валерий Михайлович	–	доктор философских наук, профессор, заместитель начальника Военного университета МО РФ	259
ЮДИН Андрей Владимирович	–	адъюнкт кафедры политологии, Военный университет МО РФ	279
ЯВЧУНОВСКАЯ Илона Валерьевна	–	кандидат философских наук, редакционная коллегия журнала «Безопасность Евразии»	579
ЯВЧУНОВСКАЯ Регина Анатольевна	–	доктор политических наук, профессор	579

АННОТАЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ РАНЕЕ ИЗДАНЫХ (2011–2004 гг.) КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЙ

МЫ – НАРОД: Народ – главный Субъект развития, модернизации, управления Россией. Коллективная монография / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2011. 702 с.

В коллективной научной монографии авторы представили итоги исследований актуальной и востребованной проблемы становления и функционирования, результативности Главного Субъекта конструктивных перемен в России XXI века: Народов России. Исходное основание анализа, синтеза, дискуссий – ведущая роль народов Российской Федерации при реальном отсутствии национальной элиты.

Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007), *Смысл Великой Победы* (2010). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума. Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это кластерно-сетевые нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру развития, культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога; культуру партнёрства.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни, культуре развития каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2000–2011 годы.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных и социальных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *Сегодня в апреле 2011 года Россией управляет её Народ.* 7
В.Н. Кузнецов

Раздел первый

Повестка Дня, Общенациональная Цель, Правила Игры, которые Народ России предложил на 2011–2012 годы самому себе

Е.М. Примаков. Достижения не должны заслонять проблемы: Какую эстафету передал 2010-й новому году	9
В.Н. Кузнецов. О смыслах возможных и необходимых Повестки Дня, Общенациональной Цели, Правилах Игры в процессах их осуществления для России 2011–2012 годов	17
В.И. Добрынина. Население современной России	43
Д.М. Данкин. Доверие к Субъекту перемен	50
И.В. Явчуновская. Культура дуальных позиций «свобода – ответственность», «ответственность – свобода» как главная доминанта преобразования населения страны в Народ, в Nation	70
С.Н. Першуткин. О внимании общества к молодёжным проблемам, об участии государства в их преодолении	80
С.В. Картунов. «Мягкая сила» России на постсоветском пространстве	85

Раздел второй

Мы – Народ России: методология как необходимость и возможность самоуполномочивания Народа для деятельности по возрождению, развитию, модернизации, эффективному управлению и обеспечению безопасности всех сфер жизни страны в XXI веке

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после вручения диплома почётного доктора Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, 4 марта 2010 года)	105
Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии IV Ассамблеи Русского Мира (Москва, 3 ноября 2010 года)	111
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после освящения иконы Николы Можайского на Никольской башне Московского Кремля (Москва, 4 ноября 2010 года)	117
Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обсудил вопросы молодёжной политики с членами профильного комитета Государственной Думы (Москва, 27 декабря, 2010 года) ...	119
В.Н. Иванов. Мировоззренческие аспекты гуманитарных технологий (тезисы доклада)	121
А.А. Возьмитель. Социально-политические предпосылки модернизации России	128
Н.Л. Смакотина. Проблемы насилия в отношении детей в условиях динамично развивающегося мегаполиса Москвы. (Результаты социологического исследования)	141

А.И. Неклесса. Окна в будущее: модели борьбы и самоорганизации (Беседы первая и вторая) ...	155
В.Н. Кузнецов. Проблема обретения единства свободы и ответственности, прав и обязанностей как главное условие для достойной позиции, достойных поступков	183
Раздел третий	
Мы – Народ Российской Федерации: теоретические особенности дискуссий в общественных науках (2000–2011 гг.) по проблемам – народ и власть, народ и общество, народ и человек, народ и отдельные институты общества	
Э.Г. Кочетов. Диалог: диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен. <i>Фрагменты книги</i>	211
Е.В. Сапир. Инновационная геоэкономическая среда: локальные сетевые модели и механизмы ...	235
И.В. Евдокимов. Государственно-общественное партнёрство в сфере контроля за соблюдением прав и свобод граждан в местах лишения свободы.....	251
С.В. Кортунов. Национальная идентичность как ресурс развития. Российские национальные ценности – источник конкурентоспособности России в XXI веке	269
В.Н. Кузнецов. Народная идеология и общественные науки: является ли народ России главным субъектом идеологии?	295
Раздел четвёртый	
Мы – Народ: институциональные тенденции в повседневной работе по достижению равенства каждого человека в России перед Законом	
Р.Г. Яновский. Человек и его поступки в сфере обеспечения безопасности	335
Э.Г. Кочетов. Кризис без прикрас: человек и человечество забинтовано «Общественным договором». Вопрос тысячелетнего ранга – как вырваться из этих «застенков»?	360
Л.И. Сергеева. Проблемы обеспечения политики гуманитарной безопасности народов России в XXI веке	375
С.В. Кортунов. О правопреимстве и покаянии	392
О.А. Бельков. Закон – не дышло?	414
И.В. Котов. Роль информационной безопасности в предотвращении угроз и минимизации рисков для сфер жизнеобеспечения человека, семьи, народов России	430
В.Н. Кузнецов. Проблема ответственности каждого человека перед народами России, перед Отечеством в ситуации: «Если завтра война, если завтра глобальная природная катастрофа?»	456
Раздел пятый	
Мы – Народ Российской Федерации: процессуальные технологии и механизмы по выращиванию честной и порядочной элиты: творцов, профессионалов для осуществления культуры развития, культуры модернизации, культуры партнёрства	
В.Н. Кузнецов. Институты «культуры партнёрства», «культуры глобального партнёрства» как объединяющие всех граждан кластеры смыслов культуры жизни	484
Г.Г. Малинецкий, О.Н. Капелько. ЭнергодIALOG Россия – ЕС с точки зрения безопасности	532
О.А. Бельков. Толерантность: социальная норма или интеллектуальная притча	548
А.И. Сухарев. Трансгуманитарное измерение политики: «мягкий» захват «твёрдой силы». (Операциональный аспект)	571
А.В. Кузнецова. Становление политики гуманитарной безопасности как культуры патриотизма в контексте формирующегося справедливого миропорядка XXI века	583
Послесловие. <i>Именно мы, Народ, отвечаем за каждого человека, за каждую семью, за Россию</i>	633
В.Н. Кузнецов	
Научный и справочный аппарат книги	
Сведения об авторах	635
Литература	636
Аннотации и содержание ранее изданных коллективных монографий:	
• <i>Смысл Великой Победы</i> . М., 2010	638
• <i>Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок</i> . М., 2007	640
• <i>Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века</i> . М., 2006	641
• <i>Становление евразийской безопасности</i> . М., 2005	642
• <i>Гуманитарный стратегический манёвр</i> . М., 2004	643
Приложения:	
Декларация о культуре мира	645
Программа действий в области культуры мира	646
Хартия Земли (Текст)	649
Аннан Кофи. Мы, народы: роль Организации Объединённых Наций в XXI веке (<i>фрагменты</i>) ...	653
Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций	660
«Более безопасный мир: наша общая ответственность» (фрагменты) Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам	664

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. <i>Общественная палата Российской Федерации (фрагменты)</i>	697
Аннотация книги	701

* * *

СМЫСЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2010. – 958 с.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований важнейших теоретических, методологических, институциональных, практических вопросов и проблем, которые обращены на глобальные смыслы 65-летия Великой Победы народов СССР над фашизмом в 1945 году, Победы народов антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2010 годы.

Содержание

Введение. Снова и снова о смысле Великой Победы в мае 1945 года.	
В.Н. Кузнецов	7
Раздел первый.	
Глобальное значение Великой Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов для XXI века	
В.Н. Кузнецов. Честность, доверие и справедливость в глобальной Повестке Дня, посвящённой Великой Победе в войне 1941–1945 годов против фашизма	9
Р.Г. Яновский. Социальная безопасность и патриотизм как основания конструктивной динамики гуманитарных перемен	37
СТРАТЕГИЯ национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	48
А.Д. Урсул. Принцип «безопасность через устойчивое развитие»: концептуально-методологический анализ	61
В.И. Долгих. Москва осталась непокорённой	87
В.Г. Байкова. Философия Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Факторы победы, историческое значение и уроки. (К выходу в свет первого тома: «60 лет Битвы под Москвой в Великой Отечественной войне»)	95
С.В. Кортунов. Смысл Великой Победы	119
Раздел второй.	
Методологические основания реальности и важности последствий Великой Победы СССР и стран антигитлеровской Коалиции	
Ф.И. Ладыгин. О возможности дальнейшего сокращения (ограничения) стратегических наступательных вооружений России и США	141
С.П. Капица. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество	153
О.А. Бельков. Эволюция войн и представлений о них (конец XX – начало XXI вв.)	179
А.С. Капто. Пакт Молотова-Риббентропа: мистификация или реальность?	216
Н.А. Нарочницкая. «Концерт великих держав» накануне решающих событий	260
А.Б. Подцероб. Внешняя политика СССР	276
В.М. Фалин. Второй фронт или война на два фронта?	289
М.В. Демури. Правда истории и ложь политики	315
И.Ф. Максимычев. Родовые схватки антигитлеровской коалиции. <i>Политика безопасности СССР после прихода нацизма к власти в Германии</i>	323
В.А. Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире	337
В.С. Буянов. Цивилизационная безопасность России	352
М.Ю. Байдаков. Запад–Восток: геоэкономическое измерение сотрудничества	363

Раздел третий.

**Преимственность и новизна нравственных целей, идеалов и ценностей
в культуре и образе жизни народов Российской Федерации**

Доклад Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 года	373
Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека	391
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIII Всемирного русского народного собора «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» (22 мая 2009 г. г. Москва)	405
Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в рамках XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	409
Патриаршее слово на Васильевском спуске в День славянской письменности и культуры. (24 мая 2009 г., г. Москва)	420
Будущие поколения – национальное достояние России. Программный документ XIII Всемирного русского народного собора. (23 мая 2009 г. г. Москва)	422
А.А. Возьмитель. Трансформация норм и ценностей советского образа жизни в современной России	436
С.В. Картунов. Национальная идентичность как ресурс развития. Российские национальные ценности – источник конкурентоспособности России в XXI веке	449
Г.Г. Силласте. Интеллигенция в период глобального кризиса	476

Раздел четвёртый.

**Концептуальные основы создания условий
предотвращения глобальных войн в XXI веке**

Э.Г. Кочетов. Геоэкономика, стратегия России и президентское Послание. (К выходу в свет статьи Президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!»: свежесть, ясность, убежденность)	499
А.А. Возьмитель. Российская власть в представлениях массового сознания	523
А.И. Сухарев. Формальное и неформальное в политике обеспечения участия граждан в общественной безопасности	534
Е.В. Никонорова. Исследования библиотек в условиях развития информационно-коммуникативных технологий: постнеклассические практики	549
С.И. Лунёв. «Мягкая сила» России в Азии	556
С.В. Картунов. Новая архитектура европейской безопасности	565
Л.И. Сергеева. Институт государства в условиях глобализации	576
О.А. Бельков. Военная политика и стратегия как высший уровень управления оборонной сферой страны	591

Раздел пятый.

**Институциональные и структурные перемены в процессе
обеспечения Правды о Великой Победе**

Р.Г. Яновский. Человек и его поступки в сфере обеспечения безопасности	601
Э.Г. Кочетов. Кризис без прикрас: человек и человечество забинтовано «Общественным договором». Вопрос тысячелетнего ранга – как вырваться из этих «застенок»?	627
Г.Г. Силласте. Государственная молодёжная политика в сельском социуме: социологический аспект	642
А.А. Возьмитель, Владимир Красниковский. Социально-трудовые отношения в позднесоветской и современной России	681
Д.М. Данкин. Кризис доверия: ключевое звено	697
С.В. Картунов. Что стоит за мифом о «советской оккупации»	713
Ю.А. Квицинский. Роман с Германией: завышенные надежды	727

Раздел шестой.

**Логика и динамика практик, конкретного опыта
конструктивного творчества и борьбы за мир
и безопасность в XXI веке**

Р.Г. Яновский. Культура мировоззрения	735
О.А. Бельков. Русский вопрос в современной России. Полемические заметки о «Русском проекте»	763
А.В. Кузнецова. Основные тенденции становления политики справедливого мироустройства в XXI веке	795
А.В. Полосин. Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации	805
С.В. Картунов. О правопреемстве и покаянии	813
И.В. Евдокимов. Гражданское общество и проблемы предотвращения деятельности организованной преступности	835
Д.М. Данкин. Мировоззренческие факторы доверия	851
Э.Г. Кочетов. Посткризисный мир: опорные тенденции глобальных перемен и Россия – интеллектуальные геоэкономические заделы (программа действий)	869
Заключение. В.Н. Кузнецов. Концепция культуры развития государства через теорию и практику становления новой архитектуры международной (глобальной) безопасности XXI века	879

Научный аппарат книги	
Сведения об авторах	939
Литература	942
Содержание ранее изданных коллективных монографий:	
• <i>Гуманитарный стратегический манёвр</i> . М., 2004;	948
• <i>Становление евразийской безопасности</i> . М., 2005;	949
• <i>Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века</i> . М., 2006;	950
• <i>Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок: Опыт гуманитарно-социологического исследования</i> . М., 2007	952
Contents	954
Summaries	957
Аннотация книги	959

* * *

МИРОУСТРОЙСТВО XXI: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МИРОПОРЯДОК. *Опыт гуманитарно-социологического исследования* / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2007. – 679 с.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований становления не-Западного Миростройства XXI века. Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, доверия, диалога, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2007 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ЕДИНСТВО И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ НЕ-ЗАПАДНОГО МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА.

Вячеслав Кузнецов	7
-------------------------	---

Раздел первый.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА

Виктор Садовничий. Гуманитарное образование в России: мысли вслух. Выступление на Всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение». 15 февраля 2007 г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова	9
Вячеслав Кузнецов. Формирование не-Западного миростройства XXI века	20
Сергей Картунов. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка	65
Сергей Рогов, Виктор Есин, Павел Золотарёв. Проблемы контроля над ядерными вооружениями в XXI веке	95
Александр Капто. От противников – к оппонентам, от Друзей к ...? Реалии и иллюзии «Нового мышления»	111
Георгий Мирский. Большой Ближний Восток – самый конфликтный регион мира	136
Андрей Суздальцев. Проблемы российско-белорусской экономической интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии	150

Раздел второй.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА

Нодари Симония. Место и роль России в структурных изменениях на мировых нефтяных рынках ...	168
Сергей Картунов. Смысл Великой Победы	178
Евгений Ходаковский. Безопасность Евразии в системе гецивилизации	199
Елена Сапир. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики)	219
Эрнест Кочетов. Этика нового или работа над ошибками сознания	241

Раздел третий.

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА

Рудольф Яновский. Культура мировоззрения	266
Александр Капто. Древнерусское миропонимание	294
Олег Бельков. Русский вопрос в современной России. Poleмические заметки о «Русском Проекте»	301
Галина Силласте. Формирование новой экономической интеллигенции России и Болгарии в условиях рыночной экономики. <i>Статья первая:</i> Экономическая интеллигенция: предмет дискуссий и научного анализа	334

Эрнест Кочетов. Российский интеллектуальный подъём: формы, маршруты, этапы (<i>К вопросу о механизме «работы» парадигмальной связи «геоэкономика → глобалистика → гуманитарная космология»</i>)	369
Марат Чешков. Гуманитарная космология – авангардная идея Эрнеста Кочетова (но надо ли разрушать старый мир науки, чтобы построить новый, или можно ли создать новую науку с чистого листа?)	407
Вячеслав Кузнецов. О смысле нового гуманизма XXI века	423
Раздел четвёртый.	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОУСТРОЙСТВА	
Александр Сухарев. Институциональная политика и трансформация институтов	429
Аркадий Урсул. Безопасность и развитие: концептуально-методологические аспекты	464
Владимир Щипалов, Вадим Кравченко. Приоритеты Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности: проблемы обеспечения военной безопасности	484
Эрнест Кочетов. Гуманитарные категории в глобальном измерении («справедливость» и её интерпретация в геоэкономическом смысле)	495
Валерий Буянов. Международный имидж России: прошлое и настоящее	525
Вячеслав Кузнецов. Институциональная социология как наука о мироустройстве	539
Раздел пятый.	
ГУМАНИТАРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ МИРОУСТРОЙСТВА	
Дмитрий Данкин. Мотивация и модели доверия	564
Эрнест Кочетов. Концептуальные основы и подходы к воплощению идеи «Диалог цивилизаций» (выход на диалогистику как синтез фундаментальных начал и алгоритма ведения диалога)	588
Александр Чаевич. Шанхайская организация сотрудничества как важный фактор обеспечения безопасности в Центральной Азии	603
Альянс Цивилизаций. Доклад Группы высокого уровня. ООН. 13 ноября 2006 г.	616
Анна Кузнецова. О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века	642
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СМЫСЛ РОЛИ РОССИИ В УТВЕРЖДЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА.	
Анна Кузнецова, Вячеслав Кузнецов	657
Список авторов	661
Приложение	
Хронология формирования не-Западного мироустройства XXI века (2000–2007 гг.)	662

* * *

МОСКОВСКО-ШАНХАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОПОРЯДКА XXI ВЕКА / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2006. – 863 с.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований становления формирующейся Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, обоснованной и предложенной В.Н. Кузнецовым (Россия). Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический маневр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2006 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. ПРОБЛЕМЫ

Вячеслав Кузнецов. О Миссии российской социологии в становлении новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века	7
Виктор Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. <i>Доклад ректора МГУ им. М.В. Ломоносова, академика В.А. Садовничева на пленарном заседании IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» 24 мая 2005 г., МГУ, Москва</i>	32
Рудольф Яновский. Основания мировоззрения XXI века	45
Аркадий Урсул. Универсальный эволюционизм: концептуальные модели и принципы	69
Дмитрий Данкин. Опорный элемент архитектуры мира. <i>О роли доверия в модели будущего миропорядка</i>	100

Раздел второй. ДИСКУССИИ

БОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫЙ МИР: НАША ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций. Декабрь 2004 года	114
---	-----

ЕДИНСТВО ЦЕЛИ: СДЕЛАТЬ ОБСЕ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ. Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ. 27 июня 2005 года ...	217
БЕЗОПАСНОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ – ОСНОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА. Материалы и предложения Группы авторов журнала «Безопасность Евразии» для разработки стратегии национальной безопасности России. Июнь 2005 года. Вячеслав Кузнецов, Екатерина Никонорова, Эрнест Кочетов, Геннадий Сергеев. Проект. Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Основные положения: 2005–2020 гг.)	239
РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Доклад Межфракционного депутатского объединения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Россия и Исламский мир: стратегический диалог»	257
Кофи Аннан. Доклад Генерального секретаря о работе Организации. 16 августа 2006 года	281
Раздел третий. КОНЦЕПЦИИ	
Вячеслав Кузнецов. Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект	344
Доклад заместителя Главы Всемирного Русского Народного Собора, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополита Смоленского и Калининградского КИРИЛЛА «Права человека и нравственная ответственность»	501
Эрнест Кочетов. Геоэкономическая парадигма (Основы высоких геоэкономических технологий по гармонизации мира и новое «поле» для междивизиационного глобального договора (диалога)	509
Дмитрий Замятин. Пространство как образ и трансакция: к становлению геоники	535
Рудольф Яновский. Мировоззрение и бесструктурное управление	550
Раздел четвёртый. ПРАКТИКИ	
Олег Бельков. «Философия Великой Отечественной войны»: повествование и осмысление	577
Эрнест Кочетов. Космологические практики: дорога к мирозданию нового Ренессанса	613
Георгий Малинецкий, Андрей Подлазов, Игорь Кузнецов. О национальной системе научного мониторинга кризисных ситуаций: прогноз, анализ, оценки	651
Рудольф Яновский, Андрей Агошков. Патриотизм и интернационализм	680
Раздел пятый. МЕТОДОЛОГИИ	
Сергей КОРТУНОВ. Грядёт ли Пятая Империя?	687
Эрнест Кочетов. Европейский Союз – Россия: конструктивизм больших идей и прагматизм реальных событий в единой гуманитарной сборке	723
Людмила Сергеева. Мировая политика XXI века и вестфальская система миропорядка	729
Валерий Луков, Олег Рожнов. Государственная молодёжная политика и национальная безопасность ...	740
Вячеслав Кузнецов. Культура компромисса: о Смыслах Повестки Дня для Президента Страны – 2008 и Каждого Гражданина в России	748
Раздел шестой. ДОКУМЕНТЫ	
Декларация о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества». 15 июня 2001 г.	778
Шанхайская Организация Сотрудничества. Хартия. 7 июня 2002 г.	780
Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят Генеральной Ассамблеей ООН 20 сентября 2005 г. A/60/L.1	786
Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора ...	813
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 1 июля 2005 г.	814
Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21 марта 2006 г.	817
Декларация пятилетия Шанхайской Организации Сотрудничества. 15 июня 2006 г.	822
НАУЧНЫЙ АППАРАТ КНИГИ	
Список авторов	825
Рубрики журнала «Безопасность Евразии»	826
Концепция журнала «Безопасность Евразии»: За Ваше и Наше благополучие и безопасность.	827
Содержание журнала «Безопасность Евразии» за 2003–2005 гг., 2006 г. № 1–3	829
Contents	855
Summaries	856
Аннотация книги	863

* * *

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2005. 831 с.

В книге представлены итоги исследований формирования евразийской безопасности XXI века. Ежегодник продолжает инновационную направленность предыдущего издания (Гуманитарный стратегический маневр. М.: 2004).

Авторы разделов коллективной научной монографии особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты ежегодника подготовлены на основе публикаций авторов, представленных, преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2005 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. ПРОБЛЕМЫ		
Виктор Садовничий. Знание и мудрость в глобализирующемся мире	7	
Рудольф Яновский. Мировоззрение XXI века как фундаментальная научная проблема	21	
Вячеслав Кузнецов, Вилен Иванов, Владимир Сергеев. Юбилей Великой Победы	31	
Олег Бельков. Национальное и национализм	125	
Аркадий Урсул. Опережающее образование как методология, теория и механизм национальной безопасности России в XXI веке	178	
Михаил Залиханов, Ким Лосев, Александр Шелехов. Современный терроризм в свете экологической безопасности	223	
Раздел второй. ДИСКУССИИ		
БОЛЕЕ БЕЗОПАСНЫЙ МИР: НАША ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.		
Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединённых Наций. Декабрь 2004 года	236	
ЕДИНСТВО ЦЕЛИ: СДЕЛАТЬ ОБСЕ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ.		
Итоговый доклад и рекомендации Группы видных деятелей по вопросам повышения эффективности ОБСЕ. 27 июня 2005 года	339	
БЕЗОПАСНОСТЬ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ – ОСНОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА. Материалы и предложения Группы авторов журнала «Безопасность Евразии» для разработки стратегии национальной безопасности России. Июнь 2005 года		359
РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Доклад Межфракционного депутатского объединения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Россия и Исламский мир: стратегический диалог»		376
Раздел третий. МЕТОДОЛОГИИ		
Георгий Малинецкий, Андрей Подлазов, Игорь Кузнецов. О национальной системе научного мониторинга кризисных ситуаций: прогноз, анализ, оценки	400	
Валерий Боков. Новый класс опасений (конфликтов) в геоэкономическом пространстве и принцип их преодоления	427	
Юрий Громыко. Политическая антропология транснациональной безопасности: можно ли предвидеть и исчислить террористические акты	447	
Сергей Кортунов, Владимир Рубанов. Модернизация России и Европа: методологические проблемы	472	
Александр Сухарев. Основы методологии исследования роли и функций неправительственных, некоммерческих организаций (НПО) в современном мире	483	
Эрнест Кочетов. Национальная безопасность и её военная составляющая в геоэкономическом измерении	490	
Юрий Кутахов. Методология глобальной, региональной (евразийской) и государственной (национальной) геокультурной политики предотвращения	547	
Вячеслав Кузнецов. Динамика становления евразийской безопасности XXI века: социологический геокультурный аспект	586	
Раздел четвёртый. КОНЦЕПЦИИ		
Александр Капто. Роль информационно-регулятивных механизмов в формировании культуры мира	631	
Андрей Возьмитель. Духовная безопасность	643	
Владимир Портяков. Россия и Китай в мировой экономике	663	
Дмитрий Данкин. Безопасность и культура доверия	674	
Светлана Глинкина. Теневая экономика: мифы и реальность	686	
Виктор Лунеев. Преступность и теневая экономика	705	
Эдуард Кемпинский. Причины конфликтности на Северном Кавказе в конце XX века и средства стабилизации общественно-политической ситуации	715	
БЕЗОПАСНАЯ ЕВРОПА В МИРЕ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН СТАТЬ ЛУЧШЕ. Европейская стратегия безопасности. Совет Европейского Союза. Брюссель, 8 декабря 2003 г.	725	
Раздел пятый. ПРАКТИКИ		
Людмила Аносова. VI российско-китайский симпозиум	735	
Алексей Александров, Людмила Братухина. Геоэкономический подход к гармонизации российско-японских отношений по вопросу о принадлежности ряда островов Курильской Гряды	744	
Олег Осадчий. Межнациональные отношения в полиэтнической социальной среде	757	
Анатолий Виноградов. Россия и Кузбасс: стратегия и перспективы политической стабилизации	762	
Елена Сапир. Ярославская интеллектуальная долина как пример моделирования локальной инновационной страты	772	
Игорь Максимычев. Провал «европейской конституции» и его последствия	783	
Зинаида Голенкова, Галина Заболотная. Политическое пространство Тюменского региона: особенности современного развития	788	
Список авторов	810	
Приложение		
• Рубрики журнала «Безопасность Евразии»	812	
• Содержания журнала за 2003–2005 годы	813	

* * *

ГУМАНИТАРНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЁВР / Под ред. В.Н. Кузнецова. – Москва: Книга и бизнес, 2004. – 560 с.

Книга раскрывает теорию, методологию и технологии оформления и динамики гуманитарного стратегического маневра в России в первое десятилетие XXI века.

Авторы разделов коллективной научной монографии особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать прежде всего благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации.

Все статьи подготовлены на основе публикаций авторов, представленных в журнале «Безопасность Евразия» за 2002–2004 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Вячеслав Кузнецов. Безопасность, благополучие человека, семьи, государства	7
Национальная инновационная система – основа экономики знаний России	14
К экономике, основанной на знаниях	25
Леокадия Дробижева. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость	40
Георгий Малинецкий, Игорь Медведев, Николай Митин. Инновации и экономический рост в российском контексте	59
Юлия Зубок. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска	112
Игорь Пилипенко. Повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов	130
Валерий Боков. Современные возможности сетевого экономического взаимодействия	155
Василий Чекмарёв. Объемно-сетевое мышление и реальность	174
Елена Сапир. Масштабно-сетевая модель и ее локальные императивы	187
Борис Аникин, Валерий Боков. Контекст мировой безопасности: геоэкономические риски (логистическая компьютерно-сетевая методология)	217
Вадим Могилевский. Динамика взаимодействия общества и его институтов	233
Владимир Петровский. Россия в АТР: безопасность личности и безопасность на основе сотрудничества как стратегический выбор	267
Юрий Тихомиров. Геополитические императивы безопасности российского государства	282
Анатолий Барковский, Марина Саломатина, Алексей Ковалёв. Евразийский инновационный вектор геоэкономического сотрудничества	296
Юрий Кутахов. Формирование и геокультурная динамика феномена «предотвращение» как научная проблема	322
Ирина Сосунова, Сергей Бабакаев, Ирина Круглова, Татьяна Ряжская, Василий Чепуров. Социальная сфера жизнедеятельности государства и стратегические риски	328
Николай Лапин. Послекризисная Россия: проблемы закрепления социального порядка	360
Вера Гаврилюк. Идеология, патриотизм, гражданственность в современной практике воспитательной деятельности	387
Людмила Василенко. Опережающее образование как способ выживания человечества	400
Екатерина Никонорова, Матвей Тяптиргянов. Ноосферно-коммуникативные основания коэволюционного развития биоразнообразия в контексте биобезопасности	423
Вячеслав Кузнецов. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук	435
Александр Неклесса. Инновационная Россия как политический проект и как стратегия развития ...	496
Эрнест Кочетов. Стратегический маневр (технология национального прорыва в единой доктринальной сборке)	517
Список авторов	553
Contents	555
Summaries	556

ХРОНОЛОГИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НАУЧНОЙ ШКОЛЫ КУЗНЕЦОВА» В 1999–2014 ГОДАХ

1999, август. Подписан в печать пилотный номер (1–1999 г.) журнала «Безопасность Евразии».

Девиз журнала «AD HOMINEM» – «ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА». Журнал представлен как научно-популярное издание: Журнал Личной, Национальной и Коллективной Безопасности; Журнал Высоких Гуманитарных Технологий.

Шеф-редактор журнала – Вячеслав Николаевич Кузнецов.

Председатель Редакционного Совета – Рудольф Григорьевич Яновский.

Главный редактор – Геннадий Михайлович Сергеев.

Издатели и учредители журнала: Игорь Владимирович Евдокимов, Геннадий Михайлович Сергеев.

В составе Редакционного Совета: В.Г. Байкова, Ж.Т. Тощенко, Е.Г. Морозова, В.Ф. Нэх.

В составе Редакционной коллегии: Л.И. Сергеева, О.А. Бельков, Е.В. Никонорова, Д.М. Данкин, В.Ю. Фивейский, М.Г. Фивейская, Н.П. Петров, А.И. Сухарев, А.А. Шарц, Э.Г. Кочетов.

Журнал был определён как ежеквартальный с выходом: в 2000 году – 2 номера, с 2001 года – 4 номера в год.

Пилотный номер был издан в 1999 году в формате 172×259 мм (70×108^{1/16}), объём – 1000 страниц.

Позиция редсовета и редколлегии, шеф-редактора и издателей была представлена в первой статье: «**За Ваше и Наше благополучие и безопасность**». Это обращение к читателям, авторам, подписчикам, спонсорам и рекламодателям, к коллегам. Вот фрагмент этой статьи.

«БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРАЗИИ» – научно-популярное издание, в котором основное внимание уделено социологическим, философским, политологическим, ведущим гуманитарным аспектам личной безопасности граждан, национальной безопасности Российской Федерации, коллективной безопасности стран СНГ, стратегии экологической устойчивости, а также проблемам региональной и международной безопасности.

Значение и роль Вашего и Нашего журнала определились и тем, что 24 марта 1999 года в 19 часов по Гринвичу с первым бомбовым ударом по Сербии произошло историческое событие. Рухнул принцип международного права, согласно которому суверенитет имел главенство над правами человека. Одновременно почил в бозе и принцип Устава ООН о неприменном единогласии пяти постоянных членов Совета Безопасности (США, России, Великобритании, Китая, Франции) при решении вопросов о поддержании мира.

Одни считают это нарушением международного права, которое следует восстановить, другие видят в этом естественное приведение норм международного права в соответствие с новыми реальностями мировой политики.

Возникает масса вопросов. Кто теперь вправе определять факт угрозы миру и принимать решение о санкциях против нарушителя? Как определить факт гуманитарной катастрофы, допускающий вмешательство во внутренние дела государства-нарушителя? Ответов пока нет. Их надо искать. Очевидно лишь то, что мир вступает в новую правовую и политическую эпоху.

Кредо журнала: содействие осмыслению и проведение в жизнь Национальной Цели и Социального Идеала – достижения Благополучия каждым Человеком, каждым Россиянином, каждой Семьёй, процветания Отечества.

Задача: способствовать созданию и реализации программы совместных действий, направленной на решение проблем безопасности Человека, Общества, Народа и Государства, способной помочь в обустройстве России и формировании безопасности соседей, Евразии.

Оригинальность журнала определяется тем, что на отечественном информационном рынке отсутствует фундаментальное издание, посвящённое разработке комплексной социокультурной концепции личной, национальной и коллективной безопасности.

Стержневые темы журнала – методические и практические проблемы безопасности Человека, Общества, Народа и Государства в свете духовного развития семьи и личности, становления безопасных для людей, для окружающей среды, отношений природы и рыночной экономики, дискуссионные проблемы безопасности гражданского общества в России, СНГ, соседних государствах и т. д. Формирование комплексной концепции безопасности, дружелюбного народа в большой семье народов Евразии.

Структура пилотного номера журнала отражена в его рубриках.

Человек и Семья

Евразия

Высокие Гуманитарные Технологии

Дискуссии

Россия

Ответственность

Доклады журнала «Безопасность Евразии»

Солидарность
Millennium–2000
Азия
Энергетическая безопасность
Общественная безопасность
За Нашу и Вашу государственную и национальную безопасность
Компромисс
Китай
Терпимость
Образование: учительская – средняя школа
Образование: кафедра – высшая школа
Коммерция и безопасность
Стратегия экологической устойчивости
Доверие
Документы
Научная жизнь
Персоналии
Книжное и журнальное обозрение
Хронология
Ситуационный анализ.

1999, сентябрь. Началась работа постоянно действующего научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI». В его заседаниях участвуют: учёные, практики, авторы, консультанты, редакторы, которых объединяет журнал «Безопасность Евразии».

Заседания семинара стали проводиться три раза в год. Его руководитель В.Н. Кузнецов.

Первое издание материалов семинара получилось «объединённым»: в него вошла конференция-семинар во Всероссийском научно-исследовательском институте внешнеэкономических связей при Минэкономике Российской Федерации с докладами Э.Г. Кочетова и А.И. Неклессы, а также осенние встречи 1999 года, итоги которых представлены сообщениями Л. Сергеевой, Б. Сивиринова, Г. Мальцевой, А. Сухарева, Л. Масловой, В. Нифтиева, Д. Данкина.

1999, декабрь. Опубликован первый выпуск приложения к журналу «Безопасность Евразии» – Научного Альманаха Высоких Гуманитарных Технологий «НАВИГУТ». Его редакция:

Шеф-редактор – Вячеслав Кузнецов

Главный редактор – Геннадий Сергеев

Первый заместитель Главного редактора Рудольф Яновский

Зам. Главного редактора Екатерина Никонорова

Зам. Главного редактора Олег Бельков

Зам. Главного редактора Эрнест Кочетов

Ответственный секретарь Мария Фивейская

В научном альманахе «НАВИГУТ» читателям предлагается опережающая информация: основные сообщения на семинаре «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI», итоги их обсуждения. Они составят смысловое ядро самого журнала «Безопасность Евразии».

Объём альманаха «НАВИГУТ» (№ 1–1999) 230 страниц в формате А-4. Содержание первого номера реально показывает его место в формирующемся научно-издательском проекте «Безопасность Евразии».

Содержание (НАВИГУТ, 1/1999)

СООБЩЕНИЯ

Для Человека и Семьи. О методологическом семинаре «Высокие гуманитарные технологии – XXI» – руководитель семинара

Вячеслав Кузнецов 3

Людмила Сергеева. Общественная безопасность как наше общее дело 9

Борис Сивиринов. Социальная перспектива 15

Галина Мальцева. Технология федерализма 21

Александр Сухарев. Политология энергетической безопасности:
институциональный аспект 25

Вадим Нифтиев. Становление социологии экологической безопасности 35

Лилия Маслова, Дмитрий Данкин. Методология доверия – основа высоких
гуманитарных технологий 49

Эрнест Кочетов. Стратегии развития: геоэкономическая модель 63

Александр Неклесса. Проект «Глобализация»: глобальные стратегии в преддверии
новой эры 100

ОБСУЖДЕНИЕ

Марат Чешков. Глобализация: необходимость наддисциплинарного подхода 146

Владимир Пантин. Неэкономическая модель и динамика современного мира	151
Эльген Григорьев. Стратегические эффекты в геоэкономике России XXI века	153
Вячеслав Соколов. Государство и геоэкономические условия	161
Алексей Богатуров. Геоэкономическая альтернатива геополитике	164
Юлий Липец. Геоэкономический подход и географическое мышление	168
Вадим Цымбурский. К геоэкономике евразийского пространства: ориентиры для России	171
Александр Владимиров. Новые вызовы безопасности России	175
Юрий Шишков. Эволюция мирового экономического пространства	178
Юрий Хромов. Евразийская доминанта геоэкономической стратегии России	183
Владислав Загашвили. Национальная экономика и экономический национализм	186
Александр Вылегжанин. Правовой мониторинг геоэкономического атласа	188
Геннадий Горностаев. Проблемы внешних военно-экономических связей России	191
Илья Могилевкин. Наука и государственная стратегия	193
Владимир Оболенский. Россия в системе мирохозяйственных связей	198
Ростислав Воронцов. Экономика будущего	202
Владимир Максименко. Глобализм как идеология (Тезисы)	204
Николай Косолапов. Время глобализации (Тезисы)	205
Галина Петрова. Геоэкономическая доктрина и право	207

2000, 14 апреля. В Москве прошло заседание постоянно действующего научно-методологического семинара «Высокие гуманитарные технологии – XXI». В его работе приняли участие авторы, консультанты, учёные, специалисты, журналисты, которых объединяет журнал «Безопасность Евразии».

Тема обсуждения: «Культура мира и высокие гуманитарные технологии».

Во вступительном слове руководителя семинара В.Н. Кузнецова, шеф-редактора журнала «Безопасность Евразии», особое внимание было обращено на важность научной разработки темы культуры мира, так как здесь может быть получено актуальное новое знание по проблемам культуры безопасности, культуры рисков. Он обратил внимание на годовой доклад Генерального секретаря ООН Кофи А. Аннана за 1999 год: «Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов». Именно в этом документе, отметил В.Н. Кузнецов, сформулировано оформление перед современной цивилизацией «беспрецедентно сложных гуманитарных проблем». Как технологии ответа на этот вызов, К. Аннан выделил и «культуру реагирования» и «культуру предотвращения» смертоносных конфликтов через «создание "горизонтальной" межведомственной сети стратегического взаимодействия». В рамках таких технологий: «справедливое развитие», «транспарентность в сфере безопасности», «благое управление», «культура реагирования», «культура коммуникации». По существу, отметил В.Н. Кузнецов, из таких новых технологий, новых подходов и складываются высокие гуманитарные технологии. Здесь хорошая ориентация для наших авторов по актуализации тематики публикаций.

Основное сообщение по теме заседания семинара сделал Г.М. Сергеев, директор Института стратегических исследований Международного общественного фонда «Фонд национальной и международной безопасности». Он выделил три направления научной разработки проблем культуры мира. Во-первых, Г.М. Сергеев отметил важность и потребность нового гуманитарного синтеза, который уже просматривается во многих социологических, политологических, экологических и философских работах учёных России. Во-вторых, начинает оформляться система категорий, адекватных сложности и новизне проблем мира и безопасности для XXI века; институционализация, сетевой подход, доверие, транспарентность, гуманитарная безопасность и т. д. В-третьих, всё более острой и важной становится проблема продвижения знаний о культуре мира, о культуре риска, о культуре безопасности туда, где реально трудно живёт и надеется житель каждого села, посёлка и города России. В этом смысл всего издательского проекта «Безопасность России».

В дискуссии выступили: Е.В. Никонорова, заместитель директора Российской Государственной библиотеки; Р.Г. Яновский, Председатель Редакционного Совета журнала «Безопасность Евразии»; Э.Г. Кочетов, профессор, доктор экономических наук; В.Б. Кухаренко, директор Научного центра Российской Таможенной академии; О.А. Бельков, профессор, доктор философских наук.

2000, 14 июля. Подписан в печать первый номер (январь–июнь) журнала «Безопасность Евразии». Объём 68 п. л. 544 с. Формат 60×90/8. Тираж – 300 экз.

Шеф-редактор: Вячеслав Кузнецов.

Главный редактор: Геннадий Сергеев.

Редакционный Совет

Рудольф Яновский – Председатель Совета, член-корреспондент Российской Академии Наук (РАН), директор Центра социологии национальной безопасности России Института социально-политических исследований РАН

Члены Совета

Валентина Байкова – доктор философских наук, профессор

Жан Тощенко – член-корреспондент РАН
Вадим Кухаренко – Начальник Научно- исследовательского центра Таможенной академии, доктор социологических наук
Елена Морозова – доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ
Валерий Нэх – кандидат исторических наук, доцент
Регина Явчуновская – доктор политических наук, профессор РАГС
Ольга Барсукова – доцент Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук
Эдуард Фетисов – доктор социологических наук, профессор
Редакционная Коллегия
Геннадий Сергеев – Главный редактор
Игорь Евдокимов – Генеральный директор
Олег Бельков – 1-й зам. Главного редактора
Людмила Сергеева – 1-й зам. Главного редактора
Эрнест Кочетов – зам. Главного редактора
Екатерина Никонорова – зам. Главного редактора
Дмитрий Данкин – зам. Главного редактора
Василий Фивейский – ответственный секретарь
Лилия Маслова, Сергей Кортун, Николай Петров, Юрий Кутахов, Вадим Нифтиев, Александр Сухарев, Александр Шарц, Анатолий Чернев, Мария Фивейская.

Стало возможным констатировать: Издательский Проект – журнал «Безопасность Евразии» и приложения к нему являются частным, неправительственным, некоммерческим предприятием. При поддержке спонсоров изготовление тиража журнала «Безопасность Евразии» и Энциклопедического словаря-ежегодника «Безопасность Евразии», их благотворительная рассылка осуществляются по регионам России стран СНГ и Балтии.

Журнал готовится, издаётся и рассылается при поддержке:

- Российской Государственной Библиотеки
- Российского общества социологов и демографов
- Центра социологии национальной безопасности России Института социально-политических исследований РАН
- Фонда национальной и международной безопасности
- Института стратегических исследований Фонда национальной и международной безопасности.

Рубрики номера

Человек и семья

Труд

Россия

Высокие Гуманитарные Технологии

MILLENNIUM-2000

Свобода и Ответственность

Гуманитарная безопасность

Доверие

Социология безопасности

Предпринимательство и безопасность

Экологическая безопасность

Страницы истории

Персоналии

Научная жизнь

Книжное и журнальное обозрение

Хронология

2000, 10 августа. Подписана в печать основополагающая научная монография В.Н. Кузнецова «**Безопасность через развитие: Газовая промышленность для Человека, Семьи и Общества. (Социолого-экономический аспект)**».

Определённую известность и признание российского и мирового научного гуманитарного общества обеспечила, прежде всего, социологическая теория «*безопасности через развитие*», сформулированная автором в монографии «**Безопасность через развитие**» (М., 2000). В этой монографии удалось впервые для российской и мировой гуманитарной науки на основе фундаментальной научно-исследовательской работы по анализу состояния и динамики безопасности и развития в газовой промышленности России рассмотреть и доказать важное положение. По его мнению, социология безопасности как ключевая категория новой гуманитарной парадигмы XXI века сущностно может быть рассмотрена через анализ вызовов, угроз, рисков и опасностей для национальной цели, социального идеала, основным ценностям и жизненно важным интересам общества. Становление и динамика со-

циологии безопасности содержательно раскрываются во взаимодействии феномена безопасности и среды безопасности через социальные механизмы адаптации к происходящим внутренним и внешним изменениям. *Новая институционализация сложившейся системы принципов, функций и смыслов безопасности XX века выявила возможность и необходимость учёта феномена Сети, сетевого подхода, сети в качестве внешней среды. Способом, механизмом соединения процессов институционализации и сетиализации становится новый гуманитарный синтез. Катализатором такого синтеза становится новый класс технологий: высокие гуманитарные технологии. Именно они помогают оформиться новому качеству методологии безопасности: институционально-сетевой методологии. Такое новое свойство и обеспечивает движение от безопасности XX века к безопасности XXI века – к социологии безопасности, к культуре безопасности устойчивого развития каждого человека; к Московско-Шанхайской модели мира.*

В монографии были обоснованы две ключевые категории: БЕЗОПАСНОСТЬ – совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития России, жизнеспособности государства и достижения Национальной цели, Социального Идеала – благополучия всех граждан и семей; целесообразного развития и сохранения фундаментальных ценностей и традиций народов Российской Федерации; нормальных отношений Личности и Государства; способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами.

Задача социологии безопасности – теоретически обеспечить анализ и синтез гуманитарных отношений и процессов, динамику институтов. Тем самым оформляется особая и важная функция в информационно-аналитическом обеспечении управления сферой безопасности и её инфраструктурой: методология социологии безопасности определяется как совокупность приёмов, методов социологических исследований в рамках предметного поля социологии безопасности и их теоретическое обоснование.

Само понятие **«социология безопасности»** определено как самостоятельная социологическая теория среднего уровня, ориентированная на теоретические и эмпирические исследования состояния и динамики обеспечения безопасности человека, народов России, общества и государства, современной цивилизации.

Область исследований социологии безопасности включает изучение отношений между людьми, между людьми и общественными институтами по поводу проблем жизнеобеспечения. Речь идёт о сохранении жизни, достижении благополучия, сбережении своей ментальности, национальной культуры и языка.

Предметное поле социологии безопасности включает анализ изменений основных институтов и процессов, обеспечивающих безопасность в разных сферах общественной жизнедеятельности.

2001–2002 гг. Опубликованы итоги исследований Вячеслава Николаевича Кузнецова по созданию социологической концепции «культуры безопасности» как современной социологии безопасности на основе институционально-сетевой методологии (авторская разработка) и высоких гуманитарных технологий (авторская концепция Л.И. Сергеевой): См.: Кузнецов В.Н. **Культура безопасности: Социологическое исследование.** М.: Наука, 2001; Кузнецов В.Н. **Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе.** М.: Республика, 2002.

2001, декабрь. Опубликованы итоги фундаментального и оригинального исследования Рудольфа Григорьевича Яновского **«Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов».** М.: Книга и бизнес, 2001.

В монографии представлен актуальный и фундаментальный анализ динамики, причин, мотивов гуманитарных перемен как в России, так и в современной цивилизации в целом на рубеже XX и XXI веков. Автор главное внимание уделил роли интеллектуальных факторов в обеспечении позитивных изменений жизни конкретных людей и семей, народов Российской Федерации, осмыслению реальности шанса на их достойную, благополучную и безопасную жизнь в XXI веке. Р.Г. Яновский осуществил анализ динамики социокультурных изменений современного российского общества. Особое внимание уделено становлению новых факторов возрождения России: развёртыванию человеческого потенциала, уникальным процессам управления знаниями, определению главных общенациональных целей, идеалов и ценностей, фундаментальных интересов. Обоснованы уникальные феномены для страны в XXI веке – высокие гуманитарные технологии, институционально-сетевая методология, культура безопасности и культура глобализации, диалог между людьми, культурами и цивилизациями.

2001, декабрь. Вышла из печати книга Эрнеста Георгиевича Кочетова **«Глобалистика как геозкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас».** М.: ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001.

В научной монографии даны теоретические основы становления глобального мира XXI века и методологические подходы к его осознанию и постижению. Показана ведущая роль экономики и финансов в процессе глобализации и в построении модели глобального универсума – геозкономиче-

ского атласа. Автор раскрывает его как доминанту методологии синтеза знаний и объёмного поля для стратегического оперирования. Обоснована динамика перехода от экономического человека XX века (*homo economicus*) к человеку XXI века – геоэкономическому (*homo geoeconomicus*). Раскрываются новые горизонты безопасного развития России в условиях цивилизационных подвижек.

2002, октябрь–декабрь. Опубликованы две уникальные книги Александра Семёновича Капто, которые представили итоги его многолетних исследований гуманитарных оснований культуры мира, нового контекста миропорядка XXI века.

Капто А.С. **От культуры войны к Культуре Мира.** М.: Республика, 2002.

Книга посвящена итогам оригинального фундаментального научного многолетнего исследования динамики проблем мира и войны. Основное внимание уделено становлению гуманитарных основ культуры мира как новой важной синтетической концепции. Это позволяет понять формирование культуры мира в контексте миропорядка XXI века. В таком аспекте практически впервые в научной литературе раскрывается динамика сложной реальности феномена «культуры войны», «культуры насилия» в сложной взаимосвязи с изменениями миротворческого потенциала человечества.

Капто А.С. **Энциклопедия Мира.** М.: Книга и бизнес, 2002.

«Энциклопедия Мира» – фундаментальный научный труд, в котором получил всестороннее освещение мир как состояние общества, свободного от войн, насилия и вражды; как принцип и норма организации человеческого общежития, обеспечивающий плодотворное сотрудничество разных стран и народов; как согласие, лад во взаимодействии индивидов, социальных групп и создаваемых ими институтов.

2002, 12 ноября. Всероссийская научно-теоретическая конференция «Культура безопасности».

Конференция готовилась и была проведена журналом «Безопасность Евразии». В числе её участников были (в основном) авторы научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии» – учёные исследовательских и учебных организаций Москвы; сотрудники производственных и финансовых структур России; налоговых, пограничных и таможенных служб страны.

Участников конференции приветствовал Шеф-редактор журнала «Безопасность Евразии» **В.Н. Кузнецов**. Тезисы его доклада «Культура безопасности в трансформирующемся обществе» были представлены всем при регистрации.

Следующий доклад «*Российский сельский социум: проблемы безопасности*» сделала **Г.Г. Силласте**, профессор социологии, доктор философских наук, зав. каф. социологии Финансовой академии при Правительстве РФ. Большой интерес вызвали итоги исследования идеалов и ценностей сельских жителей на основе многолетнего фундаментального изучения сельских учителей, учеников и их родителей.

В докладе **В.Н. Иванова** члена-корреспондента РАН, первого зам. директора ИСПИ РАН, по теме «*Федерализм и безопасность России*» основное внимание было уделено роли государственной безопасности в сохранении и укреплении российской государственности.

Доктор социологических наук, зав. каф. управления и психологии Российской Таможенной академии **В.Б. Кухаренко** по теме «Институциональный аспект культуры безопасности» представил анализ динамики безопасности конкретного института – таможни.

Значительный интерес участников конференции вызвало выступление **Э.Г. Кочетова**, доктора экономических наук, директора Центра стратегических исследований ВНИИВС Минэкономразвития РФ по теме «Геоэкономика: новый вектор безопасного развития в условиях всемирных перемен».

В докладе **В.И. Добренькова**, доктора философских наук, профессора, декана социологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова по теме «*Личная безопасность Человека и Социология*» была обоснована приоритетность исследования личной безопасности человека, безопасности личности.

Содержательную дискуссию вызвали основные положения доклада **Г.Г. Малинецкого**, доктора физико-математических наук, профессора, зам. Директора Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН с темой «*Безопасность России и управление рисками*».

С глубоким интересом был воспринят доклад **В.В. Серебрянникова**, доктора философских наук, главного научного сотрудника ИСПИ РАН по теме «*Философия принятия решений в условиях кризиса*».

Участникам конференции были представлены семь сообщений:

Р.Г. ЯНОВСКИЙ, член-корреспондент РАН, Председатель Редакционного Совета журнала «Безопасность Евразии»

Патриотическое сознание граждан России

Ю.Г. ЛИПЕЦ, доктор географических наук, зав. Лабораторией географии мирового развития Института географии РАН

Современная геоинформационная среда для целей безопасности

В.А. ШВЕДОВСКИЙ, кандидат физико-математических наук, доцент ф-та вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова

Социальные коды России: как социальный генетический ресурс определяющий её вектор стратегического развития

И.В. ЕВДОКИМОВ, советник Уполномоченного по правам человека РФ

Права человека – ключевая проблема культуры безопасности

И.А. СОСУНОВА, доктор социологических наук, зав. отделом ИСПИ РАН

Проблемы государственного управления с использованием показателей стратегических рисков

Н.А. СИЛИНА, аспирантка кафедры социологии Финансовой академии при Правительстве РФ

Проблемы обеспечения безопасности населения пенсионного статуса

В.И. МАКСИМЕНКО, Аналитический обозреватель Российской радиовещательной компании «ГОЛОС РОССИИ», кандидат исторических наук

Культура безопасности в свете событий 23–26 октября в Москве

Докладчикам и авторам сообщений было задано много вопросов. Это обусловило создание атмосферы творческой дискуссии.

Подвел итоги конференции **В.Н. Кузнецов**, Шеф-редактор журнала «Безопасность Евразии».

Участники конференции обсудили и приняли рекомендации как научный итог конференции.

2003, февраль. Первое издание энциклопедического словаря-ежегодника «Безопасность Евразии», подготовленного авторами научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии». Это важный этап формирования научной школы В.Н. Кузнецова в разработке новой концепции безопасности, нового миропорядка, нового гуманизма и нового мировоззрения XXI века.

Безопасность Евразии – 2002: Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор Идеи и Концепции, Руководитель Проекта В.Н. Кузнецов. М.: Книга и бизнес, 2003.

Энциклопедия содержит основные понятия для сферы обеспечения безопасности человека, общества и народов Евразии. В первом издании ежегодника главное внимание уделено формированию в России новой безопасности XXI века. Энциклопедический словарь-ежегодник, выпускаемый в рамках научного издательского Проекта «Безопасность Евразии», представляет собой уникальный труд. Это – первое универсальное и фундаментальное справочное издание по проблемам безопасности на русском языке, одна из первых таких работ в практике мирового книгоиздания. Содержание книги определяется концептуально-целостным пониманием безопасности как одной из базовых потребностей индивидов, образуемых ими групп и создаваемых ими институтов, которая присуща всем, всегда, везде и затрагивает все сферы жизни общества, все виды человеческой деятельности в нём. Как таковая безопасность – явление многогранное, многофакторное и многофункциональное.

2003, март. Опубликованы итоги одного из основополагающих исследований В.Н. Кузнецова, обусловивших авторскую последующую разработку новой глобальной Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века.

Кузнецов В.Н. **Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура–Сеть.** М.: Книга и бизнес, 2003.

Монография представляет итоги одного из первых в мировой гуманитарной науке исследований геокультуры как перспективной методологии, как оригинальной теории и новой мировоззренческой парадигмы XXI века. В книге обоснованы логика и механизм движения от геополитики и геоэкономики к геокультурному подходу. Динамика становления геокультурной парадигмы рассмотрена на изучении состояния и перемен уровня обеспечения личной, национальной и коллективной безопасности по итогам научно-исследовательских работ и социологических исследований, осуществлённых при участии и под руководством автора.

2003, 7 августа. Подписана к печати научная монография Сергея Вадимовича Картунова, определившая на многие годы содержательную наполненность моделей миропорядка XXI века через содержание и методологию становления и динамики национальной безопасности России.

Картунов С.В. **Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации.** М.: Наука, 2003.

Автор принимал непосредственное участие в подготовке документов по национальной безопасности России в 1995–2000 гг. Его монография представляет итоги исследований, проведённых в целях выработки политики национальной безопасности России в контексте становления международной безопасности в XXI веке. В центре внимания – методологические вопросы обеспечения безопасности, система базовых категорий, особенности анализа субъекта и объекта безопасности.

2003, 5 ноября. В Отделении общественных наук Российской академии наук на основе Института социально-политических исследований РАН состоялась открытая общеакадемическая научная дискуссия по теме «**Формирование объединяющей российской идеологии XXI как научная проблема**». Поводом для дискуссии послужили многочисленные заинтересованные отклики на публикацию статьи В.Н. Кузнецова «**О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект**» (Безопасность Евразии. 2003. № 3).

2004, 5 января. Подписана в печать книга Вячеслава Николаевича Кузнецова, посвящённая важным феноменам формирующейся Московско-Шанхайской модели миропорядка: обоснованию потребности в инновациях нового класса: стратегическому гуманитарному манёвру России в XXI веке, идеологическому компромиссу, взаимосвязи идеологии и мировоззрения.

Кузнецов В.Н. **Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века.** М.: Книга и бизнес 2004.

Монография раскрывает методологические, теоретические и практические исследования формирования объединяющей российской идеологии 21 века. В книге представлены оригинальные авторские разработки динамики становления идеологии консолидации российского общества с сохранением полноты и чистоты содержания и структуры всех идеологий, которые функционируют в России. Автор раскрывает своеобразие оформления идеологической сферы на основе геокультурного подхода, при котором главное внимание уделяется достижению благосостояния и безопасности человека, семьи, общества и государства.

Представленная книга посвящена исследованию становления социологической теории объединяющей российской идеологии XXI века. Проблема идеологии рассматривается в контексте геокультурной парадигмы, обоснованной в ранее опубликованных работах. Это позволило ввести в методологию концептуализацию, операционализацию и институционализацию анализа феномена «идеология»: сетевого подхода, неопределённости с нелинейными закономерностями, представлений об особенностях слабых взаимодействий, о факторе времени в динамике и устойчивости компромисса и формирующейся идеологии.

2004, 19 апреля. Подписано в печать второе издание энциклопедического словаря-ежегодника «Безопасность Евразии».

Безопасность Евразии – 2003: Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор Идеи и Концепции, Руководитель Проекта В.Н. Кузнецов. М.: Книга и бизнес, 2004.

Во втором выпуске ежегодника изменены логика, структура и содержание материала. Сохранив терминологические статьи, раскрывающие понятия и категории безопасности, авторы значительно расширили рубрики «Кто есть кто?» и «Что есть что?» в современной политике безопасности, выделив их в самостоятельные разделы. Большое место отведено событиям и фактам, характеризующим состояние безопасности в России, Евразии и мире, усилия различных акторов по её обеспечению и укреплению в 2003 г. Словарь подготовлен в рамках научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии»; первый выпуск – «Безопасность Евразии – 2002» – вышел в 2003 г.

В энциклопедическом словаре в форме категорий и фактов подводятся итоги развёртывания Проекта в 2003 году (журналы, альманахи, книги и т. д.). Для удобства пользования читателям предложены тематические указатели.

2004, 5 мая. Подписана в печать одна из самых востребованных в России, во многих странах мира, фундаментальных социологических и философских книг: научная монография Рудольфа Григорьевича Яновского о патриотизме, о национальной идеологии, о возрождении России, о новом гуманизме, о характере новой модели миропорядка.

Яновский Р.Г. **Патриотизм: О смысле создающего служения Человеку, Народам России и Отечеству.** М.: Книга и бизнес, 2004.

Монография раскрывает логику становления патриотизма и его динамику как основополагающей ценности для конкретного человека и конкретных народов в XXI веке. Автор определяет патриотизм как состояние животворной любви к Отечеству через постоянное творчество души человека, его добросовестный труд, направленные на благополучие и безопасность России. В книге анализируются итоги исследований фундаментальных аспектов взаимообусловленности российского патриотизма; сохранения и развития образа жизни, культуры всех народов страны; роли интеллектуальных факторов в обеспечении позитивных изменений качества жизни конкретных людей и семей, народов Российской Федерации; представлен анализ динамики социокультурных изменений современного российского общества. Особое внимание уделено становлению новых факторов возрождения России: развёртыванию человеческого потенциала, уникальным процессам управления знаниями, определению главных общенациональных целей, идеалов и ценностей, основных интересов.

2004, 29 сентября. В Российской Академии наук прошёл первый этап общенациональной дискуссии. Центром дискуссии стал доклад В.Н. Кузнецова, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, член-корреспондента РАН, по теме: «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук: *О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке*».

2004, 29 ноября. Подписан в печать научный ежегодник, посвящённый изучению гуманитарных инноваций, обеспечивающих гуманитарный стратегический манёвр для духовного возрождения России.

Гуманитарный стратегический манёвр / Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2004.

Книга раскрывает теорию, методологию и технологии оформления и динамики гуманитарного стратегического манёвра в России в первое десятилетие XXI века. Авторы разделов

коллективной научной монографии особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации.

Все статьи подготовлены на основе публикаций авторов, представленных в журнале «Безопасность Евразии» за 2002–2004 годы.

2001–2004 гг. Сложились основы оригинальной авторской российской и международной социологической научной школы Вячеслава Кузнецова исследований комплексной социокультурной, геоэкономической и геокультурной концепции личной, национальной и коллективной безопасности. Здесь практически впервые в мировой науке разрабатываются теоретические и практические аспекты становления новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, нового мировоззрения XXI века, глобального стратегического гуманитарного компромисса по поводу безопасности каждого человека, институционально-сетевой методологии, высоких гуманитарных технологий, культуры безопасности и культуры предотвращения как новой безопасности XXI века.

В декабре 2004 года создатель и руководитель научной школы, Вячеслав Николаевич КУЗНЕЦОВ: член-корреспондент Российской Академии Наук, доктор социологических наук, профессор, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, директор Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой «Социология безопасности» Социологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, Шеф-редактор журнала «Безопасность Евразии», член Редакционной Коллегии научного и общественно-политического журнала Российской академии наук «Социологические исследования», Вице-президент Российского Общества Социологов (РОС).

2005, 5 марта. Подписана в печать новая книга Александра Семёновича Капто «Энциклопедия Мира». Она вышла вторым изданием, но значительно уточнённым и дополненным.

Капто А.С. **Энциклопедия Мира: 2-е изд., уточн. и доп.** М.: Книга и бизнес, 2005.

В «Энциклопедии Мира» в отдельную группу можно выделить статьи, посвящённые рассмотрению мира в контексте миропорядка XXI столетия. Обращается внимание на то, что действующие модели миропорядка базируются на узаконенной конфигурации государственных границ, легитимной структуре двусторонних и многосторонних отношений, на принципах взаимодействия и сотрудничества, признаваемых акторами международного сообщества, на наличии зон интересов и сфер влияния, на правилах поддержания мира и приемлемых для всех сторон мер безопасности. На большом историческом материале показано, что «модельное измерение» свойственно концепциям международных отношений, построенным на балансе сил», «равновесии сил», Вестфальской системе, мирному сосуществованию государств с различным общественным строем, Версальско-Вашингтонской системе, сформировавшейся после первой мировой войны на основе соглашения в рамках Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) и Вашингтонской конференции (1921–1922 гг.), Ялтинско-Потсдамской системе, биполярной системе «холодной войны».

На рубеже XX и XXI веков чётко обозначился плюрализм (в том числе и при наличии противоположных подходов) в трактовке миропорядка: многополюсный, однополюсный («монополюсный»), «одно-многополюсный» (когда одновременно сосуществуют «однополюсность», олицетворяемая одной супердержавой и «многополюсность», которой придерживаются другие страны), моноцентричный, «регионализированный мир», в котором можно чётко очертить новые линии противостояния и конфликтов – не только на почве политических и экономических интересов, но и в области культуры, этичности, национальной и конфессиональной принадлежности. В условиях перехода мирового сообщества от мира международного (построенный после мировой войны) к миру глобальному первостепенное значение приобретают такие проблемы: разоружение как материальная гарантия мира и магистральное направление общих усилий всего мирового сообщества на формирование системы глобальной стабильности и безопасности и нестандартный подход к гарантированию международной безопасности в условиях новых угроз, особенно в борьбе с международным терроризмом.

2005, март. По просьбе Совета Безопасности Российской Федерации исследовательская группа под руководством В.Н. Кузнецова приступила к подготовке материалов для разработки концепции национальной безопасности России. По истечении согласованного времени тексты были опубликованы (журнал «Безопасность Евразии», 2005, № 3): **Вячеслав Кузнецов, Екатерина Никонорова, Эрнест Кочетов, Геннадий Сергеев.** Проект. Государственная стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Основные положения: 2005–2020 гг.); Проект. Указ Президента Российской Федерации: О Государственной стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Основных положениях).

2005, 27 апреля. Подписана к печати новая книга Вячеслава Николаевича Кузнецова.

Идеология: Социологический аспект. Учебник / Ин-т соц.-полит. исследований РАН. Социологич. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Книга и бизнес, 2005.

Работа посвящена теоретическим, методологическим и практическим аспектам содействия, участия читателей в формировании и функционировании российской объединяющей патриотической идеологии XXI века. На примере деятельности во многих сферах жизни российского

общества, на основе собственных социологических исследований раскрываются возможности и реальность идеологического компромисса (необходимого и достаточного) для становления консолидирующей патриотической идеологии при сохранении полноценного существования всех других российских идеологий. В книге представлены новые возможности геокультурной парадигмы, гуманитарных инноваций, сетевого подхода и высоких гуманитарных технологий. Тем самым получают обоснование феномены: общей (российской) мечты, общенациональной цели, смысла жизни, социального идеала, общероссийских ценностей, доверия, сострадания и терпимости.

2005, 29 ноября. Подписана к печати совместная работа Геннадия Васильевича Осипова и Вячеслава Николаевича Кузнецова.

Осипов Г.В., Кузнецов В.Н. **Социология и государственность (достижения, проблемы, решения)**. М.: Вече, 2005.

Монографическое исследование практики и проблем комплекса взаимоотношений отечественной социологии с государственной властью. На основе обширного материала, полученного в последние 15 лет, в основном, учёными ИСПИ РАН, авторами выстроена структура современной социологии как научной институции, каждый раздел которой наполнен самыми свежими данными и наиболее актуальными вопросами и проблемами, стоящими перед российским обществом и властью.

Входящий в монографию очерк по истории социологии, тенденциях её трансформаций в XXI веке призван выполнить не только познавательную, но и педагогическую функцию. Выводы монографии содержат чёткие рекомендации как наиболее эффективно и безболезненно для общества трансформировать социальную реальность России в целях её гармонизации, как поспособствовать столь необходимой консолидации всех слоёв и групп российского общества, в первую очередь – её властных элит, пребывающих в антагонистическом противостоянии.

Авторы обосновывают необходимость возврата к практике разработки и реализации целевых государственных программ по наиболее важным приоритетным направлениям развития страны. Основным стержнем монографии является обоснование необходимости перехода от мифотворческой к социально-ориентированной и научной системе управления развитием страны.

2005, декабрь. Опубликован второй ежегодник Научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии»: **Становление евразийской безопасности** / Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2005.

В книге представлены итоги исследований формирования евразийской безопасности XXI века. Ежегодник продолжает инновационную направленность предыдущего издания (Гуманитарный стратегический манёвр. М., 2004).

2006, январь. На английском языке опубликована книга Вячеслава Николаевича Кузнецова «Основания геокультуры».

Vyacheslav Kuznetsov. **Foundations of Geoculture: Sociology of Geocultural Dynamics of Security in World 21: Culture-Network** = Кузнецов В.Н. Основания геокультуры: Социология геокультурной динамики безопасности в Мире 21: Культура–Сеть / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Книга и бизнес, 2006. На англ. яз.

Монография представляет итоги практически первых в мировой гуманитарной науке социологических исследований феномена геокультуры как новой мировоззренческой парадигмы XXI века. В книге обоснованы этапы и смыслы движения от геополитики и геоэкономики к геокультурному подходу. Динамика становления геокультурной парадигмы рассмотрена на примере изучения состояния и перемен уровня обеспечения личной, национальной и коллективной безопасности человека, общества и цивилизации.

2006, февраль. Читателям представлен третий выпуск энциклопедического словаря ежегодника «Безопасность Евразии».

Безопасность Евразии – 2004: Энциклопедический словарь-ежегодник / Автор Идеи и Концепции, Руководитель Проекта В.Н. Кузнецов. М.: Книга и бизнес, 2006.

В третьем выпуске Словаря-ежегодника, подготовленного в рамках научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии», сохранены логика, структура и содержание материала, апробированные в издании 2003 г. Большое место отведено событиям и фактам, характеризующим состояние безопасности в России, Евразии и мире, усилия различных акторов по её обеспечению и укреплению в 2004 г. Значительно расширены разделы «Досье» и «Персоналии», дающие ответы на вопросы «Кто есть кто?» и «Что есть что?» в современной политике безопасности. Увеличено число статей раздела «Тезаурус», раскрывающих понятия и категории безопасности. Для удобства пользования читателям предложены тематические указатели. Большой справочный материал содержится в Приложениях.

2006, март. В ходе очередного заседания научно-методологического семинара «Высокие Гуманитарные Технологии – XXI» представлен и обсуждён доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова «Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: геокультурный, социологический аспект».

Методологическая особенность доклада обусловлена предложенной автором логикой развёртывания источника мировой динамики XXI века – её главного глобального противоречия. В.Н. Кузнецов обосновал ведущую сторону противоречия как культуру жизни, культуру безопасности (это Россия, Китай, Индия, Бразилия, Казахстан – вся Азия). Другая сторона противоречия: культура смерти, культура войны (это США, Англия – практически вся Европа, Европейский Союз, НАТО). Концептуальная уникальность доклада в выявлении и рассмотрении нового глобального процесса – развёртывания в XXI веке глобальной структурной гуманитарной революции, обусловленной слабыми взаимодействиями, слабыми связями, слабыми рисками, определяющими смысл жизни человека, его мечту, доверие, солидарность, патриотизм.

2006, 6 мая. Подписан к печати журнал «Безопасность Евразии», 2006, № 1. Здесь опубликована статья Вячеслава Николаевича Кузнецова **«Российский геокультурный созидательный проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: социологический аспект».**

2006, май. По просьбе Совета Безопасности Российской Федерации приступил к работе научный коллектив под руководством В.Н. Кузнецова, организованный для подготовки материалов о стратегическом планировании обеспечения национальной безопасности России. По истечении согласованного времени текст был опубликован (журнал «Безопасность Евразии», 2006, № 3): **Вячеслав Кузнецов, Олег Бельков, Эрнест Кочетов, Геннадий Сергеев.** Основы стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

2006, 1 июня. Подписана к печати книга «Безопасность России в XXI веке: Социально-гуманитарное исследование», выполненное Кафедрой социологии безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова, Институтом социально-политических исследований РАН. Коллективная научная монография открывается статьёй В.Н. Кузнецова «Новая Московско-Шанхайская модель мира XXI века в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной)».

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В XXI ВЕКЕ. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

Межведомственный научно-исследовательский междисциплинарный проект Научный руководитель проекта – член-корреспондент РАН В.Н. КУЗНЕЦОВ.

Редактор-координатор кандидат военных наук, Заслуженный научный работник МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Н. ЕФИМОВ.

Данная коллективная научная монография является междисциплинарным проектом Московского государственного университета и Отделения общественных наук РАН, посвящённым фундаментальным вопросам феномена безопасности. Авторы статей особое внимание уделяют дискуссионным вопросам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно действовать, прежде всего, благополучию и безопасности каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации, всего мира.

2006, 1 июня. Уточнено название научной школы Кузнецова: теперь её можно называть так – «научная школа Проекта В.Н. Кузнецова "Безопасность Евразии" и кафедры социологии безопасности Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова».

2006, 14 июля. Подписан к печати журнал «Безопасность Евразии», 2006, № 2. Здесь опубликована статья Вячеслава Николаевича Кузнецова **«Новая Московско-Шанхайская модель мира XXI века в контексте единой гуманитарной парадигмы (геополитической, геоэкономической, геокультурной). Социологический аспект».** В статье впервые достаточно полно обоснованы концептуальные, методологические, операциональные, технологические особенности авторской инновационной разработки – новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века. При рассмотрении классификационных характеристик предложенной модели миропорядка (как замены Вестфальской системы миропорядка и её содержательного продолжения), В.Н. Кузнецов особо обозначил дискуссионный аспект своих научных разработок.

2006, август. Опубликован доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова **«Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект»** (НАВИГУТ, Научный альманах Высоких Гуманитарных Технологий, 2006, № 3) для обсуждения в ходе ежегодной сессии Научно-издательского проекта «Безопасность Евразии». Основная тема научной дискуссии «Общественные науки и современное мировоззрение» (Москва, 2006, декабрь).

2006, 3 октября. В актовом зале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова состоялось первое пленарное заседание Московского Конгресса Социологов (1200 участников: профессиональная научная аудитория с участием российских и зарубежных социологов, философов, политологов, экономистов, историков, юристов). Один из главных теоретических, научных докладов для последующего обсуждения (4 октября) на заседаниях многочисленных секций, «круглых столов» представил Вячеслав Николаевич Кузнецов **«О миссии российской социологии в становлении новой Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века».** Ещё до выступления В.Н. Кузнецова (при регистрации) все участники пленарного заседания Конгресса получили раздаточные материалы к докладу В.Н. Кузнецова с обоснованием и формулированием логики и динамики исследований автора, содержания основных категорий структуры новой Московско-Шанхайской модели миропорядка.

2006, 29 ноября. Подписан к печати третий ежегодник «Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века», подготовленный авторами журнала «Безопасность Евразии» и Кафедрой социологии безопасности Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

МОСКОВСКО-ШАНХАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОПОРЯДКА XXI ВЕКА / Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2006.

В коллективной научной монографии представлены итоги исследований становления формирующейся Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века, обоснованной и предложенной В.Н. Кузнецовым (Россия). Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: Гуманитарный стратегический манёвр (2004), Становление евразийской безопасности (2005). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума.

Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной безопасности XXI века. Это сетевые, нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделяют дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

2006, декабрь. Состоялась ежегодная сессия участников научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии» по теме: «**Общественные науки и современное мировоззрение**». Были обсуждены два доклада: Рудольф Григорьевич Яновский – «**Основа мировоззрения XXI века**»; Вячеслав Николаевич Кузнецов – «**Московско-Шанхайская модель миропорядка и создание мировоззрения XXI века: социологический аспект**».

2007, 10 февраля. Выступление Президента России Владимира Владимировича Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, в котором обоснована необходимость разработки концепции нового миропорядка XXI века, нового гуманизма, нового мировоззрения, новой европейской и глобальной безопасности XXI века.

2007, 16 февраля. Состоялся научный доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова «**О смысле нового гуманизма XXI века**» в ходе заседаний «круглого стола» по теме: «**Роль социально-гуманитарного образования в формировании мировоззрения человека XXI века**». (Этап Всероссийского совещания-конференции заведующих кафедрами общественных наук и учителей-гуманитариев школ – победителей Национального Проекта «ОБРАЗОВАНИЕ»). Автор в своём докладе обозначил пять направлений своего сообщения:

- 1) новый гуманизм как ключевая проблема общественных наук;
- 2) смысл гуманизма и содержание гуманитарности в глобальных, региональных и локальных практиках и концепциях;
- 3) обусловленность гуманизма архитектурой нового миропорядка и нового мировоззрения;
- 4) гуманизм и гуманитарный аспект новой научной парадигмы;
- 5) культура компромисса как механизм нового гуманизма XXI века.

2007, апрель. На ежегодных Ломоносовских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся научный доклад Вячеслава Николаевича Кузнецова «**К единению народов России через культуру компромисса: Послание Самим Себе как Повестка Дня для России 2007–2017 годов**».

2007, 26 апреля. Послание Президента России Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию Российской Федерации, в котором «достроена» Стратегия развития России на многие годы XXI века.

2007. Накануне Саммита «большой восьмёрки» Президент России Владимир Путин встретился с журналистами из стран – членов «Группы восьми». Ключевым методологическим тезисом В. Путина стало его суждение: «...я глубоко убежден в том, что если бы нам удалось воссоздать на международной арене практику не просто честного обсуждения, а умение поиска компромисса, то это пошло бы на пользу всем».

2007, 25 августа. Подписана в печать научная монография: Кузнецов В.Н. **Социология компромисса**. М.: 2007.

В книге представлены итоги исследований формирования важного направления в российской и мировой социологии, актуального для всех общественных наук – социологии компромисса. Новое знание ориентировано на обоснование конструктивных, созидательных взаимодействий между людьми, народами, странами, культурами, религиями и разными образами жизни.

Особую важность автор придаёт необходимости и возможности своевременно повлиять «социологически» через предотвращение на стремительно возрастающую опасность глобальной

ядерной войны XXI века, об угрозе которой именно социология может и должна предупредить человечество, и предложить методологии, концепции, технологии и механизмы для опережающего компромисса.

Оригинальность теоретических, методологических и эвристических смыслов рассмотрения феноменов «компромисс», «культура компромисса», «стратегическая партнёрская культура компромисса», «опережающий компромисс» обусловлена материалами авторских разработок: геокультурной парадигмы; новой Московско-Шанхайской модели миропорядка; нового гуманизма XXI века; новой архитектуры российской, евразийской и глобальной безопасности.

В книге впервые исследована и обоснована авторская концепция не-Западного мироустройства XXI века как Проект России – Проект Путина: в структуре Проекта две составляющие – политическая и экономическая.

2007, 28 сентября. Р.Г. Яновский подписал в набор рукопись своей научной монографии «Мировоззрение».

2007, 12 октября. Опубликован научный доклад В.Н. Кузнецова «Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. (М., 2007).

2007, 16 ноября. Подписан в печать Научный альманах высоких гуманитарных технологий «НАВИГУТ» № 3/2007. В журнале публикуется статья Анны Вячеславовны Кузнецовой «О методологии синтезирующего взаимодействия гуманитарности в формировании не-Западной модели мироустройства XXI века», в которой автор обосновывает расширение модели мироустройства, разработанной В.Н. Кузнецовым: она предлагает дополнить политическое и экономическое измерение модели мироустройства двумя новыми доминантами – институциональной и гуманитарной.

2007, 18 декабря. Состоялась Первая Международная научная конференция «Становление Московско-Шанхайской модели мирового порядка XXI века».

2007, 19 декабря. Опубликована коллективная монография «Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок».

2008, март. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом России избран Дмитрий Анатольевич Медведев.

2008, 4 апреля. Выступление Президента России Владимира Путина в Бухаресте на заседании Совета Россия – НАТО по разъяснению позиции России о ключевых проблемах евразийской и международной безопасности.

2008, 8 апреля. Подписана в печать первая книга трилогии В.Н. Кузнецова: **ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. Т. I. РОССИЯ И ЕВРАЗИЯ: Социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века.** М.: Книга и бизнес, 2008.

2008, 17 апреля. На ежегодных Ломоносовских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова представлен доклад В.Н. Кузнецова «Основные социологические тенденции формирования мироустройства XXI века».

2008, 8 августа. В ночь с 7 на 8 августа армия Грузии в результате ночного нападения на город Цхинвали (Южная Осетия) уничтожила сотни осетин, десятки российских миротворцев, людей других национальностей. Россия направила свои вооружённые силы для защиты людей от истребления, для принуждения Грузии к миру.

2008, 6 сентября. В своём выступлении на заседании Государственного совета Российской Федерации Президент России Дмитрий Медведев обосновал новые задачи по укреплению национальной безопасности России. «Мир после 8 августа этого года стал другим» констатировал Президент Российской Федерации Д.А. Медведев.

2008, 18 сентября. Подписана в печать вторая книга трилогии В.Н. Кузнецова **ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 т. Т. II. СОЦИОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Смысл мечты России – реальное достоинство каждого человека и укрощение несправедливости здесь и сейчас.** М.: Книга и бизнес, 2008.

2009, 17 января. Подписана к печати третья книга трилогии В.Н. Кузнецова: **ГУМАНИТАРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3-х томах. Т. III. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект.** М.: Книга и бизнес, 2009.

2009, 1 июля. Уточнено название научной школы В.Н. Кузнецова: теперь её можно называть так – «научная школа В.Н. Кузнецова и кафедры социологии культуры, воспитания и безопасности Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова».

2009, 4 августа. Подписан к печати научный доклад В.Н. Кузнецова «МИР ПОСЛЕ КРИЗИСА. Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизации». Доклад В.Н. Кузнецова является первой публикацией итогов исследований автора за 2000–2009 годы посвящённых созданию социологической геокультурной теории культуры развития человека, общества и цивилизации в XXI веке. Назначение представленного текста:

изложение содержания новой авторской концепции культуры развития России – содействие дискуссии по поводу всех аспектов данной работы в ходе подготовки и проведения ежегодных Сорокинских чтений 2009 года на Социологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, на других факультетах МГУ, на других дискуссионных площадках. Размышления над причинами глобального кризиса, его ходом; возможными контурами мира после кризиса; реальностью (с высокой степенью вероятности) возникновения глобальной войны как способа преодоления кризиса (как было два раза в XX веке) способствуют созданию эффективной и востребованной концепции развития как теории культуры развития.

*20 ноября 2009 года подписана в печать книга В.Н. Кузнецова **«Геокультурная энциклопедия–2009: Культура развития через культуру безопасности»** (М., 2009)¹. Это первое в мировой общественной науке энциклопедическое социологическое издание о геокультурной парадигме.

В феврале 2010 года была опубликована монография В.Н. Кузнецова **«Теория компромисса»** (М., 2010), которая посвящена теоретическим, методологическим, гуманитарным основаниям феномена «компромисс».

В научной монографии представлены итоги исследований формирования важного направления в российской и мировой социологии, актуального для всех общественных наук – социологической теории компромисса. Новое знание ориентировано на обоснование конструктивных, созидательных гуманитарных взаимодействий между людьми, народами, странами, культурами, религиями и разными образами жизни.

В исследовании представлены новые возможности геокультурной парадигмы, гуманитарных инноваций, сетевого подхода и высоких гуманитарных технологий в контексте смыслов не-Западного мироустройства XXI века и новой Московско-Шанхайской модели миропорядка. Тем самым, в формирующейся авторской теории компромисса получает обоснование феномен нового (не-Западного) гуманизма XXI века: общей (русской) мечты, справедливости и счастья для Всех, общенациональной цели, смысла жизни, социального идеала, общероссийских ценностей, национальной идеологии, доверия, сострадания и терпимости.

Оригинальность теоретических, методологических и эвристических смыслов рассмотрения феноменов «компромисс», «культура компромисса», «стратегическая партнёрская культура компромисса», «опережающий компромисс» обусловлена материалами авторских разработок: геокультурной парадигмы; новой Московско-Шанхайской модели миропорядка; новой теории и методологии культуры развития человека, общества и цивилизации в XXI веке; нового гуманизма XXI века; новой архитектуры российской, евразийской и глобальной безопасности.

*Коллективная монография **«Смысл Великой Победы»**, посвящённая 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (составитель, редактор и автор разделов В.Н. Кузнецов) представлена читателям 22 марта 2010 года.

*В сентябре 2010 года была опубликована монография В.Н. Кузнецова **«Идеология развития России»** (второе издание, исправленное и дополненное). М., 2010.

В научной монографии представлены итоги исследования становления в XXI веке народной (национальной) российской объединяющей, патриотической, государственнической идеологии развития как идеологии модернизации. Автор с позиций кластерно-сетевого подхода осуществляет социологическое исследование методологических, концептуальных, институциональных, процессуальных оснований для синтеза национальной идеологии России как итога общероссийского стратегического опережающего компромисса всех основных идеологических течений при сохранении полноценного функционирования каждой идеологии.

Книга продолжает линию исследования гуманитарных взаимодействий, представленную в работах автора 2003–2010 годов: *Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть* (М., 2003); *Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века* (М., 2004); *Идеология: Социологический аспект* (М., 2005); *Социология идеологии* (М., 2008); *Социология справедливости* (М., 2008); *Социология безопасности* (М., 2009); *Теория компромисса* (М., 2010).

В монографии представлены новые возможности геокультурной парадигмы, гуманитарных инноваций, сетевого подхода и высоких гуманитарных технологий. Тем самым получают обоснование феномены: народной объединяющей идеологии, общей (русской) мечты, общенациональной цели, смысла жизни, социального идеала, общероссийских ценностей, доверия, сострадания и терпимости, культуры развития, культуры модернизации, умной гуманитарной сети.

Значительный интерес в научном сообществе, у читателей вызвала статья В.Н. Кузнецова **«Культура партнёрства как культура жизни: Культура партнёрства – это объединяющий гуманитарный кластер смыслов культуры мира и безопасности; парт-**

¹ Издания, отмеченные знаком *, представлены в Интернете полнолистными версиями со свободным и бесплатным доступом на сайте: Kuznetsovvn.ru

нёров людей, народов и цивилизаций» из журнала «Безопасность Евразии» (2010, № 2), представленная 21.12.2010 г. в Интернете по адресу: Kuznetsovvn.ru.

*25 января 2011 года подписаны в печать брошюра В.Н. Кузнецова «Социокультурные особенности противодействия идеологии коррупции: Учебно-методический комплекс» (М., 2011) для одноимённого авторского учебного курса, а также брошюра «Социология культуры: Учебно-методический комплекс» (М., 2011) для одноимённого учебного курса.

В феврале 2011 года В.Н. Кузнецов представил научному сообществу в России научный доклад (научную монографию) *«Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти». Текст доклада в середине февраля стал доступен для всех пользователей Интернета (на безвозмездной основе).

В научном докладе представлены итоги социологического исследования формирования Повестки Дня 2012, Правил Игры 2012 и Общенациональной Цели России, её Национального Мифа, Мечты России, Социального Идеала, Миссии России в XXI веке, её Главных Ценностей, Национальных Интересов. Основная цель автора – обосновать возможность и необходимость их объединения на платформе «культуры партнёрства», что могло бы способствовать возрождению России; достоинству, благополучию и безопасности каждого человека; законности, справедливости и счастью для всех. В.Н. Кузнецов обосновал в итогах своего социологического исследования (доклад – научная монография) возможность и необходимость Глобального Проекта России – объединение на платформе «культуры глобального партнёрства» смыслов и действий Глобального Саммита по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро 2012 года (РИО+20).

30 марта 2011 года была подписана в печать коллективная монография «Мы – Народ: Народ – главный Субъект развития, модернизации, управления Россией», которая подготовлена под общей редакцией В.Н. Кузнецова.

В коллективной научной монографии авторы представили итоги исследований актуальной и востребованной проблемы становления и функционирования, результативности Главного Субъекта конструктивных перемен в России XXI века: Народов России. Исходное основание анализа, синтеза, дискуссий – ведущая роль народов Российской Федерации при реальном отсутствии национальной элиты.

Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004), *Становление евразийской безопасности* (2005), *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006), *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007), *Смысл Великой Победы* (2010). Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума. Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это кластерно-сетевые нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру развития, культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога; культуру партнёрства.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни, культуре развития каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2000–2011 годы

В структуре коллективной монографии: пять разделов содержащих 34 авторских статьи и оригинальную совокупность материалов по теме книги в приложении; научный справочный аппарат, включающий сведения об авторах, литературу, аннотации и содержания ранее изданных коллективных монографий, аннотацию книги.

*11 июля 2011 года подписана в печать монография В.Н. Кузнецова «ПАРТНЁРСТВО: Культура партнёрства как интегрирующий гуманитарный кластер смыслов культуры мира и безопасности; партнёрств людей, народов и цивилизаций». М., 2011.

В научной монографии представлены итоги социологического исследования становления в XXI веке и функционирования концептов «партнёр», «партнёрство», «партнёрское» с их трансформацией в конструкты «культура партнёрства», «культура глобального партнёрства»; «культура устойчивого партнёрства»; «культура устойчивого глобального партнёрства». Автор с позиций геокультурной парадигмы, кластерно- сетевого подхода и в контексте авторской Московско-Шанхайской модели миропорядка XXI века осуществляет изучение возможности и необходимости в 2011–2012 годах созидającego объединения на платформе «культуры глобального партнёрства» Повестки Дня

2012, Правил Игры 2012, Целей развития тысячелетия XXI (Саммиты 2000, 2010), чтобы сохранить и укрепить мир и безопасность для каждого человека, народа, всех цивилизаций.

Книга продолжает линию социологического исследования формирующегося кластера смыслов гуманитарных взаимодействий и авторской теории культуры развития человека, семьи, общества и цивилизаций, представленную в работах 2011–2003 годов: *Повестка Дня и Правила Игры, которые народы России предложили на 2012 год самим себе: для всех граждан, всех институтов общества, всех структур власти*. Научный доклад (научная монография) (М., 2011); *Теория компромисса*. (М., 2010); *Идеология развития России* (М., 2010); *Мир после кризиса: Основные гуманитарные тенденции становления в XXI веке концепции культуры развития человека, общества и цивилизаций* (М., 2009); *Социология безопасности* (М., 2009); *Социология справедливости* (М., 2008); *Геокультура: Основы геокультурной динамики безопасности в Мире XXI: Культура–Сеть* (М., 2003).

В 2011–2014 годах в структуре научной школы Кузнецова оформилась оригинальная самостоятельная «*российская школа гуманитарной космологии, геоэкономики и геоэкономического подхода к осознанию глобального мира*» (2011) под руководством известного экономиста и политолога, доктора экономических наук Эрнеста Георгиевича Кочетова. По сути, сложилась «*целая школа в российском общественном науковедении: «Научная школа Эрнеста Кочетова»* (2014). Его уникальные и фундаментальные исследования «*Диалог: Диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен*» (М., 2011); «*Космологизация: Новый этап мирового развития в контексте гуманитарной космологии*» (М., 2014) стали важным событием для российского и мирового обществоведения.

Важно и необходимо отметить целостный и в то же время личный научный творческий вклад всех учёных, соиздателей научных основ содействия развитию и безопасности, миру и достоинству Человека, Семьи, Народа России. **Это соиздатели и творцы научной школы Кузнецова: Р. Яновский, А. Капто, Э. Кочетов, Е. Никонорова, Л. Сергеева, О. Бельков, Е. Сапир, И. Евдокимов, Д. Данкин, А. Сухарев, О. Барсукова, С. Кортуров, В. Нэх, А. Урсул, Г. Силласте, Г. Малинецкий, А. Шарц, А. Кузнецова, В. Байкова, В. Кухаренко, Н. Петров, В. Синюков, Р. Явчуновская.**

Именно на основе итогов всех исследований (это наглядно представлено в тематике их статей, опубликованных в журнале «*Безопасность Евразии*»: 2000–2014 (№ 1) г.); на основе собственных исследований в 2012–2013 годах В.Н. Кузнецов представил научному сообществу, широкому кругу читателей (в Интернете: Kuznetsovvn.ru) итоги своих исследований. Речь идёт, прежде всего, о монографиях: «*Основания современного мировоззрения: Социологические особенности мировоззрений 2012 года и последующих лет в контексте РИО+20*» (М., 2012); «*Гуманизм XXI. О смысле жизни Человека в 2013 году: Социологический геокультурный аспект*» (М. 2013).

Важность итогов всех исследований учёных научной школы 2011–2013 годов, многих российских и зарубежных авторов состоит в том, что это позволило «сложить» новую фундаментальную базу для разработки методологии, теории, институтов, эвристики, процессуальности нового мирового порядка 2014 года и последующих лет, новых направлений содействия обеспечению культуры мира и культуры безопасности.

АННОТАЦИЯ КНИГИ

В коллективной монографии авторы (научная школа Кузнецова) представили итоги исследований состояния и динамики национальной безопасности России в XXI веке.

Авторский коллектив книги продолжает инновационную направленность предыдущих изданий: *Гуманитарный стратегический манёвр* (2004); *Становление евразийской безопасности* (2005); *Московско-Шанхайская модель миропорядка XXI века* (2006); *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок* (2007); *Смысл Великой Победы* (2010); *Мы – народ: Народ – главный Субъект развития, модернизации, управления Россией* (2011).

Новое знание представлено итогами фундаментальных исследований социологических, философских, экономических, политологических оснований и смыслов глобального миропорядка, мировоззрения, безопасности, благополучия, справедливости, свободы и счастья каждого Человека, каждой Семьи, каждого Народа, каждого Государства, современного Универсума. Важное теоретическое и практическое значение имеют разработки новых фундаментальных оснований архитектуры международной и региональной, национальной безопасности XXI века. Это кластерно-сетевые нелинейные методологии и технологии достижения баланса глобальной безопасности через культуру развития, культуру компромисса, предотвращения, доверия и диалога; культуру партнёрства.

Авторы разделов коллективной научной монографии представляют практически все основные научные центры и учебные заведения России. Особое внимание уделено дискуссионным аспектам фундаментальной гуманитарной

662

теории, способной конструктивно содействовать, прежде всего, благополучию и безопасности, достойной жизни, культуре развития каждого человека, каждой семьи, каждого народа Российской Федерации; всех народов Евразии, всех народов других регионов мира.

Тексты подготовлены на основе публикаций авторов, представленных преимущественно, в журнале «Безопасность Евразии» за 2000–2014 годы.

Книга адресована учёным, преподавателям, докторантам и аспирантам, студентам гуманитарных и социальных дисциплин. Она может представить интерес для широкого круга читателей во многих странах мира, особенно для государственных служащих, журналистов, работников кредитно-финансовых учреждений, страховых компаний, аналитиков общественных объединений, религиозных конфессий; для специалистов по проблемам безопасности.

В структуре книги: три раздела, двадцать восемь глав, предисловие и послесловие, научный и справочный аппарат. Формат 60×90¹/₈, объём 86,7 печ. л., тираж 500 экз., всего 664 с.

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Коллективная монография

Составление и общая редакция
В.Н. Кузнецов

Утверждено к печати журналом
«Безопасность Евразии»

Подписано в печать 11.03.2014. Формат 60×90^{1/8}
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Печ. л. 86,7

Издательство ЗАО «Книга и Бизнес»
102050, Москва, Благовещенский пер. 12, стр. 2

Отпечатано с электронной версии в ООО «Место печати»
119049, Москва, ул. Мытная, д. 23, корп. 3